VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ

Ѳ. Моммсена.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Провинціи отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана.

ПЕРЕВОДЪ

В. Н. Невѣдомскаго.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 3 р. 50 к.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, на Тверской улицѣ, домъ Мартынова.
1885.

ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ КНИГИ DR. BARANOV

Мнѣ часто высказывали желаніе, чтобъ я продолжалъ Римскую Исторію, а оно сходится съ моими собственными намѣреніями, какъ ни трудно по прошествіи тридцати лѣтъ продолжать нить событій съ того пункта, на которомъ я долженъ былъ ее оставить. Если и не будетъ непосредственной связи съ этимъ пунктомъ, въ томъ нѣтъ большой бѣды; четвертый томъ безъ пятаго былъ-бы такимъ-же отрывочнымъ сочиненіемъ, какимъ представляется теперь пятый томъ безъ четвертаго. Сверхъ того, я полагаю, что для образованной публики, которую эта Исторія имѣетъ цѣлію познакомить съ римскою стариной, было-бы труднѣе замѣнить другими сочиненіями двѣ книги, составляющія пробѣлъ между настоящимъ сочиненіемъ и уже вышедшими въ свѣтъ книгами, чѣмъ замѣнить содержаніе этого пятаго тома. О борьбѣ республиканцевъ съ основанною Цезаремъ монархіей и объ окончательномъ утвержденіи этой монархіи, которыя должны быть описаны въ шестой книгѣ, древность оставила намъ такія точныя свѣдѣнія, что всякій разсказъ о нихъ будетъ въ сущности сводиться къ повторенію того, что уже всѣмъ извѣстно. Особенности монархическаго режима, происходившія въ немъ перемѣны и личное вліяніе нѣкоторыхъ властителей на всю систему государственныхъ учрежденій должны служить содержаніемъ для седьмой книги; но все это уже было не разъ описано. А служащая содержаніемъ для пятаго тома исторія отдѣльныхъ провинцій со временъ Цезаря до временъ Діоклетіана, если не ошибаюсь, еще никогда не была изложена во всей своей цѣльности, а это, какъ мнѣ кажется, и было причиной того, что публика, для которой предназначается этотъ томъ, часто судила о римской имперіи ошибочно и несправедливо. Впрочемъ, хотя я и нахожу нужнымъ, для правильнаго пониманія исторіи римской имперіи, выдѣлить исторію отдѣльныхъ провинцій изъ общей исторіи всего государства въ особенности въ томъ, что относится къ періоду времени отъ царствованія Галліена до царствованія Діоклетіана, я, конечно, не могу вполнѣ провести такое разграниченіе, такъ что предстоящее изложеніе общихъ событій послужитъ дополненіемъ для настоящаго труда.

Берлинъ, февраль 1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Провинціи и ихъ жители со временъ Цезаря до временъ Діоклетіана.

Стр.

Предисловіе IX

ГЛАВА I.

Сѣверныя границы Италіи 1

ГЛАВА II.

Испанія 51

ГЛАВА III.

Галльскія провинціи. 65

ГЛАВА IV.

Римская Германія и вольные Германцы 101

ГЛАВА V.

Британія 149

ГЛАВА VI.

Придунайскія страны и войны на Дунаѣ 172

ГЛАВА VII.

Греческая Европа. 223

ГЛАВА VIII.

Малая Азія. 287

ГЛАВА IX.

Евфратская граница и Парѳяне 330

ГЛАВА X.

Сирія и страна Набатеевъ 435

ГЛАВА XI.

Іудея и ея жители 476

ГЛАВА XII.

Египетъ 542

ГЛАВА XIII.

Африканскія провинціи 609

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Страны и люди отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана.

странствуй по свѣту и разговаривай со всякимъ.

Фирдуси.

Предисловіе.

Исторія временъ римской имперіи представляетъ такія-же трудныя для разрѣшенія задачи, какъ исторія существовавшей до того времени республики.

Все, что можно извлечь непосредственно изъ литературныхъ произведеній того времени, не только безцвѣтно и неудовлетворительно по формѣ, но въ сущности большею частію даже безсодержательно. Списокъ римскихъ монарховъ почти такъ-же достовѣренъ, какъ списокъ республиканскихъ консуловъ и почти такъ-же поучителенъ. Потрясавшіе все государство большіе перевороты распознаваемы въ ихъ главныхъ чертахъ; но о войнахъ, которыя велись въ Германіи при императорахъ Августѣ и Маркѣ, мы знаемъ не много болѣе, чѣмъ о войнахъ, которыя велись съ Самнитами. Запасъ относящихся ко временамъ республики анекдотовъ гораздо болѣе цѣненъ, чѣмъ запасъ анекдотовъ, относящихся ко временамъ имперіи, а разсказы о Фабриціѣ и объ императорѣ Гаіѣ почти одинаково пустословны и одинаково лживы. Внутреннее развитіе общественныхъ учрежденій въ республикѣ было едва-ли не полнѣй описано, чѣмъ развитіе тѣхъ-же учрежденій во времена имперіи; касательно республики описанія этого рода если не всегда ясны и достовѣрны, за то изображаютъ измѣненія государственнаго устройства, окончательно завершавшіяся на рыночной площади Рима; а во времена имперіи развитіе общественныхъ учрежденій происходило въ императорскомъ кабинетѣ и о немъ доходили до свѣдѣнія публики лишь самыя неинтересныя подробности. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что сфера дѣятельности расширилась до громадныхъ размѣровъ, а развитіе жизненныхъ силъ передвинулось изъ центра къ окружности. Исторія города Рима расширилась въ исторію Италіи, а исторія Италіи въ исторію всѣхъ странъ, берега которыхъ омываетъ Средиземное море, а мы имѣемъ всего менѣе свѣдѣній о томъ, что насъ всего болѣе интересуетъ. Римское государство походило въ эту эпоху на могучее дерево, у котораго стволъ начиналъ подсыхать, но вокругъ котораго выходили сильные отростки. Члены римскаго сената и римскіе властители стали вести свое происхожденіе такъ-же часто изъ Италіи, какъ и изъ всякой другой принадлежавшей имперіи

провинціи; Квириты этой эпохи, сдѣлавшіеся номинальными наслѣдниками вождей тѣхъ легіоновъ, которые завоевали весь міръ, имѣютъ къ великимъ воспоминаніямъ прошлыхъ временъ почти такое-же отношеніе, въ какомъ находятся наши кавалеры ордена Святаго Іоанна къ Родосу и Мальтѣ, и смотрятъ на доставшееся имъ наслѣдство, какъ на прибыльное право, какъ на благотворительное призрѣніе лѣнивыхъ бѣдняковъ. Кто обратится къ такъ-называемымъ источникамъ этой эпохи и даже къ лучшимъ изъ этихъ источниковъ, тотъ будетъ съ трудомъ сдерживать свое негодованіе, видя, что тамъ описываютъ то, о чемъ не стоило говорить, и умалчиваютъ о томъ, что́ было необходимо разсказать. Вѣдь и въ эту эпоху не было недостатка въ великихъ замыслахъ и въ широкой предпріимчивости; рѣдко случалось, чтобъ управленіе міромъ такъ долго переходило изъ рукъ въ руки по установленному порядку, а тѣ правительственные принципы, которые были установлены Цезаремъ и Августомъ въ руководство ихъ преемникамъ, удержались въ силѣ съ замѣчательной прочностью, не смотря на всѣ перемѣны династій и властителей, по справедливости занимающія передовое мѣсто въ тѣхъ историческихъ повѣствованіяхъ, которыя интересуются только такими предметами и скоро сводятся къ жизнеописанію императоровъ. Главы, въ которыхъ идетъ рѣчь о перемѣнѣ правленія, рѣзко выдѣляются изъ историческихъ повѣствованій, написанныхъ съ такой ошибочной точки зрѣнія, но онѣ принадлежатъ гораздо болѣе къ исторіи двора, чѣмъ къ исторіи имперіи. Величіе этихъ вѣковъ заключается именно въ томъ, что они были вѣками такого спокойствія и на сушѣ и на морѣ, какое было необходимо для успѣха начатой работы,—для распространенія латинско-греческой цивилизаціи подъ формой развитія городскихъ общинъ и для привлеченія въ эту сферу варварскихъ или вообще инородныхъ элементовъ; а это была такая работа, для которой нужны были вѣка непрерывной дѣятельности и спокойнаго саморазвитія. Старческій возрастъ не въ состояніи проявлять новыхъ идей и творческой дѣятельности и римскому императорскому режиму нельзя приписывать такой заслуги; но въ своей сферѣ, которую всякій, кто къ ней принадлежалъ, не безъ основанія считалъ за весь міръ, этотъ режимъ охранялъ спокойствіе и благоденствіе стольких народовъ и болѣе долго и болѣе всесторонне, чѣмъ это когда-либо удавалось какой-либо другой правительственной власти. Плоды того, что́ было сдѣлано во времена имперіи, мы должны искать и найдемъ въ земледѣльческихъ городахъ Африки, среди винодѣловъ, живущихъ на берегахъ Мозели, въ цвѣтущихъ поселеніяхъ среди ликійскихъ горъ и на сирійской степной окраинѣ. До сихъ поръ еще найдется и на востокѣ и на западѣ немало мѣстностей, для которыхъ времена имперіи были эпохой такого хорошаго управленія, какимъ, при

всѣхъ его несовершенствахъ, они не пользовались ни до того времени ни послѣ, и если бы ангелу Божію было поручено рѣшить, когда владѣнія Севера Антонина пользовались болѣе разумнымъ и болѣе человѣколюбивымъ управленіемъ—въ ту пору или въ настоящее время, и сдѣланъ-ли съ тѣхъ поръ шагъ впередъ или шагъ назадъ на томъ пути, который ведетъ къ цивилизаціи и къ народному благосостоянію, то очень сомнительно, чтобъ приговоръ былъ въ пользу нашего времени. Убѣдившись, что́ это правда, мы бо́льшею частію тщетно обращаемся къ дошедшимъ до насъ книгамъ съ вопросомъ, какъ это случилось. Эти книги даютъ намъ на это отвѣтъ, который такъ-же неудовлетворителенъ, какъ неудовлетворительны дошедшія до насъ изъ временъ республики преданія о томъ, какъ возникло могущество Рима, покорившаго и цивилизовавшаго міръ по стопамъ Александра.

Ни того ни другаго пробѣла нельзя восполнить. Но мнѣ казалось, что жизнеописанія властителей съ своей мѣстами яркой, мѣстами блѣдной и слишкомъ часто фальшивой окраской, равно какъ натянутыя хронологическія сочетанія не подходящихъ одинъ къ другому отрывочныхъ фактовъ должны быть отложены въ сторону, и что сто́итъ труда собрать и привести въ порядокъ всё, что́ доставляютъ преданія и памятники для описанія системы управленія, подъ которой жили римскія провинціи; мнѣ казалось, что сто́итъ труда, при помощи тѣхъ или другихъ случайно добытыхъ свѣдѣній, поискать въ настоящемъ слѣдовъ прошлаго и описать, какъ общія государственныя учрежденія примѣнялись къ отдѣльнымъ частямъ имперіи, сообразно съ условіями почвы и характеромъ населенія каждой изъ нихъ,—и за тѣмъ при помощи фантазіи, безъ которой не могла бы существовать ни поэзія ни исторія, изъ всего этого составить если не цѣльный очеркъ, то подспорье для цѣльнаго очерка. При этомъ я не хотѣлъ заходить далѣе эпохи Діоклетіана, потому что введенная въ ту пору новая система управленія можетъ служить сюжетомъ для общаго очерка, который послужитъ угловымъ камнемъ для настоящаго повѣствованія; полная оцѣнка этой системы требуетъ отдѣльнаго изложенія и иныхъ рамокъ; она требуетъ самостоятельнаго историческаго сочиненія, которое было-бы написано, при болѣе ясномъ пониманіи отдѣльныхъ фактовъ, съ здравомысліемъ и дальнозоркостью Гиббона. Италія и ея острова не вошли въ составъ настоящаго изложенія, такъ какъ ихъ описаніе не можетъ быть отдѣлено отъ описанія общей системы государственнаго управленія. Изложеніе такъ-называемой внѣшней исторіи временъ имперіи я считаю за нераздѣльную часть исторіи провинціальнаго управленія; во времена имперіи не велось такихъ внѣшнихъ войнъ, которыя можно-бы было назвать государственными войнами, хотя борьба, которая велась изъ-за округленія или защиты границъ,

иногда принимала такой видъ, что казалась войною между двумя однородными державами, а упадокъ римскаго владычества, который обнаружился въ половинѣ третьяго столѣтія и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій грозилъ имперіи окончательнымъ разрушеніемъ, былъ послѣдствіемъ неудачной защиты границъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Настоящее изложеніе начинается тѣмъ расширеніемъ и регулированіемъ сѣверной границы, которое частію было доведено до конца при Августѣ, частію окончилось неудачей. Событія, совершавшіяся на каждомъ изъ трехъ главныхъ театровъ пограничной обороны, на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ, собраны въ одно цѣлое. Изложеніе прочихъ подробностей распредѣлено по провинціямъ. Здѣсь читатель не найдетъ ни привлекательныхъ подробностей, ни описанія общаго настроенія умовъ, ни характеристики отдѣльныхъ личностей; художнику, а не историку дозволяется рисовать портретъ Арминія. Эта книга написана съ самоотверженіемъ, и читать ее слѣдуетъ также съ самоотверженіемъ.

ГЛАВА I.

Сѣверная граница Италіи.

Сѣверная граница государства.—Римская республика расширяла свое владычество на западъ, югъ и востокъ, главнымъ образомъ надъ тѣми странами, въ которыя былъ открытъ доступъ съ моря; это расширеніе было незначительно съ той стороны, съ которой Италія и находившіеся въ зависимости отъ нея два полуострова на западѣ и на востокѣ примыкаютъ къ главному европейскому континенту. Римлянамъ не подчинялись внутреннія части Македоніи и они никогда не владѣли сѣвернымъ склономъ Альповъ; только тѣ страны, которыя лежатъ позади южныхъ береговъ Галліи, достались государству благодаря Цезарю. При томъ положеніи, въ которое вообще было поставлено въ ту пору государство, на этомъ нельзя было останавливаться; устраненіе вялаго и непрочнаго аристократическаго режима должно было отозваться прежде всего съ этой стороны. На тѣхъ, кому Цезарь оставилъ въ наслѣдіе свое могущество, онъ возложилъ не столько завоеваніе Британіи, сколько расширеніе римскаго владычества на сѣверномъ склонѣ Альповъ и на правомъ берегу Рейна; но на самомъ дѣлѣ это послѣднее расширеніе границъ было гораздо болѣе выгодно и болѣе необходимо, чѣмъ покореніе заморскихъ Кельтовъ и потому понятно, что Августъ отказался отъ этого послѣдняго предпріятія и взялся за первое. Оно распадалось на три главныхъ отдѣла: военныя дѣйствія на сѣверной границѣ греко-македонскаго полуострова, въ области средняго и нижняго Дуная, въ Иллирикѣ; военныя дѣйствія на сѣверной границѣ Италіи даже въ области верхняго Дуная, въ Ретіи и Норикѣ; наконецъ военныя дѣйствія на правомъ берегу Рейна, въ Германіи. Хотя военно-политическія предпріятія велись въ этихъ странахъ большею частію независимо одно отъ другаго, однако между ними существовала внутренняя связь, а такъ какъ всѣ они возникали по свободному почину римскаго правительства, то и въ тѣхъ случаяхъ, когда они

вполнѣ удавались, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они частію не удавались, ихъ военное и политическое значеніе можетъ сдѣлаться понятнымъ лишь при ихъ совокупномъ обзорѣ. Поэтому они будутъ описаны въ ихъ взаимной связи, обусловленной не столько временемъ, сколько мѣстомъ событій; зданіе, въ которое они входятъ какъ составныя части, можно лучше обозрѣть въ его внутренней цѣльности, чѣмъ по мѣрѣ сооруженія построекъ.

Война въ Далматіи.—Прелюдіей къ исполненію этого обширнаго плана послужили мѣры, принятыя Цезаремъ-сыномъ на сѣверныхъ берегахъ Адріатическаго моря и въ смежныхъ внутреннихъ странахъ, лишь только дѣла въ Италіи и Сициліи развязали ему руки. Въ теченіе полутораста лѣтъ, протекшихъ съ основанія Аквилеи, римскіе торговцы все болѣе и болѣе захватывали въ свои руки торговлю съ этими странами, но само государство достигло въ этомъ направленіи лишь незначительныхъ успѣховъ. Въ главныхъ портахъ далматскаго побережья, равно какъ близь Наупорта (Верхняго Лайбаха), на дорогѣ, которая вела изъ Аквилеи въ долину Савы, возникли значительныя торговыя колоніи; Далматія, Боснія, Истрія и Крайна считались римскими владѣніями и по меньшей мѣрѣ прибрежныя страны на самомъ дѣлѣ подчинялись римскому правительству; но тамъ еще не было приступлено къ основанію настоящихъ городовъ, а дикія внутреннія страны еще не были вполнѣ покорены. Къ этому присоединялось еще одно важное обстоятельство. Въ войнѣ между Цезаремъ и Помпеемъ туземное населеніе Далматіи такъ-же рѣшительно приняло сторону Помпея, какъ рѣшительна была поддержка, оказанная Цезарю поселившимися тамъ Римлянами; а послѣ пораженія Помпея при Фарсалѣ и послѣ того, какъ его флотъ былъ вынужденъ удалиться изъ иллирійскихъ водъ, туземцы все еще сопротивлялись и съ энергіей и съ успѣхомъ. Храбрый и способный Публій Ватиній, уже прежде того съ большимъ успѣхомъ принимавшій участіе въ этихъ войнахъ, былъ отправленъ въ Иллирикъ съ сильной арміей, какъ кажется, за годъ до смерти Цезаря, а эта армія была только авангардомъ тѣхъ главныхъ военныхъ силъ, съ которыми намѣревался выступить вслѣдъ за нею самъ диктаторъ для того, чтобъ отбросить сильно надвигавшихся въ ту пору Даковъ и для того, чтобъ ввести порядокъ во всѣхъ придунайскихъ странахъ. Исполненіе этого плана было прервано мечомъ убійцъ; тогда пришлось быть довольными и тѣмъ, что Даки съ своей стороны не вторгнулись въ Македонію, а самъ Ватиній неудачно велъ борьбу съ Далматами и понесъ большія потери. Такъ какъ республиканцы въ ту пору собирали на востокѣ свои военныя силы, то иллирійская армія присоединилась къ арміи Брута, и Далматы на долгое время избавились отъ нападеній Римлянъ.

Послѣ того, какъ республиканцы были побѣждены, Антоній, которому при раздѣлѣ владѣній досталась Македонія, усмирилъ въ 715 г. непокорныхъ Дардановъ на сѣверо-западѣ и живущихъ близь побережья (къ востоку отъ Дураццо) Пареиновъ, при чемъ знаменитый ораторъ Гай Азиній Полліонъ снискалъ почести тріумфа. Въ находившемся подъ властію Цезаря Иллирикѣ нельзя было ничего предпринимать, пока Цезарь былъ принужденъ употреблять всѣ свои военныя силы на борьбу въ Сициліи съ Секстомъ Помпеемъ; но, послѣ успѣшнаго окончанія этой войны, Цезарь самъ направилъ всѣ свои усилія на исполненіе этой задачи. Въ первую кампанію (719 г.) были снова приведены въ покорность или только впервые покорены мелкія племена между Доклеей (Черногоріей) и страною Япудовъ (близь Фіуме). Эта война не была изъ числа крупныхъ и не ознаменовалась блестящими побѣдами; но борьба среди гористой мѣстности съ храбрыми и доведенными до отчаянія племенами, равно какъ разрушеніе замковъ, частію снабженныхъ римскими военными машинами, были дѣломъ вовсе не легкимъ; ни въ одной изъ своихъ войнъ Цезарь не выказалъ такой энергіи и личной храбрости. Послѣ труднаго покоренія страны Япудовъ, онъ проникъ въ томъ-же году въ долину Кульпы, вверхъ по теченію этой рѣки до ея впаденія въ Саву; находившійся тамъ укрѣпленный городокъ Сискія (Сцисцекъ), который служилъ для Паннонцевъ главнымъ сборнымъ пунктомъ и на который Римляне еще ни разу не нападали съ успѣхомъ, былъ занятъ Цезаремъ и предназначенъ служить опорнымъ пунктомъ для войны съ Даками, которую онъ намѣревался предпринять вслѣдъ за тѣмъ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ (720, 721), Далматы, уже много лѣтъ оказывавшіе Римлянамъ вооруженное сопротивленіе, были принуждены покориться послѣ паденія ихъ укрѣпленной Промоны (Промина, на рѣкѣ Дерніѣ, выше Себенико). Еще важнѣе этихъ военныхъ успѣховъ было то мирное дѣло, которое было совершено вслѣдъ за тѣмъ и для котораго эти успѣхи должны были служить обезпеченіемъ. Находившіеся подъ властью Цезаря порты истрійскаго и далматскаго побережья—Тергестъ (Тріестъ), Пола, Ядеръ (Зара), Салоны (близь Спалато), Нарона (близь устьевъ Наренты), равно какъ находившаяся по ту сторону Альповъ, на дорогѣ, которая вела черезъ Юлійскіе Альпы къ Савѣ, Эмона (Лайбахъ), получили отъ втораго Юлія, безъ сомнѣнія, въ теченіе тѣхъ же годовъ, городскія права, а нѣкоторые изъ нихъ были кромѣ того обнесены стѣнами. Эти мѣстечки уже давно считались римскими владѣніями; но важно было то, что они съ той поры были поставлены на ряду съ италійскими общинами на равныхъ съ ними правахъ.

Приготовленія къ войнѣ съ Даками. — За тѣмъ предполагалось начать войну съ Даками; но ее вторично предупредила междоусоб-

ная война. Она принудила властителя направиться не въ Иллирикъ, а на востокъ, и рѣшительная борьба между Цезаремъ и Антоніемъ отозвалась на далекихъ придунайскихъ странахъ. Дакійская нація, обязанная королю Буребистѣ своимъ объединеніемъ и внутреннимъ устройствомъ, а въ ту пору находившаяся подъ управленіемъ короля Котизона, сдѣлалась предметомъ заискиваній со стороны обоихъ соперниковъ; Цезаря даже обвиняли въ томъ, что онъ изъявилъ желаніе вступить въ бракъ съ дочерью этого короля и ему съ своей стороны предлагалъ руку своей пяти-лѣтней дочери Юліи. Въ виду нападенія, которое было задумано отцемъ и подготовлено сыномъ путемъ укрѣпленія Сисків, становится понятнымъ, почему правитель Дакіи принялъ сторону Антонія; а если-бы онъ исполнилъ то, чего опасались въ Римѣ,—если-бы въ то время, какъ Цезарь боролся на востокѣ, онъ проникъ съ сѣвера въ беззащитную Италію, или если-бы Антоній постарался, согласно съ мнѣніемъ дакійскаго правителя, разрѣшить споръ не въ Эпирѣ, а въ Македоніи и тамъ привлекъ-бы къ себѣ толпы Даковъ,—то исходъ борьбы, быть можетъ, оказался-бы совершенно инымъ. Но не было сдѣлано ни того ни другаго; къ тому-же, сплоченное твердою рукою Буребисты, дакійское государство распалось именно въ ту пору; внутренніе безпорядки, а можетъ быть также нападенія съ сѣвера германскихъ Бастарновъ и впослѣдствіи со всѣхъ сторонъ стѣснившихъ Дакію сарматскихъ племенъ не дозволили Дакамъ принять участіе въ римской междоусобной войнѣ, хотя она и должна была оказать рѣшающее вліяніе на ихъ будущность.

Немедленно вслѣдъ за ея окончаніемъ, Цезарь приступилъ къ устройству дѣлъ на нижнемъ Дунаѣ. Но частію потому, что Даки уже не были такъ страшны, какъ прежде, частію потому, что Цезарь сдѣлался полнымъ хозяиномъ не только въ Иллирикѣ, но и на всемъ греко-македонскомъ полуостровѣ, этотъ послѣдній былъ избранъ базисомъ для военныхъ операцій римской арміи. Разсмотримъ же, въ какомъ положеніи засталъ тамъ Августъ и мѣстное населеніе и тѣ условія, въ которыя была тамъ поставлена правительственная власть.

Македонская граница.—Македонія уже въ теченіе многихъ столѣтій принадлежала къ числу римскихъ провинцій. Въ качествѣ такой провинціи, она простиралась къ сѣверу не далѣе Стоби, а къ востоку не далѣе Родопскихъ горъ; но владычество Рима простиралось гораздо далѣе этихъ границъ, хотя и не имѣло ни прочно установившагося объема ни опредѣленной формы. Въ ту пору Римляне, какъ кажется, владычествовали до Гема (Балкана), между тѣмъ какъ страны, лежащія по ту сторону Балкана вплоть до Дуная, хотя и подверглись однажды вторженію римской арміи, но не находились ни въ какой зависи-

юсти отъ Рима [1]). По ту сторону Родопскихъ горъ, находившіеся въ сосѣдствѣ съ Македоніей ѳракійскіе владѣтели, а именно повелители Одрисовъ, властвовавшіе большею частію на южномъ берегу и частію на берегу Чернаго моря, были поставлены подъ покровительство Римлянъ вслѣдствіе экспедиціи Лукулла, между тѣмъ какъ жители внутреннихъ странъ, а именно жившіе на верхней Марицѣ Бессы, хотя и назывались римскими подданными, но на дѣлѣ ими не были; они непрерывно дѣлали набѣги на умиротворенную страну, а въ отместку за это дѣлались нападенія и на нихъ. Такъ напримѣръ съ ними боролись: около 694 года, родной отецъ Августа Гай Октавій, и въ 711 году Маркъ Брутъ во время своихъ приготовленій къ войнѣ съ тріумвирами. Другое ѳракійское племя—Денѳелеты (въ окрестностяхъ Софіи), вторгнувшись въ Македонію еще во времена Цицерона, выказало намѣреніе осадить ея главный городъ Ѳессалонику. Съ западными сосѣдями Ѳракійцевъ Дарданами, составлявшими отрасль иллирійскаго племени и жившими въ южной Сербіи и въ округѣ Призренда, съ успѣхомъ боролся предмѣстникъ Лукулла Куріонъ и десятью годами позже, въ 692 году, неудачно боролся сотоварищъ Цицерона по консульству Гай Антоній. За владѣніями Дардановъ, у самыхъ береговъ Дуная, сидѣли также ѳракійскія племена,—когда-то могущественные, а теперь пришедшіе въ упадокъ Трибаллы, которые жили въ долинѣ Эска (въ окрестностяхъ Плевны); далѣе, по обѣимъ сторонамъ Дуная до его впаденія въ море жили Даки, которыхъ обыкновенно называли на правомъ берегу Дуная старымъ именемъ, сохранившимся у ихъ азіатскихъ соплеменниковъ—Мизійцами или Мезійцами; во врьмена Буребисты ихъ страна, по всему вѣроятію, входила въ составъ его владѣній, а теперь снова распалась на отдѣльныя княжества. Но самымъ могущественнымъ изъ племенъ, жившихъ между Балканомъ и Дунаемъ, были въ ту пору Бастарны. Намъ уже не разъ случалось упоминать объ этомъ храбромъ и многочисленномъ племени, составлявшемъ восточную отрасль великой германской расы. Они жили за задунайскими Даками по ту сторону горъ, отдѣляющихъ Трансильванію отъ Молдавіи, близъ устьевъ Дуная и далѣе на всемъ обширномъ пространствѣ до самаго Днѣстра, а потому находились внѣ той сферы, которая

[1]) Это положительно высказано Діономъ [51, 23] относительно 725 года: τέως μὲν οὖν ταῦτ' ἐποίουν [т. е. пока Бастарны нападали только на жившихъ подлѣ Эска въ Нижней Мезіи Трибалловъ и на жившихъ въ Верхней Мезіи Дардановъ], οὐδὲν σφίσι πρᾶγμα πρὸς τοὺς Ῥωμαίους ἦν· ἐπεὶ δὲ τόν τε Αἷμον ὑπερέβησαν καὶ τὴν Θρᾴκην τὴν Δενθελητῶν ἔνσπονδον αὐτοῖς οὖσαν κατέδραμον κ. τ. λ. Союзниками въ Мезіи, о которыхъ говоритъ Діонъ [38, 10], были приморскіе города.

была доступна для Римлянъ; но и царь македонскій Филиппъ и царь понтійскій Митридатъ преимущественно изъ нихъ составляли свои арміи, такъ что Римлянамъ уже прежде того нерѣдко приходилось съ ними бороться. Теперь они перешли большими массами черезъ Дунай и поселились на сѣверѣ отъ Гема; въ той мѣрѣ, въ какой война съ Даками, сначала по замыслу Цезаря-отца, а потомъ по замыслу Цезаря-сына, имѣла, безъ всякаго сомнѣнія, цѣлію пріобрѣтеніе праваго берега нижняго Дуная, она была предпринята столько-же противъ Бастарновъ, сколько противъ жившихъ на правомъ берегу рѣки дакійскихъ Мезійцевъ. Греческіе приморскіе города въ варварской странѣ Одесса (подлѣ Варны), Томисъ и Истрополь могли сильно пострадать отъ этого наплыва различныхъ племенъ и потому въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, были природными кліентами Римлянъ.

При Цезаревой диктатурѣ, въ то время, какъ Буребиста находился на вершинѣ своего могущества, Даки совершили вдоль побережья, внизъ до Аполлоніи, то страшное опустошительное нашествіе, слѣды котораго не изгладились и по прошествіи полутораста лѣтъ. Быть можетъ, это нашествіе и было ближайшей причиной того, что Цезарь-отецъ рѣшился предпринять войну противъ Даковъ, а съ той минуты, какъ Цезарь-сынъ сдѣлался властителемъ Македоніи, онъ, безъ сомнѣнія, счелъ своимъ долгомъ немедленно выказать свою энергію на этомъ пунктѣ. Пораженіе, которое было нанесено Бастарнами сотоварищу Цицерона Антонію при Истрополѣ, должно служить доказательствомъ того, что тамошніе Греки снова нуждались въ помощи Римлянъ.

Покореніе Мезіи Крассомъ. —Дѣйствительно, вскорѣ послѣ битвы при Акціумѣ (725 г.), Цезарь послалъ Марка Лицинія Красса,—внука того Красса, который палъ при Каррахъ, намѣстникомъ въ Македонію и поручилъ ему довести до конца два раза прерванную кампанію. Бастарны, именно въ то время вторгнувшіеся во Ѳракію, безъ сопротивленія исполнили требованіе Красса и очистили римскія владѣнія; но ихъ отступленіе не удовлетворило Римлянина. Онъ самъ перешолъ черезъ Гемъ [1]) и разбилъ непріятеля при впаденіи Кибра (Цибрицы) въ Дунай, причемъ непріятельскій король Дельдонъ палъ на полѣ сраженія, а тѣ, кому удалось бѣжать съ поля битвы и укрыться въ сосѣдней крѣпости, были захвачены въ плѣнъ при содѣйствіи одного преданнаго Римлянамъ дакійскаго владѣтеля. Всѣ

[1]) Когда Діонъ говоритъ [51, 23]: τὴν Σεγετικὴν καλουμένην προσεποίησατο καὶ ἐς τὴν Μυσίδα ἐνέβαλε, то онъ могъ разумѣть только городъ Сердику [теперешнюю Софію], лежавшій на верхнемъ Эскѣ и бывшій ключемъ для входа въ страну Мезійцевъ.

мезійскія владѣнія безъ дальнѣйшаго сопротивленія покорились побѣдителю Бастарновъ. Эти послѣдніе снова возстали въ слѣдующемъ году изъ желанія отмстить за понесенное пораженіе; но они были еще разъ побѣждены, а вмѣстѣ съ ними были покорены и тѣ изъ мезійскихъ племенъ, которыя снова взялись за оружіе. Тогда эти непріятели были навсегда прогнаны съ праваго берега Дуная и эта страна вполнѣ подчинилась римскому владычеству. Въ то-же время были усмирены еще не вполнѣ подчинившіеся Ѳракійцы, а у Бессовъ было отнято національное святилище Діониса и завѣдываніе имъ было передано князьямъ Одрисовъ, которые въ особенности съ той поры стали или должны были управлять, подъ охраной римскаго верховенства, ѳракійскими племенами, жившими къ югу отъ Гема. Подъ эту охрану были, сверхъ того, поставлены греческіе города, находившіеся на берегахъ Чернаго моря, а остальная пріобрѣтенная завоеваніемъ территорія была распредѣлена между различными вассальными владѣтелями, на которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ перешла и обязанность охранять границу государства [1]; для этихъ

---

[1] Послѣ экспедиціи Красса, завоеванная страна, по всему вѣроятію, получила такое устройство, что берега отошли къ ѳракійскому государству, какъ это доказалъ Циппель въ своемъ *Римск. Иллирикѣ*, стр. 243, но ея западная часть была, подобно Ѳракіи, отдана въ вассальное владѣніе туземнымъ князьямъ, изъ которыхъ одного, должно быть, замѣнилъ еще состоявшій въ царствованіе Тиберія при должности praefectus civitatium Moesiae et Triballiae [C. J. L. V, 1838]. Общепринятое мнѣніе, что Мезія была первоначально присоединена къ Иллирику, основано только на томъ, что при перечисленіи раздѣленныхъ въ 727 году между императоромъ и сенатомъ провинцій Діонъ [53, 12] не назвалъ ее, а отсюда и заключаютъ, что она входила въ составъ Далматіи. Въ это перечисленіе вообще не входили вассальныя владѣнія и прокураторскія провинціи, чѣмъ нисколько не опровергается вышеупомянутое мнѣніе. Но противъ него говорятъ другіе тяжеловѣсные аргументы. Если-бы Мезія первоначально была составною частію провинціи Иллирика, то она удержала-бы это названіе, такъ какъ при раздѣленіи провинцій на части онѣ обыкновенно сохраняли свое прежнее названіе, къ которому лишь прибавлялись опредѣлительныя слова. Но названіе Иллирика, которое Діонъ приводитъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ, всегда ограничивалось при такихъ соединеніяхъ названіями верхняго [Далматія] и нижняго [Панноніи]. Далѣе, если-бы Мезія была частію Иллирика, то вышеупомянутый префектъ Мезіи и Трибалліи не могъ-бы замѣнить своего царственнаго предмѣстника. Наконецъ мало вѣроятно, чтобъ въ 727 году такое обширное и важное командованіе было поручено одному намѣстнику сенаторскаго званія. Напротивъ того, все очень просто объясняется тѣмъ, что послѣ похода Красса въ Мезію возникли мелкія вассальныя государства; они съ самаго начала находились подъ властію императора, а такъ какъ въ ихъ постепенномъ соединеніи въ одно цѣлое и превращеніи въ намѣстничество сенатъ не принималъ участія, то легко могло случиться, что они не попали въ лѣтописи. Это превращеніе совершилось или въ 743 году или немного ранѣе, такъ какъ намѣ-

отдаленныхъ странъ у Рима не было свободныхъ легіоновъ. Этимъ путемъ Македонія была превращена во внутреннюю провинцію, уже болѣе не нуждавшуюся въ военномъ управленіи. Такимъ образомъ была достигнута та цѣль, которая имѣлась въ виду, когда были задуманы эти походы въ Дакію.

Впрочемъ эта цѣль была лишь предварительная. Но прежде, чѣмъ приступить къ окончательному регулированію сѣверной границы, Августъ занялся переустройствомъ тѣхъ провинцій, которыя уже входили въ составъ государства; болѣе десяти лѣтъ было употреблено на устройство Испаніи, Галліи, Азіи и Сиріи. Когда тамъ было сдѣлано все необходимое, онъ приступилъ къ исполненію своей обширной задачи и мы займемся теперь описаніемъ того, какъ онъ ее исполнилъ.

Пріобрѣтеніе владычества надъ Альпами.—Владычествовавшая надъ тремя частями свѣта, Италія вовсе не была,—какъ уже было замѣчено ранѣе,—полною хозяйкой въ своемъ собственномъ домѣ Защищавшіе ее съ сѣвера Альпы служили, на всемъ протяженіи отъ одного моря до другаго, мѣстомъ жительства для мелкихъ еще нецивилизованныхъ племенъ иллирійской, ретійской и кельтской національности, владѣнія которыхъ частію очень близко соприкасались съ владѣніями большихъ городовъ Транспаданы.—такъ напримѣръ владѣнія Трумпилиновъ (Val Trompia) соприкасались съ территоріей города Брискіи, владѣнія Камунновъ (Val Camonica вверхъ отъ Lago d'Iseo) съ территоріей города Бергома, владѣнія Салассовъ (Val d'Aosta) съ территоріей Эпоредіи (Ивреи), а отношенія между этими сосѣдями были далеко недружественныя. Хотя надъ этими племенами нерѣдко одерживались побѣды и хотя объ ихъ покореніи было не разъ возвѣщено съ высоты Капитолія, они, не смотря на лавры знаменитыхъ тріумфаторовъ, не переставали грабить въ сѣверной Италіи поселянъ и торговцевъ. Для предотвращенія этихъ бѣдствій нельзя было принять никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока правительство не рѣшилось перешагнуть черезъ Альпы и овладѣть ихъ сѣвернымъ склономъ,—такъ какъ эти хищники безпрестанно массами переходили черезъ горы съ цѣлію собрать контрибуцію съ богатыхъ сосѣднихъ странъ. И со стороны Галліи предстояла такая-же задача; племена, жившія въ

-стникъ Л. Калпурній Пизонъ, который велъ въ ту пору войну съ Ѳракійцами и которому Діонъ [54, 34] ошибочно приписываетъ между прочимъ управленіе провинціей Памфиліей, могъ управлять, какъ провинціями, только Панноніей или Мезіей; но Панноніей управлялъ въ ту пору въ качествѣ легата Тиверій, поэтому Пизону оставалась только Мезія. Въ 6 году послѣ Р. Х несомнѣнно существовалъ императорскій намѣстникъ Мезіи.

долинѣ верхней Роны (Wallis и Waadt), хотя и были покорены Цезаремъ, но все еще числились въ спискѣ тѣхъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло полководцамъ его сына. Съ другой стороны, и мирные галльскіе пограничные округи жаловались на безпрестанныя вторженія Ретійцевъ. Многочисленныя экспедиціи, которыя были предприняты по распоряженію Августа съ цѣлію прекратить это зло, и не выдерживаютъ и не требуютъ историческаго описанія; онѣ не были внесены въ списки побѣдъ и не имѣли на это права, но благодаря имъ Италія могла въ первый разъ умиротворить сѣверъ. Можно упомянуть только о покореніи вышеупомянутыхъ Камунновъ въ 738 г. намѣстникомъ Иллирика, а также о нѣкоторыхъ лигурійскихъ племенахъ, жившихъ въ окрестностяхъ Ниццы въ 740 г., такъ какъ отсюда видно, какъ эти непокорныя племена тревожили Италію даже въ половинѣ Августовской эпохи. Если въ своемъ общемъ отчетѣ о государственномъ управленіи императоръ впослѣдствіи объяснилъ, что ни противъ одного изъ этихъ мелкихъ племенъ онъ не прибѣгалъ къ насилію въ нарушеніе справедливости, то эти слова слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что этимъ племенамъ было предложено отвести имъ земли и переселить ихъ, но они стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ; только одна волость, находившаяся подъ управленіемъ короля Коттія, который царствовалъ въ Сегузіонѣ (Сузѣ), подчинилась безъ сопротивленія новымъ порядкамъ.

Покореніе Ретійцевъ.—Театромъ этихъ войнъ были южные склоны и долины Альповъ. Вслѣдъ за ними было приступлено къ упроченію римскаго владычества на сѣверномъ склонѣ горъ и въ 739 году въ странахъ, лежащихъ болѣе къ сѣверу. Два причисленныхъ къ императорскому дому Августовыхъ пасынка, Тиверій, который былъ впослѣдствіи императоромъ, и его братъ Друзъ выступили въ ту пору на предназначенное имъ поприще полководцевъ,—этимъ имъ была дана возможность пожинать вполнѣ обезпеченные и очень благодарные лавры. Друзъ проникъ внутрь ретійскихъ горъ, поднявшись вверхъ по долинѣ Эча, и тамъ одержалъ первую побѣду; для дальнѣйшаго движенія впередъ ему помогъ съ гельветійской территоріи его братъ, бывшій въ ту пору намѣстникомъ Галліи; на Боденскомъ озерѣ римскіе Тревиры сами убили пословъ отъ Винделиковъ; вблизи отъ истоковъ Дуная было дано въ названный по имени императора день 1 августа 739 послѣднее сраженіе, благодаря которому Ретія и страна Винделиковъ, то-есть Тироль, восточная Швейцарія и Баварія впредь входили въ составъ римскаго государства. Императоръ Августъ самъ отправился въ Галлію, чтобъ наблюдать надъ веденіемъ войны и надъ устройствомъ новой провинціи. Тамъ, гдѣ Альпы спускаются къ Генуэзскому заливу, на высотахъ, господству-

ющихъ надъ Монако, Италія воздвигла императору Августу, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, памятникъ, который было далеко видно съ Тирренскаго моря и остатки котораго до сихъ поръ еще не совсѣмъ исчезли; это было сдѣлано въ знакъ признательности за то, что подъ его управленіемъ римскому народу были подчинены всѣ жившія среди Альповъ племена,—а въ надписи на памятникѣ названы имена сорока шести такихъ племенъ. Это была чистая правда, а эта война была тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая война—охраной и обезпеченіемъ мира.

Устройство Ретіи.—Устройство новыхъ владѣній было труднѣе самой войны въ особенности потому, что внутреннія политическія условія оказывались въ этомъ дѣлѣ помѣхой. Такъ какъ положеніе дѣлъ требовало, чтобъ военный центръ тяжести находился не въ Италіи, то правительству пришлось позаботиться о томъ, чтобъ центры главныхъ военныхъ командованій были какъ можно болѣе отдалены отъ непосредственныхъ соприкосновеній съ Италіей; даже при занятіи Ретіи отчасти имѣлось въ виду окончательно перенести центръ главнаго командованія изъ Верхней Италіи, гдѣ до тѣхъ поръ безъ него, вѣроятно, не могли обойтись,—что и было тогда же приведено въ исполненіе. За тѣмъ слѣдовало ожидать, что на сѣверномъ склонѣ Альповъ будетъ созданъ центральный пунктъ для военныхъ сооруженій, которыя было необходимо воздвигать во вновь пріобрѣтенныхъ странахъ,—но сдѣлано было совершенно противное. Между Италіей съ одной стороны и большими прирейнскими и придунайскими военными округами съ другой была проведена нить мелкихъ намѣстничествъ, которыя были не только всѣ замѣщены самимъ императоромъ, но сверхъ того были замѣщены такими людьми, которые не входили въ составъ сената. Италія была отдѣлена отъ южно-галльской провинціи тремя небольшими военными округами—округомъ приморскихъ Альповъ (департ. Приморскихъ Альповъ и провинція Кунео), Коттійскимъ съ главнымъ городомъ Сегузіономъ (Сузой) и, вѣроятно, Грайскимъ (восточная Савойя); второй изъ нихъ, которымъ въ теченіе нѣкотораго времени управляли подъ римскимъ покровительствомъ выше упомянутый мѣстный владѣтель Коттій и его потомки [1]), былъ самый значительный, а начальники

[1]) Коттій не носилъ, подобно своему отцу Донну, официальнаго титула короля; онъ назывался начальникомъ соединенныхъ волостей [praefectus civitatium]; этимъ титуломъ онъ названъ на аркѣ въ Сузѣ, воздвигнутой имъ въ 745—6 году въ честь Августа и сохранившейся до сихъ поръ. Но его власть была, безъ сомнѣнія, пожизненная и,—подъ условіемъ согласія верховнаго владѣтеля,—наслѣдственная; поэтому его владѣнія были въ нѣкоторомъ отношеніи союзомъ волостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ были княжествомъ, и обыкновенно носили это послѣднее названіе.

всѣхъ этихъ округовъ были надѣлены въ опредѣленныхъ размѣрахъ военною властью и на нихъ прежде всего была возложена обязанность охранять общественную безопасность на подвластной имъ территоріи и въ особенности на важныхъ, пересѣкавшихъ эту территорію, большихъ дорогахъ. Напротивъ того, верхняя долина Роны, равно какъ Валлисъ и вновь пріобрѣтенная Ретія были подчинены главнокомандующему, занимавшему болѣе высокое положеніе не по рангу, а по предоставленной ему власти; здѣсь необходимо требовалось присутствіе болѣе значительныхъ военныхъ силъ. Между тѣмъ, чтобъ насколько можно уменьшить размѣръ этихъ силъ, значительную часть населенія Ретіи принудили покинуть страну. Этотъ кругъ замыкала точно также организованная провинція Норикъ, обнимавшая большую часть теперешней нѣмецкой Австріи. Эта отдаленная и плодородная страна подчинилась римскому владычеству безъ серьезнаго сопротивленія и, вѣроятно, была организована въ такой формѣ, что тамъ сначала образовалось зависимое княжество, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ король уступилъ свое мѣсто императорскому прокуратору, отъ котораго онъ и безъ того въ сущности не отличался. Впрочемъ, нѣкоторые изъ рейнскихъ и дунайскихъ легіоновъ были поставлены вблизи отъ границы Ретіи у Виндониссы и вблизи отъ границы Норика у Пэтовіо съ явнымъ намѣреніемъ держать въ страхѣ сосѣднія провинціи; но на этихъ промежуточныхъ территоріяхъ не было ни первоклассныхъ армій съ легіонами, состоявшими подъ начальствомъ генераловъ сенаторскаго ранга, ни намѣстниковъ сенаторскаго званія. Недовѣріе къ коллегіальному учрежденію, управлявшему государствомъ рядомъ съ императоромъ, ясно выразилось въ этой организаціи.

Дороги и колоніи въ Альпахъ. — Кромѣ обезпеченія спокойствія внутри Италіи, главною цѣлью этой организаціи было обезпеченіе сообщеній съ сѣверомъ, которое имѣло столь же важное значеніе для торговли, какъ и въ военномъ отношеніи. Августъ взялся за это дѣло съ особенной энергіей и онъ былъ вполнѣ достоинъ того, что его имя сохранилось до сихъ поръ въ названіяхъ Аосты, Аугсбурга и, быть можетъ, также Юлійскихъ Альповъ. Старая прибрежная дорога, которую Августъ частію исправилъ, частію заново провелъ отъ береговъ Лигуріи черезъ Галлію и Испанію вплоть до Атлантическаго океана, могла быть полезна лишь для торговли. И та дорога, которая вела черезъ Коттійскіе Альпы и была открыта еще при Помпеѣ, была достроена въ царствованіе Августа вышеупомянутымъ владѣтелемъ Сузы, отъ котораго и получила свое названіе; это была также торговая дорога, соединявшая Италію черезъ Туринъ и Сузу съ главнымъ торговымъ городомъ южной Галліи Арелатомъ. Но настоящая военная дорога, составлявшая

прямой способъ сообщенія Италіи съ прирейнскими лагерями, шла изъ Италіи черезъ долину Дора Балтеи частію къ главному городу Галліи Ліону, частію къ Рейну. Республика ограничилась тѣмъ, что утвердила свое владычество надъ входомъ въ эту долину, построивъ тамъ Эпоредію (Иврею); а Августъ утвердилъ свое владычество надъ всей долиной тѣмъ, что не только покорилъ, но почти совершенно истребилъ Салассовъ, которые не переставали тревожить его своими нападеніями и съ которыми ему приходилось бороться еще во время далматской войны; 36,000 Салассовъ, и въ томъ числѣ 8000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, были проданы на городской площади Эпоредіи съ публичнаго торга въ рабство, а на покупателей была возложена обязанность ни одного изъ нихъ не отпускать на волю въ теченіе двадцати лѣтъ. Самый лагерь, изъ котораго его начальникъ Варронъ Мурена окончательно разбилъ ихъ на голову въ 729 году, былъ обращенъ въ укрѣпленный городъ, который былъ населенъ 3000 поселенцами, взятыми изъ императорской гвардіи, и долженъ былъ охранять пути сообщенія; онъ получилъ названіе Augusta Praetoria (теперешняя Аоста), а воздвигнутыя тамъ въ ту пору городскія стѣны и ворота стоятъ до сихъ поръ. Впослѣдствіи эта крѣпость господствовала надъ двумя альпійскими дорогами,—какъ надъ той, которая вела черезъ Грайскіе Альпы или черезъ малый Сенъ-Бернаръ вдоль верхней Иверы и Роны въ Ліонъ, такъ и надъ той, которая шла черезъ Пеннинскіе Альпы и большой Сенъ-Бернаръ въ долину Роны и къ Женевскому озеру, а оттуда въ долины Аара и Рейна. Но городъ былъ основанъ для первой изъ этихъ дорогъ, такъ какъ вначалѣ у него были входныя ворота только въ направленіи къ востоку и къ западу; впрочемъ иначе и быть не могло, такъ какъ эта крѣпость была построена за десять лѣтъ до занятія Ретіи; къ тому-же въ ту пору еще не было того прирейнскаго лагеря, который былъ устроенъ впослѣдствіи и главнымъ образомъ имѣлись въ виду сообщенія между главными городами Италіи и Галліи. Касательно того, что было сдѣлано въ направленіи къ Дунаю, мы уже упоминали объ основаніи Эмоны на верхней Савѣ, на старой торговой дорогѣ, которая шла изъ Аквилеи черезъ Юлійскіе Альпы на территорію Паннопіи: эта дорога была вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ путемъ военныхъ сообщеній Италіи съ придунайскими странами. Наконецъ съ завоеваніемъ Ретіи находилось въ связи проведеніе дороги, которая вела изъ послѣдняго италійскаго города Тридента (Тріента) вверхъ по долинѣ Эча къ только-что основанному въ странѣ Винделиковъ городу Augusta, теперешнему Аугсбургу, и далѣе къ берегамъ верхняго Дуная. Такъ какъ сынъ полководца, впервые проложившаго путь въ эти страны, сдѣлался правителемъ государ-

ства, то этой дорогѣ было дано названіе Клавдіевой [1]). Она поддерживала необходимыя военныя сношенія между Ретіей и Италіей, однако, вслѣдствіе сравнительной незначительности ретійской арміи и также вслѣдствіе трудности сообщеній, никогда не имѣла такой же важности, какъ та, которая шла черезъ Аосту.

Такимъ образомъ римское владычество прочно утвердилось надъ альпійскими проходами и надъ сѣвернымъ склономъ Альповъ. По ту сторону Альповъ тянулись къ востоку отъ Рейна германскія страны, а къ югу отъ Дуная владѣнія Паннонцевъ и Мезійцевъ. И тамъ, вскорѣ послѣ занятія Ретіи, Римляне стали дѣйствовать наступательно почти одновременно въ обоихъ направленіяхъ.

Устройство Иллирика.—Придунайскія страны, по видимому находившіяся до 727 года подъ однимъ управленіемъ съ Верхней Италіей, составили, при переустройствѣ всего государства, самостоятельный округъ Иллирикъ, управлявшійся особымъ намѣстникомъ. Онъ состоялъ изъ Далматіи и лежавшихъ позади ея странъ до береговъ Дрины, между тѣмъ какъ берега, которые тянутся далѣе къ югу, уже давно входили въ составъ македонскаго намѣстничества и римскихъ владѣній въ странѣ Паннонцевъ на Савѣ. Страны между Гемомъ и Дунаемъ вплоть до Чернаго моря, незадолго передъ тѣмъ поставленныя въ зависимость отъ имперіи побѣдами Красса, находились, подобно Норику и Ретіи, подъ покровительствомъ Рима; поэтому онѣ хотя и не входили въ составъ упомянутаго округа, но находились въ ближайшей зависимости отъ намѣстника Иллирика. Еще далеко неумиротворенная Ѳракія, на югѣ отъ Гема, входила въ ту-же сферу военнаго управленія. Въ болѣе позднюю пору, результатомъ этой первоначальной организаціи былъ тотъ фактъ, что всѣ придунайскія владѣнія оотъ Ретіи до Мезіи были соединены, въ качествѣ таможеннаго округа, въ одно цѣлое подъ названіемъ Иллирика

---

[1]) Эта дорога извѣстна намъ только въ томъ видѣ, какой она получила отъ сына того, кто ее строилъ,—отъ императора Клавдія; понятно, что вначалѣ она не могла называться via Claudia Augusta, а называлась просто via Augusta, и едва-ли можно допустить, что она оканчивалась въ Италіи у города Альтина, неподалеку отъ теперешней Венеціи, такъ какъ при Августѣ всѣ большія дороги еще вели въ Римъ. Что эта дорога проходила также черезъ долину верхняго Эча, доказывается найденнымъ близь Мерана мильнымъ камнемъ [C. J. L. V. 8003]; что она вела къ Дунаю, не подлежитъ сомнѣнію, а то, что ея постройка находилась въ связи съ основаніемъ Augusta Vindelicum, хотя этотъ городъ и былъ вначалѣ лишь простымъ мѣстечкомъ [forum], болѣе чѣмъ вѣроятно [C. J. L. III, стр. 711]; намъ неизвѣстно, какимъ путемъ она изъ Мерана вела къ Аугсбургу и къ берегамъ Дуная. Впослѣдствіи эта дорога была исправлена въ томъ отношеніи, что близь Боцена она сворачивала отъ Эча и вела вверхъ по долинѣ Эйзака черезъ Бреннеръ въ Аугсбургъ.

въ болѣе широкомъ значеніи этого слова. Легіоны стояли только въ собственно такъ-называемомъ Иллирикѣ, а въ остальныхъ округахъ, вѣроятно, вовсе не было римскихъ войскъ или, по большей мѣрѣ, стояли небольшіе отряды; главное начальство возлагалось на проконсула новой провинціи, назначеннаго сенатомъ, между тѣмъ какъ солдаты и офицеры, само собою разумѣется, зависѣли отъ императора. Тѣмъ, что послѣ завоеванія Ретіи было рѣшено съ энергіей начать наступательную войну, объясняется тотъ фактъ, что главное командованіе въ придунайскихъ странахъ принялъ на себя соправитель Агриппа, которому натурально долженъ былъ подчиняться проконсулъ Иллирика, а когда эта комбинація рушилась вслѣдствіе внезапной смерти Агриппы весной 742 года, Иллирикъ перешолъ въ слѣдующемъ году подъ императорское управленіе и главное военное начальство перешло тамъ къ императорскимъ военачальникамъ. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ тамъ образовались три военныхъ центра, а это повело вслѣдъ за собою и административное раздѣленіе придунайскихъ владѣній на три части. Мелкія княжества, находившіяся на завоеванной Крассомъ территоріи, уступили свое мѣсто Мезійской провинціи, а ея намѣстникъ, въ теперешней Сербіи и Болгаріи, сдѣлался пограничнымъ стражемъ отъ нападеній Даковъ и Бастарновъ. Въ бывшей провинціи Иллирикѣ часть легіоновъ была поставлена на берегахъ Керки и Четтины для того, чтобъ сдерживать все еще непокорявшихся Далматовъ. Главныя военныя силы стояли въ Панноніи, на тогдашней границѣ государства—Савѣ. Время, когда состоялось это размѣщеніе легіоновъ и организованіе провинцій, не можетъ быть указано съ точностью; серьозныя войны, которыя одновременно велись съ Паннонцами и съ Ѳракійцами и о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить подробно, по всему вѣроятію, привели прежде всего къ учрежденію мезійскаго намѣстничества и лишь спустя нѣсколько времени послѣ того были даны особые начальники далматскимъ легіонамъ и тѣмъ, которые стояли на Савѣ.

Первая кампанія Тиверія въ Панноніи.—Такъ какъ экспедиціи, предпринятыя противъ Паннонцевъ и противъ Германцевъ, были какъ бы возобновленіемъ ретійской кампаніи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, то и назначенные съ титуломъ императорскихъ легатовъ вожди остались на своихъ мѣстахъ; то были два принца императорскаго дома—Тиверій, замѣнившій Агриппу въ качествѣ главнокомандующаго въ Иллирикѣ, и Друзъ, отправившійся на Рейнъ; оба они уже не были въ ту пору неопытными юношами, а были людьми въ цвѣтѣ лѣтъ, вполнѣ способными исполнить возложенную на нихъ трудную задачу. Въ придунайскихъ странахъ не было недостатка въ серьозныхъ мотивахъ для начала войны. Толпы

хищниковъ, выходившія не только изъ Паннонія, но даже изъ мирнаго Норика, совершали въ 738 году свои опустошительные набѣги вплоть до Истріи. Черезъ два года послѣ того, иллирійскіе провинціальные жители возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ повелителей, и хотя они безъ сопротивленія снова покорились въ то время, какъ Агриппа принялъ на себя, осенью 741 года, главное начальство, безпорядки возобновились немедленно послѣ его смерти. Мы не въ состояніи рѣшить, до какой степени эти римскіе разсказы согласны съ истиной; главной причиной и цѣлью этой войны, несомнѣнно, было желаніе защитить римскую границу, а это желаніе было вызвано политическими условіями того времени. Относительно трехъ кампаній, которыя Тиверій велъ въ Панноніи съ 742 по 744 годъ, мы имѣемъ очень неполныя свѣдѣнія. Правительство считало ихъ результатомъ тотъ фактъ, что границы провинціи Иллирика были расширены до береговъ Дуная. Что Дунай на всемъ своемъ протяженіи считался съ тѣхъ поръ границей римскихъ владѣній, не подлежитъ никакому сомнѣнію; тѣмъ не менѣе въ ту пору еще далеко не состоялось покореніе или только занятіе всей этой обширной территоріи. Самое сильное сопротивленіе оказали Тиверію племена, которыя еще ранѣе того считались подвластными Риму, и въ особенности Далматы; въ числѣ тѣхъ, которыя были въ ту пору въ первый разъ дѣйствительно покорены, самыми значительными были жившіе по нижней Савѣ паннонскіе Бревки. Римскія войска едва-ли переходили во время этой кампаніи черезъ Драву, и ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобъ они перенесли свой постоянный лагерь на берега Дуная. Страны между Савой и Дравой были, безъ сомнѣнія, заняты, а главная квартира сѣверной иллирійской арміи была перенесена изъ Сискіи на Савѣ въ Петовіо (Pettau) на среднемъ Дунаѣ, между тѣмъ какъ на занятой незадолго передъ тѣмъ норійской территоріи римскіе гарнизоны доходили до Карнунта на Дунаѣ (Петронеллъ подлѣ Вѣны), бывшаго въ ту пору крайнимъ норійскимъ городомъ съ восточной стороны. Отдаленная и обширная территорія между Дравой и Дунаемъ,—теперешняя западная Венгрія, не была въ ту пору ни разу занята римскими войсками. Это было вполнѣ согласно съ общимъ планомъ начатыхъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій; такъ какъ имѣлось въ виду установить сообщеніе съ галльской арміей, то для новой границы на сѣверо-востокѣ естественной точкой опоры служила Вѣна, а не Офенъ.

Походъ Пизона во Ѳракію.—Дополненіемъ къ этой паннонской экспедиціи Тиверія служила въ нѣкоторой мѣрѣ та экспедиція, которая была одновременно предпринята противъ Ѳракійцевъ Луціемъ Пизономъ, едва-ли не первымъ настоящимъ намѣстникомъ Мезіи. Въ

одинаковой мѣрѣ требовалось покореніе двухъ большихъ сосѣднихъ народовъ—Иллирійцевъ и Ѳракійцевъ, о которыхъ будетъ болѣе подробно говориться въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Племена, жившія во внутренней Ѳракіи, оказались еще болѣе упорными, чѣмъ Иллирійцы, и еще менѣе покорными тѣмъ королямъ, которые были имъ даны Римомъ; въ 738 году пришлось отправить туда римскую армію и помочь князю въ его борьбѣ съ Бессами. Если-бы мы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о войнахъ, которыя велись тутъ и тамъ въ 741 и 743 годахъ, то, можетъ быть, оказалось-бы, что одновременно сражавшіеся съ Римлянами Ѳракійцы и Иллирійцы дѣйствовали сообща. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой національной войнѣ принимали участіе какъ всѣ ѳракійскія племена, жившія на югѣ отъ Гема, такъ вѣроятно и тѣ, которыя поселились въ Мезіи, и что сопротивленіе Ѳракійцевъ было не менѣе упорно, чѣмъ сопротивленіе Иллирійцевъ. Для тѣхъ и другихъ это была вмѣстѣ съ тѣмъ религіозная вѣра; тамъ еще не позабыли того, что святилище Діониса [1]) было отнято у Бессовъ и передано преданнымъ Риму князьямъ Одрисовъ; одинъ изъ жрецовъ этого Діониса сталъ во главѣ возстанія, которое и было прежде всего направлено противъ тѣхъ князей. Одинъ изъ нихъ былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ, а другой былъ прогнанъ; инсургенты, которые были отчасти вооружены и дисциплинованы по римскому образцу, одержали въ первомъ сраженіи побѣду надъ Пизономъ и проникли внутрь Македоніи и ѳракійскаго Херсонеса; даже возникли опасенія за Азію. Но въ концѣ-концевъ римская дисциплина одержала верхъ и надъ этими мужественными противниками; въ нѣсколько кампаній Пизонъ одолѣлъ сопротивленіе, а учрежденное или по этому случаю или вскорѣ послѣ того на «ѳракійскомъ берегу» высшее военное управленіе Мезіи разорвало связь между дакійскими и ѳракійскими племенами, такъ какъ отдѣлило племена, жившія на лѣвомъ берегу Дуная, отъ тѣхъ родственныхъ имъ племенъ, которыя жили на югѣ отъ Гема, и прочно утвердило римское владычество въ области нижняго Дуная.

---

[1]) Мѣстность, на которой Бессы покланялись богу Діонису и которую Крассъ отнялъ у нихъ и отдалъ Одрисамъ [Діонъ, 51, 25], безъ сомнѣнія, была тотъ Liberi patris lucus, въ которомъ Александръ совершилъ жертвоприношеніе, а отецъ Августа, cum per secreta Thraciae exercitum duceret, вопрошалъ оракула о своемъ сынѣ [Светон. *Авг.* 94], и о которомъ упоминалъ Геродотъ [2, III; сравн. Эврипида *Гек.* 1267], какъ о святилищѣ оракула, находившемся подъ покровительствомъ Бессовъ. Эту мѣстность слѣдуетъ искать, безъ сомнѣнія, къ сѣверу отъ Родопскихъ горъ, но она до сихъ поръ не отыскана.

Нападеніе Германцев.—Германцы еще яснѣе Паннонцевъ и Ѳракійцевъ доказывали Римлянамъ, что тогдашній порядокъ вещей не могъ долго держаться. Границей римскихъ владѣній былъ со временъ Цезаря Рейнъ на протяженіи отъ Боденскаго озера до своихъ устьевъ. Онъ не былъ международнымъ рубежемъ, такъ какъ на сѣверо-востокѣ отъ Галліи Кельты еще въ древнія времена не разъ смѣшивались съ Германцами, Тревиры по меньшей мѣрѣ охотно смѣшались бы съ Нервійскими Германцами, а на среднемъ Рейнѣ самъ Цезарь далъ постоянную осѣдлость остаткамъ полчищъ Аріовиста, Трибоккамъ (въ Эльзасѣ), Неметамъ (подлѣ Шпейера) и Вангіонамъ (подлѣ Ворыса). Эти, жившіе на лѣвомъ берегу Рейна, Германцы, конечно, болѣе охотнѣе подчинялись римскому владычеству, чѣмъ кельтскія страны, и конечно не они открыли ворота Галліи передъ своими соотечественниками, жившими на правомъ берегу рѣки. Но эти соотечественники, уже издавна привыкшіе переправляться черезъ рѣку для хищническихъ набѣговъ и еще не позабывшіе о своихъ многократныхъ и не вполнѣ успѣшныхъ попыткахъ утвердиться на томъ берегу, пришли туда непрошенными. Единственное изъ жившихъ по ту сторону Рейна германскихъ племенъ, отдѣлившееся отъ своихъ соотечественниковъ еще во времена Цезаря и ставшее подъ охрану Римлянъ—Убіи, было вынуждено преклониться передъ ненавистью своихъ разгнѣванныхъ единоплеменниковъ и искать на римскомъ берегу защиты и мѣста для новыхъ поселеній (716); хотя Агриппа находился въ ту пору въ Галліи, но въ виду предстоявшей сицилійской войны могъ помочь имъ только тѣмъ, что перешолъ черезъ Рейнъ, чтобъ способствовать ихъ переселенію. Изъ этой новой колоніи впослѣдствіи возникъ нашъ Кёльнъ. Тѣмъ Римлянамъ, которые занимались на правомъ берегу Рейна торговлей, неоднократно приходилось терпѣть притѣсненія отъ Германцевъ, вслѣдствіе чего и былъ предпринятъ въ 729 году походъ за Рейнъ, а въ 734 г. Агриппѣ пришлось прогонять изъ Галліи вторгнувшіяся изъ-за Рейна толпы Германцевъ; но помимо того, въ 738 году обнаружилось по ту сторону рѣки болѣе общее движеніе, которое заставляло опасаться нашествія въ большихъ размѣрахъ. Прежде всѣхъ двинулись жившіе на Рурѣ Сикамбры; вслѣдъ за ними встали ихъ сѣверные сосѣди, жившіе въ долинѣ Липпы Узипеты, и ихъ южные сосѣди Тенхтеры; они захватили жившихъ среди нихъ римскихъ торговцевъ и распяли ихъ на крестѣ, за тѣмъ перешли черезъ Рейнъ, стали грабить на галльской территоріи, а когда намѣстникъ Германіи выслалъ противъ нихъ Легата Марка Лоллія съ пятымъ легіономъ, они сначала захватили его конницу, а потомъ обратили и самый легіонъ въ постыдное бѣгство, причемъ въ ихъ руки попалъ даже орелъ этого легіона. Послѣ всего этого они безпрепятственно возвратились домой. Хотя эта неудача римской арміи сама по себѣ

была незначительна, но въ виду обнаружившагося въ Германіи движенія и въ виду тяжелаго впечатлѣнія, которое она произвела въ Галліи, къ ней нельзя было относиться съ пренебреженіемъ. Августъ самъ отправился въ пострадавшую провинцію и эти события, вѣроятно, послужили ближайшимъ поводомъ для той наступательной войны въ большихъ размѣрахъ, которая началась въ 739 году ретійской кампаніей и потомъ привела къ походу Тиверія въ Иллирикъ и къ походу Друза въ Германію.

Походъ Друза въ Германію.—Неронъ Клавдій Друзъ родился въ 716 году отъ Ливіи въ домѣ ея новаго супруга, впослѣдствіи носившаго имя Августа, который любилъ его какъ сына,—а злые языки говорили, какъ роднаго сына; онъ отличался мужественной красотой и привѣтливостью въ обхожденіи, былъ храбрымъ солдатомъ и хорошимъ полководцемъ, открыто хвалилъ старый республиканскій режимъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ популярнымъ принцемъ императорскаго дома. По возвращеніи Августа въ Италію (741), онъ вступилъ въ управленіе Галліей и принялъ главное начальство въ войнѣ съ Германцами, о покореніи которыхъ въ ту пору стали серьозно помышлять. Мы не въ состояніи сообщить удовлетворительныхъ свѣдѣній ни о силѣ стоявшей въ то время на Рейнѣ арміи ни о положеніи, въ которомъ находились въ то время Германцы; для насъ ясно только то, что эти послѣдніе не были въ состояніи оказать этому усиленному нападенію соотвѣтственнаго сопротивленія. Земли вдоль Неккара, прежде находившіяся во власти Гельветовъ, а потомъ долго бывшія спорной пограничной территоріей между Гельветами и Германцами, были совершенно опустошены и находились подъ властію съ одной стороны недавно покореннаго округа Винделиковъ, а съ другой стороны дружественно расположенныхъ къ Римлянамъ Германцевъ, жившихъ вблизи отъ Страсбурга, Шпейера и Вормса. Далѣе къ сѣверу, въ области верхняго Майна, жили Маркоманы; это было едва-ли не самое могущественное изъ свевскихъ племенъ, но они издревле враждовали съ среднерейнскими Германцами. Къ сѣверу отъ Майна жили въ горахъ Таунуса Хатты, далѣе внизъ по Рейну вышеупомянутые Тенхтеры, Сикамбры и Узипеты; позади ихъ жили на Везерѣ могущественные Херуски и сверхъ того нѣсколько второстепенныхъ племенъ. Такъ какъ вышеупомянутое нашествіе на римскую Галлію было совершено этими средне-рейнскими племенами съ Сикамбрами во главѣ, то и походъ, предпринятый Друзомъ съ цѣлію возмездія, былъ направленъ главнымъ образомъ противъ нихъ, а они съ своей стороны вступили между собою въ союзъ, чтобъ дать Друзу совокупный отпоръ и выставить противъ него армію, собранную изъ всѣхъ этихъ странъ. Но жившія на берегахъ Сѣвернаго моря племена Фризовъ не примкнули къ этому союзу и остались въ полномъ изолированіи.

Германцы первые начали дѣйствовать наступательно. Сикамбры и ихъ союзники захватили всѣхъ Римлянъ, какихъ могли отыскать за своемъ берегу, а находившихся въ этомъ числѣ двадцать центуріоновъ распяли на крестѣ. Союзныя племена рѣшились снова вторгнуться въ Галлію и даже заранѣе раздѣлили между собою добычу,—Сикамбрамъ были предоставлены люди, Херускамъ лошади, свевскимъ племенамъ золото и серебро. Поэтому они попытались въ началѣ 742 года снова перейти Рейнъ и разсчитывали не только за помощь со стороны лѣво-бережныхъ Германцевъ, но и на возстаніе, именно въ ту пору вызванное въ галльскихъ провинціяхъ непривычною для населенія народною переписью. Но юный полководецъ ловко взялся за дѣло: онъ подавилъ возстаніе прежде, чѣмъ оно успѣло принять серьозные размѣры и за тѣмъ самъ перешолъ черезъ рѣку съ цѣлію опустошить владѣнія Узипетовъ и Сикамбровъ. Это былъ лишь предварительный способъ обороны; задуманный въ широкихъ размѣрахъ планъ военныхъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобъ овладѣть берегами Сѣвернаго моря и устьями Эмса и Эльбы. Жившее въ дельтѣ Рейна многочисленное и храброе племя Батавовъ, какъ кажется, было въ ту пору включено въ составъ римскихъ владѣній въ силу добровольнаго соглашенія; съ его помощью было устроено изъ Рейна въ Зейдеръ-Зе, а оттуда въ Сѣверное море водяное сообщеніе, открывшее для рейнскаго флота безопасный и самый короткій путь къ устьямъ Эмса и Эльбы. Жившіе на сѣверномъ берегу Фризы послѣдовали примѣру Батавовъ и также подчинились чужеземному владычеству. Римляне проложили себѣ дорогу въ этомъ направленіи не столько благодаря превосходству своихъ военныхъ силъ, сколько благодаря своей благоразумной политикѣ: они не облагали этихъ племенъ почти никакими налогами и привлекали ихъ къ военной службѣ такимъ способомъ, что эта служба не пугала ихъ, а прельщала. Отъ береговъ Сѣвернаго моря экспедиція отправилась далѣе; находясь въ открытомъ морѣ, римскій флотъ овладѣлъ островомъ Бурханисомъ (быть можетъ, это былъ Боркумъ, лежащій вблизи отъ береговъ восточной Фризландіи), и на рѣкѣ Эмсѣ одержалъ побѣду надъ состоявшимъ изъ мелкихъ судовъ флотомъ Бруктеровъ; за тѣмъ Друзъ проникъ до самаго устья Везера къ Хавкамъ. Правда, на своемъ возвратномъ пути, флотъ натолкнулся на опасныя и неизвѣстныя ему мели, и если-бы Фризы не дали потерпѣвшей кораблекрушеніе арміи надежныхъ проводниковъ, она попала-бы въ крайне-критическое положеніе. Тѣмъ не менѣе, благодаря этой первой кампаніи, римское владычество утвердилось вдоль морскихъ береговъ отъ устьевъ Рейна до устьевъ Везера.

Послѣ покоренія береговъ, было приступлено въ слѣдующемъ году (743) къ покоренію внутреннихъ странъ. Оно было значительно облегчено раздорами между средне-рейнскими Германцами. При сдѣ-

ланной въ предшествовавшемъ году попыткѣ напасть на Галлію Хатты не доставили обѣщанныхъ подкрѣпленій; подъ вліяніем вполнѣ понятнаго, но еще болѣе неблагоразумнаго раздраженія, Си камбры напали всѣми своими силами на владѣнія Хаттовъ и вслѣд ствіе того Римлянамъ нетрудно было занять ихъ собственныя вла дѣнія и владѣнія ихъ ближайшихъ прирейнскихъ сосѣдей. Тогд Хатты безъ сопротивленія подчинились врагамъ своихъ враговъ тѣмъ не менѣе ихъ заставили очистить берега Рейна и въ замѣн того занять тѣ страны, которыя до того времени находились в власти Сикамбровъ. Точно такъ-же были покорены могущественны Херуски, жившіе еще далѣе внутри страны, на среднемъ Везерѣ Хавки, жившіе на нижнемъ Везерѣ и подвергавшіеся за годъ перед тѣмъ нападенію съ моря, подверглись на этотъ разъ нападенію с сухаго пути и тогда вся страна между Рейномъ и Везеромъ был занята Римлянами по меньшей мѣрѣ въ тѣхъ пунктахъ, которы были самыми важными въ стратегическомъ отношеніи. На возврат номъ пути армія, — точно такъ-же, какъ и въ предшествовавшем году, — едва не погибла; въ тѣснинѣ подлѣ Арбалона, (географическо положеніе котораго неизвѣстно), Римляне были со всѣхъ сторон окружены Германцами и ихъ сообщенія были отрѣзаны; но твердая дисциплина легіонныхъ солдатъ и заносчивая увѣренность Германцевъ въ побѣдѣ превратили грозившее Римлянамъ пораженіе въ блестящую побѣду [1]). Въ слѣдующемъ году (744), раздраженные утратой своей прежней прекрасной отчизны, Хатты взялись за оружіе; но на этотъ разъ они также остались безъ посторонней помощи и послѣ упорнаго сопротивленія и не безъ чувствительныхъ потерь были покорены Римлянами (745). Жившіе на верхнемъ Майнѣ Маркоманы, которые, — послѣ покоренія Хаттовъ, — должны были прежде всѣхъ другихъ подвергнуться нападенію, уклонились отъ борьбы и удалились далѣе внутрь страны, во владѣнія Боіевъ, въ нынѣшнюю Богемію; а такъ какъ они находились тамъ внѣ сферы римскаго преобладанія, то не принимали оттуда никакого участія въ войнахъ, которыя велись на Рейнѣ. Война была доведена до конца на всемъ пространствѣ между Рейномъ и Везеромъ. Друзъ получилъ возможность перейти въ 745 году на территоріи Херусковъ, на правый берегъ Везера, а оттуда подвинуться впередъ до Эльбы, черезъ которую онъ не переходилъ и за которую ему, вѣроятно, было приказано не переходить. При этомъ было выдержано не мало упорныхъ битвъ, но сопротивленіе нигдѣ не было успѣшно. Но на возвратномъ пути, который, какъ кажется, велъ вверхъ по Салѣ, а оттуда къ Везеру, Римлянамъ

---

[1]) Что сраженіе при Арбалонѣ [Плиній, Hist. Nat. II, 17, 55] относится къ этому году, доказываетъ Обсеквентъ [стр. 72]; къ этому-же году относится разсказъ Діона [54, 33].

былъ нанесенъ тяжелый ударъ не непріятелемъ, а непредвидимою несчастною случайностью. Ихъ вождь упалъ вмѣстѣ съ лошадью и переломилъ себѣ бедро; послѣ тридцати-дневныхъ страданій, въ далекой странѣ между Салой и Везеромъ [1]), куда прежде него не проникала ни одна римская армія, онъ испустилъ духъ на рукахъ прилетѣвшаго изъ Рима брата, на тридцатомъ году своей жизни, въ полномъ цвѣтѣ физическихъ силъ и пріобрѣтенной славы; о немъ глубоко и долго сожалѣли и его близкіе и весь народъ; но, можетъ быть, для него было счастьемъ то, что боги дозволили ему въ молодости разстаться съ жизнію и избѣжать тѣхъ разочарованій и огорченій, которыя всего глубже чувствуются высокопоставленными людьми, между тѣмъ какъ его блестящая геройская личность до сихъ поръ живетъ въ памяти всего міра.

Тиверій продолжаетъ начатую войну.—Смерть даровитаго вождя,—какъ и слѣдовало ожидать,—ничего не измѣнила въ общемъ ходѣ дѣлъ. Его братъ Тиверій прибылъ достаточно скоро не только для того, чтобъ успѣть закрыть ему глаза, но и для того, чтобъ твердою рукою отвести армію назадъ и за тѣмъ продолжать завоеваніе Германіи. Онъ начальствовалъ тамъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ (746, 747); въ теченіе этого времени дѣло не доходило до

---

1) Что паденіе Друза произошло вблизи отъ Салы, можно заключить изъ словъ Страбона [7, 1, 3, стр. 291], хотя Страбонъ говоритъ только то, что Друзъ погибъ во время похода между *Саласомъ* и Рейномъ, а тождество *Саласа* съ Салой основано только на сходствѣ этихъ названій. Съ того мѣста, на которомъ случилось это несчастіе, его перенесли въ лѣтній лагерь [Сенека, cons. ad Marciam 3: ipsis illum hostibus aegrum cum veneratione et pace mutua prosequentibus nec optare quod expediebat audentibus], гдѣ онъ и умеръ [Светон., *Клавд.* 1]. Этотъ лагерь находился далеко внутри варварской страны [Валерій Макс. 5, 5, 3] и неподалеку отъ того поля битвы, на которомъ сражался Варъ [Тацитъ, *Лѣтоп.* 2, 7; выраженіе vetus ara Druso sita конечно относится къ мѣсту кончины Друза]; его слѣдуетъ искать неподалеку отъ Везера. Трупъ Друза былъ потомъ перенесенъ въ зимній лагерь [Діонъ, 55, 2] и тамъ сожженъ; это мѣсто считалось, по римскому обыкновенію, мѣстомъ погребенія, хотя пепелъ былъ положенъ на храненіе въ Римѣ, и къ этому мѣсту относится такъ-называемый honorarius tumulus съ ежегодными празднествами въ память умершаго [Светон. въ вышеуказанномъ мѣстѣ]. Его слѣдуетъ искать, по всему вѣроятію, въ Ветерѣ. Когда одинъ изъ позднѣйшихъ писателей [Евтроп. 7, 13] говоритъ о monumentum'ѣ Друза вблизи отъ Майнца, то это былъ, конечно, не надгробный памятникъ, а упоминаемый другимъ писателемъ побѣдный памятникъ [Флоръ 2, 30: Marcomanorum spoliis et insignibus quendam editum tumulum in tropaei modum excoluit].

большихъ битвъ, но римскія войска показывались на всемъ пространствѣ между Рейномъ и Эльбой, а такъ какъ Тиверій предъявилъ требованіе, чтобъ на всемъ этомъ пространствѣ было формально признано римское верховенство, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что можетъ принять изъявленіе покорности не иначе какъ одновременно отъ всѣхъ племенъ, то они всѣ безъ исключенія покорились, и самыми запоздавшими оказались Сикамбры, которымъ это, конечно, не доставило прочнаго мира. Какъ велики были результаты, достигнутые съ военной точки зрѣнія, можно судить по экспедиціи, которая была предпринята вскорѣ послѣ того Луціемъ Домиціемъ Агенобарбомъ. Состоя въ должности иллирійскаго намѣстника, онъ выступилъ въ походъ, по всему вѣроятію, изъ Винделикіи и былъ въ состояніи самъ отвести въ странѣ Маркомановъ мѣста для поселенія перекочевывавшихъ съ мѣста на мѣсто Гермундуровъ; во время этой экспедиціи онъ дошолъ до верхней Эльбы и даже перешолъ эту рѣку, не встрѣтивъ никакого сопротивленія [1]). Жившіе въ Богеміи Маркоманы были совершенно изолированы, а остальная Германія отъ Рейна до Эльбы сдѣлалась римской, хотя и далеко еще не умиротворенной, провинціей.

Лагерь на лѣвомъ берегу Рейна.—Мы въ состояніи лишь невполнѣ описать военно-политическое устройство, которое было въ ту пору введено въ Германіи, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ мѣрахъ, которыя были прежде того приняты для охраненія восточной границы Галліи, а то, что было сдѣлано съ этою цѣлію обоими братьями, было большею частію уничтожено дальнѣйшими событіями. Охраной для границы римскихъ владѣній по прежнему остался Рейнъ; эту охрану, быть можетъ, и желали перенести далѣе, но этого не было сдѣлано. Подобно тому, какъ въ Иллирикѣ политической границей имперіи былъ въ ту пору Дунай, и Эльба считалась такою-же границей, но Рейнъ былъ пограничной оборонительной линіей и изъ рейнскихъ лагерей велись сообщенія съ большими городами Галліи и съ ея портами [2]). Во

[1]) Иначе и нельзя понимать слова Діона [55, 10], частію подтверждаемыя Тацитомъ. [Лѣт. 4, 44.] Или этому намѣстнику были подчинены, въ видѣ исключенія, Норикъ и Ретія, или же ходъ военныхъ операцій заставилъ его переступить границу его намѣстничества. Ему, какъ кажется, не представилось надобности проходить черезъ самую Богемію и тѣмъ вовлекать себя въ еще болѣе важныя затрудненія.

[2]) Къ вопросу о сношеніяхъ рейнскаго лагеря съ булоньскимъ портомъ слѣдуетъ отнести вызывавшее столько опроверженій замѣчаніе Флора [2, 30]: Bonnam [или Bormam] et Gesoriacum pontibus iunxit classibusque firmavit; съ этими словами слѣдуетъ сопоставить упоминае-

время описанныхъ походовъ, главная квартира находилась въ томъ лагерѣ, который впослѣдствіи носилъ названіе «стараго лагеря», Castra vetera (въ Виртенѣ подлѣ Ксантена); онъ находился на первой значительной возвышенности за Бонномъ, на лѣвомъ берегу Рейна, и отчасти соотвѣтствовалъ въ военномъ отношеніи теперешнему Везелю, построенному на правомъ берегу рѣки. Этотъ пунктъ, быть можетъ, былъ занятъ при самомъ началѣ римскаго владычества на Рейнѣ; Августъ сдѣлалъ изъ него орудіе для владычеста надъ Германіей, и между тѣмъ какъ эта крѣпость во всѣ времена служила точкой опоры для обороны римскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, она не менѣе удачно была выбрана исходнымъ пунктомъ для нападеній на правый берегъ рѣки, такъ какъ находилась насупротивъ судоходной на большомъ протяженіи Липпы и соединялась съ правымъ берегомъ рѣки постояннымъ мостомъ. Противоположность съ этимъ «старымъ лагеремъ» у устьевъ Липпы, по видимому, составлялъ находившійся близъ устьевъ Майна Могонтіакъ, теперешній Майнцъ, по всему вѣроятію основанный Друзомъ; по меньшей мѣрѣ вышеупомянутыя, вынужденныя отъ Хаттовъ территоріальныя уступки, равно какъ тѣ построенныя на Таунусѣ укрѣпленія, о которыхъ будетъ говорено далѣе, доказываютъ, что Друзъ понималъ военное значеніе какъ майнской линіи, такъ и того пункта, который былъ ея ключемъ на лѣвомъ берегу Рейна. Если лагерь легіоновъ, какъ кажется, былъ поставленъ на Аарѣ для того, чтобъ держать въ повиновеніи Ретійцевъ и Винделиковъ, то его основаніе, вѣроятно, относится къ этому времени, но оно имѣло лишь внѣшнюю связь съ галльско-германскими военными учрежденіями. Основаніе лагеря для легіоновъ въ Страсбургѣ едва-ли можетъ быть отнесено къ столь ранней эпохѣ. Базисомъ для операцій римской арміи служила линія отъ Майнца до Везеля. Не подлежитъ сомнѣнію, что помимо Нарбонской провинціи, уже не находившейся въ ту пору подъ личнымъ управленіемъ императора, Друзъ и Тиверій управляли въ качествѣ намѣстниковъ всей Галліей и вмѣстѣ съ тѣмъ были главными начальниками всѣхъ рейнскихъ легіоновъ; иначе, какъ при этихъ принцахъ, гражданское управленіе Галліей, быть можетъ, было въ ту пору отдѣлено отъ командованія рейнскими войсками; но едва-ли можно допустить, чтобъ это командованіе уже тогда было раздѣлено между двумя равноправными ли-

мые тѣмъ-же писателемъ замки на рѣкѣ Маасѣ. Боннъ могъ въ ту пору служить удобной стоянкой для рейнскаго флота, а Булонь и въ болѣе позднія времена служила мѣстомъ стоянки для флота. Друзъ, быть можетъ, желалъ сдѣлать годной для транспортовъ самую короткую и самую безопасную проселочную дорогу между двумя морскими стоянками, хотя упомянутый писатель, вѣроятно изъ желанія удивить читателя, возбуждаетъ, своимъ заостреннымъ способомъ выраженія, такія понятія, которыя, быть можетъ, не совсѣмъ согласны съ истиной.

цами [1]).—Касательно численнаго состава тогдашней римской арміи мы можемъ сказать только то, что армія Друза едва-ли была сильнѣе, и вѣроятно была слабѣе той арміи, которая стояла въ Германіи через двадцать лѣтъ послѣ того, и что въ ней было отъ пяти до шести легіоновъ,—отъ 50,000 до 60,000 человѣкъ.

Позиціи на правомъ берегу Рейна.—Этимъ военнымъ мѣрамъ, принятымъ на лѣвомъ берегу Рейна, соотвѣтствовали тѣ, которыя были приняты на правомъ берегу рѣки. Вслѣдъ за тѣмъ Римляне овладѣли и этимъ правымъ берегомъ. Прежде всего они направили свои удары на Сикамбровъ, безъ сомнѣнія, изъ желанія отмстить за отнятаго у нихъ орла и за распятыхъ на крестѣ центуріоновъ. Сикамбры отправили самыхъ знатныхъ людей своей націи съ изъявленіями покорности, но съ этими послами Римляне обошлись, въ нарушеніе международнаго права, какъ съ военноплѣнными, и они окончили свою жизнь въ италійскихъ крѣпостяхъ. Изъ мѣстнаго населенія 40,000 человѣкъ были удалены изъ своей родины и поселены на галльскомъ берегу, гдѣ мы, быть можетъ, и находимъ ихъ впослѣдствіи подъ именемъ Кугерновъ. Лишь незначительнымъ и неопаснымъ остаткамъ этого могущественнаго племени было дозволено оставаться на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. Толпы Свевовъ также были переведены въ Галлію; нѣкоторыя другія племена, какъ-то Марсы и, безъ сомнѣнія, также Хатты, были оттѣснены далѣе внутрь страны; на среднемъ Рейнѣ, туземное населеніе праваго берега было повсюду или вытѣснено или, по меньшей мѣрѣ, ослаблено. За тѣмъ вдоль этихъ береговъ Рейна были поставлены укрѣпленные посты въ числѣ пятидесяти. Территорія за Могонтіакомъ, которая была отнята у Хаттовъ и съ того времени составляла волость Маттіаковъ вблизи отъ теперешняго Висбадена, была включена внутрь римской пограничной линіи, а высоты Таунуса были сильно укрѣплены [2]). Но прежде всего было

---

1) Объ административномъ раздѣленіи Галліи [помимо отдѣленія Нарбонской провинціи] мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, потому что это раздѣленіе произошло по распоряженію императора и о немъ ничего не говорится въ сенатскихъ протоколахъ. Но о существованіи отдѣльнаго верхне и нижне-германскаго военнаго командованія впервые свидѣтельствують походы Германика, а при такомъ порядкѣ вещей трудно-бы было объяснить важность пораженія Вара; хотя здѣсь и появляются на сцену hiberna inferiora, находившіяся въ Ветерѣ [Веллей 2, 120] зимнія квартиры, а въ противоположность имъ hiberna superiora могли находиться только въ Майнцѣ, но и эти послѣднія находились подъ начальствомъ не сотоварища Вара, а его племянника и стало-быть его подчиненнаго. Раздѣленіе Галліи, по всему вѣроятію, впервые произошло вслѣдствіе пораженія, въ послѣдніе годы Августа.

2) Поставленное Друзомъ in monte Tauno [Тацитъ, *Летоп.* 1, 56]

приступлено изъ Ветеры къ завладѣнію линіей Липпы; изъ двухъ военныхъ дорогъ, которыя шли по обѣимъ сторонамъ рѣки и на которыхъ были выстроены замки на разстояніи одного дня пути одинъ отъ другаго, по меньшей мѣрѣ правобережная, безъ сомнѣнія, такъ-же была построена Друзомъ, какъ это видно по крѣпости Ализону, построенной въ области Липпы (по всему вѣроятію, теперешней деревнѣ Эльзенъ, неподалеку отъ Падерборна [1]). Къ этому слѣдуетъ присовокупить уже упомянутый ранѣе каналъ отъ устьевъ Рейна до Зейдеръ-Зе и такъ-называемые «длинные мосты» или гать, которая была проведена Луціемъ Домиціемъ Агенобарбомъ черезъ болотистую низменность между Эмсомъ и нижнимъ Рейномъ. Сверхъ того, по всей странѣ были разбросаны отдѣльные римскіе посты; впослѣдствіи придется упоминать о такихъ постахъ въ странѣ Фризовъ и Хавковъ, и въ этомъ смыслѣ можно допустить, что

---

praesidium и сопоставленное съ Ализономъ выраженіе: φρούριον ἐν Χάττοις παρ' αὐτῷ τῷ 'Ρήνῳ [Діонъ 54, 33] вѣроятно тождественны, а особое положеніе волости Маттіаковъ, очевидно, находится въ связи съ основаніемъ Могонтіака.

[1]) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что упоминаемый Діономъ [54, 33] „замокъ при сліяніи Лупіи и Гелизона“ тождественъ съ чаще упоминаемымъ Ализономъ, и что этотъ послѣдній слѣдуетъ искать на верхней Липпѣ; а что римскій зимній лагерь близъ истоковъ Липпы [ad caput Lupiae, Веллей, 2, 105], сколько намъ извѣстно, единственный лагерь этого рода на германской почвѣ, слѣдуетъ искать тамъ-же,—по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятно. Что обѣ римскія дороги, которыя вели къ Липпѣ, и ихъ крѣпкое полотно, проложенное поверхъ болотистой мѣстности, достигали по меньшей мѣрѣ окрестностей Липпштадта, положительно доказано изслѣдованіями Гёльцермана. У Липпы только одинъ значительный притокъ—Альма, а такъ какъ неподалеку отъ впаденія этого притока въ Липпу находится деревня Эльзенъ, то въ этомъ случаѣ нельзя не придавать нѣкотораго вѣса сходству названій. Мнѣніе [высказываемое между прочими Шмидтомъ], что Ализонъ находился при впаденіи Гленны [и Лизы] въ Липпу, опровергается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ лагерь ad caput Lupiae не былъ-бы тождественъ съ Ализономъ и что этотъ пунктъ находится въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ линіи Везера, между тѣмъ какъ дорога изъ Эльзена прямо ведетъ черезъ ущелье Дёры въ долину Верры. Шмидтъ [Westfälische Zeitschrift für Gesch. und Alterthumskunde 20, стр. 259], не будучи сторонникомъ того мнѣнія, которое отождествляетъ Ализонъ съ Эльзеномъ, настаиваетъ на томъ соображеніи, что высоты Вевера [неподалеку отъ Эльзена] и главнымъ образомъ лѣвая окраина долины Альмы составляютъ центральный пунктъ полукруга, образуемаго лежащими впереди ихъ горами, а эта высокая и сухая мѣстность, съ которой не трудно имѣть надзоръ надъ всей страной до самыхъ горъ, которая прикрываетъ всю территорію вдоль Липпы и которая сама прикрыта съ фронта Альмой, могла служить удобнымъ исходнымъ пунктомъ для наступательнаго движенія къ Везеру.

римскіе гарнизоны были разставлены вплоть до береговъ Везера и Эльбы. Наконецъ, въ зимнее время, армія располагалась лагеремъ на берегахъ Рейна; но лѣтомъ, даже если не предпринималось никакихъ особыхъ экспедицій, она обыкновенно стояла въ завоеванной странѣ, и именно подлѣ Ализона.

Устройство провинціи Германіи.—Но Римляне не ограничились военнымъ устройствомъ новопріобрѣтенныхъ странъ. Они поставили Германцевъ, наравнѣ со всѣми другими провинціальными жителями, подъ управленіе римскаго намѣстника,—и лѣтнія экспедиціи римскихъ военачальниковъ были мало-по-малу замѣнены объѣздами, которые совершались намѣстникомъ для отправленія правосудія. Обвиненіе и защита подсудимыхъ происходили на латинскомъ языкѣ; римскіе адвокаты и назначаемые отъ суда защитники приступили какъ по сю, такъ и по ту сторону Рейна къ той дѣятельности, которая повсюду была тяжелымъ гнетомъ, а среди непривыкшихъ къ ней варваровъ возбуждала сильное раздраженіе. До полнаго введенія провинціальнаго управленія еще было далеко; о формальномъ обложеніи населенія податями и о правильномъ пополненіи римской арміи новыми рекрутами еще не было и рѣчи. Но такъ какъ новое объединеніе волостей было именно въ ту пору введено въ Галліи въ связи съ установленнымъ тамъ воздаваніемъ божескихъ почестей монарху, то и во вновь пріобрѣтенной Германіи были введены такія-же учрежденія; когда Друзъ воздвигнулъ для Галліи въ Ліонѣ алтарь въ честь Августа, въ эту сферу объединенія не вошли Убіи, позднѣе всѣхъ другихъ переселившіеся на лѣвый берегъ Рейна; но въ ихъ главномъ городѣ, который, по своему географическому положенію, былъ для Германіи почти тѣмъ-же, чѣмъ былъ Ліонъ для трехъ Галлій, былъ воздвигнутъ такой-же алтарь для германскихъ волостей, а обязанности жреца были возложены въ 9 году на Сегестова сына, юнаго князя Херусковъ Сегимунда.

Тиверій слагаетъ съ себя званіе главнокомандующаго.—Однако для полнаго военнаго успѣха послужила помѣхой или пріостановкой семейная политика императорскаго дома. Разладъ между Тиверіемъ и его отчимомъ привелъ къ тому, что Тиверій отказался въ началѣ 748 г. отъ званія главнокомандующаго. Интересы династіи не дозволяли поручать веденіе обширныхъ военныхъ дѣйствій какимъ-либо генераламъ, кромѣ принцевъ императорскаго дома; а послѣ смерти Агриппы и Друза и послѣ удаленія Тиверія, въ этомъ домѣ не было способныхъ полководцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, когда въ Иллирикѣ и въ Германіи распоряжались снабженные обычными полномочіями намѣстники, военныя дѣйствія тамъ не были до такой степени вполнѣ прерваны, какъ могло-бы казаться,—такъ

какъ окрашенные придворною лестью историческіе разсказы неодинакимъ образомъ описываютъ тѣ кампаніи, которыя велись подъ начальствомъ принцевъ императорскаго дома и тѣ, которыя велись въ отсутствіи этихъ принцевъ; но пріостановка ясно замѣтна, а она уже сама по себѣ была шагомъ назадъ. Агенобарбъ, который вслѣдствіе своего родства съ императорскимъ домомъ—его жена была племянницей Августа—могъ дѣйствовать болѣе свободно, чѣмъ кто-либо изъ должностныхъ лицъ, и который, въ бытность намѣстникомъ Иллирика, перешелъ черезъ Эльбу, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, не пожалъ никакихъ лавровъ въ Германіи, когда былъ впослѣдствіи назначенъ туда намѣстникомъ. Германцы не только дошли до крайняго раздраженія, но снова воодушевились мужествомъ и во 2 году послѣ Р. Х. возстаніе снова распространилось по всей странѣ, а Херуски и Хавки взялись за оружіе. Между тѣмъ при императорскомъ дворѣ стала свирѣпствовать смерть, а утрата юныхъ сыновей примирила Августа съ Тиверіемъ.

Тиверій снова назначенъ главнокомандующимъ.—Лишь только это примиреніе было закрѣплено усыновленіемъ и о немъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе (4 г.), Тиверій снова взялся за дѣло съ того пункта, на которомъ оно было прервано, и снова сталъ водить армію за Рейнъ лѣтомъ того-же года и двухъ слѣдующихъ годовъ (5—6 г.). Это было повтореніе прежнихъ кампаній съ болѣе напряженными усиліями. Въ первую кампанію были снова приведены въ покорность Херуски, а во вторую Хавки; Римлянамъ покорились сосѣдніе съ Батавами и не уступавшіе имъ мужествомъ Каннинефаты, жившіе вблизи отъ истоковъ Липпы и по Эмсу Бруктеры и нѣкоторыя другія племена, равно какъ упоминаемые въ этомъ случаѣ въ первый разъ могущественные Лангобарды, въ ту пору властвовавшіе между Везеромъ и Эльбой. Въ первую кампанію римская армія перешла черезъ Везеръ и проникла внутрь страны; во вторую кампанію римскіе легіоны уже стояли на берегу Эльбы, между тѣмъ какъ насупротивъ ихъ стоялъ на противоположномъ берегу германскій ландштурмъ. Въ 4—5 году, римская армія, какъ кажется въ первый разъ, расположилась на зиму лагеремъ на германской территоріи, вблизи отъ Ализона. Все это было достигнуто безъ серьозной борьбы; осмотрительное веденіе войны не подавляло сопротивленія, а дѣлало его невозможнымъ. Этому полководцу нужны были не безплодные лавры, а прочные результаты. Возобновились и морскія экспедиціи; какъ первая кампанія Друза, такъ и послѣдняя кампанія Тиверія ознаменовалась тѣмъ, что было предпринято плаваніе по Сѣверному морю. Но на этотъ разъ римскій флотъ зашолъ далѣе; онъ осмотрѣлъ всѣ берега Сѣвернаго моря до того мыса, на которомъ жили Кимвры, то-есть до око-

нечности владѣній Ютовъ, а затѣмъ, поднявшись вверхъ по Эльбѣ, присоединился къ стоявшей на берегу этой рѣки сухопутной арміи. Императоръ рѣшительно запретилъ переходить черезъ Эльбу, но жившіе по ту сторону этой рѣки народы—только-что упомянутые Кимвры, жившіе въ теперешней Ютландіи, Харуды, жившіе къ югу отъ нихъ, и могущественные Семноны, жившіе между Эльбой и Одеромъ, по меньшей мѣрѣ вступили въ сношенія съ своими новыми сосѣдями.

Походъ противъ Маробода.—Можно было подумать, что цѣль уже достигнута. Но для того, чтобъ закрѣпить желѣзный ободъ, которымъ хотѣли окружить всю Германію, не доставало одного—установленія связи между среднимъ Дунаемъ и верхней Эльбой, для чего требовалось покореніе древней отчизны Боіевъ, которая, благодаря окружавшимъ ее со всѣхъ сторонъ горамъ, вдвигалась промежъ Норика и Германіи въ видѣ сильной крѣпости. Король Марободъ, происходившій отъ знатнаго маркоманнскаго рода, но съ юныхъ лѣтъ, благодаря продолжительному пребыванію въ Римѣ, познакомившійся съ его прочными военными и государственными учрежденіями, возвратился на родину, быть можетъ во время первой кампаніи Друза и происшедшаго вслѣдъ за тѣмъ переселенія Маркоманновъ съ Майна на верхнюю Эльбу; онъ не только возвысился до положенія монарха, но организовалъ свое владычество не въ той слабой формѣ управленія, какая существовала въ германскихъ княжествахъ, а, такъ-сказать, по образцу Августовскаго государственнаго устройства. Кромѣ его собственнаго народа, ему подчинялось могущественное племя Лугіевъ (въ теперешней Силезіи) и его верховенство, должно быть, распространялось на всѣ страны, черезъ которыя протекаетъ Эльба, такъ какъ въ числѣ подвластныхъ ему племенъ значились Лангобарды и Семноны. До сихъ поръ онъ держался полнаго нейтралитета по отношенію какъ къ Римлянамъ, такъ и къ остальнымъ Германцамъ; хотя онъ и доставлялъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище спасавшимся бѣгствомъ врагамъ Римлянъ, но онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ даже тогда, когда Гермундуры были переселены, по распоряженію римскаго намѣстника, на территорію Маркоманновъ, и когда на лѣвомъ берегу Эльбы утвердилось римское владычество. Онъ не подчинился Римлянамъ, но изъ всего, что случилось, онъ не дѣлалъ повода для разрыва дружескихъ съ ними сношеній. Благодаря такой политикѣ, которую, конечно, нельзя назвать высокомудрой и которая едва-ли была только благоразумна, онъ достигъ только того, что подвергся нападенію послѣ всѣхъ; послѣ вполнѣ удавшихся походовъ въ Германію въ 4 и 5 годахъ, очередь дошла и до него. Римскія арміи двинулись на опоясанную горами Богемію съ двухъ

сторонъ—изъ Германіи и изъ Норика; Гай Сентій Сатурнинъ, выступившій изъ Карнунта, гдѣ иллирійскіе легіоны простояли лагеремъ зиму 5—6 года, шолъ на Маркоманновъ на встрѣчу Тиверію, подымаясь вверхъ по Майну и расчищая топоромъ и огнемъ густые лѣса отъ Спессарта до Сосновыхъ горъ; двѣ римскія арміи, состоявшія въ совокупности изъ двѣнадцати легіоновъ, уже по своимъ численнымъ силамъ почти вдвое превосходили боевыя силы непріятеля, какъ полагаютъ, доходившія до 70,000 пѣхотинцевъ и 4000 всадниковъ. Благоразумная стратегія главнокомандующаго, по видимому, и на этотъ разъ вполнѣ обезпечивала успѣхъ военныхъ дѣйствій, но одно неожиданное происшествіе принудило Римлянъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ.

Далмато-паннонское возстаніе.—Племена далматскія и паннонскія,—по меньшей мѣрѣ тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которыя жили въ области Савы,—были не задолго передъ тѣмъ подчинены римскому намѣстнику; но новые порядки вызвали среди нихъ постоянно усиливавшійся ропотъ главнымъ образомъ по причинѣ непривычныхъ для нихъ и безпощадно взимавшихся податей. Когда Тиверій впослѣдствіи спросилъ одного изъ ихъ вождей о причинахъ ихъ возстанія, тотъ отвѣчалъ ему, что возстаніе произошло вслѣдствіе того, что Римляне возложили охрану ихъ стадъ не на собакъ и не на пастуховъ, а на волковъ. Въ ту пору легіоны шли изъ Далматіи на Дунай, и туда же приглашали отправляться, для усиленія арміи, людей, способныхъ носить оружіе. Эти-то отряды и подали сигналъ къ возстанію, отправившись сражаться не за Римъ, а противъ него; ихъ вождемъ былъ одинъ Дэзитіатъ (изъ окрестностей Сераево), по имени Батонъ. Ихъ примѣру послѣдовали Паннонцы подъ предводительствомъ двухъ Бревковъ,—другаго Батона и Пинна. Весь Иллирикъ возсталъ съ неслыханною быстротою и единодушіемъ, а численность возставшихъ отрядовъ опредѣляли въ 20,000 пѣхотинцевъ и 9000 всадниковъ. Наборъ рекрутъ для вспомогательныхъ войскъ, производившійся въ значительномъ размѣрѣ именно среди Паннонцевъ, далеко распространилъ знакомство съ организаціей римской арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ римскимъ языкомъ и даже съ римскою образованностью; эти, служившіе въ римской арміи, солдаты и образовали ядро возстанія [1]). Римскіе граждане, купцы и въ

---

[1]) Это и не болѣе этого говоритъ Веллей 2,110: in omnibus Pannoniis non disciplinae [т. е. военной дисциплины] tantummodo, sed linguae quoque notitia Romanae, plerisque etiam litterarum usus et familiaris animorum erat exercitatio. Это—точно такія-же явленія, какія встрѣчаются среди князей Херусковъ, но лишь въ болѣе значительномъ размѣрѣ; они становятся вполнѣ понятными, если вспомнить объ организованныхъ Августомъ изъ Паннонцевъ и Бревковъ такъ-называемыхъ Alae и когортахъ.

особенности солдаты, имѣвшіе постоянное жительство въ восставшихъ провинціяхъ или только временно тамъ пребывавшіе, повсюду подверглись нападеніямъ и были умерщвлены. Подобно жившимъ въ римскихъ провинціяхъ племенамъ, пришли въ движеніе и тѣ племена, которыя пользовались независимостью. Вполнѣ преданные Римлянамъ ѳракійскіе князья привели римскому главнокомандующему въ подкрѣпленіе свои значительные и храбрые отряды; но съ того берега Дуная, Даки и вмѣстѣ съ ними Сарматы вторгнулись въ Мезію. Всѣ дальнія придунайскія страны какъ будто сговорились какъ можно скорѣе положить конецъ владычеству чужеземцевъ.

Инсургенты не имѣли намѣренія выжидать нападенія, а сами задумали вторгнуться въ Македонію и даже въ Италію. Опасность была серьозна; мятежники могли въ нѣсколько дней перейти черезъ Юлійскіе Альпы и снова появиться передъ Аквилеей и Тергестомъ, такъ какъ еще не успѣли позабыть, какимъ путемъ можно туда пробраться; за тѣмъ они могли, черезъ десять дней, появиться передъ Римомъ, какъ это утверждалъ самъ императоръ въ сенатѣ—впрочемъ съ цѣлію обезпечить для себя согласіе сената на обширныя и обременительныя военныя приготовленія. Съ самой большой поспѣшностью были организованы новые отряды войскъ; тѣ города, которымъ прежде всѣхъ грозила опасность, были снабжены гарнизонами; если гдѣ-либо оказывались войска ненужными, ихъ отправляли оттуда на тѣ пункты, которымъ грозила опасность. Первыми прибыли на указанное мѣсто намѣстникъ Мезіи Авлъ Цецина Северъ и вмѣстѣ съ нимъ ѳракійскій король Рэметалкъ; вскорѣ вслѣдъ за ними прибыли другія войска изъ заморскихъ провинцій. Но главнымъ образомъ было необходимо, чтобъ Тиверій не проникалъ внутрь Богеміи, а возвратился въ Иллирикъ. Если-бы инсургенты выждали, пока Римляне не вступятъ въ борьбу съ Марободомъ или пока этотъ послѣдній не станетъ дѣйствовать съ ними заодно, то положеніе Римлянъ могло-бы сдѣлаться крайне критическимъ. Но инсургенты взялись за оружіе слишкомъ рано, а Марободъ, не измѣнявшій своей системы нейтралитета, согласился на заключеніе съ Римлянами мира на основаніи status quo. Поэтому, хотя Тиверій и нашолся вынужденнымъ отправить назадъ рейнскіе легіоны, такъ какъ Германію нельзя было оставлять совершенно безъ войскъ, но свою иллирійскую армію онъ могъ соединить съ войсками, прибывавшими изъ Мезіи, Италіи и Сиріи, и могъ употребить ее въ дѣло противъ инсургентовъ. Въ дѣйствительности, страхъ былъ болѣе великъ, чѣмъ опасность. Далматы, правда, неоднократно проникали въ Македонію и опустошали побережье вплоть до Аполлоніи, но дѣло не доходило до вторженія въ Италію и пожаръ былъ скоро ограниченъ той мѣстностью, на которой первоначально вспыхнулъ.

Тѣмъ не менѣе для римской арміи предстояла не легкая работа:

и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ ему подобныхъ, вторичное покореніе подвластныхъ племенъ было труднѣе ихъ первоначальнаго покоренія. Во времена Августа ни разу не были собраны такія массы войскъ подъ начальствомъ одного главнокомандующаго; еще въ первомъ году войны, армія Тиверія состояла изъ десяти легіоновъ съ соотвѣтствующимъ числомъ вспомогательныхъ войскъ и сверхъ того съ многочисленными добровольно вновь вступившими въ службу ветеранами и другими добровольцами, такъ что ея численный составъ доходилъ приблизительно до 120,000 человѣкъ; а впослѣдствіи Тиверій собралъ подъ своими знаменами пятнадцать легіоновъ [1]). Въ первую кампанію (6 г.) война велась съ очень перемѣнчивымъ успѣхомъ; хотя Римлянамъ и удалось защитить отъ инсургентовъ такіе большіе города, какъ Сискія и Сирмій, тѣмъ не менѣе Далматъ Батонъ боролся съ намѣстникомъ Панноніи и сыномъ знаменитаго оратора Маркомъ Валеріемъ Мессаллой такъ-же упорно и частію счастливо, какъ его паннонскій соименникъ боролся съ намѣстникомъ Мезіи Авломъ Цециной. Римскую армію главнымъ образомъ утомляла мелкая война. И въ слѣдующемъ году (7), когда на театрѣ военныхъ дѣйствій выступилъ рядомъ съ Тиверіемъ его племянникъ юный Германикъ, непрерывной борьбѣ не было конца. Только въ третью кампанію (8 г.) удалось привести въ покорность Паннонцевъ, какъ кажется, благодаря главнымъ образомъ тому, что Римляне привлекли на свою сторону ихъ вождя Батона, который заставилъ всѣ свои войска положить оружіе на берегахъ рѣки Басина и выдалъ Римлянамъ своего сотоварища по командованію Пинна, за что и былъ ими признанъ княземъ Бревковъ. Впрочемъ измѣнникъ былъ скоро наказанъ: его далматскій соименникъ поймалъ его и предалъ смертной казни, а за тѣмъ снова раздулъ среди Бревковъ пламя возстанія; но онъ былъ скоро снова побѣжденъ и долженъ былъ ограничиться защитой своего собственнаго отечества.

---

[1]) Если допустить, что изъ двѣнадцати легіоновъ, выступившихъ въ походъ противъ Маробода [Тацитъ, *Лѣтоп*. 2, 46] въ Германіи осталось столько, сколько ихъ оказалось тамъ вскорѣ послѣ того, а именно пять,—то слѣдуетъ заключить, что въ иллирійской арміи Тиверія ихъ было семь; до десяти легіоновъ [Веллей 2, 13] эта армія могла быть доведена подкрѣпленіями, прибывавшими изъ Мезіи и изъ Италіи, а до пятнадцати подкрѣпленіями, прибывшими изъ Египта или изъ Сиріи и дальнѣйшими рекрутскими наборами въ Италіи; хотя вновь набранные въ Италіи легіоны и отправлялись въ Германію, но тѣ, которые были ими замѣнены, присоединились къ арміи Тиверія. Веллей [2, 112] неясно упоминаетъ о пяти легіонахъ, приведенныхъ въ самомъ началѣ войны А. Цециной и Плавтіемъ Сильваномъ ex transmarinis provinciis; во-первыхъ заморскія войска не могли быть немедленно доставлены на мѣсто военныхъ дѣйствій; во-вторыхъ, легіоны Цецины натурально были мезійскими. Сравн. мой коментарій къ Mon. Ancyr. изд. 2, стр. 71.

Въ этомъ случаѣ, точно такъ-же, какъ и въ слѣдующемъ году (9), Германику и другимъ корпуснымъ начальникамъ пришлось выдерживать упорную борьбу въ отдѣльныхъ волостяхъ; въ этомъ 9-мъ году были покорены Пирусты (близь границы Эпира) и Дэзитіаты, изъ которыхъ былъ родомъ самъ вождь, и храбро оборонявшіеся зáмки были взяты одинъ вслѣдъ за другимъ. Въ теченіе лѣта самъ Тиверій снова появился на театрѣ военныхъ дѣйствій и двинулъ всѣ свои боевыя силы противъ остальныхъ инсургентовъ. Батонъ былъ окруженъ римскими войсками въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, въ укрѣпленномъ Андетріумѣ (Мухъ, выше Салоны), и счелъ свое дѣло проиграннымъ. Такъ какъ онъ не былъ въ состояніи склонить своихъ отчаянныхъ соотечественниковъ къ изъявленію покорности, то онъ покинулъ городъ и отдался въ руки побѣдителя, который обошелся съ нимъ съ почетомъ; въ качествѣ политическаго плѣнника, онъ былъ отправленъ на жительство въ Равенну, гдѣ и умеръ. Лишившійся своего вождя непріятель продолжалъ еще довольно долго безплодную борьбу, пока Римляне не взяли зáмка приступомъ,—и, по всему вѣроятію, именно этотъ день 3 августа считался римскими календарями годовщиной той побѣды, которая была одержана Тиверіемъ въ Иллирикѣ.

Война Лентула съ Даками.—И жившіе по ту сторону Дуная Даки не избѣгли мщенія. Вѣроятно послѣ того, какъ иллирійская война окончилась въ пользу Рима, Гней Лентулъ перешолъ съ сильной римской арміей черезъ Дунай, дошолъ до рѣки Марисы (Мароша) и нанесъ Дакамъ сильное пораженіе на ихъ собственной территоріи, въ которую римская армія проникла въ ту пору въ первый разъ. Пятьдесятъ тысячъ взятыхъ въ плѣнъ Даковъ были переселены во Ѳракію.

Позднѣйшіе писатели называли происходившую въ 6—9 годахъ «войну съ Батонами» самой трудной изъ всѣхъ, какія приходилось Риму вести съ внѣшними врагами со временъ войны съ Аннибаломъ. Иллирійскимъ странамъ она нанесла тяжелыя раны; въ Италіи не знали границъ побѣдному ликованію, когда юный Германикъ привезъ въ столицу вѣсть о рѣшительномъ успѣхѣ. Но радость была непродолжительна; почти одновременно съ извѣстіемъ объ этомъ успѣхѣ въ Римъ пришла вѣсть о такомъ пораженіи, какое Августу только однажды пришлось пережить въ теченіе его пятидесяти-лѣтняго управленія, и которое было еще гораздо болѣе важно по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ само по себѣ.

Возстаніе Германцевъ.—Положеніе дѣлъ въ германской провинціи было описано ранѣе. Отпоръ, который обыкновенно слѣдуетъ за утвержденіемъ владычества чужеземцевъ съ неизбѣжностью явленій

природы и который былъ только-что данъ Римлянамъ въ иллирійскихъ странахъ, подготовлялся и среди народовъ, жившихъ на Среднемъ Рейнѣ. Остатки тѣхъ племенъ, которыя жили на самыхъ берегахъ Рейна, конечно, совершенно упали духомъ; но племена, жившія позади ихъ, въ особенности Херуски, Хатты, Бруктеры, Марсы, едва-ли менѣе ихъ пострадали, а отнюдь не впали въ безсиліе. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ каждой волости образовалась партія уступчивыхъ сторонниковъ Рима и рядомъ съ нею національная партія, втайнѣ готовившаяся къ возстанію. Душою этой послѣдней былъ двадцати-шестилѣтній юноша, происходившій изъ княжескаго рода Херусковъ, сынъ Сегимера Арминій; онъ и его братъ Флавъ получили отъ императора Августа римское гражданство и всадническое званіе [1]), и оба съ отличіемъ сражались въ званіи офицеровъ подъ начальствомъ Тиверія въ послѣднихъ римскихъ кампаніяхъ; братъ Арминія еще въ ту пору служилъ въ римской арміи и обзавелся въ Италіи, какъ у себя дома. Понятно, что Римляне относились и къ Арминію съ особымъ довѣріемъ; доносы, которые дѣлалъ на него его соотечественникъ Сегестъ, хорошо знавшій настоящее положеніе дѣлъ, не могли поколебать этого довѣрія вслѣдствіе того, что всѣмъ была извѣстна существовавшая между ними вражда. О дальнѣйшихъ приготовленіяхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; что знать и въ особенности знатное юношество были на сторонѣ патріотовъ, понятно само собой и сверхъ того ясно видно изъ того, что родная дочь Сегеста Туснельда вышла замужъ за Арминія противъ воли своего отца, а ея братъ Сегимундъ и братъ Сегеста Сегимеръ, равно какъ его племянникъ Сезиеакъ играли во время возстанія выдающуюся роль. Это возстаніе не имѣло большихъ размѣровъ и въ этомъ отношеніи далеко уступало тому, которое вспыхнуло въ Иллиріи; въ строгомъ смыслѣ слова его даже едва-ли можно назвать германскимъ. Въ немъ не принимали участія ни жившіе вблизи отъ береговъ моря Батавы, Фризы и Хавки, ни тѣ свевскія племена, которыя находились подъ римскимъ владычествомъ, ни царь Марободъ; въ дѣйствительности возстали только тѣ Германцы, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вступили въ союзъ противъ Рима и противъ

[1]) Это говоритъ Веллей 2, 118: adsiduus militiae nostrae prioris comes, jure etiam civitatis Romanae ejus equestres consequens gradus; а эти слова совпадаютъ съ словами Тацита [*Лѣтоп.* 2, 10] ductor popularium. Въ то время, какъ кажется, нерѣдко служили въ римской арміи такіе офицеры; такъ напримѣръ въ третью кампанію Друза сражались вмѣстѣ съ Римлянами inter primores Chumstinctus et Avectius tribuni ex civitate Nerviorum [Ливій, *посл.* 141], а подъ начальствомъ Германика сражался Харіовальда dux Batavorum [Тац. *Лѣтоп.* 2, 11].

которыхъ было прежде всего направлено наступательное движеніе Друза. Иллирійское восстаніе, безъ сомнѣнія, усилило происходившее въ Германіи броженіе умовъ, но мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ между однородными и почти одновременными восстаніями существовала какая-либо связь; а если-бы такая связь дѣйствительно существовала, то Германцы едва-ли стали-бы откладывать приступъ къ дѣлу до той поры, когда паннонское восстаніе было подавлено, а въ Далматіи сдались на капитуляцію послѣдніе замки. Арминій былъ храбрымъ, хитрымъ и главнымъ образомъ счастливымъ вождемъ въ отчаянной борьбѣ изъ-за утраченной національной независимости; онъ былъ не менѣе того, но не былъ и болѣе.

Варъ.—Что планъ инсургентовъ удался, должно быть поставлено не столько въ заслугу самимъ инсургентамъ, сколько въ вину Римлянамъ. Въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, отозвалось вліяніе войны, которая велась въ Иллиріи. Способные полководцы и, по всему вѣроятію, испытанныя въ бояхъ войска были переведены съ береговъ Рейна на берега Дуная. Находившаяся въ Германіи армія, какъ кажется, не уменьшилась; но она состояла бо́льшею частію изъ новыхъ легіоновъ, организованныхъ во время войны. Дѣло было еще хуже обставлено въ томъ, что касалось выбора главнокомандующаго. Хотя намѣстникъ Публій Квинктилій Варъ [1]) былъ женатъ на одной изъ племянницъ императора, обладалъ нечестно пріобрѣтеннымъ княжескимъ состояніемъ и былъ одаренъ княжескимъ тщеславіемъ, но былъ тяжелъ на подъемъ, тупоуменъ и не имѣлъ никакихъ военныхъ дарованій и никакой военной опытности; это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ высокопоставленныхъ Римлянъ, которые, вслѣдствіе стараго обыкновенія соединять административныя должности съ обязанностями высшихъ лицъ военнаго званія, носили перевязь главнокомандующаго точно такъ-же, какъ ее носилъ Цицеронъ. Онъ не умѣлъ ни щадить новыхъ подданныхъ ни проникать ихъ замыслы; онъ совершалъ такія же притѣсненія и вымогательства, къ какимъ привыкъ въ бытность намѣстникомъ терпѣливой Сиріи; въ его главную квартиру толпами стекались адвокаты и кліенты; заговорщики съ признательностью и смиреніемъ всѣхъ чаще искали

---

[1]) Изображеніе Вара можно видѣть на одной мѣдной монетѣ африканскаго города Ахоллы, вычеканенной въ то время, какъ онъ былъ проконсуломъ Африки въ 747—8 году отъ осн. Р., въ 7—6 году до Р. Х. [L. Müller, Num. de l'ancienne Afrique 2, стр. 44; сравн. съ стр. 52]. Благодаря раскопкамъ, которыя производились въ Пергамѣ, былъ открытъ фундаментъ статуи, воздвигнутой въ честь его этимъ городомъ; надпись на этомъ фундаментѣ гласитъ: ὁ δῆμος [ἐτίμησεν] Πόπλιον Κοινκτίλιον Σέξτου υἱὸ[ν] Οὐάρ[ον] πάσης ἀρετῆ[ς ἕνεκα].

у него суда и расправы, и сѣть, въ которую попалъ надменный преторъ, опутывала его все крѣпче и крѣпче.

Римская армія находилась въ то время въ своемъ нормальномъ составѣ. Въ провинціи стояли по меньшей мѣрѣ пять легіоновъ, изъ которыхъ два имѣли свой зимній лагерь въ Могонтіакѣ, а три въ Ветерѣ или частію также въ Ализонѣ. Лѣтній лагерь этихъ послѣднихъ находился въ 9 г. на Везерѣ. Естественный соединительный путь между верхней Липпой и Везеромъ идетъ черезъ отдѣляющую долину Эмса отъ долины Везера цѣпь незначительныхъ возвышенностей Оснингскихъ и Липпскаго лѣса, и черезъ Дёрское ущелье въ долину рѣки Верры, впадающей въ Везеръ подлѣ Реме, неподалеку отъ Миндена. Вблизи отъ этого пункта также стояли въ то время лагеремъ легіоны Вара. Само собой разумѣется, что этотъ лѣтній лагерь былъ соединенъ этапнымъ путемъ съ Ализономъ, который служилъ опорнымъ пунктомъ для римскихъ позицій на правомъ берегу Рейна. Хорошее время года прошло и всѣ стали готовиться въ обратный путь. Тогда пришло извѣстіе, что одна изъ сосѣднихъ волостей возстала, и Варъ рѣшился вести армію назадъ не по упомянутой выше этапной дорогѣ, а окольнымъ путемъ для того, чтобъ мимоходомъ привести возставшую волость въ покорность [1]). Армія тронулась съ мѣста, а послѣ того, какъ отъ нея были отдѣлены многочисленные мелкіе отряды для особыхъ командировокъ, она состояла изъ трехъ легіоновъ и изъ девяти отрядовъ второклассныхъ войскъ, то-есть почти изъ 20,000 человѣкъ [2]).

---

[1]) Разсказъ Діона,—единственный разсказъ, описывающій эту катастрофу съ нѣкоторою послѣдовательностью,—можетъ служить удовлетворительнымъ ея объясненіемъ, если къ нему присовокупить различіе [на которое не указываетъ Діонъ] между лагерями лѣтнимъ и зимнимъ и если сверхъ того отвѣтить на вопросъ, которымъ вполнѣ основательно задается Ранке [*Всемірная Исторія*, 3, 2, 275]: какимъ образомъ для подавленія мѣстнаго возстанія могла выступить въ походъ вся армія. По мнѣнію этого ученаго, разсказъ Флора основанъ не на какихъ-либо иныхъ первоначальныхъ источникахъ, а просто на драматическомъ сопоставленіи мотивовъ, какъ это свойственно всѣмъ историкамъ этого рода. Болѣе вѣрное историческое изложеніе также признаетъ, что Варъ отправлялъ правосудіе въ миролюбивомъ духѣ и что его лагерь былъ взятъ приступомъ; оно также допускаетъ причинную связь между этими двумя фактами; но что касается смѣшнаго разсказа, будто въ то время, какъ Варъ предсѣдалъ въ судѣ, а глашатай вызывалъ тяжущихся, Германцы ворвались въ лагерь со всѣхъ сторонъ, то это—не историческій разсказъ, а нарисованная на тему этого разсказа картина. Она, очевидно, находится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи не только съ здравымъ смысломъ, но и съ находящимися у Тацита описаніемъ трехъ походныхъ лагерей.

[2]) Нормальная сила трехъ *алъ* и шести когортъ не можетъ быть въ точности опредѣлена, потому что въ ихъ составъ, быть можетъ, входили особые двойные отряды [m i l i a r i a e]; но въ арміи не могло быть много болѣе 20,000

Когда она отошла довольно далеко отъ своей коммуникаціонной линіи и довольно глубоко проникла внутрь неудобопроходимой мѣстности, союзники подали въ сосѣднихъ волостяхъ сигналъ къ возстанію, перебили стоявшихъ у нихъ небольшими отрядами солдатъ и со всѣхъ сторонъ устремились изъ горныхъ ущелій и лѣсовъ на подвигавшуюся впередъ армію намѣстника. Арминій и самые знатные вожди патріотовъ оставались въ римской главной квартирѣ до послѣдней минуты для того, чтобъ поддерживать самоувѣренность Вара; еще вечеромъ наканунѣ того дня, когда вспыхнуло возстаніе, они ужинали у Вара въ палаткѣ главнокомандующаго, а Сегестъ извѣстилъ этого послѣдняго о предстоящемъ взрывѣ и умолялъ немедленно арестовать и его самого и тѣхъ, на кого онъ донесъ, и за тѣмъ ожидать, чтобъ его обвиненіе оправдалось на дѣлѣ. Но довѣріе Вара было непоколебимо. Вставъ изъ-за стола, Арминій поскакалъ къ инсургентамъ и на слѣдующій день появился передъ валомъ, окружавшимъ римскій лагерь. Военное положеніе было не лучше и не хуже того, въ какомъ находилась армія Друза передъ битвой при Арбалонѣ и въ какомъ нерѣдко находились римскія арміи при такихъ-же обстоятельствахъ; сообщенія были внезапно прерваны; обремененная большимъ обозомъ армія находилась въ непроходимой мѣстности въ дурную дождливую осеннюю погоду и была отдѣлена отъ Ализона нѣсколькими переходами, а нападающіе, безъ сомнѣнія, были гораздо многочисленнѣе Римлянъ. Въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ того, какъ хороша армія, и если на этотъ разъ исходъ борьбы былъ не въ пользу Римлянъ, то главной причиной пораженія были неопытность молодыхъ солдатъ и въ особенности неспособность и малодушіе вождя. Послѣ того, какъ римская армія подверглась нападенію, она въ теченіе еще трехъ дней продолжала подвигаться,—безъ сомнѣнія уже въ направленіи къ Ализону; но непріятель все болѣе и болѣе тѣснилъ ее, а ея деморализація все болѣе и болѣе усиливалась. Даже высшіе начальники не всегда вели себя, какъ слѣдуетъ; одинъ изъ нихъ ускакалъ вмѣстѣ со всей конницей съ поля битвы, такъ что пѣхотѣ пришлось одной выдерживать борьбу. Прежде всѣхъ совершенно упалъ духомъ самъ главнокомандующій; будучи раненъ во время сраженія, онъ лишилъ себя жизни прежде нежели наступила окончательная развязка и такъ преждевременно, что его подчиненные еще могли

человѣкъ. Съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія допускать существенную разницу между ея наличными и нормальными боевыми силами. Тотъ фактъ, что многочисленные отряды были отряжены въ разныя командировки [Діонъ, 56, 19] объясняется тѣмъ, что при арміи находилось сравнительно незначительное число вспомогательныхъ войскъ, которыя обыкновенно употреблялись на такія командировки.

попытаться предать его трупъ сожженію для того, чтобъ этотъ трупъ не сдѣлался предметомъ поруганія со стороны непріятеля. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые изъ высшихъ офицеровъ. Такъ какъ послѣ этого уже исчезла послѣдняя надежда, то оставшійся во главѣ арміи начальникъ сдался на капитуляцію, отказавшись даже отъ чести умереть солдатскою смертію. Такъ погибла осенью 9 года послѣ Р. Х. римская армія въ одной изъ долинъ тѣхъ горъ, которыми опоясана область Мюнстера [1]). Всѣ три орла

---

[1]) Такъ какъ Германикъ, выступивъ отъ береговъ Эмса, опустошилъ страну между Эмсомъ и Липпой, то-есть область Мюнстера, а неподалеку оттуда находится Teutoburgiensis saltus, гдѣ погибла армія Вара [Тацитъ, *Льтоп*. 1, 61], то слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду, что это указаніе мѣстности не можетъ относиться къ плоской Мюнстерской территоріи и должно быть отнесено къ той цѣпи Оснингскихъ возвышенностей, которая опоясываетъ область Мюнстера съ сѣверо-востока; впрочемъ оно могло-бы быть отнесено и къ той цѣпи горъ [Wiehengebirge], которая тянется немного далѣе къ сѣверу паралельно съ Оснингскими горами отъ Миндена до истоковъ Гунты. Намъ не извѣстенъ тотъ пунктъ на Везерѣ, гдѣ находился лѣтній лагерь; но въ виду близости Ализона къ Падерборну и соединительнаго пути между этимъ послѣднимъ и Везеромъ, кажется правдоподобнымъ, что этотъ лагерь находился неподалеку отъ Миндена. Направленіе, въ которомъ двигалась возвращавшаяся армія, могло быть всякое другое, но не самое прямое къ Ализону, а потому катастрофа произошла не на пути военныхъ сообщеній между Минденомъ и самымъ Падерборномъ, а въ болѣе или менѣе значительномъ отъ него разстояніи. Варъ могъ двинуться изъ Миндена въ болѣе или менѣе прямомъ направленіи къ Оснабрюку, а потомъ, когда его армія подверглась нападенію, быть можетъ, попытался пробраться оттуда къ Падерборну, но на пути погибъ среди одной изъ двухъ вышеупомянутыхъ горныхъ цѣпей. Въ теченіе многихъ столѣтій, въ окрестностяхъ Венны, вблизи отъ истоковъ Гунты, находили множество римскихъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ,—такихъ, какія были въ обращеніи во времена Августа; но тѣ монеты, которыя были въ обращеніи въ болѣе позднія времена, тамъ вовсе не попадались [сравн. у Поля Гёфера [Paul Höfer] цитаты касательно кампаніи Германика въ 16 году. Гота, 1884. стр. 82 и сл.]. Эти находки не могли входить въ составъ одного клада, такъ какъ были разнообразнаго происхожденія и были изъ различныхъ металловъ; они не могли принадлежать какому-нибудь торговому заведенію потому, что не заходили далѣе одной опредѣленной эпохи; они очень похожи на имущество, оставшееся отъ истребленной арміи, а дошедшія до насъ свѣдѣнія о пораженіи Вара сходятся съ указаніями на эту мѣстность.—О томъ, въ какомъ году случилась катастрофа, не слѣдовало-бы возбуждать споровъ; мнѣніе тѣхъ, которые относятъ ее къ 10 году, явно ошибочно. Время года, въ которое она случилась, въ нѣкоторой мѣрѣ опредѣляется тѣмъ фактомъ, что между устройствомъ празднества по случаю одержанной въ Иллирикѣ побѣды и полученіемъ въ Римѣ извѣстія о случившемся несчастіи прошло только пять дней, а это празднество было устроено, по всему вѣроятію, по случаю побѣды, одержанной 3 августа, хотя и не состоялось немедленно вслѣдъ за нею. Поэтому слѣдуетъ полагать, что Варъ потерпѣлъ

попали въ руки непріятеля. Ни одинъ отрядъ не пробился сквозь непріятельскіе ряды,—не пробились и тѣ всадники, которые покинули своихъ ратныхъ товарищей; спаслись только немногіе изъ тѣхъ, которые бѣжали по одиночкѣ въ разсыпную. Плѣнники, въ особенности офицеры и адвокаты, были или распяты на крестахъ, или погребены живыми, или умерли, истекая кровью подъ жертвеннымъ ножемъ германскихъ жрецовъ. Отрубленныя головы были пригвождены, въ качествѣ побѣдныхъ трофеевъ, къ деревьямъ священной рощи. Возстаніе противъ иноземнаго владычества распространилось во всѣ стороны; инсургенты надѣялись, что къ нимъ присоединится Марободъ; на всемъ восточномъ берегу Рейна, римскіе посты и большія дороги перешли во власть побѣдителя. Только въ Ализонѣ было оказано энергическое сопротивленіе храбрымъ комендантомъ Луціемъ Цедиціемъ, который былъ не офицеръ, а старый опытный солдатъ; его стрѣлки отбили у неимѣвшихъ дальнострѣльнаго оружія Германцевъ охоту стоять лагеремъ передъ крѣпостнымъ валомъ и принудили ихъ замѣнить осаду блокадой. Когда у осажденныхъ истощились всѣ запасы, а помощи они все еще ниоткуда не получали, Цедицій вышелъ изъ крѣпости въ одну темную ночь и этотъ остатокъ арміи добрался до находившагося въ Ветерѣ лагеря, не смотря на то, что былъ обремененъ многочисленными женщинами и дѣтьми и понесъ большія потери отъ нападеній Германцевъ. Туда-же прибыли подъ начальствомъ Луція Нонія Аспрены оба легіона, стоявшіе въ Майнцѣ, лишь только до нихъ дошло извѣстіе о катастрофѣ. Энергическая оборона Ализона и поспѣшное прибытіе Аспрены не дозволили Германцамъ проникнуть на лѣвый берегъ Рейна и, быть можетъ, предотвратили возстаніе галльскаго населенія противъ Рима.

Тиверій снова появляется на Рейнѣ.—Пораженіе было въ нѣкоторой мѣрѣ заглажено тѣмъ, что рейнская армія немедленно была не только пополнена, но значительно усилена. Тиверій снова принялъ главное надъ нею начальство, а если въ теченіе того года (10), который слѣдовалъ за пораженіемъ Вара, на страницы военной исторіи не было занесено никакихъ сраженій, то это, по всему вѣроятію, объясняется тѣмъ, что въ ту пору происходило занятіе рейнской границы восемью легіонами и одновременно съ тѣмъ раздѣленіе этого военнаго округа на округъ верхне-рейнской арміи съ главной квартирой въ Майнцѣ и на округъ нижне-рейнской арміи съ главной квартирой въ Ветерѣ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что

пораженіе въ сентябрѣ или въ октябрѣ, а это предположеніе согласно съ тѣмъ фактомъ, что послѣдній походъ Вара, очевидно, былъ возвратнымъ переходомъ изъ лѣтняго лагеря въ зимній.

въ ту пору тамъ вводились тѣ порядки, которые затѣмъ оставались въ силѣ въ теченіе многихъ столѣтій. Слѣдовало ожидать, что вслѣдъ за этимъ усиленіемъ рейнской арміи будетъ снова энергически приступлено къ военнымъ дѣйствіямъ на правомъ берегу Рейна. Римско-германская война не была войной между двумя находящимися въ политическомъ равновѣсіи державами, въ которой пораженіе одной изъ этихъ державъ могло-бы привести къ заключенію невыгоднаго для нея мира; это была борьба цивилизованнаго и благоустроеннаго государства съ храброй, но въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ варварской націей; ея окончательный исходъ можно было заранѣе предвидѣть, а отдѣльная неудача ничего не измѣняла въ задуманномъ планѣ, точно такъ, какъ порывъ вѣтра, который заноситъ корабль въ сторону отъ его пути, не заставляетъ его отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія. Но то, чего слѣдовало ожидать, не случилось. Тиверій хотя и перешолъ въ слѣдующемъ (11) году черезъ Рейнъ, но эта экспедиція не имѣла сходства съ тѣми, которыя ей предшествовали. Онъ провелъ лѣто на той сторонѣ рѣки и тамъ отпраздновалъ день рожденія императора; но армія простояла у самыхъ береговъ Рейна, и о походахъ на берега Везера и Эльбы вовсе не было рѣчи;—очевидно, имѣлось въ виду лишь доказать Германцамъ, что Римляне еще не позабыли, какимъ путемъ можно проникнуть въ ихъ страну, и сверхъ того можетъ быть именно въ ту пору вводились на правомъ берегу Рейна тѣ порядки, которыхъ требовало измѣненіе политическихъ условій.

Германикъ на Рейнѣ.—Званіе главнокомандующаго, которому были подчинены обѣ арміи, не было упразднено и по прежнему возлагалось на принцевъ императорскаго дома. Германикъ уже носилъ это званіе въ 11 году на ряду съ Тиверіемъ; въ слѣдующемъ (12) году Германикъ былъ задержанъ въ Римѣ отправленіемъ своихъ консульскихъ обязанностей и Тиверій одинъ командовалъ на Рейнѣ; въ началѣ 13 года Германикъ принялъ единолично главное начальство надъ арміей. Предполагалось, что Римъ находится въ войнѣ съ Германіей; но тѣ годы были годами бездѣйствія [1]). Пылкій и

[1]) О томъ, что военное положеніе не прекращалось, свидѣтельствуютъ Тацитъ [*Лѣтоп.* 1, 9] и Діонъ [56, 26]; но они не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о мнимыхъ походахъ, относящихся къ лѣту 12, 13 и 14 годовъ, такъ что экспедиція, которую предпринялъ Германикъ осенью 14 года, по видимому, была его первой экспедиціей. Германикъ, по всему вѣроятію, былъ провозглашонъ императоромъ еще при жизни Августа [Mon. Ancyr. стр. 17]; но намъ ничто не мѣшаетъ отнести это провозглашеніе къ кампаніи 11 года, во время которой Германикъ командовалъ вмѣстѣ съ Тиверіемъ съ проконсульскою властію [Діонъ 56, 25.] Въ 12 году онъ жилъ въ Римѣ для отправленія консульскихъ обязанностей, которыя онъ удерживалъ за собою въ теченіе всего года и къ которымъ

честолюбивый наслѣдный принцъ не охотно подчинялся наложенному на него стѣсненію: понятно, что, какъ человѣкъ военнаго званія, онъ не могъ позабыть объ оставшихся въ рукахъ непріятеля трехъ орлахъ, а, какъ родной сынъ Друза, желалъ возстановить разрушенное зданіе, которое было первоначально воздвигнуто его отцемъ. Поводъ къ тому скоро представился или былъ имъ найденъ. 19 августа 14 года скончался императоръ Августъ. Первое замѣщеніе вакантнаго престола въ новой монархіи не обошлось безъ кризиса и Германикъ имѣлъ случай доказать своему отцу на дѣлѣ, что можно расчитывать на его преданность. Но въ этомъ-же событіи онъ нашолъ поводъ для исполненія своего давнишняго желанія вторгнуться въ Германію по собственному почину; онъ объявилъ, что вынужденъ предпринять эту кампанію для того, чтобъ подавить небезопасное волненіе умовъ, вызванное среди легіоновъ восшествіемъ на престолъ новаго императора. Былъ-ли это основательный поводъ или просто предлогъ, мы не знаемъ, а, можетъ быть, и. самъ онъ не зналъ. Главнокомандующему рейнской арміи нельзя было безусловно запрещать переходить черезъ границу и отъ него всегда въ нѣкоторой степени зависѣло разрѣшеніе вопроса, какъ далеко слѣдовало проникать внутрь Германіи. Онъ, быть можетъ, при этомъ полагалъ, что дѣйствуетъ въ духѣ новаго властителя, который уже прежде того имѣлъ одинакое съ своимъ братомъ право называться побѣдителемъ Германцевъ, и который возвѣстилъ о своемъ намѣреніи посѣтить рейнскій лагерь, какъ можно было предполагать, съ цѣлію снова приступить къ завоеванію Германіи, пріостановленному по приказанію Августа. Какъ-бы то ни было, но по ту сторону Рейна снова была предпринята наступательная война. Еще осенью 14 года Германикъ самъ перешолъ подлѣ Ветеры черезъ Рейнъ съ отрядами отъ всѣхъ легіоновъ и проникъ вверхъ по Липпѣ довольно далеко внутрь страны, опустошая все вокругъ, убивая жителей и разрушая храмы,—въ томъ числѣ высокочтимый храмъ Танфаны. Пострадавшіе болѣе всѣхъ, Бруктеры, Тубанты и Узипеты попытались приготовить наслѣдному принцу, на его возвратномъ пути, такую-же участь, какая постигла Вара; но ихъ нападеніе не удалось вслѣдствіе энергической стойкости легіоновъ. Такъ какъ это вторженіе не вызвало порицанія, а напротивъ того доставило главнокомандующему изъявленія признательности и почетныя отличія, то онъ на этомъ не остановился.

въ ту пору еще относились серьозно; этимъ объясняется, почему Тиверій,—какъ это теперь доказано [Hermann Schulz, Quaest. Ovidianae. Greifswald 1883, стр. 15 и сл.],—еще въ 12 г. отправился въ Германію и сложилъ съ себя главное командованіе рейнской арміи не прежде начала 13 года, въ одно время съ празднованіемъ одержанной въ Паннoніи побѣды.

Походъ 15 года.—Весной 15 года онъ собралъ свои главныя боевыя силы неподалеку отъ средняго Рейна и, лично выступивъ изъ Майнца противъ Хаттовъ, прошолъ до верхнихъ притоковъ Везера, между тѣмъ какъ нижне-рейнская армія напала далѣе къ сѣверу на Херусковъ и Марсовъ. Для такого образа дѣйствій могло въ нѣкоторой степени служить оправданіемъ то, что преданные Римлянамъ Херуски, вынужденные, подъ непосредственнымъ вліяніемъ катастрофы Вара, примкнуть къ патріотамъ, снова вступили въ ту пору въ открытую борьбу съ гораздо болѣе сильной національной партіей и просили Германика о защитѣ. Римлянамъ удалось освободить преданнаго имъ Сегеста отъ сильно притѣснявшихъ его соотечественниковъ и при этомъ захватить его дочь, которая была женой Арминія; братъ Сегеста Сегимеръ, когда-то принадлежавшій вмѣстѣ съ Арминіемъ къ числу вождей патріотовъ, также покорился; внутренніе раздоры Германцевъ еще разъ расчистили путь для владычества иноземцевъ. Въ томъ же году Германикъ предпринялъ болѣе важный походъ въ область Эмса; Цецина двинулся изъ Ветеры къ верхнему Эмсу, а самъ Германикъ туда-же направился съ флотомъ отъ устьевъ Рейна; конница шла вдоль берега рѣки по территоріи преданныхъ Фризовъ. Снова соединивши свои силы, Римляне стали опустошать владѣнія Бруктеровъ и всю страну между Эмсомъ и Липпой, а оттуда завернули на то роковое мѣсто, гдѣ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ погибла армія Вара; они пожелали воздвигнуть надгробный памятникъ своимъ павшимъ товарищамъ. При дальнѣйшемъ движеніи впередъ, Арминій и ожесточившіяся массы патріотовъ завлекли римскую конницу въ засаду и она была бы истреблена, если-бы подоспѣвшая пѣхота не предотвратила болѣе грозной бѣды. Возвращеніе съ береговъ Эмса, совершившееся тѣмъ же путемъ, котораго держались при наступленіи, было сопряжено съ большими опасностями. Конница достигла зимняго лагеря, не понеся потерь. Такъ какъ по причинѣ затруднительнаго плаванія—это было незадолго до осенняго равноденствія,—флотъ оказался недостаточнымъ для пѣхоты четырехъ легіоновъ, то Германикъ снова высадилъ два изъ нихъ на берегъ и приказалъ имъ возвращаться домой вдоль берега; но такъ какъ они не имѣли достаточныхъ свѣдѣній о происходящихъ въ это время года приливахъ и отливахъ, то они лишились своего багажа и сами едва не утонули. Обратный переходъ четырехъ легіоновъ Цецины отъ Эмса до Рейна былъ очень похожъ на возвращеніе Вара; болотистая мѣстность, черезъ которую они проходили, представляла даже болѣе серьозныя трудности, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчались въ ущельяхъ лѣсистыхъ горъ. Всѣ мѣстные жители, предводимые обоими князьями Херусковъ, Арминіемъ и его вліятельнымъ дядей Ингвіомеромъ, устремились на отступавшія войска въ полной увѣренности, что приготовили имъ

одинакую съ легіонами Вара участь, и со всѣхъ сторонъ окружили болота и лѣса. Но старый вождь, закаленный опытомъ сорока-лѣтней военной службы, не утратилъ хладнокровія въ минуты крайней опасности и твердою рукою велъ свои оробѣвшія и проголодавшіяся войска. Впрочемъ, можетъ быть, и онъ не избѣжалъ-бы гибели, если-бы Германцы, лишивши Римлянъ, послѣ одного удачнаго нападенія, большей части ихъ кавалеріи и почти всего багажа, не увлеклись увѣренностью въ побѣдѣ и жаждою добычи,—еслибы они не послѣдовали, наперекоръ совѣтамъ Арминія, за другимъ вождемъ и вмѣсто того, чтобъ еще плотнѣе окружить непріятеля, не попытались взять римскій лагерь приступомъ. Цецина выждалъ, чтобъ Германцы подошли къ самому валу и за тѣмъ устремился на нихъ изъ всѣхъ воротъ и проходовъ съ такою яростью, что они потерпѣли тяжелое пораженіе; за тѣмъ дальнѣйшее отступленіе совершилось безъ серьозныхъ препятствій. На берегахъ Рейна уже считали эту армію погибшей и намѣревались снять мостъ подлѣ Ветеры для того, чтобъ по меньшей мѣрѣ воспрепятсвовать вторженію Германцевъ въ Галлію; только энергическій протестъ женщины,—супруги Германика и дочери Агриппы,—заставилъ отказаться отъ этого малодушнаго и постыднаго намѣренія.—Такимъ образомъ, снова предпринятое покореніе Германіи не началось удачей. Хотя римскія войска снова прошли черезъ страны, лежащія между Рейномъ и Везеромъ, но они не могли сослаться ни на какіе рѣшительные успѣхи, а громадныя потери припасовъ и въ особенности лошадей были такъ тяжелы, что италійскіе города и западныя провинціи,—точно такъ-же, какъ и во времена Сципіоновъ,—приняли участіе въ патріотической складчинѣ для возмѣщенія понесенныхъ потерь.

Походъ 16 года.—Въ слѣдующую кампанію (16 г.) Германикъ измѣнилъ свой планъ военныхъ дѣйствій: онъ попытался покорить Германію, нападая на нее съ моря и опираясь на флотъ, частію потому, что жившіе вдоль побережья Батавы, Фризы и Хавки были болѣе или менѣе преданы Римлянамъ, и частію потому, что этимъ путемъ сокращались утомительные и губительные переходы отъ Рейна къ Везеру и Эльбѣ и обратно. Проведя весну этого года, точно такъ-же какъ и весну предшествовавшаго года, въ быстрыхъ нашествіяхъ на страны, лежащія вдоль Майна и Липпы, онъ въ началѣ лѣта посадилъ всю свою армію близь устьевъ Рейна на изготовлявшійся тѣмъ временемъ сильный флотъ изъ 1000 транспортныхъ судовъ, и достигъ, безъ всякихъ потерь, устьевъ Эмса, гдѣ флотъ и остался; оттуда онъ, вѣроятно, прошелъ вверхъ по Эмсу до устьевъ Газы, а за тѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до долины Верры и черезъ эту долину къ Везеру. Этимъ способомъ онъ избѣ-

кахъ необходимости вести свою восьмидесяти-тысячную армію черезъ Тевтобургскій лѣсъ, гдѣ ея снабженіе продовольствіемъ было-бы сопряжено съ большими затрудненіями, обезпечилъ доставку провіанта изъ того мѣста, гдѣ находилась стоянка флота и могъ напасть на Херусковъ на правомъ берегу Везера не съ фронта, а съ фланга. Тамъ Римлянамъ пришлось имѣть дѣло со всѣми военными силами Германцевъ, предводимыми все тѣми-же двумя вождями партіи патріотовъ, Арминіемъ и Ингвіомеромъ; какъ велики были боевыя силы этихъ послѣднихъ, видно изъ того факта, что сначала въ странѣ Херусковъ на самыхъ берегахъ Везера, а потомъ немного далѣе внутри страны [1]), они два раза,—второй разъ вскорѣ послѣ перваго,—вступали въ открытомъ полѣ въ бой со всей римской арміей, и въ обѣихъ битвахъ упорно оспаривали побѣду. Тѣмъ не менѣе побѣда осталась за Римлянами и значительное число германскихъ патріотовъ легло на полѣ сраженія,—такъ какъ въ плѣнъ никого не брали и оба противника сражались съ крайнимъ ожесточеніемъ; второй трофей Германика гласилъ о покореніи всѣхъ германскихъ народовъ между Рейномъ и Эльбой; сынъ ставилъ эту кампанію наряду съ блестящими кампаніями своего отца и сообщалъ въ Римъ, что въ слѣдующую кампанію онъ завершитъ покореніе Германіи. Но раненный Арминій спасся бѣгствомъ и впослѣдствіи по прежнему стоялъ во главѣ патріотовъ, а одно непредвидѣнное несчастіе уничтожило плоды побѣды. Въ то время, какъ большая часть легіоновъ возвращалась изъ похода моремъ, транспортныя суда были застигнуты одною изъ тѣхъ бурь, которыя свирѣпствуютъ въ Сѣверномъ морѣ въ осеннее время года; суда были разбросаны во всѣ стороны до острововъ Сѣвернаго моря и даже до береговъ Британіи; изъ нихъ большая часть погибла, а на тѣхъ, которыя уцѣлѣли, солдаты, въ большинствѣ случаевъ, побросали въ море лошадей и багажъ и должны были радоваться тому, что сохранили свою жизнь. Подобно тому, какъ это случалось во времена Пуническихъ войнъ, понесенныя во время морскаго переѣзда потери равнялись потерямъ отъ пораженія; самъ Германикъ, заброшенный съ своимъ адмиральскимъ кораблемъ на пустынный берегъ, принадлежавшій къ территоріи Хавковъ, былъ въ отчаяніи отъ того, что эта неудача лишала его возможности искать смерти на томъ самомъ океанѣ, къ содѣйствію котораго онъ такъ насто-

[1]) Мнѣніе Шмидта [Westfäl. Zeitschrift 20, стр. 301], что первая изъ этихъ битвъ происходила на Идиставизійскомъ полѣ подлѣ Бюкебурга, а вторая,—по причинѣ упоминаемыхъ при ея описаніи болотъ,—вѣроятно происходила близъ Штейнгудерскаго озера у лежащей къ югу отъ него деревнѣ Бергкирхенѣ, недалеко отъ истины и по меньшей мѣрѣ наглядно. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ большей части Тацитовскихъ описаній сраженій было бы напрасно искать точныхъ указаній.

ятельно и такъ тщетно взывалъ въ началѣ этой кампаніи. Впрочемъ, впослѣдствіи обнаружилось, что потери людьми не были такъ велики, какъ сначала казалось, а нѣсколько удачныхъ ударовъ, которые полководецъ нанесъ сосѣднимъ варварамъ послѣ своего возвращенія на Рейнъ, снова ободрили упавшія духомъ войска. Но вообще эта кампанія 16 года, по сравненію съ кампаніей предшествовавшаго года, хотя и окончилась болѣе блестящими побѣдами, но причинила и болѣе чувствительныя потери.

Перемѣна въ положеніи дѣлъ.—Отозваніе Германика было вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіемъ званія главнокомандующаго рейнскихъ армій. Уже одно раздѣленіе высшей военной власти установляло предѣлы для тѣхъ военныхъ дѣйствій, которыя велись до того времени; тотъ фактъ, что Германикъ не только былъ отозванъ, но и не былъ никѣмъ замѣненъ, находился въ связи съ устройствомъ обороны на Рейнѣ. Оттого-то походъ 16 года и былъ послѣднимъ походомъ, предпринятымъ Римлянами съ цѣлію покоренія Германіи и перенесенія границы съ Рейна на Эльбу. Что кампаніи Германика имѣли въ виду именно эту цѣль, видно и изъ того, какъ онѣ велись и изъ трофея, прославлявшаго перенесеніе границы на Эльбу. Даже возстановленіе правобережныхъ прирейнскихъ военныхъ сооруженій—замковъ на Таунусѣ, равно какъ укрѣпленій Ализона и линіи, соединявшей эти укрѣпленія съ Ветерой,—лишь частію входило въ составъ того занятія правыхъ береговъ Рейна, которое согласовалось съ ограниченнымъ планомъ операцій, установленнымъ послѣ пораженія Вара, но частію оно заходило много далѣе. Но чего желалъ главнокомандующій, того не желалъ или не вполнѣ желалъ императоръ. Болѣе, нежели вѣроятно, что Тиверій съ самаго начала болѣе терпѣлъ нежели дозволялъ предпріятія Германика на Рейнѣ. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, отзывая Германика зимой $^{16}/_{7}$ года, онъ желалъ положить предѣлъ этимъ предпріятіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что часть того, что было пріобрѣтено, была покинута, такъ напримѣръ гарнизонъ былъ выведенъ изъ Ализона. Точно такъ, какъ отъ воздвигнутаго въ Тевтобургскомъ лѣсу побѣднаго памятника Германикъ не нашолъ, только черезъ годъ послѣ его сооруженія, ни единаго камня, и результаты одержанныхъ имъ побѣдъ исчезли безслѣдно и ни одинъ изъ его преемниковъ болѣе не пытался строить на томъ-же фундаментѣ.

Такъ какъ Августъ считалъ покоренную Германію утраченной послѣ пораженія Вара, а когда это покореніе было снова предпринято, Тиверій приказалъ прекратить его, то есть основаніе задаться вопросомъ, какими мотивами руководствовались эти два выдающихся монарха и какое значеніе имѣли эти важныя событія въ общей системѣ государственнаго управленія.

Пораженіе Вара составляетъ загадку не съ военной, а съ политической точки зрѣнія, не въ томъ, какъ оно случилось, а по своимъ послѣдствіямъ. Августъ не былъ неправъ, когда требовалъ возврата своихъ утраченныхъ легіоновъ не отъ непріятеля и не отъ судьбы, а отъ ихъ вождя; это было одно изъ тѣхъ несчастій, которыя отъ времени до времени приходится выносить каждому государству по винѣ неопытныхъ полководцевъ; трудно понять, какимъ образомъ уничтоженіе двадцати-тысячной арміи, не сопровождавшееся никакими другими военными послѣдствіями, могло произвести рѣшительный переворотъ въ общей политикѣ благоразумно управляемаго всемірнаго государства. А между тѣмъ оба властителя выносили то пораженіе съ такимъ безпримѣрнымъ терпѣніемъ, которое могло поставить правительство въ опасное положеніе и по отношенію къ арміи и по отношенію къ сосѣдямъ; они превратили въ окончательное заключеніе мира тотъ мирный договоръ съ Марободомъ, который первоначально былъ заключенъ, безъ сомнѣнія, лишь съ цѣлію временно пріостановить военныя дѣйствія, и уже болѣе не пытались овладѣть долиною верхней Эльбы. Тиберію, должно быть, нелегко было смотрѣть, какъ разрушалось великое зданіе, которое онъ началъ возводить вмѣстѣ съ своимъ братомъ, а по смерти этого послѣдняго самъ почти довелъ до конца; горячее рвеніе, съ которымъ онъ снова взялся за начатую десять лѣтъ назадъ германскую войну, лишь только снова принялъ участіе въ дѣлахъ управленія, можетъ служить мѣриломъ того, какъ тяжелъ былъ для него этотъ попятный шагъ. А такъ какъ не только Августъ, но послѣ смерти Августа и самъ Тиберій не хотѣлъ продолжать начатаго дѣла, то причину этого слѣдуетъ искать лишь въ томъ, что оба они признали неисполнимымъ проэктъ измѣненія сѣверной границы, къ осуществленію котораго стремились въ теченіе двадцати лѣтъ, и что, по ихъ убѣжденію, покореніе и удержаніе странъ между Рейномъ и Эльбою были государству не по силамъ.

Такъ какъ прежняя граница имперіи шла отъ средняго Дуная къ его истокамъ и къ верхнему Рейну, а за тѣмъ внизъ по этой послѣдней рѣкѣ, то она, безъ сомнѣнія, значительно сократилась бы и сдѣлалась бы болѣе удобной, еслибы была перенесена на Эльбу, приближающуюся у своихъ истоковъ къ среднему Дунаю, и была бы проведена вдоль всего теченія Эльбы; помимо очевидныхъ выгодъ въ военномъ отношеніи, при этомъ, по всему вѣроятію, вліяло и то соображеніе, что однимъ изъ руководящихъ принциповъ Августовской политики было какъ можно болѣе удалять отъ Рима и отъ Италіи центры обширныхъ военныхъ командованій, и что, при дальнѣйшемъ расширеніи римскаго владычества, поставленная на Эльбѣ армія едва-ли играла-бы такую-же роль, какую слишкомъ скоро присвоила себѣ рейнская армія. Чтобъ достигнуть этой цѣли,

нужно было побѣдить партію германскихъ патріотовъ и царствовавшаго въ Богеміи свевскаго короля; это были нелегкія задачи, однако Римляне уже разъ были очень близко отъ ихъ разрѣшенія, а при правильномъ веденіи дѣла эти результаты неминуемо были-бы достигнуты. Но возникалъ другой вопросъ: можно-ли было, послѣ перенесенія границы на Эльбу, вывести войска изъ промежуточныхъ провинцій; далмато-паннонская война заставила римское правительство обратить на этотъ вопросъ очень серьозное вниманіе. Если одно предстоявшее выступленіе римской придунайской арміи въ Богемію вызвало въ Иллирикѣ народное возстаніе, которое удалось подавить при напряженіи всѣхъ военныхъ силъ лишь послѣ четырехълѣтней борьбы, то эти обширныя страны не могли быть предоставлены самимъ себѣ ни на короткое время ни на цѣлые годы. Безъ сомнѣнія, таково же было положеніе дѣлъ на Рейнѣ. Хотя римская публика и имѣла обыкновеніе хвастаться тѣмъ, что государство держитъ всю Галлію въ покорности тѣмъ, что держитъ въ Ліонѣ гарнизонъ изъ 1200 человѣкъ, но правительство не могло позабывать того, что обѣ стоявшія на Рейнѣ большія арміи не только сдерживали Германцевъ, но также имѣли въ виду сдерживать вовсе не отличавшіяся покорностью галльскія волости. Если бы онѣ были поставлены на Везерѣ или на Эльбѣ, онѣ не могли бы оказывать эту услугу въ одинаковой мѣрѣ, а на то, чтобъ одновременно содержать арміи и на Рейнѣ и на Эльбѣ, не было средствъ. Поэтому Августъ и могъ придти къ тому заключенію, что охрана такой длинной пограничной линіи была невозможна при тогдашнемъ численномъ составѣ постоянной арміи, которая хотя и была незадолго передъ тѣмъ значительно усилена, но все еще далеко не достигала желательныхъ размѣровъ; такимъ образомъ, поставленный вопросъ превращался изъ военнаго въ вопросъ внутренней политики и въ особенности финансовый. Ни Августъ ни Тиверій не осмѣлились увеличивать расходовъ на армію. Имъ можно поставить это въ упрекъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, имѣли свою долю вліянія и, быть можетъ, ко вреду государства, многоразличныя обстоятельства, а именно: ослабившій государство двойной ударъ, нанесенный ему возстаніями иллирійскимъ и германскимъ и сопровождавшими эти возстанія катастрофами; преклонныя лѣта и ослабѣвавшія силы властителя; постоянно усиливавшееся нерасположеніе Тиверія къ новымъ предпріятіямъ, къ широкой инціативѣ и, главнымъ образомъ, ко всякому уклоненію отъ политики Августа. Изъ того, какъ дѣйствовалъ Германикъ, — а его образъ дѣйствій если и не можетъ быть оправданъ, но былъ вызванъ вполнѣ понятными мотивами, — видно, какъ отзывалась на людяхъ военнаго званія и на юношествѣ утрата новой германской провинціи. Въ какое затруднительное положеніе было поставлено въ этомъ дѣлѣ правительство передъ обще-

ственнымъ мнѣніемъ, видно изъ жалкой попытки удержать за собою,—при помощи нѣсколькихъ лѣвобережныхъ германскихъ волостей,—утраченную Германію хотя бы только номинально, а также изъ двусмысленныхъ и нерѣшительныхъ выраженій, въ которыхъ Августъ даже въ своемъ отчетѣ о положеніи имперіи то какъ будто причисляетъ Германію къ составу римскихъ владѣній, то какъ будто отказывается отъ такихъ притязаній. Намѣреніе отодвинуть границу на Эльбу требовало громадныхъ усилій и, быть можетъ, было слишкомъ смѣло; Августъ, вообще не отличавшійся особою шириною своихъ замысловъ, быть можетъ, рѣшился на это предпріятіе послѣ многолѣтнихъ колебаній и подчиняясь вліянію младшаго изъ своихъ пасынковъ, болѣе всѣхъ пользовавшагося его довѣріемъ. Но отступать назадъ послѣ слишкомъ смѣлаго шага не значитъ исправить ошибку, а значитъ сдѣлать новую ошибку. Незапятнанная воинская честь и безусловные военные успѣхи были нужны для монархіи по совершенно инымъ мотивамъ, чѣмъ для прежняго мѣщанскаго режима; оставшійся со времени пораженія Вара непополненнымъ недостатокъ 17, 18 и 19 нумеровъ въ ряду полковъ не усиливалъ военнаго престижа, а миръ, заключенный съ Марободомъ на основаніи statusquo, не могъ быть превращенъ въ успѣхъ даже самыми преданными Августу риторами. Политическое положеніе, котораго неуклонно держался Германикъ, не дозволяетъ допустить, что онъ взялся за обширное военное предпріятіе наперекоръ положительнымъ предписаніямъ своего правительства; но его нельзя не упрекнуть за то, что онъ воспользовался своимъ положеніемъ главнокомандующаго главныхъ военныхъ силъ государства и положеніемъ будущаго наслѣдника престола для того, чтобъ самовластно приводить въ исполненіе свои политико-военные замыслы, точно такъ-же, какъ нельзя не сдѣлать императору не менѣе тяжелаго упрека за то, что онъ или не принялъ въ этомъ дѣлѣ твердаго рѣшенія, или, быть можетъ, только не высказалъ этого рѣшенія съ достаточной ясностью и не приводилъ его со всей точностью въ исполненіе. Если Тиверій по меньшей мѣрѣ допустилъ возобновленіе наступательной войны, то онъ, должно быть, сознавалъ, какъ вѣски были мотивы, говорившіе въ пользу болѣе энергичной политики; какъ это нерѣдко случается съ людьми, не въ мѣру осмотрительными, онъ, быть можетъ, такъ-сказать предоставлялъ рѣшеніе этого вопроса судьбѣ, пока трусливая политика не нашла для себя еще разъ оправданія въ новой и тяжелой неудачѣ наслѣднаго принца. Правительству было не легко обречь на бездѣйствіе армію, которая изъ трехъ утраченныхъ орловъ принесла назадъ только два; однако оно это сдѣлало. Каковы-бы ни были въ этомъ случаѣ матеріальные и личные мотивы, мы стоимъ здѣсь на поворотномъ пунктѣ въ судьбѣ народовъ. Исторія также имѣетъ свои приливы и

свои отливы; послѣ сильнаго прилива теперь наступилъ для римскаго всемірнаго владычества отливъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ римское владычество къ сѣверу отъ Италіи достигало Эльбы; со времени пораженія Вара оно не заходило далѣе береговъ Рейна и Дуная. Одна очень древняя сказка гласитъ, что передъ первымъ завоевателемъ Германіи Друзомъ предстала, во время его послѣдняго похода на Эльбу, высокая германская женщина и крикнула ему на его собственномъ языкѣ: «назадъ»! Это слово хотя и не было произнесено, но исполнилось на дѣлѣ.

Германцы противъ Германцевъ. Однако, хотя заключеніе мира съ Марободомъ и послѣдствія катастрофы въ Тевтобургскомъ лѣсу, конечно, были пораженіемъ для политики Августа, это пораженіе едва-ли было побѣдой для Германцевъ. Послѣ гибели Вара, въ душѣ лучшихъ Германцевъ, безъ сомнѣнія, должна была возникнуть надежда, что блестящая побѣда Херусковъ и ихъ союзниковъ, равно какъ отступленіе непріятеля и на западѣ и на югѣ приведутъ въ нѣкоторой мѣрѣ къ объединенію націи. До той поры враждовавшіе между собою Саксы и Свевы, быть можетъ, стали сознавать именно при этихъ кризисахъ, что ихъ связываютъ общіе интересы. Что Саксы отослали голову Вара прямо съ поля сраженія къ свевскому королю, конечно было ничѣмъ инымъ какъ грубымъ выраженіемъ той мысли, что для всѣхъ Германцевъ настала минута устремиться соединенными силами на римскую имперію и защитить границы и свободу страны единственнымъ способомъ, которымъ ихъ можно было защитить—пораженіемъ непримиримаго врага на его собственной территоріи. Но такъ какъ король Световъ былъ образованный человѣкъ и искусный политикъ, то онъ принялъ этотъ даръ отъ инсургентовъ только для того, чтобъ переслать голову Вара императору Августу; онъ ничего не предпринялъ ни въ пользу Римлянъ ни имъ во вредъ и не переставалъ непоколебимо держаться своего нейтралитета. Немедленно вслѣдъ за смертію Августа, въ Римѣ возникло опасеніе, что Маркоманы намѣрены вторгнуться въ Ретію; но это опасеніе, какъ кажется, было неосновательно и когда Германикъ снова двинулся отъ береговъ Рейна съ намѣреніемъ напасть на Германцевъ, могущественный король Маркомановъ оставался въ бездѣйствіи. Эта хитрая или трусливая политика сама вырыла для себя могилу среди германскаго міра, который былъ въ ту пору сильно взволнованъ и опьяненъ успѣхами и надеждами патріотовъ. Жившія вдалекѣ отъ римской имперіи и связанныя съ нею лишь слабыми узами свевскія племена—Семноны, Лангобарды и Готоны отказались отъ повиновенія королю и стали дѣйствовать за-одно съ саксонскими патріотами; нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что значительныя боевыя силы, которыми располагали Арминій и Ингвіомеръ въ борьбѣ съ Германикомъ, были бо̀льшею частію получены именно оттуда.

Паденіе Маробода.—Такъ какъ вскорѣ послѣ того наступленіе Римлянъ было внезапно прервано, то патріоты рѣшились (17 г.) напасть на Маробода, а, можетъ быть, вообще на его владѣнія, по меньшей мѣрѣ потому, что онъ управлялъ ими по римскому образцу [1]). Но и между ними самими возникли раздоры; связанные между собою узами родства два князя Херусковъ предводительствовали патріотами въ послѣднихъ битвахъ если не съ блестящимъ успѣхомъ, то по меньшей мѣрѣ съ мужествомъ и славой и до той поры всегда сражались другъ подлѣ друга; но въ этой новой войнѣ они разъединились. Дядя Ингвіомеръ не могъ долѣе выносить того, что занималъ подлѣ племянника второстепенное мѣсто и лишь только вспыхнула война, перешолъ на сторону Маробода. Такимъ образъ дѣло дошло до рѣшительной битвы между самими Германцами и даже между одними и тѣми-же племенами, такъ какъ въ обѣихъ арміяхъ сражались какъ Светы, такъ и Херуски. Исходъ борьбы былъ долго нерѣшителенъ; обѣ арміи были знакомы съ римской тактикой и обѣ стороны были одинаково воодушевлены страстями и ожесточеніемъ. Арминій не одержалъ побѣды въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но противникъ уступилъ ему поле битвы, а такъ какъ Марободъ съ виду не устоялъ, то онъ былъ покинутъ тѣми, которые до того времени держали его сторону, и былъ принужденъ довольствоваться только тѣми военными силами, которыя могъ собрать въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Когда онъ сталъ просить у Римлянъ помощи противъ своихъ болѣе сильныхъ соотечественниковъ, Тиверій напомнилъ ему о его поведеніи послѣ пораженія Вара и отвѣтилъ, что теперь и Римляне будутъ держаться нейтралитета. Тогда онъ сталъ скорыми шагами приближаться къ своей гибели. Одинъ изъ готонскихъ князей, по имени Катуальда, когда-то потерпѣвшій отъ него личное оскорбленіе и вслѣдствіе того покинувшій его вмѣстѣ съ жившими внѣ Богеміи Свевами, напалъ въ слѣдующемъ (18 году) на его резиденцію; покинутый своими приверженцами, Марободъ съ трудомъ пробрался къ Римлянамъ, которые не отказали ему въ убѣжищѣ, и по прошествіи многихъ лѣтъ умеръ въ Равеннѣ, гдѣ жилъ римскою пенсіей.

Смерть Арминія.— Такимъ образомъ Арминій отдѣлался и отъ своего противника и отъ своихъ соперниковъ и на немъ одномъ

---

[1]) Когда Тацитъ [*Лѣт.* 2, 45] замѣчаетъ, что это въ сущности была война республиканцевъ съ монархистами, онъ примѣняетъ эллино-римскую точку зрѣнія къ совершенно своеобразному германскому міру. Если эта война и имѣла нравственно-политическую тенденцію, то эту послѣднюю вызвало не nomen regis, какъ выражается Тацитъ, а certum imperium visque regia, какъ выражается Веллей [2, 108].

сосредоточились упованія германской націи. Но именно въ этомъ величіи заключалась опасность его положенія, и оно сдѣлалось причиной его гибели. Его собственные соотечественники и главнымъ образомъ его одноплеменники обвиняли его въ томъ, что онъ шолъ по стопамъ Маробода и хотѣлъ быть не только первымъ между Германцами, но ихъ повелителемъ и королемъ,— а кто въ состояніи рѣшить, было-ли это обвиненіе основательно, и если дѣйствительно такова была его цѣль, не былъ-ли онъ въ своемъ правѣ? Дѣло дошло до междоусобной войны между нимъ и этими поборниками народной свободы; черезъ два года послѣ изгнанія Маробода, и онъ палъ, подобно Цезарю, отъ руки тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые принадлежали къ республиканской партіи. Его супруга Туснельда и родившійся въ плѣну его сынъ Тумеликъ, котораго онъ самъ никогда не видѣлъ, всходили закованными въ цѣпи вмѣстѣ съ другими знатными Германцами на Капитолій въ то время, какъ Германикъ справлялъ свой тріумфъ (26 мая 17 г.); престарѣлому Сегесту, за его неизмѣнную преданность Римлянамъ, было отведено почетное мѣсто, съ котораго онъ долженъ былъ смотрѣть на участвовавшихъ въ шествіи свою дочь и своего внука. Всѣ они кончили свою жизнь въ римскихъ владѣніяхъ; въ одно время съ Марободомъ жили въ Равеннѣ въ ссылкѣ жена и сынъ его противника. Когда Тиверій замѣтилъ при отозваніи Германика, что нѣтъ надобности вести войну съ Германцами и что они сами позаботятся о томъ, что нужно для Рима, онъ этимъ доказалъ, что хорошо зналъ своихъ противниковъ; во всякомъ случаѣ исторія оправдала его предсказаніе. Но для того высокой души человѣка, который, будучи двадцати-шестилѣтнимъ юношей, освободилъ свою саксонскую родину отъ иноземнаго владычества Италійцевъ, который послѣ того былъ и полководцемъ и солдатомъ въ семилѣтней борьбѣ изъ-за вновь пріобрѣтенной свободы, который принесъ своему народу въ жертву не только самого себя и свою жизнь, но также свою жену и своего ребенка для того, чтобъ потомъ пасть отъ руки убійцъ тридцати семи лѣтъ отъ роду,—для этого человѣка его народъ сдѣлалъ все, что могъ, увѣковѣчивъ его имя въ героическомъ сказаніи.

ГЛАВА II.

Испанія.

Окончательное покореніе страны.—Условія внѣшней политики сложились такъ, что Римляне утвердились на Пиренейскомъ полуостровѣ ранѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ заморскомъ континентѣ и учредили тамъ двойное постоянное военное командованіе. Сверхъ того республика не ограничилась тамъ, такъ-же какъ въ Галліи и въ Иллирикѣ, покореніемъ береговъ италійскаго моря, а напротивъ того съ самаго начала приступила, по примѣру Баркидовъ, къ завоеванію всего полуострова. Съ Лузитанцами (въ Португалліи и въ Эстремадурѣ) Римляне вели борьбу съ той минуты, какъ стали называть себя владѣтелями Испаніи; такъ называемая «дальняя провинція» была организована собственно для борьбы съ ними и одновременно съ такъ-называемой «ближней» провинціей; Каллаики (въ Галиціи) подчинялись Римлянамъ за сто лѣтъ до битвы при Акціумѣ; незадолго до этой битвы, во время своего перваго похода въ Испанію, будущій диктаторъ Цезарь проникъ до Бриганція (Коруны) и упрочилъ принадлежность этой страны къ дальней провинціи. За тѣмъ, въ промежутокъ времени между смертію Цезаря и утвержденіемъ Августова единовластія, война, которую вели Римляне въ сѣверной Испаніи, ни на минуту не прекращалась: не менѣе шести намѣстниковъ стяжали тамъ въ это короткое время почести тріумфа и, быть можетъ, главнымъ образомъ въ этотъ періодъ времени состоялось покореніе южнаго склона Пиренеевъ [1]). Съ этимъ находятся въ связи тѣ войны съ соплеменными Аквитанцами на сѣверной сторонѣ горъ, которыя относятся къ той-же эпохѣ и изъ которыхъ послѣдняя была съ успѣхомъ окончена въ 727 году. При переустройствѣ администраціи въ 727 году, полуостровъ поступилъ подъ управленіе Августа, потому что было предположено вести тамъ обширныя военныя

---

[1]) Помимо въ сущности политическаго тріумфа Лепида, въ Испаніи стяжали почести тріумфа: въ 718 г. Кн. Домицій Кальвинъ [консулъ 714 г.], въ 720 г. К. Норбанъ Флаккъ [консулъ 716 г.], между 720 и 725 г. Л. Марцій Филиппъ [консулъ 716 г.] и Аппій Клавдій Пульхеръ [консулъ 716 г.], въ 726 г. К. Кальвизій Сабинъ [консулъ 715 г.], въ 728 г. Секс. Аппулей [консулъ 725 г.]. Писатели упоминаютъ только о побѣдѣ, одержанной Кальвиномъ надъ Черретанами [близъ Пюисерды въ восточныхъ Пиренеяхъ; Діонъ, 48,42; сравн. *Веллея*, 2, 78, и медаль Сабина съ Osca Экгеля 5, 203.]

дѣйствія и потому что эта страна требовала продолжительнаго присутствія оккупаціонной арміи. Хотя южная треть дальней провинціи, съ той поры называвшаяся по имени рѣки Бетиса (Гвадальквивира), была скоро вновь подчинена завѣдыванію сената [1]), но подъ управленіемъ императора постоянно находилась гораздо болѣе обширная часть полуострова—какъ большая часть дальней провинціи, Лузитанія и Каллаикія [2]), такъ и вся обширная ближняя провинція. Немедленно вслѣдъ за введеніемъ новаго верховнаго управленія, Августъ самъ отправился въ Испанію для того, чтобъ во время своего двухъ-лѣтняго тамъ пребыванія (728, 729) организовать новые порядки и руководить занятіемъ еще не покорившихся мѣстностей. Онъ занимался этимъ, живя въ Тарраконѣ и вообще именно въ ту пору былъ перенесенъ центръ управленія ближней провинціи изъ Новаго Карѳагена въ городъ Тарраконъ, по имени котораго эта провинція и стала впредь обыкновенно называться. Съ одной стороны считали необходимымъ, чтобъ центръ управленія находился недалеко отъ береговъ, а съ другой стороны имѣлось въ виду то соображеніе, что новая столица господствовала надъ областью рѣки Эбро и надъ сообщеніями съ сѣверо-западомъ и съ Пиренеями. Противъ Астурійцевъ (въ провинціяхъ Астуріи и Леонѣ) и главнымъ образомъ противъ Кантабровъ (въ странѣ Васконовъ и въ провинціи Сантандерѣ), упорно оборонявшихся среди горъ и безпокоившихъ своими нашествіями сосѣднія страны, Римляне въ теченіе восьми лѣтъ вели тяжелую и разорительную войну съ небольшими перерывами, которые называли по-

---

[1]) Такъ какъ Augusta Emerita въ Лузитаніи еще въ 729 г. получила права колоніи [Діонъ 53, 26] и такъ какъ при перечисленіи провинцій, въ которыхъ Августъ основалъ колоніи [Mon. Ancyr. стр. 119, сравн. съ стр. 222], Лузитанія не упомянута конечно не по невниманію, то отсюда слѣдуетъ заключить, что отдѣленіе Лузитаніи отъ дальней Испаніи произошло лишь послѣ войны съ Кантабрами.

[2]) Каллаикія не только была исключена изъ состава дальней испанской провинціи, но, должно быть, принадлежала къ Лузитаніи въ раннюю пору Августовскаго управленія; точно такъ и Астурія, должно быть, первоначально принадлежала къ этой провинціи. Иначе нельзя объяснить разсказъ Діона, 54,5; Т. Каризій, строившій Emerita, очевидно, былъ намѣстникомъ Лузитаніи, а К. Фурній былъ намѣстникомъ тарраконской провинціи. Съ этимъ согласуется и параллельное изложеніе Флора [2,83], такъ какъ Drigaecini манускриптовъ конечно то-же, что Βριγαικινοί, которыхъ Птолемей [2, 6, 29] относитъ къ числу Астурійцевъ. Поэтому и Агриппа, въ своихъ размежеваніяхъ, соединяетъ Лузитанію съ Астуріей и съ Каллаикіей [Плиній, 4, 22, 118], а Страбонъ [3, 4, 20, стр. 166] говоритъ, что Каллаики прежде назывались Лузитанцами. О шаткости разграниченія испанскихъ провинцій упоминаетъ Страбонъ 3, 4, 19 [стр. 166.]

бѣдами,—пока Агриппѣ не удалось сломить открытое сопротивленіе путемъ разрушенія горныхъ городовъ и переселенія жителей на равнины.

Военная организація на сѣверо-западѣ.—Если берега океана отъ Гадикса до устьевъ Эльбы и были подчинены, какъ утверждаетъ Августъ, съ его времени Римлянамъ, то это подчиненіе было и недобровольно и ненадежно въ томъ уголкѣ его владѣній, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Въ сѣверо-западной Испаніи еще долго нельзя было достигнуть полнаго умиротворенія. О походахъ противъ Астурійцевъ шла рѣчь даже во времена Нерона. Еще болѣе ясные выводы можно сдѣлать изъ того, какъ Августъ организовалъ занятіе страны. Каллэкія была отдѣлена отъ Лузитаніи и соединена съ тарраконской провинціей съ цѣлію сосредоточить въ однѣхъ рукахъ военное командованіе въ сѣверной Испаніи. Мало того, что это была единственная изъ несоприкасавшихся съ непріятельской территоріей провинцій, въ которой было учреждено легіонное военное командованіе, Августъ поставилъ тамъ цѣлыхъ три легіона [1]), два поставилъ въ Астуріи и одинъ въ Калабріи, и эти военныя силы не были уменьшены даже во время затрудненій, созданныхъ войнами въ Германіи и въ Иллирикѣ. Главная квартира была расположена между прежней метрополіей Астуріи Ланціей и вновь построенной A s t u r i c a A u g u s t a (Асторгой) въ получившемъ отъ этой главной квартиры свое названіе Леонѣ, которое сохранилось и до сихъ поръ. Въ связи съ занятіемъ страны такими большими военными силами, по всему вѣроятію, находилось проведеніе большихъ дорогъ, которое было

---

[1]) То были легіоны 4-й или македонскій, 6-й [v i c t r i x] и 10-й [g e m i n a]. Первый изъ нихъ былъ переведенъ на Рейнъ вслѣдствіе вызваннаго британской экспедиціей Клавдія передвиженія лагерной стоянки. Два остальные, хотя неоднократно употреблялись въ дѣло въ другихъ мѣстахъ, стояли гарнизонами на своихъ прежнихъ мѣстахъ еще въ началѣ Веспасіанова царствованія и вмѣстѣ съ ними стоялъ тамъ, въ замѣнъ 4-го легіона, вновь организованный Гальбой 1-й легіонъ [a d i u t r i x; Тацитъ, *Ист.* 1, 44]. Всѣ эти три легіона были отправлены на Рейнъ по случаю войны съ Батавами и только одинъ изъ нихъ вернулся назадъ. Послѣ того,—еще въ 88 году, въ Испаніи стояло нѣсколько легіоновъ [P l i n i u s, P a n e g. 14; сравн. H e r m e s 3, 118], въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, находился 7-й [g e m i n a], стоявшій въ Испаніи гарнизономъ еще до 79 года [C. I. L. II, 2477]; вторымъ, должно быть, былъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ трехъ—по всему вѣроятію 1-й [a d i u t r i x], такъ какъ онъ вскорѣ послѣ 88 года принималъ участіе въ войнахъ Домиціана на Дунаѣ и въ царствованіе Траяна стоялъ въ верхней Германіи, а это наводитъ на догадку, что онъ принадлежалъ къ числу многихъ легіоновъ, выведенныхъ въ 88 году изъ Испаніи въ верхнюю Германію и возвратился изъ Испаніи по выше упомянутому поводу.—Въ Лузитаніи вовсе не стояло никакихъ легіоновъ.

тамъ предпринято въ значительныхъ размѣрахъ въ первыя времена имперіи; но мы не въ состояніи прослѣдить эту связь въ ея подробностяхъ, такъ какъ намъ неизвѣстно, какъ были размѣщены тѣ войска во времена Августа. Такимъ образомъ было устроено Августомъ и Тиверіемъ сообщеніе главнаго города Каллаикіи Бракары (Браги) съ Астурикой, то-есть съ главной квартирой, равно какъ съ сѣверными, сѣверо-восточными и южными сосѣдними городами. Такія же сообщенія Тиверій устроилъ въ области Васконовъ и въ Кантабріи [1]). Съ теченіемъ времени открылась возможность уменьшить гарнизоны, такъ что при Клавдіи одинъ легіонъ, а при Неронѣ другой легіонъ могли быть употреблены въ дѣло въ другомъ мѣстѣ. Однако эти легіоны считались находящимися во временной отлучкѣ, и даже въ началѣ царствованія Веспасіана стоявшая въ Испаніи армія имѣла свой первоначальный численный составъ; она была впервые дѣйствительно сокращена при Флавіяхъ,—Веспасіанъ уменьшилъ ее до двухъ легіоновъ, а Домиціанъ до одного. Съ той поры и до временъ Діоклетіана стоявшія въ Леонѣ гарнизонами войска состояли только изъ одного 7-го легіона (Gemina) и изъ нѣсколькихъ отрядовъ вспомогательныхъ войскъ.

Во время единодержавія, ни одна провинція не была такъ мало затронута и внѣшними и внутренними войнами, какъ эта отдаленная западная страна. Хотя въ эту эпоху начальники военныхъ округовъ и принимали сторону той или другой изъ соперничавшихъ партій, но испанская армія всегда играла въ этихъ случаяхъ второстепенную роль; Гальба принялъ участіе въ междоусобной войнѣ только въ качествѣ помощника своего соправителя и одна простая случайность выдвинула его на первое мѣсто. Изъ того, что и послѣ уменьшенія арміи, занимавшей сѣверо-западную часть полуострова, эта армія сравнительно была еще очень сильна, мы должны заключить, что даже во второмъ и въ третьемъ столѣтіяхъ эта страна еще не была приведена въ полную покорность; а между тѣмъ мы не въ состояніи сообщить никакихъ точныхъ свѣдѣній о дѣятельности испанскаго легіона внутри провинціи. Война съ Кантабрами велась при помощи военныхъ кораблей; послѣ того Римляне не имѣли никакого повода заводить тамъ постоянную стоянку для флота.— Только послѣ царствованія Діоклетіана мы находимъ, что пиреней-

[1]) Между тѣмъ какъ лагерь астурійскаго легіона находился подлѣ Леона, лагерь кантабрскаго легіона, должно быть, находился подлѣ мѣстечка Писораки [Геррера на Писуэргѣ, между Паленціей и Сантандеромъ], которое упоминается только въ надписяхъ Тиверія и Нерона и именно какъ исходный пунктъ императорской дороги [C. I. L. II, 4883, 4884]. Августобрига [къ западу отъ Сарагозы] и Комплутумъ [Alcalà de Henares къ сѣверу отъ Мадрида] были центрами путей сообщенія также не потому, что были значительными городами, а потому, что были мѣстами лагерныхъ стоянокъ.

скій полуостровъ, подобно полуостровамъ италійскому и греко-македонскому, былъ оставленъ безъ постоянной оккупаціонной арміи.

Вторженія Мавровъ.—При описаніи положенія дѣлъ въ Африкѣ будетъ болѣе подробно говорено о томъ, что на провинцію Бетику, по меньшей мѣрѣ съ начала втораго столѣтія, многократно нападали съ противоположныхъ береговъ океана Мавры—Риффскіе пираты. Этими нападеніями, по всему вѣроятію, объясняется тотъ фактъ, что хотя императорскія войска обыкновенно не стояли въ тѣхъ провинціяхъ, которыя находились подъ управленіемъ сената, но въ Италикѣ (подлѣ Севильи) былъ, въ видѣ исключенія, поставленъ одинъ отрядъ легіона, находившагося въ Леонѣ [1]). Впрочемъ обязанность охранять отъ этихъ нападеній богатую южную Испанію была возложена главнымъ образомъ на войска, стоявшія въ провинціи Тинжи (Танжерѣ). Не смотря на это были случаи, что пираты осаждали такіе города, какъ Италика и Сингили (неподалеку отъ Антекверы).

Введеніе италійскаго городскаго права.—Если выполненіе всемірно-исторической задачи временъ имперіи—романизированіе запада было гдѣ-либо подготовлено республикой, то, конечно, въ Испаніи. То, что было начато мечомъ, было довершено мирными международными сношеніями: римская серебряная монета была въ Испаніи во всеобщемъ употребленіи задолго до того времени, какъ она сдѣлалась ходячей монетой внѣ Италіи, а разработка рудниковъ, винодѣліе, разведеніе оливковыхъ деревьевъ и торговля постоянно привлекали къ берегамъ Испаніи приливъ италійскихъ элементовъ, въ особенности въ ея югозападной части. Новый Карѳагенъ, который былъ созданіемъ Баркидовъ и съ момента своего основанія до временъ Августа былъ главнымъ городомъ провинціи и первымъ торговымъ городомъ Испаніи, заключалъ въ своихъ стѣнахъ многочисленное римское населеніе еще въ седьмомъ столѣтіи; находившаяся насупротивъ теперешняго Гибралтара, Картея, которая была основана за цѣлое поколѣніе до временъ Гракховъ, была первой заморской городской общиной съ населеніемъ римскаго происхожденія; родственный по происхожденію съ Карѳагеномъ и издревле славившійся Гадесъ, теперешній Кадиксъ, былъ первымъ иностраннымъ городомъ внѣ Италіи, усвоившимъ римскіе законы и римскій языкъ. Если еще во времена республики и старинная туземная и финикійская цивилизація стали поддѣлываться, на большей части

---

[1]) Въ связи съ этимъ можетъ быть приведенъ тотъ фактъ, что тотъ-же самый легіонъ,—хотя лишь временно и только въ размѣрѣ одного отряда,—дѣйствовалъ въ Нумидіи.

береговъ Средиземнаго моря, подъ цивилизацію владычествовавшаго народа, то во времена имперіи ни въ одной провинціи римское правительство не заботилось о романизированіи съ такой-же энергіей, какъ въ Испаніи. Въ особенности южная часть Бетики, лежащая между рѣкою Бетисомъ и Средиземнымъ моремъ, получила частію еще при республикѣ, частію отъ Цезаря, частію въ 739 и 740 г. отъ Августа для цѣлаго ряда общинъ полныя права римскаго гражданства; между этими общинами, лежавшими не только на берегахъ, но главнымъ образомъ внутри страны, особенно выдѣлялись: Гиспалъ (Севилья) и Кордуба (Кордова) съ правами колоній, Италика (подлѣ Севильи) и Гадесъ (Кадиксъ) съ муниципальными правами. Въ южной Лузитаніи мы также находимъ рядъ надѣленныхъ такими-же правами городовъ, какъ-то: Олизипо (Лиссабонъ), Pax Julia (Бейя) и колонія ветерановъ Эмерита (Мерида), которую Августъ основалъ во время своего пребыванія въ Испаніи и сдѣлалъ главнымъ городомъ провинціи. Въ Тарраконской провинціи, города съ правами римскаго гражданства — Karthago nova, Иличи (Эльхе), Валенція, Дертоза (Тортоза), Тарраконъ, Барчино (Барцелона),—находились преимущественно на берегу; внутри страны выдѣлялась лишь колонія въ долинѣ рѣки Эбро — Caesaraugusta (Сарагосса). Общинъ, надѣленныхъ въ Испаніи полными правами римскаго гражданства, насчитывали при Августѣ пятьдесятъ; около пятидесяти другихъ общинъ получили до того времени право Латиновъ и относительно внутренняго режима стояли на одной ногѣ съ тѣми, которыя получили права гражданства. Въ остальныхъ общинахъ императоръ Веспасіанъ также ввелъ латинское устройство по случаю произведенной имъ въ 74 г. общей народной переписи. Дарованіе правъ гражданства ни въ ту пору ни въ лучшія времена имперіи не принимало болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ во времена Августа [1]), при чемъ, вѣроятно, главнымъ образомъ имѣлось въ виду то соображеніе, что право набирать рекрутъ было ограничено по отношенію къ тѣмъ, кто пользовался правами гражданства.

Романизированіе Иберійцевъ.—Туземное населеніе Испаніи, частію смѣшавшееся вышеуказаннымъ путемъ съ италійскими поселенцами, частію освоившееся съ италійскими нравами и съ италійскимъ языкомъ, нигдѣ не выступало въ исторіи временъ имперіи съ выдающейся наглядностью. То племя, остатки и языкъ котораго сохранились до настоящаго времени среди горъ Бискайи, Гвипускои и Наварры,

---

[1]) Выраженіе Іосифа [contra Ap. 2, 4], что „Иберійцы назывались Римлянами" можетъ относиться лишь къ надѣленію ихъ Веспасіаномъ правами Латиновъ и есть ничто иное, какъ ошибочное мнѣніе чужеземца.

по всему вѣроятію, когда-то покрывало весь полуостровъ точно такъ, какъ Берберы покрывали всю сѣверную Африку. Его нарѣчіе, существенно отличное отъ индо-германскихъ и не имѣющее, подобно нарѣчію Финновъ и Монголовъ, ни склоненій ни спряженій, служитъ доказательствомъ его первоначальной самобытности, а самые важные изъ оставшихся послѣ него памятниковъ — монеты были разсѣяны, въ первомъ столѣтіи римскаго владычества въ Испаніи, по всему полуострову за исключеніемъ южныхъ береговъ отъ Кадикса до Гранады, гдѣ въ ту пору господствовалъ финикійскій языкъ, и страны, лежащей къ сѣверу отъ устьевъ Тага и къ западу отъ истоковъ Эбро, которая, по всему вѣроятію, была въ то время фактически независима и, безъ сомнѣнія, была вовсе нецивилизована; въ этой иберійской странѣ хотя южно-испанская письменность и ясно отличается отъ той, которая была въ употребленіи въ сѣверной провинціи, но не менѣе ясно выступаетъ наружу тотъ фактъ, что это были вѣтви одного племени. Поселеніе Финикійцевъ ограничивалось тамъ еще болѣе узкими рамками, чѣмъ въ Африкѣ, а примѣсь кельтскаго элемента внесла во всеобщее однообразіе національнаго развитія лишь такія видоизмѣненія, которыя для насъ неуловимы. Впрочемъ, столкновенія Римлянъ съ Иберійцами относятся преимущественно ко временамъ республики и уже были описаны въ I томѣ этого сочиненія. Послѣ вышеупомянутыхъ послѣднихъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ при первой династіи, Иберійцы совершенно исчезаютъ изъ нашихъ глазъ. И на тотъ вопросъ, въ какой мѣрѣ они были романизированы во времена имперіи, мы не находимъ удовлетворительнаго отвѣта въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ. Тотъ фактъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ иноземными властителями они издавна были вынуждены употреблять римскій языкъ, не нуждается въ доказательствахъ; но и внутри общинъ національный языкъ и національная письменность мало-по-малу выходили изъ офиціальнаго употребленія подъ вліяніемъ Рима. Еще въ послѣднемъ вѣкѣ республики была прекращена туземная чеканка монеты, первоначально допускавшаяся въ большихъ размѣрахъ; изъ временъ имперіи нѣтъ ни одной испанской городской монеты иначе какъ съ латинской надписью [1]). Подобно римской манерѣ одѣваться, и рим-

[1]) Самый древній изъ памятниковъ туземнаго языка, носящій на себѣ несомнѣнныя доказательства времени, къ которому относится, — монета изъ Озичерды, вычеканенная по образцу тѣхъ денаріевъ съ изображеніемъ слона, которые были выбиты по приказанію Цезаря во время галльской войны, и носящая на себѣ надписи латинскую и иберійскую [Zobel, Estudio historico de la moneda antigua espanola, 2, 11.] Въ числѣ надписей, вполнѣ или только частію мѣстныхъ, быть можетъ найдется не мало болѣе древнихъ; но нѣтъ никакой возможности допустить, чтобъ хотя одна изъ этихъ надписей имѣла офиціальное происхожденіе.

скій языкъ былъ въ большомъ употребленіи даже у тѣхъ Испанцевъ, которые не нуждались въ правахъ италійскаго гражданства, и правительство поощряло такое фактическое романизированіе страны [1]). Когда Августъ умеръ, римскій языкъ и римскіе нравы преобладали въ Андалузіи, Гранадѣ, Мурсіи, Валенціи, Каталоніи и Аррагоніи, а этотъ результатъ былъ достигнуть большею частію не колонизаціей страны, а ея романизированіемъ. Вслѣдствіе упомянутаго выше Веспасіанова распоряженія, мѣстный языкъ перестали употреблять въ судахъ и онъ оставался въ употребленіи лишь въ сношеніяхъ между частными людьми. Что онъ удержался въ этой послѣдней сферѣ, доказывается тѣмъ, что онъ сохранился и до сихъ поръ, а тотъ языкъ, которымъ говорятъ теперь только жители гористой мѣстности, никогда не находившейся во власти ни Готовъ ни Арабовъ, безъ сомнѣнія, былъ во времена римскаго владычества въ употребленіи въ большей части Испаніи и въ особенности на сѣверозападѣ. При всемъ томъ, романизированіе, безъ сомнѣнія, началось въ Испаніи гораздо ранѣе, чѣмъ въ Африкѣ и вводилось тамъ съ большею энергіей; принадлежащіе ко временамъ имперіи памятники съ надписями на туземномъ языкѣ находятся въ Африкѣ въ значительномъ числѣ, между тѣмъ какъ въ Испаніи ихъ почти вовсе нѣтъ, а языкъ Берберовъ еще господствуетъ въ настоящее время въ цѣлой половинѣ сѣверной Африки, между тѣмъ какъ иберійскій языкъ господствуетъ лишь въ узкихъ долинахъ Васконовъ. Иначе и быть не могло частію потому, что въ Испаніи римскую цивилизацію стали вводить и ранѣе и энергичнѣе, нежели въ Африкѣ, частію потому, что туземное населеніе не находило въ Испаніи такой-же поддержки въ вольныхъ племенахъ, какую оно находило въ Африкѣ.

Испанскія общины.—Въ туземной организаціи общинъ у Иберій-

---

[1]) Было время, когда чужестранныя общины должны были обращаться къ сенату за разрѣшеніемъ употреблять латинскій языкъ въ дѣлопроизводствахъ; но во времена имперіи этого уже не требовалось. Напротивъ того, по всему вѣроятію, нерѣдко дѣлалось совершенно противное, такъ напримѣръ право чеканить монету давалось съ тѣмъ условіемъ, что надпись на ней должна быть латинская. Равнымъ образомъ публичныя зданія, воздвигнутыя не гражданами, носили латинскія надписи; такъ напримѣръ одна надпись въ Илипѣ, въ Андалузіи [C. I. L. II, 1087] гласитъ: Urchail Atitta f[ilius] Chilasurgun portas fornic[es] aedificand[a] curavit de s[ua] p[ecunia.] Что ношеніе тоги дозволялось и не Римлянамъ и считалось за доказательство лояльнаго настроенія ума, видно и изъ того, что говоритъ Страбонъ о тарраконской тогѣ и изъ того, какъ поступалъ Агрикола въ Британіи [Tacitus, Agric. 21].

цевъ мы не усматриваемъ существеннаго отличія отъ организаціи галльскихъ общинъ. Подобно кельтскимъ странамъ, лежавшимъ по сю и по ту сторону Альповъ, Испанія изстари раздѣлялась на округа, состоявшіе изъ волостей; Ваккаи и Кантабры едва-ли чѣмъ-либо существенно отличались отъ транспаданскихъ Кеномановъ и отъ бельгійскихъ Ремовъ. Тотъ фактъ, что на чеканившихся въ болѣе раннюю эпоху римскаго владычества испанскихъ монетахъ преимущественно ставились названія не городовъ, а волостей, не Тарракона, а Цессетановъ, не Сагунта, а Арсенсовъ, свидѣтельствуетъ еще болѣе ясно, чѣмъ исторія тогдашнихъ войнъ о томъ, что и въ Испаніи когда-то существовали болѣе обширные союзы волостей. Но побѣдоносные Римляне обходились съ этими союзами не вездѣ одинаково. Трансальпійскія волости остались и подъ римскимъ владычествомъ политическими общинами, а испанскія волости, подобно цизальпійскимъ, были лишь географическими понятіями. Между тѣмъ какъ округъ Кеномановъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ совокупнымъ обозначеніемъ территорій Бруксіи, Бергома и такъ далѣе, Астурійцы состояли изъ двадцати двухъ политически самостоятельныхъ общинъ, которыя, по всей видимости, не имѣли болѣе однороднаго общественнаго устройства, чѣмъ города Бриксія и Бергомъ [1]). Такихъ общинъ насчитывалось въ тарраконской провинціи во времена Августа 293, а въ половинѣ втораго столѣтія 275. Стало быть прежніе союзы волостей были тамъ уничтожены. При этомъ едва-ли имѣлось въ виду то соображеніе, что замкнутость Веттоновъ и Кантабровъ могла быть болѣе опасна для государственнаго единства, чѣмъ замкну-

---

[1]) Эта замѣчательная организація ясно видна изъ списка испанскихъ мѣстностей у Плинія и хорошо описана Детлефсеномъ [Philologus 32, 606 и сл.]. Терминологія, безспорно, не тверда. Такъ какъ названія civitas, populus, gens свойственны самостоятельнымъ общинамъ, то они по праву принадлежатъ этимъ общинамъ; такъ напримѣръ говорится о X civitates Автригоновъ, о XXII populi Астурійцевъ, о gens Zoelarum [C. I. L. II, 2633], а эта gens принадлежитъ къ числу именно тѣхъ 22 племенъ. Дошедшій до насъ замѣчательный документъ касательно этихъ Целаевъ [C. I. L. II, 2633] говоритъ намъ, что эта gens снова распадалась на gentilitates, которыя сами также назывались gentes, какъ это видно изъ того-же документа и изъ другихъ свидѣтельствъ [Eph. ep. II, стр. 243]. Слово civis также употреблено по отношенію къ одному изъ кантабрскихъ populi [Eph. ep. II, стр. 243.] Но и для самой обширной изъ волостей, когда-либо составлявшихъ политическую единицу, нѣтъ другихъ названій кромѣ этого стариннаго и неправильнаго; слово gens употребляется въ этихъ случаяхъ даже какъ техническій терминъ [наприм. C. I. L. II, 4233: Intercat[iensis] ex gente Vaccaeorum.] Что общинное устройство въ Испаніи покоилось на тѣхъ мелкихъ округахъ, а не на волостяхъ, ясно видно какъ изъ самой терминологіи, такъ и изъ того, что Плиній [3, 3, 18] противопоставляетъ

тость Секвановъ и Тревировъ; различіе происходило главнымъ образомъ отъ различія времени и формы завоеванія. Страны, лежащія вдоль береговъ Гвадалькивира, подпали подъ римское владычество ста пятидесятью годами ранѣе, чѣмъ берега Луары и Сены; время, въ которое былъ заложенъ фундаментъ внутренняго устройства Испаніи, не очень отдалено отъ того времени, когда была уничтожена самнитская конфедерація. Здѣсь преобладалъ духъ старой республики, а въ Галліи преобладало болѣе либеральное и болѣе мягкое воззрѣніе Цезаря. Мелкіе и безсильные округа, оставшіеся, послѣ уничтоженія союзовъ волостей, представителями политическаго единства, равно какъ мелкія волости или мелкіе роды съ теченіемъ времени превратились здѣсь, какъ и повсюду, въ городскія общины. Начала городового развитія, и помимо тѣхъ общинъ, которыя достигли одинакихъ правъ съ италійскими городами, должны быть отнесены къ очень старымъ временамъ республики и, быть можетъ, даже къ временамъ, предшествовавшимъ существованію Рима; впослѣдствіи, дарованіе Веспасіаномъ латинскаго права всѣмъ вообще городамъ должно было сдѣлать это превращеніе всеобщимъ или почти всеобщимъ [1]). Въ дѣйствительности, между существовавшими во времена Августа 293 общинами тарраконской провинціи 114 были не городскими, а между 275 общинами, существовавшими тамъ во второмъ столѣтіи, только 27 были не городскими.

Наборъ рекрутъ. — Мы не имѣемъ многаго сказать о положеніи, которое занимала Испанія въ системѣ государственнаго управленія. При наборѣ рекрутъ, испанскія провинціи играли выдающуюся роль. Стоявшіе тамъ гарнизонами легіоны, вѣроятно, съ самаго начала введенія единовластія, пополнялись рекрутами преимущественно

тѣмъ 293 мѣстностямъ civitates contributae aliis; далѣе чиновникъ at census accipiendos civitatium XXIII Vasconum et Vardulorum [C. I. L. VI, 1463] сравнивается съ censor civitatis Remorum foederatae [C. I, L. XI, 1855, сравн. 2607].

[1]) Такъ какъ латинское общинное устройство не годится для общины организованной не по-городски, то слѣдуетъ полагать, что тѣ испанскія общины, которыя еще не были организованы по-городски послѣ царствованія Веспасіана, были лишены пользованія латинскими правами, или же для нихъ были установлены особыя видоизмѣненныя правила. Это послѣднее предположеніе, должно быть, болѣе правдоподобно. Что самыя названія разныхъ gentes также имѣли латинскую форму, видно изъ послѣ - Веспасіановскихъ надписей, какъ напр. C. I. L. II, 2633 и Eph. ep. II, 322; если-же нѣкоторыя изъ gentes и носили въ ту пору неримскія названія, то все еще остается сомнительнымъ, не было-ли это результатомъ одной небрежности. Указанія на неримское общинное устройство попадаются сравнительно довольно часто въ рѣдкихъ, безспорно до-Веспасіановскихъ надписяхъ [C. I. L. II, 172, 1953, 2633, 5048], но вовсе мнѣ не попадались въ безспорно послѣ-Веспасіановскихъ.

внутри самой страны; впослѣдствіи, когда съ одной стороны произошло уменьшеніе оккупаціонной арміи, а съ другой стороны наборы рекрутъ стали все болѣе и болѣе ограничиваться мѣстностями, гдѣ стояли гарнизоны, Бетика, раздѣлявшая въ этомъ отношеніи судьбу Италіи, пользовалась тѣмъ сомнительнымъ счастіемъ, что была вполнѣ освобождена отъ обязанностей военной службы. Наборы рекрутъ для вспомогательныхъ войскъ, происходившіе именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя запоздали развитіемъ городскихъ общинъ, производились въ большихъ размѣрахъ въ Лузитаніи, въ Каллаикіи, въ Астуріи, а также во всей сѣверной и внутренней Испаніи; Августъ, отецъ котораго организовалъ изъ Испанцевъ даже отрядъ своихъ тѣлохранителей, не набиралъ ни въ одной изъ подчиненныхъ ему странъ, за исключеніемъ Бельгіи, такъ много рекрутъ, какъ въ Испаніи.—Что касается финансовъ, то эта богатая страна, безъ сомнѣнія, была для государства однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ обильныхъ источниковъ дохода; болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ до насъ не дошло.

Пути сообщенія и торговля.—О томъ, какое важное значеніе имѣли сношенія съ этими провинціями, можно составить себѣ понятіе по той заботливости, съ которой правительство относилось къ испанскимъ путямъ сообщенія. Между Пиренеями и Тарракономъ были найдены римскіе мильные камни изъ послѣднихъ временъ республики, между тѣмъ какъ ни въ какой другой изъ западныхъ провинцій не было сдѣлано подобныхъ находокъ. Ранѣе уже было замѣчено, что Августъ и Тиверій заботились о проведеніи дорогъ въ Испаніи главнымъ образомъ ради военныхъ цѣлей; но дорога, построенная Августомъ подлѣ Новаго Карѳагена, могла быть проведена только для удобства внутреннихъ сообщеній, и главнымъ образомъ также для этихъ сообщеній была проведена та названная его именемъ и частію исправленная имъ, частію заново проложенная непрерывная государственная дорога [1]), которая была продолженіемъ итало-галльской прибрежной дороги, шла черезъ Пиренеи ущельемъ Пюисерды, оттуда вела въ Тарраконъ, за тѣмъ шла черезъ Валенцію до устьевъ Жукара почти все время вдоль морскаго берега, но своротивъ отъ этого пункта внутрь страны, шла черезъ долину Бетиса, а за тѣмъ отъ арки Августа—которою обозначалась граница между двумя провин-

[1]) Направленіе дороги, называвшейся via Augusta, указываетъ Страбонъ [3, 4, 9, стр. 160]; къ ней принадлежатъ всѣ мильные камни, которые носятъ это названіе, равно какъ тѣ, которые были найдены въ окрестностяхъ Лериды [C. J. L. II, 4920—5928] и между Таррагоной и Валенціей [тамъ-же 4949—4954] и наконецъ тѣ многочисленные камни ab Jano Augusto, qui est ad Baetem или ab arcu, unde incipit Baetica, ad oceanum.

ціями и съ которой начинался новый счетъ миль,—тянулась черезъ провинцію Бетику до самыхъ устьевъ рѣки и такимъ образомъ соединяла Римъ съ берегами океана. Впрочемъ это была единственная государственная дорога въ Испаніи. Впослѣдствіи заботы правительства объ испанскихъ путяхъ сообщенія были незначительны; общины, въ завѣдываніе которыхъ были скоро предоставлены эти пути, какъ кажется, повсюду (за исключеніемъ внутренней плоской возвышенности) поддерживали большія дороги въ томъ объемѣ, какого требовали экономическіе интересы провинціи. Хотя Испанія и гориста и хотя въ ней есть и степи и пустыри, она принадлежитъ къ числу самыхъ доходныхъ странъ земнаго шара какъ по изобилію земныхъ плодовъ, такъ и потому, что она богата винами, оливковымъ масломъ и металлами. Къ этому издавна присоединялась промышленная дѣятельность, предметомъ которой преимущественно были издѣлія изъ желѣза и шерстяныя и полотняныя ткани. Когда при Августѣ производились народныя переписи, ни одна изъ римскихъ, надѣленныхъ правами гражданства, общинъ, за исключеніемъ Патавія, не могла назвать столько богатыхъ людей, какъ испанскій Гадесъ съ своими оптовыми торговцами, пользовавшимися всемірною извѣстностью; тамъ-же находила для себя удовлетвореніе изысканная изнѣженность нравовъ: это была родина танцовщицъ подъ звуки кастаньетъ и тѣхъ легкихъ гадійскихъ пѣсенъ, которыя подобно такимъ же пѣснямъ, заимствованнымъ изъ Александріи, повторялись римскими щёголями. Близость Италіи, равно какъ удобства и дешевизна морскихъ сообщеній доставляли населенію южныхъ и восточныхъ береговъ Испаніи—въ особенности въ эту эпоху,—возможность выставлять его богатые продукты на первомъ во всемъ мірѣ рынкѣ, и Римъ, по всему вѣроятію, не велъ ни съ одной страной такой обширной и постоянной оптовой торговли, какъ съ Испаніей.

Что римская цивилизація проникла въ Испанію и ранѣе и глубже, чѣмъ въ какую-либо другую провинцію, подтверждается съ различныхъ сторонъ и въ особенности тѣмъ, что относится къ сферѣ религіи и литературы.

Богослуженіе.—Въ тѣхъ провинціяхъ, которыя почти совершенно избѣжали прилива переселенцевъ и даже въ болѣе позднюю эпоху сохранили иберійскій отпечатокъ—въ Лузитаніи, въ Каллаикіи и въ Астуріи, туземные боги съ своими странными, большею частію оканчивавшимися на i c u s и e c u s именами (E n d o v e l l i c u s, E a e c u s, V a g o d o n n a e g u s и многіе другіе) оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и подъ единодержавіемъ. Но во всей Бетикѣ не было найдено ни одного служившаго жертвенникомъ камня, который нельзя бы было такъ-же умѣстно поставить въ

Италіи; то-же самое можно сказать и о собственно такъ-называемой Тарраконской провинціи лишь съ той оговоркой, что близь верховьевъ Дуэро встрѣчаются разрозненные слѣды кельтскаго культа [1]). Такого энергическаго романизированія религіознаго культа не представляетъ никакая другая провинція.

Знакомство Испанцевъ съ латинскою литературой. — Жившихъ въ Кордубѣ латинскихъ поэтовъ Цицеронъ перечисляетъ только для того, чтобъ хулить ихъ, и августовскій вѣкъ литературы въ сущности былъ дѣломъ Италійцевъ, хотя въ немъ и играли нѣкоторую роль провинціальные жители, и между прочими ученый библіотекарь императора, родившійся въ Испаніи въ рабскомъ званіи филологъ Гигинъ. Но съ той поры Испанцы стали играть въ литературѣ роль если не руководителей, то по меньшей мѣрѣ школьныхъ наставниковъ. Уроженецъ Кордубы Маркъ Порцій Латронъ, бывшій наставникомъ Овидія и служившій для него образцомъ, и его соотечественникъ и другъ дѣтства Анней Сенека, — оба родившіеся ранѣе Горація лишь почти десятью годами, но долгое время занимавшіеся въ своемъ родномъ городѣ преподаваніемъ краснорѣчія, прежде чѣмъ перенесли свою преподавательскую дѣятельность въ Римъ, — были настоящими представителями той школьной риторики, которая замѣнила республиканскую свободу и развязанность рѣчи. Когда первый изъ нихъ былъ однажды вынужденъ выступить на сцену въ настоящемъ судебномъ разбирательствѣ, онъ совершенно растерялся и пришолъ въ себя только тогда, когда разбирательство, — въ угоду этому знаменитому человѣку, — было перенесено изъ трибунала въ школьную залу. И сынъ Сенеки, бывшій министромъ при Неронѣ и образцовымъ философомъ того времени, равно какъ его внукъ Луканъ, протестовавшій въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ противъ единодержавія, имѣли такое-же сомнительное, но исторически неоспоримое литературное значеніе, честь котораго должна быть въ нѣкоторомъ отношеніи приписана самой Испаніи. Точно такъ и въ раннюю пору имперіи, два другихъ провинціальныхъ жителя Бетики, Мела при Клавдіи, Колумелла при Неронѣ стали наряду съ извѣстными, отличавшимися изяществомъ слога образцовыми писателями, — первый благодаря своему краткому землеописанію, а второй благодаря своему талантливому и частію также поэтическому описанію земледѣлія. Если во времена Домиціана, поэтъ Каній Руфъ

---

[1]) Въ Клуніи найдено посвященіе матерямъ [C. J. L. II, 2776] — единственное испанское посвященіе, встрѣчаемое въ культѣ, который былъ такъ широко распространенъ у западныхъ Кельтовъ и такъ долго у нихъ держался; въ Укзамѣ найдено посвященіе въ честь L u g o v e s [тамъ-же, 2818], въ которомъ предполагается, что божество Кельтовъ возвратилось изъ Авентикума.

изъ Гадеса, философъ Деціанъ изъ Эмериты и ораторъ Валерій Лициніанъ изъ Билбила (Калатайюда, неподалеку отъ Сарагоссы) выдавались за литературныя знаменитости и ставились наряду съ Виргиліемъ и Катулломъ и наряду съ тремя кордубскими звѣздами, то такого-же высокаго мнѣнія были и объ уроженцѣ Билбила Валеріѣ Марціалѣ [1]), который не уступалъ ни одному изъ поэтовъ того времени даже изяществомъ и внѣшней формой, и конечно также продажностью и пустословіемъ; впрочемъ при этомъ должно быть принято въ расчетъ и сочувствіе земляковъ; тѣмъ не менѣе уже одна возможность составить такой букетъ изъ поэтовъ свидѣтельствуетъ о важности испанскаго элемента въ тогдашней литературѣ. Но перломъ испанско-латинскаго авторства былъ Маркъ Фабій Квинтиліанъ (35—95), уроженецъ города Калагура, на берегахъ Эбро. Еще его отецъ занимался въ Римѣ преподаваніемъ краснорѣчія; онъ самъ былъ вызванъ Гальбою въ Римъ и въ царствованіе Домиціана занялъ высокое положеніе въ качествѣ воспитателя императорскихъ племянниковъ. Его учебникъ риторики и, въ нѣкоторой степени, исторіи римской литературы есть одно изъ лучшихъ сочиненій, какія сохранились отъ древнихъ временъ Рима; оно отличается изящнымъ вкусомъ и вѣрнымъ взглядомъ, просто и по мысли и по изложенію, поучительно безъ скуки, пріятно безъ натяжки, и представляетъ рѣзкую и сознательную противоположность съ богатой блестящими фразами, но бѣдной идеями образцовой литературой. Ему въ значительной мѣрѣ принадлежитъ та заслуга, что тогдашнее литературное направленіе если не улучшилось, то по меньшей мѣрѣ измѣнилось. Впослѣдствіи вліяніе Испанцевъ уже ничѣмъ не сказывалось среди общаго ничтожества. Въ латинскомъ авторствѣ этихъ провинціаловъ, въ особенности въ историческомъ отношеніи, имѣетъ значеніе тотъ фактъ, что они совершенно приноравливались къ литературному развитію своего отечества. Правда, Цицеронъ насмѣхался надъ неумѣлостью и надъ провинціализмами занимав-

---

[1]) Написанные на этотъ сюжетъ хромые ямбы гласятъ:

Верона высоко цѣнитъ пѣсни изящнаго поэта;
Мантуа восхищается Марономъ,
Уроженецъ Патавія, великій Ливій составляетъ славу
И блескъ этого города, точно такъ-же какъ и Флаккъ.
Волны Нила нашептываютъ похвалы Аполлодору;
Славой Назона наполненъ Сульмонъ.
Обоихъ Сенекъ и единственнаго Лукана
Славитъ краснорѣчивая Кордуба.
Веселый Гадесъ будетъ называть своимъ Канія,
А Эмерита—моего Деціана.
Нашъ Билбилъ будетъ гордиться тобою,
Лициніанъ, и также мною.

шихся стихотворствомъ Испанцевъ, и даже латинскій языкъ Латрона не находилъ одобренія у римскаго уроженца Мессалы Корвина, слава котораго была такъ-же велика, какъ его взыскательность въ томъ, что касалось правильности языка. Но послѣ временъ Августа уже не было слышно подобныхъ отзывовъ. Галльскіе риторы и великіе африканскіе церковные писатели оставались и въ качествѣ латинскихъ писателей до нѣкоторой степени иноземцами; Сенеку и Марціала никто не призналъ-бы за иноземцевъ ни по ихъ характеру, ни по ихъ сочиненіямъ; въ искренней любви къ своей отечественной литературѣ и въ тонкомъ ея пониманіи никогда ни одинъ Италіецъ не превосходилъ родившагося въ Калагурѣ преподавателя языка.

ГЛАВА III.

Галльскія провинціи.

Южная провинція и Массалія.—Подобно Испаніи и южная Галлія вошла въ составъ римскихъ владѣній еще во времена республики, но не такъ рано и не такъ всецѣло, какъ Испанія. Обѣ испанскія провинціи были организованы во времена Аннибала, а нарбонская провинція была организована во времена Гракховъ, и между тѣмъ какъ въ Испаніи Римъ овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ, въ Галліи онъ не только ограничивался до самыхъ послѣднихъ временъ республики владычествомъ надъ ея берегами, но и изъ прибрежныхъ странъ онъ держалъ въ своей власти только самую малую и самую отдаленную часть. Республика не безъ основанія называла эти владѣнія городскимъ нарбонскимъ округомъ; большая часть побережья почти отъ самаго Монпелье до Ниццы принадлежала городу Массаліи. Эта греческая община была скорѣе государствомъ, чѣмъ городомъ, а исстари существовавшій, ея равноправный союзъ съ Римомъ получилъ, благодаря ея могуществу, такое реальное значеніе, какого никогда не имѣлъ союзъ съ какимъ-либо другимъ городомъ. Тѣмъ не менѣе Римляне, конечно, служили щитомъ и мечомъ для этихъ сосѣднихъ Грековъ, еще болѣе, чѣмъ для тѣхъ, которые жили въ болѣе дальнемъ сосѣдствѣ на востокѣ. Хотя Массаліоты и держали въ своей власти область нижней Роны вплоть до Авиньона, но имъ вовсе не подчинялись находившіяся внутри страны лигурійскія и кельтскія волости, а римскій постоянный

лагерь подлѣ Aquae Sextiae (Экса), находившійся къ сѣверу отъ Массаліи на разстояніи одного дня пути отъ нея, былъ поставленъ тамъ въ сущности для того, чтобъ служить постоянной охраной для богатаго греческаго торговаго города. Однимъ изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ результатовъ римской междоусобной войны было то, что вмѣстѣ съ легальнымъ существованіемъ республики было уничтожено политическое существованіе вѣрнѣйшаго изъ ея союзниковъ города Массаліи, что этотъ городъ превратился изъ равноправнаго государства въ общину, которая хотя и впослѣдствіи оставалась самостоятельной и греческой, но удержала свою самостоятельность и свой эллинизмъ при скромномъ положеніи главнаго центра провинціи. Послѣ занятія Массаліи во время междоусобной войны, о ея политическомъ значеніи уже болѣе не было и рѣчи; съ тѣхъ поръ она сдѣлалась для Галліи тѣмъ же, чѣмъ былъ Неаполь для Италіи — центромъ греческой образованности и греческой учености. Въ той же мѣрѣ, въ какой большая часть позднѣйшей нарбонской провинціи лишь въ ту пору подпала подъ непосредственное римское управленіе, и первоначальная организація этой провинціи должна быть отнесена къ этой же эпохѣ.

Послѣдняя борьба въ трехъ Галліяхъ.—Какъ подпала остальная Галлія подъ римское владычество, уже было описано въ 3-мъ томѣ. До начала войнъ, которыя Цезарь велъ въ Галліи, римское владычество простиралось почти до Тулузы, Віенны и Женевы, за тѣмъ до береговъ Рейна вдоль всего его теченія и до береговъ Атлантическаго моря какъ на сѣверѣ, такъ и на западѣ. Однако это владычество было по всему вѣроятію неполнымъ и, быть можетъ, было на сѣверо-западѣ немного менѣе поверхностнымъ, чѣмъ въ Британіи. Между тѣмъ мы узнаемъ изъ дополнительныхъ военныхъ предпріятій главнымъ образомъ только то, что касалось округовъ иберійской національности. Иберійцамъ принадлежали не только южные, но и сѣверные склоны Пиренеевъ вмѣстѣ съ близь-лежащими странами—Беарномъ, Гасконіей, западнымъ Лангедокомъ [1], и мы уже упоминали (на стр. 51) о томъ, что въ то время, какъ сѣ-

---

[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что иберійскія монеты были въ ходу по ту сторону Пиренеевъ, хотя смыслъ нѣкоторыхъ надписей на монетахъ, между прочимъ относящихся къ Перпиньяну и Нарбоннѣ, не вполнѣ ясенъ. Такъ какъ чеканка всѣхъ этихъ монетъ производилась съ римскаго разрѣшенія, то отсюда возникаетъ вопросъ, не находилась-ли эта часть позднѣйшей нарбонской провинціи подъ управленіемъ намѣстника лежавшей по сю сторону Альповъ Испаніи, и не возникла-ли эта зависимость въ болѣе раннюю пору, а именно прежде основанія Нарбона [636 отъ осн. Р.]. Тамъ не найдено Аквитанскихъ монетъ съ иберійскими надписями, точно также какъ ихъ не найдено въ сѣверо-западной Испаніи вѣроятно потому, что римское верховенство, подъ охраной кото-

веро-западная Испанія вела окончательную борьбу съ Римлянами, безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ вели упорную борьбу и на сѣверной сторонѣ Пиренеевъ — сначала Агриппа въ 716 г., а потомъ знаменитый покровитель римскихъ поэтовъ Маркъ Валерій Мессалла, который въ 726 или въ 727 г., то-есть почти одновременно съ войной въ Кантабріи, нанесъ Аквитанцамъ пораженіе въ открытомъ полѣ, на древне-римской территоріи, неподалеку отъ Нарбонны. Касательно Кельтовъ мы знаемъ только то, что незадолго до битвы при Акціумѣ были покорены жившіе въ Пикардіи Морины, и хотя въ теченіе двадцатилѣтней почти непрерывной междоусобной войны историки того времени могли оставлять безъ вниманія сравнительно неважныя галльскія дѣла, но молчаніе въ полномъ спискѣ одержанныхъ тамъ побѣдъ служитъ доказательствомъ того, что въ странѣ Кельтовъ не было въ ту пору предпринято никакихъ сколько-нибудь значительныхъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Возстанія. — И впослѣдствіи, во время продолжительнаго Августовскаго управленія и во время опасныхъ кризисовъ, которымъ иногда грозили войны въ Германіи, галльскія страны оставались въ покорности. Конечно и римское правительство и партія германскихъ патріотовъ, — какъ мы уже видѣли ранѣе, — постоянно имѣли въ виду то соображеніе, что рѣшительный успѣхъ Германцевъ и ихъ вторженіе въ Галлію будутъ имѣть послѣдствіемъ возстаніе Галловъ противъ Рима; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что иноземное владычество еще вовсе не было въ ту пору упрочено. Дѣло дошло до настоящаго возстанія въ 21 г. при Тиверіи. Среди кельтской знати образовался далеко развѣтвившійся заговоръ съ цѣлію низвергнуть римское господство. Онъ преждевременно вспыхнулъ на нижней Луарѣ въ незначительныхъ волостяхъ Туроновъ и Андекавовъ и не только маленькій ліонскій гарнизонъ, но и часть рейнской арміи были немедленно двинуты противъ бунтовщиковъ. Однако къ этимъ послѣднимъ примкнули болѣе значительные округа; Тревиры толпами бросились въ Арденнскія горы подъ предводительствомъ Юлія Флора; въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Ліона возстали подъ предводительствомъ Юлія Сакровира Гедуи и Секваны. Сомкнутые ряды легіоновъ, конечно, безъ большаго труда одолѣли бунтовщиковъ; но возстаніе, въ которомъ Германцы не принимали никакого участія, свидѣтельствовало о господствовавшей во всей странѣ и въ особенности среди знати ненависти къ иноземному властителю, которая, конечно, была усилена, но не была пер-

———

раго производилась эта чеканка монетъ, не распространялось на эту область въ теченіе всего времени своего существованія, то-есть, быть можетъ, до нумантійской войны.

воначально вызвана той тяжестью налоговъ и тѣмъ разстройствомъ финансовъ, которыя выдавались за причину возстанія.

Постепенное умиреніе Галліи.—Искуство Римлянъ въ дѣлахъ управленія обнаружилось еще не столько въ томъ, что они съумѣли подчинить себѣ Галлію, сколько въ томъ, что они съумѣли удержать ее въ своей власти, и что для Верцингеторига не нашлось преемника, хотя, какъ по всему видно, вовсе не было недостатка въ людяхъ, которые охотно пошли-бы по его стопамъ. Этотъ результатъ былъ достигнутъ благодаря тому, что Римляне благоразумно соединяли вліяніе страха съ вліяніемъ выгоды и,—можно прибавить,—умѣли раздѣлять силы враговъ. Сила и близость рейнской арміи, безспорно, были главнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ держать Галловъ въ страхѣ и покорности. Если ее оставляли въ теченіе цѣлаго столѣтія все въ одномъ и томъ же численномъ составѣ,—какъ это будетъ доказано въ слѣдующей главѣ,—то это дѣлалось, по всему вѣроятію, столько же ради римскихъ подданныхъ, сколько ради сосѣдей, которые впослѣдствіи вовсе не были особенно опасны. Хотя вспыхнувшее послѣ смерти Нерона возстаніе и не было особенно упорно, оно все-таки служило доказательствомъ того, какъ было опасно для римскаго владычества даже временное удаленіе войскъ не потому, что оно давало Германцамъ возможность переходить через Рейнъ, а потому, что доставляло Галламъ случай отказаться отъ повиновенія Римлянамъ: когда войска отправились въ Италію для того, чтобъ провозгласить своего вождя императоромъ, въ Трирѣ была провозглашена независимость галльскаго государства, а остававшіеся тамъ римскіе солдаты были подъ присягой обязаны служить ему вѣрой и правдой. Но хотя это владычество иноземцевъ, какъ и всякое другое, прежде всего и главнымъ образомъ опиралось на всеподавляющее насиліе, на то, что народныя толпы не были въ состояніи противостоять сомкнутымъ рядамъ хорошо обученныхъ войскъ,—оно вовсе не было утверждено только на этой опорѣ. Умѣнье раздѣлять силы враговъ и въ этомъ случаѣ было съ успѣхомъ употреблено въ дѣло. Галлія принадлежала не однимъ Кельтамъ; не только на югѣ Иберійцы были многочисленны, но и на Рейнѣ жили въ значительномъ числѣ германскія племена, значеніе которыхъ было основано не столько на ихъ многочисленности, сколько на ихъ выдающейся воинственности. Правительство искусно поддержало и обратило въ свою пользу взаимное нерасположеніе между Кельтами и жившими на лѣвомъ берегу Рейна Германцами. Но еще съ большимъ успѣхомъ дѣйствовала политика сліяній и примиренія. Мѣры, которыя были приняты именно съ этой цѣлію, будутъ болѣе подробно изложены далѣе; между тѣмъ какъ Римляне щадили волостное устройство и даже

допустили нѣчто въ родѣ народнаго представительства, старались ослаблять вліяніе національнаго жречества лишь мало-по-малу, а напротивъ того съ самаго начала сдѣлали употребленіе латинскаго языка обязательнымъ и соединили новую религію имперіи въ одно цѣлое съ упомянутымъ національнымъ представительствомъ, — и главнымъ образомъ между тѣмъ какъ они брались за романизированіе не крутымъ образомъ, но проводили его осторожно и съ терпѣніемъ, римское иноземное владычество перестало быть иноземнымъ, такъ какъ сами Кельты сдѣлались и пожелали сдѣлаться Римлянами. Какъ много подвинулась впередъ эта работа уже по прошествіи первыхъ ста лѣтъ римскаго владычества въ Галліи, видно изъ только-что упомянутыхъ, совершившихся послѣ смерти Нерона событій, которыя во всѣхъ своихъ подробностяхъ принадлежатъ частію къ исторіи римскаго общиннаго устройства, частію къ отношеніямъ, въ которыя это устройство было поставлено къ Германцамъ, но и при этой связи должны быть, хотя и мимоходомъ, упомянуты. Низверженіе Юліевско-Клавдіевской династіи было дѣломъ одного знатнаго Кельта и началось возстаніемъ Кельтовъ; но это возстаніе вовсе не было вызвано желаніемъ свергнуть иноземное владычество, какъ возстаніе Верцингеторига или даже какъ возстаніе Сакровира; оно имѣло цѣлію не упразднить римское управленіе, а преобразовать его; вождь инсургентовъ считалъ свое происхожденіе отъ незаконнаго Цезарева сына за одно изъ доказательствъ знатности своего рода, изъ чего ясно видно, что это движеніе имѣло на половину національный характеръ и на половину римскій. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, — когда отложившіяся отъ Рима войска германскаго происхожденія и вольные Германцы на минуту пересилили стоявшую на Рейнѣ римскую армію, — нѣкоторыя изъ кельтскихъ племенъ провозгласили независимость своей націи, но эта попытка имѣла плачевный исходъ не только вслѣдствіе принятыхъ правительствомъ мѣръ, но и вслѣдствіе противодѣйствія со стороны значительнаго большинства самихъ Кельтовъ, которые и не могли желать и дѣйствительно не желали отпаденія отъ Рима. И римскія имена стоявшей во главѣ возстанія знати, и латинская надпись на выпущенныхъ инсургентами монетахъ, и ихъ постоянное стараніе подражать римскому государственному устройству — все самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствовало о томъ, что освобожденіе кельтской націи отъ иноземнаго ига уже потому не было возможно въ 70 г. послѣ Р. Х., что такая нація уже не существовала и что римское владычество тяготило какъ ярмо, а не какъ владычество иноземцевъ. Если бы такой-же удобный случай для возстанія представился Кельтамъ во времена битвы при Филиппахъ или даже въ царствованіе Тиверія, то ихъ возстаніе безъ сомнѣнія не имѣло-бы иного исхода, но потонуло-бы

въ потокахъ крови, между тѣмъ какъ на этотъ разъ оно сѣло на мель. Когда по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ этихъ тяжелыхъ кризисовъ римская армія была значительно уменьшена, то сами Кельты доказали, что большинство Галловъ уже перестало помышлять объ отдѣленіи отъ Италійцевъ и что смѣнявшіяся послѣ завоеванія страны четыре поколѣнія сдѣлали свое дѣло. Всѣ совершавшіеся тамъ впослѣдствіи перевороты совершались внутри римскаго міра. Когда этому міру стало грозить распаденіе, отъ центра имперіи на время отпалъ подобно востоку и западъ; но самостоятельное государство Постумія было продуктомъ необходимости, а не выбора и эта самостоятельность была не болѣе, какъ фактическая; императоры, властвовавшіе въ Галліи, въ Британіи и въ Испаніи, предъявляли на обладаніе всей имперіей точно такія-же притязанія, какъ ихъ соперники—императоры, властвовавшіе въ Италіи. Конечно, еще оставалось не мало слѣдовъ стариннаго быта Кельтовъ и ихъ старинной необузданности. Подобно тому, какъ епископъ города Пуатье, Иларій,—который самъ былъ родомъ Галлъ,—жаловался на дерзкій нравъ своихъ соотечественниковъ, и позднѣйшія біографіи императоровъ называютъ Галловъ строптивыми, неудобоуправляемыми и склонными къ сопротивленію, такъ что по отношенію къ нимъ казались особенно необходимыми твердость и строгость системы управленія. Но объ отдѣленіи отъ римскаго государства или даже объ отреченіи отъ римской національности, насколько въ ту пору существовала такая національность, нигдѣ не помышляли въ эти позднѣйшія времена менѣе, чѣмъ въ Галліи; напротивъ того, развитіе римско-гальской культуры, для котораго былъ заложенъ фундаментъ Цезаремъ и Августомъ, наполняетъ позднѣйшую эпоху Рима точно такъ-же, какъ оно наполняетъ средніе вѣка и новое время.

Внутреннее устройство трехъ Галлій.—Внутреннее устройство Галліи было дѣломъ Августа. Послѣ окончанія междоусобной войны, когда было приступлено къ организаціи государственнаго управленія, вся Галлія поступила подъ управленіе императора въ томъ видѣ, въ какомъ она была передана или пріобрѣтена Цезаремъ, за исключеніемъ только той части, которая была по сю сторону Альповъ присоединена къ Италіи. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ Августъ отправился въ Галлію и во время своего пребыванія въ главномъ городѣ Лугдунѣ довелъ въ 727 г. (27 г. послѣ Р. Х.) до конца народную перепись въ галльской провинціи, благодаря чему въ присоединенныхъ Цезаремъ къ государству странахъ былъ впервые введенъ правильный кадастръ и была урегулирована раскладка податей. Въ ту пору онъ пробылъ тамъ недолго, потому что событія въ Испаніи потребовали его присутствія. Но введеніе новыхъ поряд-

ковъ встрѣчало большія затрудненія и нерѣдко сопротивленіе; не одни только военныя дѣла были причиной присутствія Агриппы въ Галліи въ 735 г. и присутствія самого императора съ 738 по 741 г. (16—13 г. до Р. Х.); а всѣ принадлежавшіе къ императорскому дому намѣстники или главнокомандующіе на Рейнѣ—пасынокъ Августа Тиверій въ 738 г., его братъ Друзъ въ 742—745 г., снова Тиверій въ 745—747, 757—759, 763—765 г., его сынъ Германикъ въ 766—769 г.—имѣли задачей дальнѣйшую организацію Галліи. Эта мирная работа, конечно, была и не менѣе трудна и не менѣе важна, чѣмъ веденіе военныхъ дѣлъ на Рейнѣ; это видно изъ того, что императоръ взялъ въ свои собственныя руки закладку фундамента, а исполненіе дѣла возложилъ на самыхъ близкихъ къ нему и самыхъ высокопоставленныхъ людей. Тѣ учрежденія, которыя были введены Цезаремъ подъ гнетомъ междоусобной войны, впервые получили въ ту пору ту форму, которую впослѣдствіи удержали въ ея существенныхъ чертахъ. Они распространялись какъ на старую провинцію, такъ и на новую; между тѣмъ Августъ отдалъ еще въ 732 г. подъ управленіе сената старыя римскія владѣнія вмѣстѣ съ областью Массаліи отъ береговъ Средиземнаго моря до Севеннскихъ горъ, удержавъ подъ своимъ личнымъ управленіемъ только Новую Галлію. Эта провинція, все-таки имѣвшая очень большіе размѣры, была тогда раздѣлена на три административныхъ округа, надъ каждымъ изъ которыхъ былъ поставленъ самостоятельный императорскій намѣстникъ. Это раздѣленіе находилось въ связи съ указанною диктаторомъ Цезаремъ и основанною на національныхъ контрастахъ дѣлимостью кельтскихъ странъ на три части— на населенную Иберійцами Аквитанію, чисто кельтскую Галлію и кельто-германскую страну Белговъ; при этомъ конечно имѣлось въ виду по возможности привести административное раздѣленіе страны въ соотвѣтствіе съ этими контрастами, столь благопріятными для упроченія римскаго владычества. Однако это было приведено въ исполненіе лишь приблизительно, и на практикѣ нельзя было сдѣлать иначе. Чисто кельтская мѣстность между Гароной и Луарой была присоединена къ слишкомъ незначительной по объему иберійской Аквитаніи; весь лѣвый берегъ Рейна отъ Женевскаго озера до Мозели былъ соединенъ съ Бельгіей, хотя тамошнія волости были большею частію кельтскія; вообще кельтское племя имѣло такой перевѣсъ, что такимъ образомъ организованныя провинціи могли называться «тремя Галліями». Объ организаціи такъ-называемыхъ двухъ Германій, номинально замѣнившихъ ту настоящую германскую провинцію, которая была утрачена или которую не удалось организовать, и на самомъ дѣлѣ составлявшихъ военную границу Галліи, будетъ идти рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Въ старой галльской провинціи былъ введенъ совершенно иной

законный порядокъ, чѣмъ въ трехъ новыхъ: первая была немедленно и вполнѣ латинизирована, а въ послѣднихъ сначала были урегулированы тамошніе національные порядки. Эта противоположность въ системѣ управленія, имѣвшая гораздо болѣе сильное вліяніе, чѣмъ формальное различіе между управленіемъ сенатскимъ и управленіемъ императорскимъ, была прежде всего и главнымъ образомъ причиной до сихъ поръ замѣтнаго различія между странами такъ-называемаго Langue d'oc'а и Прованса и странами такъ-называемаго Langue d'oil'я.

Романизированіе южной провинціи.—Романизированіе южной Галліи не подвинулось во времена республики впередъ на столько-же, насколько подвинулось романизированіе южной Испаніи. Не скоро можно было наверстать тѣ восемьдесятъ лѣтъ, которые отдѣляли завоеваніе одной страны отъ завоеванія другой; лагерныя стоянки для войскъ были гораздо сильнѣе укрѣплены и были болѣе неподвижны въ Испаніи, чѣмъ въ Галліи, а городовъ, организованныхъ по латинскому образцу, было тамъ болѣе, чѣмъ здѣсь. Правда и въ Галліи былъ основанъ во времена Гракховъ и подъ ихъ вліяніемъ Нарбонъ, который былъ первой колоніей, возникшей по ту сторону моря съ правами гражданства; но онъ остался одинокимъ и хотя онъ соперничалъ въ торговлѣ съ Массаліей, но, по всему вѣроятію, никакъ не могъ стоять съ ней наряду по своему значенію. Но когда Цезарь сталъ руководить судьбами Рима, было приступлено къ наверстанію потеряннаго времени главнымъ образомъ въ этой странѣ, которая была предметомъ его выбора и театромъ его фортуны. Колонія Нарбонъ была расширена и сдѣлалась при Тиберіи самымъ многолюднымъ городомъ во всей Галліи. Затѣмъ, главнымъ образомъ на уступленной Массаліею территоріи, были основаны четыре новыя гражданскія общины; между ними самыми значительными были: въ военномъ отношеніи Forum Julii (Fréjus), служившій главной стоянкой для новаго имперскаго флота, въ торговомъ отношеніи Арелатъ (Arles), находившійся близъ устьевъ Роны, а когда сталъ пріобрѣтать значеніе Ліонъ и торговля стала снова передвигаться къ берегамъ Роны, Арелатъ, пересиливъ Нарбонъ, сдѣлался настоящимъ преемникомъ Массаліи и обширнымъ рынкомъ для галло-италійской торговли. Трудно съ точностью различить то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи самимъ Цезаремъ, отъ того, что было сдѣлано его сыномъ, а въ историческомъ отношеніи въ этомъ и не представляется большой надобности; если Августъ гдѣ-либо дѣйствовалъ въ качествѣ простаго исполнителя Цезарева духовнаго завѣщанія, то именно здѣсь. Кельтское волостное устройство повсюду уступаетъ мѣсто италійской общинѣ. Прибрежная волость Волковъ, прежде того находившаяся подъ властію Массаліотовъ,

получила отъ Цезаря латинское общинное устройство въ томъ видѣ, что «преторы» Волковъ управляли всѣмъ округомъ, заключавшимъ въ себѣ 24 поселка [1]), и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ старые порядки исчезли даже номинально и волость Волковъ уступила мѣсто латинскому городу Немавзу (Ниму). Точно такъ и самая значительная изъ всѣхъ волостей этой провинціи, волость Аллоброговъ, владычествовавшихъ къ сѣверу отъ Изеры и къ востоку отъ средней Роны, отъ Валенціи и Ліона до Савойскихъ горъ и до Женевскаго озера, получила, вѣроятно еще отъ Цезаря, также городское устройство и италійское право, а впослѣдствіи императоръ Гай далъ городу Віеннѣ римское право гражданства. Точно такъ и во всей провинціи самые большіе центры были организованы Цезаремъ или въ первыя времена имперіи по латинскому праву,—какъ-то: Рузцино (Руссильонъ), Авеніо (Авиньонъ), Aquae sextiae (Эксъ) и Апта (Аптъ). Уже въ концѣ Августовской эпохи, страна по обоимъ берегамъ нижней Роны была вполнѣ романизирована и по языку и по нравамъ, а волостное устройство было, по всему вѣроятію, во всей провинціи уничтожено въ своихъ малѣйшихъ остаткахъ. Жители общинъ, получившіе государственныя права гражданства, равно какъ тѣ жители съ правами латинскаго гражданства, которые пріобрѣтали для себя и для своихъ потомковъ права государственнаго гражданства вступленіемъ въ государственную армію или занятіемъ должностей въ своемъ родномъ городѣ, были совершенно равноправны съ Италійцами и наравнѣ съ этими послѣдними достигали на государственной службѣ должностей и почестей.

Лугдунъ.—Напротивъ того, въ трехъ Галліяхъ не было городовъ съ римскими и латинскими правами, или, лучше сказать, тамъ былъ только одинъ такой городъ [2]), именно потому и не принадлежавшій ни къ одной изъ трехъ провинцій или принадлежавшій ко всѣмъ тремъ—городъ Лугдунъ (Ліонъ). Эта колонія возникла въ 711 г., въ эпоху междоусобныхъ войнъ, непосредственно вслѣдствіе изгнанія нѣсколькихъ поселившихся въ Віеннѣ Италійцевъ [3]),—на крайней

---

[1]) Это доказываетъ замѣчательная авиньонская надпись [Herzog Gall. Narb. n. 403]: T. Carisius T. f. pr [aetor] Volcar [um] dat,—самое древнее свидѣтельство о введеніи Римлянами въ этихъ странахъ общиннаго устройства.

[2]) Лишь Новіодунъ [Ніонъ на берегу Женевскаго озера] могъ быть сопоставленъ въ трехъ Галліяхъ по своему положенію съ Лугдуномъ; но такъ какъ эта община впослѣдствіи выступаетъ въ качествѣ civitas Equestrium [inscr. Helv. 115], то слѣдуетъ полагать, что она входила въ составъ волости, чего нельзя сказать о Лугдунѣ.

[3]) Жители, которые были ранѣе изгнаны изъ Віенны Аллоброгами [οἱ ἐκ Οὐιέννης τῆς Ναρβωνησίας ὑπὸ τῶν Ἀλλοβρίγων ποτὲ ἐκπεσόντες],

южной окраинѣ императорской Галліи, на самой границѣ получившей городское устройство провинціи, у сліянія Роны съ Саоной, на такомъ мѣстѣ, которое было одинаково удобно и въ военномъ и въ торговомъ отношеніяхъ; она не была преобразована изъ кельтской волости [1]) и потому всегда имѣла узкую территорію, но съ самаго начала была населена Италійцами и была вполнѣ надѣлена правами римскаго гражданства; это была единственная въ своемъ родѣ колонія среди общинъ трехъ Галлій и по своему устройству занимала почти такое-же положеніе, какое занимаетъ въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ. Этотъ единственный городъ трехъ Галлій сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и галльской столицей. У трехъ провинцій не было общаго верховнаго начальника, и изъ высшихъ должностныхъ лицъ тамъ имѣлъ свое мѣстопребываніе только намѣстникъ средней или Лугдунской провинціи; но когда въ Галлію пріѣзжали на время императоръ или принцы, они всегда жили въ Ліонѣ. Кромѣ Карѳагена, Ліонъ былъ единственнымъ городомъ латинской половины имперіи, получившимъ такой-же постоянный гарнизонъ, какой ставили въ главныхъ городахъ [2]). Единственный монетный дворъ для чеканки государственной монеты, на существованіе котораго на западѣ въ раннюю пору имперіи мы можемъ съ увѣренностью указать, находился въ Ліонѣ. Здѣсь находился главный узелъ галльской дорожной сѣти. Но не только всѣ правительственныя учрежденія, общія для всей Галліи, имѣли своимъ естественнымъ центромъ Ліонъ, въ этомъ римскомъ городѣ, какъ мы увидимъ далѣе, также собирался кельтскій сеймъ трехъ провинцій и въ немъ находились всѣ связанныя съ сеймомъ политическія и религіозныя учрежденія,—тамъ находились его храмы и тамъ справлялись его

о чемъ упоминаетъ Діонъ [46, 50], не могли быть иначе какъ римскими гражданами, такъ какъ основаніе гражданской колоніи въ ихъ пользу только и можетъ быть понятно при этомъ предположеніи. „Прежнее“ изгнаніе, вѣроятно, находилось въ связи съ возстаніемъ Аллоброговъ подъ предводительствомъ Катугната въ 693 г. Нѣтъ никакихъ указаній на то, почему изгнанники не были возвращены назадъ, а были поселены въ другомъ мѣстѣ; причины этого могли быть многоразличны, но самый фактъ нисколько не теряетъ оттого своей достовѣрности. Поступавшіе въ пользу города доходы [Тацитъ, *Ист.* 1, 65], быть можетъ, были ему назначены на счетъ Віенны.

[1]) Эта территорія прежде принадлежала Сегузіавамъ [Плиній, Н. N. 4, 18 107; Страбонъ, стр. 186, 192],—одной изъ мелкихъ волостей, находившихся подъ покровительствомъ Гедуевъ [Цезарь, B. G. 7, 75]; но въ классификаціи волостей она не значится въ ихъ числѣ, а стоитъ особо въ качествѣ μητρόπολις [Птолемей 2, 8, 11, 12].

[2]) Это были тѣ 1200 солдатъ, съ помощью которыхъ, — какъ выражается іудейскій царь Агриппа у Іосифа [Bell. 2, 16, 4],—Римляне держали въ повиновеніи всю Галлію.

ежегодные праздники. Такимъ образомъ Лугдунъ сталъ быстро расцвѣтать благодаря богатой дотаціи, на которую ему давало право его положеніе метрополіи, и благодаря своему необыкновенно выгодному въ торговомъ отношеніи географическому положенію. Одинъ писатель временъ Тиверія называетъ его вторымъ городомъ Галліи послѣ Нарбона; впослѣдствіи онъ сталъ на ряду съ своимъ прирейнскимъ собратомъ Арелатомъ или даже затмилъ его. Когда пожаръ 64 года обратилъ значительную часть Рима въ пепелъ, жители Лугдуна прислали погорѣльцамъ денежное пособіе въ 4 милліона сестерцій (870,000 марокъ), а когда ихъ собственный городъ сдѣлался въ слѣдующемъ году жертвою такого-же и еще болѣе тяжкаго бѣдствія, и имъ все государство оказало помощь, а императоръ прислалъ имъ такую-же сумму изъ своего собственнаго казнохранилища. Городъ возсталъ изъ своихъ развалинъ еще болѣе великолѣпнымъ, чѣмъ прежде, и въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій, при всякой перемѣнѣ обстоятельствъ, оставался вплоть до настоящаго времени первоклассными городомъ. Правда, въ болѣе позднія времена имперіи, его затмилъ Триръ. Городъ Тревировъ, названный *Августой*, вѣроятно по имени перваго императора, скоро занялъ въ Белгіи первое мѣсто; хотя еще во времена Тиверія самымъ многолюднымъ городомъ этой провинціи и мѣстопребываніемъ намѣстника былъ городъ Ремовъ Дурокорторъ (Реймсъ), но уже одинъ писатель временъ Клавдія приписываетъ первенство главному городу Тревировъ. Но Триръ сдѣлался главнымъ городомъ Галліи [1]) и даже, можно сказать, запада только вслѣдъ за преобразованіемъ государственнаго управленія при Діоклетіанѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Галлія, Британія и Испанія были подчинены одному главному управленію, центромъ этого управленія сдѣлался Триръ; съ той-же поры онъ постоянно служилъ резиденціей для посѣщавшихъ Галлію императоровъ и,—какъ выразился одинъ греческій писатель 5 столѣтія,—сдѣлался самымъ большимъ изъ всѣхъ городовъ по ту сторону Альповъ. Впрочемъ въ объемъ нашего разсказа не входитъ та эпоха, когда этотъ сѣверный Римъ получилъ свои городскія стѣны и свои бани, достойныя стоять наряду съ городскими стѣнами римскихъ царей и съ банями императорской столицы. Въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ императорскаго управленія, Ліонъ оставался римскимъ центромъ кельтской страны не потому только, что занималъ

---

[1]) Ничто не характеризуетъ такъ ясно тогдашнее положеніе Трира, какъ состоявшееся въ 376 году распоряженіе императора Граціана [C. Th. 13, 3, 11], что профессора риторики и грамматики обоихъ языковъ должны получать во всѣхъ главныхъ городахъ тогдашнихъ семнадцати галльскихъ провинцій постоянное содержаніе изъ государственной казны въ одинакомъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ трирскимъ профессорамъ назначалось болѣе значительное содержаніе.

первое мѣсто по многочисленности своего населенія и по своему богатству, но также потому, что былъ основанъ Италійцами и какъ по своимъ правамъ, такъ въ особенности по своему происхожденію и характеру былъ настоящимъ римскимъ городомъ, какому не было подобнаго на сѣверѣ Галліи и какихъ было очень мало на югѣ.

Волостное устройство трехъ Галлій.—Какъ для организаціи южной провинціи образцомъ служилъ италійскій городъ, такъ для организаціи сѣверной провинціи служила основой волость и главнымъ образомъ волость прежняго кельтскаго общественнаго устройства, уступившаго свое мѣсто общинному устройству. Важность противоположности, которая существуетъ между городомъ и волостью, зависитъ главнымъ образомъ не отъ ея сущности; даже еслибы эта противоположность была въ легальномъ отношеніи только формальной, она разъединяла-бы племена различныхъ національностей, возбуждая и усиливая съ одной стороны сознаніе принадлежности къ Риму, а съ другой стороны сознаніе чужеземства. Въ эту пору, практическое различіе между двумя системами не могло сильно сказываться, такъ какъ элементы общиннаго устройства, должностныя лица, совѣтъ, собраніе гражданъ были и тутъ и тамъ одни и тѣ же, а римское верховенство едва-ли стало-бы долго выносить возникшее ранѣе того болѣе глубокое различіе. Поэтому и переходъ отъ волостнаго устройства къ городскому нерѣдко совершался безпрепятственно и, почти можно сказать, самъ собою какъ бы въ силу необходимости. Вслѣдствіе того, качественныя различія между двумя формами государственнаго устройства слабо выступаютъ наружу въ нашемъ изложеніи. Тѣмъ не менѣе эти различія, конечно, не были просто номинальными, а заключались въ правахъ различныхъ должностныхъ лицъ, въ отправленіи правосудія, въ обложеніи податями, въ наборѣ рекрутъ и въ глазахъ администраціи имѣли дѣйствительную или мнимую важность частію сами по себѣ, частію вслѣдствіе установившихся привычекъ. Количественное различіе распознается ясно. Волостями, по меньшей мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали у Кельтовъ и у Германцевъ, назывались скорѣй племена, чѣмъ поселенія; эта существенно важная особенность свойственна всѣмъ кельтскимъ странамъ и даже впослѣдствіи совершившееся романизированіе нерѣдко скорѣе прикрывало ее, чѣмъ изглаживало. Медіоланъ и Бриксія были обязаны своими широкими границами и своимъ продолжительнымъ процвѣтаніемъ главнымъ образомъ тому, что они въ сущности были ничто иное, какъ волости Инсубровъ и Кеноманов. Тотъ фактъ, что территорія города Віенны обнимала Дофинэ и западную Савойю, и что не менѣе древнія и почти такія же значительныя поселенія Куларо (Гренобль) и Генаву (Женеву) оставались до позднихъ временъ имперіи, по своему ле-

гальному положенію, деревнями віеннской колоніи, объясняется также тѣмъ, что Віенна была позднѣйшимъ названіемъ племени Аллоброговъ. Въ большей части кельтскихъ волостей до такой степени преобладаетъ одно поселеніе, что можно безразлично говорить о Ремахъ или о Дурокорторѣ, о Битуригахъ или о Бурдигалѣ; но случается и противное: такъ напримѣръ у Воконтіевъ ни въ чемъ неуступаютъ другъ другу Вазіонъ (Vaison) и Лукусъ, у Карнутовъ Аутрикумъ (Шартръ) и Кенабумъ (Орлеанъ); а пользовались - ли Кельты по закону или только фактически тѣми-же преимуществами, какія при италійскомъ и при греческомъ государственномъ устройствѣ сами собою связывались съ обнесенною стѣнами мѣстностью въ противоположность ничѣмъ не огороженной мѣстности,—болѣе нежели сомнительно. Въ греко-италійскомъ государственномъ устройствѣ такой волости соотвѣтствуетъ не столько городъ, сколько племя; Карнутовъ можно сравнить съ Беотійцами, а Аутрикумъ и Кенабумъ съ Танагрой и съ Ѳеспіями. Особенность положенія Кельтовъ подъ римскимъ владычествомъ въ сравненіи съ положеніемъ другихъ народовъ, какъ напримѣръ Иберійцевъ и Эллиновъ, основана на томъ, что эти болѣе обширные народные союзы удержались тамъ въ качествѣ общинъ, а здѣсь входившія въ ихъ составъ части образовали изъ себя общины. При этомъ, быть можетъ, имѣли свою долю вліянія болѣе древнія, предшествовавшія римскимъ временамъ, различія въ національномъ развитіи; вѣроятно было-бы болѣе исполнимо намѣреніе отнять у Беотійцевъ ихъ общее городское представительство, чѣмъ раздѣлить Гельветовъ на ихъ четыре округа; политическіе союзы и послѣ того, какъ они были подчинены центральной власти, удерживаются тамъ, гдѣ ихъ уничтоженіе привело-бы къ дезорганизаціи. Впрочемъ все, что было сдѣлано въ Галліи Августомъ или, пожалуй, Цезаремъ, было результатомъ не гнета обстоятельствъ, а главнымъ образомъ энергической инициативы правительства, такъ какъ только съ этой энергіей можетъ быть согласована снисходительность, съ которой правительство вообще относилось къ Кельтамъ. Вѣдь и въ до-римскія времена и даже въ эпоху Цезаревскихъ завоеваній на самомъ дѣлѣ существовало гораздо болѣе значительное число волостей, чѣмъ сколько мы ихъ находимъ впослѣдствіи; въ особенности достоинъ вниманія тотъ фактъ, что многочисленныя мелкія волости, связанныя съ болѣе обширною волостью узами кліентства, не сдѣлались самостоятельными во времена имперіи, а совершенно исчезли [1]).

---

[1]) При Цезарѣ выступаетъ наружу существованіе вообще тѣхъ-же волостей, которыя имѣли своихъ представителей при организованныхъ Августомъ порядкахъ, но кромѣ того замѣтны многоразличные слѣды существованія болѣе мелкихъ конфедерацій, находившихся въ положеніи кліентовъ; такъ напримѣръ „кліен-

Если впослѣдствіи кельтская страна оказывается раздѣленною на небольшое число значительныхъ, а частію даже очень обширныхъ округовъ, внутри которыхъ нигдѣ не выдѣляются самостоятельныя волости, то этотъ порядокъ вещей, безъ сомнѣнія, былъ подготовленъ существовавшимъ до римскаго владычества кліентствомъ, но былъ впервые вполнѣ введенъ вслѣдствіе предпринятаго Римлянами государственнаго переустройства. Эта прочность и это усиленіе волостнаго быта имѣли особенно сильное вліяніе на дальнѣйшее политическое развитіе Галліи. Когда тарраконская провинція распалась на 293 самостоятельныя общины (стр. 59), во всѣхъ трехъ Галліяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, насчитывалось, какъ увидимъ далѣе, не болѣе 64 общинъ. Единство и соединенныя съ нимъ воспоминанія остались ненарушимыми; ревностное почитаніе, которое воздавалось Волками ключевому богу Немавза во всѣ времена имперіи, доказываетъ, что даже на югѣ страны и въ волости, превращенной въ городъ, традиціонное единство все еще живо сознавалось. Связанныя между собою такими узами общины съ обширными территоріями составляли силу. Цезарь засталъ галльскія общины въ ту пору, когда народная масса находилась въ полной какъ политической, такъ и экономической зависимости, а преобладающее вліяніе принадлежало дворянству, и такими-же онѣ въ сущности оставались подъ римскимъ владычествомъ; положеніе дѣлъ у Тревировъ было во времена Тиверія, какъ разсказываетъ Тацитъ, точно такое-же какъ въ до-римскія времена, когда окруженные тысячами кліентовъ и прислужниковъ высшіе дворяне разыгрывали на своей родинѣ роль властителей. Римскій режимъ далъ общинѣ широкія права и даже въ нѣкоторой мѣрѣ военную власть, такъ что она была уполномочена строить въ извѣстныхъ случаяхъ крѣпости и содержать въ нихъ гарнизоны,—какъ это и случалось у Гельветовъ,—а должностныя лица могли созывать національную гвардію и въ этихъ случаяхъ пользовались офицерскими правами и офицерскимъ рангомъ. Эти права не были одинаковы въ рукахъ представителей

тами" Гедуевъ названы Сегузіавы, Амбиварeты, Авлерки-Бранновики и Бранновіи [Bel. Gal. 7, 75], кліентами Тревировъ—Кондрузы [Bel. Gal. 4, 6], кліентами Гельветовъ—Тулинги и Латобриги. Но ни одна изъ конфедерацій, за исключеніемъ Сегузіавовъ, не имѣла своихъ представителей на ліонскомъ сеймѣ. Такихъ мелкихъ волостей, не вполнѣ поглощенныхъ главною волостью, быть можетъ, не мало было въ Галліи во время покоренія страны Римлянами. Когда Іосифъ [Bell. 2, 16, 4] писалъ, что Римлянамъ подчинялись 305 галльскихъ волостей и 1200 городовъ, эти цифры, быть можетъ, соотвѣтствовали результатамъ военныхъ успѣховъ Цезаря; если въ это число были включены мелкія иберійскія племена, жившія въ Аквитаніи, и находившіяся въ положеніи кліентовъ волости кельтской страны, то такія цифры могли быть согласны съ дѣйствительностью.

какого-нибудь маленькаго андалузскаго городка и въ рукахъ представителей какого-нибудь округа на Луарѣ или на Мозели, похожаго по своему объему на маленькую провинцію. Здѣсь проявляется, во всемъ своемъ широкомъ величіи, политика Цезаря-отца, отъ котораго безспорно исходили основные принципы этой системы управленія.

Сеймъ трехъ Галлій.—Но правительство не ограничилось тѣмъ, что оставило Кельтамъ ихъ волостное устройство; оно даже оставило или дало имъ національную конституцію насколько такая конституція могла быть согласована съ римскимъ верховенствомъ. Какъ эллинской націи, такъ и галльской Августъ далъ правильно организованное общее представительное учрежденіе, какого и та и другая добивались въ эпоху свободы и безначалія, но ни та ни другая никогда не умѣла достигнуть. Внизу холма, на которомъ возвышался главный городъ Галліи, тамъ, гдѣ Саона смѣшиваетъ свои воды съ водами Роны, императорскій принцъ Друзъ посвятилъ 1 августа 742 г.,—въ качествѣ представителя римскаго правительства въ Галліи,—Ромѣ и генію повелителя алтарь, у котораго Галлы должны были впредь ежегодно справлять въ этотъ день празднество въ честь этихъ боговъ. Представители всѣхъ волостей ежегодно выбирали изъ своей среды «жреца трехъ Галлій», который совершалъ въ честь императора жертвоприношеніе и распоряжался связанными съ этимъ торжествомъ праздничными играми. Это народное представительство не только управляло принадлежавшимъ ему имуществомъ чрезъ посредство должностныхъ лицъ, которыя принадлежали къ знатнымъ сферамъ провинціальнаго дворянства, но также принимало нѣкоторое участіе въ дѣлахъ, касавшихся всей страны. Впрочемъ мы не находимъ никакихъ другихъ слѣдовъ его вмѣшательства въ политику, кромѣ того факта, что во время разразившагося въ 70 г. серьезнаго кризиса сеймъ трехъ Галлій отговорилъ Тревировъ отъ возстанія противъ Рима; но онъ былъ надѣленъ и пользовался на дѣлѣ правомъ подавать жалобы на состоявшихъ въ Галліи на службѣ имперскихъ и императорскихъ чиновниковъ, и сверхъ того принималъ участіе, если не въ обложеніи налогами, то по меньшей мѣрѣ въ ихъ распредѣленіи [1]), тѣмъ болѣе потому, что налоги налагались не на отдѣльныя

---

1) Это видно какъ изъ надписи, которую приводитъ Boissieu [стр. 609] и въ которой слова tot[i]us cens[us Galliarum] поставлены въ связи съ именемъ одного изъ состоявшихъ при алтарѣ жрецовъ, такъ и изъ почетной надписи, которою три Галліи удостоили одного изъ императорскихъ должностныхъ лицъ a censibus accipiendis [Henzen, 6944]; это должностное лице, какъ кажется, руководило пересмотромъ кадастра для всей страны,

провинціи, а на всю Галлію вообще. Не подлежитъ сомнѣнію, что императорское правительство надѣлило такими-же учрежденіями всѣ провинціи; въ каждой изъ нихъ оно не только ввело богослужебную централизацію,—чего не было сдѣлано республикой,—но каждой изъ нихъ дало такой органъ, чрезъ просредство котораго можно было обращаться къ правительству съ просьбами и съ жалобами. Впрочемъ Галлія имѣла въ этомъ отношеніи то, по меньшей мѣрѣ, фактическое преимущество надъ всѣми другими частями имперіи, что только въ ней одной упомянутое учрежденіе достигло своего полнаго развитія [1]). Во-первыхъ, соединенный сеймъ трехъ провинцій находился въ болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ пребывавшимъ въ каждой изъ этихъ провинцій легатамъ и прокураторамъ, чѣмъ напримѣръ ѳессалоникскій сеймъ по отношенію къ намѣстнику Македоніи. Сверхъ того, значеніе учрежденій этого рода зависитъ гораздо менѣе отъ объема дарованныхъ правъ, чѣмъ отъ вліянія корпорацій, посылающихъ туда своихъ представителей, а сила отдѣльныхъ галльскихъ общинъ передавалась ліонскому сейму точно такъ-же, какъ слабость отдѣльныхъ эллинскихъ общинъ передавалась аргосскому сейму. При дальнѣйшемъ развитіи Галліи подъ

точно такъ-же какъ имъ ранѣе руководилъ Друзъ, между тѣмъ какъ самую народную перепись производили въ каждой отдѣльной мѣстности коммиссіи. Сверхъ того одинъ sacerdos Romae et Augusti въ Тарраконской провинціи удостоился похвалы ob curam tabulari censualis fideliter administratam [C. I. L. II, 4248]; изъ всего этого можно заключить, что сеймы всѣхъ провинцій занимались распредѣленіемъ податей. Императорское финансовое управленіе въ трехъ Галліяхъ было,—по крайней мѣрѣ въ принципѣ,—такъ раздѣлено, что обѣ западныя провинціи [Аквитанская и Лугдунская] были подчинены одному Прокуратору, а Бельгія и обѣ германскія провинціи—другому; впрочемъ, объемъ власти этихъ должностныхъ лицъ не былъ въ этомъ отношеніи точно опредѣленъ. Изъ того, что Адріанъ,—очевидно исключительнымъ образомъ,—велъ переговоры съ представителями всѣхъ испанскихъ округовъ [vita 12] нельзя заключить, что сеймъ принималъ постоянное участіе въ наборѣ рекрутъ.

1) Сколько мнѣ извѣстно, никакая другая провинція не представляетъ аналогій для arca Galliarum, для вольноотпущенниковъ трехъ Галлій [Henzen, 6393] для adlector arcae Galliarum, inquisitor Galliarum, judex arcae Galliarum, а если бы эти учрежденія были повсемѣстными, отъ нихъ сохранились-бы и въ другихъ мѣстахъ какіе-нибудь слѣды въ надписяхъ. Эти учрежденія, по видимому, указываютъ на существованіе такой корпораціи, которая управляется сама собою и сама себя облагаетъ податями [объ adlector'ѣ, обязанности котораго неясны, упоминается, какъ о должностномъ лицѣ, состоящемъ членомъ коллегіи C. I. L. VI, 355; Orelli 2406]; вѣроятно, эта касса покрывала вовсе немаловажные расходы на содержаніе храмоваго зданія и на ежегодное празднество. Arca Galliarum не была государственной денежной кассой.

императорским управленіем, ліонскій сейм, как по всему видно, существенно содѣйствовал тому объединенію, которое шло там рука об руку съ латинизированіем страны.

Состав сейма извѣстен нам почти въ точности [1]); он объ-

1) По словам Страбона, на ліонском алтарѣ были надписаны имена шестидесяти общин [4, 3, 2 стр. 192], а аквитанскія общины въ кельтской части страны, к сѣверу от Гароны, были въ числѣ четырнадцати [4, 1, 1 стр. 177]. Тацит [*Annal.* 3, 44] говорит, что всѣх галльских волостей было шестьдесят четыре; точно то-же говорит коментатор Энеиды 1, 286, хотя и съ неправильным сопоставленіем. К такой же общей цифрѣ приводит список Птолемея, относящійся к второму столѣтію; там сказано, что въ Аквитаніи было 17 волостей, въ лугдунской провинціи 25, въ Белгіи 22. Из перечисляемых им аквитанских волостей 13 приходятся на область между Луарой и Гароной, 4 на область между Гароной и Пиренеями. Въ относящемся к пятому столѣтію, позднѣйшем спискѣ, извѣстном под названіем Notitia Galliarum, на Аквитанію приходятся 26 волостей, на лугдунскую провинцію [за исключеніем Ліона] 24, на Белгію 27. Каждая из этих цифр, по всему вѣроятію, была вѣрна въ свое время; въ промежуток времени между сооруженіем алтаря въ 742 г. и эпохой Тацита [так как, конечно, к этому промежутку времени должно быть отнесено его указаніе], также могли быть прибавлены четыре волости, точно так-же как измѣненія, происходившія въ числѣ волостей со 2-го по 5-е столѣтіе, могли быть послѣдствіем перемѣн нерѣдко мѣстных, но тѣм не менѣе таких, слѣды которых замѣтны.—Въ виду того, что эти порядки имѣли важное значеніе, не лишним будет описать их подробно по меньшей мѣрѣ въ том, что касается обѣих западных провинцій. Три списка—Плиніев [1 стол.], Птолемеев [2 стол.] и тот, который помѣщен въ Notitia [5 стол.], сходятся въ перечисленіи 21 названія волостей въ чисто-кельтском средоточіи страны: *Абринкаты*—*Андекавы*—*Авлерки*—*Кеноманы*—*Авлерки Діаблинты*—*Авлерки Эбуровики*—*Байокассы* [*Бодіокассы* у Плин., *Вадиказы* у Птол.]—*Карнуты*- *Коріозолиты*—[без сомнѣнія, Птолемеевы *Самниты*]—*Гедуи*—*Лексовіи*—*Мельды*—*Намнеты*—*Осисміи*—*Паризіи*—*Редоны*—*Сеноны* — *Трикассины*—*Туроны*—*Веліокассы* [*Ротомагенсы*] — *Венеты*—*Унеллы* [*Констанція*]; касательно слѣдующих трех: *Калетов*—*Сегусіавов*—*Видукассов* сходятся Плиній и Птолемей, между тѣм как они не названы въ Notitia, потому что тѣм временем Калеты слились съ Веліокассами или съ Ротомагенсами, Видукассы слились съ Байокассами, а Сегусіавов замѣнил Ліон. Зато здѣсь появляются въ замѣн трех исчезнувших волостей двѣ новыя, возникшія от раздробленія: *Авреліаны* [Орлеан], отдѣлившіеся от *Карнутов* [Шартр] и *Автессіодур* [Оксер], отдѣлившійся от *Сенонов* [Sens]. Сверх того остаются: у Плинія два названія—*Бои* и *Атесуи*, у Птолемея одно—*Арвіи*, въ Notitia одно—*Саіи*.—Относительно кельтской Аквитаніи во всѣх трех списках значутся слѣдующія одиннадцать названій: *Арверны*—*Битуриги Кубы*— *Битуриги Вивиски* [Burdigalenses]—*Кадурки*—*Габалы*—*Лемовики*— *Нитіоброги* [Aginnenses] — *Петрукоры*—*Пиктоны*—*Рутены*—*Сантоны*; во втором и третьем списках есть двѣнадцатое названіе—*Веллавы*, котораго нѣт у Плинія; у одного Плинія встрѣчаются [помимо

ясняетъ намъ, какъ относилось правительство къ вопросу о національности. Изъ шестидесяти, а впослѣдствіи изъ шестидесяти четырехъ волостей, имѣвшихъ своихъ представителей въ сеймѣ, только четыре приходились на иберійское населеніе Аквитаніи, хотя эта лежавшая между Гароной и Пиренеями область была раздѣлена между гораздо болѣе многочисленными мелкими племенами; это объясняется или тѣмъ, что остальныя племена были исключены изъ представительства, или тѣмъ, что тѣ четыре, посылавшія отъ себя представителей, волости были центрами конфедераціи волостей [1]). Впослѣдствіи, вѣроятно во времена Траяна, иберійскій округъ отошолъ отъ ліонскаго сейма и ему было дано самостоятельное представительство [2]). Напротивъ того, въ сеймѣ имѣли

загадочныхъ *Аквитановъ*] еще два названія: *Амбилатры* и *Анагнуты*, а у Птолемея одно совершенно неизвѣстное—*Датіи*; быть можетъ, съ присовокупленіемъ двухъ изъ этихъ названій и слѣдуетъ довести цифру волостей до Страбоновскихъ четырнадцати. Въ Notitia, кромѣ тѣхъ одиннадцати волостей, есть еще двѣ, возникшія вслѣдствіе раздробленія—*Альбигенсы* [Альбы на рѣкѣ Тарнѣ] и *Эколисменсы* [Ангулемъ].—Въ такомъ-же родѣ списки восточныхъ волостей. Не смотря на встрѣчающіяся второстепенныя различія, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности выяснять, передъ нами ясно выступаютъ наружу свойства и прочность раздѣленія Галліи на волости.

1) Своихъ представителей имѣли слѣдующія четыре племени — Тарбеллы, Васаты, Авскіи и Конвены. Кромѣ нихъ Плиній насчитываетъ въ южной Аквитаніи еще не менѣе 25-ти бо́льшею частію неизвѣстныхъ племенъ, равноправныхъ съ тѣми четырьмя.

2) Объ этомъ отдѣленіи ничего не знаютъ ни Плиній ни Птолемей, который, вѣроятно, и въ этомъ случаѣ придерживался болѣе древнихъ источниковъ; но до насъ дошли неуклюжія стихи гасконскаго простолюдина [Borghesi opp. 8, 544], который выхлопоталъ это отдѣленіе въ Римѣ безъ сомнѣнія сообща съ нѣсколькими изъ своихъ соотечественниковъ, хотя и предпочелъ объ этомъ умолчать:

Flamen, item dumvir, quaestor pagiq [ue] magister
Verus ad Augustum legato [sic] munere functus
pro novem optinuit populis seiungere Gallos:
urbe redux Genio pagi hanc dedicat aram.

Въ качествѣ жреца и также дуумвира, квестора и деревенскаго старосты,
Веръ отправился къ Августу съ возложеннымъ на него порученіемъ
И исходатайствовалъ для девяти волостей отдѣленіе отъ галльскихъ народовъ:
По возвращеніи изъ Рима посвятилъ этотъ жертвенникъ деревенскому генію.

Самые древніе слѣды административнаго отдѣленія иберійской Аквитаніи отъ галльской находятся въ наименованіи „округа Лактора“ [Lectoure] рядомъ съ Аквитаніей въ одной надписи изъ временъ Траяна [C. I. L. V, 875: procurator provinciarum Luguduniensis et Aquitanicae, item Lactorae]. Впрочемъ эта надпись сама по себѣ служитъ доказательствомъ не столько того, что эти двѣ провинціи были отдѣлены одна отъ другой, сколько того, что между ними существовало различіе; а тотъ фактъ, что отдѣленіе произошло вскорѣ послѣ

своихъ представителей какъ тѣ кельтскія волости, которыя существовали при прежней, вышеописанной организаціи, такъ и волости на половину или вполнѣ германскія [1]) въ той мѣрѣ, въ какой онѣ входили въ составъ имперіи во время сооруженія алтаря; что главному городу Галліи не было мѣста въ этомъ представительствѣ волостей, разумѣется само собою. Сверхъ того Убіи не появлялись на ліонскомъ сеймѣ, а совершали жертвоприношенія на своемъ собственномъ алтарѣ, воздвигнутомъ въ честь Августа,—это былъ, какъ уже ранѣе было замѣчено, уцѣлѣвшій остатокъ отъ той провинціи Германіи, которую когда-то намѣревались организовать.

Ограниченіе правъ римскаго гражданства для тѣхъ Галловъ, которые достигали гражданства.—Такимъ образомъ существованіе кельтской національности въ императорской Галліи было упрочено введеніемъ этихъ внутреннихъ порядковъ, а насупротивъ римскаго государственнаго устройства оно было до нѣкоторой степени ограждено тѣмъ, какъ римское правительство раздавало тамъ права гражданства. Главный городъ Галліи, конечно, былъ и остался римской гражданской колоніей, а причиной этого было, главнымъ образомъ, то особое положеніе, которое онъ занялъ и долженъ былъ занимать по отношенію къ остальной Галліи. Но въ то время, какъ южная провинція покрывалась колоніями и въ ней вводились такіе же порядки, какъ въ италійскихъ общинахъ, Августъ не основалъ въ трехъ Галліяхъ ни одной гражданской колоніи, и Галлія по

царствованія Траяна, опирается на иныя указанія. Что отдѣлившійся округъ первоначально распадался на девять волостей, какъ это сказано въ вышеприведенныхъ стихахъ, подтверждается сохранившимся съ того времени названіемъ Novempopulana; но въ царствованіе Пія въ этомъ округѣ уже насчитывалось одиннадцать общинъ [такъ какъ dilectator er Apquitanicae XI populos, Boissieu Lyon стр. 246, конечно, принадлежалъ сюда], а въ пятомъ столѣтіи двѣнадцать, такъ какъ, по словамъ Notitia, именно столько заключала въ себѣ Novempopulana. Это увеличеніе числа общинъ объясняется точно такъ-же, какъ и то, о которомъ шла рѣчь на стр. 81; это раздѣленіе не имѣетъ никакого отношенія къ намѣстничеству; напротивъ того, и кельтская Аквитанія и иберійская оставались подъ управленіемъ одного и того-же легата. Но Новемпопуляна получила, въ царствованіе Траяна, свой собственный сеймъ, между тѣмъ какъ кельтскіе округа Аквитаніи и прежде того и послѣ того отправляли своихъ депутатовъ на ліонскій сеймъ.

[1]) Къ этому числу не принадлежали нѣкоторыя болѣе мелкія германскія племена, какъ напримѣръ Бетасіи и Сунуки, быть можетъ по той-же причинѣ, по которой не имѣли своихъ представителей самыя мелкія иберійскія племена; сверхъ того къ этому числу не принадлежали Каннинефаты и Фризы, вѣроятно потому, что они лишь позднѣе поступили подъ верховенство имперіи. Батавы имѣли своихъ представителей.

всему вѣроятію еще долго была лишена даже того общиннаго права, которое, подъ названіемъ латинскаго, составляло промежуточную ступень между гражданами и негражданами и по закону надѣляло самыхъ знатныхъ своихъ представителей правами гражданства какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ потомства. Конечно, и на долю Галловъ могли выпадать тѣ личныя права гражданства, которыя раздавались частію въ силу общихъ постановленій солдатамъ то при ихъ вступленіи въ службу, то при ихъ отставкѣ, частію отдѣльнымъ лицамъ вслѣдствіе особаго благоволенія; Августъ не заходилъ такъ-же далеко какъ республика, которая, какъ напримѣръ, разъ навсегда воспретила Гельветамъ пріобрѣтеніе правъ римскаго гражданства, но онъ и не могъ заходить такъ далеко послѣ того, какъ Цезарь неоднократно надѣлялъ этимъ путемъ галльскихъ уроженцевъ правами гражданства. Но тѣхъ гражданъ, которые были родомъ изъ трехъ Галлій—все-таки за исключеніемъ лугдунскихъ уроженцевъ—онъ, по меньшей мѣрѣ, лишилъ права искать служебныхъ должностей и вмѣстѣ съ тѣмъ исключилъ ихъ изъ имперскаго сената. Было-ли это рѣшеніе принято главнымъ образомъ въ интересахъ Рима или главнымъ образомъ въ интересахъ Галловъ, мы не въ состояніи рѣшить; безъ сомнѣнія, Августъ имѣлъ въ виду эти обѣ цѣли,—съ одной стороны онъ желалъ предотвратить вторженіе иноземныхъ элементовъ въ римскую жизнь и тѣмъ очистить ее и возвысить, а съ другой стороны желалъ охранить особенности галльскаго быта такимъ способомъ, который именно благодаря своей благоразумной сдержанности могъ вѣрнѣе способствовать окончательному сліянію съ римскимъ бытомъ, чѣмъ насильственное навязываніе чужеземныхъ учрежденій.

Допущеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинъ къ пользованію латинскимъ правомъ.—Императоръ Клавдій, который самъ былъ ліонскій уроженецъ и котораго въ насмѣшку называли истымъ Галломъ, устранилъ большую часть этихъ ограниченій. Первымъ городомъ въ Галліи, несомнѣнно получившимъ права италійскаго гражданства, былъ городъ Убіевъ, гдѣ былъ сооруженъ алтарь римской Германіи; тамъ родилась въ лагерѣ своего отца Германика Агриппина, бывшая впослѣдствіи замужемъ за Клавдіемъ; своей родинѣ, теперешнему Кёльну, она выхлопотала въ 50 г., по всему вѣроятію, права латинскихъ колоній. Быть можетъ въ то же время, а быть можетъ еще ранѣе тѣ-же права были даны городу Тревировъ Августѣ, теперешнему Триру.

Уничтоженіе ограниченнаго права гражданства.—Еще нѣкоторыя другія галльскія волости сблизились этимъ способомъ съ римскимъ міромъ, какъ напримѣръ Гельветы, благодаря Веспасіану, и Секваны

(Безансонъ); но права́ латинскаго гражданства, по видимому, не имѣли въ этой странѣ широкаго распространенія. Еще рѣже раздавались въ императорской Галліи въ раннюю пору имперіи полныя гражданскія права цѣлымъ общинамъ. Но Клавдій проложилъ новую дорогу, отмѣнивъ легальное ограниченіе, устранявшее отъ государственнаго служебнаго поприща тѣхъ Галловъ, которые пріобрѣтали личныя права римскаго гражданства; это ограниченіе было устранено сначала въ пользу самыхъ старыхъ союзниковъ Рима Гедуевъ, а вскорѣ послѣ того и для всѣхъ вообще. Въ сущности этимъ была установлена равноправность. При существовавшихъ въ ту пору порядкахъ, права государственнаго гражданства не имѣли особой цѣны для тѣхъ, кто по своему происхожденію былъ устраненъ отъ служебнаго поприща, но они легко пріобрѣтались тѣми зажиточными иноземцами знатнаго происхожденія, которые желали вступить на это поприще и потому нуждались въ тѣхъ правахъ; тѣмъ не менѣе то было очень чувствительнымъ униженіемъ, что для римскаго гражданина изъ Галліи и для его потомства оставалось по закону закрытымъ служебное поприще.

Языки кельтскій и латинскій.—Хотя, при организаціи управленія, національное устройство Кельтовъ было оставлено нетронутымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно уживалось съ государственнымъ единствомъ, но нельзя сказать того-же относительно языка. Даже если-бы на практикѣ оказалось возможнымъ дозволить общинамъ вести дѣла ихъ управленія на такомъ языкѣ, которымъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ владѣли государственныя должностныя лица, на которыхъ лежала обязанность высшаго надзора, то все-таки римское правительство, конечно, не захотѣло-бы воздвигать такую преграду между повелителями и подчиненными. Оттого-то и не было найдено ни одной безспорно кельтской надписи ни на монетахъ, вычеканенныхъ въ Галліи во времена римскаго владычества, ни на памятникахъ, воздвигнутыхъ правительствомъ для общинъ. Впрочемъ употребленіе мѣстнаго языка не воспрещалось: какъ въ южной провинціи, такъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ мы находимъ памятники съ кельтскими надписями, состоящими въ первой всегда изъ греческихъ [1]) буквъ, а во вторыхъ всегда изъ латинскихъ [2]), и, по всему

---

[1]) Такъ напримѣръ, въ Немавзѣ найдена написанная на кельтскомъ языкѣ надпись въ честь Ματρεβο Ναμαυσικαβο [C. I. L. XI, стр. 383], то-есть мѣстныхъ матерей.

[2]) Такъ напримѣръ, на одномъ служившемъ жертвенникомъ камнѣ [Desjardins, Géographie de la Gaule Romaine 2,476], который былъ найденъ въ Néris-les-Bains [Allier], мы читаемъ: Bratronos Nantonicn Epadatextorici Leucullo Suio rebelocitoi. На другомъ

вѣроятію, по меньшей мѣрѣ многія изъ первыхъ надписей принадлежали къ эпохѣ римскаго владычества, а вторыя безспорно всѣ принадлежали къ этой эпохѣ. Тотъ фактъ, что въ Галліи, за исключеніемъ городовъ, надѣленныхъ италійскимъ правомъ, и римскихъ лагерей, встрѣчаются лишь въ незначительномъ числѣ памятники съ надписями, вѣроятно можетъ быть объясненъ главнымъ образомъ тѣмъ, что мѣстный языкъ, къ которому относились съ пренебреженіемъ какъ къ діалекту, казался столько же негоднымъ для такого употребленія, какъ и не вошедшій въ общее употребленіе государственный языкъ и потому въ этихъ странахъ сооруженіе памятниковъ не вошло въ такое же обыкновеніе, какъ въ странахъ латинизированныхъ; въ ту пору латинскій языкъ, какъ кажется, занималъ въ большей части Галліи такое же положеніе, какое онъ занималъ въ началѣ среднихъ вѣковъ по отношенію къ тогдашнему народному языку. Энергическая живучесть національнаго языка сказывается самымъ яснымъ образомъ въ переводѣ галльскихъ собственныхъ именъ на латинскій языкъ нерѣдко съ сохраненіемъ нелатинскихъ гласныхъ буквъ. Обыкновеніе писать слова L o u s o n n a и B o u d i c c a съ нелатинской двугласной буквой ou проникло даже въ латинскую литературу; для выраженія гортаннаго, произносимаго между зубами звука, соотвѣтствующаго англійскому th, употреблялся особый знакъ (Đ) даже въ римскомъ письмѣ; слово E p a đ a t e x t o r i g u s писалось рядомъ съ E p a s n a c t u s, Đ i r o n a—рядомъ съ S i r o n a; все это почти несомнѣнно доказываетъ, что кельтскій языкъ, какъ въ римскихъ владѣніяхъ, такъ и внѣ ихъ, въ ту эпоху или въ болѣе раннюю, подвергся нѣкоторому регулированію въ отношеніи письменнаго изложенія, и уже въ ту пору на немъ можно было писать такъ же, какъ на немъ еще пишутъ въ настоящее время. Нѣтъ недостатка и въ доказательствахъ его продолжительнаго употребленія въ Галліи. Когда приходилось употреблять названія городовъ A u g u s t o d u n u m (A u t u n), A u g u s t o n e m e t u m (Клермонъ), A u g u s t o b o n a (Труа) и многія другія имъ подобныя, то и въ средней Галліи по необходимости еще говорили по-кельтски. Жившій во времена Адріана Ар-

---

камнѣ, который былъ поставленъ корпораціей паризійскихъ матросовъ въ честь высшаго Юпитера [M o w a t Bull. é p i g r. d e l a G a u l e стр. 25 и сл.], главная надпись сдѣлана на латинскомъ языкѣ, но на рельефахъ боковыхъ поверхностей, по видимому изображающихъ процессію девяти вооруженныхъ жрецовъ, стоятъ объяснительныя приписки: S e n a n i U s e i l o n i... и E u r i s e s, которыя не латинскія. Такая же смѣсь встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ одной надписи въ Арренахъ [C r e u s e; Bull. é p i g r a p h i q u e d e l a G a u l e 1, 38]: S a c e r P e r o c o i e u r u [вѣроятно=f e c i t] D u o r i c o v[o t u m] s[olvit] l[ibens] m[erito].

ріанъ употребляетъ, въ своемъ сочиненіи о кавалеріи, кельтскія выраженія, говоря о нѣкоторыхъ манёврахъ, заимствованныхъ отъ Кельтовъ. Греческій уроженецъ Эириней, служившій въ концѣ 2 столѣтія въ Ліонѣ въ духовномъ званіи, оправдываетъ недостатки своего слога тѣмъ, что онъ жилъ въ кельтской странѣ и былъ вынужденъ постоянно говорить на варварскомъ языкѣ. Напротивъ того, въ одномъ юридическомъ сочиненіи, относящемся къ началу 3 столѣтія, выдается за правило, что всѣ завѣщанія должны писаться на латинскомъ или на греческомъ языкѣ, а фидеикомиссы дозволяется писать и на всякомъ другомъ языкѣ, какъ напримѣръ на пуническомъ и на галльскомъ. Императору Александру смерть была предсказана одной галльской вѣщуньей на галльскомъ языкѣ. Еще отецъ церкви Іеронимъ, самъ бывавшій и въ Анкирѣ и въ Трирѣ, увѣрялъ, что малоазіатскіе Галаты и Тревиры его времени говорили почти на одномъ языкѣ, и сравнивалъ испорченный галльскій языкъ Азіатцевъ съ испорченнымъ пуническимъ языкомъ Африканцевъ. Хотя кельтскій языкъ и удержался до настоящаго времени въ Бретани, точно такъ-же какъ и въ Валлисѣ, но Бретань получила свое теперешнее названіе отъ островныхъ Бриттовъ, искавшихъ тамъ убѣжища отъ Саксовъ, а языкъ едва ли былъ впервые туда перенесенъ этими переселенцами; онъ, по всему вѣроятію, передавался тамъ въ теченіе многихъ столѣтій отъ одного поколѣнія другому. Въ остальной Галліи римская жизнь во времена имперіи, натурально, шагъ за шагомъ распространяла свое господство; но употребленію кельтскаго языка положило тамъ конецъ не столько переселеніе туда Германцевъ, сколько введеніе христіанства, которое въ противоположность тому, какъ поступало въ Сиріи и въ Египтѣ, не усвоило отложеннаго правительствомъ въ сторону мѣстнаго языка и не сдѣлалось его распространителемъ, а стало проповѣдывать евангеліе по-латыни.

Болѣе энергическое романизированіе на востокѣ.—Въ дальнѣйшемъ ходѣ романизированія, которое въ сущности было предоставлено во всей Галліи, за исключеніемъ южной провинціи, своему внутреннему развитію, обнаруживается достойное вниманія различіе между восточной Галліей съ одной стороны, ея западной и сѣверной частями съ другой,—различіе, которое соотвѣтствуетъ контрасту между Германцами и Галлами, но основано не на немъ одномъ. Въ томъ, что происходило во время паденія Нерона и вслѣдъ за тѣмъ, это различіе ясно обнаружилось даже въ политическомъ отношеніи. Вслѣдствіе близкаго соприкосновенія восточныхъ волостей съ рейнскими лагерями и вслѣдствіе того, что преимущественно въ этихъ волостяхъ производился наборъ рекрутъ для пополненія рейнскихъ легіоновъ, римскій бытъ проникъ туда и ранѣе и полнѣе, нежели

въ страны, лежащія на Луарѣ и Сенѣ. Во время вышеупомянутыхъ внутреннихъ потрясеній, прирейнскія волости, кельтскіе Лингоны и Тревиры, равно какъ германскіе Убіи или даже тѣ, которые жили въ Colonia Agrippina, дѣйствовали за-одно съ римскимъ городомъ Лугдуномъ и неуклонно держались за законное римское правительство, между тѣмъ какъ, — что было уже ранѣе замѣчено, — возстаніе, имѣвшее въ нѣкоторомъ отношеніи право называться національнымъ, исходило отъ Секвановъ, Гедуевъ и Арверновъ. Въ позднѣйшую фазу той же борьбы, при измѣнившемся взаимномъ положеніи партій, мы находимъ такой же внутренній разладъ—вышеупомянутыя восточныя волости вступили въ союзъ съ Германцами, между тѣмъ какъ реймскій сеймъ отказался примкнуть къ Германцамъ.

Мѣстная линейная мѣра.—Между тѣмъ какъ римское правительство обходилось съ галльской страной относительно языка въ сущности точно такъ же, какъ и съ другими провинціями, оно щадило ея старинныя учрежденія и при установленіи линейной мѣры. Дѣйствительно, наряду съ изданными по этому предмету Августомъ общими постановленіями, во многихъ мѣстахъ сохранялись мѣстныя порядки, благодаря терпимости или даже равнодушію, съ которыми правительство относилось къ этимъ вопросамъ; но только въ одной Галліи мѣстныя учрежденія впослѣдствіи вытѣснили учрежденія общегосударственныя. Во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ дороги измѣрялись и обозначались принятымъ за единицу размѣромъ римской мили (1,48 килом.), и такой же порядокъ существовалъ въ Галліи до конца втораго столѣтія. Но со временъ Севера вошла въ употребленіе въ трехъ Галліяхъ и въ обѣихъ Германіяхъ хотя и приспособленная къ римской мѣрѣ, но отличная отъ нея и носившая галльское названіе миля—лига (2,22 килом.), равнявшаяся одной съ половиной римской милѣ. Нѣтъ возможности допустить, чтобъ Северъ хотѣлъ этимъ сдѣлать національную уступку въ пользу Кельтовъ; это было бы несогласно ни съ духомъ той эпохи ни съ характеромъ этого императора, относившагося съ явною непріязнью именно къ этимъ провинціямъ; онъ могъ такъ дѣйствовать только подъ вліяніемъ какихъ-либо особыхъ соображеній. Эти соображенія могли быть основаны только на томъ, что національная мѣра разстояній—лига или также двойная лига и германская *раста*, соотвѣтствовавшая французской *лье*—оставалась въ этихъ провинціяхъ. и послѣ введенія общей для всего государства линейной мѣры, въ болѣе широкомъ употребленіи, чѣмъ въ какой-либо другой изъ римскихъ провинцій. Августъ формально распространилъ на Галлію употребленіе римской мили и сообразно съ этимъ установилъ веде-

ніе почтовыхъ книгъ [1]) и измѣреніе большихъ дорогъ, но на самомъ дѣлѣ оставилъ странѣ ея старинную линейную мѣру; поэтому могло случиться, что для должностныхъ лицъ было впослѣдствіи менѣе неудобно допускать въ почтовыхъ сообщеніяхъ двойную единицу измѣренія, чѣмъ употреблять такую линейную мѣру, съ которой страна была незнакома на практикѣ.

Мѣстная религія.—Еще гораздо большую важность имѣло отношеніе римскаго правительства къ мѣстной религіи; не подлежитъ сомнѣнію, что галльская національность нашла въ этой религіи самую прочную для себя опору. Даже въ южной провинціи поклоненіе не римскимъ богамъ удержалось гораздо долѣе, нежели напримѣръ въ Андалузіи. Въ большомъ торговомъ городѣ Арелатѣ, конечно, ничего не посвящали никакимъ инымъ богамъ кромѣ тѣхъ, которыхъ чтили и въ Италіи; но въ Фрейюсѣ, Эксѣ, Нимѣ и вообще во всѣхъ прибрежныхъ странахъ, старинныхъ кельтскихъ боговъ чтили во времена имперіи не много менѣе, чѣмъ во внутренней Галліи. И въ иберійской части Аквитаніи встрѣчаются многочисленные слѣды туземнаго культа, совершенно отличавшагося отъ кельтскаго. Между тѣмъ, всѣ найденныя въ южной Галліи изображенія боговъ представляютъ менѣе значительное уклоненіе отъ обыкновенной формы, нежели памятники, найденные на сѣверѣ, и вообще легче ознакомиться съ національными богами, чѣмъ съ національнымъ жречествомъ, которое мы находимъ только въ императорской Галліи и на британскихъ островахъ—съ друидами. Мы тщетно задали-бы себѣ трудъ изложить внутреннее содержаніе ученія друидовъ, представляющаго поразительное сочетаніе умозрѣній съ фантазіей; мы только въ состояніи указать при помощи нѣкоторыхъ примѣровъ на то, что въ немъ было своеобразнаго и наводившаго ужасъ. Могущество слова было символически изображено въ плѣшивомъ, покрытомъ морщинами и загорѣвшемъ старцѣ, который вооруженъ палицей и лукомъ; изъ его проколотаго насквозь языка идутъ къ ушамъ слѣдующаго за нимъ человѣка тонкія золотыя цѣпи—то-есть летятъ стрѣлы и гремятъ слова изъ могучихъ устъ старца, а ему отвѣчаютъ сердца толпы. Это—Огмій Кельтовъ; Грекамъ онъ казался чѣмъ-то въ родѣ Харона, нарядившагося Геркулесомъ. На найденномъ въ Парижѣ алтарѣ мы видимъ три изображенія боговъ съ придаточной надписью—въ серединѣ Юпитера, влѣво отъ него Вулкана, вправо—Эза; этотъ послѣдній наводилъ, по словамъ одного римскаго поэта, ужасъ своими страшными алтарями, но при всемъ томъ былъ богомъ торговли и мирной дѣятельности [2]);

---

[1]) Почтовыя книги и дорожныя таблицы, упоминая о Ліонѣ и Тулузѣ, не преминули замѣтить, что оттуда начинаются лиги.

[2]) Во второй бернской глоссѣ къ произведеніямъ Лукана [1, 445], основатель-

онъ, подобно Вулкану, опоясанъ передникомъ для работы и, подобно тому, какъ Вулканъ держитъ въ рукѣ молотъ и щипцы, онъ рубитъ топоромъ иву. Болѣе часто встрѣчающееся божество, по всему вѣроятію носившее названіе Чернунна, изображалось сидящимъ съ подогнутыми подъ себя ногами; оно носитъ на головѣ оленій рогъ, на которомъ виситъ ошейникъ, а на колѣняхъ оно держитъ мѣшокъ съ деньгами; передъ нимъ нерѣдко стоятъ быки и олени—этимъ, какъ кажется, изображалась та мысль, что земля есть источникъ богатства. Громадная разница между этимъ кельтскимъ Олимпомъ, лишоннымъ всякой опрятности и красоты и занимающимся съ странною и причудливою неразборчивостью вовсе не небесными дѣлами—съ одной стороны, и безъискуственными человѣческими формами греческой религіи, равно какъ безъискуственными человѣческими идеями римской религіи—съ другой стороны, служитъ указаніемъ той предѣльной черты, которая отдѣляла побѣжденныхъ отъ ихъ побѣдителей. Сверхъ того, отсюда истекали очень опасныя практическія послѣдствія: всю страну охватывала сѣть секретныхъ средствъ и волшебства, при чемъ жрецы также принимали на себя роль врачей, а рядомъ съ заговариваніями и благословеніями совершались человѣческія жертвоприношенія и исцѣленія больныхъ посредствомъ мяса зарѣзанныхъ людей. Что друиды того времени стояли въ непосредственной оппозиціи къ владычеству чужеземцевъ, по меньшей мѣрѣ не требуетъ доказательствъ; но если-бы этого и не было, все-таки вполнѣ понятно, что правительство, во всѣхъ другихъ случаяхъ относившееся съ равнодушною терпимостью ко всѣмъ мѣстнымъ особенностямъ богопочитанія, должно было смотрѣть непріязненно на друидовъ не потому только, что они переходили за предѣлы умѣренности, а главнымъ образомъ потому, что они внушали ему опасенія. Правительство учредило галльское ежегодное празднество въ чисто-римскомъ главномъ городѣ страны и съ устраненіемъ всякой связи съ національнымъ культомъ, очевидно, съ цѣлію нанести ударъ старой мѣстной религіи съ ея ежегоднымъ съѣздомъ жрецовъ въ центральномъ пунктѣ галльскихъ странъ—Шартрѣ. Впрочемъ Августъ непосредственно не заходилъ въ своемъ противодѣйствіи друидамъ далѣе того, что запретилъ каждому изъ римскихъ гражданъ принимать участіе въ галльскомъ національномъ культѣ. Тиверій сталъ дѣйствовать болѣе рѣшительно и воспретилъ это жречество вмѣстѣ съ примыкавшими къ нему поученіемъ народа и врачеваніемъ; но не въ пользу практическаго успѣха этого распоряженія говоритъ тотъ фактъ, что

но считающей Тевтатеса за Марса и въ остальныхъ подробностяхъ, по видимому, правдоподобной, сказано объ этомъ богѣ: Hesum Mercurium credunt, si quidem a mercatoribus colitur.

такое-же запрещеніе было снова наложено Клавдіемъ; объ этомъ послѣднемъ разсказываютъ, что онъ приказалъ отрубить голову одному знатному Галлу только за то, что тотъ былъ уличенъ въ употребленіи въ присутствіи императора одного общепринятаго на его родинѣ магическаго средства для того, чтобъ обезпечить успѣхъ своего дѣла. Далѣе (стр. 152) будетъ доказано, что занятіе Британіи, изстари бывшей главнымъ центромъ такой жреческой дѣятельности, было предпринято главнымъ образомъ съ цѣлію вырвать самый корень этого учрежденія. Не смотря на все это, даже во время паденія Клавдіевой династіи, когда Галлы попытались отложиться отъ римской имперіи, это жречество еще играло важную роль; друиды проповѣдывали, что пожаръ Капитолія былъ предвѣстникомъ переворота и началомъ владычества сѣвера надъ югомъ. Однако, хотя это предсказаніе впослѣдствіи и сбылось, переворотъ былъ совершонъ не этой націей и не въ пользу ея жрецовъ. Особенности галльскаго богопочитанія оказывали свое вліяніе и въ болѣе позднюю эпоху; когда въ третьемъ столѣтіи на нѣкоторое время возникло самостоятельное галльско-римское государство, на тогдашнихъ монетахъ игралъ главную роль Геркулесъ частію въ своемъ грекоримскомъ образѣ, частію также въ образѣ галльскаго Девсоніензиса или Магусана. Но впослѣдствіи о друидахъ шла рѣчь лишь по тому поводу, что остроумныя галльскія женщины выступали и прорицали подъ названіемъ друидесъ до самыхъ временъ Діоклетіана, и что представители старинныхъ знатныхъ родовъ еще долго послѣ того гордились принадлежавшими къ числу ихъ предковъ друидами. Мѣстная религія исчезала еще быстрѣе мѣстнаго языка и она едва-ли оказала серьозное сопротивленіе проникавшему въ страну христіанству.

Хозяйство.—Благодаря тому, что южная Галлія была, по своему географическому положенію, лучше всякой другой изъ римскихъ провинцій ограждена отъ непріятельскаго нашествія и благодаря тому, что она была, подобно Италіи и Андалузіи, страною оливковыхъ и фиговыхъ деревьевъ, она достигла подъ императорскимъ управленіемъ высокаго благосостоянія и широкаго развитія городской жизни. Живыми доказательствами этого до сихъ поръ служатъ: амфитеатръ и поле съ гробницами въ Арлѣ, этой «матери всей Галліи,» театръ въ Оранжѣ и до настоящаго времени уцѣлѣвшіе храмъ въ Нимѣ и мосты подлѣ этого города. И въ сѣверныхъ провинціяхъ прежнее благосостояніе увеличилось благодаря непрерывному внутреннему спокойствію, которое было плодомъ чужеземнаго владычества не смотря на то, что съ этимъ владычествомъ было соединено бремя постоянныхъ налоговъ. «Въ Галліи», говоритъ одинъ писатель временъ Веспасіана, «источники богатства созданы самой природой, а

ихъ избытокъ разливается потокомъ по всей землѣ» [1]). Едва-ли можно было найти въ какой-либо другой странѣ такіе многочисленные и такіе роскошные загородные дома, какъ въ Галліи, и въ особенности въ ея восточной части, на Рейнѣ и на его притокахъ; въ этомъ ясно сказывалось богатство галльской знати. Одинъ знатный Лингонъ оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ приказывалъ поставить ему надгробный памятникъ и статую изъ италійскаго мрамора или изъ лучшей бронзы и сжечь вмѣстѣ съ нимъ всѣ его снаряды для охоты и для птицеловства, — это напоминаетъ о тянувшихся на цѣлыя мили, обнесенныхъ оградами охотничьихъ паркахъ въ кельтской странѣ (о которыхъ было упомянуто въ другомъ мѣстѣ) и также о выдающейся роли, которую играли кельтскія гончія собаки и кельтское охотничье искуство у Ксенофонта Адріановскихъ временъ, который не преминулъ присовокупить, что тому Ксенофонту, который былъ сыномъ Грилла, не могла быть знакома обстановка охотничьяго дѣла у Кельтовъ. Въ связи со всѣмъ этимъ находится и тотъ замѣчательный фактъ, что въ римскомъ военномъ устройствѣ временъ имперіи кавалерія была въ сущности кельтская не только въ томъ смыслѣ, что она набиралась преимущественно въ Галліи, но и въ томъ смыслѣ, что ея маневры и даже ея техническія названія были большею частію заимствованы отъ Кельтовъ; отсюда видно, какъ Цезарь и Августъ снова организовали кавалерію изъ галльскихъ рекрутъ и на галльскій манеръ послѣ того, какъ исчезла старая, существовавшая во времена республики, національная конница. Фундаментомъ такого замѣчательнаго благосостоянія было земледѣліе, улучшенію котораго энергически содѣйствовалъ самъ Августъ и которое приносило боль-

[1]) Іосифъ, Bell. Jud. 2, 16, 4. Тамъ-же царь Агриппа говоритъ, обращаясь къ своимъ Іудеямъ, неужели они воображаютъ, что они богаче Галловъ, храбрѣе Германцевъ и умнѣе Эллиновъ. То-же самое видно и изъ всѣхъ другихъ свидѣтельствъ. Неронъ не безъ удовольствія узналъ о вспыхнувшемъ возстаніи occasione nata spoliandarum iure belli opulentissimarum provinciarum [Sueton. Nero 40; Плутархъ, Гальба 5;] добыча, отнятая у находившейся подъ начальствомъ Виндекса арміи инсургентовъ, была громадна [Тацитъ, *Ист.* 1, 51]. Тацитъ [*Ист.* 3, 46] называетъ Гедуевъ pecunia dites et voluptatibus opulentos. Не безъ основанія говоритъ Веспасіановъ полководецъ отложившимся Галламъ [Тацитъ, *Ист.* 4, 74]: regna bellaque per Gallias semper fuere, donec in nostrum ius concederetis; nos quamquam totiens lacessiti iure victoriae id solum vobis addidimus quo pacem tueremur, nam neque quies gentium sine armis neque arma sine stipendiis neque stipendia sine tributis haberi queunt. Конечно налоги были тяжелы, но они не были такъ-же тяжелы, какъ бремя прежнихъ внутреннихъ раздоровъ и кулачнаго права.

ше доходы во всей Галліи лишь за исключеніемъ степной мѣстности на берегу Аквитаніи. Прибыльно было, въ особенности на сѣверѣ, и скотоводство, а именно разведеніе свиней и барановъ, которое скоро пріобрѣло большое значеніе и для внутренней промышленности и для внѣшней торговли,—ветчина, которую приготовляли Менапіи (во Фландріи) и суконныя одежды, которыя изготовлялись у Атребатовъ и у Нервіевъ (подлѣ Арраса и Дорника), впослѣдствіи расходились по всей имперіи.

Винодѣліе. — Особенно выгодно было распространеніе винодѣлія. Ему не благопріятствовали ни климатъ ни правительство. Суровость «галльской зимы» долго входила у южныхъ жителей въ пословицу, такъ какъ римское владычество всего далѣе проникало на сѣверъ именно съ этой стороны. Но самымъ большимъ стѣсненіемъ для галльскаго винодѣлія была конкуренція италійскихъ торговцевъ. Впрочемъ богъ Діонисъ вообще достигалъ всемірнаго владычества медленно и приготовлявшійся изъ колосовыхъ растеній напитокъ лишь шагъ за шагомъ уступалъ свое мѣсто соку виноградныхъ лозъ; но ничто иное, какъ запретительная система торговли, было причиной того, что во всѣ времена имперіи пиво оставалось самымъ употребительнымъ спиртнымъ напиткомъ въ Галліи по меньшей мѣрѣ на сѣверѣ, и что даже императоръ Юліанъ, во время своего пребыванія въ Галліи, вошолъ въ столкновеніе съ этимъ фальшивымъ Бахусомъ [1]). Правда, императорское управленіе не заходило такъ

---

[1]) До насъ дошла его эпиграмма на „ячменное вино“ [Anthol. Pal. ч. 368].

Τίς πόθεν εἶς, Διόνυσε; μὰ γὰρ τὸν ἀληθέα Βάκχον,
οὔ σ' ἐπιγιγνώσκω· τὸν Διὸς οἶδα μόνον.
κεῖνος νέκταρ ὄδωδε· σὺ δὲ τράγου· ἦ ῥά σε Κελτοὶ
τῇ πενίῃ βοτρύων τεῦξαν ἀπ' ἀσταχύων.
τῷ σε χρὴ καλέειν Δημήτριον, οὐ Διόνυσον,
πυρογενῆ μᾶλλον καὶ Βρόμον, οὐ Βρόμιον.

Ты откуда взялся Діонисъ? Клянусь настоящимъ Бахусомъ!
Я тебя не признаю; я знаю только Зевсова сына.
Отъ того несетъ нектаромъ, а отъ тебя пахнетъ козломъ. Кельты,
Которымъ воспрещено винодѣліе, сварили тебя изъ колосоваго растенія.
Ты сынъ овина, а не сынъ огня, ты сынъ земли, а не сынъ небесъ,
Ты созданъ только для подножнаго корма, а не для пріятнаго напитка.

На одномъ найденномъ въ Парижѣ глиняномъ кругѣ [Mowat Bull. épigr. de la Gaule 2, 110, 3, 133], который внутри пустъ и сдѣланъ для того, чтобъ изъ него наполнять кубки, пьющій пиво говоритъ хозяину: copo, conditu [m] [cnoditu есть описка] abes; est reple [n] da—хозяинъ, у тебя еще есть въ погребѣ пиво; кубокъ пустъ; а обращаясь къ служанкѣ, онъ говоритъ: ospita, reple lagona [m] cervesa—дѣвушка, наполни кубокъ пивомъ.

же далеко, какъ республика, которая издала полицейское распоряженіе о запрещеніи разводить виноградъ и оливковыя деревья на южныхъ берегахъ Галліи; но Италійцы того времени были достойными сыновьями своихъ отцовъ. Цвѣтущее состояніе двухъ главныхъ при-ронскихъ городовъ Арля и Ліона было основано въ немалой степени на торговлѣ италійскими винами въ Галліи; отсюда можно видѣть, какое значеніе должно было имѣть въ ту пору винодѣліе для самой Италіи. Когда одинъ изъ самыхъ рачительныхъ правителей, носившихъ императорскій титулъ, Домиціанъ издалъ приказаніе истребить во всѣхъ провинціяхъ по меньшей мѣрѣ половину виноградниковъ [1]) (что́, конечно, не было въ точности исполнено), то изъ этого слѣдуетъ заключить, что правительство старательно стѣсняло распространеніе винодѣлія. Оно не было знакомо въ сѣверной части нарбонской провинціи даже во времена Августа, и хотя вскорѣ послѣ того было тамъ введено, но, какъ кажется, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не распространялось за предѣлы нарбонской провинціи и южной Аквитаніи; изъ галльскихъ винъ пользовались въ лучшія времена извѣстностью лишь вина Аллоброговъ и Битуриговъ, носящія въ настоящее время названіе бургундскихъ и бордосскихъ [2]). Только въ то время, какъ бразды правленія выпали изъ рукъ Италійцевъ, а именно въ теченіе третьяго столѣтія, эти порядки измѣнились и императоръ Пробъ (276—282) наконецъ дозволилъ провинціальнымъ жителямъ заниматься винодѣліемъ. Вѣроятно только вслѣдствіе этого разрѣшенія разведеніе виноградниковъ упрочилось какъ на берегахъ Сены, такъ и на берегахъ Мозели. «Я провелъ»,—пишетъ императоръ Юліанъ,—«зиму (это была зима 357—358 года) въ милой Лутеціи,—такъ называютъ Галлы городокъ Паризіевъ, маленькій островокъ на рѣкѣ, обнесенный стѣнами; тамъ превосходная вода, пріятная и съ виду и для питья. У тамошнихъ жителей зима бываетъ довольно мягкая и у нихъ растетъ хорошій виноградъ; нѣкоторые изъ нихъ даже разводятъ фиговыя деревья, прикрывая ихъ на зиму пшеничной соломой, какъ плащемъ». А немного времени спустя послѣ того, бордосскій поэтъ, въ своемъ привлекательномъ описаніи Мозели,

---

[1]) Sueton. Dom. 7. Когда за причину этого выдавали повышеніе цѣны зерноваго хлѣба, происшедшее вслѣдствіе обращенія пахатныхъ земель подъ виноградники, то этотъ предлогъ натурально былъ расчитанъ на невѣжество публики.

[2]) Когда Генъ [Hehn, Kulturpflanzen, стр. 76], говоря о винодѣліи у Арверновъ и у Секвановъ, внѣ нарбонской провинціи, ссылается на Плинія [Hist. Nat. 14, 1, 18], то онъ придерживается уже выброшенныхъ изъ подлиннаго текста вставокъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что болѣе строгое императорское управленіе въ трехъ Галліяхъ болѣе препятствовало распространенію винодѣлія, нежели слабое сенаторское управленіе въ нарбонской провинціи.

разсказывалъ, что виноградники окаймляютъ эту рѣку по обоимъ берегамъ точно такъ-же, какъ «его родныя виноградныя лозы вѣнчаютъ жёлтую Гарону».

Дорожная сѣть.—Внутреннія сношенія, равно какъ сношенія съ сосѣдними странами и въ особенности съ Италіей, должно быть, были очень оживленны, а дорожная сѣть была широко развита и тщательно поддерживалась. Большая императорская дорога изъ Рима къ устьямъ Бетиса (о которой мы упоминали, когда рѣчь шла объ Испаніи, стр. 61), служила главной артеріей для сухопутныхъ торговыхъ сообщеній южной провинціи; Августъ заново шоссировалъ ее на всемъ протяженіи, которое во времена республики содержалось въ порядкѣ отъ Альповъ до Роны Массаліотами, а оттуда до Пиренеевъ Римлянами. На сѣверѣ имперскія дороги главнымъ образомъ вели частію къ главному городу Галліи, частію къ большимъ прирейнскимъ лагерямъ; но, какъ кажется, и кромѣ того были приняты удовлетворительныя мѣры для поддержанія остальныхъ путей сообщенія.

Эллинизмъ въ южной Галліи.—Хотя въ болѣе древнюю пору южная провинція и принадлежала въ томъ, что касается умственнаго развитія, къ эллинской сферѣ, но отпаденіе Массаліи и энергическое введеніе въ южной Галліи римскихъ порядковъ, конечно, произвели тамъ перемѣну; тѣмъ не менѣе, эта часть Галліи всегда оставалась, подобно Кампаніи, однимъ изъ центровъ эллинизма. Что Немавзъ, унаслѣдовавшій нѣкоторую долю того, чѣмъ была Массалія, ставилъ на своихъ монетахъ августовскихъ временъ годы по александрійскому счисленію и египетскій гербъ, объясняется не безъ нѣкотораго правдоподобія тѣмъ, что самъ Августъ переселилъ ветерановъ изъ Александріи въ этотъ городъ, который и безъ того уже не былъ чужимъ для Грековъ. Въ связи съ вліяніемъ Массаліи должно быть поставлено и то, что этой провинціи принадлежалъ,—по крайней мѣрѣ по своему происхожденію,—тотъ историкъ, который, по видимому, сознательно отказался отъ національно-римской манеры писать исторію, при случаѣ рѣзко нападалъ на самыхъ знаменитыхъ представителей этого направленія—Саллюстія и Ливія и проводилъ эллинскую точку зрѣнія; это былъ Вюконтіецъ Помпей Трогъ, авторъ всемірной исторіи, начинавшейся со временъ Александра и съ царствованія Діадоховъ и касавшейся римскихъ дѣлъ лишь внутри этой рамки или въ видѣ дополненій. Въ этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, только отбросилъ то, что составляло существенную принадлежность литературной оппозиціи противъ эллинизма; но все-таки достоинъ вниманія тотъ фактъ, что эта тенденція нашла себѣ именно въ этой странѣ и въ Августовское время латинскаго представителя и къ тому-же представителя даровитаго и хорошо вла-

дѣвшаго языкомъ. Изъ позднѣйшихъ писателей достоинъ упоминанія Фаворинъ, принадлежавшій по рожденію къ одному изъ знатныхъ, пользовавшихся правами гражданства, арелатскихъ семействъ, и бывшій однимъ изъ главныхъ представителей Полиматіи Адріановскихъ временъ; это былъ философъ съ Аристотелевскими и скептическими тенденціями, и притомъ филологъ и ораторъ, ученикъ Діона (изъ Прусы), другъ Плутарха и Ирода Аттика, подвергавшійся полемическимъ нападкамъ со стороны Галена на научной почвѣ и фельетоннымъ нападкамъ со стороны Лукіана и вообще находившійся въ оживленныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми учеными втораго столѣтія, равно какъ и съ императоромъ Адріаномъ. По своимъ разнообразнымъ изслѣдованіямъ и между прочимъ касательно именъ поглощенныхъ Скиллой спутниковъ Одиссея и касательно имени перваго человѣка, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и ученымъ, онъ былъ вѣрнымъ представителемъ излюбленной въ ту пору мелочной учености, а написанныя имъ для образованной публики статьи о Ѳерситѣ и его привычка лихорадочно перебрасываться съ одного предмета на другой, равно какъ извѣстныя намъ частію только по дѣлаемымъ на нихъ указаніямъ его бесѣды обо всемъ и еще кой о чемъ представляютъ намъ хотя и неутѣшительную, но характеристическую [illegible]ину тогдашняго положенія литературы. Здѣсь слѣдуетъ обратить [illegible]аніе на то обстоятельство, которое онъ самъ считалъ одною [illegible] выдающихся особенностей своей жизни,—на то, что онъ былъ родомъ Галлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ греческій писатель. Хотя западные литераторы нерѣдко пробовали писать между прочимъ и по гречески, но лишь немногіе изъ нихъ писали преимущественно на этомъ языкѣ; въ настоящемъ случаѣ такое предпочтеніе, должно быть, обусловливалось мѣстомъ рожденія ученаго писателя.

Латинская литература въ южной провинціи.—Участіе, которое принимала южная Галлія въ цвѣтущемъ состояніи литературы Августовскихъ временъ, видно изъ того, что къ этой провинціи принадлежали нѣкоторые изъ самыхъ знаменитыхъ судейскихъ ораторовъ, славившихся въ позднѣйшую эпоху Августовскаго управленія, какъ-то: нарбонскій уроженецъ Вотіенъ Монтанъ (умершій въ 27 г. послѣ Р. Х.), котораго называли Овидіемъ ораторовъ, и уроженецъ Немавза Гней Домицій Афръ (бывшій консуломъ въ 39 г. послѣ Р. Х.). Вообще, римская литература естественнымъ путемъ распространяла свое вліяніе и на эти страны; поэты Домиціановскихъ временъ посылали даровые экземпляры своихъ вольныхъ стиховъ своимъ друзьямъ въ Тулузу и въ Віенну. Въ царствованіе Траяна, Плиній радовался тому, что его мелкія произведенія находили и въ Лугдунѣ не только благосклонныхъ читателей, но и книгопродавцевъ, которые ихъ распродавали. Но мы не можемъ назвать южно-галльскихъ пи-

сателей, которые имѣли-бы такое же вліяніе на умственное и литературное развитіе Рима, какое имѣла Бетика въ раннюю пору имперіи и какое имѣла въ болѣе позднюю пору сѣверная Галлія. Въ прекрасныхъ южныхъ странахъ было много вина и земныхъ плодовъ, но онѣ не давали государству ни солдатъ ни мыслителей.

Литература въ императорской Галліи.—Собственно такъ-называемая Галлія была въ научной сферѣ обѣтованною страной и научнаго преподаванія и научныхъ познаній; по всему вѣроятію, это слѣдуетъ приписать своеобразному развитію и могущественному вліянію національнаго жречества. Ученіе друидовъ вовсе не было отголоскомъ наивныхъ народныхъ вѣрованій: это было въ высшей степени развитое и требовательное богословіе, которое, по общему церковному обыкновенію, старалось освѣтить или даже подчинить своему вліянію всѣ сферы человѣческаго мышленія и человѣческой дѣятельности—и физику и метафизику, и правовѣдѣніе и врачебную науку, требовало отъ учениковъ неутомимыхъ, какъ говорятъ, двадцатилѣтнихъ занятій, а этихъ учениковъ искало и находило преимущественно въ сферахъ знати. Запретъ, наложенный на друидизмъ Тиверіемъ и его преемниками, долженъ былъ прежде всего коснуться этого жреческаго преподаванія и по меньшей мѣрѣ уничтожить его публичность; но этотъ результатъ могъ быть вполнѣ достигнутъ лишь тогда, когда національному образованію юношества было противопоставлено римско-греческое образованіе, подобно тому, какъ собиравшемуся въ землѣ Карнутовъ съѣзду друидовъ былъ противопоставленъ воздвигнутый въ Ліонѣ храмъ Ромы. Какъ рано была достигнута эта цѣль въ Галліи,—безспорно благодаря энергическому воздѣйствію правительства,—видно изъ того замѣчательнаго факта, что во время ранѣе нами упомянутаго возстанія, вспыхнувшаго при Тиверіи, инсургенты главнымъ образомъ старались овладѣть городомъ Августодуномъ (Autun) для того, чтобъ подчинить себѣ учившееся тамъ знатное юношество и тѣмъ привлечь на свою сторону или застращать вліятельныя семьи. Сверхъ того, хотя въ этихъ галльскихъ лицеяхъ преподаваніе велось вовсе не въ національномъ духѣ, они, быть можетъ, служили закваской для спеціально галльской національной обособленности; едва ли можно приписать случайности тотъ фактъ, что главное изъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній находилось не въ римскомъ Ліонѣ, а въ главномъ городѣ Геduевъ—самаго вліятельнаго изъ всѣхъ галльскихъ племенъ. Но римско-эллинское образованіе хотя, быть можетъ, и было навязано націи силой и вначалѣ встрѣчало противодѣйствіе, однако до такой степени проникло,—по мѣрѣ того какъ сглаживались противорѣчія,—въ кельтскую жизнь, что съ теченіемъ времени ученики стали держаться за него съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ преподаватели. На западѣ мало-по-малу

сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ привилегіи оримлянившихся Галловъ то жентльменское образованіе, которое почти точно такъ-же какъ въ настоящее время въ Англіи, было основано на изученіи сначала латинскаго, а потомъ греческаго языка и на умѣньи произносить публичныя рѣчи съ ихъ заостренными выраженіями и блестящими фразами, и которое напоминаетъ болѣе близкія къ намъ по времени, возникшія на той-же почвѣ литературныя явленія. Трудъ преподавателей тамъ издавна оплачивался лучше, нежели въ Италіи, и, что еще важнѣе, съ ними тамъ лучше обходились. Уже Квинтиліанъ съ уваженіемъ называлъ нѣсколькихъ Галловъ въ числѣ самыхъ даровитыхъ судейскихъ ораторовъ, а Тацитъ, въ прекрасномъ діалогѣ объ ораторскомъ искуствѣ, не безъ намѣренія выводитъ на сцену галльскаго адвоката Марка Апера въ роли защитника новѣйшаго краснорѣчія противъ почитателей Цицерона и Цезаря. Первое мѣсто между галльскими университетами впослѣдствіи заняла Бурдигала, такъ какъ Аквитанія вообще далеко опередила въ отношеніи образованности среднюю и сѣверную Галлію:—въ одномъ написанномъ тамъ діалогѣ, относящемся къ началу пятаго столѣтія, принимавшая участіе въ разговорѣ духовная особа изъ Шалона-на-Сонѣ едва осмѣливается открывать ротъ передъ образованными аквитанскими собесѣдниками. Въ этомъ сказалось вліяніе ранѣе нами упомянутаго профессора Авзонія, котораго императоръ Валентиніанъ назначилъ въ наставники къ своему сыну Граціану (род. 359) и который въ своихъ смѣшанныхъ стихотвореніяхъ воздвигъ памятникъ въ честь большей части своихъ сотоварищей; а когда его современнику, самому знаменитому изъ ораторовъ того времени, Симмаху понадобился гувернеръ для сына, онъ выписалъ гувернера изъ Галліи въ память о своемъ старомъ, родившемся на берегахъ Гароны наставникѣ. Къ тому-же Августодунъ постоянно оставался однимъ изъ главныхъ центровъ галльскихъ научныхъ занятій; до насъ дошли благодарственныя рѣчи, которыя были произнесены передъ императоромъ Константиномъ по поводу возстановленія этого учебнаго заведенія.—Литературные плоды этой оживленной преподавательской дѣятельности были второстепеннаго разряда и не имѣли большой цѣны; это были или напыщенныя рѣчи, для сочиненія которыхъ служили поощреніемъ превращеніе Трира въ императорскую резиденцію и частое пребываніе двора въ галльскихъ странахъ, или разнохарактерныя стихотворенія, написанныя на какой-либо случай. Подобно произнесенію рѣчей и сочиненіе стиховъ было обязательной принадлежностью наставническаго званія, такъ что офиціальный преподаватель литературы былъ, если не отъ природы, то по должности поэтомъ. По крайней мѣрѣ къ этимъ западнымъ ученымъ не перешло то пренебреженіе къ поэзіи, которое было свойственно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ однородной эллин-

своей литературѣ той-же эпохи. Въ стихахъ господствуютъ школьныя воспоминанія и педантическое фокусничество [1]) и только изрѣдка,—какъ напримѣръ въ описаніи поѣздки Авзонія по Мозели,—встрѣчаются живыя и прочувствованныя описанія. Рѣчи,—о которыхъ мы въ состояніи судить конечно только по тѣмъ, которыя произносились въ болѣе позднюю пору въ императорской резиденціи,—были образчиками искуства много говорить и мало сказать и искуства выражать безусловную вѣрноподданническую преданность съ столь-же безусловнымъ отсутствіемъ всякой мысли. Когда зажиточныя матери отправляли своихъ сыновей,—послѣ того какъ они освоились съ богатствомъ и изяществомъ галльской рѣчи,—въ Италію для того, чтобъ они научились выражаться съ достоинствомъ, свойственнымъ римской рѣчи [2]), то этимъ галльскимъ риторамъ конечно было труднѣе усвоить это достоинство, чѣмъ напущенность слога. Эта литературная дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе для ранней поры среднихъ вѣковъ; благодаря ей, Галлія сдѣлалась въ первыя времена христіанства настоящимъ центромъ благочестиваго стихотворства и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ убѣжищемъ школьной литературы, между тѣмъ какъ происходившее внутри христіанства важное умственное движеніе не тамъ нашло своихъ главныхъ представи[illegible]

Ар[illegible]а и скульптура.—Въ сферѣ искуствъ строительнаго и ваяльнаго уже одинъ климатъ вызывалъ такія явленія, съ которыми югъ или вовсе не былъ знакомъ или былъ знакомъ лишь въ ихъ зачаткахъ; такъ напримѣръ, нагрѣваніе воздуха, производившееся въ Италіи только въ баняхъ, и мало тамъ распространенное употребленіе рамъ со стёклами, находили обширное примѣненіе въ галльскомъ строительномъ искуствѣ. Но о самостоятельномъ развитіи искуства въ этихъ странахъ можетъ идти рѣчь только настолько, насколько изображеніе сценъ ежедневной жизни, и при дальнѣйшемъ ихъ развитіи представленія въ лицахъ встрѣчались въ кельтскихъ странахъ чаще нежели въ Италіи, а отжившія миѳологическія представленія были замѣнены болѣе веселыми. Хотя

[1]) Одно изъ профессорскихъ стихотвореній Авзонія посвящено четыремъ греческимъ грамматикамъ: „Всѣ они прилежно исполняли свои обязанности преподавателей; только ихъ жалованье было скудно, а ихъ изложеніе было слабо; но такъ какъ они преподавали въ мое время, то я назову ихъ по именамъ.“ Это было съ его стороны тѣмъ болѣе похвально, что онъ немногому отъ нихъ научился: „Конечно потому [говоритъ онъ], что мнѣ была препятствіемъ слишкомъ слабая понятливость и что печальныя заблужденія юношества, къ сожалѣнію, отталкивали меня отъ эллинской образованности.“ Эти мысли выражаются часто, но онѣ рѣдко излагаются въ формѣ сафическихъ стиховъ.

[2]) Romana gravitas: Hieronymus ep. 125, стр. 929 Vall.

мы распознаемъ это влеченіе къ реализму и къ бытовымъ сценамъ лишь по надгробнымъ памятникамъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что оно вообще преобладало въ искуствѣ. И относящаяся къ раннимъ временамъ имперіи, арка въ Оранжѣ (Arausio) съ своими изображеніями галльскаго оружія и галльскихъ знаменъ, и найденная подлѣ Ветеры, а теперь находящаяся въ берлинскомъ музеѣ бронзовая статуя, какъ кажется изображающая мѣстнаго бога съ ячменными колосьями въ волосахъ, и по всему вѣроятію частію вышедшая изъ галльскихъ мастерскихъ серебряная посуда, находящаяся въ Гильдесгеймѣ, свидѣтельствуютъ о нѣкоторой свободѣ при усвоиваніи и обработкѣ италійскихъ мотивовъ. Воздвигнутая во времена Августа гробница Юліевъ въ Сенъ-Реми, подлѣ Авиньона, служитъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ того, съ какимъ горячимъ воодушевленіемъ эллинское искуство было усвоено въ южной Галліи какъ въ томъ, что касалось его смѣлыхъ надстроекъ въ два квадратныхъ яруса, надъ которыми возвышался кругъ колоннъ, увѣнчанный коническимъ куполомъ, такъ и въ томъ, что касалось его рельефовъ, которые, по стилю подходя всего болѣе къ пергамскимъ, изображали съ картиннымъ оживленіемъ многочисленныхъ участниковъ военныхъ или охотничьихъ сценъ, какъ кажется взятыхъ изъ жизни тѣхъ, въ честь кого воздвигалось зданіе. Достоинъ примѣчанія тотъ фактъ, что высшей точки въ этомъ художественномъ развитіи достигли, рядомъ съ южной провинціей, страны, лежащія по берегамъ Мозели и Мааса; эта мѣстность не была такъ всесторонне подчинена римскому вліянію, какъ Ліонъ и служившіе мѣстами лагерныхъ стоянокъ прирейнскіе города; она была болѣе богата и болѣе цивилизована, чѣмъ страны, лежащія по берегамъ Луары и Сены, и по видимому въ нѣкоторой мѣрѣ достигла сама собою этой степени художественнаго развитія. Извѣстный подъ названіемъ Игельской колонны, надгробный монументъ одного знатнаго Тревира даетъ ясное понятіе о тѣхъ памятникахъ, которые строились тамъ въ видѣ башенъ съ остроконечной верхушкой и были со всѣхъ сторонъ покрыты изображеніями какихъ-нибудь фактовъ изъ жизни покойника. На нихъ нерѣдко находимъ изображеніе землевладѣльца, которому живущіе на его землѣ поселяне приносятъ овецъ, рыбу, птицъ, яйца. На одномъ надгробномъ камнѣ изъ Арлона (подлѣ Люксембурга) изображены, кромѣ портретовъ мужа и жены, съ одной стороны телѣга и женщина съ наполненной фруктами корзиной, а съ другой двое сидящихъ на корточкахъ мущинъ, торгующихъ яблоками. Другой надгробный камень изъ Ньюмагена (подлѣ Трира) имѣетъ форму корабля; въ немъ сидятъ шесть управляющихъ веслами гребцовъ; грузъ состоитъ изъ большихъ бочекъ, подлѣ которыхъ стоитъ съ веселымъ видомъ рулевой, который точно будто радуется при мысли, сколько въ нихъ вина. Если мы сопо-

ставимъ изображеніе этихъ бочекъ съ той живой картиной, которую намъ оставилъ бордосскій поэтъ, описавшій долину Мозеля съ ея великолѣпными замками, веселящими взоръ виноградниками и оживленіемъ рыболовства и судоходства, то мы придемъ къ убѣжденію, что въ этой прекрасной странѣ бился пульсъ и мирной дѣятельности и веселыхъ наслажденій и кипучей жизни уже за полтораста лѣтъ до описываемой эпохи.

ГЛАВА IV.

Римская Германія и вольные Германцы.

Границы римской Германіи. — Возникновеніе двухъ римскихъ провинцій —Верхней и Нижней Германіи было результатомъ того пораженія римской арміи и той неудачной политики Августовскаго управленія, которыя были ранѣе (стр. 44) описаны. Первоначальная провинція Германія, обнимавшая страну отъ Рейна до Эльбы, существовала только двадцать лѣтъ—отъ первой кампаніи Друза (742 г. отъ осн. Р.=12 г. до Р. Х.) до пораженія Вара и до паденія Ализона (762 г. отъ осн. Р=9 г. послѣ Р. Х.); но такъ какъ съ одной стороны она заключала въ себѣ военный лагерь на лѣвомъ берегу Рейна, Виндониссу, Могонтіакъ и Ветеру, и такъ какъ съ другой стороны болѣе или менѣе значительныя части владѣній на правомъ берегу Рейна остались римскими и послѣ той катастрофы, то ни намѣстничество ни главное военное командованіе не были вполнѣ упразднены этой катастрофой, хотя, такъ-сказать, держались на воздухѣ. Внутреннее устройство трехъ Галлій уже было описано ранѣе; онѣ обнимали всю страну до самаго Рейна безъ различія племенъ—лишь съ тѣмъ исключеніемъ, что къ 64 волостямъ не принадлежали Убіи, переселенные въ Галлію лишь во время послѣднихъ кризисовъ, и также Гельветы, Трибоки и вообще тѣ округа, которые прежде того были заняты рейнскими войсками. Германскія волости между Рейномъ и Эльбой предполагалось соединить, подобно галльскимъ волостямъ, въ одну общину, состоящую подъ римскимъ верховенствомъ, и въ зародышѣ теперешняго Кёльна, городѣ Убіевъ заложить алтарь Августа, который служилъ бы для нихъ такимъ же средоточіемъ, какимъ служилъ для Галліи алтарь Августа въ Ліонѣ; въ дальнемъ будущемъ имѣлось также въ виду перенести главный лагерь на правый берегъ Рейна и передать лѣво-бережныя владѣнія, по меньшей мѣрѣ въ значительной части, въ вѣдѣніе

бельгійскаго намѣстника. Но эти замыслы исчезли вмѣстѣ съ легіонами Вара; германскій алтарь Августа на Рейнѣ сдѣлался или остался алтаремъ Убіевъ; легіоны надолго сохранили свои стоянки на той территоріи, которая въ сущности принадлежала къ Бельгіи; но такъ какъ римскіе порядки не допускали раздѣленія властей военной и гражданской, то въ теченіе всего времени, какъ стояли тамъ войска, и административная власть находилась въ рукахъ главнокомандующихъ двухъ армій [1]). Поэтому, какъ уже ранѣе было замѣчено, Варъ былъ, по всему вѣроятію, послѣднимъ главнокомандующимъ соединенныхъ рейнскихъ армій; при вызванномъ этою катастрофой усиленіи арміи до восьми легіоновъ, какъ кажется, состоялось и ея раздѣленіе. Поэтому намъ въ сущности предстоитъ описать въ этой главѣ не внутреннее положеніе римской провинціи, а судьбу римской арміи и то, что всего тѣснѣе съ нею связано,— судьбу сосѣднихъ народовъ и противниковъ, насколько она переплетается съ исторіей Рима.

Верхняя и Нижняя Германія.— Двѣ главныя квартиры рейнскихъ армій, издавна находившіяся въ Ветерѣ близъ Везеля и въ Могонтіакѣ, теперешнемъ Майнцѣ, были древнѣе чѣмъ раздѣленіе главнаго командованія, а ихъ существованіе было одною изъ причинъ того, что было введено это раздѣленіе. Каждая изъ двухъ армій состояла въ первомъ столѣтіи по Р. Х. изъ 4 легіоновъ, то-есть почти изъ 30,000 человѣкъ [2]); въ названныхъ двухъ пунктахъ или

---

1) Такому раздѣленію одной провинціи между тремя намѣстниками не было другаго примѣра въ системѣ римскаго управленія; хотя положеніе Африки и Нумидіи и представляетъ нѣкоторое съ этимъ сходство, но оно политически обусловливалось отношеніями, въ которыхъ сенатскій намѣстникъ находился къ императорскому главнокомандующему, между тѣмъ какъ трое бельгійскихъ намѣстниковъ одинаково назначались императоромъ, и нѣтъ возможности понять, почему обоимъ германскимъ намѣстникамъ было назначено мѣстопребываніе внутри Бельгіи, а не особо. Эту странность можно объяснить только тѣмъ, что при уничтоженіи границы сохранилось прежнее названіе, подобно тому, какъ транс-дунайская Дакія впослѣдствіи существовала подъ названіемъ цис-дунайской.

2) Силу вспомогательныхъ войскъ верхней арміи въ Домиціано-Траяновскую эпоху можно съ достаточной точностью опредѣлить почти въ 10,000 человѣкъ. Одинъ списокъ, относящійся къ 90 году, насчитываетъ при этой арміи четыре *алы* [Alae—отряды вспомогательныхъ войнъ] и четырнадцать когортъ; къ нимъ слѣдуетъ присовокупить по меньшей мѣрѣ еще одну когорту [I Germanorum], которая, какъ положительно дознано, стояла тамъ гарнизономъ какъ въ 82, такъ и въ 116 годахъ; стояли-ли тамъ въ 90 году гарнизономъ не попавшія въ списокъ 90 года двѣ *алы*, находившіяся тамъ въ 82 г., и по меньшей мѣрѣ три когорты, находившіяся тамъ въ 116 г., сомнительно; но онѣ большею частію были выведены изъ провинціи до 90 года или введены въ нее лишь послѣ 90 года. Изъ тѣхъ 19 вспомогательныхъ отрядовъ одинъ [c o h. I D a m a s c e n o-

между ними была расположена главная масса римскихъ войскъ; кромѣ того одинъ легіонъ стоялъ подлѣ Новіомага (Нимвегена), другой въ Аргенторатѣ (Страсбургѣ), третій подлѣ Виндониссы (Виндишъ неподалеку отъ Цюриха), вблизи отъ ретійской границы. Къ нижней арміи принадлежалъ довольно значительный рейнскій флотъ. Граница между верхней и нижней арміями шла между Андернахомъ и Ремагеномъ подлѣ Броля [1]), такъ что Кобленцъ и Бингенъ входили въ составъ верхняго округа, а Боннъ и Кёльнъ въ составъ нижняго. На лѣвомъ берегу принадлежали къ верхне-германскому административному вѣдомству округи Гельветовъ (Швейцарія), Секвановъ (Безансонъ), Лингоновъ (Лангръ), Равриковъ (Базель), Трибоковъ (Эльзасъ), Неметовъ (Шпейеръ) и Вангіоновъ (Вормсъ); къ менѣе обширному нижне-германскому вѣдомству принадлежалъ округъ Убіевъ или, лучше сказать, колонія Agrippina (Кёльнъ), округи Тунгровъ (Тонгернъ), Менапіевъ (Брабантъ) и Батавовъ, между тѣмъ какъ волости, находившіяся далѣе на западѣ, со включеніемъ Меца и Трира, были подчинены различнымъ намѣстникамъ трехъ Галлій. Это раздѣленіе имѣло лишь административное значеніе; напротивъ того, измѣненія въ объемѣ обоихъ округовъ на правомъ берегу совпадали съ измѣненіями въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и съ зависѣвшими отсюда то расширеніемъ, то съуживаніемъ предѣловъ римскаго владычества. Вслѣдствіе этихъ отношеній къ сосѣдямъ, на нижнемъ и на верхнемъ Рейнѣ были введены столь различные порядки и событія имѣли тамъ столь различный характеръ, что тамъ раздѣленіе провинцій имѣло чрезвычайно важное историческое значеніе. Посмотримъ прежде всего, какъ шли дѣла на нижнемъ Рейнѣ.

Нижняя Германія.—Батавы.—Ранѣе уже было указано, въ какой мѣрѣ Римляне подчинили себѣ Германцевъ по обѣимъ сторонамъ Нижняго Рейна. Германскіе Батавы были присоединены къ имперіи

rum] былъ безъ сомнѣнія двойной, а другой [ala I Flavia gemina], быть можетъ, былъ двойной. Поэтому нормальный составъ вспомогательныхъ войскъ этой арміи по меньшей мѣрѣ достигалъ вышеозначенной цифры и не могъ значительно превышать ее. Но вспомогательныя войска Нижней Германіи, гдѣ гарнизоны стояли на менѣе обширномъ пространствѣ, вѣроятно были менѣе значительны числомъ.

[1]) У пограничнаго моста, построеннаго черезъ Абринку, теперешній Винксбахъ,—служившій въ старину границей для архіепископствъ Кёльнскаго и Трирскаго, — стояли два алтаря; тотъ, который стоялъ со стороны Ремагена, былъ посвященъ солдатами 30-го нижне-германскаго легіона Гранямъ, мѣстному генію и Юпитеру [Finibus et Genio loci et Jovi optimo maximo], а тотъ, который стоялъ со стороны Андернаха, былъ посвященъ однимъ солдатомъ 8-го верхне-германскаго легіона [Brambach 649. 650] мѣстному богу и Юнонѣ.

мирнымъ путемъ не Цезаремъ, но вскорѣ послѣ него, быть можетъ, Друзомъ. Они жили въ рейнской дельтѣ, то-есть на лѣвомъ берегу Рейна и на образуемыхъ рукавами Рейна островахъ вверхъ по меньшей мѣрѣ до стараго Рейна, стало быть почти отъ Антверпена до Утрехта и Лейдена, въ приморской странѣ и въ южной Голландіи, на территоріи, которая была первоначально занята Кельтами — по крайней мѣрѣ названія поселеній тамъ большею частію кельтскія; ихъ названіе до сихъ поръ сохранилось въ названіи Бетувы — низьменности между Вааломъ и Лекомъ съ главнымъ городомъ Новіомагомъ, теперешнимъ Нимвегеномъ. Въ особенности по сравненію съ безпокойными и строптивыми Кельтами, они были послушными и полезными подданными и потому играли въ римскомъ государствѣ и въ особенности въ римскомъ военномъ устройствѣ исключительную роль. Они были совершенно освобождены отъ налоговъ, но за то несли рекрутскую повинность въ болѣе значительномъ размѣрѣ, чѣмъ какая либо другая волость; они поставляли въ имперскую армію 1000 всадниковъ и 9000 пѣхотинцевъ; сверхъ того, преимущественно изъ нихъ набирались императорскіе тѣлохранители. Командованіе этими батавскими отрядами предоставлялось исключительно батавскимъ уроженцамъ. Батавы безспорно признавались не только лучшими во всей арміи кавалеристами и пловцами, но и считались образцовыми солдатами по своей преданности, а ихъ преданность, конечно, много упрочивалась какъ высокимъ жалованьемъ батавскихъ тѣлохранителей, такъ и предпочтительнымъ назначеніемъ батавской знати на офицерскія должности. Эти Германцы, конечно, не принимали никакого участія ни въ томъ, что подготовило катастрофу Вара ни въ томъ, что за ней послѣдовало и хотя Августъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ страшнаго извѣстія, отослалъ своихъ батавскихъ тѣлохранителей, онъ скоро убѣдился въ неосновательности своего недовѣрія и этотъ отрядъ былъ въ скоромъ времени возвращенъ на свое прежнее мѣсто.

Каннинефаты.—Фризы.—Хавки.—На другомъ берегу Рейна, непосредственно вслѣдъ за Батавами, въ теперешнемъ Кеннемерландѣ (сѣверной Голландіи, выше Амстердама) жили находившіеся съ ними въ близкомъ племенномъ родствѣ, но менѣе многочисленные Каннинефаты; не только ихъ имя значится въ спискѣ покоренныхъ Тиверіемъ племенъ, но и въ томъ, что касалось положенія ихъ отрядовъ въ римской арміи, къ нимъ относились точно такъ же, какъ къ Батавамъ.—Фризы, жившіе за Каннинефатами въ до сихъ поръ сохранившей ихъ названіе прибрежной странѣ до области нижняго Эмса, покорились Друзу и заняли одинакое съ Батавами положеніе; вмѣсто податей, на нихъ была возложена обязанность поставлять для арміи опредѣленное число воловьихъ кожъ за то они также должны были

доставлять сравнительно значительные отряды для службы въ римской арміи. Они были самыми вѣрными союзниками какъ Друза, такъ впослѣдствіи и Германика и оказали первому изъ нихъ полезныя услуги какъ при прорытіи канала, такъ въ особенности послѣ неудачныхъ морскихъ экспедицій (стр. 41).—Къ востоку отъ нихъ, у береговъ Сѣвернаго моря, по обѣимъ сторонамъ Везера, быть можетъ на всемъ пространствѣ отъ Эмса до Эльбы, жило далеко распространившееся племя мореплавателей и рыболововъ — Хавковъ; они были покорены Друзомъ одновременно съ Фризами, но не такъ, какъ эти послѣдніе—не безъ сопротивленія.—Всѣ эти германскія прибрежныя племена подчинились новому верховенству или по соглашенію или безъ упорной борьбы, а такъ какъ они не принимали никакого участія въ возстаніи Херусковъ, то и послѣ пораженія Вара остались въ прежнихъ отношеніяхъ къ римскому государству; даже изъ самыхъ отдаленныхъ волостей Фризовъ и Хавковъ гарнизоны не были въ ту пору выведены, а Хавки даже оказывали Германику содѣйствіе во время его походовъ. Впрочемъ при вторичномъ очищеніи Германіи въ 17 г., бѣдная, отдаленная и трудно обороняемая страна Хавковъ, какъ кажется, была покинута Римлянами; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ позднѣйшихъ доказательствъ того, что она оставалась подъ римскимъ владычествомъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того мы находимъ ее независимой. Но вся мѣстность къ западу отъ нижняго Эмса осталась составною частію имперіи, въ предѣлы которой стало быть входили теперешніе Нидерланды. Охрана этой части государственныхъ границъ отъ непринадлежавшихъ къ имперіи Германцевъ была предоставлена главнымъ образомъ самимъ подвластнымъ Риму приморскимъ волостямъ.

Лимы и незаселенныя границы на Нижнемъ Рейнѣ.—Далѣе, вверхъ по теченію рѣки, Римляне дѣйствовали иначе; тамъ была проведена пограничная дорога, а промежуточная мѣстность оставлена ненаселенной. Съ пограничной дорогой (такъ-называемымъ *лимомъ* [1]), проведенной

---

[1]) Limes [отъ limus—поперечный] есть техническое выраженіе, съ которымъ незнакомы наши юридическія отношенія, и которое потому непереводимо на нашемъ языкѣ; оно произошло оттого, что непризнающее никакихъ естественныхъ границъ, римское дѣленіе полей, раздѣляетъ промежуточными путями установленной ширины тѣ квадраты, на которые дѣлится земля, находящаяся въ частномъ владѣніи; эти промежуточные пути называются *лимами* и этимъ словомъ обозначается какъ проведенная человѣческими руками граница, такъ и построенная человѣческими руками дорога. Оно удерживаетъ это двойное значеніе и въ примѣненіи къ государству [Rudorff, grom. Inst. стр. 259, неправъ]; *лимомъ* называется не всякая государственная граница, а только та, которая проведена человѣческими руками и учреждена какъ ради над-

въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ Рейна, былъ связанъ контроль надъ пограничными сообщеніями, такъ какъ переходить черезъ нее запрещалось ночью безусловно, а днемъ съ оружіемъ въ рукахъ; за тѣмъ переходъ дозволялся только съ соблюденіемъ особыхъ мѣръ предосторожности и съ уплатой установленной пограничной пошлины. Послѣ пораженія Вара Тиверій провелъ такую дорогу насупротивъ нижне-рейнской главной квартиры въ теперешнемъ Мюнстерѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Рейна,

---

зора, такъ и для размѣщенія постовъ въ виду охраны границъ [vita Hadriani 12: locis in quibus barbari non fluminibus, sed limitibus dividuntur], каковою мы находимъ ее въ Германіи и въ Африкѣ. Поэтому и къ проведенію этихъ *лим* примѣняются тѣ-же слова, какія употребляются, когда рѣчь идетъ о постройкѣ дорогъ, какъ-то: aperire [Веллей, 2, 121; но это слово не соотвѣтствуетъ нашему подниманію шлагбаумовъ, какъ его понимаетъ Мюлленговъ, Ztschr. f. d. Alt. N. F. II, стр. 82], munire, agere [Frontinus strat. 1, 3, 10: limitibus per CXX m. p. actis]. Поэтому *лим* есть не только продольная линія, но вмѣстѣ съ тѣмъ такая, которая имѣетъ извѣстную ширину [Тацитъ, *Лѣт.* 1, 50: castra in limite locat]. За тѣмъ проведеніе *лима* часто соединяется съ устройствомъ agger'а, то-есть дорожной преграды [Тацитъ, *Лѣт.* 2, 7: cuncta novis limitibus aggeribusque permunita], а его перенесеніе въ другое мѣсто съ перемѣщеніемъ пограничныхъ постовъ [Тацитъ, *Герм.* 29: limite acto promotisque praesidiis]. Вмѣстѣ съ тѣмъ *лим* есть государственная пограничная дорога, назначенная для регулированія пограничныхъ сообщеній, такъ какъ переходить черезъ нее дозволяется только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, ведущихъ къ мостамъ пограничной рѣки, а въ другихъ мѣстахъ переходить черезъ нее не дозволяется. Прежде всего это, безъ сомнѣнія, было послѣдствіемъ учрежденія ходившихъ дозоромъ патрулей, а пока ходили такіе патрули, *лим* оставался пограничной дорогой. Онъ оставался тѣмъ-же, когда былъ съ обѣихъ сторонъ укрѣпленъ, какъ это было сдѣлано въ Британіи и близь устьевъ Дуная; и британскій валъ назывался *лимомъ* [стр. 165, прим. 1]. Быть можетъ, въ дозволенныхъ для перехода пунктахъ были поставлены посты, а промежуточныя пространства между пограничными дорогами были сдѣланы какимъ-нибудь способомъ непроходимыми. Въ этомъ смыслѣ выражается біографъ въ выше приведенномъ мѣстѣ объ Адріанѣ,— что у *лимовъ* онъ stipitibus magnis in modum muralis saepis funditus iactis atque conexis barbaros separavit. Этимъ способомъ пограничная дорога превращается въ пограничную баррикаду, снабженную проходами, и таковъ былъ верхне-германскій *лим* въ своемъ позднѣйшемъ развитіи, о которомъ рѣчь впереди. Впрочемъ въ такомъ смыслѣ это слово не употреблялось во времена республики и такое значеніе *лим*, безъ сомнѣнія, впервые получилъ съ устройствомъ цѣпи постовъ, опоясывавшихъ государство тамъ, гдѣ не было натуральныхъ границъ; такая охрана государственныхъ границъ не была знакома республикѣ, но она служила фундаментомъ для военной системы Августа и главнымъ образомъ для его таможенной системы.

такъ какъ между нею и рѣкою тянулся такъ-называемый «Цезевъ лѣсъ», о положеніи котораго мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Слѣдуетъ полагать, что такія-же мѣры были одновременно приняты въ долинахъ Рура и Сига до долины Вида, гдѣ оканчивалась нижне-рейнская провинція. Эту дорогу не было надобности занимать войсками и укрѣплять противъ нападеній, хотя оборона границъ и ихъ укрѣпленіе естественнымъ образомъ всегда имѣли въ виду какъ можно лучше обезпечить безопасность пограничной дороги. Главнымъ средствомъ для защиты границъ служило обезлюдѣніе мѣстности, лежавшей между рѣкою и дорогой. «Съ праваго берега Рейна», говоритъ одинъ свѣдущій писатель временъ Тиверія, «частію Римляне переселили жителей на лѣвый берегъ, частію эти жители сами удалились внутрь страны». Это случилось въ теперешнемъ Мюнстерѣ съ прежде тамъ поселившимися германскими племенами Узипетовъ, Тенктеровъ и Тубантовъ. Во время походовъ Германика эти племена оказываются оттѣсненными отъ береговъ Рейна, но еще живущими въ области Липпы, а впослѣдствіи, вѣроятно именно вслѣдствіе тѣхъ походовъ, они оказываются живущими далѣе къ югу, насупротивъ Майнца. Ихъ прежняя отчизна находилась съ тѣхъ поръ въ запустѣніи и образовала обширные выгоны для стадъ нижне-германской арміи; въ 58 г. тамъ задумали поселиться сначала Фризы, а потомъ бродившіе безъ пріюта Ансиваріи, но не могли добиться на то разрѣшенія отъ римскихъ властей. Далѣе къ югу жила на правомъ берегу по меньшей мѣрѣ нѣкоторая часть Сикамбровъ [1]), съ которыми бо́льшею частію обходились точно также, а другія болѣе мелкія племена были совершенно вытѣснены. Незначительное населеніе, которому дозволили оставаться внутри *лима*, было, само собою разумѣется, подвластно имперіи, какъ это подтверждается производившимися у Сикамбровъ наборами рекрутъ для римской арміи.

Борьба съ Фризами и Хавками при Клавдіѣ. — Такимъ образомъ были устроены дѣла на Нижнемъ Рейнѣ послѣ того, какъ были

---

[1]) Переселенные на лѣвый берегъ Сикамбры уже впослѣдствіи не упоминаются подъ этимъ названіемъ; они вѣроятно были впослѣдствіи извѣстны подъ именемъ Кугерновъ, жившихъ ниже Кёльна на Рейнѣ. Но что право-бережные Сикамбры, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ, существовали по меньшей мѣрѣ еще во времена Клавдія, доказывается названной по имени этого императора когортой, которая поэтому безъ сомнѣнія была сформирована въ его царствованіе и именно изъ Сикамбровъ [C. I. L. III, стр. 877]; какъ эта когорта, такъ и носившія такое же названіе четыре другія когорты, вѣроятно временъ Августа, доказываютъ [что замѣчаетъ и Страбонъ], что эти Сикамбры принадлежали къ римскому государству. Они вѣроятно исчезли, подобно Маттіакамъ, лишь во время бурь, которыми сопровождалось переселеніе народовъ.

отложены въ сторону болѣе широкіе замыслы, и стало быть Римляне все еще удерживали въ своей власти довольно значительныя страны на правомъ берегу рѣки. Но это послужило поводомъ для различныхъ тревожныхъ усложненій. Въ концѣ Тиверіева управленія (28 г.), Фризы отложились отъ имперіи вслѣдствіе невыносимыхъ угнетеній, которыми сопровождалось взысканіе въ сущности небольшихъ податей; они умертвили сборщиковъ податей, а тамошняго римскаго военачальника вмѣстѣ съ находившимися тамъ римскими солдатами и частными лицами осадили въ замкѣ Флевумѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ до происшедшаго въ средніе вѣка расширенія Зейдеръ-Зе находилось восточное устье Рейна, подлѣ теперешняго острова Влиланда, неподалеку отъ Текселя. Возстаніе приняло такіе размѣры, что противъ Фризовъ выступили обѣ рейнскія арміи; тѣмъ не менѣе намѣстникъ Луцій Апроній не достигъ никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Фризы прекратили осаду замка, когда римскій флотъ подвезъ туда легіоны; но этимъ легіонамъ пришлось бороться съ большими трудностями въ неровной мѣстности; многіе изъ римскихъ отрядовъ были разбиты по одиночкѣ, а римскій авангардъ потерпѣлъ такое сильное пораженіе, что даже тѣла убитыхъ остались въ рукахъ непріятеля. Дѣло не дошло до рѣшительной битвы, но и полнаго покоренія возставшихъ не было достигнуто; по мѣрѣ того, какъ Тиверій старѣлъ, онъ становился все менѣе склоннымъ къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ, которыя давали главнокомандующимъ слишкомъ большое вліяніе. Послѣдствіемъ этого было то, что въ слѣдовавшіе за тѣмъ годы Римлянъ стали сильно тревожить сосѣди Фризовъ Хавки; намѣстникъ Публій Габиній Секундъ нашелся вынужденнымъ предпринять противъ нихъ въ 41 г. экспедицію, а черезъ шесть лѣтъ послѣ того (47 г.) они, подъ предводительствомъ римскаго перебѣжчика Ганнаска, родомъ Каннинефата, далеко опустошили галльскія берега на своихъ легкихъ пиратскихъ судахъ. Гней Домицій Корбулонъ, котораго Клавдій назначилъ намѣстникомъ Нижней Германіи, двинулся съ рейнскимъ флотомъ, положилъ конецъ набѣгамъ этихъ предшественниковъ Саксовъ и Норманновъ, энергически привелъ Фризовъ въ покорность, преобразовалъ ихъ общинное устройство и поставилъ у нихъ римскій гарнизонъ. Затѣмъ онъ намѣревался наказать Хавковъ; по его требованію Ганнаскъ былъ устраненъ— онъ имѣлъ полное право такъ поступить съ перебѣжчикомъ, — и уже готовился перейти черезъ Эмсъ, чтобъ проникнуть въ страну Хавковъ, когда получилъ изъ Рима не только контръ-ордеръ, но также извѣстіе, что римское правительство вполнѣ измѣнило свое прежнее положеніе на Нижнемъ Рейнѣ. Императоръ Клавдій приказалъ намѣстнику вывести всѣ римскіе гарнизоны съ праваго берега рѣки. Понятно, что императорскій главнокомандующій съ прискорбіемъ по-

зидовалъ свободѣ полководцевъ стараго Рима; впрочемъ этимъ были доведены до конца послѣдствія пораженія Вара, до тѣхъ поръ обнаружившіяся лишь на половину. Это ограниченіе римской оккупаціи въ Германіи, невызванное никакою настоятельною необходимостью, вѣроятно было послѣдствіемъ именно въ ту пору принятаго рѣшенія занять Британію и находитъ свое оправданіе въ томъ, что войска были недостаточны для занятія обѣихъ странъ. Что приказаніе было исполнено и что тѣмъ дѣло кончилось, видно изъ того, что на всемъ правомъ берегу Нижняго Рейна не встрѣчаются римскія военныя надписи [1]). Исключеніе изъ этого общаго правила представляютъ лишь нѣкоторые пункты, въ которыхъ совершался переходъ черезъ рѣку, и нѣкоторыя ворота, изъ которыхъ дѣлались вылазки, какъ напримѣръ находившійся насупротивъ Кёльна Дёйцъ. И военная дорога идетъ тамъ по лѣвому берегу рѣки, не уклоняясь въ сторону отъ ея теченія, между тѣмъ какъ идущая позади ея общественная дорога избѣгаетъ извилинъ и идетъ по прямому направленію. О существованіи римскихъ военныхъ дорогъ на правомъ берегу Рейна не свидѣтельствуютъ ни найденные тамъ мильные камни ни какіе-либо другіе памятники.

Удаленіе гарнизоновъ не означало безусловнаго намѣренія отказаться отъ обладанія правымъ берегомъ. Съ тѣхъ поръ этотъ берегъ былъ для Римлянъ почти то же, что для коменданта крѣпости территорія, находящаяся подъ выстрѣлами его пушекъ. Каннинефаты и по меньшей мѣрѣ нѣкоторая часть Фризовъ [2]) остались по преж-

---

[1]) Нидербиберскій замокъ, находившійся неподалеку отъ впаденія Вида въ Рейнъ, равно какъ Арцбахскій замокъ, находившійся неподалеку отъ Монтабора, въ области Лана, уже принадлежатъ къ Верхней Германіи. Особая важность первой изъ этихъ крѣпостей, которая была самымъ большимъ изъ верхне-германскихъ замковъ, была основана на томъ, что она замыкала римскія оборонительныя линіи на правомъ берегу Рейна.

[2]) Это доказываютъ наборы рекрутъ [E p h. e p i g r. 5, стр. 274], между тѣмъ какъ судя по роли, которую играли Фризы въ 58 г. [Тацитъ, *Лѣт.* 13, 54], можно скорѣе полагать, что они были независимы; и старшій Плиній [Hist. Nat. 25, 3, 22], жившій при Веспасіанѣ, называетъ ихъ, по воспоминанію о временахъ Германика, g e n s t u m f i d a. Это, вѣроятно, находится въ связи съ тѣмъ, что Плиній [4, 15, 101] различаетъ F r i s i i отъ F r i s i a v o n e s, а Тацитъ [*Герм.* 34] различаетъ F r i s i i m a j o r e s отъ F r i s i i m i n o r e s. Тѣ Фризы, которые остались въ римскомъ подданствѣ, должно быть, жили болѣе къ западу, а тѣ, которые были независимы, жили болѣе къ востоку; если поселенія Фризовъ достигали Эмса [Птолемей 3, 11, 7], то тѣ изъ нихъ, которые позднѣе подчинились Римлянамъ, быть можетъ, жили нѣсколько къ западу отъ Исселя. Мѣстомъ ихъ поселенія могъ быть лишь берегъ, который до сихъ поръ носитъ ихъ имя; названіе, которое приводитъ Плиній [4, 17, 106], не имѣетъ ни съ чѣмъ никакого соотношенія и, безъ сомнѣнія, неточно.

нему въ римскомъ подданствѣ. Уже ранѣе было замѣчено, что даже въ болѣе позднюю эпоху, въ области Мюнстера паслись стада легіоновъ и Германцамъ не дозволялось тамъ селиться. Но касательно охраны тѣхъ пограничныхъ владѣній на правомъ берегу, которыя и впослѣдствіи принадлежали къ этой провинціи, правительство съ тѣхъ поръ полагалось на сѣверѣ на Каннинефатовъ и Фризовъ, а далѣе вверхъ по теченію рѣки—на незаселенныя пространства, и если положительно не запрещало Римлянамъ тамъ селиться, то во всякомъ случаѣ ихъ къ тому не поощряло. Найденный въ Альтенбергѣ (въ округѣ Мюльгейма) у рѣки Дюны камень для жертвоприношеній, принадлежавшій одному частному лицу, служитъ почти единственнымъ свидѣтельствомъ того, что въ этихъ странахъ жили Римляне. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что еслибы процвѣтаніе Кёльна не встрѣчало особыхъ препятствій, оно должно бы было распространить римскую цивилизацію на противоположномъ берегу. Римскія войска нерѣдко проникали въ эти обширныя страны и, быть можетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ поддерживали построенныя тамъ во времена Августа многочисленныя дороги или даже строили новыя; немногочисленные постоянные жители, частію принадлежавшіе къ остаткамъ стараго германскаго населенія, частію переселившіеся туда изъ римскихъ владѣній, встрѣчались тамъ точно также, какъ они встрѣчались (какъ увидимъ далѣе) въ раннюю пору имперіи на правомъ берегу Верхняго Рейна; но какъ на дорогахъ, такъ и на поземельной собственности не было отпечатка долговѣчности. Правительство не желало предпринимать тамъ такую же обширную и такую же трудную работу, какую,—какъ увидимъ впослѣдствіи,—оно исполнило въ Верхней провинціи, не желало охранять тамъ государственную границу, также какъ и въ Верхней провинціи, при помощи войскъ и укрѣпленій. Поэтому, хотя римское владычество и перешагнуло черезъ Нижній Рейнъ, но нельзя сказать, чтобъ римская культура проникла туда точно также, какъ она проникла по ту сторону Верхняго Рейна.

Положеніе Галліи и Германіи послѣ паденія Нерона. — Стоявшая на Нижнемъ Рейнѣ армія и послѣ отказа отъ обладанія правобережными странами была достаточно сильна для выполненія своей двойной задачи—держать въ повиновеніи сосѣднюю Галлію и удерживать право-бережныхъ Германцевъ отъ вторженій въ Галлію, и какъ внѣшнее, такъ и внутреннее спокойствіе вѣроятно не было бы нарушено, еслибы на положеніе тамошнихъ дѣлъ не оказали сильнаго вліянія паденіе Юліевско-Клавдіевской династіи и вызванная этимъ паденіемъ междоусобная война, походившая на войну между двумя непріятельскими арміями. Хотя возстаніе, вспыхнувшее въ странѣ Кельтовъ подъ предводительствомъ Виндекса, и было подавлено двумя

стоявшими въ Германіи арміями, но Неронъ все-таки палъ, а такъ какъ и испанская армія и стоявшая въ Римѣ императорская гвардія приготовили ему преемника, то ихъ примѣру послѣдовали и рейнскія арміи; большая часть этихъ войскъ перешла въ началѣ 69 г. черезъ Альпы для того, чтобъ рѣшить на поляхъ битвъ въ Италіи, какъ долженъ называться ея повелитель-Маркомъ или Авломъ. Въ маѣ того же года за ними послѣдовалъ въ сопровожденіи остальныхъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ отрядовъ новый императоръ Вителлій, въ пользу котораго оружіе уже рѣшило споръ. Недостатокъ въ войскахъ для рейнскихъ гарнизоновъ былъ кое-какъ пополненъ наскоро набранными въ Галліи рекрутами; но вся страна знала, что это уже не были прежніе легіоны и скоро стало ясно, что эти послѣдніе болѣе не воротятся. Если бы новый повелитель имѣлъ полную власть надъ арміей, которая возвела его на престолъ, то по меньшей мѣрѣ одна ея часть должна бы была возвратиться на Рейнъ въ апрѣлѣ, немедленно вслѣдъ за низверженіемъ Отона; но легіоны были задержаны въ Италіи еще несколько вслѣдствіе неповиновенія солдатъ, сколько вслѣдствіе вскорѣ возникшихъ новыхъ замѣшательствъ по случаю происшедшаго на востокѣ провозглашенія Веспасіана императоромъ.

Приготовленія къ возстанію.—Галлія находилась въ самомъ сильномъ возбужденіи. Возстаніе Виндекса,—какъ было ранѣе замѣчено (стр. 69),—было въ сущности направлено не противъ римскаго владычества, а противъ тогдашняго властителя; но тѣмъ не менѣе это была настоящая война между рейнскими арміями и ландштурмомъ большей части кельтскихъ волостей, съ которыми обходились какъ съ побѣжденными—грабили ихъ и всячести угнетали. Какъ были настроены умы солдатъ по отношенію къ провинціальнымъ жителямъ, видно изъ того, какъ обошлись съ волостью Гельветовъ тѣ войска, которыя проходили черезъ нее на возвратномъ пути въ Италію: вслѣдствіе того, что тамъ было сдѣлано нападеніе на курьера, отправленнаго приверженцами Вителлія въ Паннонію, внутрь волости вторгнулись съ одной стороны шедшія походомъ колонны, а съ другой стоявшіе гарнизономъ въ Ретіи Римляне; они ограбили поселенія Гельветовъ на огромномъ пространствѣ и между прочимъ теперешній Баденъ подлѣ Цюриха, выгнали изъ ихъ убѣжищъ тѣхъ, кто укрывался въ горахъ, и убивали ихъ тысячами или же продавали плѣнниковъ по праву войны. Несмотря на то, что главный городъ Авентикъ (Авеншъ подлѣ Муртена) покорился безъ сопротивленія, агитаторы арміи потребовали его срытія, а военачальникъ согласился на то, чтобъ разрѣшеніе этого вопроса было предоставлено не императору, а солдатамъ, состоявшимъ при главной квартирѣ; эти послѣдніе открыли судебное засѣданіе касательно участи

города, который спасся отъ разрушенія только благодаря перемѣнѣ, происшедшей въ ихъ расположеніи духа. Такія обиды раздражали провинціальныхъ жителей до крайности; еще прежде, чѣмъ Вителлій выѣхалъ изъ Галліи, на сцену выступилъ изъ зависѣвшей отъ Гедуевъ волости Боіевъ нѣкій Мариккъ, объявившій, что онъ богъ на землѣ и что ему предназначено возстановить свободу Кельтовъ; подъ его знамена воины стали стекаться толпами. Между тѣмъ, на ожесточеніе, возбужденное среди Кельтовъ, нельзя было вполнѣ полагаться. Уже возстаніе Виндекса самымъ яснымъ образомъ доказало полную неспособность Галловъ вырваться изъ римскихъ клещей.

Возстаніе батавскихъ вспомогательныхъ войскъ. — Цивилисъ. — Но что касается настроенія умовъ, господствовавшаго въ причисленныхъ къ Галліи германскихъ округахъ, въ теперешнихъ Нидерландахъ,—въ округахъ Батавовъ, Каниннефатовъ и Фризовъ, на обособленное положеніе которыхъ уже было ранѣе указано,—оно грозило болѣе серьезной опасностью; а вмѣстѣ съ тѣмъ крайнее раздраженіе этихъ округовъ случайно совпало съ тѣмъ, что ихъ контингенты находились въ ту пору въ Галліи. Главная масса батавскихъ войскъ, присоединенная въ числѣ 8000 человѣкъ къ 14 легіону, долгое время состояла вмѣстѣ съ этимъ легіономъ при верхнерейнской арміи, а за тѣмъ во время занятія Британіи при Клавдіѣ, была отправлена на этотъ островъ, гдѣ вспомогательный корпусъ, благодаря своей несравненной храбрости, незадолго передъ тѣмъ доставилъ Римлянамъ подъ предводительствомъ Пауллина рѣшительную побѣду; съ той поры онъ безспорно занималъ первое мѣсто между всѣми римскими военными отрядами. Именно по причинѣ этого отличія, тотъ корпусъ былъ отозванъ Нерономъ для того, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ походъ на востокъ, а между тѣмъ готовившееся въ Галліи возстаніе вызвало разрывъ между легіономъ и состоявшими при немъ вспомогательными войсками; тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которыя были преданы Нерону, поспѣшили въ Италію, а Батавы отказались слѣдовать за ними. Быть можетъ, этотъ фактъ находился въ связи съ тѣмъ, что двое самыхъ высшихъ батавскихъ офицеровъ, братья Павелъ и Цивилисъ, безъ всякаго основанія и безъ вниманія къ ихъ многолѣтней вѣрной службѣ и къ ихъ почетнымъ ранамъ, были незадолго передъ тѣмъ отданы подъ судъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, и первый изъ нихъ былъ казненъ, а второй заключенъ въ тюрьму. Послѣ Неронова паденія, которому существенно содѣйствовало отпаденіе батавскихъ когортъ, Гальба возвратилъ Цивилису свободу и отослалъ Батавовъ обратно на ихъ прежнія постоянныя квартиры въ Британію. Въ то время, какъ они остановились по

пути у Лингоновъ (въ Лангрѣ), рейнскіе легіоны отложились отъ Гальбы и провозгласили императоромъ *Вителлія*. Батавы окончательно примкнули къ этимъ легіонамъ послѣ долгихъ колебаній; Вителлій не простилъ имъ этихъ колебаній, но не осмѣлился привлечь къ отвѣтственности начальника такого сильнаго корпуса. Тогда Батавы были направлены вмѣстѣ съ нижне-германскими легіонами въ Италію и сражались съ своей обычной храбростью въ битвѣ при Бедріакѣ за Вителлія, между тѣмъ какъ ихъ старые легіонные товарищи сражались противъ нихъ въ арміи Отона. Но высокомѣріе этихъ Германцевъ раздражало ихъ римскихъ боевыхъ товарищей, хотя эти послѣдніе и отдавали справедливость ихъ храбрости; генералы также не довѣряли имъ и даже попытались раздѣлить ихъ силы путемъ особыхъ командировокъ, что́ конечно было не легко исполнимо въ такой войнѣ, въ которой солдаты командовали, а генералы повиновались, и едва не стоило жизни генералу. Послѣ побѣды, имъ было поручено эскортировать въ Британію ихъ непріязненно расположенныхъ товарищей, состоявшихъ при четырнадцатомъ легіонѣ; но такъ какъ между тѣми и другими дѣло дошло въ Туринѣ до рукопашной схватки, то эти послѣдніе отправились туда одни, а сами они отправились въ Германію. Между тѣмъ на востокѣ былъ провозглашенъ императоромъ Веспасіанъ и такъ какъ вслѣдствіе этого Вителлій приказалъ батавскимъ когортамъ идти въ Италію и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился объ усиленномъ наборѣ рекрутъ, то агенты Веспасіана вошли въ сношенія съ батавскими офицерами съ цѣлію воспрепятствовать выступленію Батавовъ и вызвать въ самой Германіи возстаніе, которое задержало-бы тамъ войска. Цивилисъ согласился на то, чего они желали. Онъ отправился на свою родину и безъ большаго труда уговорилъ какъ своихъ соотечественниковъ, такъ и жившихъ въ сосѣдствѣ Каниннефатовъ и Фризовъ. Среди Батавовъ вспыхнуло возстаніе; на находившіеся вблизи отъ нихъ оба лагеря когортъ было сдѣлано нападеніе и римскіе посты были захвачены; римскіе рекруты оказали слабое сопротивленіе; Цивилисъ вызвалъ къ себѣ свою когорту подъ тѣмъ предлогомъ, что намѣренъ употребить ее въ дѣло противъ инсургентовъ, и затѣмъ самъ открыто принялъ участіе въ возстаніи; онъ отложился отъ Вителлія вмѣстѣ съ тремя германскими волостями и потребовалъ, чтобъ къ нему присоединились остальные Батавы и Каннинефаты, именно въ ту пору готовившіеся выступить изъ Майнца въ Италію.

Все это было скорѣе солдатскимъ бунтомъ чѣмъ, возстаніемъ провинціи или чѣмъ войной съ Германцами. Такъ какъ рейнскіе легіоны въ ту пору вели борьбу съ дунайскими, а впослѣдствіи и съ дунайскими и съ евфратской арміей, то было вполнѣ послѣдовательно предоставить самостоятельное участіе въ этой борьбѣ сол-

датамъ втораго разряда и прежде всего самымъ лучшимъ войскамъ этого разряда—батавскимъ. Кто сталъ-бы сравнивать это, вспыхнувшее среди батавскихъ когортъ и лѣво-бережныхъ Германцевъ, движеніе съ возстаніемъ, вспыхнувшимъ при Августѣ среди правобережныхъ Германцевъ, тотъ не долженъ упускать изъ виду, что въ первомъ изъ этихъ возстаній алы и когорты взяли на себя роль ландштурма Херусковъ, и что состоявшій при Варѣ вѣроломный офицеръ избавилъ свою націю отъ римскаго владычества; а батавскій вождь дѣйствовалъ по уполномочію отъ Веспасіана, даже, быть можетъ, по секретнымъ указаніямъ мѣстнаго намѣстника, втайнѣ склонявшагося на сторону Веспасіана, такъ что возстаніе было прежде всего направлено только противъ Вителлія. Конечно, положеніе дѣлъ было таково, что этотъ солдатскій бунтъ могъ ежеминутно превратиться въ войну съ Германцами и притомъ крайне опасную. Тѣ же самыя римскія войска, которыя прикрывали Рейнъ отъ правобережныхъ Германцевъ, относились,—вслѣдствіе междоусобной войны,—враждебно и къ лѣво-бережнымъ Германцамъ; роли, которыя приходилось играть каждой изъ двухъ сторонъ, были такого рода, что, какъ казалось, было легче ими обмѣняться, нежели исполнить ихъ. И самъ Цивилисъ, вѣроятно, ставилъ въ зависимость отъ успѣха вопросъ о томъ, какую цѣль должно имѣть возстаніе—перемѣну-ли императора или-же изгнаніе Римлянъ изъ Галліи при помощи Германцевъ.

Составъ рейнскихъ армій.—Послѣ того, какъ намѣстникъ Нижней Германіи сдѣлался императоромъ, главное начальство надъ обѣими рейнскими арміями было ввѣрено его бывшему коллегѣ въ Верхней Германіи Гордеонію Флакку;—это былъ престарѣлый подагрикъ, у котораго не было ни энергіи ни авторитета и который сверхъ того или дѣйствительно держалъ втайнѣ сторону Веспасіана или былъ заподозрѣнъ въ такомъ вѣроломствѣ легіонами, которые были горячо преданы созданному ими самими императору. О его личности и о его положеніи даетъ ясное понятіе тотъ фактъ, что онъ, во избѣжаніе подозрѣній въ измѣнѣ, далъ приказаніе передавать всѣ правительственныя депеши нераспечатанными знаменоносцамъ и прежде всего прочитывать ихъ солдатамъ, а уже послѣ того доставлять по адресу. Изъ четырехъ легіоновъ нижней арміи, которымъ прежде всѣхъ другихъ пришлось имѣть дѣло съ мятежниками, два легіона 5-й и 15-й стояли въ главной квартирѣ, въ Ветерѣ, подъ начальствомъ легата Мунія Луперка, 16-й стоялъ въ Новезіѣ (Neuss) подъ начальствомъ Нумизія Руфа, 1-й стоялъ въ Боннѣ (Bonn) подъ начальствомъ Гереннія Галла. Изъ верхней арміи, состоявшей въ ту пору только изъ трехъ легіоновъ [1]), одинъ ле-

1) Четвертый верхне-германскій легіонъ былъ отправленъ въ 58 г. въ Малую Азію по случаю армяно-пареянской войны [Тацитъ, *Лѣт.* 13, 35].

гіонъ, именно 21-й, стоявшій на постоянныхъ квартирахъ въ Виндониссѣ, оставался въ сторонѣ отъ этихъ событій, если не былъ весь переведенъ въ Италію; два остальныхъ, 4-й македонскій и 22-й, стояли въ главной квартирѣ въ Майнцѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе и Флаккъ, а на самомъ дѣлѣ ими командовалъ даровитый помощникъ Флакка Диллій Вокула. Вообще всѣ легіоны доходили лишь до половины своего полнаго состава, а солдаты были или полуинвалиды или рекруты.

Первыя стычки.—Цивилисъ, ставъ во главѣ очень немногочисленныхъ регулярныхъ войскъ и всѣхъ дружинъ, доставленныхъ Батавами, Каниннефатами и Фризами, двинулся за предѣлы своей отчизны съ цѣлію дѣйствовать наступательно. У Рейна онъ столкнулся съ остатками выгнанныхъ изъ сѣверныхъ волостей римскихъ гарнизоновъ и съ одной частію римскаго рейнскаго флота; когда онъ напалъ на непріятеля, на его сторону перешли не только матросы, которые были большею частію Батавы, но также одна когорта Тунгровъ—это былъ первый примѣръ отпаденія галльскаго отряда; что же касается находившихся въ числѣ матросовъ Италійцевъ, то они были или перебиты или взяты въ плѣнъ.

Участіе право-бережныхъ Германцевъ въ возстаніи.—Этотъ успѣхъ наконецъ поднялъ на ноги и право-бережныхъ Германцевъ. То, чего они такъ долго и такъ тщетно ожидали—возстанія римскихъ подданныхъ на противоположномъ берегу, наконецъ совершилось и тогда устремились на бой жившіе близь побережья Хавки и Фризы, жившіе по обѣимъ сторонамъ верхняго Эмса внизъ до Липпы Бруктеры, жившіе на среднемъ Рейнѣ насупротивъ Кёльна Тенхтеры и въ менѣе значительномъ числѣ жившіе къ югу отъ этихъ послѣднихъ и въ сосѣдствѣ съ ними племена Узипетовъ, Маттіаковъ и Хаттовъ. Когда оба, стоявшіе въ Ветерѣ, слабые легіона выступили, по приказанію Флакка, противъ инсургентовъ, эти послѣдніе уже были въ состояніи вступить съ ними въ борьбу, благодаря многочисленнымъ подкрѣпленіямъ, полученнымъ съ верхняго Рейна, и сраженіе кончилось точно такъ-же, какъ и сраженіе у Рейна, пораженіемъ Римлянъ вслѣдствіе отпаденія принадлежавшей къ гарнизону Ветеры батавской конницы и вслѣдствіе дурнаго поведенія той конницы, которая состояла изъ Убіевъ и изъ Тревировъ.

Осада Ветеры.—Инсургенты, точно также, какъ и прибывавшіе къ нимъ толпами Германцы, окружили главную квартиру нижней арміи и приступили къ ея осадѣ. Во время этой осады, извѣстія о томъ, что происходило на нижнемъ Рейнѣ, дошли до остальныхъ батавскихъ когортъ, стоявшихъ подлѣ Майнца; онѣ тотчасъ дви-

нулись на сѣверъ. Вмѣсто того, чтобъ ихъ изрубить, слабохарактерный главнокомандующій не воспротивился ихъ удаленію, а когда начальникъ стоявшаго въ Боннѣ легіона попытался загородить имъ дорогу, Флаккъ не оказалъ ему содѣйствія какъ бы могъ и какъ сначала обѣщалъ. Поэтому храбрые Германцы разбили боннскій легіонъ, благополучно добрались до Цивилиса и впредь составляли самую надежную часть его арміи, въ которой съ той минуты стали развиваться знамена римскихъ когортъ рядомъ съ штандартами, носившими на себѣ изображенія звѣрей изъ священныхъ рощъ Германцевъ. Однако Батавецъ все еще дѣлалъ видъ, будто стоитъ за Веспасіана; онъ приводилъ римскія войска къ присягѣ отъ имени Веспасіана и требовалъ отъ войскъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Ветерѣ, чтобъ они вмѣстѣ съ нимъ перешли на сторону этого императора. Но римскія войска видѣли въ этомъ,—и вѣроятно вполнѣ основательно,—лишь попытку ввести ихъ въ заблужденіе и отвергли эти предложенія съ такой же рѣшимостью, съ какой отражали ходившую на приступъ непріятельскую рать, которая была скоро вынуждена въ виду превосходства римской тактики превратить осаду въ блокаду. Но такъ какъ римское военное начальство было застигнуто этими происшествіями въ расплохъ, то оказался недостатокъ въ припасахъ и скорая помощь сдѣлалась крайне необходимой. Чтобъ доставить эту помощь, Флаккъ и Вокула выступили со всѣми своими войсками изъ Майнца, по пути захватили съ собою оба легіона, стоявшіе въ Боннѣ и въ Новезіѣ, равно какъ многочисленныя вспомогательныя войска, прибывавшія по данному приказанію изъ галльскихъ волостей, и подступили къ Ветерѣ. Но вмѣсто того, чтобъ со всѣми военными силами, находившимися какъ внутри такъ и внѣ Ветеры, немедленно напасть на осаждающихъ, какъ бы ни было велико численное превосходство этихъ послѣднихъ, Вокула сталъ лагеремъ подлѣ Гельдубы (Геллепъ на Рейнѣ, неподалеку отъ Крефельда), на разстояніи одного длиннаго перехода отъ Ветеры, а Флаккъ остановился еще далѣе позади него. Эту проволочку можно объяснить только неспособностью мнимаго главнокомандующаго, постоянно усиливавшейся деморализаціей войскъ и главнымъ образомъ недовѣріемъ солдатъ къ офицерамъ, которое иногда доходило до насилій и до убійствъ. Такимъ образомъ гроза надвигалась со всѣхъ сторонъ все сильнѣе и сильнѣе. По видимому, вся Германія желала принять участіе въ войнѣ; между тѣмъ какъ оттуда постоянно прибывали къ осаждающимъ новыя подкрѣпленія, другія толпы Германцевъ переходили черезъ Рейнъ,—воды котораго стояли въ эту лѣтнюю пору чрезвычайно низко,—и проникали частію въ тылу Римлянъ въ волости Убіевъ и Тревировъ для того, чтобъ опустошать долину Мозели, частію ниже Ветеры въ область Мааса и Шельды; другія толпы появились передъ Майнцомъ и сдѣлали видъ, будто

хотятъ приступить въ его осадѣ. Тогда пришла вѣсть о происшедшей въ Италіи катастрофѣ. При извѣстіи о вторичномъ сраженіи при Бедріакѣ осенью 69 г., германскіе легіоны сочли дѣло Вителлія проиграннымъ и противъ воли присягнули Веспасіану, быть можетъ, въ той надеждѣ, что Цивилисъ, выставившій на своихъ знаменахъ имя Веспасіана, прекратитъ войну. Но толпы Германцевъ, тѣмъ временемъ разсѣявшіяся по всей сѣверной Галліи, пришли туда вовсе не для того, чтобъ поддерживать династію Флавіевъ; даже если Цивилисъ когда-либо этого желалъ, онъ теперь уже не могъ бы преслѣдовать такую цѣль. Онъ сбросилъ съ себя маску и открыто объявилъ о томъ, что конечно уже давно было всѣмъ извѣстно,—что жившіе въ сѣверной Галліи Германцы намѣреваются, при помощи своихъ вольныхъ соотечественниковъ, избавиться отъ римскаго владычества.

Снятіе осады съ Ветеры.—Но военная фортуна перешла на другую сторону. Цивилисъ попытался напасть въ расплохъ на раскинутый въ Гельдубѣ лагерь; нападеніе началось удачно и отпаденіе когортъ, состоявшихъ изъ Нервіевъ, поставило небольшую армію Вокулы въ критическое положеніе. Тогда двѣ испанскихъ когорты внезапно напали на Германцевъ съ тылу; грозившее пораженіе превратилось въ блестящую побѣду; ядро непріятельской арміи осталось на полѣ битвы. Вокула не двинулся тотчасъ на Ветеру, хотя и могъ бы это сдѣлать, но черезъ нѣсколько дней послѣ того проникъ въ осажденный городъ послѣ новой упорной борьбы съ непріятелемъ. Съѣстныхъ припасовъ онъ, конечно, туда не привезъ, а такъ какъ рѣка находилась во власти непріятеля, то пришлось доставлять эти припасы сухимъ путемъ изъ Новезія, гдѣ стоялъ лагеремъ Флаккъ. Первый транспортъ благополучно достигъ мѣста своего назначенія; но непріятель, тѣмъ временемъ снова собравшій свои силы, напалъ на провозившую провіантъ вторую колонну и принудилъ ее укрыться въ Гельдубѣ. Съ цѣлію оказать ей помощь, Вокула направился туда съ своими войсками и съ частію стараго гарнизона Ветеры. По прибытіи въ Гельдубу, войска отказались отъ возвращенія въ Ветеру, не желая подвергать себя лишеніямъ въ случаѣ новой осады, которая казалась неизбѣжной; вмѣсто того они двинулись въ Новезій, а за ними волей-неволей послѣдовалъ и Вокула, уже успѣвшій въ нѣкоторой мѣрѣ снабдить провіантомъ остатки стараго гарнизона Ветеры.

Мятежъ римскихъ войскъ.—Между тѣмъ въ Новезіѣ мятежъ дошолъ до рѣшительнаго взрыва. Солдаты узнали, что главнокомандующимъ получены суммы, назначенныя имъ въ даръ Вителліемъ, и принудили главнокомандующаго раздѣлить между ними эти суммы отъ имени Веспасіана. Лишь только это было сдѣлано, между солдатами снова поднялся

прежній ропотъ во время невоздержныхъ пирушекъ, которыя были послѣдствіемъ раздачи денегъ; они разграбили домъ главнокомандующаго, измѣннически предавшаго рейнскую армію генералу сирійскихъ легіоновъ, убили его и подвергли бы такой же участи Вокулу, если бы онъ не успѣлъ бѣжать переодѣтымъ. Затѣмъ они снова провозгласили императоромъ Вителлія, не зная, что его въ ту пору уже не было въ живыхъ. Когда въ лагерь пришло извѣстіе о смерти Вителлія, лучшія войска, а именно оба верхне-германскихъ легіона одумались; они замѣнили на своихъ знаменахъ изображенія Вителлія изображеніями Веспасіана и стали подъ главное начальство Вокулы, который отвелъ ихъ въ Майнцъ, гдѣ и провелъ остальную часть зимы 69—70 года. Цивилисъ занялъ Гельдубу и тѣмъ отрѣзалъ сообщеніе съ Ветерой, которая снова подверглась тѣсной блокадѣ; лагери въ Новезіѣ и въ Боннѣ еще оставались во власти Римлянъ.

Возстаніе въ Галліи. —До той поры галльскія страны,—за исключеніемъ немногихъ возмутившихся на сѣверѣ германскихъ волостей,—твердо стояли за Римъ. Однако, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ волостяхъ сталъ обнаруживаться духъ партій; такъ напримѣръ Батавы имѣли много приверженцевъ между Тунграми, а дурное поведеніе галльскихъ вспомогательныхъ войскъ въ теченіе всей кампаніи, конечно, было частію вызвано непріязненнымъ къ Риму настроеніемъ умовъ. Впрочемъ и между инсургентами была значительная партія, готовая поддерживать Римлянъ; одинъ знатный Батавецъ, по имени Клавдій Лабеонъ, велъ не безъ успѣха партизанскую войну противъ своихъ соотечественниковъ и на своей родинѣ и въ сосѣднихъ съ нею странахъ, а въ одномъ изъ этихъ сраженій палъ во главѣ отряда римской конницы племянникъ Цивилиса Юлій Бригантикъ. Всѣ галльскія волости немедленно исполнили приказаніе о присылкѣ подкрѣпленій; Убіи хотя и были по своему происхожденію Германцы, однако и во время этой войны не позабыли своихъ обязанностей къ Риму, и какъ они, такъ и Тревиры оказывали мужественное и успѣшное сопротивленіе вторгавшимся на ихъ территорію Германцамъ. Это было понятно. Положеніе дѣлъ въ Галліи было точно такое же, какъ во времена Цезаря и Аріовиста; освободить галльское отечество отъ римскаго владычества при помощи тѣхъ скопищъ, которыя, подъ видомъ доставки Цивилису подкрѣпленій, именно въ то время опустошали долины Мозели, Мааса и Шельды, было бы то же, что отдать всю страну въ руки ея германскихъ сосѣдей; въ этой войнѣ, развившейся изъ вражды между двумя римскими корпусами въ борьбу между Римлянами и Германцами, Галламъ въ сущности приходилось играть только побочную роль жертвъ. Всѣ предшествовавшія событія самымъ

яснымъ образомъ доказывали, что не смотря на ихъ вполнѣ основательное недовольство всей системой римскаго управленія и не смотря на разные особые поводы для жалобъ, Галлы въ большинствѣ были враждебно настроены противъ Германцевъ и что въ полуроманизированной Галліи уже не было горючаго матеріала для такихъ же быстро вспыхивавшихъ и отчаянныхъ національныхъ возстаній, какія исходили въ прежнія времена изъ среды народа. Однако, въ виду постоянныхъ неудачъ римскихъ армій, смѣлость нерасположенныхъ къ Римлянамъ Галловъ мало-по-малу увеличивалась и ихъ отпаденіе завершило катастрофу. Два знатныхъ Тревира—начальникъ тревирской конницы Юлій Классикъ и начальникъ прибрежныхъ гарнизоновъ на среднемъ Рейнѣ Юлій Туторъ, а также лингонскій уроженецъ Юлій Сабинъ, выдававшій себя за потомка незаконнорожденнаго Цезарева сына, и нѣкоторые другіе съ такими же убѣжденіями люди изъ разныхъ волостей дошли обычнымъ среди Кельтовъ путемъ до того убѣжденія, что паденіе Рима написано на звѣздахъ и предвозвѣщено всему міру пожаромъ Капитолія (дек. 69 г.).

Галльское государство.—Капитуляція Римлянъ.—Поэтому они рѣшились упраздить римское верховенство и основать галльское государство. Для достиженія этой цѣли они пошли по стопамъ Арминія. Полагаясь на ложныя донесенія этихъ римскихъ офицеровъ, Вокула согласился двинуться весною 70 года на нижній Рейнъ съ состоявшими подъ ихъ начальствомъ постоянными вспомогательными отрядами и съ частію майнцскаго гарнизона для того, чтобъ съ этими войсками и съ стоявшими въ Боннѣ и въ Новезіѣ легіонами освободить сильно тѣснимую непріятелемъ Ветеру. На пути изъ Новезія въ Ветеру, Классикъ и сговорившіеся съ нимъ офицеры покинули римскую армію и провозгласили основаніе новаго галльскаго государства. Вокула отвелъ легіоны назадъ въ Новезій; немедленно вслѣдъ за тѣмъ Классикъ сталъ лагеремъ подъ этимъ городомъ. Ветера уже не была въ состояніи долго сопротивляться; послѣ ея паденія, Римлянамъ предстояла борьба со всѣми соединенными непріятельскими силами. Въ виду этой опасности, римскія войска упали духомъ и сдались на капитуляцію тѣмъ офицерамъ, которые перешли на сторону непріятеля. Тщетно пытался Вокула заставить ихъ подчиниться требованіямъ дисциплины и чести; римскіе легіоны дозволили одному римскому перебѣжчику изъ перваго легіона умертвить храбраго главнокомандующаго по приказанію Классика и сами выдали закованными въ цѣпи остальныхъ высшихъ офицеровъ представителю галльскаго государства, который вслѣдъ за тѣмъ отобралъ отъ солдатъ присягу, что они будутъ вѣрно служить этому государству. Такая же клятва была отобрана нарушившими свою

собственную клятву офицерами отъ гарнизона Ветеры, который сдался подъ гнётомъ голода, и отъ майнцскаго гарнизона, въ которомъ лишь очень немногіе избѣгли этого позора бѣгствомъ или самоубійствомъ. Такимъ образомъ вся гордая рейнская армія, — первая между всѣми арміями имперіи, промѣняла, на глазахъ у своихъ собственныхъ вспомогательныхъ войскъ, Римъ на Галлію.

Конецъ галльскаго государства. — Это была въ одно и то-же время и трагедія и шуточная фарса. Галльское государство окончило свое существованіе такъ, какъ слѣдовало ожидать. Цивилисъ и его Германцы воспользовались тѣмъ, что раздоры въ римскомъ лагерѣ предали въ ихъ руки сначала одну часть ихъ противниковъ, а потомъ другую; но объ упроченіи новаго государства Цивилисъ не заботился, и еще менѣе заботились объ этомъ его право-бережные сообщники.

Объ этомъ нисколько не заботились и сами Галлы, — что было отчасти послѣдствіемъ той вражды между восточными округами и остальною страной, которая обнаружилась еще во время возстанія Виндекса. Тревиры и Лингоны, чьи вожаки принимали участіе въ описанномъ военномъ заговорѣ, поддерживали своихъ начальниковъ, но они остались почти въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ къ нимъ примкнули только Вангіоны и Трибоки. Когда Лингоны вторгнулись на территорію Секвановъ для того, чтобъ принудить ихъ къ участію въ возстаніи, эти послѣдніе прогнали ихъ назадъ домой. Ремы, составлявшіе самую вліятельную въ Бельгіи волость, собрали сеймъ трехъ Галлій, и хотя на этомъ сеймѣ не было недостатка въ политическихъ ораторахъ, проповѣдывавшихъ свободу, на немъ было рѣшено отговорить Тревировъ отъ возстанія. — Какое устройство было-бы дано новому государству, если-бы это государство дѣйствительно организовалось, трудно рѣшить; намъ извѣстно только то, что выдававшій себя за правнука Цезарева незаконнорожденнаго сына, Сабинъ назвался Цезаремъ и подъ этимъ титуломъ былъ разбитъ Секванами, и что напротивъ того Классикъ, которому такія претензіи были не по вкусу, присвоилъ себѣ внѣшнія отличія римской магистратуры и разыгрывалъ роль республиканскаго проконсула. Дополненіемъ къ этимъ фактамъ можетъ служить монета, которая, должно быть, была вычеканена Классикомъ или его приверженцами и на которой была изображена голова Галліи точно такъ, какъ на монетахъ римской республики изображалась голова Ромы, а рядомъ съ нею стоялъ символъ легіона съ поистинѣ дерзкой надписью: «вѣрности» (f i d e s). — Дѣйствовавшіе сообща съ возставшими Германцами, приверженцы новаго государства, конечно, были полными хозяевами вблизи отъ береговъ Рейна. Остатки обоихъ легіоновъ, сдавшихся въ Ветерѣ на капитуляцію, были изрублены

въ нарушеніе условій капитуляціи и противъ воли Цивилиса; два легіона, стоявшіе въ Новезіѣ и въ Боннѣ, были отправлены въ Триръ; всѣ римскіе прирейнскіе лагери, какъ большіе такъ и малые, за исключеніемъ Могонтіака, были сожжены. Въ самомъ худшемъ положеніи находились жители колоніи Agrippina. Основатели новаго государства удовольствовались тѣмъ, что потребовали отъ нихъ клятвы въ вѣрности; но Германцы не простили имъ того, что они были по происхожденію Убіи. Послы отъ право-бережныхъ Тенктеровъ — это было одно изъ тѣхъ племенъ, старая отчизна которыхъ была совершенно опустошена Римлянами и впослѣдствіи служила для этихъ послѣднихъ выгонами, и которые вслѣдствіе того были принуждены искать новыхъ мѣстъ для поселенія, — потребовали срытія этой столицы германскихъ вѣроотступниковъ и смертной казни всѣхъ ея гражданъ римскаго происхожденія. Это требованіе не было удовлетворено только благодаря заступничеству какъ самого Цивилиса, который былъ связанъ съ жителями колоніи Agrippina долгомъ признательности за оказанныя ему личныя услуги, такъ и жившей въ волости Бруктеровъ германской пророчицы Велледы, которая предсказала эту побѣду и авторитетъ которой признавала вся армія инсургентовъ.

Наступленіе Римлянъ. — Побѣдителямъ недолго пришлось ссориться изъ-за добычи. Правда, основатели новаго государства увѣряли, что въ Италіи вспыхнула междоусобная война, что всѣ провинціи были въ рукахъ непріятеля и что Веспасіанъ, вѣроятно, уже умеръ; но тяжелая рука Рима довольно скоро дала себя почувствовать. Новое прочно утвердившееся правительство было въ состояніи отправить на Рейнъ лучшихъ полководцевъ и многочисленные легіоны, и во всякомъ случаѣ тамъ требовалась внушительная выставка военныхъ силъ. На Аннія Галла было возложено главное начальство въ верхней провинціи, а Петиллію Церіалису — заносчивому и нерѣдко неосмотрительному, но храброму и способному генералу, — было поручено вмѣстѣ съ главнымъ командованіемъ въ нижней провинціи и веденіе военныхъ дѣйствій. Туда были отправлены, кромѣ стоявшаго въ Виндониссѣ 21 легіона, пять легіоновъ изъ Италіи, три изъ Испаніи, одинъ вмѣстѣ съ флотомъ изъ Британіи и сверхъ того одинъ отрядъ изъ арміи, стоявшей въ Ретіи. Этотъ отрядъ и 21 легіонъ прибыли на мѣсто прежде всѣхъ. Хотя основатели галльскаго государства и поговаривали о томъ, что слѣдуетъ запереть альпійскіе проходы, но ничего не сдѣлали, и вся верхне-рейнская область была открыта для наступленія вплоть до самаго Майнца. Хотя два майнцскихъ легіона, присягнувшіе галльскому государству, вначалѣ оказали сопротивленіе, но убѣдившись, что имѣютъ дѣло съ сильной римской арміей, вошли въ повиновеніе, а ихъ при-

мѣру немедленно послѣдовали Вангіоны и Трибоки. Даже Лингоны покорились безъ боя, лишь вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія снисходительно обойтись съ ихъ семидесятью тысячами, способными носить оружіе людьми [1]). То же готовы были сдѣлать и Тревиры, но имъ помѣшала ихъ знать. Лишь только стоявшіе тамъ два легіона, которые были остатками отъ нижне-рейнской арміи, узнали о приближеніи Римлянъ, они сорвали съ своихъ знаменъ доказательства галльскаго подданства и отступили въ остававшимся вѣрными Риму Медіоматрикамъ (Метцъ), гдѣ безусловно положились на милость новаго главнокомандующаго. Когда Церіалисъ прибылъ въ армію, онъ нашолъ, что значительная часть его задачи уже исполнена. Вожди инсургентовъ дѣлали крайнія усилія и по ихъ приказанію были тогда умерщвлены заложники, которые были выданы легіонами подлѣ Новезія; но въ военномъ отношеніи они были безсильны и ихъ послѣдняя политическая попытка, заключавшаяся въ томъ, что они предложили самому римскому главнокомандующему верховную власть въ галльскомъ государствѣ, была достойна начала предпріятія. Послѣ непродолжительнаго боя, Церіалисъ занялъ главный городъ Тревировъ, а вожди инсургентовъ и всѣ члены ихъ совѣта спаслись бѣгствомъ къ Германцамъ; такъ кончилось существованіе галльскаго государства.

Послѣднія усилія Цивилиса.—Болѣе серьезна была борьба съ Германцами. Цивилисъ, ставъ во главѣ всѣхъ своихъ военныхъ силъ, состоявшихъ изъ Батавовъ, изъ отрядовъ Германцевъ и изъ покинувшихъ свою родину галльскихъ инсургентовъ, напалъ въ самомъ Трирѣ на болѣе слабую римскую армію; онъ уже овладѣлъ римскимъ лагеремъ и занялъ мостъ на Мозели, но его войска, вмѣсто того, чтобъ довершить одержанную побѣду, преждевременно занялись грабежемъ; тогда Церіалисъ постарался загладить свою неосмотрительность блестящей храбростью: онъ возобновилъ бой и выгналъ Германцевъ изъ лагеря и изъ города. Другихъ важныхъ сраженій не было. Агриппинцы тотчасъ снова присоединились къ Римлянамъ и перебили жившихъ въ ихъ домахъ Германцевъ; цѣлая, стоявшая тамъ лагеремъ, германская когорта была заперта въ своемъ помѣщеніи и сожжена. Тѣхъ, кто еще держалъ въ Бельгіи сторону Германцевъ, привелъ въ покорность легіонъ, прибывшій изъ Британіи;

[1]) Frontin, Strat. 4, 3, 14. На ихъ территоріи наступавшія войска, какъ кажется, устроили стоянку для резервовъ и складочный пунктъ; по недавно найденнымъ подлѣ Mirabeau-sur-Bèze, въ 22 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Дижона, кирпичамъ можно заключить, что отряды по меньшей мѣрѣ пяти наступавшихъ легіоновъ дѣлали тамъ постройки [Hermes 19, 437].

военное положеніе дѣлъ не измѣнили ни побѣда, одержанная Каннефатами надъ тѣмъ римскимъ кораблемъ, на которомъ прибылъ изъ Британіи легіонъ, ни другіе частные успѣхи храбрыхъ германскихъ отрядовъ, ни усилія многочисленныхъ и хорошо предводимыхъ германскихъ кораблей. На развалинахъ Ветеры Цивилисъ еще оказывалъ сопротивленіе врагу; но онъ былъ вынужденъ уступить передъ удвоившимися тѣмъ временемъ силами римской арміи и наконецъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, оставилъ въ рукахъ непріятеля даже собственную отчизну. Послѣдствіемъ неудачи, по обыкновенію, были внутренніе раздоры;. Цивилисъ уже не могъ полагаться на своихъ собственныхъ подчиненныхъ; онъ сталъ искать и нашолъ отъ нихъ защиту у враговъ. Поздней осенью 70 года неровная борьба окончилась; вспомогательныя войска въ свою очередь сдались на капитуляцію легіонамъ, а жрица Велледа была отправлена плѣнницей въ Римъ.

Если мы окинемъ взоромъ всю эту войну, которая была самой необыкновенной и самой ужасной между войнами всѣхъ вѣковъ, то мы найдемъ, что едва ли когда-либо предстояла какой либо арміи такая же трудная задача, какая выпала на долю двухъ римскихъ прирейнскихъ армій въ 69 и 70 годахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эти арміи находились подъ властію то Нерона, то сената, то Гальбы, то Вителлія, то Веспасіана; онѣ были единственной опорой владычества Италіи надъ двумя могущественными націями Галловъ и Германцевъ, а между тѣмъ именно изъ рекрутъ этихъ націй вспомогательныя войска состояли почти вполнѣ, а легіоны большей частію; онѣ были лишены самыхъ лучшихъ своихъ отрядовъ, большею частію не получали жалованья, нерѣдко терпѣли голодъ и находились подъ начальствомъ въ высшей степени негодныхъ вождей, а между тѣмъ отъ нихъ требовали и внутри и внѣ такой работы, которая была выше человѣческихъ силъ. Онѣ плохо выносили эти тяжелыя испытанія. Это была не столько война между двумя арміями, похожая на другія междоусобныя войны той ужасной эпохи, сколько война солдатъ и главнымъ образомъ офицеровъ втораго разряда противъ высшихъ начальниковъ, а къ ней присоединились опасное возстаніе и вторженіе Германцевъ и случайныя незначительныя возстанія нѣкоторыхъ кельтскихъ округовъ. Въ римской военной исторіи Канны, Карры и Тевтобургскій лѣсъ составляютъ блестящія страницы по сравненію съ двойнымъ позоромъ, свидѣтелемъ котораго былъ Новезій; лишь нѣсколько отдѣльныхъ лицъ предохранили себя отъ обезчещенія; но нельзя того же сказать ни объ одномъ отрядѣ войскъ. Вызванное паденіемъ Юліевско-Клавдіевской династіи страшное потрясеніе и государственнаго и военнаго устройства, еще явственнѣе, чѣмъ въ происходившей безъ вождей битвѣ при Бедріакѣ, обнаруживается

въ описанныхъ событіяхъ на Рейнѣ, которымъ не было ничего подобнаго въ исторіи Рима ни прежде того ни послѣ.

Послѣдствія войны съ Батавами.—При огромныхъ размѣрахъ этихъ безчинствъ и при громадномъ числѣ тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ, не было возможности предать суду всѣхъ виновныхъ. Новому властителю, къ счастію лично остававшемуся въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ событій, слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ, что онъ поступилъ какъ мудрый политикъ, когда постарался позабыть о прошломъ и позаботился лишь о предотвращеніи подобныхъ возстаній на будущее время. Что самые главные виновники, какъ тѣ, которые служили въ рядахъ римскихъ войскъ, такъ и тѣ, которые служили въ рядахъ инсургентовъ, были привлечены къ отвѣтственности за свои преступленія, разумѣется само собою; о строгости уголовныхъ наказаній можно составить себѣ понятіе по тому факту, что когда одинъ изъ вождей галльскихъ инсургентовъ былъ найденъ, черезъ пять лѣтъ послѣ того, въ убѣжищѣ, гдѣ ему помогала до тѣхъ поръ укрываться его жена, то Веспасіанъ приказалъ отдать и его самого и его жену въ руки палача. Но провинившимся въ измѣнѣ легіонамъ было дозволено участвовать въ борьбѣ съ Германцами и въ нѣкоторой мѣрѣ загладить ихъ вину въ горячихъ бояхъ при Трирѣ и при Ветерѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ четыре легіона нижне-рейнской арміи и одинъ изъ двухъ верхне-рейнскихъ легіоновъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, были кассированы,—а что касается 22 легіона, то можно полагать, что его пощадили въ память къ его храброму легату. Такой же участи подверглись, вѣроятно, многія изъ батавскихъ когортъ, конный полкъ Тревировъ и, быть можетъ, многіе другіе особенно провинившіеся отряды. Еще менѣе, чѣмъ съ нарушившими присягу солдатами, можно было поступить по всей строгости законовъ съ возставшими кельтскими и германскими волостями; что римскіе легіоны потребовали не ради добычи, а ради мщенія, срытія носившей имя Августа колоніи Тревировъ, по меньшей мѣрѣ такъ же понятно, какъ и то, что Германцы желали разрушить до основанія городъ Убіевъ; но подобно тому какъ послѣдній изъ этихъ городовъ былъ спасенъ отъ разрушенія Цивилисомъ, первый изъ нихъ былъ спасенъ Веспасіаномъ. Даже прежнее положеніе лѣво-бережныхъ Германцевъ было оставлено вообще безъ измѣненій. Но по всему вѣроятію,—мы не имѣемъ на этотъ счетъ вѣрныхъ указаній,—въ наборѣ рекрутъ для вспомогательныхъ отрядовъ и въ размѣщеніи этихъ отрядовъ были сдѣланы существенныя измѣненія, уменьшавшія опасность, съ которой было связано самое существованіе вспомогательныхъ войскъ. Батавы были по прежнему освобождены отъ уплаты податей и по прежнему предпочитались для военной службы, такъ какъ вовсе не малая ихъ

часть отстаивала съ оружіемъ въ рукахъ интересы Римлянъ. Но число батавскихъ отрядовъ было значительно уменьшено, и если до той поры офицерами въ эти отряды назначались, какъ кажется въ силу признаннаго закономъ права, лишь батавскіе дворяне и такая-же привилегія нерѣдко допускалась въ пользу другихъ германскихъ и кельтскихъ отрядовъ, за то впредь офицеры алъ и когортъ выбирались преимущественно изъ того званія, изъ котораго происходилъ самъ Веспасіанъ — изъ надежнаго городскаго средняго сословія Италійцевъ и изъ провинціальныхъ городовъ, устроенныхъ по образцу италійскихъ. Съ тѣхъ поръ уже не было въ арміи офицеровъ, занимавшихъ такое-же положеніе, какое занимали въ ней Херускъ Ариминій, Батавецъ Цивилисъ и Тревиръ Классикъ. Впослѣдствіи уже не было тѣхъ замкнутыхъ отрядовъ, которые составлялись изъ рекрутъ, набранныхъ въ одной и той-же волости, и люди размѣщались, безъ вниманія къ ихъ происхожденію, по самымъ разнообразнымъ отрядамъ; это, по всему вѣроятію, былъ урокъ, извлеченный римскимъ военнымъ управленіемъ изъ этой войны. Другое, указанное тою-же войною, измѣненіе заключалось въ томъ, что до тѣхъ поръ правительство употребляло для военной службы въ Германіи вспомогательныя войска, набранныя въ германскихъ и въ сосѣднихъ волостяхъ, а впредь стало употреблять германскія вспомогательныя войска на службу преимущественно внѣ ихъ отечества, точно какъ же какъ это стали дѣлать съ далматскими и паннонскими вспомогательными войсками послѣ войны съ Батонами. Веспасіанъ былъ и дальновиденъ и опытенъ въ томъ, что̀ касалось военнаго дѣла; вѣроятно, ему должно быть въ значительной мѣрѣ поставлено въ заслугу то, что впослѣдствіи не было примѣра, чтобъ вспомогательныя войска бунтовали противъ тѣхъ легіоновъ, при которыхъ состояли.

Дальнѣйшее поведеніе подвластныхъ Риму Германцевъ на Нижнемъ Рейнѣ. — Хотя восстаніе лѣво-бережныхъ Германцевъ, благодаря случайно дошедшимъ до насъ полнымъ о немъ свѣдѣніямъ, даетъ намъ ясное понятіе о политическомъ и военномъ положеніи нижне-рейнскихъ странъ и Галліи, и потому было нами подробно описано, однако оно было вызвано не столько обусловленною положеніемъ дѣлъ необходимостью, сколько внѣшними и случайными причинами; это доказывается господствовавшимъ тамъ впослѣдствіи, по видимому, полнымъ спокойствіемъ и ничѣмъ, сколько намъ извѣстно, ненарушеннымъ status quo именно въ этой странѣ. Римскіе Германцы вполнѣ утратили въ государствѣ свою обособленность, точно такъ же какъ ее утратили римскіе Галлы; объ ихъ попыткахъ къ возстанію уже никогда болѣе не было рѣчи. Въ концѣ третьяго столѣтія нашествіе Франковъ, вторгнувшихся черезъ нижній Рейнъ въ Галлію,

распространилось и на территорію Батавовъ; но какъ Батавы, такъ и Фризы удержались на своихъ прежнихъ хотя и съузившихся мѣстахъ поселеній даже въ смутную эпоху переселенія народовъ и, сколько намъ извѣстно, оставались вѣрны даже разваливавшейся имперіи.

Свободные Германцы на нижнемъ Рейнѣ.—Если мы обратимся отъ подвластныхъ Риму Германцевъ къ жившимъ на востокѣ отъ Рейна свободнымъ Германцамъ, то мы найдемъ, что участіемъ этихъ послѣднихъ въ описанномъ возстаніи Батавовъ закончились ихъ попытки къ наступательному движенію, точно такъ-же, какъ экспедиціями Германика закончились попытки Римлянъ произвести въ этихъ странахъ въ широкихъ размѣрахъ передвиженіе государственной границы.

Бруктеры. — Изъ свободныхъ Германцевъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ римскими владѣніями находились Бруктеры, жившіе по обоимъ берегамъ средняго Эмса и въ области Эмса и Липпы; потому-то они и приняли участіе въ батавскомъ возстаніи прежде всѣхъ другихъ Германцевъ. Къ ихъ волости принадлежала дѣвственница Велледа, возбуждавшая своихъ соотечественниковъ къ войнѣ съ Римомъ и предсказывавшая имъ побѣду; ея изрѣченіе рѣшило участь города Убіевъ, къ высокой башнѣ котораго были отправлены какъ взятые въ плѣнъ сенаторы, такъ и захваченный адмиральскій корабль рейнскаго флота. На нихъ отразились послѣдствія того, что Батавы были снова побѣждены, а быть можетъ они сами пострадали отъ римскаго нашествія, такъ какъ упомянутая дѣвственница была отправлена плѣнницей въ Римъ. Ихъ могущество было сломлено какъ этой катастрофой, такъ и враждой съ сосѣдними племенами; въ царствованіе Нерона, ихъ сосѣди, при пассивномъ содѣйствіи римскаго легата, силою заставили ихъ подчиниться королю, котораго они не желали.

Херуски.—Херуски, жившіе на верхнемъ Везерѣ и составлявшіе во времена Августа и Тиверія самую вліятельную изъ средне-германскихъ волостей, рѣдко упоминаются послѣ смерти Арминія, но всегда такъ, что какъ будто они находились въ добрыхъ сношеніяхъ съ Римлянами. Когда междоусобная война, свирѣпствовавшая между ними и послѣ смерти Арминія, истребила весь ихъ княжескій родъ, они упросили римское правительство дать имъ въ повелители послѣдняго представителя этого княжескаго дома—жившаго въ Италіи Арминіева племянника Италика; прибытіе храбраго, но годнаго для своего званія болѣе по имени нежели по происхожденію князя, натурально, снова воспламенило взаимную вражду и прогнанный

своими подданными Италикъ былъ еще разъ возведенъ на свой шаткій тронъ Лангобардами. Одинъ изъ его преемниковъ, король Харіомеръ такъ горячо принялъ сторону Римлянъ во время войны Домиціана съ Хаттами, что послѣ окончанія этой войны былъ прогнанъ Хаттами, бѣжалъ къ Римлянамъ и тщетно взывалъ къ ихъ заступничеству. Эта непрерывная внутренняя и внѣшняя борьба до такой степени ослабила Херусковъ, что они съ тѣхъ поръ совершенно исчезли съ политическаго поприща.

Марсы.—Имя Марсовъ вообще совершенно исчезаетъ послѣ кампаній Германика. Благодаря обстоятельности дошедшихъ до насъ свѣдѣній, можно считать за достовѣрное, что племена, жившія далѣе на востокъ по Эльбѣ, точно такъ-же какъ и всѣ жившіе въ болѣе далекомъ разстояніи отъ римскихъ владѣній Германцы принимали такъ-же мало участія въ войнахъ, которыя велись Батавами и ихъ союзниками въ 69 и 70 годахъ, какъ мало было участіе этихъ послѣднихъ въ войнахъ, которыя велись при Августѣ и при Тиверіѣ съ Германцами. Всякій разъ, какъ впослѣдствіи упоминаются ихъ имена, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ они находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ Римлянамъ.

Лангобарды и Семноны.—О томъ, что Лангобарды возстановили на престолѣ преданнаго Римлянамъ короля Херусковъ, уже было упомянуто ранѣе. Король Семноновъ Мазуй и—что очень удивительно—вмѣстѣ съ нимъ пророчица Ганна, которая пользовалась большимъ уваженіемъ у этого, славившагося своимъ благочестіемъ, племени, посѣтили императора Домиціана въ Римѣ и были ласково приняты при его дворѣ. Въ теченіе этихъ столѣтій, въ странахъ между Везеромъ и Эльбой, вѣроятно, нерѣдко свирѣпствовали внутренніе раздоры, не разъ было сломлено могущество нѣкоторыхъ племенъ, а иныя волости мѣняли свои названія или вступали въ новые союзы; но послѣ того, какъ повсюду проникла увѣренность, что Римляне рѣшительно отложили намѣреніе завоевывать эти страны, на границахъ ихъ владѣній господствовало непрерывное спокойствіе. Даже нашествія племенъ съ дальняго востока, должно быть, не причиняли имъ въ этотъ періодъ времени серьозныхъ безпокойствъ, такъ какъ вліяніе такихъ нашествій отозвалось-бы на охранѣ римской границы и о болѣе серьозныхъ кризисахъ въ этой сферѣ до насъ непремѣнно дошли-бы какія-нибудь свѣдѣнія. Въ довершеніе всего, нижне-рейнская армія была уменьшена на половину противъ своего прежняго состава, и хотя намъ неизвѣстно, когда именно произошло это уменьшеніе, но мы знаемъ, что оно произошло въ эту эпоху. Нижне-рейнская армія, съ которой пришлось бороться Веспасіану, состояла изъ четырехъ легіоновъ; во времена Траяна она, по всему вѣроятію, состояла изъ стольких-же легіоновъ или

по меньшей мѣрѣ изъ трехъ [1]); вѣроятно уже въ царствованіе Адріана, но навѣрно въ царствованіе Марка, тамъ стояли только два легіона — 1-й Минервскій и 30-й Траяновскій.

Верхняя Германія.—Иное направленіе приняли германскія дѣла въ верхней провинціи. О принадлежавшихъ къ этой провинціи лѣвобережныхъ Германцахъ — Трибокахъ, Неметахъ и Вангіонахъ можно замѣтить съ исторической точки зрѣнія только то, что они уже издавна жили въ средѣ Кельтовъ и раздѣляли судьбы Галліи. И здѣсь главной оборонительной линіей постоянно служилъ для Римлянъ Рейнъ. Всѣ постоянные лагери легіоновъ находились во всѣ эпохи на лѣвомъ берегу Рейна; лагерь, находившійся въ Аргенторатѣ, не былъ перенесенъ на правый берегъ даже тогда, когда вся область Неккара подпала подъ власть Римлянъ. Но между тѣмъ какъ въ Нижней провинціи римское владычество на правомъ берегу Рейна съ теченіемъ времени съуживалось, наоборотъ, въ Верхней Германіи оно расширялось. Задуманное Августомъ соединеніе рейнскаго лагеря съ дунайскими посредствомъ того перенесенія государственной границы далѣе на востокъ, которое, если бы было исполнено, расширило-бы не столько Нижнюю Германію, сколько Верхнюю, никогда не было вполнѣ отложено въ сторону въ этомъ военномъ округѣ и впослѣдствіи приводилось въ исполненіе, хотя и въ болѣе скромномъ размѣрѣ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія не даютъ намъ возможности описать въ ихъ взаимной связи всѣ мѣры, которыя принимались съ этою цѣлію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій,—дороги и стѣны, которыя для этого строились, и войны, которыя для этого предпринимались; даже находящіяся до настоящаго времени на лицо обширныя военныя сооруженія, которыя воздвига-

---

[1]) При легатѣ Кв. Акутіѣ Нервѣ, вѣроятно томъ самомъ, который былъ консуломъ 100 года и послѣ этого года также управлялъ Нижней Германіей, въ этой провинціи стояли—судя по брольскимъ надписямъ [B r a m b a c h 660. 662. 679. 680]—четыре легіона: I-й M i n e r v i a, VI-й v i c t r i x, X-й g e m i n a, XXII-й p r i m i g e n i a. Такъ какъ на каждой изъ этихъ надписей названы только два или три легіона, то оккупаціонная армія, быть можетъ, состояла въ то время только изъ трехъ легіоновъ, между тѣмъ какъ въ бытность Акутія намѣстникомъ 1-й легіонъ, называвшійся M i n e r v i a, замѣнилъ отправленный въ другое мѣсто XXII-й легіонъ, называвшійся p r i m i g e n i a. Но такъ какъ не всегда всѣ легіоны принимали участіе въ командировкахъ въ каменноломни подлѣ Броля, то гораздо болѣе правдоподобно, что всѣ вышеупомянутые четыре легіона одновременно стояли гарнизонами въ Нижней Германіи. Это вѣроятно были тѣ самые четыре легіона, которые во время преобразованія германскихъ армій Веспасіаномъ, были приведены въ Нижнюю Германію [стр. 139, прим. 1], только съ той разницей, что 1-й M i n e r v i a былъ поставленъ Домиціаномъ вмѣсто 21-го, который, по всему вѣроятію, былъ распущенъ этимъ императоромъ,

лись въ теченіе многихъ столѣтій и возникновеніе которыхъ тѣсно связано съ исторіей упомянутыхъ предпріятій, не изслѣдованы опытными глазами военныхъ людей въ своей цѣлости такъ, какъ могли-бы быть изслѣдованы—и надежда, что объединенная Германія соединится и для изученія этого самаго древняго изъ своихъ историческихъ памятниковъ, не осуществилась. Мы попытаемся изложить здѣсь все, что сдѣлалось извѣстнымъ по этому предмету изъ остатковъ римскихъ лѣтописей или изъ развалинъ римскихъ замковъ.

Могонтіакъ.—На правомъ берегу Рейна, неподалеку отъ лежащей у сѣверныхъ границъ провинціи частію плоской, частію холмистой нижне-рейнской области тянется въ направленіи отъ востока къ западу цѣпь Таунуса, примыкающая насупротивъ Бингена къ Рейну. Параллельно съ этой горной цѣпью тянется окаймляемая съ противоположной стороны выступами Оденвальда плоская равнина нижняго Майна; это—настоящія ворота для входа внутрь Германіи; надъ ними господствуетъ по своему положенію у впаденія Майна въ Рейнъ Могонтіакъ или Майнцъ, который со временъ Друза до упадка римскаго владычества служилъ исходнымъ пунктомъ для нападавшихъ изъ Галліи на Германію [1]) Римлянъ подобно тому, какъ въ настоящее время онъ служитъ для Германіи настоящей задвижкой со стороны Франціи. Даже послѣ того, какъ Римляне вообще отказались отъ владычества надъ зарейнскими странами, они удержали въ своей власти не только главное мостовое укрѣпленіе на противоположномъ берегу—castellum Mogontiacense (Castel), но и вышеупомянутую майнскую равнину, а на этомъ пространствѣ должна была прочно утвердиться и римская цивилизація. Эта мѣстность первоначально принадлежала Хаттамъ и даже во время римскаго владычества тамъ еще жило хаттское племя — Маттіаки; но послѣ того, какъ Хатты были вынуждены уступить эту область Друзу, она оставалась составною частію римскаго государства. Теплыми источниками, находившимися вблизи отъ Майнца (aquae Mattiacae, Визбаденъ), Римляне,—какъ это ясно доказано, — пользовались во времена Веспасіана и безъ сомнѣнія еще гораздо ранѣе; при Клавдіѣ тамъ добывали серебро; Маттіаки, подобно другимъ подвластнымъ округамъ, уже давно доставляли отряды для римской арміи. Во всеобщемъ возстаніи Германцевъ подъ предводительствомъ Цивилиса они принимали участіе; но послѣ того, какъ Римляне одержали верхъ, прежнія отношенія были возстановлены. Съ

---

[1]) Прекрасныя изслѣдованія Цангемейстера [Westdeutsche Zeitschrift 3, 307 и сл.] ясно доказали, что военная дорога на лѣвомъ берегу Рейна отъ Майнца до границы верхне-германской провинціи уже была проведена при Клавдіѣ.

конца втораго столѣтія мы находимъ въ общинѣ жившихъ вблизи отъ Таунуса Маттіаковъ управленіе, организованное по римскому образцу [1]).

Хатты.—Хотя Хатты также были оттѣснены отъ береговъ Рейна, они впослѣдствіи являются самымъ могущественнымъ изъ тѣхъ жившихъ внутри Германіи племенъ, которымъ приходилось сталкиваться съ Римлянами; руководящая роль, которую играли при Августѣ и при Тиверіѣ жившіе на среднемъ Везерѣ Херуски, перешла къ ихъ одноплеменникамъ—Хаттамъ, которые были ихъ южными сосѣдями и съ которыми они постоянно враждовали. Всѣ дошедшія до нашего свѣдѣнія войны между Римлянами и Германцами, происходившія въ промежуткѣ времени между смертію Арминія и начавшимся въ концѣ третьяго столѣтія переселеніемъ народовъ, велись противъ Хаттовъ; такъ напримѣръ въ 41 году, въ царствованіе Клавдія, съ ними велъ войну бывшій впослѣдствіи императоромъ Гальба, а въ 50 году, въ царствованіе того же императора, славившійся въ качествѣ поэта Публій Помпоній Секундъ. Это были обычные пограничные набѣги, а въ великой батавской войнѣ Хатты хотя и участвовали, но только стороною (стр. 115). Но въ походѣ, который былъ предпринятъ императоромъ Доминіаномъ въ 83 г., нападающими были Римляне и хотя эта война не привела къ блестящимъ побѣдамъ, она привела къ значительному и богатому послѣдствіями передвиженію римской границы [2]). Тогда пограничная линія была прове-

[1]) Полное названіе этой общины — c[ivitas] M[attiacorum] Ta[unensium] встрѣчается въ надписи на замкѣ [Brambach 1330]; оно чаще встрѣчается въ формѣ civitas Mattiacorum или civitas Taunensium вмѣстѣ съ именами дуумвировъ, эдиловъ, декуріоновъ, жрецовъ, севировъ; своеобразны и знаменательны для пограничнаго города hastiferi civitatis Mattiacorum [Brambach 1336], подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть городскую милицію. Самый древній изъ носящихъ на себѣ указаніе времени документовъ этой общины относится къ 198 году [Brambach 956].

[2]) Свѣдѣнія объ этой войнѣ утрачены; но ея время и мѣсто могутъ быть опредѣлены съ точностью. Такъ какъ монеты даютъ Домиціану титулъ *Германика* съ начала 84 года [Eckhel 6, 378. 397], то отсюда слѣдуетъ заключить, что кампанія была предпринята въ 83 году. Съ этимъ согласуются происшедшіе именно въ этомъ году наборъ рекрутъ у Узипетовъ и ихъ отчаянная попытка спастись бѣгствомъ [Тацитъ, *Агр.* 28; сравн. Martialis 6, 60]. Это была наступательная война [Светон. *Дом.* 6: expeditio sponte suscepta; Зонара 11, 19: λεηλατήσας τινὰ τῶν πέραν Ῥήνου τῶν ἐνσπόνδων]. Перенесеніе линіи военныхъ постовъ доказано Фронтиномъ, который самъ участвовалъ въ походѣ. Strat. 2, 11, 7: cum in finibus Cubiorum [это названіе неизвѣстно и вѣроятно извращено] castella poneret и 1, 3, 10: limitibus per CXX m. p. actis; эти слова находятся въ непосредственной связи съ военными операціями, къ тому-же даже не отдѣлены отъ описанія

дена тамъ, гдѣ мы находимъ ее съ той поры, и между тѣмъ какъ ея сѣверная часть была проведена недалеко отъ Рейна, южнѣе внутрь ея были включены большая часть Таунуса и область Майна до мѣстности, лежащей выше Фридберга. Узипеты, которые, послѣ ранѣе упомянутаго изгнанія ихъ изъ области Липпы незадолго до временъ Веспасіана, появились вблизи отъ Майнца и вѣроятно нашли новыя мѣста для поселеній на Кинцигѣ или въ области Фульды, были въ ту пору включены въ составъ римскаго государства вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе мелкими, отдѣлившимися отъ Хаттовъ племенами. Когда верхне-германская армія возстала въ 88 году противъ Домиціана подъ начальствомъ намѣстника Луція Антонія Сатурнина, война едва не возобновилась; отпавшія отъ императора войска стали дѣйствовать сообща съ Хаттами [1]) и только благодаря тому, что растаявшій на Рейнѣ ледъ прервалъ сообщенія, оставшіеся вѣрными полки могли справиться съ бунтовщиками, прежде нежели успѣли прибыть къ этимъ послѣднимъ подкрѣпленія. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, римское владычество простиралось отъ Майнца внутрь страны на 80 лигъ и стало быть за-

войны съ Хаттами и не могутъ быть отнесены къ давно находившимся во власти Римлянъ agri decumates. И размѣръ 177 километровъ весьма возможенъ для военной линіи, которую Домиціанъ провелъ у Таунуса [по мнѣнію Когаузена, стр. 8, позднѣйшій лимъ шолъ отъ Рейна вокругъ Таунуса до Майна на протяженіи $237^1/_2$ кил.], но слишкомъ малъ, чтобъ могъ относиться къ соединительной линіи оттуда до Регенсбурга.

[1]) Германцами, о которыхъ говоритъ Светоній [Dom. 6], могли быть только Хатты и ихъ прежніе союзники, и можетъ быть также Узипеты и тѣ, кого постигла одинакая съ Узипетами участь. Возстаніе вспыхнуло въ Майнцѣ, который одинъ служилъ лагеремъ для двухъ легіоновъ. Войска Л. Аппія Максима Норбана напали на Сатурнина изъ Ретіи. Иначе нельзя объяснить эпиграмму Марціала [9, 84] тѣмъ болѣе потому, что принадлежавшій къ сенаторскому званію побѣдитель не могъ быть начальникомъ всѣхъ войскъ въ Ретіи и въ Винделикіи и могъ проникнуть въ эту мѣстность только по случаю войны; выраженіе sacrilegi furores также ясно указываетъ на возстаніе. Найденныя въ провинціяхъ верхне-германской и аквитанской кирпичи того-же Аппія не дозволяютъ считать его, какъ предполагаетъ Асбахъ [Westdeutsche Zeitschrift 3, 9], за легата лугдунской провинціи, а должны быть отнесены къ періоду времени, слѣдовавшему за пораженіемъ Антонія [Hermes 19, 438]. Остается нерѣшеннымъ, гдѣ именно происходило сраженіе; всего скорѣе можно полагать, что оно происходило въ окрестностяхъ Виндониссы, до которой могъ дойти Сатурнинъ навстрѣчу къ Норбану. Еслибы Норбанъ впервые настигъ мятежниковъ близъ Майнца,—что само по себѣ казалось-бы возможнымъ,—то это значило-бы, что въ рукахъ этихъ послѣднихъ находился переходъ черезъ Рейнъ, а въ такомъ случаѣ прибытію подкрѣпленій отъ Германцев не могло-бы препятствовать вскрытіе Рейна.

ходило далѣе Фульды [1]); а эти свѣдѣнія могутъ считаться правдоподобными въ виду того соображенія, что военная пограничная линія,—впрочемъ, по видимому, не заходившая далеко за Фридбергъ,—и здѣсь находилась внутри границы римскихъ владѣній.

Область Неккара.—Но не одна только долина нижняго Майна, лежащая за Майнцомъ, была включена внутрь военной пограничной линіи; въ юго-западной Германіи граница была отодвинута еще далѣе. Область Неккара,—которая когда-то была захвачена кельтскими Гельветами, потомъ долгое время была спорной пограничной территоріей между ними и надвигавшимися Германцами и вслѣдствіе того получила названіе гельветской пустыни, а впослѣдствіи была, быть можетъ, только частію занята Маркоманами. до удаленія ихъ въ Богемію (стр. 20),—получила, при происходившемъ послѣ пораженія Вара регулированіи германскихъ границъ, одинакое устройство съ большею частію римскихъ владѣній на правомъ берегу нижняго Рейна. Уже въ ту пору, какъ кажется, была проведена такая пограничная линія, внутри которой не дозволялось селиться Германцамъ. Тогда въ этой плодородной, но плохо защищенной

---

[1]) Отрывочное свѣдѣніе объ этомъ помѣщено вслѣдъ за перечисленіемъ составныхъ частей веронской провинціи [Notitia dignitatum ed. Seeck стр. 253]: nomina civitatum trans Renum fluvium quae sunt: Usiphorum [правильнѣе Usiporum]—Tuvanium [правильнѣе Tubantum]—Nictrensium—Novarii—Casuariorum: istae omnes civitates trans Renum in formulam Belgicae primae redactae trans castellum Montiacese: nam LXXX leugas trans Renum Romani possederunt. Istae civitates sub Gallieno imperatore a barbaris occupatae sunt. Что Узипеты впослѣдствіи жили въ этой странѣ, подтверждаетъ Тацитъ [*Ист.* 4, 37. *Герм.* 32]; что они входили въ 83 г. въ составъ имперіи, но быть можетъ были покорены незадолго передъ тѣмъ, видно изъ разсказа *Агр.* 28. По словамъ Птолемея [2. 11, 11], Тубанты и Хазуаріи жили неподалеку отъ Хаттовъ и потому вѣроятно, что они раздѣлили судьбу Узипетовъ. Вѣрное объясненіе двухъ другихъ извращенныхъ названій до сихъ поръ не отыскано; быть можетъ это были Тенктеры или нѣкоторыя изъ тѣхъ мелкихъ племенъ, о которыхъ упоминаетъ рядомъ съ Тенктерами одинъ Птоломей 2, 11, 6. Въ Notitia названіе Бельгіи употребляется въ его первоначальной формѣ, такъ какъ провинція была впервые раздѣлена Діоклетіаномъ,—и это было уже потому основательно, что обѣ Германіи принадлежали по своему географическому положенію къ Бельгіи.—Предполагаемое протяженіе ведетъ,—если слѣдовать по долинѣ Кинцига къ сѣверо-востоку,—за Фульду почти до Герсфельда. И надписи находились здѣсь по направленію къ востоку далеко за Рейномъ до самаго Веттерау; Фридбергъ и Буцбахъ были сильно укрѣпленныя военныя позиціи; въ Альтенштадтѣ, между Фридбергомъ и Бюдингеномъ, найдена надпись 242 года [C. I. Rh. 1410], указывающая на охрану границы [collegium iuventutis].

странѣ, носившей въ ту пору названіе страны Декуматовъ, стали селиться одинокіе, большею частію, галльскіе пришельцы, которымъ почти нечего было терять [1]). За этимъ частнымъ занятіемъ страны, по всему вѣроятію, не находившимъ поощренія со стороны правительства, послѣдовало ея формальное заселеніе, вѣроятно состоявшееся при Веспасіанѣ. Такъ какъ уже около 74 года было проведено изъ Страсбурга шоссе на правомъ берегу Рейна по меньшей мѣрѣ до Оффенбурга [2]), то слѣдуетъ полагать, что около того времени были тамъ приняты для защиты границъ болѣе серьозныя мѣры, чѣмъ одно простое воспрещеніе германскихъ поселеній. Дѣло, начатое отцемъ, было доведено до конца сыновьями. Даже вѣроятно, что «алтарь Флавіевъ» [3]), сооруженный или Веспасіаномъ, или Титомъ, или Домиціаномъ у устьевъ Неккара, неподалеку отъ теперешняго Роттвейля (объ этомъ поселеніи мы ничего не знаемъ кромѣ его названія), былъ предназначенъ служить такимъ-же центромъ для лежавшей на правомъ берегу Рейна новой Верхней Германіи, какимъ въ болѣе раннюю пору долженъ былъ служить алтарь Убіевъ для всей Германіи и какимъ вскорѣ послѣ того служилъ алтарь Сармизегетузы для вновь завоеванной Дакіи. Первоначальное устройство описанной нами далѣе пограничной обороны, благодаря которой долина Неккара была включена внутрь римскихъ линій, было также дѣломъ Флавіевъ и главнымъ образомъ Домиціана [4]).

---

[1]) Неизвѣстно въ точности, что̀ означаетъ встрѣчающееся только у Тацита [*Герм.* 29] названіе a g r i d e c u m a t e s [такъ какъ это послѣднее слово относится къ слову a g r i]; весьма возможно, что въ раннюю пору имперіи земли, считавшіяся собственностью государства или даже собственностью императора, предоставлялись, подобно старому a g e r o c c u p a t o r i u s временъ республики, въ пользованіе перваго, кто на нихъ поселится съ условіемъ уплаты десятины; но, что касается формы этого выраженія, не доказано, что d e c u m a s значитъ „обязанный уплачивать десятину;“ сверхъ того намъ неизвѣстно, чтобъ во времена имперіи существовали какія-либо постановленія этого рода. Впрочемъ не слѣдуетъ опускать изъ виду того, что описаніе Тацита относится ко времени, предшествовавшему проведенію пограничной линіи черезъ область Неккара; къ позднѣйшей эпохѣ оно такъ же мало примѣнимо, какъ и названіе, которое хотя и несовершенно ясно, но безъ сомнѣнія находилось въ связи съ прежними правовыми отношеніями.

[2]) Это доказалъ Цангемейстеръ [W e s t d e u t s c h e Z e i t s c h r i f t 3, стр. 246].

[3]) Тотъ фактъ, что здѣсь было посвящено много алтарей, а между тѣмъ упоминается только объ одномъ изъ такихъ центральныхъ святилищъ, слѣдуетъ, быть можетъ, объяснять тѣмъ, что культъ Ромы былъ вытѣсненъ культомъ императоровъ. Если же вначалѣ, какъ кажется правдоподобнымъ, и было воздвигнуто нѣсколько алтарей, то одинъ изъ императорскихъ сыновей изъ рода Флавіевъ, должно быть, воздвигалъ алтари какъ тому или другому изъ умершихъ императоровъ изъ рода Флавіевъ, такъ и своему собственному генію.

[4]) Что перенесеніе границы произошло незадолго передъ тѣмъ, какъ Тацитъ

который такимъ способомъ продолжалъ то, что было начато у подножія Тауиуса. Право-бережная военная дорога, которая вела отъ Могонтіака черезъ Гейдельбергъ и Баденъ въ направленіи къ Оффенбургу и сооруженіе которой было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого включенія области Неккара въ составъ римскихъ владѣній, была проведена, — какъ намъ теперь положительно извѣстно [1]), — въ 100 году Траяномъ и составляла часть возстановленнаго тѣмъ-же императоромъ прямаго сообщенія Галліи съ Дунайской линіей. При этихъ работахъ употреблялись въ дѣло солдаты, но едва-ли употреблялось въ дѣло оружіе; въ области Неккара не было германскихъ племенъ, а небольшой клочокъ земли на лѣвомъ берегу Дуная, включенный по этому случаю внутрь пограничной линіи, едва-ли могъ стоить серьозной борьбы. Самое значительное изъ жившихъ по близости оттуда германскихъ племенъ — Гермундуры были дружелюбнѣе всѣхъ другихъ расположены къ Римлянамъ и вели съ этими послѣдними оживленную торговлю въ городѣ Винделиковъ Августѣ; что расширеніе римской границы не встрѣтило съ ихъ стороны никакого сопротивленія, будетъ ясно видно изъ дальнѣйшихъ подробностей. Впослѣдствіи, въ царствованіе Адріана, Пія и Марка, этимъ военнымъ мѣропріятіямъ были даны еще болѣе широкіе размѣры.

Верхне-германско-ретійскій лимъ. — Охрану границы между Рейномъ и Дунаемъ въ томъ видѣ, какъ она въ основныхъ своихъ чертахъ бо́льшею частію существуетъ и до настоящаго времени, мы не можемъ описать съ самой минуты ея возникновенія, но мы въ состояніи указать не только ея организацію, но и ея цѣль. Эта организація была по своему существу и по своей цѣли не одинакова въ Верхней Германіи и въ Ретіи. Верхне-германская пограничная оборонительная линія, имѣвшая въ длину 250 римскихъ миль (368 кил. [2]), начинается непосредственно у сѣверной границы провинціи, обнимаетъ, какъ уже было замѣчено, Таунусъ и Майнскую равнину до окрестностей Фридберга и поворачиваетъ оттуда на югъ къ Майну, котораго достигаетъ подлѣ Гросскротценбурга,

---

писалъ въ 98 г. свое сочиненіе о Германіи, видно изъ словъ этого писателя, а то, что виновникомъ этого перенесенія границы былъ Домиціанъ, видно также изъ того, что Тацитъ его не называетъ.

[1]) И это достовѣрно доказано Цангемейстеромъ [Westdeutsche Zeitschrift 3, 237 и сл.]

[2]) Этотъ размѣръ относится къ линіи за́мковъ отъ Рейнброля до Лорха [Cohausen, der röm. Grenzwall, стр. 7 и сл.]. Для длины земляного вала слѣдуетъ вычесть длину Майна отъ Мильтенберга до Гросскротценбурга. При болѣе древней линіи Неккара земляной валъ былъ гораздо менѣе длиненъ, такъ какъ тогда мѣсто вала отъ Мильтенберга до Лорха заступалъ гораздо менѣе длинный валъ Оденвальда отъ Вёрта до Вимпфена.

выше Ганау. Направляясь оттуда вдоль Майна до Вёрта, она поворачиваетъ отъ Верта въ направленіи къ Неккару, котораго достигаетъ немного ниже Вимпфена и уже болѣе не покидаетъ. Впослѣдствіи выше южной половины этой пограничной линіи была проведена вторая линія, которая шла вдоль Майна и черезъ Вёртъ до Мильтенберга, а оттуда достигала почти въ прямолинейномъ направленіи Лорха между Штутгардомъ и Ааленомъ. Въ этомъ пунктѣ къ верхне-германской оборонительной линіи примыкаетъ ретійская пограничная оборонительная линія, длина которой простиралась только на 120 миль (174 кил.); она начинается отъ Дуная подлѣ Кельгейма, выше Регенсбурга, и идетъ оттуда изгибомъ, два раза переходя черезъ Алтмюль, къ западу также до Лорха.—Верхне-германскій лимъ состоитъ изъ ряда зàмковъ, которые отдалены одинъ отъ другаго по большей мѣрѣ на полъ дня пути (15 кил.). Гдѣ коммуникаціонныя линіи между зàмками не охранялись Майномъ или Неккаромъ, тамъ были сдѣланы искуственныя загражденія, которыя состояли сначала, быть можетъ, изъ простыхъ засѣкъ [1]), а впослѣдствіи изъ длиннаго не очень высокаго вала съ выкопанными внѣ его рвами и съ построенными позади его на небольшомъ разстояніи одна отъ другой сторожевыми башнями [2]).

---

1) Если правдоподобное предположеніе, что Адріанъ загораживалъ отъ варваровъ имперскія пограничныя дороги [стр. 106], относится между прочимъ къ верхне-германской пограничной линіи и даже, быть можетъ, предпочтительно къ ней, то отсюда слѣдуетъ заключить, что валъ, остатки котораго сохранились до сихъ поръ, не былъ его созданіемъ; все равно были-ли воздвигнуты на этомъ валу палисады, или нѣтъ, никакой разсказъ не сталъ-бы упоминать о палисадахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умалчивать о возведеніи вала. О томъ, что Адріанъ приводилъ во всей имперіи въ порядокъ охрану границъ, говоритъ Діонъ 69, 9.—Выраженіе Pfahl или Pfahlgraben [палисадъ изъ кольевъ] не можетъ быть римскаго происхожденія; на языкѣ Римлянъ, тѣ колья, которыя втыкались въ лагерный валъ и составляли цѣпь палисадовъ, назывались не pali, а valli или sudes, а самый валъ никогда не назывался иначе, какъ vallum. Если-же у Германцевъ, какъ кажется, дѣйствительно употреблялось по всей линіи выраженіе, происходившее отъ палисадъ, то оно, конечно, было германскаго происхожденія и вело свое начало съ того времени, когда этотъ валъ представлялся ихъ взорамъ во всей своей цѣльности и во всемъ своемъ величіи. Имѣетъ-ли съ этимъ какую-либо связь „страна“ Паласъ, о которой упоминаетъ Амміанъ [18, 2, 15], сомнительно.

2) Въ одной изъ такихъ башенъ, недавно открытой между зàмками Шлоссау и Гессельбахомъ, въ 1700 метрахъ отъ перваго изъ нихъ и въ 4—5 килом. отъ втораго, найдена надпись [Korrespondenzblatt der Westdeutschen Zeitschrift I. іюль 1884), которая была сдѣлана построившими башню войсками, а именно отрядомъ 1 когорты Секвановъ и Равриковъ подъ начальствомъ центуріона изъ 22 легіона; эта надпись сдѣлана изъ признательности ob burgum explic [itum]. Стало быть эти башни были burgi.

зàмки не были построены на валу, а находились непосредственно позади его на разстоянiи болѣе полу-килoметра.—Ретiйская пограничная оборонительная линiя была загорожена просто наваленными кучами камня; тамъ не было ни рвовъ, ни сторожевыхъ башень, а зàмки, построенные позади лима безъ всякаго правильнаго размѣщенiя и на неравныхъ разстоянiяхъ одинъ отъ другаго (не ближе 4 или 5 километровъ одинъ отъ другаго), не находились въ непосредственной связи съ загороженной линiей. Мы не имѣемъ положительныхъ указанiй о томъ, когда именно возводились эти сооруженiя; доказано лишь то, что верхне-германская пограничная линiя по Неккару существовала при Пiѣ [1]), а впослѣдствiи проведенная выше ея линiя отъ Мильтенберга до Лорха существовала при Маркѣ [2]). Эти линiи, будучи столь отличными одна отъ другой въ другихъ отношенiяхъ, походили одна на другую тѣмъ, какъ загораживалась граница; если же на одной изъ нихъ предпочитали земляныя насыпи, которыя большею частiю сами собою образовали ровъ, а на другой предпочитали наваливанiе камня, то это, по всему вѣроятiю, происходило отъ разнородностей почвы и строительныхъ матерiаловъ. Далѣе онѣ походили одна на другую тѣмъ, что ни та ни другая не была проведена для совокупной защиты границъ. Не только то препятствiе, которое противупоставлялось непрiятелю посредствомъ земляныхъ насыпей и наваленныхъ камней, было само по себѣ незначительно, но сверхъ того на линiи повсюду встрѣчаются господствующiя надъ нею высоты, лежащiя позади ея болота, загораживающiя видъ вдаль препятствiя и другiя подобныя имъ явныя доказательства того, что при проведенiи этихъ линiй вообще не имѣлось въ виду военныхъ цѣлей. Каждый изъ зàмковъ, натурально, былъ построенъ такъ, чтобъ можно было въ немъ обороняться, но они не были соединены между собою шоссированными дорогами; поэтому гарнизонъ каждаго изъ нихъ расчитывалъ не на содѣйствiе со стороны гарнизоновъ, находившихся въ сосѣднихъ

---

1) Самымъ древнимъ и носящимъ указанiе времени доказательствомъ этого факта служатъ двѣ надписи гарнизона, стоявшаго въ Бѣкингенѣ, напротивъ Гейльбронна, на лѣвомъ берегу Неккара; онѣ относятся къ 148 году [Brambach C. I. Rh. 1583, 1590.]

2) Самымъ древнимъ и носящимъ указанiе времени доказательствомъ существованiя этой линiи служитъ надпись въ vicus Aurelii [Oehringen] отъ 169 года [Brambach C. I. Rh. 1558]; хотя она и имѣетъ частный характеръ, но, конечно, не была сдѣлана прежде сооруженiя этого зàмка, принадлежащаго къ линiи Мильтенбергъ—Лорхъ; нѣсколько новѣе надпись на принадлежащемъ къ той-же линiи Ягстгаузенѣ отъ 179 г. [C. I. Rh. 1618.] И названiе vicus Aurelii, должно быть, происходило отъ Марка, а не отъ Каракаллы, хотя и доказано, что этотъ послѣднiй строилъ въ тѣхъ мѣстахъ много зàмковъ и называлъ ихъ своимъ именемъ [Дiонъ, 77, 13.]

замкахъ, а на какое-нибудь убѣжище, къ которому вела постоянно охраняемая имъ дорога. Кромѣ того, содержаніе этихъ гарнизоновъ не входило въ какую-либо систему пограничной охраны, и для нихъ не были выбраны самые выгодные въ стратегическомъ отношеніи укрѣпленные пункты, да и чрезмѣрная длина пограничной линіи по сравненію съ числомъ разставленныхъ на ней войскъ устраняла всякую возможность совокупныхъ оборонительныхъ дѣйствій [1]).

---

[1]) Относительно размѣщенія верхне-германской арміи хотя и нѣтъ вполнѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній, но нѣтъ недостатка въ нѣкоторыхъ указаніяхъ. Есть доказательства того, что изъ двухъ находившихся въ Верхней Германіи главныхъ квартиръ та, которая находилась въ Страсбургѣ, была,—послѣ проведенія пограничной линіи вдоль Неккара, — занята незначительнымъ гарнизономъ и, по всему вѣроятію, была не столько военнымъ, сколько административнымъ центромъ [Westdeutsches Correspondenzblatt 1884, стр. 132.] Напротивъ того, на содержаніе гарнизона въ Майнцѣ всегда употреблялась значительная часть всѣхъ военныхъ силъ, тѣмъ болѣе потому, что этотъ гарнизонъ былъ, по всему вѣроятію, единственнымъ большимъ сосредоточеннымъ въ одномъ мѣстѣ отрядомъ войскъ во всей Верхней Германіи. Остальныя войска были размѣщены частію на лимахъ въ замкахъ, которые, по мнѣнію Когаузена [Röm. Grenzwall, стр. 335], находились одинъ отъ другаго, круглымъ счетомъ, на разстояніи 8 километровъ и стало быть всѣ вмѣстѣ доходили числомъ до 50, частію во внутреннихъ замкахъ, въ особенности на линіи Оденвальда отъ Гундельзгейма до Вёрта; что по меньшей мѣрѣ эти послѣдніе замки частію были заняты войсками и послѣ проведенія внѣшняго лима, по меньшей мѣрѣ вѣроятно. При неравныхъ размѣрахъ тѣхъ замковъ, величина которыхъ можетъ быть измѣрена въ настоящее время, трудно рѣшить, какое число войскъ нужно было для ихъ обороны. Когаузенъ [стр. 340] полагаетъ, что для замка средней величины требовалось со включеніемъ резерва 720 человѣкъ. Такъ какъ въ обыкновенной когортѣ какъ легіоновъ, такъ и вспомогательныхъ войскъ, считалось 500 человѣкъ, а при постройкѣ замковъ необходимо должны были принимать въ соображеніе именно эту цифру, то по меньшей мѣрѣ этимъ-же числомъ слѣдуетъ опредѣлять силу гарнизоновъ, которые ставились въ замкахъ на случай осады. Послѣ своего сокращенія, верхне-германская армія не могла одновременно содержать такіе сильные гарнизоны даже въ тѣхъ замкахъ, которые стояли на лимѣ. Еще менѣе могла она, даже до своего сокращенія, при своемъ 30-ти-тысячномъ составѣ [стр. 102] занимать войсками линіи, находившіяся между замками; если же это было ей не по силамъ, то и одновременное занятіе всѣхъ замковъ въ сущности было безцѣльно. По всей видимости, каждый замокъ былъ такъ построенъ, что при достаточномъ гарнизонѣ могъ защищаться, но по общему правилу—а на этой границѣ общимъ правиломъ было мирное положеніе—замки не были поставлены на военную ногу, а были снабжены войсками лишь настолько, насколько это было нужно для содержанія постовъ въ сторожевыхъ башняхъ и для надзора какъ за большими дорогами, такъ и за проселочными. Постоянные гарнизоны замковъ, вѣроятно, были далеко не такъ сильны, какъ это обыкновенно предполагается. До насъ дошелъ только одинъ списокъ войскъ, входившихъ въ составъ одного изъ такихъ гарнизоновъ;

Поэтому эти обширныя военныя сооруженія не имѣли, подобно британскому валу, цѣлію препятствовать непріятельскому нашествію. Подобно тому, какъ надъ водными границами господствовали мосты, на сухопутныхъ границахъ господствовали надъ дорогами зàмки, и вообще какъ на водной границѣ рѣка, такъ на сухопутной границѣ валъ препятствовали безконтрольному переходу черезъ границу. Къ этому, быть можетъ, присоединялись и иныя цѣли; нерѣдко обнаруживающееся предпочтеніе прямолинейнаго направленія указываетъ на то, что этими сооруженіями пользовались для устройства сигналовъ, а при случаѣ они могли служить и для военныхъ цѣлей. Но главной и ближайшей цѣлію этихъ сооруженій было недопущеніе перехода черезъ границу. Тотъ фактъ, что сторожевые посты и форты были разставлены не на ретійской, а на верхнегерманской границѣ, объясняется различіемъ отношеній, въ которыхъ Римляне находились тамъ къ Гермундурамъ, а здѣсь къ Хаттамъ. Римляне находились въ Верхней Германіи не въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ, въ какихъ они находились къ британскимъ горцамъ, которые постоянно держали страну въ осадномъ положеніи; тѣмъ не менѣе для отраженія хищническихъ набѣговъ, равно какъ для собиранія пограничныхъ пошлинъ, нужно было имѣть въ готовности подъ рукою военную силу. Можно было постепенно уменьшать составъ верхне-германской арміи и соотвѣтственно съ этимъ уменьшать гарнизоны на лимѣ, но римское pilum все-таки никогда не было излишнимъ въ области Неккара. Но его не было надобности употреблять противъ Гермундуровъ, которые были во времена Траяна единственными Германцами, переходившими границу безъ всякаго контроля и пользовавшимися правомъ свободно торговать на римской территоріи, именно въ Аугсбургѣ, и съ которыми, сколько намъ извѣстно, никогда не было никакихъ пограничныхъ столкновеній. Поэтому въ ту пору не было никакого основанія заводить на ретійской границѣ то же, что было заведено на верхнегерманской; зàмковъ на сѣверѣ отъ Дуная, существовавшихъ, какъ это ясно доказано, уже во времена Траяна [1]), было достаточно для охраны границы и для надзора надъ пограничными сообщеніями. Съ этимъ

онъ относится къ 155 г.; въ немъ идетъ рѣчь о зàмкѣ Кутловицѣ, который находился къ сѣверу отъ Софіи [Eph. epigr. 4, стр. 524] и который снабжался гарнизономъ отъ нижне-мезійской арміи и именно отъ 11-го легіона. Въ этомъ гарнизонѣ числилось, кромѣ командовавшаго имъ центуріона, только 76 человѣкъ.—Ретійская армія,—по меньшей мѣрѣ до вступленія на престолъ Марка,—была еще менѣе способна занимать войсками обширную пограничную линію; въ ту пору въ ней считалось по большей мѣрѣ 10,000 человѣкъ и ей приходилось прикрывать, кромѣ ретійскаго лима, также дунайскую линію отъ Регенсбурга до Пассау.

[1]) Это доказываетъ найденная подлѣ Вейссенбурга рукопись Траяна отъ 107 года.

находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи тотъ фактъ, что ретійскій лимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется нашимъ взорамъ, находился въ связи съ загражденіями верхне-германской оборонительной линіи, которыя были устроены ранѣе его, — быть можетъ впервые при Маркѣ. Въ ту пору не было недостатка въ благовидныхъ для того мотивахъ. Войны, которыя велись съ Хаттами, захватывали въ то время, какъ мы увидимъ далѣе (стр. 140), и Ретію; усиленіе находившейся въ этой провинціи оккупаціонной арміи также, быть можетъ, находилось въ связи съ устройствомъ этого лима, который хотя и не былъ заложенъ для военныхъ цѣлей, но тѣмъ не менѣе имѣлъ цѣлію загражденіе границы, хотя и болѣе слабое, нежели въ другихъ мѣстахъ [1]).

Перенесеніе границы или, лучше сказать, усиленіе пограничной обороны было дѣйствительно и полезно какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ. Прежде того, цѣпь римскихъ постовъ въ Верхней Германіи и въ Ретіи, вѣроятно, тянулась вверхъ по Рейну черезъ Страсбургъ къ Базелю и мимо Виндониссы къ Боденскому озеру, а оттуда къ Верхнему Дунаю; теперь-же, верхнегерманская главная квартира находилась въ Майнцѣ, а ретійская въ Регенсбургѣ и двѣ главныя римскія арміи значительно сблизились. Лагерь легіоновъ въ Виндониссѣ (Виндишь подлѣ Цюриха) сдѣлался вслѣдствіе того излишнимъ. По прошествіи нѣкотораго времени, оказалось возможнымъ уменьшить верхне-рейнскую армію, подобно той, которая стояла въ сосѣдствѣ съ нею, на половину ея прежняго численнаго состава. Первоначальное число четырехъ легіоновъ, лишь случайно уменьшившееся во время войны съ Батавами до трехъ, вѣроятно еще оставалось неизмѣннымъ при Траянѣ [2]); но при Маркѣ эта провинція была занята только двумя

---

[1]) Всѣ изслѣдованія о ретійскомъ лимѣ еще мало разъяснили его назначеніе; выяснено только то, что онъ былъ приспособленъ для занятія войсками менѣе, нежели верхне-германскій лимъ. Такое болѣе слабое загражденіе пограничной линіи, можетъ быть, существовало еще до войны съ Маркоманами ради Гермундуровъ; а то, что говоритъ Тацитъ о торговлѣ, которую вели Гермундуры въ Augusta Vindelicum, нисколько не противорѣчитъ тогдашнему существованію ретійскаго лима. Но слѣдовало ожидать, что онъ окончится не въ Лорхѣ, а примкнетъ къ линіи Неккара; въ нѣкоторой мѣрѣ такъ и было на дѣлѣ, — такъ какъ подлѣ Лорха лимъ замѣняется рѣкой Ремсомъ, впадающей въ Неккаръ подлѣ Канштатта.

[2]) Изъ семи легіоновъ, стоявшихъ въ обѣихъ Германіяхъ во время смерти Нерона [стр. 114], пять были распущены Веспасіаномъ; тамъ остались только 21-ый и 22-ой, къ которымъ присоединились двинутые для подавленія возстанія семь или восемь легіоновъ, а именно: 1-ый adiutrix, 2-ой adiutrix, 6-ой victrix, 8-ой, 10-ый gemina, 11-ый, 13-ый [?] и 14-ый. Изъ числа этихъ послѣднихъ, были отправлены послѣ окончанія войны: 1-ый adiutrix

легіонами—восьмымъ и двадцать вторымъ, изъ которыхъ первы стоялъ въ Страсбургѣ, а второй въ Майнцской главной квартирѣ между тѣмъ какъ большая часть войскъ была раздѣлена на мелкі посты, разставленные вдоль пограничнаго вала. Внутри новой по граничной линіи разцвѣла городская жизнь почти такъ-же, какъ і на лѣвой сторонѣ Рейна: Сумелокенна (Роттенбургъ на Неккарѣ) Aquae (civitas Aurelia Aquensis, Баденъ), Лоподунт (Ладенбургъ) играли такую роль въ развитіи римской городскоі жизни, что могли не бояться сравненія ни съ однимъ изъ бельгій скихъ городовъ, за исключеніемъ Кельна и Трира. Цвѣтущее состоя ніе этихъ городовъ было главнымъ образомъ дѣломъ Траяна, кото рый началъ свое управленіе этою мирною дѣятельностью [1]; одинт римскій поэтъ умолялъ Рейнъ, сдѣлавшійся на обоихъ берегах

вѣроятно въ Испанію [стр. 53, прим.], 2-й adiutrix вѣроятно въ Британі [стр. 153 примѣч. 2], 13-ый gemina [если онъ дѣйствительно приходил въ Германію] въ Паннонію; остальные семь остались въ Германіи, а именно в Нижней провинціи остались 6-ой, 10-ый, 21-ый и 22-й [стр. 127, прим.], въ Верх ней—8-ой, 11-й и 14-й. Къ этимъ послѣднимъ, по всему вѣроятію, присоединилс въ 88 году 1-ый adiutrix, снова высланный изъ Испаніи въ Верхнюю Гер манію [стр. 58, прим.]. Что при Траянѣ 1-ый adiutrix и 11-ый стояли въ Верх ней Германіи, доказывается найденною въ Баденъ-Баденѣ надписью, Bram bach 1666. Легіоны 8-й и 14-й, какъ ясно доказано, прибыли въ Германі съ Церіалисомъ и долго стояли тамъ гарнизонами.

[1]) Траянъ былъ отправленъ Нервой въ 96 или въ 97 г. въ качествѣ легат въ Германію,—по всему вѣроятію въ Верхнюю, такъ какъ Нижнею, какъ ка жется, управлялъ въ ту пору Вестрицій Спуринна. Тамъ онъ былъ возведен въ октябрѣ 97 г. въ званіе соправителя, а въ февралѣ 98 получилъ въ Кёльн извѣстіе о смерти Нервы и о своемъ возведеніи въ императорское званіе. Въ те ченіе зимы и слѣдующаго лѣта, онъ, быть можетъ, тамъ оставался, а зимо 98/99 г. онъ находился на Дунаѣ. Слова Евтропія 8, 2: urbes tran Rhenum in Germania reparavit [съ которыхъ было списано замѣ чаніе Орозія 7, 12, 2, такъ часто употребляемое во зло] могли относиться толью къ Верхней провинціи, но натурально могли быть сказаны не о легатѣ, а о ли цѣ, носившемъ титулъ Цезаря или Августа; они подтверждаются слѣдующим словами, которыя встрѣчаются въ надписяхъ: civitas Ulpia s[altus] N[icerini?] Lopodunum. Слово „возстановилъ“ было противопоставлено т тому, что было сдѣлано Домиціаномъ, а безпорядочнымъ зачаткамъ город скихъ учрежденій въ странѣ Декуматовъ до перенесенія военной границы. Н военныя событія въ царствованіе Траяна не наводятъ никакіе слѣды; правд онъ построилъ castellum in Alamannorum solo по всему вѣро тію на Майнѣ, неподалеку отъ Майнца и назвалъ его своимъ именемъ [Аммиан 17, 1, 11], но это ничего не доказываетъ, точно такъ-же, какъ ничего не дока зываютъ слова одного позднѣйшаго поэта [Сидоній, carm. 7, 115], которы перепуталъ прошлое съ настоящимъ и говорилъ, что при Траянѣ Агриппин наводила страхъ на Сикамбровъ, подъ которыми онъ разумѣлъ Франковъ.

римскихъ, скорѣй прислать Римлянамъ властителя, котораго они еще не видѣли. Обширная и плодородная территорія, которая была поставлена этимъ путемъ подъ охрану легіоновъ, нуждалась въ этой охранѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и была ея достойна. Пораженіе Вара, конечно, было для римскаго могущества началомъ отлива, но только въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшему наступленію былъ положенъ конецъ и что Римляне стали съ тѣхъ поръ довольствоваться тѣмъ, что стали крѣпче и прочнѣе охранять то, что имѣли.

Германія при Маркѣ. — До начала 3 столѣтія римское владычество на Рейнѣ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ шаткости. Въ то время, какъ Маркъ велъ войну съ Маркоманнами, въ Нижней провинціи все было спокойно. Если бельгійскій легатъ нашелся вынужденнымъ созвать въ ту пору ландштурмъ для борьбы съ Хаттами, то это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано какимъ-нибудь набѣгомъ пиратовъ, посѣщавшихъ сѣверные берега въ ту пору такъ же часто, какъ прежде и послѣ того. Волны великаго переселенія народовъ достигали устьевъ Дуная и даже области Рейна, но здѣсь онѣ не потрясли фундамента. Хатты, которые были единственнымъ значительнымъ германскимъ племенемъ, жившимъ вблизи отъ верхне-германско-ретійской пограничной линіи, двинулись впередъ въ обоихъ направленіяхъ и, вѣроятно, принадлежали къ числу вторгавшихся въ Италію Германцевъ, какъ это будетъ доказано далѣе при описаніи этой войны. Во всякомъ случаѣ, Маркъ усилилъ въ ту пору ретійскую армію и преобразовалъ ее въ главное командованіе перваго класса съ легіонами и съ легатомъ, конечно, только для того, чтобъ сдерживать нападенія Хаттовъ, а это доказываетъ, что отъ Хаттовъ ожидали недобраго и въ будущемъ. Съ этимъ, должно быть, находилось въ связи и уже упомянутое нами усиленіе пограничной охраны. Для слѣдующаго поколѣнія этихъ мѣръ было достаточно.

Война съ Алеманнами. — При сынѣ Севера Антонинѣ, въ Ретіи снова вспыхнула (213 г.) трудная война. Она также велась съ Хаттами, но рядомъ съ этимъ племенемъ называютъ другое, съ которымъ мы встрѣчаемся по этому случаю въ первый разъ, — племя Алеманновъ. Откуда они пришли, намъ неизвѣстно. По словамъ одного римскаго писателя, жившаго немного времени спустя послѣ того, это былъ сбродъ людей разнаго рода; на союзъ племенъ указываетъ какъ самое названіе, такъ и тотъ фактъ, что впослѣдствіи различныя соединявшіяся подъ этимъ названіемъ племена являются болѣе обособленными нежели другія великія германскія народы, — такъ напримѣръ Ютунги, Лентіенсы и другія племена Алеманновъ нерѣдко дѣйствуютъ самостоятельно. Но что это не были мѣстные Германцы, соединявшіеся между собою подъ новымъ названіемъ и усилившіеся благо-

манскія племена, которыя были ранѣе того оттѣснены отъ береговъ Рейна. Пока Галліенъ лично командовалъ на Рейнѣ, онъ, несмотря на незначительность находившихся въ его распоряженіи военныхъ силъ, до нѣкоторой степени сдерживалъ враговъ,—или не дозволялъ имъ переправляться черезъ рѣку или прогонялъ назадъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ удавалось перебраться на другой берегъ, однако уступилъ одному изъ германскихъ вождей часть прибрежной территоріи съ тѣмъ условіемъ, что этотъ вождь признаетъ римское верховенство и будетъ защищать свои владѣнія отъ своихъ соотечественниковъ, а эта уступка, конечно, имѣла нѣкоторое сходство съ капитуляціей. Но когда императоръ отправился на Дунай, гдѣ положеніе дѣлъ было еще болѣе опасно, и оставилъ въ Галліи своимъ представителемъ еще не достигшаго совершеннолѣтія своего старшаго сына, то одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, которымъ онъ поручилъ защиту границы и надзоръ за сыномъ, по имени Маркъ Кассіаній Латиній Постумъ [1]), принялъ предложенный ему подчиненными

[1]) Трудно повѣрить, до какой степени извращались историческіе факты въ нѣкоторыхъ біографіяхъ императоровъ; здѣсь не лишнимъ будетъ доказать это на примѣрѣ по поводу тѣхъ историческихъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ о Постумѣ. Онъ называется въ этихъ разсказахъ [хотя и въ приложеніи] Julius Postumus [тир. 6], на монетахъ и надписяхъ M. Cassianius Latinius Postumus, въ извлеченіяхъ изъ сочиненій Виктора [32] Cassius Labienus Postumus. — Онъ управлялъ въ теченіе семи лѣтъ [Галл. 4; тир. 3. 5]; монеты упоминаютъ о его tr. p. X, а десять лѣтъ управленія ему приписываетъ Евтропій 9. 10.—Его соперникъ называется Lollianus, на монетахъ Ulpius Cornelius Laelianus, у Евтропія 9, 9 [по указанію одного манускрипта, между тѣмъ какъ другое указаніе придерживается перемѣны, сдѣланной біографами] и у Виктора [гл. 33] Laelianus, въ сокращеніи Виктора Aelianus.—По словамъ біографовъ, Постумъ и Викторинъ царствуютъ вмѣстѣ; но нѣтъ такихъ монетъ, на которыхъ стояли-бы имена ихъ обоихъ, а есть такія монеты, которыми подтверждаются разсказы Виктора и Евтропія, что Викторинъ былъ преемникомъ Постума.—Особенность этой категоріи извращеній заключается въ томъ, что они встрѣчаются всего чаще въ тщательно обработанныхъ рукописяхъ. Кёльнская эпитафія обоихъ Викториновъ [тир. 7]: hic duo Victorini tyranni (!) siti sunt служитъ критикой для самой себя. Мнимый патентъ, которымъ Валеріанъ [тир. 3] сообщаетъ Галламъ о назначеніи Постума, не только пророчески восхваляетъ правительскія дарованія Постума, но также упоминаетъ о различныхъ должностяхъ, которыя не могли существовать на дѣлѣ: такого должностнаго лица, какъ Transrhenani limitis dux et Galliae praeses, не существовало никогда, а Постумъ могъ быть ἀρχὴν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐμπεπιστευμένος [Зосимъ 1, 38] только praeses одной изъ двухъ Германій или, если онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ внѣ общихъ правилъ, dux per Germanias. Точно также невозможенъ упоминаемый въ той-же поддѣльной рукописи tribunatus Vocontiorum сына; это было явное подражаніе трибунатамъ въ томъ

титулъ императора и осадилъ въ Кёльнѣ Сильвана, укрывшагося тамъ вмѣстѣ съ императорскимъ сыномъ. Постуму удалось завладѣть городомъ и захватить какъ своего бывшаго коллегу, такъ и царственнаго ребенка, которыхъ онъ предалъ казни. Но во время этихъ смутъ Франки перешли черезъ Рейнъ и не только наводнили всю Галлію, но даже проникли въ Испанію и опустошили берега Африки. Вскорѣ послѣ того, — когда взятіе Валеріана въ плѣнъ Персами переполнило чашу общественныхъ бѣдствій,—всѣ лежавшія на лѣвомъ берегу Рейна римскія владѣнія въ верхне-рейнской провинціи перешли во власть безъ сомнѣнія Алеманновъ, а эта утрата натурально предшествовала вторженію Алеманновъ въ Италію, происшедшему въ послѣдніе годы царствованія Галліена. Это былъ послѣдній императоръ, имя котораго встрѣчается на право-бережныхъ памятникахъ. Его монеты прославляютъ его за одержанныя имъ надъ Германцами пять великихъ побѣдъ и на монетахъ его преемника по владычеству надъ Галліей Постума расточается не менѣе похвалъ побѣдамъ, одержаннымъ спасителемъ Галліи надъ Германцами. Въ своей молодости Галліенъ не безъ энергіи велъ борьбу на Рейнѣ, а Постумъ былъ очень

видѣ, въ какомъ они являются въ Notitia Dign. изъ временъ Гонорія.—Противъ Постума и Викторина, подъ начальствомъ которыхъ сражаются Галлы и Франки, выступаетъ Галліенъ съ своимъ будущимъ соперникомъ Авреоломъ и съ будущимъ императоромъ Клавдіемъ; онъ самъ раненъ стрѣлой, но одерживаетъ побѣду, хотя отъ этой побѣды положеніе дѣлъ нисколько не измѣняется. Въ другихъ повѣствованіяхъ ничего не говорится объ этой побѣдѣ. Постумъ погибаетъ вслѣдствіе военнаго мятежа, зачинщикомъ котораго былъ такъ-называемый Лолліанъ, между тѣмъ какъ по разсказамъ Виктора и Евтропія Постумъ подавилъ это майнцское возстаніе, но послѣ того былъ убитъ солдатами за то, что не дозволилъ имъ ограбить Майнцъ. Касательно возвышенія Постума есть одинъ разсказъ, который въ главныхъ чертахъ сходится съ обще-принятымъ, но въ которомъ кромѣ того говорится, что онъ измѣннически устранилъ порученнаго его надзору Галліенова сына; въ другомъ разсказѣ, очевидно вымышленномъ съ цѣлію оправдать Постума, говорится, что это устраненіе Галліенова сына было дѣломъ галльскаго населенія, которое вслѣдъ за тѣмъ предложило корону Постуму. Здѣсь, какъ и повсюду [всего очевиднѣе *тир.* 5] обнаруживается стараніе выставить въ благопріятномъ свѣтѣ того, кто предохранилъ Галлію отъ такой-же участи, какая постигла дунайскія страны и Азію, и спасъ ее отъ Германцевъ; съ этимъ стараніемъ находится въ связи тотъ фактъ, что въ этомъ разсказѣ ничего не говорится ни объ утратѣ праваго берега Рейна ни о вторженіяхъ Франковъ въ Галлію, въ Испанію и въ Африку. Замѣчательно и то, что здѣсь также удѣлена почетная второстепенная роль мнимому прародителю Константиновой династіи. Этотъ не безсвязный, но весь наполненный ложью разсказъ долженъ быть совершенно устраненъ; могутъ быть приняты въ соображеніе только повѣствованія Зосима и повѣствованія черпавшихъ изъ одного и того же источника латинскихъ писателей Виктора и Евтропія, не смотря на то, что они и кратки и отрывочны.

способный военачальникъ и конечно могъ-бы быть хорошимъ администраторомъ. Но при безначаліи, которое господствовало въ ту пору въ римскомъ государствѣ или, вѣрнѣе, въ римской арміи, дарованія и личныя качества одного человѣка не приносили пользы ни ему самому ни всему обществу. Множество цвѣтущихъ римскихъ городовъ было въ ту пору совершенно разорено вторгнувшимися варварами и правый берегъ Рейна былъ навсегда утраченъ Римлянами.

Авреліанъ.—Пробъ.—Возстановленіе спокойствія и порядка въ Галліи зависѣло главнымъ образомъ отъ прочности самой имперіи; объ успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Германцевъ не могло быть и помысла, пока италійскіе императоры отправляли свои войска въ Нарбонскую провинцію, чтобъ низвергнуть своего галльскаго соперника, а этотъ послѣдній дѣлалъ видъ, будто намѣревается перейти черезъ Альпы. О борьбѣ съ Германцами можно было снова помышлять лишь тогда, когда властителю Галліи Тетрику надоѣла его неблагодарная роль и онъ самъ согласился около 272 года [1]) на то, чтобъ его войска подчинились признанному сенатомъ въ званіи императора Авреліану. Нашествіямъ Германцевъ, въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія опустошавшихъ Италію вплоть до Равенны, надолго положилъ конецъ тотъ-же самый даровитый властитель, который снова присоединилъ Галлію къ имперіи; на верхнемъ Дунаѣ онъ нанесъ рѣшительное пораженіе одному изъ германскихъ племенъ—Ютунгамъ. Если бы его царствованіе было болѣе продолжительно, онъ конечно возстановилъ бы охрану границъ и въ Галліи; послѣ его смерти, наступившей скоро и преждевременно (въ 275 г.), Германцы снова перешли черезъ Рейнъ и стали опустошать страну во всѣхъ направленіяхъ. Его преемникъ Пробъ (царствовавшій съ 276 года) былъ также даровитый воинъ; онъ не только прогналъ Германцевъ и, какъ разсказываютъ, отнялъ у нихъ семьдесятъ

---

[1]) Владычество Постума продолжалось десять лѣтъ [стр. 143, прим. I]. Что въ 259 г. старшаго сына Галліена уже не было въ живыхъ, видно изъ моденской надписи C. I. L. XI, 826; стало быть отпаденіе Постума произошло безспорно или въ этомъ году или въ предшествовавшемъ. Такъ какъ взятіе въ плѣнъ Тетрика произошло не позднѣе 272 года, непосредственно послѣ второй экспедиціи, предпринятой противъ Зиновіи, а три властителя Галліи: Постумъ, Викторинъ [Евтропій 9, 9] и Тетрикъ [Викторъ, 35] управляли ею — первый 10 лѣтъ, второй 2 года, третій 2 года, то отсюда слѣдуетъ, что отпаденіе Постума произошло около 259 года; впрочемъ выводы этого рода нерѣдко бываютъ не совсѣмъ точны. Когда продолжительность германскихъ нашествій на Испанію, происходившихъ въ царствованіе Галліена, опредѣляется въ 12 лѣтъ [Орозій, 7, 41, 2], то это вычисленіе, сдѣланное по хроникѣ Іеронима, по видимому представляется неосновательнымъ. Общепринятыя точныя указанія времени недостовѣрны и обманчивы.

городовъ, но снова сталъ дѣйствовать наступательно, перешолъ черезъ Рейнъ и прогналъ непріятеля за Неккаръ; но онъ не возстановилъ прежнихъ пограничныхъ линій [1]), а удовольствовался тѣмъ, что въ самыхъ важныхъ пунктахъ на Рейнѣ построилъ и занялъ войсками мостовыя укрѣпленія, то-есть возстановилъ тамъ положеніе дѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось передъ вступленіемъ на престолъ Веспасіана. Въ то же время его полководцы одерживали въ сѣверной провинціи побѣды надъ Франками. Побѣжденные Германцы были въ огромномъ числѣ силою переселены въ Галлію и въ особенности въ Британію. Такимъ образомъ рейнская граница снова была возстановлена и досталась слѣдующимъ императорамъ. Но какъ съ владычествомъ на правомъ берегу Рейна, такъ и съ ненарушимымъ спокойствіемъ на лѣвомъ берегу, Римляне, конечно, уже простились навсегда. Базелю и Страсбургу постоянно грозили нападеніемъ Алеманны, а Кёльну Франки. Въ то же время выступаютъ на сцену и нѣкоторыя другія племена. О томъ, что когда-то жившіе по ту сторону Эльбы, Бургунды также передвинулись къ западу до верхняго Майна и стали угрожать Галліи, впервые упоминается въ царствованіе Проба; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Саксы начинаютъ сообща съ Франками нападать съ моря к[illegible] сѣверные берега Галліи, такъ и на римскую Британію. Н[illegible] ірствованіе бо́льшею частію дѣльныхъ и способныхъ императ[illegible] изъ Діоклетіановско-Константиновской династіи, а также въ царствованіе ихъ ближайшихъ преемниковъ, Римляне еще сдерживали грозный напоръ варваровъ въ умѣренныхъ предѣлахъ.

Романизированіе Германцевъ.—Описаніе Германцевъ въ ихъ національномъ развитіи не входитъ въ задачу того, кто пишетъ исторію Римлянъ; въ его глазахъ они играютъ лишь роль препонъ или даже опустошителей. Въ римской Германіи мы или не находимъ такого же, какъ въ романизированныхъ кельтскихъ странахъ, слиянія двухъ національностей и происходящей отсюда смѣшанной культуры, или же это сліяніе совпадаетъ въ нашихъ глазахъ съ римско-галльскимъ вслѣдствіе того, что кельтскіе элементы глубоко проникли въ германскія страны на лѣвомъ берегу Рейна, долгое время находившіяся подъ римскимъ владычествомъ, а германскія страны

---

[1]) По словамъ біографа [гл. 14, 15], Пробъ поставилъ право-бережныхъ Германцевъ въ зависимость отъ Рима, такъ что они должны были уплачивать Римлянамъ дань и защищать римскую границу [omnes iam barbari vobis arant, iam serviunt et contra interiores gentes militant]; имъ было временно предоставлено право предпринимать войны, но при этомъ имѣлось въ виду со временемъ расширить границы и организовать провинцію Германію. Эти свѣдѣнія не лишены интереса даже въ качествѣ мечтаній жившаго въ четвертомъ столѣтіи Римлянина,—а они были не болѣе какъ мечтаніями.

на правомъ берегу рѣки были большею частію лишены своего первоначальнаго населенія и были вновь заселены большею частію Галлами. Германскому элементу недоставало такихъ же общихъ центровъ, какихъ было много у Кельтовъ. Частію по этой причинѣ, частію вслѣдствіе другихъ внѣшнихъ условій, римскій элементъ,— какъ уже ранѣе было замѣчено (стр. 86)—могъ развиваться на германскомъ востокѣ и ранѣе и полнѣе, нежели среди Кельтовъ. Сильное вліяніе имѣли въ этомъ случаѣ военные лагери рейнской арміи, находившіеся всѣ безъ исключенія въ римской Германіи. Подлѣ самыхъ большихъ изъ нихъ возникли городскія пристройки и отдѣльные отъ военныхъ помѣщеній союзные города (canabae) частію вслѣдствіе того, что къ арміи примыкало множество торговцевъ, частію и главнымъ образомъ потому, что ветераны оставались на жительствѣ въ своихъ прежнихъ квартирахъ и послѣ своего выхода въ отставку; повсюду и чаще всего въ Германіи съ теченіемъ времени возникали изъ этихъ жилищъ ветерановъ настоящіе города рядомъ съ легіонными лагерями и въ особенности съ главными квартирами. Во главѣ ихъ стоитъ римскій городъ Убіевъ, который первоначально былъ вторымъ по своей величинѣ лагеремъ нижне-рейнской арміи, потомъ былъ съ 50 года римской колоніей (стр. 84) и имѣлъ чрезвычайно важное вліяніе на распространеніе римской цивилизаціи въ прирейнскихъ странахъ. Въ этихъ случаяхъ лагерныя стоянки превращались въ римскія колоніи; впослѣдствіи, городское право получили отъ Траяна, безъ перевода войскъ въ другое мѣсто, принадлежавшія къ двумъ большимъ нижне-рейнскимъ лагерямъ поселенія — Ulpia Noviomagus въ странѣ Батавовъ и Ulpia Traiana подлѣ Ветеры, а въ третьемъ столѣтіи такое же право было дано главному военному городу Верхней Германіи Могонтіаку. Эти населенные гражданами города, конечно, всегда занимали второстепенное положеніе рядомъ съ независѣвшими отъ нихъ центрами военнаго управленія.

Германизированіе Римлянъ.—Если мы заглянемъ за ту предѣльную черту, которою замыкается этотъ разсказъ, то мы найдемъ вмѣсто романизированія Германцевъ германизированіе Римлянъ. Отличительной чертой римскаго государства въ послѣдней фазѣ его развитія было то, что на немъ отразилось вліяніе варваровъ и въ особенности Германцевъ, а зародыши этого перерожденія ведутъ свое начало издалека. Оно началось съ поселенныхъ въ римскихъ колоніяхъ земледѣльцевъ, потомъ перешло на солдатъ при той военной организаціи, которая была введена императоромъ Северомъ, за тѣмъ проникло въ среду офицеровъ и должностныхъ лицъ и кончилось смѣшанными римско-германскими государствами, основанными Вестготами въ Испаніи и въ Галліи, Вандалами въ Африкѣ и главнымъ образомъ Ѳеодорихомъ

въ Италіи. Чтобъ уяснить эту послѣднюю фазу, необходимо изучить государственное развитіе какъ той, такъ и другой націи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія о Германцахъ оказываются неудовлетворительными потому, что тѣ государственныя учрежденія, въ которыхъ эти Германцы играли или низшую или равноправную роль, гораздо лучше намъ извѣстны нежели политическая исторія той же эпохи, а существовавшіе въ ту пору въ Германіи порядки представляются намъ освѣщенными лишь утренней зарей, такъ что ихъ рѣзкія очертанія незамѣтны. Германское язычество,—за исключеніемъ того, которое существовало на дальнемъ сѣверѣ,—исчезло ранѣе того времени, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія, а относительно религіозныхъ элементовъ, безъ которыхъ не обходится никакая народная война, мы знакомы съ тѣмъ, что касается Сассанидовъ, но незнакомы съ тѣмъ, что касается Маркомановъ. Съ зачатками германскаго государственнаго устройства насъ частію знакомитъ Тацитовское повѣствованіе, въ которомъ краски переливчаты, точка зрѣнія придерживается шаблона отживающей древности, а самые выдающіеся факты слишкомъ часто умалчиваются; частію же мы вынуждены отыскивать ихъ въ тѣхъ двуличныхъ государствахъ, которыя основывались на прежней римской территоріи и повсюду были насквозь пропитаны римскими элементами. Какъ управлялись народы и народные союзы, какими правами пользовались короли и дворянство, въ какомъ видѣ существовала или чѣмъ была стѣснена свобода въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышли Арминій и Ѳеодорихъ — объ этомъ мы не имѣемъ такихъ же достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ объ отживавшей цивилизаціи, съ которой боролся тотъ избытокъ юношескихъ силъ и сообща съ которой онъ создавалъ новую культуру то въ качествѣ побѣдителя, то въ качествѣ побѣжденнаго. Какъ бы мы ни освѣщали нашими изслѣдованіями зачатки германской государственной жизни, мы никогда не будемъ въ состояніи собрать одинаково полныхъ свѣдѣній объ обоихъ соперникахъ.

ГЛАВА V.

Британія.

Цезарь и императоры изъ рода Юліевъ.—Только по прошествіи девяти десяти семи лѣтъ послѣ того, какъ римскія войска высадились на обширномъ островѣ сѣверо-западнаго океана, завоевали его и снова покинули, римское правительство рѣшилось возобновить

это предпріятіе и прочно утвердиться въ Британіи. Впрочемъ британская экспедиція Цезаря не была, подобно его походамъ противъ Германцевъ, предпринята лишь съ оборонительной цѣлію. Онъ, повсюду гдѣ могъ, подчинялъ въ Британіи отдѣльныя племена римскому верховенству и установлялъ, подобно тому какъ дѣлалъ это въ Галліи, размѣръ дани, которую они должны были уплачивать. Было найдено и такое вліятельное племя, которое, будучи прочно привязано къ Риму своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, служило-бы опорой для римскаго владычества; Триноваиты (Эссексъ) должны были взять на себя на кельтскомъ островѣ такую же скорѣй выгодную, чѣмъ почетную роль, какую исполняли на галльскомъ континентѣ Гедуи и Ремы. Кровавая вражда между княземъ Кассивеллавномъ и княжескимъ родомъ, царствовавшимъ въ Камалодунѣ (Кольчестеръ), послужила непосредственнымъ поводомъ для римскаго нашествія; Цезарь высадился въ Британіи для того, чтобъ возвратить этому княжескому роду его прежнія владѣнія и эта цѣль была на мгновеніе достигнута. Цезарь, безъ сомнѣнія, никогда не обманывался на счетъ того, что и обѣщанная ему уплата дани и обѣщанное имъ покровительство были не болѣе, какъ пустыя слова; но въ этихъ словахъ заключалась та программа, которую могло и должно было привести въ исполненіе постоянное занятіе острова римскими войсками.

Самъ Цезарь не брался за введеніе прочныхъ порядковъ на завоеванномъ островѣ, а для его преемниковъ Британія была обузой. Вступившіе въ римское подданство Британцы, конечно, не долго уплачивали обѣщанную дань, а можетъ быть не уплачивали ее никогда; протекторство надъ царствовавшей въ Камалодунѣ династіей оказывалось еще менѣе дѣйствительнымъ и имѣло послѣдствіемъ лишь то, что князья и члены этой династіи появлялись одинъ вслѣдъ за другимъ въ Римѣ съ просьбами къ римскому правительству о защитѣ ихъ отъ сосѣдей и отъ соперниковъ: такъ напримѣръ въ Римъ пріѣзжалъ къ императору Августу въ качествѣ изгнанника король Дубновеллавнъ, по всему вѣроятію преемникъ того князя Триновантовъ, которому Цезарь возвратилъ его владѣнія, а впослѣдствіи одинъ изъ князей того же дома пріѣзжалъ къ императору Гайю [1]).

---

[1]) Политическія сношенія между Римомъ и Британіей во времена, предшествовавшія ея завоеванію, какъ кажется, въ сущности касались возстановленнаго и гарантированнаго Цезаремъ [Bell. Gal. 5, 22] княжества Триновантовъ. Что король Дубновеллавнъ, искавшій у Августа защиты вмѣстѣ съ другимъ совершенно намъ незнакомымъ британскимъ вождемъ, царствовалъ главнымъ образомъ въ Эссексѣ, видно по его монетамъ [мое сочин. Mon. Ancyr., 2 изд., стр. 138 и сл.] Тамъ слѣдуетъ прежде всего искать тѣхъ британскихъ вождей, которые отправляли къ Августу пословъ и признавали его верховенство [такъ,

Экспедиція въ Британію, въ сущности, была неотъемлемою частію оставленнаго Цезаремъ наслѣдства; Цезарь-сынъ помышлялъ о ней даже во время дуумвирата и отказался отъ нея только вслѣдствіе настоятельной необходимости возстановить спокойствіе въ Иллирикѣ или также по причинѣ натянутыхъ отношеній къ Антонію, которыя оказались очень полезными какъ для Пареянъ такъ и для Британцевъ. Въ первые годы Августова управленія, придворные поэты неоднократно заранѣе воспѣвали завоеваніе Британіи; поэтому программу Цезаря усвоилъ и пожелалъ исполнить его преемникъ. Лишь только утвердилась монархія, весь Римъ ожидалъ, что немедленно вслѣдъ за окончаніемъ междоусобной войны будетъ предпринята экспедиція въ Британію; поэты сначала жаловались на то, что не будь этой ужасной междоусобицы, Британцы уже давно фигурировали-бы въ побѣдномъ шествіи къ Капитолію, а потомъ они стали съ гордостью высказывать надежду, что къ имперіи скоро будетъ присоединена новая британская провинція. О предстоящей экспедиціи въ Британію даже не разъ было публично объявлено (727.728); однако Августъ, не отказываясь формально отъ этого предпріятія, воздержался отъ него, а Тиберій и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему принципу—держаться системы своего отца [1]). Правда, послѣдній императоръ изъ дома Юліевъ переносился въ своихъ пустыхъ мечтаніяхъ и за океанъ, но онъ не былъ въ состояніи задумать что-нибудь серьозное. Правительство Клавдія первое снова взялось за планъ диктатора и привело его въ исполненіе.

Выгодныя и невыгодныя стороны занятія Британіи. —Мотивы, которые приводились въ пользу и противъ занятія Британіи, могутъ быть хотя отчасти выяснены. По мнѣнію самого Августа, въ военномъ занятіи острова не представлялось надобности, такъ какъ его жители не были въ состояніи причинять Римлянамъ безпокойствъ на континентѣ, а государственной казнѣ это занятіе недоставило-бы

по видимому, слѣдуетъ понимать слова Страбона 4, 5, 3, стр. 200; сравн. *Житон.* Тацита 2, 24]. Въ Камалодунѣ [Діонъ 60, 21] имѣлъ постоянное жительство Кунобелинъ—судя по монетамъ, сынъ короля Тасціована, о которомъ исторія умалчиваетъ; этотъ Кунобелинъ умеръ, какъ кажется, въ преклонныхъ лѣтахъ, между 40 и 43 годами, стало быть онъ жилъ въ послѣдніе годы Августова управленія, а также въ царствованіе Тиверія и Гайя; вся исторія до римскаго нашествія вертится на немъ и на его сыновьяхъ. Откуда взялся Берикъ, пріѣхавшій къ Клавдію [Діонъ 60, 19] намъ неизвѣстно, и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что другіе британскіе владѣтельные князья слѣдовали примѣру тѣхъ, которые царствовали въ Кольчестерѣ; но эти послѣдніе играли главную роль.

[1]) Тацитъ, *Агрик.* 13: consilium id divus Augustus vocabat, Tiberius praeceptum.

никакой выгоды: тѣ доходы, которые извлекались-бы изъ Британіи, и безъ того поступали въ государственную казну въ видѣ пошлинъ, собиравшихся въ галльскихъ портахъ съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; сверхъ того, для занятія острова потребовался-бы по меньшей мѣрѣ цѣлый легіонъ съ добавочнымъ отрядомъ конницы, а за расходами на содержаніе этихъ войскъ оставалось-бы немного отъ собранныхъ съ острова податей [1]). Все это было безспорно основательно, но этимъ еще не все было сказано; съ теченіемъ времени опытъ доказалъ, что одного легіона было далеко не достаточно для того, чтобъ держать островъ въ покорности. Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще то, въ чемъ правительство конечно не желало публично сознаваться,—что при слабости, до которой была доведена римская армія внутренней политикой Августа, было-бы очень неосмотрительно навсегда удалять значительную ея часть на далекій сѣверный островъ. По всему вѣроятію приходилось выбирать одно изъ двухъ — или отказаться отъ Британіи или увеличить армію, а при Августѣ требованія внутренней политики всегда имѣли перевѣсъ надъ требованіями политики внѣшней.

Тѣмъ не менѣе, римскіе государственные люди были, по видимому, убѣждены въ необходимости покорить Британію. Если бы Цезарь не имѣлъ этого убѣжденія, его образъ дѣйствій былъ-бы необъяснимъ. Августъ сначала формально усвоилъ намѣченную Цезаремъ цѣль, не смотря на ея неудобства, а впослѣдствіи никогда формально отъ нея не отказывался. Именно при самыхъ дальновидныхъ и самыхъ послѣдовательныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ правительствахъ, какими были правительства Клавдія, Нерона и Домиціана, было начато или расширено завоеваніе Британіи, а послѣ того какъ оно сдѣлалось совершившимся фактомъ, на него никогда не смотрѣли такъ-же, какъ на завоеваніе Дакіи и Месопотаміи Траяномъ. Если же только по отношенію къ Британіи былъ отложенъ въ сторону почти ненарушимо соблюдавшійся правительственный принципъ, что римское государство должно лишь упрочивать свое владычество внутри своихъ границъ, а не расширять этихъ послѣднихъ,—то причиной этого была невозможность подчинить однихъ континентальныхъ Кельтовъ въ такой мѣрѣ, въ какой этого требовали интересы Рима. Эту націю, по видимому, скорѣе соединялъ, чѣмъ разъединялъ узкій проливъ, отдѣляющій Англію отъ Франціи: одни и тѣ-же названія племенъ встрѣчаются и по сю и по ту сторону пролива; границы

[1]) Страбонъ [2, 5, 8 стр. 115, 4, 5, 3, стр. 200], очевидно, излагалъ эти мотивы такъ, какъ ихъ высказывало правительство. Сознаваться въ томъ, что съ занятіемъ острова будутъ стѣснены торговыя сношенія и уменьшится доходъ отъ пошлинъ, значило сознаваться въ томъ, что римское владычество и уплата Римлянамъ податей ложились тяжелымъ гнетомъ на благосостояніе подданныхъ.

нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ нерѣдко заходятъ на противоположную сторону канала, а главнымъ центромъ жречества, которое тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо проникало во всѣ сферы народной жизни, изстари были острова Сѣвернаго моря. Эти островитяне, конечно, не были въ состояніи вырвать галльскій континентъ изъ рукъ римскихъ легіоновъ; но и самъ завоеватель Галліи и позднѣйшіе римскіе правители преслѣдовали въ Галліи иную цѣль, чѣмъ въ Сиріи и въ Египтѣ: они желали включить Кельтовъ въ составъ италійской націи, а эта задача была неисполнима, пока существовала связь между покоренными Кельтами и жившими по ту сторону моря вольными Кельтами, и пока Британія могла служить убѣжищемъ и для враговъ Рима и для римскихъ перебѣжчиковъ [1]). На первый разъ было бы достаточно завладѣнія южными берегами Британіи, хотя результатъ, натурально, былъ бы тѣмъ болѣе удовлетворителенъ, чѣмъ далѣе была-бы отодвинута граница свободной кельтской страны. При этихъ соображеніяхъ, вѣроятно, имѣла свою долю вліянія особая заботливость Клавдія о его галльской отчизнѣ и его знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Галліи [2]). Поводомъ для войны послужило то обстоятельство, что именно то княжество, которое находилось въ нѣкоторой зависимости отъ Рима, далеко распространило свое владычество [3]) подъ управленіемъ своего короля Кунобелина (это—Шекспировъ Кимбелинъ) и высвободилось изъ-подъ римскаго протекторства. Одинъ изъ сыновей этого короля, Админій возсталъ противъ своего отца и явился къ императору Гаію съ просьбой о помощи, а вслѣдствіе того, что преемникъ Гаія отказался отъ выдачи британскому властителю его бѣглыхъ подданныхъ, вспыхнула война съ отцемъ и съ братьями этого Админія. Но настоящей ея причиной, конечно, была твердая рѣшимость окончательно покорить лишь на половину побѣжденную и тѣсно сплоченную націю.

Военныя приготовленія къ занятію острова. — Что занятіе Британіи не могло состояться безъ увеличенія постоянной арміи, въ этомъ были убѣждены и тѣ государственные люди, которые его вызвали;

---

1) Светоній [*Клавд.* 17] приводитъ такой поводъ къ войнѣ: Britanniam tunc tumultuantem ob non redditos transfugas; О. Гиршфельдъ основательно сопоставляетъ эти слова съ тѣмъ, что говорится о Гаѣ [44]: Adminio Cunobellini Britannorum regis filio, qui pulsus a patre cum exigua manu transfugerat, in deditionem recepto. Подъ словомъ tumultari разумѣются тѣ хищническіе набѣги на берега Галліи, которые по меньшей мѣрѣ могли-бы быть предприняты. Война велась, конечно, не изъ-за Берика [Діонъ, 60, 19].

2) Точно такъ и островъ Мона былъ впослѣдствіи receptaculum perfugarum [Тацитъ, *Лѣт.* 14, 29].

3) Тацитъ, *лѣтоп.* 12, 37: pluribus gentibus imperitantem.

на это предпріятіе были назначены три легіона рейнской арміи один легіонъ дунайской арміи [1]), но въ то же время были при соединены къ стоявшимъ въ Германіи войскамъ два вновь органи зованныхъ легіона. Начальникомъ этой экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ намѣстникомъ провинціи былъ назначенъ способный вое начальникъ Авлъ Плавтій; экспедиція направилась къ острову в 43 году. Солдаты шли неохотно не столько потому, что боялис встрѣчи съ врагомъ, сколько потому, что считали за ссылку жизн на далекомъ островѣ. Одинъ изъ вліятельныхъ въ ту пору людей который, быть можетъ, былъ душою этого предпріятія—импера торскій кабинетъ-секретарь Нарциссъ попытался вдохнуть въ нихъ мужество; они заставили его замолчать, презрительно назвавши ег рабомъ, однако исполнили то, чего онъ требовалъ, и сѣл на суда.

Ходъ оккупаціи. — Занятіе острова не представляло большихъ затрудненій. Туземное населеніе стояло какъ въ политическомъ, так и въ военномъ отношеніи на той же низкой ступени развитія, ка кую нашолъ на островѣ Цезарь. Короли или королевы управлял въ волостяхъ, которыя не были связаны между собою никаким внѣшними узами и постоянно враждовали однѣ съ другими. Непрі ятельскіе солдаты отличались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и доходив шей до презрѣнія къ смерти храбростью, и были очень хороши наѣздниками. Но Гомеровскія боевыя колесницы, которыя еще су ществовали тамъ на дѣлѣ и которыми управляли сами мѣстны князья, не могли устоять противъ сомкнутыхъ римскихъ эскадро новъ; точно такъ и непріятельскіе пѣхотинцы, не имѣвшіе ни пан цырей ни шлемовъ, прикрывавшіеся лишь небольшимъ щитомъ и вооруженные коротенькимъ дротикомъ и широкимъ мечомъ, не могли устоять въ рукопашной схваткѣ противъ коротенькаго римскаго ножа или противъ тяжелаго дротика легіонныхъ солдатъ и противъ метательныхъ снарядовъ и стрѣлъ легкихъ римскихъ войскъ. Ту земцы нигдѣ не были въ состояніи дать отпоръ арміи, состоявшей почти изъ 40 тысячъ хорошо обученныхъ солдатъ. Высадка на берегъ произошла беспрепятственно; Британцы узнали о нежеланіи

[1]) Въ числѣ трехъ рейнскихъ легіоновъ были: 2-ой Augusta, 14-ый и 20-ый; изъ Панноніи былъ взятъ 9-й испанскій легіонъ. Тѣ-же четыре легіона стояли въ Британіи еще въ началѣ царствованія Веспасіана; этотъ императоръ вызвалъ оттуда для войны съ Цивилисомъ 14-й легіонъ, который уже не возвращался назадъ, а вѣроятно былъ замѣненъ 2-мъ легіономъ, носившимъ названіе adiutrix. Этотъ послѣдній, вѣроятно, былъ переведенъ при Домиціанѣ въ Паннонію, а при Адріанѣ былъ распущенъ 9-ый легіонъ и замѣненъ 6-мъ victrix. Два остальные легіона, 2-й Augusta и 20-ый, стояли въ Англіи отъ начала и до самаго конца римскаго владычества.

римскихъ солдатъ повиноваться и потому перестали ожидать высадки. Король Кунобелинъ незадолго передъ тѣмъ умеръ и оборону острова взяли на себя его сыновья Каратакъ и Тогодумнъ. Высадившаяся армія тотчасъ двинулась на Камалодунъ [1]) и достигла въ своемъ быстромъ побѣдоносномъ наступленіи береговъ Темзы; здѣсь она остановилась, быть можетъ, главнымъ образомъ для того, чтобъ доставить императору случай лично пожать легкіе лавры. Тотчасъ послѣ его прибытія, состоялся переходъ черезъ рѣку и британскія дружины были разбиты, при чемъ Тогодумнъ лишился жизни, а Камалодунъ былъ взятъ. Братъ Догодумна Каратакъ продолжалъ упорно сопротивляться и своими побѣдами или пораженіями снискалъ блестящую репутацію и среди друзей и среди враговъ; но наступленіе Римлянъ оттого не пріостановилось. Князья были одинъ вслѣдъ за другимъ разбиты и низложены: на воздвигнутыхъ въ честь Клавдія тріумфальныхъ воротахъ перечислены одиннадцать побѣжденныхъ имъ британскихъ королей, а то, что не преклонялось передъ римскимъ оружіемъ, преклонялось передъ римскимъ золотомъ. Многіе изъ мѣстной знати принимали помѣстья, которыя императоръ раздавалъ на счетъ ихъ соотечественниковъ; даже многіе изъ королей согласились занимать скромное положеніе ленныхъ владѣтелей,— такъ напримѣръ король Регновъ (въ Чичестерѣ) Когидумнъ и король Иценовъ (въ Норфолькѣ) Празутагъ царствовали въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ ленныхъ владѣтелей. Но въ большей части округовъ, до той поры находившихся, какъ и вообще. весь островъ, подъ монархическимъ управленіемъ, завоеватели ввели свое общинное устройство, а все, что туда не вошло, предоставили въ управленіе мѣстной знати; послѣдствіемъ этого, конечно, были внутренніе смуты и раздоры. Еще при первомъ намѣстникѣ, подъ римскимъ владычествомъ, какъ кажется, находилась вся низменная часть острова почти до рѣки Гумбера; такъ напримѣръ ему уже подчинялись Ицены. Но не одним мечомъ прокладывали себѣ путь Римляне. Немедленно вслѣдъ за покореніемъ страны, въ Камалодунѣ были поселены ветераны и въ Британіи былъ основанъ первый городъ съ римскимъ устройствомъ и съ римскими правами гражданства; это была «Клавдіева побѣдная колонія», предназначенная быть главнымъ городомъ страны. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ началась разработка британскихъ рудниковъ, а именно доходныхъ свинцовыхъ; есть свинцовыя плиты, принадлежащія къ шестому

[1]) Бодуновъ и Катвеллановъ, о которыхъ упоминаетъ Діонъ [60. 20], нѣкоторые отождествляютъ съ похожими по названію народами, о которыхъ упоминаетъ Птолемей; но это отождествленіе основано на видоизмѣненіи названій и едва-ли основательно; первыя сраженія происходили, безъ сомнѣнія, между берегомъ моря и Темзой.

году послѣ нашествія. Очевидно, съ такой же быстротой разлился по вновь пріобрѣтенной странѣ потокъ римскихъ купцовъ и промышленниковъ; не въ одномъ Камалодунѣ поселились римскіе колонисты: римскія колоніи, вскорѣ получившія правильное городское устройство, возникли, только вслѣдствіе свободы сообщеній и переселеній, въ южной части острова, а именно у теплыхъ источниковъ Сулія (Bath), въ Веруламіи (С. Албанъ, къ сѣверу отъ Лондона), и въ особенности въ натуральномъ центрѣ торговли — въ Лондиніѣ, у устьевъ Темзы. Упроченіе иноземнаго владычества сказалось не только въ введеніи новыхъ налоговъ и рекрутскихъ наборовъ, но, быть можетъ, еще сильнѣе въ торговлѣ и въ промышленности. Когда Плавтій былъ отозванъ послѣ четырехъ-лѣтняго управленія, онъ въѣхалъ въ Римъ тріумфаторомъ; это былъ послѣдній изъ частныхъ людей, на долю которыхъ выпадала такая честь, а офицеры и солдаты побѣдоносныхъ легіоновъ были осыпаны почетными отличіями и орденами; въ Римѣ, а за тѣмъ и въ другихъ городахъ были воздвигнуты тріумфальныя ворота въ честь императора за одержанную «безъ всякихъ потерь» побѣду; родившійся незадолго до этой экспедиціи наслѣдный принцъ получилъ вмѣсто имени своего дѣда имя Британника. Во всемъ этомъ видна та склонность къ преувеличеніямъ, которая свойственна невоинственной эпохѣ, отвыкшей отъ побѣдъ съ потерями, и которая обыкновенно проявляется при политической дряхлости; но хотя вторженіе въ Британію и не имѣетъ большой важности съ военной точки зрѣнія, все-таки слѣдуетъ отдать справедливость его руководителямъ въ томъ, что они взялись за это дѣло съ энергіей и съ послѣдовательностью, и что они сдѣлали необычайно короткимъ тотъ тревожный и опасный періодъ времени, когда совершался въ Британіи переходъ отъ независимости къ чужеземному владычеству.

Вслѣдъ за первыми быстрыми успѣхами, конечно, и тамъ возникли изъ занятія острова затрудненія и опасности не только для побѣжденныхъ, но и для самихъ побѣдителей.

Сопротивленіе въ западной Британіи. — Низменная часть страны была въ рукахъ Римлянъ, но они не были хозяевами ни среди горъ, ни на морѣ. Западная часть острова причиняла имъ всего болѣе заботъ. Правда, на крайнемъ юго-западѣ, въ теперешнемъ Корнвалисѣ, туземное населеніе сохраняло свою независимость не столько потому, что оказывало сопротивленіе завоевателю, сколько потому, что самъ завоеватель мало заботился объ этомъ уединенномъ уголкѣ. Но жившіе на югѣ теперешняго Валлиса Силуры и ихъ сѣверные сосѣди Ордовики упорно оборонялись отъ Римлянъ, находившійся неподалеку отъ этихъ послѣднихъ островъ Мона (Англезей) былъ настоящимъ очагомъ національнаго и религіознаго

сопротивленія. Не одни только территоріальныя препятствія задерживали дальнѣйшее наступленіе Римлянъ: чѣмъ Британія была для Галліи, тѣмъ сдѣлался теперь для Британіи и въ особенности для ея западныхъ береговъ обширный островъ Гибернія; свобода, которою пользовалось населеніе того берега, не дозволяла чужеземному владычеству прочно утвердиться на этихъ берегахъ. По тому, гдѣ были раскинуты лагери легіоновъ, ясно видно, что наступательное движеніе было пріостановлено на этомъ пунктѣ. При преемникѣ Плавтія, лагерь четырнадцатаго легіона былъ раскинутъ при впаденіи Терна въ Савернъ, подлѣ Вировонія (Wroxeter, неподалеку отъ Shrewsbury [1]); вѣроятно, около того же времени были раскинуты лагери: втораго легіона къ югу оттуда, подлѣ Иски (Caerleon=castra legionis), и двадцатаго легіона къ сѣверу оттуда близь Девы (Chester=castra); эти три лагеря замыкали валлійскую область съ юга, сѣвера и запада и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняли умиротворенную страну отъ оставшихся свободными горцевъ. Среди этихъ послѣднихъ нашолъ для себя убѣжище послѣдній владѣтель Камалодуна Каратакъ послѣ того, какъ его отчизна подпала подъ власть Римлянъ. Онъ былъ разбитъ на территоріи Ордовиковъ преемникомъ Плавтія, Публіемъ Осторіемъ Скапулой; вскорѣ послѣ того его выдали Римлянамъ (51 г.) объятые страхомъ Бриганты, у которыхъ онъ искалъ убѣжища, и онъ былъ отправленъ со всѣми своими ближними въ Италію. Пораженный удивленіемъ при видѣ великолѣпной столицы, онъ спрашивалъ, какъ владѣтели такихъ дворцовъ могли стремиться къ обладанію бѣдными хижинами его отчизны. Но западъ отъ этого не покорился; особенно упорно было сопротивленіе Силуровъ, а донесеніе римскаго главнокомандующаго, что онъ истребилъ ихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка, не сдѣлало ихъ болѣе податливыми. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (61 г.) предпріимчивый намѣстникъ Гай Светоній Павлинъ попытался завладѣть глав-

---

[1] Тацитъ, *Анн*. 12, 31: [P. Ostorius] cuncta castris ad.. antonam [слѣдуетъ читать castris antonam] et Sabrinam fluvios cohibere parat. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что неупомянутое названіе рѣки Терна не можетъ быть восполнено. Единственныя найденныя въ Англіи надписи, которыя были сдѣланы солдатами покинувшаго Англію въ царствованіе Нерона 14 легіона, были открыты въ Вроксетерѣ, въ такъ-называемыхъ „англійскихъ Помпеяхъ“. Такъ какъ тамъ также была найдена надгробная надпись одного солдата, принадлежавшаго къ 20-му легіону, то слѣдуетъ полагать, что лагерь, о которомъ говоритъ Тацитъ, сначала былъ общимъ лагеремъ двухъ легіоновъ и что 20-ый легіонъ только впослѣдствіи былъ переведенъ въ Деву. Что лагерь подлѣ Иски былъ раскинутъ тотчасъ послѣ вторженія, видно изъ словъ Тацита, 12, 32. 38.

нымъ центромъ сопротивленія—островомъ Моной, и несмотря на то, что онъ встрѣтилъ неистовое сопротивленіе, въ которомъ играли руководящую роль жрецы и женщины, подъ топорами легіонныхъ солдатъ пали священныя деревья, подъ которыми была пролита кровь столькихъ римскихъ плѣнниковъ. Но вслѣдствіе военнаго занятія этого послѣдняго убѣжища кельтскихъ жрецовъ возникъ опасный кризисъ на той территоріи, которая уже была покорена, и намѣстникъ не могъ довести до конца завоеваніе Моны.

Будикка.—И въ Британіи чужеземному владычеству пришлось бороться съ національнымъ возстаніемъ. То-же, что было предпринято Митридатомъ въ Малой Азіи, Верцингеторигомъ у континентальныхъ Кельтовъ и Цивилисомъ у покоренныхъ Римлянами Германцевъ, попыталась совершить у островныхъ Кельтовъ женщина—вдова одного изъ посаженныхъ Римлянами вассальныхъ князей, королева Икеновъ Будикка. Ея супругъ, желая обезпечить будущность своей жены и своихъ дочерей, завѣщалъ свои владѣнія императору Нерону, а свое состояніе раздѣлилъ между нимъ и своими ближними. Императоръ принялъ наслѣдство, но кромѣ того присвоилъ себѣ такія права, которыя не были ему предоставлены; двоюродныя братья умершаго князя были закованы въ цѣпи, его вдова подверглась побоямъ, а его дочерямъ были нанесены самыя позорныя оскорбленія. Къ этому присоединились другія беззаконія, свойственныя позднѣйшей эпохѣ Нероновскаго управленія. Поселившіеся въ Камалодунѣ ветераны выгоняли домовладѣльцевъ изъ ихъ жилищъ, не встрѣчая никакого препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Розданныя императоромъ Клавдіемъ подарки были отобраны назадъ. Римскіе министры устроивали свои денежныя дѣла и этимъ путемъ довели британскія общины одну вслѣдъ за другой до банкротства. Минута была благопріятна для возстанія. Болѣе храбрый, чѣмъ предусмотрительный намѣстникъ Павлинъ находился, какъ выше было сказано, съ главными военными силами на отдаленномъ островѣ Монѣ, а это нападеніе на самый священный центръ національной религіи раздражило умы и расчистило путь для возстанія. Старинная и могущественная кельтская религія, уже причинившая Римлянамъ столько заботъ, еще разъ и въ послѣдній разъ вспыхнула могучимъ пламенемъ. Ослабленные и раскинутые въ большомъ отдаленіи одинъ отъ другаго на западѣ и на сѣверѣ, лагери легіоновъ не могли служить защитой для разцвѣтавшихъ въ юго-западной части острова римскихъ городовъ. Въ особенности беззащитенъ былъ главный городъ Камалодунъ; въ немъ не было никакого гарнизона, а его городскія стѣны еще не были достроены, хотя въ немъ и находился храмъ его царственнаго основателя, новаго бога Клавдія. Въ возстаніи, какъ кажется, не принимали никакого участія ни западная часть острова, которую, вѣроятно,

сдерживали стоявшіе тамъ легіоны, ни сѣверная часть, которая еще не была покорена; но вся остальная завоеванная страна, — какъ это часто случалось при восстаніяхъ Кельтовъ—разомъ возстала въ 61 г. по условленному сигналу, а впереди всѣхъ шли выгнанные изъ своего главнаго города Триновакты. Временно замѣнявшій намѣстника, второй главнокомандующій, прокураторъ Деціанъ Катъ выслалъ для защиты этого города столько солдатъ, сколько могъ, а именно 200. Они два дня оборонялись внутри храма вмѣстѣ съ ветеранами и съ другими способными носить оружіе Римлянами; за тѣмъ они были побѣждены и находившіеся въ городѣ Римляне были умерщвлены всѣ до послѣдняго человѣка. Такая-же участь постигла главный центръ римской торговли Лондиній, третій разцвѣтавшій римскій городъ Веруламій (Сентъ-Албанъ, на сѣверо-западѣ отъ Лондона) и разсѣявшихся по острову иноземцевъ; это было избіеніе цѣлой націи, похожее на то, которое было совершено Митридатомъ, и число жертвъ, доходившее, какъ полагаютъ, до 70,000, было на этотъ разъ не менѣе велико. Прокураторъ счёлъ дѣло Римлянъ проиграннымъ и спасся бѣгствомъ на континентъ. Римская армія также пострадала отъ этой катастрофы. Нѣкоторые изъ разсѣянныхъ по странѣ отрядовъ и гарнизоновъ были уничтожены инсургентами. Командовавшій въ Линдумскомъ лагерѣ Квинтъ Петиллій Церіалисъ двинулся на Камалодунъ съ девятымъ легіономъ; онъ прибылъ туда такъ поздно, что не могъ спасти города, а за тѣмъ на него напалъ въ открытомъ полѣ непріятель съ такими громадными силами, что онъ лишился всей своей пѣхоты; его лагерь былъ взятъ приступомъ Бригантами. Главнаго начальника всей арміи едва не постигла такая-же участь. Торопливо возвращаясь съ острова Моны, онъ вызвалъ къ себѣ стоявшій подлѣ Иски второй легіонъ; но легіонъ не послушался его приказанія и имѣвшій при себѣ только около 10,000 человѣкъ, Павлинъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ безчисленной и побѣдоносной арміей инсургентовъ. Если храбрость солдатъ когда-либо поправляла ошибки вождей, то именно въ тотъ день, когда эта маленькая кучка людей, состоявшая главнымъ образомъ изъ солдатъ прославившагося съ тѣхъ поръ 14 легіона, одержала, — къ своему собственному удивленію,—полную побѣду и снова утвердила римское владычество въ Британіи; имя Павлина едва не пришлось поставить на-ряду съ именемъ Вара; но успѣхъ все рѣшаетъ, а въ этомъ случаѣ онъ выпалъ на долю Римлянъ [1]). Начальникъ не-

[1]) Худшій разсказъ, чѣмъ тотъ, который мы находимъ объ этой войнѣ у Тацита [14, 31—39], едва-ли можетъ быть найденъ даже у этого, самаго не свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ изъ всѣхъ писателей. О томъ, гдѣ стояли войска и гдѣ происходили сраженія, не говорится ни слова; за то тратится слишкомъ много труда

пришедшаго легіона предупредилъ приговоръ военнаго суда и лишилъ себя жизни, бросившись на свой мечъ. Королева Будикка отравилась. Главнокомандующаго, котораго вообще нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества, хотя правительство и не отдало подъ судъ,—какъ по видимому сначала намѣревалось—но скоро отозвало подъ благовиднымъ предлогомъ.

Покореніе западной Британіи. — Преемники Павлина не тотчасъ приступили къ окончательному завоеванію западной части острова. Въ царствованіе Веспасіана, даровитый военачальникъ Секстъ Юлій Фронтинъ впервые принудилъ Силуровъ признать римское верховенство; его преемникъ Гней Юлій Агрикола, послѣ упорной борьбы съ Ордовиками, достигнулъ того, чего не могъ достигнуть Павлинъ, и занялъ въ 78 г. островъ Мону. Послѣ того ужé не было рѣчи о серьозномъ сопротивленіи въ этой странѣ; вѣроятно, около этого времени было признано возможнымъ снять стоявшій близъ Вироконія лагерь и оказавшійся вслѣдствіе этого свободнымъ легіонъ отправить въ сѣверную Британію. Но другіе два легіонныхъ лагеря, находившіеся подлѣ Иски и подлѣ Девы, оставались на своихъ мѣстахъ до временъ Діоклетіана и исчезли лишь при позднѣйшемъ размѣщеніи оккупаціонной арміи. Хотя при этомъ могли имѣть нѣкоторую долю вліянія и политическія соображенія (стр. 168), но сопротивленіе запада, быть можетъ опиравшееся на союзъ съ Гиберніей, вѣроятно не прекращалось и впослѣдствіи. Въ пользу этого предположенія говорятъ и тѣ факты, что внутри Валлиса не было найдено никакихъ слѣдовъ римскаго владычества и что тамъ до настоящаго времени сохранилась кельтская національность.

на описаніе предзнаменованій и чудесъ и на безсодержательное пустословіе. Упоминаемые въ жизнеописаніи Агриколы [31] важные факты и въ особенности взятіе лагеря приступомъ не помѣщены въ описаніи войны. Не трудно понять, почему шедшій съ острова Моны Павлинъ заботился не о спасеніи жившихъ на юго-востокѣ Римлянъ, а о сосредоточеніи своихъ военныхъ силъ, но непонятно, почему онъ двинулся на Лондиній, послѣ того какъ рѣшился пожертвовать этимъ городомъ. Если онъ дѣйствительно прибылъ туда, то онъ могъ имѣть при себѣ только свой конвой, а не тотъ корпусъ, который былъ съ нимъ на островѣ Монѣ,—а это, конечно, лишено всякаго смысла. Главныя военныя силы,—какъ тѣ, которыя были приведены съ острова Моны, такъ и тѣ, которыя къ нимъ присоединились,—могли стоять, послѣ пораженія девятаго легіона, только на линіи Дева—Вироконій—Иска; Павлинъ вступилъ въ бой, имѣя подъ своимъ начальствомъ оба легіона, стоявшіе въ двухъ первыхъ изъ этихъ лагерей, — 14-ый и [неполный] 20-ый. Павлинъ вступилъ въ бой, потому что былъ на то вынужденъ; это говоритъ Діонъ [62, 1—12] и хотя его разсказъ вообще не можетъ восполнить то, чего недостаетъ разсказу Тацита, все таки для насъ ясно, что положеніе дѣлъ не дозволяло Павлину дѣйствовать иначе.

Покореніе сѣверной Британіи.—Центромъ римскихъ позицій на сѣверѣ былъ лагерь девятаго испанскаго легіона, находившійся къ востоку отъ Вировонія въ Линдѣ (Линкольнѣ). Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ лагеремъ съ сѣверной стороны находилось самое могущественное изъ всѣхъ островныхъ княжествъ—княжество Бригантовъ (Іоркширъ); оно въ сущности не было покорено, но королева Картимандъ (Cartimandus) старалась жить въ мирѣ съ завоевателями и была по отношенію къ нимъ сговорчива. Партія римскихъ враговъ попыталась вызвать тамъ въ 50 году возстаніе, но эта попытка была очень скоро подавлена. Разбитый на западѣ, Каратакъ намѣревался продолжать борьбу на сѣверѣ, но королева,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—выдала его Римлянамъ. Эти внутреннія раздоры и домашнія ссоры впослѣдствіи играли нѣкоторую роль въ томъ возстаніи противъ Павлина, въ которомъ главными руководителями были Бриганты и которое обрушилось всею своею тяжестью именно на сѣверномъ легіонѣ. Однако римская партія была такъ вліятельна среди Бригантовъ, что послѣ подавленія возстанія успѣла возвратить власть королевѣ. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, партія патріотовъ усвоила лозунгъ отпаденія отъ Рима, раздававшійся на всемъ западѣ во время междоусобной войны, которая вспыхнула послѣ смерти Нерона; она организовала новое возстаніе противъ иноземнаго владычества и поставила въ его главѣ опытнаго въ военномъ дѣлѣ мужа королевы Венутія, котораго эта послѣдняя устранила отъ дѣлъ и осыпала оскорбленіями; только послѣ продолжительной борьбы этотъ могущественный народъ былъ покоренъ тѣмъ самымъ Петилліемъ Церіалисомъ, который неудачно сражался при намѣстничествѣ Павлина съ тѣми-же самыми Британцами, а теперь былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ Веспасіановыхъ полководцевъ и былъ первый намѣстникъ острова, назначенный этимъ императоромъ. Мало-по-малу ослабѣвавшее сопротивленіе запада дозволило присоединить одинъ изъ стоявшихъ тамъ до того времени трехъ легіоновъ къ тому, который стоялъ въ Линдѣ, и перенести самый лагерь изъ Линда въ главный городъ Бригантовъ Эбуракъ (Іоркъ) Между тѣмъ на сѣверѣ ничего не предпринималось для расширенія римскихъ границъ, пока на западѣ не прекращалось упорное сопротивленіе; по словамъ одного писателя временъ Веспасіана, римское оружіе въ теченіе тридцати лѣтъ не проникало за окраину каледонскаго лѣса. Агрикола, покончивши съ западомъ, впервые энергически предпринялъ покореніе сѣвера. Онъ началъ съ того, что построилъ флотъ, безъ котораго нельзя-бы было снабжать провіантомъ войска въ горахъ, гдѣ средства пропитанія были очень скудны. Опираясь на этотъ флотъ, онъ проникъ, въ царствованіе Тита (80 г.), до бухты—Тавы (Frith of Tay) въ страну Перта и Денди, а въ слѣдующія три кампаніи тщательно осмотрѣлъ обширныя простран-

ства между этой бухтой и прежнею римскою границей отъ одног моря до другаго, повсюду подавлялъ сопротивленіе туземцевъ и пс строилъ въ самыхъ удобныхъ мѣстахъ укрѣпленія, при чемъ был избрана натуральная оборонительная линія, которую образуютъ дв врѣзывающіяся внутрь страны бухты—Клота (Frith of Clyde подлѣ Гласгова и Бодотрія (Frith of Forth) подлѣ Эдинбурга. Эт наступательное движеніе заставило всѣхъ горцевъ взяться за оружіе но упорная битва, въ которую соединившіяся каледонскія племен вступили съ легіонами между бухтами Форсомъ и Тайемъ подл Граупійскихъ горъ, окончилась побѣдой Агриколы. По его мнѣнію слѣдовало довести до конца уже начатое покореніе острова и даж распространить это покореніе на Гибернію, а въ пользу этого мнѣні говорило то соображеніе, что завоеваніе Гиберніи имѣло-бы для рим ской Британіи такія же послѣдствія, какія имѣло занятіе остров для Галліи; къ тому же, при энергическомъ завладѣніи всѣми остро вами, вѣроятно, впредь уменьшились-бы потери людьми и деньгами

Римское правительство отказывается отъ занятія Каледоніи.—Рим ское правительство не послѣдовало этому совѣту. Трудно рѣшить въ какой мѣрѣ личные и низкіе мотивы были причиной отозвані въ 85 г. побѣдоноснаго вождя, который впрочемъ занималъ свої постъ долѣе, чѣмъ всѣ другіе; во всякомъ случаѣ было въ высшей степени прискорбно, что этотъ генералъ одерживалъ свои послѣдні побѣды въ Шотландіи именно въ то время, когда императору был нанесены первыя пораженія въ придунайскихъ странахъ. Тѣмъ н менѣе, для пріостановки военныхъ дѣйствій въ Британіи [1]) и дл состоявшагося, какъ кажется, въ ту пору отозванія въ Паннонії одного изъ четырехъ легіоновъ, съ которыми Агрикола совершал свои походы, служатъ вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіем тогдашнее военное положеніе государства, расширеніе римскаго вла дычества на правомъ берегу Рейна въ верхней Германіи и вспыхнув шая въ Панноніи опасная война. Но этимъ, конечно, не объясняется почему вообще были поставлены предѣлы для наступательнаго движенія на сѣверѣ и почему какъ сѣверная Шотландія, такъ и Ирландія был оставлены въ покоѣ. Что съ той поры правительство отказалос отъ намѣренія расширять границы имперіи не на время, ради какихъ-нибудь случайныхъ причинъ, а навсегда, и не уклонялось отъ при нятаго рѣшенія при всѣхъ перемѣнахъ начальствующихъ лицъ,—эт видно и изъ позднѣйшей исторіи острова и въ особенности изъ того, что въ ту пору было приступлено къ сооруженію вала, стоившаг и большаго труда и большихъ расходовъ. Было-ли завоеваніе прі-

---

[1]) Тацитъ [*Ист.* 1, 2] резюмируетъ принятое рѣшеніе въ слѣдующихъ с вахъ: perdomita Britannia et statim missa.

становилось потому, что этого требовали существенные интересы государства,—это другой вопрос. На то соображеніе, что расширеніе границъ на сѣверѣ привело-бы лишь къ обремененію государственной казны, ссылались и въ этомъ случаѣ [1]), точно такъ-же какъ на него ссылались ранѣе передъ завоеваніемъ острова, но оно, конечно, не могло имѣть рѣшающаго значенія. Занятіе острова такъ, какъ оно было задумано Агриколой, было исполнимо въ военномъ отношеніи и, безъ сомнѣнія, не встрѣтило-бы серьезныхъ затрудненій. Но могло одержать верхъ то убѣжденіе, что романизированіе еще не покоренныхъ странъ представляло большія трудности по причинѣ разнородности племенъ. Жившіе въ собственно такъ-называемой Англіи Кельты вообще были одного происхожденія съ континентальными Кельтами; народное преданіе, религія, языкъ были одинаковы и у тѣхъ и у другихъ. Если кельтская національность на континентѣ находила для себя опору въ такой-же національности, господствовавшей на островѣ, то наоборотъ и романизированіе Галліи необходимо отражалось и въ Англіи, а именно этому и былъ обязанъ Римъ тѣмъ, что Британія также романизировалась съ поразительной быстротой. Но жители Ирландіи и Шотландіи принадлежали къ иному племени и говорили инымъ языкомъ; ихъ Гаэлійскій діалектъ Британцы, вѣроятно, понимали такъ-же плохо, какъ плохо понимали Германцы языкъ Скандинавовъ. Самыми дикими варварами считались Каледонцы,—такъ какъ съ жителями Гиберніи Римляне почти вовсе не сталкивались. Съ другой стороны, поклонявшіеся священнымъ дубамъ жрецы (Derwydd, Druide) властвовали на берегахъ Роны точно такъ-же, какъ и на островѣ Англесеѣ, но ихъ не знали ни на западномъ островѣ ни въ сѣверныхъ горахъ. Если Римляне вели войну главнымъ образомъ для того, чтобъ отнять у друидовъ ихъ владѣнія, то эта цѣль была въ нѣкоторой мѣрѣ достигнута. Въ другое время, всѣ эти соображенія, безспорно, не заставили-бы Римлянъ отказаться отъ расширенія сѣверной границы до моря, которое уже было недалеко, и они по меньшей мѣрѣ заняли-бы Каледонію. Но тогдашній Римъ уже не былъ въ состояніи вкладывать свою душу въ новыя страны; въ немъ уже не было ни творческой силы, ни стремящагося къ прогрессу народнаго духа, и если бы было предпринято такое завоеваніе, какого нельзя достигнуть одними правительственными предписаніями и передвиженіями войскъ, то оно едва-ли могло-бы увѣнчаться успѣхомъ.

[1]) Служившій въ царствованіе Пія, императорскій финансовый чиновникъ Аппіанъ [prooem. 5] замѣчаетъ, что Римляне владѣли лучшею частію [τὸ κράτιστον] британскаго острова οὐδὲν τῆς ἄλλης δεόμενοι. οὐ γὰρ εὔφορος αὐτοῖς ἐστιν οὐδ' ἣν ἔχουσιν. Таковъ былъ отвѣтъ правительственныхъ лицъ Агриколѣ и тѣмъ, кто раздѣлялъ его мнѣніе.

Укрѣпленіе сѣверной границы.—Поэтому на сѣверной границѣ все дѣло ограничилось стараніемъ защитить ее, и на этой цѣли впредь сосредоточивалась военная работа. Военнымъ центромъ остался Эбуракъ. Римляне удержали въ своей власти отдаленную территорію которая была занята Агриколой, и обнесли ее замками, которые служили передовыми постами для находившейся позади ихъ главной квартиры; на эту работу, вѣроятно, была употреблена большая часть не легіонныхъ войскъ. Послѣ того было приступлено къ сооруженію соединительныхъ укрѣпленныхъ линій. Первая линія этого рода ведетъ свое начало отъ царствованія Адріана и достойна вниманія еще потому, что она въ нѣкоторой мѣрѣ существуетъ до настоящаго времени и знакома намъ такъ хорошо, какъ никакое другое изъ римскихъ военныхъ сооруженій. Въ строгомъ смыслѣ слова, это—обнесенная съ обѣихъ сторонъ укрѣпленіями военная дорога, которая тянется отъ одного моря до другаго на протяженіи почти 16-ти нѣмецкихъ миль и оканчивается на западѣ у залива Фриза (Frith), а на востокѣ у устьевъ Тайна. Съ сѣверной стороны охраной для этой дороги служила огромная стѣна, которая первоначально имѣла по меньшей мѣрѣ 16 футовъ въ вышину и 8 футовъ въ ширину и была по обѣимъ сторонамъ извнѣ обложена четвероугольными камнями, между которыми были насыпаны булыжникъ и известка, а передъ этой стѣной былъ проведенъ не менѣе громадныхъ размѣровъ ровъ, который имѣлъ 9 футовъ глубины и въ своей верхней части до 34-хъ и болѣе футовъ ширины. Съ южной стороны дорога была защищена двумя параллельными, до сихъ поръ достигающими высоты 6—7 футовъ, земляными насыпями, промежъ которыхъ тянулся ровъ глубиною въ 7 футовъ; обращенная къ югу окраина этого рва выше противоположной окраины, а все сооруженіе отъ одной насыпи до другой имѣло въ ширину 24 фута. Между каменной стѣной и земляными насыпями, на самой дорогѣ находились лагерныя стоянки и сторожевыя будки, а именно на разстояніи почти одной мили одинъ отъ другаго находились лагери когортъ, построенные такъ, что походили на самостоятельные, способные къ оборонѣ укрѣпленные замки, и имѣли выходныя ворота на всѣ четыре стороны; между каждыми двумя изъ нихъ находилось менѣе объемистое сооруженіе въ томъ-же родѣ съ выходными воротами на сѣверъ и на югъ, а между каждыми двумя изъ этихъ послѣднихъ находились четыре маленькія сторожевыя будки на такомъ разстояніи одна отъ другой, что часовые могли перекликаться между собою. Эти сооруженія, отличавшіяся чрезвычайною прочностью и, по видимому, требовавшія гарнизона въ 10—12 тысячъ человѣкъ, служили съ тѣхъ поръ базисомъ для военныхъ дѣйствій въ сѣверной Англіи. Это не былъ настоящій пограничный валъ; напротивъ того, не только уже со временъ Агриколы были разставлены посты на далекомъ разстояніи оттуда, по-

впослѣдствіи—первоначально въ царствованіе Пія, а потомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ видѣ форпостовъ для Адріанова вала [1]) въ царствованіе Севера—была такимъ-же образомъ, хотя и менѣе сильно укрѣплена на половину болѣе короткая линія отъ Frith of Clyde до Frith of Forth, которую уже Агрикола занялъ цѣлымъ рядомъ военныхъ постовъ. По своему сооруженію, эта линія отличалась отъ Адріановской тѣмъ, что она состояла только изъ значительнаго землянаго вала съ рвомъ впереди его и съ дорогой позади, и стало быть не была сооружена для обороны съ южной стороны; впрочемъ внутри ея было поставлено нѣсколько небольшихъ лагерей. У этой линіи оканчивались римскія казенныя дороги [2]) и хотя по ту сторону ея также стояли римскіе посты—(самый сѣверный пунктъ, въ которомъ былъ найденъ надгробный камень одного римскаго солдата, находится въ Ардохѣ, между Стирлингомъ и Пертомъ),—все-таки тотъ-же самый Frith of Tay, который былъ предѣломъ для походовъ Агриколы, могъ и впослѣдствіи считаться границей римскаго государства.

---

[1]) Мнѣніе, что сѣверный валъ былъ сооруженъ въ замѣнъ южнаго, столько же общепринято, сколько оно неосновательно; лагери когортъ у Адріанова вала,—какъ это видно изъ надписей 2-го столѣтія,—оставались въ сущности безъ перемѣнъ и въ концѣ 3-го столѣтія [такъ какъ къ этой эпохѣ относится соотвѣтствующій отдѣлъ въ Notitia.] Оба сооруженія существовали рядомъ одно съ другимъ съ тѣхъ поръ, какъ было прибавлено позднѣйшее изъ нихъ; и множество памятниковъ у Северова вала ясно доказываетъ, что этотъ валъ былъ занятъ Римлянами вплоть до прекращенія римскаго владычества въ Британіи.—Сооруженія Севера могли быть сдѣланы только на болѣе сѣверной линіи. Во-первыхъ сооруженія Адріана были такого рода, что ихъ случайныя исправленія не могли считаться за новыя постройки, между тѣмъ какъ постройки Севера считались новыми; но постройки Пія состояли изъ простой земляной насыпи [murus cespiticius, Vita, гл. 5] и относительно нихъ такое-же предположеніе менѣе неправдоподобно. Во-вторыхъ, длина Северова вала въ 32 мили [Викторъ, Epit. 20; невозможная цифра 132 была поставлена по ошибкѣ переписчиковъ въ нашихъ рукописяхъ сочиненій Евтропія, 8, 19; въ эту ошибку не впалъ Павелъ, но ее впослѣдствіи усвоили: Іеронимъ J. Abr. 2221, Орозій 7, 17, 7 и Кассіодоръ по отношенію къ 207 году] не подходила къ Адріанову валу, который имѣлъ въ длину 80 миль; но здѣсь могла идти рѣчь о сооруженіи Пія, которое, судя по надписямъ, имѣло въ длину около 40 миль,—такъ какъ оконечные пункты Северовскаго сооруженія у двухъ морей могли быть иными и могли находиться въ болѣе близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Наконецъ, если, по словамъ Діона [76. 12], къ сѣверу отъ стѣны, раздѣлявшей островъ на двѣ части, жили Каледонцы, а къ югу Меаты, то—хотя намъ и неизвѣстно мѣсто жительства этихъ послѣднихъ,—они, судя по тому, какъ описываетъ ихъ отчизну самъ Діонъ, не могли жить къ югу отъ Адріанова вала, а поселенія Каледонцевъ не могли доходить до этого вала. Стало быть здѣсь подразумѣвалась линія между Гласговомъ и Эдинбургомъ.

[2]) A limite id est a vallo—говорится въ Дорожникѣ, стр. 464.

войны 2-го и 3-го столѣтій.—Мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія о возведеніи этихъ громадныхъ сооруженій, нежели о томъ, какую оказали они услугу и что впослѣдствіи происходило на этомъ отдаленномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ царствованіе Адріана тамъ случилось большое несчастіе; какъ кажется, было сдѣлано нападеніе на лагерь, находившійся въ Эбуракѣ, и былъ уничтоженъ стоявшій тамъ легіонъ [1])—тотъ самый девятый легіонъ, который такъ неудачно дѣйствовалъ во время войны съ Будиккой. Это несчастіе вѣроятно, было послѣдствіемъ не непріятельскаго нападенія, а отпаденія жившихъ на сѣверѣ и состоявшихъ въ римскомъ подданствѣ племенъ, въ особенности Бригантовъ. Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить и тотъ фактъ, что Адріановъ валъ былъ построенъ для того чтобъ отражать нападенія какъ съ юга, такъ и съ сѣвера; его назначеніе, очевидно, заключалось также въ томъ, чтобъ держать въ покорности лишь съ виду подчинившуюся Римлянамъ сѣверную Англію. И при Адріановомъ преемникѣ Піѣ тамъ велись войны, въ которыхъ снова принимали участіе Бриганты, но мы не имѣемъ подробныхъ о нихъ свѣдѣній [2]). Въ царствованіе Марка и потомъ въ царствованіе Коммода, непріятель впервые сдѣлалъ нападеніе на эту границу и впервые, какъ это несомнѣнно доказано, проникъ по ту сторону стѣны—безъ сомнѣнія той, которая была построена Піемъ; оттого-то Коммодъ и былъ первый императоръ, принявшій побѣдное прозвище Британника, послѣ того какъ даровитый военачальникъ Ульпій Марцеллъ нанесъ варварамъ рѣшительное пораженіе. Но упадокъ римскаго могущества сталъ съ тѣхъ поръ тамъ обнаруживаться точно такъ-же, какъ на Дунаѣ и на Евфратѣ. Въ первые тревожные годы Северова царствованія, Каледонцы нарушили свое обѣщаніе не вмѣшиваться въ дѣла римскихъ подданныхъ и, благодаря ихъ содѣйствію, ихъ южные сосѣди Мэаты принудили

---

¹) Главнымъ доказательствомъ этого служитъ то, что несомнѣнно вскорѣ 108 года [C. I. L. VII, 241] этотъ легіонъ исчезъ и его замѣнилъ 6-й victrix. Что пораженіе было послѣдствіемъ возстанія, а не нападенія извнѣ, видно изъ обѣихъ, указывающихъ на это происшествіе замѣтокъ [Fronto, стр. 217 Naber: Hadriano imperium obtinente quantum militum a Britannis caesum?—Vita 5: Britanni teneri sub Romana dicione non poterant], равно какъ изъ намека Ювенала 14, 196: castella Brigantum.

²) Если Пій, по словамъ Павзанія 8, 48, 4 ἀπετέμετο τῶν ἐν Βριττανίᾳ Βριγάντων τὴν πολλήν, ὅτι ἐπεσβαίνειν καὶ οὗτοι σὺν ὅπλοις ἦρξαν ἐς τὴν Γενουνίαν μοῖραν [это имя намъ неизвѣстно; быть можетъ,—какъ предполагаетъ О. Гиршфельдъ,—это былъ главный городъ Бригантовъ Виновія] ὑπηκόους Ῥωμαίων,—то изъ этого не слѣдуетъ, что и въ Каледоніи были Бриганты, а слѣдуетъ то, что Бриганты въ ту пору проникли въ сѣверной Англіи въ умиротворенную страну Британцевъ и за это была отобрана часть ихъ владѣній.

римскаго намѣстника Лупа внести за попавшихся въ плѣнъ Римлянъ большія суммы денегъ. За это ихъ строго наказалъ Северъ незадолго передъ своею смертью; онъ проникъ въ ихъ собственныя владѣнія и принудилъ ихъ уступить ему значительные земельные участки [1]), изъ которыхъ—послѣ того какъ престарѣлый императоръ умеръ въ 211 году въ Эбуракскомъ лагерѣ,—его сыновья немедленно добровольно вывели гарнизоны для того, чтобъ избавиться отъ труда ихъ защищать.—Изъ третьяго столѣтія до насъ почти не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, что происходило на островѣ. Такъ какъ до временъ Діоклетіана и его соправителей ни одинъ императоръ не носилъ того имени, которое усвоивалось вслѣдствіе одержанныхъ на островѣ побѣдъ, то слѣдуетъ полагать, что тамъ не приходилось вступать въ серьозную борьбу, и хотя въ той мѣстности, которая лежитъ между валомъ Пія и валомъ Адріана, римскія учрежденія никогда не упрочивались, все-таки Адріановъ валъ, какъ кажется, и въ то время исполнялъ свое назначеніе, такъ что позади его спокойно развивалась иноземная цивилизація. Во время Діоклетіана мы находимъ мѣстность между двумя валами очищенной, но Адріановъ валъ по прежнему занятымъ, а остальныя римскія войска расположенными между этимъ валомъ и главной квартирой Эбуракомъ для отраженія часто съ тѣхъ поръ упоминаемыхъ хищническихъ нашествій Каледонцевъ, или,—какъ ихъ обыкновенно въ ту пору называли—Теттовиртовъ (picti) и вторгавшихся туда изъ Гиберніи Скотовъ.—Римляне содержали у береговъ Британіи флотъ; но морское дѣло всегда было слабой стороной римской оборонительной системы и британскій флотъ былъ сколько-нибудь значителенъ только при Агриколѣ.

Оккупація и управленіе Британіи во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ.— Если римское правительство, по всему вѣроятію, надѣялось, что послѣ занятія острова можно будетъ отозвать большую часть отправленныхъ туда войскъ, то это ожиданіе не оправдалось: только одинъ изъ отправленныхъ туда четырехъ легіоновъ, какъ было ранѣе замѣчено, былъ отозванъ въ царствованіе Домиціана; присутствіе трехъ остальныхъ, должно быть, считалось необходимымъ, такъ какъ никогда не дѣлалось попытки перевести ихъ въ другое мѣсто. Кромѣ того, тамъ стояли вспомогательныя войска, которыя, какъ кажется, участвовали въ мало привлекательной службѣ на

---

[1]) Приписываемое ему намѣреніе подчинить римскому владычеству весь сѣверъ [Діонъ 76, 13] едва-ли можетъ быть согласовано какъ съ этой территоріальной уступкой [въ томъ же мѣстѣ у Діона], такъ и съ постройкой стѣны; оно, конечно, такъ-же баснословно, какъ и понесенная Римлянами потеря пятидесяти тысячъ человѣкъ, тогда какъ дѣло даже не доходило до борьбы.

отдаленномъ сѣверномъ островѣ въ болѣе значительномъ размѣрѣ, нежели легіонныя войска. Въ сраженіи при Граупійской горѣ въ 84 году участвовали, кромѣ четырехъ легіоновъ, вспомогательныя войска въ числѣ 8000 пѣхотинцевъ и 3000 всадниковъ. Во времена Траяна и Адріана эти войска состояли въ Британіи изъ 6-ти алъ и 21 когорты, то-есть почти изъ 15,000 человѣкъ; поэтому слѣдуетъ полагать, что весь численный составъ британской арміи доходилъ до 30,000 человѣкъ. Британія была съ самаго начала первоклассным военнымъ округомъ, который стоялъ ниже двухъ рейнскихъ округовъ и сирійскаго округа, быть можетъ, по рангу, но никакъ не по своему значенію, а въ концѣ втораго столѣтія тамошнее намѣстничество было, по всему вѣроятію, самымъ важнымъ. Только большая отдаленность острова была причиной того, что британскіе легіоны играли второстепенную роль при раздѣленіи армій на политическія партіи въ раннюю пору имперіи; но въ междоусобной войнѣ, вспыхнувшей послѣ пресѣченія династіи Антониновъ, они сражались въ первыхъ рядахъ. Оттого-то однимъ изъ послѣдствій побѣды Севера и было раздѣленіе намѣстничества. Съ тѣхъ поръ оба легіона, стоявшіе подлѣ Иски и подлѣ Девы, были подчинены легату верхней провинціи, а легіонъ, стоявшій въ Эбуракѣ, равно какъ войска, которыя занимали оба вала, и бо́льшая часть вспомогательныхъ войскъ были подчинены легату нижней провинціи [1]). Перемѣщеніе всей оккупаціонной арміи на сѣверъ,—которое, какъ было выше замѣчено, было-бы, по чисто военнымъ соображеніямъ, совершенно цѣлесообразно,—несостоялось, вѣроятно, потому, что оно подчинило-бы три легіона одному и тому-же намѣстнику.

Обложеніе податями и рекрутскіе наборы.—Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ финансовомъ отношеніи провинція стоила болѣе того, что она давала (стр. 151). Напротивъ того, для охраны римскихъ владѣній Британія имѣла немаловажное значеніе; и на этомъ островѣ расходы вознаграждались тѣмъ, что кромѣ взиманія налоговъ тамъ набирались рекруты, а британскіе воины считались, наравнѣ съ иллирійскими, лучшими въ арміи. Тамъ были съ самаго начала организованы изъ туземцевъ семь когортъ, и число этихъ когортъ постоянно увеличивалось до временъ Адріана; послѣ того, какъ этотъ императоръ отмѣнилъ обыкновеніе пополнять войска по возможности рекрутами изъ занимаемыхъ ими округовъ, Британія, какъ кажется, сама пополняла свою сильную оккупаціонную армію въ очень значительныхъ размѣрахъ. Туземное населе-

---

[1]) Объ этомъ раздѣленіи говоритъ Діонъ, 55, 23.

ніе отличалось и усердіемъ и храбростью; оно съ готовностью уплачивало подати и доставляло рекрутъ, но не выносило высокомѣрія и наглости должностныхъ лицъ.

Общинное устройство.—Для внутренней организаціи Британіи послужило основой существовавшее тамъ во время завоеванія волостное устройство, которое,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—существенно отличалось отъ такого-же устройства у континентальныхъ Кельтовъ только тѣмъ, что жившія на островѣ различныя племена, какъ кажется, всѣ безъ исключенія управлялись князьями. Но это волостное устройство, какъ кажется, не сохранилось и волость (civitas) сдѣлалась въ Британіи, точно такъ-же какъ и въ Испаніи, географическимъ понятіемъ; по крайней мѣрѣ едва-ли можно иначе объяснить тотъ фактъ, что британскія племена, какъ бы совершенно исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ они подпадаютъ подъ римское владычество, а объ отдѣльныхъ волостяхъ почти нѣтъ и рѣчи послѣ ихъ покоренія. Отдѣльныя княжества, вѣроятно, дѣлились на болѣе мелкія общины, по мѣрѣ того какъ они покорялись и присоединялись къ римскимъ владѣніямъ; это было не трудно уже потому, что на островѣ, не такъ какъ на континентѣ, вовсе не было волостнаго устройства безъ стоявшаго во главѣ монарха. Къ этому слѣдуетъ присовокупить и то обстоятельство, что галльскія волости имѣли общій главный городъ, и въ этомъ главномъ городѣ общее политическое и религіозное представительное собраніе, а въ Британіи не было ничего подобнаго. Нельзя сказать, чтобъ эта провинція не была знакома ни съ совѣщательнымъ собраніемъ ни съ общимъ для всѣхъ культомъ императора; но еслибы алтарь Клавдія въ Камалодунѣ [1]) былъ хотя приблизительно тѣмъ-же, чѣмъ былъ алтарь Августа въ Лугдунѣ, то о немъ дошли бы до насъ какіе-нибудь слухи. Тѣ свободныя и величественныя политическія учрежденія, которыя были дарованы Галліи Цезаремъ и упрочены его сыномъ, уже не вставлялись въ рамки позднѣйшей императорской политики.—О томъ, что почти одновременно съ нашествіемъ была основана колонія Камалодунъ, уже было упомянуто ранѣе (стр. 156),

---

[1]) Къ нему относится эпиграмма Сенеки [часть 4, стр. 69 Bährens]: oceanusque tuas ultra se respicit aras. И тотъ храмъ, который по насмѣшливому выраженію того-же Сенеки [8, 8], былъ воздвигнутъ въ Британіи въ честь Клавдія еще при его жизни, и тотъ, безъ сомнѣнія тождественный съ нимъ храмъ, который былъ воздвигнутъ богу Клавдію въ Камалодунѣ [Тацитъ 14, 31], конечно, не были городскими святилищами, а имѣли такое-же назначеніе, какъ святилища Августа въ Лугдунѣ и въ Тарраконѣ. Тѣ delecti sacerdotes, которые specie riligionis omnes fortunas effundebant, были извѣстные провинціальные жрецы и фокусники.

и ранѣе также было указано на то, что италійское городское устройство было рано введено во многихъ британскихъ поселеніяхъ. И въ этомъ отношеніи правительство дѣйствовало въ Британіи скорѣе по образцу того, какъ управлялась Испанія, а не по образцу того, какъ управлялся кельтскій континентъ.

Народное благосостояніе.—Не смотря на обычныя несовершенства императорскаго режима, внутреннее положеніе Британіи,—по меньшей мѣрѣ сравнительно съ другими странами,—какъ кажется, не было неблагопріятно. Если на сѣверѣ населеніе предавалось только охотѣ и праздности и, подобно своимъ соѣдямъ, всегда было готово на внутреннія распри и на хищническія предпріятія, за то югъ, при ненарушимомъ внутреннемъ спокойствіи, достигъ нѣкотораго благосостоянія главнымъ образомъ благодаря земледѣлію и развившимися вслѣдъ за земледѣліемъ скотоводствомъ и горными промыслами: галльскіе ораторы временъ Діоклетіана превозносили богатство плодороднаго острова, а рейнскіе легіоны довольно часто получали изъ Британіи свой хлѣбъ. — Дорожная сѣть, которая была необычайно широко развита и для которой много сдѣлалъ Адріанъ въ связи съ сооруженіемъ своего вала, натурально имѣла въ виду главнымъ образомъ военныя цѣли; но наряду съ лагерями легіоновъ и даже преимущественно передъ ними Лондиній занялъ въ этой сѣти такое мѣсто, которое ясно указываетъ на его руководящее значеніе въ томъ, что касалось торговли. Въ одномъ Валлисѣ государственныя дороги находились лишь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ римскихъ лагерей: онѣ вели изъ Иски въ Нидъ (N e a t h) и изъ Девы къ тому мѣсту, откуда совершалась переправа на островъ Мону.

Распространеніе римскихъ нравовъ и римскаго образованія.— Романизированіе шло въ римской Британіи такъ же успѣшно, какъ въ сѣверной и въ средней Галліи. Національныя божества — Марсъ Белатукадръ или Кокидій, и стоявшая наравнѣ съ Минервой богиня Сулисъ, по имени которой назывался теперешній городъ Базъ, не разъ были чтимы на островѣ и на латинскомъ языкѣ. Проникавшіе изъ Италіи языкъ и нравы были на этомъ островѣ еще болѣе экзотическими растеніями нежели на континентѣ; еще въ концѣ перваго столѣтія знатныя семьи заимствовали оттуда какъ латинскій языкъ, такъ и римскую манеру одѣваться. Большіе городскіе центры,—эти настоящіе разсадники новой культуры,—получили въ Британіи болѣе слабое развитіе; намъ неизвѣстно въ точности, въ какомъ англійскомъ городѣ собирался провинціальный совѣтъ и справлялся культъ императора и который изъ трехъ легіонныхъ лагерей служилъ резиденціей для намѣстника; если же гражданской столицей Британіи, какъ кажется, былъ Камалодунъ,

а военной столицей Эбуракъ [1]), то этотъ послѣдній стоялъ настолько же ниже Майнца, насколько Камалодунъ стоялъ ниже Ліона. Камни съ надписями были найдены лишь въ незначительномъ числѣ среди развалинъ даже такихъ извѣстныхъ городовъ, какъ Клавдіевъ городъ ветерановъ Камалодунъ и многолюдный торговый городъ Лондиній; ихъ было найдено очень мало въ легіонныхъ лагеряхъ, находившихся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій въ Девѣ, въ Искѣ и въ Эбуракѣ, а въ такихъ извѣстныхъ, устроенныхъ по римскому образцу, городахъ, какъ колонія Глевъ (Глочестеръ) и муниципій Веруламій, до сихъ поръ не было найдено ни одного; въ Британіи никогда не усвоивалось вполнѣ обыкновеніе ставить надгробные камни, которые большею частію и служатъ для насъ указаніями въ вопросахъ этого рода. Внутри Валлиса и въ другихъ менѣе доступныхъ мѣстахъ не было найдено римскихъ памятниковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ встрѣчаются ясныя доказательства того оживленія торговли и сношеній, о которомъ говоритъ Тацитъ, — а именно чаши, найденныя въ лондонскихъ развалинахъ, и лондонская дорожная сѣть. Агрикола старался возбудить въ Британіи такое же, какъ и перешедшее изъ Италіи въ Африку и въ Испанію соревнованіе между муниципіями касательно украшенія ихъ собственныхъ городовъ постройками и памятниками, и убѣждалъ знатныхъ островитянъ украшать рыночныя площади и строить храмы и дворцы, какъ это дѣлалось повсюду; но въ томъ, что касалось возведенія общественныхъ построекъ его старанія увѣнчались успѣхомъ лишь въ незначительной степени. Въ домашней обстановкѣ частныхъ людей были достигнуты иные результаты: построенные и украшенные по римскимъ образцамъ великолѣпные загородные дома, отъ которыхъ до настоящаго времени уцѣлѣли лишь полы изъ мозаики, встрѣчаются въ южной Британіи и далѣе вплоть до Іорка [2]) такъ же часто, какъ и въ прирейнскихъ странахъ. Высшее школьное образованіе юношества мало-по-малу проникло изъ Галліи въ Британію. Къ числу достигнутыхъ при Агриколѣ административныхъ успѣховъ относили и то, что римскій школьный учитель начиналъ прокладывать себѣ дорогу въ дома знатныхъ островитянъ. Во времена Адріана о Британіи говорили, что она была завоевана галльскими школьными настав-

---

[1]) Тамошнее военное управленіе, — по меньшей мѣрѣ въ болѣе позднюю эпоху, — было безспорно самымъ важнымъ во всей Британіи; есть указаніе [Vita Severi 22] и на то, что тамъ [такъ какъ здѣсь безъ сомнѣнія идетъ рѣчь о Эбуракѣ] находилось Palatium. Praetorium, находившееся ниже Эбурака, вѣроятно на берегу моря [Itin. Ant. стр. 466], быть можетъ, служило для намѣстника лѣтней резиденціей.

[2]) Къ сѣверу отъ Альдборо и Изингвольда [находящихся немного къ сѣверу отъ Іорка] не было найдено такихъ загородныхъ домовъ [Bruce, *Римскій валъ*, стр. 61].

никами, и что «даже Θула поговаривала о томъ, какъ бы нанять для себя профессора.» Эти школьные наставники были первоначально изъ латинистовъ, но потомъ стали пріѣзжать туда и Греки; Плутархъ описываетъ разговоръ, который онъ велъ въ Дельфахъ съ однимъ возвращавшимся изъ Британіи на родину преподавателемъ греческаго языка, уроженцемъ города Тарса. Если въ теперешней Англіи, за исключеніемъ Валлиса и Кумберланда, совершенно исчезло старинное мѣстное нарѣчіе, то оно было уничтожено не Англами и не Саксами, а римскимъ языкомъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ пограничныхъ странахъ, никакой народъ не былъ, въ позднѣйшія времена имперіи, преданъ Риму болѣе непоколебимо, нежели Британцы. Не Британія отказалась отъ Рима, а Римъ отказался отъ Британіи,—послѣднія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этомъ островѣ, заключаются въ томъ, что его жители обращались къ императору Гонорію съ неотступной мольбой защитить ихъ отъ Саксовъ и получили отъ него такой отвѣтъ: пусть сами защищаются, какъ могутъ.

ГЛАВА VI.

Придунайскія страны и войны на Дунаѣ.

Порядки, введенные Августомъ.—Какъ рейнская граница была дѣломъ Цезаря, такъ дунайская граница была дѣломъ Августа. Когда Августъ сталъ во главѣ управленія, Римляне не вполнѣ владѣли на италійскомъ полуостровѣ Альпами, на греческомъ Гемомъ (Балканомъ), и также полосами земли по берегамъ морей Адріатическаго и Чернаго; ихъ владѣнія нигдѣ не доходили до великой рѣки, отдѣляющей южную Европу отъ сѣверной; хищническимъ набѣгамъ дикихъ и неусидчивыхъ сосѣднихъ племенъ постоянно подвергались какъ сѣверная Италія, такъ и иллирійскія и понтійскія торговые города и еще въ большей мѣрѣ цивилизованныя страны Македоніи и Θракіи. Когда Августъ умеръ, вмѣсто одной, едва достигшей самостоятельнаго управленія провинціи Иллирика, на лицо было пять большихъ римскихъ административныхъ округовъ—Ретія, Норикъ, Нижняя Иллирія или Паннонія, Верхняя Иллирія или Далматія и Мезія, а Дунай если не на всемъ своемъ теченіи сдѣлался военною границей имперія, то повсюду сдѣлался ея политической границей. Уже ранѣе были нами описаны и сравнительно легкое покореніе этихъ отдаленныхъ странъ, и грозное возстаніе 6—9 годовъ и состоявшееся вслѣдствіе

этого возстанія отреченіе отъ прежняго намѣренія перенести границу съ верхняго Дуная въ Богемію и на Эльбу. Намъ остается описать внутреннее развитіе этихъ странъ послѣ временъ Августа и отношенія Римлянъ къ жившимъ по ту сторону Дуная племенамъ.

Позднее цивилизація Ретіи. — Судьба Ретіи такъ тѣсно связана съ судьбой верхне-германской провинціи, что намъ приходится сослаться на то, что уже было ранѣе нами разсказано. Тамъ вообще слабо развивалась римская цивилизація. Въ горныхъ альпійскихъ странахъ и въ долинахъ верхняго Инна и верхняго Рейна жилъ слабый и своеобразный народъ, вѣроятно, тотъ самый, который когда-то владѣлъ восточною половиной сѣверо-италійской равнины и, быть можетъ, находился въ племенномъ родствѣ съ Этрусками. Будучи вытѣсненъ оттуда Кельтами и, быть можетъ, также Иллирійцами, онъ удержался въ сѣверныхъ горахъ. Между тѣмъ какъ открытыя съ южной стороны долины, какъ напримѣръ долина Эча, натурально тяготѣли къ Италіи, въ тѣхъ гористыхъ странахъ южане находили мало простора и еще менѣе привлекательности для заведенія поселеній и для основанія городовъ. Далѣе къ сѣверу, на плоской возвышенности между Боденскимъ озеромъ и Инномъ, занятой кельтскими племенами Винделиковъ, конечно было бы достаточно простора для римской культуры; но эта страна не могла сдѣлаться, подобно Норику, непосредственнымъ продолженіемъ Италіи и, подобно смежной съ нею такъ-называемой странѣ Декуматовъ, имѣла въ глазахъ Римлянъ только то достоинство, что служила преградой для германскихъ нашествій, а потому политика первыхъ императоровъ, какъ кажется, даже препятствовала распространенію тамъ римской культуры. Ранѣе (стр. 11) уже было упомянуто о томъ, что немедленно вслѣдъ за завоеваніемъ этой страны возникло намѣреніе обезлюдить ее. На ряду съ этимъ слѣдуетъ поставить и тотъ фактъ, что въ раннюю пору имперіи тамъ не было общинъ съ римской организаціей. Хотя основаніе Аугусты Винделиковъ, теперешняго Аугсбурга, и составляло необходимую принадлежность сооруженія той большой дороги, которая была проведена старшимъ Друзомъ одновременно съ завоеваніемъ страны черезъ альпійскія возвышенности къ Дунаю (стр. 12); но этотъ быстро расцвѣтшій городъ былъ и оставался въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ торговымъ рынкомъ, пока Адріанъ не уклонился и въ этомъ отношеніи отъ указаннаго Августомъ пути и не включилъ страну Винделиковъ въ сферу сѣвернаго романизированія. Дарованіе Адріаномъ главному городу Винделиковъ римскаго городскаго права должно быть сопоставлено съ тѣмъ, что почти въ то же время была раздвинута на верхнемъ Рейнѣ военная граница, а въ прежней странѣ Декуматовъ возникли римскіе города; тѣмъ не менѣе Аугуста и впослѣдствіи

оставалась единственнымъ въ Ретіи большимъ центромъ римской цивилизаціи. Система военнаго управленія также имѣла свою долю вліянія на медленное развитіе этой цивилизаціи. Провинція находилась съ самаго начала подъ императорскимъ управленіемъ и не могла быть оставлена безъ оккупаціонной арміи; но особыя соображенія,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—заставили правительство посылать въ Ретію только войска втораго разряда и хотя эти войска не были незначительны по своему численному составу, но небольшіе постоянные лагери алъ и когортъ не могли въ такой же мѣрѣ, какъ легіонные лагери, содѣйствовать распространенію цивилизаціи и возникновенію городовъ. Правда, при Маркѣ, вслѣдствіе войны съ Маркоманами, одинъ легіонъ былъ поставленъ гарнизономъ въ главной квартирѣ ретійской арміи въ castra Regina, теперешнемъ Регенсбургѣ; но даже этотъ пунктъ, какъ кажется, оставался подъ римскимъ владычествомъ лишь простымъ военнымъ поселеніемъ и въ томъ, что касается развитія городской жизни, едва ли могъ быть поставленъ на ряду съ второклассными прирейнскими лагерями, какъ напримѣръ съ Бонной.

Ретійскій лимъ.—Уже ранѣе (стр. 138) было упомянуто о томъ, что граница Ретіи была передвинута во времена Траяна изъ Регенсбурга къ западу за Дунай на небольшое разстояніе отъ этой рѣки и вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣчено, что для присоединенія къ имперіи какъ этой страны, такъ и страны Декуматовъ не было надобности прибѣгать къ оружію. Уже было упомянуто и о томъ, что возведеніе въ этой странѣ укрѣпленій, быть можетъ, было вызвано распространявшимися дотуда въ царствованіе Марка нашествіями Хаттовъ, и о томъ, что Хатты и въ третьемъ столѣтіи Алеманны вторгались какъ въ эту передовую страну, такъ и въ Ретію и окончательно отняли ихъ у Римлянъ въ царствованіе Галліена.

Итальянизированіе Норика.—Въ сосѣдней провинціи Норикѣ римское правительство вводило такія же мѣстныя учрежденія, какъ и въ Ретіи, но развитіе этой провинціи шло инымъ путемъ. Ни съ одной стороны Италія не представляетъ такихъ удобствъ для международныхъ сношеній, какъ съ сѣверо-востока; торговля, которую Аквилея вела черезъ Фріуль до верхняго Дуная и до желѣзныхъ копей Нореи, равно какъ черезъ Юлійскія Альпы до долины Савы, служила такой подготовкой для состоявшагося при Августѣ расширенія границъ, какой не было ни въ одной изъ придунайскихъ странъ. Находившійся по ту сторону горнаго ущелья Навпортъ (Верхній Лайбахъ) былъ римскимъ торговымъ рынкомъ еще во времена республики, а Эмона (Лайбахъ), впослѣдствіи формально включенная въ составъ Италіи, въ сущности была съ того момента,

какъ ее основалъ Августъ, принадлежавшей къ Италіи римской гражданской колоніей. Поэтому,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—для превращенія этого «королевства» въ римскую провинцію, было, по всему вѣроятію, достаточно одного публичнаго о томъ объявленія. Мѣстное населеніе, которое первоначально было иллирійскаго происхожденія, а впослѣдствіи состояло большею частію изъ Кельтовъ, не обнаруживало никакихъ признаковъ той привязанности къ національнымъ нравамъ и къ національному языку, которую мы находимъ у западныхъ Кельтовъ. Римскій языкъ и римскіе нравы, должно быть, рано туда проникли, а императоръ Клавдій ввелъ италійское общинное устройство не только во всей странѣ, но даже въ той ея сѣверной части, которая отдѣлена отъ долины Дравы цѣпью Тауэрнскихъ горъ. Между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ Ретіи и Панноніи памятники римскаго языка или вовсе не встрѣчаются или встрѣчаются только въ самыхъ большихъ центрахъ, долины Дравы, Мура, Зальцаха и ихъ притоковъ наполнены вплоть до горныхъ высотъ свидѣтельствами о глубоко проникшемъ туда романизированіи. Норикъ былъ выступомъ Италіи и какъ бы неотъемлемою ея частію; пока при наборѣ рекрутъ для легіоновъ и для гвардіи отдавалось предпочтеніе Италійцамъ, ни на какую другую провинцію это предпочтеніе не распространялось такъ же безусловно, какъ на Норикъ.—Относительно военной охраны, о Норикѣ можно сказать то же, что было сказано о Ретіи. По указаннымъ ранѣе причинамъ и въ Норикѣ находились, въ теченіе двухъ первыхъ столѣтій имперіи, только лагери алъ и когортъ; Карнунтъ (Петронелль подлѣ Вѣны), принадлежавшій во времена Августа къ Норику, былъ присоединенъ къ Панноніи именно вслѣдствіе того, что тамъ были поставлены иллирійскіе легіоны. Для развитія тамъ городскихъ учрежденій не имѣли никакого значенія ни расположенные на Дунаѣ небольшіе норикскіе лагери, ни даже тотъ лагерь, который былъ устроенъ Маркомъ въ Лавріакѣ (подлѣ Энниса) для легіона, поставленнаго имъ въ этой провинціи; а такіе большіе центры, какъ Целейя (Цилли) въ долинѣ Заана, Агвонтъ (Линцъ), Теурнія (неподалеку отъ Шпитала), Вирунъ (Цольфельдъ подлѣ Клагенфурта), на сѣверѣ Ювавъ (Зальцбургъ) возникли чисто изъ гражданскихъ элементовъ.

Иллирійское племя.—Иллирикъ, подъ именемъ котораго мы разумѣемъ римскія владѣнія, находившіяся между Италіей и Македоніей, былъ во времена республики присоединенъ въ своей меньшей части къ греко-македонскому намѣстничеству; но его большая часть управлялась какъ присоединенная къ Италіи страна, а послѣ учрежденія намѣстничества цизальпійской Галліи управлялась, какъ составная часть этой послѣдней. Эта страна была до нѣкоторой степени на-

селена тѣмъ широко распространившимся племенемъ, по имени котораго она была названа Римлянами Иллирикомъ; это-то самое племя, незначительные остатки котораго до сихъ поръ сохранили свою прежнюю національность и свой прежній языкъ на южной оконечности своихъ когда-то обширныхъ владѣній, подъ именемъ Шкипетаровъ, какъ они сами себя называютъ, или подъ даннымъ имъ сосѣдями названіемъ Арнаутовъ или Албанцевъ. Это одинъ изъ членовъ индо-германской семьи, а внутри этой семьи онъ находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ греческой сферой,—что вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ; но на ряду съ этой сферой онъ занимаетъ по меньшей мѣрѣ такое же самостоятельное положеніе, какъ сферы латинская и кельтская. При своемъ первоначальномъ распространеніи, эта нація покрыла берега Адріатическаго моря отъ устьевъ По поверхъ Истріи, Далмаціи и Эпира до Акарнаніи и Этоліи, а внутри страны верхнюю Македонію, равно какъ теперешнюю Сербію и Боснію и владѣнія Венгровъ на правомъ берегу Дуная; поэтому она граничитъ съ восточной стороны ѳракійскими племенами, а съ западной кельтскими, отъ которыхъ Тацитъ ясно ее отличаетъ. Это—южане крѣпкаго закала съ черными волосами и черными глазами, нисколько не похожіе на Кельтовъ и еще менѣе на Германцевъ, воздержные, малымъ довольные, неустрашимые, гордые, превосходно исполняющіе обязанности солдата, но мало доступные для гражданскаго развитія и похожіе более на пастуховъ, нежели на земледѣльцевъ. Болѣе широкаго политическаго развитія они не достигли. На италійскомъ берегу съ ними, вѣроятно, прежде всѣхъ столкнулись Кельты; племена, которыя тамъ жили и по всему вѣроятію были иллирійскаго происхожденія, въ особенности Венеты, рано сдѣлались покорными подданными Римлянъ вслѣдствіе соперничества съ Кельтами. Въ концѣ 6 столѣтія отъ основанія Рима границы ихъ владѣній еще болѣе съузились вслѣдствіе основанія Аквилеи и покоренія полуострова Истріи. У восточныхъ береговъ Адріатическаго моря самые большіе острова и южныя гавани континента были уже давно заняты отважными греческими мореходцами. Когда владѣтели Сходры (Скутари), которая въ старину была почти такимъ же, какъ и въ настоящее время, центральнымъ пунктомъ иллирійской страны, начали пріобрѣтать самостоятельное значеніе и въ особенности на морѣ вступать въ борьбу съ Греками, Римъ силою подавилъ это могущество еще до войны съ Аннибаломъ и взялъ весь берегъ подъ свое покровительство; а послѣ того, какъ владѣтель Скодры перешолъ на сторону македонскаго царя Персея и вмѣстѣ съ нимъ потерпѣлъ пораженіе, это княжество окончательно утратило свою независимость. Въ концѣ 6 столѣтія отъ основанія Рима и въ первой половинѣ седьмаго, Римлянами были также заняты берега между Истріей и Скодрой

послѣ многолѣтней борьбы. Съ жившими внутри страны Иллирійцами Римлянамъ рѣдко приходилось сталкиваться во времена республики, но за то надвигавшіеся съ запада Кельты, какъ кажется, завладѣли значительной частію территоріи, первоначально принадлежавшей Иллирійцамъ, а также Норикомъ, въ которомъ въ болѣе позднюю пору преобладалъ кельтскій элементъ. Жившіе въ теперешней Краинѣ Латобики были также Кельты и все пространство между Савой и Дравой, равно какъ долина Рааба, были заселены въ перемѣшку обоими великими племенами въ ту пору, когда Цезарь Августъ утвердилъ римское владычество надъ южными округами Паннонія. Раннему исчезновенію иллирійской націи въ принадлежавшихъ къ Паннонія странахъ, вѣроятно, содѣйствовало какъ это сильное смѣшеніе съ кельтскими элементами, такъ и то, что страна имѣла плоскую поверхность. Напротивъ того, въ южную часть страны, населенной Иллирійцами, изъ Кельтовъ проникли только Скордиски; но о томъ, какъ эти послѣдніе утвердились на нижней Савѣ вплоть до Моравы и какъ они достигали въ своихъ набѣгахъ до окрестностей Ѳессалоники, уже было разсказано во 2-мъ томѣ. Впрочемъ тамъ имъ было въ нѣкоторой мѣрѣ очищено мѣсто Греками; упадокъ македонскаго могущества, равно какъ опустошеніе Эпира и Этоліи, конечно, были благопріятны для желавшихъ расширить свои владѣнія сосѣднихъ Иллирійцевъ. Боснія, Сербія и главнымъ образомъ Албанія были во времена имперіи иллирійскими странами, а Албанія осталась таковой и до настоящаго времени.

Провинція Иллирикъ.—Уже ранѣе было разсказано, что еще диктаторъ Цезарь намѣревался сдѣлать изъ Иллирика особое намѣстничество, что это намѣреніе было приведено въ исполненіе при раздѣленіи провинцій между Августомъ и сенатомъ, что это намѣстничество было первоначально предоставлено вѣдѣнію сената, а потомъ,— вслѣдствіе необходимости вести тамъ военныя дѣйствія, — перешло въ вѣдѣніе императора, что Августъ раздѣлилъ его на части и осуществилъ на дѣлѣ до тѣхъ поръ бывшее лишь номинальнымъ верховенство надъ внутренностью страны какъ въ Далматіи, такъ и въ области Савы и, наконецъ, что онъ подавилъ, послѣ тяжелой многолѣтней борьбы, грозное національное возстаніе, вспыхнувшее въ 6 г. послѣ Р. Х. и среди далматскихъ и среди паннонскихъ Иллирійцевъ. Поэтому намъ остается описать дальнѣйшую судьбу главнымъ образомъ южной провинціи.

Далматія и ея цивилизированіе Италійцами. — Опытъ, вынесенный изъ подавленнаго возстанія, доказалъ не только то, что набранныхъ въ Иллирикѣ рекрутъ слѣдуетъ употреблять на службу не на ихъ родинѣ, какъ это дѣлалось прежде, а внѣ ея, но и то, что для

удержанія Далматовъ и Паннонцевъ въ покорности необходимо учредить тамъ военное командованіе высшаго ранга. Эта мѣра чрезвычайно скоро достигла своей цѣли. Сопротивленіе, оказанное при Августѣ Иллирійцами непривычному для нихъ иноземному владычеству, утихло послѣ одного бурнаго взрыва; изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобъ послѣ того возникали подобныя, хотя бы только мѣстныя, возстанія. Для южнаго или, по римскому выраженію, верхняго Иллирика, то-есть для провинціи Далматіи, какъ обыкновенно называли эту страну со временъ Флавіевъ, началась съ введеніемъ императорскаго управленія новая эпоха. Греческіе купцы основали на самомъ близкомъ отъ нихъ берегу два большихъ торговыхъ центра—Аполлонію (подлѣ Валоны) и Диррахій (Дураццо); потому-то эта часть страны и была еще при республикѣ предоставлена въ управленіе Грекамъ. Но далѣе къ сѣверу Эллины поселились лишь на близь-лежащихъ островахъ Иссѣ (Лиссѣ), Фаросѣ (Лезинѣ), Шварцъ-Керкирѣ (Курцолѣ) и оттуда вели съ туземцами торговлю на берегахъ Нароны и въ нѣкоторыхъ пунктахъ ниже Салонъ. При римской республикѣ, италійскіе торговцы, замѣнившіе тамъ греческихъ купцовъ, поселились въ такомъ значительномъ числѣ въ главныхъ портовыхъ городахъ — Эпитаврѣ (Ragusa vecchia), Наронѣ, Салонахъ, Ядерѣ (Зарѣ), что могли играть немаловажную роль въ борьбѣ Цезаря съ Помпеемъ. Но только при Августѣ эти торговые центры расширились путемъ поселенія тамъ ветерановъ и главнымъ образомъ благодаря дарованію имъ городскихъ правъ; немедленно вслѣдъ за тѣмъ были энергически уничтожены на островахъ притоны пиратовъ, внутренняя часть страны была приведена въ покорность и римская граница была передвинута къ Дунаю,—а все это послужило на пользу въ особенности тѣмъ Италійцамъ, которые поселились на восточномъ берегу Адріатическаго моря. Мѣстная столица Салоны, служившая мѣстопребываніемъ для намѣстника и центромъ для всего управленія, быстро разцвѣла и далеко опередила болѣе старыя греческія колоніи Аполлонію и Диррахій, хотя въ послѣдній изъ этихъ городовъ были отправлены также при Августѣ италійскіе колонисты, конечно, не изъ ветерановъ, а изъ лишонныхъ собственности Италійцевъ и городу было дано устройство римской гражданской общины. При развитіи благосостоянія въ Далматіи и при упадкѣ этого благосостоянія на иллирико-македонскомъ берегу, вѣроятно, играла важную роль противоположность между императорскимъ управленіемъ и сенатскимъ: тотъ, кто былъ настоящимъ властелиномъ и лучше управлялъ подчиненными ему провинціями и оказывалъ имъ предпочтеніе передъ остальными Съ этимъ находится въ связи и тотъ фактъ, что иллирійская національность укоренилась въ македонскомъ намѣстничествѣ прочнѣе, нежели въ далматскомъ: тамъ она еще живетъ и въ настоящее

время, а внутри страны — за исключеніемъ греческой Аполлоніи и италійской колоніи Диррахія,—народный языкъ, должно быть, оставался во времена имперіи по прежнему иллирійскимъ, не смотря на то, что рядомъ съ нимъ были въ употребленіи языки латинскій и греческій. Напротивъ того, въ Далматіи и берега и острова (дикая мѣстность къ сѣверу отъ Ядера, натурально, отстала отъ другихъ въ томъ, что касается внутренняго развитія) получили италійское общинное устройство въ той мѣрѣ, въ какой оно было тамъ примѣнимо, и скоро на всемъ берегу жители стали говорить по-латыни подобно тому, какъ въ наше время тамъ говорятъ по-венеціански. Распространеніе цивилизаціи внутри страны встрѣтило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препятствія. Главныя рѣки Далматіи образуютъ скорѣе водопады, нежели водные пути; даже при проведеніи большихъ дорогъ встрѣчаются чрезвычайныя затрудненія по причинѣ особыхъ свойствъ мѣстной цѣпи горъ. Римское правительство энергически старалось облегчить доступъ внутрь страны. Воздѣлываніе земли по италійскому образцу, насажденіе виноградниковъ и оливковыхъ деревьевъ, а главнымъ образомъ италійскія учрежденія и нравы вводились въ долинѣ Керки подъ покровительствомъ легіоннаго лагеря, находившагося въ Бурнѣ, а въ долинѣ Цеттины подъ покровительствомъ лагеря, находившагося въ Дельминіи, при чемъ лагери и въ этомъ случаѣ были распространителями цивилизаціи и латинизированія. Напротивъ того, по ту сторону водоската, между Адріатическимъ моремъ и Дунаемъ, мало пригодныя даже для земледѣлія долины на всемъ пространствѣ отъ Кульпы до Дрины оставались во времена римскаго владычества въ такомъ же первобытномъ состояніи, какое мы находимъ въ теперешней Босніи. Хотя солдаты стоявшаго въ Салонахъ далматскаго легіона и проводили, по приказанію императора Тиверія, шоссированныя дороги вплоть до долинъ Босніи, но эта трудная задача, по видимому, была отложена въ сторону при слѣдующихъ императорахъ. Военная охрана скоро оказалась ненужной на берегахъ Далматіи и въ прилегающей къ нимъ мѣстности; уже Веспасіанъ счелъ возможнымъ вывести изъ долинъ Керки и Цеттины стоявшіе тамъ легіоны и употребить ихъ въ другомъ мѣстѣ. При общемъ упадкѣ имперіи въ третьемъ столѣтіи, Далматія сравнительно мало пострадала, а Салоны именно въ ту пору впервые достигли своего высшаго цвѣтущаго состоянія. Конечно, причиной этого было отчасти то, что преобразователь римскаго государства императоръ Діоклетіанъ былъ родомъ Далматъ и что его стараніе отнять у Рима значеніе столицы обратилось прежде всего въ пользу главнаго города его отчизны: подлѣ этого города онъ построилъ великолѣпный дворецъ; теперешній главный городъ провинціи носитъ названіе Спалато по имени этого дворца, внутри котораго онъ большею частію умѣстился и храмъ котораго служитъ

теперь для него соборною церковью и крестильницей [1]). Но Салоны были большимъ городомъ еще до Діоклетіана, почему онъ и выбралъ ихъ мѣстомъ для своей частной резиденціи; торговля, мореплаваніе и промышленность тѣхъ странъ сосредоточивались въ ту пору главнымъ образомъ въ Аквилеѣ и въ Салонахъ и этотъ послѣдній городъ былъ однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ и самыхъ цвѣтущихъ на всемъ западѣ. Богатыя желѣзныя копи Босніи дѣятельно разрабатывались по меньшей мѣрѣ въ позднѣйшія времена имперіи; лѣса этой провинціи доставляли въ огромномъ количествѣ превосходный строевой матеріалъ, а о цвѣтущемъ состояніи мѣстнаго прядильнаго производства жреческая Далматика сохраняетъ воспоминанія и до настоящаго времени. Вообще цивилизированіе и романизированіе Далматіи принадлежали къ числу самыхъ странныхъ и самыхъ важныхъ явленій временъ имперіи. Граница Далматіи и Македоніи есть вмѣстѣ съ тѣмъ предѣльная черта между западомъ и востокомъ какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и по мѣстному языку. Подлѣ Скодры соприкасались какъ владѣнія Цезаря и Марка Антонія, такъ и послѣ происшедшаго въ четвертомъ столѣтіи раздѣленія имперіи владѣнія Рима и Византіи. Здѣсь латинская провинція Далматія отдѣляется отъ греческой провинціи Македоніи; здѣсь младшая сестра старается взять верхъ надъ старшей и одолѣваетъ ее при помощи энергически веденной пропаганды.

Паннонія до временъ Траяна.—Если южная иллирійская провинція и ея мирное внутреннее управленіе скоро утрачиваютъ историческій интересъ, за то сѣверный Иллирикъ или, какъ его обыкновенно называли, Паннонія является во времена имперіи однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическихъ центровъ. Въ дунайской арміи паннонскіе лагери занимали такое же высшее положеніе, какое занимали на западѣ рейнскіе лагери, а далматскіе и мезійскіе легіоны примыкали и приспособлялись къ нимъ точно такъ-же, какъ легіоны испанскіе и британскіе примыкали и приспособлялись къ рейнскимъ лагерямъ. Здѣсь римская цивилизація находилась и оставалась подъ вліяніемъ лагеря, который стоялъ въ Панноніи не при жизни нѣсколькихъ поколѣній, какъ въ Далматіи, а постоянно. Послѣ того, какъ было подавлено возстаніе Батоновъ, постоянная оккупаціонная армія въ этой провинціи состояла сначала изъ трехъ легіоновъ, а потомъ, какъ кажется, только изъ двухъ, дальнѣйшее-же развитіе страны находилось въ зависимости отъ ея постояннаго пребыванія въ одномъ мѣстѣ и отъ ея передвиженій. Послѣ первой войны съ Далматами, Августъ выбралъ для главнаго военнаго центра Сисків, лежащую у впаденія Кульпы въ Саву; но когда Тиверій покорилъ Паннонію по меньшей мѣрѣ до Дравы, лагерь былъ перенесенъ къ этой рѣкѣ и

---

[1]) Крестильница, быть можетъ, находится на томъ мѣстѣ, гдѣ была гробница императора.

съ тѣхъ поръ по меньшей мѣрѣ одна изъ паннонскихъ главныхъ квартиръ находилась на границѣ Норика въ Петовіо (Pettau). Причина, почему паннонская армія, вся или частію, не покидала долины Дравы, конечно, была та-же, по которой былъ устроенъ далматскій легіонный лагерь; тамъ нужны были войска для того, чтобъ держать въ покорности римскихъ подданныхъ какъ въ сосѣднемъ Норикѣ, такъ главнымъ образомъ и въ самой области Дравы. По Дунаю ходилъ дозоромъ римскій флотъ, о которомъ упоминалось еще въ 50 году и который возникъ, вѣроятно, въ одно время съ организаціей этой провинціи. На самомъ берегу рѣки, быть можетъ, еще не было легіоннаго лагеря при Юліевско-Клавдіевской династіи [1]; на это наводитъ то соображеніе, что лежавшее непосредственно за этой провинціей свевское государство было въ ту пору вполнѣ зависимо отъ Рима и могло служить въ нѣкоторой мѣрѣ прикрытіемъ для римской границы. Веспасіанъ, по видимому, упразднилъ какъ далматскіе лагери, такъ и тотъ, который находился на Дравѣ, и перенесъ ихъ на самый Дунай; съ тѣхъ поръ главная квартира паннонской арміи находилась въ бывшемъ норикскомъ (стр. 175) Карнунтѣ (Петронеллъ къ востоку отъ Вѣны) и въ близь-лежащей Виндобонѣ (Вѣнѣ).

Такое-же гражданское развитіе, какое мы нашли въ Норикѣ и на берегахъ Далматіи, встрѣчается въ Панноніи также лишь въ нѣкоторыхъ округахъ, примыкавшихъ къ норикской границѣ и

---

[1]) Что въ 50 году еще не стояло никакихъ легіоновъ на самомъ Дунаѣ, видно изъ словъ Тацита, *Лѣт.* 12, 29; въ противномъ случаѣ не было-бы надобности посылать туда легіонъ для принятія переходившихъ къ Римлянамъ Свевовъ. И устройство, введенное Клавдіемъ въ Саваріи, болѣе понятно, если городъ принадлежалъ въ ту пору къ Норику и еще не былъ присоединенъ къ Панноніи; а такъ какъ присоединеніе этого города къ Панноніи, безъ сомнѣнія, совпадаетъ по времени съ такимъ-же присоединеніемъ Карнунта и съ перемѣщеніемъ туда легіона, то слѣдуетъ полагать, что все это происходило въ послѣ-Клавдіевскія времена. На болѣе позднее возникновеніе лагеря указываетъ и незначительное число италійскихъ надписей, найденныхъ въ придунайскихъ лагеряхъ [Eph. ep. 5, стр. 225]. Впрочемъ въ Карнунтѣ были найдены надгробныя надписи солдатъ 15 легіона; по своей внѣшней формѣ и по отсутствію названій, присовокупляемыхъ къ родовому имени, онѣ, какъ кажется, должны принадлежать къ болѣе отдаленной порѣ [Hirschfeld arch. epigraph. Mittheilungen 5, 217]. Когда идетъ рѣчь о десяткѣ годовъ, такія опредѣленія времени не могутъ претендовать на полную точность; кромѣ того слѣдуетъ сознаться, что и приведенные аргументы не могутъ служить вполнѣ удовлетворительными доказательствами и что перенесеніе лагеря могло начаться ранѣе, еще при Неронѣ. На устройство или расширеніе этого лагеря Веспасіаномъ указываетъ надпись въ Карнунтѣ, намекающая на сооруженія этого рода и относящаяся къ 73 году [Hirschfeld, въ выше указ. мѣстѣ].

частію первоначально принадлежавшихъ къ Норику; Эмона и долина верхней Савы стоятъ наравнѣ съ Норикомъ, а если Саварія (Stein am Anger) и получила италійское городское устройство въ одно время съ норикскими городами, то, пока Карнунтъ былъ норикскимъ городомъ, конечно и она принадлежала къ Норику. Только съ тѣхъ поръ, какъ войска были поставлены на Дунаѣ, правительство стало вводить городское устройство внутри страны. Въ западныхъ странахъ, первоначально принадлежавшихъ къ Норику, городское право получила при Флавіяхъ Скарбанція (Ёденбургъ на Нейзидлерскомъ озерѣ), между тѣмъ какъ Виндобона и Карнунтъ сдѣлались сами по себѣ лагерными городами. Изъ числа самыхъ выдающихся центровъ Сисkія и Сирмій получили городское право при Флавіяхъ, лежащій на Дравѣ Петовіо (Pettau) получилъ городское право при Траянѣ, а Мурса (Eszeg) получила при Адріанѣ колоніальное право. Ранѣе уже было замѣчено, что романизированіе не встрѣчало энергическаго сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія, которое было въ большинствѣ иллирійскаго происхожденія, но въ значительной мѣрѣ также состояло изъ Кельтовъ; прежній языкъ и прежніе нравы исчезали тамъ, куда проникало римское оружіе и сохранялись только въ самыхъ отдаленныхъ округахъ. Отдаленныя, но мало пригодныя для поселеній страны къ востоку отъ рѣки Рааба и къ сѣверу отъ Дравы до самаго Дуная хотя и считались еще со временъ Августа принадлежащими къ имперіи, но вѣроятно почти такъ же, какъ до пораженія Вара считалась принадлежащею къ имперіи Германія; тамъ городское устройство не находило для себя благопріятной почвы ни въ ту пору ни впослѣдствіи; эта страна даже долго была или слабо занята римскими войсками или вовсе не занята. Все это въ нѣкоторой мѣрѣ измѣнилось вслѣдствіе состоявшагося при Траянѣ включенія Дакіи въ составъ имперіи; но какъ вызванное этой перемѣной перенесеніе паннонскаго лагеря на восточную границу провинціи, такъ и дальнѣйшее внутреннее развитіе Панноніи будутъ подробнѣе описаны въ связи съ Траяновскими войнами.

Ѳракійское племя.—Остальная часть правыхъ береговъ Дуная—гористая мѣстность по обѣимъ сторонамъ Марга (Моравы) и низменность, которая тянется на большомъ пространствѣ между Гемомъ и Дунаемъ,—была заселена народами ѳракійскаго происхожденія; поэтому намъ кажется необходимымъ прежде всего познакомиться съ этимъ великимъ племенемъ. Оно выступаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ параллельно съ иллирійскимъ. Какъ Иллирійцы когда-то занимали всю страну отъ Адріатическаго моря до средняго Дуная, такъ и Ѳракійцы сначала жили къ востоку отъ нихъ между Эгейскимъ моремъ и устьями Дуная и въ то же время съ одной стороны

на лѣвомъ берегу Дуная, именно въ теперешней Трансильваніи, а съ другой стороны за Босфоромъ, по меньшей мѣрѣ въ Виѳиніи и даже до Фригіи; не безъ основанія Геродотъ называетъ Ѳракійцевъ самымъ великимъ послѣ Индійцевъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему народовъ. Подобно иллирійскому племени и ѳракійское не достигло никакого полнаго развитія и, по видимому, скорѣе было стѣснено и вытѣснено, нежели шло путемъ такого самостоятельнаго развитія, которое оставляетъ послѣ себя историческія воспоминанія. Но языкъ и нравы Иллирійцевъ сохранились до настоящаго времени, хотя и въ такой формѣ, которая въ теченіе многихъ столѣтій обезцвѣчивалась, и мы не безъ нѣкотораго основанія переносимъ характеристическія черты Паликаровъ изъ новѣйшей исторіи въ исторію римской имперіи,— а нельзя того-же сказать о ѳракійскихъ племенахъ. Неоднократно и неоспоримо было доказано, что на одномъ и томъ-же языкѣ говорили какъ тѣ племена, которыя жили на территоріи, окончательно получившей,—вслѣдствіе раздѣленія римскихъ владѣній на провинціи,—названіе Ѳракіи, такъ и мезійскія племена, жившія между Балканомъ и Дунаемъ, равно какъ Геты или Даки, жившіе на другомъ берегу Дуная. Этотъ языкъ занималъ въ римской имперіи такое-же положеніе, какъ языки кельтскій и сирійскій. Историкъ и географъ Августовскаго времени Страбонъ упоминаетъ о томъ, что названные народы говорили на одномъ языкѣ; въ сочиненіяхъ о ботаникѣ, написанныхъ во времена имперіи, приводятся дакійскія названія нѣкоторыхъ растеній [1]). Когда современнику Страбона, поэту Овидію приходилось скорбѣть въ далекой Добруджѣ о прежней слишкомъ разгульной жизни, онъ употреблялъ свой досугъ на изученіе гетскаго языка и едва не сдѣлался гетскимъ поэтомъ:

И—о горе!—я написалъ стихотвореніе на гетскомъ языкѣ,
Отчего-же ты не поздравляешь меня съ тѣмъ, что я угодилъ Гетамъ?

Но между тѣмъ какъ ирландскіе барды, сирійскіе миссіонеры и горныя долины Албаніи придали нѣкоторую долговѣчность другимъ нарѣчіямъ, существовавшимъ во времена имперіи, Ѳракійцы заглохли среди скопившихся въ области Дуная народовъ и подъ мощнымъ вліяніемъ Константинополя, и мы даже не въ состояніи рѣшить, какое мѣсто слѣдуетъ имъ отвести въ средѣ одноплеменныхъ съ

---

[1]) Намъ извѣстно множество ѳракійскихъ, гетскихъ и дакійскихъ названій мѣстъ и лицъ; по отношенію къ языку достойна вниманія группа личныхъ именъ, въ которыя входитъ слово centhus: Bithicenthus, Zipacenthus, Disacenthus, Tracicenthus, Linicenthus [Bull. de corr. hell. 6, 179]; два первыя изъ этихъ именъ нерѣдко встрѣчаются и безъ этой прибавки [Bithus, Zipa]. Подобную группу составляютъ слова сложныя съ poris, какъ напримѣръ Mucaporis [Ѳракійцы Bull. въ выше указанномъ мѣстѣ, а Даки въ большомъ числѣ], Cetriporis, Rhaskyporis, Bithoporis, Dirdiporis.

ними народовъ. До насъ дошло не мало свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ нѣкоторыхъ ѳракійскихъ племенъ; но въ описаніяхъ этихъ нравовъ и обычаевъ мы находимъ не общія для всего племени отличительныя особенности, а бо́льшею частію лишь такія отдѣльныя черты, какія обнаружкваются у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени культу́ры. Но это былъ воинственный народъ, годный для кавалерійской службы столько-же, сколько и для службы въ легкой пѣхотѣ, и онъ не утрачивалъ своихъ воинскихъ способностей со временъ пелопоннесской войны и Александра Македонскаго до эпохи римскихъ Цезарей, сначала сопротивляясь этимъ послѣднимъ, а потомъ сражаясь за нихъ. Одной изъ его самыхъ характеристическихъ особенностей, какъ кажется, также былъ дикій, но величественный способъ поклоненія богамъ; онъ состоялъ изъ сильныхъ взрывовъ весенняго и юношескаго любострастія, изъ ночныхъ нагорныхъ праздниковъ, въ которыхъ участвовали вооруженныя факелами дѣвушки, изъ оглушительной ошеломляющей музыки, изъ проливанія потоками и вина и крови и изъ бѣшенаго праздничнаго веселья при сильномъ возбужденіи всѣхъ чувственныхъ влеченій. Прелестный и страшный Діонисъ былъ ѳракійскій богъ, а если въ эллинскомъ и въ римскомъ культахъ и встрѣчалось что-либо подобное, то оно находилось въ связи съ ѳракійскими или съ фригійскими обрядами.

Ѳракійское княжество.—Послѣ того, какъ великое народное возстаніе было подавлено въ послѣдніе годы царствованія Августа, жившія въ Далматіи и Панноніи иллирійскія племена не брались снова за оружіе для борьбы съ Римлянами; но нельзя того-же сказать о ѳракійскихъ племенахъ; часто проявлявшаяся любовь къ независимости и дикая храбрость этого народа не ослабѣли даже въ эпоху его упадка. Во Ѳракіи, къ югу отъ Гема, прежнее княжество оставалось подъ римскимъ верховенствомъ. Туземный владѣтельный домъ Одрисовъ, имѣвшій свою резиденцію въ В i z у е (Визѣ) между Адріанополемъ и берегомъ Чернаго моря, уже издавна выдѣлялся изъ всѣхъ ѳракійскихъ княжескихъ родовъ; послѣ временъ тріумвирата не упоминается ни о какихъ другихъ ѳракійскихъ царяхъ кромѣ тѣхъ, которые принадлежали къ дому Одрисовъ, такъ что всѣ остальные князья, по видимому, или были обращены Августомъ въ вассаловъ или совершенно устранены и ѳракійское королевство впредь предоставлялось въ управленіе лишь членамъ этого дома. Причиной этого, вѣроятно, было то, что въ теченіе перваго столѣтія,—какъ это будетъ далѣе доказано,—на нижнемъ Дунаѣ вовсе не было римскихъ легіоновъ и Августъ расчитывалъ, что его ѳракійскіе вассалы будутъ охранять границу у устьевъ Дуная. Какъ Реметалкъ, владѣвшій во второй половинѣ Августова управ-

ленія всей Өракіей въ качествѣ римскаго вассала [1]), такъ и его сыновья и внуки впослѣдствіи играли въ этой странѣ почти такую же роль, какую играли въ Палестинѣ Иродъ и его преемники; отличительными чертами өракійскаго владѣтельнаго дома были: безусловная преданность верховному властителю, рѣшительная склонность ко всѣмъ особенностямъ римскаго быта и нерасположеніе къ тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые пытались отстаивать свою національную независимость. Ранѣе описанное (стр. 15) грозное возстаніе Өракійцевъ 741—743 г. было направлено главнымъ образомъ противъ этого Реметалка и противъ его брата и соправителя Котиса, который при этомъ лишился жизни; а такъ какъ Реметалкъ былъ въ ту пору обязанъ Римлянамъ тѣмъ, что могъ снова вступить въ управленіе своими прежними владѣніями, то онъ доказалъ имъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ свою признательность тѣмъ, что не измѣнилъ имъ во время возстанія Далматовъ и Паннонцевъ, къ которымъ примкнули его дакійскіе единоплеменники, и принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи этого возстанія. Его сынъ Котисъ былъ болѣе Римляниномъ или даже Грекомъ, чѣмъ Өракійцемъ; онъ велъ свой родъ отъ Эвмолпа и отъ Эрихөонія и вступилъ въ бракъ съ одной изъ родственницъ императорскаго дома, правнучкой тріумвира Антонія; не только греческіе и латинскіе поэты его времени воспѣвали его, но и самъ онъ былъ поэтъ и къ тому-же не гетскій [2]). Послѣдній өракійскій царь—сынъ рано умершаго Котиса Реметалкъ выросъ въ Римѣ и подобно Иродіанцу Агриппѣ былъ въ юности товарищемъ императора Гайя.

Провинція Өракія.—Однако өракійская нація вовсе не раздѣляла римскихъ наклонностей царствовавшаго дома и римское правительство мало-по-малу пришло во Өракіи, точно такъ-же какъ и въ Палестинѣ, къ убѣжденію, что шаткій вассальный тронъ, который держится только благодаря безпрестанному вмѣшательству державы-покровительницы, не можетъ быть полезенъ ни этой послѣдней ни подвластной странѣ, и что непосредственное управленіе было-бы во

[1]) Это положительно утверждаетъ Тацитъ, *Лѣт.* 2, 64. Свободныхъ Өракійцевъ, — съ римской точки зрѣнія, — въ ту пору уже не было; однако жившіе среди горъ Өракійцы и въ особенности жившіе въ Родопскихъ горахъ Бессы относились даже въ мирное время къ поставленному Римомъ князю вовсе не по-подданнически; хотя они и признавали его царемъ, но повиновались ему, какъ замѣчаетъ Тацитъ [въ выше указан. мѣстѣ и 4, 46, 51], только тогда, когда находили это для себя удобнымъ.

[2]) До насъ также дошли: посвященная Котису греческая эпиграмма Антипатра Өессалоникскаго [Anthol. Planud. 4, 75]—того самаго поэта, который также воспѣвалъ побѣдителя Өракійцевъ Пизона [стр. 15], и обращенное къ Котису латинское посланіе въ стихахъ Овидія [Ex Ponto 2, 9.]

всѣхъ отношеніяхъ предпочтительно. Императоръ Тиверій воспользовался возникшими во ѳракійскомъ царскомъ домѣ раздорами и послалъ въ 19 г. во Ѳракію римскаго намѣстника Тита Требеллина Руфа подъ видомъ опекуна надъ малолѣтнимъ принцемъ. Но эта оккупація совершилась не безъ сопротивленія, которое, конечно, было безуспѣшно, но было очень упорно: въ особенности жители долинъ не хотѣли признавать присланнаго имъ изъ Рима повелителя, а ихъ военные отряды, предводимые начальниками племенъ, не чувствовали преданности къ царю и еще менѣе были преданы Риму. Присылка Требеллина вызвала въ 21 году возстаніе, въ которомъ приняли участіе самые значительные изъ ѳракійскихъ племенъ и которое грозило принять болѣе широкіе размѣры; посланцы отъ инсургентовъ проникли за Гемъ для того, чтобъ водрузить знамя національной войны въ Мезіи, а можетъ быть и въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Между тѣмъ мезійскіе легіоны поспѣшно двинулись къ осажденному инсургентами Филиппополю и успѣли не только освободить этотъ городъ, но и подавить возстаніе. Но когда,—черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ 25 году),—римское правительство приказало произвести во Ѳракіи наборъ рекрутъ, эти послѣдніе отказались отъ службы внѣ своего отечества. Такъ какъ на этотъ отказъ не было обращено никакого вниманія, то во всей гористой мѣстности вспыхнуло возстаніе и за тѣмъ послѣдовала отчаянная борьба, во время которой побѣжденные жаждою и голодомъ инсургенты бросались частію на мечи непріятеля, частію на свои собственные, предпочитая смерть утратѣ своей старинной свободы. Непосредственное римское управленіе продолжалось во Ѳракіи подъ формой опекунства до смерти Тиверія; императоръ Гай, при своемъ вступленіи на престолъ, возвратилъ верховную власть какъ ѳракійскому товарищу своего дѣтства, такъ и іудейскому; но этому навсегда положило конецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ 46 г.), правительство Клавдія. Это окончательное присоединеніе царства къ имперіи и его превращеніе въ римскій округъ встрѣтили такое-же какъ и прежде безнадежное и такое-же упорное сопротивленіе. Но съ введеніемъ непосредственнаго управленія сопротивленіе было осилено. Намѣстникъ, назначавшійся первоначально изъ сословія всадниковъ, а со временъ Траяна изъ лицъ сенаторскаго ранга, никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлаго легіона; хотя поставленный тамъ гарнизонъ состоялъ не болѣе какъ изъ 2000 человѣкъ и небольшаго, стоявшаго подлѣ Перинеа флота, но при другихъ принятыхъ правительствомъ мѣрахъ предосторожности онъ былъ достаточенъ для того, чтобъ держать Ѳракійцевъ въ покорности. Къ проведенію военныхъ дорогъ было приступлено немедленно послѣ присоединенія страны; станціонныя зданія, необходимыя при тогдашнемъ положеніи страны для помѣ-

щенія проѣзжихъ, были построены еще въ 61 г. правительствомъ и предоставлены въ общее пользованіе. Съ тѣхъ поръ Ѳракія была покорной и важной провинціей имперіи; едва-ли какая-либо другая провинція поставляла для всѣхъ частей военнаго дѣла, и въ особенности для кавалеріи и для флота, столько-же рекрутъ, сколько эта старинная отчизна гладіаторовъ и наемныхъ солдатъ.

Мезія.—Трудныя войны, которыя пришлось выдерживать Римлянамъ съ тою-же націей на такъ-называемомъ ѳракійскомъ берегу въ мѣстности, лежащей между Балканомъ и Дунаемъ, и послѣдствіемъ которыхъ было учрежденіе мезійскаго военнаго командованія, входятъ какъ существенная составная часть въ регулированіе границы при Августѣ и уже были описаны въ своихъ подробностяхъ (стр. 6). О такомъ-же сопротивленіи, какое было оказано Римлянамъ Ѳракійцами, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній изъ Мезіи; настроеніе умовъ, конечно, было тамъ такое-же, какъ и во Ѳракіи; но для открытаго сопротивленія тамъ служили препятствіемъ плоская поверхность страны и легіоны, стоявшіе лагеремъ подлѣ Виминакія.

Эллинизмъ и романизмъ во Ѳракіи и въ Мезіи.—Какъ къ иллирійскимъ, такъ и къ ѳракійскимъ племенамъ цивилизація проникла съ двухъ сторонъ: съ морскаго побережья и съ македонской границы—эллинская, а съ границъ далматской и паннонской—латинская. О первой будетъ болѣе умѣстно говорить тогда, когда мы попытаемся обрисовать положеніе европейскихъ Грековъ подъ владычествомъ императоровъ; здѣсь достаточно будетъ вообще замѣтить, что не только это владычество повсюду служило охраной для греческойцивилизаціи и не только все побережье со включеніемъ того, которое было подчинено намѣстнику Мезіи, всегда оставалось греческимъ, но даже провинція Ѳракія, цивилизированіе которой было впервые серьозно предпринято Траяномъ и вообще было дѣломъ временъ имперіи, пошла не по римской стезѣ, а сдѣлалась эллинской страной. Даже сѣверные склоны Гема хотя и принадлежали въ административномъ отношеніи къ Мезіи, были вовлечены въ это эллинизированіе,— основанные Траяномъ Никополь на Янтрѣ и Маркіанополь неподалеку отъ Варны были устроены по греческому образцу.—О латинской цивилизаціи Мезіи можно сказать то-же, что и о цивилизаціи сосѣднихъ далматскихъ и паннонскихъ странъ; но она, натурально, является здѣсь настолько болѣе запоздалой, болѣе слабой и болѣе смѣшанной съ посторонними элементами, насколько она была болѣе отдалена отъ своего исходнаго пункта. Она главнымъ образомъ слѣдовала за легіонными лагерями и вмѣстѣ съ ними проникла на востокъ, исходя изъ тѣхъ, которые находились подлѣ Сингидуна

(Бѣлграда) и Виминакія (Костолатца) [1] и вѣроятно были самыми старинными въ Мезіи. Соотвѣтственно свойствамъ своего вооруженнаго апостола, она и въ Верхней Мезіи, конечно, стояла на очень низкой ступени развитія и оставляла достаточно простора для первобытныхъ порядковъ. Виминакій получилъ отъ Адріана италійское городское право. Нижняя Мезія между Балканомъ и Дунаемъ была оставлена, въ раннюю пору имперіи, при тѣхъ учрежденіяхъ, какія тамъ были найдены Римлянами; только тогда, когда легіонные лагери были поставлены на нижнемъ Дунаѣ подлѣ Новъ, Дуростора и Троэзмиса,— а это случилось, какъ будетъ ниже доказано (стр. 201), не прежде начала 2 столѣтія,—и эта часть правыхъ береговъ Дуная сдѣлалась центромъ такой италійской цивилизаціи, какая уживалась съ лагерными порядками. Съ тѣхъ поръ тамъ стали возникать и гражданскія колоніи,—а именно на самомъ Дунаѣ между большими постоянными лагерями были устроены по италійскому образцу города Ратіарія неподалеку отъ Виддина и Эскъ у впаденія Искры въ Дунай,—и страна стала мало-по-малу возвышаться до уровня тогдашней уже приходившей въ упадокъ римской культуры. О проведеніи дорогъ въ Нижней Мезіи ея правители горячо заботились со временъ Адріана, къ царствованію котораго относятся самые древніе изъ найденныхъ тамъ мильныхъ камней.

Гермундуры.—Если отъ обзора римскаго владычества въ той формѣ, какую оно приняло со временъ Августа въ странахъ, лежащихъ на правомъ берегу Дуная, мы перейдемъ къ положенію дѣлъ и къ населенію лѣваго берега, то намъ придется повторить то, что уже

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ въ исторіи римской имперіи заключается въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ возможности съ увѣренностью указать мѣсто, гдѣ находились постоянные лагери двухъ легіоновъ, составлявшихъ при Юліевско-Клавдіевской династіи оккупаціонную армію Мезіи—4-го Scythica и 5-го Makedonica [по крайней мѣрѣ эти легіоны стояли тамъ въ 33 году: C. J. L. III, 1698]. Вѣроятно, эти лагери находились въ позднѣйшей Верхней Мезіи въ Виминакіѣ и въ Сингидунѣ. Между легіонными лагерями Нижней Мезіи, отъ которыхъ остались многочисленные памятники [въ особенности отъ того, который находился въ Троэзмисѣ], какъ кажется, ни одинъ не былъ древнѣе Адріановскихъ временъ; остатки отъ верхне-мезійскихъ лагерей до сихъ поръ найдены въ такомъ незначительномъ числѣ, что по меньшей мѣрѣ дозволяютъ намъ отнести ихъ возникновеніе на сто лѣтъ позднѣе. На то, что владѣтель Ѳракіи сталъ готовиться въ 18 г. къ войнѣ съ Бастарнами и съ Скиѳами [Тацитъ, *Ист.* 2, 65], нельзя-бы было ссылаться даже какъ на предлогъ, еслибы нижне-мезійскіе легіонные лагери уже существовали въ ту пору. Именно этотъ разсказъ и доказываетъ, что военныя силы этого леннаго владѣтеля не были незначительны и что при устраненіи неподатливаго владѣтеля Ѳракіи слѣдовало дѣйствовать осмотрительно.

было сказано при описаніи Верхней Германіи (стр. 138),—что жившіе у самыхъ границъ Ретіи Германцы—Гермундуры были самыми миролюбивыми изъ всѣхъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Римлянами, и что они никогда не вступали ни въ какія столкновенія съ этими послѣдними.

Маркоманы.—Уже было ранѣе разсказано, что Маркоманы или, какъ ихъ обыкновенно называли Римляне въ болѣе раннюю пору, Свевы нашли для себя во времена Августа новыя мѣста для поселеній въ старинной отчизнѣ Бойевъ. теперешней Богеміи, что король Марободъ далъ имъ болѣе прочное государственное устройство, что хотя они и оставались безучастными зрителями римско-германскихъ войнъ, но только сопротивленіе прирейнскихъ Германцевъ предохранило ихъ отъ предстоявшаго римскаго нашествія, и наконецъ, что вторичная пріостановка римскихъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій на Рейнѣ имѣла послѣдствіемъ разрушеніе этого государства, слишкомъ упорно державшагося за нейтралитетъ. Вмѣстѣ съ этимъ было утрачено верховенство, пріобрѣтенное Маркоманами при Марободѣ надъ отдаленными племенами, жившими въ области Эльбы, а самъ король умеръ изгнанникомъ на римской землѣ (стр. 49). Маркоманы вмѣстѣ съ своими единоплеменными восточными сосѣдями, жившими въ Моравіи Квадами, попали въ вассальную зависимость отъ Римлянъ тѣмъ болѣе потому, что тамъ, точно такъ же какъ и въ Арменіи, ссорившіеся изъ-за верховной власти претенденты искали поддержки у Римлянъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе присвоили себѣ право жаловать ленныя владѣнія и при благопріятныхъ обстоятельствахъ пользовались такимъ правомъ на самомъ дѣлѣ. Король Готоновъ Катуальда, который былъ низложенъ вслѣдъ за Марободомъ, не могъ долго удержаться на престолѣ въ качествѣ Марободова преемника тѣмъ болѣе потому, что противъ него выступилъ король сосѣднихъ Гермундуровъ Вибилій; онъ также нашелся вынужденнымъ перейти на римскую территорію и, подобно Марободу, взывать къ великодушію императора. Тогда Тиверій помогъ знатному Кваду-Ваннію занять мѣсто Катуальда; такъ какъ многочисленную свиту двухъ изгнанныхъ королей нельзя было оставлять на правомъ берегу Дуная, то Тиверій отвелъ ей мѣста для поселеній на лѣвомъ берегу рѣки въ долинѣ Моравы [1]), а Ваннію

[1]) Regnum Vannianum [Плиній, Hist. Nat. 4, 12, 81], то-есть свевское государство [Тацитъ, *Лѣт.* 12, 29; *Ист.* 3, 5, 21] состояло не только [какъ это можно-бы было заключить изъ словъ Тацита, *Лѣт.* 2, 63] изъ тѣхъ земель, на которыхъ поселились люди, ушедшіе съ Марободомъ и Катуальдой, но также изъ всѣхъ владѣній Маркомановъ и Квадовъ; это ясно видно изъ втораго разсказа Тацита, *Лѣт.* 12, 29, 30, такъ какъ тутъ являются противниками

доставилъ поддержку жившихъ въ дружбѣ съ Римлянами Гермундуровъ. Послѣ тридцати-лѣтняго владычества, Ванній былъ низложенъ въ 50 году двумя своими племянниками Вангіономъ и Сидономъ, которые возмутились противъ него и склонили на свою сторону сосѣднія племена — жившихъ во Франконіи Гермундуровъ и жившихъ въ Силезіи Лугіевъ. Римское правительство, къ которому Ванній обратился за помощью, осталось вѣрно политикѣ Тиверія: оно дало низложенному королю пріютъ, но не вступилось за него тѣмъ болѣе потому, что его преемники, раздѣлившіе между собою его владѣнія, охотно признали римское верховенство. Новый князь Свевовъ Сидонъ и его соправитель Италикъ, — который, быть можетъ, былъ преемникомъ Вангіона,—принимали участіе вмѣстѣ съ римской дунайской арміей на сторонѣ Флавіанцевъ въ той битвѣ, которою окончилась борьба между Вителліемъ и Веспасіаномъ. Ихъ преемники, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, были замѣшаны въ тѣхъ великихъ переворотахъ, которымъ подвергалось при Домиціанѣ и Маркѣ римское владычество на Дунаѣ. Придунайскіе Свевы не принадлежали къ римской имперіи; на монетахъ, которыя, по всему вѣроятію, были у нихъ вычеканены, хотя и стояли латинскія надписи, но не было римской пробы, не говоря уже объ изображеніи императора; тамъ не было ни настоящаго взиманія податей ни набора рекрутъ для Рима. Но именно въ первомъ столѣтіи были включены въ сферу римскаго владычества владѣнія Свевовъ,

---

Ваннія рядомъ съ его собственными возмутившимися подданными Гермундуры и Лугіи, жившіе въ сосѣдствѣ съ Богеміей къ западу отъ нея и къ сѣверу. По словамъ Плинія [въ выше указанномъ мѣстѣ], границей съ восточной стороны была область Карнунта [Germanorum ibi confinium] или вѣрнѣй рѣка Маръ или Дурія, отдѣлявшая Свевовъ и regnum Vannianum отъ ихъ восточныхъ сосѣдей,—если только можно отнести вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ [Sitzungsberichte der Berliner Akademie 1883, стр. 871] слова dirimens eos къ Яцигамъ или, — что болѣе важно, — къ Бастарнамъ. На самомъ дѣлѣ владѣнія и тѣхъ и другихъ граничили съ владѣніями жившихъ въ долинѣ Моравы Квадовъ,—владѣнія Яциговъ съ южной стороны, а владѣнія Бастарновъ съ сѣверной. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Маръ то-же что Морава, а пограничной чертой были малые Карпаты, которые тянутся между долиной Моравы и долиной Ваага. Поэтому, если та свита поселилась inter flumen Marum et Cusum, то не упомянутый ранѣе Кузъ,—если это извѣстіе вѣрно, — былъ не Ваагъ и не впадающій въ Дунай ниже Грана Эйпель [какъ это полагаетъ Мюлленгофъ], а одинъ изъ притоковъ Дуная къ западу отъ Моравы, быть можетъ Гузенъ подлѣ Линца. Сверхъ того, изъ разсказа Тацита [12, 29, 30] слѣдуетъ заключить, что владѣнія Ваннія простирались на западъ даже за Мораву. Подпись подъ первой книгой *Размышленій* императора Марка ἐν Κουάδοις πρὸς τῷ Γρανούᾳ доказываетъ, что въ ту пору государство Квадовъ простиралось до рѣки Грана; но въ составъ этого государства входило не одно regnum Vannianum.

находившіяся въ Богеміи и въ Моравіи, а это, — какъ уже было ранѣе замѣчено,—не осталось безъ вліянія на размѣщеніе римской пограничной охраны.

Яциги.—На равнинѣ между Дунаемъ и Тиссой, къ востоку отъ римской Панноніи, вдвигались клиномъ между этой послѣдней и владѣніями ѳракійскихъ Даковъ поселенія одного сарматскаго племени, которое, вѣроятно, было медійско-персидскаго происхожденія и которое, ведя кочевую жизнь пастуховъ и наѣздниковъ, покрывало почти всю обширную восточно-европейскую равнину; это были Яциги, то-есть «выходцы» (μετανάσται), такъ названные въ отличіе отъ главнаго племени, оставшагося на своихъ прежнихъ мѣстахъ у береговъ Чернаго моря. Это названіе доказываетъ, что они проникли въ тѣ страны сравнительно довольно поздно; ихъ переселеніе, быть можетъ, было однимъ изъ тѣхъ ударовъ, подъ которыми разрушилось дакійское государство Буребисты около того времени, когда происходило сраженіе при Акціумѣ (стр. 4). Здѣсь встрѣчаемся мы съ ними впервые въ царствованіе императора Клавдія; свевскому королю Ваннію Яциги доставляли для его военныхъ предпріятій конницу. Римское правительство остерегалось этихъ расторопныхъ и склонныхъ къ грабежу наѣздниковъ, но вообще не становилось во враждебныя къ нимъ отношенія. Дунайскіе легіоны, отправившіеся въ 70 г. въ Италію для того, чтобъ возвести на престолъ Веспасіана, отклонили предложенные имъ Яцигами въ подкрѣпленіе отряды конницы, а только увели съ собою подъ благовиднымъ предлогомъ нѣсколькихъ изъ самыхъ знатныхъ Яциговъ, которые должны были служить поруками за спокойствіе на оставленной безъ всякой охраны границѣ.

Даки.—Болѣе серьозныя и болѣе постоянныя мѣры предосторожности были необходимы далѣе по направленію къ низовьямъ Дуная. По ту сторону великой рѣки, которая была въ ту пору границей имперіи, жили на равнинахъ Валахіи и теперешней Трансильваніи Даки; на восточной низменности, въ Молдавіи, Бессарабіи и далѣе къ востоку жили германскіе Бастарны, а за ними сарматскія племена, какъ напримѣръ похожіе на Яциговъ по своей склонности къ наѣздничеству Роксоланы, сначала поселившіеся между Днѣпромъ и Дономъ, а потомъ двигавшіеся впередъ вдоль морскаго берега. Въ первые годы царствованія Тиверія, его войскамъ доставлялъ вассальный владѣтель Ѳракіи подкрѣпленія для отраженія нападеній Бастарновъ и Скиѳовъ; въ позднѣйшіе годы его царствованія, въ числѣ различныхъ доказательствъ все болѣе и болѣе ослабѣвавшей правительственной энергіи дѣлались указанія и на тотъ фактъ, что онъ оставлялъ безнаказанными вторженія Даковъ и Сарматовъ. Какъ

шли дѣла по сю и по ту сторону устьевъ Дуная въ послѣдніе годы Нероновскаго управленія, отчасти видно изъ случайно сохранившагося донесенія тогдашняго намѣстника Мезіи, Тиверія Плавтія Сильвана Эліана. Этотъ намѣстникъ «перевелъ черезъ рѣку болѣе «100.000 жившихъ по ту сторону Дуная мущинъ вмѣстѣ съ их «женами и дѣтьми и вмѣстѣ съ ихъ князьями или королями, так «что на нихъ легла обязанность уплачивать подати. Движеніе Сар «матовъ онъ подавилъ, прежде нежели оно дошло до взрыва, хотя «онъ и уступилъ (Корбулону) значительную часть своихъ войскъ «для веденія войны въ Арменіи. Нѣсколькихъ королей, существованіе «которыхъ до тѣхъ поръ не было извѣстно или которые враждо «вали съ Римлянами, онъ перевелъ на римскій берегъ и заставилъ «пасть ницъ передъ римскими знаменами. Королямъ Бастарновъ «и Роксолановъ онъ отослалъ взятыхъ въ плѣнъ или снова захва «ченныхъ у непріятеля сыновей, королямъ Даковъ онъ возвратилъ «взятыхъ въ плѣнъ братьевъ [1]) и отъ многихъ изъ нихъ взялъ «заложниковъ. Этими мѣрами спокойствіе провинціи было не только «обезпечено, но и распространено далѣе. Короля Скиѳовъ онъ убѣ «дилъ прекратить осаду города Херсонеса (Севастополя), находяща «гося по ту сторону Борисѳена. Это былъ первый намѣстникъ, по «низившій цѣну печенаго хлѣба въ Римѣ тѣмъ, что высылалъ туда «изъ этой провинціи большіе запасы хлѣба въ зернѣ.» Отсюда видно съ одной стороны, какое сильное броженіе происходило въ средѣ народовъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Дуная при Юліевско-Клав діевской династіи, а съ другой стороны, какъ сильна была рука правительственной власти, которая старалась охранять даже нахо дившіеся по ту сторону Дуная, на Днѣпрѣ и въ Крыму греческіе города и до нѣкоторой степени успѣвала въ этомъ, какъ это будетъ доказано далѣе при описаніи положенія дѣлъ въ Греціи.

Между тѣмъ, боевыя силы, находившіяся тамъ въ распоряженіи Рима, были болѣе нежели недостаточны. Незначительная оккупаціонная армія, стоявшая въ Малой Азіи, и столько-же незначительный флотъ, находившійся на Черномъ морѣ, могли служить охраной в бо́льшей мѣрѣ только для тѣхъ Грековъ, которые жили на сѣверныхъ и западныхъ берегахъ этого моря. На намѣстника Мезіи, который долженъ былъ охранять съ своими двумя легіонами берега Дуная отъ Бѣлграда вплоть до самыхъ устьевъ рѣки, была возложена очень трудная задача, а содѣйствіе не вполнѣ покорившихся Ѳра

---

[1]) Regibus Bastarnarum et Roxolanorum filios, Dacorum fratrum captos aut hostibus ereptos remisit [Orelli 750 здѣсь сдѣлана ошибка: слѣдовало сказать fratres или, пожалуй, fratrum filios. Далѣе также слѣдуетъ читать per quae вмѣсто per quem и reg вмѣсто regem.

ліцевъ могло-бы при случаѣ навлечь новыя опасности. Въ особенности въ направленіи къ устьямъ Дуная недоставало такой преграды, которая могла-бы сдерживать варваровъ, напиравшихъ оттуда съ постоянно усиливавшейся стремительностью. Двоекратное удаленіе дунайскихъ легіоновъ въ Италію во время смутъ, возникшихъ послѣ смерти Нерона, послужило близь устьевъ Дуная еще болѣе, нежели на нижнемъ Рейнѣ, поводомъ для вторженія въ римскія владѣнія сосѣднихъ народовъ—сначала Роксоланъ, потомъ Даковъ и за тѣмъ Сарматовъ или вѣрнѣе Яциговъ. Это была трудная борьба; въ одномъ сраженіи, какъ кажется, съ Яцигами, палъ храбрый намѣстникъ Мезіи Гай Фонтей Агриппа. Тѣмъ не менѣе, Веспасіанъ не приступалъ къ увеличенію дунайской арміи [1]); необходимость усилить азіятскіе гарнизоны должна была казаться еще болѣе настоятельной, а бережливость, которой требовало тогдашнее положеніе финансовъ, не позволяла никакого увеличенія въ общемъ составѣ арміи. Онъ ограничился тѣмъ, что передвинулъ большіе лагери дунайской арміи къ границамъ имперіи, такъ какъ это сдѣлалось возможнымъ съ возстановленіемъ спокойствія внутри страны и такъ какъ этого настоятельно требовали и положеніе дѣлъ на границѣ и распущеніе ѳракійскихъ войскъ, состоявшееся вслѣдъ за присоединеніемъ Ѳракіи къ имперіи. Паннонскіе лагери были въ ту пору перенесены съ береговъ Дравы насупротивъ свевскаго государства въ Карнунтъ и въ Виндобону (стр. 181), а далматскіе были перенесены изъ Керки и Цеттины къ мезійскимъ берегамъ Дуная [2]),

---

[1]) Въ Паннонія стояли около 70 года два легіона—13-ый gemina и 15-ый Apollinaris; а когда этотъ послѣдній принялъ участіе въ войнѣ, которая велась въ Арменіи, его замѣнялъ въ теченіе нѣкотораго времени 7-й gemina [C. J. L. III, стр. 482]. Изъ двухъ впослѣдствіи прибавленныхъ къ нимъ легіоновъ 1-го adiutrix и 2-го adiutrix, первый стоялъ еще въ началѣ царствованія Траяна въ Верхней Германіи [стр. 139, прим.] и впервые прибылъ въ Паннонію, безъ сомнѣнія, при этомъ императорѣ; второй, стоявшій въ царствованіе Веспасіана въ Британіи, былъ впервые переведенъ въ Паннонію, вѣроятно, при Домиціанѣ [стр. 153, прим. 2]. И мезійская армія состояла, послѣ соединенія съ далматской при Веспасіанѣ, вѣроятно только изъ четырехъ легіоновъ, то-есть изъ столькихъ, изъ сколькихъ состояли до того времени обѣ арміи вмѣстѣ взятыя — изъ позднѣйшихъ верхне-мезійскихъ легіоновъ 4-го Flavia и 7-го Claudia, и изъ позднѣйшихъ нижне-мезійскихъ легіоновъ 1-го Italica и 5-го Macedonica. Насъ не долженъ вводить въ заблужденіе тотъ фактъ, что вслѣдствіе передвиженій взадъ и впередъ, происходившихъ въ тотъ годъ, когда было четыре императора [Marquardt Staatsverw. 2,435], въ Мезіи временно стояли три легіона. Одиннадцатый легіонъ, впослѣдствіи считавшійся третьимъ нижне-мезійскимъ, стоялъ въ Верхней Германіи еще при Траянѣ.

[2]) Іосифъ, Bell. 7, 4, 3: πλείοσι καὶ μείζοσι φυλακαῖς τὸν τόπον διέλαβεν, ὡς εἶναι τοῖς βαρβάροις τὴν διάβασιν τελέως ἀδύνατον. Подъ этими сл а. н. какъ кажется,

такъ что намѣстникъ Мезіи имѣлъ съ тѣхъ поръ въ своемъ распоряженіи двойное число легіоновъ.

Война Домиціана съ Даками. — При Домиціанѣ произошла неблагопріятная для Рима перемѣна въ сравнительномъ могуществѣ двухъ борющихся сторонъ[1]) или, лучше сказать, обнаружились послѣдствія недостаточной охраны границъ. Изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, какія дошли до насъ, можно заключить, что перемѣна въ положеніи дѣлъ, — совершенно такъ-же, какъ и та, которая произошла во времена Цезаря, — была дѣломъ одного человѣка: то, что замышлялъ король Буребиста, по видимому, долженъ былъ осуществить король Децебалъ. До какой степени его личность была въ этомъ случаѣ настоящей двигательной силой, видно изъ разсказа, что король Даковъ Дурасъ, желая поставить Децебала на такое мѣсто, какого онъ былъ достоинъ, отказался въ его пользу отъ своего королевскаго званія. Что Децебалъ, прежде чѣмъ предпринять борьбу, приступилъ къ внутреннему переустройству, видно изъ разсказовъ о томъ, какъ онъ вводилъ въ дакійской арміи римскую дисциплину, какъ онъ набиралъ годныхъ людей среди самихъ Римлянъ и какъ даже послѣ побѣды онъ наложилъ на Римлянъ обязанность доставлять ему работниковъ для обученія его подданныхъ какъ военнымъ, такъ и мирнымъ ремесламъ. Какіе грандіозные размѣры онъ постарался придать своему предпріятію, видно изъ того, что онъ завелъ сношенія и на западѣ и на востокѣ, — съ Свевами и съ Яцигами и даже съ Пареянами. Нападающими были Даки. Намѣстникъ мезійской провинціи Оппій Сабинъ, прежде всѣхъ другихъ вступившій съ ними въ борьбу, палъ на полѣ сраженія. Непріятель завладѣлъ множествомъ небольшихъ лагерей и сталъ угрожать большимъ лагерямъ, такъ что самое обладаніе

разумѣлось перемѣщеніе обоихъ далматскихъ легіоновъ въ Мезію. Гдѣ они были поставлены, намъ неизвѣстно. Въ виду прежняго образа дѣйствій римскаго правительства, болѣе правдоподобно, что они стояли въ окрестностяхъ прежней главной квартиры Вимикакія, а не въ отдаленной странѣ, лежащей близь устьевъ Дуная. Въ этой послѣдней лагери были впервые поставлены при раздѣленіи мезійскаго главнаго командованія и при образованіи самостоятельной нижне-мезійской провинціи, происшедшемъ при Домиціанѣ.

[1]) Хронологія войны съ Даками очень мало намъ извѣстна. Что эта война началась еще до войны съ Хаттами [83 г.], видно изъ кареагенской надписи C. VIII, 1082 одного солдата, который былъ три раза награжденъ Домиціаномъ — въ войнѣ съ Даками, въ войнѣ съ Германцами, и снова въ войнѣ съ Даками. Евсевій относитъ начало войны или, лучше сказать, первыя серьозныя сраженія къ 2101 или 2102 г. послѣ Авр. = 85 г. послѣ Р. Х. [точнѣе 1 окт. 84—30. сент. 85] или къ 86, а тріумфъ къ 2106 г. = 90; на полную достовѣрность эти числа, конечно, не могутъ имѣть никакихъ притязаній. Тріумфъ относятъ, не безъ нѣкотораго правдоподобія, къ 89 году [Henzen, acta Arval. стр. 116].

этой провинціей становилось спорнымъ. Домиціанъ самъ отправился въ армію, а его заместитель—онъ самъ не былъ полководцемъ и держался позади—начальникъ гвардіи Корнелій Фускъ перевелъ армію черезъ Дунай; но Фускъ поплатился за свое неосмотрительное наступательное движеніе тяжелымъ пораженіемъ и палъ на полѣ сраженія; это былъ второй главный начальникъ арміи, лишившійся жизни въ этой войнѣ. Его преемникъ, даровитый генералъ Юліанъ разбилъ Даковъ на ихъ собственной территоріи въ большой битвѣ при Тапахъ и, по видимому, могъ достигнуть прочныхъ результатовъ. Но въ то время, какъ борьба съ Даками еще не была доведена до конца, Домиціанъ напалъ на Свевовъ и Яциговъ за то, что они не прислали ему подкрѣпленій для войны съ Даками, а пословъ, которые явились къ нему съ извиненіями въ этой оплошности, онъ приказалъ казнить смертію [1]). И тутъ римскую армію преслѣдовала злая судьба. Маркоманы одержали побѣду надъ самимъ императоромъ; цѣлый легіонъ былъ окруженъ и изрубленъ Яцигами. Потрясенный этимъ пораженіемъ, Домиціанъ торопливо заключилъ съ Даками миръ, не смотря на побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ Юліаномъ; однако этотъ миръ не помѣшалъ ему вручить корону Децебалову представителю въ Римѣ Діегису, какъ будто Децебалъ находился въ вассальной зависимости отъ Римлянъ и не помѣшалъ ему вести этого Діегиса вслѣдъ за собою, какъ за побѣдителемъ, въ Капитолій, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ его побѣда была то же, что капитуляція. Въ отвѣтъ на это Децебалъ насмѣшливо предложилъ, при вступленіи римской арміи въ Дакію, отпускать невредимымъ домой всякаго Римлянина, за котораго ему обяжутся ежегодно уплачивать по два асса; почти такъ вышло и на самомъ дѣлѣ: при заключеніи мира, императоръ откупился отъ вторженій въ Мезію, обязавшись ежегодно вносить условленную сумму денегъ.

Войны Траяна съ Даками. — Дѣла не могли оставаться въ такомъ положеніи. Послѣ Домиціана, который былъ хорошимъ администраторомъ, но былъ глухъ къ требованіямъ военной чести, и послѣ непродолжительнаго управленія Нервы, на престолъ вступилъ Траянъ, который былъ прежде всего и главнымъ образомъ воинъ; онъ не только разорвалъ вышеупомянутый договоръ, но также принялъ мѣры, чтобъ ничего подобнаго не могло повториться. Война съ Свевами и съ Сарматами, еще продолжавшаяся въ годъ смерти Домиціана (96 г.), была, какъ кажется, успѣшно окончена при Нервѣ въ 97

[1]) Отрывокъ Діона [67, 7, 1, Dind.] стоитъ прежде ursin'ischen Excerpte 67, 5, 1, 2, 3, и сообразно съ послѣдовательностью событій онъ долженъ стоять прежде переговоровъ съ Лугіями. Сравн. Hermes 3, 115.

году. Прежде, чѣмъ совершить свой въѣздъ въ столицу имперіи, новый императоръ отправился съ Рейна на Дунай, гдѣ провелъ зиму 98/9 года, но провелъ ее тамъ не для того, чтобъ тотчасъ напасть на Даковъ, а для того, чтобъ приготовиться къ войнѣ; къ этому времени относится и находившееся въ связи съ постройкой дорогъ въ Верхней Германіи проведеніе оконченной въ 100 г. (стр. 133) дороги на правомъ берегу Дуная въ области Орсовы. Войну съ Даками онъ предпринялъ лишь весной 101 года и лично принялъ главное начальство подобно тому, какъ онъ это дѣлалъ во всѣхъ своихъ кампаніяхъ. Перейдя черезъ Дунай ниже Виминакія, онъ двинулся на находившуюся неподалеку оттуда королевскую столицу Сармизегетузу. Децебалъ оказалъ вмѣстѣ съ своими союзниками (въ этой борьбѣ принимали участіе Буры и нѣкоторыя другія, жившія на сѣверѣ племена) энергическое сопротивленіе и Римляне проложили себѣ путь лишь послѣ упорныхъ и кровопролитныхъ сраженій; число раненыхъ было такъ велико, что императоръ отдалъ свой собственный гардеробъ въ распоряженіе докторамъ. Впрочемъ побѣда не оставалась нерѣшительной. Римляне брали одну крѣпость вслѣдъ за другой; они захватили сестру короля и отбили какъ плѣнниковъ, попавшихся въ руки непріятеля въ предшествовавшую войну, такъ и знамена, отнятыя у Домиціановой арміи; король былъ окруженъ съ одной стороны войсками, предводимыми самимъ Траяномъ, а съ другой тѣми, которыя находились подъ начальствомъ храбраго Лузія Квіета, и ему не оставалось ничего другаго, какъ безусловно покориться (102 г.). Траянъ потребовалъ отъ него отреченія отъ верховной власти и вступленія дакійскаго государства въ вассальную зависимость отъ Рима. Было условлено, что Римлянамъ будутъ выданы перебѣжчики, оружіе, военныя машины и тѣ рабочіе, которые были когда-то присланы изъ Рима для постройки этихъ машинъ, а король долженъ былъ пасть ницъ передъ побѣдителемъ; онъ отказался отъ права объявлять войну и заключать миръ и обѣщалъ покорность арміи; крѣпости были частію срыты частію сданы Римлянамъ; въ этихъ послѣднихъ и главнымъ образомъ въ столицѣ были оставлены римскіе гарнизоны. Крѣпкій каменный мостъ, построенный по приказанію Траяна черезъ Дунай подлѣ Дробетъ (насупротивъ Turnu Severinului), обезпечивалъ сообщенія даже въ самое дурное время года и доставлялъ дакійскимъ гарнизонамъ возможность опираться на находившіеся неподалеку оттуда верхне-мезійскіе лагери. Но дакійская нація и въ особенности самъ король не могли ужиться съ зависимостью такъ же легко, какъ съ нею умѣли уживаться цари Каппадокіи и Мавританіи, или, вѣрнѣе, преклонились подъ иго только въ надеждѣ свергнуть его при первомъ удобномъ случаѣ. Признаки такихъ намѣреній скоро обнаружились. Часть подлежавшаго къ выдачѣ оружія была удержана, укрѣпленные замки

не были сданы такъ, какъ было условлено, римскимъ перебѣжчикамъ по прежнему доставлялось убѣжище, у жившихъ въ враждѣ съ Даками Языговъ были отняты нѣкоторыя части ихъ владѣній или быть можетъ только нарушались границы этихъ владѣній, а съ жившими вдалекѣ и еще свободными народами велись оживленныя и подозрительныя сношенія. Траянъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ сдѣлалъ дѣло только на половину, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ рѣшительный, то черезъ три года послѣ заключенія мира (105 г.) онъ снова объявилъ королю войну, не вступая ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры. Этотъ послѣдній охотно уклонился бы отъ нея; но требованіе сдаться въ плѣнъ было слишкомъ вразумительно. Кромѣ отчаянной борьбы не было инаго исхода, а къ ней не всѣ были готовы: бо̀льшая часть Даковъ подчинилась безъ сопротивленія. Воззваніе, обращенное къ сосѣднимъ народамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ отраженіи нападенія, грозившаго опасностью также ихъ свободѣ и національности, осталось безъ всякаго дѣйствія; Децебалу и остававшимся ему вѣрными Дакамъ пришлось вести эту войну безъ союзниковъ. Неудачными оказались и попытка убить царственнаго главнокомандующаго при помощи одного перебѣжчика и попытка добиться болѣе сносныхъ мирныхъ условій путемъ выдачи одного взятаго въ плѣнъ высшаго офицера. Императоръ снова вступилъ побѣдителемъ въ непріятельскую столицу, а до послѣдней минуты боровшійся со своей злою судьбой Децебалъ, видя, что все потеряно, самъ лишилъ себя жизни (107). На этотъ разъ Траянъ довелъ дѣло до конца, и эта война стоила побѣжденному народу не только его свободы, но и его существованія. Туземное населеніе было выгнано изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей, которыя были снова заселены частію далматскими горцами для разработки рудниковъ, но, какъ кажется, преимущественно мало-азіятскими выходцами, у которыхъ не было никакой національности. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще оставалось прежнее населеніе и даже сохранялся мѣстный языкъ [1]); какъ эти Даки, такъ и жившіе за пограничной чертой остатки этого племени и впослѣдствіи тревожили Римлянъ, какъ напримѣръ при Коммодѣ и при Максиміанѣ; но они вели борьбу въ одиночествѣ и погибли. Опасность, которою много разъ грозило римскому владычеству сильное ѳракійское племя, уже не могла возобновиться и этой цѣли Траянъ достигъ вполнѣ. Во времена Траяна Римъ уже не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ во времена Аннибала; тѣмъ не менѣе все еще было опасно одержать побѣду надъ Римлянами.

---

[1]) Арріанъ [*Такт.* 44], говоря о перемѣнахъ, введенныхъ Адріаномъ въ кавалеріи, упоминаетъ и о томъ, что этотъ императоръ дозволилъ отдѣльнымъ отрядамъ употреблять ихъ національный боевой кличъ, Κελτικοὺς μὲν τοῖς Κελτοῖς ἱππεῦσιν, Γετικοὺς δὲ τοῖς Γέταις, Ῥαιτικοὺς δὲ ὅσοι ἐκ Ῥαίτων.

Великолѣпная колонна, которая черезъ шесть лѣтъ послѣ того была воздвигнута въ столицѣ въ честь императора сенатомъ на новой Траяновской площади, и которая до сихъ поръ украшаетъ эту площадь, представляетъ такой образчикъ безсвязныхъ указаній на историческіе факты изъ временъ римской имперіи, какому нѣтъ другаго подобнаго. Во всю свою вышину, достигающую почти 100 римскихъ футовъ, она покрыта изображеніями отдѣльныхъ фактовъ, число которыхъ доходитъ до ста двадцати четырехъ; это—вышедшее изъ-подъ руки ваятеля картинное описаніе войны съ Даками, для котораго мы почти вовсе не имѣемъ объяснительныхъ текстовъ. Мы видимъ римскія сторожевыя башни съ ихъ остроконечными крышами, съ ихъ внутренними дворами, которые обнесены палисадами, съ ихъ верхними обходами и съ ихъ сигнальными огнями; мы видимъ городъ на берегу Дуная и рѣчнаго бога, взирающаго на римскихъ воиновъ, которые переходятъ подъ своими знаменами черезъ плашкотный мостъ; мы видимъ самого императора, засѣдающаго въ военномъ совѣтѣ, а потомъ приносящаго передъ лагернымъ валомъ жертву у алтаря. Разсказываютъ, будто союзники Даковъ Буры отговаривали Траяна отъ войны въ одномъ латинскомъ изреченіи, которое было написано на огромномъ грибѣ: нѣкоторые узнаютъ этотъ грибъ на спинѣ вьючнаго животнаго и полагаютъ, что свалившійся съ этого животнаго и лежащій на землѣ съ дубиною въ рукахъ варваръ указываетъ приближающемуся императору пальцемъ на грибъ. Мы видимъ, какъ раскидываютъ лагерь, какъ рубятъ деревья, какъ носятъ воду, какъ строютъ мосты. У первыхъ взятыхъ въ плѣнъ Даковъ, которыхъ не трудно распознать по ихъ кафтанамъ съ длинными рукавами и по ихъ широкимъ штанамъ, руки связаны за спиной, а римскіе солдаты держатъ ихъ за ихъ длинные волосы и ведутъ къ императору. Мы видимъ сраженія, видимъ пращниковъ, которые мечутъ копья и камни, косоносцевъ, пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука, также вооруженныхъ луками и одѣтыхъ въ тяжелыя латы всадниковъ, дакійскія знамена съ изображеніемъ дракона, непріятельскихъ офицеровъ въ круглыхъ шапочкахъ, которыя служатъ отличіемъ ихъ ранга, сосновый лѣсъ, въ который Даки относятъ своихъ раненыхъ, и видимъ сложенныя передъ императоромъ отрубленныя головы варваровъ. Мы видимъ построенную среди водъ на сваяхъ дакійскую деревню; въ ея круглыя хижины съ остроконечными крышами летятъ зажигательные снаряды. Женщины и дѣти молятъ императора о пощадѣ. Мы видимъ, какъ ходятъ за ранеными, какъ имъ дѣлаютъ перевязки и какъ раздаютъ офицерамъ и солдатамъ почетные знаки отличія. Затѣмъ борьба продолжается: дѣлается нападеніе на непріятельскія укрѣпленія, состоящія частію изъ деревянныхъ стѣнъ, частію изъ каменныхъ; подвозятся осадныя орудія, приставляются лѣстницы и штурмовая колонна

дутъ на приступъ, прикрываясь щитами. Наконецъ король лежитъ вмѣстѣ съ своей свитой у ногъ Траяна; знамена съ изображеніями драконовъ находятся въ рукахъ Римлянъ; войска радостно привѣтствуютъ императора; передъ сложеннымъ въ громадную груду непріятельскимъ оружіемъ стоитъ богиня побѣды и исписываетъ побѣдную табличку. Затѣмъ слѣдуютъ изображенія, относящіяся ко второй войнѣ и вообще схожія съ первыми; достойно вниманія одно изъ нихъ, отличающееся болѣе широкими размѣрами и представляющее, какъ кажется, дакійскихъ князей, которые сидятъ, послѣ сожженія королевскаго замка, вокругъ котла и опоражниваютъ одинъ вслѣдъ за другимъ чашу съ ядомъ; въ другомъ мѣстѣ императору подносятъ на блюдѣ голову храбраго короля Даковъ; въ заключеніе представлена вереница побѣжденныхъ, покидающихъ свою родину вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и стадами рогатаго скота. Исторію этой войны написалъ самъ императоръ, подобно тому какъ Фридрихъ Великій самъ написалъ исторію Семилѣтней войны, а послѣ императора ее писали многіе другіе; но все это не дошло до насъ, и какъ никто не осмѣлился бы сочинять исторію Семилѣтней войны по картинамъ Менцеля, такъ и на насъ обзоръ лишь на половину понятныхъ подробностей производитъ тяжелое и смутное впечатлѣніе великой исторической катастрофы, которая навсегда утратила свои яркія краски и даже не сохранилась въ воспоминаніяхъ.

Военное положеніе на Дунаѣ послѣ Траяна.—Вслѣдствіе превращенія Дакіи въ римскую провинцію, охрана границъ въ области Дуная не была передвинута такъ далеко, какъ слѣдовало ожидать; въ оборонительной линіи не было сдѣлано существенныхъ измѣненій, и вообще на новую провинцію смотрѣли какъ на эксцентрическую позицію, которая находилась въ непосредственной связи съ римскими владѣніями лишь съ южной стороны на самомъ Дунаѣ, а съ другихъ трехъ сторонъ врѣзывалась внутрь варварскихъ владѣній. Лежащая между Панноніей и Дакіей равнина Тиссы оставалась и послѣ того во власти Яциговъ; хотя и найдены остатки старыхъ земляныхъ насыпей, которыя тянулись отъ Дуная черезъ Тиссу до дакійскихъ горъ, но о томъ, когда и кѣмъ были возведены эти окопы не дознано ничего положительнаго. И Бессарабія была прорѣзана двойной линіей окоповъ, которая тянется отъ Прута до Днѣстра, оканчиваясь подлѣ Тиры (Т у г а) и, судя по имѣющимся о ней неявполнѣ удовлетворительнымъ свѣдѣніямъ, какъ кажется, ведетъ свое начало отъ Римлянъ [1]). Если это такъ, то

[1]) Быть можетъ также Римлянами были воздвигнуты идущія двумя почти параллельными линіями насыпи вышиною въ 3 метра, шириною въ 2 съ широкими внѣшними рвами и многочисленными остатками укрѣпленныхъ замковъ;

слѣдуетъ полагать, что Молдавія и южная часть Бессарабіи, равно какъ вся Валахія были присоединены къ римской имперіи. Но если это присоединеніе и состоялось номинально, на самомъ дѣлѣ римское владычество едва ли распространялось на эти страны; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще не найдено несомнѣнныхъ доказательствъ того, что въ восточной Валахіи и въ Молдавіи существовали римскія поселенія, а относительно существованія такихъ поселеній въ Бессарабіи и вовсе нѣтъ никакихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ, еще болѣе чѣмъ Рейнъ въ Германіи, Дунай служилъ тамъ предѣломъ для римской цивилизаціи и настоящимъ опорнымъ пунктомъ для защиты границъ. Военныя позиціи на этихъ границахъ были значительно усилены. Для Римлянъ было счастьемъ то, что приливъ различныхъ племенъ, усиливаясь на Дунаѣ, ослабѣвалъ на Рейнѣ, и войска, оказывавшіяся тамъ излишними, могли быть употреблены въ дѣло въ другомъ мѣстѣ. Если еще при Веспасіанѣ на Дунаѣ стояло, по всему вѣроятію, не болѣе шести легіоновъ, то при Домиціанѣ и Траянѣ число этихъ легіоновъ было увеличено до десяти; съ этимъ находится въ связи и тотъ фактъ, что существовавшія до того времени въ Мезіи и въ Паннонiи два высшихъ военныхъ управленія были раздѣлены—первое при Домиціанѣ, второе при Траянѣ, а когда къ нимъ было прибавлено высшее военное управленіе Дакіи, то число этихъ военныхъ округовъ дошло на нижнемъ Дунаѣ до пяти. Угольникъ, образуемый этой рѣкой ниже Дуростора (Силистріи) и носящій въ настоящее время названіе Добруджи, по видимому, первоначально былъ отрѣзанъ, а отъ теперешняго мѣстечка Рассовы, гдѣ рѣка приближается къ морю на разстояніе семи нѣмецкихъ миль для того, чтобъ потомъ повернуть почти подъ прямымъ угломъ на сѣверъ, была проведена въ замѣнъ водной линіи укрѣпленная дорога, похожая на ту, которая была проведена въ Британіи (стр. 163) и достигавшая морскаго берега подлѣ Томиды [1]). Однако этотъ угольникъ былъ вклю-

одна изъ этихъ насыпей имѣетъ въ длину 150 кил. и тянется отъ лѣваго берега Прута черезъ Табакъ и Татарбунаръ къ Днѣстровскому лиману между Акерманомъ и Чернымъ моремъ, а другая имѣетъ въ длину 100 кил. и тянется отъ Леовы на Прутѣ къ Днѣстру ниже Бендеръ [Petermann Geograph. Mittheilungen 1857, стр. 129]; но до сихъ поръ не найдено никакихъ болѣе точныхъ указаній.

[1]) По мнѣнію Vincke [Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin I. J. 1839/40, стр. 179 и сл.; сравн. въ Moltkes Briefen über Zustände in der Türkei, письмо отъ 2 ноября 1837], а также по доставленнымъ мнѣ запискамъ и планамъ доктора C. Schuchhardt'a, тамъ были устроены три загражденія. Самое южное изъ нихъ и, по всему вѣроятію, самое древнее, состояло изъ простаго землянаго вала съ рвами, выкопанными [къ нашему удивле-

чена въ систему римскихъ пограничныхъ укрѣпленій по меньшей мѣрѣ со временъ Адріана, такъ какъ мы находимъ, что въ Нижней Мезіи,—которая до Траяна, по всему вѣроятію, не была занята большими постоянными гарнизонами,—съ тѣхъ поръ находились три легіонныхъ лагеря въ Новахъ (подлѣ Свищовы), въ Дуросторѣ (Силистріи) и въ Трезмидѣ (Иглица подлѣ Галаца), изъ которыхъ послѣдній господствовалъ надъ тѣмъ дунайскимъ угольникомъ. По отношенію къ Яцигамъ военное положеніе было усилено тѣмъ, что къ верхне-мезійскимъ лагерямъ, находившимся подлѣ Сингидуна и Виминакія, былъ прибавленъ нижне-паннонскій лагерь, находившійся подлѣ Акуминка у впаденія Тиссы въ Дунай. Сама Дакія была въ ту пору занята небольшими военными силами. Ея главный городъ (тогдашняя Траяновская колонія Сармизегетуза) находился неподалеку отъ главныхъ переправъ черезъ Дунай въ Верхней Мезіи; Римляне селились преимущественно тамъ и на среднемъ Маризѣ, равно какъ по ту сторону этой рѣки въ округѣ золотыхъ пріисковъ, и стоявшій со временъ Траяна гарнизономъ въ Дакіи легіонъ имѣлъ свою главную квартиру,—по меньшей мѣрѣ вскорѣ послѣ того,—въ той же странѣ подлѣ Апула (Карлсбурга). Далѣе къ сѣверу хотя и были немедленно заняты Римлянами Потэсса (T h o r d a) и Напока (Клаузенбургъ), но большіе паннонскіе и дакійскіе военные центры были передвинуты далѣе на сѣверъ лишь мало-по-малу. Перемѣщеніе нижне-паннонскаго легіона изъ Акуминка въ Аквинкъ, теперешній Офенъ, и занятіе этой важной военной позиціи состоялись не

нію] съ южной стороны; было-ли это дѣломъ Римлянъ, сомнительно. Двѣ другія линіи состоятъ изъ высокаго землянаго вала, который и по сіе время имѣетъ во многихъ мѣстахъ до 3 метровъ вышины, и изъ болѣе низкаго вала, который когда-то былъ обложенъ камнемъ; оба они нерѣдко тянутся одинъ подлѣ другаго, а мѣстами снова отдаляются одинъ отъ другаго на разстояніе нѣсколькихъ часовъ. Ихъ можно бы было принять за двѣ оборонительныя линіи укрѣпленной дороги, хотя въ восточной половинѣ самый сѣверный—земляной валъ, а въ южной половинѣ—самый сѣверный тотъ, который обложенъ камнемъ, и хотя они перекрещиваются на серединѣ. Въ одномъ мѣстѣ земляной валъ [тутъ онъ идетъ южнѣе другаго] образуетъ заднюю часть укрѣпленнаго замка, поставленнаго позади каменнаго вала. Земляной валъ прикрытъ съ сѣверной стороны глубокимъ рвомъ, а съ южной стороны неглубокимъ; каждый ровъ замыкается насыпью. За каменнымъ валомъ есть ровъ и съ сѣверной стороны. Позади землянаго вала находятся укрѣпленные замки, которые большею частію плотно примыкаютъ къ этому валу и находятся одинъ отъ другаго на разстояніи почти 750 метр.; позади каменнаго вала также находятся укрѣпленные замки, поставленные въ различныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Всѣ линіи тянутся позади Карасу-Сина [K a r a s u-S e e n], какъ натуральной опоры; оттуда, гдѣ эта опора прекращается, до моря онѣ проведены безъ большаго вниманія къ условіямъ почвы. Городъ Томида находится внѣ вала и къ сѣверу отъ него, но стѣны его укрѣпленій соединены съ линіей загражденій посредствомъ особаго вала.

менъ, надвигавшихся отъ береговъ Эльбы. Если бы въ ту пору были приняты рѣшительныя мѣрѣ, то быть можетъ удалось бы предотвратить болѣе страшныя бѣдствія. Но именно въ ту пору была начата въ Арменіи война, въ которой скоро приняли участіе и Пареяне; хотя на востокъ были отправлены войска не съ той самой границы, которой угрожала опасность, — по меньшей мѣрѣ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній на противное [1]), — число войскъ было все-таки недостаточно для того, чтобъ немедленно и съ энергіей предпринять другую войну. За эту мѣшкотность пришлось дорого поплатиться. Именно въ то время какъ въ Римѣ праздновали побѣду надъ восточными царями, у береговъ Дуная на римскую территорію вторгнулись разомъ Хатты, Маркоманы, Квады и Яцигы. Они мгновенно наводнили Ретію, Норикъ, обѣ Панноніи и Дакію; въ томъ дакійскомъ округѣ, гдѣ находились рудники, еще теперь можно найти слѣды ихъ нашествія. Какія опустошенія они произвели въ этихъ странахъ, давно уже не видавшихъ никакого врага, видно изъ того факта, что по прошествіи многихъ лѣтъ Квады возвратили сначала 13,000 римскихъ плѣнниковъ и потомъ еще 50,000, а Яцигы возвратили 100,000. Дѣло не ограничилось разореніемъ провинцій. Въ ту пору случилось то, чего не случалось въ теченіе трехъ столѣтій и что уже всѣ начали считать невозможнымъ: варвары проникли за Альпійскую преграду и вторгнулись въ самую Италію; тѣ, которые шли черезъ Ретію, разрушили Опитергій (Oderzo), а тѣ толпы, которыя спустились съ Юлійскихъ Альповъ, окружили Аквилею [2]). Нѣкоторые изъ римскихъ армейскихъ корпусовъ, должно быть, не разъ терпѣли пораженія; до насъ дошли свѣдѣнія только о томъ, что одинъ изъ начальниковъ гвардіи Викторинъ палъ, сражаясь съ врагомъ, и что ряды римской арміи сильно порѣдѣли.

Грозное нашествіе застало имперію въ несчастную минуту. Хотя восточная война и была окончена, но вслѣдъ за нею распространилась по Италіи и по всему западу моровая язва, которая уносила людей и болѣе долго, чѣмъ война, и въ болѣе громадномъ числѣ. Когда войска были по необходимости стянуты въ одно мѣсто, жертвы заразы сдѣлались еще болѣе многочисленными. Такъ какъ обыкновенной спутницей моровой язвы бываетъ дороговизна, то и

---

[1]) Изъ мезійской арміи были отправлены солдаты для войны въ Арменіи [Hirschfeld arch. epigr. Mitth. 6, 41]; но тамошней границѣ не угрожала никакая опасность.

[2]) Участіе жившихъ на правомъ берегу Рейна Германцевъ доказано Діономъ 71, 3 и только имъ объясняются мѣры, принятыя Маркомъ для защиты Ретіи и Норика. И географическое положеніе Одерцона заставляетъ думать, что этотъ вторгнувшійся непріятель пришолъ изъ-за Бреннера.

на этотъ разъ ее сопровождали неурожаи, голодъ и финансовыя затрудненія — подати не уплачивались, а во время войны императоръ нашолся вынужденнымъ продать съ публичнаго торга дворцовыя драгоцѣнныя вещи. Недоставало и способнаго военачальника. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Римѣ, за разрѣшеніе такой сложной и запутанной военно-политической задачи могъ взяться не какой-нибудь уполномоченный на то военачальникъ, а только самъ властелинъ. Благодаря основательному и скромному сознанію своихъ недостатковъ, Маркъ взялъ, при своемъ вступленіи на престолъ, въ соправители своего меньшаго брата по усыновленію, Луція Вера въ томъ благосклонномъ предположеніи, что изъ лихаго юноши, хорошо владѣвшаго оружіемъ и отличавшагося ловкостью на охотѣ, можетъ выйти и хорошій полководецъ. Но честный императоръ не былъ одаренъ той проницательностью, которая необходима для вѣрной оцѣнки людей; болѣе неудачнаго выбора нельзя было сдѣлать; только-что окончившаяся война съ Парѳянами доказала, что это была ничтожная личность, лишонная всякихъ военныхъ дарованій. Назначеніе Вера соправителемъ было новымъ общественнымъ бѣдствіемъ, которому положила конецъ его смерть, послѣдовавшая вскорѣ вслѣдъ за началомъ Маркоманской войны (169). Маркъ, — который по своимъ наклонностямъ былъ скорѣй философъ, нежели практическій человѣкъ, не имѣлъ никакихъ военныхъ дарованій и вообще не былъ выдающейся личностью, — принялъ на себя исключительное руководство военными дѣйствіями. При этомъ онъ, вѣроятно, надѣлалъ не мало ошибокъ, которыя, быть можетъ, и были причиной продолжительности войны; но благодаря сосредоточенію высшей военной власти въ однѣхъ рукахъ, благодаря ясному сознанію цѣли военныхъ дѣйствій и той послѣдовательности въ распоряженіяхъ, которая свойственна настоящимъ государственнымъ людямъ, а главнымъ образомъ благодаря прямодушію и твердости императора, съ самоотверженіемъ исполнявшаго свою трудную роль, грозное нашествіе было въ концѣ концовъ отражено. Это была тѣмъ болѣе важная заслуга, что своимъ успѣхомъ Римляне были обязаны не столько дарованіямъ вождя, сколько твердости его характера.

Къ чему въ ту пору готовились, видно изъ того факта, что несмотря на недостатокъ въ людяхъ и деньгахъ, правительство въ первый годъ войны возстановило руками своихъ солдатъ и на свой счетъ стѣны главнаго города Далматіи Салонъ и главнаго города Ѳракіи Филиппополя, — а это, конечно, были не единственныя мѣропріятія такого рода. Приходилось готовиться къ тому, что сѣверные народы будутъ повсюду нападать на большіе города имперіи; ужасы готскихъ нашествій уже стучались въ двери и были на этотъ разъ предотвращены, быть можетъ, только тѣмъ, что правительство не шло къ нимъ на встрѣчу. Нельзя было обойтись и безъ непосред-

ственнаго руководительства военными дѣйствіями, и безъ необходимаго при тогдашнемъ положеніи дѣлъ регулированія отношеній къ жившимъ вблизи отъ римскихъ границъ народамъ, и безъ введенія тамъ, гдѣ это было нужно, лучшихъ порядковъ; но ничего этого нельзя было поручить ни безхарактерному брату императора ни мѣстнымъ начальникамъ. Дѣйствительно положеніе дѣлъ существенно измѣнилось, лишь только оба императора прибыли въ Аквилею для того, чтобъ выступить оттуда вмѣстѣ съ арміей къ театру военныхъ дѣйствій. Дѣйствовавшіе безъ единодушія и не подчинявшіеся одному общему вождю, Германцы и Сарматы сознавали свою неспособность дать отпоръ такому нападенію. Вторгнувшіяся непріятельскія толпы стали повсюду отступать; Квады обратились къ императорскому намѣстнику съ изъявленіями покорности, а многіе изъ руководителей направленнаго противъ Римлянъ движенія поплатились за этотъ попятный шагъ своею жизнію. Луцій полагалъ, что война уже поглотила достаточно жертвъ и посовѣтовалъ возвратиться въ Римъ. Но Маркоманы по прежнему упорно сопротивлялись, а обрушившееся на Римъ общественное бѣдствіе, сотни тысячъ захваченныхъ варварами плѣнниковъ и достигнутые непріятелемъ военные успѣхи настоятельно требовали болѣе энергической политики и продолженія наступательной войны. Зять Марка, Тиверій Клавдій Помпейянъ принялъ на себя исключительнымъ образомъ главное начальство въ Ретіи и въ Норикѣ; его способный помощникъ,—будущій императоръ Публій Гелвій Пертинаксъ, безъ затрудненія очистилъ римскую территорію отъ непріятеля, имѣя подъ своимъ начальствомъ приведенный изъ Паннонiи первый вспомогательный легіонъ. Не смотря на денежную нужду, были организованы два новыхъ легіона изъ иллирійскихъ рекрутъ, при наборѣ которыхъ конечно нерѣдко приходилось превращать бывшихъ разбойниковъ въ защитниковъ страны, а незначительная пограничная охрана этихъ двухъ провинцій, — какъ уже было замѣчено ранѣе (стр. 141, 175),—была усилена устройствомъ двухъ новыхъ легіонныхъ лагерей въ Регенсбургѣ и въ Эннсѣ. Императоры сами отправились въ верхне-паннонскіе лагери. Прежде всего нужно было удержать пламя войны въ извѣстныхъ предѣлахъ. Варвары, приходившіе съ сѣвера съ предложеніями своего содѣйствія, не отсылались назадъ, а сражались на римской службѣ, пока не нарушали,—какъ это и случалось,—даннаго слова и не переходили на сторону непріятеля. Квады, просившіе мира и признанія ихъ новаго короля Фуртія, были охотно удовлетворены; отъ нихъ потребовали только возвращенія перебѣжчиковъ и плѣнниковъ. Императору удалось до нѣкоторой степени ограничить войну борьбой съ двумя главными врагами—съ Маркоманами и съ ихъ давнишними союзниками Яцигами. Съ этими двумя народами велась трудная борьба въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ и дѣло не обходилось безъ пораженій. Намъ она

извѣстна лишь въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ нельзя составить послѣдовательнаго разсказа. Маркъ Клавдій Фронтонъ, на котораго было исключительнымъ образомъ возложено главное командованіе и въ Верхней Мезіи и въ Дакіи, палъ около 171 года въ борьбѣ съ Германцами и съ Яцигами. Точно такъ-же палъ на полѣ сраженія начальникъ гвардіи Маркъ Макриній Виндексъ. Въ честь ихъ и также въ честь нѣкоторыхъ другихъ высшихъ офицеровъ были въ этомъ году поставлены въ Римѣ подлѣ Траяновской колонны памятники за то, что они пали, сражаясь за отечество. Принявшія сторону Рима варварскія племена, частію снова отложились; такъ поступили Котины и въ особенности Квады, открывшіе у себя убѣжище для спасавшихся бѣгствомъ Маркомановъ и прогнавшіе своего вассальнаго короля Фуртія, вслѣдствіе чего императоръ Маркъ назначилъ 1000 золотыхъ монетъ въ награду тому, кто принесетъ ему голову Фуртіева преемника Аріогеза. Только на шестомъ году войны (172), по видимому, удалось окончательно одолѣть Маркомановъ и вслѣдъ за тѣмъ Маркъ принялъ вполнѣ заслуженный имъ побѣдный титулъ Германика. Послѣ того состоялось покореніе Квадовъ и наконецъ въ 175 году покореніе Яциговъ, вслѣдствіе чего императору было дано дополнительное прозвище побѣдителя Сарматовъ. Условія, которыя были предписаны побѣжденнымъ народамъ, доказываютъ, что Маркъ имѣлъ въ виду не наказаніе ихъ, а покорность. Маркоманы, Яциги и, по всему вѣроятію, также Квады были обязаны очистить на берегу Дуная полосу земли шириною въ двѣ нѣмецкихъ мили, а вслѣдствіе позднѣйшаго смягченія требованій, шириною въ одну нѣмецкую милю. Въ укрѣпленныхъ пунктахъ на правомъ берегу Дуная были поставлены римскіе гарнизоны, которые только на территоріи Маркомановъ и Квадовъ состояли не менѣе, чѣмъ изъ 20,000 человѣкъ. Всѣ покорившіеся народы должны были доставлять римской арміи подкрѣпленія, такъ напримѣръ Яциги обязались доставлять 8000 всадниковъ. Если бы императоръ не былъ отозванъ вспыхнувшимъ въ Сиріи возстаніемъ, онъ совершенно выгналъ-бы этихъ послѣднихъ изъ ихъ отечества, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Траянъ съ Даками. Дальнѣйшій ходъ событій доказываетъ, что именно по примѣру Траяна намѣревался Маркъ поступить съ отпавшими отъ имперіи задунайскими народами. Лишь только были устранены возникшія въ Сиріи препятствія, императоръ снова отправился на Дунай и, подобно Траяну, началъ въ 178 году вторую окончательную войну. Мотивъ этого объявленія войны намъ неизвѣстенъ, но его цѣлію, какъ основательно полагаютъ, было задуманное императоромъ устройство двухъ новыхъ провинцій—Маркоманіи и Сарматіи. Тѣ Яциги, которые стали-бы содѣйствовать осуществленію намѣреній императора, были большею частію освобож-

дены отъ уплаты обременительныхъ налоговъ; имъ даже было дозволено переходить, подъ надлежащимъ надзоромъ, черезъ Дакію для сношеній съ ихъ единоплеменниками Роксоланами, жившими къ востоку отъ Дакіи; это, вѣроятно, было сдѣлано только потому, что уже на нихъ смотрѣли, какъ на римскихъ подданныхъ. Маркоманы были почти совершенно истреблены мечомъ и голодомъ. Доведенные до отчаянія Квады пожелали перебраться на сѣверъ и поискать у Семноновъ новыхъ мѣстъ для поселенія; но и это не было имъ дозволено, потому что они должны были воздѣлывать поля, чтобъ снабжать провіантомъ римскіе гарнизоны. Послѣ четырнадцатилѣтней почти непрерывной военной работы, царственный вождь дошолъ вопреки своимъ намѣреніямъ до того, что Римляне снова могли утвердить свое владычество на верхней Эльбѣ; въ сущности оставалось только формально заявить о намѣреніи удержать въ своей власти завоеванныя страны. Но въ эту минуту императоръ, которому еще не было шестидесяти лѣтъ, скончался 17 марта 180 г. въ Виндобонскомъ лагерѣ.

Послѣдствія войны съ Маркоманами.—Императору слѣдуетъ отдать справедливость не только въ томъ, что онъ дѣйствовалъ съ энергіей и послѣдовательностью, но и въ томъ, что онъ дѣйствовалъ такъ, какъ того требовала разумная политика. Польза отъ завоеванія Дакіи Траяномъ была сомнительна, хотя именно во время Маркоманской войны обладаніе Дакіей не только устранило опасный элементъ изъ ряда недруговъ Рима, но, по всему вѣроятію, также содѣйствовало тому, что въ Маркоманской войнѣ не принимали участія ни Бастарны, ни Роксоланы, ни другія племена, скучившіяся на нижнемъ Дунаѣ. Но когда вслѣдствіе грознаго нашествія жившихъ къ западу отъ Дакіи задунайскихъ племенъ оказалось необходимымъ отнять у этой страны ея самостоятельность, то эта цѣль могла быть достигнута лишь путемъ загражденія ея границъ, между тѣмъ какъ Богемія, Моравія и омываемая Тиссой равнина были включены внутрь римской оборонительной линіи, хотя и этимъ странамъ,—точно такъ же какъ и Дакіи — было предназначено играть роль лишь передовыхъ военныхъ постовъ, а стратегической пограничной линіей, безъ сомнѣнія, долженъ былъ по прежнему оставаться Дунай.

Заключеніе мира при Коммодѣ.—Преемникъ Марка, императоръ Коммодъ находился въ лагерѣ во время смерти своего отца, а такъ какъ онъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ былъ номинальнымъ соправителемъ Марка, то послѣ смерти этого послѣдняго немедленно вступилъ въ обладаніе неограниченною верховною властію. Людямъ, пользовавшимися довѣріемъ Марка—его зятю Помпейяну и тѣмъ, кто

вмѣстѣ съ нимъ несъ на своихъ плечахъ тяжелое бремя войны— девятнадцати-лѣтній императоръ недолго дозволялъ дѣйствовать въ духѣ прежняго управленія. Коммодъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ контрастъ съ своимъ отцемъ; онъ вовсе не былъ ученъ, а былъ похожъ на фехтовальнаго учителя; онъ былъ столько-же малодушенъ и слабохарактеренъ, сколько тотъ былъ энергиченъ и послѣдователенъ, былъ столько-же лѣнивъ и невнимателенъ къ своему долгу, сколько тотъ былъ дѣятеленъ и добросовѣстенъ. Онъ не только отказался отъ присоединенія завоеванныхъ странъ къ имперіи, но добровольно предложилъ Маркоманамъ такія мирныя условія, какихъ тѣ никакъ не могли ожидать. Само собою разумѣется, что ихъ обязали регулировать пограничныя отношенія подъ римскимъ контролемъ и не обижать тѣхъ изъ своихъ сосѣдей, которые жили въ дружбѣ съ Римлянами; но гарнизоны были выведены изъ ихъ страны и было оставлено въ силѣ лишь запрещеніе селиться вблизи отъ границы. Хотя въ число мирныхъ условій и были включены уплата податей и доставка рекрутъ, но отъ податей Маркоманы были скоро освобождены, а рекрутъ, конечно, никогда не доставляли. На такихъ-же условіяхъ былъ заключенъ миръ съ Квадами, а впослѣдствіи и съ остальными задунайскими народами. Соглашаясь на такія уступки, правительство отказывалось отъ сдѣланныхъ завоеваній и многолѣтняя военная работа оказывалась безплодной; если не имѣлось въ виду болѣе широкой цѣли, то уже гораздо ранѣе можно было достигнуть такого-же порядка вещей. Тѣмъ не менѣе Маркоманская война на долгое время упрочила въ этихъ странахъ римское верховенство, хотя Римъ и выпустилъ изъ своихъ рукъ плоды своей побѣды. Не тѣми племенами, которыя участвовали въ этой войнѣ, былъ нанесенъ ударъ, уничтожившій всемірное владычество Римлянъ.

Колонатъ.—Другое прочное послѣдствіе этой войны находится въ связи съ вызванными ею переселеніями задунайскихъ племенъ внутрь римскихъ владѣній. Такія переселенія происходили во всѣ времена; переселеніе Сикамбровъ при Августѣ въ Галлію и отправка Даковъ во Өракію были ничто иное, какъ присоединеніе новыхъ подданныхъ или подвластныхъ Риму общинъ къ прежнимъ подданнымъ и прежнимъ общинамъ; ничѣмъ инымъ было и данное Маркомъ тремъ тысячамъ Наристовъ дозволеніе промѣнять ихъ земли къ западу отъ Богеміи на такія-же земли внутри имперіи, между тѣмъ какъ жившимъ близъ сѣверной границы Дакіи Астингамъ (о которыхъ до того времени ничего не было извѣстно) было отказано точно въ такой-же просьбѣ. Но Германцы, которыхъ Маркъ поселилъ не только въ придунайскихъ странахъ, но также въ самой Италіи подлѣ Равенны, не были ни свободными римскими подданными ни

людьми, совершенно лишенными свободы; это были зачатки римскаго крѣпостничества (колоната), вліяніе котораго на воздѣлываніе почвы во всемъ государствѣ будетъ объяснено впослѣдствіи въ связи съ другими фактами. Между тѣмъ вышеупомянутыя поселенія подлѣ Равенны не имѣли прочнаго существованія; переселенцы не захотѣли повиноваться и ихъ пришлось отослать назадъ, такъ что новый колонатъ ограничился на первое время провинціями и въ особенности придунайскими странами.

Наступательное движеніе сѣверныхъ народовъ.—Вслѣдъ за великой войной, происходившей на среднемъ Дунаѣ, снова наступило мирное время, которое длилось почти шестьдесятъ лѣтъ и благотворное вліяніе котораго не могло быть совершенно уничтожено неурядицей, тѣмъ временемъ постоянно усиливавшейся. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, слѣдуетъ полагать, что границы имперіи и въ особенности доступныя болѣе всѣхъ другихъ границы Дакіи все еще подвергались нападеніямъ извнѣ; но введенная Северомъ суровая система военнаго управленія сдѣлала тамъ свое дѣло и даже при его ближащихъ преемникахъ по меньшей мѣрѣ Маркоманы и Квады пребывали въ бесусловной зависимости, такъ что сынъ Севера могъ вызвать къ себѣ одного князя Квадовъ и положить его голову къ своимъ стопамъ. И борьба, которая велась въ ту пору на нижнемъ Дунаѣ, не имѣла большой важности. Но, по всему вѣроятію, именно въ это время произошло громадное передвиженіе народовъ отъ сѣверо-востока къ Черному морю, такъ что стоявшей на нижнемъ Дунаѣ римской пограничной стражѣ пришлось имѣть дѣло съ новыми и чрезвычайно опасными противниками. До того времени съ Римлянами боролись тамъ преимущественно сарматскія племена, между которыми всѣхъ чаще сталкивались съ Римлянами Роксоланы; изъ германскихъ племенъ тамъ жили въ ту пору только издавна тамъ поселившіеся Бастарны. Теперь Роксоланы исчезаютъ, быть можетъ, потому что сливаются съ Карпами, которые, какъ кажется, были ихъ единоплеменниками и которые впредь дѣлаются ближайшими сосѣдями Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ, вѣроятнс, въ долинахъ Серета и Прута.

Готы.—Рядомъ съ Карпами, также въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Римлянами близь устьевъ Дуная, появляются Готы. Это германское племя,—по дошедшимъ до насъ туземнымъ разсказамъ,—переселилось изъ Скандинавіи черезъ Балтійское море на берега Вислы, а оттуда на берега Чернаго моря; согласно съ этимъ и римскіе географы 2-го столѣтія свидѣтельствуютъ о томъ, что оно жило на берегахъ Вислы, а изъ римской исторіи видно, что съ первой трети 3-го столѣтія оно жило на западно-восточномъ берегу

Чернаго моря. Съ тѣхъ поръ могущество Готовъ постоянно разрастается; въ царствованіе Проба остатки Бастарновъ, а въ царствованіе Діоклетіана остатки Карповъ оттѣснены ими на правый берегъ Дуная, и безъ сомнѣнія большая часть какъ тѣхъ, такъ и другихъ смѣшалась съ Готами и примкнула къ нимъ. Всѣ подробности этой катастрофы должны быть подведены подъ общее названіе Готской войны, подобно тому какъ все, что относится къ катастрофѣ, разразившейся при Маркѣ, носитъ названіе Маркоманской войны; въ ней участвовали всѣ племена, двинувшіяся съ сѣверо-востока къ Черному морю подъ напоромъ цѣлаго потока переселенцевъ,—и участвовали тѣмъ болѣе потому, что всѣ эти нападенія какъ сухимъ путемъ черезъ нижній Дунай, такъ и воднымъ путемъ отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря производились въ неразрывной связи съ сухопутными и морскими разбоями. Поэтому, когда сражавшійся въ этой войнѣ и описавшій ее ученый Аѳинянинъ называетъ ее скиѳской, онъ не впадаетъ въ ошибку, разумѣя подъ этимъ названіемъ,—которое подобно названію Пелазги составляетъ отчаяніе историковъ, — всѣхъ враговъ имперіи и германскаго и не германскаго происхожденія. Мы соберемъ здѣсь все, что можно разсказать объ этой войнѣ, насколько это дозволяетъ сбивчивость дошедшихъ до насъ свѣдѣній, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ общему смятенію, господствовавшему въ то страшное время.

Готская война.—238 годъ, въ которомъ, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, также было четыре императора, считается тѣмъ годомъ, въ которомъ началась война съ впервые тогда упоминаемыми Готами [1]). Такъ какъ монеты Тиры и Ольбіи уже не встрѣчаются послѣ царствованія Александра (✝ 235), то слѣдуетъ полагать, что эти римскія владѣнія, находившіяся внѣ границъ имперіи, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлались добычей новыхъ враговъ. Въ томъ году эти враги начали съ того, что перешли черезъ Дунай, а первою жерт-

---

[1]) Предположеніе, что о Готахъ впервые упомянуто въ біографіи Каракаллы, гл. 10, основано на недоразумѣніи. Если дѣйствительно одинъ сенаторъ дозволилъ себѣ злую насмѣшку, придавши убійцѣ Геты прозвище Гетическаго оттого, что этотъ убійца, во время своего похода отъ Дуная на востокъ одержалъ побѣду надъ какими-то толпами Гетовъ [tumultuariis proeliis], то онъ разумѣлъ Даковъ, а не Готовъ, которые едва-ли жили тамъ въ ту пору и имя которыхъ едва-ли было знакомо римской публикѣ; а отождествленіе Готовъ съ Гетами было придумано, конечно, въ болѣе позднюю пору. Впрочемъ насъ заводитъ еще далѣе то предположеніе, что императоръ Максиминъ [235—238] былъ сынъ одного переселившагося въ сосѣднюю Ѳракію Гота; но и этому предположенію нельзя придавать большаго значенія.

вою их нашествія сдѣлался самый сѣверный из приморских городов Мезіи Истр. Гордіана, который среди смут того времени достиг верховной власти, называли побѣдителем Готов; болѣе вѣроятно, что римское правительство, если не до него, то при нем, стало откупаться от готских нашествій [1]). Понятно, что Карпы потребовали того-же, что было сдѣлано императором для менѣе того достойных Готов; но так как их требованіе не было удовлетворено, то они вторглись в 245 г. в римскія владѣнія. Император Филипп — в ту пору Гордіана уже не было в живых — отразил их, а болѣе энергическое употребленіе в дѣло соединенных военных сил обширной имперіи, конечно, не дозволило-бы варварам двигаться далѣе. Но в эти годы убійца императора так-же несомнѣнно достигал престола, как несомнѣнно сам погибал от руки убійцы, который дѣлался его преемником; именно в тѣх придунайских странах, которым грозила серьезная опасность, армія, не желая подчиняться Филиппу, провозгласила императором сначала Марина Пакатіана, а послѣ того как этот кандидат был устранен, Траяна Деція; этому послѣднему удалось одолѣть в Италіи своего соперника и он был признан повелителем. Это был способный и храбрый воин, не недостойный тѣх двух имен, которыя он носил; он принял энергическое личное участіе в войнѣ на Дунаѣ, лишь только нашол это возможным; но уже нельзя было поправить того, что было испорчено междоусобной войной. В то время, как Римляне боролись одни с другими, Готы и Карпы соединили свои силы и под предводительством готскаго князя Книвы вторгнулись в Мезію, в которой почти вовсе не было римских войск. Намѣстник этой провинціи Трибоніан Галл укрылся с своим отрядом у подножія Гема в Никополѣ и был там осажден Готами; эти послѣдніе в то-же время опустошили Ѳракію и осадили ея главный город — обширный и хорошо укрѣпленный Филиппополь; они даже проникли в Македонію и осадили Ѳессалонику, гдѣ намѣстник Приск нашол именно эту минуту удобной для того, чтоб провозгласить себя императором. Когда Декій

[1]) Petrus Patricius fr. 8. Управленіе упомянутаго здѣсь легата Нижней Мезіи Туллія Менофила должно быть, на основаніи монет, безспорно отнесено ко временам Гордіана и по всему вѣроятію к 238—240 годам [Borghesi opp. 2, 227]. Так как Дексипп [Vita Max. et Balb. 16] положительно доказал, что начало готской войны и разрушеніе Истра должны быть отнесены к 238 году, то в связи с этим, по всему вѣроятію, находилось и обязательство уплачивать дань; во всяком случаѣ это обязательство было возобновлено в ту пору. Неудачная осада Маркіанополя и Филиппополя Готами [Dexippos fr. 18. 19] могла начаться вслѣд за взятіем Истра. Іорнанд [Get. 16, 92] относит первую из этих осад к царствованію Филиппа, но в том, что касается хронологических вопросов, на него нельзя полагаться.

прибылъ на мѣсто для борьбы и съ соперникомъ и съ внѣшнимъ врагомъ, онъ безъ большаго труда устранилъ Приска и заставилъ Готовъ снять осаду съ Никополя, при чемъ непріятель, какъ разсказываютъ, лишился 30,000 человѣкъ. Но отступившіе во Ѳракію Готы съ своей стороны одержали побѣду при Береѣ (Старой-Загорѣ), отбросили Римлянъ назадъ въ Мезію и завладѣли какъ мезійскимъ городомъ Никополемъ, такъ и ѳракійскими городами Анхіаломъ и даже Филиппополемъ, гдѣ, какъ разсказываютъ, захватили въ плѣнъ 100,000 человѣкъ. Послѣ того они двинулись къ сѣверу для того, чтобъ сложить свою громадную добычу въ безопасномъ мѣстѣ.

Смерть Деція.—Децій задумалъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ при его переправѣ черезъ Дунай. Онъ поставилъ на берегу рѣки отрядъ войскъ подъ начальствомъ Галла и надѣялся, что ему удастся натолкнуть Готовъ на этотъ отрядъ, а за тѣмъ отрѣзать имъ отступленіе. Но подлѣ мезійскаго пограничнаго мѣстечка Абритта военная фортуна или измѣна Галла рѣшила дѣло не въ его пользу; Децій погибъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, а Галлъ, который былъ провозглашонъ его преемникомъ, началъ свое управленіе тѣмъ, что снова обезпечилъ Готамъ ежегодное полученіе денежныхъ суммъ (251 г.) [1]). Рѣшительное пораженіе, понесенное и римской арміей и римской политикой, смерть Деція—перваго императора лишившагося жизни въ борьбѣ съ варварами, сильное возбужденіе умовъ, вызванное извѣстіемъ объ этомъ несчастіи даже въ ту эпоху, когда всѣ впали въ апатію отъ привычки къ бѣдствіямъ всякаго рода, состоявшаяся вслѣдъ за тѣмъ постыдная капитуляція, — все это, взятое вмѣстѣ, заставляло опасаться за цѣлость имперіи. Послѣдствія этихъ несчастій должны были сказаться прежде всего въ серьозныхъ кризисахъ на среднемъ Дунаѣ и въ въ опасности лишиться Дакіи. Ихъ удалось еще разъ предотвратить: намѣстникъ Панноніи Маркъ Эмилій Эмиліанъ, который былъ способнымъ военачальникомъ, достигъ значительнаго военнаго успѣха и прогналъ непріятеля за границу. Но Немезида дѣлала свое дѣло. Послѣдствіемъ этой побѣды, одер-

[1]) Хотя всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ событіяхъ Зосимомъ 1, 21—24, Зонарой 12, 20 и Аммiаномъ 31, 5, 16, 17 [свѣдѣнія, предшествующія тѣмъ, которыя касаются Филиппополя, должны быть отнесены сюда, потому что свѣдѣнія, касающіяся Филиппополя, снова появляются у Зосима], отрывочны или неполны; они, должно быть, были заимствованы изъ Дексиппова разсказа [отъ котораго сохранились отрывки 16. 19] и могутъ быть до нѣкоторой степени собраны въ одно цѣлое. Тотъ-же источникъ служитъ фундаментомъ для жизнеописаній императоровъ и для Іорнанда; но и эти жизнеописанія и этотъ авторъ до такой степени изуродовали и исказили то, что̀ нашли въ этомъ источникѣ, что ихъ указаніями можно пользоваться лишь съ большою осмотрительностью. Самостоятеленъ Victor Caes. 29.

жанной отъ имени Галла, было то, что армія отказала въ повиновеніи тому, кто измѣнилъ Децію, и провозгласила его преемникомъ своего главнокомандующаго.

Потеря Дакіи.—Такимъ образомъ междоусобная война снова отвлекла вниманіе отъ охраны границъ и между тѣмъ, какъ Эмиліанъ одолѣвалъ въ Италіи Галла, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ самъ былъ побѣжденъ однимъ изъ военачальниковъ Галла Валеріаномъ (254 г.), Дакія была отнята у имперіи, — намъ неизвѣстно ни какъ ни кѣмъ [1]). Послѣдняя изъ вычеканенныхъ въ этой провинціи монетъ и самая поздняя изъ найденныхъ тамъ надписей относятся къ 255 году; послѣдняя изъ монетъ, вычеканенныхъ въ сосѣднемъ Виминакіѣ, въ Верхней Мезіи, относится къ слѣдующему году; стало быть, въ первые годы царствованія Валеріана и Галліена варвары заняли римскія владѣнія на лѣвомъ берегу Дуная и, безъ сомнѣнія, проникли и на правый берегъ рѣки.

Прежде нежели описывать дальнѣйшій ходъ дѣлъ на нижнемъ Дунаѣ, необходимо познакомиться съ морскимъ разбойничествомъ въ томъ видѣ, какъ оно практиковалось въ ту пору въ восточной половинѣ Средиземнаго моря, равно какъ съ вызванными этимъ разбойничествомъ морскими набѣгами Готовъ и ихъ сподвижниковъ.

Морскіе разбои на Понтѣ.—Что римскій флотъ никогда не былъ излишнимъ на Черномъ морѣ и что морскіе разбои никогда тамъ не прекращались, объясняется той особенной формой, которую приняло римское владычество на берегахъ этого моря. Они находились въ полномъ владѣніи Римлянъ только отъ устьевъ Дуная до Трапезунда. Съ одной стороны Тира у устьевъ Днѣстра и Ольбія въ бухтѣ, образуемой устьями Днѣпра, а съ другой стороны кавказскіе портовые города Діоскурій и Питій, находившіеся по близости отъ теперешняго Сухумъ-Калэ, конечно, принадлежали Римлянамъ. И находившееся промежъ этихъ странъ въ Крыму Босфорское царство состояло подъ римскимъ покровительствомъ и въ немъ стоялъ гарнизонъ, подчиненный намѣстнику Мезіи. Но на этихъ бо́льшею частію мало привлекательныхъ морскихъ берегахъ въ прочномъ владѣніи Римлянъ находились только тѣ портовые города, которые были или старинными греческими колоніями или римскими крѣпостями, а самые берега или были пустынны или находились во власти населявшихъ внутренность страны туземцевъ, которые подъ общимъ названіемъ Скиѳовъ были бо́льшею частію сарматскаго происхожденія и Римлянамъ никогда не подчинялись ни въ ту пору ни впо-

---

1) Быть можетъ сюда относится вторженіе Маркомановъ, о которомъ говоритъ Зосимъ 1, 29.

слѣдствіи; Римляне были довольны, если эти туземцы не нападали на нихъ и на тѣхъ, кто находился подъ ихъ покровительствомъ. Поэтому нельзя удивляться тому, что уже во времена Тиверія пираты восточнаго берега не только дѣлали небезопаснымъ плаваніе по Черному морю, но даже высаживались на сушу и налагали контрибуціи на прибрежныя селенія и города. Если въ царствованіе Пія или Марка шайка жившихъ на сѣверо-западномъ берегу Костобоковъ могла напасть на лежавшій внутри Фокиды городъ Элатейю и вступить подъ стѣнами города въ борьбу съ его жителями, то этотъ, конечно, лишь случайно дошедшій до нашего свѣдѣнія отрывочный фактъ доказываетъ, что въ ту пору возобновились явленія, предшествовавшія ниспроверженію сенатскаго управленія, и что даже въ то время, когда правительственная власть была, по видимому, непоколебимо тверда, по Черному и даже по Средиземному морю разъѣзжали не только одиночныя разбойничьи суда, но даже цѣлыя разбойничьи эскадры. Слабость правительства, сдѣлавшаяся ясно замѣтной послѣ смерти Севера и главнымъ образомъ послѣ пресѣченія послѣдней династіи, обнаружилась въ ту пору, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего въ усилившейся негодности морской полиціи. Изъ мало достовѣрныхъ въ своихъ подробностяхъ разсказовъ мы знаемъ, что еще до вступленія на престолъ Деція большой разбойническій флотъ появился въ Эгейскомъ морѣ, что потомъ въ царствованіе Деція были ограблены берега Памфиліи и греко-азіатскіе острова и что при Галлѣ морскіе разбойники достигали въ своихъ набѣгахъ на Малую Азію Пессина и Эфеса [1]). Это были хищническіе набѣги. Пираты грабили и близкіе и дальніе берега и, какъ видно, даже имѣли смѣлость проникать внутрь странъ, не прилегающихъ къ морю; но на то, чтобъ они разрушали города,

[1]) Амміанъ 31, 5, 15: duobus navium milibus perrupto Bosporo et litoribus Propontidis Scythicarum gentium catervae transgressae ediderunt quidem acerbas terra marique strages: sed amissa suorum parte maxima reverterunt,—за тѣмъ описана гибель двухъ Деціевъ и въ нее вплетены дальнѣйшія свѣдѣнія: obsessae Pamphyliae civitates [сюда принадлежитъ осада Сиды; у самого Дексиппа отр. 23], insulae populatae complures, также осада Кизика. Если въ этомъ описаніи прошлаго не перепутано все то, чего нельзя вполнѣ согласовать съ разсказомъ Аммiана, то слѣдуетъ полагать, что эти факты предшествовали тѣмъ морскимъ экспедиціямъ, которыя начались осадой Питія и были не столько морскими разбоями, сколько переселеніемъ народовъ. Число судовъ, безъ сомнѣнія, перенесено сюда съ экспедиціи 269 года вслѣдствіе забывчивости. Въ связи съ этимъ находятся и сообщаемыя Зосимомъ [1, 28] свѣдѣнія о нашествіяхъ Скиѳовъ на Азію и на Каппадокію до Эфеса и Пессина. То-же свѣдѣніе объ Эфесѣ помѣщено въ біографіи Галліена, гл. 6, но время указано невѣрно.

нѣтъ никакихъ указаній; они избѣгали столкновеній съ римскими войсками и нападали преимущественно на такіе пункты, гдѣ не было никакихъ войскъ.

Морскіе набѣги Готовъ и ихъ сподвижниковъ. — Въ царствованіе Валеріана эти экспедиціи приняли другой характеръ. Способъ, которымъ стали совершаться эти набѣги, настолько отличенъ отъ прежняго, что самъ по себѣ не особенно важный набѣгъ, предпринятый въ царствованіе Валеріана Боранами на Питій, могъ быть принятъ однимъ свѣдущимъ писателемъ именно за начало этого переворота [1]) и что пиратамъ въ теченіе нѣкотораго времени давали въ Малой Азіи названіе этого племени, о которомъ мы только это и знаемъ. Эти набѣги предпринимаются уже не старинными туземными обитателями береговъ Чернаго моря, а надвигающимися толпами переселенцевъ. Что̀ прежде было морскимъ разбоемъ, начинаетъ превращаться въ то передвиженіе народовъ, къ которому принадлежитъ и переселеніе Готовъ на нижній Дунай. Участвовавшіе въ этомъ передвиженіи народы очень разнородны и частію мало извѣстны; въ позднѣйшихъ набѣгахъ, по видимому, играли руководящую роль германскіе Герулы, жившіе въ ту пору на берегахъ Меотиды. Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ неполнымъ свѣдѣніямъ и насколько эти набѣги были настоящими морскими экспедиціями, въ нихъ участвовали и Готы, но не выдающимся образомъ; въ сущности было-бы болѣе правильно называть эти экспедиціи скиѳскими, а не готскими. Исходнымъ приморскимъ пунктомъ нашествій была гавань Тира въ устьяхъ Днѣстра [2]). Греческіе города Босфора, будучи оставлены безсильнымъ правительствомъ безъ всякой охраны отъ надвигавшихся на нихъ варваровъ и зная, что имъ предстоитъ выносить осаду, стали волей-неволей перевозить своихъ безпокойныхъ новыхъ сосѣдей на своихъ судахъ и своими матросами въ близь-лежащія римскія вла-

[1]) Отъ самого Зосима было-бы напрасно ожидать полнаго объясненія этихъ фактовъ; но его современникъ и сообщникъ Дексиппъ, который можетъ служить за него порукой, хорошо зналъ, почему онъ называлъ экспедицію въ Виѳинію δευτέρα ἔφοδος [Зос. 1, 35]; даже у Зосима ясно замѣтно, что Дексиппъ хотѣлъ выставить на видъ противоположность между экспедиціей Борановъ на Питій и Трапезундъ и описанными набѣгами пиратовъ. Описанная въ біографіи Галліена [гл. 11] подъ 264 годомъ скиѳская экспедиція въ Каппадокію, должно быть, была предпринята противъ Трапезунда, равно какъ и связанная съ нею экспедиція въ Виѳинію, должно быть, была та, которую Зосимъ называетъ второй; здѣсь, конечно, все перепутано.

[2]) Это говоритъ Зосимъ 1, 42, и это также вытекаетъ изъ отношенія прибрежныхъ жителей Босфора Киммерійскаго къ первому нашествію [1, 32] и изъ отношенія перваго нашествія ко второму [1, 34].

денія на сѣверномъ берегу Понта, такъ какъ этимъ сосѣдямъ недоставало для такихъ переѣздовъ ни средствъ ни умѣнья. Такимъ путемъ состоялась и вышеупомянутая экспедиція противъ Питія. Бораны вышли на берегъ и, полагаясь на успѣхъ, отослали назадъ суда. Но энергическій комендантъ Питія Сукцессіанъ отразилъ ихъ; тогда нападающіе, опасаясь прибытія другихъ римскихъ гарнизоновъ, торопливо удалились, съ трудомъ добывши средства для обратнаго морскаго переѣзда. Но отъ своего замысла они не отказались; въ слѣдующемъ году они снова тамъ появились, а такъ какъ въ Питіи былъ тѣмъ временемъ назначенъ новый комендантъ, то крѣпость ихъ сдалась.

Набѣгъ на Трапезундъ.—На этотъ разъ Бораны удержали боспорскія суда въ своемъ распоряженіи и составили для нихъ экипажъ изъ насильно навербованныхъ матросовъ и изъ плѣнныхъ Римлянъ; за тѣмъ они завладѣли на большомъ протяженіи берегами и достигли Трапезунда. Въ этомъ хорошо укрѣпленномъ и снабженномъ сильнымъ гарнизономъ городѣ всѣ спѣшили укрыться, а предпринять настоящую осаду варвары не были въ состояніи. Но Римляне вели себя дурно, а военная дисциплина находилась въ такомъ упадкѣ, что даже городскія стѣны не были заняты гарнизономъ; поэтому варвары перелѣзали черезъ эти стѣны ночью, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, и въ этомъ большомъ и богатомъ городѣ захватили громадную добычу, въ числѣ которой находилось и нѣсколько кораблей. Изъ этой отдаленной страны они благополучно возвратились въ Меотиду.

Набѣгъ на Виѳинію.—Вызванная этимъ успѣхомъ вторая экспедиція была предпринята жившими въ сосѣдствѣ съ Боранами скиѳскими толпами; она направилась слѣдующей зимой въ Виѳинію; до чего доходила въ ту пору неурядица, видно изъ того факта, что зачинщикомъ этого нашествія былъ Грекъ изъ Никомедіи по имени Хризогонъ и что за успѣшный исходъ предпріятія варвары оказали ему большой почетъ. Такъ какъ не было возможности добыть суда въ достаточномъ числѣ, то эта экспедиція была предпринята частію сухимъ путемъ, частію водою; только вблизи отъ Византія пиратамъ удалось захватить много рыбацкихъ лодокъ и благодаря этому они добрались до Халкедона; узнавши объ ихъ приближеніи, сильный халкедонскій гарнизонъ бѣжалъ изъ города. Они завладѣли не только этимъ городомъ, но также приморскими городами Никомедіей, Кіосомъ, Апамеей и внутренними городами Никеей и Прузой; Никомедію и Никею они сожгли и добрались до Риндака. Оттуда они отправились домой, обремененные сокровищами этой страны и ея главныхъ городовъ.

Набѣгъ на Грецію.—Уже набѣгъ на Виѳинію былъ совершонъ частію сухимъ путемъ; тѣмъ болѣе понятно, почему нашествія на европейскую Грецію состояли и изъ сухопутныхъ и изъ морскихъ экспедицій. Хотя Мезія и Ѳракія не были прочно заняты Готами, они приходили туда когда хотѣли, распоряжались такъ, какъ у себя дома, и проникали оттуда далеко въ глубь Македоніи. Даже Ахаія ожидала въ царствованіе Валеріана нападенія съ этой стороны; Ѳермопилы и Коринѳскій перешеекъ были заграждены и Аѳиняне дошли до того, что принялись возстановлять свои городскія стѣны, лежавшія въ развалинахъ со времени осады города Суллой. Въ ту пору и въ этомъ направленіи варвары ничего не предпринимали. Но въ царствованіе Галліена, флотъ изъ 500 парусныхъ судовъ, снаряженный на этотъ разъ преимущественно Герулами, появился передъ бизантійской гаванью, которая въ ту пору еще не утратила своей способности обороняться; суда Бизантійцевъ успѣшно отразили хищниковъ. Эти послѣдніе направились далѣе, показались у азіятскихъ береговъ передъ Кизикомъ, который до того времени еще не подвергался нападеніямъ, и добрались оттуда черезъ Лемносъ и Имбросъ до собственно такъ-называемой Греціи. Аѳины, Коринѳъ, Аргосъ, Спарта были разграблены и разрушены. Уже хорошо было и то, что—какъ во времена персидскихъ войнъ—граждане разрушенныхъ Аѳинъ, въ числѣ 2000 человѣкъ, устроили засаду противъ отступавшихъ варваровъ и подъ предводительствомъ своего столько-же ученаго, сколько храбраго передоваго соотечественника, Публія Гереннія Дексиппа, происходившаго отъ стариннаго знатнаго рода Кериковъ, нанесли пиратамъ, при содѣйствіи римскаго флота, значительныя потери. Когда пираты возвращались домой частію сухимъ путемъ, императоръ Галліенъ напалъ на нихъ во Ѳракіи у береговъ рѣки Неста и перебилъ у нихъ довольно много людей [1]).

Государственное управленіе во время готскихъ нашествій.—Чтобъ вполнѣ обозрѣть всю массу общественныхъ бѣдствій, слѣдуетъ присовокупить, что въ этомъ разваливавшемся государствѣ и въ особенности въ наводненныхъ врагами провинціяхъ, военачальники одинъ

---

[1]) Разсказъ Дексиппа объ этомъ нашествіи приведенъ въ сокращеніи Синцелломъ стр. 717 [тамъ вмѣсто ἀνελόντες слѣдуетъ читать ἀνελόντος], Зосимомъ I, 39 и біографомъ Галліена гл. 13. Fr. 22 есть отрывокъ изъ его собственнаго разсказа. У Діонова продолжателя, отъ котораго заимствовался Зонара, это событіе отнесено къ царствованію Клавдія или по ошибкѣ или изъ нежеланія приписать эту побѣду Галліену. Біографія Галліена описываетъ это событіе, по видимому, два раза—сначала вкратцѣ, въ гл. 6, относя его къ 262 году, а потомъ полнѣе въ гл. 13, относя его или къ 265 году или къ болѣе позднему времени.

мнѣдъ за другимъ старались захватить верховную власть, которая едва-ли уже существовала на дѣлѣ. Не стоитъ труда перечислять имена этихъ эфемерныхъ порфироносцевъ; изъ положенія дѣлъ видно, что послѣ опустошенія Виѳиніи пиратами императоръ Валеріанъ не посылалъ туда снабженнаго экстраординарными полномочіями главнокомандующаго, потому что не безъ основанія видѣлъ въ каждомъ генералѣ соперника. Это обстоятельство было причиной печальнаго положенія дѣлъ на ряду съ почти безусловнымъ бездѣйствіемъ правительства. Однако, съ другой стороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта безотвѣтственная бездѣятельность должна быть въ значительной мѣрѣ приписана личнымъ свойствамъ властителей; Валеріанъ былъ и слабъ и старъ, Галліенъ былъ и сговорчивъ и беапутенъ, и ни тотъ ни другой не былъ способенъ держать въ своихъ рукахъ кормило государства во время бури. Маркіанъ, которому Галліенъ поручилъ, послѣ нашествія на Ахаію, главное командованіе въ тѣхъ странахъ, дѣйствовалъ не безъ успѣха; но до настоящей перемѣны къ лучшему дѣло не доходило, пока престолъ былъ занятъ Галліеномъ.

Побѣды Клавдія надъ Готами. — Послѣ умерщвленія Галліена (268 г.) и, быть можетъ, вслѣдствіе того, что извѣстіе объ этомъ дошло до варваровъ, эти послѣдніе предприняли снова подъ руководствомъ Геруловъ, но на этотъ разъ соединенными силами, такое нападеніе на римскія владѣнія, какому еще не было примѣра: они вышли изъ устьевъ Дуная съ сильнымъ флотомъ и вѣроятно въ то-же время двинулись впередъ сухимъ путемъ [1]). Флотъ сильно пострадалъ въ Пропонтидѣ отъ бурь; за тѣмъ онъ раздѣлился и Готы направились частію къ Ѳессаліи и Греціи, частію къ Криту и Родосу; главная масса варваровъ отправилась въ Македонію и оттуда проникла во внутренность страны, безъ сомнѣнія дѣйствуя сообща съ тѣми толпами, которыя проникли во Ѳракію. Но жители Ѳессалоники, уже

[1]) Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній можно заключить, что это нашествіе было чисто морской экспедиціей, предпринятой [по всему вѣроятію] съ 2000 судами [эта цифра стоитъ въ біографіи Клавдія; цифры 6000 и 900, между которыми колеблется разсказъ Зосима I, 42, обѣ невѣрны] и 320,000 людьми. Между тѣмъ трудно повѣрить, чтобъ Дексиппъ, на разсказъ котораго должны были опираться эти указанія, могъ выставить эту послѣднюю цифру. Съ другой стороны, въ виду того, что экспедиція направилась прежде всего къ Томидѣ и къ Маркіанополю, болѣе нежели вѣроятно, что при этомъ непріятель дѣйствовалъ такъ, какъ разсказываетъ Зосимъ I, 34 и что одна часть непріятельскихъ силъ двигалась сухимъ путемъ, — а опираясь на этотъ фактъ и современникъ могъ опредѣлить число нападающихъ той цифрой. Весь ходъ войны и въ особенности мѣсто рѣшительнаго сраженія также доказываютъ, что приходилось имѣть дѣло не съ однимъ только флотомъ.

не разъ выдерживавшіе осаду и доведенные на этотъ разъ до отчаянія, были спасены императоромъ Клавдіемъ, который лично пришолъ къ нимъ на помощь съ довольно сильной арміей; онъ погналъ Готовъ вверхъ по долинѣ Аксія (Вардара) и далѣе черезъ горы въ Верхнюю Мезію; послѣ многократныхъ стычекъ, въ которыхъ счастье не всегда было на его сторонѣ, онъ одержалъ въ долинѣ Моравы подлѣ Нэсса блестящую побѣду и положилъ на мѣстѣ, какъ увѣряютъ, 50,000 враговъ. Готы отступили въ безпорядкѣ сначала въ направленіи къ Македоніи, а потомъ черезъ Ѳракію въ направленіи въ Гему въ надеждѣ укрыться отъ непріятеля за Дунаемъ. Ихъ едва не спасли еще разъ раздоры въ римскомъ лагерѣ, на этотъ разъ возникшіе между пѣхотой и конницей; но когда дѣло дошло до битвы, всадники не захотѣли отставать отъ своихъ ратныхъ товарищей и соединенныя силы арміи снова одержали верхъ. Моровая язва, обыкновенно появляющаяся вслѣдъ за общественными бѣдствіями, стала свирѣпствовать съ особенною силой въ тѣхъ странахъ и главнымъ образомъ въ обѣихъ арміяхъ; она причинила не мало вреда и Римлянамъ, — самъ императоръ Клавдій умеръ отъ нея, — но громадную армію сѣверныхъ народовъ она уничтожила совершенно, а многочисленные плѣнники были опредѣлены на службу въ римской арміи или обращены въ рабство.

Римляне снова укрѣпляютъ дунайскую границу.—Удалось до нѣкоторой степени обуздать и гидру военныхъ революцій; Клавдій и вслѣдъ за нимъ Авреліанъ были повелителями имперіи въ такомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ нельзя было того-же сказать о Галліенѣ. Заботились и о возстановленіи морскихъ силъ, которому было положено начало при Галліенѣ. Траяновская Дакія осталась по прежнему утраченной; Авреліанъ вывелъ еще оставшіеся тамъ военные посты, а землевладѣльцамъ, которые или были выгнаны оттуда или были расположены переселиться, онъ отвелъ новыя мѣста для поселенія на берегахъ Мезіи. Но Ѳракія и Мезія, въ теченіе нѣкотораго времени принадлежавшія скорѣе Готамъ, нежели Римлянамъ, снова поступили подъ римское владычество и по меньшей мѣрѣ Дунайская граница была снова укрѣплена.

Характеръ готскихъ войнъ. Этимъ сухопутнымъ и морскимъ набѣгамъ Готовъ и Скиѳовъ, наполняющимъ двадцатилѣтній промежутокъ времени отъ 250 до 269 г., не слѣдуетъ придавать того значенія, что эти безпрестанно увеличивавшіяся толпы варваровъ намѣревались прочно утвердиться на той территоріи, которую имъ удавалось занять. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ подобныя намѣренія возникали касательно Мезіи и Ѳракіи, только за исключеніемъ самыхъ отдаленныхъ береговъ; нападающіе даже

ква-ли были достаточно многочисленны для того, чтобъ предпринимать нашествія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ варвары, занимавшіеся на сушѣ и на морѣ разбоями, разливались по римской територіи не столько благодаря превосходству своихъ военныхъ силъ, сколько вслѣдствіе дурной системы управленія послѣднихъ императоровъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе ненадежности римскихъ войскъ, то очищеніе этой территоріи отъ варваровъ было естественнымъ послѣдствіемъ того, что внутренній порядокъ былъ возстановленъ, а правительство стало дѣйствовать съ энергіей. Римская имперія еще не могла быть разрушена другими, если не разрушала сама себя. Но все-таки возстановить правительственную власть такъ, какъ это сдѣлалъ Клавдій, было большой заслугой. Мы знаемъ о немъ еще менѣе, нежели о большинствѣ правителей того времени, такъ какъ по всему вѣроятію вымышленный фактъ, что отъ него велъ свой родъ Константинъ, разукрасилъ его личность по пошлому шаблону полнаго совершенства; но даже эта ссылка на родовую связь съ Константиномъ, равно какъ многочисленныя медали, выбитыя въ честь его послѣ его смерти, служатъ доказательствомъ того, что слѣдующее поколѣніе считало его спасителемъ имперіи,—и оно въ этомъ не ошиблось. Эти скиѳскіе набѣги въ сущности были прелюдіей къ позднѣйшему переселенію народовъ, а разрушеніе городовъ, которымъ они отличались отъ обыкновенныхъ набѣговъ морскихъ разбойниковъ, происходило въ ту пору въ такомъ размѣрѣ, что какъ благосостояніе, такъ и образованность Греціи и Малой Азіи никогда не могли отъ него оправиться.

Войны на Дунаѣ до конца 3 столѣтія.—На возстановленной дунайской границѣ Авреліанъ довершилъ одержанную побѣду, перейдя отъ оборонительной войны къ наступательной: онъ переправился черезъ Дунай близь его устьевъ и разбилъ на той сторонѣ рѣки какъ Карповъ, которые съ тѣхъ поръ жили подъ покровительствомъ Рима, такъ и Готовъ, которые сражались подъ начальствомъ своего короля Канабавда. Его преемникъ Пробъ,—какъ уже было упомянуто ранѣе,—перевелъ остатки тѣснимыхъ Готами Бастарновъ на римскій берегъ; точно такъ Діоклетіанъ перевелъ туда въ 295 г. остатки Карповъ. Эти факты доказываютъ, что владычество Готовъ упрочилось на той сторонѣ рѣки, но далѣе этого оно не распространялось. Пограничныя укрѣпленія были усилены; въ 294 г. былъ основанъ Пестъ (contra Aquincum). Набѣги пиратовъ прекратились не вполнѣ. Во времена Тацита, въ Киликіи появились толпы варваровъ, вышедшія изъ Меотиды. Франки, которыхъ Пробъ поселилъ на берегу Чернаго моря, добыли парусныя суда и возвратились домой къ берегамъ своего Сѣвернаго моря, останавливаясь

по пути у береговъ Сициліи и Африки для грабежа. И на сушѣ войны не прекращались, какъ это видно изъ того, что всѣ многочисленныя побѣды Діоклетіана надъ Сарматами и нѣкоторыя изъ его побѣдъ надъ Германцами были одержаны въ придунайскихъ странахъ; но только при Константинѣ дѣло снова дошло до серьозной войны съ Готами, которая окончилась благополучно. Съ тѣхъ поръ, какъ Клавдій одолѣлъ Готовъ, перевѣсъ былъ по прежнему неизмѣнно на сторонѣ Рима.

И армія и система управленія получаютъ иллирійскій отпечатокъ.— Всѣ эти войны не остались безъ общаго и прочнаго военно-политическаго вліянія на внутреннее устройство римскаго государства и римской арміи. Уже ранѣе было указано на то, что рейнскія арміи, игравшія первенствующую роль въ раннюю пору имперіи, уже при Траянѣ уступили свое первенство дунайскимъ легіонамъ. При Августѣ, въ придунайскихъ странахъ стояли шесть легіоновъ, а въ прирейнскихъ восемь, но послѣ войнъ Домиціана и Траяна съ Даками, во 2-мъ столѣтіи, въ рейнскихъ лагеряхъ было только четыре легіона, между тѣмъ какъ въ дунайскихъ было десять легіоновъ, а послѣ войны съ Маркоманами даже двѣнадцать. Со временъ Адріана, италійскій элементъ исчезъ въ арміи—за исключеніемъ офицерскаго званія,—и вообще каждый полкъ пополнялся рекрутами той страны, въ которой онъ стоялъ лагеремъ, такъ что большинство солдатъ дунайскихъ армій, равно какъ выслуживавшихся изъ рядовыхъ центуріоновъ, было какъ у себя дома и въ Панноніи и въ Дакіи и въ Мезіи и во Ѳракіи. Вновь организованные при Маркѣ легіоны были набраны въ Иллирикѣ; экстраординарныя пополненія, въ которыхъ нуждалась въ ту пору армія, вѣроятно также были извлечены преимущественно изъ тѣхъ странъ, гдѣ стояли войска. Поэтому первенство дунайскихъ армій, упрочившееся и усилившееся со времени происходившихъ при Северѣ войнъ между тремя императорами, было вмѣстѣ съ тѣмъ первенствомъ иллирійскихъ солдатъ; это слишкомъ ясно обнаружилось во время состоявшагося при Северѣ преобразованія гвардіи. Нельзя сказать, чтобъ это первенство захватывало высшія правительственныя сферы, пока служебное положеніе офицеровъ еще совпадало съ служебнымъ положеніемъ государственныхъ должностяыхъ лицъ,—хотя служебное поприще всадниковъ и было во всѣ времена доступно для простыхъ солдатъ при посредствѣ промежуточнаго званія центуріоновъ и хотя Иллирійцы уже давно туда проникали; такъ напримѣръ еще въ 235 г. ѳракійскій уроженецъ Гай Юлій Веръ Максиминъ и въ 248 г. паннонскій уроженецъ Траянъ Децій достигли этимъ путемъ даже престола. Но когда Галліенъ, подъ вліяніемъ вполнѣ оправдавшагося недовѣрія, устранилъ сенаторское сословіе

отъ офицерской службы, тогда и на офицеровъ неизбѣжно распространилось то-же, что сначала относилось къ солдатамъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что солдаты дунайскихъ армій, бывшіе большею частію уроженцами иллирійскихъ странъ, стали съ тѣхъ поръ играть первую роль въ системѣ управленія, и что въ той-же мѣрѣ, въ какой арміи создавали императоровъ, эти императоры были большею частію Иллирійцами. Такимъ образомъ вслѣдъ за Галліеномъ царствовали: дарданскій уроженецъ Клавдій, мезійскій уроженецъ Авреліанъ, паннонскій уроженецъ Пробъ, далматскій уроженецъ Діоклетіанъ, паннонскій уроженецъ Максиміанъ, дарданскій уроженецъ Констанцій и уроженецъ Сердики Галерій; одинъ писатель, жившій при Константиновской династіи, указываетъ на иллирійское происхожденіе послѣднихъ изъ этихъ императоровъ и присовокупляетъ, что при своемъ ограниченномъ образованіи они были превосходными правителями, благодаря тому, что были хорошо подготовлены тяжелой походной жизнію и военною службой. Какую услугу въ теченіе долгаго времени оказывали Албанцы турецкой имперіи, такую-же услугу оказывали ихъ предки римской имперіи, когда она дошла до такого-же упадка и до такого-же варварства. Впрочемъ то возрожденіе, которымъ римская имперія была обязана Иллирійцамъ, вовсе не было національнымъ преобразованіемъ; это была не болѣе какъ солдатская подпора имперіи, доведенной до совершеннаго упадка дурнымъ управленіемъ высокорожденныхъ правителей. Италійцы совершенно утратили свою воинственность, а исторія не признаетъ правъ властителя, если у него нѣтъ военнаго могущества.

ГЛАВА VII.

Греческая Европа.

Эллинизмъ и панэллинизмъ (всеэллинизмъ).—Съ общимъ умственнымъ развитіемъ Эллиновъ не стояло на одномъ уровнѣ политическое развитіе ихъ республикъ или, лучше сказать, преизбытокъ ихъ умственнаго развитія,—подобно тому какъ чрезмѣрное наполненіе сосуда бываетъ причиной того, что онъ разваливается,—не дозволялъ никакой отдѣльной общинѣ достигнуть такого расширенія и такой устойчивости, какими обусловливается возникновеніе самостоятельныхъ государствъ. Мелкія государства, возникавшія изъ отдѣльныхъ городовъ

или изъ союзовъ между городами, должны были или сами собою зачахнуть или перейти въ руки варваровъ; только одинъ панэллинизмъ былъ порукой какъ за дальнѣйшее существованіе націи, такъ и за ея дальнѣйшее развитіе насупротивъ иноплеменныхъ сосѣдей. Его цѣль осуществилась въ договорѣ, который былъ заключенъ въ Коринѳѣ съ греческими государствами отцемъ Александра Великаго, царемъ македонскимъ Филиппомъ. По названію это былъ союзный договоръ, а на самомъ дѣлѣ это было подчиненіе республикъ монархіи,—но такое подчиненіе, которое касалось лишь внѣшнихъ дѣлъ: между тѣмъ какъ неограниченныя права главнокомандующаго были переданы почти всѣми городами греческаго материка македонскому полководцу на случай борьбы съ національнымъ врагомъ, эти города удержали за собой во всемъ остальномъ свою свободу и свою автономію, а при тогдашнемъ положеніи дѣлъ это былъ единственный способъ осуществить цѣли панэллинизма и притомъ въ такой формѣ, которая въ своихъ существенныхъ чертахъ была самой благопріятной для будущности Греціи. Эта форма оставалась неизмѣнной при Филиппѣ и при Александрѣ, хотя греческіе идеалисты,—какъ это обыкновенно случается,—не хотѣли признавать осуществившійся идеалъ за таковой. Когда царство Александра распалось на части, насталъ конецъ и для самого всеэллинизма, и для союза греческихъ городовъ подъ монархическимъ верховенствомъ; послѣ того эти города въ теченіи цѣлыхъ столѣтій тратили остатки своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ на безцѣльную борьбу, то вступая въ зависимость отъ непрочнаго могущества той или другой монархіи, то вовлекаясь въ тщетныя попытки возстановить прежній партикуляризмъ при помощи вражды, которая возникала между этими монархіями.

Эллада и Римъ. —Когда могущественная западная республика вмѣшалась въ борьбу между восточными монархіями, которая до тѣхъ поръ велась почти безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ, и когда оказалось, что эта республика могущественнѣе каждаго изъ боровшихся тамъ между собою греческихъ государствъ, тогда, вмѣстѣ съ возстановленіемъ прочной верховной власти, воскресла и всеэллинская политика. Эллины,—если принимать это названіе въ его полномъ значеніи,—не были ни Македонянами ни Римлянами; въ томъ-то и заключалась прискорбная особенность греческаго развитія, что аттическое приморское государство было болѣе упованіемъ нежели дѣйствительностью и что объединеніе исходило не изъ нѣдръ самой націи. Если въ національномъ отношеніи Македоняне ближе сходились съ Греками нежели Римляне, за то общинное устройство Римлянъ было въ политическомъ отношеніи гораздо болѣе схоже съ эллинскимъ общиннымъ устройствомъ, чѣмъ македонская наслѣд-

ственная монархія. Но главная суть заключалась въ томъ, что притягательную силу греческаго быта чувствовали на себѣ римскіе граждане, вѣроятно, и дольше и глубже, нежели македонскіе государственные люди, именно потому, что они были дальше отъ этого быта, нежели Македоняне. Желаніе усвоить по меньшей мѣрѣ внутреннія стороны эллинскаго быта, сдѣлаться причастнымъ нравамъ, образованности, искуствамъ и наукамъ Эллады, служить, по примѣру великихъ Македонянъ, щитомъ и мечомъ для восточныхъ Грековъ и продолжать цивилизированіе этого востока не по-италійски; а по-эллински, — это желаніе внесло въ позднѣйшіе вѣка римской республики и въ лучшія эпохи римской имперіи такую мощь и такую идеальность, которыя едва-ли не болѣе возвышенны, чѣмъ упомянутыя выше, не достигшія своей цѣли политическія усилія Эллиновъ. Вѣдь съ обѣихъ сторонъ стремились къ невозможному; эллинскій всеэллинизмъ не могъ быть долговѣчнымъ, а римскій эллинизмъ не могъ быть всестороннимъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ послѣдній имѣлъ существенное вліяніе на политику какъ римской республики, такъ и римской имперіи. Какъ ни ясно было доказано Греками Римлянамъ, — въ особенности въ послѣднемъ вѣкѣ республики, — что ихъ страстныя усилія были безплодны, ни эти усилія ни эта страсть нисколько оттого не ослабѣли.

Августовская амфиктіонія. — Римская республика соединила европейскихъ Грековъ въ одно намѣстничество, носившее названіе главной страны — Македоніи. Хотя оно и было въ началѣ имперіи упразднено въ административномъ отношеніи, но одновременно съ этимъ упраздненіемъ было даровано всему, что носило греческое имя, религіозное общественное устройство, примыкавшее къ той старинной дельфійской амфиктіовіи, которая была введена сначала ради мира Божія и которую послѣ того употребляли во-зло изъ-за политическихъ цѣлей. Подъ верховенствомъ римской республики, она въ своихъ существенныхъ чертахъ была организована на своихъ первоначальныхъ основахъ: насильственно захватившія въ ней мѣсто, Македонія и Этолія, были снова устранены, и въ составъ амфиктіоніи стали по прежнему входить не всѣ племена, жившія въ Өессаліи и въ собственно такъ-называемой Греціи, а большая часть изъ нихъ. Августъ расширилъ этотъ союзъ, введя въ него Эпиръ и Македонію, и тѣмъ сдѣлалъ его представителемъ эллинской страны въ болѣе широкомъ, соотвѣтствующемъ только той эпохѣ, смыслѣ. Въ этомъ союзѣ заняли выдающееся мѣсто рядомъ съ изстари священными Дельфами города Аѳины и Никополь, — первый въ качествѣ столицы древняго эллинскаго міра, а второй — потому что Августъ намѣревался сдѣлать изъ него столицу новаго греческаго міра, подвластнаго императорамъ [1]).

[1]) Организація дельфійской амфиктіоніи подъ владычествомъ римской республики ясно видна изъ дельфійской надписи C. I. L. III, стр. 987 [Сравн. Bull.

Эта новая амфиктіонія имѣетъ нѣкоторое сходство съ собраніемъ представителей трехъ Галлій (стр. 78); какъ для этихъ послѣднихъ служилъ религіознымъ центромъ алтарь, воздвигнутый императору въ Ліонѣ, такъ и для греческихъ провинцій служилъ религіознымъ центромъ храмъ пиѳійскаго Аполлона. Но между тѣмъ какъ тому собранію галльскихъ представителей была предоставлена настоящая политическая дѣятельность, амфиктіоны того времени завѣдывали, кромѣ чисто религіозныхъ празднествъ, только дельфійскимъ святилищемъ и его доходами, которые все еще были очень значительны [1]). Если ихъ старшина впослѣдствіи приписывалъ себѣ *элладархію*, то это владычество надъ Греціей было не болѣе какъ идеальнымъ [2]). Но все-таки офиціальное охраненіе греческой національности свидѣтельствуетъ о томъ, какъ новая имперія относилась къ этой національности.

---

de Corr. Hell. 7, 427 fg.] Въ союзъ входили въ ту пору 17 племенъ, которыя располагали всѣ вмѣстѣ 24 голосами и всѣ принадлежали къ собственной Греціи или къ Ѳессаліи; въ него не входили Этолія, Эпиръ и Македонія. Послѣ произведеннаго Августомъ преобразованія [Pausanias 10, 8], эта организація сохранилась; только вслѣдствіе уменьшенія несоразмѣрно многочисленныхъ ѳессалійскихъ голосовъ, число голосовъ, которымъ до того времени располагали племена, имѣвшія тамъ своихъ представителей, было уменьшено до 18-ти; сюда были впервые включены Никополь въ Эпирѣ съ 6 голосами и Македонія также съ 6 голосами. Сверхъ того, шесть голосовъ были разъ навсегда предоставлены Никополю, точно такъ какъ два голоса должны были всегда принадлежать Дельфамъ и одинъ голосъ Аѳинамъ; напротивъ того, остальные голоса принадлежали союзамъ городовъ, такъ что напримѣръ одинъ голосъ пелопоннесскихъ Дорянъ попеременно принадлежалъ то Аргосу, то Сикіону, то Коринѳу, то Мегарѣ. И тогда амфиктіонія не была совокупнымъ представительствомъ европейскихъ Эллиновъ, такъ какъ въ ней не имѣли представителей ранѣе исключенныя племена, жившія въ собственной Греціи, равно какъ нѣкоторые изъ жителей Пелопоннеса и не причисленные къ Никополю Этоляне.

[1]) Установленные съѣзды въ Дельфахъ и въ Ѳермопилахъ не прекращались [Pausanias 7, 24, 3; Philostratus, Vita Apoll. 4, 23] и натурально не прекращались ни устройство пиѳійскихъ игръ, ни раздача наградъ, производившаяся коллегіей амфиктіоновъ [Philostratus, Vitae Soph. 2, 27]: эта коллегія распоряжалась храмовыми пошлинами и доходами [Inschrift von Delphi Rhein. Mus. N. F. 2, 111] и на эти деньги напримѣръ завела въ Дельфахъ библіотеку [Lebas II, 845] или воздвигала тамъ статуи.

[2]) Члены коллегіи амфиктіоновъ [Ἀμφικτίονες], или, какъ ихъ называли въ ту пору, Ἀμφικτύονες, назначались отдѣльными городами ранѣе указаннымъ способомъ или по мѣрѣ надобности [Iteration: C. I. Gr. 1058] или на всю жизнь [Plutarch an seni 20]; это, конечно, зависѣло отъ того, была-ли подача голосовъ постоянная или поочередная [Wilamowitz.]. Ихъ старшина назывался въ раннюю пору ἐπιμελητὴς τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀμφικτυόνων [Inschriften von Delphi Rhein Mus. N. F. 2, 111; C. I. Gr. 1713], а впослѣдствіи Ἑλλαδάρχης τῶν Ἀμφικτυόνων [C. I. Gr. 1124].

нальности и до какой степени она превосходила своимъ филэллинизмомъ республику.

Провинція Ахаія.—Рука объ руку съ религіознымъ объединеніемъ европейскихъ Грековъ шло административное преобразованіе греко-македонскаго намѣстничества, существовавшаго при республикѣ. Оно не зависѣло отъ раздѣленія государственнаго управленія между императоромъ и сенатомъ, такъ какъ при первоначальномъ раздѣленіи этого управленія вся эта территорія, равно какъ смежныя съ нею придунайскія земли, были подчинены вѣдѣнію сената; въ этомъ случаѣ не имѣли никакого вліянія и военныя соображенія, такъ какъ весь полуостровъ до самыхъ границъ Ѳракіи былъ прикрытъ частію этой провинціей, частію стоявшими на Дунаѣ гарнизонами и потому всегда считался умиротворенной внутренней территоріей. Если Пелопоннесъ и аттико-беотійская территорія получили въ то время своего особаго проконсула и были отдѣлены отъ Македоніи,—что, вѣроятно, уже входило и въ намѣренія Цезаря, — то наряду съ общей тенденціей не давать слишкомъ большаго объема сенаторскимъ намѣстничествамъ, въ этомъ случаѣ, вѣроятно, служило руководствомъ желаніе отдѣлять чисто эллинскія страны отъ тѣхъ, которыя были эллинскими только на половину. Границей для провинціи Ахаіи сначала служила Эта, и даже послѣ того, какъ къ ней были присоединены Этоляне [1]), ея граница не заходила далѣе Ахелоя и Ѳермопилъ.

Греческіе города подъ владычествомъ римской республики.—Все вышесказанное относится къ странѣ въ ея цѣлости. Посмотримъ те-

---

[1]) Первоначальныя границы провинціи указаны Страбономъ 17, 3, 25, стр. 840 при перечисленіи сенатскихъ провинцій: Ἀχαία μέχρι Θετταλίας καὶ Αἰτωλῶν καὶ Ἀκαρνάνων καί τινων Ἠπειρωτικῶν ἐθνῶν ὅσα τῇ Μακεδονίᾳ προσώριστο, причемъ остальная часть Эпира, какъ кажется, была присоединена къ провинціи Иллирику, [которую Страбонъ ошибочно относитъ къ числу тѣхъ, которыя находились въ его время подъ управленіемъ сената]. Помимо основанныхъ на положительныхъ фактахъ соображеній, слово Μέχρι нельзя переводить словомъ включительно уже потому, что послѣ заключительныхъ словъ вышеупомянутыя территоріи „причисляются въ Македоніи“. Впослѣдствіи мы находимъ Этолянъ присоединенными къ Ахаіи [Птолемей 3, 14]. Что Эпиръ также принадлежалъ къ ней въ теченіе нѣкотораго времени, можно считать возможнымъ не столько на основаніи предположенія Діона 53, 12, которое нельзя считать основательнымъ ни для временъ Августа ни для временъ самого Діона, сколько потому, что по словамъ Тацита [*Лѣтоп.* 2, 53], Никополь принадлежалъ въ 17 г. къ Ахаіи. Но по меньшей мѣрѣ со временъ Траяна, Эпиръ образуетъ съ Акарнаніей особую прокураторскую провинцію [Птолемей 3, 13; C. I, L. III, 536; Marquardt St. V, 1, 331]. Ѳессалія и вся страна къ сѣверу отъ Эты постоянно принадлежали къ Македоніи.

перь на положеніе, въ которомъ находились подъ римскимъ владычествомъ отдѣльныя городскія общины.

Первоначальное намѣреніе Римлянъ привязать, подобно италійскимъ, и всѣ греческія городскія общины къ своимъ собственнымъ общиннымъ учрежденіямъ подверглось существеннымъ ограниченіямъ частію вслѣдствіе того, что введеніе этихъ учрежденій натолкнулось на сопротивленіе, а главнымъ образомъ вслѣдствіе отпаденія ахейскаго союза въ 608 г. и вслѣдствіе того, что большинство греческихъ городовъ перешло въ 666 г. на сторону царя Митридата. Тогда были уничтожены городскіе союзы, которые служили основой для всякаго развитія матеріальныхъ силъ какъ въ Италіи, такъ и въ Элладѣ, и вначалѣ были допущены Римлянами; въ томъ числѣ былъ уничтоженъ самый важный изъ этихъ союзовъ—Пелопоннесскій, или, какъ онъ самъ себя называлъ, Ахейскій, а отдѣльнымъ городамъ было предоставлено право организовать ихъ общинное устройство по своему усмотрѣнію. Кромѣ того, для отдѣльныхъ общинныхъ учрежденій были установлены верховнымъ правительствомъ нѣкоторыя общія нормы и они были преобразованы по этому образцу въ антидемократическомъ духѣ. Только внутри этихъ рамокъ отдѣльныя общины сохранили свою автономію и свою собственную магистратуру. Имъ оставили и ихъ собственные суды; но при этомъ Грекъ по закону стоялъ подъ плетьми и подъ сѣкирой претора и могъ быть присужденъ римскими должностными лицами къ денежной пенѣ, къ изгнанію или даже къ смертной казни по меньшей мѣрѣ за всякій проступокъ, въ которомъ можно было усмотрѣть сопротивленіе верховной правительственной власти [1]). Общины сами облагали себя налогами, но всѣ онѣ должны были уплачивать Риму опредѣленную и, какъ кажется, не очень большую сумму денегъ. Гарнизоны, — не такъ какъ во времена македонскаго владычества,—не были разставлены по городамъ, потому что на стоявшія въ Македоніи войска была возложена обязанность вступать, въ случаѣ надобности, въ Грецію. Но срытіе Коринѳа лежало на совѣсти римской аристократіи болѣе тяжелымъ бременемъ, нежели разрушеніе Ѳивъ на памяти объ Александрѣ. Остальныя мѣропріятія хотя и были частію нена-

---

1) О положеніи Грековъ въ послѣднемъ вѣкѣ римской республики ничто не можетъ дать болѣе яснаго понятія, чѣмъ посланіе одного изъ этихъ намѣстниковъ къ ахейской общинѣ Димамъ [C. I. Gr. 1543]. Такъ какъ эта община ввела у себя законы, несогласные ни съ дарованною всѣмъ вообще Грекамъ свободой [ἡ ἀποδεδομένη κατὰ κοινὸν τοῖς Ἕλλησιν ἐλευθερία], ни съ дарованнымъ Римлянами Ахеянамъ внутреннимъ устройствомъ [ἡ ἀποδοθεῖσα τοῖς Ἀχαιοῖς ὑπὸ Ῥωμαίων πολιτεία,—вѣроятно при содѣйствіи Polybios Pausan. 8, 30, 9], вслѣдствіе чего даже возникали внутреннія волненія, то намѣстникъ даетъ знать общинѣ, что онъ приказалъ обоихъ главныхъ зачинщиковъ и менѣе виновнаго третьяго зачинщика сослать въ Римъ.

шестны и раздражительны именно потому, что исходили отъ иноземныхъ властителей, однако могли считаться въ своей цѣльности необходимыми и нерѣдко были благотворны; они были неизбѣжнымъ отголоскомъ той первоначальной и частію вовсе нерасчетливой римской политики, которая заключалась въ томъ, что Эллинамъ все прощали и во всемъ потакали. Но въ томъ, какъ было поступлено съ Коринѳомъ, купеческій эгоизмъ проявился въ безобразной формѣ и съ такою силой, съ какой не проявлялись никакія симпатіи къ филэллинизму.

Общины, получившія свободу при римской республикѣ.—При всемъ томъ, римское правительство никогда не отказывалось отъ основной цѣли своей политики — привязать греческіе города къ италійскому городскому союзу; подобно тому, какъ Александръ никогда не желалъ властвовать надъ Греціей такъ-же, какъ онъ властвовалъ надъ Иллиріей и надъ Египтомъ, и его римскіе преемники никогда не налагали на Грецію всѣхъ обязанностей подданства и еще во времена республики не захотѣли воспользоваться суровыми правами побѣдителей послѣ войны, предпринятой противъ воли. Такъ поступали въ особенности по отношенію къ Аѳинамъ. Съ точки зрѣнія усвоенной Римомъ политики, ни одинъ изъ греческихъ городовъ не провинился такъ много передъ Римомъ, какъ они; ихъ поведеніе во время войны съ Митридатомъ имѣло-бы, при всякомъ другомъ общественномъ устройствѣ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ срытіе города. Но съ филэллинской точки зрѣнія Аѳины были міровымъ образцовымъ произведеніемъ, а для высшихъ иноземныхъ общественныхъ сферъ съ ними были связаны такія-же влеченія и такія-же воспоминанія, какія связаны въ нашихъ образованныхъ сферахъ съ Пфортой и съ Бонномъ; этотъ взглядъ преобладалъ въ ту пору точно такъ-же, какъ и до того времени. Аѳины никогда не были подчинены неограниченной власти римскаго намѣстника и никогда не уплачивали Риму податей; они всегда были въ скрѣпленномъ присягою союзѣ съ Римомъ и оказывали помощь Римлянамъ только исключительнымъ образомъ и по меньшей мѣрѣ въ такой формѣ, что эта помощь могла казаться добровольной. Хотя капитуляція, которою окончилась осада города Суллой, и вызвала измѣненія въ общинномъ устройствѣ, но союзъ былъ возобновленъ и даже всѣ внѣшнія владѣнія были возвращены Аѳинамъ; даже островъ Делосъ, который при переходѣ Аѳинъ на сторону Митридата отдѣлился отъ нихъ и ввелъ у себя самостоятельное общинное устройство, былъ разграбленъ и опустошенъ понтійскимъ флотомъ за свою вѣрность Риму [1]).—

---

[1]) Произведенныя въ послѣднее время на Делосѣ раскопки доказали, что послѣ того, какъ этотъ островъ былъ отданъ Римлянами Аѳинамъ, онъ по-

Къ Спартѣ относились такъ-же снисходительно конечно главнымъ образомъ изъ уваженія къ ея громкому имени. И нѣкоторые другіе города, принадлежавшіе къ числу освобожденныхъ общинъ, о которыхъ будетъ говорено далѣе, находились въ такомъ-же положеніи еще при республикѣ. Конечно, подобныя исключенія встрѣчались въ каждой изъ римскихъ провинцій; но греческая территорія съ самаго начала была поставлена въ такое исключительное положеніе, что два самыхъ знаменитыхъ ея города не знали подданической зависимости и что въ такую зависимость были поставлены лишь менѣе значительныя общины.

Городскіе союзы при республикѣ.—Но и для тѣхъ греческихъ городовъ, которые состояли въ римскомъ подданствѣ, были допущены нѣкоторыя облегченія еще при республикѣ. Городскіе союзы, которые были первоначально воспрещены, очень скоро [1]) стали постепенно оживать, — въ особенности самые мелкіе изъ нихъ и самые безсильные, какъ напримѣръ беотійскій; свыкшись съ иноземнымъ владычествомъ, они утратили оппозиціонныя тенденціи, которыми было вызвано ихъ уничтоженіе, а ихъ тѣсная связь съ тщательно оберегаемымъ стариннымъ культомъ и послѣ того послужила имъ въ пользу, такъ какъ римская республика,—какъ было ранѣе замѣчено,—возстановила и стала оберегать амфиктіоніи съ ихъ пер-

---

стоянно оставался аѳинскимъ и хотя вслѣдъ за отпаденіемъ Аѳинянъ отъ Рима организовалъ общину „Делійцевъ" [Eph. epigr. 5, стр. 604], но уже черезъ шесть лѣтъ послѣ капитуляціи Аѳинъ снова сдѣлался аѳинскимъ [Eph. epigr. 5 n. 184; Homolle Bull. de corr. hell. 8, стр. 142].

[1]) Χοινὸν τῶν Ἀχαιῶν натуральнымъ образомъ не встрѣчается во времена республики, но неизвѣстно было-ли введено при концѣ республики, или-же не прежде, какъ послѣ введенія императорскаго провинціальнаго управленія. Надписи, какъ напримѣръ олимпійская надпись проквестора Q. Ancharius Q. f. [Arch. Zeitung 1878, стр. 38, № 114], скорѣе говорятъ въ пользу перваго предположенія; но ее нельзя съ увѣренностью отнести къ до-Августовскому времени. Самымъ древнимъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія этого союза служитъ надпись, сдѣланная имъ въ честь Августа въ Олимпіи [Arch. Zeitung 1877, стр. 36, ном. 33]. Быть можетъ, это были порядки, введенные диктаторомъ Цезаремъ и находившіеся въ связи съ существовавшимъ при немъ намѣстникомъ „Греціи",—по всему вѣроятію Ахаіи временъ имперіи [Cicero ad fam. 6, 6, 10].—Впрочемъ и при республикѣ по усмотрѣнію намѣстниковъ могли собираться депутаты отъ нѣсколькихъ общинъ для опредѣленной цѣли и постановлять рѣшенія; подобно тому, какъ χοινόν Сикеліотовъ декретировало сооруженіе статуи въ честь Верреса [Cicero, Verr. 1. 2, 46, 114], вѣроятно то-же случалось и въ Греціи при республикѣ. Но постоянные провинціальные сеймы съ своими неизмѣнными должностными лицами и жрецами были введены во времена имперіи.

военачальными не политическими функціями. Въ послѣднія времена республики, правительство, какъ кажется, даже дозволило Беотійцамъ вступить въ союзъ съ мелкими лежавшими у ихъ сѣверной границы округами и съ островомъ Эвбеей [1]). — Республиканская эпоха завершилась принесеніемъ искупительной жертвы — срытіемъ Коринѳа по приказанію самаго великаго изъ всѣхъ Римлянъ и изъ всѣхъ филэллиновъ, диктатора Цезаря, и тѣмъ, что звѣзда Эллады снова взошла подъ формой постоянной общины римскихъ гражданъ— новой «Юліевской чести».

Ахаія подъ владычествомъ императоровъ. — Свободные города и римскія колоніи.—Въ этомъ положеніи застала Грецію только-что возникшая императорская система управленія, и по той-же стезѣ шло это управленіе впослѣдствіи. Общины, которыя были освобождены отъ непосредственнаго вмѣшательства провинціальной администраціи и отъ уплаты податей въ пользу имперіи и съ которыми во многихъ отношеніяхъ стояли на равной ногѣ колоніи римскихъ гражданъ, занимали самую бо́льшую и самую лучшую часть провинціи Ахаіи; то были: въ Пелопоннесѣ Спарта—съ своей хотя и съузившейся, но теперь снова обнимавшей сѣверную половину Лаконіи территоріей [2]),—все еще представлявшая контрастъ съ Аѳинами какъ по своимъ окаменѣлымъ стариннымъ учрежденіямъ, такъ и потому, что въ ней по меньшей мѣрѣ съ виду поддерживался прочный порядокъ; за тѣмъ восемнадцать общинъ свободныхъ Лаконцевъ, занимавшихъ южную половину лаконской области, когда-то бывшихъ спартанскими подданными и послѣ войны съ Набіемъ получившихъ отъ Римлянъ организацію самостоятельнаго городскаго союза, а отъ Августа одинакую съ Спартой свободу [3]); наконецъ

---

[1]) Это—κοινὸν Βοιωτῶν Εὐβοέων Λοκρῶν Φωκέων Δωριέων замѣчательной надписи, сдѣланной, вѣроятно, незадолго до битвы при Акціумѣ, C. I. Att. III, 568. Нѣтъ возможности относить вмѣстѣ съ Диттенбергеромъ [Arch. Zeitung 1876, стр. 220] къ этому союзу сообщеніе Павзанія 7, 16, 10, что Римляне „черезъ нѣсколько лѣтъ“ послѣ разрушенія Коринѳа сжалились надъ Эллинами и снова дозволили имъ организовать провинціальные союзы [συνέδρια κατὰ ἔθνος ἑκάστοις τὰ ἀρχαῖα]; это относится къ болѣе мелкимъ частнымъ союзамъ.

[2]) Сюда принадлежали не только близълежащіе Амиклы, но также Кардамилъ [подаренный Августомъ, Pausan. 3, 26, 7], Феры [Pausan. 4, 30, 2], Ѳурія [тамъ-же 4, 31, 1], въ теченіе нѣкотораго времени Коронея [C. I. Gr. 1258; сравн. Lebas-Foucart 11, 305] на берегу Мессенскаго залива, и островъ Киѳера [Діонъ, 54, 7].

[3]) Во времена республики этотъ округъ былъ τὸ κοινὸν τῶν Λακεδαιμονίων [Foucart zu Lebas 11, стр. 110]; поэтому Павзаній [3, 21, 6] ошибается, когда говоритъ, что онъ былъ впервые отдѣленъ отъ Спарты Августомъ. Но эти общины называются Ἐλευθερολάκωνες только со временъ Августа, поэтому дарованіе свободы основательно приписывается этому императору.

въ области Ахеянъ сюда принадлежали кромѣ Димъ,—въ которыхъ еще по распоряженію Помпея были поселены колонисты изъ пиратовъ и которыя впослѣдствіи получили отъ Цезаря новыхъ римскихъ поселенцевъ [1]),—главнымъ образомъ Патры, которыя ради своего благопріятнаго для торговли положенія были превращены Августомъ, частію путемъ присоединенія сосѣднихъ мелкихъ округовъ, частію путемъ поселенія многочисленныхъ италійскихъ ветерановъ, изъ пришедшаго въ упадокъ мѣстечка въ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ и самыхъ цвѣтущихъ городовъ полуострова и получили организацію римской гражданской колоніи, которой былъ подчиненъ на насупротивъ лежащихъ берегахъ Локриды Навпактъ (по итальянски Lepanto). У самаго перешейка стоялъ Коринѳъ, который когда-то сдѣлался жертвою своего выгоднаго положенія, а теперь, послѣ своего возстановленія, подобно Карѳагену, быстро разцвѣлъ и сдѣлался самымъ промышленнымъ и многолюднымъ изъ греческихъ городовъ, а сверхъ того и постояннымъ мѣстопребываніемъ правительства. Такъ какъ Коринѳяне были первыми Греками, признавшими Римлянъ за своихъ соотечественниковъ путемъ допущенія этихъ послѣднихъ на исѳмійскія игры, то хотя ихъ городъ и сдѣлался римской гражданской общиной, онъ и теперь завѣдывалъ этимъ высокимъ національнымъ греческимъ празднествомъ. На континентѣ принадлежали къ числу свободныхъ округовъ не только Аѳины съ своей областью, обнимавшей всю Аттику и многочисленные острова Эгейскаго моря, но также оба самыхъ значительныхъ въ ту пору города беотійской территоріи—Танагра и Ѳеспіи; далѣе сюда-же принадлежали Платеи [2]), въ Фокидѣ Дельфы, Абы, Элатейя и самый значительный изъ городовъ Локриды Амфисса. То, что было начато республикой, было докончено Августомъ въ томъ только-что описан-

---

1) Есть монеты этого города съ надписью c[o l o n i a] J[u l i a] D[u m e] и съ изображеніемъ головы Цезаря, и есть другія монеты съ надписью c[o l o n i a] J[u l i a] A[u g u s t a] Dum[e] и съ изображеніемъ головы Августа рядомъ съ головою Тиверія [Imhoof-Blumer, Monnaies Grecques, стр. 165]. Павзаній ошибается [7, 17, 5], говоря, что Августъ отдалъ Димы колоніи Патры; конечно, все-таки нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Августъ соединилъ ихъ въ болѣе поздніе годы своего управленія.

2) Это доказывается, по крайней мѣрѣ относительно временъ Пія, африканскою надписью C. I. L. VIII, 7059 [сравн. Plutarch, Arist. 21]. Свѣдѣнія о свободныхъ общинахъ, доставляемыя намъ писателями того времени, не могутъ служить ручательствомъ за полноту этого списка. Къ числу свободныхъ общинъ, вѣроятно, принадлежала и Элида, которой не коснулась катастрофа, постигшая Ахеянъ, и которая даже въ болѣе позднее время все еще вела лѣтосчисленіе по олимпіадамъ, а не съ провинціальной эры; сверхъ того трудно повѣрить, чтобъ городъ, въ которомъ совершались олимпійскія празднества, не получилъ болѣе широкихъ правъ.

номъ порядкѣ, главныя основы котораго были имъ установлены и въ сущности поддерживались и впослѣдствіи. Хотя подчиненныя проконсулу общины этой провинціи имѣли перевѣсъ по своему числу и быть можетъ по общей сложности своего населенія, но греческимъ городамъ, отличавшимся своимъ матеріальнымъ значеніемъ или великими историческими воспоминаніями, была дана, — въ чисто филэллинскомъ духѣ, — свобода [1]).

Освобожденіе Греціи Нерономъ.—Далѣе Августа зашолъ въ этомъ направленіи послѣдній императоръ Клавдіевской династіи, который былъ одного закала съ плохими поэтами и притомъ былъ отъ природы филэллиномъ. Въ благодарность за одобреніе, которое нашли его художническія упражненія въ отчизнѣ Музъ, Неронъ объявилъ, — какъ когда-то Титъ Фламиній и точно также въ Коринѳѣ на исѳмійскихъ играхъ, — что всѣ Греки болѣе неподчинены римскому управленію, что они свободны отъ податей и подобно Италійцамъ не будутъ подвластны никакому намѣстнику. Во всей Греціи тотчасъ возникли волненія, которыя могли бы перейти въ междоусобныя войны, если бы этотъ народъ былъ въ состояніи заняться чѣмъ-нибудь болѣе серьознымъ, нежели драки, — и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того Веспасіанъ возстановилъ тамъ провинціальныя учрежденія въ прежнемъ объемѣ [2]), хладнокровно замѣтивъ, что Греки разучились быть свободными.

Права свободныхъ городовъ.—За свободными общинами остались въ сущности тѣ-же права, какія имъ были предоставлены при республикѣ. Онѣ удержали за собою высшую судебную власть во

---

[1]) Эту мысль ясно высказалъ Аристидъ въ своемъ панегирикѣ Риму, стр. 224 Jebb.: διατελεῖτε τῶν μὲν Ἑλλήνων ὥσπερ τροφέων ἐπιμελόμενοι... τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πάλαι ἡγεμόνας [Аѳины и Спарта] ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους ἀφεικότες αὐτῶν, τῶν δ' ἄλλων μετρίως... ἐξηγούμενοι, τοὺς δὲ βαρβάρους πρὸς τὴν ἑκάστοις αὐτῶν οὖσαν φύσιν παιδεύοντες.

[2]) Но эллинскіе писатели остались благодарны своему коллегѣ и покровителю. Въ романѣ Аполлонія [5, 41] великій мудрецъ изъ Каппадокіи не хочетъ сдѣлать Веспасіану чести сопровождать его, потому что Веспасіанъ превратилъ Эллиновъ въ рабовъ именно въ ту минуту, какъ они намѣревались снова говорить по-іонійски и по-дорійски, и пишетъ къ нему разныя записочки, отличающіяся забавной грубостью. Какой-то житель Солои, сломавшій себѣ шею, но потомъ снова воскресшій и по этому случаю видѣвшій всё, что созерцалъ Дантъ, разсказывалъ, что онъ повстрѣчался съ душою Нерона, въ которую исполнители рѣшеній страшнаго суда воткнули огненные гвозди и которую они старались превратить въ ехидну; но голосъ съ небеси протестовалъ противъ этого и приказалъ превратить Нерона, за его земной филэллинизмъ, въ менѣе отвратительное животное [Plutarch de sera num. vind. a. E.].

всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ не были замѣшаны римскіе граждане; только общія постановленія касательно подачи аппелляціонныхъ жалобъ съ одной стороны императору, а съ другой сенатскимъ властямъ, какъ кажется, были распространены на свободные города [1]). Они главнымъ образомъ удержали за собою полную самостоятельность и полное самоуправленіе. Такъ напримѣръ Аѳины пользовались во времена имперіи правомъ чеканить монету, никогда не изображая на ней головы императора; на спартанскихъ монетахъ первыхъ временъ имперіи также нерѣдко не было такого изображенія. Въ Аѳинахъ также оставался въ употребленіи старинный счетъ на драхмы и на оболы, конечно, только съ той разницей, что мѣстная аттическая драхма того времени была не болѣе какъ мѣстной мелкой монетой и по своей цѣнѣ ходила какъ оболъ аттической государственной драхмы или римскаго денарія. Даже формальное пользованіе правомъ объявлять войну и заключать миръ предоставлялось такого рода государствамъ особыми договорами [2]). Оставались въ силѣ и многія изъ такихъ учрежденій, которыя находились въ полномъ противорѣчіи съ италійскими общинными порядками,—какъ напримѣръ ежегодная замѣна членовъ магистрата новыми и поденная плата какъ этимъ послѣднимъ, такъ и присяжнымъ, выдававшаяся по меньшей мѣрѣ въ Родосѣ еще во времена имперіи. Само собою разумѣется, что римское правительство тѣмъ не менѣе постоянно имѣло большое вліяніе на организацію и свободныхъ общинъ. Такъ напримѣръ аѳинская конституція была измѣнена—быть можетъ въ концѣ республики и быть можетъ при Цезарѣ или при Августѣ,—въ томъ смыслѣ, что право обращаться ко всему гражданству съ предложеніями было предоставлено уже не каждому гражданину, а, по римскому образцу, лишь особымъ должностнымъ лицамъ, что завѣдываніе дѣлами управленія было поручено лишь одному изъ массы должностныхъ лицъ, назначавшихся только для видимости,—а именно такъ-называемому стратегу. Конечно было сдѣлано въ томъ-же направленіи немало и другихъ реформъ, введеніе которыхъ какъ въ зависимой, такъ и въ независимой Греціи мы повсюду примѣчаемъ, не будучи въ состояніи опредѣлить ни времени ихъ введенія ни вызвавшаго ихъ мотива. Такъ

[1]) По крайней мѣрѣ въ декретѣ Адріана касательно лежавшей на аѳинскихъ землевладѣльцахъ обязанности доставлять общинѣ оливковое масло [C. I. A. III, 18] хотя рѣшеніе и предоставлено греческому сенату и народному собранію, но дозволено подавать аппелляціонныя жалобы императору или проконсулу.

[2]) И къ Аѳинамъ можетъ быть отнесено то, что́ говоритъ Страбонъ 14, 3, 3, стр. 665 о пользовавшемся въ его время автономіей ликійскомъ городскомъ союзѣ; этотъ союзъ, говоритъ онъ, не имѣетъ права объявлять войну, заключать миръ и вступать въ союзы кромѣ тѣхъ случаевъ, когда Римляне это дозволяютъ или когда это служитъ къ ихъ пользѣ.

напримѣръ право или вѣрнѣе безправіе убѣжища, сохранившееся отъ временъ беззаконія и превратившееся въ благочестивый притонъ неоплатныхъ должниковъ и преступниковъ, конечно и въ этой провинціи было если не совсѣмъ отмѣнено, то по меньшей мѣрѣ ограничено. Какъ кажется, лишь въ началѣ имперіи римское правительство отмѣнило и *проксенію*—полезное учрежденіе, которое первоначально имѣло сходство съ нашими заграничными консульствами, но сдѣлалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи вслѣдствіе дарованія жившимъ въ дружбѣ съ Римлянами чужезенцамъ полныхъ гражданскихъ правъ и нерѣдко также свободы отъ платежа налоговъ, въ особенности потому, что эта свобода давалась въ очень широкихъ размѣрахъ; въ замѣнъ этого учрежденія былъ введенъ, по примѣру Италіи, не имѣвшій серьознаго значенія, городской патронатъ, не касавшійся податныхъ сборовъ. Наконецъ, въ качествѣ представителя той верховной власти, которой были подчинены какъ эти зависимыя республики, такъ и вассальные владѣтели, римское правительство всегда считало себя въ правѣ отмѣнять свободную конституцію, въ случаѣ употребленія ея во зло, и брать городъ въ свое собственное управленіе. Однако, частію скрѣпленіе договора присягой, частію безсиліе этихъ лишь по названію союзныхъ государствъ придавали этимъ договорамъ такую устойчивость, какой мы не замѣчаемъ въ отношеніяхъ Рима къ вассальнымъ владѣтелямъ.

Греческіе городскіе сеймы.—Между тѣмъ какъ свободнымъ общинамъ Ахаіи были оставлены подъ владычествомъ имперіи ихъ прежнія учрежденія, Августъ даровалъ новыя и лучшія учрежденія тѣмъ общинамъ этой провинціи, которыя не пользовались свободой. Подобно тому, какъ онъ создалъ для европейскихъ Грековъ общій центръ въ преобразованной дельфійской амфиктіоніи, онъ дозволилъ всѣмъ городамъ провинціи Ахаіи, находившимся подъ римскимъ управленіемъ, составить союзъ и ежегодно собираться на провинціальномъ съѣздѣ въ самомъ значительномъ изъ городовъ несвободной Греціи—Аргосѣ [1]). Такимъ образомъ не только былъ возстановленъ

[1]) Дѣйствительно, дошедшія до насъ свѣдѣнія о тѣхъ председателяхъ этого κοινόν τῶν Ἀχαιῶν, родина которыхъ намъ положительно извѣстна, доказываютъ, что эти председатели были уроженцы Аргоса, Мессены, Короны въ Мессеніи [Foucart-Lebas II, 305]; въ числѣ ихъ до сихъ поръ не оказалось не только ни одного гражданина такихъ вольныхъ общинъ, какъ Аѳины и Спарта, но и ни одного гражданина, который принадлежалъ-бы къ конфедераціи Беотійцевъ и ихъ союзниковъ [стр. 231, примѣч.]. Быть можетъ, этотъ κοινόν ограничивался по уставу той областью, которую Римляне назвали республикой Ахаіей, то-есть той территоріей, которая принадлежала Ахейскому союзу во

Ахейскій союзъ, уничтоженный послѣ ахейской войны, но къ нему былъ присоединенъ и ранѣе упомянутый (стр. 231), расширенный беотійскій союзъ. Отдѣленіе провинціи Ахаіи, вѣроятно, и было послѣдствіемъ соединенія этихъ двухъ областей. Новый союзъ Ахеянъ, Беотійцевъ, Локровъ, Фокеянъ, Дорянъ и Эвбейцевъ [1]), или, какъ онъ обыкновенно называется по имени провинціи, Ахейскій союзъ, вѣроятно, имѣлъ ни болѣе ни менѣе правъ, чѣмъ другіе провинціальные сеймы временъ имперіи. При этомъ имѣлся въ виду и былъ установленъ нѣкоторый контроль со стороны римскихъ должностныхъ лицъ, почему изъ сейма и были исключены неподчиненные проконсулу города, какъ напримѣръ Аѳины и Спарта. Этотъ сеймъ, подобно всѣмъ другимъ ему подобнымъ, нашолъ средоточіе для своей дѣятельности въ общемъ обнимавшемъ всю страну культѣ. Но такъ какъ въ остальныхъ провинціяхъ этотъ мѣстный культъ большею частію примыкалъ къ римскому, то Ахейскій сеймъ сдѣлался и, быть можетъ, неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться какъ-бы средоточіемъ эллинизма. Уже при императорахъ изъ рода Юліевъ онъ считалъ себя настоящимъ представителемъ греческой націи и давалъ своему предсѣдателю названіе

время его упадка, а Беотійцы и ихъ союзники вмѣстѣ съ особымъ κοινόν Ахеянъ присоединились къ тому болѣе широкому союзу, о дѣятельности и засѣданіяхъ котораго въ Аргосѣ свидѣтельствуютъ надписи въ Akraephia A. 2. Впрочемъ рядомъ съ этимъ κοινόν Ахеянъ существовалъ болѣе узкій κοινόν ахейской области въ собственномъ смыслѣ этого слова; его представители собирались въ городѣ Эгіѣ [Pausanias 7, 44, 4]; онъ походилъ на κοινόν τῶν Ἀρκάδων [Arch. Zeit. 1879, стр. 139, ном. 274] и на множество другихъ. Если, какъ говоритъ Павзаній 5, 12, 6, ставили статуи въ Олимпіи: Траяну οἱ πάντες Ἕλληνες, Адріану αἱ ἐς τὸ Ἀχαϊκὸν τελοῦσαι πόλεις и если здѣсь не вкралось никакого недоразумѣнія, то слѣдуетъ полагать, что это послѣднее посвященіе состоялось на сеймѣ въ Эгіѣ.

[1]) Такъ [только за исключеніемъ Дорянъ; сравн. стр. 231 прим. 1] называется союзъ въ надписи въ Акрефіи [Keil syll. inscr. Boet. n. 31]. Именно это указаніе совокупно съ другимъ одновременнымъ C. I. Gr. 1625 служитъ доказательствомъ того, что при императорѣ Гаіѣ союзъ, вмѣсто этого въ сущности офиціальнаго названія, также назывался съ одной стороны союзомъ Ахеянъ, а съ другой τὸ κοινὸν τῶν Πανελλήνων или ἡ σύνοδος τῶν Ἑλλήνων, также τὸ τῶν Ἀχαιῶν καὶ Πανελλήνων συνέδριον. Это самохвальство нигдѣ не проявляется такъ ярко, какъ въ тѣхъ беотійскихъ округахъ; но и въ Олимпіи, гдѣ сеймъ преимущественно воздвигалъ свои памятники, онъ хотя и называетъ себя большею частію τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν, но нерѣдко обнаруживаетъ точно такія же тенденціи, какъ напримѣръ когда онъ называетъ себя τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν Π. Αἴλιον Ἀρίστωνα... σύμπαντες οἱ Ἕλληνες ἀνέστησαν [Arch. Zeit. 1880, стр. 86, ном. 344]. Точно такъ ставятъ въ Спартѣ Цезарю Марку οἱ Ἕλληνες статую ἀπὸ τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀχαιῶν [C. I. Gr. 1318].

Элладарха, а своимъ членамъ даже названіе всеэллиновъ [1]). Такимъ образомъ это представительное собраніе отдалилось отъ своей провинціальной основы, а его скромныя административныя права отошли на задній планъ.

Адріановскій панэллиніонъ въ Аѳинахъ.—Эти всеэллины не имѣли законнаго права такъ называться и были лишь терпимы правительствомъ. Но Адріанъ создалъ какъ новыя Аѳины, такъ и новую Элладу. Въ его управленіе представители всѣхъ какъ пользовавшихся, такъ и не пользовавшихся автономіей городовъ провинціи Ахаіи должны были собираться въ Аѳинахъ въ качествѣ представителей отъ объединенной Греціи и въ качествѣ всеэллиновъ [2]). Этимъ было создано то національное единство, о которомъ Греки часто мечтали въ болѣе счастливыя времена и котораго они никогда не достигали, и то, чего желала юность, получила старость въ достойномъ императора избыткѣ. Конечно, новый панэллиніонъ не получилъ политическихъ правъ; но въ томъ, что могли дать императорская милость и императорское золото, не было недостатка. Въ Аѳинахъ былъ

---

[1]) И въ Азіи и въ Виѳиніи и въ нижней Мезіи старшина принадлежавшихъ къ той или другой провинціи греческихъ городовъ, назывался Ἑλλαδάρχης, но этимъ выражалась лишь противоположность съ не-Греками. Но если названіе Эллины употреблялось въ Греціи какъ нѣчто противоположное въ сущности болѣе правильному названію Ахеянъ, то это конечно проистекало изъ той-же тенденціи, которая всего яснѣе обнаружилась въ аргосской панэллиніи. Такъ напримѣръ мы находимъ στρατηγός τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀχαιῶν καὶ προστάτης διὰ βίου τῶν Ἑλλήνων [Arch. Zeit. 1877, стр. 192 ном. 98] или на другомъ документѣ того-же лица προστάτης διὰ βίου τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀχαιῶν [Lebas-Foucart n. 305]; также: ἄρξας τοῖς Ἕλλησιν σύνπασιν [Arch. Zeit. стр. 195, ном. 106], στρατηγὸς ἀσυνκρίτως ἄρξας τῆς Ἑλλάδος [тамъ-же 1887, стр. 40, ном. 42], στρατηγὸς καὶ Ἑλλαδάρχης [тамъ-же 1876 ном. 8, стр. 226]—всѣ одинаково на надписяхъ κοινόν τῶν Ἀχαιῶν. Если въ этой послѣдней фразѣ κοινόν быть можетъ относилось лишь къ одному Пелопоннесу [стр. 236, прим.], то понятно, что панэллинская тенденція оттого не менѣе сильно сказывалась.

[2]) Адріановскіе Всеэллины называютъ себя τὸ κοινὸν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων τῶν εἰς Πλαταιὰς συνιόντων [Theben: Keil syll. inscr. Boeot. n. 31, сравн. Плутарха Арист. 19. 21], κοινὸν τῆς Ἑλλάδος [C. I. Gr. 5852], τὸ Πανελλήνιον [тамъ-же]. Ихъ предсѣдатель называется ὁ ἄρχων τῶν Πανελλήνων [C. I. A. III, 681. 682. C. I. Gr. 3832, сравн. C. I. A. III, 10: ἀ[ντ]άρχων τοῦ ἱερωτάτου ἀ[γῶνος τοῦ Π]αν[ελ]ληνίου; отдѣльный депутатъ называется Πανέλλην [наприм. C. I. A, III, 534. C. I. Gr. 1124.] Рядомъ съ этимъ появляются въ послѣ-Адріановскія времена еще κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν и ихъ στρατηγὸς или Ἑλλαδάρχης, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ названныхъ ранѣе, хотя послѣдній изъ нихъ выставляетъ свои почетные декреты уже не только въ Олимпіи, но также въ Аѳинахъ [C. I. A. 18; zweites Exemplar in Olympia Arch. Zeit. 1879, стр. 52].

воздвигнутъ храмъ новаго Зевеса Всеэллинскаго и съ этимъ сооруженіемъ были связаны блестящія народныя празднества и игры, устройство которыхъ было поручено коллегіи панэллиновъ и главнымъ образомъ жрецу Адріана, какъ живаго бога-зиждителя. Къ числу тѣхъ дѣлъ, которыя эти панэллины ежегодно совершали, принадлежало принесеніе въ Платеяхъ жертвы Зевесу-освободителю въ воспоминаніе о павшихъ тамъ въ борьбѣ съ Персами Эллинахъ; жертвоприношеніе совершалось въ годовщину битвы 4-го Боэдроміона; отсюда видно, какія были тенденціи этого учрежденія [1]). Онѣ еще яснѣе сказываются въ томъ, что аѳинское собраніе выдавало патенты на идеальное эллинское гражданство тѣмъ находившимся внѣ Эллады греческимъ городамъ, которые считались достойными національнаго общенія [2]).

Упадокъ Эллады.— Владычество императоровъ нашло на всемъ обширномъ пространствѣ римскихъ владѣній опустошенія, причиненныя двадцати-лѣтнею междоусобною войною, и во многихъ мѣстахъ никогда не было въ состояніи залечить ихъ бѣдственныхъ послѣдствій; но ни одна страна не пострадала отъ нихъ такъ сильно, какъ греческій полуостровъ. Судьбѣ угодно было, чтобъ три рѣшительныя битвы той эпохи, носящія названія Фарсала, Филиппъ и Акціума, происходили на его территоріи или у его береговъ, а военныя дѣйствія, которыя велись обѣими партіями до этихъ битвъ, приносили въ жертву человѣческую жизнь и человѣческое благополучіе главнымъ образомъ въ той странѣ. Еще Плутарху разсказывалъ его прадѣдъ, какъ офицеры Антонія заставляли гражданъ Херонеи, у которыхъ не было ни рабовъ ни вьючныхъ животныхъ, таскать на собственныхъ плечахъ свой послѣдній хлѣбъ въ ближайшую гавань для отправки моремъ въ армію, и какъ именно въ ту минуту, когда былъ

---

1) Что замѣчаніе Діона Прузскаго [or. 38, стр. 148 R.] о борьбѣ Аѳинянъ съ Лакедемонцами ὑπὲρ τῆς προπομπείας относится къ празднеству въ Платеяхъ, видно изъ [Лукіанъ] Ἔρωτες 18: ὡς περὶ προπομπείας ἀγωνιούμενοι Πλαταιᾶσιν. И софистъ Ириней писалъ περὶ τῆς Ἀθηναίων προπομπείας [Свида подъ этимъ словомъ] и Гермогенъ de ideis II, стр. 373. Walz считаетъ за содержаніе рѣчи Ἀθηναῖοι καὶ Λακεδαιμόνιοι περὶ τῆς προπομπείας κατὰ τὰ Μηδικὰ [сообщилъ Wilamowitz.]

2) До насъ дошли два документа этого рода,—выданный для Кибиры во Фригіи [C. I. Gr. 5882] отъ κοινὸν τῆς Ἑλλάδος чрезъ δόγμα τοῦ Πανελληνίου и для Магнезіи, что при рѣкѣ Меандрѣ [C. I. Att. III, 16]. Въ обоихъ указаны настоящее эллинское происхожденіе этихъ корпорацій и особыя услуги, которыя были ими оказаны Эллинамъ. Также характеристичны рекомендательныя письма, данныя этими панэллинами одному лицу, оказавшему услуги ихъ обществу; эти письма адресованы сообща и къ его родной общинѣ Эзани, во Фригіи, и къ императору Пію и къ жившимъ въ Азіи Эллинамъ [C. I. Gr. 3832. 3833. 3834].

готовъ къ отправкѣ второй транспортъ, извѣстіе о битвѣ при Акціумѣ было принято за радостную вѣсть о спасеніи. Первое, что сдѣлалъ Цезарь послѣ этой побѣды, была раздача голодавшему населенію Греціи тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые онъ отнялъ у непріятеля.

Уменьшеніе народонаселенія.—Этимъ крайне тяжкимъ страданіямъ былъ данъ крайне слабый отпоръ. Еще болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до битвы при Акціумѣ, Полибій высказалъ замѣчаніе, что въ его время во всей Греціи браки были часто бездѣтны и населеніе уменьшалось, не смотря на то, что страна не страдала ни отъ моровой язвы ни отъ опустошительныхъ войнъ. Теперь оба эти бича стали страшно тамъ свирѣпствовать и Греція осталась пустыней на всѣ грядущія времена. Вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, говоритъ Плутархъ, населеніе уменьшилось во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ, но всего болѣе въ Греціи, которая уже была-бы не въ состояніи снарядить изъ своихъ лучшихъ гражданъ такія же три тысячи Гоплитовъ, съ какими когда-то участвовала въ битвѣ при Платеяхъ самая маленькая изъ греческихъ областей — Мегара [1]). Цезарь и Августъ пытались путемъ отправки италійскихъ колонистовъ восполнить это обезлюдѣніе, внушавшее опасенія даже правительству, и дѣйствительно оба самыхъ цвѣтущихъ въ Греціи города были именно этими колоніями; но при слѣдующихъ императорахъ такія отправки колонистовъ не возобновлялись. На заднемъ планѣ пріятной эвбейской сельской идилліи Діона Прузскаго мы видимъ обезлюдѣвшій городъ, въ которомъ многочисленные домà пусты, стада пасутся подлѣ ратуши и городскаго архива, а двѣ трети территоріи не воздѣланы по недостатку рабочихъ рукъ; а когда разсказчикъ описываетъ это какъ нѣчто такое, что онъ самъ пережилъ, то онъ, конечно, здѣсь изображаетъ то положеніе, въ которомъ находились многочисленные мелкіе греческіе города во времена Траяна. Во времена Августа, Страбонъ писалъ: «Ѳивы въ Беотіи едва могутъ быть теперь названы большой деревней, а за исключеніемъ Танагры и Ѳеспій то-же самое можно сказать о всѣхъ городахъ Беотіи». Населеніе не только уменьшалось числомъ, но и утрачивало свои прежнія физическія достоинства. Еще встрѣчаются красивыя женщины, —писалъ въ концѣ 1-го столѣтія одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей,—но уже совсѣмъ не видно красивыхъ мущинъ; олим-

[1]) Этими словами Плутархъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ сказать [de defectu orac. 8], что вообще Греція была-бы не въ состояніи выставить 3000 способныхъ носить оружіе людей; онъ хотѣлъ этимъ сказать, что если бы арміи изъ гражданъ были организованы по прежнему образцу, Греція не была-бы въ состояніи выставить 3000 Гоплитовъ. Въ этомъ смыслѣ его замѣчаніе было-бы настолько вѣрно, насколько вообще возможенъ такой фактъ при общемъ бѣдственномъ положеніи населенія. Число общинъ въ провинціи доходило почти до ста.

пійскіе побѣдители новаго времени кажутся, по сравненію съ прежними, и малорослыми и не изящными, конечно, частію по винѣ художниковъ, но главнымъ образомъ потому, что они именно таковы, какими кажутся. Въ той обѣтованной странѣ Эфебовъ и атлетовъ, физическое развитіе молодежи имѣло такой широкій объемъ, что можно-бы было подумать, будто цѣль общественнаго устройства заключается въ томъ, чтобъ дѣлать изъ мальчиковъ гимнастовъ, а изъ взрослыхъ мущинъ кулачныхъ бойцевъ; но если ни въ какой другой провинціи не было такъ много ловкихъ силачей, за то никакая другая провинція не доставляла императорской арміи такъ мало солдатъ. Въ ту пору даже солдатскія игры мальчиковъ уже не входили въ составъ того аѳинскаго воспитанія юношества, которое въ былое время заключалось въ умѣньи метать копья, стрѣлять изъ лука, владѣть оружіемъ, выступать въ походъ и раскидывать лагери. Принадлежавшіе къ имперіи греческіе города почти вовсе не принимались въ расчетъ при наборѣ рекрутъ, потому-ли, что эти рекруты казались по своему сложенію негодными для военной службы, или-же потому, что введеніе такого элемента въ армію считалось опаснымъ; то была императорская веселая шуточка, что Северъ Антонинъ, — этотъ Александръ Македонскій въ карикатурѣ, — усилилъ римскую армію для войны съ Персами нѣсколькими отрядами Спартанцевъ [1]). Все, что дѣлалось для внутренняго порядка и безопасности, должно быть, исходило отъ каждой отдѣльной общины, такъ какъ въ провинціи не стояло римскихъ войскъ; такъ напримѣръ Аѳины содержали гарнизонъ на островѣ Делосѣ; въ городскомъ замкѣ, по всему вѣроятію, также стоялъ отрядъ милиціи [2]). Во время кризисовъ третьяго столѣтія, земское ополченіе Элатеи (стр. 215) и Аѳинъ (стр. 218) мужественно отразило Костобоковъ и Готовъ, и внуки побѣдителей при Мараѳонѣ въ послѣдній разъ внесли во время войны съ Готами свои имена въ лѣтописи древней исторіи болѣе достойнымъ образомъ, нежели во время войны Каракаллы съ Персами внуки тѣхъ, кто сражался при Ѳермопилахъ. Но если факты этого рода не дозволяютъ считать Грековъ того времени за ни къ чему не годную сволочь, все-таки населеніе и по своему числу и по своимъ физическимъ силамъ постоянно приходило въ упадокъ даже въ лучшія времена имперіи, пока этотъ хроническій недугъ не усилился до острой губительной болѣзни вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ съ конца 2 столѣтія моровой язвы, вслѣдствіе нападеній, въ особен-

---

1) Объ этомъ разсказываетъ Геродіанъ 4, 8. 3. гл. 9, 4, и до насъ дошли надписи двоихъ изъ этихъ Спартанцевъ—Никоклеса ἐστρατευμένος δὶς κατὰ Περσῶν [C. 1. Gr. 1253] и Діоскора ἀπελθὼν εἰς τὴν εὐτυχεστάτην συμμαχίαν [=expeditio] τὴν κατὰ Περσῶν [C. 1. Gr. 1495].

2) Слово φρούριον [C. 1. A. 111, 826] нельзя понимать иначе.

вости на восточные берега Греціи, разбойничьихъ шаекъ и съ сухаго пути и моремъ и наконецъ вслѣдствіе обнаружившагося во времена Галліена полнаго безсилія верховной правительственной власти.

Настроеніе умовъ въ Греціи.—Упадокъ Эллады и впечатлѣніе, которое онъ производилъ на лучшихъ людей того времени, всего ярче обрисованы въ увѣщаніи, съ которымъ одинъ изъ такихъ людей, Виѳинянинъ Діонъ обратился около временъ Веспасіана къ Родосцамъ. Эти послѣдніе не безъ основанія считались самыми лучшими изъ всѣхъ Эллиновъ. Ни въ какомъ другомъ городѣ такъ не заботились о низшемъ классѣ населенія, а эта заботливость выражалась не столько въ раздачѣ милостыни, сколько въ доставкѣ заработковъ. Когда Августъ, послѣ окончанія великихъ междоусобныхъ войнъ, объявилъ, что на востокѣ всѣ взысканія по частнымъ долгамъ не подлежатъ удовлетворенію, одни Родосцы не захотѣли воспользоваться этой неблагоразумной милостью. Хотя блестящая эпоха родосской торговли уже миновала, тамъ все еще велось не мало выгодныхъ предпріятій и жило не мало богатыхъ семействъ [1]). Но и туда проникло не мало золъ, устраненія которыхъ философъ требуетъ не столько, какъ онъ говоритъ, ради Родосцевъ, сколько ради всѣхъ вообще Эллиновъ. «Честь Эллады когда-то поддерживалась многими, за ея славу поддерживали Аѳиняне, Лакедемонцы, Ѳивяне, въ теченіе нѣкотораго времени Коринѳъ, а въ болѣе позднюю эпоху Аргосъ. Но теперь отъ нихъ нечего ожидать, такъ какъ одни изъ нихъ совершенно погибли и разорены, другіе ведутъ себя такъ, какъ вамъ извѣстно; они утратили свою честь и уничтожили свою прошлую славу. Остались вы одни; вы одни еще чего-нибудь стòите и не навлекли на себя полнаго презрѣнія; вѣдь если бы всѣ вели себя такъ-же какъ тѣ, то Эллины уже давно упали-бы ниже Фригійцевъ и Ѳракійцевъ. Ваше положеніе въ Элладѣ похоже на положеніе знатнаго и богатаго дома; все, что тамъ дѣлается, всѣмъ извѣстно, а все, что тамъ дѣлается дурнаго, налагаетъ пятно

---

1) „Въ денежныхъ средствахъ",—говоритъ Діонъ [Or. 31, стр. 556],—„у насъ нѣтъ недостатка; здѣсь найдутся многія тысячи людей, которымъ было-бы полезно быть менѣе богатыми", и далѣе [стр. 620] онъ говоритъ: „вы такъ богаты, какъ никто въ Элладѣ. Болѣе того, что вы имѣете, не имѣли и ваши предки. Островъ не сдѣлался хуже, чѣмъ былъ прежде; вы извлекаете выгоды изъ Каріи и изъ нѣкоторой части Ликіи; нѣкоторые города—ваши данники; городъ постоянно получаетъ отъ многихъ гражданъ щедрыя пожертвованія". Далѣе онъ указываетъ на то, что новыхъ податей на нихъ не было наложено, и даже отъ прежнихъ податей на содержаніе арміи и флота они почти совершенно освобождены; на нихъ только лежала обязанность ежегодно снаряжать одно или два маленькихъ судна для отправки въ Коринѳъ [стало быть для римскаго флота].

«безчестія и на предковъ. Не думайте, что вы лучшіе изъ Эллиновъ,—вы единственные настоящіе Эллины. Когда посмотришь на «тѣхъ жалкихъ срамниковъ, становятся непонятными даже великія «дѣла прошлаго; камни и развалины городовъ свидѣтельствуютъ о «гордости и величіи Эллады болѣе ясно, чѣмъ эти люди, даже недостойные называться предками Мизійцевъ; участь тѣхъ городовъ, «въ которыхъ они живутъ, менѣе завидна, чѣмъ участь тѣхъ, которые лежатъ въ развалинахъ, такъ какъ воспоминаніе объ этихъ «послѣднихъ до сихъ поръ въ чести, а ихъ хорошо заслуженная «слава остается до сихъ поръ незапятнанной,—вѣдь лучше сжечь «трупъ, чѣмъ оставить его гнить».

Старинная чистота нравовъ.—Таковъ былъ благородный образъ мыслей ученаго, который измѣрялъ мелочное настоящее великимъ прошлымъ и,—что было весьма естественно,—смотрѣлъ на первое съ отвращеніемъ, а второе видѣлъ во всемъ блескѣ безвозвратно утраченнаго величія; мы не вступимъ съ нимъ въ противорѣчіе, если замѣтимъ, что старинная чистота эллинскихъ нравовъ и въ ту пору и еще долго послѣ того не только встрѣчалась на островѣ Родосѣ, но во многихъ отношеніяхъ еще была живуча повсюду. При всей вѣрноподданнической податливости и при всемъ тунеядномъ смиреніи, Эллины того времени еще не утратили ни внутренней самостоятельности, ни вполнѣ основательнаго сознанія, что ихъ нація все еще стоитъ во главѣ цивилизаціи. Римляне заимствуютъ отъ древнихъ Эллиновъ ихъ боговъ, а отъ Александрійцевъ форму управленія; они стараются овладѣть греческимъ языкомъ и эллинизировать складъ и стиль своей собственной рѣчи. Этого не дѣлали Эллины даже во времена имперіи; такіе національные боги Италійцевъ, какъ Сильванъ и Лары, не были чтимы въ Греціи и ни одной изъ греческихъ городскихъ общинъ никогда не приходило на умъ ввести у себя то государственное устройство, которое Полибій выдавалъ имъ за самое лучшее. Вступавшіе на служебное поприще Греки пріобрѣтали такое знаніе латинскаго языка, какое требовалось при занятіи какъ высшихъ, такъ и низшихъ должностей; хотя императору Клавдію и вздумалось отнять права римскаго гражданства у тѣхъ Грековъ, которые не знали латинскаго языка, но на практикѣ могли пользоваться этими правами и исполнять связанныя съ ними обязанности только тѣ Греки, которые владѣли языкомъ господствующей націи. Но помимо офиціальныхъ сферъ, въ Греціи никогда не изучали латинскій языкъ такъ, какъ изучали греческій языкъ въ Римѣ; Плутархъ,—который, такъ-сказать, связалъ обѣ половины имперіи литературными узами и въ своихъ *Сравнительныхъ Жизнеописаніяхъ* римскихъ и греческихъ знаменитыхъ людей нравился болѣе всего біографическими сопоставленіями,—зналъ латинскій языкъ не

много лучше, чѣмъ Дидро зналъ русскій языкъ и по меньшей мѣрѣ,—какъ онъ самъ говоритъ,—не владѣлъ этимъ языкомъ; греческіе писатели, дѣйствительно владѣвшіе латинскимъ языкомъ, или принадлежали къ числу должностныхъ лицъ, какъ напримѣръ Аппіанъ и Кассій Діонъ, или же не принадлежали ни къ той ни къ другой національности, какъ царь Юба. Въ дѣйствительности Греція измѣнилась не столько сама по себѣ, сколько по своему внѣшнему положенію. Система управленія въ Аѳинахъ, конечно, была нехороша, но и въ эпоху величія Аѳинъ она вовсе не была образцовой. По словамъ Плутарха, «сохранились прежнія національныя черты— тѣ же внутреннія смуты, тѣ-же серьезность и шутливость, тѣ же привѣтливость и мстительность, какими отличались предки». И въ эту эпоху въ жизни греческаго народа выступаютъ наружу такія отдѣльныя черты, которыя достойны его цивилизаторскаго первенства. Гладіаторскія состязанія, распространившіяся изъ Италіи повсюду, и въ особенности по Малой Азіи и Сиріи, нашли для себя доступъ въ Грецію позже, чѣмъ въ какую-либо другую страну; они долго не проникали далѣе полу-италійскаго Коринѳа, а когда Аѳиняне, чтобъ не отставать отъ Коринѳянъ, ввели ихъ у себя, это было сдѣлано наперекоръ совѣту одного изъ лучшихъ гражданъ, который спросилъ ихъ, не слѣдовало-ли бы предварительно воздвигнуть алтарь богу состраданія; тогда многіе изъ самыхъ благородныхъ гражданъ съ негодованіемъ отвернулись отъ своего роднаго города, который самъ себя покрывалъ позоромъ. Ни въ одномъ изъ древнихъ государствъ не обращались съ рабами такъ человѣколюбиво, какъ въ Элладѣ; не законы, а нравы не дозволяли Греку продавать его рабовъ людямъ другой національности и тѣмъ изгоняли изъ этой страны настоящую торговлю невольниками. Только тамъ во времена имперіи и несвободные люди участвовали въ пирушкахъ гражданъ и получали свою долю при раздачѣ оливковаго масла [1]). Только тамъ такой несвободный человѣкъ, какимъ былъ Эпиктетъ во времена Траяна, могъ,—несмотря на свою болѣе чѣмъ скромную домашнюю обстановку въ эпирскомъ Никополѣ,—вести такое-же знакомство съ знатными людьми сенаторскаго званія, какое велъ Сократъ съ Критіемъ и съ Алкивіадомъ; эти знатныя особы выслушивали его устныя поученія такъ-же, какъ ученики выслушиваютъ объясненія

---

[1]) На народныхъ празднествахъ, которыя устроивалъ во времена Тиверія одинъ богатый человѣкъ въ Акрефіи, въ Беотіи, хозяинъ приглашалъ взрослыхъ рабовъ, а его жена приглашала рабынь въ гости наряду съ вольными людьми [С. I. Gr. 1625]. Въ одномъ благотворительномъ учрежденіи, основанномъ для раздачи оливковаго масла въ гимнастическомъ заведеніи [γυμνάσιον] Гиѳеіона въ Лаконіи, было принято за правило, что шесть дней въ году и рабы должны получать при этой раздачѣ свою долю. [Lebas-Foucart ном. 243 прим.] Такія-же раздачи происходили и въ Аргосѣ [С. I. Gr. 1122 1123].

наставника, записывали содержаніе бесѣдъ и сообщали его во всеобщее свѣдѣніе. Облегченія, которыми рабство было обязано императорскимъ законамъ, въ сущности были внушены греческими воззрѣніями, какъ напримѣръ при императорѣ Маркѣ, который смотрѣлъ на того никопольскаго раба, какъ на своего наставника и какъ на достойный подражанія образецъ. Авторъ одного изъ діалоговъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Лукіановскихъ, превосходно описываетъ, какъ образованные аѳинскіе граждане, при своей узкой обстановкѣ, относились къ знатнымъ и богатымъ путешественникамъ, отличавшимся сомнительнымъ образованіемъ или даже несомнѣннымъ невѣжествомъ; — какъ они отучали богатаго иноземца отправляться въ публичную баню съ цѣлой арміей служителей, точно будто онъ въ Аѳинахъ не увѣренъ въ безопасности своей жизни и точно будто въ странѣ не господствуетъ миръ, какъ его отучали показываться на улицахъ въ пурпуровомъ одѣяніи, вѣжливо обращаясь къ нему съ вопросомъ, не надѣлъ-ли онъ платье своей маменьки. Авторъ проводитъ параллель между римскимъ образомъ жизни и аѳинскимъ: тамъ — утомительныя пирушки и еще болѣе утомительное шатанье по домамъ терпимости, стѣснительный комфортъ, доставляемый безчисленнымъ множествомъ служителей и домашнею роскошью, утомленіе отъ ничего недѣланья, муки честолюбія и всѣ излишества, разнообразіе и тревога столичной жизни; здѣсь — все, что есть привлекательнаго въ бѣдности, свободная бесѣда въ дружескомъ кружкѣ, досугъ для умственныхъ наслажденій, возможность мирной жизни и житейскихъ радостей: «какъ-же», — спрашиваетъ въ Римѣ одинъ Грекъ у другаго, — «могъ ты промѣнять солнечный свѣтъ, Элладу, ея счастіе и свободу на эту толкотню?» Въ этомъ основномъ взглядѣ сходятся всѣ люди той эпохи, которыхъ природа надѣлила болѣе тонкими и болѣе благородными вкусами; именно самые лучшіе изъ Эллиновъ не могли сходиться съ Римлянами. Едва-ли можно найти въ литературѣ временъ имперіи что-либо болѣе привлекательнаго, чѣмъ упомянутая ранѣе эвбейская идиллія Діона: тамъ описана жизнь двухъ охотничьихъ семей, одиноко живущихъ въ лѣсу; ихъ собственность составляютъ восемь козъ, одна безрогая корова, хорошенькій теленочекъ, четыре серпа и три охотничьихъ копья; они не имѣютъ понятія ни о томъ, что такое деньги, ни о томъ, что такое подати, а когда имъ пришлось предстать на судъ передъ шумнымъ собраніемъ городскихъ гражданъ, это собраніе отпустило ихъ, ничѣмъ не стѣснивъ ихъ въ наслажденіи ихъ семейными радостями.

Плутархъ. — Это поэтическое воззрѣніе на жизнь нашло для себя реальное примѣненіе въ произведеніяхъ Плутарха изъ Херонеи, который былъ однимъ изъ самыхъ увлекательныхъ и самыхъ начитанныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ древ-

нихъ писателей. Онъ принадлежалъ къ одному зажиточному семейству, жившему въ маленькомъ беотійскомъ городкѣ Херонеѣ; сначала у себя дома, а потомъ въ Аѳинахъ и въ Александріи онъ получилъ полное греческое образованіе, а благодаря своимъ ученымъ занятіямъ, многочисленнымъ личнымъ знакомствамъ и поѣздкамъ въ Италію, близко ознакомился со всѣмъ, что́ касалось Рима; но, по примѣру всѣхъ даровитыхъ Грековъ, онъ не хотѣлъ вступать ни въ государственную службу, ни на профессорское поприще; онъ жилъ на своей родинѣ, наслаждаясь — въ лучшемъ смыслѣ этого слова — обществомъ прекрасной жены, дѣтей и домашнихъ друзей своего пола и довольствуясь какъ тѣми должностями и почестями, какія могла ему доставить его Беотія, такъ и тѣмъ умѣреннымъ состояніемъ, которое досталось ему по наслѣдству. Въ этомъ Херонейцѣ выразилась противоположность между Эллинами и тѣми, кто лишь развился подъ эллинскимъ вліяніемъ; такой греческій духъ не могъ-бы проявиться ни въ Смирнѣ ни даже въ Антіохіи: онъ былъ мѣстнымъ продуктомъ, какъ медъ горы Гиметта. Не мало найдется и болѣе мощныхъ талантовъ и болѣе глубокихъ мыслителей; но едва-ли найдется другой писатель, который умѣлъ-бы такъ весело уживаться съ нуждою и такъ-же какъ онъ налагать на свои произведенія отпечатокъ своего душевнаго спокойствія и своего домашняго счастія.

Недостатки провинціальнаго управленія.—Самостоятельность эллинизма проявилась въ сферѣ общественной жизни не въ такой же чистотѣ и красотѣ, какъ въ тихой домашней жизни, которою не занимается исторія и которая сама, къ счастію, не нуждается въ исторіи. Если мы обратимся къ тому, что происходило въ офиціальныхъ сферахъ, намъ придется описывать не столько систему управленія, сколько злоупотребленія какъ римской администраціи, такъ и греческой автономіи. Въ доброй волѣ недостатка не было, такъ какъ римскій филэллинизмъ господствовалъ во времена имперіи еще гораздо болѣе рѣшительно, нежели во времена республики. Онъ повсюду проявлялся и въ важныхъ вопросахъ и въ мелочахъ,—и въ непрерывавшемся эллинизированіи восточныхъ провинцій, и въ признаніи двойнаго офиціальнаго языка, и въ тѣхъ вѣжливыхъ формахъ, въ которыхъ правительство сносилось даже съ самыми мелкими греческими общинами и которыхъ оно приказывало придерживаться своимъ должностнымъ лицамъ [1]). Императоры осыпали

---

1) На одну изъ безчисленныхъ жалобъ, которыми докучали правительству мало-азіятскіе города по поводу ихъ споровъ о титулахъ и о рангахъ, Пій отвѣчалъ жителямъ Эфеса [Wadington, Aristide стр. 51]: онъ съ удовольствіемъ узналъ, что жители Пергама дают имъ новый титулъ; жители

эту провинцію своими милостями и возводили въ ней новыя пс стройки, и хотя бо́льшая часть этихъ милостей выпала на долі Аөинъ, все-таки нельзя не замѣтить, что Адріанъ устроилъ болі шой водопроводъ для Коринөа, а Пій построилъ лечебницу для Эпи давра. Но ни для правителей ни для управляемыхъ не принесл никакой пользы ни снисходительное обхожденіе со всѣми Греками вообш ни особая благосклонность, съ которой императорское правительств относилось къ собственной Элладѣ, считая ее въ нѣкоторомъ смысл такимъ-же отечествомъ, какимъ была Италія. Вслѣдствіе ежегодно перемѣны высшихъ должностныхъ лицъ и слабаго контроля со сто роны центральной власти, всѣ состоявшія подъ управленіемъ на мѣстниковъ сенатскія провинціи чувствовали на себѣ скорѣе гнет сосредоточеннаго въ однѣхъ рукахъ управленія, нежели его пользу и чувствовали его вдвойнѣ потому, что были и не велики объемом и бѣдны. Еще при Августѣ это зло достигло такихъ размѣровъ что однимъ изъ первыхъ административныхъ мѣропріятій Августов преемника было взятіе какъ Македоніи, такъ и Греціи подъ сво собственное управленіе [1]) будто-бы на время, но на самомъ дѣл на все время своего царствованія. Императоръ Клавдій, лишь тольк достигъ верховной власти, возстановилъ прежніе порядки, — чт было совершенно согласно съ основными государственными законами но едва-ли было столько же благоразумно. Съ тѣхъ поръ эти по рядки оставались безъ измѣненій и Ахаія управлялась не назначав шимися верховною властію должностными лицами, а такими, кото

Смирны конечно опустили этотъ титулъ лишь случайно и безъ сомнѣнія будут впредь поступать такъ, какъ требуетъ справедливость, если и сами жители Эфеса будутъ давать имъ ихъ настоящій титулъ. Одному маленькому ликійском городку, обращавшемуся къ проконсулу съ просьбой утвердить постановленно имъ рѣшеніе, проконсулъ отвѣчалъ [Benndorf, Lykische Reise 1, 71]. прекрасныя распоряженія требуютъ лишь похвалы, а не утвержденія, которо заключается въ самой сути дѣла. Школы риторовъ снабжали въ ту пору импе раторскую канцелярію образцами офиціальныхъ бумагъ, но не онѣ одні имѣли такое вліяніе. По самой своей сущности политическое верховенство не должно было рѣзко выставлять на видъ подданническую зависимость, въ особенности во всемъ, что̀ касалось Грековъ.

1) Изъ этой перемѣны не проистекало само собою формальнаго измѣненія въ распредѣленіи налоговъ: на него нѣтъ указаній и въ томъ, что говоритъ Тацитъ, *Лѣт.* 1, 76; если прежніе порядки считались неудовлетворительными, потому что провинціальные жители жаловались на тяжесть налоговъ [onera deprecantes], то хорошіе намѣстники могли доставить провинціямъ облегченіе путемъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ или путемъ исходатайствованія помилованій. Что содержаніе казенныхъ почтъ въ особенности въ этой провинціи считалось за тяжелое бремя, видно изъ эдикта, который былъ изданъ Клавдіемъ изъ Тегеи [Ephem. ep. V. стр. 69].

рые выбирались по жребію; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока эта система управленія не вышла изъ употребленія.

Дурное управленіе вольныхъ городовъ. — Управленіе Аѳинъ. — Но дѣло шло еще гораздо хуже въ тѣхъ греческихъ общинахъ, которыя не были подчинены управленію намѣстниковъ. Намѣреніе содѣйствовать благосостоянію этихъ общинъ путемъ освобожденія ихъ отъ податей и рекрутскихъ наборовъ, равно какъ путемъ по возможности самаго незначительнаго ограниченія правъ этихъ самостоятельныхъ государствъ, привело, — по меньшей мѣрѣ въ очень многихъ случаяхъ, — къ противоположному результату. Внутренняя несостоятельность этихъ учрежденій дала себя знать. Автономія, быть можетъ, и достигала своей цѣли въ немногихъ привилегированныхъ или лучше управляемыхъ общинахъ; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобъ Спарта, Коринѳъ, Патры страдали отъ неурядицы. Но Аѳины не были созданы для самоуправленія и представляли страшную картину такого общественнаго организма, которому верховная власть во всемъ потакала и который дошолъ до крайняго какъ финансоваго, такъ и нравственнаго упадка. По своимъ правамъ, этотъ городъ долженъ-бы былъ находиться въ цвѣтущемъ положеніи. Если Аѳинянамъ и не удалось соединить всю націю подъ своимъ верховенствомъ, за то ни въ Греціи ни въ Италіи не было другаго города, который достигъ-бы такого-же, какъ Аѳины, полнаго провинціальнаго объединенія; никакой другой изъ древнихъ городовъ не имѣлъ такой собственной территоріи, какъ Аттика, которая занимаетъ около 40 квадратныхъ миль и стало быть втрое обширнѣе острова Рюгена. Но и внѣ Аттики Аѳиняне сохранили то, чѣмъ прежде владѣли, — послѣ войны съ Митридатомъ по милости Суллы, а послѣ Фарсальской битвы, въ которой они сражались на сторонѣ Помпея, по милости Цезаря, который только спросилъ у нихъ, долго-ли они будутъ губить сами себя и потомъ искать спасенія въ славѣ своихъ предковъ. Городъ еще владѣлъ не только бывшею территоріей Галіарта въ Беотіи, но также лежавшимъ вблизи отъ его собственныхъ береговъ Саламиномъ, который когда-то былъ исходнымъ пунктомъ его владычества на моряхъ, а во Ѳракійскомъ морѣ доходными островами Скиросомъ, Лемносомъ и Имбросомъ, равно какъ въ Эгейскомъ морѣ Делосомъ; впрочемъ Делосъ уже не былъ съ послѣднихъ временъ республики центральнымъ рынкомъ для торговли съ востокомъ, такъ какъ торговля перешла оттуда въ порты западнаго италійскаго побережья, а это было для Аѳинянъ невознаградимой потерей. Изъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ уступокъ, которыя они умѣли выманить отъ Антонія, Августъ отнялъ у нихъ за то, что они приняли сторону его противника, Эгину и Эретрію на Эвбеѣ, но въ ихъ власти

остались болѣе мелкіе острова Ѳракійскаго моря—Икосъ, Пепареѳосъ, Скіаѳосъ и подлѣ Сунійскаго мыса Кеосъ, а Адріанъ отдалъ имъ лучшую часть большаго острова Кефалленіи въ Іоническомъ морѣ. Только неблаговолившій къ нимъ императоръ Северъ отнялъ у нихъ нѣкоторую часть этихъ внѣшнихъ владѣній. Сверхъ того Адріанъ разрѣшилъ выдавать Аѳинянамъ опредѣленное количество зерноваго хлѣба на казенный счетъ, а распространяя на Аѳины привилегію, которою до того времени пользовалась лишь столица, онъ какъ-бы призналъ ихъ за одну изъ метрополій имперіи. Адріанъ распространилъ на Аѳины и благотворное устройство продовольственныхъ запасовъ, которымъ Италія пользовалась со временъ Траяна, а потребный на это капиталъ онъ, безъ сомнѣнія, выдалъ Аѳинянамъ изъ своей личной казны. Водопроводъ, который онъ хотѣлъ устроить также для своихъ излюбленныхъ Аѳинъ, былъ достроенъ только послѣ его смерти Піемъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить большое стеченіе путешественниковъ и учащихся и постоянно увеличивавшееся число различныхъ учрежденій, которыя устроивались въ пользу города римскими вельможами и иностранными владѣтелями. Тѣмъ не менѣе община постоянно терпѣла денежную нужду. Рядомъ съ пользованіемъ гражданскими правами повсюду установилось обыкновеніе не только брать и давать взятки, но явно изо всего извлекать барыши, такъ что Августъ счёлъ нужнымъ принять мѣры противъ этихъ злоупотребленій. Аѳинскій магистратъ часто пускалъ въ продажу то тотъ, то другой изъ принадлежавшихъ городу острововъ, но не всегда находилъ такого щедраго жертвователя, какъ Юлій Никаноръ, который въ царствованіе Августа выкупилъ въ пользу обанкрутившихся Аѳинянъ островъ Саламинъ, получилъ за это отъ аѳинскаго магистрата почетный титулъ «новаго Ѳемистокла» и вмѣстѣ съ тѣмъ, — такъ какъ онъ занимался сочиненіемъ стиховъ, — «новаго Гомера» и за тѣмъ вмѣстѣ съ благородными членами магистрата былъ осмѣянъ публикой такъ, какъ того стоилъ. Великолѣпныя зданія, которыми не переставали украшаться Аѳины, воздвигались исключительно на счетъ иностранцевъ,—между прочимъ на счетъ богатыхъ царей Антіоха Коммагенскаго и Ирода Іудейскаго, а главнымъ образомъ на счетъ императора Адріана, который построилъ на Элиссѣ совершенно новый городъ (Novae Athenae) и сверхъ того множество другихъ зданій, въ томъ числѣ ранѣе упомянутый Панэллиніонъ, и приличнымъ образомъ довелъ до конца, черезъ семьсотъ лѣтъ послѣ его основанія, заложенный Пизистратомъ и считавшійся новымъ чудомъ свѣта громадный Олимпіонъ съ его 120-ю частію еще уцѣлѣвшими колоннами, — самыми большими изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ стоятъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. У города не было денегъ не только для поддержанія портовыхъ стѣнъ, безъ которыхъ, впро-

чемъ. можно было въ ту пору и обойтись, но даже для содержанія въ порядкѣ самаго порта. Во времена Августа, Пирей былъ ничтожной деревней съ небольшимъ числомъ домовъ и посѣщался лишь ради образцовыхъ произведеній живописи, находившихся въ храмовыхъ галлереяхъ. Въ Аѳинахъ уже почти вовсе не было ни торговли ни промышленности, а всѣ граждане и въ совокупности и по одиночкѣ занимались лишь однимъ выгоднымъ ремесломъ—выпрашиваніемъ подаяній. И не въ однихъ денежныхъ затрудненіяхъ сказывалось бѣдственное положеніе города. Весь міръ наслаждался спокойствіемъ, но нельзя было того-же сказать объ аѳинскихъ улицахъ и площадяхъ. Еще при Августѣ, мятежъ принялъ въ Аѳинахъ такіе размѣры, что римское правительство было вынуждено вмѣшаться во внутреннее управленіе вольнаго города [1], и хотя такой мятежъ случился только однажды, за то въ Аѳинахъ были обыденнымъ явленіемъ уличные безпорядки по поводу высокой цѣны хлѣба и по другимъ маловажнымъ мотивамъ. Въ другихъ многочисленныхъ вольныхъ городахъ дѣла были едва-ли въ лучшемъ положеніи, но о нихъ рѣже шла рѣчь. Отдавать уголовную юстицію безъ всякихъ ограниченій въ руки такихъ гражданскихъ общинъ, едва-ли было благоразумно, а между тѣмъ этой юстиціей завѣдывали въ силу основныхъ законовъ такія допущенныя въ международную федерацію общины, какъ Аѳины и Родосъ. Когда аѳинскій ареопагъ отказался во времена Августа удовлетворить ходатайство одного знатнаго Римлянина объ освобожденіи отъ наказанія Грека, осужденнаго за подлогъ, — онъ былъ въ своемъ правѣ; но когда жители Кизика запирали въ царствованіе Тиверія въ тюрьму римскихъ гражданъ, а Родосцы даже распяли въ царствованіе Клавдія одного римскаго гражданина на крестѣ—это были формальныя противозаконія, а за такой же поступокъ Ѳессалійцы поплатились при Августѣ своей автономіей. Заносчивость и посягательство на чужія права не несовмѣстимы съ безсиліемъ и на нихъ нерѣдко отваживаются нуждающіеся въ чужомъ покровительствѣ слабые люди именно вслѣдствіе своего безсилія. При всемъ уваженіи къ великимъ воспоминаніямъ прошлаго и къ утвержденнымъ клятвою договорамъ, всякое добросовѣстное правительство должно было смотрѣть на существованіе этихъ вольныхъ городовъ, какъ на такое-же нарушеніе общаго государственнаго порядка, какимъ было еще болѣе издревле-священное право убѣжища, предоставленное храмамъ.

---

[1]) Объ аѳинскомъ мятежѣ, вспыхнувшемъ въ царствованіе Августа, несомнѣнно свидѣтельствуетъ заимствованное отъ Африкана свѣдѣніе, которое помѣщено у Евсевія подъ 2025 годомъ со вр. Авр. [отсюда заимствовался Орозій 6, 22, 2]. О возстаніяхъ противъ стратега часто упоминаютъ: Plutarch q. sympos. 8, 3 z. A; [Lucian] Demonax 11, 64; Philostratos vit. soph. 1, 23. 2, 1, 11.

Корректоры.— Правительство наконецъ приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ и поставило вольные города въ томъ, что̀ касалось ихъ хозяйственнаго управленія, подъ надзоръ назначавшихся императоромъ должностныхъ лицъ, которые сначала назывались чрезвычайными коммиссарами «для исправленія вкоренившихся въ вольныхъ городахъ злоупотребленій», а впослѣдствіи отсюда получили титулъ корректоровъ. Зародыши этого нововведенія можно подмѣтить даже во времена Траяна; въ третьемъ столѣтіи мы находимъ этихъ корректоровъ въ Ахаіи въ числѣ постоянныхъ должностныхъ лицъ. Они исполняли свои служебныя обязанности на ряду съ проконсулами, назначались императоромъ и ни въ какой части римскихъ владѣній не встрѣчаются такъ рано и не дѣлаются такъ скоро постояннымъ явленіемъ, какъ въ Ахаіи, состоявшей на половину изъ вольныхъ городовъ.

Воспоминанія прошлаго.—Религія.— Самоуваженіе Грековъ и сознаніе своей первенствующей роли въ сферѣ умственнаго развитія были сами по себѣ вполнѣ основательны; сверхъ того они поддерживались образомъ дѣйствій римскаго правительства и, быть можетъ, еще болѣе римской публикой, а въ ту пору они вызвали такой культъ прошлаго, который состоялъ частію изъ неизмѣнной привязанности къ воспоминаніямъ о болѣе великой и болѣе счастливой эпохѣ, частію изъ нелѣпаго перехода отъ созрѣвшей цивилизаціи къ ея первымъ зачаткамъ.— За исключеніемъ уже ранѣе введеннаго путемъ торговыхъ сношеній поклоненія египетскимъ божествамъ, въ особенности Изидѣ, Греки, жившіе въ собственной Элладѣ, вообще не усвоивали чужеземныхъ культовъ; если это замѣчаніе не могло вполнѣ относиться къ Коринѳу, то это потому, что Коринѳъ былъ греческимъ городомъ менѣе всѣхъ другихъ городовъ Эллады. Древняя мѣстная религія не служила опорой для искренней вѣры, которая въ ту пору уже была давно исчезнувшей [1]); но преимущественно къ ней примыкали домашнія привычки и воспоминанія прошлаго, и потому она не только упорно поддерживалась, но съ теченіемъ времени, и большею частію благодаря трудамъ ученыхъ, становилась все болѣе окоченѣлой въ старинной формѣ, все болѣе становилась спеціальной сферой ученыхъ.

Знатные роды.— То-же было и съ культомъ знатныхъ родовъ,

---

[1]) Должностнымъ лицамъ и образованнымъ людямъ, то-есть людямъ свободно мыслившимъ, совѣтовали употреблять на религіозныя празднества тѣ деньги, которыя они предназначали на раздачу въ видѣ милостыни, — такъ какъ народъ будетъ укрѣпляться въ вѣрѣ, когда увидитъ, что и знатные городскіе жители поклоняются богамъ и даже дѣлаютъ расходы для этого поклоненія [Plutarch. Praec Ger. Reip. 30].

которому Эллины того времени были чрезвычайно преданы и въ которомъ они далеко опередили самыхъ гордыхъ своимъ происхожденіемъ Римлянъ. Родъ Эвмолпидовъ игралъ въ Аѳинахъ выдающуюся роль во время преобразованія элевсинскаго празднества при Маркѣ. Сынъ Марка, Коммодъ пожаловалъ главѣ рода Кериковъ права римскаго гражданства и изъ того-же рода происходилъ тотъ храбрый и ученый Аѳинянинъ, который, почти такъ-же какъ Ѳукидидъ, сражался съ Готами, а потомъ описывалъ готскую войну (стр. 218). Современникъ Марка, профессоръ и консуляръ Иродъ Аттикъ происходилъ изъ того-же рода; его придворный поэтъ говорилъ о немъ, что высокорожденному Аѳинянину, который былъ потомкомъ Гермеса и Кекропсовой дочери Герсы, совершенно пристала красная обувь римскихъ патриціевъ, а одинъ изъ тѣхъ писателей, которые прославляли его въ прозѣ, говорилъ, что онъ происходилъ отъ Эака и въ то-же время былъ потомкомъ Мильтіада и Кимона. Но и въ этомъ отношеніи Спарта далеко опередила Аѳины; не мало было Спартанцевъ, хваставшихся своимъ происхожденіемъ отъ Діоскуровъ, отъ Геракла, отъ Посейдона и тѣмъ, что въ теченіе сорока и болѣе поколѣній жреческое званіе было наслѣдственнымъ въ ихъ родѣ. Эта знатность происхожденія представляетъ ту характеристическую особенность, что ее стали доискиваться главнымъ образомъ лишь съ конца втораго столѣтія; геральдики, которые брались за составленіе родословныхъ книгъ, конечно, не провѣряли ни въ Аѳинахъ ни въ Спартѣ достовѣрности документовъ.

Языкъ: архаизмы и варваризмы. — Точно такая-же тенденція замѣтна въ томъ, какъ относились къ языку или, лучше сказать, къ діалекту. Между тѣмъ какъ въ изстари говорившихъ по-гречески странахъ, равно какъ въ Элладѣ былъ въ ту пору въ употребленіи преимущественно такъ-называемый обыкновенный греческій языкъ, въ сущности образовавшійся изъ аттическаго нарѣчія, — книжный языкъ той эпохи не только старается устранять вкравшіяся грамматическія ошибки и нововведенія, но во многихъ случаяхъ снова вводитъ вышедшія изъ употребленія діалектическія особенности, явно стремясь къ возстановленію стараго партикуляризма въ томъ, въ чемъ онъ всего менѣе имѣлъ на то права. Статуи, которыя были поставлены Ѳеспіянами музамъ въ Геликонской рощѣ, получили на хорошемъ беотійскомъ языкѣ названія O r a n i a и T h a l e a, между тѣмъ какъ въ эпиграммѣ, написанной по этому случаю однимъ поэтомъ, носившимъ римское имя, онѣ носятъ на хорошемъ іоническомъ языкѣ названія U r a n i e и T h a l e i e, а познакомившіеся съ ними необразованные Беотійцы стали называть ихъ, подобно всѣмъ другимъ Грекамъ, U r a n i a и T h a l e i a. Въ особенности Спартанцы дѣлали въ этомъ отношеніи невѣроятныя вещи и не-

рѣдко писали болѣе для тѣни Ликурга, нежели для находившихся въ то время въ живыхъ Эліевъ и Авреліевъ. Къ тому-же и въ самой Элладѣ стало въ ту пору мало-по-малу утрачиваться умѣнье правильно выражаться; въ оффиціальныхъ документахъ временъ имперіи нерѣдко архаизмы мирно красуются рядомъ съ варваризмами. Аѳинское населеніе, будучи сильно перемѣшано съ иноземными элементами, ни въ какую эпоху не отличалось въ этомъ отношеніи отъ другихъ [1]) и хотя въ городскихъ письменныхъ памятникахъ языкъ сравнительно довольно чистъ, но со временъ Августа и въ немъ становится замѣтной общая испорченность. Взыскательные грамматики того времени наполняли цѣлые томы перечисленіемъ грамматическихъ ошибокъ въ которыхъ провинились только-что упомянутый и громко прославленный риторъ Иродъ Аттикъ и другіе знаменитые ораторы втораго столѣтія [2]), не говоря уже о щепетильной изысканности и странной вычурности ихъ слога. Но въ настоящую одичалость какъ разговорный языкъ, такъ и книжный впадаютъ въ Аѳинахъ и во всей Греціи, точно такъ-же какъ и въ Римѣ, съ царствованія Септимія Севера [3]).

Общественная дѣятельность.—Знатныя семьи.— Причиной нравственной испорченности Эллиновъ была узкость той сферы, въ которой они вращались: благородному честолюбію не доставало соотвѣтствующей цѣли и потому выдвигалось впередъ лишь честолюбіе низкое и унизительное. И въ Элладѣ не было недостатка въ туземныхъ семьяхъ, обладавшихъ большими богатствами и пользовавшихся значительнымъ вліяніемъ [4]). Хотя страна была вообще бѣдна, въ

---

[1]) „Внутренность Аттики“,—говоритъ одинъ изъ ея жителей у Филострата [Vitae Soph. 2, 7]—„хорошая школа для того, кто желаетъ научиться языку; напротивъ того городскіе жители Аѳинъ, занимающіеся отдачей своихъ домовъ въ наймы молодымъ людямъ, стекающимся тамъ толпами изъ Ѳракіи, изъ Понта и изъ другихъ варварскихъ странъ, не столько учатъ этихъ молодыхъ людей хорошо говорить по-гречески, сколько научаются у нихъ извращать свой языкъ. Но внутри страны, гдѣ жители не перемѣшаны съ варварами, и произношеніе и складъ рѣчи хороши“.

[2]) Karl Keil [Pauly Realencycl. 1^2, стр. 2100] указываетъ на τινὸς для ἧς τινὸς и τὰ χωρία γέγοναν въ надписи Иродовой супруги [C. I. L. VI, 1342].

[3]) Dittenberger Hermes 1, 414. Сюда относится и то, что неловкій защитникъ Аполлонія заставляетъ своего героя писать александрійскимъ профессорамъ [*ep.* 34],—что онъ покинулъ Аргосъ, Сикіонъ, Мегару, Фокиду, Локриду, потому что, еслибы онъ дольше оставался въ Элладѣ, онъ могъ бы сдѣлаться настоящимъ варваромъ.

[4]) Тацитъ [подъ 62 годомъ, *лѣтоп.* 15, 20] описываетъ одного изъ этихъ богатыхъ и вліятельныхъ провинціаловъ, Клавдія Тимархида изъ Креты, который всемогущъ въ своемъ кругу [ut solent praevalidi provincialium

ней все-таки были люди, владѣвшіе обширными помѣстьями и пользовавшіеся унаслѣдованнымъ отъ предковъ благосостояніемъ. Такъ напримѣръ въ Спартѣ былъ родъ Лахареса, занимавшій со временъ Августа и по меньшей мѣрѣ до временъ Адріана такое положеніе, которое на самомъ дѣлѣ не многимъ уступало положенію владѣтельныхъ князей. Лахаресъ былъ казненъ по приказанію Антонія за лихоимство. По этой причинѣ его сынъ Эвриклъ былъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ приверженцевъ Августа и однимъ изъ самыхъ храбрыхъ вождей въ рѣшительной морской битвѣ, и почти лично взялъ въ плѣнъ побѣжденнаго полководца; онъ получилъ отъ побѣдителя, въ числѣ другихъ щедрыхъ подарковъ, въ частную собственность островъ Киѳеру (Чериго). Впослѣдствіи онъ игралъ выдающуюся и подозрительную роль не только на своей родинѣ, надъ которою, какъ кажется, долго пользовался начальническою властію, но также при дворахъ Іерусалимскомъ и Кесарійскомъ, чему не мало содѣйствовалъ почетъ, который оказывали Спартанцу жители востока. За это онъ былъ неоднократно привлекаемъ къ отвѣту передъ императорскимъ судомъ, наконецъ былъ осужденъ и отправленъ въ ссылку; но смерть своевременно спасла его отъ послѣдствій судебнаго приговора и его сынъ Лаконъ вступилъ въ обладаніе его состояніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его вліятельнымъ положеніемъ, изъ предосторожности постаравшись придать этому послѣднему не слишкомъ бросающуюся въ глаза форму. Такое-же положеніе занималъ въ Аѳинахъ родъ не разъ нами упомянутаго Ирода; мы въ состояніи прослѣдить его по четыремъ поколѣніямъ, восходя ко временамъ Цезаря, а дѣдъ Ирода, подобно Спартанцу Эвриклу, былъ наказанъ конфискаціей имѣній за свое не въ мѣру вліятельное положеніе въ Аѳинахъ. Обширность помѣстій, которыми внукъ владѣлъ въ своемъ бѣдномъ отечествѣ, и обширность земельныхъ участковъ, которые онъ отводилъ для погребенія участниковъ своихъ забавъ, возбуждали негодованіе даже въ римскихъ намѣстникахъ. Такія могущественныя семьи, вѣроятно, существовали почти во всѣхъ частяхъ Эллады; на провинціальныхъ собраніяхъ онѣ имѣли рѣшающій голосъ, но и въ Римѣ имѣли связи и вліяніе.

---

et opibus nimiis ad iniurias minorum elati] и также надъ сеймомъ, но въ виду могущихъ поступить на отъѣзжающаго проконсула жалобъ за неправильность его отчетовъ, улаживаетъ дѣло такъ, что утверждается декретъ объ изъявленіи этому проконсулу признательности [in sua potestate situm, an proconsulibus, qui Cretam obtinuissent, grates agerentur]. Оппозиція предлагаетъ отвергнуть этотъ декретъ объ изъявленіи признательности, но ей не удается набрать для этого достаточное число голосовъ. И Плутархъ [Praec. Ger. Reip. гл. 19, 3] описываетъ этихъ знатныхъ Грековъ.

Государственная служба. — Но хотя для этихъ знатныхъ Грековъ едва-ли служили препятствіемъ тѣ установленныя закономъ ограниченія, которыя не допускали въ сенатъ Галла и Александрійца даже по полученіи ими правъ гражданства, и хотя для Эллиновъ, какъ кажется, было открыто во времена имперіи то политическое и военное поприще, на которомъ подвизались Италійцы, — однако Эллины стали вступать въ государственную службу лишь въ болѣе позднюю пору и въ ограниченномъ числѣ, частію потому, что римское правительство въ первыя времена имперіи неохотно принимало на службу Грековъ, считая ихъ за иностранцевъ, частію потому, что ихъ самихъ страшило неизбѣжное при вступленіи на это поприще переселеніе въ Римъ и они предпочитали быть первыми на своей родинѣ, нежели теряться въ толпѣ сенаторовъ. Въ римскій сенатъ прежде всѣхъ другихъ Грековъ поступилъ во времена Траяна правнукъ Лахареса Герклanъ, а изъ рода Ирода, по всему вѣроятію, первымъ поступилъ, около того же времени, его отецъ [1]. Другое поприще, открывшееся лишь со временъ имперіи, — поприще личной службы при императорѣ, — конечно доставляло въ случаѣ успѣха и богатства и вѣсъ, и на него Греки стали вступать и ранѣе и чаще; но, такъ какъ большая часть этихъ должностей и въ особенности самыя важныя изъ нихъ были связаны съ офицерскою службой, то на дѣлѣ, какъ кажется, всегда оказывалось предпочтеніе Италійцамъ, такъ что Грекамъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ и здѣсь загражденъ путь. Второстепенныя должности Греки занимали при императорскомъ дворѣ издавна и въ большомъ числѣ; они нерѣдко даже достигали окольными путями довѣрія и вліянія; но эти люди были большею частію родомъ не изъ собственной Эллады, а изъ греческихъ провинцій, и они очень рѣдко принадлежали къ знатнымъ эллинскимъ семьямъ. Законному честолюбію знатнаго и богатаго юноши, если онъ былъ Грекъ, римская имперія доставляла лишь узкое поприще.

Муниципальное управленіе. — Такому юношѣ не оставалось ничего другаго, какъ жить на своей родинѣ и, трудясь для общей пользы, исполнять свои обязанности и снискивать почетъ. Но это были очень скромныя обязанности и еще болѣе скромный почетъ. «Ваша задача», — говоритъ Діонъ, обращаясь къ своимъ Родосцамъ, — «уже не та, какая была у вашихъ предковъ. Они могли развивать свои

---

1) Иродъ былъ ἐξ ὑπάτων [Philostratos Vit. Soph. 1, 25, 5, стр. 536], ἐτέλει ἐκ πατέρων ἐς τοὺς δισυπάτους [тамъ-же 2 z. A. стр. 545]. Кромѣ того ничего неизвѣстно о консульскихъ должностяхъ его предковъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что его дѣдъ Гиппархъ не былъ сенаторомъ. Быть можетъ здѣсь идетъ рѣчь только о предкахъ по женскому колѣну. Этотъ родъ получилъ права римскаго гражданства не при Юліевской династіи [C. I. A. III, 489], а впервые лишь при Клавдіевской.

способности въ разныхъ направленіяхъ: они могли стремиться къ правительственной власти, помогать угнетеннымъ, пріобрѣтать союзниковъ, основывать города, воевать и побѣждать; ничего подобнаго вы уже не можете сдѣлать. Вамъ остается завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ и городскимъ управленіемъ, раздавать почетныя отличія съ выборомъ и въ мѣру, присутствовать въ совѣтѣ и въ судѣ, отправлять богослуженіе и справлять праздники; во всемъ этомъ вы можете отличиться отъ другихъ городовъ. И въ томъ немаловажная заслуга, что вы ведете себя прилично, держите въ порядкѣ волосы и бороду, ходите мѣрной поступью,—такъ что среди васъ даже иноземцы отучаются отъ своей привычки бѣгать по улицамъ,—одѣваетесь прилично, носите, не смотря на то, что это можетъ казаться смѣшнымъ, маленькія и узенькія пурпуровыя обшивки, спокойно сидите въ театрѣ и рукоплещете въ мѣру: все это дѣлаетъ честь вашему городу; въ этомъ болѣе, нежели въ вашихъ гаваняхъ, городскихъ стѣнахъ и докахъ, обнаруживаются хорошіе эллинскіе нравы и поэтому узнаётъ даже незнакомый съ названіемъ вашего города варваръ, что онъ находится въ Греціи, а не въ Сиріи или въ Киликіи». Все это было вѣрно; но если отъ гражданина уже болѣе не требовалось, чтобъ онъ жертвовалъ своею жизнію для отечества, то онъ не безъ основанія задавался вопросомъ, стóитъ-ли жить для такого отечества. У Плутарха есть описаніе того положенія, въ которое были поставлены въ его время должностныя лица, назначавшіяся греческими общинами; при этомъ онъ обрисовываетъ это положеніе со свойственными ему правдолюбіемъ и осмотрительностью. По его словамъ, какъ прежде, такъ и въ ту пору было трудно хорошо вести общественныя дѣла, опираясь на большинство, которое состояло изъ ненадежныхъ, капризныхъ и нерѣдко заботившихся не столько объ общей пользѣ, сколько о своихъ собственныхъ интересахъ гражданъ, или же опираясь на очень многочисленныя собранія членовъ городской думы—въ аѳинской городской думѣ числилось во времена имперіи сначала 600 членовъ, потомъ 500, а впослѣдствіи 750; хорошій чиновникъ не долженъ дозволять «народу» нарушать права котораго-либо изъ гражданъ, присвоивать себѣ недозволеннымъ способомъ частную собственность или раздѣлять между собою общественное достояніе; но эта задача не становится болѣе легкой оттого, что чиновникъ не имѣетъ для ея исполненія иныхъ средствъ, кромѣ благоразумныхъ увѣщаній и ловкости демагоговъ, и что ему совѣтуютъ не быть слишкомъ взыскательнымъ въ мелочахъ, а когда на городскомъ празднествѣ предлагаютъ общинѣ сдѣлать небольшое денежное пожертвованіе, не ссориться изъ-за такихъ пустяковъ. Впрочемъ это положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось и чиновникъ долженъ примѣняться къ новымъ порядкамъ. Онъ главнымъ образомъ долженъ и самъ постоянно имѣть въ виду безсиліе Эллиновъ и выставлять его своимъ согражданамъ. Свобода об-

щинъ заходитъ такъ далеко, какъ это дозволено повелителемъ, а болѣе широкая свобода послужила-бы во вредъ. Когда Периклъ облекся въ присвоенную его должности одежду, онъ обратился самъ къ себѣ съ совѣтомъ не позабывать, что будетъ властвовать надъ людьми, которые свободны и къ тому-же Греки; въ настоящее-же время чиновникъ долженъ говорить самому себѣ, что онъ будетъ властвовать подъ верховенствомъ другаго властителя надъ такимъ городомъ, который подчиненъ проконсуламъ и императорскимъ прокураторамъ, что онъ не можетъ и не долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ органомъ правительства, и что одного написаннаго намѣстникомъ слова достаточно для того, чтобъ уничтожить каждый изъ его декретовъ. Поэтому главная обязанность хорошаго чиновника — стать въ хорошія отношенія къ Римлянамъ и по возможности заводить въ Римѣ вліятельныя связи для того, чтобъ извлекать изъ нихъ пользу для своего отечества. Впрочемъ этотъ честный писатель настоятельно предостерегаетъ отъ раболѣпія: въ случаѣ необходимости чиновникъ долженъ смѣло вступать въ борьбу съ дурнымъ намѣстникомъ, и самымъ благороднымъ съ его стороны образомъ дѣйствій въ подобныхъ столкновеніяхъ было бы энергическое ходатайство за интересы общины въ Римѣ, передъ императоромъ. Онъ въ особенности строго порицаетъ тѣхъ Грековъ, которые — точно такъ-же, какъ и во времена Ахейскаго союза, — вызываютъ, при всякой внутренней распрѣ, вмѣшательство римскаго намѣстника и настоятельно убѣждаетъ ихъ улаживать внутри самой общины все что ея касается, а не отдавать себя, путемъ принесенія аппелляцій, не столько въ руки верховной власти, сколько въ руки состоящихъ при ней дѣльцовъ и адвокатовъ. Все это и разумно и патріотично, — столько же разумно и патріотично, какъ и прежняя политика Полибія, на которую и дѣлаются настоятельныя указанія. Въ ту эпоху полнаго повсемѣстнаго спокойствія, когда Греки не вели никакихъ войнъ и даже не велось никакихъ войнъ съ варварами, когда существованіе городскихъ военныхъ властей и заключеніе мира или союза между городами едва-ли имѣли право на какое-нибудь мѣсто въ исторіи, былъ очень умѣстенъ совѣтъ предоставить Мараѳонъ и Платеи въ вѣдѣніе школьныхъ наставниковъ и не разгорячать такими громкими именами головы на народныхъ собраніяхъ, а довольствоваться той небольшой сферой, внутри которой было дозволено свободно двигаться. Но міръ принадлежитъ не здравому смыслу, а страстямъ. Эллинскій гражданинъ и тогда могъ исполнять свои обязанности къ отечеству; но, за исключеніемъ письменнаго стола, уже нигдѣ въ этой Элладѣ не было простора для чисто-политическаго, стремящагося къ великимъ дѣламъ, честолюбія, не было простора для такихъ-же страстныхъ влеченій, какими воодушевлялись Периклъ и Алкивіадъ, а на этомъ пустомъ мѣстѣ размножались тѣ

ядовитыя сѣмена, которыя тамъ, гдѣ подавлено стремленіе ко всему великому, разъѣдаютъ человѣческую грудь и отравляютъ человѣческое сердце.

Общественныя игры. — Поэтому-то Эллада и была родиной того низкаго и безсодержательнаго честолюбія, которое было едва-ли не самымъ широко распространеннымъ изъ многихъ золъ, порожденныхъ разваливавшейся античной цивилизаціей, и конечно было изъ числа самыхъ губительныхъ. При этомъ на первомъ планѣ стояли народныя празднества съ ихъ состязаніями изъ-за наградъ. Олимпійскія состязанія были совершенно приличны для эллинскаго народа въ его юношескомъ возрастѣ; общія для всѣхъ греческихъ племенъ и городовъ праздничныя гимнастическія упражненія и сплетенный изъ вѣтвей масличнаго дерева вѣнокъ, который подавали, по приговору «судей Эллады», самому сильному борцу, были невиннымъ и безъискуственнымъ выраженіемъ единства юной націи. Но политическое развитіе скоро пережило эту утреннюю зарю. Уже во времена аѳинскаго морскаго союза и еще до временъ Александра Македонскаго этотъ эллинскій праздникъ былъ анахронизмомъ—дѣтской забавой, не прекращавшейся въ зрѣломъ возрастѣ; что обладатель того масличнаго вѣнка былъ по меньшей мѣрѣ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ своихъ согражданъ представителемъ національнаго первенства было почти то же, какъ если бы въ Англіи поставили на ряду съ Питтомъ и съ Биконсфильдомъ побѣдителя на студенческихъ регатахъ. Эллинская нація, распространявшаяся путемъ колонизаціи и эллинизированія, нашла для своего идеальнаго единства и дѣйствительной разрозненности вѣрное выраженіе въ этомъ фантастическомъ верховенствѣ оливковаго вѣнка, а греческая реальная политика временъ Діадоховъ, какъ и слѣдовало ожидать, мало о немъ заботилась. Но когда имперія усвоила на свой манеръ панэллинскія идеи и Римляне вступили въ права и въ обязанности Эллиновъ, тогда Олимпія осталась или сдѣлалась настоящимъ символомъ римской Всеэллады; вѣдь при Августѣ первымъ римскимъ побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ является ни болѣе ни менѣе, какъ Августовъ пасынокъ, будущій императоръ Тиверій [1]). Неприличный

---

[1]) Первымъ римскимъ побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, какой намъ извѣстенъ, былъ Ti. Claudius Ti. f. Nero, безъ сомнѣнія будущій императоръ, состязавшійся въ бѣгахъ на колесницѣ, запряженной четверкой лошадей [Arch. Zeitung 1880, стр. 53]; эта побѣда относится, по всему вѣроятію, къ Ол. 195 [1 г. послѣ Р. Х.], а не къ Ол. 199 [17 г. послѣ Р. Х.], какъ указано въ спискѣ Африкана [Евсев. 1, стр. 214 Schöne]. Должно быть въ этомъ году побѣдилъ его сынъ Германикъ также на колесницѣ, запряженной четверкой

брачный союзъ, въ который всеэллинство вступило съ демономъ игры, сдѣлалъ изъ этихъ празднествъ учрежденіе, столько-же могущественное и прочное, сколько вредное вообще, а для Эллады въ особенности. Въ нихъ принимали участіе всѣ эллинскія и эллинизированныя страны, или посылая туда своихъ представителей или устроивая нѣчто подобное у себя дома; повсюду устроивались такія же празднества для всего греческаго міра, а горячее участіе народныхъ массъ, общее сочувствіе къ которому-нибудь изъ борцовъ и гордость не только самого побѣдителя, но также его доброжелателей и его родины—все это заставляло почти совершенно позабывать то, изъ-за чего въ сущности происходило состязаніе. Римское правительство не только ничѣмъ не стѣсняло этихъ гимнастическихъ и всякихъ другихъ состязаній, но привлекало всю имперію къ участію въ нихъ; устройство торжественной встрѣчи побѣдителя въ его родномъ городѣ не зависѣло во времена имперіи отъ усмотрѣнія мѣстныхъ гражданъ; оно было предоставлено императорами въ качествѣ привилегіи особымъ учрежденіямъ по устройству игръ [1]), а выдачу назначавшейся въ этихъ случаяхъ побѣдителю ежегодной пенсіи (σίτησις) принимала на себя государственная казна, такъ что самыя значительныя учрежденія по устройству игръ считались какъ-бы государственными учрежденіями. Эти общественныя игры распространились какъ по самой имперіи, такъ и по всѣмъ провинціямъ; но идеальнымъ средоточіемъ такихъ состязаній и такихъ побѣдъ все еще оставалась Греція: тамъ находилась ихъ родина—гора Алфей, тамъ находились центры ихъ древнѣйшихъ подражаній—принадлежавшихъ къ славнымъ временамъ Греціи и воспѣтыхъ ихъ классическими поэтами игръ Пиѳійскихъ, Исѳмійскихъ и Немейскихъ, равно какъ многихъ другихъ, возникшихъ въ болѣе позднюю пору, но такъ-же богато обставленныхъ празднествъ—какъ напримѣръ Эвриклейскихъ, которыя были учреждены при Августѣ упомянутымъ выше властителемъ Спарты, аѳинскихъ Панаѳиней, и справлявшихся также въ Аѳинахъ Панэлленій, которыя были надѣлены Адріаномъ особыми доходами

лошадей [Arch. Zeitung 1879, стр. 36]. Въ числѣ эпонимовъ, одерживавшихъ побѣды на олимпійскомъ ристалищѣ, нѣтъ ни одного Римлянина; должно быть опасались оскорбить національное чувство Грековъ.

1) Одно изъ привилегированныхъ учрежденій по устройству игръ называлось ἀγὼν ἱερός, certamen sacrum [то-есть съ назначеніемъ пенсій: Діонъ 51, 1] или ἀγὼν εἰσελαστικός, certamen iselasticum [сравн. между прочимъ Plinius ad Trai. 118. 119; C. I. L. X, 515]. И Ксистархія давалась,—но меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—императоромъ [Dittenberger Hermes 12, 17 f.] Не безъ основанія эти учрежденія называли себя „всемірными общественными играми [ἀγὼν οἰκουμενικός].

съ императорскою щедростью. Слѣдовало удивляться тому, что вся обширная имперія, повидимому, вращалась вокругъ этихъ праздничныхъ гимнастическихъ состязаній, а не тому, что главнымъ образомъ Эллины упивались изъ этой странной волшебной чаши и что вѣнки, статуи и привилегіи такихъ побѣдителей прерывали политическое затишье, котораго имъ совѣтовали не нарушать ихъ лучшіе граждане.

Муниципальное честолюбіе.—Тѣмъ-же путемъ шли городскія учрежденія вообще во всей имперіи, но въ особенности въ Элладѣ. Такъ какъ тамъ еще были великія цѣли и еще было честолюбіе, то въ Элладѣ точно такъ-же как и въ Римѣ гоньба за общественными должностями и общественными почетными отличіями сдѣлалась средоточіемъ политическаго соревнованія и вызвала на ряду съ множествомъ вздорныхъ, смѣшныхъ и злокачественныхъ дѣяній и такія, въ которыхъ сказывались и высокая даровитость и высокое благородство. Теперь зерно уже выпало и осталась одна скорлупа; хотя въ фокидской Панопеѣ дома были безъ крышъ, а граждане жили въ хижинахъ, она все-таки была городомъ, даже государствомъ, а ея жители не позабывали присутствовать при торжественныхъ шествіяхъ фокидскихъ общинъ. Эти города раздавали должности и жреческое званіе, издавали похвальные декреты, о которыхъ извѣщали черезъ публичныхъ глашатаевъ, отводили почетныя мѣста на публичныхъ собраніяхъ съ правомъ носить пурпуровое одѣяніе и діадему, ставили пѣшія и конныя статуи и, удовлетворяя этимъ путемъ тщеславіе, извлекали отсюда денежныя выгоды еще болѣе предосудительнымъ образомъ, нежели мелкіе владѣтельные князья новаго времени, извлекавшіе доходы изъ раздачи своихъ орденовъ и титуловъ. Конечно, бывали и такіе случаи, что этимъ путемъ награждались дѣйствительныя заслуги и выражалась искренняя признательность; но вообще это былъ торгъ между покупателемъ и продавцомъ или, по выраженію Плутарха, такое-же дѣло, какое ведется между непотребной женщиной и ея посѣтителями. Подобно тому, какъ въ наше время богатство доставляетъ частному человѣку по меньшей мѣрѣ орденъ, а иногда и дворянство, и въ ту пору оно доставляло жреческое пурпуровое одѣяніе и статую на городской площади; и не безнаказанно вело государство торговлю своими фальшивыми почетными отличіями. По громадному числу такихъ сдѣлокъ и по безъискуственности ихъ внѣшней формы древность далеко опередила то, что дѣлалось въ наше время,—и это весьма естественно, потому что призрачная автономія общинъ, не будучи въ достаточной мѣрѣ обуздана общегосударственными идеями, самоуправствовала въ этой сферѣ безъ всякихъ стѣсненій, а тѣми мѣстными властями, которыя издавали такіе декреты, были собранія гражданъ или магистраты

мелкихъ городовъ. Это имѣло вредныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ: общественныя должности раздавались не столько сообразно съ способностями соискателей, сколько сообразно съ ихъ денежной состоятельностью; пиры и подарки не обогащали тѣхъ, кому они давались, но нерѣдко разоряли тѣхъ, кто на нихъ тратился; эти безнравственныя сдѣлки были одной изъ главныхъ причинъ усиливавшагося отвращенія къ труду и разоренія знатныхъ семей. И хозяйственныя дѣла общинъ сильно страдали отъ этой склонности къ лести. Правда, тѣ почести, которыми община изъявляла свою признательность какому-нибудь благодѣтелю, бо́льшею частію соразмѣрялись съ тѣмъ разумнымъ принципомъ справедливости, которымъ руководствуются и въ наше время при раздачѣ такихъ декоративныхъ милостей, а въ противномъ случаѣ благодѣтель нерѣдко изъявлялъ готовность покрыть изъ своего кошелька расходы на сооруженіе той статуи, которую было рѣшено поставить въ честь его. Но нельзя того-же сказать о тѣхъ почестяхъ, которыя оказывала община знатнымъ иностранцамъ, а въ особенности намѣстникамъ и императорамъ, равно какъ членамъ императорскаго дома. Согласно съ духомъ того времени, развилась привычка придавать большую цѣну даже безсодержательнымъ и обязательнымъ изъявленіямъ преданности; она господствовала при императорскомъ дворѣ и въ средѣ римскихъ сенаторовъ хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ сферѣ мелкаго городскаго тщеславія, но все-таки очень замѣтнымъ образомъ; само собою разумѣется, что почести и изъявленія преданности съ теченіемъ времени размножались вслѣдствіе присущей имъ потребности плодиться, и притомъ въ такой мѣрѣ, въ какой это требовалось ничтожествомъ правителей или участвовавшихъ въ управленіи лицъ. Понятно, что при этомъ предложеніе всегда превышало требованія, а тѣ, которые знали настоящую цѣну этихъ изъявленій преданности, и желали отъ нихъ избавиться, были вынуждены отклонять ихъ,—что въ одномъ только случаѣ повторялось довольно часто [1]), но вообще, какъ кажется, случалось рѣдко: небольшое число статуй, воздвигнутыхъ въ честь Тиверія, можетъ быть поставлено въ число славныхъ заслугъ этого императора. Расходы на сооруженіе почетныхъ памятниковъ, часто далеко превосходившіе

---

[1]) Такъ напримѣръ, императоръ Гай, въ своемъ посланіи къ Ахейскому провинціальному собранію, отказывается отъ „множества“ статуй, которыя было рѣшено поставить въ честь его, и довольствуется четырьмя статуями —въ Олимпіи, Немеѣ, Дельфахъ и на Коринѳскомъ перешейкѣ [K e i l. I n s c r. B o e o t. n. 31]. То же собраніе рѣшило поставить въ честь императора Адріана статуи въ каждомъ изъ его городовъ; отъ той изъ нихъ, которая была поставлена въ Абеѣ, въ Мессеніи, сохранился фундаментъ [C. I. G r. 1307]. Для сооруженія такихъ статуй изстари требовалось разрѣшеніе императора.

расходъ на сооруженіе простой статуи, равно какъ издержки на отправку почетныхъ посольствъ [1]) разъѣдали, какъ раковая язва, общинное хозяйство всѣхъ провинцій и постоянно увеличивались. Но конечно ни одна провинція не тратила безъ всякой пользы (сравнительно съ своими денежными средствами) такихъ большихъ суммъ, какъ Эллада — эта родина какъ тѣхъ отличій, которыя раздавались побѣдителямъ на играхъ, такъ и тѣхъ, которыя раздавались внутри общинъ; она стояла въ ту пору недосягаемо выше всѣхъ въ томъ, что касалось лакейскаго смиренія и подданнической преданности.

Торговля и международныя сношенія.—Едва-ли нужно приводить доказательства того, что экономическое положеніе Греціи не было благопріятно. Страна, вообще говоря, пользовалась лишь умѣреннымъ плодородіемъ; земли, годныя подъ пашню, были не обширны; винодѣліе на континентѣ не имѣло большаго значенія, а болѣе всего тамъ занимались разведеніемъ оливковыхъ деревьевъ. Такъ какъ залежи, изъ которыхъ добывался знаменитый мраморъ—и блестящій бѣлый аттическій и зеленый каристскій и многіе другіе,—большею частію составляли казенную собственность, то ихъ разработка императорскими рабами не доставляла большихъ выгодъ мѣстному населенію.—Самымъ промышленнымъ изъ греческихъ округовъ былъ Ахайскій: тамъ удержалась издавна существовавшая фабрикація шерстяныхъ матерій, а въ многолюдномъ городѣ Патрахъ было много прядильныхъ заведеній, на которыхъ выдѣлывались изъ тонкаго элидскаго льна одежды и головныя сѣтки. Искуство и прекрасная обдѣлка были и въ ту пору преимущественно на сторонѣ Грековъ, и изъ тѣхъ глыбъ въ особенности Пентелейскаго мрамора, которыя были употреблены въ дѣло во времена имперіи, должно быть не малая часть была обдѣлана на самомъ мѣстѣ ихъ добыванія. Но свое искуство Греки примѣняли къ дѣлу преимущественно за границей: въ ту пору рѣдко упоминалось о когда-то столь значительномъ вывозѣ греческихъ произведеній искуства. Самыя оживленныя торговыя сношенія велъ лежавшій у двухъ морей Коринѳъ, который, по словамъ одного оратора, служилъ метрополіей для всѣхъ Эллиновъ, и въ которомъ постоянно стекались толпы иностранцевъ. Въ обѣихъ римскихъ колоніяхъ—Коринѳѣ и Патрахъ и сверхъ того

---

[1]) При просмотрѣ городскихъ отчетовъ Византія, Плиній нашолъ, что на отправку особыхъ депутацій къ императору съ поздравленіями по случаю новаго года ежегодно тратилось 12,000 сестерцій [2500 мар.], а для отправки такихъ-же депутацій къ намѣстнику Мезіи—3000 сестерцій [650 мар.] Плиній посовѣтовалъ мѣстнымъ властямъ впредь обращаться съ такими поздравленіями письменно, что и было одобрено Траяномъ [Ep. ad Trai. 43. 44].

въ постоянно наполненныхъ иностранными путешественниками и учащимися Аѳинахъ сосредоточивались самыя большія банкирскія дѣла, которыя во времена имперіи точно такъ-же, какъ и во времена республики, находились большею частію въ рукахъ поселившихся тамъ Италійцевъ. И поселившіеся въ второклассныхъ городахъ— въ Аргосѣ, Елидѣ и Мантинеѣ (въ Пелопоннесѣ) римскіе купцы организовали постоянныя общества рядомъ съ гражданскою общиной. Въ Ахаіи торговля и торговыя сношенія вообще находились въ упадкѣ съ тѣхъ поръ, какъ Родосъ и Делосъ перестали быть складочными мѣстами для торговли между Азіей и Европой и эта торговля перешла въ Италію. Морскіе разбойники были обузданы и сухопутныя сообщенія были до нѣкоторой степени безопасны [1]); но при всемъ этомъ не возвратилось старое счастливое время. О запустѣніи Пирея уже было упомянуто; если одинъ изъ большихъ египетскихъ кораблей, перевозившихъ зерновой хлѣбъ, нечаянно заходилъ туда, сбившись съ пути, то это считалось важнымъ происшествіемъ. Гавань Аргоса—Навплія, которая была самымъ значительнымъ послѣ Патръ приморскимъ городомъ Пелопоннеся,— также была въ запустѣніи [2]).

---

[1]) Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ сухопутныя сообщенія въ Греціи были особенно небезопасны; о томъ, какого рода было восстаніе, вспыхнувшее въ Ахаіи при Піѣ [Vita 5, 4], мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Если въ мелкихъ литературныхъ произведеніяхъ того времени обыкновенно игралъ выдающуюся роль начальникъ разбойниковъ—впрочемъ не всегда греческій начальникъ—то къ этому пособію прибѣгали сочинители плохихъ романовъ во всѣ времена. Эвбейская пустыня, описанная такимъ болѣе изящнымъ писателемъ, какимъ былъ Діонъ, была не разбойничьимъ притономъ; это были развалины большаго помѣстья, владѣлецъ котораго былъ осужденъ императоромъ на казнь за свое богатство и которое съ тѣхъ поръ было заброшено. Но даже для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ разряду ученыхъ, едва-ли нужно доказывать, что эта исторія такъ-же достовѣрна, какъ достовѣрны почти всѣ тѣ исторіи, которыя начинаются заявленіемъ разсказчика, будто онъ ее слышалъ отъ тѣхъ, которые въ ней участвовали; если-бы помѣстье дѣйствительно было конфисковано, то оно поступило-бы въ завѣдываніе государственной казны, а не города, имени котораго разсказчикъ изъ предосторожности и не называетъ.

[2]) Здѣсь будетъ кстати привести выдержку изъ того наивнаго описанія Ахаіи, которое принадлежитъ перу одного египетскаго купца, жившаго во времена Констанція: „Въ странѣ Ахаіи, состоящей изъ Греціи и Лаконіи, много учености, но нѣтъ ничего для удовлетворенія другихъ потребностей, потому что это—„маленькая и гористая провинція, которая производитъ мало хлѣба, даетъ немного оливковаго масла и аттическаго меда и можетъ болѣе всего славиться „своими школами и краснорѣчіемъ, а не въ другихъ отношеніяхъ. Изъ числа „городовъ тамъ есть Коринѳъ и Аѳины. Коринѳъ ведетъ большую торговлю и „имѣетъ прекрасное зданіе—амфитеатръ, но Аѳины имѣютъ старинныя изображенія [historias antiquas] и достойное упоминанія сооруженіе—за-

Дороги.— Сообразно съ этимъ и для дорогъ этой провинціи ничего не было сдѣлано во времена имперіи; римскіе мильные камни были найдены только въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Патръ и отъ Аѳинъ, но и они были поставлены при императорахъ, царствовавшихъ въ концѣ третьяго столѣтія и въ четвертомъ столѣтіи; до того времени римскіе правители, очевидно, ничего не предпринимали тамъ для возстановленія путей сообщенія. Одинъ Адріанъ попытался проложить столько же важную, сколько короткую дорогу между Коринѳомъ и Мегарой черезъ непроходимое Скиронское утесистое ущелье посредствомъ сооруженія громадной. врѣзывавшейся въ море насыпи.

Прорытіе Коринѳскаго перешейка.— О прорытіи Коринѳскаго перешейка издавна шла рѣчь; оно было задумано диктаторомъ Цезаремъ, а впослѣдствіи за него взялись—сначала императоръ Гай, а потомъ Неронъ. Этотъ послѣдній даже лично положилъ начало прорытію канала во время своего пребыванія въ Греціи; за тѣмъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заставлялъ тамъ работать 6000 военно-плѣнныхъ Іудеевъ. При возобновившихся въ наше время работахъ по прорытію канала вышли наружу значительные остатки прежнихъ сооруженій, доказывающія намъ, что когда работы были прекращены, онѣ уже достигли очень значительныхъ результатовъ; онѣ были прекращены, по всему вѣроятію, не вслѣдствіе революціи, вспыхнувшей на западѣ вскорѣ послѣ ихъ начала, а вслѣдствіе того. что тамъ, точно такъ же какъ при прорытіи подобнаго канала въ Египтѣ, ошибочно считали уровень двухъ морей неодинакимъ, и потому опасались, что открытіе канала будетъ причиной гибели острова Эгины и навлечетъ многія другія бѣдствія. Еслибы прорытіе этого канала было доведено до конца, оно, конечно, сократило-бы торговый путь между Азіей и Италіей, но самой Греціи оно не принесло-бы большой пользы.

Эпиръ.—**Никополь.**—Уже было ранѣе замѣчено (стр. 227), что страны, лежащія къ сѣверу отъ Эллады—Ѳессалія, Македонія и, по меньшей мѣрѣ со временъ Траяна, Эпиръ были при императорахъ отдѣлены отъ Греціи въ административномъ отношеніи. Находившеюся въ этомъ числѣ эпирскою провинціей управлялъ импе-

---

„мокъ, въ которомъ стоитъ много статуй, удивительно хорошо изображающихъ „военные подвиги предковъ [u b i m u l t i s s t a t u i s s t a n t i b u s m i r a- „b i l e e s t v i d e r e d i c e n d u m a n t i q u o r u m b e l l u m]. Должно быть, „только въ одной Лаконіи есть Крокейскій мраморъ, который называютъ лаке- „демонскимъ“. Варварскій слогъ этого отрывка долженъ быть поставленъ на счетъ не самого автора, а на счетъ гораздо позднѣйшаго переводчика.

раторскій намѣстникъ втораго ранга, но она никогда не могла поправиться отъ опустошенія, которому подверглась во время третьей македонской войны. Гористая и бѣдная внутренняя часть этой страны не имѣла ни одного значительнаго города и была мало населена. Ея не менѣе пустынные берега Августъ попытался привести въ лучшее положеніе тѣмъ, что окончательно основалъ предположенную Цезаремъ колонію римскихъ гражданъ въ Бутротѣ насупротивъ Керкиры, но эта колонія никогда не могла достигнуть цвѣтущаго состоянія; сверхъ того Августъ основалъ греческій городъ Никополь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира передъ рѣшительной битвой при Акціумѣ, на южной оконечности Эпира, къ сѣверу отъ Превезы, на полуторачасовомъ отъ нея разстояніи; Августъ намѣревался сдѣлать изъ него и прочный памятникъ великой морской побѣды и средоточіе вновь разцвѣтавшей эллинской жизни. Въ качествѣ римскаго города это было въ своемъ родѣ нѣчто новое.

Вмѣсто Амбракіи и амфилохійскаго Аргоса,
Вмѣсто Өирейона и Анакторіона,
Также вмѣсто Левкады и окрестныхъ городовъ,
Неистово повергнутыхъ на земь копьемъ Марса,
Основываетъ Цезарь побѣдный городъ, посвященный властителю
Фебу Аполлону въ благодарность за побѣду при Акціумѣ.

Въ этихъ словахъ современнаго греческаго поэта описано то, что было тамъ сдѣлано Августомъ: всю окрестную страну, южный Эпиръ, насупротивъ лежащую Акарнанію съ островомъ Левкадіей, даже одну часть Этоліи онъ присоединилъ къ городской территоріи; жителей, какіе еще оставались въ тамошней разоренной мѣстности, онъ перевелъ въ новый городъ Никополь, а находившійся насупротивъ города, на берегу Акарнаніи, старинный храмъ Актійскаго Аполлона онъ великолѣпнымъ образомъ возобновилъ и расширилъ. Римскіе города никогда не основывались такимъ образомъ; это былъ Синекизмъ Александридовъ. Точно такимъ-же образомъ изъ соединенныхъ вмѣстѣ и лишенныхъ своей самостоятельности окрестныхъ поселеній царь Кассандръ создалъ македонскіе города Өессалонику и Кассандрію, покоритель городовъ Деметрій—өессалійской городъ Деметрію, Лизимахъ—на өракійскомъ Херсонесѣ городъ Лизимахію. Соотвѣтственно греческому характеру своего основанія, Никополь, по мысли Августа, долженъ былъ сдѣлаться большимъ греческимъ городомъ [1]).

---

[1]) Когда Тацитъ [лѣт. 5, 10] называетъ Никополь colonia Romana, то хотя это выраженіе недостаточно ясно, нельзя сказать, чтобъ оно было совершенно невѣрно; но совершенно ошибочно выраженіе Плинія [Hist. Nat. 4, 1, 5] colonia Augusti Actium cum.... civitate libera Nicopolitana,—потому что Актій былъ такъ-же мало городомъ, какъ и Олимпія,

Онъ получилъ вольности и автономію, наравнѣ съ Аѳинами и Спартой и, — какъ уже было ранѣе замѣчено, — долженъ былъ располагать пятою частію всѣхъ голосовъ въ состоявшей изъ представителей всей Эллады амфиктіоніи, но съ тѣмъ, чтобъ, подобно Аѳинамъ, не передавалъ этихъ голосовъ другимъ городамъ (стр. 226). Новое Актійское святилище Аполлона было устроено совершенно по образцу Олимпіи — съ установленнымъ разъ въ четыре года празднествомъ, которое даже носило названіе олимпійскаго на ряду съ своимъ собственнымъ, съ одинакимъ рангомъ и одинакими привилегіями; оно даже имѣло свои Актіады, подобно тому какъ Олимпія имѣла свои Олимпіады [1]); городъ Никополь занималъ въ отношеніи къ нему такое-же положеніе, какое занималъ городъ Элида въ отношеніи къ олимпійскому храму [2]). При установленіи какъ городскихъ учрежденій, такъ и религіозныхъ порядковъ тщательно избѣгали всего, что было по своей сущности италійскимъ, — такъ сильно было желаніе дать римское устройство побѣдному городу, основаніе котораго было такъ тѣсно связано съ основаніемъ имперіи. Кто взвѣситъ въ совокупности все, что было сдѣлано Августомъ въ Элладѣ и въ особенности этотъ замѣчательный угловой камень предпринятаго имъ сооруженія, тотъ непремѣнно придетъ къ убѣжденію, что Августъ считалъ возможнымъ переустройство Эллады подъ охраной римскаго верховенства и хотѣлъ совершить это переустройство. По меньшей мѣрѣ удачно было выбрано для этого мѣсто, такъ какъ въ ту пору Патры еще не были основаны и на всемъ западномъ берегу Греціи не было болѣе значительнаго города. Но Августъ не достигъ того, что замышлялъ въ началѣ своего единодержавія, и даже быть можетъ вполнѣ отъ этого отказался впослѣдствіи, когда далъ Патрамъ

---

[1]) Ὁ ἀγὼν Ὀλύμπιος τὰ Ἄκτια: Страбонъ 7, 7, 6, стр. 325. Ἀκτιάς: Josephus, Bell. 1, 20. 4. Чаще употребляется слово Ἀκτιονίκης. Такъ какъ четыре большихъ греческихъ національныхъ празднества, какъ извѣстно, назывались ἡ περίοδος, а увѣнчанный на всѣхъ четырехъ побѣдитель назывался περιοδονίκης, то [C. I. Gr. 4472] и къ Никопольскимъ общественнымъ играмъ присовокупляютъ τῆς περιόδου, а тѣ періоды называютъ старыми [ἀρχαῖα]. Подобно тому, какъ состязанія на играхъ чаще называются ἰσολύμπια, то встрѣчаются также ἀγὼν ἰσάκτιος [C. I. Gr. 4472] или certamen ad exemplar Actiacae religionis [Тацитъ, Ann. 15, 23].

[2]) Поэтому одинъ Никопольскій житель называетъ себя ἄρχων τῆς ἱερᾶς Ἀκτιακῆς βουλῆς [Delphi; Rhein. Mus. N. F. 2, 111], подобно тому, какъ въ Элидѣ говорится ἡ πόλις Ἠλείων καὶ ἡ Ὀλυμπικὴ βουλή [Arch. Zeit. 1876, стр. 57; тамъ-же 1877, стр. 40, 41 и въ другихъ мѣстахъ]. Впрочемъ Спартанцамъ, какъ единственнымъ Эллинамъ, принимавшимъ участіе въ актійской побѣдѣ, было поручено руководительство [ἐπιμέλεια] актійскихъ игръ [Страбонъ 7, 7, 6, стр. 325]; объ ихъ отношеніяхъ къ никопольской βουλὴ Ἀκτιακή мы ничего не знаемъ.

внѣшнюю форму римской колоніи. Никополь,—какъ это доказываютъ его обширныя развалины и многочисленныя монеты,—оставался сравнительно населеннымъ и цвѣтущимъ городомъ [1]), но его граждане, какъ кажется, не играли выдающейся роли ни въ сферѣ торговли и промышленности, ни въ какой-либо другой. Сѣверный Эпиръ который подобно смежному съ нимъ, принадлежавшему къ Македоніи Иллирику, былъ населенъ большею частію албанскими племенами и не былъ присоединенъ къ Никополю, находился во времена имперіи почти въ такомъ-же первобытномъ состояніи, въ какомъ находится до настоящаго времени. «Эпиръ и Иллирикъ»—говоритъ Страбонъ,—«представляютъ большею частію пустыню; если гдѣ и встрѣчаются «люди, то они живутъ въ деревняхъ и среди развалинъ старыхъ «городовъ; святилище Додонскаго оракула»,—которое было разорено Ѳракійцами во время войны Римлянъ съ Митридатомъ,—«также исчезло, какъ и все остальное» [2]).

Ѳессалія.—Ѳессалія, которая была такой-же чисто-эллинской страной, какъ Этолія и Акарнанія, была въ административномъ отношеніи отдѣлена во времена имперіи отъ провинціи Ахаіи и находилась подъ управленіемъ намѣстника Македоніи. Что было сказано о сѣверной Греціи, можетъ быть отнесено и къ Ѳессаліи. Свобода и автономія, которыя Цезарь даровалъ вообще всѣмъ Ѳессалійцамъ или только не отнялъ у нихъ, повидимому были отняты Августомъ въ наказаніе за злоупотребленія, такъ что эти права впредь удержали за собою только жители Фарсала [3]); римскіе колонисты не

---

1) Описаніе упадка, въ которомъ онъ находился во времена Констанція [Paneg. 11, 9], можетъ быть принято за доказательство совершенно противнаго по отношенію къ болѣе отдаленнымъ временамъ имперіи.

2) Это подтвердили раскопки, произведенныя въ Додонѣ: всѣ найденныя тамъ вещи, за исключеніемъ нѣсколькихъ монетъ, принадлежатъ къ болѣе ранней эпохѣ, нежели римское владычество. Впрочемъ было также открыто реставрированное зданіе, но время его сооруженія нельзя опредѣлить съ точностью; оно, быть можетъ, относится къ гораздо позднѣйшей эпохѣ. Когда Адріанъ, призванный Ζεύς Δωδωναῖος [C. 1, Gr. 1822], посѣтилъ Додону [Dürr, Reisen Hadrians, стр. 56], онъ былъ тамъ въ качествѣ археолога. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобъ во времена имперіи кто-либо, за исключеніемъ императора Юліана, обращался за совѣтами къ додонскому оракулу; но и то, что говорится о Юліанѣ, мало правдоподобно [Theodoretus, Hist. Eccl. 3, 21].

3) О распоряженіи Цезаря свидѣтельствуютъ Аппіанъ Bel. Civ. 2, 88 и Плутархъ Caes. 48 и оно вполнѣ согласно съ его собственнымъ разсказомъ Bel. Civ. 3, 80; напротивъ того, по словамъ Плинія, Hist. Nat. 4, 8, 29, одинъ Фарсалъ былъ свободнымъ городомъ. Во времена Августа, знатный Ѳессаліецъ Петрей [вѣроятно принадлежавшій къ числу приверженцевъ Цезаря Bell. Civ. 3, 35] былъ сожженъ живымъ [Плутархъ, Praec. ger. reip. 19] безъ сомнѣнія

селились въ этой странѣ. Особый провинціальный сеймъ въ Ларисѣ не былъ закрытъ, и какъ зависимымъ Грекамъ въ Ахаія, такъ и Ѳессалійцамъ было оставлено ихъ городское самоуправленіе. Ѳессалія издавна считалась самой плодородной страной на всемъ полуостровѣ, и еще въ четвертомъ столѣтіи отправляла за границу зерновой хлѣбъ; тѣмъ не менѣе Діонъ говорилъ о Прузѣ, что даже Пеней течетъ по пустынной мѣстности, а во времена имперіи тамъ чеканили монету лишь въ очень небольшомъ размѣрѣ. Адріанъ и Діоклетіанъ старались улучшить тамошніе пути сообщенія, но—сколько намъ извѣстно—изъ всѣхъ римскихъ императоровъ они одни объ этомъ заботились.

Македонія.—Македонія, какъ административный округъ временъ имперіи, была гораздо менѣе обширна, нежели Македонія временъ республики. Впрочемъ, подобно этой послѣдней, она простиралась отъ одного моря до другаго, и къ этому округу были присоединены какъ берега Эгейскаго моря отъ принадлежавшей къ Македоніи ѳессалійской территоріи до устьевъ Неста (Месты), такъ и берега Адріатическаго моря отъ Ааоса [1]) до Дрилона (Дрина); эта послѣдняя область въ сущности была не македонской, а иллирійской страной, но уже во времена республики была подчинена намѣстнику Македоніи и во времена имперіи также была оставлена при этой провинціи. Но о томъ, что отъ этой послѣдней были отдѣлены греческія страны, лежащія къ югу отъ Эты, уже было говорено ранѣе. Сѣверная граница со стороны Мезіи и восточная граница со стороны Ѳракіи оставались въ прежнемъ положеніи въ томъ смыслѣ, что эта провинція простиралась во времена имперіи такъ-же далеко, какъ и собственная Македонія при республикѣ, то-есть простиралась къ сѣверу почти до долины Эригона, а къ востоку до рѣки Неста; но во времена республики, Дарданы, Ѳракійцы и другіе племена, жившія въ сосѣдствѣ съ македонской территоріей къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ нея, вступали то въ мирныя, то въ враждебныя соприкосновенія съ тамошнимъ намѣстникомъ, и можно было основательно утверждать, что границы Македоніи простирались такъ-же далеко, какъ далеко проникало римское копье,—а во времена имперіи намѣстникъ Македоніи управлялъ такимъ округомъ, съ кото-

---

не какимъ-нибудь преступникомъ, а по приговору сейма, и Ѳессалійцы должны были предстать передъ императорскимъ судомъ [Светон. *Тиб.* 8]. Эти оба происшествія, равно какъ утрата свободы, вѣроятно, находятся въ связи между собою.

[1]) При республикѣ, Скодра, какъ кажется, принадлежала къ Македоніи; во времена имперіи и она и Лиссъ были далматскими городами, а прибрежной границей было устье Дрина.

рымъ не соприкасались владѣнія вполнѣ или полу-независимыхъ племенъ. Такъ какъ охрана границы была вскорѣ возложена и поступившее въ зависимость отъ Рима ѳракійское государство вслѣдъ за тѣмъ на намѣстника новой провинціи Мезіи, то намѣстник Македоніи былъ впредь уволенъ отъ военнаго командованія. На македонской территоріи рѣдко велись войны во времена имперіи; тольк варварскіе Дарданы, жившіе на верхнемъ Аксіѣ (Вардарѣ), иногд опустошали мирную провинцію. О мѣстныхъ въ ней возстаніяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Эта самая сѣверная изъ греческихъ областей не похожа на южныя ни по своей національной основѣ, ни по степени своей цивилизаціи. Хотя собственно такъ-называемые Македоняне, жившіе у низовьевъ Аліакмона (Вистрицы) и Аксія (Вардара) вплоть до Стримона, были по своему происхожденію греческимъ племенемъ, отличавшимся отъ жившихъ на югѣ Эллиновъ такими особенностями, которыя уже не имѣютъ для теперешней эпохи никакого значенія, и хотя эллинская колонизація вовлекла въ свою сферу оба берега вмѣстѣ съ Аполлоніей и Диррахіемъ на востокѣ, и вмѣстѣ съ поселеніями полуострова Халкидики на востокѣ, но внутренность провинціи, напротивъ того, была наполнена смѣсью негреческихъ племенъ, положеніе которой отличалось отъ теперешняго положенія тѣхъ-же странъ болѣе по своимъ элементамъ, нежели по добытымъ результатамъ. Послѣ того, какъ проникшее дотуда кельтское племя Скордисковъ было оттиснуто назадъ полководцами римской республики, во внутренней Македоніи размѣстились: на западѣ и на сѣверѣ преимущественно иллирійскія племена, а на востокѣ—ѳракійскія. И о тѣхъ и о другихъ уже было говорено ранѣе; здѣсь они останавливаютъ на себѣ вниманіе только тѣмъ, что греческое или, по меньшей мѣрѣ, городское устройство было введено у этихъ племенъ лишь въ ограниченномъ размѣрѣ какъ въ болѣе раннюю пору, такъ и во времена имперіи [1]). Во внутренность Македоніи никогда не проникало энергическое стремленіе къ развитію городскихъ учрежденій, а самыя отдаленныя поселенія никогда на самомъ дѣлѣ не заходили далѣе устройства деревенскаго хозяйства.—Греческая политія не развилась въ этой царственной странѣ сама собою, какъ въ собственной Элладѣ, а была введена ея правителями, которые

---

[1]) Въ этихъ странахъ,—за исключеніемъ собственной Македоніи,—городскія учрежденія имѣютъ вполнѣ характеръ настоящихъ колоній: таковы были городскія учрежденія въ Филиппахъ, въ странѣ Ѳракійцевъ, и въ особенности въ Дерріопѣ, въ Пеоніи [Лив. 39, 53]; для этой послѣдней мѣстности указаны въ надписи и спеціально македонскіе Политархи [надпись 197 года послѣ Р. Х.: τῶν περὶ Ἀλέξανδρον Φιλίππου ἐν Δερριόπῳ πολιταρχῶν, Duchesne et Bayet, Mission au mont Athos, стр. 103].

были Эллинами гораздо болѣе, нежели ихъ подданные. Какую форму приняла тамъ эта политія, намъ мало извѣстно; однако городовое управленіе Политарховъ, одинаково возобновляющееся и въ Өессалоникѣ и въ Эдессѣ и въ Летѣ, но не встрѣчающееся ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, заставляетъ полагать, что между македонскимъ городскимъ устройствомъ и тѣмъ, которое обыкновенно встрѣчается въ Элладѣ, существовала рѣзкая и сама по себѣ правдоподобная разница. Греческіе города, существовавшіе во время утвержденія римскаго владычества, удержали свое внутреннее устройство и свои права, а самый важный изъ нихъ — Өессалоника даже сохранилъ свою свободу и свою автономію. Подобно тому, какъ это было въ Ахаіи и въ Өессаліи, македонскіе города вступали между собой въ союзъ и имѣли свой сеймъ (κοινόν). Какъ доказательство устойчивости воспоминаній о прошломъ величіи, достоинъ упоминанія тотъ фактъ, что даже въ половинѣ третьяго столѣтія послѣ Р. Х. македонскій сеймъ и нѣкоторые македонскіе города чеканили монеты, на которыхъ голова и имя царствующаго императора замѣнялись головой и именемъ Александра Великаго. Основанныя Августомъ въ Македоніи довольно многочисленныя колоніи римскихъ гражданъ — Биллида неподалеку отъ Аполлоніи, Диррахій на берегу Адріатическаго моря, Діумъ, Пелла, Кассандрія — на другомъ берегу этого моря, Филиппы на территоріи, въ сущности принадлежавшей къ Өракіи — всѣ были старые греческіе города, получившіе лишь нѣсколько новыхъ гражданъ и иное правовое положеніе, и вызванные къ жизни главнымъ образомъ необходимостью доставить въ цивилизованной и не густо населенной провинціи мѣста для поселеній тѣмъ выслужившимъ свой срокъ италійскимъ солдатамъ, для которыхъ уже не было свободныхъ мѣстъ въ самой Италіи. И дарованіе италійскихъ правъ гражданства состоялось безъ сомнѣнія только потому, что желали сдѣлать для ветерановъ болѣе привлекательнымъ переселеніе въ чужую страну. Что Македонію никогда не намѣревались включить въ сферу развитія италійской культуры, видно между прочимъ и изъ того, что Өессалоника осталась греческимъ городомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ городомъ страны. Наряду съ Өессалоникой процвѣли и Филиппы, которые были основаны собственно для разработки близълежащей золотой руды, но пользовались милостивымъ расположеніемъ императоровъ, потому что тамъ происходила битва, окончательно упрочившая монархію, и потому, что тамъ жило много ветерановъ, принимавшихъ участіе въ этой битвѣ и впослѣдствіи тамъ поселенныхъ. Римское, а не колоніальное, общинное устройство получилъ еще въ первыя времена имперіи Стоби — уже ранѣе упомянутый сѣверный пограничный городъ Македоніи со стороны Мезіи, стоявшій при впаденіи Эригона въ Аксій; это былъ важный пунктъ какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи; онъ

достигъ греческой политіи, вѣроятно, еще во времена могуществ Македонянъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи для Македоніи также было немног сдѣлано римскимъ правительствомъ при императорахъ; по крайне мѣрѣ ни въ чемъ не видно ихъ особой заботливости объ этой про винціи, не находившейся подъ ихъ собственнымъ управленіемъ. военной дорогѣ, которую еще при республикѣ начали проводить черезъ всю страну изъ Диррахія въ Ѳессалонику и которая была одним изъ самыхъ важныхъ путей сообщенія во всей имперіи, стали сво заботиться, сколько намъ извѣстно, только императоры третьяго сто лѣтія и прежде всѣхъ Северъ Антонинъ; находившіеся вблизи от нея города Лихнидъ на Охридскомъ озерѣ и Гераклея Линкестска (Битолія) никогда не имѣли большаго значенія. Тѣмъ не менѣе в хозяйственномъ отношеніи Македонія находилась въ лучшемъ поло женіи, нежели Греція. Она далеко превосходитъ Грецію плодородіем своей почвы; какъ въ настоящее время ѳессалоникская провинці относительно хорошо отстроена и довольно густо населена, такъ и въ описаніи имперіи во времена Констанція. въ то время, какъ уж существовалъ Константинополь, Македонія была отнесена къ числ самыхъ богатыхъ округовъ. Между тѣмъ какъ дошедшіе до нас документы о наборѣ для римской арміи рекругъ, просто умалчива ютъ объ Ахаіи и о Ѳессаліи, они напротивъ того доказываютъ, чт эти наборы. въ особенности для императорской гвардіи, производилис въ Македоніи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели въ большей части другихъ греческихъ провинцій; при этомъ, конечно, слѣдует принимать въ соображеніе привычку Македонянъ къ регулярной во енной службѣ и ихъ особенныя способности къ такой службѣ, равн какъ сравнительно незначительное въ этой провинціи развитіе город скаго устройства. Ѳессалоника, которая была метрополіей провинці и самымъ населеннымъ и самымъ промышленнымъ изъ ея городов и вмѣстѣ съ тѣмъ родиной многихъ извѣстныхъ писателей, занял почетное мѣсто и въ политической исторіи, благодаря мужественном сопротивленію, которое было оказано (стр. 220) ея гражданам варварамъ въ страшную эпоху готскихъ нашествій.

Ѳракія.—Если Македонія была полу-греческой страной, то Ѳракі была страной вовсе не греческой. О великомъ ѳракійскомъ племени отъ котораго до насъ ничего не осталось, уже было говорено рань (стр. 183). Эллинизмъ проникъ въ его сферу только извнѣ и потом не лишнимъ будетъ предварительно указать, какъ часто эллинизм стучался у дверей этой южной страны, находившейся во власт ѳракійскаго племени и до сихъ поръ сохранившей за собою его имя и какъ незначительны были его успѣхи внутри страны; тогда тольк для насъ станетъ ясно, что̀ приходилось Риму тамъ наверстыват

и что онъ тамъ наверсталъ. Отецъ Александра, Филиппъ впервые покорилъ Ѳракію и основалъ не только по близости отъ Бизантія Калибъ, но и внутри страны городъ, который съ тѣхъ поръ носитъ его имя. Александръ, который и тамъ заранѣе проводилъ римскую политику, достигъ Дуная, даже перешолъ его, и сдѣлалъ эту рѣку сѣверной границей своихъ владѣній; при покореніи Азіи Ѳракійцы играли въ его арміи не послѣднюю роль. Послѣ его смерти можно было ожидать, что Геллеспонтъ сдѣлается однимъ изъ великихъ центровъ, вокругъ котораго будутъ группироваться вновь основанныя государства, что обширныя пространства оттуда до Дуная [1]) сдѣлаются сѣверной частію греческаго государства, и что резиденціи бывшаго намѣстника Ѳракіи Лизимаха, вновь основанному на берегу Ѳракійскаго Херсонеса городу Лизимахіи предстоитъ такая-же будущность, какая выпала на долю резиденцій маршаловъ сирійскаго и египетскаго. Однако не то вышло на самомъ дѣлѣ; самостоятельность этого государства не пережила паденія его перваго властителя (281 г. до Р. Х., 473 г. отъ основ. Рима). Въ теченіе тѣхъ ста лѣтъ, которые протекли съ тѣхъ поръ до утвержденія римскаго владычества на востокѣ, европейскими владѣніями Лизимаха пытались завладѣть то Селевкиды, то Птолемеи, то Атталиды, но никто изъ нихъ не имѣлъ прочнаго успѣха. Государство Тилія близъ Гема, основанное Кельтами на мезійско-ѳракійской территоріи вскорѣ послѣ смерти Александра и почти одновременно съ ихъ прочнымъ поселеніемъ въ Малой Азіи, уничтожило сѣмена греческой цивилизаціи въ сферѣ своего владычества и само не устояло во время Аннибаловской войны противъ нападеній Ѳракійцевъ, которые истребили всѣхъ этихъ пришельцевъ до послѣдняго человѣка. Съ тѣхъ поръ во Ѳракіи не было никакой руководящей власти; отношенія между греческими приморскими городами и князьями отдѣльныхъ племенъ, похожія на тѣ, какія существовали до Александра, объясняютъ намъ то, что говоритъ Полибій о самомъ значительномъ изъ этихъ городовъ: гдѣ Бизантійцы сѣяли, тамъ собирали жатву ѳракійскіе варвары и отъ этихъ послѣднихъ нельзя было отдѣлаться ни мечомъ ни золотомъ; если граждане убьютъ одного изъ князей, то за это трое другихъ вторгнутся на ихъ территорію, а если они откупятся отъ одного изъ князей, пятеро другихъ потребуютъ такой-же ежегодной дани. Стараніямъ позднѣйшихъ македонскихъ властителей снова стать твердою ногою во Ѳракіи и въ особенности завладѣть южными греческими приморскими городами, Римляне противодѣйствовали частію для того, чтобъ вообще сдерживать развитіе македонскаго могущества, частію для того, чтобъ не попала на всемъ своемъ протяженіи въ руки

[1]) Что и для Лизимаха Дунай служилъ границей его владѣній, видно изъ того, что говоритъ Павзаній 1. 9, 6.

Македонян та важная, ведущая на востокъ «царская дорога», п которой Ксерксъ шолъ въ Грецію и по которой Сципіоны шли про тивъ Антіоха. Уже послѣ битвы при Кинокефалахъ погранична линія была проведена тамъ, гдѣ она съ тѣхъ поръ и оставалась Оба послѣднихъ македонскихъ властителя все-таки чаще пыталис или прямо подчинить себѣ Ѳракію или привязать къ себѣ ѳракій скихъ князей по одиночкѣ путемъ договоровъ; послѣдній Филипп даже снова завладѣлъ Филиппополемъ и поставилъ тамъ гарнизонъ, который, конечно, былъ скоро выгнанъ оттуда Одрисами. Ни онъ ни его сынъ не могли прочно тамъ утвердиться, а независимость, которую Римъ даровалъ Ѳракійцамъ послѣ распаденія Македоніи, уничтожила и тѣ эллинскіе зачатки, какіе еще могли тамъ оставаться. Сама Ѳракія сдѣлалась римскимъ вассальнымъ княжествомъ частію еще во времена республики и болѣе рѣшительнымъ образомъ при императорахъ, а потомъ, въ 46 году послѣ Р. Х. была обращена въ римскую провинцію (стр. 186); но эллинизированіе страны не заходило далѣе основанія греческихъ колоній, которыя еще въ болѣе раннюю пору заводились у этихъ береговъ и, съ теченіемъ времени скорѣе приходили въ упадокъ, нежели разцвѣтали. Насколько сильно и прочно захватывала македонская колонизація востокъ, настолько слабо и не прочно проникала она во Ѳракію; даже Филиппъ и Александръ, по видимому, неохотно заводили въ этой странѣ колоніи и не придавали имъ большой цѣны [1]. Въ той мѣрѣ, въ какой страна оставалась даже во времена имперіи въ рукахъ туземнаго населенія, оставались безъ всякой опоры внутри страны и приморскіе греческіе города, почти всѣ пришедшіе въ упадокъ.

Очень неравно былъ сплетенъ этотъ вѣнокъ изъ греческихъ городовъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ между македонской границей и Таврическимъ Херсонесомъ. Онъ густъ на югѣ отъ Абдеры до Бизантія и Дарданеллъ; но выдающаго значенія не пріобрѣлъ съ теченіемъ времени ни одинъ изъ этихъ городовъ за исключеніемъ Бизантія, который устоялъ даже въ самыя трудныя времена эллинской анархіи, благодаря плодородію своей территоріи, прибыльной ловлѣ скумбры, необыкновенно выгодному для торговли географическому положенію, и какъ промышленной предпріимчивости своихъ жителей, такъ и ихъ мужеству, лишь развивавшемуся и пріобрѣ-

[1]) Калибъ вблизи Бизантія возникъ, по словамъ Страбона [7, 6, 2, стр. 320] Φιλίππου τοῦ Ἀμύντου τοὺς πονηροτάτους ἐνταῦθα ἱδρύσαντος. Филиппополь, по словамъ Ѳеопомпа [fr. 122, Müller], даже былъ основанъ въ качествѣ Πονηρόπολις и получилъ, соотвѣтственно этому характеру, колонистовъ. Какъ ни мало довѣрія заслуживаютъ эти указанія, они въ своей совокупности все-таки придаютъ этимъ поселеніямъ характеръ Ботани-Бея.

тавшему прочный закалъ въ виду опасностей, которыя ихъ окружали. Гораздо слабѣе развивалась колонизація на западныхъ берегахъ Чернаго моря; на той части этихъ береговъ, которая впослѣдствіи принадлежала къ римской провинціи Ѳракіи, сколько-нибудь значительнымъ городомъ была только Месембрія, а на той части, которая впослѣдствіи принадлежала къ Мезіи — выдѣлялись лишь Одессъ (Варна) и Томида (Кюстендже). По ту сторону устьевъ Дуная и римской государственной границы, на сѣверныхъ берегахъ Понта находились внутри варварскихъ странъ Тира [1]) и Ольбія; далѣе, въ теперешнемъ Крыму, эту нить замыкали старинные и большие греческіе торговые города Гераклея или Херсонесъ и Пантикапея. Всѣ эти колоніи пользовались римскимъ покровительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ Римляне утвердили свое верховенство на греко-азіятскомъ континентѣ, и та же мощная рука, которая нерѣдко ложилась тяжелымъ бременемъ на чисто-эллинскія страны, по меньшей мѣрѣ предотвратила здѣсь такія катастрофы, какъ разрушеніе Лизимахіи. Охрана этихъ Грековъ была возложена во времена республики частію на намѣстника Македоніи и частію на намѣстника Виѳиніи съ тѣхъ поръ какъ эта послѣдняя также подпала подъ власть Римлянъ; Византій впослѣдствіи принадлежалъ къ Виѳиніи [2]); впрочемъ онъ поступилъ подъ римскую охрану во времена имперіи послѣ учрежденія намѣстничествъ сначала мезійскаго, а потомъ ѳракійскаго.

Защиту и благоволеніе Римъ оказывалъ этимъ Грекамъ издавна; но о распространеніи тамъ эллинизма Римляне не заботились ни при республикѣ ни въ первыя времена имперіи [3]). Послѣ того, какъ

---

[1]) Однако, бессарабская сѣверная пограничная линія, которая быть можетъ была проведена Римлянами, доходила до Тиры [стр. 200].

[2]) Что Византій находился еще во времена Траяна подъ властію намѣстника Виѳиніи, видно изъ словъ Плинія ad Trai. 43. Поздравленія, съ которыми жители Византія обращались къ легатамъ Мезіи, не могутъ считаться доказательствомъ того, что Византій былъ подчиненъ мезійскому намѣстничеству; такая подчиненность едва-ли была возможна; обращенія къ мезійскому намѣстнику объясняются торговыми сношеніями Византія съ мезійскими торговыми городами. Что Византій еще въ 53 году находился подъ сенатскимъ управленіемъ и стало быть не принадлежалъ къ Ѳракіи, видно изъ словъ Тацита, *Лѣтоп.* 12, 62. Что во времена республики этотъ городъ принадлежалъ къ Македоніи, Цицеронъ не утверждаетъ [in Pis. 35, 86. de Prov. Cons. 4, 6], такъ какъ Византій былъ въ ту пору свободнымъ городомъ. Его свобода, по видимому точно такъ-же какъ и свобода Родоса, часто давалась и часто отнималась. Цицеронъ [въ выше указан. м.] считаетъ его свободнымъ; въ 53 году онъ уплачивалъ дань; Плиній [Hist. Nat. 4, 11, 46] называетъ его вольнымъ городомъ; Веспасіанъ отнимаетъ у него свободу [Свет., *Весп.* 8].

[3]) Это видно изъ того, что во внутреннихъ городахъ Ѳракіи не было най-

Θракія сдѣлалась римской провинціей, она была раздѣлена на округи [1]) и почти до конца перваго столѣтія тамъ не было вновь основанныхъ городовъ за исключеніемъ двухъ колоній Клавдія и Веспасіана—Апри, основанной внутри страны неподалеку отъ Перинѳа и Деульта на сѣверномъ берегу [2]). Домиціанъ началъ съ того, что сталъ вводить внутри страны греческое городское устройство—прежде всего въ главномъ городѣ провинціи Филиппополѣ. При Траянѣ получили городское право многія другія ѳракійскія поселенія: Топеиръ неподалеку отъ Абдеры, Никополь на Нестѣ, Плотинополь на Гебрѣ, Павталія подлѣ Кёстендиля, Сердика—теперешняя Софія, Augusta Traiana подлѣ Старой Загоры, второй Никополь на сѣверномъ склонѣ Гема [3]), сверхъ того—на берегу моря Траяно-

---

дено такихъ монетъ, которыя по металлу и по внѣшней формѣ могли-бы быть отнесены къ болѣе отдаленнымъ временамъ. Если уже въ довольно раннюю пору чеканили монету нѣкоторые изъ ѳракійскихъ и въ особенности одрисскихъ князей, то этимъ доказывается только то, что эти князья владѣли прибрежными городами съ греческимъ или полугреческимъ населеніемъ. Точно то-же можно сказать о тѣхъ тетрадрахмахъ Θракійцевъ, которыя представляютъ совершенно отрывочное явленіе [Sallet num. Zeitschrift 3, 241].—И всѣ найденныя внутри Θракіи надписи принадлежатъ ко временамъ римскаго владычества. Декретъ какого-то неназваннаго по имени города, найденный Дюмономъ [Inscr. de la Thrace, стр. 7] въ Бессапарѣ, теперешнемъ Татаръ-Базарджикѣ, къ западу отъ Филиппополя, конечно, долженъ быть отнесенъ ко временамъ македонскаго владычества,—но только судя по характеру письма, который, быть можетъ, обманчивъ.

1) Пятьдесятъ ѳракійскихъ стратегій [Плиній, Hist. Nat. 4, 11, 40; Птолемей, 3, 11, 6] были не военными округами, а — какъ это ясно видно изъ словъ Птолемея,—деревенскими округами, которые совпадали съ мѣстами жительства различныхъ племенъ [στρατηγία Μαιδική, Βεσσική и т. д.] и представляли противоположность съ городами. Названіе στρατηγός, точно такъ-же, какъ и названіе praetor съ теченіемъ времени утратили свое первоначальное военное значеніе. Здѣсь въ основѣ лежалъ такой-же принципъ, какъ и въ Египтѣ—раздѣленіе на городскіе округи, управлявшіеся городскими должностными лицами, и на деревенскіе округи, управлявшіеся стратегами. Въ Eph. epigr., стр. 252 есть στρατηγὸς Ἀστικῆς περὶ Πέρινθον изъ временъ римскаго владычества.

2) Въ Деультѣ, — этой colonia Flavia Pacis Deultensium,—были пристроены ветераны 8-го легіона [C. I. L. VI, 3828]. Флавіополь на берегу Херсонеса,—древняя Coela,—конечно, не былъ колоніей [Плиній, 4. 11, 47], а былъ своеобразнымъ поселеніемъ императорской домашней прислуги на казенной землѣ [Eph. epigr. V, стр. 82].

3) Этотъ городъ называется у Птолемея 3, 11, 7, Νικόπολις ἡ περὶ Αἷμον, а на монетахъ Νικοπολις πρὸς Ἴστρον; это—теперешній Никупъ на Янтрѣ; по своему географическому положенію онъ принадлежалъ къ Нижней Мезіи, а со временъ Севера онъ принадлежалъ къ ней и въ админи-

поль у устьевъ Гебра, и потомъ, при Адріанѣ, Адріанополь, до сихъ поръ сохранившій свое прежнее имя. Всѣ эти города были не колоніи иноземцевъ, а политіи, соединенныя вмѣстѣ и по-гречески организованныя по тому образцу, который былъ указанъ Августомъ въ устройствѣ эпирскаго Никополя; это было цивилизированіе и эллинизированіе провинціи сверху внизъ. Съ тѣхъ поръ въ Филиппополѣ существовалъ ѳракійскій сеймъ точно такъ же, какъ и въ собственно греческихъ странахъ. И это влеченіе къ эллинизму не было изъ самыхъ слабыхъ. Страна богата и привлекательна — одна изъ монетъ города Павталіи превозноситъ многообразное благодатное обиліе жатвы, винограда, серебра и золота; а Филиппополь и прекрасная долина Тунджи—настоящая отчизна розъ и розоваго масла; по всему видно, что страна не утратила своей ѳракійской самобытности. Тамъ развилось густое и жившее въ достаткѣ населеніе; о томъ, какъ много рекрутъ давала Ѳракія, уже было упомянуто ранѣе, а по дѣятельности городскихъ монетныхъ дворовъ въ ту пору было немного мѣстностей, которыя могли-бы равняться съ Ѳракіей. Когда Филиппополь былъ взятъ въ 251 году Готами (стр. 213), въ немъ считалось сто тысячъ жителей. Энергія, съ которой жители Византія вступились за повелителя греческаго востока Песценнія Нигера, и многолѣтнее сопротивленіе, которое они оказывали побѣдителю даже послѣ паденія Нигера, служатъ доказательствомъ того, какими средствами и какимъ мужествомъ обладали эти ѳракійскіе города. Хотя Византійцы были на этотъ разъ побѣждены и на нѣкоторое время лишились своихъ городскихъ правъ, но благодаря разцвѣтанію ѳракійскихъ странъ уже приближалось то время, когда Византій долженъ былъ сдѣлаться новымъ эллинскимъ Римомъ и главнымъ центромъ преобразованной имперіи.

Нижняя Мезія. — Томида и лѣво-понтійскій городской союзъ. — Въ сосѣдней провинціи Нижней Мезіи такое-же развитіе совершилось, конечно, въ меньшемъ размѣрѣ. Греческіе приморскіе города, для которыхъ метрополіей служила, по меньшей мѣрѣ при римскомъ владычествѣ, Томида, были соединены, вѣроятно въ то время, какъ была организована римская провинція Мезія, въ «союзъ пяти го-

---

стративномъ отношеніи, какъ это доказываютъ имена намѣстниковъ на монетахъ; но не только Птолемей причисляетъ его къ Ѳракіи, и мѣста нахожденія Адріановскихъ пограничныхъ межевыхъ камней [C. I. L. III, 736, сравн. стр. 992], по видимому, также относятъ его къ Ѳракіи. Такъ какъ эта греческая внутренняя страна не подходила ни къ латинскимъ городскимъ общинамъ Нижней Мезіи, ни къ κοινον мезійскаго Понта, то при введеніи первоначальнаго устройства была причислена къ κοινὸν Ѳракійцевъ. Впослѣдствіи она, безъ сомнѣнія, примкнула къ тому или къ другому изъ тѣхъ мезійскихъ городскихъ союзовъ.

родовъ лѣваго берега Чернаго моря», также называвшійся союзомъ «Грековъ», то-есть тѣхъ Грековъ, которые жили въ этой провинціи. Впослѣдствіи къ этому союзу примкнулъ, въ качествѣ шестаго города, Маркіанополь, основанный Траяномъ неподалеку отъ морскаго берега на ѳракійской границѣ и устроенный, подобно ѳракійскимъ городамъ, по греческому образцу [1]). Уже было замѣчено ранѣе, что лагерные города на берегахъ Дуная и вообще всѣ поселенія внутри страны, призванныя Римомъ къ новой жизни, были организованы по италійскому образцу; Нижняя Мезія была единственная изъ римскихъ провинцій, черезъ которую шла граница, проведенная различіемъ языка, между тѣмъ какъ городской союзъ, во главѣ котораго стояла Томида, принадлежалъ къ области греческаго языка, а придунайскіе города, какъ напримѣръ Дуросторъ и Эскъ, принадлежали къ области латинскаго языка. Впрочемъ къ этому мезійскому городскому союзу можетъ быть въ сущности отнесено то-же, что было замѣчено касательно Ѳракіи. До насъ дошло описаніе Томиды, написанное въ послѣдніе годы жизни Августа, безъ сомнѣнія, кѣмъ-нибудь, кто былъ сосланъ туда въ видѣ на

1) Κοινὸν τῆς Πενταπόλεως встрѣчается на одной надписи, найденной въ Одессѣ [C. I. Gr. 2056] и, по всему вѣроятію, принадлежащей къ раннимъ временамъ имперіи; понтійская *Гекзаполія* [союзъ шести городовъ] встрѣчается въ двухъ надписяхъ, найденныхъ въ Томидѣ и, по всему вѣроятію, принадлежащихъ ко 2-му столѣтію послѣ Р. Х. [Marquardt, Staatsverw. 1² стр. 305; Hirschfeld arch. epigr. Mitth. 6, 22]. Во всякомъ случаѣ размѣры Гекзаполіи, а за тѣмъ, по всему вѣроятію, и размѣры Пентаполіи должны согласоваться съ границами римскихъ провинцій, то-есть должны вмѣщать въ себѣ греческіе города Нижней Мезіи. Эти послѣдніе и дѣйствительно тамъ найдутся, если мы будемъ придерживаться нашихъ самыхъ надежныхъ руководителей—монетъ временъ имперіи. Монетныхъ дворовъ [кромѣ Никопольскаго], было въ Нижней Мезіи шесть: въ Истрѣ, въ Томидѣ, въ Каллатидѣ, въ Діонисополѣ, въ Одессѣ и въ Маркіанополѣ; а такъ какъ этотъ послѣдній городъ былъ основанъ Траяномъ, то этимъ объясняется и существованіе Пентаполіи. Тира и Ольбія едва-ли сюда принадлежали; по крайней мѣрѣ на присоединеніе къ этому городскому союзу не указываютъ многочисленные и многорѣчивые памятники послѣдняго изъ этихъ двухъ городовъ. Въ одной надписи, найденной въ Томидѣ, онъ называется Κοινὸν τῶν Ἑλλήνων; я приведу цѣликомъ эту надпись, такъ какъ она помѣщена только въ аѳинской *Пандорѣ* отъ 1 іюня 1868 г.: Ἀγαθῇ τύχῃ. Κατὰ τὰ δόξαντα τῇ κρατίστῃ βουλῇ καὶ τῷ λαμπροτάτῳ δήμῳ τῆς λαμπροτάτης μητροπόλεως καὶ α τοῦ εὐωνύμου Πόντου Τόμεως τὸν Ποντάρχην Πρείσκιον Ἀννιαν[ὸ]ν ἄρξαντα τοῦ κοινοῦ τῶ[ν] Ἑλλήνων καὶ τῆς μητροπόλεως τὴν α ἀρχὴν ἁγνῶς, καὶ ἀρχιερασάμενον, τὴν δὲ ὅπλων καὶ κυνηγε[σ]ίων ἐνδόξως φιλοτειμίαν μὴ διαλιπόντα, ἀλλὰ καὶ βουλευτὴν καὶ τῶν πρωτευόντων Φλαβίας Νέας πόλεως, καὶ τὴν ἀρχιέρειαν σύμβιον αὐτοῦ Ἰουλίαν Ἀπολαύστην πάσης τειμῆ χάρ[ε]ιν.

казанія, но въ сущности оставался преданнымъ императору. Населеніе,—разсказываетъ онъ,—состоитъ большею частію изъ Гетовъ и Сарматовъ; подобно Дакамъ, представленнымъ на Траяновской колоннѣ, они носятъ шубы и штаны, длинные развѣвающіеся волосы и небритыя бороды, появляются на улицахъ верхомъ, вооруженные лукомъ, съ колчаномъ на плечѣ и съ ножомъ за поясомъ. Немногіе Греки, которые встрѣчаются между ними, усвоили обычаи варваровъ со включеніемъ штановъ и такъ-же хорошо выражаются по-гетски, какъ по-гречески, или даже по-гетски лучше; тотъ пропалъ, кто не можетъ объясниться по-гетски, а по-латыни тамъ никто не понимаетъ ни одного слова. Передъ городскими воротами толпятся хищническія шайки, состоящія изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, а ихъ стрѣлы нерѣдко перелетаютъ за охранительную городскую ограду; кто осмѣливается вспахивать свое поле, тотъ дѣлаетъ это съ опасностью для своей жизни и пашетъ имѣя при себѣ оружіе—вѣдь незадолго до Цезаревской диктатуры, городъ попалъ въ руки варваровъ во время нашествія Буребисты, а незадолго передъ тѣмъ, какъ этотъ изгнанникъ прибылъ въ Томиду, надъ этой страной снова свирѣпствовала буря войны во время далматско-паннонскаго возстанія. Съ этими разсказами нетрудно согласовать монеты и надписи того-же города лишь съ той оговоркой, что метрополія лѣво-понтійскаго городскаго союза вовсе не чеканила серебряныхъ монетъ въ до римскія времена, хотя такія монеты чеканились во многихъ другихъ изъ этихъ городовъ, и что вообще какъ монеты, такъ и надписи изъ времен̂ъ Траяна встрѣчаются лишь въ разрозненномъ видѣ. Но во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ Томида преобразовалась и имѣетъ такое-же право считаться за основанный Траяномъ городъ, какъ съ одинаковой быстротой достигшій значительнаго развитія Маркіанополь. Ранѣе упомянутая (стр. 201) преграда, сооруженная въ Добруджѣ, служила охраной и для города Томиды. Подъ ея прикрытіемъ тамъ развились торговля и мореплаваніе. Въ городѣ образовалось общество александрійскихъ купцовъ съ особой капеллой, въ которой поклонялись Серапису [1]); по муниципальной расточительности и по муниципальному честолюбію онъ не оставался позади котораго-либо изъ внутреннихъ греческихъ го-

---

[1]) Это доказываетъ замѣчательная надпись, которую приводитъ Allard [La Burgarie orientale. Paris 1863, стр. 263]: Θεῶ μεγάλω Σαράπ[ιδι καὶ] τοῖς συννάοις θεοῖς [καὶ τῶ αὐ]τοκράτορι Τ. Αἰλίω Ἀδριαν[ῶ Ἀ]ντωνείνω Σεβαστῶ Εὐσεβ[εῖ] καὶ Μ. Αὐρηλίω Οὐήρω Καίσαρι Καρπίων Ἀνουβίωνος τῶ οἴκω τῶν Ἀλεξανδρέων τὸν βωμὸν ἐκ τῶν ἰδίων ἀνέθηκεν ἔτους κή[μηνὸς] Φαρμουθὶ ά ἐπὶ ἱερέων [Κ]ορνούτου τοῦ καὶ Σαραπίωνος [Πολύ]μνου τοῦ καὶ Λον-[γείνου]. Матросская гильдія Томиды неоднократно упоминается въ ея городскихъ надписяхъ.

родовъ; онъ и тогда оставался двуязычнымъ городомъ, но такъ что на ряду съ греческимъ языкомъ, все еще неизмѣнно господствующимъ на монетахъ, употребляется—на границѣ, раздѣляющей области двухъ языковъ,—и латинскій языкъ даже нерѣдко на публичныхъ памятникахъ.

Тира.—Ольбія.—Босфоръ.—Греческіе купцы рѣдко поселялись на берегу моря по ту сторону государственной границы между устьями Дуная и Крымомъ; тамъ было только два пользовавшихся извѣстностью города, оба основанные въ давнія времена выходцами изъ Милета—Тира у устьевъ рѣки того-же имени, теперешняго Днѣстра и Ольбія у залива, въ который впадаютъ Борисѳенъ (Днѣпръ) и Гипанъ (Бугъ). Бѣдственное положеніе, въ которомъ находились эти Эллины среди тѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ варваровъ во времена Діадоховъ, равно какъ во времена верховенства римской республики, было описано во 2-ой части этого сочиненія. Императоры пришли къ нимъ на помощь. Въ 56 году, стало быть въ то время, какъ Неронъ такимъ примѣрнымъ образомъ началъ свое царствованіе, Тира была присоединена къ провинціи Мезіи. О болѣе отдаленной Ольбіи до насъ дошолъ разсказъ изъ временъ Траяна [1]: городъ еще истекалъ кровью отъ своихъ старыхъ ранъ; дрянныя городскія стѣны окружали не менѣе дрянные дома, а тотъ кварталъ, въ которомъ еще были въ ту пору жители, занималъ небольшую часть прежней обширной городской окружности, отъ которой уцѣлѣло нѣсколько башенъ, одиноко стоявшихъ вдали на пустынномъ

[1]) Безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ и нерѣдко также опустошеніямъ Ольбія подверглась, по словамъ Діона [Borysth. стр. 75 R.], почти за 150 лѣтъ до его времени, то-есть около 100 года по Р. Х., стало быть, по всему вѣроятію, во время нашествія Буребисты, послѣднему и самому гибельному покоренію [τὴν τελευταίαν καὶ μεγίστην ἅλωσιν]. Εἷλον δὲ, — продолжаетъ Діонъ,—καὶ ταύτην Γέται καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐν τοῖς ἀριστεροῖς τοῦ Πόντου πόλεις μέχρι Ἀπολλωνίας [Зовополь или Зизеболу — послѣдній значительный греческій городъ на западномъ берегу Понта] ὅθεν δὴ καὶ σφόδρα ταπεινὰ τὰ πράγματα κατέστη τῶν ταύτῃ Ἑλλήνων, τῶν μὲν οὐκέτι συνοικισθεισῶν πόλεων, τῶν δὲ φαύλως καὶ τῶν πλείστων βαρβάρων εἰς αὐτὰς συῤῥυέντων. Юный и знатный горожанинъ, физіономія котораго отличается рѣзко выдающимися іоническими чертами и съ которымъ послѣ того встрѣчается Діонъ, перебилъ или забралъ въ плѣнъ множество Сарматовъ и хотя не знакомъ съ Фокилидомъ, но знаетъ наизусть Гомера и носитъ, по примѣру Скиѳовъ, плащъ, штаны и ножъ за поясомъ. Всѣ горожане носятъ длинные волосы и длинныя бороды, только одинъ изъ нихъ обстригъ и волосы и бороду, въ чемъ и было усмотрѣно доказательство его раболѣпной преданности Римлянамъ. Отсюда видно, что и по прошествіи цѣлаго столѣтія тамъ все имѣло тотъ-же внѣшній видъ, какъ и въ то время, когда Томиду описывалъ Овидій.

полѣ; въ храмахъ не было ни одного кумира, который не носилъ бы на себѣ слѣдовъ варварскаго поруганія; жители еще не позабыли своего эллинскаго происхожденія, но они и жили и сражались такъ же какъ Скиѳы, съ которыми имъ ежедневно приходилось бороться. Они называли себя такъ-же часто греческими именами, какъ и скиѳскими, то-есть такими, какія были въ употребленіи у сарматскихъ племенъ, находившихся въ родствѣ съ Иранцами [1]); даже въ царствующемъ домѣ Савроматъ было часто употреблявшимся именемъ. Своимъ продолжительнымъ существованіемъ эти города были обязаны не столько собственнымъ силамъ, сколько доброжелательству или скорѣе интересамъ туземцевъ. Жившія на этихъ берегахъ племена не были въ состояніи ни вести внѣшнюю торговлю изъ своихъ собственныхъ торговыхъ рынковъ, ни обойтись безъ нея; въ эллинскихъ приморскихъ городахъ они покупали соль, одежду и вино, а тѣ изъ князей, которые были болѣе цивилизованы, въ нѣкоторой мѣрѣ охраняли чужеземцевъ отъ нападеній своихъ собственныхъ варварскихъ подданныхъ. Первые римскіе императоры, должно быть, не рѣшались взять на себя такое трудное дѣло, какимъ была защита этихъ отдаленныхъ колоній; однако, когда эти города снова были осаждены Скиѳами, Пій прислалъ имъ на помощь римскія войска и принудилъ варваровъ просить мира и выдать заложниковъ. Северъ, какъ кажется. окончательно присоединилъ Ольбію къ римской имперіи и съ тѣхъ поръ этотъ городъ сталъ вычеканивать на своихъ монетахъ изображеніе римскаго властителя. Само собою разумѣется, что это присоединеніе относилось только къ городской территоріи и что никогда не имѣлось въ виду подчинить римскому верховенству тѣхъ варваровъ, которыми были окружены Тира и Ольбія. Уже ранѣе было замѣчено (стр. 211), что эти города,—вѣроятно въ царствованіе Александра († 235)—сдѣлались первыми жертвами начинавшагося нашествія Готовъ.

Если Греки и рѣдко селились на континентѣ къ сѣверу отъ Понта, за то въ ихъ рукахъ уже давно находилась бо́льшая часть обширнаго полуострова, выдвигающагося изъ береговъ этого моря,—Таврическаго Херсонеса, теперешняго Крыма. Двѣ главныя греческія колоніи на этомъ полуостровѣ были отдѣлены одна отъ другой горами, въ которыхъ властвовали Тавры; то были дорійскій вольный городъ Гераклея или Херсонесъ (Севастополь) на западной оконеч-

---

[1]) Очень часто случалось, что отецъ носилъ скиѳское имя, а сынъ греческое или наоборотъ; такъ напримѣръ въ одной ольбійской надписи [C. I. Gr. 2074], поставленной или при Траянѣ или послѣ него, переименованы слѣдующіе шесть стратеговъ: М. Ульпій Пирръ сынъ Арсеваха, Деметрій сынъ Ксессагара, Зоилъ сынъ Арсака, Бадакъ сынъ Раданпсона, Эпикратъ сынъ Коксура, Аристонъ сынъ Варгадака.

ности полуострова и царство Пантикапея или Босфоръ (Керчь) на восточной оконечности. Когда царь Митридатъ находился на вершинѣ своего могущества, онъ соединилъ обѣ эти колоніи и основалъ тамъ для себя второе сѣверное царство, которое перешло послѣ упадка его владычества, какъ единственный остатокъ его прежнихъ владѣній, къ его сыну и убійцѣ Фарнаку. Когда этотъ послѣдній попытался,—во время войны между Цезаремъ и Помпеемъ,—возстановить отцовское владычество въ Малой Азіи, Цезарь побѣдилъ его и объявилъ его лишоннымъ и Босфорскаго царства.

Азандръ.—Полемонъ.—Эвпаториды. — Между тѣмъ оставленный Фарнакомъ въ Босфорѣ въ качествѣ намѣстника Азандръ отказался отъ повиновенія царю въ надеждѣ, что благодаря оказанной этимъ способомъ Цезарю услуги, онъ самъ достигнетъ верховной власти. Возвратившійся, послѣ своего пораженія, въ свое босфорское царство, Фарнакъ хотя и успѣлъ снова овладѣть своей столицей, но въ концѣ концевъ былъ побѣжденъ; онъ палъ, храбро сражаясь въ послѣдней битвѣ, и этимъ доказалъ, что по меньшей мѣрѣ какъ солдатъ онъ не былъ ниже своего отца. Наслѣдство сдѣлалось предметомъ спора между фактическимъ владѣтелемъ страны Азандромъ и однимъ изъ даровитыхъ Цезаревскихъ офицеровъ Митридатомъ Пергамскимъ, которому Цезарь предоставилъ Босфорское царство въ качествѣ леннаго владѣнія; оба они искали опоры въ родствѣ съ династіей, которая царствовала до того времени въ Босфорѣ, и съ великимъ Митридатомъ: Азандръ женился на дочери Фарнака Динамидѣ, а Митридатъ, происходившій отъ одного изъ пергамскихъ гражданъ, выдавалъ себя за незаконнаго сына великаго Митридата Эвпатора, но неизвѣстно былъ ли этотъ слухъ причиной его избранія или же былъ пущенъ въ ходъ для того, чтобъ оправдать его избраніе. Такъ какъ самъ Цезарь былъ занятъ другими болѣе важными дѣлами, то споръ между двумя его приверженцами настоящимъ и притворнымъ разрѣшило оружіе и снова въ пользу послѣдняго изъ нихъ; Митридатъ палъ въ битвѣ, а Азандръ остался властителемъ Босфора. Сначала онъ не принималъ царскаго титула—безъ сомнѣнія потому, что еще не былъ утвержденъ леннымъ владѣтелемъ, —и довольствовался титуломъ архонта, который носили старинные владѣтели Пантикапеи; но вскорѣ послѣ того онъ испросилъ, вѣроятно еще отъ самого Цезаря, признанія и своей верховной власти и своего царскаго титула [1]). Передъ смертію

[1]) Такъ какъ Азандръ, по всему вѣроятію, считалъ свое нахожденіе въ званіи архонта со времени своего отпаденія отъ Фарнака, то-есть съ лѣта 707 года. и принялъ царскій титулъ уже на 4-мъ году своего управленія, то это принятіе царскаго титула можетъ быть отнесено къ осени 709—710 года; поэтому слѣ-

(737/8 г. отъ осн. Р.) онъ завѣщалъ свои владѣнія своей супругѣ Динамидѣ. Еще такъ сильно было вліяніе наслѣдственныхъ правъ и Митридатова имени, что и нѣкій Скрибоніанъ, попытавшійся занять мѣсто Азандра, и вслѣдъ за нимъ царь Понтскій Полемонъ, которому Августъ предоставилъ Босфорское царство, вступали въ бракъ съ Динамидой при своемъ вступленіи на престолъ; сверхъ того Скрибоніанъ утверждалъ, что онъ самъ былъ внукомъ Митридата, а царь Полемонъ женился вскорѣ послѣ смерти Динамиды на внучкѣ Антонія и сталъ быть на родственницѣ императорскаго дома. Послѣ его ранней смерти—онъ палъ въ борьбѣ съ Аспургіанами на азіатскомъ берегу—ему не наслѣдовали его несовершеннолѣтнія дѣти и босфорское царство даже недолго оставалось во власти носившаго его имя внука, которому императоръ Гай возвратилъ въ 38 году, не смотря на его дѣтскій возрастъ, оба царства, принадлежавшія его дѣду. На мѣсто этого внука императоръ Клавдій призвалъ дѣйствительнаго или мнимаго потомка Митридата Эвпатора, и съ тѣхъ поръ это царство, какъ кажется, постоянно принадлежало князьямъ изъ этого дома [1]).

дуетъ полагать, что Азандръ былъ утвержденъ самимъ Цезаремъ. Антоній не могъ быть тѣмъ, кто его утвердилъ, такъ какъ прибылъ въ Азію лишь въ концѣ 712 года; еще менѣе можно приписывать это Августу, котораго называетъ по этому поводу Псевдо-Лукіанъ [Macrob. 15], перемѣшавшій отца съ сыномъ.

[1]) Тотъ Митридатъ, котораго Клавдій сдѣлалъ въ 41 г. царемъ Босфора, велъ свой родъ отъ Эвпатора [Діонъ 60, 8; Тацитъ, *Лѣт.* 12, 18], а ему наслѣдовалъ его братъ Котисъ [Тацитъ въ выше указ. м.] Ихъ отецъ назывался Аспургомъ [C. I. Gr. II, стр. 95]; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ былъ Аспургіанинъ [Страбонъ 11, 2, 19, стр. 415]. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ впослѣдствіи происходила какая-либо перемѣна династіи; царствовавшій во времена Пія Эвпаторъ [Lucian Alex. 57; Vita Pii 9], безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ тому же владѣтельному дому. Впрочемъ эти позднѣйшіе босфорскіе цари, равно какъ неизвѣстные намъ даже по имени ближайшіе преемники Полемона, также находились въ родствѣ съ Полемонидами, такъ какъ первый Полемонъ самъ былъ женатъ на внучкѣ Эвпатора. Имена ѳракійскихъ князей Котисъ и Раскупорисъ, которые были въ большомъ употребленіи въ босфорскомъ царствующемъ домѣ, безъ сомнѣнія, имѣютъ связь съ зятемъ Полемона, ѳракійскимъ царемъ Котисомъ. Названіе Савроматъ, часто встрѣчающееся съ конца I-го столѣтія, безъ сомнѣнія, вошло въ употребленіе путемъ родственныхъ связей съ сарматскими царствующими домами, но изъ этого, конечно, нельзя заключить, что тѣ, которые носили это имя, сами были Сарматы. Когда старинный царствующій домъ пресѣкся и верховная власть перешла въ руки ничтожныхъ и недостойныхъ царей, Зосимъ [1, 31] обвинялъ этихъ послѣднихъ въ томъ, что въ царствованіе Валеріана Готы могли совершать свои хищническіе набѣги на босфорскихъ судахъ; онъ, можетъ быть, былъ правъ и быть можетъ имѣлъ прежде всего въ виду Фареанзиса, отъ котораго дошли до насъ монеты 254 и 255 годовъ. Но и на этихъ монетахъ изображены римскіе императоры, а впослѣдствіи снова встрѣчаются старинныя родовыя названія [всѣ босфорскіе цари были Ти-

Размѣры босфорскаго владычества.—Между тѣмъ какъ существованіе вассальныхъ царствъ въ римской имперіи прекращается съ пресѣченіемъ прежнихъ династій, и со временъ Траяна вводится на всемъ пространствѣ римскихъ владѣній принципъ непосредственнаго римскаго управленія, босфорское царство не перестаетъ существовать подъ римскимъ верховенствомъ вплоть до четвертаго столѣтія. Только послѣ того, какъ центръ тяжести имперіи былъ перенесенъ въ Константинополь, это царство было поглощено имперіей [1]) для того, чтобъ быть вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ покинутымъ и по меньшей мѣрѣ въ самой значительной своей части сдѣлаться жертвою Гунновъ [2]). Между тѣмъ Босфоръ былъ и оставался на самомъ дѣлѣ скорѣе городомъ, нежели царствомъ и походилъ болѣе на городскіе округа Тиры и Ольбіи, нежели на царства каппадокійское и нумидійское. И тамъ Римляне оберегали лишь эллинскій городъ Пантикапею, а о расширеніи границъ и о завоеваніи внутренней страны заботились такъ-же мало, какъ въ Тирѣ и въ Ольбіи. Хотя къ области пантикапейскаго владѣтеля и принадлежали греческія колоніи Θеодосія, находившаяся на самомъ полуостровѣ, и Фанагорія (Тамань), находившаяся на противоположномъ берегу Азіи, но къ ней не принадлежалъ Херсонесъ [3]), или если и принадлежалъ, то точно такъ

верія Юлія] и такія старинныя прозвища, какъ Савроматъ и Раскупорисъ. Вообще говоря, и въ ту пору тамъ еще существовали какъ старинныя традиціи, такъ и римское покровительство.

[1]) Самая поздняя изъ босфорскихъ монетъ была вычеканена въ 631 г. эры Ахеменидовъ, то-есть въ 335 г. послѣ Р. Х.; этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ происшедшимъ именно въ этомъ году возведеніемъ племянника Константина 1-го, Аннибаліана въ „цари", хотя это царство и обнимало главнымъ образомъ восточную часть Малой Азіи и имѣло столицей Кесарію въ Каппадокіи. Послѣ того, какъ и этотъ царь и его царство погибли, послѣ смерти Константина, среди кровавой катастрофы, Босфоръ находился подъ непосредственнымъ владычествомъ Константинополя.

[2]) Еще въ 366 г. Босфоръ находился во власти Рима [Амміанъ 26, 10, 6]; вскорѣ послѣ того, жившіе на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря Греки, какъ кажется, были предоставлены самимъ себѣ, пока Юстиніанъ не занялъ острова снова [Прокопій, Bell. Goth. 4, 5]. Тѣмъ временемъ Пантикапея погибла отъ нашествія Гунновъ.

[3]) На монетахъ города Херсонеса изъ временъ имперіи стоитъ надпись Χερσονήσου ἐλευθέρας, даже одинъ разъ встрѣчается βασιλευούσης; на нихъ нѣтъ именъ ни царя ни императора и нѣтъ изображенія головы того или другаго [A. v. Sallet Zeitschrift für Num. 1, 27. 4,273]. Независимость города видна еще и изъ того, что онъ точно такъ-же, какъ и босфорскіе цари, чеканилъ золотую монету. Такъ какъ городъ, повидимому, велъ свое лѣтосчисленіе съ 36 года до Р. Х. [C. I. Gr. n. 8621], въ которомъ ему была дарована,—по всему вѣроятію,—Антоніемъ свобода, то отсюда слѣдуетъ заключить, что помѣченная 109 годомъ золотая монета „господствующаго города" была вычеканена въ 75 году послѣ Р. Х.

же, какъ Аѳины принадлежали къ округу намѣстника Ахаіи. Городъ получилъ отъ Римлянъ автономію и видѣлъ въ царѣ ближайшаго защитника, а не леннаго владѣтеля; въ качествѣ вольнаго города, онъ во времена имперіи даже никогда не чеканилъ монетъ ни съ клеймомъ своихъ царей ни съ клеймомъ римскихъ императоровъ. Подъ властію римскихъ вассальныхъ царей [1]) недолго находился и тотъ континентальный городъ, который Греки называютъ Танаидой и который былъ близъ устьевъ Дона оживленнымъ центромъ торговли, но едва-ли былъ основанъ Греками. Въ прочной отъ нихъ зависимости находились лишь жившіе въ самомъ близкомъ съ ними сосѣдствѣ болѣе или менѣе варварскіе обитатели полуострова и лежавшихъ къ югу отъ Танаиды европейскихъ и азіятскихъ береговъ [2]).

Военное положеніе Босфора.—Пантикапейская область была такъ

---

[1]) По словамъ Страбона [11, 2, 11 стр. 495], владѣтели Танаиды были независимы наряду съ владѣтелями Пантикапеи, а жившія къ югу отъ Дона племена зависѣли то отъ одного, то отъ другаго изъ нихъ; Страбонъ присовокупляетъ, что многіе изъ Пантикапейскихъ царей владычествовали вплоть до Танаиды, а именно послѣдніе изъ этихъ царей Фарнакъ, Азандръ, Полемонъ; но это, какъ кажется, было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Въ надписи, приведенной во 2-мъ прим., жители Танаиды значатся въ числѣ подвластныхъ племенъ, и цѣлый рядъ найденныхъ въ Танаидѣ надписей доказываетъ, что это была правда за все время отъ Марка до Гордіана; но Ἕλληνες καὶ Ταναεῖται рядомъ съ ἄρχοντες Ταναειτῶν и съ болѣе часто упоминаемыми Ἑλληνάρχαι доказываютъ, что и въ ту пору городъ оставался не греческимъ.

[2]) Въ единственномъ дошедшемъ до насъ живомъ разсказѣ изъ исторіи Босфора,—въ разсказѣ Тацита [*Лѣт.* 21, 15—31] о двухъ соперничавшихъ между собою братьяхъ Митридатѣ и Котисѣ, сосѣднія племена Дандаридовъ, Сираковъ, Аорсовъ значатся находящимися подъ властію своихъ собственныхъ вождей, не состоявшихъ въ законной зависимости отъ римскихъ царей Пантикапеи.—Что касается титуловъ, то древнѣйшіе пантикапейскіе владѣтели обыкновенно называли себя архонтами Босфора, то-есть Пантикапеи и Ѳеодосіи, также царями Синдовъ, всѣхъ Мантовъ и другихъ негреческихъ племенъ. Надпись, которая, сколько мнѣ извѣстно, есть самая древняя изъ всѣхъ царскихъ надписей, принадлежащихъ къ римской эпохѣ, называетъ Аспурга, сына Азандрохова [Stephani comptes rendus de la comm. pour 1866, стр. 128] βασιλεύοντα παντὸς Βοοσπόρου, Θεοδοσίης καὶ Σίνδων καὶ Μαϊτῶν καὶ Τορετῶν Ψησῶν τε καὶ Ταναειτῶν, ὑποτάσαντα Σκύθας καὶ Ταύρους. Изъ упрощенныхъ титуловъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о размѣрахъ владѣній. Между надписями позднѣйшаго времени есть одна, относящаяся къ царствованію Траяна, въ которой мы находимъ слѣдующій льстивый титулъ: βασιλεὺς βασιλέων μέγας τοῦ παντὸς Βοοσπόρου [C. I. Gr. 2123]. Въ особенности со временъ Азандра на монетахъ нѣтъ другихъ титуловъ, кромѣ βασιλεύς, между тѣмъ какъ Фарнакъ называетъ себя βασιλεὺς βασιλέων μέγας. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, сказывалось вліяніе римскаго верховенства, съ которымъ не легко уживался ленный владѣтель, поставленный выше другихъ князей.

обширна и въ особенности такъ важна для торговыхъ сношеній, что ее нельзя было оставлять, подобно Ольбіи и Тирѣ, подъ управленіемъ смѣнявшихъ одинъ другаго общинныхъ должностныхъ лицъ и жившаго въ большомъ отдаленіи намѣстника; поэтому она и была отдана во власть наслѣдственныхъ князей; эта мѣра была цѣлесообразной также потому, что казалось неудобнымъ переносить непосредственно на имперію тѣ отношенія, въ которыхъ эта страна находилась съ окрестными жителями. Не смотря на свое ахеменидское родословное дерево и не смотря на свое ахеменидское лѣтосчисленіе, князья царствовавшаго въ Босфорѣ дома считали себя греческими князьями и въ чисто греческомъ духѣ вели свое происхожденіе отъ Геракла и отъ Эвмолпидовъ. Зависимость этихъ Грековъ отъ Рима, —какъ тѣхъ, которые жили подъ царскою властію въ Пантикапеѣ, такъ и тѣхъ, которые жили подъ республиканскимъ управленіемъ въ Херсонесѣ, —была въ натурѣ вещей и они никогда не помышляли о возстаніи противъ своихъ римскихъ покровителей. хотя въ царствованіе Клавдія и пришлось двинуть римскія войска противъ одного непокорнаго босфорскаго князя [1]. но эта страна, напротивъ того, не возставала противъ разрушавшейся имперіи даже въ то время, когда ей пришлось болѣе всѣхъ пострадать отъ страшныхъ смутъ, вспыхнувшихъ въ половинѣ 3 столѣтія [2]. Богатые

[1]) Это былъ царь Митридатъ, поставленный въ 41 г. Клавдіемъ; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ былъ низложенъ и замѣненъ своимъ братомъ Котисомъ; онъ жилъ послѣ того въ Римѣ и погибъ въ то смутное время, когда въ римской имперіи было четыре императора [Плутархъ, *Гальба* 13, 15]. Однако подробности этого событія не выяснены ни намеками Тацита [*Лѣт*. 12, 15. сравн. Плинія Hist. Nat. 6, 5, 17] ни разсказомъ Петра Патриція [fr. 3] вслѣдствіе того, что тамъ смѣшиваются Митридатъ Босфорскій съ Митридатомъ Иберскимъ. Баснословные разсказы о Херсонесѣ у жившаго въ болѣе позднюю пору Константина Порфиророднаго [De Adm. Imp. гл. 53], натурально, не могутъ быть приняты въ соображеніе. Злой босфорскій царь Савроматъ Κρισκωνόρου [не Ῥησκοπόρου] υἱός, который велъ вмѣстѣ съ Сарматами войну противъ императоровъ Діоклетіана и Констанція, равно какъ противъ преданнаго имперіи Херсоня, упоминается, очевидно, вслѣдствіе смѣшенія имени босфорскаго царя съ именемъ народа и его существованіе столько-же исторически достовѣрно, какъ достовѣрны варіаціи на исторію Давида и Голіаѳа и умерщвленіе сильнаго босфорскаго царя Савромата маленькимъ Херсонесцемъ Фарнакомъ. Достаточно однихъ именъ царей, какъ напримѣръ, кромѣ уже названныхъ, имени Азандра, выступающаго на сцену послѣ того какъ пресѣкся родъ Савроматовъ. Городскія привилегіи и принадлежавшія городу владѣнія, для указанія которыхъ и были выдуманы эти небывальщины, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія.

[2]) Нѣтъ ни одной босфорской золотой или поддѣланной подъ золото монеты, на которой не была-бы изображена голова римскаго императора и всегда того императора, который былъ признанъ римскимъ сенатомъ. Быть можетъ слѣдуетъ приписать лишь невѣдѣнію тотъ фактъ, что въ 263 и 265 годахъ, когда, послѣ взя-

торговые города нуждались въ военной защитѣ среди тѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ варваровъ, и потому держались за Римъ, какъ форпосты держутся за главную армію. Оккупаціонная армія, конечно, организовалась въ самой странѣ, а создавать ее и предводительствовать ею, безъ сомнѣнія, было главной задачей боспорскаго царя. На монетахъ, которыя были вычеканены по случаю возведенія одного изъ нихъ на престолъ, видны и курульныя кресла и другіе обычные при пожалованіяхъ ленными владѣніями почетные подарки, но рядомъ съ ними находились щитъ, шлемъ, мечъ, боевая сѣкира и боевой конь; ясно было видно, что этотъ царь принималъ на себя не мирныя обязанности. За то первый изъ нихъ, назначенный Августомъ, и погибъ въ борьбѣ съ варварами, а одинъ изъ его преемниковъ сынъ Реметалка, царь Савроматъ боролся въ первые годы Северова царствованія съ Сираками и Скиѳами, — такъ что онъ, быть можетъ, и не безъ основанія изображалъ на своихъ монетахъ подвиги Геракла. Ему приходилось выказывать свою дѣятельность и на морѣ и въ особенности сдерживать никогда не прекращавшіеся на Черномъ морѣ разбои (стр. 214): упомянутаго Савромата также хвалили послѣ его смерти за то, что онъ смирилъ Тавровъ и обуздалъ морскіе разбои. Между тѣмъ на полуостровѣ стояли и римскія войска; быть можетъ тамъ стоялъ отрядъ понтійскаго флота и навѣрно стоялъ отрядъ мезійской арміи; не смотря на немногочисленность этихъ войскъ, ихъ присутствіе все-таки доказывало варварамъ, что и позади этихъ Грековъ стояли страшные легіонные солдаты. Еще другимъ способомъ Римъ оказывалъ тамъ защиту: по меньшей мѣрѣ въ болѣе позднюю пору владѣтелямъ Боспора правильно уплачивались изъ государственной казны денежныя суммы, которыя были имъ нужны тѣмъ болѣе потому, что въ этихъ странахъ, не находившихся подъ непосредственнымъ римскимъ управленіемъ, вѣроятно, еще ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вошло въ обыкновеніе откупаться отъ непріятельскихъ нашествій посредствомъ уплаты ежегодной дани [1]).

тія въ плѣнъ Валеріана, Галліенъ считался единовластнымъ правителемъ имперіи, на тамошнихъ монетахъ появляются двѣ головы; впрочемъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Боспоръ сдѣлалъ въ ту пору иной выборъ между многочисленными претендентами. Въ эту пору имена императоровъ на монетахъ не выставлялись, а изображенія таковы, что нелегко распознать къ кому они относились.

[1]) Изъ одного діалога, находящагося въ числѣ тѣхъ, которые приписываются Лукіану [гл. 44], слѣдуетъ полагать, что такая подать уплачивалась Скиѳу Токсарису; сверхъ того тамъ разсказывается не только μῦθοις ὅμοια, но даже миѳъ, въ которомъ идетъ рѣчь о царяхъ Левканорѣ и Эвбіотѣ, конечно, не встрѣчающихся на монетахъ.

Положеніе вассальныхъ владѣтелей.—Изъ многоразличныхъ фактовъ можно заключить, что централизація управленія коснулась и этихъ царей и что ихъ положеніе по отношенію къ римскимъ Цезарямъ не многимъ отличалось отъ положенія аѳинскихъ бургомистровъ; достоинъ упоминанія и тотъ фактъ, что царь Азандръ и царица Динамида чеканили золотую монету съ своими именами и съ своими изображеніями, а напротивъ того царь Полемонъ и его ближайшіе преемники хотя и сохранили право чеканить золотую монету,—потому что и мѣстное населеніе и жившіе въ сосѣдствѣ варвары издавна привыкли употреблять въ качествѣ ходячей монеты только золотую,—но были обязаны выставлять на ней имена и изображенія царствующихъ императоровъ. Также со временъ Полемона владѣтель этой страны былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пожизненнымъ верховнымъ жрецомъ императора и императорскаго дома. Во всемъ остальномъ и система управленія и дворцовое вѣдомство сохранили тѣ формы, которыя были введены при Митридатѣ по образцу великой персидской монархіи, хотя по сравненію съ кабинетнымъ секретаремъ (ἀρχιγραμματεύς) и обер-камердинеромъ (ἀρχικοιτωνείτης) пантикапейскаго двора придворные чины великаго царя были то же, чѣмъ былъ врагъ Римлянъ Митридатъ Эвпаторъ по сравненію съ своимъ потомкомъ Тиверіемъ Юліемъ Эвпаторомъ, ходатайствовавшимъ въ Римѣ передъ императоромъ Піемъ о признаніи своихъ правъ на босфорскую корону.

Торговля и международныя сношенія Босфора.—Эта сѣверная Греція имѣла особую цѣну для римской имперіи по своимъ торговымъ сношеніямъ. Хотя эти сношенія были въ то время менѣе обширны, нежели въ болѣе отдаленныя времена [1]), тѣмъ не менѣе торговая дѣятельность еще была очень оживленна. Во времена Августа степныя племена доставляли въ Танаиду рабовъ [2]) и мѣха, а торговцы цивилизованныхъ странъ привозили туда одежи, вино и другіе предметы роскоши; еще въ болѣе значительномъ размѣрѣ Фанагорія служила складочнымъ мѣстомъ для вывозной торговли туземцевъ, а Пантикапея служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, которые ввозились Греками. Смуты, происходившія въ Босфорѣ во времена Клавдія, были тяжелымъ ударомъ для бизантійскихъ торговцевъ. Готы, — какъ о томъ уже было упомянуто ранѣе (стр. 216),—начали въ третьемъ столѣтіи свои хищническіе набѣги съ

---

[1]) Относительно вывоза зерноваго хлѣба достойно вниманія одно указаніе въ разсказѣ Плавтія [стр. 198].

[2]) Изъ предложенія одного стѣсненнаго римскими войсками поселенія Сираковъ [на берегу Азовскаго моря] выдать 10,000 рабовъ [Тацитъ, *Ann.* 12, 17] также слѣдуетъ заключить, что тѣ страны вели оживленную торговлю рабами.

того, что принудили босфорских корабдестроителей сдѣлаться их невольными сообщниками. Безъ сомнѣнія, благодаря тому, что тамошнія торговыя сношенія были необходимы для самихъ варваровъ, граждане Херсонеса сохранили свою независимость и послѣ удаленія римскихъ гарнизоновъ, а впослѣдствіи, когда могущество имперіи снова проявилось въ томъ направленіи при Юстиніанѣ, они могли возвратиться въ качествѣ Грековъ въ лоно греческой имперіи.

ГЛАВА VIII.

Малая Азія.

Объ обширномъ полуостровѣ, который омывается съ трехъ сторонъ тремя морями — Чернымъ, Эгейскимъ и Средиземнымъ, а съ восточной стороны примыкаетъ къ собственному азіатскому континенту, будетъ итти рѣчь—въ той мѣрѣ, въ какой онъ принадлежалъ къ пограничнымъ владѣніямъ имперіи,—въ слѣдующей главѣ, посвященной тому, что касается области Эвфрата и отношеній Римлянъ къ Парѳянамъ. Здѣсь будетъ описано только мирное положеніе западной части полуострова подъ императорскимъ управленіемъ.

Туземцы и колонисты.—Первоначальное или даже предшествовавшее владычеству Грековъ населеніе этихъ обширныхъ странъ удержалось во многихъ мѣстахъ въ значительномъ размѣрѣ даже во времена имперіи. Ранѣе описанному ѳракійскому племени, безъ сомнѣнія, принадлежала большая часть Виѳиніи; во Фригіи, въ Лидіи, въ Киликіи и въ Каппадокіи встрѣчаются очень разнообразные и трудно объяснимые остатки языка, который принадлежалъ болѣе древней эпохѣ и многократно заявлялъ о своемъ существованіи во времена римскаго владычества; непонятныя названія боговъ, людей и поселеній встрѣчаются повсюду. Но насколько можетъ проникать туда нашъ взоръ, — а онъ, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ проникать туда довольно глубоко,—эти элементы представляются намъ слабыми и неустойчивыми и мы усматриваемъ въ нихъ, съ сущности, ничто иное какъ отрицаніе цивилизаціи или, какъ намъ кажется, отрицаніе совпадающаго въ этомъ случаѣ съ цивилизаціей эллинизма. Мы возвратимся въ свое время къ отдѣльнымъ группамъ этой категоріи; для историческаго развитія Малой Азіи во времена имперіи тамъ имѣютъ значеніе только двѣ игравшія активную роль

національности, обѣ вселившіяся туда послѣ всѣхъ другихъ — въ началѣ историческаго времени Эллины и въ смутныя времена Діадоховъ Кельты.

Эллинская и отзывавшаяся эллинизмомъ культура. — Исторія малоазіятскихъ Эллиновъ, — въ той мѣрѣ, въ какой она составляетъ часть римской исторіи, — уже была изложена ранѣе. Въ тѣ отдаленныя времена, когда берега Средиземнаго моря стали впервые посѣщаться и заселяться, а міръ сталъ дѣлиться между передовыми націями на счетъ отсталыхъ, приливъ эллинскихъ переселенцевъ сталъ покрывать всѣ берега Средиземнаго моря, но нигдѣ, ни даже въ Италіи и въ Сициліи, не разливался такимъ широкимъ потокомъ какъ надъ усѣяннымъ островами Эгейскимъ моремъ и надъ ближайшими выдвигавшимися впередъ берегами Азіи, которые манили къ себѣ и многочисленностью своихъ портовъ и внѣшнею привлекательностью. Жившіе на этихъ переднихъ берегахъ Азіи Греки приняли преимущественно передъ всѣми другими участіе въ дальнѣйшемъ завоеваніи древняго міра; изъ Милета они содѣйствовали заселенію береговъ Чернаго моря, а изъ Фокеи и Книда заселенію береговъ западнаго моря. Въ Азіи эллинская цивилизація проникла внутрь страны, въ Мезію, Лидію, Карію, Ликію, и даже великое персидское царство не осталось внѣ ея вліянія. Но сами Эллины владѣли лишь прибрежной полосой земли и по большей мѣрѣ внутреннимъ теченіемъ большихъ рѣкъ и островами. Въ виду могущества туземныхъ владѣтелей они не могли предпринимать континентальныхъ завоеваній и не могли достигнуть владычества на сушѣ; къ тому же гористая и большею частію мало пригодная для обработки внутренняя часть Малой Азіи не имѣла для переселенцевъ такой-же привлекательности, какъ морскіе берега, а сообщенія этихъ береговъ съ внутреннею страной были затруднительны. Именно вслѣдствіе этого, азіятскіе Эллины еще менѣе европейскихъ стремились къ объединенію и къ основанію самостоятельнаго государства, и рано научились покоряться тѣмъ, кто владычествовалъ на континентѣ. Національныя эллинскія влеченія проникли къ нимъ впервые изъ Аѳинъ; они были союзниками Аѳинянъ только послѣ побѣды, но покидали ихъ въ минуту опасности. То, что̀ Аѳины желали-бы сдѣлать для этихъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ всей націи соотечественниковъ и чего они сдѣлать не могли, было исполнено Александромъ; Элладу онъ долженъ былъ покорить, а Малая Азія видѣла въ завоевателѣ лишь освободителя. Побѣда Александра на самомъ дѣлѣ не только обезпечила существованіе азіятскаго эллинства, но даже открыла передъ нимъ широкую и почти необъятную будущность; заселеніе континента, составляющее отличительную черту этой второй стадіи греческаго всемірнаго преобладанія

въ противоположность заселенію однихъ береговъ, коснулось въ значительномъ объемѣ и Малой Азіи. Но ни одинъ изъ исходныхъ пунктовъ новаго государственнаго развитія не походилъ на основанные на берегу моря старые греческіе города [1]). Новое время,— какъ это бываетъ повсюду,—требовало новыхъ внѣшнихъ формъ и главнымъ образомъ также новыхъ городовъ, которые и были-бы греческими царскими резиденціями и служили-бы средоточіями для тѣхъ народовъ, которые до того времени находились внѣ сферы греческаго вліянія, но которыхъ предстояло притянуть въ эту сферу. Широкое государственное развитіе совершается вокругъ городовъ, основанныхъ царями и носившихъ царскія имена,— вокругъ Ѳессалоники, Антіохіи и Александріи. Римлянамъ пришлось бороться именно съ владѣтелями этихъ городовъ; обладанія Малой Азіей они почти повсюду достигли такъ, какъ пріобрѣтаются помѣстья отъ родственниковъ или отъ друзей — путемъ передачи по духовнымъ завѣщаніямъ, и хотя римское управленіе иногда ложилось тяжелымъ бременемъ на пріобрѣтенныя такимъ путемъ территоріи, къ этому бремени не присоединялась горечь чужеземнаго владычества. Хотя Ахеменидъ Митридатъ и противопоставилъ Римлянамъ въ Малой Азіи національную оппозицію, а злоупотребленія римскаго управленія заставили Эллиновъ принять его сторону, но эти послѣдніе никогда сами не предпринимали ничего подобнаго. Поэтому въ политическомъ отношеніи лишь немногое можно сказать объ этихъ обширныхъ, богатыхъ и важныхъ владѣніяхъ, и въ особенности потому, что все сказанное въ предшествующей главѣ вообще о національныхъ отношеніяхъ Эллиновъ къ Римлянамъ можетъ быть отнесено и къ мало-азіятскимъ Эллинамъ.

Мало-азіятскія провинціи.—Римское управленіе Малой Азіей никогда не было организовано систематически, а по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя области поступали въ составъ имперіи, изъ нихъ образовывались римскіе административные округи безъ всякаго существеннаго измѣненія ихъ прежнихъ границъ. Страны, отказанныя Римлянамъ по завѣщанію пергамскаго царя Аттала III, образовали провинцію Азію; перешедшія къ нимъ также наслѣдственнымъ путемъ владѣнія царя Никомеда образовали провинцію Виѳинію; владѣнія, отнятыя у Митридата Эвпатора, образовали соединенную съ Виѳиніей провинцію Понтъ. Критъ былъ занятъ Римлянами по случаю большой войны съ пиратами; Кирена, о которой здѣсь также умѣстно упомянуть, поступила во власть Римлянъ по завѣщанію ея владѣтеля. Такимъ-же способомъ республика пріобрѣла островъ Кипръ; въ этомъ случаѣ имѣла свою долю вліянія и необходимость прекратить морскіе разбои. Эти разбои также вызвали учрежденіе намѣстничества въ Киликіи; вполнѣ эта страна была подчинена Риму въ

одно время съ Сиріей Помпеемъ и обѣ онѣ состояли въ теченіи перваго столѣтія подъ общимъ управленіемъ. Всѣ эти территоріальныя пріобрѣтенія уже были сдѣланы республикой. Во времена имперіи сюда были присоединены слѣдующія области, до того времени принадлежавшія имперіи лишь невполнѣ: въ 729 г. отъ осн. Р.=25 г. до Р. Х. царство Галатія, къ которому была присоединена часть Фригіи, Ликаонія, Писидія, Памфилія; въ 747 г.=7 г. до Р. Х. владѣнія царя Дейотара, Касторова сына, которыя обнимали Гангру въ Пафлагоніи и, вѣроятно, также Амазію, равно какъ нѣкоторыя другія сосѣднія поселенія; въ 17 г. послѣ Р. Х. царство Каппадокійское; въ 43 г. территорія, принадлежавшая конфедераціи ликійскихъ городовъ; въ 63 г. сѣверо-восточная часть Малой Азіи отъ долины Ириса до границъ Арменіи; Малая Арменія и нѣкоторыя болѣе мелкія княжества въ Киликіи, вѣроятно, были пріобрѣтены при Веспасіанѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей Малой Азіи было введено непосредственное римское управленіе. Вассальными владѣніями остались только таврическій Босфоръ, о которомъ уже было говорено ранѣе, и Великая Арменія, о которой будетъ итти рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Сенатское управленіе и императорское управленіе.—Когда, при возникновеніи императорскаго режима, произошло раздѣленіе управленія между нимъ и сенатомъ, въ вѣдѣніе этого послѣдняго поступили всѣ мало-азіятскія владѣнія въ томъ объемѣ, въ какомъ были непосредственно подвластны имперіи; островъ Кипръ, первоначально попавшій подъ императорское управленіе, также перешолъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ къ сенату. Тогда тамъ образовались четыре сенатскія намѣстничества: Азія, Виѳинія съ Понтомъ, Кипръ, Критъ и Кирена. Подъ императорскимъ управленіемъ сначала находилась только Киликія, какъ часть сирійской провинціи. Но области, поступившія послѣ того подъ непосредственное владычество Рима, поступали тамъ, точно такъ-же какъ и во всей имперіи, подъ управленіе императорскихъ намѣстниковъ; такимъ образомъ, еще при Августѣ была организована изъ внутреннихъ областей галатскаго государства провинція Галатія, а прибрежныя части Памфиліи были подчинены другому намѣстнику, которому впослѣдствіи, при Клавдіѣ, была подчинена и Ликія. Далѣе, Каппадокія сдѣлалась императорскимъ намѣстничествомъ при Тиверіѣ. И Киликія, получившая особаго намѣстника, натурально оставалась подъ императорскимъ управленіемъ. Помимо того, что Адріанъ промѣнялъ важную провинцію Виѳинію съ Понтомъ на незначительную ликійско-памфилійскую, эти порядки оставались въ силѣ до конца 3 столѣтія, когда сенатское соуправленіе было упразднено даже въ своихъ самыхъ ничтожныхъ остаткахъ. Въ первыя времена имперіи ея гра-

нију вообще составляли тамъ вассальныя царства; послѣ ихъ включенія въ составъ имперіи, съ государственной границей (помимо Кирены) соприкасался изъ всѣхъ этихъ административныхъ округовъ только каппадокійскій, въ той мѣрѣ, въ какой въ ту пору принадлежала къ нему и сѣверо-восточная смежная территорія вплоть до Трапезунда [1]); и даже это намѣстничество не граничило съ настоящими иноземными владѣніями, такъ какъ къ сѣверу отъ него жили на Фазисѣ зависимыя отъ Рима племена, а далѣе находилось вассальное армянское царство, которое принадлежало къ имперіи по праву и въ нѣкоторой мѣрѣ даже на самомъ дѣлѣ.

Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о положеніи и ходѣ развитія Малой Азіи въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій нашей эры, насколько это возможно при полномъ отсутствіи прямыхъ историческихъ свѣдѣній объ этой странѣ, мы обратимся,—въ виду того, что римское провинціальное управленіе отличалось консервативнымъ характеромъ,—къ болѣе древнимъ территоріальнымъ ея раздѣленіямъ и къ самой древней исторіи отдѣльныхъ областей.

Азія.—Провинціей Азіей называлось древнее царство Атталидовъ, то-есть передняя часть Азіи, граничившая къ сѣверу Виѳиніей, къ югу Ликіей; первоначально отдѣленныя отъ нея восточныя области, составлявшія великую Фригію, были снова присоединены къ ней

---

[1]) Границы вассальныхъ владѣній и даже провинцій нигдѣ не подвергались болѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ въ сѣверо-восточной части Малой Азіи. Непосредственное римское управленіе было введено въ 63 году въ бывшихъ владѣніяхъ царя Полемона, къ которымъ принадлежали Зела, Неокесарія, Трапезундъ, а когда оно было введено въ Малой Арменіи, намъ неизвѣстно въ точности—вѣроятно въ началѣ царствованія Веспасіана. Послѣдній вассальный царь Малой Арменіи, имя котораго упоминается, былъ Иродіанецъ Аристобулъ [Тацитъ, *Лѣт.* 13, 7. 14, 26; Josefus. Ant. 20, 8, 4], владѣвшій этою страной еще въ 60 году; въ 75 году эта страна принадлежала Римлянамъ [C. I. L. 111, 306], а одинъ изъ легіоновъ, стоявшихъ со временъ Веспасіана гарнизонами въ Каппадокіи, вѣроятно сначала стоялъ въ Малой Арменіи, въ Саталѣ. Веспасіанъ соединилъ въ одно большое намѣстничество какъ названныя страны, такъ и Галатію съ Каппадокіей. Въ концѣ Домиціанова управленія мы находимъ Галатію и Каппадокію раздѣленными, а сѣверо-восточныя провинціи присоединенными къ Галатіи. При Траянѣ весь этотъ округъ сначала былъ снова соединенъ подъ одно управленіе, а потомъ [Eph. ep. V n. 1345] былъ раздѣленъ такъ, что сѣверо-восточный берегъ принадлежалъ къ Каппадокіи. И впредь все оставалось въ этомъ положеніи, по меньшей мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что Трапезундъ и также Малая Арменія впредь постоянно находились подъ управленіемъ тамошняго намѣстника. Такимъ образомъ—за исключеніемъ происшедшаго при Домиціанѣ непродолжительнаго перерыва, легатъ Галатіи не имѣлъ никакого дѣла до охраны границъ и Галатія, само собою разумѣется, была постоянно подчинена военному начальнику Каппадокіи и ея легіоновъ.

еще во времена республики, и съ тѣхъ поръ эта провинція простиралась до мѣстности, населенной Галатами и до горъ Писидіи. Къ этому округу также принадлежали Родосъ и остальные менѣе значительные острова Эгейскаго моря.

Приморскіе города.—Первоначальныя эллинскія поселенія заняли кромѣ островов и самыхъ береговъ также нижнія долины самыхъ большихъ рѣкъ; Магнезія близь горы Сипила въ долинѣ Герма, другая Магнезія и Траллы въ долинѣ Меандра еще до Александра были основаны въ качествѣ греческихъ городовъ или же сдѣлались греческими городами; жители Каріи, Лидіи и Мизіи рано сдѣлались по меньшей мѣрѣ полу-Эллинами. Распространявшемуся владычеству Грековъ не предстояло большаго труда въ прибрежныхъ областяхъ; Смирна, которая еще за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ была разрушена жившими внутри страны варварами, возстала въ ту пору изъ своихъ развалинъ для того, чтобъ быстро снова сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ украшеній въ блестящемъ ряду мало-азіятскихъ городовъ, а если возсооруженіе Иліона на могильной насыпи Гектора было скорѣе дѣломъ благочестія, нежели дѣломъ политики, за то основаніе Александріи на берегу Троады имѣло болѣе прочное значеніе. Пергамъ въ долинѣ Каика разцвѣлъ въ качествѣ резиденціи Атталидовъ.

Внутренность страны.—Въ великомъ дѣлѣ эллинизированія внутреннихъ странъ этой провинціи принимали дѣятельное участіе, соотвѣтственно намѣреніямъ Александра, всѣ эллинскія правительства, и Лизимахъ, и Селевкиды, и Атталиды. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній мы знаемъ объ основаніи того или другаго изъ тамошнихъ городовъ еще менѣе того, что намъ извѣстно о происходившихъ въ ту пору войнахъ; намъ приходится обратится къ названіямъ и прозвищамъ городовъ; однако даже ихъ однихъ достаточно для того, чтобъ мы могли уловить общія черты той дѣятельности, которая продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, оставаясь всегда однородной и всегда ясно сознавая свою цѣль. Находившіяся внутри страны поселенія—Стратоникея въ Каріи, Пельты, Блаундосъ, Докимейонъ, Кадой во Фригіи, мизійско-македонскія въ округѣ Эфеса, Ѳіатеира, Гирканія, Накраса въ области Герма, Аскилаки въ округѣ Адрамитіона—считаются по достовѣрнымъ указаніямъ или по другимъ достойнымъ довѣрія свидѣтельствамъ, македонскими поселеніями; а упоминанія о нихъ имѣютъ такой характеръ случайности и самыя мѣстности частію до такой степени незначительны, что названіе македонскихъ, безъ сомнѣнія, распространялось на множество другихъ поселеній въ этой странѣ; отсюда мы должны заключить, что въ тѣхъ странахъ существовали многочисленныя поселенія грече-

скихъ солдатъ, по всему вѣроятію, находившіяся въ связи съ охраной передней Азіи отъ Галатовъ и отъ Писидійцевъ. Кромѣ того, мы находимъ на монетахъ значительнаго фригійскаго города Синнады вмѣстѣ съ названіемъ города названіе Іонянъ и Дорянъ, равно какъ имя общаго Зевса (Ζεύς πάνδημος); отсюда слѣдуетъ заключить, что одинъ изъ Александридовъ приглашалъ всѣхъ Грековъ вообще переселяться туда, и конечно такія переселенія не ограничивались только этимъ однимъ городомъ. Сюда не слѣдуетъ причислять тѣ многочисленные города, находившіеся преимущественно внутри страны, названія которыхъ указываютъ на царственныя династіи Селевкидовъ или Атталидовъ, или которые въ прежнее время носили греческія названія; именно въ числѣ тѣхъ городовъ, которые безспорно были или основаны или переустроены Селевкидами, было не мало такихъ, которые въ болѣе позднюю пору были самыми цвѣтущими и самыми образованными изъ всѣхъ внутреннихъ городовъ,—какъ напримѣръ Лаодикея и главнымъ образомъ Апамея въ южной Фригіи, и древніе Келены, которые стояли на большой дорогѣ, идущей отъ западныхъ береговъ Малой Азіи къ среднему Евфрату, и были уже во времена персидскаго владычества складочнымъ мѣстомъ для тамошней торговли, а при Августѣ были самымъ важнымъ послѣ Эфеса городомъ въ провинціи Азіи. Если и не всякимъ греческимъ названіемъ обозначалось поселеніе греческихъ колонистовъ, все-таки значительная часть тѣхъ поселеній должна быть причислена къ греческимъ колоніальнымъ городамъ. Впрочемъ и тѣ изъ найденныхъ тамъ Александридами городскихъ поселеній, которыя были заведены не Греками, сами собою вступали въ эллинскую колею,—такъ напримѣръ служившій резиденціей для персидскаго намѣстника городъ Сарды былъ еще до Александра устроенъ по образцу греческихъ общинъ. — Это развитіе городской жизни уже вполнѣ завершилось, когда Римляне вступили въ обладаніе передней Азіей; сами они не много способствовали этому развитію. Если очень многія городскія общины въ восточной части провинціи ведутъ свое лѣтосчисленіе со времени своего основанія въ 670 г., то-есть въ 84 г. до Р. X., то это происходитъ оттого, что въ ту пору была окончена война съ Митридатомъ и Сулла поставилъ эти округа подъ непосредственное римское управленіе; городскія права не были въ ту пору впервые получены этими поселеніями. Августъ поселилъ ветерановъ своей арміи въ городѣ Паріѣ у Геллеспонта и въ выше упомянутомъ городѣ Александріи въ Троадѣ и далъ обоимъ городамъ права римскихъ гражданскихъ общинъ; послѣдній изъ нихъ сдѣлался потомъ для греческой Азіи такимъ-же италійскимъ островомъ, какими были Коринѳъ въ Греціи и Беритъ въ Сиріи. Но все это было вызвано лишь желаніемъ пристроить солдатъ, а о настоящемъ основаніи городовъ въ римской провинціи Азіи въ эпоху имперіи

рѣдко идетъ рѣчь. Въ числѣ немногихъ тамошнихъ городовъ, названныхъ по имени котораго-нибудь императора, едва-ли можно указать болѣе древнія городскія названія, чѣмъ названія Себаста и Тиверіуполя, находившихся во Фригіи, и Адріаноя, находившагося на границѣ Виѳиніи. Тамъ, въ гористой мѣстности между Идой и Олимпомъ, властвовали — во времена тріумвировъ Клеонъ, а при Адріанѣ нѣкій Тиллиборъ; оба они были на половину атаманами разбойниковъ, на половину народными вождями, а первый изъ нихъ даже игралъ политическую роль; то, что Адріанъ основалъ въ этой вольной странѣ хищниковъ правильно организованную городскую общину, было во всякомъ случаѣ благодѣяніемъ. Такъ какъ эта провинція съ своими пятью стами городскими общинами была самая богатая числомъ городовъ во всемъ государствѣ, то въ ней и не представлялось надобности что-либо основывать вновь, а представлялась лишь надобность раздѣлять,—то-есть развившіяся въ городскую общину поселенія выдѣлять изъ прежняго союза общинъ и дѣлать ихъ самостоятельными; мы можемъ указать на одинъ такой примѣръ во Фригіи изъ временъ Константина I. Но въ то время, какъ тамъ было введено римское управленіе, эти отдаленныя страны еще были очень далеки отъ настоящаго эллинизированія; въ особенности во Фригіи сохранялся мѣстный языкъ, быть можетъ, однородный съ армянскимъ. Если отсутствіе греческихъ монетъ и греческихъ надписей и не можетъ считаться за несомнѣнное доказательство того, что эти страны вовсе не были эллинизированы [1]), за то принадлежность почти всѣхъ фригійскихъ монетъ ко временамъ римской имперіи и принадлежность большей части фригійскихъ надписей къ позднѣйшимъ временамъ имперіи служатъ доказательствомъ того, что въ отдаленной и мало доступной для цивилизаціи провинціи Азіи эллинская образованность впервые проложила себѣ туда путь главнымъ образомъ при императорахъ. Этотъ спокойно совершавшійся процесъ представлялъ мало поводовъ для непосредственнаго вмѣшательства государственной администраціи и мы не въ состояніи указать на какіе-либо слѣды такого вмѣшательства. Впрочемъ Азія была сенатской провинціей, а тотъ фактъ, что сенатское управленіе было лишено всякой инціативы, можетъ и въ этомъ случаѣ быть принятъ въ соображеніе.

---

[1]) Чеканка городскихъ монетъ и помѣщеніе надписей зависятъ отъ такихъ разнородныхъ условій, что отсутствіе или изобиліе какъ тѣхъ такъ и другихъ не могутъ быть принимаемы за доказательство низкой или высокой степени цивилизаціи. Въ особенности относительно Малой Азіи слѣдуетъ имѣть въ виду то соображеніе, что это была обѣтованная земля муниципальнаго тщеславія, а дошедшіе до насъ памятники и монеты появлялись на свѣтъ большею частію благодаря тому, что правительство римскихъ императоровъ давало этому тщеславію полный просторъ.

Соперничество между городами.—Значеніе Сиріи и въ особенности Египта сосредоточивалось въ ихъ метрополіяхъ; но въ провинціи Азіи и вообще во всей Малой Азіи нельзя указать ни одного города, похожаго на Антіохію и на Александрію; для благосостоянія этихъ странъ служили опорой многочисленные города средней величины; ихъ отличительной особенностью было раздѣленіе городовъ на три разряда, отличавшіеся одинъ отъ другаго какъ правомъ подачи голосовъ на сеймѣ, такъ и по распредѣленію наложенныхъ на всю провинцію податей, и даже по числу городскихъ докторовъ и городскихъ учителей. которыхъ они должны были доставлять [1]). И соперничество между городами,—которое было въ Малой Азіи такое энергичное и частію ребяческое, а въ иныхъ случаяхъ даже такое отвратительное, что напримѣръ война между Северомъ и Нигеромъ въ Виѳиніи въ сущности была войной между двумя соперничавшими столицами Никомедіей и Никеей,—хотя въ сущности было принадлежностью эллинскихъ политій, но въ особенности было принадлежностью мало-азіятскихъ. О соперничествѣ изъ-за храма въ честь императора будетъ упомянуто далѣе; точно такъ и распредѣленіе по рангу мѣстъ между городскими депутаціями, присутствовавшими на общихъ празднествахъ въ Малой Азіи, было жизненнымъ вопросомъ; Магнезія на Меандрѣ называла себя на монетахъ «седьмымъ городомъ Азіи»; но главнымъ образомъ перваго мѣста до такой степени всѣ добивались, что правительство наконецъ признало существованіе нѣсколькихъ первыхъ городовъ. То-же было и съ титуломъ метрополіи. Настоящей метрополіей провинціи былъ Пергамъ, служившій резиденціей для Атталидовъ и мѣстомъ засѣданій для сейма. Но такого же почетнаго права добивались: Эфесъ на самомъ дѣлѣ главный городъ провинціи, въ которомъ намѣстникъ былъ обязанъ вступать въ свою должность и который хвастался на своихъ монетахъ этимъ «правомъ вступленія»; Смирна, постоянно тягавшаяся съ своими эфесскими сосѣдями и въ нарушеніе ихъ законныхъ правъ первенства называвшая себя на монетахъ «первымъ городомъ по величинѣ и по красотѣ»; древніе Сарды, Кизикъ и многіе другіе. По причинѣ этихъ мелочныхъ ссоръ, безпрестанно вызывавшихъ вмѣшательство сената и императора и обыкновенно называвшихся въ Римѣ «греческими дураче-

---

[1]) Сообщая содержаніе этого постановленія [Dig. 27, 1, 6, 3], юристъ Модестинъ говоритъ, что „оно интересовало всѣ провинціи, хотя относилось къ Азіатамъ". Дѣйствительно, оно примѣнимо лишь тамъ, гдѣ города раздѣлены на разряды, а юристъ присовокупляетъ указаніе, какъ оно могло-бы быть примѣнено къ иначе организованнымъ провинціямъ. Съ этимъ постановленіемъ не имѣетъ ничего общаго то, что говоритъ біографъ Пія [гл. II] объ отличіяхъ и содержаніи. которыя Пій пожаловалъ риторамъ.

ствами», Мало-Азіяты служили для знатныхъ Римлянъ предметомъ постоянныхъ укоровъ и постоянныхъ насмѣшекъ [1]).

Виѳинія. —Виѳинія не стояла на одной высотѣ съ царствомъ Атталидовъ. Самая древняя греческая колонизація ограничивалась тамъ одними берегами. Въ ту эпоху, когда въ Малой Азіи вводилось нѣчто похожее на эллинизмъ,—сначала македонскіе властители, а потомъ шедшая совершенно по ихъ стопамъ туземная династія въ нѣкоторой мѣрѣ распространили и на внутренность страны то переустройство приморскихъ поселеній, которое вообще сводилось лишь къ перемѣнѣ названій; такъ они основали, впослѣдствіи достигшія благосостоянія, Никею (Исникъ) и Прузу близь Олимпа (Бруссу); касательно первой изъ нихъ дѣлаются указанія на то, что ея первые жители были настоящаго македонскаго и эллинскаго происхожденія. Но въ томъ, что касается внутренней силы эллинизированія, царство Никомеда оставалось далеко позади владѣній пергамскаго царя-гражданина; въ особенности въ восточной части внутренней страны до Августа мало селились. Иначе было во времена имперіи. Одинъ счастливый разбойничій атаманъ, превратившійся въ блюстителя внутренняго порядка, заново отстроилъ, во времена Августа, на границѣ Галатіи, совершенно пришедшее въ упадокъ поселеніе Гордіу Коме (Gordiu Kome) подъ именемъ Юліополя; въ той-же мѣстности, по всему вѣроятію, въ теченіе перваго столѣтія, достигли греческихъ городскихъ правъ города Виѳиній-Клавдіополь и Кратейя-Флавіополь. Вообще эллинизмъ сильно развился въ Виѳиніи во времена имперіи, а крѣпкій ѳракійскій закалъ мѣстнаго населенія послужилъ для него хорошимъ фундаментомъ. Если изъ многочисленныхъ найденныхъ въ этой провинціи камней съ надписями, не болѣе какъ четыре принадлежатъ къ до-римскимъ временамъ, то этотъ фактъ можно объяснять не однимъ только тѣмъ, что честолюбіе городовъ впервые сильно развилось при императорахъ. Между писателями временъ имперіи Виѳиніи принадлежали нѣкоторые изъ самыхъ луч-

1) Діонъ изъ Прузы прекрасно объясняетъ въ своихъ посланіяхъ къ гражданамъ Никомедіи и Тарса, что никакой образованный человѣкъ не захотѣлъ бы носить такихъ пустыхъ отличій, а со стороны городовъ совершенно непонятна такая гоньба за титулами, что выставлять на показъ такіе ранги значитъ выказывать ничтожество этихъ городовъ, что дурные намѣстники обыкновенно прикрываютъ свои дурныя дѣла этимъ взаимнымъ соперничествомъ городовъ, такъ какъ Никея и Никомедія никогда между собою не сходятся. „Римляне относятся къ вамъ, какъ къ дѣтямъ, которымъ дарятъ ничтожныя игрушки; вы принимаете дурное съ вами обхожденіе за средство пріобрѣсть извѣстность; вы называете вашъ городъ первымъ, а обходитесь съ нимъ, какъ съ послѣднимъ“. Поэтому вы сдѣлались для Римлянъ посмѣшищемъ и они называютъ это „греческими дурачествами“ [Ἑλληνικὰ ἁμαρτήματα].

шихъ и всѣхъ менѣе зараженныхъ расплодившеюся риторикою, какъ-то: философъ Діонъ изъ Прузы, историкъ Мемнонъ изъ Гераклеи, Арріанъ изъ Никомедіи, Кассій Діонъ изъ Никеи.

Понтъ.—Римская провинція Понтъ, занимавшая восточную половину южныхъ береговъ Чернаго моря, заключала въ себѣ ту часть владѣній Митридата, которую Помпей подчинилъ непосредственному римскому владычеству немедленно вслѣдъ за одержанной побѣдой. Многочисленныя мелкія княжества, находившіяся внутри Пафлагоніи и къ востоку оттуда вплоть до границы Арменіи, были въ то-же время оставлены Помпеемъ нетронутыми; но послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго существованія они также поступили въ составъ имперіи и были присоединены частію къ Понту, частію къ Галатіи или къ Каппадокіи. Какъ старый, такъ и новый эллинизмъ проникъ въ прежнія владѣнія Митридата гораздо менѣе, нежели въ западныя страны. Когда Римляне поставили эти владѣнія въ посредственную или непосредственную отъ себя зависимость, тамъ не было, въ строгомъ смыслѣ слова, по-гречески организованныхъ городовъ; къ числу такихъ городовъ нельзя было отнести Амазію, которая была старинной резиденціей понтійскихъ Ахеменидовъ и всегда была мѣстомъ ихъ погребенія; оба старинныхъ греческихъ приморскихъ города — Амизъ и когда-то господствовавшій надъ Чернымъ моремъ Синопъ, сдѣлались царскими резиденціями, и даже тѣмъ немногимъ, основаннымъ Митридатомъ городкамъ, какъ напримѣръ Эвпаторіи, едва-ли были даны права греческой политіи. Здѣсь,—какъ уже было ранѣе замѣчено въ 3-мъ томѣ,—римское завоеваніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и эллинизированіемъ; Помпей ввелъ въ этой провинціи такое устройство, что одиннадцать изъ главныхъ ея поселеній были обращены въ города, между которыми и была раздѣлена вся территорія. Однако эти искуственно созданные города съ ихъ громадными округами походили скорѣе на кельтскія волости, чѣмъ на настоящія эллинскія и италійскія городскія общины; такъ напримѣръ округъ Синопа тянулся вдоль берега на 16 нѣмецкихъ миль и граничилъ у Галія съ округомъ Амиза. Но въ ту пору Синопъ и Амизъ были снова поставлены въ свое прежнее положеніе, и многіе другіе внутренніе города, какъ напримѣръ Помпейополь, Никополь, Мегалополь, впослѣдствіи называвшійся Себастейей, были призваны къ новой жизни. Синопъ получилъ отъ диктатора Цезаря право римской колоніи и безъ сомнѣнія также италійскихъ колонистовъ. Для римской администраціи былъ болѣе важенъ Трапезундъ—старинная колонія Синопа; этотъ городъ, присоединенный въ 63 г. къ провинціи Каппадокіи (стр. 291, прим.), былъ единственнымъ во всей Малой Азіи въ томъ отношеніи, что служилъ стоянкой для римскаго черноморскаго флота и какъ-бы операціоннымъ базисомъ для стоявшаго въ провинціи отряда войскъ.

Каппадокія.—Лежащая внутри страны Каппадокія находилась во власти Римлянъ со времени учрежденія провинцій Понта и Сиріи; о ея присоединеніи къ имперіи, которое состоялось въ началѣ царствованія Тиверія и для котораго ближайшимъ поводомъ послужила попытка. Арменіи высвободиться изъ-подъ вассальной зависимости отъ Рима, будетъ итти рѣчь въ слѣдующей главѣ. Дворъ и все, что находилось въ непосредственной съ нимъ связи, прониклись эллинскимъ духомъ почти точно такъ-же, какъ при дворахъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей 18-го столѣтія усвоились французскіе нравы. Столица Кесарія, въ старину Мазака, служившая подобно фригійской Апамеѣ передаточнымъ пунктомъ для обширныхъ торговыхъ сношеній между портами западныхъ береговъ и при-евфратскими странами, а въ римскія времена бывшая точно такъ-же какъ и въ настоящее время однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ торговыхъ городовъ Малой Азіи, была по почину Помпея не только заново отстроена послѣ войны съ Митридатомъ, но, по всему вѣроятію, также получила въ ту пору городское право по греческому образцу. Сама Каппадокія едва-ли была въ началѣ имперіи болѣе греческой страной, чѣмъ Бранденбургъ и Померанія были при Фридрихѣ Великомъ французскими странами. Послѣ своего перехода во власть Римлянъ, она распалась, по словамъ жившаго въ то время Страбона, не на городскіе округи, а на десять вѣдомствъ, изъ которыхъ только въ двухъ были города, а именно выше упомянутая столица и Тіана; а эти порядки въ своей цѣлости такъ-же мало измѣнились, какъ и въ Египтѣ, хотя нѣкоторыя отдѣльныя поселенія впослѣдствіи и получили греческое городское право,—такъ напримѣръ императоръ Маркъ обратилъ въ городъ Фаустинополь ту каппадокійскую деревню, въ которой кончила жизнь его супруга. Каппадокійцы, правда, говорили въ ту пору по-гречески; но тѣ каппадокійскіе уроженцы, которые отправлялись учиться за границу, должны были выносить много непріятностей за свой грубый акцентъ, за свои ошибки въ произношеніи и въ удареніяхъ, а когда они научались выражаться поэтически, туземцы находили ихъ языкъ вычурнымъ [1]). Только во времена христіанства, репутацію каппадокійцевъ возстановили школьные товарищи императора Юліана, Григорій Назіанзинъ и Василій Кесарійскій.

Ликія.—Ликійскіе города, будучи со всѣхъ сторонъ замкнуты въ своей гористой странѣ, не открывали своихъ береговъ для греческихъ поселеній, но тѣмъ не менѣе не оставались въ сторонѣ отъ

---

1) У Филострата, Vitae Soph. 2, 13, кесарійскій уроженецъ Павзаній указываетъ Ироду Аттику его ошибки: παχείᾳ τῇ γλώττῃ καὶ ὡς Καππαδόκαις ξύνηθες, ξυγκρούων μὲν τὰ σύμφωνα τῶν στοιχείων, συστέλλων δὲ τὰ μηκυνόμενα καὶ μηκύνων τὰ βραχέα. Vita Apoll. 1, 7: ἡ γλῶττα Ἀττικῶς εἶχεν, οὐδ᾽ ἀπήχθη τὴν φωνὴν ὑπὸ τοῦ ἔθνους.

греческаго вліянія. Ликія была единственной мало-азіятской страной, въ которой ранняя цивилизація не уничтожила мѣстнаго языка и которая освоилась съ греческимъ бытомъ почти такъ-же, какъ и Римляне, не усвоивая внѣшней стороны эллинизма. Ея положеніе обрисовывается тѣмъ, что ликійская конфедерація примкнула такой, какой была, къ аттическому морскому союзу и заплатила свою дань аѳинскому верховенству. Ликійцы не только подчинили свое искуство эллинскимъ образцовымъ произведеніямъ, но и свои политическіе порядки рано устроили по тому же образцу. Усиленію эллинскаго вліянія содѣйствовало то обстоятельство, что городской союзъ, когда-то находившійся подъ властію Родоса, а послѣ третьей македонской войны сдѣлавшійся независимымъ, былъ превращенъ въ римскую провинцію, которую императоръ Клавдій организовалъ вслѣдствіе безконечныхъ распрей между союзниками; впослѣдствіи Ликійцы вполнѣ превратились въ Грековъ.

Памфилія и Киликія.—Памфилійскіе приморскіе города, какъ напримѣръ Аспендъ и Перге, основанные въ более древнія времена Греками, но потомъ предоставленные самимъ себѣ и достигшіе, благодаря благопріятнымъ условіямъ, благосостоянія, придали древнему эллинизму такую или издавна сохранившуюся или самостоятельно выработанную форму, что жители Памфиліи могли считаться по языку и письменности самостоятельной націей едва-ли менѣе, чѣмъ ихъ сосѣди-Ликійцы. Когда Азія подпала подъ эллинское вліяніе, они мало-помалу примкнули къ общей греческой цивилизаціи. равно какъ къ общимъ политическимъ порядкамъ. Властителями какъ въ этой странѣ, такъ и на сосѣднихъ берегахъ Киликіи были въ эллинское время частію Египтяне, чей царствующій домъ далъ свое имя многимъ поселеніямъ въ Памфиліи и въ Киликіи, частію Селевкиды, по имени которыхъ назывался самый значительный городъ западной Киликіи Селевкія на Каликаднѣ, частію Пергамляне, о владычествѣ которыхъ свидѣтельствуетъ Атталія (Адалія) въ Памфиліи.

Писидія и Исаврія.—Напротивъ того племена, жившія въ горахъ Писидіи, Исавріи и западной Киликіи, сохраняли на самомъ дѣлѣ свою независимость до самаго начала имперіи. Тамъ войны никогда не прекращались. Не только на сушѣ цивилизованнымъ правительствамъ постоянно приходилось сталкиваться съ Писидійцами и съ ихъ сообщниками, но еще ревностнѣе, чѣмъ грабежами на сушѣ, Писидійцы занимались морскими разбоями въ особенности въ западной Киликіи, гдѣ горы доходятъ до самаго моря. Когда съ упадкомъ морскаго могущества Египтянъ, южные берега Малой Азіи были вполнѣ предоставлены въ распоряженіе пиратовъ, въ это дѣло вступились Римляне; съ цѣлію прекратить морскіе разбои они орга-

низовали провинцію Киликію, которая вмѣщала въ себѣ или по крайней мѣрѣ должна была вмѣщать и берега Памфиліи. Но то, что было ими сдѣлано, не столько привело къ положительнымъ результатамъ, сколько доказало, какихъ результатовъ слѣдовало достигнуть; они вмѣшались и слишкомъ поздно и слишкомъ слегка. Хотя корсарамъ и былъ нанесенъ тяжелый ударъ и хотя римскія войска, проникшія въ горы Исавріи и далеко внутрь страны, разрушили укрѣпленные замки пиратовъ, римская республика не дошла до настоящаго прочнаго утвержденія своего владычества надъ округами, присоединенными ею къ римскимъ владѣніямъ противъ воли. Тамъ имперіи предстояло начать все съизнова. Вступивши въ управленіе востокомъ, Антоній поручилъ способному галатскому офицеру Аминту завоеваніе непокорной части Писидіи [1]), а когда этотъ офицеръ оказался очень полезнымъ дѣятелемъ [2]), Антоній сдѣлалъ его царемъ Галатіи, которая была организована въ военномъ отношеніи лучше всѣхъ другихъ мало-азіятскихъ странъ и въ которой жилъ самый воинственный изъ всѣхъ мало-азіятскихъ народовъ; вслѣдъ за тѣмъ Антоній расширилъ это царство до южныхъ береговъ и стало быть присоединилъ къ нему Ликаонію, Писидію, Исаврію, Памфилію и западную Киликію, между тѣмъ какъ цивилизованная восточная часть Киликіи осталась присоединенной къ Сиріи. И Августъ, вступивши въ обладаніе востокомъ послѣ битвы при Акціумѣ, оставилъ кельтскаго владѣтеля на прежнемъ мѣстѣ. Этотъ послѣдній достигъ существенныхъ успѣховъ какъ при усмиреніи корсаровъ, укрывавшихся въ своихъ притонахъ въ западной Киликіи, такъ и при искорененіи грабежей на сушѣ; онъ убилъ одного изъ самыхъ опасныхъ разбойничьихъ атамановъ, владѣтеля Дербе и Ларанды въ южной Ликаоніи, Антипатра, выстроилъ себѣ въ Исавріи резиденцію и не только выгналъ Писидійцевъ изъ пограничной фригійской территоріи, но проникъ внутрь ихъ соб-

1) Аминтъ былъ поставленъ надъ Писидійцами еще въ 715 г., прежде возвращенія Антонія въ Азію [Аппіанъ Bel. Civ. 5, 75] безъ сомнѣнія потому, что Писидійцы снова предприняли какой-нибудь хищническій набѣгъ. Тѣмъ, что онъ тамъ властвовалъ уже ранѣе, объясняется тотъ фактъ, что онъ построилъ себѣ резиденцію въ Исавріи [Страбонъ 12, 6, 3, стр. 569]. Галатія первоначально перешла къ наслѣдникамъ Дейотара [Діонъ, 48, 33]. Только въ 718 году Аминтъ получилъ Галатію, Ликаонію и Памфилію [Діонъ 49, 32].

2) Что именно это и было причиной того, что эти страны не поступили подъ управленіе римскаго намѣстника, видно изъ словъ Страбона [14, 5, 5, стр. 671], который стоялъ близко къ этимъ событіямъ и по времени и по мѣсту и который положительно говоритъ: ἐδόκει πρὸς ἅπαν τὸ τοιοῦτο [для усмиренія разбойниковъ и пиратовъ] βασιλεύεσθαι μᾶλλον τοὺς τόπους ἢ ὑπὸ τοῖς Ῥωμαίοις ἡγεμόσιν εἶναι τοῖς ἐπὶ τὰς κρίσεις πεμπομένοις, οἳ μήτ' ἀεὶ παρεῖναι ἔμελλον μήτε μεθ' ὅπλων [которыхъ конечно не было у позднѣйшаго легата Галатіи].

ственной страны и овладѣлъ тамъ Кремной. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (729 г. отъ осн. Р., 25 г. до Р. Х.) онъ лишился жизни во время экспедиціи, предпринятой имъ противъ одного изъ западно-киликійскихъ племенъ Гомонаденсовъ; послѣ того какъ онъ овладѣлъ большею частію тамошнихъ поселеній и послѣ того, какъ мѣстный владѣтель палъ въ сраженіи, онъ самъ погибъ вслѣдствіе заговора, составленнаго противъ него женою умершаго владѣтеля. Послѣ этой катастрофы, Августъ самъ взялся за трудную задачу возстановить спокойствіе внутри Малой Азіи. Если при этомъ онъ,—какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 290),—отдалъ небольшую памфилійскую приморскую страну подъ управленіе особаго намѣстника и отдѣлилъ ее отъ Галатіи, то это было сдѣлано, очевидно, потому, что лежащая между берегами и галато-ликаонійской степью гористая страна была еще настолько независима, что изъ Галатіи было неудобно управлять приморской страной. Въ Галатіи не было поставлено римскихъ войскъ; однако призваніе воинственныхъ Галатовъ къ оружію принесло болѣе пользы, нежели такое же призваніе, обращенное къ жителямъ какой либо другой провинціи. А такъ какъ западная Киликія была въ ту пору присоединена къ Каппадокіи, то войска этого вассальнаго владѣтеля также должны были принимать участіе въ этой борьбѣ. Участіе сирійской арміи было вызвано главнымъ образомъ желаніемъ наказать Гомонаденсовъ; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того въ ихъ владѣнія вступилъ намѣстникъ Публій Сульпицій Квириній; онъ отрѣзалъ имъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и принудилъ ихъ изъявлять покорность цѣлыми массами; при этомъ они были размѣщены по окрестнымъ странамъ, а ихъ прежняя территорія была совершенно опустошена. Такимъ же наказаніямъ были подвергнуты въ 36 и 52 годахъ Клиты—другое племя, жившее въ западной Киликіи ближе къ берегу; такъ какъ они отказались повиноваться назначенному Римлянами вассальному владѣтелю и грабили какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, а такъ-называемые хозяева страны не могли съ ними справиться, то оба раза приходили изъ Сиріи римскія войска для того, чтобъ ихъ усмирять. Эти свѣдѣнія дошли до насъ случайно; не подлежитъ сомнѣнію, что много другихъ подобныхъ фактовъ остались намъ неизвѣстными.

Писидійскія колоніи.—Но Августъ предпринялъ умиротвореніе этой страны также и посредствомъ ея заселенія. Правительства, дѣйствовавшія въ духѣ подражанія эллинизму, такъ-сказать изолировали ее; они не только упрочили или вновь утвердили свое владычество на берегахъ, но также основали на сѣверо-западѣ цѣлый рядъ городовъ—на границѣ Фригіи Аполлонію, которая, какъ полагаютъ, была основана самимъ Александромъ, Селевкію Siderus

и Антіохію, оба принадлежавшіе ко временамъ Селевкидовъ, далѣе въ Ликаоніи Лаодикею Katakekaumene и возникшій также во времена Грековъ, главный городъ этой страны Иконій. Но въ самой гористой мѣстности нѣтъ никакихъ слѣдовъ поселеній, носящихъ греческій отпечатокъ, а римскому сенату была еще болѣе не по силамъ такая трудная задача. За нее взялся Августъ; здѣсь и на всемъ греческомъ востокѣ именно только здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ колоній римскихъ ветерановъ, очевидно имѣвшій цѣлію завоевать эту страну мирными переселенцами. Изъ числа только-что названныхъ болѣе старыхъ поселеній Антіохія была населена ветеранами и устроена по римскому образцу; вновь были основаны: въ южной Ликаоніи Parlais, въ самой Писидіи уже упомянутая Кремна и далѣе къ югу Олбаза и Комама. Послѣдующія правительства не продолжали начатую работу съ такой же энергіей; однако, при Клавдіѣ неприступная писидійская Селевкія превратилась въ Клавдіевскую, далѣе внутри западной Киликіи былъ основанъ Клавдіополь и неподалеку оттуда и, быть можетъ, одновременно Германикополь, а Иконій, бывшій во времена Августа маленькимъ мѣстечкомъ, получилъ значительное развитіе. Вновь основанные города хотя и оставались незначительными, но въ немалой степени стѣсняли сферу дѣятельности вольныхъ горцевъ и способствовали возстановленію внутренняго спокойствія. Какъ горные города самой Писидіи, напримѣръ Сельге и Сагалассъ, такъ и равнины и горныя террасы Памфиліи были во времена имперіи довольно густо населены и вся мѣстность была тщательно обработана; остатки построенныхъ во времена имперіи огромныхъ водопроводовъ и необыкновенно обширныхъ театровъ, хотя и обнаруживаютъ технику простыхъ ремесленниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о широко развитомъ мирномъ благосостояніи. Конечно, правительство никогда не могло совершенно прекратить въ этихъ странахъ разбои и если въ раннюю пору имперіи хищническіе набѣги происходили лишь въ скромныхъ размѣрахъ, за то среди смутъ третьяго столѣтія разбойничьи шайки снова стали играть роль воюющей державы. Онѣ выступили тогда на сцену подъ именемъ Исавровъ и имѣли свое мѣстопребываніе главнымъ образомъ въ горахъ Киликіи, откуда производили грабежи и на сушѣ и на морѣ. Объ нихъ впервые упоминается въ царствованіе Александра Севера. Что они въ царствованіе Галліена провозгласили своего атамана императоромъ, вѣроятно, было басней; тѣмъ не менѣе въ царствованіе Проба одинъ изъ такихъ атамановъ, по имени Лидій, долго грабившій Ликію и Памфилію, былъ осажденъ римскими войсками въ римской колоніи Кремна, находившейся въ его власти, и былъ взятъ лишь послѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія. Въ болѣе позднюю пору былъ поставленъ вокругъ этой территоріи военный кордонъ и для

борьбы съ Исаврами былъ назначенъ особый военачальникъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ удавалось поступить на службу при византійскомъ дворѣ, долго занимали тамъ, благодаря своей дикой храбрости, такое-же положеніе, какое занимали Македоняне при дворѣ Птолемеевъ; даже одинъ изъ нихъ, по имени Зенонъ, умеръ византійскимъ императоромъ [1]).

Галатія. — Галатія, бывшая въ отдаленныя времена главнымъ центромъ восточнаго владычества надъ передней Азіей и сохранившая воспоминанія о почти исчезнувшемъ верховенствѣ въ знаменитыхъ скульптурныхъ изображеніяхъ на утесахъ подлѣ когда-то царственнаго города Птеріи (теперешняго Богаз-коя), оставалась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и по языку и по нравамъ кельтскимъ островомъ среди наплыва восточныхъ народовъ и осталась таковой по своему внутреннему устройству и во времена имперіи. Три кельтскихъ племени,—проникшія во внутренность Малой Азіи во время великаго переселенія всей націи, незадолго до войны Пирра съ Римлянами, потомъ образовавшія тѣсно сплоченное солдатское государство, похожее на то, какое было организовано Франками на востокѣ въ средніе вѣка, и послѣ долгихъ блужданій по сю и по ту сторону Галія наконецъ поселившіяся тамъ на постоянное жительство,—уже давно пережили тѣ времена, когда они грабили Малую Азію и вели войны съ царями Азіи и Пергама, если только не служили у нихъ въ качествѣ наемниковъ; и они также не устояли противъ римскаго могущества и сдѣлались не менѣе покорными подданными Римлянъ, чѣмъ какими были ихъ соотечественники, жившіе въ долинѣ По и на берегахъ Роны и Сены. Но не смотря на ихъ многовѣковое пребываніе въ Малой Азіи, глубокая пропасть все еще отдѣляла этихъ западниковъ отъ Азіятовъ. Различіе между тѣми и другими заключалось не только въ томъ, что Галаты сохраняли свой отечественный языкъ и свои національные нравы, что каждая изъ ихъ трехъ волостей все еще управлялась своими четырьмя наслѣдственными князьями и что союзное собраніе, состоявшее изъ представителей отъ всѣхъ волостей и собиравшееся въ священной дубовой рощѣ, было въ галатской странѣ высшею правительственною властью; различіе заключалось и не въ томъ, что Галаты отличались отъ своихъ сосѣдей, какъ къ ихъ вреду, такъ и къ ихъ пользѣ, необузданною

---

[1]) Среди обширныхъ, не носящихъ никакого названія, развалинъ подлѣ Сараджика, въ долинѣ верхней Лимиры, въ восточной Ликіи [сравн. Ritters Erdkunde 19, стр. 1172] стоитъ довольно большое надгробное сооруженіе, имѣющее форму храма; оно, безъ сомнѣнія, не древнѣе 3-го столѣтія послѣ Р. Х.; на немъ сдѣланы въ видѣ эмблемы выпуклыя изображенія раздробленныхъ частей человѣческаго тѣла—головъ, рукъ, ногъ; можно-бы было подумать, что это гербъ цивилизованнаго атамана разбойниковъ [сообщилъ Benndorf].

дикостью и воинскими способностями; такія противоположности между культурой и варварством встрѣчались въ Малой Азіи и въ другихъ мѣстахъ, а поверхностное и внѣшнее эллинизированіе, равно какъ вліяніе сосѣдей, торговыя сношенія, усвоенный переселенцами фригійскій культъ и вызванная всѣмъ этимъ готовность къ наемной службѣ проявились въ Галатіи немного позднѣе, чѣмъ напримѣръ въ сосѣдней Каппадокіи. Противоположность, о которой идетъ рѣчь, была иного рода: нашествія кельтское и эллинское конкурировали между собою въ Малой Азіи, а къ національнымъ противоположностямъ присоединилась вражда между двумя стремившимися къ завоеванію соперниками. Это обнаружилось съ поразительной ясностью во время кризиса, вызваннаго Митридатомъ: вслѣдъ за даннымъ Митридатомъ приказаніемъ избивать всѣхъ Италійцевъ была перебита вся галатская знать, а потому и въ войнахъ противъ восточнаго освободителя Эллиновъ Римляне не имѣли болѣе вѣрныхъ союзниковъ, чѣмъ мало-азіятскіе Галаты. Оттого-то успѣхъ Римлянъ былъ также ихъ собственнымъ успѣхомъ и побѣда доставила имъ на нѣкоторое время руководящее вліяніе на все, что дѣлалось въ Малой Азіи. Старинное управленіе четырехъ князей было упразднено, какъ кажется, Помпеемъ. Одинъ изъ новыхъ волостныхъ князей, оказавшій особыя услуги въ войнахъ съ Митридатомъ, по имени Дейотаръ, присоединилъ къ своимъ собственнымъ владѣніямъ Малую Арменію и нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ прежнихъ Митридатовскихъ владѣній; онъ сдѣлался безпокойнымъ сосѣдомъ даже для другихъ галатскихъ князей и самымъ могущественнымъ между мало-азіятскими властителями. Послѣ побѣды Цезаря,— къ которому онъ относился непріязненно и расположеніе котораго онъ не могъ снискать даже тѣмъ, что помогъ ему въ борьбѣ съ Фарнакомъ,—у него были большею частію отняты владѣнія, которыя онъ присвоилъ себѣ частію съ одобренія римскаго правительства частію безъ него; Цезаріанецъ Митридатъ Пергамскій, происходившій съ материнской стороны отъ галатскаго владѣтельнаго дома, получилъ бóльшую часть того, чего лишился Дейотаръ и даже въ самой Галатіи былъ поставленъ на его мѣсто. Но этотъ Митридатъ вскорѣ послѣ того погибъ въ Таврическомъ Херсонесѣ (стр. 280) и самъ Цезарь былъ вскорѣ послѣ того убитъ; тогда Дейотаръ снова вступилъ непрошеннымъ во владѣніе тѣми странами, которыхъ лишился, а такъ какъ онъ умѣлъ и угождать римской партіи всякій разъ какъ она оказывалась господствующей на востокѣ, и своевременно переходить на противную сторону, то онъ умеръ владѣтелемъ всей Галатіи въ 714 г. въ глубокой старости. Его потомкамъ были даны въ удѣлъ небольшія владѣнія въ Пафлагоніи; его собственныя владѣнія, еще расширившіяся къ югу присоединеніемъ Ликаоніи и всей территоріи вплоть до береговъ Памфиліи, были отданы,—какъ

уже было ранѣе сказано,—въ 718 г. Антоніемъ Аминту, который уже въ послѣдніе годы жизни Дейотара, какъ кажется, завѣдывалъ всѣми дѣлами управленія въ качествѣ его секретаря и начальника арміи и, состоя въ этомъ званіи, содѣйствовалъ переходу республиканскихъ полководцевъ на сторону тріумвировъ передъ сраженіемъ при Филиппахъ. Его дальнѣйшая судьба уже была описана ранѣе. Ни въ чемъ не уступая своему предмѣстнику ни по благоразумію ни по храбрости, онъ служилъ сначала Антонію, а потомъ Августу главнымъ орудіемъ для умиротворенія еще непокорныхъ мало-азіятскихъ областей, пока не кончилъ тамъ своей жизни въ 729 г. Вмѣстѣ съ нимъ окончилось существованіе галатскаго царства, которое было вслѣдъ за тѣмъ обращено въ римскую провинцію Галатію. — Жителей этой провинціи Римляне называли Галло-Греками еще въ послѣднія времена республики; это,—присовокупляетъ Ливій,—смѣшанный народъ, какъ это видно изъ его названія, и притомъ совершенно своеобразный. Слѣдуетъ полагать, что значительная ихъ часть происходила отъ древнѣйшихъ фригійскихъ обитателей этой страны. Еще болѣе вѣсокъ тотъ фактъ, что ревностное поклоненіе богамъ въ Галатіи и тамошнее жречество не имѣли ничего общаго съ богослужебными учрежденіями европейскихъ Кельтовъ; не только великая Матерь, священный символъ которой Римляне Аннибаловскихъ временъ испрашивали и получили отъ Толистобогіевъ, была фригійскаго происхожденія, но и ея жрецы по меньшей мѣрѣ частію были изъ галатской знати. Тѣмъ не менѣе даже въ то время, когда Галатія была римской провинціей, ея внутреннее устройство оставалось преимущественно кельтскимъ. Доказательствомъ этому служитъ въ сферѣ частнаго права тотъ фактъ, что еще при Піѣ существовала въ Галатіи сильная отеческая власть, съ которою незнакомо греческое законодательство. И въ томъ, что касается общественныхъ порядковъ, въ этой странѣ все еще существовали три старинныя общины Тектосаговъ, Толистобогіевъ и Трокмовъ, которыя хотя и присовокупляли къ своимъ названіямъ имена трехъ главныхъ городовъ Анкиры, Пессина и Таніа, но въ сущности были ничто иное, какъ хорошо намъ извѣстныя галльскія волости, даже вовсе не нуждавшіяся въ главномъ центрѣ. Понятіе объ общинѣ какъ о городѣ начинаетъ преобладать у азіятскихъ Кельтовъ ранѣе, нежели у европейскихъ [1]) и названіе Анкира вытѣсняетъ названіе

[1]) Относящійся ко временамъ Тиверія, знаменитый списокъ назначенныхъ анкирской общинѣ пожалованій [C. I. Gr. 4039], обозначаетъ галатскія общины обыкновенно словомъ ἔθνος, а иногда и словомъ πόλις. Впослѣдствіи первое изъ этихъ названій исчезаетъ; но при изложеніи полнаго титула, какъ напримѣръ въ надписи C I. Gr. 4011 изъ втораго столѣтія, Анкира все еще носитъ народное названіе: ἡ μητρόπολις τῆς Γαλατίας Σεβαστὴ Τεκτοσάγων Ἄγκυρα.

Тектосаговъ ранѣе, нежели названіе Бурдигала вытѣсняетъ въ Европѣ названіе Битуриговъ, а у первыхъ изъ нихъ Анкира въ качествѣ главнаго города всей страны, даже называла себя «матерью городовъ» (μητρόπολις); но во всемъ этомъ сказывается, — какъ и не могло быть иначе,—вліяніе греческаго сосѣдства и начинающійся процесъ ассимилированія, отдѣльныя фазы котораго мы не въ состояніи прослѣдить вслѣдствіе неполноты дошедшихъ до насъ свѣдѣній. Кельтскія имена удерживаются до временъ Тиверія, а послѣ появляются лишь въ разрозненномъ видѣ въ знатныхъ семействахъ. Само собой разумѣется, что со времени учрежденія галатской провинціи Римляне дозволяли тамъ употреблять въ дѣловыхъ сношеніяхъ на ряду съ латинскимъ языкомъ только греческій, подобно тому какъ въ Галліи они дозволяли употреблять одинъ латинскій. Какъ поступали тамъ въ этомъ отношеніи въ болѣе раннюю эпоху намъ неизвѣстно, потому что въ этой странѣ вообще не встрѣчается письменныхъ памятниковъ, принадлежащихъ къ доримскимъ временамъ. Въ качествѣ разговорнаго языка, кельтскій языкъ упорно держался и въ Азіи [1]); однако греческій взялъ мало-по-малу верхъ. Въ четвертомъ столѣтіи Анкира была однимъ изъ главныхъ центровъ греческой образованности; «мелкіе города греческой Галатіи», — говорилъ посѣдѣвшій на чтеніи лекцій для образованной публики, ученый Ѳемистій, — «конечно не могутъ соперничать съ Антіохіей, но тамошніе жители освоиваются съ образованіемъ болѣе усердно, нежели настоящіе Эллины, и лишь только завидятъ мантію философа, прилипаютъ къ ней, какъ желѣзо къ магниту.» Однако народный языкъ, можетъ быть, сохранялся и до этой поры въ низшихъ народныхъ сферахъ, въ особености по ту сторону Галія среди Трокмовъ [2]), которые, очевидно, эллинизировались гораздо позже. Уже было ранѣе упомянуто о томъ (стр. 86), что по свидѣтельству много странствовавшаго отца церкви Іеронима, еще въ концѣ 4-го столѣтія азіатскіе Галаты говорили на томъ-же хотя и испорченномъ языкѣ, на которомъ говорили въ ту пору въ Трирѣ. Какъ солдаты, хотя Галаты и не могли выдерживать ника-

---

1) По словамъ Павзанія 10, 36, 1, у Γαλάται ὑπὲρ Φρυγίας φωνῇ τῇ ἐπιχωρίῳ σφίσιν кермесъ называется ὗς; а Лукіанъ [*Алекс.* 51] говоритъ о замѣшательствѣ Пафлагонянина-гадальщика, когда ему бывали предложены вопросы Συριστὶ ἢ Κελτιστὶ и у него не было подъ рукою человѣка, знающаго этотъ языкъ.

2) Въ упомянутомъ на 305 стр. въ прим. спискѣ изъ временъ Тиверія, пожалованія рѣдко назначались тремъ племенамъ, а большею частію только двумъ племенамъ или двумъ городамъ; по этому поводу Perrot [de Galatia, стр. 83] основательно замѣчаетъ, что этими двумя городами были Анкира и Пессинъ, а городъ Трокмовъ Таній оставался позади ихъ при распредѣленіи пожалованій. Быть можетъ, въ ту пору еще не было у Трокмовъ такого поселенія, которое могло-бы считаться городомъ.

кого сравненія съ западными народами, однако были гораздо болѣе годны для военной службы, чѣмъ греческіе Азіяты; доказательствомъ этого служитъ какъ легіонъ, который былъ сформированъ царемъ Дейотаромъ изъ его подданныхъ по римскому образцу, потомъ перешолъ вмѣстѣ со всѣмъ царствомъ въ распоряженіе Августа и былъ включенъ въ составъ римской арміи подъ своимъ прежнимъ названіемъ, такъ и то, что при наборѣ восточныхъ рекрутъ во времена имперія Галатамъ оказывалось такое же предпочтеніе, какое оказывалось на западѣ Батавамъ [1]).

Греческіе острова.—Жившимъ внѣ Европы Эллинамъ сверхъ того принадлежали оба большихъ острова въ восточной части Средиземнаго моря — Критъ и Кипръ, равно какъ многочисленные острова архипелага между Греціей и Малой Азіей; и находившаяся на противолежащемъ африканскомъ берегу киренская пентаполія была до такой степени отдѣлена отъ внутренней страны окружавшими ее степями, что могла быть поставлена въ нѣкоторомъ отношеніи на ряду съ тѣми греческими островами. Однако эти составныя части громадныхъ владѣній, соединенныхъ подъ скипетромъ императоровъ, въ сущности не прибавляютъ къ общему историческому изложенію ни одной новой черты. Мелкіе острова, которые были эллинизированы и ранѣе и полнѣе, нежели континентъ, принадлежатъ по своимъ отличительнымъ особенностямъ болѣе къ европейской Греціи, чѣмъ къ малоазіятской колоніальной области,—поэтому, когда рѣчь шла о Греціи, намъ приходилось много разъ упоминать объ образцовомъ эллинскомъ государствѣ — Родосѣ. Въ теченіе этой эпохи объ островахъ упоминалось главнымъ образомъ лишь потому, что во времена имперія существовало обыкновеніе отправлять туда въ ссылку людей высшаго званія. Въ особенно важныхъ случаяхъ выбирали такіе скалистые острова, какъ Гіаръ и Донусса; но когда-то бывшіе цвѣтущими центрами греческой культуры Андръ, Киѳносъ, Аморгосъ сдѣлались теперь мѣстами ссылки, между тѣмъ какъ на Лесбосѣ и на Самосѣ нерѣдко добровольно по-долгу живали знатные Римляне и даже члены императорскаго дома. Критъ и Кипръ, которые, не смотря на свой старинный эллинизмъ, утратили духовную связь съ своей отчизной во времена персидскаго владычества или также во времена своего полнаго изолированія, устроились такъ, что Кипръ поступилъ въ зависимость отъ Египта, а критскіе города сохраняли свою автономію и во времена эллинскаго владычества и впослѣдствіи въ эпоху римскаго верховенства, придавши своимъ

---

[1]) И Цицеронъ [ad Att. 6, 5, 3] писалъ о его арміи въ Киликіи: exercitum infirmum habebam, auxilia sane bona, sed ea Galatarum, Pisidarum, Lyciorum: haec enim sunt nostra robora.

учрежденіямъ общія формы греческой политіи. Въ киренейскихъ городахъ взяла верхъ система Лагидовъ; мы не только находимъ въ нихъ, точно такъ-же, какъ и въ настоящихъ греческихъ городахъ, эллинскихъ граждан и Метёковъ, но рядомъ съ тѣми и другими стоятъ (какъ Египтяне въ Александріи) «крестьяне»,то-есть туземные Африканцы, а между Метёками (какъ и въ Александріи) Іудеи составляютъ многочисленный и привилегированный классъ.

Союзы Эллиновъ въ Малой Азіи.—И римскій императорскій режимъ никогда не давалъ Грекамъ общаго представительнаго собранія. Августовская амфиктіонія, какъ было ранѣе замѣчено (стр. 225), ограничивалась тѣми Эллинами, которые жили въ Ахаіи, Эпирѣ и Македоніи. Когда панэллины Адріановскаго времени выдавали себя въ Аѳинахъ за представителей всѣхъ вообще Эллиновъ, то ихъ вліяніе распространялось на остальныя греческія провинціи только въ той мѣрѣ, въ какой они раздавали азіятскимъ городамъ такъ-сказать патенты на почетное эллинство (стр. 238); а именно этотъ образъ дѣйствій и служитъ яснымъ доказательствомъ того, что греческія общины, находившіяся внѣ Греціи, вовсе не принадлежали къ числу панэллинскихъ. Когда въ Малой Азіи заходитъ рѣчь о представительствѣ или о представителяхъ Эллиновъ, то подъ этими словами,въ организованныхъ совершенно по-эллински провинціяхъ Азіи и Виѳиніи, разумѣются сеймъ и предсѣдатель сейма этихъ провинцій, такъ какъ этотъ сеймъ состоитъ изъ депутатовъ отъ каждаго изъ принадлежащихъ къ нему городовъ, а всѣ эти города суть греческія политіи [1]); или же въ негреческой провинціи Галатіи называютъ греческими представителями тѣхъ представителей отъ живущихъ въ Галатіи Грековъ, которые состоятъ при галатскомъ сеймѣ [2]).

Сеймы и мѣстныя празднества.—Римское правительство не имѣло никакого повода препятствовать возникновенію городской конфедераціи въ Малой Азіи. Какъ въ римскія, такъ и въ до-римскія

---

1) Постановленія ἐπὶ τῆς Ἀσίας Ἕλληνες C. I. A. 3487. 3957; одинъ Ликіецъ былъ почтенъ ὑπό τοῦ κο[ινο]ῦ τῶν ἐπὶ τῆς Ἀσίας Ἑλλήνων καὶ ὑπὸ τῶν ἐ[ν Πα]μφυλίᾳ πόλεων Benndorf lyk. Reise 1, 122; посланіе къ азіятскимъ Эллинамъ C. I. Gr. 3832. 3833; ὦ ἄνδρες Ἕλληνες въ обращеніи къ пергамскому сейму, Aristides, стр. 517. — Ἄρξας τοῦ κοινοῦ τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἑλλήνων, Perrot, Expl. de la Galatie, стр. 32; посланіе императора Александра къ тому-же, Dig. 49, 1, 25.—Діонъ 51, 20: τοῖς ξένοις, Ἕλληνας σφᾶς ἐπικαλέσας, ἑαυτῷ τινα, τοῖς μὲν Ἀσιανοῖς ἐν Περγάμῳ, τοῖς δὲ Βιθυνοῖς ἐν Νικομηδείᾳ τεμενίσαι ἐπέτρεψε.

2) Кромѣ Галатарховъ [Marquardt, Staatsverw. 1, 515] мы находимъ въ Галатіи еще при Адріанѣ Элладарховъ [Bull. de corr. hell. 7, 18], которые, конечно, были то-же, что Эллинархи въ Танаидѣ [стр. 283, прим. 1].

времена, девять городовъ Троады сообща исполняли религіозные обряды и справляли общія празднества [1]). Сеймы различныхъ мало-азіятскихъ провинцій, сдѣлавшіеся тамъ при Августѣ такими-же постоянными учрежденіями, какими они были во всей имперіи, въ сущности ничѣмъ не отличались отъ сеймовъ другихъ провинцій. Однако здѣсь это учрежденіе получило своеобразное развитіе или, вѣрнѣе, извратилось. Ближайшая цѣль этихъ ежегодныхъ собраній городскихъ депутатовъ отъ каждой провинціи [2]) заключалась въ томъ, чтобъ доводить до свѣдѣнія намѣстника или правительства желанія этихъ городовъ и вообще въ томъ, чтобъ быть органомъ провинціи; но къ этой цѣли тамъ впервые присоединилось ежегодное торжественное празднество въ честь царствующаго императора и вообще имперіи: Августъ дозволилъ въ 725 году сеймамъ Азіи и Виѳиніи воздвигать ему храмы и воздавать божескія почести въ мѣстахъ ихъ собраній — въ Пергамѣ и въ Никомедіи. Это нововведеніе скоро распространилось на всю имперію и сліяніе богослужебныхъ учрежденій съ административными сдѣлалось руководящею мыслію при организаціи провинцій во времена имперіи. Но благодаря жреческой и праздничной пышности и соперничеству городовъ, это нововведеніе нигдѣ такъ не привилось какъ въ провинціи Азіи и вслѣдъ за тѣмъ въ остальныхъ мало-азіятскихъ провинціяхъ, а провинціальное честолюбіе не столько отдѣльныхъ лицъ, сколько городовъ, нигдѣ такъ

---

[1]) συνέδριον τῶν ἐννέα δήμων [Schliemaun, Troia 1884, стр. 256] называется въ другомъ мѣстѣ Ἰλιεῖς καὶ πόλεις αἱ κοινωνοῦσαι τῆς θυσίας καὶ τοῦ ἀγῶνος καὶ τῆς πανηγύρεως [тамъ-же, стр. 254]. Другой документъ того-же союза изъ временъ Антигона приведенъ у Droysen'a Hellenismus 2, 2, 382 и сл. Точно такъ же слѣдуетъ смотрѣть и на другіе κοινά, относящіеся къ болѣе узкой сферѣ чѣмъ провинція, какъ напримѣръ къ старинному союзу 13-ти іоническихъ городовъ, къ Лесбійскому [Marquardt Staatsverw. I, стр. 516] союзу и къ фригійскому на монетахъ Апамеи. И они имѣли своихъ президентовъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ городскими сановниками; такъ напримѣръ недавно было открыто существованіе Лесбіарха [Marquardt въ выше прив. м.] и оказалось, что мезійскіе Эллины находились подъ властію Понтарха [стр. 277]. Однако нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что тамъ, гдѣ упоминается должность архонта, союзъ былъ болѣе, нежели простымъ соучастіемъ въ празднествахъ; Лесбійцы точно такъ-же какъ и мезійскіе пять городовъ могли имѣть особый сеймъ, на которомъ предсѣдательствовали эти должностныя лица. Напротивъ того, κοινὸν τοῦ Ἰργαλέου πεδίου [Ramsay, Cities and bishoprics of Phrygia, стр. 10], стоящее рядомъ съ многими δῆμοι, есть ненуждающаяся въ городскихъ правахъ quasi-община.

[2]) Составъ мало-азіятскихъ сеймовъ всего яснѣе обнаруживается въ разсказѣ Страбона [14, 3, 3, стр. 664] о ликіархіи и въ разсказѣ Аристида [Or. 26, стр. 344] о томъ, какъ его выбрали на должность одного изъ азіятскихъ провинціальныхъ жрецовъ.

не развилось подлѣ или выше муниципальнаго честолюбія, какъ въ Малой Азіи, гдѣ оно господствовало надъ всѣми сферами общественной жизни.

Провинціальные жрецы и Азіархи. — Назначавшійся въ провинціи на одинъ годъ верховный жрецъ (ἀρχιερεύς) новаго храма былъ самымъ важнымъ сановникомъ провинціи; даже годъ назывался во всей провинціи его именемъ [1]). Всѣ болѣе и болѣе распространившіяся между всѣми Греками, празднества и игры по образцу олимпійскихъ примыкали въ Малой Азіи большею частію къ празднествамъ и играмъ того культа, который воздавался въ провинціяхъ императору. Руководительство ими возлагалось на предсѣдателя сейма, въ Азіи на Азіарха, въ Виѳиніи на Виѳиніарха и такъ далѣе; на него главнымъ образомъ возлагались и расходы ежегоднаго празднества, хотя нѣкоторая часть какъ этихъ расходовъ, такъ и тѣхъ, которыхъ требовало это блестящее и свидѣтельствовавшее о преданности императору богослуженіе, покрывалась добровольными пожертвованіями и постоянными взносами или также распредѣлялась между городами. Поэтому такія президентскія должности были доступны только для людей богатыхъ; какъ на доказательство благосостоянія города Траллъ указываютъ на то, что тамъ никогда не было недостатка въ Азіархахъ (этотъ титулъ Азіархи удерживали за собою и по истеченіи того года, въ которомъ состояли въ этой должности), и что успѣхъ апостола Павла въ Эфесѣ объяснялся его связями съ различными мѣстными Азіархами. Не смотря на расходы всѣ добивались почетнаго положенія не ради присвоенныхъ ему привилегій, какъ напримѣръ освобожденія отъ опекунства, а ради внѣшняго блеска; торжественное вступленіе въ городъ, въ пурпуровомъ одѣяніи, съ вѣнкомъ на головѣ и съ шедшей впереди процессіей мальчиковъ, размахивавшихъ кадильницами, было въ глазахъ Мало-Азіятцевъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ для Эллиновъ масличный вѣнокъ, пріобрѣтенный на олимпійскихъ играхъ. Неоднократно тотъ или другой изъ знатныхъ Азіятовъ хвастался не только тѣмъ, что самъ былъ Азіархомъ, но и тѣмъ, что по рожденію происходитъ отъ Азіарха. Первоначально этотъ культъ ограничивался главными городами провинцій, но муниципальное честолюбіе очень скоро вышло изъ этихъ рамокъ и въ особенности въ провинціи Азіи приняло невѣроятные размѣры. Еще въ 23 году эта провинція декретировала сооруженіе втораго храма царствовавшему въ то время Тиверію, равно какъ его матери и сенату, и, послѣ долгихъ распрей

---

[1]) Примѣры касательно Азіи C. I. Gr. 3487; касательно Ликіи Benndorf, Lyk. Reise I, стр. 71. Но ликійское союзное собраніе называетъ годы не по имени архіерея, а по имени Ликіарховъ.

между городами, этотъ храмъ былъ сооруженъ, по рѣшенію сената, въ Смирнѣ. Другіе большіе города подражали этому примѣру, когда представлялся къ тому случай [1]). До того времени провинція имѣла только одинъ храмъ, и стало быть только одного председателя и одного верховнаго жреца, но теперь пришлось назначать столькихъ верховныхъ жрецовъ, сколько было провинціальныхъ храмовъ; но такъ какъ руководительство храмовыми празднествами и устройство игръ предоставлялись не верховному жрецу, а предсѣдателю мѣстнаго сейма, и соперничавшіе между собою большіе города заботились прежде всего о празднествахъ и играхъ, то всѣмъ верховнымъ жрецамъ были даны титулы и права предсѣдателей, такъ что званіе Азіарха и званіе верховнаго жреца при провинціальномъ храмѣ совпали между собою по меньшей мѣрѣ въ провинціи Азіи [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ отодвинулись на задній

---

[1]) Тацитъ, *Лѣт.* 4, 15. 55. Городъ, въ которомъ находился храмъ, посвященный императору провинціальнымъ сеймомъ [κοινὸν τῆς Ἀσίας и т. д.], носилъ за это почетный титулъ „хранителя [императорскаго] храма“ [νεωκόρος]; а если въ немъ было нѣсколько такихъ храмовъ, то къ титулу прибавлялось ихъ число. По этому учрежденію можно ясно видѣть, какимъ образомъ культъ императора достигъ въ Малой Азіи своего полнаго развитія. На самомъ дѣлѣ должность смотрителя храма имѣетъ всеобщій характеръ и примѣнима при поклоненіи всякимъ божествамъ и во всякомъ городѣ; въ качествѣ городскаго титула или почетнаго прозвища она встрѣчается, за самыми незначительными исключеніями, лишь въ мало-азіятскомъ культѣ императора — этому примѣру слѣдовали лишь немногіе греческіе города сосѣднихъ провинцій, какъ напримѣръ Триполь въ Сиріи, Θессалоника въ Македоніи.

[2]) Коренное различіе между званіемъ президента сейма и званіемъ провинціальнаго верховнаго жреца, назначавшагося при культѣ императора, не можетъ подлежать сомнѣнію; однако въ Малой Азіи совершенно отступаетъ на задній планъ магистратскій характеръ предсѣдателя, между тѣмъ какъ въ Элладѣ, откуда вообще ведетъ свое начало организація κοινά, онъ ясно распознается; даже въ тѣхъ мѣстахъ Малой Азіи, гдѣ для κοινόν было нѣсколько богослужебныхъ центровъ. повидимому, совершенно сливаются Ἀσιάρχης и ἀρχιερεύς τῆς Ἀσίας. Президентъ κοινόν'а въ Малой Азіи никогда не носитъ ни ясно указывающаго на гражданскую должность титула στρατηγός, ни титула ἄρξας τοῦ κονοῖ [стр. 309, прим. 1], и только изрѣдка носитъ титулъ τοῦ ἔθνους [C. I. Gr. 4380 k. 4, стр. 1168]; составныя слова Ἀσιάρχης, Λυκιάρχης, сходныя съ ахайскимъ Ἑλλαδάρχης, уже были обычными титулами во времена Страбона. Что въ такихъ мелкихъ провинціяхъ, какъ Галатія и Ликія, архонтъ и архіерей одной и той-же провинціи были отдѣльныя званія, не подлежитъ сомнѣнію. Но существованіе въ Азіи особыхъ Азіарховъ для Эфеса и для Смирны засвидѣтельствовано письменными документами [Marquardt, Staatsverw. 1, 514], между тѣмъ какъ, по самой сущности этого учрежденія, для всей провинціи могъ быть только одинъ Азіархъ. Здѣсь также удостовѣряется тотъ фактъ, что архіерей былъ также начальникомъ при состязаніяхъ [Га-

планъ и сеймъ и тѣ общественные интересы, отъ которыхъ это учрежденіе получило свое начало; Азіархъ скоро сдѣлался ничѣмъ инымъ, какъ распорядителемъ на народныхъ празднествахъ, примыкавшихъ къ воздаванію божескихъ почестей императорамъ и бывшему и настоящему; поэтому и его супруга, Азіархиня, должна была принимать участіе въ празднествѣ и дѣйствительно горячо участвовала.

Надзоръ провинціальныхъ жрецовъ надъ культомъ. — Вслѣдствіе того, что съ культомъ императора соединялся высшій надзоръ за религіей, высшее провинціальное жречество пріобрѣло важное практическое значеніе, которое особенно усилилось въ Малой Азіи благодаря высокому уваженію, которымъ пользовалось тамъ это учрежденіе. Послѣ того, какъ сеймъ рѣшилъ ввести культъ императора, а правительство на это согласилось, городскія представительныя собранія, само собою разумѣется, слѣдовали этому примѣру; въ Азіи уже при Августѣ по меньшей мѣрѣ каждый главный городъ судебнаго округа имѣлъ свой, храмъ посвященный Цезарю. и свой императорскій праздникъ [1]). Права и обязанности верховнаго жреца заключались въ томъ, что онъ наблюдалъ въ своемъ округѣ за исполненіемъ касавшихся этого предмета провинціальныхъ и муниципальныхъ декретовъ и за соблюденіемъ культа; какое это имѣло значеніе, видно изъ того факта, что городъ Кизикъ въ Азіи былъ лишонъ при Тиверіѣ автономіи между прочимъ по той причинѣ, что оставилъ неисполненнымъ декретъ о сооруженіи храма богу Августу, — а сдѣлалъ онъ это, быть можетъ, именно потому, что будучи

ленъ къ Иппократу De part. 18, 2, стр. 567, Kühn: παρ' ἡμῖν ἐν Περγάμῳ τῶν ἀρχιερέων τὰς καλουμένας μονομαχίας ἐπιτελούντων], между тѣмъ какъ именно обязанности такого начальника и составляли сущность Азіархата. По всей видимости, соперничество между городами привело къ тому, что когда въ нѣсколькихъ городахъ были сооружены храмы, посвященные провинціей императору, должность начальника при состязаніяхъ была отнята у настоящаго предсѣдателя сейма и за тѣмъ верховному жрецу каждаго храма были переданы какъ титулъ Азіарха, такъ и должность начальника при состязаніяхъ. Такимъ образомъ объясняется встрѣчающійся на монетахъ 13-ти іонійскихъ городовъ [Mionnet 3, 61, 1] титулъ 'Ασιάρχης καὶ ἀρχιερεὺς ιγ' πόλεων, а на эфесскихъ надписяхъ одинъ и тотъ-же Ti. Julius Reginus могъ называться то 'Ασιάρχης β' ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ [Wood inscr. from the great theatre n. 18], то ἀρχιερεὺς β' ναῶν τῶν ἐν 'Εφέσῳ [тамъ-же n. 8. 14, также 9]. — Только такимъ способомъ можно сдѣлать понятными и учрежденія четвертаго столѣтія. Тогда появляется въ каждой провинціи верховный жрецъ, въ Азіи съ титуломъ Азіарха, въ Сиріи съ титуломъ Сиріарха и такъ далѣе. Если сліяніе званій Архонта и Архіерея началось въ провинціи Азіи еще ранѣе, то, по видимому, уже не трудно было ввести его, при уменьшеніи объема провинцій, повсюду.

[1]) C. I. Gr. 3902 b.

вольнымъ городомъ, онъ не былъ подчиненъ сейму. Хотя этотъ высшій надзоръ былъ первоначально установленъ надъ культомъ императора, но, по всему вѣроятію, онъ распространился и вообще на все, что касалось религіи [1]). Въ ту пору стали въ имперіи бороться изъ-за верховенства вѣра старая и вѣра новая, а ихъ разномысліе было превращено въ борьбу, конечно, главнымъ образомъ провинціальными верховными жрецами. Эти жрецы, принадлежавшіе по рожденію къ провинціальной знати и возведенные въ свое званіе провинціальнымъ сеймомъ, были и по своимъ традиціямъ и по своему служебному долгу гораздо болѣе, нежели государственныя должностныя лица, и обязаны и расположены недопускать небрежности въ установленномъ для всѣхъ богослуженіи, а гдѣ не дѣйствовали увѣщанія (такъ какъ сами они не имѣли права наказывать), доводить до свѣдѣнія мѣстныхъ или государственныхъ властей о подлежавшихъ наказанію поступкахъ, призывать къ себѣ на помощь свѣтскую власть, и въ особенности отстаивать противъ христіанъ требованія императорскаго культа. Въ болѣе позднюю пору, придерживавшіеся старой религіи правители формально предписывали этимъ верховнымъ жрецамъ наказывать нарушителей установленныхъ вѣрованій и самолично и черезъ подчиненныхъ имъ городскихъ жрецовъ, такимъ образомъ возлагая на нихъ совершенно такую-же роль, какую принимали на себя при усвоившихъ новую вѣру императорахъ митрополиты и ихъ городскіе епископы [2]). Въ этомъ слу-

---

[1]) Діонъ изъ Прузы [Or. 35, стр. 66 R.] называетъ Азіархонъ и другихъ подобныхъ имъ архонтовъ [на то, что они были начальниками при состязаніяхъ онъ указываетъ ясно и къ этому также относятся извращенныя слова τοὺς ἐπωνύμους τῶν δύο ἠπείρων τῆς ἑσπέρας ὅλης, [вмѣсто которыхъ слѣдуетъ писать τῆς ἑτέρας ὅλης] τοὺς ἁπάντων ἄρχοντας τῶν ἱερέων]. При упоминаніяхъ о провинціальныхъ жрецахъ почти никогда не бываетъ положительныхъ указаній на культъ императоровъ; если имъ было предназначено играть въ ихъ округахъ такую-же роль, какую игралъ Pontifex maximus въ Римѣ, то для этого существовали основательные резоны.

[2]) Съ этой цѣлію Максиминъ предоставлялъ верховнымъ жрецамъ отдѣльныхъ провинцій право прибѣгать къ военной помощи [Евсевій, Hist. Eccl. 8, 14, 9], а знаменитое письмо Юліана [*посл.* 49; сравн. *посл.* 63] къ тогдашнему Галатарху даетъ ясное понятіе о лежавшихъ на этомъ Галатархѣ обязанностяхъ. Ему предписывалось: имѣть надзоръ за всѣмъ, что касалось въ провинціи религіи, охранять свою самостоятельность насупротивъ намѣстника, не смѣшиваться въ его прихожей съ толпою просителей, не дозволять ему вступать въ храмъ въ сопровожденіи военнаго конвоя, принимать его не передъ храмомъ, а внутри храма, такъ какъ тамъ хозяинъ—онъ Галатархъ, а намѣстникъ—частный человѣкъ; изъ вспомоществованій, выданныхъ правительствомъ на всю провинцію [изъ 30.000 четвериковъ зерноваго хлѣба и 60.000 секстаріевъ вина] употребить пятую часть на тѣхъ бѣдныхъ, которые состоятъ подъ покровительствомъ язы-

чаѣ, какъ кажется вѣроятнымъ, не языческіе порядки подражал христіанскимъ учрежденіямъ, а, наоборотъ, одерживавшая верхъ христіанская церковь заимствовала орудія борьбы изъ непріятельскаг арсенала. Все это, какъ уже было замѣчено, относилось ко все имперіи; но чрезвычайно практическія послѣдствія провинціальнаг регулированія императорскаго культа, религіознаго надзора и преслѣдованія иновѣрцевъ обнаружились главнымъ образомъ въ Малой Азі

Религіозныя учрежденія.—Рядомъ съ культомъ императоровъ, в Малой Азіи придавалось большое значеніе почитанію боговъ и в особенности былъ данъ полный просторъ всѣмъ его злоупотребле ніямъ. Такія безобразія, какъ право убѣжища и чудесныя исцѣ ленія, были въ особенности тамъ въ полномъ ходу. Ограничені перваго изъ нихъ было предписано сенатомъ въ царствованіе Ти верія; богъ врачеванія Асклепій нигдѣ не совершалъ такъ мног и такихъ замѣчательныхъ чудесъ, какъ въ своемъ излюбленном городѣ Пергамѣ, который чтилъ его, какъ настоящаго Зевса Асклепія и былъ ему въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ процвѣта ніемъ во времена имперіи. Самые дѣятельные чудотворцы времен имперіи—впослѣдствіи признанный святымъ Каппадокіецъ Аполлоні Тіанскій и пафлагонскій человѣкъ-драконъ, Александръ изъ Абонутейха, были Мало-Азіятцы. Если всеобщее запрещеніе ассоціацій какъ мы увидимъ далѣе, приводилось въ исполненіе въ Малой Азі съ особой строгостью, то причину этой строгости слѣдуетъ искат главнымъ образомъ въ религіозной сферѣ, такъ какъ тамъ всег ярче обнаруживались злоупотребленія ассоціацій.

Общественная безопасность.—Забота объ общественной безопасности была въ сущности возложена на населеніе провинцій. В раннюю пору имперіи, во всей Малой Азіи—за исключеніемъ сирійскаго военнаго округа, къ которому принадлежала восточная Киликія—находился только пяти-тысячный отрядъ вспомогательных

ческаго жреца, а остальное употреблять на человѣколюбивыя цѣли; въ каждом городѣ провинціи устроивать по возможности при содѣйствіи частныхъ лиц богадѣльни [ξενοδοχεία] не для однихъ язычниковъ, а для всѣхъ, и впредь н предоставлять христіанамъ монополію добрыхъ дѣлъ; всѣхъ провинціальных жрецовъ склонять примѣромъ и увѣщаніями къ благочестивому образу жизни къ воздержанію отъ посѣщенія театровъ и питейныхъ домовъ и въ особенност къ тщательному посѣщенію храма вмѣстѣ съ ихъ семействами и прислугой; есл же они неисправимы, отрѣшать ихъ отъ должности. Это—настоящее пастырско посланіе только съ инымъ адресомъ и съ цитатами изъ Гомера, а не изъ библіи. Эти распоряженія носятъ на себѣ ясные признаки упадка язычества и в этомъ объемѣ не встрѣчаются въ болѣе раннюю пору; тѣмъ не менѣе изъ них видно, что общій надзоръ верховнаго жреца каждой провинціи надъ исполненіемъ требованій культа вовсе не былъ нововведеніемъ.

войскъ, стоявшій гарнизономъ [1]) въ провинціи Галатіи, и въ помощь къ нему флотъ изъ 40 судовъ; учрежденіе этого военнаго командованія имѣло цѣлію частію сдерживать безпокойныхъ Писидійцевъ, частію прикрывать сѣверо-восточную границу имперіи и наблюдать за берегами Чернаго моря вплоть до Крыма. Веспасіанъ замѣнилъ эти войска армейскимъ корпусомъ изъ двухъ легіоновъ, а штабы этихъ легіоновъ помѣстилъ въ провинціи Каппадокіи на верхнемъ Евфратѣ. Кромѣ этихъ войскъ, назначеніемъ которыхъ была охрана границы, въ ту пору не было въ передней Азіи значительныхъ гарнизоновъ; такъ напримѣръ въ императорской провинціи Ликіи и Памфиліи стояла только одна когорта изъ 500 человѣкъ, а въ сенатскихъ провинціяхъ стояли лишь отдѣльные солдаты изъ императорской гвардіи или изъ сосѣднихъ императорскихъ провинцій, откомандированные для какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей [2]). Если эти факты съ одной стороны самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуютъ о внутреннемъ спокойствіи провинцій и о громадномъ различіи мало-азіятскихъ гражданскихъ обществъ отъ вѣчно безпокойныхъ главныхъ городовъ Сиріи и Египта, то съ другой стороны они указываютъ на упомянутую ранѣе устойчивость разбойническаго ремесла въ гористой и частію вовсе ненаселенной мѣстности, въ особенности на границѣ Мизіи и Виѳиніи и въ горныхъ долинахъ Писидіи и Исавріи. Настоящей самозащиты со стороны гражданъ мы не находимъ въ Малой Азіи. Не смотря на процвѣтаніе гимнастическихъ заведеній для мальчиковъ, для юношей и для взрослыхъ мущинъ, Эллины того времени были такъ-же невоинственны въ Азіи, какъ и въ Европѣ [3]).

Иренархи.—Всѣ заботы объ общественной безопасности ограничились тѣмъ, что были учреждены городскіе Иренархи—охранители внутренняго спокойствія и имъ было отдано въ распоряженіе небольшое число частію конныхъ городскихъ жандармовъ; эти жандармы были

---

[1]) По указанію Іосифа [Bell. 2, 16, 4], этотъ отрядъ стоялъ между провинціями, не имѣвшими гарнизоновъ—Азіей и Каппадокіей; поэтому онъ могъ стоять только въ Галатіи. Отсюда, натурально, отдѣлялись отряды, стоявшіе въ подчиненныхъ Риму странахъ подлѣ Кавказа, а во времена Нерона и тѣ, которые стояли на самомъ Босфорѣ; при этомъ, конечно, участвовали и войска мезійскаго корпуса [стр. 285].

[2]) Преторіанецъ stationarius Ephesi: Eph. epigr. IV n. 70. Одинъ солдатъ in statione Nicomedensi: Plinius ad Trai. 74. Одинъ легіонный центуріонъ въ Византіѣ: тамъ-же 77. 78.

[3]) Въ мало-азіятскомъ городскомъ быту можно найти все, кромѣ военнаго ремесла. Смирнское στρατηγὸς ἐπὶ τῶν ὅπλων, натурально, ничто иное какъ воспоминаніе о прошломъ, точно такъ-же, какъ и культъ Геракла ὁπλοφύλαξ [C. I. Gr. 3162].

наемные и съ виду не очень страшные воины, которые однако, вѣроятно, были годны для войны, такъ какъ императоръ Маркъ включилъ этихъ мало-азіатскихъ городскихъ солдатъ въ ряды арміи вслѣдствіе оказавшагося во время маркоманской войны недостатка въ людяхъ, знакомыхъ съ военной службой [1]).

Судопроизводство.—Отправленіе правосудія какъ городскими должностными лицами, такъ и намѣстниками оставляло многаго желать и въ эту эпоху; однако вмѣшательство императорской власти въ эту сферу обозначаетъ поворотъ къ лучшему Вмѣшательство государственной власти во времена республики ограничивалось контролемъ надъ государственными должностными лицами и уголовными наказаніями, но оно было слабо въ особенности въ болѣе позднюю пору и отличалось лицепріятіемъ или даже полною бездѣятельностью. Потомъ въ Римѣ туже затянули поводья, такъ какъ строгій надзоръ за государственными должностными лицами былъ неразлученъ съ введеніемъ объединительнаго военнаго режима и даже сенатъ былъ вынужденъ строже наблюдать за исполненіемъ служебныхъ обязанностей его уполномоченными; кромѣ того была дана возможность устранять злоупотребленія провинціальныхъ судовъ путемъ вновь введенной подачи аппелляціонныхъ жалобъ или же путемъ перенесенія процесса въ Римъ, въ императорскій судъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ провинціи нельзя было расчитывать на безпристрастное рѣшеніе [2]). Оба эти нововведенія послужили на пользу и

---

1) Смирнскій Иренархъ посылаетъ этихъ жандармовъ арестовать Поликарпа: ἐξῆλθον διωγμῖται καὶ ἱππεῖς μετὰ τῶν συνήθων αὐτοῖς ὅπλων, ὡς ἐπὶ λῃστὴν τρέχοντες [Acta Mart., ed. Ruinart, стр. 39]. Что они не носили настоящаго солдатскаго вооруженія, видно изъ словъ Аммiана [27, 9, 6]: adhibitis semiermibus quibusdam — противъ Исавровъ — quos diogmitas apellant]. О томъ, что они были употреблены въ дѣло въ маркоманской войнѣ, говоритъ біографъ Марка, гл. 26: armavit et diogmitas и надпись въ Эзани, во Фригіи C. I. Gr. 3031 a 8 = Lebas-Waddington 992: παρασχὼν τῷ κυρίῳ Καίσαρι σύμμαχον διωγμείτην παρ' ἑαυτοῦ.

2) Въ Книдѣ [Bull. de corr. hell. 7, 62] нѣкоторые изъ мѣстныхъ гражданъ, какъ кажется, принадлежавшихъ къ числу самыхъ знатныхъ, пытались въ 741/2 году отъ осн. Р. въ теченіе трехъ ночей взять приступомъ домъ одного жителя, который былъ ихъ личнымъ врагомъ; одинъ изъ рабовъ, защищавшихъ осажденный домъ, убилъ одного изъ нападающихъ брошеннымъ изъ окна сосудомъ. Вслѣдствіе этого владѣльцы осажденнаго дома были обвинены въ смертоубійствѣ; но такъ какъ общественное мнѣніе было противъ нихъ, то они заподозрили городской судъ въ лицепріятіи и изъявили желаніе, чтобъ ихъ дѣло было рѣшено по приговору императора Августа. Императоръ поручилъ коммиссару разслѣдовать это дѣло и призналъ обвиненныхъ невиновными; объ этомъ рѣшеніи онъ извѣстилъ должностныхъ лицъ Книда, присовокупивъ, что они по-

сенатскимъ провинціямъ, и, повидимому, считались по преимуществу за благодѣяніе.

Мало-азіятское городское устройство.—Логисты.—Какъ у европейскихъ Эллиновъ, такъ и въ Малой Азіи, римская провинція въ сущности была совокупностью городскихъ общинъ. Какъ въ Элладѣ, такъ и здѣсь, сохранившіяся формы демократической политіи вообще оставались безъ измѣненій, такъ напримѣръ, должностныя лица по прежнему выбирались общинами, но преобладающее вліяніе было въ рукахъ тѣхъ, кто носилъ перевязь, и не было предоставлено никакого простора ни желаніямъ народной толпы ни серьозному политическому честолюбію. Къ ограниченіямъ муниципальной автономіи мало-азіятскихъ городовъ относится и тотъ фактъ, что упомянутаго выше Иренарха, или городскаго полицеймейстера, впослѣдствіи выбиралъ намѣстникъ изъ списка десяти лицъ, составленнаго городскою думой. Не вездѣ встрѣчаются правительственная опека надъ управленіемъ городскими финансами и назначеніе императоромъ непринадлежащаго къ городу управителя городскими имуществами (curator rei publicae, λογιστής), согласія котораго должны были испрашивать городскія должностныя лица при болѣе важныхъ распоряженіяхъ касательно городской собственности; но и то и другое вводится по мѣрѣ надобности, а въ Малой Азіи, въ виду широкаго развитія ея городовъ, вводится особенно рано, именно съ начала втораго столѣтія и въ очень большихъ размѣрахъ. По меньшей мѣрѣ въ 3 столѣтіи, и тамъ, точно такъ-же, какъ повсюду, особенно важныя постановленія общиннаго управленія представлялись на утвержденіе намѣстника. Римское правительство нигдѣ не подводило общинное устройство подъ одну форму, а всего менѣе въ эллинскихъ странахъ; въ Малой Азіи также господствовало въ этомъ отношеніи большое разнообразіе и вѣроятно нерѣдко все предоставлялось усмотрѣнію отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ, хотя правительственныя постановленія объ организованіи той или другой провинціи предписывали общія нормы для общинъ, принадлежавшихъ къ одной и той-же провинціи.

ступали въ этомъ дѣлѣ не безпристрастно, и приказалъ имъ впредь поступать согласно съ его приговоромъ. Это было нарушеніемъ верховныхъ правъ Книда, такъ какъ онъ былъ вольнымъ городомъ; точно такъ и въ Аѳинахъ, во времена Адріана, дозволялось обращаться съ аппелляціонными жалобами къ императору и даже къ проконсулу [стр. 232, прим.]. Кто взвѣситъ всѣ условія, при которыхъ отправлялось правосудіе въ греческихъ городахъ того времени, тотъ непремѣнно придетъ къ убѣжденію, что хотя вмѣшательство этого рода иногда имѣло послѣдствіемъ несправедливыя рѣшенія, но гораздо чаще спасало отъ несправедливыхъ рѣшеній.

Герузіи, Неои.—Тѣ изъ особенно часто встрѣчавшихся въ Малой Азіи учрежденій, которыя могли считаться свойственными преимущественно этой странѣ, не носили на себѣ политическаго отпечатка, а имѣли лишь нѣкоторое соціальное значеніе; такъ напримѣръ во всей Малой Азіи были распространены общества престарѣлыхъ и молодыхъ граждан, такъ-называемыя Герузіи и Неои, которыя служили ресурсами для людей обоихъ возрастовъ, потому что имѣли особыя мѣста для гимнастическихъ упражненій и особыя празднества [1]. Надѣленныхъ самоуправленіемъ общинъ было въ Малой Азіи съ самаго начала гораздо менѣе, чѣмъ въ собственной Элладѣ, а самые значительные мало-азіятскіе города или никогда не пользовались этимъ сомнительнымъ отличіемъ или скоро лишились его,—такъ напримѣръ Кизикъ лишился его при Тиверіѣ (стр. 312), а Самосъ при Веспасіанѣ. Малая Азія была изстари вѣрноподданической страной и какъ при персидскихъ, такъ и при эллинскихъ властителяхъ, привыкла къ монархическому режиму; там безплодныя воспоминанія прошлаго и неясныя надежды выходили изъ узкихъ рамокъ муниципальнаго горизонта рѣже, чѣмъ въ Элладѣ и рѣдко мѣшали мирно наслаждаться тѣми житейскими радостями, какія были возможны при существовавшихъ тамъ порядкахъ.

---

1) Часто упоминаемая въ мало-азіятскихъ надписяхъ Герузія не имѣетъ ничего общаго съ одноименнымъ политическимъ учрежденіемъ, которое было введено Лизимахомъ въ Эфесѣ [Страбонъ 14, 1, 21, стр. 640; Wood Ephesus inscr. from the temple of Diana n. 19]; о ея характерѣ въ римскія времена можно составить себѣ понятіе частію изъ слѣдующихъ словъ Витрувія 2, 8, 10: Croesi [domum] Sardiani civibus ad requiescendum aetatis otio seniorum collegio gerusiam dedicaverunt, частію изъ надписи, недавно найденной въ ликійскомъ городѣ Сидимѣ [Benndorf lyk. Reise 1, 71]; изъ этой надписи видно, что городская дума и народъ рѣшили, согласно съ требованіемъ закона, учредить герузію и выбрать въ нее 50 сенаторовъ и 50 другихъ граждан, которые затѣмъ назначили-бы Гимназіарха новой герузіи. Этотъ Гимназіархъ, встрѣчавшійся и въ другихъ мѣстахъ, равно какъ Гимнодъ герузіи [Menadier qua condic. Ephesii usi sint стр. 51] — единственныя извѣстныя намъ должностныя лица этого общества, отличающіяся характеристическими особенностями. Съ этими учрежденіями имѣютъ сходство, хотя и менѣе важныя коллегіи νέοι, которыя также имѣютъ своихъ собственыхъ Гимназіарховъ. Противоположность съ обоими надсмотрщиками надъ гимнастическими заведеніями для возмужалыхъ граждан представляютъ Гимназіархи Эфебовъ [Menadier, стр. 91]. Герузіи, натурально, имѣли свои пиршества и празднества [для которыхъ и существовали Гимноды]. Это не были заведенія для призрѣнія бѣдныхъ и не были коллегіи, предназначавшіяся исключительно для городской аристократіи; онѣ могутъ служить характеристикой взаимныхъ отношеній между греческими гражданами, для которыхъ гимнастическія заведенія были чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ казино, которые устраиваются въ нашихъ маленькихъ городкахъ.

Городская жизнь.—Эти житейскія радости были въ Малой Азіи въ избыткѣ подъ управленіемъ римскихъ императоровъ. «Ни въ какой другой провинціи», — говоритъ одинъ писатель, жившій въ Смирнѣ при Антонинахъ, — «нѣтъ столькихъ городовъ и такихъ большихъ городовъ, какъ въ нашей. Она отличается восхитительнымъ мѣстоположеніемъ, прекраснымъ климатомъ, разнообразіемъ земныхъ плодовъ, центральнымъ положеніемъ внутри государства, сосѣдствомъ мирныхъ народовъ, внутреннимъ порядкомъ, рѣдкостью преступленій, кроткимъ обхожденіемъ съ рабами, вниманіемъ и благоволеніемъ властителя». Азія,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—называлась провинціей пяти сотъ городовъ, и хотя безводная, отчасти годная лишь для пастбищъ внутренняя часть Фригіи, Ликаоніи, Галатіи, Каппадокіи была и въ ту пору мало населена, но остальные берега не многимъ уступали провинціи Азіи. Не одни только города съ громкими именами, какъ Эфесъ, Смирна, Лаодикея, Апамея, пользовались тѣмъ продолжительнымъ процвѣтаніемъ, которое выпало на долю доступныхъ для культуры мало-азіятскихъ странъ; когда новѣйшимъ изслѣдователямъ случается открыть въ этой странѣ одинъ изъ тѣхъ всѣми позабытыхъ уголковъ, которые уцѣлѣли отъ опустошеній, совершавшихся тамъ въ теченіе послѣднихъ тысячи пяти сотъ лѣтъ, то ими прежде всего овладѣваетъ ужасъ и, почти можно сказать, стыдъ при мысли о противоположности между жалкимъ полнымъ бѣдствій настоящимъ и счастливыми блестящими временами римскаго владычества.

Крагъ-Сидима.—На уединенной горной вершинѣ, неподалеку отъ ликійскаго берега,—тамъ, гдѣ по греческимъ баснословнымъ сказаніямъ жила Химера,—находился древній Крагъ, вѣроятно построенный изъ однихъ бревенъ и глиняныхъ кирпичей и потому исчезнувшій безслѣдно даже вмѣстѣ съ циклопскимъ крѣпостнымъ валомъ, находившимся у подножія холма. Внизу горы тянется красивая плодородная долина, въ которой воздухъ такъ же свѣжъ, какъ въ Альпахъ; она отличается южною растительностью и окружена лѣсистыми дикими горами. Когда Ликія была превращена при императорѣ Клавдіѣ въ провинцію, римское правительство перенесло въ эту равнину нагорный городъ — Гораціевъ «зеленый Крагъ»; на площади новаго города Сидимы до сихъ поръ видны остатки храма съ четырьмя колоннами, который былъ посвященъ въ ту пору императору, и великолѣпнаго портика, который былъ построенъ однимъ мѣстнымъ уроженцемъ, разбогатѣвшимъ въ докторской профессіи. Площадь украшали статуи императора и отличившихся своими заслугами гражданъ; въ городѣ находились: храмъ его боговъ-покровителей Артемиды и Аполлона, бани, гимнастическія заведенія (γυμνάσια) для взрослыхъ и для юныхъ гражданъ; отъ городскихъ во-

ротъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги, круто спускавшейся съ горы въ направленіи къ порту Калабатіи, тянулись ряды каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, болѣе громадныхъ и болѣе великолѣпныхъ чѣмъ тѣ, которые найдены въ Помпеяхъ, и большею частію сохранившихся до сихъ поръ, между тѣмъ какъ дома, вѣроятно построенные изъ такого-же непрочнаго матеріала, изъ какого былъ построенъ старый городъ, совершенно исчезли. Объ общественномъ положеніи и о правахъ жителей этого города даетъ понятіе недавно тамъ найденное и вѣроятно состоявшееся въ царствованіе Коммода общинное постановленіе касательно снабженія престарѣлыхъ граждан средствами существованія; это собраніе было составлено изъ ста членовъ, на половину принадлежавшихъ къ городской думѣ, на половину выбранныхъ изъ простыхъ гражданъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ было только три вольноотпущенника и одинъ незаконнорожденный, а всѣ остальные родились отъ находившихся въ законномъ бракѣ родителей и частію принадлежали къ стариннымъ и зажиточнымъ семьямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ семействъ достигли римскаго гражданства, а одно даже достигло римскаго сенаторскаго званія. Но и это сенаторское семейство, подобно другимъ выселившимся изъ Сидимы, оставалось внѣ своей родины какъ-бы чужеземнымъ, и даже служившіе при императорскомъ дворѣ доктора не позабывали своей отчизны и нерѣдко кончали тамъ свою жизнь; одинъ изъ этихъ знатныхъ городскихъ гражданъ собралъ городскія легенды и относившіяся къ нимъ предсказанія въ одно хотя и не отлично составленное, но очень ученое и очень патріотическое изложеніе и обнародовалъ эти мемуары. Этотъ Крагъ-Сидима подавалъ свой голосъ на сеймѣ маленькой ликійской провинціи не въ числѣ перворазрядныхъ городовъ; онъ не имѣлъ ни театра ни почетнаго титула и никакихъ общественныхъ празднествъ, составлявшихъ въ то время отличіе большихъ городовъ; по мнѣнію древнихъ, это былъ маленькій провинціальный городокъ, обязанный своимъ возникновеніемъ римскимъ императорамъ Но во всемъ Аидинскомъ вилайетѣ нѣтъ ни одного отдаленнаго отъ морскаго берега городка, который могъ-бы по своей цивилизаціи хоть сколько-нибудь равняться съ тѣмъ, чѣмъ былъ этотъ нагорный городокъ. Все, что въ этомъ уединенномъ уголкѣ еще до сихъ поръ живо представляется нашимъ умственнымъ взорамъ, исчезло вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ городовъ подъ разрушительными усиліями человѣческихъ рукъ, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшихъ остатковъ или никакихъ слѣдовъ. Нѣкоторое понятіе о томъ благосостояніи можно извлечь изъ дарованнаго городамъ во времена имперіи права чеканить мѣдную монету: ни одна провинція не могла хоть сколько-нибудь равняться съ Азіей по числу монетныхъ дворовъ и по разнообразію выставленныхъ на монетахъ изображеній.

Недостатки общиннаго управленія.—Сосредоточеніе всѣхъ интересовъ въ родномъ городкѣ, конечно, имѣло свою оборотную сторону какъ у европейскихъ Грековъ, такъ и въ Малой Азіи. Все, что было ранѣе сказано о греческомъ общинномъ управленіи, можетъ быть отнесено, въ главныхъ своихъ чертахъ, и къ Малой Азіи. Неподчиненному никакому контролю, городскому финансовому управленію не достаетъ послѣдовательности, бережливости и нерѣдко даже честности; при постройкахъ то дѣлаются такіе расходы, которые городу не по средствамъ, то не дѣлается того, что крайне необходимо; самые незнатные изъ граждань привыкаютъ расчитывать на вспомоществованія изъ городской казны или отъ зажиточныхъ людей, на даровую раздачу оливковаго масла въ баняхъ, на пирушки и народныя увеселенія, устраиваемыя на чужой счетъ; зажиточныя семьи берутъ подъ свое покровительство людей низшаго класса, привыкшихъ къ униженнымъ изъявленіямъ преданности, къ мелочнымъ интригамъ и раздорамъ; соперничаютъ между собою какъ города (стр. 295), такъ и отдѣльные кружки и семьи; правительство не осмѣливается вводить въ Малой Азіи такія-же общества для призрѣнія бѣдныхъ и такія-же пожарныя команды изъ добровольцевъ, какія повсюду существовали на западѣ, потому что духъ партій тотчасъ проникаетъ во всякую ассоціацію. Стоячая вода легко обращается въ болото, и въ Азіи ясно чувствуется недостатокъ тѣхъ сильныхъ волнъ, которыя вздымаются отъ стремленія къ общей пользѣ.

Благосостояніе.—Малая Азія, и въ особенности передняя Азія, была одной изъ самыхъ богатыхъ странъ на всемъ громадномъ пространствѣ римскихъ владѣній. Благосостояніе общинъ и частныхъ людей такъ сильно пострадало тамъ и отъ злоупотребленій республиканскаго управленія, и отъ вызваннаго этими злоупотребленіями бѣдствія Митридатовскихъ временъ, и отъ набѣговъ пиратовъ, и наконецъ отъ четырехлѣтнихъ междоусобныхъ войнъ, оказавшихся въ финансовомъ отношеніи болѣе пагубными для этой провинціи, чѣмъ для всякой другой,—что Августъ прибѣгнулъ къ крайней мѣрѣ, воспретивъ всякія взысканія по долговымъ обязательствамъ; всѣ Азіятцы, за исключеніемъ Родосцевъ, воспользовались этимъ опаснымъ цѣлебнымъ средствомъ. Но снова наступившее внутреннее спокойствіе изгладило многіе слѣды прошлаго. Не вездѣ,—такъ напримѣръ острова Эгейскаго моря съ тѣхъ поръ никогда уже не могли залечить своихъ ранъ,—но въ большей части страны, какъ раны, такъ и цѣлебное средство были преданы забвенію въ то время, какъ умеръ Августъ, и въ этомъ положеніи страна оставалась въ теченіе трехъ столѣтій—до готскихъ войнъ. Суммы, которыми облагались мало-азіятскіе города и которыя распредѣлялись и взыскивались ими самими, конечно подъ контролемъ намѣстника, составляли одинъ изъ

самыхъ значительныхъ доходовъ государственной казны. Мы не въ состояніи рѣшить, до какой степени бремя налоговъ соразмѣрялось съ платежною способностью населенія; но при продолжительномъ обремененіи чрезмѣрными налогами было-бы немыслимо то положеніе, въ которомъ мы находимъ страну почти до половины третьяго столѣтія. Быть можетъ, не столько вслѣдствіе сознательнаго намѣренія не обременять страну, сколько вслѣдствіе слабости правительства, удерживались въ приличныхъ предѣлахъ и фискальныя стѣсненія торговыхъ сношеній и не для однихъ только плательщиковъ невыгодное обложеніе чрезмѣрными налогами. Во время большихъ общественныхъ бѣдствій, въ особенности во время землетрясеній, отъ которыхъ сильно пострадали при Тиверіѣ двѣнадцать цвѣтущихъ городовъ Азіи и главнымъ образомъ Сарды, а при Піѣ нѣсколько карійскихъ и ликійскихъ городовъ, равно какъ острова Косъ и Родосъ, помощь была подана пострадавшимъ какъ частными людьми, такъ и государствомъ съ самою великодушною щедростью и Мало-Азіатцы испытали на самихъ себѣ, какое счастіе принадлежать къ великому государству, въ которомъ всѣ отвѣчаютъ за всѣхъ. Проведеніе дорогъ, къ которому Римляне приступили немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ Маній Аквиллій впервые организовалъ провинцію Азію, дѣятельно продолжалось въ Малой Азіи во времена имперіи лишь тамъ, гдѣ стояли самые большіе гарнизоны — а именно въ Каппадокіи и въ сосѣдней Галатіи съ тѣхъ поръ, какъ Веспасіанъ поставилъ на среднемъ Евфратѣ легіонный лагерь [1]). Въ остальныхъ провинціяхъ въ этомъ отношеніи было не много сдѣлано частію, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе слабости сенатскаго управленія; если тамъ мѣстами и строились казенныя дороги, то это дѣлалось по распоряженію императоровъ [2]).—Это процвѣтаніе Малой Азіи не было результатомъ особой предусмотрительности правительства или его энергической предпріимчивости. И своими политическими учрежденіями и своей промышленной и торговой дѣятельностью, и своей литературной и художественной инипіативой Малая Азія была обязана или старинnымъ вольнымъ городамъ или Атталидамъ. То, что римское прави-

---

1) Мильные камни встрѣчаются тамъ только со временъ Веспасіана [C. I. L. 111, 306] и съ той поры попадаются тамъ очень часто въ особенности отъ временъ Домиціана до Адріана.

2) Это всего яснѣе доказываютъ тѣ дороги, которыя были построены въ сенатской провинціи Виѳиніи императорскимъ прокураторомъ при Served Неронѣ и при Веспасіанѣ [C. I. L. 111, 346. E p h. V n. 96]. Но и при постройкѣ дорогъ въ сенатскихъ провинціяхъ Азіи и Кипрѣ, никогда не упоминается о сенатѣ, поэтому слѣдуетъ полагать, что и эти дороги строились по распоряженію императоровъ. Въ третьемъ столѣтіи, тамъ какъ и повсюду, даже постройка государственныхъ дорогъ перешла къ общинамъ [Смирна: C. I. L. 111, 471; Ѳіатейра: B u l l. d e c o r r. h e l l. 1, 101; Пафосъ: C. I. L. 111, 218].

тельство дало странѣ, въ сущности заключалось въ продолжительномъ внутреннемъ спокойствіи и въ дозволеніи развивать свое благосостояніе,—то-есть въ отсутствіи той правительственной мудрости, которая полагаетъ, что всякую пару здоровыхъ рукъ и всякую сбереженную золотую монету она въ правѣ употреблять на достиженіе своихъ непосредственныхъ цѣлей; это были отрицательныя достоинства, которыя свойственны вовсе не выдающимся личностямъ; но онѣ способствуютъ общему благополучію нерѣдко болѣе, чѣмъ великія дѣянія тѣхъ, которые сами себя выдаютъ за опекуновъ человѣчества.

Торговля и международныя сношенія.—Благосостояніе Малой Азіи было основано столько же на воздѣлываніи почвы, сколько на промышленности и торговлѣ. Дарами природы были въ наибольшемъ изобиліи надѣлены приморскія страны, а гдѣ жители были поставлены въ менѣе благопріятныя мѣстныя условія, какъ напримѣръ въ Сельге въ окруженной утесами долинѣ Эвримедона, въ Памфиліи, тамъ извлекалась всевозможная польза изъ всякаго на что-нибудь годнаго клочка земли. Произведенія мало-азіятской промышленности были такъ многочисленны и такъ разнообразны, что нѣтъ возможности перечислять ихъ всѣ по одиночкѣ [1]); можно упомянуть только о томъ, что благодаря обширнымъ, находившимся внутри страны, лугамъ, на которыхъ паслись стада овецъ и козъ, Малая Азія сдѣлалась главнымъ центромъ шерстяныхъ издѣлій и ткацкаго ремесла—достаточно напомнить о милетской и галатской, то-есть ангорской шерсти, о золотошвейномъ искусствѣ Атталійцевъ и о сукнѣ, которое изготовлялось на фабрикахъ фригійской Лаодикеи на нервійскій, то-есть на

[1]) Христіане, жившіе въ угрюмой Киликіи, въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Корикѣ, имѣли обыкновеніе, наперекоръ общему обычаю, указывать въ надгробныхъ надписяхъ званіе умершаго. Въ надгробныхъ надписяхъ, найденныхъ тамъ г-номъ Langlois и еще недавно Duchesne'омъ [Bull. de corr. hell. 7, 230 и сл.], названы: одинъ писецъ [νοτάριος], одинъ винный торговецъ [οἰνέμπορος], два торговца оливковымъ масломъ [ἐλεοπώλης], одинъ овощной торговецъ [λαχανοπώλης], одинъ торговецъ фруктами [ὀπωροπώλης], два разнощика [κάπηλος], пять золотыхъ дѣлъ мастеровъ [αὐράριος три раза, χρυσοχόος два раза] изъ которыхъ одинъ былъ также пресвитеромъ, четыре мѣдника [χαλκότυπος одинъ разъ, χαλκεύς три раза], два инструментальныхъ мастера [ἀρμενοράφος], пять гончаровъ [κεραμεύς], изъ которыхъ одинъ названъ раздающимъ работы [ἐργοδότης], а другой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пресвитеромъ, одинъ торговецъ платьемъ [ἱματιοπώλης], два торговца холстомъ [λινοπώλης], три ткача [ὀθονιακός], одинъ работникъ шерстяныхъ издѣлій [ἐρεουργός], два башмачника [καλιγάριος, καλτάριος], одинъ мѣховщикъ [ἐνιοράφος, конечно для ἠνιοράφος, pellio], одинъ шкиперъ, [ναύκληρος], одна повивальная бабка [ἰατρινη]; далѣе общая гробница высокочтимыхъ мѣнялъ [σύστεμα τῶν εὐγενεστάτων τραπεζιτῶν. Такъ жилось тамъ въ 5 и 6 столѣтіяхъ.

фландрскій манеръ. Въ Эфесѣ, какъ извѣстно, едва не вспыхнуло восстаніе вслѣдствіе возникшаго между золотыхъ дѣлъ мастерами опасенія, что отъ введенія новой христіанской вѣры уменьшится у нихъ сбытъ священныхъ изображеній. Намъ извѣстны названія двухъ кварталовъ изъ числа семи, на которые дѣлился одинъ изъ значительныхъ городовъ Лидіи—Филадельфія: то были кварталы ткачей шерстяныхъ матерій и башмачниковъ. Въ этомъ, какъ кажется, обнаруживается тотъ фактъ, который въ другихъ городахъ скрывался отъ глазъ наблюдателя подъ болѣе старинными и болѣе громкими именами,—что всѣ самые значительные города Азіи заключали въ себѣ не только множество ремесленниковъ, но и многочисленное фабричное населеніе. Основой для денежныхъ и торговыхъ дѣлъ служили въ Малой Азіи главнымъ образомъ продукты мѣстнаго производства. Здѣсь вообще не велось такой же обширной торговли предметами ввоза и вывоза, какая велась въ Сиріи и въ Египтѣ; тѣмъ не менѣе сюда ввозились нѣкоторые товары изъ восточныхъ странъ, такъ напримѣръ галатскіе торговцы привозили въ Малую Азію въ немаломъ числѣ рабовъ [1]. Но слѣдующіе факты доказываютъ намъ, что не въ однихъ только портовыхъ городахъ кипѣла промышленная и торговая дѣятельность: римскіе торговцы постоянно жили, какъ кажется, во всѣхъ и большихъ и маленькихъ городахъ Малой Азіи, и даже въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Иліонъ и Ассъ въ Мизіи, какъ Примнессъ и Траянополь во Ѳригіи,—и жили въ такомъ значительномъ числѣ, что ихъ корпораціи участвовали въ общественныхъ дѣлахъ на ряду съ городскими общинами; въ Гіераполѣ, во внутренней части Фригіи, одинъ фабрикантъ (ἐργαστής) приказалъ написать на своей гробницѣ, что онъ въ теченіе своей жизни проѣхалъ семьдесятъ два раза въ Италію, обогнувъ мысъ Малеа, а одинъ римскій поэтъ описываетъ, какъ одинъ столичный торговецъ спѣшитъ къ гавани для того, чтобъ защитить отъ конкурентовъ своего товарища по торговлѣ, жившаго въ Кибирѣ неподалеку отъ Гіераполя. О непрерывныхъ сношеніяхъ съ Италіей свидѣтельствуетъ самый языкъ; между вошедшими въ Малой Азіи въ употребленіе латинскими словами было не мало такихъ, которые имѣли прямую связь съ торговыми сношеніями; въ Эфесѣ даже гильдія ткачей шерстяныхъ матерій носила латинское названіе [2]. Въ Италію

[1] Что торговыя сношенія этого рода велись въ 4-мъ столѣтіи, ясно доказано Амміанъ 22, 7, 8; Claudianus in Eutrop. 1, 59], но не подлежитъ сомнѣнію и то, что они велись еще ранѣе. По словамъ Филострата [Vita Apoll. 8, 7, 12], торговля этого рода представлялась еще въ иномъ видѣ—негреческіе обитатели Фригіи продавали своихъ дѣтей торговцамъ невольниками.

[2] Συνεργασία τῶν λαναρίων [Wood Ephesus, city n. 4]. И въ надписяхъ Корика [стр. 323, прим.] нерѣдко встрѣчаются латинскія имена ремесленниковъ. Общественное положеніе называется γράδος въ фригійскихъ надписяхъ C. I. Gr. 3900. 3902 i.

и въ другія страны, гдѣ былъ въ употребленіи латинскій языкъ, пріѣзжали главнымъ образомъ изъ Малой Азіи преподаватели всякаго рода и доктора; нерѣдко они наживали тамъ значительное состояніе и даже привозили его съ собою на родину; между тѣми, кому малоазіятскіе города были обязаны постройками или полезными учрежденіями, самое выдающееся мѣсто занимаютъ разбогатѣвшіе доктора [1]) и писатели. Наконецъ богатыя семьи переселялись въ Италію изъ Малой Азіи рѣже и въ болѣе позднюю пору, нежели изъ западныхъ странъ; переселиться въ столицу имперіи было легче изъ Віенны или изъ Нарбона нежели изъ греческихъ городовъ; къ тому же и правительство сначала вовсе не желало привлекать ко двору знатныхъ мало-азіатскихъ муниципаловъ и вводить ихъ въ римскую аристократію.

Литературная дѣятельность.— Помимо того удивительнаго ранняго процвѣтанія, благодаря которому на этомъ приморьѣ пустили свои ростки іонійскій эпосъ и эолійская лирика, зачатки исторіографіи и философіи, пластики и живописи, великой эпохой для Малой Азіи въ томъ, что́ касается наукъ и искусствъ, была эпоха Атталидовъ,

---

[1]) Однимъ изъ такихъ разбогатѣвшихъ докторовъ былъ тотъ Ксенофонтъ, сынъ Гераклента, уроженецъ острова Коса, о которомъ упоминаютъ Тацитъ [Ann. 12, 61, 67], Плиній [Hist. Nat. 29, 1, 7] и цѣлый рядъ памятниковъ на его родинѣ [Bull. de corr. hell. 5, 468]; Къ качествѣ лейбъ-медика [ἀρχιατρός; этотъ титулъ встрѣчается въ этомъ случаѣ въ первый разъ] императора Клавдія, онъ пріобрѣлъ такое вліяніе, что съ своей докторской дѣятельностью соединялъ чрезвычайно вліятельное положеніе императорскаго кабинетъ-секретаря для греческой корресподенціи [ἐπὶ τῶν Ἑλληνικῶν ἀποκριμάτων; сравн. Свиду подъ слов. Διονύσιος Ἀλεξανδρεύς]; по случаю британскаго тріумфа онъ не только доставилъ своему брату и своему дядѣ права римскаго гражданства и офицерскія мѣста всадническаго ранга, а для самого себя испросилъ кромѣ всадническаго коня и офицерскаго ранга декорацію золотаго вѣнка и копья, но и для своей родины исходатайствовалъ освобожденіе отъ налоговъ. Его гробница стоитъ на островѣ, а его благодарные соотечественники ставили статуи ему и его родственникамъ и въ память о немъ чеканили медали съ его изображеніемъ. Это былъ тотъ самый докторъ, который, какъ полагаютъ, ускорилъ смерть безнадежно больнаго Клавдія пріемомъ яда, и вслѣдствіе того,—въ качествѣ человѣка одинаково дорогаго и для Клавдія и для его преемника,—называется не только обычнымъ титуломъ „императорскаго друга“ [φιλοσέβαστος], но въ особенности другомъ Клавдія [φιλοκλαύδιος] и Нерона [φιλονέρων; этотъ титулъ былъ данъ послѣ несомнѣннаго исцѣленія]. Его братъ, котораго онъ замѣнилъ въ этой должности, получалъ ежегодное содержаніе въ 500,000 сестерцій [100,000 марокъ], однако увѣрялъ императора, что только изъ желанія угодить ему принялъ это мѣсто, такъ какъ его городская практика доставила-бы ему сверхъ того еще 100,000 сестерцій. Не смотря на то, что оба брата издержали громадныя суммы денегъ какъ для Коса, такъ въ особенности для Неаполя, они оставили послѣ себя состояніе въ 30 милліоновъ сестерцій [въ $6^1/_2$ милліоновъ марокъ].

вѣрно хранившая воспоминанія и о той еще болѣе великой эпохѣ. Когда Смирна воздавала божескія почести своему уроженцу Гомеру, даже чеканила въ честь его монеты и называла ихъ его именемъ, въ этомъ выражалось господствовавшее во всей Іоніи и во всей Малой Азіи убѣжденіе, что божественное искуство спустилось на землю вообще въ Элладѣ и въ особенности въ Іоніи.

Обученіе.—Какъ рано и въ какомъ объемѣ элементарное образованіе сдѣлалось въ тѣхъ странахъ предметомъ общей заботливости, видно изъ касающагося этого предмета постановленія города Теоса, въ Лидіи [1]). Въ силу этого постановленія, наряду съ званіемъ инспектора гимнастическихъ упражненій (γυμναδιάρχης) была учреждена должность школьнаго инспектора (παιδονόμος), лишь только у города оказались на то средства, благодаря сдѣланному однимъ богатымъ гражданиномъ денежному пожертвованію. Далѣе было постановлено назначить: трехъ учителей чистописанія съ годовымъ содержаніемъ, по окладу трехъ разрядовъ, въ 600, 550 и 500 драхмъ, для того, чтобъ всѣ родившіеся отъ свободныхъ родителей мальчики и дѣвочки могли научиться письму; двухъ учителей гимнастики съ годовымъ окладомъ по 500 драхмъ; одного учителя музыки съ жалованьемъ въ 700 драхмъ, который долженъ былъ учить мальчиковъ двухъ послѣднихъ классовъ и выпущенныхъ изъ школы юношей играть на лютнѣ и на цитрѣ; одного фехтовальнаго учителя съ жалованьемъ въ 300 драхмъ и одного учителя стрѣльбы изъ лука и метанія копьевъ съ жалованьемъ въ 250 драхмъ. Преподаватели чистописанія и музыки должны были ежегодно дѣлать ученикамъ публичные экзамены въ городской ратушѣ. Такова была Малая Азія во времена Атталидовъ; но римская республика не продолжала ихъ работы. Она не увѣковѣчила рукою ваятеля воспоминаній о своихъ побѣдахъ надъ Галатами, а пергамская библіотека была перевезена въ Александрію незадолго до битвы при Акціумѣ; не мало лучшихъ зародышей погибло среди опустошеній, причиненныхъ войнами митридатовскими и междоусобными. Только во времена имперіи возродилась вмѣстѣ съ благосостояніемъ Малой Азіи по меньшей мѣрѣ внѣшняя заботливость объ искуствахъ и въ собенности о литературѣ. Ни одинъ изъ многочисленныхъ мало-азіятскихъ городовъ не могъ заявлять притязаній на такое же первенствующее положеніе, какое занимали Аѳины въ качествѣ университетскаго города, Александрія въ качествѣ главнаго центра научныхъ изслѣдованій, и легкомысленная столица Сиріи — благодаря своимъ театральнымъ зрѣлищамъ и балету; но общее образованіе едва-ли было гдѣ-либо болѣе распро-

---

[1]) Подлинный документъ приведенъ у Диттенбергера ном. 349. Атталъ II основалъ такое-же заведеніе въ Дельфахъ [Bull. de corr. hell. 5, 157].

страненo и болѣе основательно. Въ Азіи, какъ кажется, рано установилось обыкновеніе освобождать преподавателей и докторовъ отъ тяжкихъ городскихъ должностей и обязанностей, съ которыми были связаны денежные расходы; именно къ этой провинціи былъ обращенъ эдиктъ императора Пія (стр. 295), имѣвшій цѣлію положить предѣлъ для исключеній, явно крайне обременительныхъ для городскихъ финансовъ, и потому установлявшій самую высшую ихъ цифру: такъ напримѣръ городамъ перваго разряда было дозволено давать такую привилегію не болѣе какъ десяти докторамъ, пятерымъ преподавателямъ риторики и столькимъ-же преподавателямъ грамматики.

Публичныя лекціи софистовъ.—Тѣмъ, что Малая Азія стояла во времена имперіи, относительно литературы, въ первомъ ряду, она была обязана преподавателямъ краснорѣчія или,—какъ ихъ впослѣдствіи обыкновенно называли,—софистамъ, о которыхъ намъ, людямъ новаго времени, не легко составить себѣ ясное понятіе. Писательскую дѣятельность, почти совершенно утратившую всякое значеніе, замѣняютъ нѣсколько похожія на наши теперешнія университетскія и академическія рѣчи, публичныя лекціи, которыя постоянно касаются какого-нибудь новаго сюжета, лишь въ исключительныхъ случаяхъ трактуютъ все объ одномъ и томъ-же предметѣ, а послѣ того, какъ публика выслушала ихъ и осыпала оратора рукоплесканіями, навсегда позабываются. Содержаніемъ для нихъ часто служила какая-нибудь случайность—годовщина рожденія императора, пріѣздъ намѣстника и всякое другое тому подобное событіе изъ общественной или частной жизни; еще чаще это была безцѣльная болтовня обо всемъ, что непримѣнимо на практикѣ и нисколько непоучительно. Политическихъ рѣчей въ ту пору нигдѣ не произносили, ни даже въ римскомъ сенатѣ. Судебная рѣчь уже не была у Грековъ цѣлью ораторскаго искуства, а стояла рядомъ съ рѣчью изъ-за рѣчи, какъ оставленная въ пренебреженіи сестра-плебейка, до которой лишь случайно иногда нисходитъ тотъ, кто мастерски владѣетъ первой. Изъ сферъ поэзіи, философіи и исторіи заимствуется только то, о чемъ можно говорить общими мѣстами; а самыя эти сферы разработываются мало и всего менѣе въ Малой Азіи; еще менѣе онѣ уважаются рядомъ съ чистымъ искуствомъ словоизверженія, отъ котораго онѣ заражаются и портятся. Эти ораторы считаютъ великое прошлое націи, такъ-сказать, за свою личную собственность; они чтятъ и объясняютъ Гомера почти такъ-же, какъ раввины чтятъ и объясняютъ книги Моисея, и даже въ религіозной сферѣ придерживаются самой строгой ортодоксіи. При чтеніи этихъ публичныхъ лекцій употребляются всѣ позволительныя и непозволительныя театральныя вспомогательныя средства—и жестикуляція и модуляціи голоса, и роскошный костюмъ, и хитрыя

уловки настоящихъ виртуозовъ, и пристрастный духъ партій, и конкуренція, и хлопальщики. Безграничному самомнѣнію этихъ мастеровъ краснорѣчія соотвѣтствовали какъ горячее сочувствіе публики, не многимъ уступавшее тому сочувствію, которое возбуждали скаковыя лошади, такъ и совершенно театральная манера выражать это сочувствіе; а благодаря тому, что такія выставки талантовъ постоянно устроивались въ самыхъ большихъ городахъ для образованной части населенія, это сочувствіе повсюду вошло въ привычки городскаго образа жизни, наряду съ любовью къ театральнымъ представленіямъ. Если эти отжившія явленія и представляются нашему уму въ связи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ въ нашихъ большихъ городахъ обязательныя рѣчи, произносимыя въ ихъ ученыхъ обществахъ, то при нашихъ теперешнихъ житейскихъ условіяхъ все - таки вовсе нѣтъ того, что въ древнемъ мірѣ было всего важнѣе: нѣтъ дидактическаго момента, и нѣтъ умѣнья связать безцѣльную публичную лекцію съ высшимъ образованіемъ юношества. Если въ наше время высшее образованіе, какъ утверждаютъ, дѣлаетъ изъ образованныхъ мальчиковъ профессоровъ филологіи, то въ ту пору оно дѣлало изъ нихъ профессоровъ краснорѣчія и именно тогдашняго краснорѣчія. Школьное обученіе все болѣе и болѣе сводилось къ тому, чтобъ сдѣлать мальчиковъ способными читать вышеописанныя публичныя лекціи и по возможности на обоихъ языкахъ, а тѣ изъ нихъ, которые прошли этодъ курсъ съ успѣхомъ, рукоплескали такимъ словоизверженіямъ по воспоминанію о своемъ собственномъ пребываніи въ школѣ. Хотя произведеніями этого рода востокъ былъ такъ-же богатъ, какъ и западъ, но Малая Азія занимала передовое мѣсто и давала тонъ. Когда школьная риторика проникла во времена Августа въ латинское образованіе столичнаго юношества, ея главными представителями были рядомъ съ Италійцами и Испанцами два Мало-Азіятца Ареллій Фускъ и Цестій Пій. Именно тамъ, гдѣ серьозная судебная рѣчь удержалась въ лучшія времена имперіи наряду съ этимъ паразитомъ, одинъ смѣлый адвокатъ Флавіевскаго времени указывалъ на то, какая громадная пропасть отдѣляетъ Никиту Смирнскаго и другихъ Эфесскихъ и Митиленскихъ, покрываемыхъ рукоплесканіями, преподавателей краснорѣчія отъ Эсхина и отъ Демосѳена. Самые знаменитые изъ риторовъ этого рода были большею частію родомъ съ береговъ передней Азіи. Какіе денежные выгоды извлекались мало-азіятскими городами изъ доставки школьныхъ преподавателей для всей имперіи, уже было указано ранѣе. Во время имперіи число и значеніе этихъ софистовъ постоянно возрастаютъ и они пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе вліянія на западѣ. Причина этого заключается частію въ измѣнившемся образѣ дѣйствій правительства, которое стало относиться къ греческому и къ восточному быту менѣе несочувственно,

нежели прежде, въ особенности во второмъ столѣтіи—то-есть съ Адріановской эпохи, отличавшейся не столько своими эллинскими симпатіями, сколько своимъ вреднымъ космополитизмомъ; но главная причина заключалась въ постоянно усиливавшемся обобщеніи высшаго образованія и въ быстро увеличивавшемся числѣ заведеній для высшаго образованія юношества. Софистика была особой принадлежностью Малой Азіи и въ особенности Малой Азіи втораго и третьяго столѣтій; только было бы напрасно искать въ этомъ литературномъ первенствѣ какихъ-либо спеціальныхъ особенностей, свойственныхъ тѣмъ Грекамъ и той эпохѣ, или какой-либо національной своеобразности. Софистика повсюду представляется въ одномъ и томъ-же видѣ—въ Смирнѣ и въ Аѳинахъ, точно такъ-же, какъ въ Римѣ и въ Карѳагенѣ; преподаватели краснорѣчія высылались повсюду по одному образцу, точно такъ, какъ высылаются образцовыя лампы или другія фабричныя издѣлія; смотря по требованію высылались такіе, которые учили по-гречески, или такіе, которые учили по-латыни, а эта фабрикація преподавателей расширялась соразмѣрно со спросомъ. Но, конечно, тѣ греческія страны, которыя были передовыми и по благосостоянію и по образованію, отправляли эту статью вывозной торговли и лучшаго качества и въ большемъ количествѣ; такъ было въ Малой Азіи и во времена Суллы и Цицерона, и во времена Адріана и Антониновъ.

Галенъ.—Діонъ изъ Прузы.— Однако и тамъ встрѣчаются свѣтлыя стороны. Уроженцами именно этихъ странъ были два лучшихъ въ ту эпоху представителя эллинизма, хотя и принадлежавшіе не къ числу софистовъ по профессіи, а къ числу ученыхъ иного направленія, которыхъ также было тамъ сравнительно не мало,—уроженецъ города Прузы, въ Виѳиніи, Діонъ, бывшій преподавателемъ философіи при Веспасіанѣ и Траянѣ, и пергамскій уроженецъ, докторъ Галенъ, бывшій императорскимъ лейбъ-медикомъ при дворѣ Марка и Севера. Въ произведеніяхъ Галена особенно пріятна свойственная свѣтскимъ и придворнымъ людямъ изящная манера выражаться въ связи съ тѣмъ всестороннимъ, литературнымъ и философскимъ образованіемъ, которое вообще часто замѣтно у докторовъ того времени [1]). По чистотѣ

[1]) Одинъ смирнскій докторъ,—Гермогенъ, сынъ Харидема [C. I. Gr. 3311], написалъ кромѣ 77 томовъ медицинскаго содержанія,—какъ это видно изъ его надгробной надписи,—еще слѣдующія историческія сочиненія: о Смирнѣ, о родинѣ Гомера, о мудрости Гомера, объ основаніи городовъ въ Азіи, въ Европѣ и на островахъ, путеводители по Азіи и по Европѣ, о военныхъ хитростяхъ, хронологическія таблицы касательно исторіи Рима и Смирны. Императорскій лейбъ-медикъ Менекратъ [C. I. Gr. 6607], о происхожденіи котораго нѣтъ указаній, основалъ, по свидѣтельству его римскихъ почитателей, новую логическую

образа мыслей и по ясности взгляда на тогдашнее положеніе дѣлъ, Виѳинянинъ Діонъ не уступаетъ ученому Херонейцу, но превосходитъ его силою слога, изяществомъ и мѣткостью выраженій, серьозностью смысла при легкой формѣ и практической энергіей. Лучшія изъ его произведеній—мечтанія объ идеальномъ Эллинѣ, жившемъ до основанія городовъ и до изобрѣтенія денегъ, обращеніе къ единственнымъ еще уцѣлѣвшимъ представителямъ настоящаго эллинизма Родосцамъ, описаніе Эллиновъ его времени, какъ тѣхъ, которые жили въ заброшенной Ольбіи, такъ и тѣхъ, которые жили въ роскоши Никомедіи и Тарса, обращенныя къ отдѣльнымъ лицамъ увѣщанія вести строгій образъ жизни и обращенныя ко всѣмъ увѣщанія жить въ согласіи и единодушіи—служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что и къ малоазіятскому эллинизму временъ имперіи примѣнимы слова поэта: закатывается всегда одно и то-же солнце.

ГЛАВА IX.

Евфратская граница и Парѳяне.

Иранское царство. — Единственнымъ великимъ государствомъ, съ которымъ соприкасались границы римскихъ владѣній, было иранское царство [1]), населенное тѣмъ народомъ, который и въ древности, какъ въ настоящее время, всего болѣе извѣстенъ подъ именемъ

и вмѣстѣ съ тѣмъ эмпирическую медицину [ἰδίας λογικῆς ἐναργοῦς ἰατρικῆς κτίστης], которая изложена въ его произведеніяхъ, доходящихъ до ста пятидесяти шести томовъ.

1) На всемъ римскомъ востокѣ, и въ особенности въ пограничныхъ провинціяхъ господствовало убѣжденіе, что римская имперія и парѳянское царство—двѣ соприкасающіяся великія державы и что кромѣ нихъ нѣтъ никакой другой такой-же великой державы. Это убѣжденіе проявляется въ Апокалипсисѣ св. Іоанна—какъ въ сопоставленіи вооруженнаго лукомъ всадника, на бѣломъ конѣ, съ вооруженнымъ мечомъ всадникомъ на рыжемъ конѣ [6, 2. 3], такъ и въ сопоставленіи Мегистановъ съ Хиліархами [6, 15 сравн 18, 23. 19, 18]. И подъ окончательной катастрофой подразумѣвалось, что Парѳяне, заставившіе императора Нерона отступить, одержатъ верхъ надъ Римлянами [гл. 9, 14. 16, 12], а подъ Армагедономъ,—что-бы ни значило это слово,—подразумѣвался сборный пунктъ восточныхъ воиновъ для совокупнаго нападенія на западныя страны. Впрочемъ авторъ, писавшій на римской территоріи, скорѣй намекаетъ на такія непатріотическія надежды, нежели ясно ихъ высказываетъ.

Персовъ; онъ былъ собранъ въ одно государство древне-персидскимъ царственнымъ родомъ Ахеменидовъ и своимъ первымъ великимъ царемъ Киромъ, а въ религіозномъ отношеніи былъ объединенъ вѣрою въ Агура Мазду и въ Миѳру. Ни одинъ изъ древнихъ образованныхъ народовъ не разрѣшилъ проблему національнаго объединенія такъ рано и съ такой полнотой. Къ югу иранскія племена достигали Индійскаго океана, а къ сѣверу Каспійскаго моря; лежащая на сѣверо-востокѣ внутренняя азіятская степь была постояннымъ театромъ борьбы между осѣдлыми Персами и кочевыми племенами Турана. Съ восточной стороны ихъ отдѣляли отъ Индійцевъ громадныя пограничныя горы. Въ западной Азіи рано столкнулись три великія націи, каждая изъ которыхъ старалась оттѣснить остальныхъ: европейскіе Эллины, старавшіеся захватить берега Малой Азіи, арамейскія племена, надвигавшіяся изъ Аравіи и изъ Сиріи въ сѣверномъ и въ сѣверо-восточномъ направленіяхъ, и покрывавшія долину Евфрата, и наконецъ иранскія племена, не только жившія на всемъ пространствѣ вплоть до Тигра, но даже проникшія въ Арменію и въ Каппадокію, между тѣмъ какъ иноплеменные первоначальные обитатели этихъ обширныхъ странъ гибли и исчезали подъ напоромъ этихъ могущественныхъ народовъ. Въ эпоху Ахеменидовъ, когда могущество Ирана достигло своего апогея, иранское владычество обнимало всѣ обширныя страны, заселенныя этимъ племенемъ, и распространялось оттуда во всѣ стороны, но преимущественно на западъ. За исключеніемъ тѣхъ временъ, когда Туранъ одержалъ верхъ надъ Ираномъ и Персы повиновались Сельджукамъ и Монголамъ, иранскія племена подпадали подъ настоящее иноземное владычество только два раза и то лишь на сравнительно короткое время—при великомъ Александрѣ и его ближайшихъ преемникахъ и при арабскихъ Аббасидахъ; жители восточныхъ странъ и именно населявшіе тамъ древнюю Бактріану Парѳяне не только скоро сбросили съ себя иго иноземцевъ, но даже вытѣснили этихъ послѣднихъ изъ заселеннаго родственными племенами запада.

Владычество Парѳянъ.— Римлянамъ пришлось имѣть дѣло съ возстановленнымъ Парѳянами персидскимъ государствомъ, когда они пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ Ираномъ въ послѣднія времена республики вслѣдствіе занятія Сиріи. Намъ уже не разъ приходилось упоминать объ этой имперіи; здѣсь будетъ кстати собрать то немногое, чтó намъ извѣстно о выдающихся особенностяхъ персидскаго государства, такъ часто имѣвшаго вліяніе и на судьбу сосѣдней римской имперіи. Однако дошедшія до насъ преданія не даютъ отвѣта на большую часть тѣхъ вопросъ, которыми задается историкъ. О внутреннемъ положеніи своихъ парѳянскихъ сосѣдей и враговъ западные писатели даютъ намъ лишь случайныя свѣдѣнія,

которыя по своей отрывочности легко могутъ вводить въ заблужденіе; а если восточные писатели вообще не умѣли уяснять смыслъ преданій и сохранять ихъ для потомства, то этотъ недостатокъ еще сильнѣе сказывается въ томъ, что касается временъ Арсакидовъ, такъ какъ въ глазахъ позднѣйшихъ Иранцевъ и владычество Арсакидовъ и предшествовавшее ему иноземное владычество Селевкидовъ были эпохой узурпаціи, составлявшей промежутокъ между періодами древне-персидскаго и ново-персидскаго владычества,—между Ахеменидами и Сассанидами; этотъ пяти-сотъ-лѣтній промежутокъ времени какъ-бы вычеркнутъ [1]) изъ исторіи Ирана и какъ-бы вовсе не существовалъ.

Парояне.—Скиоы.—Точка зрѣнія, которой при этомъ придерживались придворные исторіографы Сассанидовъ, была скорѣе легитимно-династическая, усвоенная персидскою аристократіей, нежели національная иранская. Правда, писатели первыхъ временъ имперіи считаютъ языкъ Пароянъ,—отчизна которыхъ почти соотвѣтствовала теперешнему Хорасану,—за нѣчто среднее между языками мидійскимъ и скиоскимъ, то-есть за нечистое иранское нарѣчіе; соотвѣтственно съ этимъ Пароянъ считали переселенцами изъ страны Скиоовъ и потому подъ ихъ именемъ разумѣли перебѣжчиковъ, а основателя династіи Арсака иные считали за уроженца Бактріаны, а иные, напротивъ того, за Скиоа съ береговъ Меотиды. Тотъ фактъ, что ихъ князья не избрали для себя резиденціей Селевкію на Тигрѣ, а раскинули свой зимній лагерь подлѣ Ктезифона, объясняютъ ихъ нежеланіемъ ставить скиоскія войска внутри богатаго торговаго города. Въ образѣ жизни и во внутреннемъ устройствѣ Пароянъ есть много несхожаго съ иранскими нравами и напоминающаго привычки кочевниковъ: они ведутъ торговлю и ѣдятъ, сидя на конѣ, а вольные люди никогда не ходятъ у нихъ пѣшкомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Парояне (изъ всѣхъ, жившихъ въ той странѣ племенъ, только имя Пароянъ не упоминается въ священныхъ книгахъ Персовъ) не имѣли ничего общаго съ собственнымъ Ираномъ, въ которомъ были какъ у себя дома и Ахемениды и маги. Противоположность между этимъ Ираномъ и тѣмъ царственнымъ родомъ, который вышелъ вмѣстѣ съ своими ближайшими приверженцами изъ нецивилизованнаго и на половину иноземнаго округа, была охотно усвоена римскими писателями отъ ихъ персидскихъ сосѣдей; она существовала и поддерживалась въ теченіе владычества Арсакидовъ, пока наконецъ не привела къ ихъ паденію.

---

[1]) Это до нѣкоторой степени вѣрно и въ томъ, что касается хронологіи. Офиціальная исторіографія Сассанидовъ сокращаетъ промежутокъ времени между послѣднимъ Даріемъ и первымъ Сассанидомъ съ 558 лѣтъ на 266 [Nöldeke Tabari стр. 1].

Однако изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что владычество Арсакидовъ было иноземнымъ владычествомъ. Пароянскому племени и пароянской территоріи не было оказано никакихъ преимуществъ. Хотя въ числѣ резиденцій Арсакидовъ и называютъ пароянскій городъ Гекатомпилъ, но они проводили лѣто главнымъ образомъ въ Экбатанѣ (Гамаданѣ) или, по примѣру Ахеменидовъ, въ Рагахъ, а зиму,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—въ лагерномъ городѣ Ктезифонѣ или также въ Вавилонѣ, на крайней западной границѣ имперіи. Мѣстомъ погребенія служилъ для нихъ по прежнему пароянскій городъ Низея, но впослѣдствіи ихъ чаще погребали въ Арбелахъ, въ Ассиріи. Бѣдная и далекая пароянская отчизна вовсе не была удобна ни для пышной придворной обстановки, ни для важныхъ сношеній съ западомъ въ особенности при позднѣйшихъ Арсакидахъ. Главной страной, какъ и при Ахеменидахъ, оставалась Мидія. Если бы Арсакиды и дѣйствительно были скиоскаго происхожденія, важно было не то, чѣмъ они были, а то, чѣмъ они желали быть, а сами они и считали себя и всегда выдавали за преемниковъ Кира и Дарія. Подобно тому, какъ семеро персидскихъ начальниковъ племенъ устранили лже-Ахеменида и возстановили законность престолонаслѣдія, возведя на престолъ Дарія, такъ и другіе семеро, будто бы, свергнули иноземное владычество Македонянъ и возвели на престолъ Арсака. Въ связи съ этой патріотической фикціей находится и то, что перваго Арсака называли не скиоскимъ, а бактріанскимъ уроженцемъ. Одежда и придворный этикетъ Арсакидовъ были персидскіе; послѣ того, какъ царь Митридатъ I распространилъ свое владычество до береговъ Инда и Тигра, эта династія перемѣнила несложный царскій титулъ на титулъ царя царей, который носили Ахемениды, а остроконечную скиоскую шапку замѣнила высокой, украшенной жемчугомъ, тіарой; на монетахъ царь держалъ въ рукѣ, подобно Дарію, лукъ. И та аристократія, которая переселилась вслѣдъ за Арсакидами и, безъ сомнѣнія, была связана различными узами родства съ старинной мѣстной аристократіей, усвоила персидскіе нравы, персидскую манеру одѣваться и большею частію даже персидскія имена; о сражавшейся съ Крассомъ пароянской арміи разсказываютъ, что солдаты еще носили въ ту пору, по обычаю Скиоовъ, взъерошенные волосы, но у главнокомандующаго былъ, по примѣру Мидянъ, сдѣланъ по среди головы проборъ, а лице было нарумянено.

Царская власть.—Сообразно съ этимъ и введенное первымъ Митридатомъ государственное устройство было въ сущности одинаково съ тѣмъ, какое существовало при Ахеменидахъ. Родъ основателя династіи былъ окруженъ тѣмъ блескомъ и тѣмъ благоговѣніемъ, какіе подобаютъ наслѣдственному и Богомъ установленному владыче-

ству; его имя передается по закону каждому изъ его преемниковъ и ему воздаются божескія почести; поэтому его преемники называются также сынами Божіими [1]) и сверхъ того «братьями бога-солнца и богини луны», какъ и до сихъ поръ называются персидскіе шахи; пролить хотя бы нечаянно каплю крови одного изъ членовъ царствующаго дома считается святотатствомъ; всѣ эти порядки встрѣчаются съ небольшими ограниченіями и у римскихъ цезарей и, быть можетъ, частію заимствованы ими отъ тѣхъ болѣе древнихъ могущественныхъ властителей.

Мегистаны.—Хотя царское достоинство и было тѣсно связано съ царскимъ родомъ, все-таки существовало нѣчто похожее на выборъ царя. Такъ какъ новый властитель, чтобъ вступить на престолъ, долженъ былъ принадлежать какъ къ коллегіи «родственниковъ царскаго дома», такъ и къ совѣту жрецовъ, то, по всему вѣроятію, долженъ былъ совершаться актъ, посредствомъ котораго именно эти коллегіи сами назначали новаго властителя [2]). Подъ именемъ «родственниковъ», конечно, слѣдуетъ разумѣть не только самихъ Арсакидовъ, но и тѣ семь существовавшихъ при Ахеменидахъ княжескихъ родовъ, которымъ принадлежало, въ силу введенныхъ при Ахеменидахъ порядковъ, право считаться равными царямъ по происхожденію и имѣть свободный доступъ къ великому царю, и которые, вѣроятно, пользовались такими-же привилегіями и при Арсакидахъ [3]). Этимъ родамъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежало право за-

---

[1]) Подначальные цари Персіи постоянно носятъ титулъ „Загъ-Алоинъ" [по крайней мѣрѣ, арамейскіе письменные знаки соотвѣтствуютъ этимъ словамъ, которыя, по всему вѣроятію, выражены по-персидски], сынъ Божій [Mordtmann. Zeitschrift für Numismatik 4, 155 и сл.], а на греческихъ монетахъ верховныхъ царей этому соотвѣтствуетъ титулъ θεοπάτωρ. Встрѣчается и названіе „Богъ" точно такъ-же, какъ у Селевкидовъ и у Сассанидовъ.—Почему Арсакидамъ была присвоена двойная діадема [Геродіанъ 6, 2, 1], не объяснено.

[2]) Τῶν Παρθυαίων συνέδριόν φησιν [Ποσειδώνιος] εἶναι,—говоритъ Страбонъ, 11, 9, 3, стр. 515,—διττόν, τὸ μὲν συγγενῶν, τὸ δὲ σόφων καὶ μάγων, ἐξ ὧν ἀμφοῖν τοὺς βασιλεῖς καθίστασθαι [καθίστησιν въ рукоп.] Юстинъ 42, 4, 1: Mithridates rex Parthorum.... propter crudelitatem a senatu Parthico regno pellitur.

[3]) Въ Египтѣ,—гдѣ придворный церемоніалъ, точно такъ-же какъ и во всѣхъ владѣніяхъ Діадоховъ, оставался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ введенъ Александромъ и стало быть былъ сходенъ съ персидскимъ,—такой-же титулъ, какъ кажется, давался въ видѣ личной награды [Franz C. I. Gr. 111, стр. 270]. То-же самое могло случаться и при Арсакидахъ. У говорившихъ по-гречески подданныхъ царства Арсакидовъ, названіе μεγιστᾶνες, въ своемъ первоначальномъ тѣсномъ смыслѣ, какъ кажется, обозначало членовъ выше упомянутыхъ семи родовъ; достоинъ вниманія тотъ фактъ, что megistanes и за-

нимать наслѣдственныя придворныя должности [1]); такъ напримѣръ Сурены,—имя которыхъ точно такъ-же, какъ имя Арсакъ было въ одно и то-же время и собственнымъ именемъ и названіемъ должности,—принадлежали ко второму роду послѣ царствующаго дома и ихъ обязанность заключалась въ томъ, что они всегда надѣвали новому Арсаку на голову тіару. Но какъ сами Арсакиды были родомъ изъ пароянской провинціи, такъ и Сурены были родомъ изъ Сакастана (Седжистана) и, быть можетъ, были по происхожденію Саки и стало быть Скиоы; точно такъ-же и Карены были родомъ изъ западной Мидіи, между тѣмъ какъ при Ахеменидахъ высшая аристократія была чисто-персидскаго происхожденія.

Сатрапы.—Управленіе находилось въ рукахъ подначальныхъ царей или сатраповъ; римскіе географы временъ Веспасіана полагали, что пароянское государство состояло изъ восемнадцати «царствъ». Нѣкоторыя изъ этихъ сатрапій принадлежали побочнымъ линіямъ царствующаго дома; такъ напримѣръ обѣ сѣверо-западныя провинціи—Атропатенская Мидія (Адербейджанъ) и Арменія (въ той мѣрѣ, въ какой она находилась во власти Пароянъ) были отданы въ управленіе тому принцу, который былъ старшимъ въ родѣ послѣ верховнаго властителя [2]). За тѣмъ выдѣлялись между сатрапами: царь области Элимаиды или Сузы, которому были предоставлены и особая власть и исключительное положеніе, и за тѣмъ царь Персіи, изъ которой происходилъ родъ Ахеменидовъ. Въ пароянскомъ государствѣ, не такъ какъ во владѣніяхъ Цезарей, вассальныя царства были если не исключительной, то преобладающей и обусловленной титулами формой управленія, такъ что сатрапы вступали въ свою должность по праву наслѣдованія, но нуждались въ утвержденіи со

trapae отождествляются [Сенека, *Посл.* 21; Іосифъ 11, 3, 2. 20, 2, 3]. Изъ того, что во время придворнаго траура царь Персіи не приглашалъ Магистановъ къ обѣду [Sueton Gai. 5], слѣдуетъ заключить, что они имѣли право вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.—И титулъ τῶν πρώτων φίλων встрѣчается у Арсакидовъ точно такъ-же, какъ при дворахъ египетскомъ и понтійскомъ [Bull. de corr. hell. 7, стр. 349].

[1]) У Іосифа [Ant. 14, 13, 7=Bell. 1, 13, 1] также упоминается царскій виночерпій, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полководцемъ. Подобныя придворныя должности часто встрѣчаются во владѣніяхъ Діадоховъ.

[2]) Тацитъ, *Лѣт.* 15, 2. 31. Агаоангелъ говоритъ въ предисловіи [стр. 109 Langlois], что во времена Арсакидовъ старшій и самый способный изъ принцевъ получалъ верховную власть, а тѣ принцы, которые были старшими непосредственно вслѣдъ за нимъ, были царями Армянъ, Индовъ и Массагетовъ; въ основѣ этихъ обычаевъ, быть можетъ, лежали выше описанные порядки. Что пароянско-индійское царство, — когда оно было связано съ преобладающей страной, — также считалось владѣніемъ членовъ побочныхъ линій, очень правдоподобно.

стороны верховнаго властителя [1]). Эти порядки, по всей видимости, повторялись въ болѣе низкихъ сферахъ, такъ что болѣе мелкіе владѣтели и начальники племенъ находились въ такихъ-же отношеніяхъ къ подначальному царю, въ какихъ этотъ послѣдній находился къ верховному царю [2]). Такимъ образомъ власть верховнаго царя была крайне ограничена у Пареянъ въ пользу наслѣдственной аристократіи, съ которой онъ долженъ былъ дѣлить свое наслѣдственное право управленія. Къ этимъ порядкамъ совершенно подходитъ тотъ фактъ, что масса населенія состояла изъ людей или на половину или вполнѣ несвободныхъ [3]), а отпущеніе на волю не дозволялось. Въ арміи, сражавшейся противъ Антонія, на 50,000 человѣкъ приходилось, какъ полагаютъ, только 400 вольныхъ людей. Самый знатный изъ вассаловъ Орода, разбившій Красса въ качествѣ назначеннаго этимъ царемъ главнокомандующаго, выступилъ въ походъ съ гаремомъ изъ 200 женщинъ и съ багажемъ, навьюченнымъ на тысячѣ верблюдовъ; самъ онъ доставилъ въ армію 10,000 всадниковъ, набранныхъ между его кліентами и рабами. Постоянной арміи Пареяне никогда не имѣли, а во всѣ эпохи созывали для войны ополченіе, которое доставляли вассальные князья и подвластные имъ вассальные владѣтели, и которое состояло изъ огромной массы подвластныхъ этимъ послѣднимъ несвободныхъ людей.

Греческіе города въ пареянскомъ царствѣ. — Однако въ государственномъ устройствѣ пареянскаго царства не было полнаго недо-

---

1) Ихъ-то подразумѣваетъ Юстинъ, когда говоритъ [41, 2, 2]: proximus maiestali regum praepositorum ordo est; ex hoc duces in bello, ex hoc in pace rectores habent. Туземное названіе удержано въ глоссѣ у Гезихія: βίσταξ ὁ βασιλεὺς παρὰ Πέρσαις. Когда Амміанъ, 23, 6, 14 называетъ начальниковъ персидскихъ regiones vitaxae [слѣд. пис. vistaxae], id est magistri equitum et reges et satrapae, то онъ некстати относитъ ко всей внутренней Азіи то, что касается Персіи [сравн. Hermes 16, 613]; впрочемъ названіе „начальниковъ конницы“ подходитъ этимъ подначальнымъ царямъ потому, что они, подобно римскимъ намѣстникамъ, соединяли въ своихъ рукахъ высшую власть какъ гражданскую, такъ и военную, а пареянская армія состояла главнымъ образомъ изъ конницы.

2) Это видно изъ титула σατράπης τῶν σατραπῶν, который данъ нѣкоему Готарцу въ надписи, найденной въ Керманшаганѣ, въ Курдистанѣ [C. I Gr. 4674]. Этотъ титулъ не могъ быть данъ царю Арсакидовъ, носившему такое имя; но,—какъ предполагаетъ Olshausen [Monatsbericht der Berliner Akademie 1878, стр. 179],—этимъ титуломъ могло обозначаться то положеніе, которое досталось-бы этому царю въ случаѣ его отреченія отъ званія верховнаго царя [Тацитъ, *Лѣт.* 11, 9].

3) Еще въ болѣе позднюю пору одинъ конный отрядъ пареянской арміи назывался отрядомъ „вольныхъ людей“. Josephus, Ant. 14, 13, 5=Bell. 1, 13, 3.

статка въ городскомъ элементѣ. Конечно, самыя большія поселенія, возникшія изъ самостоятельнаго развитія востока, не были городскими общинами и даже резиденція пареянскихъ царей, Ктезифонъ, называлась мѣстечкомъ въ противоположность основанной Греками неподалеку отъ нея Селевкіи; эти поселенія не имѣли ни своего собственнаго старшины, ни общиннаго совѣта, и какъ въ нихъ, такъ и въ округахъ управленіе находилось исключительно въ рукахъ царскихъ должностныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, подъ пареянское владычество поступила нѣкоторая, сравнительно небольшая, часть городовъ, основанныхъ греческими властителями. Въ провинціяхъ Месопотаміи и въ Вавилоніи, которыя по своей національности были арамейскими странами, греческое городское устройство упрочилось при Александрѣ и при его преемникахъ. Месопотамія была усѣяна греческими общинами, а въ Вавилоніи городъ Селевкія на Тигрѣ замѣнилъ древній Вавилонъ, опередилъ Багдадъ и былъ въ теченіе нѣкотораго времени резиденціей греческихъ владѣтелей Азіи; благодаря своему выгодному для торговли положенію и своимъ фабрикамъ, онъ сдѣлался первымъ, внѣ римскихъ владѣній, торговымъ городомъ и, какъ полагаютъ, имѣлъ болѣе полу-милліона жителей. Пареянскіе властители, ради своихъ собственныхъ интересовъ, не посягали на его свободное эллинское устройство, которому онъ, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ благосостояніемъ; онъ сохранилъ среди негреческаго востока не только свой городской совѣтъ изъ 300 членовъ, назначавшихся посредствомъ выборовъ, но даже греческій языкъ и греческіе нравы. Конечно, Эллины составляли въ этихъ городахъ лишь господствующій элементъ; рядомъ съ ними жили въ большомъ числѣ Сирійцы и сюда присоединялись въ качествѣ третьей составной части населенія не менѣе многочисленные Іудеи, такъ что населеніе этихъ греческихъ городовъ пареянскаго царства состояло, подобно населенію Александріи, изъ людей трехъ отдѣльныхъ, жившихъ рядомъ одна съ другою, націй. Между ними, точно такъ-же какъ и въ Александріи, нерѣдко происходили столкновенія,—такъ напримѣръ во время управленія Гайя, три націи вступили между собою въ рукопашный бой на глазахъ у пареянскаго правительства, и дѣло кончилось тѣмъ, что Іудеи были выгнаны изъ самыхъ большихъ городовъ.—Во всемъ этомъ пареянское царство представляло рѣзкую противоположность съ римской имперіей. Какъ въ этой имперіи восточная подначальная царская власть встрѣчается лишь въ видѣ исключеній, такъ и въ томъ царствѣ греческій городъ былъ исключеніемъ; находившіеся подлѣ западной границы пареянскаго царства греческіе торговые города такъ-же мало нарушали общій восточно-аристократическій характеръ пареянскаго государственнаго устройства, какъ мало нарушали вассальныя царства Каппадокія и Арменія расчлененіе римскаго госу-

дарства на вольные города. Между тѣмъ какъ во владѣніяхъ Цезарей римско-греческія городскія общины распространяются все далѣе и далѣе и мало-по-малу превращаются во всеобщую форму управленія, напротивъ того, съ введеніемъ пароянской системы управленія, на востокѣ мгновенно прекращается основаніе городовъ, — этотъ отличительный признакъ эллинско-римской цивилизаціи, охватывавшей греческіе торговые города и римскія военныя колоніи точно такъ-же, какъ и величественныя колоніи Александра и Александридовъ; даже находившіеся въ пароянскомъ царствѣ греческіе города приходятъ съ теченіемъ времени въ упадокъ. И тутъ и тамъ общее правило мало-по-малу уничтожаетъ исключенія.

Религія.—Религія Ирана — съ своимъ, приближающимся къ монотеизму почитаніемъ «высшаго изъ боговъ, создавшаго небеса, землю, людей и все что можетъ быть имъ полезно», съ своей безформенностью и духовностью, съ своей строгой нравственностью и правдивостью, съ своимъ поощреніемъ практической дѣятельности и житейской энергіи — проникла въ душу своихъ послѣдователей такъ глубоко, какъ никогда не проникали западныя религіи, и хотя ни Зевсъ ни Юпитеръ не устояли противъ распространившейся цивилизаціи, вѣра у Персовъ оставалась вѣчно-юной, пока не изнемогла въ борьбѣ съ новымъ евангеліемъ, которое проповѣдывали послѣдователи Магомета, или пока не укрылась отъ него въ Индіи. Не наше дѣло объяснять, какъ старинная религія Мазды, которую исповѣдывали Ахемениды и которая возникла еще въ доисторическія времена, относилась къ той религіи, которую считали ученіемъ мудраго Заратустры и которую излагали священныя книги Персовъ (Авеста), вѣроятно впервые появившіяся при позднѣйшихъ Ахеменидахъ; для той эпохи, когда западъ находился въ соприкосновеніи съ востокомъ, имѣетъ значеніе лишь позднѣйшая религіозная форма. Что и Авеста была составлена не на востокѣ Ирана, не въ Бактріанѣ, а по всему вѣроятію въ Мидіи, можно считать за несомнѣнный выводъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій. Но въ Иранѣ національная религія была связана съ національнымъ государственнымъ устройствомъ даже еще теснѣе, чѣмъ у Кельтовъ. Уже ранѣе было замѣчено, что легитимное царское достоинство было въ Иранѣ и религіознымъ учрежденіемъ, что верховный властитель страны считался призваннымъ на царство по волѣ верховнаго божества, и что онъ самъ считался до нѣкоторой степени принадлежащимъ къ разряду боговъ. На монетахъ національнаго чекана постоянно изображался большой алтарь огнепоклонниковъ; надъ алтаремъ парилъ крылатый богъ Агура Мазда: подлѣ бога стоялъ въ позѣ просителя царь, котораго изображали въ этомъ случаѣ менѣе крупными чертами, а насупротивъ царя стояло государственное знамя. Сообразно съ этимъ и преобладаніе дво-

ранства въ парѳянскомъ государствѣ идетъ рука объ руку съ привилегированнымъ положеніемъ духовенства. О жрецахъ этой религіи, магахъ, упоминается еще въ древнихъ рукописяхъ Ахеменидовъ и въ разсказахъ Геродота, и они, вѣроятно, не безъ основанія всегда считались западными писателями за національное персидское учрежденіе. Званіе жреца было наслѣдственное, а всѣ жрецы, вмѣстѣ взятые, составляли подобно Левитамъ въ позднюю эпоху исторіи Израильтянъ, какъ бы особый классъ по меньшей мѣрѣ въ Мидіи, а по всему вѣроятію и повсюду. И подъ греческимъ владычествомъ сохранили свое прежнее значеніе какъ старинная государственная религія, такъ и національное жречество. Когда первый Селевкъ задумалъ основать новую столицу своей имперіи, уже ранѣе упомянутую Селевкію, онъ заставлялъ маговъ день и ночь искать предзнаменованій, и только послѣ того, какъ эти Персы нашли предзнаменованія благопріятными, по ихъ указанію и царь и армія приступили къ торжественной закладкѣ новаго греческаго города. Такимъ образомъ, жрецы Агуры Мазды составляли совѣтъ при царѣ и у нихъ, а не у жрецовъ эллинскаго Олимпа, спрашивали совѣта въ тѣхъ общественныхъ дѣлахъ, которыя касались божественныхъ предметовъ. Само собою разумѣется, что эти обыкновенія были еще болѣе въ силѣ при Арсакидахъ. Что въ избраніи царя участвовалъ вмѣстѣ съ совѣтомъ изъ знати и совѣтъ жрецовъ, было упомянуто ранѣе. Царь армянскій Тиридатъ, принадлежавшій по происхожденію къ роду Арсакидовъ, пріѣзжалъ въ Римъ въ сопровожденіи маговъ; по ихъ указаніямъ онъ ѣхалъ и по ихъ указаніямъ обѣдалъ даже вмѣстѣ съ императоромъ Нерономъ, который охотно выслушивалъ поученія чужеземныхъ мудрецовъ и присутствовалъ при томъ, какъ они заклинали духовъ. Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ жрецы имѣли рѣшающее вліяніе на государственное управленіе; но никакъ нельзя допустить, чтобъ религія Мазды была впервые возстановлена Сассанидами; напротивъ того, при всѣхъ перемѣнахъ династій и не смотря на свое собственное внутреннее развитіе, мѣстная религія Ирана оставалась неизмѣнной въ своихъ главныхъ чертахъ.

Языкъ.—Языкъ, на которомъ говорили въ парѳянскомъ царствѣ, былъ туземный иранскій. Нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобъ когда-либо былъ при Арсакидахъ въ общемъ употребленіи какой-либо чужеземный языкъ. Напротивъ того, именно употреблявшійся въ Вавилоніи иранскій діалектъ и соотвѣтствовавшая ему письменность въ томъ видѣ, какъ они развились до и во время Арсакидовъ подъ вліяніемъ языка и письменности арамейскихъ сосѣдей, получили названіе Пехлеви, то-есть Парѳавы, а этимъ обозначалось то, что они были языкомъ и письменностью парѳянскаго царства. Даже греческій языкъ не сдѣлался тамъ государственнымъ языкомъ. Ни

одинъ изъ тамошнихъ властителей не носилъ греческаго имени даже вслѣдъ за своимъ національнымъ, а еслибы Арсакиды усвоили этотъ языкъ, то въ ихъ владѣніяхъ мы нашли-бы не мало греческихъ надписей. Правда, ихъ монеты до временъ Клавдія имѣютъ исключительно [1]) греческія надписи, а впослѣдствіи преимущественно такія надписи; на нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ мѣстной религіи; по своей пробѣ онѣ схожи съ тѣми монетами, которыя чеканились въ римскихъ восточныхъ провинціяхъ, а раздѣленіе года и лѣтосчисленіе на нихъ такія-же, какія были установлены при Селевкидахъ. Но все это объясняется тѣмъ, что верховные цари вообще сами не чеканили монеты [2]), а тѣ монеты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, употреблялись главнымъ образомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ западными сосѣдями и были вычеканены принадлежавшими къ пареянскому царству греческими городами отъ имени монарха. Царю придается на этихъ монетахъ названіе «друга Грековъ» (φιλέλλην); оно встрѣчается и въ болѣе раннюю пору [3]), а со временъ Митридата I-го, то-есть со времени расширенія царства до береговъ Тигра, употребляется постоянно, но можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если было выставлено на этихъ монетахъ греческимъ городомъ, принадлежавшимъ Пареянамъ. Греческому языку, по всему вѣроятію, было отведено въ пареянскомъ царствѣ такое-же второстепенное мѣсто подлѣ персидскаго языка, какое онъ занималъ въ римскомъ государствѣ подлѣ латинскаго. Постепенное исчезновеніе подъ пареянскимъ владычествомъ всего, что носило греческій характеръ, можно ясно прослѣдить по этимъ городскимъ монетамъ; оно видно также изъ того, что туземный языкъ употребляется на ряду съ греческимъ и вмѣсто греческаго, и изъ того, что греческій языкъ все болѣе и болѣе извращается [4]).

---

[1]) Самая древняя изъ извѣстныхъ намъ монетъ съ Пехлевійскою надписью вычеканена во времена Клавдія въ царствованіе Волагаза I; она сдѣлана на двухъ языкахъ. По-гречески она даетъ царю его полный титулъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ только имя Арсака; по-ирански она даетъ ему лишь туземное индивидуальное имя въ сокращенномъ видѣ [Vol.].

[2]) Этотъ фактъ обыкновенно ограничиваютъ крупной серебряной монетой, а мелкую серебряную монету и большую часть мѣдной считаютъ за царскій чеканъ. Однако этимъ способомъ удѣляютъ верховному царю странную второстепенную роль въ чеканкѣ монеты. Болѣе основательно мнѣніе, что монеты первой чеканки предназначались главнымъ образомъ для чужихъ странъ, а монеты второй чеканки преимущественно для внутренняго употребленія; этимъ способомъ объясняются и различія между двумя разрядами монетъ.

[3]) Первымъ верховнымъ повелителемъ, носившимъ это названіе, былъ Фраапатъ, жившій около 188 г. до Р. Х. [Percy Gardner Parthian coinage стр. 27].

[4]) Такъ напримѣръ на монетахъ Готарца [въ царствованіе Клавдія] значится

Объемъ пароянскаго царства.—По своему объему, царство Арсакидовъ не могло равняться не только съ обширнымъ государствомъ Ахеменидовъ, но и съ своимъ непосредственнымъ предшественникомъ— государствомъ Селевкидовъ. Изъ его первоначальныхъ владѣній Арсакиды удержали въ своей власти только болѣе обширную восточную часть; послѣ той битвы съ Пароянами, въ которой палъ современникъ Гракховъ, царь Антіохъ Сидянинъ, сирійскіе цари уже не дѣлали серьозныхъ попытокъ утвердить свое владычество по ту сторону Евфрата, но страны по сю сторону этой рѣки остались во власти западныхъ монарховъ.

Аравія.—Во власти Пароянъ находились оба берега Персидскаго залива и въ томъ числѣ также аравійскій, поэтому въ ихъ полной власти находилось плаваніе по этому заливу; остальная часть аравійскаго полуострова не подчинялась ни Пароянамъ ни властвовавшимъ въ Египтѣ Римлянамъ.

Область Инда.—Въ нашу задачу не входитъ описаніе борьбы, которая велась между различными народами изъ-за обладанія долиной Инда и странами, прилегавшими къ этой долинѣ съ западной и съ восточной сторонъ,—насколько такое описаніе возможно при крайней отрывочности дошедшихъ до насъ свѣдѣній; но главныя черты этой борьбы, происходившей на ряду съ борьбой изъ-за долины Евфрата, должны быть указаны въ этомъ изложеніи тѣмъ болѣе потому, что наши свѣдѣнія не дозволяютъ намъ прослѣдить вліяніе Ирана на западныя событія отдѣльно отъ положенія, которое онъ занималъ на востокѣ; поэтому намъ кажется необходимымъ обрисовать это положеніе по меньшей мѣрѣ въ его главныхъ чертахъ. Вскорѣ послѣ смерти Александра Великаго между Ираномъ и Индіей была проведена граница вслѣдствіе соглашенія, состоявшагося между однимъ изъ маршаловъ и наслѣдниковъ Александра Селевкомъ и основателемъ индійскаго государства Чандрагуптой или, по-гречески, Сандракоттомъ. Съ тѣхъ поръ этотъ послѣдній владѣлъ не только долиной Ганга на всемъ его протяженіи и всей сѣверной частію передней Индіи, но также по меньшей мѣрѣ частію находящейся въ области Инда возвышенной равнины теперешняго Кабула, далѣе Арахозіей или Афганистаномъ, вѣроятно также пустынной и безводной Гедрозіей, теперешнимъ Белуджистаномъ, равно какъ дельтой и устьями Инда; какъ на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ, такъ въ особенности и въ Пешаверѣ были найдены тѣ выточенныя на камнѣ грамоты, которыми внукъ Чандрагупты, искренній почи-

---

Γωτέρζης βασιλεὺς βασιλέως ὑὸς κεκαλουμένος Ἀρταβάνου. На болѣе позднихъ монетахъ греческія надписи нерѣдко вовсе непонятны.

татель Будды Азока преподалъ своимъ подданнымъ общій нравственный законъ [1]). Такимъ образомъ Иранъ отдѣлялся отъ Индіи громадною и лишь въ немногихъ мѣстахъ пересѣченною ущельями горною цѣпью Гиндукуша, носившаго у древнихъ названіе Парапаниза, и его восточными и западными отрогами. Впрочемъ, это взаимное соглашеніе не долго оставалось ненарушимымъ.

Бактрійско-индійское царство.—Греческіе владѣтели бактрійскаго царства, которое быстро возрастало послѣ своего отдѣленія отъ владѣній Селевкидовъ, перешли черезъ горную границу, въ раннюю пору владычества Діадоховъ, захватили большую часть долины Инда и, быть можетъ, еще далѣе проникли въ переднюю Индію, такъ что центръ тяжести этого государства передвинулся изъ западнаго Ирана въ восточную Индію, а эллинское направленіе было замѣнено индійскимъ. Тамошніе цари называются индійскими царями и впослѣдствіи носятъ не греческія имена; на монетахъ рядомъ съ греческими языкомъ и письменностью и даже вмѣсто нихъ появляются туземный индійскій языкъ и туземная индійская письменность, подобно тому, какъ на пареяно-персидскихъ монетахъ появляется рядомъ съ греческимъ языкомъ Пехлевійскій.

Индо-Скиеы.—За тѣмъ въ борьбѣ принимаетъ участіе новая нація: Скиеы, или, какъ ихъ называли въ Иранѣ и въ Индіи, Саки покидаютъ свое старинное мѣсто жительства на Яксартѣ и проникаютъ черезъ горы на югъ. Бактрійскія страны подпали подъ ихъ

---

[1]) Между тѣмъ какъ царство Дарія,—судя по его надписямъ,—заключало въ себѣ Гадаровъ [по-индійски Гандхаровъ, по-гречески Γανδαρῖται, жившихъ на берегахъ Кабула] и Гиду [жившихъ на берегахъ Инда], первые изъ нихъ названы въ одной изъ надписей Азоки въ числѣ его подданныхъ, а одинъ экземпляръ его великаго эдикта былъ найденъ въ Капурди-Гири или скорѣе въ Шахбазъ-Гари [въ округѣ Юсуфцаи], почти въ 6-ти нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ впаденія Кабула въ Индъ, подлѣ Атака. Центромъ управленія для этихъ сѣверо-западныхъ провинцій Азокова царства служила [судя по надписи C. I. Indicar. 1, стр. 91] Takkhasilâ, по-гречески Γάξιλα, находившаяся почти въ девяти нѣмецкихъ миляхъ OSO отъ Атака, а центромъ управленія юго-западныхъ странъ были Udjdjênî [Ὀζήνη]. Поэтому восточная часть Кабульской равнины во всякомъ случаѣ принадлежала къ царству Азоки. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что границей служило Хайберское ущелье; но, по всему вѣроятію, вся долина Кабула принадлежала къ Индіи, а къ югу отъ Кабула границу составляли рѣзко выдающаяся горная цѣпь Сулеймана и далѣе къ юго-западу Болановское ущелье. Касательно царствовавшаго въ болѣе позднюю пору индо-скиескаго царя Huvischka [на монетахъ онъ называется Ooerke], какъ кажется имѣвшаго свою резиденцію на берегахъ Ямуны въ Маеурѣ, найдена надпись подлѣ Вардака немного къ сѣверу отъ Кабула [по сообщеніямъ Ольденберга].

власть по меньшей мѣрѣ въ самой значительной своей части, а въ послѣднемъ столѣтіи римской республики они, какъ кажется, прочно утвердились въ теперешнихъ Афганистанѣ и Белуджистанѣ. Поэтому, въ раннюю пору имперіи, берега по обѣимъ сторонамъ устьевъ Инда вокругъ Миннагары назывались Скиѳіей, а округъ Дранговъ, находившійся внутри страны къ западу отъ Кандагара, носилъ впослѣдствіи названіе «страны Саковъ», Сакастаны (теперешній Седжистанъ). Это вторженіе Скиѳовъ въ страны, принадлежавшія бактрійско-индійскому государству, конечно, стѣснило развитіе этого государства точно такъ-же, какъ первыя нашествія Германцевъ стѣснили развитіе римскаго государства, но не разрушили его; еще при Веспасіанѣ существовало, по всему вѣроятію, самостоятельное бактрійское государство [1]).

Пареяно-индійское царство. — При императорахъ изъ рода Юліевъ и Клавдіевъ, Пареяне, какъ кажется, были у устьевъ Инда господствующимъ народомъ. Одинъ достойный довѣрія писатель Августовскихъ временъ причисляетъ упомянутую выше Сакастану къ пареянскимъ провинціямъ и называетъ царя Саковъ-Скиѳовъ подначальнымъ царемъ, находившимся подъ верховною властію Арсакидовъ; по его словамъ, самой послѣдней съ восточной стороны пареянской провинціей была Арахозія съ главнымъ городомъ Александрополемъ, — вѣроятно Кандагаромъ. А вскорѣ послѣ того, именно во времена Веспасіана, въ Миннагарѣ властвовали пареянскіе князья. Однако, для того царства, которое образовалось вдоль береговъ Инда, это было скорѣе перемѣной династіи, нежели настоящимъ присоединеніемъ къ Ктезифонскому государству. Пареянскій князь Гондофаръ, имя котораго христіанская легенда соединяетъ съ именемъ апостола Пареянъ и Индійцевъ, св. Ѳомы [2]), царствовалъ на всемъ пространствѣ отъ Миннагары до Пешавера и Кабула; но эти властители, подобно тѣмъ, которые прежде нихъ владѣли индійскимъ царствомъ, употребляли на ряду съ греческимъ языкомъ индійскій и называли себя, точно такъ-же какъ Ктезифонскіе властители, великими царями; они, какъ кажется, соперничали съ Арсакидами нисколько не менѣе оттого, что принадлежали къ одному съ ними

---

[1]) Упомянутый въ примѣчаніи къ 344 стр. египетскій купецъ говоритъ [гл. 47] о „воинственномъ народѣ Бактріанахъ, имѣвшихъ своего собственнаго царя". Стало-быть Бактріана была въ ту пору отдѣлена отъ индійскаго государства, находившагося подъ властію пареянскихъ царей. И Страбонъ, 11, 11, 1, стр. 516, говоритъ о бактрійско-индійскомъ царствѣ, какъ о принадлежащемъ къ прошлымъ временамъ.

[2]) Это, вѣроятно, былъ Каспаръ — а по болѣе древнимъ преданіямъ Гаѳаспаръ, — имя котораго значится въ числѣ трехъ святыхъ царей, пришедшихъ съ востока [Gutschmid Rhein. Mus. 19, 162].

царственному роду [1]).—Эту пароянскую династію потомъ замѣнила въ индійскомъ государствѣ, послѣ короткаго промежутка времени,

---

[1]) Самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ пароянскаго владычества въ этихъ странахъ служитъ описаніе береговъ Чермнаго моря [гл. 38], составленное въ царствованіе Веспасіана однимъ египетскимъ купцомъ: „внутри страны за устьями Инда находится главный городъ Скиеіи Миннагара; но онъ находится во власти Пароянъ, которые безпрестанно прогоняютъ одни другихъ" [ὑπὸ Πάρθων συνεχῶς ἀλλήλους ἐνδιωκόντων]. То-же самое повторяется нѣсколько сбивчиво въ гл. 41: отсюда можно-бы было заключить, что Миннагара находилась въ самой Индіи выше Баригазы, и даже Птоломея это ввело въ заблужденіе; но авторъ описанія, говорившій о внутренней части страны только по слухамъ, конечно, хотѣлъ этимъ сказать только то, что большой городъ Миннагара находится внутри страны неподалеку отъ Баригазы и что оттуда привозится въ Баригазу много хлопчатой бумаги. И встрѣчающіеся въ Миннагарѣ, по словамъ того-же писателя, многочисленные слѣды Александра, могли быть найдены только на Индѣ, а не въ Гуджератѣ. Поэтому и положеніе Миннагары на нижнемъ Индѣ, неподалеку отъ Гайдерабада, и существованіе тамъ пароянскаго владычества въ царствованіе Веспасіана, какъ кажется, не могутъ подлежать сомнѣнію.—Въ связи съ этимъ слѣдуетъ указать: на монеты царя Гондофара или Гиндоферра, который, по словамъ одной очень старой христіанской легенды, былъ обращенъ въ христіанство апостоломъ Пароянъ и Индійцевъ, св. Өомой, и дѣйствительно, какъ кажется, жилъ въ первыя времена римской имперіи [Sallet num. Zeitschr. 6, 355; Gutschmid Rhein. Mus. 19, 162]; на монеты его племянника Абдагаза [Sallet въ выше указ. соч. стр. 365], который, какъ кажется, тождественъ съ тѣмъ пароянскимъ царемъ этого имени, о которомъ говорится у Тацита [*Лѣт.* 6, 36] и во всякомъ случаѣ носитъ пароянское имя; наконецъ на монеты царя Санабара, который царствовалъ, какъ кажется, вскорѣ послѣ Гиндоферра и, быть можетъ, былъ его преемникомъ. Сюда-же принадлежатъ нѣкоторыя другія монеты съ пароянскими именами Арсака, Пакора, Вонона. Эти монеты рѣшительно подходятъ подъ монеты Арсакидовъ [Sallet, въ выше указ. соч., стр. 277]; серебряныя монеты Гондофара и Санабара—отъ остальныхъ царей сохранились почти лишь однѣ мѣдныя монеты,—въ точности подходятъ подъ драхмы Арсакидовъ. Онѣ. по всей видимости, принадлежатъ пароянскимъ царямъ Миннагары; съ этимъ согласуется и то, что на нихъ появляются рядомъ съ греческими надписями и индійскія, подобно тому какъ при позднѣйшихъ Арсакидахъ появляются рядомъ съ греческими надписями Пехлевійскія. Но это не монеты сатраповъ, какъ на это указываетъ и Египтянинъ, а монеты верховныхъ царей, соперничавшихъ съ ктезифонскими: Гиндоферъ называется на очень испорченномъ греческомъ языкѣ βασιλεύς βασιλέων μέγας αὐτοκράτωρ, а на хорошемъ индійскомъ Maharadja Radjadi Radja. Если—и въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго,—подъ именемъ Мамбара или Акабара, который въ выше упомянутомъ описаніи береговъ Чермнаго моря, гл. 41. 52, называется властителемъ береговъ Баригазы, скрывается тотъ Санабаръ, имя котораго значится на монетахъ, то онъ жилъ или во времена Нерона или во времена Веспасіана и владычествовалъ не только близъ устьевъ Инда, но также надъ Гуджератомъ. Далѣе, если найденная неподалеку отъ Пешавера надпись основательно относится къ царю Гондофару, то слѣдуетъ полагать, что его владычество простиралось

та династія, которая называется въ индійскихъ сказаніяхъ династіей Саковъ или царя Канерку (Канишки) и которая, вступивъ на престолъ въ 78 году послѣ Р. Х., удержалась по меньшей мѣрѣ до третьяго столѣтія [1]). Эти цари были родомъ Скиѳы, о нашествіи которыхъ было упомянуто выше, а на ихъ монетахъ появляется вмѣсто индійскаго языка скиѳскій [2]). Такимъ образомъ въ

дотуда и, по всему вѣроятію, до самаго Кабула.—Что долина Инда не была въ то время подчинена владѣтелю Ктезифона, видно изъ того, что Корбулонъ отправилъ въ 60 году на берегъ Чермнаго моря пословъ, которые пріѣзжали отъ Гирканов, отложившихся отъ Парѳянъ; желая, чтобъ эти послы не подвергнулись насиліямъ со стороны Парѳянъ, онъ отправилъ ихъ на тотъ берегъ потому, что они могли оттуда возвратиться домой, не ставя ноги на парѳянскую территорію [Тацитъ, 15, 25].

[1]) Судя по монетамъ, можно полагать, что владычество Арсакидовъ въ Миннагарѣ продолжалось немного долѣе Нероновскихъ временъ. Какіе владѣтели замѣнили Арсакидовъ, въ точности неизвѣстно. Бактрійско-индійскіе властители съ греческими именами принадлежатъ большею частію, а можетъ быть и всѣ, къ до-Августовской эпохѣ; даже нѣкоторыя туземныя имена, какъ напримѣръ Maues и Azes, должны быть отнесены по языку и потому, какъ они пишутся, [напримѣръ въ формѣ ωΩ] къ эпохѣ еще болѣе отдаленной. Напротивъ того, къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ та, въ какую жили Гондофаръ и Санабаръ, должны быть, по видимому, отнесены монеты царей Козулокадфиза и Оэмокадфиза, равно какъ монеты царей Саковъ Канерху и его преемника, такъ какъ онѣ имѣютъ не встрѣчавшійся до тѣхъ поръ въ индійской чеканкѣ вѣсъ золота, равный вѣсу римской золотой монеты, и потому очевидно были туземнаго чекана. Онѣ указываютъ, какъ основанное въ долинѣ Инда государство все болѣе и болѣе принимало національный индійскій отпечатокъ въ противоположность какъ Эллинамъ, такъ и Иранцамъ. Стало быть царствованіе этихъ Кадфизовъ должно быть отнесено къ промежутку времени между владычествомъ индо-парѳянскихъ царей и владычествомъ династіи Саковъ, начавшимся съ 78 года послѣ Р. Х. [Oldenberg in Sallets Zeitschr. für Num. 8, 292]. Найденныя въ пешаверскомъ казнохранилищѣ монеты этихъ царей Саковъ, называютъ, къ нашему удивленію, греческихъ боговъ въ искаженной формѣ Ηρακιλο, Σαραπο наряду съ національнымъ богомъ Βουδο. Самыя позднія изъ нихъ монетъ обнаруживаютъ вліяніе болѣе древней чеканки Сассанидовъ и должны принадлежать второй половинѣ третьяго столѣтія [Sallet Zeitschrift für Numismatik 6, 225].

[2]) Индо-греческіе и индо-парѳянскіе властители, точно такъ-же какъ и Кадфизы, употребляютъ на своихъ монетахъ въ значительномъ объемѣ туземные языкъ и письменность рядомъ съ греческими: напротивъ того, цари Саковъ никогда не употребляли индійскаго языка и индійской азбуки, а пользовались исключительно греческими буквами, и негреческія надписи на ихъ монетахъ, безъ сомнѣнія, скиѳскія. Такъ напримѣръ на золотыхъ монетахъ царя Канерку стоятъ то βασιλεὺς βασιλέων Κανηρκου, то ραο νανοραο κανηρκι κοραvo; первыя два слова, должно быть, были скиѳской формой индійскихъ словъ Râdjâdi Râdja, а слѣдующія два слова заключаютъ въ себѣ собствен-

теченіе первыхъ трехъ столѣтій нашего лѣтосчисленія, въ области Инда властвовали послѣ Индійцевъ и Эллиновъ Парѳяне и Скиѳы. Но и при иноземныхъ династіяхъ тамъ возникло и упрочилось національно-индійское государственное устройство, которое положило такіе-же прочные предѣлы развитію парѳяно-персидскаго могущества на востокѣ, какими римское государство стѣснило это развитіе на западѣ.

Азіятскіе Скиѳы.—Къ сѣверу и къ сѣверо-востоку Иранъ граничилъ Тураномъ. Какъ западные и южные берега Каспійскаго моря и верхнія долины Окса и Яксарта представляли удобное поле для цивилизаціи, такъ степи, окружающія Аральское море, и обширная низменность, которая тянется позади ихъ, были натуральнымъ мѣстомъ жительства людей, не имѣвшихъ никакой осѣдлости. Въ числѣ этихъ кочевниковъ, правда, находились нѣкоторые изъ родственныхъ съ Иранцами племенъ, но они не имѣли никакого участія въ иранской цивилизаціи, и въ исторической роли Ирана имѣетъ рѣшающее значеніе тотъ фактъ, что Иранъ служилъ для образованныхъ народовъ оплотомъ противъ тѣхъ варварскихъ ордъ, которыя назывались Скиѳами, Саками, Гуннами, Монголами, Турками, и которыя, по видимому, не имѣли иного историческаго назначенія, какъ уничтоженіе культуры. Бактра, служившая для Ирана главнымъ оплотомъ противъ Турана, долгое время исполняла это назначеніе подъ управленіемъ своихъ греческихъ владѣтелей въ послѣ-Александровскую эпоху; но уже ранѣе было упомянуто о томъ, что хотя она впослѣдствіи и не пришла въ совершенный упадокъ, но уже не могла долѣе сдерживать стремленіе Скиѳовъ на югъ. Съ упадкомъ могущества Бактріаны такую-же задачу взяли на себя Арсакиды. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ они ее выполнили. Въ первыя времена имперіи ктезифонскіе цари или оттѣснили Скиѳовъ или подчинили ихъ своей власти какъ на югѣ отъ Гиндукуша, такъ и въ сѣверныхъ странахъ: часть прежнихъ бактрійскихъ владѣній эти цари снова отняли у Скиѳовъ. Но гдѣ была проведена граница и была-ли она прочно установлена, въ точности неизвѣстно. О войнахъ между Парѳянами и Скиѳами упоминалось нерѣдко. Тѣ изъ Скиѳовъ, которые жили въ ту пору вокругъ Аральскаго моря и были предками теперешнихъ Туркменъ, всегда были нападающими; они частію вторгались воднымъ путемъ черезъ Каспійское море въ долины Кира и Аракса, частію совершали изъ своихъ степей хищническіе набѣги на богатыя равнины Гирканіи и на плодородный оазисъ Маргіаны (Мерва). По-

---

ное имя и родовое имя [Guschana] царя [Oldenberg въ выше указ. соч., стр. 294]. Стало-быть эти Саки были иноземными властителями Индіи въ иномъ смыслѣ, нежели бактрійскіе Эллины и Парѳяне. Однако сдѣланныя при нихъ въ Индіи надписи были не скиѳскія, а индійскія.

граничные жители откупались отъ произвольныхъ поборовъ данью, которую акуратно уплачивали въ назначенные сроки, подобно тому, какъ въ наше время сирійскіе крестьяне уплачиваютъ бедуинамъ такъ-называемую куббу. Пароянское правительство, по меньшей мѣрѣ въ раннюю пору имперіи, было, какъ видно, такъ-же, какъ и теперешнее турецкое правительство, неспособно обезпечить своимъ мирнымъ подданнымъ плоды ихъ труда и прочное спокойствіе на границѣ. И для римскаго правительства эти пограничные столкновенія были чѣмъ-то въ родѣ незалечившейся раны; они нерѣдко затрогивали интересы Рима и во время войнъ Арсакидовъ изъ-за престолонаслѣдія и во время ихъ взаимныхъ распрей.

Римско-пароянскія пограничныя страны.—Уже ранѣе было описано, въ какихъ отношеніяхъ находились Парояне къ Римлянамъ и какъ установились границы между двумя великими государствами. Въ то время, какъ Армяне соперничали съ Пароянами и основанное на берегахъ Аракса царство старалось играть въ передней Азіи роль великой державы, Парояне вообще дружественно относились къ Римлянамъ, какъ къ врагамъ своихъ враговъ. Но послѣ побѣдъ надъ Митридатомъ и надъ Тиграномъ Римляне заняли,—вслѣдствіе введенныхъ Помпеемъ порядковъ,—такое положеніе, при которомъ едва-ли былъ возможенъ серьозный и прочный миръ между двумя государствами. На югѣ Сирія была теперь подчинена непосредственному римскому владычеству, а римскіе легіоны были поставлены на стражѣ на окраинѣ великой степи, отдѣляющей приморскія страны отъ долины Евфрата. На сѣверѣ Каппадокія и Арменія были превращены въ зависѣвшія отъ Рима вассальныя царства. Вслѣдствіе этого и жившія къ сѣверу отъ Арменіи племена—Колхи, Иберы, Албанцы высвободились изъ-подъ вліянія Пароянъ и принадлежали—по меньшей мѣрѣ по римскому воззрѣнію,—также къ римскимъ вассальнымъ владѣніямъ. На юго-востокѣ отъ Арменіи, отдѣленная отъ нея Араксомъ Малая Мидія или Атропатена (Адербейджанъ) отстояла еще противъ Селевкидовъ и свою древнюю туземную династію, восходившую ко временамъ Ахеменидовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свою независимость; при Арсакидахъ, царь этой страны является, смотря по обстоятельствамъ, то зависящимъ отъ Пароянъ вассальнымъ владѣтелемъ, то независимымъ отъ нихъ благодаря опорѣ, которую находилъ у Римлянъ. Такимъ образомъ преобладающее вліяніе Рима распространилось до Кавказа и до западныхъ береговъ Каспійскаго моря. Это было нарушеніемъ тѣхъ границъ, какія были указаны взаимнымъ положеніемъ націй. Хотя эллинская народность и утвердилась на южныхъ берегахъ Чернаго моря и внутри Каппадокіи и Коммагены такъ прочно, что была въ состояніи дать отпоръ римскому преобладанію, но Арменія оставалась и подъ многолѣтнимъ римскимъ вла-

дычествомъ негреческой страной, неразрывно привязанной къ пар-ѳянскому государству и общностью языка и религіи, и многочисленными родственными узами между знатными семьями, и сходствомъ одежды и вооруженія [1]). Римскіе наборы рекрутъ и римское обложеніе податями никогда не распространялись на Арменію; уже много, если эта страна покрывала расходы на организацію и содержаніе своей собственной арміи и на продовольствіе стоявшихъ въ ней римскихъ войскъ. Армянскіе купцы служили посредниками для обмѣна товаровъ черезъ Кавказъ съ Скиѳіей, черезъ Каспійское море съ восточной Азіей и Китаемъ, внизъ по Тигру съ Вавилоніей и Индіей, съ западной стороны съ Каппадокіей; по видимому, было-бы вполнѣ естественно включить политически зависимую страну въ сферу римскаго обложенія налогами и пошлинами; однако къ этому никогда не приступали. Арменія была включена не въ то государство, съ которымъ ее связывали узы національности, а это обстоятельство имѣло для нея важное значеніе въ той борьбѣ, которую вели Римляне съ своимъ восточнымъ сосѣдомъ во всѣ времена имперіи. Римляне, конечно, сознавали, что присоединеніе къ имперіи странъ, лежащихъ по ту сторону Евфрата, было-бы захватомъ территоріи, искони населенной восточными народами и что для Рима оно въ сущности не было-бы усиленіемъ могущества. Причиной или, пожалуй, оправданіемъ того, что эти захваты все-таки не прекращались, была невозможность допустить, чтобъ рядомъ съ римскимъ государствомъ и даже, пожалуй, можно сказать рядомъ съ политикой древняго міра существовали другія равноправныя великія государства. Римское государство не признавало другихъ настоящихъ границъ, кромѣ моря или кромѣ совершенно беззащитныхъ странъ. Римляне не хотѣли, чтобъ болѣе слабое, но все таки способное обороняться парѳянское государство могло усилиться до положенія первоклассной державы и отняли у него то, отъ чего оно никакъ не могло окончательно отказаться; поэтому отношенія между Римомъ и Ираномъ во всѣ времена имперіи были ничѣмъ инымъ, какъ изрѣдка прерывавшейся перемиріями вѣчной борьбой изъ-за обладанія лѣвымъ берегомъ Евфрата.

Парѳяне во время римскихъ междоусобицъ.—Въ договорахъ, заключенныхъ съ Парѳянами Лукулломъ и Помпеемъ, Евфратъ былъ приз-

---

[1]) Арріанъ, который въ качествѣ намѣстника Каппадокіи самъ командовалъ Армянами [contra Al. 29], называетъ въ своей *Тактикѣ* Армянъ и Парѳянъ всегда вмѣстѣ [4, 3. 44, 1 по поводу тяжелой кавалеріи, одѣтыхъ въ латы воиновъ κοντοφόροι, легкой кавалеріи, ἀκροβολισταί или ἱπποτοξόται; 35, 7 по поводу шараваръ], а говоря о томъ, что Адріанъ ввелъ въ римскую армію варварскую кавалерію, онъ присовокупляетъ, что конные стрѣлки были заведены по примѣру „Парѳянъ или Армянъ“ [44, 1].

ванъ границей между двумя государствами и стало быть Пареянамъ была уступлена Месопотамія. Но это не помѣшало Римлянамъ признать владѣтеля Эдессы въ число своихъ вассаловъ и, какъ кажется, заявить притязанія по меньшей мѣрѣ на косвенное обладаніе большею частію сѣверной Месопотамии, путемъ расширенія границъ Арменіи въ южномъ направленіи. Поэтому пареянское правительство вступило, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ борьбу съ Римлянами въ той формѣ, что объявило войну Арменіи. Послѣдствіемъ этого были походъ Красса, а послѣ пораженія при Каррахъ, возвращеніе Арменіи подъ власть Пареянъ; къ этому можно присовокупить возобновленіе со стороны Пареянъ притязаній на западную часть царства Селевкидовъ, — притязаній, которыхъ конечно имъ не удалось осуществить въ ту пору. Въ теченіе всей двадцати-лѣтней междоусобной войны, во время которой погибла римская республика и окончательно утвердилось единовластіе, война между Римлянами и Пареянами не прекращалась, и нерѣдко случалось, что обѣ войны, и пареянская и междоусобная, смѣшивались одна съ другою. Помпей попытался передъ рѣшительной битвой склонить царя Орода къ вступленію съ нимъ въ союзъ, но такъ какъ этотъ послѣдній потребовалъ уступки Сиріи, то Помпей не могъ заглушить въ самомъ себѣ отвращенія къ той мысли, что ему придется уступить провинцію, которую онъ самъ присоединилъ къ римскимъ владѣніямъ. Однако послѣ катастрофы онъ на это рѣшился; но случайныя причины заставили его бѣжать не въ Сирію, а въ Египетъ, гдѣ онъ потомъ и погибъ. Пареяне, повидимому, намѣревались снова вторгнуться въ Сирію, а позднѣйшіе вожди республиканцевъ не пренебрегали содѣйствіемъ враговъ своего отечества. Еще при жизни Цезаря, Цецилій Бассъ призвалъ къ себѣ на помощь Пареянъ тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ поднялъ въ Сиріи знамя возстанія. Они отозвались на этотъ призывъ; сынъ Орода, Пакоръ разбилъ Цезарева намѣстника и освободилъ осажденную имъ въ Апамеѣ армію Басса (709 г.). Какъ по этой причинѣ, такъ и изъ желанія отмстить за пораженіе при Каррахъ, Цезарь рѣшился лично отправиться слѣдующей весной въ Сирію и проникнуть за Евфратъ; но исполненію этого плана помѣшала его смерть. Кассій, который вслѣдъ за тѣмъ сталъ собирать военныя силы въ Сиріи, также вступилъ въ сношенія съ пареянскимъ царемъ и пареянскіе конные стрѣлки сражались вмѣстѣ съ нимъ за римскую свободу въ рѣшительной битвѣ при Филиппахъ. Такъ какъ республиканцы были побѣждены, то великій царь сначала держалъ себя спокойно, а Антоній хотя и намѣревался привести въ исполненіе планы диктатора, но прежде тѣмъ приступить къ устройству дѣлъ на востокѣ, долженъ былъ покончить много другихъ дѣлъ.

Парояне въ Сиріи и въ Малой Азіи.—Война была неизбѣжна, а нападеніе послѣдовало на этотъ разъ со стороны пароянскаго царя. Въ то время, какъ Цезарь-сынъ боролся въ 713 году въ Италіи съ полководцами и съ супругой Антонія, а самъ Антоній бездѣйствовалъ въ Египтѣ подлѣ царицы Клеопатры, Ородъ склонился на настоятельныя просьбы жившаго при немъ въ изгнаніи Римлянина Квинта Лабіена (сына того Тита Лабіена, который былъ ожесточеннымъ врагомъ диктатора, а прежде того служилъ офицеромъ въ арміи Брута) и отправилъ его и также (713 г.) своего сына Пакора съ сильной арміей черезъ границу. Намѣстникъ Сиріи Децидій Сакса не устоялъ противъ неожиданнаго нападенія; римскіе гарнизоны, состоявшіе большею частію изъ старыхъ солдатъ республиканской арміи, переходили на сторону своего бывшаго начальника; Апамея, Антіохія и вообще всѣ города Сиріи — за исключеніемъ стоявшаго на островѣ Тира, котораго нельзя было взять безъ содѣйствія флота,—покорились; спасавшійся бѣгствомъ въ Киликію, Сакса самъ лишилъ себя жизни, чтобъ не попасться въ плѣнъ. Послѣ завоеванія Сиріи, Пакоръ двинулся въ Палестину, а Лабіенъ въ провинцію Азію; и тамъ всѣ города или сдавались безъ сопротивленія или были взяты силой, за исключеніемъ карійской Стратоникеи. Антоній, будучи всецѣло занятъ происходившими въ Италіи смутами, не присылалъ своему намѣстнику никакихъ подкрѣпленій и въ теченіе почти двухъ лѣтъ (съ конца 713 года до весны 715 года) въ Сиріи и въ значительной части Малой Азіи властвовали пароянскіе полководцы и республиканскій императоръ Лабіенъ — Пароянскій, какъ онъ самъ себя называлъ съ безстыдной ироніей, такъ какъ былъ не изъ тѣхъ Римлянъ, которые побѣждали Пароянъ, а былъ Римляниномъ, побѣждавшимъ вмѣстѣ съ Пароянами своихъ соотечественниковъ.

Парояне прогнаны Вентидіемъ Бассомъ.—Только послѣ того, какъ была устранена опасность разрыва между двумя властителями. Антоній отправилъ новую армію подъ предводительствомъ Публія Вентидія Басса, которому онъ ввѣрилъ главное начальство въ провинціяхъ Азіи и Сиріи. Этотъ способный военачальникъ нашолъ Лабіена въ Азіи во главѣ только повиновавшихся ему римскихъ войскъ и быстро вытѣснилъ его изъ провинціи. Отрядъ пароянской арміи попытался помочь спасавшимся бѣгствомъ союзникамъ на границѣ между Азіей и Киликіей въ ущельяхъ Тавра; но онъ былъ разбитъ прежде, чѣмъ успѣлъ присоединиться къ арміи Лабіена, а за тѣмъ и самъ Лабіенъ былъ настигнутъ во время своего бѣгства въ Киликію и умерщвленъ. Съ такимъ-же успѣхомъ завладѣлъ Вентидій ущельями Амана на границѣ между Киликіей и Сиріей; тамъ палъ лучшій изъ пароянскихъ генераловъ Фарнапатъ (715 г.). Такимъ

образомъ Сирія была очищена отъ непріятеля. Однако въ слѣдующемъ году Пакоръ снова перешолъ черезъ Евфратъ, но только для того, чтобъ погибнуть съ большею частію своей арміи въ рѣшительной битвѣ при Гиндарѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Антіохіи (9 іюня 716). Эта побѣда въ нѣкоторой мѣрѣ загладила пораженіе при Каррахъ и дала прочные результаты: послѣ того парѳянская армія уже долго не показывалась на римскомъ берегу Евфрата.

Положеніе Антонія.—Если интересы Рима требовали расширенія завоеваній на востокѣ и пріобрѣтенія оставленнаго Александромъ Великимъ наслѣдства во всемъ его объемѣ, то обстоятельства никогда не были болѣе для того благопріятны, чѣмъ въ 716 году. Хорошія взаимныя отношенія между двумя властителями кстати снова упрочились и даже Цезарь въ ту пору, быть можетъ, искренно желалъ рѣшительнаго и успѣшнаго исхода войны, предпринятой его сотоварищемъ по управленію и новымъ близкимъ родственникомъ. Гиндарское пораженіе вызвало у Парѳянъ тяжелый династическій кризисъ. Царь Ородъ, будучи глубоко потрясенъ гибелью старшаго и самаго способнаго изъ своихъ сыновей, отрекся отъ престола въ пользу своего втораго сына Фраата. Этотъ сынъ, желая прочнѣе укрѣпиться на престолѣ, ввелъ систему страшныхъ жестокостей, жертвами которой сдѣлались его многочисленные братья и даже его престарѣлый отецъ, а также многіе изъ членовъ высшей аристократіи: нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ покинули родину и искали защиты у Римлянъ, и въ томъ числѣ былъ самый могущественный и самый знатный изъ нихъ—Монесъ. Римъ никогда еще не имѣлъ на востокѣ такой многочисленной и хорошо организованной арміи, какъ въ ту пору; Антоній могъ перевести черезъ Евфратъ не менѣе 16-ти легіоновъ, то-есть около 70,000 человѣкъ римской пѣхоты, около 40,000 вспомогательныхъ войскъ, 10,000 испанскихъ и галльскихъ всадниковъ и 6000 армянскихъ; по меньшей мѣрѣ половина этой арміи состояла изъ приведенныхъ съ запада испытанныхъ въ бояхъ войскъ, которыя были готовы всюду слѣдовать за своимъ любимымъ и высокочтимымъ вождемъ, одержавшимъ побѣду при Филиппахъ, и подъ его личнымъ начальствомъ прибавить новыя еще болѣе блестящія побѣды къ тѣмъ, которыя уже были одержаны надъ Парѳянами хотя и не имъ самимъ, но для него.

Замыслы Антонія.—Въ дѣйствительности, Антоній замышлялъ утвердить въ Азіи верховную царскую власть по примѣру Александра. Подобно тому, какъ Крассъ объявилъ передъ своимъ выступленіемъ въ походъ, что онъ распространитъ римское владычество до Бактріаны и до Индіи, и Антоній назвалъ Александромъ перваго сына, котораго ему родила египетская царица. Онъ, какъ кажется, вамѣ-

ревался съ одной стороны подвести именно подъ такую форму верховнаго владычества всѣ римскія владѣнія на востокѣ, еще не находившіяся подъ управленіемъ подначальныхъ мелкихъ царей за исключеніемъ вполнѣ эллинизированныхъ провинцій Виѳиніи и Азіи, а съ другой стороны подчинить себѣ подъ формой сатрапій всѣ страны, которыя когда-то были заняты на востокѣ западными завоевателями. Большая часть восточной Малой Азіи вмѣстѣ съ первенствомъ въ военномъ отношеніи, была передана самому воинственному изъ тамошнихъ царей, Галату Аминту (стр. 300). На ряду съ этимъ галатскимъ царемъ стояли: цари Пафлагоніи, вытѣсненные изъ Галатіи потомки Дейотара; Полемонъ — новый царь Понта, женатый на внучкѣ Антонія Пиѳодорѣ; далѣе — прежніе цари Каппадокіи и Коммагены. Значительную часть Киликіи и Сиріи, равно какъ Кипръ и Кирену Антоній присоединилъ къ египетскому государству, которому такимъ образомъ возвратилъ почти тѣ самыя границы, какія оно имѣло при Птолемеяхъ, а такъ какъ любовница Цезаря, царица Клеопатра, сдѣлалась его любовницей или даже его супругой, то незаконному сыну, котораго она имѣла отъ Цезаря, Цезаріону, уже ранѣе признанному ея соправителемъ въ Египтѣ [1]), было предоставлено право получить въ наслѣдство старинное царство Птолемеевъ, а незаконному сыну, котораго она имѣла отъ Антонія, Птолемею Филадельфу, было предоставлено право получить въ наслѣдство Сирію. Ея другому сыну, рожденному отъ Антонія, уже ранѣе упомянутому Александру, была покуда отдана Арменія въ зачётъ предназначеннаго ему въ будущемъ владычества надъ всѣмъ востокомъ. Съ этимъ, организованнымъ по-восточному верховенствомъ [2]),

[1]) Въ званіе египетскаго соправителя незаконный сынъ Цезаря Πτολεμαῖος ὁ καὶ Καῖσαρ θεὸς φιλοπάτωρ φιλομήτωρ, вступилъ,—какъ гласитъ его царскій титулъ C. I. Gr. 4717],--въ египетскомъ 711/2 году, 29 августа; это видно изъ лѣтосчисленія [Wescher Bullett. dell' Inst. 1866, стр. 199; Krall, Wiener Studien 5, 313]. Такъ какъ онъ занялъ мѣсто супруга своей матери и ея брата Птолемея младшаго, то устраненіе этихъ послѣднихъ Клеопатрой [о которомъ мы не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній], должно быть, произошло именно въ то время и послужило поводомъ для провозглашенія Цезаріона египетскимъ царемъ. И Діонъ [47, 31] полагаетъ, что его провозглашеніе царемъ произошло лѣтомъ 712 года передъ битвой при Филиппахъ. Стало-быть оно не было дѣломъ Антонія, а состоялось по обоюдному соглашенію обоихъ властителей въ такую пору, когда имъ было желательно угодить египетской царицѣ, которая впрочемъ постоянно держала ихъ сторону.

[2]) Такъ думалъ Августъ, когда говорилъ, что онъ снова присоединилъ къ имперіи восточныя провинціи, большею частію раздѣленныя между царями [Mon. Ancyr. 5, 41: provincias omnis, quae trans Hadrianum mare vergunt ad orientem, Cyrenasque, iam ex parte magna regibus eas possidentibus.. reciperavi].

Антоній намѣревался соединить и верховную власть надъ всѣмъ западомъ. Самъ онъ не принималъ царскаго титула, а носилъ передъ своими соотечественниками и передъ солдатами только такіе-же титулы, какіе были даны Цезарю. Но на государственныхъ монетахъ съ латинскою надписью, Клеопатра называется царицей царей, а ея сыновья отъ Антонія называются по меньшей мѣрѣ царями; голова его старшаго сына изображалась на монетахъ подлѣ головы отца, какъ будто переходъ власти по наслѣдству разумѣлся самъ собою; къ браку и къ наслѣдственнымъ правамъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей онъ относился такъ-же, какъ верховные восточные цари или,—какъ онъ самъ выражался,—съ божественной свободой своего предка Геракла [1]); своего сына Александра онъ прозвалъ, по примѣру именно тѣхъ восточныхъ царей, Геліемъ, а его двойничную сестру Клеопатру—Селеной, и подобно тому, какъ персидскій царь когда-то далъ спасавшемуся бѣгствомъ Ѳемистоклу нѣсколько азіятскихъ городовъ, и онъ подарилъ три сирійскихъ города перешедшему на его сторону Парѳянину Монесу. Вѣдь и въ Александрѣ нѣкоторымъ образомъ совмѣщалось званіе македонскаго царя съ званіемъ царя всѣхъ восточныхъ царей, и для Александра наградой за жизнь въ лагерной палаткѣ въ Гавгамелѣ служило брач-

---

[1]) И въ этомъ случаѣ обнаружилось то уваженіе къ приличіямъ, которое было характеристической особенностью Августа, между тѣмъ какъ характеристической особенностью его коллеги было противоположное свойство. Не только были впослѣдствіи офиціально отвергнуты сыновнія права Цезаріона, которыя были почти положительно признаны самимъ диктаторомъ,—и дѣти Антонія отъ Клеопатры [происхожденіе которыхъ уже никакъ не могло быть опровергнуто] хотя считались членами императорскаго дома, но никогда не были формально признаны дѣтьми Антонія. Напротивъ того, сынъ дочери Антонія отъ Клеопатры, впослѣдствіи царь Мавританіи Птолемей, называется въ аѳинской надписи C. I. A. III, 555 внукомъ Птолемея, такъ какъ иначе нельзя объяснить слова Πτολεμαίου ἔκγονος. Въ Римѣ изобрѣли этого дѣда съ материнской стороны для того, чтобъ можно было офиціально умалчивать о настоящемъ дѣдѣ. Если допустить, согласно съ предположеніемъ О. Гиршфельда, что ἔκγονος значитъ правнукъ и относится къ прадѣду съ материнской стороны, то мы придемъ все къ тому-же результату, такъ какъ тутъ окажется пропущеннымъ дѣдъ, потому что мать въ легальномъ смыслѣ не имѣла отца.—Трудно рѣшить, заходила-ли та фикція, которая кажется мнѣ болѣе правдоподобной, такъ далеко, что указала на настоящаго Птолемея и продлила жизнь умершему въ 712 году послѣднему изъ потомковъ Лага, или же довольствовались тѣмъ, что вообще создали мнимаго отца. Но и въ томъ крѣпко придерживались фикціи, что сыну дочери Антонія дали имя мнимаго дѣда. Если при этомъ происхожденію отъ Лагидовъ было отдано предпочтеніе передъ происхожденіемъ отъ Массиниссы, то это было сдѣлано конечно скорѣй изъ деликатнаго вниманія къ императорскому дому, относившемуся къ незаконнорожденному ребенку какъ къ своему члену, нежели вслѣдствіе эллинскихъ симпатій отца.

ное ложе въ Сузѣ; но его римская копія, вслѣдствіе своей точности, сильно отзывается карикатурой.

Приготовленія къ войнѣ съ Парѳянами.—Трудно рѣшить, тотчасъ-ли послѣ своего вступленія въ управленіе востокомъ Антоній сталъ дѣйствовать въ указанномъ направленіи; по всему вѣроятію, у него мало-по-малу зрѣла мысль объ основаніи новаго восточнаго царства въ связи съ единовластіемъ на западѣ, а вполнѣ она созрѣла лишь послѣ того, какъ, возвратившись въ 717 году изъ Италіи въ Азію, онъ снова вступилъ въ связь съ послѣдней царицей изъ дома Лагидовъ для того, чтобъ впредь уже никогда ее не разрывать. Но по своей натурѣ онъ не былъ способенъ привести въ исполненіе столь смѣлое предпріятіе. Онъ обладалъ тѣми военными дарованіями, которыя научаютъ наносить хорошо задуманные и смѣлые удары, когда стоишь лицемъ къ лицу съ врагомъ или въ особенности когда находишься въ затруднительномъ положеніи; но ему недоставало твердой воли государственнаго мужа, недоставало яснаго сознанія политической цѣли и ея энергическаго преслѣдованія. Еслибы диктаторъ Цезарь поручилъ ему покореніе востока, онъ съумѣлъ-бы исполнитъ эту задачу; но маршалъ не годился въ верховные правители. Послѣ того, какъ Парѳяне были выгнаны изъ Сиріи, протекли почти два года (съ лѣта 716 до лѣта 718 г.), въ теченіе которыхъ не было сдѣлано ни одного шага къ достиженію цѣли. Антоній былъ второстепеннымъ дѣятелемъ и въ томъ отношеніи, что не желалъ своимъ генераламъ значительныхъ успѣховъ; даровитаго Вентидія, побѣдившаго и Лабіена и Пакора, онъ удалилъ немедленно послѣ этого послѣдняго успѣха и лично принялъ главное командованіе для того, чтобъ добиваться и не достигнуть жалкой чести взять Самосату—главный городъ маленькаго, подчиненнаго Сиріи Коммагенскаго государства; раздраженный этой неудачей, онъ покинулъ востокъ для того, чтобъ вести въ Италіи съ своимъ зятемъ переговоры о будущемъ устройствѣ дѣлъ или для того, чтобъ наслаждаться жизнію вмѣстѣ съ своей юной супругой Октавіей. Его восточные намѣстники не оставались въ бездѣйствіи. Публій Канидій Крассъ двинулся изъ Арменіи въ направленіи къ Кавказу и покорилъ тамъ царя Иберовъ Фарнабаза и царя Албанцевъ Зобера. Гай Соссій завладѣлъ въ Сиріи послѣднимъ, оставшимся во власти Парѳянъ городомъ Арадомъ; за тѣмъ онъ возстановилъ въ Іудеѣ владычество Ирода и предалъ казни возведеннаго Парѳянами на престолъ претендента—Асмонейца Антигона. Такимъ образомъ изъ побѣды были извлечены на римской территоріи всевозможныя выгоды о римское верховенство было признано на всемъ пространствѣ вплоть до Каспійскаго моря и до сирійскихъ степей. Но Антоній э авилъ за собою право начать военныя дѣйствія противъ Парѳянъ яоказался отсутств ющимъ.

Война Антонія съ Пароянами.—Когда онъ наконецъ вырвался въ 718 году изъ объятій не Октавіи, а Клеопатры и двинулъ свои боевыя колонны, уже значительная часть удобнаго для военныхъ дѣйствій времени протекла. Насъ удивляетъ еще не столько мѣшкотность Антонія, сколько избранный имъ для наступленія путь. И до и послѣ него всѣ наступательныя войны Римлянъ съ Пароянами велись въ направленіи къ Ктезифону, который былъ главнымъ городомъ царства и вмѣстѣ съ тѣмъ находился неподалеку отъ его западной границы, а потому былъ самой естественной и самой ближайшей цѣлію для арміи, подвигавшейся впередъ вдоль теченія Евфрата или Тигра. И Антоній могъ итти вдоль Тигра на Ктезифонъ и на Селевкію послѣ того, какъ онъ достигъ этой рѣки черезъ сѣверную Месопотамію, подвигаясь впередъ почти по той самой дорогѣ, по которой шолъ Александръ. Но вмѣсто того онъ оттуда направился къ сѣверу, прежде всего въ Арменію, а собравши тамъ всѣ свои войска и подкрѣпивши ихъ армянской конницей, повернулъ къ плоской возвышенности Мидійской Атропатены (Адербиджана). Союзный армянскій царь могъ рекомендовать ему такой планъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ владѣтели Арменіи всегда стремились къ пріобрѣтенію этой сосѣдней страны и Артавараздъ могъ надѣяться, что теперь одолѣетъ носившаго то же имя атропатенскаго сатрапа и присоединитъ его владѣнія къ своимъ. Но самъ Антоній не могъ руководствоваться такими-же соображеніями. Онъ скорѣе могъ расчитывать на то, что изъ Атропатены можно будетъ проникнуть внутрь непріятельской страны и направить армію на древнія резиденціи персидскихъ царей Экбатану и Рагы. Но если дѣйствительно такова была его цѣль, то онъ не зналъ, какія затрудненія представляла тамошняя мѣстность и имѣлъ слишкомъ низкое понятіе объ оборонительныхъ средствахъ противника; на его сторонѣ были и тѣ невыгоды, что время года, удобное для военныхъ операцій въ этой гористой мѣстности, очень непродолжительно и что онъ началъ кампанію слишкомъ поздно. Если трудно допустить, чтобъ такой искусный и опытный военачальникъ, какъ Антоній, могъ сдѣлать такія ошибки, то слѣдуетъ полагать, что онъ руководствовался какими-нибудь особыми политическими соображеніями. Владычество Фраата, какъ мы выше замѣтили, было непрочно; Монесъ, въ преданности котораго Антоній былъ вполнѣ увѣренъ и котораго онъ, быть можетъ, надѣялся посадить на мѣсто Фраата, возвратился, согласно съ желаніемъ пароянскаго царя, въ свое отечество [1]); Антоній, какъ кажется, расчитывалъ на то, что Монесъ

---

[1]) Въ томъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, что Антоній скрывалъ отъ Фраата предстоявшее нашествіе такъ долго, какъ только могъ и потому, отправляя назадъ Монеса, изъявилъ готовность заключить миръ на томъ условіи, что ему бу-

возбудить востаніе противъ Фраата и въ ожиданіи этой междоусобной войны завелъ свою армію во внутреннія пареянскія провинціи. Антоній, конечно, могъ-бы дожидаться исхода этого востанія, не двигаясь изъ дружественно-расположенной Арменіи, а если бы вслѣдъ за тѣмъ оказались нужными дальнѣйшія военныя дѣйствія, могъ бы въ слѣдующемъ году располагать всѣми лѣтними мѣсяцами; но такое выжиданіе было не по вкусу нетерпѣливому полководцу. Не только онъ встрѣтилъ въ Атропатенѣ упорное сопротивленіе со стороны могущественнаго и полунезависимаго подначальнаго царя, который энергически выдержалъ осаду въ своей столицѣ Прааспѣ или Фраартѣ (къ югу отъ Урмійскаго озера, вѣроятно въ области верхняго Джагату), но и среди Пареянъ непріятельское нашествіе, какъ кажется, возстановило внутреннее спокойствіе. Фраатъ привелъ сильную армію на помощь осажденному городу. Антоній взялъ съ собою большой осадный паркъ, но изъ желанія скорѣй подвигаться впередъ, оставилъ его позади, подъ охраной двухъ легіоновъ, находившихся подъ начальствомъ легата Оппія Статіана. Поэтому предпринятая имъ осада не подвигалась впередъ, а царь Фраатъ отрядилъ массы кавалеріи подъ начальствомъ вышеупомянутаго Монеса для нападенія въ тылу непріятеля на двигавшійся съ трудомъ вслѣдъ за нимъ отрядъ Статіана. Пареяне изрубили тѣхъ, кто прикрывалъ обозъ, и въ томъ числѣ убили самого начальника; остальныхъ они взяли въ плѣнъ и уничтожили весь осадный паркъ, помѣщавшійся на 300 повозкахъ. Кампанія, очевидно, не могла быть успѣшной. Утратившій всякую надежду на успѣхъ, армянскій царь собралъ свое войско и ушелъ съ нимъ домой. Антоній не тотчасъ прекратилъ осаду и даже разбилъ царскую армію въ открытомъ полѣ, но изворотливые пареянскіе всадники ускакали, не понеся серьозныхъ потерь, и побѣда оказалась безплодной. Попытка добиться отъ царя по меньшей мѣрѣ возвращенія какъ прежнихъ, такъ и вновь утраченныхъ знаменъ и заключить миръ если не съ выгодой, то хоть съ честью, не удалась; за такую дешевую цѣну Пареянинъ не выпустилъ изъ рукъ вѣрнаго успѣха. Онъ только увѣрялъ Антоніева посланца, что если Римляне снимутъ осаду, онъ не будетъ безпокоить ихъ на обратномъ пути. Это вовсе нелестное и вовсе ненадежное обѣщаніе противника едва-ли могло побудить Антонія къ отступленію. Можно-бы было оставаться на зимнихъ квартирахъ въ непріятельской странѣ, тѣмъ болѣе потому, что пареянскія войска не знали постоянной военной службы и съ наступленіемъ зимы,

---

дутъ возвращены утраченныя знамена [Плутархъ 37; Діонъ 49, 24; Флоръ 2, 20 [4, 10]]. Но онъ, конечно, зналъ, что это предложеніе не будетъ принято и во всякомъ случаѣ не могъ придавать ему серьознаго значенія; онъ, безъ сомнѣнія, желалъ войны и хотѣлъ свергнуть Фраата съ престола.

вѣроятно, большею частію разошлись бы по домамъ. Но у Антонія не было надежнаго опорнаго пункта: подвозъ припасовъ въ истощенной странѣ ничѣмъ не былъ обезпеченъ, а главнымъ образомъ самъ главнокомандующій не былъ способенъ на такое вялое веденіе военныхъ дѣйствій. Поэтому онъ рѣшился пожертвовать военными машинами, которыя были тотчасъ сожжены осажденными, и пустился въ трудный обратный путь или слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Пятнадцать переходовъ (300 римскихъ миль) по непріятельской странѣ отдѣляли армію отъ рѣки Аракса, составлявшей границу Арменіи, куда только и могло быть направлено отступленіе, не смотря на двусмысленное поведеніе ея владѣтеля. Непріятельская армія изъ 40.000 всадниковъ сопровождала отступавшихъ не смотря на данное обѣщаніе оставить ихъ въ покоѣ, а съ удаленіемъ Армянъ Римляне лишились лучшей части своей конницы. Чувствовался недостатокъ и въ съѣстныхъ припасахъ и въ упряжныхъ животныхъ, а время года было очень позднее. Но къ Антонію воротились въ этомъ опасномъ положеніи и его душевныя силы и его военное искусство и въ нѣкоторой мѣрѣ также его военное счастіе; онъ сдѣлалъ выборъ, и какъ полководецъ, такъ и солдаты исполнили свою задачу какъ нельзя лучше. Еслибы они не имѣли при себѣ одного солдата, когда-то служившаго подъ начальствомъ Красса, а потомъ превратившагося въ Пареянина, которому были хорошо знакомы всѣ прямые и окольные пути и который повелъ ихъ не по равнинѣ, по которой они пришли, а по горнымъ дорогамъ, гдѣ для нихъ были менѣе опасны нападенія конницы (онъ, какъ кажется, провелъ ихъ черезъ горы вокругъ Табрица), то армія едва-ли достигла-бы своей цѣли; а еслибы Монесъ не заплатилъ Антонію свой долгъ признательности, заблаговременно увѣдомляя его о ложныхъ обѣщаніяхъ и о коварныхъ замыслахъ своихъ соотечественниковъ, Римляне, конечно, погибли-бы въ одной изъ засадъ, которыя не разъ были для нихъ приготовлены. Солдатская натура Антонія не разъ блистательно выступала наружу въ эти тяжелые дни то въ его искуствѣ пользоваться каждой благопріятной случайностью, то въ строгости, съ которой онъ относился къ трусамъ, то въ его умѣньи ободрять солдатъ, то въ его самоотверженной заботливости о раненыхъ и больныхъ. Тѣмъ не менѣе спасеніе было чудомъ; Антоній уже далъ одному вѣрному служителю приказаніе въ крайнемъ случаѣ лишить его жизни, чтобъ онъ не могъ попасться живымъ въ руки враговъ. Безпрестанно подвергаясь нападенію озлобленнаго непріятеля, страдая отъ зимняго холода и отъ недостатка то пищи, то воды, армія черезъ двадцать семь дней достигла дружеской границы, гдѣ непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Потери были громадны; въ теченіе тѣхъ двадцати семи дней пришлось выдержать восемнадцать большихъ сраженій и только въ одномъ изъ нихъ Римляне опредѣляли свои потери въ 3000

убитыхъ и 5000 раненыхъ. Это были самые лучшіе и самые храбрые солдаты, отражавшіе непрерывныя нападенія въ тылу и съ фланговъ. Весь багажъ, третья часть обоза и составлявшіе четвертую часть арміи 20.000 пѣхотинцевъ и 4000 всадниковъ погибли въ эту мидійскую кампанію, и не столько мечъ непріятеля, сколько голодъ и моровая язва были причиной такихъ потерь. И на берегахъ Аракса не прекратились страданія несчастной арміи. Артаваздъ принялъ ее, какъ другъ, и не могъ поступить иначе; тамъ она могла бы провести зиму; но этого не допустило нетерпѣніе Антонія; армія продолжала подвигаться далѣе, а вслѣдствіе постоянно-усиливавшагося холода и вслѣдствіе разстроеннаго здоровья солдатъ, эта послѣдняя часть похода отъ Аракса до Антіохіи стоила жизни еще 8000 солдатамъ, не смотря на то, что ихъ уже не тревожилъ никакой непріятель. Этотъ походъ былъ послѣднимъ проблескомъ того, что было хорошаго и даровитаго въ характерѣ Антонія; но въ политическомъ отношеніи это былъ конецъ его карьеры, тѣмъ болѣе потому, что въ то самое время Цезарь успѣшно окончилъ войну въ Сициліи и тѣмъ навсегда упрочилъ за собою и владычество надъ западомъ и довѣріе Италіи.

Послѣдніе годы жизни Антонія на востокѣ. — Тщетно попытавшись скрыть свою неудачу, Антоній сталъ возлагать отвѣтственность за нее на подначальныхъ царей Каппадокіи и Арменіи,—на этого послѣдняго тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что его преждевременное удаленіе отъ Праасмы значительно увеличило и опасности и потери, испытанныя во время отступленія. Но за планъ кампаніи долженъ былъ отвѣчать не Артаваздъ, а Антоній [1]) и не армянскій царь былъ виною того, что возложенныя на Монеса упованія не осуществились, что Статіана постигла катастрофа и что осада Прааспы не удалась. Антоній все-таки не отказался отъ намѣренія покорить востокъ и въ слѣдующемъ (719) году снова выступилъ въ походъ изъ Египта. И на этотъ разъ обстоятельства сложились довольно для него благопріятно. Съ мидійскимъ царемъ Артаваздомъ былъ заключенъ дружественный союзъ; этотъ царь не только поссорился съ повелителемъ Парѳянъ, но главнымъ образомъ питалъ вражду къ своему армянскому сосѣду и зная, какъ этотъ послѣдній прогнѣвилъ Анто-

---

[1]) То, что говоритъ объ этомъ Страбонъ [11, 13, 4, стр. 524),—очевидно руководствуясь описаніемъ этой войны, составленнымъ боевымъ товарищемъ Антонія Делліемъ, и вѣроятно, по его приказанію [сравн. Страб. 11, 14, 3, Діона 49, 39]—есть ничто иное, какъ жалкая попытка оправдать разбитаго полководца. Если Антоній не пошелъ по ближайшей дорогѣ на Ктезифонъ, то его нельзя оправдывать въ этомъ тѣмъ, что царь Артаваздъ завлекъ его на южный путь; это была военная и еще болѣе политическая ошибка верховнаго вождя.

нія, надѣялся найти опору въ недоброжелателѣ своего недруга. Все предвѣщало ненарушимое согласіе между двумя властителями — между увѣнчаннымъ побѣдой повелителемъ запада и потерпѣвшимъ пораженіе повелителемъ востока: узнавши, что Антоній намѣревается снова начать войну, его законная супруга, сестра Цезаря, отправилась изъ Италіи на востокъ, чтобъ доставить ему свѣжія подкрѣпленія и чтобъ скрѣпить его связь съ нею и съ ея братомъ. Если Октавія, не смотря на привязанность своего супруга къ египетской царицѣ, готова была великодушно съ нимъ примириться, то слѣдуетъ полагать, что и Цезарь съ своей стороны еще былъ въ ту пору расположенъ не нарушать прежнихъ взаимныхъ отношеній, какъ это видно и изъ того, что онъ именно въ то время началъ войну на сѣверо-восточной границѣ Италіи. И она и онъ съ самоотверженіемъ подчинили свои личные интересы интересамъ государства. Но хотя и изъ личныхъ расчетовъ и изъ чувства чести Антоній долженъ-бы былъ схватиться за протянутую ему руку примиренія, у него недостало силы порвать связь съ Египтянкой; онъ оттолкнулъ свою супругу, а это значило то-же, что порвать сношенія съ ея братомъ и, можно прибавить, — отказаться отъ продолженія войны съ Парѳянами. Тогда пришлось разрѣшить еще не возникавшій до того времени вопросъ, кому должна принадлежать верховная власть — Антонію или Цезарю. Поэтому Антоній немедленно возвратился изъ Сиріи въ Египетъ и въ слѣдующемъ году ничего не предпринималъ для осуществленія своихъ завоевательныхъ замысловъ на востокѣ; онъ только наказалъ тѣхъ, кому приписывалъ вину своей неудачи. Царя Каппадокіи Аріараѳа онъ приказалъ казнить [1]), а его владѣнія отдалъ его незаконнорожденному родственнику Архелаю. Армянскому царю была предназначена такая-же участь. Когда Антоній появился въ 720 году въ Арменіи для того, — какъ онъ самъ говорилъ, — чтобъ продолжать войну, его цѣль заключалась только въ томъ, чтобъ захватить царя, отказавшагося пріѣхать въ Египетъ. Этотъ актъ мщенія былъ совершонъ гнуснымъ образомъ при помощи обмана и былъ не менѣе гнуснымъ образомъ отпразднованъ въ Александріи карикатурнымъ подражаніемъ тѣмъ тріумфамъ, которые праздновались въ Капитоліи. Предназначенный въ повелители востока сынъ Антонія былъ тогда возведенъ въ званіе царя Арменіи (какъ уже было ранѣе о томъ упомянуто) и женатъ на дочери новаго союзника, царя Мидіи, между тѣмъ какъ старшій сынъ задержаннаго въ плѣну и, немного времени спустя, казненнаго по требованію Клеопатры царя Арменіи, Артаксъ, провозглашенный Армянами царемъ на мѣсто

---

[1]) О низложеніи этого царя, о его казни и о времени, когда это случилось, говорятъ Діонъ 49, 32 и Валерій Максимъ 9, 15 ext. 2; причиной или предлогомъ служили факты, находившіеся въ связи съ армянской войной.

своего отца, спасся бѣгствомъ къ Пароянамъ. Такимъ образомъ и Арменія и Мидія Атропатена были во власти Антонія или находились въ союзѣ съ нимъ; продолженіе войны съ Пароянами хотя и было возвѣщено, но было отложено до побѣды надъ западнымъ соперникомъ. Съ своей стороны Фраатъ напалъ на Мидію; сначала онъ не имѣлъ успѣха, потому что стоявшія въ Арменіи римскія войска помогали Мидянамъ; но когда Антоній, готовившійся къ борьбѣ съ Цезаремъ, вызвалъ оттуда своя войска, Пароянe стали одерживать верхъ, одолѣли Мидянъ и отдали какъ Мидію, такъ и Арменію царю Артаксу, который, въ отмщеніе за казнь отца, приказалъ схватить и умертвить всѣхъ разсѣянныхъ по странѣ Римлянъ. Если въ то время, какъ готовилась и какъ велась великая борьба между Антоніемъ и Цезаремъ, Фраатъ не извлекъ изъ нея всевозможныхъ выгодъ, то, вѣроятно, онъ встрѣтилъ къ этому препятствія въ смутахъ, снова возникшихъ въ его собственныхъ владѣніяхъ. Эти смуты кончились тѣмъ, что онъ былъ прогнанъ и бѣжалъ къ восточнымъ Скиоамъ; вмѣсто него былъ провозглашенъ верховнымъ царемъ Тиридатъ. Въ то время, какъ у береговъ Эпира происходила рѣшительная морская битва и за тѣмъ совершалась въ Египтѣ катастрофа, окончившаяся гибелью Антонія, этотъ новый верховный царь возсѣдалъ въ Ктезифонѣ на расшатанномъ тронѣ, а на противоположной границѣ его владѣній скопища Туранцевъ старались снова возвести на престолъ прежняго повелителя, —что имъ вскорѣ послѣ того и удалось.

Первыя мѣропріятія Августа на востокѣ. — Отъ разумнаго и прозорливаго человѣка, которому пришлось ликвидировать предпріятія Антонія и установить отношенія между двумя составными частями римскаго государства, требовалось столько-же умѣренности, сколько энергіи. Стремиться, по мысли Антонія, къ покоренію востока или даже только къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ на востокѣ, было-бы очень важной ошибкой. Августъ это сознавалъ; его военныя мѣропріятія ясно доказываютъ, что хотя онъ и считалъ обладаніе берегами какъ Сиріи, такъ и Египта необходимымъ для владычества на Средиземномъ морѣ, но обладанію тамошними внутренними странами онъ не придавалъ никакой цѣны. Однако Арменія уже на глазахъ цѣлаго поколѣнія была римской страной и, судя по ходу дѣлъ, могла принадлежать только или Римлянамъ или Пароянамъ; по своему положенію въ военномъ отношеніи она лишь могла служить для каждаго изъ двухъ могущественныхъ государствъ выходными воротами для нападенія на другое. Августъ и не думалъ отказываться отъ обладанія Арменіей и отдавать ее въ руки Парѳянъ, а при тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ даже едва-ли могъ имѣть такое намѣреніе. Но если признавалось необходимымъ сохранить владычество

надъ Арменіей, то этимъ нельзя было довольствоваться; мѣстныя условія заставляли Римлянъ подчинить своему руководящему вліянію страны лежащія вдоль теченія Кира — владѣнія Иберовъ, жившихъ у верховьевъ этой рѣки, и Албанцевъ, жившихъ у ея низовьевъ, то-есть подчинить себѣ жителей теперешней Грузіи и Ширвана, одинаково годныхъ и для конной и для пѣшей военной службы; сверхъ того Римляне не могли дозволить Пареянамъ расширять ихъ владѣнія къ сѣверу отъ Аракса за Атропатену. Уже экспедиція Помпея доказала, что завладѣніе Арменіей неизбѣжно заставляло Римлянъ распространить ихъ владычество съ одной стороны до Кавказскихъ горъ, съ другой стороны до западныхъ береговъ Каспійскаго моря. Тамъ на каждомъ шагу находились мотивы для расширенія владычества. Антоніевы легаты сражались и съ Иберами и съ Албанцами. Полемонъ, котораго Августъ утвердилъ въ его званіи, властвовалъ не только надъ берегами Фарнакіи вплоть до Трапезунда, но также надъ территоріей Колховъ близъ устьевъ Фазиса. И помимо этихъ общихъ соображеній, тогдашнее положеніе дѣлъ было таково, что для новаго римскаго самодержца было крайне необходимо не только показать свой мечъ восточнымъ владѣтелямъ, но и употребить его въ дѣло. Нельзя было оставить безнаказаннымъ царя Артакса, приказавшаго, — подобно Митридату, — умертвить всѣхъ находившихся въ его владѣніяхъ Римлянъ. И прогнанный мидійскій царь искалъ защиты у Августа точно такъ-же, какъ при иныхъ обстоятельствахъ сталъ-бы искать ее у Антонія. Не только междоусобная война въ пареянскомъ царствѣ и борьба между тамошними претендентами могли содѣйствовать успѣху нападенія, но даже изгнанный пареянскій властитель Тиридатъ также искалъ защиты Августа и изъявлялъ готовность царствовать въ качествѣ римскаго вассала. Возвращеніе плѣнниковъ и римскихъ знаменъ, захваченныхъ Пареянами во время пораженій, нанесенныхъ Крассу и приверженцамъ Антонія, едва-ли стоило въ глазахъ властелина войны; но возстановитель римскаго государства не могъ оставить безъ вниманія этотъ вопросъ какъ военной, такъ и политической чести. Римскій государственный мужъ долженъ былъ считаться съ этими фактами; при томъ положеніи, въ которое сталъ Августъ по отношенію къ востоку, дѣятельная политика была необходима вообще и была необходима вдвойнѣ по причинѣ предшествовавшихъ неудачъ. Безъ сомнѣнія было желательно, какъ можно скорѣе приняться за устройство дѣлъ въ Римѣ; но для неоспоримаго единовластителя въ этомъ не было крайней необходимости. Послѣ рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ имъ при Акціумѣ и въ Александріи, онъ достигъ своей цѣли и стоялъ во главѣ сильной и побѣдоносной арміи; лучше было скорѣе взяться за то предпріятіе, котораго нельзя было избѣжать. Властитель такого закала, какъ Цезарь, едва-ли возвратился-бы въ Римъ, не возстановивъ своей власти надъ Арме-

ніей, не распространивъ римскаго владычества до Кавказскихъ горъ и до Каспійскаго моря и не расплатившись съ Пареянами. А властитель осмотрительный и энергичный немедленно организовалъ-бы охрану границъ на востокѣ такъ, какъ этого требовали обстоятельства; даже издали было ясно видно, что четырехъ сирійскихъ легіоновъ, состоявшихъ изъ 40.000 человѣкъ, было недостаточно для того, чтобъ охранять интересы Рима одновременно и на Евфратѣ и на Араксѣ и на Кирѣ, и что милиціи подвластныхъ царствъ только прикрывали, а не пополняли недостаточность римскихъ войскъ. По своимъ политическимъ и національнымъ симпатіямъ, Арменія склонялась болѣе на сторону Пареянъ, нежели на сторону Римлянъ, а цари Коммагены, Каппадокіи, Галатіи, Понта хотя и склонялись, наоборотъ, болѣе на сторону Римлянъ, но были ненадежны и слабы. Для того, чтобъ положить начало мирной политикѣ, нужно было энергическое военное вмѣшательство въ дѣла востока, а для того, чтобъ ее поддержать, нужно было постоянное присутствіе значительныхъ римскихъ военныхъ силъ.

Августъ не сдѣлалъ ни того ни другаго — и не продолжалъ на востокѣ войну и не организовалъ охрану границъ, конечно, не потому, что онъ ошибался на счетъ настоящаго положенія дѣлъ, а потому, что онъ всегда мѣшкотно и слабо принимался за исполненіе того, что признавалъ необходимымъ, и кромѣ того всегда ставилъ внѣшнія дѣла въ слишкомъ бóльшую зависимость отъ соображеній, внушаемыхъ внутреннею политикой. Онъ, конечно, ясно видѣлъ, что нельзя возлагать охрану границъ на мелкія азіятскія вассальныя государства,—оттого-то, еще въ 729 году, онъ не назначилъ никакого преемника властвовавшему внутри всей Малой Азіи царю Аминту, а подчинилъ, послѣ его смерти, всѣ его владѣнія императорскому легату. Вѣроятно предполагалось точно также подчинить управленію императорскихъ намѣстниковъ и болѣе значительныя сосѣднія вассальныя государства, въ особенности Каппадокію, послѣ смерти ихъ тогдашнихъ владѣтелей. Это былъ-бы шагъ впередъ уже потому, что милиціи тѣхъ странъ были-бы включены въ составъ римской арміи и были-бы поставлены подъ начальство римскихъ офицеровъ; впрочемъ, хотя эти войска и считались-бы съ того времени римскими, они едва-ли могли бы оказывать сколько-нибудь сильное давленіе на ненадежныя пограничныя страны или на сосѣднее великое царство. Но надъ всѣми этими соображеніями взяло верхъ желаніе уменьшить, насколько возможно, и численный составъ постоянной арміи и расходы на ея содержаніе.

При тогдашнемъ положеніи дѣлъ такъ-же были неудовлетворительны и тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы Августомъ на возвратномъ пути изъ Александріи. Прогнанному мидійскому царю онъ отдалъ въ управленіе Малую Арменію, а пареянскому претенденту Тиридату далъ убѣжище въ Сиріи, въ надеждѣ, что первый изъ нихъ

будетъ сдерживать упорствовавшаго въ явной враждѣ къ Римлянамъ царя Артакса, а чрезъ посредство втораго можно будетъ производить давленіе на царя Фраата. Заведенные съ этимъ царемъ переговоры о возвратѣ пареянскихъ побѣдныхъ трофеевъ тянулись безъ всякихъ результатовъ, хотя Фраатъ и обѣщалъ въ 731 году возвратить эти трофеи съ тѣмъ, чтобъ Римляне отпустили случайно попавшагося въ ихъ руки его сына.

Августъ въ Сиріи въ 734 году.—Только въ 734 году, когда Августъ лично прибылъ въ Сирію и выказалъ энергію, его волѣ стали подчиняться восточные народы. Въ Арменіи сильная партія возстала противъ царя Артакса и инсургенты обратились къ Римлянамъ съ просьбой дать имъ въ цари младшаго Артаксова брата, Тиграна, который былъ воспитанъ при императорскомъ дворѣ и жилъ въ ту пору въ Римѣ. Когда пасынокъ императора, Тиверій Клавдій Неронъ, который былъ въ ту пору 22-хъ-лѣтнимъ юношей, вступилъ во главѣ сильной арміи въ Арменію, царь Артаксъ былъ умерщвленъ своими собственными родственниками, а Тигранъ получилъ царскую корону изъ рукъ императорскаго замѣстителя точно такъ-же, какъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ его дѣдъ Тигранъ получилъ корону отъ Помпея. Атропатена была снова отдѣлена отъ Арменіи и поступила подъ управленіе повелителя, также воспитаннаго въ Римѣ — сына ранѣе упомянутаго Артавазда, Аріобарзана; впрочемъ онъ получилъ это владѣніе, какъ кажется, съ вассальною зависимостью не отъ Римлянъ, а отъ Пареянъ. Мы ничего не знаемъ о томъ, какіе были введены порядки въ царствахъ близъ Кавказа; но такъ какъ эти царства впослѣдствіи значились въ числѣ подчиненныхъ Римлянамъ вассальныхъ государствъ, то слѣдуетъ полагать, что и тамъ римское вліяніе одержало въ ту пору верхъ. Даже царь Фраатъ, будучи оставленъ теперь въ необходимость выбирать одно изъ двухъ—или исполнить данное слово или сражаться, наконецъ съ прискорбіемъ рѣшился возвратить еще остававшихся въ живыхъ римскихъ военноплѣнныхъ и отбитыя знамена, хотя глубоко этимъ оскорбилъ національныя чувства своихъ подданныхъ.

Отправка Гайя Цезаря на востокъ. — Безконечное ликованіе привѣтствовало эту безкровную побѣду, одержанную княземъ мира. И послѣ того долго сохранялись дружественныя отношенія съ пареянскимъ царемъ тѣмъ болѣе потому, что непосредственные интересы двухъ великихъ государствъ рѣдко сталкивались. Напротивъ того, въ Арменіи римское верховенство, не имѣвшее кромѣ самого себя никакой другой опоры, съ трудомъ держалось насупротивъ національной оппозиціи. Послѣ преждевременной смерти царя Тиграна, его дѣти или управлявшіе отъ ихъ имени государственные люди прим-

кнули къ этой оппозиціи. Приверженцы Римлянъ противопоставили имъ другаго властителя—Артавазда, но онъ не былъ въ состояніи одолѣть болѣе сильную противную партію. Эти внутреннія армянскія смуты положили конецъ и дружелюбнымъ отношеніямъ между Римлянами и Пароянами; нерасположенные къ Римлянамъ Армяне, натурально, старались опереться на Пароянъ, а Арсакиды также не могли позабыть, что Арменія когда-то была владѣніемъ побочной линіи пароянскаго царствующаго дома. Безкровныя побѣды нерѣдко бываютъ и безполезны и опасны. Дѣло дошло до того, что въ 748 году тому самому Тиверію, который за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ возвелъ Тиграна въ званіе вассальнаго царя Арменіи, римское правительство поручило снова вступить туда во главѣ арміи и возстановить порядокъ, въ случаѣ надобности, силою оружія. Но раздоры въ императорскомъ семействѣ, пріостановившіе покореніе Германцевъ (стр. 26), оказали и въ этомъ случаѣ свое пагубное вліяніе. Тиверій отклонилъ отъ себя порученіе своего отчима, а за неимѣніемъ другаго царственнаго полководца, который могъ бы его замѣнить, римское правительство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ волей или неволей бездѣятельно взирало на самоуправства, которымъ предавалась анти-римская партія въ Арменіи подъ покровительствомъ Пароянъ. Наконецъ, въ 753 году, не только было дано точно такое-же порученіе старшему пріемышу императора, двадцатилѣтнему Гайю Цезарю, но покореніе Арменіи, какъ надѣялся отецъ, должно было служить началомъ болѣе великихъ предпріятій и восточный походъ двадцатилѣтняго наслѣднаго принца даже долженъ былъ сдѣлаться какъ-бы продолженіемъ походовъ Александра. По порученію императора или вслѣдствіе своихъ близкихъ сношеній съ дворомъ и географъ Исидоръ, который самъ родился близь устьевъ Евфрата, и представитель греческой учености въ средѣ высокихъ членовъ Августовскаго кружка, царь Мавританскій Юба, посвятили юному принцу первый свои собранныя на самомъ востокѣ свѣдѣнія, а второй свой сборникъ статей объ Аравіи; самъ принцъ, по видимому, горѣлъ нетерпѣніемъ завоевать Аравію, до которой не дошелъ Александръ, и блестящимъ образомъ загладить тамъ продолжительныя неудачи Августовскаго управленія. Касательно Арменіи это предпріятіе оказалось такимъ-же успѣшнымъ, какъ и предпріятіе Тиверія. Римскій наслѣдный принцъ и пароянскій царь Фраатъ съѣхались для личнаго свиданія на одномъ изъ острововъ Евфрата. Парояне снова отказались отъ Арменіи и предстоявшая опасность войны съ Пароянами была устранена, а нарушенное доброе согласіе было по меньшей мѣрѣ внѣшнимъ образомъ возстановлено. Гай поставилъ надъ Армянами царемъ принца изъ мидійскаго царствующаго дома, Аріобарзана и верховенство Рима было снова упрочено. Однако нерасположенные къ Римлянамъ Армяне подчинились этимъ распоряженіямъ не безъ сопротивленія; дѣло доходило не только до

вступленія легіоновъ въ Арменію, но и до сраженій. Подъ стѣнами армянскаго замка Артагеиры юному наслѣдному принцу была нанесена однимъ пареянскимъ офицеромъ, при помощи коварной уловки, рана (2 г. послѣ Р. Х.), отъ которой онъ умеръ послѣ длившейся нѣсколько мѣсяцевъ болѣзни. Тогда обнаружились вредныя послѣдствія того, что общая государственная политика и политика династическая сливались въ одно. Смерть юноши измѣнила общій ходъ государственныхъ дѣлъ; аравійская экспедиція, о которой было возвѣщено публикѣ съ такой увѣренностью, была отложена въ сторону съ той минуты, какъ ея успѣхъ уже не могъ расчистить для императорскаго сына путь къ наслѣдованію престола. И о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ на Евфратѣ болѣе не было рѣчи; достигнуто было лишь самое необходимое— Арменія была занята римскими войсками и были возстановлены добрыя сношенія съ Пареянами, хотя и на этотъ успѣхъ набрасывала мрачную тѣнь смерть наслѣднаго принца.

Отправка Германика на востокъ. — Этотъ успѣхъ былъ такъ же непроченъ, какъ и успѣхъ болѣе блестящей экспедиціи 734 года. Поставленные Римомъ цари Арменіи были скоро доведены до крайности или совершенно вытѣснены царями противной партіи при тайномъ или при явномъ содѣйствіи Пареянъ. Когда воспитанный въ Римѣ пареянскій принцъ Вононъ былъ призванъ на оказавшійся вакантнымъ пареянскій престолъ, Римляне надѣялись найти въ немъ опору; но именно поэтому онъ и былъ скоро вынужденъ отказаться отъ престола, а его мѣсто занялъ царь мидійскій Артабанъ, который происходилъ по матери отъ Арсакидовъ, но принадлежалъ къ скиѳскому племени Даковъ и былъ человѣкомъ энергичнымъ, съ дѣтства свыкшимся съ туземными нравами (около 10 г. послѣ Р. Х.). Тогда Армяне согласились взять въ цари Вонона и благодаря этому они стали подчиняться римскому вліянію. Но тѣмъ менѣе могъ Артабанъ допустить, чтобъ его вытѣсненный соперникъ царствовалъ въ сосѣдствѣ съ нимъ; чтобъ поддержать этого во всѣхъ отношеніяхъ негоднаго для своего званія принца, римскому правительству приходилось воевать и съ Пареянами и съ его собственными подданными. Достигшій тѣмъ временемъ верховной власти, Тиверій не тотчасъ взялся за оружіе и въ Арменіи на короткое время взяла верхъ анти-римская партія; но Тиверій вовсе не былъ расположенъ отказываться отъ обладанія этой важной пограничной страной. Напротивъ того, въ 17 году было приведено въ исполненіе, вѣроятно, уже давно принятое рѣшеніе присоединить къ имперіи царство Каппадокійское: престарѣлый Архелай, царствовавшій тамъ съ 718 г. (съ 36 г. до Р. Х.) былъ вызванъ въ Римъ и ему тамъ объявили, что онъ перестал̃ъ царствовать. Также въ ту пору поступило подъ непосредственное императорское управленіе царство Коммагенское,

которое хотя и было не велико объемомъ, но имѣло то важное значеніе, что въ немъ находились тѣ пункты, въ которыхъ можно было переходить черезъ Евфратъ. Вслѣдствіе того, непосредственная граница имперіи была отодвинута къ среднему Евфрату. Наслѣдный принцъ Германикъ, только что отличившійся въ званіи главнокомандующаго на Рейнѣ, былъ вслѣдъ за тѣмъ отправленъ на востокъ съ широкими полномочіями для того, чтобъ организовать новую провинцію Каппадокію и возстановить пришедшій въ упадокъ авторитетъ верховной власти. И эта командировка скоро и легко достигла своей цѣли. Хотя Германикъ и не получилъ отъ намѣстника Сиріи Гнея Пизона столько подкрѣпленій, сколько долженъ былъ потребовать и сколько потребовалъ, онъ не смотря на это отправился въ Арменію и привелъ страну въ покорность однимъ вліяніемъ своей личности и своего высокаго положенія. Неспособнаго Вонона онъ устранилъ и далъ Армянамъ въ цари, согласно съ желаніемъ преданной Римлянамъ мѣстной знати, сына того Полемона, котораго Антоній возвелъ въ цари Понта, а именно—Зенона, или, какъ онъ назывался въ качествѣ царя Арменіи, Артаксія; этотъ новый армянскій царь былъ въ родствѣ съ императорскимъ домомъ по своей матери, царицѣ Пиѳодорѣ, внучкѣ тріумвира Антонія, и кромѣ того былъ воспитанъ въ мѣстныхъ обычаяхъ, былъ ловкимъ охотникомъ и не боялся выпить лишнее на пирушкахъ. И верховный царь Артабанъ отнесся къ римскому принцу съ дружеской предупредительностью и только попросилъ удаленія своего предмѣстника Вонона изъ Сиріи, чтобъ предотвратить сношенія, которыя завязывались между нимъ и недовольными Парѳянами. Такъ какъ Германикъ исполнилъ эту просьбу и отправилъ служившаго помѣхой изгнанника въ Киликію, гдѣ тотъ вскорѣ послѣ того погибъ во время попытки спастись бѣгствомъ, то между двумя великими государствами возстановились самыя лучшія отношенія. Артабанъ даже изъявилъ желаніе имѣть личное свиданіе съ Германикомъ на Евфратѣ, подобно тому, какъ Фраатъ имѣлъ тамъ свиданіе съ Гаіемъ; но Германикъ отклонилъ это предложеніе изъ опасенія раздражить склоннаго къ подозрительности Тиверія. И съ этой восточной экспедиціей, точно такъ-же какъ и съ той, которая ей предшествовала, связались мрачныя воспоминанія: и изъ нея римскій наслѣдный принцъ не возвратился живымъ.

Отправка Вителлія.—Все, что до сихъ поръ было сдѣлано, принесло на нѣкоторое время ожидаемые плоды. Пока Тиверій твердо держалъ въ своихъ рукахъ правительственную власть и пока былъ живъ армянскій царь Артаксій, на востокѣ господствовало спокойствіе; но въ послѣдніе годы престарѣлаго императора, въ то время какъ онъ изъ своего уединеннаго острова предоставлялъ дѣла ихъ

собственному теченію и не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться, и въ особенности послѣ смерти Артаксія (около 34 г.), все опять пошло по-старому. Царь Артабанъ, возгордившись своимъ продолжительнымъ и счастливымъ управленіемъ и неоднократными побѣдами надъ жившими подлѣ границъ Ирана племенами, и въ то-же время будучи увѣренъ, что престарѣлый императоръ не захочетъ начинать трудную войну на востокѣ, убѣдилъ Армянъ провозгласить властителемъ его старшаго сына Арсака, то-есть промѣнять римское верховенство на парѳянское. Онъ даже, по видимому, сталъ готовиться къ войнѣ съ Римомъ; онъ потребовалъ отъ римскаго правительства, чтобъ оно возвратило ему наслѣдство, оставшееся послѣ погибшаго въ Киликіи его предмѣстника и соперника Вонона, а въ своихъ посланіяхъ къ этому правительству онъ безъ всякихъ обиняковъ высказывалъ убѣжденіе, что востокъ долженъ принадлежать обитателямъ востока и называлъ ихъ настоящими именами тѣ совершавшіяся при императорскомъ дворѣ страшныя жестокости, о которыхъ въ Римѣ осмѣливались шопотомъ говорить только между друзьями. Онъ, какъ кажется, даже сдѣлалъ попытку овладѣть Каппадокіей. Но онъ ошибся, расчитывая на безсиліе стараго льва. Тиверій, и живя на Капреѣ, былъ страшенъ не для однихъ царедворцевъ; онъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ дозволить безнаказанно издѣваться и надъ нимъ самимъ и въ его лицѣ надъ Римомъ. Онъ отправилъ на востокъ энергичнаго военачальника и искуснаго дипломата Луція Вителлія—отца того Вителлія, который былъ впослѣдствіи императоромъ, снабдивъ его такими же полномочіями, какія были прежде того даны Гаію Цезарю и Германику, и поручивъ ему, въ случаѣ надобности, перейти съ сирійскими легіонами черезъ Евфратъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибѣгнулъ къ часто испробованному средству достигать цѣли--сталъ создавать для восточныхъ властителей затрудненія внутри ихъ собственныхъ владѣній, возбуждая ихъ подданныхъ къ возстанію и поддерживая претендентовъ. Тому парѳянскому принцу, котораго армянская національная партія провозгласила царемъ, онъ противопоставилъ князя, принадлежавшаго къ царственному дому Иберовъ, брата царствовавшаго надъ Иберами Фарасмана, Митридата и убѣдилъ какъ этого царя, такъ и царя Албанцевъ поддерживать съ оружіемъ въ рукахъ римскаго претендента на армянскій престолъ. Между жившими по ту сторону Кавказа, воинственными и охотно принимавшими предложенія всякаго вербовщика, Сарматами были собраны на римское золото многочисленныя толпы наемниковъ для вторженія въ Арменію. Римскій претендентъ съ своей стороны успѣлъ при помощи подкупленныхъ царедворцевъ отравить своего соперника и завладѣть какъ всей страной, такъ и ея столицей Артаксатой. Артабанъ отправилъ въ Арменію, въ замѣнъ убитаго царя, другаго сына Орода и съ своей стороны также

попытался добыть изъ-за Кавказа вспомогательныя войска; но лишь немногіе изъ наемниковъ могли добраться до Арменіи, а пароянская конница была не въ состояніи одолѣть стойкую пѣхоту кавказскихъ народовъ и страшныхъ сарматскихъ конныхъ стрѣлковъ. Ородъ былъ побѣжденъ въ упорной битвѣ въ открытомъ полѣ и сверхъ того былъ тяжело раненъ въ единоборствѣ съ своимъ соперникомъ. Тогда Артабанъ самъ вступилъ въ Арменію. Но вслѣдъ за этимъ и Вителлій двинулъ сирійскіе легіоны, чтобъ перейти черезъ Евфратъ и вторгнуться въ Месопотамію, а это послужило поводомъ для взрыва внутри пароянскаго государства уже давно готовившагося возстанія. Энергія, съ которой дѣйствовалъ скиоскій владѣтель этого государства и которая становилась вслѣдствіе успѣха все болѣе и болѣе суровой, была для многихъ оскорбительна и нарушала не мало личныхъ интересовъ; въ особенности имъ были недовольны жившіе въ Месопотаміи Греки и могущественный городъ Селевкія, у котораго онъ отнялъ организованное по греческому образцу демократическое общинное управленіе. Римское золото давало новую пищу готовившемуся возстанію. Недовольная знать уже ранѣе того вступила въ сношенія съ римскимъ правительствомъ и выпросила у него себѣ въ цари настоящаго Арсакида. Тиверій прислалъ ей единственнаго Фраатова сына, пережившаго своего отца и также называвшагося Фраатомъ, а когда этотъ престарѣлый, свыкшійся съ римскою жизнію, человѣкъ не вынесъ лишеній, которымъ ему пришлось подвергаться еще въ Сиріи, то Тиверій прислалъ въ замѣнъ его также жившаго въ Римѣ Фраатова внука Тиридата. Руководившій этими тайными сношеніями, пароянскій князь Синнакъ отказалъ тогда Скиоу въ повиновеніи и водрузилъ знамя Арсакидовъ. Вителлій перешолъ съ своими легіонами Евфратъ, имѣя въ своей свитѣ того, кто сдѣлался верховнымъ царемъ по милости Римлянъ. Пароянскій намѣстникъ Месопотаміи Орноспадъ, когда то участвовавшій въ качествѣ изгнанника въ паннонской кампаніи подъ начальствомъ Тиверія, немедленно отдалъ и самого себя и свои войска въ распоряженіе новаго властителя; отецъ Синнака Абдагезъ отдалъ въ распоряженіе этого послѣдняго государственную казну; Артабанъ былъ очень скоро всѣми покинутъ и нашолся вынужденнымъ искать убѣжища въ своей скиоской отчизнѣ; тамъ онъ велъ скитальческую жизнь, бродя по лѣсамъ и добывая при помощи лука свое дневное пропитаніе, между тѣмъ какъ въ Ктезифонѣ на голову Тиридата торжественно возлагали корону князья, созванные по пароянскому уставу для присутствованія при короновавіи властителя. Однако владычество новаго верховнаго царя, присланнаго недругомъ страны, было непродолжительно. Система управленія, которая была введена не столько этимъ неопытнымъ и неспособнымъ юношей, сколько тѣми, кто сдѣлалъ его царемъ и

въ особенности Абдагезомъ, скоро вызвала оппозицію. Нѣкоторые изъ самыхъ знатныхъ сатраповъ, даже не присутствовавшіе при коронаціонномъ празднествѣ, снова призвали изгнаннаго властителя; съ ихъ помощью и съ помощью войскъ, доставленныхъ его скиѳскими соотечественниками, Артабанъ возвратился и уже въ слѣдующемъ году (36) вся страна, за исключеніемъ Селевкіи, снова находилась въ его рукахъ, а Тиридатъ бѣжалъ и былъ вынужденъ искать у своихъ римскихъ покровителей убѣжища, въ которомъ тѣ, конечно, не могли ему отказать. Вителлій снова подошолъ съ своими легіонами къ Евфрату; но такъ какъ великій царь лично прибылъ на мѣсто и изъявилъ согласіе на всѣ условія, если римское правительство откажется отъ Тиридата, то миръ былъ скоро заключенъ. Артабанъ не только призналъ Митридата армянскимъ царемъ, но даже принесъ передъ изображеніемъ римскаго императора такую-же присягу, какая обыкновенно требовалась отъ вассальныхъ владѣтелей, и отдалъ Римлянамъ своего сына Дарія въ заложники. Вскорѣ послѣ того престарѣлый императоръ скончался, но онъ дожилъ до этой безкровной и полной побѣды своей политики надъ непокорнымъ востокомъ.

Востокъ въ царствованіе Гайя.—То, что было достигнуто благоразуміемъ старца, было немедленно испорчено безразсудствомъ его преемника. Гай не только отмѣнилъ разумныя распоряженія Тиверія, какъ напримѣръ возстановилъ присоединенное къ имперіи Коммагенское царство, но изъ безумной зависти не хотѣлъ сознавать достигнутыхъ покойнымъ императоромъ успѣшныхъ результатовъ; онъ вызвалъ въ Римъ къ отвѣту какъ способнаго сирійскаго намѣстника, такъ и новаго армянскаго царя; этого послѣдняго онъ отрѣшилъ отъ должности и, продержавъ нѣкоторое время въ заключеніи, отправилъ въ ссылку. Само собой разумѣется, что пароянское правительство воспользовалось этимъ благопріятнымъ случаемъ и снова завладѣло оставшеюся безъ правителя Арменіей [1]).

Востокъ въ царствованіе Клавдія.—Когда Клавдій достигъ въ 41 г. верховной власти, ему пришлось переначинать уже сдѣланную ра-

[1]) Касательно завладѣнія Арменіей нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній, но что оно дѣйствительно состоялось, ясно видно изъ словъ Тацита, *Лѣт.* 11, 9. Вѣроятно, къ этому факту относится то, что разсказываетъ Іосифъ [20, 3, 3] о намѣреніи Артабанова преемника начать войну съ Римлянами, отъ которой его тщетно отговариваетъ сатрапъ Адіабены Изатъ. Іосифъ, конечно, по ошибкѣ называетъ этого преемника Варданомъ. Непосредственнымъ преемникомъ Артабана III былъ, по словамъ Тацита [*Лѣт.* 11, 8], его сынъ, который носилъ то-же имя и впослѣдствіи былъ устраненъ Готарцомъ отъ престола вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; здѣсь и подразумѣвается этотъ Артабанъ IV.

боту. Онъ принялъ за руководство примѣръ Тиверія. Вызванный изъ ссылки Митридатъ былъ снова посаженъ на царство и ему было приказано овладѣть при помощи его брата Арменіей. Междоусобная война, которую въ то время вели между собою въ пароянскомъ государствѣ трое сыновей царя Артабана III, расчищала путь для Римлянъ. Послѣ умерщвленія старшаго изъ трехъ братьевъ, Готарцъ и Варданъ въ теченіе многихъ лѣтъ оспаривали другъ у друга престолъ; Селевкія, отказавшаяся отъ покорности еще при жизни отца, отстаивала въ теченіе семи лѣтъ свою независимость и противъ него и потомъ противъ его сыновей; туранскія племена, по своему обыкновенію, вмѣшались и въ эту распрю иранскихъ князей. Митридату удалось — при помощи войскъ, доставленныхъ братомъ, и при содѣйствіи гарнизоновъ, стоявшихъ въ римскихъ провинціяхъ—одолѣть преданныхъ Пароянамъ Армянъ и снова овладѣть страной [1]); вслѣдъ за тѣмъ тамъ была поставлена римская оккупаціонная армія. Варданъ, вступивши въ соглашеніе съ своимъ братомъ и снова овладѣвши Селевкіей, сдѣлалъ видъ, будто намѣревается вступить въ Арменію; но его удержалъ угрожающій образъ дѣйствій находившагося въ Сиріи римскаго легата, а вскорѣ послѣ того его братъ нарушилъ соглашеніе и снова началъ междоусобную войну. Эта война не прекратилась даже послѣ того, какъ былъ умерщвленъ храбрый и успѣшно сражавшійся съ туранскими племенами Варданъ; партія недовольныхъ обратилась тогда въ Римъ и выпросила у тамошняго правительства въ цари жившаго тамъ Вононова сына, принца Мегердата; императоръ Клавдій, въ присутствіи собравшагося сената, рѣшилъ отдать принца въ распоряженіе его приверженцевъ и отпустилъ его въ Сирію съ увѣщаніемъ управлять его новымъ царствомъ хорошо и справедливо и не позабывать оказанной ему Римлянами дружественной поддержки (49 г.); но Мегердату не пришлось примѣнить эти увѣщанія къ дѣлу. Римскіе легіоны, сопровождавшіе его вплоть до Евфрата, передали тамъ его тѣмъ, кѣмъ онъ былъ призванъ—начальнику могущественнаго княжескаго дома Кариновъ и царямъ Авгарю Эдесскому и Изату Адіабенскому.

---

[1]) По словамъ Петра Патриція [fr. 3 Müll.], царь Иберовъ Митридатъ задумалъ отложиться отъ Рима, но, чтобъ выказать свою притворную преданность, отправилъ къ Клавдію своего брата Котиса, а когда этотъ братъ увѣдомилъ императора о томъ, что замышлялось, то Митридатъ былъ низложенъ и замѣненъ своимъ братомъ; но этотъ разсказъ не можетъ быть согласованъ съ тѣми ясно удостовѣренными фактами, что въ Иберіи по меньшей мѣрѣ съ 35 года [Тацитъ 6, 32] до 60 г. [Тацитъ, 14, 26] царствовалъ Фарасманъ, а въ 75 г. царствовалъ его сынъ Митридатъ [C. I. L. III, 6052]. Петръ Патрицій, безъ сомнѣнія, смѣшиваетъ Митридата Иберскаго съ носившимъ то-же имя царемъ Боспора [стр. 283, прим. 1]; поэтому здѣсь долженъ быть принятъ въ руководство разсказъ Тацита [*Лѣт.* 12, 18].

Неопытный и невоинственный юноша былъ такъ-же мало годенъ для своей роли, какъ и всѣ другіе назначенные Римлянами пареянскіе властители; нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ его приверженцевъ покинули его, лишь только ближе его узнали, и перешли на сторону Готарца; въ рѣшительной битвѣ гибель храбраго Карина рѣшила споръ. Мегердатъ былъ взятъ въ плѣнъ, но не былъ умерщвленъ: ему, по восточному обыкновенію, отрѣзали уши и сдѣлали его впредь неспособнымъ царствовать.

Арменія занята Пареянами.—Радамистъ.—Не смотря на эту неудачу римской политики, Арменія оставалась во власти Римлянъ, пока надъ Пареянами властвовалъ слабый Готарцъ. Но лишь только бразды правленія перешли въ болѣе твердыя руки, а внутреннія распри прекратились, возобновилась борьба изъ-за Арменіи. Послѣ смерти Готарца и послѣ непродолжительнаго царствованія Вонона II, этому послѣднему наслѣдовалъ въ 51 году [1]) его сынъ Вологазъ, вступившій на престолъ,—какъ это рѣдко случалось,—съ безусловнаго согласія обоихъ своихъ братьевъ, Пакора и Тиридата. Это былъ способный и благоразумный правитель, — даже основывавшій города и съ успѣхомъ старавшійся направить торговлю изъ Пальмиры въ свой новый городъ Вологазія, основанный на нижнемъ Евфратѣ; онъ не любилъ опрометчивыхъ и крайнихъ мѣръ и старался по возможности жить въ мирѣ съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ. Но пріобрѣтеніе Арменіи было господствующею политическою цѣлію династіи и потому онъ былъ также готовъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ достигнуть этой цѣли. Въ ту пору, какъ казалось, представился такой случай. При армянскомъ дворѣ разыгралась одна изъ самыхъ ужасныхъ семейныхъ трагедій, какія встрѣчаются въ исторіи. Престарѣлый царь Иберовъ Фарасманъ задумалъ свергнуть съ престола своего брата, армянскаго царя Митридата и посадить на его мѣсто своего собственнаго сына Радамиста. Подъ предлогомъ ссоры съ отцомъ, Радамистъ явился къ своему дядѣ и тестю и сталъ вступать въ переговоры съ знатными Армянами съ вышеуказанной цѣлію. Послѣ того, какъ онъ набралъ приверженцевъ, Фарасманъ началъ въ 52 году подъ ничтожными предлогами войну съ своимъ братомъ и подчинилъ всю страну своей власти или, вѣрнѣй, власти своего сына. Митридатъ

[1]) Если сохранившіяся монеты вѣрно распредѣлены по царствованіямъ [а ихъ можно распредѣлять большею частію только по сходству находящихся на нихъ изображеній], то монеты Готарца доходятъ до Sel. 362 Daesius=до іюня 51 года послѣ Р. X., а монеты Вологаза [монетъ Вонона II мы вовсе не имѣемъ] начинаются съ Sel. 362 Gorpiäus = съ сентября 51 года послѣ Р. X. Percy Gardner, Parthian coinage, стр. 50, 51]; а это согласно съ тѣмъ, что говоритъ Тацитъ 12, 14. 44.

сталъ подъ защиту римскаго гарнизона, занимавшаго замокъ Горнеи [1]). Радамистъ не осмѣлился напасть на этотъ замокъ, но комендантъ Целій Полліонъ былъ извѣстенъ за человѣка низкаго и продажнаго. Центуріонъ, который занималъ при немъ постъ помощника коменданта, отправился къ Фарасману съ цѣлію склонить его къ отступленію; тотъ это обѣщалъ, но не исполнилъ обѣщанія. Въ отсутствіе помощника коменданта, Полліонъ сталъ угрожать царю,—уже догадывавшемуся объ ожидавшей его участи,— что оставитъ его на произволъ судьбы, если онъ самъ не отдастся въ руки Радамиста. Этотъ послѣдній лишилъ жизни и самого царя и его жену, а когда сестра Радамиста и ея дѣти разразились воплями при видѣ труповъ своихъ родственниковъ, ихъ также приказано было лишить жизни. Этимъ путемъ Радамистъ достигъ владычества надъ Арменіей. Римское правительство не могло равнодушно смотрѣть на жестокости, совершонныя при участіи римскихъ офицеровъ, и не могло допустить, чтобъ одинъ изъ вассальныхъ владѣтелей объявлялъ войну другому. Тѣмъ не менѣе, намѣстникъ Каппадокіи Юлій Пелигнъ призналъ новаго армянскаго царя. И на совѣтѣ у сирійскаго намѣстника Уммидія Квадрата одержало верхъ мнѣніе, что для Римлянъ все равно, кто будетъ царствовать въ Арменіи—дядя или племянникъ; легату, посланному въ Арменію съ однимъ легіономъ, было поручено поддерживать status quo до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Тогда пареянскій царь,—предполагавшій, что римское правительство не будетъ горячо вступаться за царя Радамиста,—счелъ этотъ моментъ удобнымъ для предъявленія своихъ старинныхъ притязаній на Арменію. Онъ пожаловалъ Арменію своему брату Тиридату, а вступившія туда пареянскія войска овладѣли почти безъ боя обѣими столицами Тигранокертой и Артаксатой и всей страной. Когда Радамистъ попытался удержать въ своихъ рукахъ то, что было плодомъ его злодѣяній, Армяне сами его выгнали вонъ. Римская оккупаціонная армія, какъ кажется, вышла изъ Арменіи послѣ сдачи Горней, а выступившему изъ Сиріи легіону намѣстникъ приказалъ возвратиться назадъ, во избѣжаніе столкновеній съ Пареянами.

Отправка Корбулона въ Каппадокію.—Когда въ Римъ пришло объ этомъ извѣстіе (въ концѣ 54 г.), императоръ Клавдій только-что умеръ, а государствомъ управляли отъ имени его юнаго семнадцатилѣтняго преемника министры Бурръ и Сенека. На поведеніе Вологаза можно было отвѣчать только объявленіемъ войны. Дѣйствительно, римское правительство отправило, въ видѣ исключенія, легата консульскаго ранга Гнея Домиція Корбулона въ Каппадокію,

---

[1]) Горнеи, носившія у Армянъ названіе Garhni, до сихъ поръ извѣстны по своимъ развалинамъ [неподалеку отъ Эривани, къ востоку отъ нея]. Kiepert

которая была намѣстничествомъ втораго разряда и въ которой не стояли легіоны. Въ качествѣ зятя императора Гайя, онъ быстро выдвинулся впередъ, потомъ въ царствованіе Клавдія онъ былъ въ 47 г. легатомъ Нижней Германіи (стр. 108) и съ тѣхъ поръ считался однимъ изъ немногочисленныхъ въ ту пору способныхъ военачальниковъ, умѣвшихъ съ энергіей поддерживать въ войскахъ приходившую въ упадокъ дисциплину; онъ былъ сложенъ какъ Геркулесъ, былъ способенъ выносить всякія лишенія и своей, не знавшей пощады, отвагой наводилъ страхъ не только на враговъ, но и на своихъ собственныхъ солдатъ. Тотъ фактъ, что именно Корбулонъ былъ назначенъ на первый оказавшійся вакантнымъ важный военный постъ, можно было принять за признакъ предстоящаго улучшенія въ ходѣ дѣлъ. Неспособный сирійскій легатъ Квадратъ не былъ отозванъ, но ему было приказано предоставить въ распоряженіе намѣстника сосѣдней провинціи два легіона изъ числа подвластныхъ ему четырехъ. Всѣ легіоны были стянуты къ Евфрату и было приказано немедленно приступить къ наведенію мостовъ черезъ рѣку. Обѣ, лежавшія къ западу Арменіи пограничныя области—Малая Арменія и Софена были отданы въ управленіе двумъ надежнымъ сирійскимъ князьямъ—Аристобулу, происходившему отъ одной изъ боковыхъ линій Иродова дома, и Согему, происходившему изъ царственнаго дома Гемезы, а эти оба князя были подчинены Корбулону. Царь еще уцѣлѣвшихъ въ ту пору остатковъ іудейскаго царства Агриппа и царь Коммагены Антіохъ также получили приказаніе выступить въ походъ. Однако не тотчасъ дѣло дошло до войны. Причиной этого было положеніе, въ которомъ находились сирійскіе легіоны; то было прискорбное доказательство несостоятельности прежняго управленія, что Корбулонъ нашолъ предоставленныя въ его распоряженіе войска негодными для употребленія. Легіоны, которые набирались въ греческихъ провинціяхъ и стояли тамъ гарнизонами, всегда были хуже тѣхъ, которые находились на западѣ; а теперь, послѣ продолжительнаго мира и отвычки отъ строгой дисциплины, оказывалось, что они были совершенно деморализованы восточной системой управленія. Солдаты жили больше въ городахъ, нежели въ лагеряхъ; многіе изъ нихъ отвыкли носить оружіе и не имѣли никакого понятія ни объ устройствѣ лагерей ни о содержаніи карауловъ; полки давно не пополнялись и въ нихъ было не мало старыхъ и негодныхъ для службы людей; Корбулонъ долженъ былъ прежде всего распустить многихъ солдатъ и еще въ бо́льшемъ числѣ набрать новыхъ рекрутъ и обучить ихъ. Вслѣдствіе того, что удобныя зимнія квартиры на берегахъ Оронта пришлось промѣнять на суровую жизнь среди армянскихъ горъ и вслѣдствіе того, что въ арміи была внезапно введена безжалостно-строгая лагерная дисциплина, оказалось много больныхъ и много дезертировъ. Въ виду

такихъ серьозныхъ затрудненій, главнокомандующій нашолся вынужденнымъ просить о присылкѣ одного изъ лучшихъ запасныхъ легіоновъ. При такомъ положеніи дѣлъ, онъ не спѣшилъ вести своихъ солдатъ на непріятеля; впрочемъ такого образа дѣйствій требовали главнымъ образомъ политическія соображенія.

Цѣли войны.—Еслибы римское правительство имѣло въ виду скорѣе выгнать изъ Арменіи парѳянскаго властителя и посадить на его мѣсто, конечно, не Радамиста (Римлянамъ не годилось марать свои руки въ пролитой имъ крови), а какого-нибудь другаго князя по своему выбору, то военныхъ силъ Корбулона было-бы на это достаточно, такъ какъ царь Вологазъ снова былъ занятъ внутренними смутами и вывелъ свои войска изъ Арменіи. Но не таковы были намѣренія Римлянъ; они предполагали уладить дѣло съ Тиридатомъ и склонить его только къ признанію римскаго верховенства, а въ случаѣ надобности принудить его къ тому силой; только для этой послѣдней цѣли должны были, въ крайнемъ случаѣ, выступить въ походъ легіоны. До этой крайности было уже недалеко послѣ того, какъ Арменія была уступлена Парѳянамъ. Уже ранѣе было указано (стр. 360), какіе мотивы говорили въ пользу этой уступки и что служило для нея препятствіемъ. Еслибы Арменія была предоставлена въ управленіе какой-нибудь побочной линіи парѳянскаго царствующаго дома, то признаніе съ ея стороны вассальной зависимости отъ Рима было бы немного болѣе, чѣмъ пустою формальностью и въ сущности было-бы ничѣмъ инымъ, какъ прикрытіемъ военнаго и политическаго достоинства Римлянъ. И Нероновское правительство, съ которымъ, безспорно, немногіе изъ другихъ правительствъ могли равняться осмотрительностью и энергіей, искало способа отдѣлаться отъ Арменіи съ соблюденіемъ должныхъ приличій; этому не слѣдуетъ удивляться. Въ сущности тамъ тратились силы безъ всякой пользы. Правда, въ 20 году до Р. Х. Тиверій, во 2 году Гай, въ 18 г. Германикъ, въ 36 г. Вителлій заставили признать принадлежность Арменіи Римлянамъ и внутри самой страны и со стороны Парѳянъ. Но именно эти постоянно возобновлявшіяся и постоянно увѣнчивавшіяся успѣхомъ, но никогда не достигавшія прочныхъ результатовъ экспедиціи и давали Парѳянамъ право утверждать, во время переговоровъ съ Нерономъ, что верховная власть Римлянъ надъ Арменіей была пустымъ словомъ, а что эта страна и была и желала оставаться парѳянской. Чтобъ пользоваться на самомъ дѣлѣ своими верховными правами, Римляне должны были безпрестанно то вести войны, то угрожатъ войною, а вслѣдствіе происходившихъ отсюда непрерывныхъ столкновеній былъ невозможенъ прочный миръ между двумя сосѣдними великими государствами. Если-бы Римляне дѣйствовали послѣдовательно, имъ пришлось-бы выбирать одно изъ двухъ—или

на самомъ дѣлѣ вполнѣ подчинить себѣ Арменію и лѣвый берегъ Евфрата, упразднивъ прежнюю систему управленія чрезъ посредство третьихъ лицъ, или же предоставить эти страны Пареянамъ въ той мѣрѣ, въ какой это было совмѣстимо съ высшимъ основнымъ принципомъ римскаго управленія не признавать существованія никакой равноправной сосѣдней державы. И Августъ и предшествовавшіе правители рѣшительно отклонили первую изъ этихъ альтернативъ, а потому должны-бы были держаться второй; но и эту послѣднюю они по меньшей мѣрѣ пытались отклонить и старались недопустить пареянскій царствующій домъ до обладанія Арменіей, не будучи въ состояніи этого достигнуть. Государственные люди, управлявшіе имперіей въ началѣ Неронова царствованія, должно быть, считали это ошибкой, такъ какъ они предоставили Арменію Арсакидамъ и удержали за собою на нее право въ возможно малыхъ размѣрахъ. Если было признано, что опасности и вредъ, происходившіе для государства отъ желанія удержать въ своей власти эту лишь внѣшнимъ образомъ связанную съ имперіей страну, превышали тѣ опасности и вредъ, какіе проистекали для Римлянъ изъ владычества Пареянъ надъ Арменіей, то это послѣднее рѣшеніе, конечно, было самой лучшей развязкой тѣмъ болѣе потому, что пареянское государство располагало лишь очень незначительными силами для наступательной войны. Во всякомъ случаѣ, эта политика была послѣдовательна и она старалась достигнуть болѣе прямымъ и болѣе разумнымъ путемъ той цѣли, которую преслѣдовалъ и Августъ.

Отсюда понятно, почему Корбулонъ и Квадратъ не перешли черезъ Евфратъ, а вошли въ переговоры съ Вологазомъ; отсюда не менѣе понятно и то, почему Вологазъ, которому, безъ сомнѣнія, были извѣстны дѣйствительныя намѣренія Римлянъ, согласился, подобно своему предмѣстнику, подчиниться волѣ Римлянъ и выдать имъ, въ качествѣ ручательства за ненарушеніе мира, нѣсколькихъ заложниковъ, находившихся въ близкомъ родствѣ съ царствующимъ домомъ. Въ награду за это Римляне втайнѣ согласились допустить владычество Тиридата надъ Арменіей и не выставлять противъ него никакого римскаго претендента. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ миръ не былъ нарушенъ. Но такъ какъ Вологазъ и Тиридатъ не могли притти между собою къ соглашенію на счетъ обращенія къ римскому правительству съ просьбой о признаніи этого послѣдняго вассальнымъ владѣтелемъ Арменіи [1]), то Корбулонъ на-

[1]) Уже послѣ нападенія, Тиридатъ жаловался cur datis nuper obsidibus redintegrataque amicitia... vetere Armeniae possessione depelleretur, а Корбулонъ обѣщалъ ему regnum stabile въ случаѣ, если-бы онъ обратился съ просьбою къ императору [Тацитъ, 12, 37]. И въ другомъ мѣстѣ, у Тацита [12, 34] указывается, какъ на поводъ для войны, нежеланіе признать вассальную зависимость.

чалъ въ 58 г. наступательную войну противъ Тиридата. Именно для того, чтобъ политика отступленія и уступчивости не была принята и друзьями и недругами за доказательство безсилія, необходимо было придать ей внѣшній блескъ и стало быть нужно было или добиться формальнаго и торжественнаго признанія римскаго верховенства или еще лучше—одержать верхъ силою оружія.

Корбулонъ въ Арменіи.—Лѣтомъ 58 года, Корбулонъ перевелъ черезъ Евфратъ порядочно подготовленную для войны армію, состоявшую по меньшей мѣрѣ изъ 30.000 человѣкъ. Переустройство арміи и ея пріученіе къ перенесенію всѣхъ трудностей были докончены во время похода и она заняла свои первыя зимнія квартиры на армянской территоріи. Весной 59 года [1]) Корбулонъ началъ наступательное движеніе въ направленіи къ Артаксатѣ. Въ то же время вторгнулся въ Арменію съ сѣвера царь Иберовъ Фарасманъ, который, желая прикрыть свое собственное злодѣяніе, предалъ казни своего сына Радамиста и постарался загладить своей услужливостью воспоминаніе о своей винѣ; въ Арменію также вторгнулись ея сѣверо-западные сосѣди храбрые Мосхи и съ южной стороны Коммагенскій царь Антіохъ. Царь Вологазъ былъ задержанъ возстаніемъ Гирканов на противоположной окраинѣ своихъ владѣній и не могъ или не хотѣлъ принимать непосредственнаго участія въ борьбѣ. Тиридатъ оказалъ мужественное сопротивленіе, но не могъ ничего сдѣлать насупротивъ подавляющаго превосходства непріятельскихъ силъ. Онъ тщетно пытался пробраться до коммуникаціоной линіи Римлянъ, которымъ припасы доставлялись Чернымъ моремъ черезъ Трапезундскій портъ. Армянскіе замки были взяты Римлянами приступомъ, а ихъ гарнизоны были истреблены до послѣдняго человѣка. Раз-

1) Разсказъ Тацита [*Лѣт.* 13, 34—41], безъ сомнѣнія, обнимаетъ кампаніи 58 и 59 годовъ, такъ какъ Тацитъ умалчиваетъ подъ 59 годомъ о походѣ въ Арменію, а подъ 60 годомъ [*Лѣт.* 14, 23] непосредственно продолжаетъ прежній разсказъ [13, 41] и, очевидно, описываетъ одну и ту-же кампанію. Что война началась не прежде 59 года, видно также изъ того факта, что Корбулонъ наблюдалъ солнечное затмѣніе 30 апрѣля 59 г. на армянской территоріи [Плиній, Hist. Nat, 2, 70, 180]; если-бы онъ вступилъ въ Арменію не прежде 59 г., то онъ едва-ли могъ-бы перейти непріятельскую границу въ такое раннее время года. Въ разсказѣ Тацита [13, 34—41] въ сущности нѣтъ годоваго перерыва. но его манера описывать событія допускаетъ возможность того, что первый годъ былъ употребленъ на переходъ черезъ Евфратъ и на то, чтобъ утвердиться въ Арменіи; поэтому упоминаемая въ гл. 35 зима была зимой 58/9 года; это вѣроятно тѣмъ болѣе потому, что при тогдашнемъ положеніи римской арміи такой способъ начинать войну былъ умѣстенъ, а при непродолжительности армянской зимы было въ военномъ отношеніи цѣлесообразно такимъ образомъ отдѣлить вступленіе на непріятельскую территорію отъ настоящихъ военныхъ дѣйствій.

битый въ открытомъ полѣ подъ стѣнами Артаксаты, Тиридатъ прекратилъ неравную борьбу и убѣжалъ къ Пареянамъ. Артаксата сдалась и тамъ, въ самомъ сердцѣ Арменіи, римская армія провела зиму. Весной 60 года, Корбулонъ выступилъ оттуда, предавши весь городъ огню, и направился поперегъ страны къ другой ея столицѣ Тигранокертѣ, находившейся къ сѣверу отъ Низиба въ области Тигра. Ему предшествовалъ страхъ, наведенный сожженіемъ Артаксаты; серьознаго сопротивленія онъ нигдѣ не встрѣтилъ; Тигранокерта добровольно отворила свои ворота передъ побѣдителемъ, который изъ благоразумной расчетливости обошелся на этотъ разъ милостиво. Тиридатъ еще разъ попытался возвратиться и возобновить борьбу, но былъ устраненъ безъ большихъ усилій. Въ концѣ лѣта 60 года вся Арменія была покорена и находилась въ распоряженіи римскаго правительства.

Тигранъ признанъ царемъ Арменіи.—Понятно, что въ Римѣ перестали имѣть въ виду Тиридата. Армянское царство получилъ тогда (60 г.) отъ Нерона и по приказанію императора былъ возведенъ Корбулономъ на престолъ принцъ Тиридатъ,—съ отцовской стороны правнукъ Ирода Великаго, съ материнской стороны правнукъ царя Каппадокіи Архелая, родственникъ по женской линіи царственнаго дома Марены и племянникъ одного изъ эфемерныхъ царей, владѣвшихъ Арменіей въ послѣдніе годы Августа; онъ былъ воспитанъ въ Римѣ и вообще былъ орудіемъ римскаго правительства. Въ странѣ осталась римская оккупаціонная армія, состоявшая изъ 1000 легіонныхъ солдатъ и изъ трехъ или четырехъ тысячъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, принадлежавшихъ къ вспомогательнымъ войскамъ. Часть пограничныхъ областей была отдѣлена отъ Арменіи и раздѣлена между сосѣдними царями—царемъ Понта и Трапезунда Полемономъ, мало-армянскимъ царемъ Аристобуломъ, иберскимъ Фарасманомъ и коммагенскимъ Антіохомъ. Съ своей стороны новый армянскій царь вторгнулся,—конечно съ одобренія Римлянъ,—въ пограничную пареянскую провинцію Адіабену, разбилъ тамошняго намѣстника Монобаза и сдѣлалъ видъ, будто намѣревается отнять у Пареянъ и эту область.

Переговоры съ Пареянами.—Этотъ оборотъ дѣлъ заставилъ пареянское правительство выйти изъ его бездѣйствія; дѣло шло уже не о пріобрѣтеніи вновь Арменіи, а о цѣлости пареянскаго государства. Давно угрожавшее столкновеніе между двумя великими государствами казалось неизбѣжнымъ. Въ собраніи пареянскихъ вельможъ, Вологазъ снова утвердилъ Тиридата въ званіи царя Арменіи, выслалъ вмѣстѣ съ нимъ военачальника Монеса для борьбы съ римскимъ узурпаторомъ и Пареяне осадили этого послѣдняго въ Тигранокертѣ, за-

нятой римскими войсками. Самъ Вологазъ собралъ главныя военныя силы Пареянъ въ Месопотаміи и сталъ угрожать (въ нач. 61 г.) Сиріи. Корбулонъ,—который послѣ смерти Квадрата командовалъ въ одно и то же время и въ Каппадокіи и въ Сиріи, но обратился къ правительству съ просьбой о назначеніи особаго намѣстника въ Каппадокію и въ Арменію,—покуда отправилъ въ Арменію два легіона на помощь къ Тиграну, а самъ двинулся къ Евфрату на-встрѣчу къ пареянскому царю. Однако дѣло снова кончилось не битвой, а переговорами. Вологазъ, хорошо знавшій, какъ опасна начатая имъ игра, изъявилъ готовность принять тѣ условія, которыя тщетно были предложены Римлянами до начала армянской войны, и согласился на то, чтобъ его братъ получилъ Арменію въ качествѣ римскаго вассала. Корбулонъ принялъ это предложеніе. Онъ перестасталъ поддерживать Тиграна, вывелъ римскія войска изъ Арменіи и дозволилъ утвердиться тамъ Тиридату, между тѣмъ какъ пареянскія вспомогательныя войска также удалились оттуда; въ отвѣтъ на это, Вологазъ отправилъ къ римскому правительству посольство и объявилъ о готовности своего брата получить отъ Римлянъ Арменію въ качествѣ вассальнаго владѣнія.

Пареянская война при Неронѣ.—Этотъ образъ дѣйствій Корбулона былъ очень сомнительнаго свойства [1]) и привелъ къ непріятнымъ затрудненіямъ. Римскій главнокомандующій, быть можетъ, былъ убѣжденъ въ безцѣльности завладѣнія Арменіей еще болѣе, нежели римскіе государственные люди; но послѣ того, какъ римское правительство сдѣлало Тиграна царемъ Арменіи, онъ не долженъ-бы былъ самъ собою отмѣнять прежде поставленныя условія,—по меньшей мѣрѣ не долженъ-бы былъ отказываться отъ своихъ собственныхъ завоеваній и выводить изъ Арменіи римскія войска. Онъ тѣмъ менѣе имѣлъ на это права, что управлялъ Каппадокіей и Арменіей лишь временно и самъ заявилъ правительству, что не въ состояніи исполнять обязанности главнокомандующаго одновременно и тамъ и въ Сиріи,—вслѣдствіе чего и былъ назначенъ намѣстникомъ Каппадокіи консуляръ Луцій Цезенній Петъ, который уже выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Едва-ли можно устранить подозрѣніе, что Корбулонъ не хотѣлъ предоставить этому послѣднему честь окончательнаго покоренія Арменіи и старался до его прибытія достигнуть окончательной развязки путемъ фактическаго примиренія съ Пареянами. Тогда римское правительство отвергло предложеніе Вологаза и рѣшило удер-

---

[1]) Изъ разсказа Тацита 15, 6 ясно видно, какъ пристрастно дѣйствовалъ Корбулонъ и въ какое затруднительное положеніе онъ себя поставилъ. Тацитъ не рѣшается сказать, что Арменія была отдана Тиридату, но предоставляетъ самому читателю сдѣлать этотъ выводъ.

жать въ своей власти Арменію, которая должна была немедленно поступить подъ непосредственное римское управленіе, какъ о томъ объявилъ новый намѣстникъ, прибывшій въ Каппадокію лѣтомъ 61 года. Дѣйствительно-ли римское правительство остановилось на такой крайней мѣрѣ, мы не въ состояніи рѣшить, но во всякомъ случаѣ она была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его политики. Посадить на армянскій престолъ зависимаго отъ Рима царя значило-бы поддерживать прежніе невыносимые порядки; кто не хотѣлъ уступать Арменію Парѳянамъ, тотъ долженъ былъ имѣть въ виду превращеніе этого царства въ римскую провинцію. Поэтому война не прекратилась и одинъ изъ мезійскихъ легіоновъ былъ присланъ въ подкрѣпленіе каппадокійской арміи. Когда прибылъ Петъ, оба легіона, предоставленные въ его распоряженіе Корбулономъ, стояли лагерями по сю сторону Евфрата въ Каппадокіи; Арменія была очищена и ее приходилось завоевывать вновь. Петъ немедленно приступилъ къ дѣлу, перешолъ подлѣ Мелитены (Малатіи) черезъ Евфратъ, вступилъ въ Арменію и завладѣлъ ближайшими къ границѣ замками. Но позднее время года принудило его прекратить военныя дѣйствія и отказаться отъ предположеннаго въ томъ-же году занятія Тигранокерты; однако, чтобъ быть въ состояніи двинуться впередъ съ наступленіемъ слѣдующей весны, онъ, по примѣру Корбулона, занялъ зимнія квартиры въ непріятельской странѣ, подлѣ Рандейи, на одномъ изъ притоковъ Евфрата Арсаніѣ, неподалеку отъ теперешняго Харпута, а обозъ, женщинъ и дѣтей помѣстилъ неподалеку оттуда въ сильно укрѣпленномъ замкѣ Арсамосатѣ.

Капитуляція Рандейи.—Но Петъ не взвѣсилъ всѣхъ трудностей своего предпріятія. Лучшій изъ его легіоновъ, мезійскій, еще находился въ пути и провелъ зиму по сю сторону Евфрата на понтійской территоріи; два другихъ легіона были не изъ тѣхъ, которые были научены Корбулономъ сражаться и побѣждать; это были прежніе сирійскіе легіоны Квадрата, неполные по составу и едва-ли годные для войны безъ предварительныхъ серьозныхъ преобразованій. Къ тому-же онъ имѣлъ дѣло не съ одними Армянами, какъ Корбулонъ, а съ главными военными силами Парѳянъ; когда Вологазъ серьозно рѣшился воевать, онъ перевелъ свои лучшія войска изъ Месопотаміи въ Арменію и очень разумно воспользовался тѣмъ стратегическимъ преимуществомъ, что господствовалъ надъ внутренними и болѣе короткими путями сообщеній. Корбулонъ съ своей стороны построилъ мосты черезъ Евфратъ и возвелъ на противоположномъ берегу мостовыя укрѣпленія; поэтому онъ могъ-бы затруднить это движеніе Вологазовой арміи или даже воспрепятствовать ему, если-бы самъ своевременно вступилъ въ Месопотамію; но онъ не двинулся изъ своихъ позицій и предоставилъ Пету справляться со всею массою непрія-

тельскихъ силъ, какъ могъ. Этотъ послѣдній самъ не былъ военнымъ человѣкомъ и къ тому-же не былъ расположенъ слѣдовать совѣтамъ военныхъ людей; у него не было никакой энергіи; онъ принимался за дѣло съ самоувѣренностью и съ самохвальствомъ, но въ случаѣ неудачи терялся и падалъ духомъ. Поэтому случилось то, чего слѣдовало ожидать. Весной 62 года сталъ дѣйствоватъ наступательно не Петъ, а Вологазъ; войска, выставленныя Петомъ для того, чтобъ загородить Пареянамъ дорогу, были подавлены превосходствомъ непріятельскихъ силъ; нападеніе быстро перешло въ осаду далеко отстоявшихъ одна отъ другой римскихъ позицій—зимняго лагеря и зàмка. Легіоны не могли двигаться ни впередъ ни назадъ; солдаты дезертировали массами; оставалась единственная надежда на легіоны Корбулона, стоявшіе въ бездѣйствіи далеко оттуда—въ сѣверной Сиріи, безъ сомнѣнія близъ Зевгмата. Оба генерала были одинаково виновны въ случившейся катастрофѣ—Корбулонъ потому, что слишкомъ поздно двинулся на помощь [1]), хотя, узнавши, какъ велика была угрожавшая опасность, онъ ускорилъ движеніе своихъ войскъ какъ только могъ, Петъ потому, что не принялъ отважнаго рѣшенія скорѣй погибнуть, чѣмъ сдаться на капитуляцію, и тѣмъ лишилъ себя возможности спастись; продержись онъ еще три дня и приведенные Корбулономъ 5000 человѣкъ оказали-бы ему желанную помощь. Условіями капитуляціи были: свободное отступленіе Римлянъ, очищеніе ими Арменіи, сдача всѣхъ занятыхъ ими зàмковъ и выдача всѣхъ находившихся въ ихъ рукахъ запасовъ, въ которыхъ настоятельно нуждались Пареяне. Вологазъ съ своей стороны заявилъ, что, не смотря на этотъ военный успѣхъ, онъ готовъ обратиться къ императорскому правительству съ просьбой о назначеніи его брата армянскимъ царемъ въ качествѣ зависимаго отъ Римлянъ вассальнаго владѣтеля и готовъ съ этой цѣлію отправить пословъ къ Нерону [2]). Побѣдитель былъ такъ умѣренъ въ своихъ

---

[1]) Это говоритъ самъ Тацитъ 15, 10: nec a Corbulone properatum, quo gliscentibus periculis etiam subsidii laus augeretur: въ своемъ наивномъ простодушіи онъ не сознаетъ, что эта похвала заключаетъ въ себѣ строгое порицаніе. Какъ пристрастенъ весь его разсказъ, основанный на депешахъ Корбулона, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: Пету ставится въ упрекъ и то, что его лагерь не былъ снабженъ припасами въ достаточномъ количествѣ [15, 8] и то, что онъ сдалъ лагерь не смотря на находившіеся въ немъ огромные запасы провіанта [15, 16]; о громадности запасовъ дѣлается заключеніе изъ того факта, что отступавшіе Римляне предпочитали уничтожать тѣ запасы, которые они должны были выдать послѣ капитуляціи Пареянамъ. Подобно тому, какъ нерасположеніе Тацита къ Тиверію сказалось въ стараніи выставить въ слишкомъ яркомъ свѣтѣ достоинства Германика, такъ и нерасположеніе къ Нерону сказалось въ стараніи преувеличивать достоинства Корбулона.

[2]) Тацитъ считаетъ неправдоподобнымъ [15, 16] показаніе Корбулона, что

требованіяхъ, быть можетъ, потому, что имѣлъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія о приближеніи Корбулона, чѣмъ осажденная римская армія; но еще болѣе вѣроятнымъ кажется то, что этотъ предусмотрительный царь вовсе не желалъ возобновлять катастрофу Красса и снова вызывать появленіе римскихъ орловъ подъ Ктезифономъ. Онъ зналъ, что разбить римскую армію еще не значило одержать верхъ надъ Римомъ, а дѣйствительная уступка со стороны Римлянъ, заключавшаяся въ признаніи Тиридата армянскимъ царемъ, не могла считаться Римлянами слишкомъ большимъ пожертвованіемъ, благодаря тому, что ей была дана самая мягкая внѣшняя форма.

Заключеніе мира.—Римское правительство снова отклонило предложеніе парѳянскаго царя и сдѣлало распоряженія о продолженіи войны. Оно и не могло дѣйствовать иначе; если признаніе Тиридата армянскимъ царемъ считалось неудобнымъ передъ возобновленіемъ войны, а послѣ объявленія войны Парѳянами едва-ли могло быть допущено, то теперь, являясь послѣдствіемъ капитуляціи Рандейи, оно было-бы равносильно утвержденію этой капитуляціи. Въ Римѣ стали съ энергіей готовиться къ возобновленію борьбы съ Парѳянами. Петъ былъ отозванъ; Корбулонъ,—въ которомъ раздраженное постыдной капитуляціей общественное мнѣніе видѣло лишь завоевателя Арменіи, и который былъ въ глазахъ людей, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ и проницательныхъ, самымъ способнымъ изъ тогдашнихъ военачальниковъ и единственнымъ полководцемъ, которому можно было поручить веденіе этой войны,—снова принялъ званіе намѣстника Каппадокіи и вмѣстѣ съ тѣмъ главное начальство надъ всѣми годными для этой кампаніи войсками, которыя еще предполагалось усилить седьмымъ легіономъ, вызваннымъ изъ Паннонiи; за тѣмъ, всѣмъ восточнымъ намѣстникамъ и царямъ было приказано исполнять всѣ его военныя распоряженія, такъ что предоставленная ему власть была почти одинакова съ той, какая была дана наслѣднымъ принцамъ Гайю и Германику по случаю ихъ командировки на востокъ. Если цѣлью всѣхъ этихъ мѣропріятій было энергическое возстановленіе военной чести Римлянъ, то она не была достигнута. Какъ смотрѣлъ на это Корбулонъ, видно уже изъ того, что вскорѣ послѣ происшедшей въ Рандейѣ катастрофы онъ вошолъ въ сдѣлку съ парѳянскимъ царемъ; этотъ послѣдній вывелъ изъ Арменіи парѳянскіе гарнизоны, а Римляне очистили замки, построенные на месопотамской территоріи для защиты мостовъ. Для наступательнаго дви-

———

Петъ, въ присутствіи своихъ солдатъ и парѳянскихъ уполномоченныхъ клятвенно обязался не посылать въ Арменію никакихъ войскъ до полученія отвѣта отъ Нерона; это обязательство соотвѣтствуетъ ходу дѣла и не было сдѣлано ничего такого, что могло-бы считаться его нарушеніемъ.

женія Римлянъ присутствіе пароянскихъ гарнизоновъ въ Арменіи не имѣло никакой важности, а обладаніе мостами на Евфратѣ, напротивъ того, было чрезвычайно важно; въ случаѣ-же, еслибы Тиридатъ былъ признанъ подчиненнымъ Риму вассальнымъ царемъ Арменіи, то мосты были-бы вовсе не нужны, а присутствіе пароянскихъ гарнизоновъ въ Арменіи было-бы невозможно. Впрочемъ весной слѣдующаго 63 года, Корбулонъ началъ, согласно съ данными ему приказаніями, наступательное движеніе и перевелъ черезъ Евфратъ подлѣ Мелитены четыре своихъ лучшихъ легіона на встрѣчу главнымъ пароянo-армянскимъ военнымъ силамъ, собраннымъ въ окрестностяхъ Арсамосаты. Но военныя дѣйствія не имѣли важныхъ послѣдствій; только было разрушено нѣсколько зáмковъ, принадлежавшихъ не расположеннымъ къ Римлянамъ армянскимъ аристократамъ. Однако даже это наступательное движеніе привело къ соглашенію. Корбулонъ принялъ уже ранѣе отвергнутыя его правительствомъ пароянскія предложенія только,—какъ оказалось изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ,—съ тѣмъ, что Арменія всегда будетъ принадлежать одной изъ боковыхъ линій пароянскаго царствующаго дома, а римское правительство,—по меньшей мѣрѣ судя по общему характеру этой сдѣлки—соглашалось впредь вручать армянскую корону не иначе, какъ кому-нибудь изъ Арсакидовъ. Къ этому было прибавлено условіе, что въ Рандеѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была заключена капитуляція, Тиридатъ публично сниметъ съ своей головы царскую діадему на глазахъ обѣихъ армій и сложитъ ее передъ изображеніемъ императора, обязуясь не надѣвать ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ ее изъ рукъ императора и непремѣнно въ Римѣ. Все это и было исполнено (63 г.). Отъ этого унизительнаго условія нисколько не измѣнился тотъ фактъ, что римскій главнокомандующій вмѣсто того, чтобъ вести возложенныя на него военныя дѣйствія, заключилъ миръ на условіяхъ, отвергнутыхъ его правительствомъ [1]). Но государственные люди, прежде управлявшіе имперіей, уже умерли или удалились отъ дѣлъ; ихъ замѣнилъ личный произ-

[1]) Такъ какъ, по словамъ Тацита 15, 25 [сравн. Діона 62, 22], Неронъ отпустилъ пословъ Вологаза благосклонно и далъ имъ понять, что соглашеніе будетъ возможно, если Тиридатъ лично прибудетъ въ Римъ, то можно-бы было полагать, что Корбулонъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ согласно съ полученными отъ императора инструкціями; но болѣе правдоподобно, что этотъ фактъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые были прибавлены въ интересахъ Корбулона. Что объ этихъ фактахъ шла рѣчь во время процесса, возбужденнаго противъ Корбулона черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, кажется правдоподобнымъ, такъ какъ есть указаніе на то, что обвинителемъ Корбулона былъ одинъ изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ армянской кампаніи. Тождество префекта когортъ Аррія Вара [Тацитъ, *Лѣт.* 13, 9] и главнаго начальника тріаріевъ [*Ист.* 3, 6] оспоривалось неосновательно; сравн. C. I. L. V, 867.

волѣ императора, а на публику и въ особенности на императора производили впечатлѣніе и торжественный актъ, который долженъ былъ совершиться въ Рандеѣ, и перспектива того пышнаго зрѣлища, когда пароянскій принцъ будетъ получать армянскую корону въ столицѣ имперіи.

Тиридатъ въ Римѣ.—Мирныя условія были утверждены и приведены въ исполненіе. Согласно данному обѣщанію, пароянскій принцъ прибылъ въ 66 году въ Римъ въ сопровожденіи 3000 пароянскихъ всадниковъ и привелъ съ собою, въ качествѣ заложниковъ, дѣтей троихъ братьевъ и дѣтей Монобаза Адіабенскаго. Онъ, стоя на колѣняхъ, преклонился передъ своимъ верховнымъ властителемъ, возсѣдавшимъ на императорскомъ тронѣ на столичной площади, а этотъ властитель надѣлъ на него, на глазахъ у собравшагося народа, царскую перевязь и корону.

Востокъ въ царствованіе Флавіевъ.—Скоро обнаружились полезные результаты и того, что эта война, номинально длившаяся десять лѣтъ, велась обѣими сторонами сдержанно и даже, можно сказать, миролюбиво, и того, что она окончилась фактическимъ переходомъ Арменіи къ Пароянамъ съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ болѣе могущественной западной державѣ. Арменія была болѣе зависима отъ Римлянъ подъ управленіемъ признанной ими національной династіи, нежели подъ управленіемъ тѣхъ царей, которые навязывались ей противъ ея воли. Римская оккупаціонная армія осталась по меньшей мѣрѣ въ области Софенѣ, непосредственно граничившей Евфратомъ [1]). На возстановленіе Артаксаты испрашивалось и было получено разрѣшеніе императора, а возведенію построекъ императоръ Неронъ содѣйствовалъ и деньгами и присылкой рабочихъ. Между двумя могущественными государствами, владѣнія которыхъ раздѣлялись Евфратомъ, никогда еще не существовало такихъ дружелюбныхъ отношеній, какъ послѣ договора, заключеннаго въ Рандеѣ— и въ послѣдніе годы царствованія Нерона, и послѣ того при трехъ императорахъ изъ дома Флавіевъ. Этому содѣйствовали и нѣкоторыя другія обстоятельства. Для закавказскихъ племенъ, какъ кажется, послужило сильной приманкой участіе, которое они принимали въ послѣднихъ войнахъ и благодаря которому они пролагали себѣ путь въ Арменію, служа наемниками то у Иберовъ, то у Пароянъ; въ ту пору они начали нападать преимущественно на западныя пароянскія

---

1) Въ Ціатѣ [Charput] найдены двѣ надписи на замкѣ, который былъ тамъ построенъ въ 64 году по приказанію Корбулона однимъ изъ тѣхъ легіоновъ, которые были переведены имъ черезъ Евфратъ; это былъ легіонъ 3 Gallica [Eph. epig. V, стр. 25].

провинціи, но въ то-же время стали угрожать и восточнымъ провинціямъ римской имперіи. Вѣроятно, съ цѣлію сдерживать ихъ, было присоединено къ имперіи въ 63 году, непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ армянской войны, такъ-называемое Понтійское царство—то-есть юго-восточная часть береговъ Чернаго моря вмѣстѣ съ городомъ Трапезундомъ и съ областью Фазиса. Большая восточная экспедиція, которую императоръ Неронъ намѣревался предпринять именно въ то время, когда его застигла гибель (68 г.), и для которой онъ уже двинулъ въ походъ лучшія западныя войска частію въ Египетъ, частію на Дунай, должна была расширить границы имперіи, конечно, и въ другихъ направленіяхъ [1]); но ея главною цѣлію были Кавказскія ущелья на сѣверѣ отъ Тифлиса и жившіе на ихъ сѣверномъ склонѣ скиѳскія племена, главнымъ образомъ Аланы [2]). Именно они нападали съ одной стороны на Арменію, съ другой на Мидію. Нероновская экспедиція вовсе не была направлена противъ Парѳянъ и даже скорѣе могла считаться за оказанную имъ помощь, такъ какъ два цивилизованныхъ государства—западное и восточное должны были, по необходимости, дѣйствовать сообща для отраженія дикихъ сѣверныхъ варваровъ. Правда, Вологазъ отклонилъ въ дружеской формѣ столь-же дружеское приглашеніе своего

---

1) Неронъ намѣревался inter reliqua bella пожать и эѳіопскіе лавры [Плиній 6, 29, 182, сравн. 184]. Сюда относится и отправка войскъ въ Александрію [Тацитъ, *Ист.* 1, 31. 70].

2) Цѣлью экспедиціи, какъ по словамъ Тацита [*Ист.* 1, 6], такъ и по словамъ Светонія [*Нер.* 19], были Каспійскія ворота, то есть то Кавказское ущелье между Тифлисомъ и Влади-Кавказомъ подлѣ Даріала, которое Александръ, по древнему преданію, замкнулъ желѣзными воротами [Плиній, Hist. Nat. 6, 11, 30; Іосифъ, Bell. 7, 7, 4; Прокоп. Pers. 1, 10]. Судя по этой мѣстности и по всѣмъ приготовленіямъ къ этой экспедиціи, она не могла быть направлена противъ Албанцевъ, жившихъ на западныхъ берегахъ Каспійскаго моря; какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ [*Лѣт.* 2, 68; ad Armenios, inde Albanos Heniochosque], могла итти рѣчь только объ Аланахъ, которые у Іосифа [въ выше указ. мѣстѣ и въ другихъ] появляются именно въ той мѣстности и нерѣдко смѣшиваются съ кавказскими Албанцами. И разсказъ Іосифа неточенъ. Если Аланы вторгались черезъ Каспійскія ворота въ Мидію, а потомъ въ Арменію съ одобренія царя Гирканов, то писатель разумѣлъ другія Каспійскія ворота, находившіяся къ востоку отъ Раговъ; но въ этомъ и заключается его недосмотръ, такъ какъ послѣдній изъ этихъ проходовъ, находившійся въ самомъ центрѣ парѳянскихъ владѣній, не могъ быть цѣлію Нероновской экспедиціи, а Аланы жили не на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а къ сѣверу отъ Кавказа. Для этой экспедиціи былъ вызванъ изъ Британіи лучшій изъ римскихъ легіоновъ—14-ый, который, впрочемъ, дошолъ только до Паннонія [Тацитъ, *Ист.* 2, 11, сравн. 27, 66] и былъ организованъ Нерономъ новый легіонъ—1-ый Италійскій [Светон. Ner. 19]. Отсюда видно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ была задумана эта экспедиція.

римскаго коллеги посѣтить его, подобно своему брату, въ Римѣ,— такъ какъ онъ вовсе не желалъ фигурировать на римской площади въ качествѣ подвластнаго Римлянамъ вассальнаго владѣтеля; но онъ изъявилъ готовность представиться императору, когда этотъ послѣдній прибудетъ на востокъ,—и не Римляне, а восточные народы искренно сожалѣли о смерти Нерона. Царь Вологазъ офиціально обратился къ сенату за разрѣшеніемъ чтить память Нерона, а когда впослѣдствіи появился лже-Неронъ, онъ нашолъ сочувствіе главнымъ образомъ въ пароянскихъ владѣніяхъ.

Впрочемъ пароянскому царю была нужна не столько дружба Нерона, сколько дружба римскаго государства. Въ томъ году, когда шла борьба между четырьмя императорами, онъ не только не воспользовался тогдашними потрясеніями для какихъ-либо захватовъ [1]), но, вѣрно предвидя исходъ борьбы, предлагалъ еще находившемуся въ Александріи Веспасіану 40.000 конныхъ стрѣлковъ для борьбы съ Вителліемъ,—хотя это предложеніе, конечно, было отклонено съ изъявленіями признательности. Но важнѣй всего было то, что онъ безъ всякихъ затрудненій подчинился распоряженіямъ, которыя были сдѣланы новымъ правительствомъ въ видахъ охраны восточной границы. Въ бытность намѣстникомъ Іудеи, Веспасіанъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ недостаточности стоявшихъ тамъ войскъ; а когда онъ промѣнялъ это намѣстничество на императорскую власть, не только Коммагена была снова превращена, какъ то было при Тиверіѣ, изъ царства въ провинцію, но и число стоявшихъ въ римской Азіи легіоновъ было увеличено съ четырехъ на семь,—то-есть на то число, до котораго они лишь временно были доведены сначала для войны съ Пароянами, а потомъ для войны съ Іудеями. Сверхъ того тамъ были учреждены три должности главнокомандующихъ, тогда какъ прежде въ Азіи существовалъ только одинъ большой военный округъ— тотъ, который былъ подчиненъ сирійскому намѣстнику. Въ Сиріи, послѣ присоединенія къ ней Коммагены, стояли, по прежнему, четыре легіона; въ провинціяхъ Палестинѣ и Каппадокіи, въ которыхъ до тѣхъ поръ стояли лишь войска втораго разряда, были поставлены— въ первой изъ нихъ одинъ легіонъ, а во второй два [2]). Арменія

---

[1]) По какой причинѣ онъ отказалъ Веспасіану въ императорскомъ титулѣ [Діонъ 66, 11], намъ неясно,—быть можетъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ Веспасіанъ взялся за оружіе, такъ какъ въ то время пароянскій царь еще не зналъ, что приверженцы Флавіевъ сильнѣе другихъ. Его ходатайство за Коммагенскаго царя [Іосифъ, Bell. 7, 7, 3] имѣло успѣхъ,—стало быть было чисто-личнымъ. но отнюдь не было протестомъ противъ превращенія Коммагенскаго царства въ римскую провинцію.

[2]) Въ Сиріи были поставлены слѣдующіе четыре легіона: 3 Gallica, 6 Ferrata [оба и прежде стояли въ Сиріи], 4 Scythica [прежде стоявшій въ Мизіи, но уже принимавшій участіе какъ въ пароянской, такъ и въ іудей-

осталась во власти Арсакидовъ вассальнымъ царствомъ, подчиненнымъ Риму; но при Веспасіанѣ римскій гарнизонъ стоялъ по ту сторону армянской границы въ иберскомъ зàмкѣ Гармозикѣ подлѣ Тифлиса [1]), изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ ту пору и Арменія находилась въ военномъ отношеніи во власти Римлянъ. Хотя всѣ эти мѣропріятія и не заключали въ себѣ угрозы войны, но имѣли въ виду восточнаго сосѣда. Не смотря на это, послѣ паденія Іерусалима, Вологазъ прежде всѣхъ поздравилъ наслѣднаго принца съ упроченіемъ римскаго владычества въ Сиріи, а къ устройству легіонныхъ лагерей въ Коммагенѣ, въ Каппадокіи и въ Малой Арменіи онъ отнесся безъ всякихъ возраженій. Онъ даже побуждалъ Веспасіана къ возобновленію той закавказской экспедиціи, о которой было упомянуто выше, и просилъ его выслать противъ Алановъ римскую армію подъ предводительствомъ одного изъ императорскихъ принцевъ; хотя Веспасіанъ и не взялся за это предпріятіе, но присылка римскихъ войскъ въ окрестности Тифлиса едва-ли могла имѣть иную цѣль, кромѣ загражденія прохода черезъ кавказскія ущелья и стало быть послужила-бы на пользу Пареянамъ. При всѣхъ императорахъ изъ рода Флавіевъ миръ не былъ серьозно нарушенъ, не смотря на то, что военное положеніе Римлянъ на Евфратѣ было усилено, или, быть можетъ, именно вслѣдствіе того,—такъ какъ внушеніе страха сосѣдямъ есть одно изъ средствъ поддерживать миръ. Если иногда и возникали столкновенія (что было естественно при безпрестанныхъ смѣнахъ пареянскихъ владѣтелей) и даже появлялись на сценѣ воинственныя племена, все очень скоро приходило въ прежній порядокъ [2]). Появленіе въ послѣдніе годы Веспасіанова царствованія

ской войнѣ] и 16 Flavia [вновь организованный]. Въ Палестинѣ былъ поставленъ легіонъ 10 fretensis [прежде стоявшій въ Сиріи]. Въ Каппадокіи были поставлены слѣдующіе два легіона: 12 fulminata [стоявшій прежде въ Сиріи; онъ былъ переведенъ Титомъ въ Мелитену; Іосифъ, Bell. 7, 1, 3] и 15 Apollinaris [стоявшій до того времени въ Паннонія, но подобно легіону 4 Scythica участвовавшій какъ въ пареянской войнѣ, такъ и въ іудейской]. Такимъ образомъ, гарнизоны мѣнялись такъ рѣдко, какъ только оказывалось возможнымъ; только два изъ призванныхъ уже ранѣе въ Сирію легіоновъ были оставлены тамъ на неопредѣленное время и тамъ былъ поставленъ вновь организованный легіонъ.—Послѣ происходившей въ царствованіе Адріана войны съ Іудеями, легіонъ 6 ferrata былъ посланъ изъ Сиріи въ Палестину.

1) Къ этому времени [сравн. C. I. L. V, 6988], конечно, также относится каппадокійское намѣстничество К. Рутилія Галлика, о которомъ говорится [Statius 1, 4, 78]: hunc... timuit... Armenia et patiens Latii iam pontis Araxes; здѣсь вѣроятно подразумѣвается одна постройка моста, возведенная этимъ римскимъ оккупаціоннымъ отрядомъ. Въ виду молчанія Тацита не кажется правдоподобнымъ, чтобъ Галликъ служилъ подъ начальствомъ Корбулона.

2) О томъ, что въ бытность М. Ульпія Траяна [того, который былъ отцемъ

же-Нерона,—того самаго, который подалъ Іоанну поводъ написать Откровеніе,—едва не привело къ столкновенію. Претендентъ, — въ дѣйствительности мало-азіятскій уроженецъ Терентій Максимъ—былъ такъ похожъ на пѣвца-императора и лицомъ и голосомъ и талантами, что не только набралъ много приверженцевъ въ римскихъ владѣніяхъ на берегахъ Евфрата, но даже нашолъ поддержку у Парѳянъ. У этихъ послѣднихъ, какъ кажется, въ ту пору шла,—какъ это часто случалось, — борьба между нѣсколькими повелителями; одинъ изъ нихъ, по имени Артабанъ, не будучи признанъ Тиверіемъ, отплатилъ за это тѣмъ, что вступился за римскаго претендента. Однако это не имѣло никакихъ послѣдствій; даже вскорѣ послѣ того парѳянское правительство выдало претендента императору Домиціану [1]). Поддержанію міра содѣйствовали и выгодныя для обѣихъ сторонъ торговыя сношенія Сиріи съ странами, лежащими вдоль нижняго Евфрата, гдѣ именно въ ту пору устроивалъ царь Вологазъ неподалеку отъ Ктезифона новый торговый центръ, носившій названіе Вологазія или Вологазокерты.

Война Траяна съ Парѳянами. До войны дѣло дошло при Траянѣ. Въ первые годы своего царствованія онъ не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ на востокѣ за исключеніемъ того, что образовалъ два подчиненныхъ непосредственному римскому управленію округа (106 г.) изъ двухъ вассальныхъ государствъ, сохранявшихъ до того времени свою самостоятельность на границѣ сирійской степи—изъ Набатейскаго государства въ Петрѣ и изъ іудейскаго государства въ Кесаріи Панеадѣ. Отношенія къ тогдашнему владѣтелю парѳянскаго государства, царю Пакору, не были особенно дружественны [2]), но только при братѣ и преемникѣ Пакора, Хосроѣ, дѣло

императора] намѣстникомъ Сиріи, на Евфратѣ грозила при Веспасіанѣ, въ 75 г., опасность войны, говоритъ Плиній въ своемъ похвальномъ словѣ сыну [гл. 14], вѣроятно, съ большимъ преувеличеніемъ; причина неизвѣстна.

[1]) Сохранились монеты съ обозначеніемъ времени и съ именами царей: [В]ологаза, принадлежащія къ 389 и 390 г. = 77—78; Пакора, относящіяся къ 389—394 г.=77—82 [и снова 404—407=92—95]; Артабана, относящіяся къ 392 г.=80/1. Соотвѣтствующія имъ историческія событія—до сообщаемаго Зонарой свѣдѣнія, въ которомъ упоминаются имена Артабана и Тита [11, 18; сравн. Свет. *Нер.* 57; Тацитъ, *Ист.* 1, 2] — никѣмъ не разсказаны, но монеты указываютъ на эпоху быстрыхъ перемѣнъ царей и, какъ кажется, на то, что монеты чеканились одновременно нѣсколькими претендентами, оспаривавшими другъ у друга верховную власть.

[2]) Это доказывается отрывочнымъ замѣчаніемъ Арріана, приведеннымъ у Свиды [подъ слов. ἐπίκλημα]: ὁ δὲ Πάκορος ὁ Παρθυαίων βασιλεὺς καὶ ἄλλα τινὰ ἐπικλήματα ἐπέφερε Τραιανῷ τῷ βασιλεῖ и также вниманіемъ, которое обращено въ написанномъ около 112 года донесеніи Плинія къ императору [a d T r a i. 74] на сношенія между

дошло до разрыва и опять изъ-за Арменіи. Виновниками разрыва были Пареяне. Когда Траянъ предоставилъ вакантный армянскій престолъ сыну Пакора Аксидару, онъ не превысилъ принадлежавшаго ему права; но царь Хосрой считалъ этого Аксидара неспособнымъ царствовать и своею собственною властію назначилъ на его мѣсто другаго Пакорова сына, Пареомазириса [1]). Отвѣтомъ на это было объявленіе войны со стороны Римлянъ. Въ концѣ 114 г. [2]) Траянъ выѣхалъ изъ своей столицы для того, чтобъ стать во главѣ находившейся на востокѣ римской арміи, которая снова пришла въ самый жалкій упадокъ, но была очень быстро преобразована императоромъ и усилена лучшими, вызванными изъ Панноніи, легіонами[3]). Въ Аѳинахъ его встрѣ-

Пакоромъ и царемъ Даковъ Децебаломъ. Нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить время, когда царствовалъ этотъ пареянскій царь. До насъ вовсе не дошло пареянскихъ монетъ съ именами царей изъ временъ Траяна; чеканка монеты, какъ будто, была прекращена въ теченіе этого времени.

1) Что Аксидаръ [или Экседаръ] былъ сынъ Пакора, былъ царемъ Арменіи передъ Пареомазирисомъ и былъ низложенъ Хосроемъ, видно изъ отрывковъ Діоновскаго разсказа 68, 17; на то-же указываютъ и два арріановскихъ отрывка [16 Müller], изъ которыхъ первый, по всему вѣроятію, принадлежитъ къ рѣчи, съ которою обратился къ Траяну какой-то защитникъ интересовъ Аксидара: Ἀξιδάρην δὲ ἔτι ἄρχειν χρὴ Ἀρμενίας οὔ μοι δοκεῖ εἶναί σε ἀμφίλογον; за этимъ слѣдовало изложеніе жалобъ на Пареомазириса, а затѣмъ отвѣтъ [очевидно, императора], что его, а не Аксидара дѣло судить о дѣйствіяхъ Пареомазириса, потому что онъ—по видимому Аксидаръ—первый нарушилъ договоръ, за что и поплатился. Въ чемъ императоръ винитъ Аксидара, не ясно; но и у Діона Хосрой говоритъ, что Аксидаръ не угодилъ ни Римлянамъ ни Пареянамъ.

2) Обрывки Діонова разсказа у Ксифилина и Зонары ясно доказываютъ, что пареянскій походъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая отнесена консульствомъ Педона къ 115 г. [съ этимъ согласуется и то, что Малала, стр. 275, относитъ землетрясеніе въ Антіохіи къ 13 дек. 164 антіохійской эры=115 г. послѣ Р. Х.], а вторая [Діонъ гл. 26—32, 3] должна быть отнесена къ 116 году вслѣдствіе того, что между апрѣлемъ и августомъ того-же года состоялось [см. мою Notiz bei Droysen Hellenismus 3, 2, 361] принятіе титула Parthicus [гл. 28, 2]. Что [гл. 23] титулы Optimus [данный въ теченіе 114 года] и Parthicus упоминаются безъ хронологической послѣдовательности, видно изъ ихъ сопоставленія и изъ болѣе поздняго повторенія втораго изъ этихъ почетныхъ титуловъ. Бо̀льшая часть отрывковъ относится къ первой кампаніи, гл. 22, 3, а 22, 1. 2—ко второй. Привѣтствія, съ которыми обращались къ императору, не представляютъ противорѣчій. Траянъ, какъ это можно ясно доказать, былъ въ 113 г. imp. VI [C. I. L. VI, 960], въ 114 г.—imp. VII [C. I. L. IX, 1558 и въ др. мѣст.]; въ 115 г.—imp. IX [C. IX, 5894 и въ др.м.] и imp. XI [Fabretti 398, 289 и въ др. м.]; въ 116 г.—imp. XII [C. VIII, 621. X, 1634] и XIII [C. III. D. XXVII]. Діонъ приводитъ одно привѣтствіе изъ 115 г. [68, 19] и одно привѣтствіе изъ 116 г. [68, 28]; для обоихъ было слишкомъ достаточно мотивовъ, но не было никакого основанія относить imp. VII именно къ покоренію Арменіи, какъ нѣкоторые пытались.

3) Краткое описаніе Траяновой сирійской арміи у Фронтона [стр. 206 fg. Naber] почти слово въ слово сходится съ тѣмъ, что Тацитъ [*Ann.* 15, 35] гово-

тили послы отъ пароянскаго царя; но они не привезли никакихъ другихъ предложеній, кромѣ заявленія, что Пароомазирисъ готовъ царствовать въ Арменіи въ качествѣ подчиненнаго Римлянамъ вассальнаго владѣтеля, а потому и были отправлены назадъ. Война началась. Въ первыхъ сраженіяхъ на берегахъ Евфрата Римляне оставались въ накладѣ [1]), но когда закаленный въ бояхъ и привыкшій побѣждать престарѣлый императоръ самъ принялъ въ 115 г. главное начальство надъ арміей, ему всѣ стали покоряться почти безъ сопротивленія. Къ тому-же у Пароянъ снова вспыхнула междоусобная война, и противъ Хосроя возсталъ претендентъ Манизаръ. Императоръ выступилъ изъ Антіохіи къ Евфрату и двигался далѣе на сѣверъ до самаго сѣвернаго легіоннаго лагеря, находившагося въ Саталѣ въ Малой Арменіи; оттуда онъ проникъ въ Арменію и направился къ Артаксатѣ. Когда онъ прибылъ въ лежавшую на пути Элегеію, къ нему явился Пароомазирисъ и снялъ передъ нимъ съ своей головы корону въ надеждѣ, что за такое смиреніе будетъ утвержденъ во власти, какъ нѣкогда былъ утвержденъ Тиридатъ. Но Траянъ рѣшился превратить это вассальное владѣніе въ провинцію и вообще далѣе отодвинуть восточную границу имперіи. Объ этомъ онъ объявилъ пароянскому принцу передъ всей арміей и приказалъ ему немедленно удалиться вмѣстѣ съ его свитой изъ лагеря и очистить римскую территорію; вслѣдствіе этого возникло смятеніе, среди котораго претендентъ лишился жизни. Арменія покорилась своей участи

ритъ объ арміи Корбулона. „Вслѣдствіе продолжительной отвычки отъ военной службы, римскія войска вообще пришли въ сильный упадокъ [ad ignaviam redactus]; но самыми худшими были сирійскіе солдаты; они были непослушны, склонны къ буйству, не являлись акуратно на призывъ, не стояли на своихъ постахъ и съ половины дня были пьяны; они даже отвыкли носить оружіе и были неспособны переносить лишенія; они сбрасывали съ себя одну вслѣдъ за другой всѣ принадлежности вооруженія и оставались полуодѣтыми, такъ легкая пѣхота и стрѣлки. Сверхъ того они были до такой степени деморализованы понесенными пораженіями, что лишь только завидятъ Пароянъ, поворачиваютъ имъ спину, а звуки военныхъ трубъ были для нихъ сигналомъ для бѣгства“. Когда въ противоположность съ этимъ описывается личность Траяна, то между прочимъ говорится: „онъ не проходилъ по палаткамъ безъ того, чтобъ не позаботиться о положеніи солдатъ, но выказывалъ свое презрѣніе къ сирійской роскоши и жилъ въ суровой обстановкѣ Паннонцевъ [sed contemnere—такъ слѣдуетъ читать—Syrorum munditias, introspicere Pannoniorum inscitias]; потому по манерѣ себя держать [cultus] онъ судилъ о пригодности [ingenium] человѣка“. — И въ восточной арміи Севера европейскіе солдаты отличались отъ сирійскихъ [Діонъ 75, 12].

[1]) Это доказываютъ mala proelia въ выше указанномъ мѣстѣ у Фронтона, а также утвержденіе Діона 68, 19, что Траянъ овладѣлъ Самосатой безъ борьбы; стало быть стоявшій тамъ 16 легіонъ не могъ тамъ удержаться.

и сдѣлалась римскимъ намѣстничествомъ. Въ то-же время была частію упрочена, частію вновь установлена вассальная зависимость князей, управлявшихъ кавказскими племенами—Албанцами, Иберами, жившими далѣе въ направленіи къ Черному морю Апсилами, Колхами, Геніохами, Лазами и многими другими, и даже закавказскими Сарматами. Послѣ того Траянъ вступилъ во владѣнія Парѳянъ и занялъ Месопотамію. И тамъ все ему покорялось безъ боя; Батны, Низибъ, Сингара перешли во власть Римлянъ; въ Эдессѣ императоръ принималъ изъявленія покорности не только отъ правителя той страны Авгаря, но и отъ другихъ владѣтелей и Месопотамія сдѣлалась, подобно Арменіи, римской провинціей. Зимнія квартиры Траянъ снова занялъ въ Антіохіи, въ которой отъ сильнаго землетрясенія погибло болѣе людей, нежели отъ лѣтней кампаніи. Слѣдующей весной (116 г.) Траянъ—«побѣдитель Парѳянъ», какъ его въ ту пору назвалъ сенатъ,—двинулся изъ Низиба черезъ Тигръ и занялъ область Адіабены не безъ сопротивленія и при переходѣ черезъ рѣку и при дальнѣйшемъ наступленіи; изъ Адіабены была организована третья новая римская провинція, названная Ассиріей. Потомъ наступленіе продолжалось вверхъ по теченію Тигра до Вавилона; Селевкія и Ктезифонъ были взяты Римлянами, а вмѣстѣ съ этими городами были взяты золотой тронъ царя и его дочь; Траянъ дошолъ до персидской сатрапіи Мезены и до лежавшаго у устьевъ Тигра большаго торговаго города Харакса Спасину. И эта область, какъ кажется, была присоединена къ имперіи такъ, что новая провинція Месопотамія обнимала всю страну, окаймляемую двумя большими рѣками. Тамъ, какъ разсказываютъ, Траянъ позавидовалъ молодости Александра и пожалѣлъ, что его лѣта не дозволяютъ ему перенести свое оружіе съ песчаныхъ береговъ Персидскаго моря въ страну чудесъ—Индію. Впрочемъ онъ скоро узналъ, что ему нужно это оружіе для борьбы съ болѣе близкими противниками. Великое парѳянское государство до сихъ поръ не оказывало нападающимъ серьознаго сопротивленія и не разъ тщетно просило мира. Но теперь,—въ то время, какъ императоръ возвращался въ Вавилонъ.—къ нему пришло извѣстіе объ отпаденіи Вавилоніи и Месопотаміи; въ то время, какъ онъ останавливался у устьевъ Тигра, противъ него возстало все населеніе этихъ новыхъ провинцій [1]); жители

---

1) Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ то-же время отпала и Арменія. Но когда Gutschmid [bei Dierauer in Büdingers Untersuchungen 1, 179] называетъ царями снова отпавшей Арменіи Мегердота и Санатрукія, которые, по словамъ Малалы, царствовали въ Персіи во время Траяновской кампаніи, то онъ приходитъ къ этому путемъ ошибочныхъ истолкованій, перепутывая имена отдѣльныхъ лицъ и народовъ и нарушая связь въ ходѣ событій. Впрочемъ, въ запутанномъ изложеніи легендъ у Малалы, конечно, попа-

Селевкіи на Тигрѣ, Низиба и даже Эдессы частію перебили, частію выгнали римскіе гарнизоны и заперли городскія ворота. Императоръ нашолся вынужденнымъ раздѣлить свою армію и выслать нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ на встрѣчу къ различнымъ сборищамъ мятежниковъ; одинъ изъ посланныхъ имъ легіоновъ, находившійся подъ начальствомъ Максима, былъ окруженъ въ Месопотаміи непріятелемъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ и изрубленъ. Однако императоръ осилилъ возстаніе главнымъ образомъ благодаря уже отличившемуся въ войнѣ съ Даками военачальнику Лузію Квіету, который, по своему происхожденію, былъ мавританскій шейхъ. Селевкія и Эдесса подверглись осадѣ и были сожжены. Траянъ дошолъ до того, что объявилъ Парѳію подчиненнымъ Риму вассальнымъ государствомъ и отдалъ ее въ Ктезифонѣ преданному Римлянамъ Парѳянину Парѳамаспату, не смотря на то, что римскіе солдаты не проникали далѣе западной окраины обширнаго государства. Послѣ того онъ отправился въ обратный путь къ Сиріи той-же дорогой, по которой прошолъ, а на пути былъ задержанъ безуспѣшнымъ нападеніемъ на Арабовъ въ Гатрѣ, служившей резиденціей для начальника тѣхъ храбрыхъ народовъ, которые жили въ степяхъ Месопотаміи; ея сильныя укрѣпленія и огромныя зданія и до сихъ поръ величественны въ своихъ развалинахъ. Траянъ намѣревался продолжать войну въ слѣдующемъ году и осуществить на дѣлѣ покореніе Парѳянъ. Но сраженіе въ степи подлѣ Гатры, въ которомъ шестидесяти-лѣтній императоръ храбро рубился съ арабскими всадниками, было его последнимъ сраженіемъ. Онъ занемогъ и умеръ на возвратномъ пути (8 августа 117), не довершивъ своей побѣды и не отпраздновавъ ее въ Римѣ; то было совершенно въ его духѣ, что ему воздали почести тріумфа даже послѣ его смерти; такимъ образомъ онъ былъ единственный изъ обоготворенныхъ римскихъ императоровъ, который, даже будучи богомъ, носилъ побѣдный титулъ.

Восточная политика Траяна.—Траянъ не желалъ войны съ Парѳянами, а долженъ былъ предпринять ее по неволѣ; не онъ, а Хосрой нарушилъ то соглашеніе касательно Арменіи, благодаря которому миръ господствовалъ въ области Евфрата въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ. Если съ одной стороны понятно, что Парѳяне не довольствовались такимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ продолжи-

———

дяются и нѣкоторые историческіе факты, какъ напримѣръ возведеніе Траяномъ Парѳамаспата въ парѳянскіе цари [здѣсь Парѳамаспата называется сыномъ царя Хосроя]. Быть можетъ, вѣрно указано и время выѣзда Траяна изъ Рима въ октябрѣ [114], и время его прибытія въ Селевкію въ декабрѣ и время его въѣзда въ Антіохію 7 января [115]. Но въ томъ видѣ, въ какомъ представляется намъ этотъ разсказъ, историкъ можетъ только устранять его, а не исправлять

тельная вассальная зависимость Арменіи отъ Рима могла привести къ ея окончательному отпаденію отъ пареянскаго государства, то съ другой стороны слѣдуетъ признать, что по прежнему пути нельзя было заходить далѣе того, до чего дошолъ Корбулонъ; въ ту пору былъ немыслимъ безусловный отказъ отъ обладанія Арменіей, такъ какъ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было-бы признаніе равноправности пареянскаго государства совершенно внѣ кругозора римской политики, точно такъ-же какъ было немыслимо уничтоженіе рабства или какое-либо другое тому подобное предпріятіе. Если-же при этомъ нельзя было достигнуть прочнаго мира, то великая дилемма римской восточной политики представляла еще другую альтернативу—распространеніе непосредственнаго римскаго владычества на лѣвый берегъ Евфрата. Потому-то и Арменія и Месопотамія были теперь обращены въ римскія провинціи. Это было вполнѣ цѣлесообразно. Превращеніе Арменіи изъ римскаго вассальнаго государства съ римской оккупаціонной арміей въ римское намѣстничество не внесло большихъ перемѣнъ во внѣшнемъ положеніи дѣлъ; Пареянъ можно-бы было дѣйствительно выгнать изъ Арменіи только въ томъ случаѣ, еслибы у нихъ были отняты сосѣднія страны, а въ полу-греческой Месопотаміи какъ римское владычество, такъ и римское провинціальное устройство находили гораздо болѣе благопріятную почву, нежели въ проникнутой восточнымъ духомъ Арменіи. Къ этому присоединялись и другія соображенія. Римская таможенная пограничная линія, проведенная въ Сиріи, была неудобна, а для римскаго государства было бы выгодно вполнѣ подчинить себѣ международныя торговыя сношенія большихъ торговыхъ городовъ Сиріи съ странами, лежащими вдоль теченія Евфрата и Тигра; оттого-то Траянъ немедленно и приступилъ къ учрежденію новыхъ таможенъ на Евфратѣ и на Тигрѣ [1]). И въ военномъ отношеніи, границу на Тигрѣ было легче защищать, нежели прежнюю пограничную линію, которая тянулась вдоль сирійскихъ степей и далѣе до Евфрата. Добавленіями къ той-же цѣли были и превращеніе лежавшей по ту сторону Тигра области Адіабены въ римскую провинцію, вслѣдствіе чего Арменія дѣлалась внутренней провинціей, и превращеніе самого пареянскаго царства въ римское вассальное владѣніе. Нельзя никоимъ образомъ отрицать того, что когда идетъ дѣло о завоевательной политикѣ, похвала въ послѣдовательности получаетъ очень сомнительный характеръ, и что Траянъ, по своему обыкновенію увлекшись при этихъ предпріятіяхъ

---

1) Fronto princ. hist., стр. 209, Naber: cum praesens Traianus Euphratis et Tigridis portoria equorum et camelorum trib [utaque ordinaret, Ma]cer [?] caesus est. Это относится къ тому моменту, когда Траянъ находился близъ устьевъ Тигра и когда произошло отпаденіе Вавилоніи и Месопотаміи.

желаніемъ внѣшняго успѣха, зашолъ далѣе той цѣли, которая могла считаться разумной [1]); но было бы несправедливо объяснять его дѣйствія на востокѣ лишь жаждой завоеваній. Онъ поступалъ такъ, какъ поступилъ-бы и Цезарь, если бы дожилъ до того времени. Его политика представляетъ лишь оборотную сторону той, которой слѣдовали государственные люди при Неронѣ; а обѣ эти политики хотя и противоположны одна другой, но одинаково послѣдовательны и одинаково разумны. Послѣдующія событія говорили болѣе въ пользу завоевательной политики, нежели въ пользу политики уступчивости.

Реакція при Адріанѣ и Піѣ.—Впрочемъ, въ ту минуту получились иные результаты. Восточныя завоеванія Траяна освѣтили мрачный закатъ римской имперіи такъ-же, какъ блескъ молніи на мгновеніе разгоняетъ мракъ ночи, но не были, подобно этому послѣднему, предвѣстниками новаго утра. Его преемнику предстоялъ выборъ между довершеніемъ неоконченнаго покоренія Парѳянъ или совершеннымъ отъ него отказомъ. Безъ значительнаго усиленія арміи и увеличенія бюджета расширеніе границъ не было возможно, а неизбѣжное при такомъ расширеніи перенесеніе центра тяжести на востокъ едва-ли привело-бы къ усиленію имперіи. Поэтому Адріанъ и Пій снова и рѣшительно вступили въ ту-же колею, какой держалась имперія въ свою раннюю пору. Вассальному владѣтелю Парѳіи Парѳамаспату Адріанъ отказалъ въ своей поддержкѣ и удовлетворилъ его инымъ способомъ. Онъ очистилъ Ассирію и Месопотамію, добровольно возвратилъ эти провинціи ихъ прежнему владѣтелю и отослалъ къ нему взятую въ плѣнъ его дочь; но прочное свидѣтельство одержанной побѣды—золотой ктезифонскій тронъ даже миролюбивый Пій отказался возвратить Парѳянамъ. И Адріанъ и Пій ревностно старались жить съ своимъ сосѣдомъ въ мирѣ и въ дружбѣ, а торговыя сношенія между римскимъ складочнымъ мѣстомъ на восточной границѣ Сиріи и торговыми городами на Евфратѣ, какъ кажется, никогда не были болѣе оживленны, чѣмъ въ эту эпоху.—Арменія также перестала считаться римской провинціей и сдѣлалась по прежнему подвластнымъ Риму вассальнымъ государствомъ подъ управленіемъ побочной линіи парѳянскаго царствующаго дома [2]). Подвласт-

---

[1]) Почти столько-же основательны слова Юліана [Caes. стр. 328], что онъ не вступалъ въ войну съ Парѳянами, пока они не нарушили справедливости, и почти такъ-же основателенъ сдѣланный Діономъ [68, 17] упрекъ, что Юліанъ предпринялъ войну изъ честолюбія.

[2]) Адріанъ никакъ не могъ снять съ Арменіи вассальную зависимость отъ Рима. Замѣчаніе его біографа [гл. 21]: Armaniis regem habere permisit, cum sub Traiano legatum habuissent доказываетъ противное; сверхъ того мы находимъ въ концѣ Адріанова царствованія въ арміи намѣстника Каппадокіи армянскій контингентъ [Arrian c. Alan. 29]. Пій

ными Римлянамъ остались также князья Албанцевъ и Иберовъ на Кавказѣ и многочисленные мелкіе владѣтели въ юговосточномъ уголкѣ Чернаго моря [1]). Римскіе гарнизоны стояли не только на берегахъ Апсара [2]) и на Фазисѣ, но при Коммодѣ,—какъ это дознано,—и въ самой Арменіи неподалеку отъ Артаксаты; въ военномъ отношеніи, всѣ эти страны принадлежали къ округу главнаго военнаго начальника Каппадокіи [3]). Между тѣмъ Римляне пользовались этой по самому своему существу очень неопредѣленной верховною властью, въ особенности при Адріанѣ [4]), такъ, что она казалась не столько

не только отклонилъ Пареянъ своими увѣщаніями отъ предположеннаго вторженія въ Арменію [Vita 9], но дѣйствительно отдалъ Арменію въ вассальное владѣніе [монеты 140—144 годовъ, Eckhel 7, стр. 15]. Иберія находилась при Піѣ въ вассальной зависимости отъ Рима, такъ какъ въ противномъ случаѣ Пареяне не могли бы обращаться въ Римъ съ жалобами на царя Иберіи [Діонъ 69, 15], а отсюда слѣдуетъ заключить, что и Арменія находилась въ такой-же вассальной зависимости. Имена царствовавшихъ въ это время армянскихъ царей намъ неизвѣстны. Если тѣ proximae gentes, владычество надъ которыми Адріанъ предоставилъ въ видѣ вознагражденія пареянскому князю, возведенному Траяномъ въ званіе пареянскаго царя [Vita, гл. 5], дѣйствительно были Армяне,—въ чемъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго,—то это можетъ служить новымъ доказательствомъ какъ прочной зависимости Арменіи отъ Рима, такъ и продолжительнаго тамъ владычества Арсакидовъ. И Αὐρήλιος Πάκορος βασιλεὺς μεγάλης Ἀρμενίας, воздвигнувшій въ Римѣ надгробный памятникъ своему умершему тамъ брату Аврелію Мериеату [C. I. Gr. 6559], принадлежалъ, судя по его имени, къ роду Арсакидовъ. Но едва-ли это былъ тотъ самый, который былъ возведенъ Вологазомъ IV въ званіе армянскаго царя и низложенъ Римлянами [стр. 396]; если бы этотъ послѣдній прибылъ плѣнникомъ въ Римъ, намъ это было-бы извѣстно, и онъ едва-ли могъ-бы назвать себя въ одной римской надписи царемъ Великой Арменіи.

[1]) Въ числѣ племенъ, князья которыхъ поступили въ вассальную зависимость отъ Траяна или отъ Адріана, Арріанъ [Peripl. гл. 15] называетъ Геніоховъ и Махелоновъ [сравн. Діона 68, 18. 71, 14], Лазовъ [сравн. Свиду подъ слов. Δομετιανός] которымъ и Пій далъ царя [Vita 9], Апсиловъ, Абазговъ, Санитовъ, [всѣ они жили внутри государственныхъ границъ, доходившихъ до Діоскуріи=Севастополя] и жившихъ позади ихъ въ области босфорскаго вассальнаго государства Циховъ или Цинховъ [тамъ-же, гл. 27].

[2]) Кромѣ Арріана [Peripl. гл. 7] это подтверждаетъ одинъ офицеръ временъ Адріана, praepositus numerorum tendentium in Ponto Absaro [CX, 1202].

[3]) Сравн. стр. 397 прим. 1. И тотъ отрядъ, вѣроятно состоявшій изъ 1000 человѣкъ [такъ какъ находился подъ начальствомъ трибуна], который стоялъ въ 185 г. гарнизономъ въ Валаршапатѣ [Эчміадзинѣ] неподалеку отъ Артаксаты, принадлежалъ къ одному изъ каппадокійскихъ легіоновъ [C. I. L. III, 6052].

[4]) На старанія Адріана жить въ дружбѣ съ восточными вассальными владѣтелями нерѣдко дѣлаются указанія; при этомъ дѣлаются намеки и на то, что

настоящимъ верховенствомъ, сколько покровительствомъ, и по меньшей мѣрѣ самые могущественные изъ тѣхъ князей въ сущности дѣйствовали и распоряжались по своему произволу. Уже ранѣе было упомянуто о томъ, что отраженіе дикихъ закавказскихъ племенъ было въ интересахъ обѣихъ сторонъ; это обнаружилось еще яснѣе прежняго въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь и, очевидно, служило связью между Римлянами и Пареянами. Въ концѣ Адріанова царствованія Аланы вторгнулись въ южныя области—какъ кажется по соглашенію съ тогдашнимъ царемъ Иберіи Фарасманомъ II, на которомъ болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, лежала обязанность не пропускать ихъ сквовь кавказскія ущелья,—и стали грабить не только владѣнія Албанцевъ и Армянъ, но также пареянскую провинцію Мидію и римскую провинцію Каппадокію: хотя дѣло и не дошло со стороны Римлянъ и Пареянъ до совокупныхъ военныхъ дѣйствій, но золото царствовавшаго въ ту пору въ Пареіи Вологаза III и мобилизированіе стоявшей въ Каппадокіи римской арміи [1]) побудили варваровъ возвратиться домой; такимъ образомъ интересы двухъ государствъ были въ этомъ случаѣ тождественны, а обвиненія, предъявленныя Пареянами въ Римѣ противъ Фарасмана Иберійскаго, доказываютъ, что двѣ великія державы дѣйствовали сообща [2]).

Пареянская война при Маркѣ и Верѣ.—Нарушителями status quo снова были Пареяне. Верховенство Римлянъ надъ Арменіей играло въ исторіи такую-же роль, какъ верховенство германской имперіи надъ Италіей; хотя оно и было безсодержательно, оно постоянно отзывалось насильственнымъ захватомъ и носило въ самомъ себѣ зачатки войны. Уже при Адріанѣ грозила опасность столкновенія; императору удалось сохранить миръ благодаря личному свиданію съ пареянскимъ царемъ. При Піѣ снова, по видимому, предстояло вторженіе Пареянъ въ Арменію; его ревностныя старанія отговорить отъ нашествія сначала имѣли успѣхъ. Но даже этотъ самый миролюбивый изъ всѣхъ императоровъ, которому было болѣе пріятно сохранить жизнь одного подданнаго, чѣмъ убить тысячу враговъ, былъ

онъ старался угождать имъ болѣе, нежели сколько слѣдовало [Vita гл. 13, 17. 21]. Фарасманъ Иберійскій не пріѣхалъ по его приглашенію въ Римъ, но принялъ такое-же приглашеніе отъ Пія [Vita Hadr. 13. 21; Vita Pii 9; Діонъ 69. 15, 2.

[1]) Замѣчательное донесеніе бывшаго при Адріанѣ намѣстникомъ Каппадокіи, Флавія Арріана касательно мобилизированія каппадокійской арміи противъ „Скиѳовъ" дошло до насъ въ числѣ его мелкихъ сочиненій; онъ самъ былъ на Кавказѣ и осматривалъ тамошнія ущелья [Lydus de mag. 3, 53].

[2]) Это доказываютъ обрывки Діонова разсказа у Ксифилина, Зонары и въ Excerpten; Зонара удержалъ правильное чтеніе 'Αλανοί вмѣсто 'Αλβανοί; что Аланы грабили также въ владѣніяхъ Албанцевъ, видно изъ Exc. Ursin. LXXII.

вынужденъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, готовиться къ оборонѣ и усилить восточныя арміи. Едва успѣлъ онъ закрыть глаза (161 г.), какъ разразилась давно угрожавшая буря. По приказанію царя Вологаза IV, персидскій военачальникъ Хосрой [1]) вступилъ въ Арменію и возвелъ на престолъ принца изъ рода Арсакидовъ, Пакора. Намѣстникъ Каппадокіи Северіанъ сдѣлалъ то, чего требовалъ долгъ, и перевелъ римскія войска черезъ Евфратъ. Подлѣ Элегейи,—именно на томъ мѣстѣ, гдѣ при предшествовавшемъ поколѣніи тщетно унижался передъ Траяномъ возведенный также Парѳянами на армянскій престолъ царь Парѳомазирисъ,—сошлись двѣ арміи; римская армія не только была разбита, но въ теченіе трехъдневной борьбы совершенно уничтожена; злосчастный главнокомандующій, какъ нѣкогда Варъ, самъ лишилъ себя жизни. Побѣдоносныя арміи восточнаго царя не удовольствовались занятіемъ Арменіи; онѣ перешли черезъ Евфратъ и вторгнулись въ Сирію; стоявшая тамъ римская армія также была разбита и пришлось опасаться за вѣрность Сирійцевъ. Для римскаго правительства не представлялось никакого другаго исхода, кромѣ продолженія войны. Такъ какъ восточныя войска и въ этомъ случаѣ доказали свою негодность и сверхъ того были ослаблены и деморализованы понесеннымъ пораженіемъ, то на востокъ были отправлены свѣжіе легіоны съ запада, и даже съ береговъ Рейна, а въ самой Италіи было сдѣлано распоряженіе о наборѣ рекрутъ. Одинъ изъ двухъ незадолго передъ тѣмъ достигшихъ верховной власти императоровъ, Луцій Веръ самъ отправился на востокъ (162 г.), чтобъ принять главное начальство надъ арміей; а такъ какъ оказалось, что ни въ военномъ отношеніи ни въ томъ, что касалось вѣрности своему долгу, онъ не былъ способенъ исполнить возложенную на него задачу, и что изъ всѣхъ его подвиговъ на востокѣ можно было упомянуть только о его свадьбѣ съ племянницей и объ энтузіазмѣ, съ которымъ онъ присутствовалъ на театральныхъ представленіяхъ и который сдѣлался предметомъ насмѣшекъ даже со стороны Антіохійцевъ,—то за защиту римскихъ интересовъ взялись люди болѣе способные, чѣмъ носитель императорской короны, а именно лучшіе полководцы того времени, намѣстники Каппадокіи, сначала Статій Прискъ, а потомъ Марцій Веръ и намѣстникъ Сиріи Авидій Кассій [2]). Прежде чѣмъ сошлись обѣ арміи,

---

[1]) Такъ называется онъ у Лукіана [Hist. Conscr. 21]; когда этотъ писатель называетъ его [Alex. 27] Оѳріадомъ, то въ этомъ случаѣ онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія отъ такого историка, который былъ одного поšиба съ тѣми, которыхъ онъ осмѣивалъ въ выше названномъ сочиненіи; другой историкъ, принадлежавшій къ числу этихъ послѣднихъ, даетъ тому же военачальнику эллинское имя Оксироя [Hist. Conscr. гл. 18].

[2]) Когда вспыхнула война, Сиріей управляли: Л. Аттидій Корнеліанъ [C. I. Gr. 4661 съ 160 года; Vita Marci 8; C. I. L. III, 129 съ 162 г.] послѣ

Римляне снова предлагали миръ; Маркъ охотно избѣжалъ-бы трудной войны. Но Вологазъ сурово отвергнулъ справедливыя мирныя предложенія, а на этотъ разъ самый миролюбивый изъ двухъ сосѣдей оказался самымъ сильнымъ. Арменія была быстро снова завоевана; еще въ 163 году Прискъ овладѣлъ столицей Артаксатой и разрушилъ ее. Неподалеку оттуда Римляне построили и заняли сильнымъ гарнизономъ новую столицу Каинеполь, по армянски Нор-Халахъ или Валаршапатъ (Эчмядзинъ [1]). Въ слѣдующемъ году былъ назначенъ на мѣсто Пакора царемъ Великой Арменіи Согемъ,—по происхожденію также Арсакидъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ римскій подданный и римскій сенаторъ [2]). Такимъ образомъ, въ легальномъ по-

---

него Юлій Веръ [C. I. L. III, 199, вѣроятно съ 163 г.], потомъ Авидій Кассій, вѣроятно съ 164 г. Если остальныя восточныя провинціи и были подчинены Кассію [Philostratus Vit. Soph. 1, 13; Діонъ 71, 3], подобно тому, какъ онѣ были подчинены Корбулону въ бытность его легатомъ Каппадокіи, то это могло случиться лишь послѣ удаленія императора Вера; это не могло случиться, пока Веръ былъ номинальнымъ главнокомандующимъ.

[1]) Въ отрывкѣ, вѣроятно принадлежащемъ Діону [у Свиды подъ слов. Μάρτιος], разсказывается, что Прискъ основалъ въ Арменіи Καινὴ πόλις и поставилъ тамъ римскій гарнизонъ, а его преемникъ Марцій Веръ усмирилъ вспыхнувшее тамъ народное возстаніе и объявилъ этотъ городъ главнымъ въ Арменіи. Это былъ Валаршапатъ [Οὐαλαρσαπάτ или Οὐαλεροκτίστη у Агаѳангела], бывшій съ тѣхъ поръ столицей Арменіи. Кипертъ сообщилъ мнѣ, что слова Καινὴ πόλις уже Штильтингомъ были признаны за переводъ армянскаго названія Нор-Халахъ; это второе названіе Валаршапатъ постоянно носитъ рядомъ съ обыкновеннымъ названіемъ у армянскихъ писателей пятаго столѣтія. Моисей Хоренскій говоритъ, со словъ Бардесана, что этотъ городъ возникъ изъ іудейской колоніи, основанной тамъ при царѣ Тигранѣ VI, царствовавшемъ, по его словамъ, 150—[illegible] г; обнесеніе города стѣнами и его названіе Моисей приписываетъ сыну этого Тиграна, Валарху II, царствовавшему 188—208 г. Что въ этомъ городѣ стоялъ въ 185 г. сильный римскій гарнизонъ, видно изъ надписи C. I. L. III, 6052.

[2]) Что Согемъ былъ Ахеменидъ и Арсакидъ [или выдавалъ себя за такого] и былъ сынъ царя и царь, равно какъ римскій сенаторъ и консулъ, прежде чѣмъ сдѣлался царемъ Великой Арменіи,—это говоритъ его современникъ Ямблихъ [гл. 10, въ извлеченіи у Фотія]. Онъ, по всему вѣроятію, принадлежалъ къ роду правителей Эмезы [Іосифъ, 20, 8, 4 и въ друг. м.]. Если Ямблихъ Вавилонянинъ писалъ „въ его царствованіе", то эти слова можно понимать только въ томъ смыслѣ, что онъ писалъ свой романъ въ Артаксатѣ. Что Согемъ владычествовалъ надъ Арменіей передъ Пакоромъ, нигдѣ не сказано и не правдоподобно, такъ какъ ни слова Фронтона [стр. 127 Naber] quod Sohaemo potius quam Vologaeso regnum Armeniae dedisset aut quod Pacorum regno privasset, ни то, что сказано въ отрывкѣ изъ Діона [?] 71, 1: Μάρτιος Οὔηρος τὸν Θουκυδίδην ἐκπέμπει καταγαγεῖν Σόαιμον ἐς Ἀρμενίαν не указываютъ на вторичное возведеніе на престолъ, а монеты съ словами rex Armeniis datus [Eckhel 7. 91; сравн. Vita Veri 7, 8]

ложеніи Арменіи не произошло никакой перемѣны, но узы, связывавшія ее съ Римомъ, были крѣпче затянуты.—Труднѣе была борьба въ Сиріи и въ Месопотаміи. Парояне упорно защищали линію Евфрата; послѣ горячаго боя на правомъ берегу Евфрата подлѣ Суры, Римляне взяли приступомъ крѣпость Никефорій (Ragga) на лѣвомъ берегу рѣки. Еще болѣе упорной была борьба изъ-за перехода черезъ рѣку подлѣ Зевгмы; но и въ этомъ случаѣ побѣда осталась за Римлянами послѣ рѣшительной битвы при Европѣ (Джерабъ къ югу отъ Биреджика). Тогда они сами вторгнулись въ Месопотамію. Эдесса подверглась осадѣ, а находившаяся неподалеку оттуда Давсара была взята приступомъ; Римляне появились передъ Низибомъ; пароянскій главнокомандующій спасся отъ нихъ благодаря тому, что переплылъ Тигръ. Римляне нашли возможнымъ двинуться изъ Месопотаміи на Вавилонъ. Нѣкоторые изъ сатраповъ покинули знамена разбитаго великаго царя; великая столица Эллиновъ на Евфратѣ — Селевкія добровольно растворила передъ Римлянами свои ворота, но впослѣдствіи, когда на ея жителей было взведено основательное или ложное обвиненіе въ томъ, что они дѣйствовали заодно съ непріятелемъ, она была сожжена Римлянами. И пароянская столица Ктезифонъ была взята и разрушена; въ началѣ 165 года сенатъ имѣлъ полное основаніе поздравить обоихъ императоровъ съ полной побѣдой надъ Пароянами. Во время кампаніи того-же года, Кассій даже проникъ въ Мидію, но появившаяся въ той странѣ моровая язва произвела большія опустошенія въ рядахъ арміи, принудила ее къ отступленію и, быть можетъ, ускорила заключеніе мира. Плодомъ войны было пріобрѣтеніе западной части Месопотаміи; цари Эдессы и Осроэны подчинились вассальной зависимости отъ Рима, а городъ Карры, уже изстари пропитавшійся греческимъ духомъ, сдѣлался вольнымъ городомъ подъ покровительствомъ Рима [1]) По своему объему и въ особенности въ виду полнаго военнаго успѣха, территоріальныя пріобрѣтенія были не велики; но они были важны тѣмъ, что благодаря имъ Римляне становились твердой ногой на лѣвомъ берегу Евфрата. Остальныя области, занятыя Римлянами, были возвращены обратно и status quo было возстановлено. Отсюда видно, что римское правительство снова отказалось тогда отъ осторожной политики, завѣщанной Адріаномъ, и вступило на стезю, проложенную Траяномъ. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что правленію Марка, конечно, нельзя сдѣлать упрека въ честолюбіи и въ

вовсе не допускаютъ такого факта. Кто былъ предмѣстникомъ Пакора, намъ неизвѣстно; мы также не знаемъ, былъ-ли престолъ вакантнымъ или былъ кѣмъ либо занятъ въ то время, какъ онъ принялъ званіе царя.

[1]) Это доказываютъ месопотамскія монеты и царскія и городскія. Мы не находимъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ заключались мирныя условія.

стремленіи къ расширенію владычества; все, что оно сдѣлало, было сдѣлано изъ крайней необходимости и въ умѣренныхъ предѣлахъ.

Войны съ Пареянами при Северѣ.—По тому-же пути шолъ и далѣе и рѣшительнѣе императоръ Северъ. Въ 193 году, когда въ римской имперіи было три императора, дѣло дошло до войны между легіонами западными и легіонами восточными, и эти послѣдніе были побѣждены вмѣстѣ съ Песценніемъ Нигеромъ. Подвластные Риму восточные цари и даже повелитель Пареянъ, сынъ Санатрукія Вологазъ V, понятно, признали Нигера императоромъ и даже предоставили свои войска въ его распоряженіе; этотъ послѣдній сначала съ благодарностью отклонилъ ихъ предложенія, а потомъ, когда его дѣла приняли дурной оборотъ, самъ обратился къ нимъ за помощью. Другіе вассальные владѣтели и главнымъ образомъ царь Арменіи, держались съ осторожностью въ сторонѣ; только царь Эдесскій Авгарь прислалъ просимыя подкрѣпленія. Пареяне обѣщали помощь, и она пришла по меньшей мѣрѣ изъ ближайшихъ областей, отъ владѣвшаго Гатрой въ месопотамской степи царя Барсемія и съ той стороны Тигра отъ сатрапа Адіабены. Эти иноземцы не только остались въ римской Месопотаміи и послѣ смерти Нигера (194 г.), но даже потребовали, чтобъ оттуда были выведены римскіе гарнизоны и чтобъ эта страна была отдана имъ обратно [1]). Тогда Северъ вступилъ въ Месопотамію и завладѣлъ всей этой обширной и важной страной. Изъ Низиба была предпринята экспедиція противъ арабскаго владѣтеля Гатры, однако Римлянамъ не удалось завладѣть этимъ хорошо укрѣпленнымъ городомъ; и на той сторонѣ Тигра, генералы

[1]) Въ началѣ ursinischen Excerpts [Діонъ 75, 1, 2] вкралась неточность. Οἱ Ὀρροηνοί,—говорится тамъ,—καὶ οἱ Ἀδιαβηνοὶ ἀποστάντες καὶ Νίσιβιν πολιορκοῦντες καὶ ἡττηθέντες ὑπὸ Σεουήρου ἐπρεσβεύσαντο πρὸς αὐτὸν μετὰ τὸν τοῦ Νίγρου θάνατον. Осроэна принадлежала тогда Римлянамъ, а Адіабена Пареянамъ; отъ кого-же отпали эти двѣ области? и чью сторону приняли жители Низиба? Что ихъ противники были разбиты Северомъ до отправки посольства, противорѣчитъ дальнѣйшему содержанію разсказа, такъ какъ Северъ объявляетъ имъ войну оттого, что ихъ послы сдѣлали ему неудовлетворительныя предложенія. По всему вѣроятію, поддержка, оказанная Нигеру пареянскими подданными и ихъ сообщничество съ римскими приверженцами Нигера считаются за отпаденіе отъ Севера; на то, что впослѣдствіи они утверждали, будто намѣревались, напротивъ того, поддерживать Севера, указывается ясно, какъ на отговорку. Жители Низиба могли отказаться отъ участія въ этомъ и вслѣдствіе того на нихъ могли напасть приверженцы Нигера. Такимъ образомъ выясняется то, на что наводитъ и выписка изъ Ксифилина [Діонъ, 75, 2],—что лѣвый берегъ Евфрата былъ для Севера непріятельской страной, но не Низибъ; изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобъ этотъ городъ находился тогда во власти Римлянъ; напротивъ того, онъ, по всѣмъ признакамъ, былъ подчиненъ Римлянамъ впервые Северомъ.

Севера не достигли никаких значительныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ сатрапомъ Адіабены [1]).

Провинція Месопотамія.—Но Месопотамія, то-есть вся территорія между Евфратомъ и Тигромъ до самой Хаборы, была обращена въ римскую провинцію и тамъ были поставлены два легіона, вновь организованные по случаю этого расширенія владѣній. Эдесское царство сохранило свое существованіе въ качествѣ подвластнаго Римлянамъ вассальнаго владѣнія, но уже оно не было съ тѣхъ поръ пограничной территоріей, а было со всѣхъ сторонъ окружено непосредственными римскими владѣніями. Столицей новой провинціи и мѣстопребываніемъ намѣстника сдѣлался большой и хорошо укрѣпленный городъ Низибъ, который съ тѣхъ поръ назывался именемъ императора и получилъ римское колоніальное устройство. Послѣ того, какъ отъ парѳянскаго государства была такимъ образомъ оторвана важная часть его территоріи и послѣ того, какъ противъ двухъ подчиненныхъ ему сатраповъ было употреблено въ дѣло оружіе, великій царь двинулся съ своими войсками на встрѣчу къ Римлянамъ. Северъ вступилъ въ мирное съ нимъ соглашеніе и уступилъ ему, въ замѣнъ Месопотаміи, часть Арменіи. Однако этимъ способомъ война была отложена только на время. Лишь только Северъ отправился на западъ, куда его призывали недоразумѣнія, возникшія между нимъ и владычествовавшимъ въ Галліи его соправителемъ, Парѳяне нарушили мирныя условія [2]) и вступили въ Месопотамію; царь Осроэны былъ прогнанъ, страна была занята Парѳянами, а намѣстникъ Летъ,—одинъ изъ лучшихъ полководцевъ того времени,—былъ осажденъ въ Низибѣ. Его положеніе было крайне опаснымъ, когда одолѣвшій Албина Северъ снова прибылъ въ 198 г. на востокъ. Тогда военное счастіе перешло на противную сторону. Парѳяне стали отступать, а Северъ сталъ дѣйствовать наступательно. Онъ вступилъ въ Вавилонію и завладѣлъ Селевкіей и Ктезифономъ; парѳянскій царь спасся бѣгствомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ; царская казна сдѣлалась добычей побѣдителя, парѳянская сто-

---

[1]) Такъ какъ войны съ Арабами и съ Адіабенцами въ сущности велись противъ Парѳянъ, то было весьма естественно, что императору были даны за эти войны титулы Parthicus Arabicus и Parthicus Adiabenicus; они и встрѣчаются въ этомъ видѣ, но Parthicus обыкновенно опускается, очевидно, потому,—какъ говоритъ біографъ Севера [гл. 9],—что императоръ excusavit Parthicum nomen, ne Parthos lacesseret. Съ этимъ согласуется и безспорно относящееся къ 195 г. сообщеніе Діона [75, 9, 6], что съ Парѳянами состоялось мирное соглашеніе и что имъ была уступлена часть Арменіи.

[2]) Что подъ ихъ власть подпала и Арменія, говоритъ Геродіанъ [5, 9, 2]; его разсказъ, безъ сомнѣнія, и не вѣренъ и не удовлетворителенъ.

лица была отдана римскимъ солдатамъ на разграбленіе и болѣе 100,000 плѣнниковъ были отведены на римскій рынокъ для продажи въ рабство. Конечно, лучше Парѳянъ оборонялись Арабы въ Гатрѣ: Северъ два раза съ большими усиліями осаждалъ эту степную крѣпость, но не могъ ее взять. Тѣмъ не менѣе успѣхъ обѣихъ кампаній 198 и 199 г. былъ, въ сущности, полный. Вслѣдствіе организованія провинціи Месопотаміи и учрежденія тамъ обширнаго военнаго округа, Арменія уже не занимала прежняго промежуточнаго положенія между двумя великими государствами; ее уже можно было оставить при прежнихъ порядкахъ и не включать формально въ составъ имперіи. Ей дозволено было имѣть собственную армію, для содержанія которой римское правительство впослѣдствіи даже выдавало прибавочныя суммы изъ государственной казны [1]).

Перемѣны въ системѣ управленія и на западѣ и на востокѣ.— Дальнѣйшія перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ между двумя сосѣдями обусловливались перемѣнами, происшедшими во внутреннемъ положеніи обоихъ государствъ. Если подъ династіей Нервы и при Северѣ сравнительно прочная римская монархія была болѣе могущественна, нежели парѳянское государство, нерѣдко дѣлавшееся жертвою междоусобицъ и борьбы изъ-за верховной власти, то послѣ смерти Севера все измѣнилось и въ теченіе почти цѣлаго столѣтія западная имперія находилась въ рукахъ большею частію жалкихъ и эфемерныхъ правителей, которые во внѣшнихъ дѣлахъ постоянно обнаруживали то высокомѣріе, то безсиліе. Но съ упадкомъ запада возвышался востокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Севера (211 г.) въ Иранѣ совершился переворотъ, который не только низвергнулъ,—какъ это часто случалось при прежнихъ кризисахъ,—царствовавшаго властителя, не только призвалъ къ управленію другую династію въ замѣнъ утратившихъ свой престижъ Арсакидовъ, но вызвалъ мощный взрывъ національныхъ и религіозныхъ страстей и замѣнилъ пропитанную эллинизмомъ цивилизацію парѳянскаго цар-

---

1) Когда прежнія отношенія между Римомъ и Арменіей были возстановлены при заключеніи мира въ 218 г., царь Арменіи выразилъ надежду, что ему будетъ возобновлена ежегодная уплата римской субсидіи [Діонъ 78, 27: τοῦ Τιριδάτου τὸ χρυσίον ὃ κατ' ἔτος παρὰ τῶν Ῥωμαίων εὑρίσκετο ἐλπίσαντος λήψεσθαι.] Нельзя допустить, чтобъ во времена Севера и до него Римляне выплачивали Армянамъ настоящую дань, и это было бы совершенно несогласно съ тѣмъ, что́ говоритъ Діонъ: дѣло было улажено такъ, какъ сказано выше. Въ 4 и 5 столѣтіяхъ, на содержаніе Бирапарахскаго за́мка, замыкавшаго входъ въ Даріальское ущелье, на Кавказѣ, Персы, разыгрывавшіе тамъ со времени мирнаго договора 364 роль хозяевъ, получали денежныя суммы изъ Рима, — а это также считалось за уплату дани. [Lydus de mag. 3, 52. 53; Priscus fr. 31 Müll.]

ства государственнымъ строемъ, вѣрой, нравами и князьями той страны, которая создала древнее персидское царство и со времени его перехода къ парѳянской династіи хранила у себя какъ гробницы Дарія и Ксеркса, такъ и зародыши народнаго возрожденія. Низпровергнутое Александромъ великое персидское царство было тогда возстановлено путемъ возведенія на престолъ династіи Сассанидовъ. Остановимъ наше вниманіе на этомъ переворотѣ, прежде чѣмъ описывать дальнѣйшія перемѣны, которыя произошли на востокѣ во взаимныхъ отношеніяхъ между Римлянами и Парѳянами.

Сассаниды.—Уже было ранѣе замѣчено, что хотя парѳянская династія въ сущности и оберегла Иранъ отъ эллинизма, она все-таки была въ глазахъ Иранцевъ, такъ-сказать, незаконной. Артахшатръ или, по ново-персидски, Ардаширъ, выступилъ,—какъ гласитъ офиціальная исторіографія Сассанидовъ,—съ цѣлію отомстить за умерщвленіе Александромъ Дары и возвратить верховную власть законному дому въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при его предкахъ до того времени, какъ они сдѣлались подначальными царями. Въ этой легендѣ кроется не малая доля правды. Династія, которая ведетъ свое названіе отъ Ардаширова дѣда Сассана, есть та самая, которая царствовала въ персидской области; отецъ Ардашира Папакъ или Пабекъ [1]) и длинный рядъ его предковъ держали въ своихъ рукахъ, подъ верховенствомъ Арсакидовъ, скипетръ этой страны, искони принадлежавшій Иранцамъ [2]); они жили въ Истахрѣ, неподалеку отъ древняго Персеполя; на своихъ монетахъ они ставили иранскія надписи и священныя эмблемы персидской національной религіи, между тѣмъ какъ верховные цари жили въ полугреческой пограничной странѣ, а свои монеты чеканили съ греческими надписями и по греческому образцу. Основное правило иранскаго государственнаго устройства,—что надъ мѣстными царями долженъ стоять верховный царь,—было при обѣихъ династіяхъ такъ-же неизмѣнно, какъ и въ германской имперіи при императорахъ саксонскихъ и швабскихъ. Въ выше упомянутомъ офиціальномъ историческомъ изложеніи, эпоха Арсакидовъ называется эпохой мѣстныхъ царей, а Ардаширъ первымъ послѣ послѣдняго Дарія общимъ главою всего Ирана, потому что въ древнемъ пер-

1) Въ надписи, приведенной на 404 стр. прим. Артаксерксъ называетъ своего отца Папакомъ; мы не знаемъ, какъ съ этимъ согласовать не только то, что мѣстная легенда [у Агаѳія 2, 27] называетъ Пабека башмачникомъ, но и то, что современникъ Діонъ [если дѣйствительно отъ него заимствовалъ эти слова Зонара 12, 15] называетъ Артаксеркса εξ ἀφανῶν καὶ ἀδόξων. Римскіе писатели, натурально, принимаютъ сторону слабаго законнаго царя изъ рода Арсакидовъ противъ опаснаго узурпатора.

2) Страбонъ [при Тиверіѣ] 15, 3, 24: νῦν δ' ἤδη καθ' αὑτοὺς συνεστῶτες οἱ Πέρσαι βασιλέας ἔχουσιν ὑπηκόους ἑτέροις βασιλεῦσι, πρότερον μὲν Μακεδόσι, νῦν δὲ Παρθυαίοις.

сидскомъ царствѣ персидская страна занимала по отношенію и къ другимъ странамъ и къ Пареянамъ такое-же положеніе, какое занимала въ римскомъ государствѣ Италія по отношенію къ провинціямъ; поэтому Персъ сталъ оспаривать у Пареянина принадлежавшее его отечеству законное право быть верховнымъ царствомъ [1]).

Объемъ царства Сассанидовъ.—На вопросъ, какъ великъ былъ объемъ царства Сассанидовъ въ сравненіи съ объемомъ царства Арсакидовъ, мы не находимъ удовлетворительнаго отвѣта въ дошедшихъ до насъ историческихъ свѣдѣніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ новая династія прочно утвердилась на престолѣ, ей были покорны всѣ западныя провинціи, а требованія, которыя она предъявляла Римлянамъ,—какъ далѣе увидимъ,—далеко превосходили притязанія Арсакидовъ. Но намъ совершенно неизвѣстно, какъ далеко простиралось владычество Сассанидовъ на востокъ и когда оно достигло береговъ Окса, который впослѣдствіи считался законной границей между Ираномъ и Тураномъ [2]).

---

[1]) Nöldeke говоритъ [Tabarî, стр. 449]: „Главныя владѣнія монархіи были прямо подчинены коронѣ,—въ чемъ и заключается главное различіе между государствомъ Сассанидовъ и государствомъ Арсакидовъ, которое имѣло въ самыхъ разнородныхъ провинціяхъ настоящихъ царей“; отсюда видно, что власть верховнаго царя, безъ сомнѣнія, обусловливалась его личностью и при первыхъ Сассанидахъ была гораздо болѣе велика, нежели при послѣднихъ, утратившихъ всякое вліяніе Арсакидахъ. Но здѣсь нельзя усматривать противоположности принциповъ. Со временъ настоящаго основателя династіи Митридата I, цари изъ рода Арсакидовъ называли себя, точно такъ-же какъ впослѣдствіи и Сассаниды, „царями царей“, между тѣмъ какъ этого титула никогда не носили ни Александръ Великій ни Селевкиды. И подъ ихъ верховенствомъ управляли нѣкоторые вассальные цари, какъ напримѣръ въ Персіи [стр. 402, прим. 2]; но въ ту пору отдача царствъ въ вассальное владѣніе не была общеустановленной формой государственнаго управленія, и греческіе властители не принимали соотвѣтствующаго такой формѣ титула, точно такъ какъ Цезари не принимали титула верховныхъ царей ради Каппадокіи или Нумидіи. Сатрапы въ государствѣ Арсакидовъ въ сущности были тѣмъ-же, чѣмъ были Марцбаны при Сассанидахъ. Скорѣе можно предполагать, что въ государствѣ Арсакидовъ не было тѣхъ высшихъ государственныхъ должностей, которыя въ государственномъ устройствѣ Сассанидовъ соотвѣтствовали высшимъ должностямъ, введеннымъ Діоклетіаномъ и Константиномъ и, по всему вѣроятію, послужили для нихъ образцомъ; въ такомъ случаѣ между этими двумя системами управленія было-бы такое-же соотношеніе, какъ между государственнымъ устройствомъ при Августѣ и государственнымъ устройствомъ при Константинѣ. Но мы не можемъ положительно этого утверждать, такъ какъ внутреннее устройство государства Арсакидовъ намъ слишкомъ мало извѣстно.

[2]) Въ замѣткахъ о Персіи, сохранившихся въ арабской хроникѣ Табари и относящихся къ послѣднимъ временамъ Сассанидовъ, говорится, что Ардаширъ,

Государство Сассанидовъ.—Система упраленія Ирана не подверглась существеннымъ измѣненіямъ со вступленіемъ на престолъ новой династіи. Офиціальный титулъ перваго царя изъ рода Сассанидовъ, приведенный одинаково на трехъ языкахъ подъ рельефомъ на утесѣ въ Накши-Рустамѣ: «слуга Мазды богъ Артаксерскъ, царь царей Аріанъ, божескаго происхожденія» [1])—въ сущности тотъ-же, какой носили Арсакиды, только съ той разницей, что здѣсь названа иранская нація, точно такъ-же какъ и въ древнемъ туземномъ царскомъ титулѣ, и названъ туземный богъ. То было дѣломъ и торжествомъ національной реакціи, что туземная персидская династія замѣнила династію иноплеменную и лишь національзированную; но для истекавшихъ отсюда послѣдствій сила обстоятельствъ многократно ставила непреодолимыя преграды. Персеполь или, какъ онъ тогда сталъ называться, Истахръ снова сдѣлался номинальной столицей царства, а замѣчательная рѣзьба и еще болѣе замѣчательныя только-что упомянутыя надписи на утесѣ превозносятъ наряду съ именемъ Дарія славу Ардашира и Шапура; но управленіе было неудобно изъ этой отдаленной мѣстности и его средоточіемъ по прежнему остался Ктесифонъ. Ново-персидское прагительство не предоставило Персамъ того законнаго первенства, которымъ они пользовались при Ахеменидахъ; между тѣмъ какъ Дарій называлъ себя «Персомъ, сыномъ Перса, Аріаниномъ изъ аріанскаго племени», Ардаширъ, какъ мы видѣли,

---

собственноручно отрубивши голову Ардавану и припявши титулъ Шаханъ-Шахапаря царей, завоевалъ сначала Гамаданъ [Экбатану] въ Великой Мидіи, потомъ Адарбеджанъ [Атропатену], Арменію, Мозулъ [Адіабену], далѣе Суристанъ или Савадъ [Вавилонію]. Оттуда онъ возвратился на свою персидскую родину въ Истахръ и, снова выступивъ въ походъ, завоевалъ Сагистанъ, Гурганъ [Гирканію]. Абрашаръ [Нисапуръ въ странѣ Пароянъ], Мервъ [Маргіану], Балхъ [Бактру] и Харизмъ [Хиву] вплоть до крайнихъ границъ Хорасана. „Послѣ того, какъ онъ перебилъ много людей и отослалъ ихъ головы въ храмъ огнепоклонниковъ, въ Анахедъ [въ Истахръ], онъ возвратился изъ Мерва въ Парсъ и поселился въ Горѣ [Ферузабадѣ]". Какъ много въ этомъ разсказѣ легендарнаго содержанія, мы не въ состояніи рѣшить [сравн. Nölpeke Tabari стр. 17. 116].

[1]) По гречески [C. 1. Gr. 4675] этотъ титулъ гласитъ: Μάσδασνος [слуга—Мазды употребляется здѣсь, какъ собственное имя] θεὸς Ἀρταξάρης βασιλεὺς βασιλέων Ἀριανῶν ἐκ γένους θεῶν; съ этимъ схожъ и титулъ его сына Сапора I [тамъ-же 4676], только послѣ слова Ἀριανῶν вставлено καὶ Ἀναριανῶν; этимъ указывалось на распространеніе владычества внѣ предѣловъ государства. Въ титулѣ Арсакидовъ, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ надписей на греческихъ и персидскихъ монетахъ, также встрѣчаются слова θεός, βασιλεύς, βασιλέων, θεοπάτωρ [=ἐκ γένους θεῶν], но нѣтъ названія Аріанъ, и—что особенно замѣчательно—нѣтъ слуги— Мазды; наряду съ этимъ появляется много другихъ титуловъ, заимствованныхъ отъ сирійскихъ царей, какъ-то ἐπιφανης, δίκαιος, νικάτωρ и римскій титулъ αὐτοκράτωρ.

называлъ себя просто царемъ Аріанъ. Намъ неизвѣстно, были-ли вновь внесены персидскіе элементы помимо царскаго рода и въ среду знатныхъ родовъ; во всякомъ случаѣ, остались многіе изъ прежнихъ знатныхъ родовъ, какъ напримѣръ Сурены и Карены; только при Ахеменидахъ, а не при Сассанидахъ они были исключительно персидскаго происхожденія.

Церковь и духовенство при Сассанидахъ.—И въ религіозномъ отношеніи не произошло существенной перемѣны, но религія и духовенство пріобрѣли подъ владычествомъ персидскихъ верховныхъ царей такое вліяніе и такую власть, какихъ никогда не имѣли подъ владычествомъ царей пароянскихъ. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что борьба съ одной стороны съ восточнымъ Буддизмомъ. а съ другой стороны съ западною іудейско-христіанскою религіей заставила древнюю религію Мазды преобразоваться. Основатель новой династіи Ардаширъ былъ,—какъ разсказываютъ и какъ кажется вѣроятнымъ,—ревностный огнепоклонникъ и самъ былъ посвященъ въ жреческое званіе; поэтому,—какъ разсказываютъ далѣе,—съ тѣхъ поръ сословіе маговъ сдѣлалось вліятельнымъ и высокомѣрнымъ, между тѣмъ какъ до того времени оно вовсе не пользовалось такимъ почетомъ и такой свободой, а въ глазахъ правителей даже не имѣло большаго значенія. «Съ той поры Персы «стали чтить всѣхъ жрецовъ и преклоняться передъ ними; совѣты «и предсказанія этихъ послѣднихъ стали служить руководствомъ въ «общественныхъ дѣлахъ; всякій договоръ, всякій споръ о правахъ «подлежалъ ихъ разсмотрѣнію и ихъ рѣшенію и для Персовъ ничто «не было справедливо и законно, если не было утверждено какимъ-«нибудь жрецомъ.» Сообразно съ этимъ мы находимъ такую организацію духовнаго управленія, которая напоминаетъ положеніе папы и епископовъ при императорѣ и князьяхъ. Каждый округъ подчиненъ оберъ-магу (Магупату, начальнику маговъ, на ново-персидскомъ языкѣ Мобеду), а всѣ оберъ-маги подчинены верховному оберъ-магу (Mobedhan-Mobedh)—подобію «царя царей», котораго онъ и коронуетъ. Скоро обнаружились и послѣдствія такого владычества жрецовъ: исполненіе однихъ и тѣхъ-же неизмѣнныхъ обрядовъ, стѣснительныя предписанія касательно того, что должно считаться преступнымъ и грѣховнымъ, знаніе, ограничивающееся пустыми изреченіями оракуловъ и искуствомъ волшебства—все это издревле составляло принадлежность огнепоклонничества, но, какъ кажется, только въ эту эпоху достигло своего полнаго развитія.

Мѣстныя нарѣчія при Сассанидахъ.—И въ употребленіи мѣстнаго языка и въ мѣстныхъ обычаяхъ видны слѣды національной реакціи. Самый большой греческій городъ въ пароянскомъ царствѣ—древняя

Селевкія, все еще существуетъ, но съ тѣхъ поръ называется не по имени греческаго маршала, а по имени своего новаго властителя Ардашира Бегомъ, то-есть лучшимъ. Греческій языкъ хотя до той поры и подвергался искаженіямъ и уже не былъ господствующимъ, но все еще былъ въ употребленіи, а съ вступленіемъ на престолъ новой династіи онъ мгновенно исчезаетъ съ монетъ и встрѣчается лишь въ надписяхъ при первыхъ Сассанидахъ рядомъ съ мѣстнымъ языкомъ и позади его. Пареянскій письменный языкъ, такъ-называемый Пехлевійскій, все еще употребляется, но на ряду съ нимъ появляется другой языкъ, мало отъ него отличающійся, и, какъ доказываютъ монеты, офиціальный,—по всему вѣроятію тотъ, который употреблялся до того времени въ персидской провинціи; вотъ почему самые древніе памятники Сассанидовъ, какъ и памятники Ахеменидовъ, трехъ-язычны, подобно тому какъ въ средневѣковой Германіи языки латинскій, саксонскій и франкскій употреблялись рядомъ одинъ съ другимъ. Послѣ царя Сапора I (†272) это многоязычіе исчезаетъ и остается въ письменномъ употребленіи только второй изъ этихъ языковъ, унаслѣдовавшій названіе Пехлевійскаго. Лѣтоисчисленіе Селевкидовъ и принадлежащія къ нему названія мѣсяцевъ исчезаютъ съ перемѣной династіи; ихъ замѣняютъ, согласно съ древнимъ персидскимъ обыкновеніемъ, годы царей и туземныя персидскія названія мѣсяцевъ [1]). Даже древняя персидская легенда переносится на новую Персію. Сохранившаяся до сихъ поръ «Исторія Ардашира, Папакова сына»,—въ которой разсказывается, какъ этотъ сынъ персидскаго пастуха попалъ къ мидійскому двору, какъ онъ исполнялъ тамъ холопскую службу и какъ потомъ сдѣлался освободителемъ своего народа,—есть ничто иное, какъ старая сказка о Кирѣ, въ которую вставлены другія имена. Въ другомъ сказочномъ произведеніи индійскихъ Парсовъ разсказывается, какъ царь Искандеръ Руми, то-есть «Александръ Римлянинъ» приказалъ сжечь священныя книги Заратустры и какъ содержаніе этихъ книгъ было возстановлено, со вступленіемъ на престолъ царя Ардашира, благочестивымъ Ардавирафомъ. Здѣсь Римлянинъ-Эллинъ противопоставленъ Персу; о побочномъ Арсакидѣ, преданіе,—какъ и слѣдовало,—позабыло.

Система управленія Сассанидовъ.—Все остальное въ сущности не измѣнилось. Такъ напримѣръ въ томъ, что касается военнаго устройства, и арміи Сассанидовъ, конечно, не были постоянными и не

---

[1]) Frawardin, Ardhbehescht и т. д. [Ideler Chronologie 2, 515]. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ провинціальномъ календарѣ римской провинціи Каппадокіи сохранились въ сущности такія-же названія мѣсяцевъ [Ideler 1, 443]; эти названія, вѣроятно, вошли тамъ въ употребленіе въ то время, когда Каппадокія была персидской сатрапіей.

состояли изъ хорошо обученныхъ солдатъ; онѣ составлялись путемъ призыва способныхъ носить оружіе людей и хотя національное движеніе, быть можетъ, вдохнуло въ нихъ новое мужество, но ихъ главная сила заключалась тогда, какъ и прежде, въ конницѣ, которую обязаны были доставлять представители знати. И администрація осталась такою-же, какой была прежде: способный правитель обходился съ неумолимою строгостью какъ съ тѣми, кто грабилъ на большихъ дорогахъ, такъ и съ должностными лицами, которыя совершали вымогательства,—такъ что, по сравненію съ позднѣйшимъ управленіемъ Арабовъ и Турокъ, подданные Сассанидовъ пользовались благосостояніемъ, а въ государственной казнѣ былъ избытокъ денежныхъ средствъ.

Новые Персы и Римляне.—Но особенно важно было то, что новое царство заняло иное положеніе по отношенію къ римской имперіи. Арсакиды никогда нечувствовали себя вполнѣ равными по происхожденію съ Цезарями. Хотя оба государства нерѣдко вели между собою войны и заключали мирные договоры въ качествѣ равноправныхъ державъ и хотя на всемъ римскомъ востокѣ господствовало убѣжденіе, что существуютъ только двѣ могущественныя имперіи (стр. 329), все-таки за римскимъ владычествомъ оставалось такое-же первенство, какое принадлежало въ теченіе многихъ столѣтій въ Германіи священной римской имперіи къ большому для нея вреду. Такія изъявленія покорности, съ какими пароянскіе верховные цари обращались къ Тиверію (стр. 368) и къ Нерону (стр. 375), не будучи къ тому вынуждены крайнею необходимостью, были совершенно немыслимы со стороны Римлянъ. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ чеканка золотой монеты. То не могло быть простою случайностью, что подъ управленіемъ Арсакидовъ никогда не было вычеканено ни одной золотой монеты и только при первомъ Сассанидѣ началась чеканка такой монеты, — а это было несомнѣннымъ признакомъ такой государственной власти, которая не была ограничена никакими вассальными обязанностями. Притязанію римскаго государства на исключительное право чеканить общеупотребительную монету Арсакиды всѣ безъ исключенія подчинялись по меньшей мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что сами вообще не чеканили монеты, а городамъ и сатрапамъ предоставляли чеканку монеты серебряной и мѣдной; но Сассаниды снова стали чеканить, подобно царю Дарію, золотыя монеты. Восточное верховное царство наконецъ предъявило всѣ свои права и міръ пересталъ принадлежать однимъ Римлянамъ. Прошло то время, когда восточные народы подчинялись, а западные господствовали. Сообразно съ этимъ, и прежнія постоянно склонявшіяся къ миру отношенія между Римлянами и Пароянами уступаютъ мѣсто ожесточенной враждѣ, не прекращавшейся при жизни многихъ поколѣній.

Война Севера Антонина съ Пареянами.—Послѣ того, какъ мы охарактеризовали новое государство, съ которымъ скоро пришлось бороться приходившему въ упадокъ Риму, мы можемъ продолжать нить разсказа. Хотя сынъ и преемникъ Севера, Антонинъ не былъ ни такимъ-же, какъ его отецъ, полководцемъ, ни такимъ-же государственнымъ человѣкомъ, а былъ и тѣмъ и другимъ въ карикатурѣ, однако онъ вознамѣрился подчинить Риму весь востокъ,—если только могутъ подобныя личности имѣть какія-либо намѣренія. Ему не стоило большаго труда объявить, что Осроэна и Арменія присоединены къ имперіи послѣ того, какъ вассальные владѣтели этихъ странъ были вызваны къ императорскому двору и задержаны въ плѣну. Но уже одно извѣстіе объ этомъ вызвало въ Арменіи возстаніе. Арсакидъ Тиридатъ былъ провозглашенъ царемъ и обратился къ Пареянамъ съ просьбой о защитѣ. Тогда Антонинъ сталъ во главѣ большихъ военныхъ силъ и появился въ 216 г. на востокѣ, чтобъ покорить Армянъ, а если окажется нужнымъ, и Пареянъ. Тиридатъ, считая свое дѣло проиграннымъ,—хотя посланный въ Арменію римскій отрядъ и послѣ того встрѣтилъ сильное сопротивленіе,—бѣжалъ къ Пареянамъ. Римляне потребовали выдачи бѣглеца. Пареяне не были расположены вовлекаться изъ-за него въ войну тѣмъ болѣе потому, что именно въ то время шла ожесточенная борьба изъ-за престолонаслѣдія между двумя сыновьями царя Вологаза V, Вологазомъ VI и Артабаномъ. Первый изъ нихъ подчинился повторенному повелительнымъ тономъ требованію Римлянъ и выдалъ имъ Тиридата. Тогда императоръ обратился къ достигшему тѣмъ временемъ верховной власти Артабану съ предложеніемъ жениться на его дочери, ясно высказавъ намѣреніе пріобрѣсть черезъ жену пареянское царство и соединить востокъ съ западомъ подъ одною верховною властію. Отказъ въ этомъ нелѣпомъ предложеніи [1]) послужилъ сигналомъ для войны; ее объявили Римляне, которые вслѣдъ за тѣмъ перешли черезъ Тигръ. Пареяне не были приготовлены къ оборонѣ, поэтому не встрѣчавшіе никакого сопротивленія Римляне стали жечь города и селенія Адіабены и своими нечестивыми руками разрушили даже старинныя царскія гробницы подлѣ Арбелъ [2]). Но Артабанъ дѣлалъ самыя напряженныя усилія, чтобъ приготовиться къ слѣдующей кампаніи и

---

[1]) Таковъ разсказъ достойнаго довѣрія Діона 78, 1; но ничѣмъ не удостовѣренъ разсказъ Геродіана [4, 11], будто Артабанъ согласился на бракъ дочери, а въ то время какъ праздновалась помолвка, Антонинъ приказалъ умертвить всѣхъ присутствовавшихъ на ней Пареянъ.

[2]) Если то, что говорится въ біографіи [гл. 6] о Кадузіяхъ, сколько-нибудь вѣрно, то слѣдуетъ полагать, что это дикое, неподчиненное римскому правительству племя, жившее на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря, напало на Пареянъ одновременно съ Римлянами по приглашенію этихъ послѣднихъ.

весной 217 года выступилъ во главѣ очень сильной арміи. Антоній провелъ зиму въ Эдессѣ, но лишь только тронулся съ мѣста, чтобъ начать эту вторую кампанію, какъ былъ убитъ своими офицерами. Его преемникъ Макринъ сознавалъ непрочность своей власти и не пользовался большимъ вліяніемъ; къ тому-же онъ стоялъ во главѣ арміи, въ которой не было ни дисциплины ни стойкости и которая была потрясена умерщвленіемъ императора; поэтому онъ желалъ избѣжать войны, которая была предпринята изъ прихоти и начинала принимать очень опасный оборотъ. Онъ возвратилъ парѳянскому царю плѣнниковъ и возложилъ на своего предмѣстника вину въ совершонныхъ злодѣяніяхъ. Но Артабанъ этимъ не удовлетворился; онъ потребовалъ вознагражденія за совершонныя Римлянами опустошенія и очищенія Месопотаміи. Такимъ образомъ дѣло дошло до битвы, которая кончилась не въ пользу Римлянъ. Тѣмъ не менѣе Парѳяне согласились (218) заключить миръ на условіяхъ сравнительно благопріятныхъ для Римлянъ, частію потому, что собранное ими ополченіе намѣревалось разойтись по домамъ, частію благодаря вліянію римскаго золота. Римъ выплатилъ значительное вознагражденіе за военныя издержки (50 милл. денарій), но удержалъ въ своей власти Месопотамію; Арменія осталась за Тиридатомъ, но онъ получилъ ее отъ Римлянъ въ качествѣ вассальнаго владѣнія. И Осроэна была снова отдана прежнему царствующему дому.

Царь Ардаширъ. — Это былъ послѣдній мирный договоръ, заключенный династіею Арсакидовъ съ Римомъ. Почти непосредственно вслѣдъ за нимъ и можетъ быть, вслѣдствіе того, что восточные народы усматривали въ немъ нежеланіе ихъ собственнаго правительства воспользоваться плодами одержанныхъ побѣдъ, началось то возстаніе, которое превратило парѳянское государство въ персидское. Руководитель этого возстанія, царь Ардаширъ или Артаксерксъ (224—241 г.) боролся въ теченіе многихъ лѣтъ съ приверженцами старой династіи, прежде нежели достигъ полнаго успѣха [1]); послѣ трехъ большихъ

---

[1]) Впослѣдствіи принятая хронологія относитъ начало династіи Сассанидовъ къ 538 году лѣтосчисленія Селевкидовъ = 1 окт. 226/7 г. послѣ Р. Хр. или къ четвертому [полному] году царствовавшаго съ весны 222 г. Севера Александра [Agathias 4, 24]. По другимъ указаніямъ времени, царь Ардаширъ считалъ съ осени 223/4 послѣ Р. Х. первый годъ своего царствованія и въ этомъ году принялъ титулъ верховнаго царя [Nöldeke Tabari, стр. 410]. Послѣдняя до сихъ поръ извѣстная и носящая на себѣ указаніе времени, монета болѣе старой системы принадлежитъ къ 539 г. Когда Діонъ писалъ между 230 и 234 годами, Артабана уже не было въ живыхъ, приверженцы его династіи уже были побѣждены и ожидалось вторженіе Артарксеркса въ Месопотамію и въ Сирію.

сраженій, въ послѣднемъ изъ которыхъ палъ царь Артабанъ, Артаксерксъ завладѣлъ собственно такъ-называемымъ пароянскимъ царствомъ и могъ вступить въ месопотамскую степь, чтобъ покорить Арабовъ Гатры, а оттуда двинуться въ римскую Месопотамію. Но храбрые и независимые Арабы съ успѣхомъ оборонялись внутри своихъ крѣпкихъ стѣнъ какъ ранѣе того противъ римскаго нашествія, такъ и теперь противъ Персовъ, и Артаксерксъ былъ вынужденъ предварительно напасть на Мидію и на Арменію, гдѣ еще держались Арсакиды и гдѣ нашли для себя убѣжище сыновья Артабана. Только въ 230 г. онъ направилъ свою дѣятельность противъ Римлянъ и не только объявилъ имъ войну, но потребовалъ возвращенія всѣхъ провинцій, когда-то принадлежавшихъ къ владѣніямъ его предшественниковъ Дарія и Ксеркса, то-есть потребовалъ уступки всей Азіи. Чтобъ придать вѣсъ своимъ грознымъ словамъ, онъ перевелъ черезъ Евфратъ сильную армію; Месопотамія была занята и Низибъ подвергся осадѣ; непріятельскіе всадники появились въ Каппадокіи и въ Сиріи. На римскій престолъ вступилъ въ ту пору Северъ Александръ, у котораго не было ничего воинственнаго кромѣ имени и вмѣсто котораго на самомъ дѣлѣ управляла имперіей его мать Маммея. Настоятельныя, почти унизительныя мирныя предложенія римскаго правительства не произвели никакого дѣйствія; не оставалось ничего другаго, какъ взяться за оружіе. Собранныя со всѣхъ концовъ имперіи массы римскихъ войскъ были раздѣлены на три части: лѣвое крыло направилось въ Арменію и въ Мидію, правое въ Мезину, къ тому мѣсту, гдѣ Евфратъ сливается съ Тигромъ, — быть можетъ въ томъ расчетѣ, что какъ тамъ, такъ и тутъ можно будетъ опереться на приверженцевъ Арсакидовъ; главныя силы направились въ Месопотамію. Римскія войска были довольно многочисленны, но въ нихъ не было ни дисциплины ни стойкости; одинъ изъ состоявшихъ въ то время на римской службѣ высшихъ офицеровъ даже утверждалъ, что они были изнѣжены и непослушны, что они отказывались сражаться, убивали своихъ офицеровъ и дезертировали массами. Главная римская армія даже вовсе не переходила черезъ Евфратъ [1]), потому что мать императора убѣдила его, что не онъ долженъ сражаться за своихъ подданныхъ, а они за него. Главная персидская армія напала на правое крыло Римлянъ, стоявшее въ низменной мѣстности, и такъ какъ императоръ не подалъ ему никакой помощи, то оно было совершенно разбито. Когда проникшему въ Мидію лѣвому крылу императоръ далъ послѣ того приказаніе отступить, оно также сильно пострадало во время зимняго обратнаго перехода черезъ Арменію. Если все дѣло ограничилось этимъ

[1]) Императоръ оставался, по всему вѣроятію, въ Пальмирѣ; по крайней мѣрѣ одна пальмирская надпись [C. I. Gr. 4483] упоминаетъ о ἐπιδημία θεοῦ Ἀλεξάνδρου.

пагубнымъ отступленіемъ великой восточной арміи въ Антіохію, а не окончилось рѣшительной катастрофой, и даже Месопотамія осталась во власти Римлянъ, то это, какъ кажется, не было заслугой римскихъ войскъ или ихъ вождя, а было послѣдствіемъ того, что персидское ополченіе утомилось войной и отправилось домой [1]). Но оно ушло не надолго тѣмъ болѣе потому, что вскорѣ послѣ того послѣдній представитель Северовской династіи былъ умерщвленъ, а вожди римскихъ армій и римское правительство вступили между собою въ борьбу изъ-за обладанія верховною властію и такимъ способомъ сообща трудились на пользу внѣшняго врага. При Максиминѣ (235—238) римская Месопотамія подпала подъ власть Ардашира и Персы снова стали готовиться къ переходу черезъ Евфратъ [2]).

Война съ Персами при Гордіанѣ. — Послѣ того, какъ внутреннія смуты въ нѣкоторой мѣрѣ стихли и Гордіанъ III, еще будучи почти ребенкомъ, сталъ неоспоримо властвовать надъ всей имперіей подъ руководствомъ римскаго коменданта Фурія Тимезиѳея, скоро сдѣлавшагося его тестемъ, Персамъ была торжественнымъ образомъ объявлена война и сильная римская армія вступила въ 242 г. въ Месопотамію подъ личнымъ предводительствомъ императора или, вѣрнѣе, его тестя. Она имѣла полный успѣхъ: Карры были снова взяты Римлянами, а подлѣ Резены, между Каррами и Низибомъ, была на-голову разбита армія персидскаго царя Шапура или Сапора (царств. 241—272), незадолго передъ тѣмъ наслѣдовавшаго своему отцу Ардаширу, и вслѣдствіе этой побѣды былъ взятъ Низибъ. Вся Месопотамія была снова завоевана; было рѣшено возвратиться

---

1) Чрезвычайно плохія описанія этой войны [сравнительно лучшее изъ нихъ то, которое извлечено изъ одного общаго источника Геродіаномъ, Зонарой и Синцелломъ, стр. 674] даже не разрѣшаютъ вопроса, кто остался побѣдителемъ. Между тѣмъ какъ Геродіанъ говоритъ о безпримѣрномъ пораженіи Римлянъ, латинскіе источники—біографія, равно какъ Викторъ, Эвтропій и Руфій Фестъ называютъ Александра побѣдителемъ Артаксеркса или Ксеркса, а по словамъ этихъ послѣднихъ писателей и дальнѣйшій ходъ дѣлъ былъ благопріятенъ для Римлянъ. На нѣчто среднее между двумя противоположностями намекаетъ Геродіанъ 6, 6, 5. По армянскимъ разсказамъ [Gutschmid Ztschr. der deutschen morgenländ. Gesellschaft 31, 47] Арсакиды удержались въ Арменіи противъ Ардашира до 237 г. при помощи кавказскихъ племенъ; въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго и эта диверсія могла быть полезна Римлянамъ.

2) Лучшій разсказъ объ этихъ событіяхъ находится у Синкелла, стр. 683 и у Зонары, 12, 18, которые черпали изъ одного и того-же источника. Съ нимъ согласны и нѣкоторыя отдѣльныя подробности у Амміана 23, 5, 7. 17 и отчасти также искаженное письмо Гордіана къ сенату, въ біографіи гл. 27, по которому возстановленъ, по невѣжеству, разсказъ въ гл. 26; Антіохія была въ опасности, но она не была во власти Персовъ.

къ берегамъ Евфрата и итти внизъ по теченію рѣки на непріятельскую столицу Ктезифонъ. Къ несчастію, Тимезиѳей умеръ, а его преемникъ Маркъ Юлій Филиппъ, родомъ Арабъ изъ Трахонита, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ устранить юнаго властителя. Послѣ того, какъ армія совершила трудный переходъ черезъ долину Хаборы къ Евфрату, солдаты — вѣроятно вслѣдствіе сдѣланныхъ Филиппомъ распоряженій, — не нашли въ Киркезіѣ, при впаденіи Хаборы въ Евфратъ, ожидаемыхъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ и стали винить въ этомъ императора. Тѣмъ не менѣе армія двинулась въ направленіи къ Ктезифону, но уже на первой стоянкѣ подлѣ Заиѳы (немного ниже Межадина) взбунтовавшіеся гвардейцы убили императора (весной или лѣтомъ 244 г.) и провозгласили на его мѣсто императоромъ своего начальника Филиппа. Новый повелитель исполнилъ то, чего желали солдаты или, по меньшей мѣрѣ, гвардейцы, и не только отказался отъ предположенной экспедиціи на Ктезифонъ, но тотчасъ отвелъ армію назадъ въ Италію. Позволеніе на это онъ купилъ у побѣжденнаго непріятеля уступкой Месопотаміи и Арменіи, и стало быть евфратской границы. Однако эти мирныя условія возбудили такое негодованіе, что императоръ не осмѣлился привести ихъ въ исполненіе и оставилъ римскія войска въ уступленныхъ провинціяхъ [1]). Что Персы хотя временно на это согласились, можетъ служить мѣриломъ того, какъ они были въ ту пору безсильны. Не восточные цари истощили послѣднія силы имперіи, а Готы, свирѣпствовавшая въ теченіе пятнадцати лѣтъ моровая язва и раздоры оспаривавшихъ другъ у друга престолъ военачальниковъ.

Пальмира. — Когда идетъ рѣчь о томъ, что римскому востоку въ его борьбѣ съ Персіей пришлось расчитывать только на свои собственныя силы, умѣстнымъ будетъ вспомнить о томъ замѣчательномъ государствѣ, которое было создано посредствомъ степной торговли и собственно для нея, и которое теперь стало на короткое время играть руководящую роль въ политической исторіи. Оазисъ Пальмира, на мѣстномъ нарѣчіи Ѳадморъ, лежитъ на половинѣ дороги между Дамаскомъ и Евфратомъ. Онъ имѣетъ значеніе только въ качествѣ промежуточной станціи между областью Евфрата и Средиземнымъ моремъ, и даже это значеніе онъ пріобрѣлъ въ позднюю пору и

---

[1]) Такъ описываетъ ходъ дѣла Зонара 12, 19; съ его разсказомъ согласенъ и разсказъ Зосима 3, 32, и позднѣйшія событія доказываютъ, что Арменія не была во власти Персовъ. Эваргій 5, 7 говоритъ, что въ ту пору во власти Римлянъ оставалась только малая Арменія; это могло быть вѣрно въ томъ смыслѣ, что зависимость вассальнаго царя Великой Арменіи была только номинальной послѣ заключенія мира.

скоро снова утратилъ, такъ что цвѣтущее время Пальмиры почти совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ времени, который мы здѣсь описываемъ. О томъ, какъ возникъ этотъ городъ, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній [1]). О немъ впервые упоминается по случаю пребыванія въ Сиріи въ 713 г. (41 г. до Р. Х.) Антонія, который тщетно попытался въ то время завладѣть его сокровищами, а найденные тамъ памятники — самая древняя пальмирская надпись съ помѣткой времени принадлежитъ къ 745 г. (9 г. до Р. Х.)—принадлежатъ къ эпохѣ не много болѣе отдаленной. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что процвѣтаніе Пальмиры находилось въ связи съ утвержденіемъ римскаго владычества въ прибрежныхъ сирійскихъ странахъ. Пока Набатеи и города Осроэны не состояли подъ непосредственнымъ римскимъ владычествомъ, въ интересахъ Римлянъ было открытіе другаго прямаго пути сообщенія съ Евфратомъ, а этотъ путь непремѣнно долженъ былъ идти черезъ Пальмиру. Не Римляне основали Пальмиру; предлогомъ для хищническаго набѣга Антонія былъ нейтралитетъ купцовъ, служившихъ посредниками для торговли между двумя великими державами, а римскіе всадники отступили съ пустыми руками передъ той цѣпью стрѣлковъ, которую выставили жители Пальмиры для обороны отъ нападенія. Но уже въ первыя времена имперіи городъ, должно быть, считался принадлежащимъ къ имперіи, такъ какъ и Пальмира была подчинена тѣмъ распоряженіямъ касательно взиманія налоговъ, которыя были изданы Германикомъ и Корбулономъ; въ одной надписи 80 года тамъ встрѣчается Клавдіевская фила; со временъ Адріана городъ назывался Hadriana Palmyra, а въ третьемъ столѣтіи онъ даже называлъ себя колоніей.

Военная самостоятельность Пальмиры. — Между тѣмъ подчиненіе Пальмирцевъ Риму не имѣло обычной формы и нѣсколько походило на вассальную зависимость подвластныхъ Риму царствъ. Еще во времена Веспасіана Пальмира считалась промежуточной областью между двумя великими державами и каждый разъ, какъ возникало столкновеніе между Римлянами и Парѳянами, возникалъ также и вопросъ, какой политики будутъ держаться Пальмирцы. Причину такой обособленности слѣдуетъ искать въ положеніи дѣлъ на границѣ и въ мѣрахъ, принятыхъ для охраны этой границы. Какъ-бы

[1]) Библейскій разсказъ [1 *Цар.* 9, 18] о постройкѣ въ Идумеѣ царемъ Соломономъ города Ѳамара отнесенъ къ Ѳадмору вслѣдствіе изстари вкравшейся ошибки; тѣмъ не менѣе ошибочное отнесеніе этого разсказа къ Ѳадмору у позднѣйшихъ Іудеевъ [Chron. 2, 8, 4 и греческій переводъ 1-й кн. *Цар.* 9, 4] служитъ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ существованія этого города [Hitzig Ztschr. der deutschen morgenl. Ges. 8, 222].

далеко ни были разставлены сирійскія войска вдоль самаго Евфрата, ихъ главнымъ центромъ была Зевгма, насупротивъ Бире джика, подлѣ главной переправы черезъ Евфратъ. Далѣе внизъ по теченію рѣки, промежъ непосредственно римскихъ и пареянскихъ владѣній врѣзывалась пальмирская территорія, которая простиралась до самаго Евфрата и заключала въ себѣ слѣдующее важное мѣсто переправы, находившееся подлѣ Суры насупротивъ месопотамскаго города Никефорія (впослѣдствіи называвшагося Каллиникомъ, а теперь извѣстнаго подъ именемъ эр-Рагга). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что пальмирской общинѣ были предоставлены какъ охрана этой важной пограничной крѣпости, такъ и надзоръ за безопасностью степной дороги между Евфратомъ и Пальмирой и также надзоръ за частію той дороги, которая вела изъ Пальмиры въ Дамаскъ, а вслѣдствіе того Пальмира имѣла право и была обязана ввести у себя такую военную систему, какая требовалась для исполненія этой немаловажной задачи [1]). Впослѣдствіи, римскія войска были стянуты ближе къ Паль-

---

[1]) Это нигдѣ не сказано положительно, но это видно изъ всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ. Что римско-пареянская граница находилась—до утвержденія римскаго владычества на лѣвомъ берегу Евфрата, — на правомъ берегу этой рѣки, немного ниже Суры, утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ Плиній [Hist. Nat. 5, 26, 89: a Sura proxime est Philiscum — ср. стр. 415, прим. — oppidum Parthorum ad Euphratem; ab eo Seleuciam dierum decem navigatio]; тамъ она оставалась до утвержденія провинціи Месопотаміи при Северѣ. Птолемеева Пальмирена [5, 15, 24. 25] есть округъ Келесиріи, по видимому обнимающій значительную часть территоріи, лежащей къ югу отъ Пальмиры, но безъ сомнѣнія простиравшійся до береговъ Евфрата и заключавшій въ себѣ Суру; тамъ, по видимому, не было кромѣ Пальмиры другихъ городскихъ центровъ, которые не позволяли-бы считать этотъ обширный округъ за территорію Пальмиры. И пока Месопотамія принадлежала Пареянамъ и послѣ того, тамъ безъ сомнѣнія была устроена постоянная охрана границы въ виду ея смежности съ степью; такъ напримѣръ изъ Notitia видно, что въ 4-мъ столѣтіи Пальмирена была занята значительными военными силами—ея сѣверная часть войсками начальника Сиріи, а сама Пальмира и южная часть войсками начальника Финикіи. Что въ раннюю пору имперіи тамъ вовсе не стояло римскихъ войскъ, видно изъ того, что объ этомъ умалчиваютъ найденныя въ самой Пальмирѣ многочисленныя надписи. Если въ такъ-называемой *Певтингерской таблицѣ* замѣчено о Сурѣ: fines exercitus Syriatici et commercium barbarorum, т. е. „здѣсь оканчиваются стоянки римскихъ гарнизоновъ и здѣсь находится промежуточное мѣсто для торговыхъ сношеній съ варварами“, то подъ этими словами разумѣлось только то, что въ болѣе позднюю пору говорилъ Аммiанъ [23, 3, 7: Callinicum mumimentum robustum et commercandi opimitate gratissimum] и что было повторено императоромъ Гоноріемъ [Cod. Just. 4, 63, 4],— что Каллиникъ принадлежалъ къ числу немногихъ складочныхъ мѣстъ, отведенныхъ для пограничной торговли между Римлянами и варварами: но отсюда не слѣдуетъ [даже въ виду

мирѣ: одинъ изъ сирійскихъ легіоновъ былъ поставленъ въ Данавѣ между Пальмирой и Дамаскомъ, а арабскій — въ Бострѣ; съ тѣхъ поръ, какъ Северъ присоединилъ Месопотамію къ имперіи, уже оба берега Евфрата находились въ томъ мѣстѣ во власти Римлянъ, и римскія владѣнія граничили Евфратомъ уже не подлѣ Суры, а подлѣ Киркезія, у впаденія Хаборы въ Евфратъ, выше Межадина. Въ ту пору и въ Месопотаміи была поставлена сильная римская армія. Но месопотамскіе легіоны стояли на большой дорогѣ, на сѣверѣ, подлѣ Резэны и Низиба, и содѣйствіе пальмирскихъ войскъ не было излишнимъ, даже не смотря на то, что римскія войска стояли и въ Сиріи и въ Аравіи. Быть можетъ, даже охрана Киркезія и этой части Евфрата была ввѣрена именно Пальмирцамъ. Только послѣ разрушенія Пальмиры и можетъ быть въ замѣнъ ея, Діоклетіанъ сдѣлалъ изъ Киркезія [1]) сильную крѣпость, которая съ тѣхъ поръ и служила тамъ пунктомъ опоры для защиты границъ.

Административная самостоятельность Пальмиры.—Слѣды этого обособленнаго положенія Пальмиры видны и въ ея учрежденіяхъ. Конечно, не этимъ положеніемъ слѣдуетъ объяснять отсутствіе императорскихъ именъ на пальмирскихъ монетахъ, а тѣмъ, что эта община выпускала почти исключительно лишь мелкую монету. Но языкъ даетъ намъ ясныя указанія. Въ своихъ непосредственныхъ владѣніяхъ Римляне держались почти безъ исключеній того правила, что дозволяли употребленіе лишь двухъ главныхъ языковъ; но Пальмира не была ему подчинена. Здѣсь удержался въ оффиціальномъ употребленіи вплоть до паденія города тотъ языкъ, который обыкновенно употреблялся въ частныхъ сношеніяхъ въ Сиріи, и со времени изгнанія Іудеевъ на ихъ родинѣ, но ограничивался этими част-

---

того времени, къ которому принадлежитъ вышеупомянутая *таблица*], что въ ту пору тамъ стояли римскія войска, такъ какъ и Пальмирцы вообще принадлежали къ сирійской арміи и, быть можетъ, ихъ имѣли въ виду, когда называли exercitus Syriaticus. Городъ, должно быть, выставлялъ свои собственныя войска, подобно властителямъ Нумидіи и Пантикапеи. Только такимъ способомъ и можно объяснить какъ недопущеніе внутрь города войскъ Антонія и образъ дѣйствія Пальмирцевъ во время смутъ 3-го столѣтія, такъ и появленіе numeri Palmyrenorum въ числѣ военныхъ нововведеній той эпохи.

[1]) Аммiанъ 23, 5, 2: Cercusium.... Diocletianus exiguum ante hoc et suspectum muris turribusque circumdedit celsis,.... ne vagarentur per Syriam Persae ita ut paucis ante annis cum magnis provinciarum contigerat damnis. Сравн. Прокопія de aed. 2, 6. Быть можетъ, это то-же мѣсто, которое называется у Исидора Хараксскаго [mans. Parth. 1; Stephanus Byz. подъ этимъ словомъ] Φάλγα или Φάλιγα, а у Плинія Philiscum [стр. 414 прим.].

ными сношеніями. Между тѣмъ сирійскимъ языкомъ, который употреблялся въ Пальмирѣ, и тѣмъ, который употреблялся въ другихъ выше-упомянутыхъ странахъ, не замѣтно существенной разницы; то, что собственныя имена не рѣдко получали форму арабскую или іудейскую и также персидскую, служитъ доказательствомъ сильнаго смѣшенія народовъ, а многочисленныя слова, заимствованныя отъ Грековъ и Римлянъ, свидѣтельствуютъ о вліяніи запада. Впослѣдствіи было принято за правило присовокуплять къ сирійскому тексту греческій, который — согласно съ состоявшимся въ 137 г. постановленіемъ пальмирскаго общиннаго совѣта — ставился послѣ пальмирскаго текста, а въ болѣе позднюю пору, впереди его; но надписи, сдѣланныя пальмирскими уроженцами на одномъ греческомъ языкѣ составляютъ рѣдкія исключенія. Пальмирскій текстъ присовокуплялся даже въ тѣхъ посвященіяхъ, которыя дѣлались Пальмирцами въ Римѣ въ честь ихъ мѣстныхъ боговъ [1]), равно какъ на надгробныхъ надписяхъ пальмирскихъ солдатъ, умершихъ въ Африкѣ или въ Британіи. Точно такъ-же, хотя лѣтосчисленіе велось въ Пальмирѣ, какъ и въ остальной имперіи съ основанія Рима, но названія мѣсяцевъ тамъ не тѣ, которыя были въ офиціальномъ употребленіи въ римской Сиріи и были македонскаго происхожденія, а тѣ, которыя были въ общемъ употребленіи по меньшей мѣрѣ у Іудеевъ и сверхъ того употреблялись арамейскими племенами, жившими сначала подъ ассирійскимъ владычествомъ, а потомъ подъ персидскимъ [2]).

---

[1]) Изъ семи до сихъ поръ найденныхъ внѣ Пальмиры посвященій пальмирскому Малаху Белу, три, найденныя въ Римѣ [C. I. L. VI, 51. 710. C. I. Gr. 6015], имѣютъ рядомъ съ греческимъ или латинскимъ текстомъ и пальмирскій; двѣ найденныя въ Африкѣ [C. I. L. VIII, 2497. 8795 add.], и двѣ, найденныя въ Дакіи [Arch. Epigr. Mitth. aus Oesterreich 6, 109. 111], имѣютъ только латинскій текстъ. Одна изъ этихъ послѣднихъ надписей поставлена, очевидно, пальмирскимъ уроженцемъ дуумвиромъ Сармизегетузы П. Эліемъ Ѳеимесомъ diis patriis Malagbel et Bebellahamon et Benefal et Manavat.

[2]) Неясно, на что̀ указываютъ эти названія мѣсяцевъ; они появляются прежде всего въ ассирійскомъ клинообразномъ письмѣ, но они не ассирійскаго происхожденія. Вслѣдствіе ассирійскаго владычества они остались въ употребленіи въ той сферѣ, въ которой былъ въ употребленіи сирійскій языкъ. Встрѣчаются и уклоненія отъ общаго правила; второй мѣсяцъ, называвшійся у говорившихъ по-гречески Сирійцевъ Діосомъ, а по нашему ноябрь, назывался у Іудеевъ Маркешваномъ, а у Пальмирцевъ Кануномъ [Waddington n. 2574 b.]. Впрочемъ, эти названія мѣсяцевъ въ томъ видѣ, какъ они употреблялись внутри римскихъ владѣній, подходятъ, подобно мекедонскимъ, къ Юліанскому календарю, такъ что разница только въ названіи мѣсяцевъ, а начало сирійско-римскаго года [1 окт.] примѣнимо одинаково и къ греческимъ и къ арамейскимъ названіямъ.

Пальмирскія должностныя лица. — Муниципальное устройство въ Пальмирѣ въ сущности было такое же, какъ и въ тѣхъ городахъ римской имперіи, которые управлялись по греческому образцу; въ пальмирскихъ текстахъ большею частію заимствованы изъ господствующаго языка названія должностныхъ лицъ и городскаго совѣта [1]) и даже названіе колоніи. Но и въ томъ, что касается управленія, этотъ округъ сохранялъ такую самостоятельность, какой вообще не пользовались другія городскія общины. Наряду съ городскими должностными лицами мы находимъ — по меньшей мѣрѣ въ третьемъ столѣтіи, — управлявшаго городомъ Пальмирой и его территоріей, особаго «начальника», который былъ сенаторскаго ранга, назначался римскимъ правительствомъ, но выбирался изъ самаго знатнаго мѣстнаго рода; сынъ Одената, Септимій Гаиранъ былъ на самомъ дѣлѣ пальмирскимъ владѣтельнымъ княземъ [2]), зависѣвшимъ отъ легата Сиріи такъ-же, какъ вообще зависѣли вассальные владѣтели отъ сосѣдняго римскаго намѣстника. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, его сынъ [3]) Септимій Оденатъ занималъ такое-же и даже болѣе высокое по рангу наслѣдственное положеніе владѣтельнаго князя [4]). — Сверхъ того, Пальмира составляла особый та-

---

[1]) Какъ напримѣръ названія Archon, Grammateus, Proedros, Syndikos, Dekaprotoi.

[2]) Это видно изъ пальмирской надписи [C. I. Gr. 4491. 4492=Waddington 2600 = Vogüé inscr. sém. Palm. 22], поставленной въ 251 г. въ честь этого Гаирана однимъ солдатомъ стоявшаго въ Аравіи легіона. Его титулъ на греческомъ языкѣ ὁ λαμπρότατος συνκλητικός, ἔξαρ[χος [=princeps] Πάλμυ]ρηνῶν, а на пальмирскомъ языкѣ „свѣтлѣйшій сенаторъ, глава Ѳадмора“. Ему даетъ даже сенаторскій рангъ надгробная надпись [C. I. Gr. 4507=Waddington 2621=Vogüé 21] Гаиранова отца Септимія Одената, сына Гаиранова, внука Вабаллатова, правнука Нассорова.

[3]) Отецъ этого Одената нигдѣ не названъ; но почти не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ былъ сынъ только-что упомянутаго Гаирана и носилъ имя своего дѣда. И Зосимъ 1, 39 называетъ его Пальмирцемъ, пользовавшимся отъ правительства особыми отличіями подобно своимъ предкамъ [ἄνδρα Παλμυρηνὸν καὶ ἐκ προγόνων τῆς παρὰ τῶν βασιλέων ἀξιωθέντα τιμῆς].

[4]) Въ надписи [Waddington 2603=Vogüé 23], которую поставилъ въ 257 г. въ честь Одената цехъ пальмирскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, говорится ὁ λαμπρότατος ὑπατικός, то-есть vir consularis и по гречески δεσπότης, по сирійски mâran. Первое названіе вовсе не титулъ, связанный съ должностью, а обозначеніе разряда ранга; такимъ образомъ vir consularis нерѣдко ставится позади имени совершенно также, какъ vir clarissimus [C. I. L. X., стр. 1117 и въ др. м.], а ὁ λαμπρότατος ὑπατικός ставится рядомъ и впереди разнообразныхъ названій должностей, какъ напримѣръ передъ названіями: африканскій проконсулъ [C. I. Gr. 2979, гдѣ опущено λαμπρότατος], императорскій легатъ Понта и Виѳиніи [C. I. Gr. 3747. 3748. 3771] и Палестины [C. I. Gr. 4151], намѣстникъ Ликіи и Памфиліи [C. I. Gr. 4272]; только въ послѣ-константиновскія

моженный округъ, въ которомъ сборъ пошлинъ отдавался на откупъ не въ пользу государства, а въ пользу общины [1]).

Положеніе Пальмиры въ торговомъ отношеніи.—Своимъ значеніемъ Пальмира была обязана караванной торговлѣ. Начальники каравановъ (συνοδιάρχαι) отправлялись изъ Пальмиры въ большое складочное мѣсто на Евфратѣ—въ упомянутую ранѣе Вологазію, основанную Парѳянами неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ древній Вавилонъ, и въ Форатъ или въ Хараксъ Спасину—два города близнеца, находившіеся вблизи отъ устьевъ рѣки и неподалеку отъ Персидскаго залива; эти начальники каравановъ упоминаются въ надписяхъ въ качествѣ самыхъ знатныхъ городскихъ гражданъ [2])

времена это выраженіе употреблялось какъ обозначеніе должности въ связи съ названіемъ провинціи [такъ напр. C. I. Gr. 2596. 4266 e.]. Стало быть отсюда нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно легальнаго положенія Одената. И подъ сирійскимъ названіемъ правителя не слѣдуетъ разумѣть настоящаго властителя; оно давалось даже прокураторамъ [Waddington 2606 = Vogué 25].

[1]) Сирія составляла во времена имперіи особый таможенный округъ и пошлины взимались не только на берегу, но также на евфратской границѣ, въ особенности въ Зевгмѣ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что и далѣе къ югу, гдѣ берега Евфрата уже не находились во власти Римлянъ, такія-же пошлины были установлены на восточной римской границѣ. Но изъ состоявшагося въ 137 г. постановленія пальмирскаго городскаго совѣта видно, что городъ и его территорія составляли особый таможенный округъ и со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ взимались пошлины въ пользу города. Что эта территорія находилась внѣ римской таможенной линіи, правдоподобно во-первыхъ потому, что еслибы существовала таможенная линія, заключавшая въ себѣ и пальмирскую территорію, то о ней было-бы упомянуто въ выше-упомянутомъ подробномъ постановленіи, во-вторыхъ потому, что включенная внутрь римской таможенной линіи община едва ли имѣла-бы право взимать въ такомъ размѣрѣ пошлины на границѣ своей территоріи. Поэтому и въ томъ, что̀ касается таможенныхъ пошлинъ, слѣдуетъ признать за Пальмирой такую-же обособленность, какую она имѣла въ военномъ отношеніи. Въ замѣнъ того, быть можетъ, она вносила въ государственную казну какую-нибудь приплату, или часть дохода отъ пошлинъ или увеличенную дань. Такіе-же порядки, какъ въ Пальмирѣ, быть можетъ, существовали также въ Бострѣ и въ Петрѣ, такъ какъ товары, конечно, и туда не ввозились безпошлинно, а изъ словъ Плинія [Hist. Nat. 12, 14, 65] можно заключить, что съ вывозимаго черезъ Газу арабскаго ладона государственная пошлина взималась только въ Газѣ у берега моря. Лѣность римскаго управленія была сильнѣе его заботливости о выгодахъ государственной казны; она, быть можетъ, нерѣдко возлагала на общинное управленіе хлопоты по взиманію пограничныхъ пошлинъ.

[2]) Эти караваны [συνοδίαι], судя по пальмирскимъ надписямъ, были постоянныя товарищества, предпринимавшія одни и тѣ-же переѣзды, безъ сомнѣнія въ установленныя эпохи, подъ руководствомъ своего вожака [συνοδιάρχης Waddington 2589. 2590. 2596]; такимъ вожакамъ ставили статуи „отправляв-

и занимают не только мѣстныя должности, но частію и государственныя; и оптовые торговцы (ἀρχέμποροι) и цехъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ свидѣтельствуютъ о важности города для торговли и промышленности не менѣе того, какъ о его благосостояніи свидѣтельствуютъ до сихъ поръ сохранившіеся городскіе храмы, длинные ряды статуй въ городскихъ галлереяхъ и громадныя богато-разукрашенныя гробницы. Мѣстный климатъ не былъ благопріятенъ для земледѣлія, такъ какъ городъ лежалъ неподалеку отъ сѣверной границы финиковыхъ пальмъ, но не отъ нихъ велъ свое греческое названіе; однако въ окрестностяхъ встрѣчаются остатки большихъ подземныхъ водопроводовъ и громадныхъ искусно обложенныхъ плитами резервуаровъ, съ помощью которыхъ, должно быть, происходило искуственное орошеніе и воздѣлываніе почвы, на которой въ настоящее время нѣтъ никакой растительности. Это богатство и эта даже подъ римскимъ владычествомъ не вполнѣ исчезнувшая національная обособленность и административная самостоятельность служатъ въ нѣкоторой мѣрѣ объясненіемъ той роли, которую играла Пальмира около половины третьяго столѣтія въ великомъ переворотѣ, къ описанію котораго мы теперь переходимъ.

Взятіе императора Валеріана въ плѣнъ. —Послѣ того, какъ императоръ Декій палъ въ 251 г. въ борьбѣ съ европейскими Готами, правительство имперіи—если дѣйствительно еще существовала имперія и существовало какое-нибудь правительство,—вполнѣ предоставило востокъ его участи. Между тѣмъ какъ выходившіе изъ Чернаго моря пираты повсюду опустошали берега и даже внутреннія страны, и персидскій царь Сапоръ снова сталъ дѣйствовать наступательно. Его отецъ довольствовался тѣмъ, что называлъ

шіеся съ ними внизъ по теченію въ Вологезію купцы" [οἱ σὺν αὐτῷ κατελθόντες εἰς Ὀλογεσιάδα ἔνποροι Waddington 2599 отъ 247 г.] или „подымавшіеся вверхъ по теченію изъ Фората [сравн. Плинія Hist. Nat. 6, 28, 145] и Вологезіи" [οἱ συναναβάντες μετ' αὐτοῦ ἔμποροι ἀπὸ Φοράθου κὲ Ὀλογασιάδος Waddington 2589 отъ 142 г.] или „вверхъ изъ Спасину Харакса" [οἱ σὺν αὐτῷ ἀναβάντες ἀπὸ Σπασίνου Χάρακος Waddington 2596 отъ 193 г.; также 2590 отъ 155 г.]. Всѣ эти вожаки были знатные люди, у которыхъ былъ цѣлый рядъ знатныхъ предковъ; поставленные въ честь ихъ памятники стоятъ въ большой колоннадѣ рядомъ съ памятниками царицы Зиновіи и ея родственниковъ. Въ особенности замѣчателенъ одинъ изъ этихъ вожаковъ—Септимій Вородъ; отъ него остался цѣлый рядъ памятниковъ, относящихся къ 262—267 г. [Waddington 2606—2610]; онъ также былъ вожакомъ каравановъ [ἀνακομίσαντα τὰς συνοδίας ἐκ τῶν ἰδίων καὶ μαρτυρηθέντα ὑπὸ τῶν ἀρχεμπόρων Waddington n. 2606 a.: онъ уплатилъ всѣ расходы, сдѣланные конвоемъ на обратномъ пути, и за эту щедрость получилъ отъ оптовыхъ торговцевъ публичныя похвалы]. Онъ занималъ не только городскія должности Стратега и Агоранома, но даже былъ императорскимъ прокураторомъ втораго класса [ducenarius] и Аргапетомъ [стр. 424, прим.].

себя повелителемъ Ирана, а онъ и по его примѣру его преемники называли себя верховными царями Ирана и Не-Ирана (стр. 404 прим.) и тѣмъ какъ бы намѣчали программу своей завоевательной политики. Въ 252 или въ 253 г. онъ занялъ Арменію или она подчинилась ему добровольно, безъ сомнѣнія также увлекшись возрожденіемъ древней персидской религіи и персидскаго быта; законный царь Тиридатъ искалъ убѣжища у Римлянъ, а остальные члены царствующаго дома стали подъ знамя Перса [1]). Какъ только Арменія сдѣлалась персидскимъ владѣніемъ, восточныя арміи наводнили Месопотамію, Сирію и Каппадокію; онѣ стали опустошать равнины, но жители большихъ городовъ отражали нападенія не умѣвшаго вести осаду непріятеля, и прежде всѣхъ отличились въ этомъ отношеніи храбрые Эдессцы. Между тѣмъ на западѣ установилось правительство, которое по меньшей мѣрѣ было всѣми признано. Императоръ Публій Лициній Валеріанъ — честный и благонамѣренный правитель, но безъ всякой энергіи и безъ тѣхъ дарованій, которыя были необходимы при тогдашнемъ трудномъ положеніи имперіи — наконецъ появился на востокѣ и прибылъ въ Антіохію. Оттуда онъ направился въ Каппадокію, которую очистили боевыя силы Персовъ. Но моровая язва опустошала его армію и онъ долго медлилъ началомъ рѣшительной борьбы въ Месопотаміи. Наконецъ онъ рѣшился помочь сильно тѣснимой Эдессѣ и перешолъ съ своими войсками черезъ Евфратъ. Тамъ, неподалеку отъ Эдессы произошла та катастрофа, которая имѣла для римскаго востока почти такое-же значеніе, какое имѣли для запада побѣда, одержанная Готами близь устьевъ Дуная и смерть Декія — взятіе императора Валеріана въ плѣнъ Персами (въ концѣ 259 или въ началѣ 260) [2]). Разсказы о подробностяхъ этого событія разнорѣчивы. Одни говорятъ, что онъ попытался добраться до Эдессы съ небольшимъ отрядомъ войскъ и въ это время былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ несравненно болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. По другимъ разсказамъ, онъ хотя и былъ разбитъ.

[1]) По греческому разсказу [Зонара 12, 21], царь Тиридатъ бѣжалъ къ Римлянамъ, а его сыновья перешли на сторону Персовъ; по армянскому разсказу, царь Хосрой былъ убитъ своими братьями, а сынъ Хосроя Тиридатъ бѣжалъ къ Римлянамъ [Gutschmid Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesch. 31, 48]. Этому послѣднему разсказу, какъ кажется, слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

[2]) Въ этомъ случаѣ единственной твердой хронологической опорой служатъ александрійскія монеты, по которымъ Валеріанъ былъ взятъ въ плѣнъ между 29 авг. 259 г. и 28 авг. 260 г. Что послѣ взятія его въ плѣнъ онъ уже не считался императоромъ, совершенно понятно, такъ какъ Персы принудили его дать его бывшему подданному такія приказанія, которыя клонились къ ихъ пользѣ [Продолж. Діона, fr. 3].

однако успѣлъ проникнуть въ осажденный городъ, но такъ какъ онъ не привелъ съ собою достаточныхъ подкрѣпленій и своимъ присутствіемъ могъ только ускорить истощеніе продовольственныхъ запасовъ, то онъ опасался, что въ войскахъ вспыхнетъ мятежъ и потому добровольно отдался въ руки непріятеля. Наконецъ третій разсказъ гласитъ, что будучи доведенъ до крайне стѣсненнаго положенія, онъ вступилъ въ переговоры съ Сапоромъ о сдачѣ Эдессы, а такъ какъ персидскій царь отказался вести переговоры черезъ уполномоченныхъ, то Валеріанъ самъ отправился въ непріятельскій лагерь и въ нарушеніе даннаго ему слова былъ задержанъ въ плѣну.

Востокъ безъ императора. — Все равно, который-бы изъ этихъ разсказовъ ни былъ самымъ близкимъ къ истинѣ, дѣло въ томъ, что императоръ умеръ въ плѣну у непріятеля [1]), а послѣдствіемъ этой катастрофы было то, что востокъ перешолъ во власть Персовъ. Самый большой и самый богатый изъ восточныхъ городовъ Антіохія отдался въ руки врага прежде всѣхъ и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался римскимъ городомъ, — и то главнымъ образомъ по винѣ своихъ собственныхъ гражданъ. Знатный Антіохіецъ Маридъ, исключенный изъ городскаго совѣта за присвоеніе общественныхъ денегъ, привелъ на свою родину персидскую армію; быть можетъ, то была выдумка, что вступившій непріятель засталъ жителей въ расплохъ сидящими въ театрѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не только съ ихъ стороны не было оказано никакого сопротивленія, но значительная часть низшаго населенія была рада вступленію Персовъ частію изъ сочувствія къ Мариду, частію въ надеждѣ на анархію и на возможность заняться грабежемъ. Такимъ образомъ городъ со всѣми своими сокровищами сдѣлался добычею врага, который произвелъ въ немъ страшное опустошеніе, а Маридъ, — намъ неизвѣстно, по какой причинѣ, — былъ осужденъ царемъ Сапоромъ на сожженіе [2]). Такая-же участь постигла, кромѣ безчисленныхъ болѣе мелкихъ городковъ, столицы Киликіи и Каппадокіи — Тарсъ и Кесарію; въ этой послѣдней, какъ полагаютъ, было 400,000 жителей. Безконечныя вереницы плѣнниковъ, которыхъ водили, какъ рогатый скотъ, одинъ разъ въ день на водопой, потянулись по

[1]) Изъ самыхъ лучшихъ разсказовъ видно только то, что Валеріанъ умеръ въ плѣну у Персовъ. Что Сапоръ употреблялъ его вмѣсто скамейки, чтобъ садиться верхомъ на лошадь [Лактанцій, De mort. perse c. 5; Орозій 7,22,4; Викторъ, Ep. 33], а въ концѣ концевъ приказалъ содрать съ него кожу [Лактанцій въ выше ук. м.; Агаѳій 4, 23; Кедринъ, стр. 454] есть выдумка христіанъ въ отместку за то, что Валеріанъ возбудилъ противъ нихъ гоненіе.

[2]) Едва ли можно вѣрить преданію, будто Маридъ [Амміанъ 23, 5, 3; Mariades Malalas 12, стр. 295; Mariadnes Forts. des Dio fr. I] или, какъ его тамъ называютъ, Киріадъ, провозгласилъ себя императоромъ [Vit. Trig. Tyr. I]: впрочемъ, если бы это была правда, въ этомъ слѣдовало-бы искать причины, почему Сапоръ приказалъ казнить его.

степнымъ восточнымъ дорогамъ. Разсказываютъ, будто возвращавшіеся домой Персы, желая скорѣе перебраться черезъ какой-то ровъ, наполнили его до верху трупами уведенныхъ ими плѣнниковъ. Болѣе правдоподобно, что этими плѣнниками была возведена въ Сузіанѣ подлѣ Состры (Шусхтера) такъ-называемая «императорская запруда» (Bend-i-Kaiser), благодаря которой воды Пазитигра и до сихъ поръ орошаютъ болѣе возвышенную окрестную страну; вѣдь архитекторы императора Нерона помогали отстраивать столицу Арменіи, и вообще въ этой сферѣ западные работники всегда выказывали свое превосходство. Персы нигдѣ не встрѣтили сопротивленія со стороны Римлянъ; но Эдесса все еще держалась; Кесарія также храбро оборонялась и пала только вслѣдствіе измѣны. Мѣстное населеніе мало-по-малу стало оказывать сопротивленіе и внѣ городскихъ стѣнъ, а вызванное огромнымъ объемомъ завоеванной территоріи раздѣленіе персидской арміи на мелкіе отряды было благопріятно для отважныхъ партизановъ. Каллисту [1]), который самъ себя возвелъ въ званіе римскаго военачальника, удалась смѣлая попытка: съ кораблями, собранными въ гаваняхъ Киликіи, онъ направился къ Помпейополю, который въ ту пору осаждали Персы, въ то-же время собиравшіе контрибуцію съ Ликаоніи, убилъ нѣсколько тысячъ Персовъ и захватилъ царскій гаремъ. Царь сослался на то, что ему безотлагательно необходимо справлять какой то праздникъ, и отправился вслѣдствіе этой неудачи домой съ такой поспѣшностью, что во избѣжаніе задержекъ отдалъ Эдессцамъ всю награбленную имъ римскую золотую монету за право свободнаго переѣзда черезъ ихъ территорію. Владѣтель Пальмиры Оденатъ нанесъ чувствительныя потери возвращавшимся изъ Антіохіи персидскимъ войскамъ, прежде нежели они успѣли перейти за Евфратъ. Но лишь только была устранена крайняя опасность персидскаго нашествія, какъ двое изъ предоставленныхъ самимъ себѣ и самыхъ выдающихся восточныхъ военачальниковъ—завѣдывавшій въ Самосатѣ денежною кассой и военнымъ складомъ Фульвій Макріанъ [2]) и выше упомянутый Каллистъ отказали въ повиновеніи сыну и бывшему соправителю Валеріана Галліену, который сдѣлался теперь единовластнымъ повелителемъ, но которому, конечно, не было дѣла ни до востока ни до Персовъ; впрочемъ они сами не приняли им-

---

1) Онъ называется Каллистомъ въ разсказахъ Синкелла стр. 716 и Зонары 12, 23, содержаніе которыхъ, конечно, заимствовано отъ Дексиппа; а въ біографіяхъ императоровъ и у Зонары 12, 24 онъ называется Баллистой.

2) По достойнымъ довѣрія свѣдѣніямъ, онъ былъ procurator summarum [ἐπὶ τῶν καθόλου λόγων βασιλέως: Dionysios bei Eusebios Hist. Eccl 7, 10, 5], то-есть министромъ финансовъ всадническаго ранга; продолжатель Діона [fr. 3 Müll.] выражаетъ это на языкѣ болѣе поздней эпохи словами νέμων τῶν θησαυρῶν καὶ ἐφεστὼς τῇ ἀγορᾷ τοῦ σίτου.

ператорскаго званія, а провозгласили императорами обоихъ сыновей перваго изъ нихъ, Фульвія Макріана и Фульвія Квіета (261 г.). Вслѣдствіе такого образа дѣйствій обоихъ вліятельныхъ военачальниковъ, два юныхъ императора были признаны въ Египтѣ и на всемъ востокѣ за исключеніемъ Пальмиры, владѣтель которой принялъ сторону Галліена. Одинъ изъ нихъ, Макріанъ, отправился вмѣстѣ съ своимъ отцемъ на западъ для того, чтобъ и тамъ утвердить новое правительство. Но счастіе скоро ему измѣнило: въ Иллирикѣ Макріанъ потерпѣлъ пораженіе и лишился жизни въ борьбѣ не съ Галліеномъ, а съ другимъ претендентомъ. Противъ оставшагося въ Сиріи другаго брата возсталъ Оденатъ; подлѣ Эмезы, гдѣ сошлись двѣ арміи, солдаты Квіета отвѣчали на требованіе сдаться, что они готовы вынести все, лишь-бы не попасть въ руки варвара. Тѣмъ не менѣе начальникъ Квіетовой арміи Каллистъ выдалъ Пальмирцу [1]) своего государя, чѣмъ и кончилось непродолжительное царствованіе этого послѣдняго.

Владычество Одената на востокѣ.—Пальмира заняла тогда первое мѣсто на востокѣ. Галліенъ, будучи всецѣло занятъ борьбою съ западными варварами и повсюду вспыхивавшими военными мятежами, предоставилъ князю Пальмиры, который одинъ оставался ему вѣренъ во время вышеописаннаго кризиса, такое исключительное положеніе, какому еще не было примѣра, но которое было весьма естественно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ: Оденатъ сдѣлался наслѣдственнымъ владѣтелемъ или, какъ онъ сталъ съ тѣхъ поръ называться, царемъ Пальмиры, хотя и не соправителемъ императора, но его самостоятельнымъ намѣстникомъ на востокѣ [2]). Мѣстнымъ управленіемъ Пальмиры завѣдывалъ подъ его

---

[1]) По меньшей мѣрѣ это слѣдуетъ заключать изъ того разсказа, который служитъ основой для біографій императоровъ [V i t a G a l l i e n i 3 и въ др. м.] По словамъ Зонары 12, 24, единственнаго писателя, упомянувшаго между прочимъ и о смерти Каллиста, этотъ послѣдній былъ лишенъ жизни по приказанію Одената.

[2]) Что Оденатъ и послѣ него его сынъ Вабаллатъ [здѣсь, натурально, не идетъ рѣчь о томъ времени, когда произошолъ разрывъ съ Авреліаномъ] вовсе не были Августами [какъ это ошибочно говорится въ V it. G a l l i e n i 12], видно и изъ того, что на монетахъ не было названія Августъ, и изъ того, что какъ отецъ [стр. 417 прим. 4], такъ и сынъ носили титулъ v[ir] c[o n s u l a r i s]=ὑ[π α τ ι κ ό ς], который могли носить только подданные. Намѣстническое званіе обозначено на монетахъ сына словами i m [p e r a t o r] d[u x] R[o m a n o r u m]=αὐτ [ο κ ρ ά τ ω ρ] σ[τ ρ α τ η γ ό ς]; согласно съ этимъ, Зонара [12, 23 и также 12, 24] и Синкеллъ [стр. 716] говорятъ, что Одената за какую-то побѣду надъ Персами и Баллисту Галліенъ возвелъ въ σ τ ρ α τ η γ ὸ ς τ ῆ ς ἑ ῴ α ς или π ά σ η ς ἀ ν α τ ο λ ῆ ς; біографъ Галліена говоритъ [10], что онъ obtinuit totius Orientis imperium. Здѣсь разумѣются всѣ азіятскія провинціи и Египетъ; прибавленное слово i m p e-

верховенствомъ другой Пальмирецъ, который былъ въ одно и то-же время и императорскимъ прокураторомъ и замѣстителемъ Одената [1]). Такимъ образомъ вся верховная государственная власть, въ той мѣрѣ, въ какой она дѣйствительно существовала на востокѣ, была сосредоточена въ рукахъ «варвара», а этотъ варваръ столько-же быстро, сколько блестящимъ образомъ возстановилъ римское владычество при помощи своихъ Пальмирцевъ, усиленныхъ остатками римскихъ военныхъ отрядовъ и мѣстнымъ ополченіемъ. Азія и Сирія уже были очищены отъ непріятеля. Оденатъ перешолъ черезъ Евфратъ, наконецъ освободилъ храбрыхъ Эдессцевъ и отнялъ у

---

rator = αὐτοκράτωρ [сравн. Trig. Tyr. 15, 6: post reditum de Perside — сынъ Одената Иродъ — cum patre imperator est appellatus], безъ сомнѣнія, означаетъ болѣе самостоятельную власть, чѣмъ та, какая обыкновенно предоставлялась намѣстникамъ. — Къ этому далѣе присоединяется формально принятой титулъ царя Пальмиры [Trig. Tyr. 15, 2: adsumpto nomine regali]; этотъ титулъ носилъ и сынъ не на египетскихъ монетахъ, а на сирійскихъ. Правда, въ надписи, поставленной въ августѣ 271, стало быть послѣ смерти Одената и во время войны его соотечественниковъ съ Авреліаномъ, Оденатъ называется melekh malkê — царемъ царей [Vogüé n. 28]; но это была одна изъ свойственныхъ той эпохѣ революціонныхъ демонстрацій и не могла служить доказательствомъ въ томъ, что касается болѣе ранняго времени.

[1]) Многочисленныя надписи Септимія Ворода, поставленныя въ промежуткѣ времени между 262 и 267 годами [Waddington 2606—2610], стало быть въ то время, какъ жилъ Оденатъ, доказываютъ, что этотъ замѣститель былъ императорскимъ прокураторомъ втораго класса [ducenarius], но вмѣстѣ съ тѣмъ частію носилъ титулъ ἀργαπέτης, которое значило то-же, что персидское слово, употреблявшееся и у Іудеевъ, — владѣтель замка [Burgherr], вице-король [Levy Ztschr. der deutschen morgenländ. Gesellschaft 18, 90; Nöldeke, тамъ же 24, 107], частію титулъ δικαιοδότης τῆς μητροκολωνίας, которымъ обозначалась если не по прямому значенію слова, то на дѣлѣ, безъ сомнѣнія, та-же должность. Подъ этимъ, по всему вѣроятію, слѣдуетъ разумѣть то, почему отецъ Одената назывался „главою Өадмора [стр. 417, прим. 2]: это былъ единственный компетентный начальникъ Пальмиры и въ военныхъ и въ гражданскихъ дѣлахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ положеніе Одената сдѣлалось болѣе высокимъ, этотъ постъ, въ качествѣ подвластной должности, былъ занятъ человѣкомъ всадническаго ранга. Можно сдѣлать вѣскія возраженія противъ предположенія Sachau's'a [Ztschr. der d. morgenl. Ges. 35, 738], что этотъ Вородъ то-же что „Вурудъ" одной, находящейся въ здѣшнемъ кабинетѣ, монеты, и что оба они тождественны съ старшимъ сыномъ Одената Иродомъ, который былъ убитъ въ одно время съ отцомъ. Иродъ и Ородъ — различныя имена [въ пальмирской надписи у Ваддингтона [2610] эти два имени стоятъ рядомъ одно съ другимъ; сыну сенатора было-бы неприлично занять всадническую должность; даже при тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ немыслимо, чтобъ прокураторъ чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ. Эта монета, по всему вѣроятію, не пальмирская. „Она" — пишетъ мнѣ Sallet, — „по всему вѣроятію

Персовъ завоеванные ими города Низибъ и Карры (264 г.). Вѣроятно и Арменія была въ ту пору снова подчинена Римлянамъ [1]). Затѣмъ Оденатъ сталъ дѣйствовать — впервые со времени Гордіана — наступательно противъ Персовъ, и двинулся на Ктезифонъ. Во время двухъ различныхъ кампаній онъ окружилъ войсками столицу персидскаго государства, опустошилъ окрестную страну и успѣшно сразился съ Персами подъ стѣнами этой столицы [2]). Даже Готы, проникавшіе въ своихъ хищническихъ набѣгахъ во внутренность страны, отступили, когда онъ двинулся въ Каппадокію. Такое могущество было благодатью для имперіи при ея бѣдственномъ положеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ было серьезной опасностью. Конечно, Оденатъ соблюдалъ по отношенію къ римскому верховному властителю всѣ обязательныя формальности и отсылалъ взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ офицеровъ и часть добычи въ Римъ къ императору, который не пренебрегалъ справлять въ этихъ случаяхъ тріумфъ; но на самомъ дѣлѣ востокъ при Оденатѣ былъ немного менѣе самостоятеленъ, нежели западъ при Постумѣ; поэтому понятно, что преданные своему отечеству римскіе офицеры становились по отношенію къ пальмирскому вице-императору въ оппозицію [3]).

„древніе Одената и принадлежитъ кому-нибудь изъ Арсакидовъ 2 столѣтія послѣ Р.Х.; „на ней изображена голова съ такимъ-же головнымъ уборомъ, какой находимъ у „Сассанидовъ; оборотная сторона съ окруженными лавровымъ вѣнкомъ буквами S C, „какъ кажется, была подражаніемъ антіохійскихъ монетъ.“ — Если впослѣдствіи, послѣ разрыва съ Римомъ въ 271 г., въ одной пальмирской надписи [Waddington 2611] различаются два военачальника Пальмирцевъ ὁ μέγας στρατηλάτης даже имѣющій историческую извѣстность Забда, и ὁ ἐνθάδε στρατηλάτης Заббей, то Аргапетомъ былъ, по всему вѣроятію, послѣдній изъ нихъ.

[1]) Это видно изъ тогдашняго положенія дѣлъ, но положительныхъ доказательствъ на это нѣтъ. Въ біографіяхъ императоровъ той эпохи Армяне обыкновенно называются въ числѣ независимыхъ отъ Рима пограничныхъ племенъ [Valer. 6; Trig. Tyr. 30, 7. 18; Aurel. 11. 27. 28. 41]; но эти свѣдѣнія составляютъ лишь декоративную и вовсе не заслуживающую довѣрія составную часть біографій.

[2]) Этотъ самый скромный изъ всѣхъ разсказовъ [Eutropius 9, 10; Vita Gallieni 10; Trig. Tyr. 15, 4; Zos. 1, 39; кромѣ этого послѣдняго никто не упоминаетъ о томъ, что экспедиція предпринималась двоекратно] долженъ-бы былъ предшествовать тому, въ которомъ рѣчь идетъ о взятіи города [Syncellus, стр. 716].

[3]) Это видно изъ разсказовъ о Каринѣ [Продолж. Діона, стр. 8] и о Руфинѣ [стр. 426, прим. 2]. Что послѣ смерти Одената, дѣйствовавшій по приказанію Галліена противъ Персовъ, военачальникъ Геракліанъ подвергся нападенію со стороны Зеновіи и былъ ею побѣжденъ [Vita Gall. 13, 5], — само по себѣ не невозможно, такъ какъ владѣтелямъ Пальмиры принадлежало законное право начальствовать войсками на всемъ востокѣ и такой образъ дѣйствій со стороны того военачальника могъ считаться нарушеніемъ этого права, если-бы даже былъ вызванъ Гал-

и что ходили слухи съ одной стороны о попыткѣ Одената примкнуть къ Персамъ, неудавшейся только по причинѣ высокомѣрія Сапора [1]), а съ другой стороны объ умерщвленіе Одената въ 266/7 году въ Эмезѣ по подстрекательству римскаго правительства [2]). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ убійцей былъ племянникъ Одената, и нѣтъ никакихъ доказательствъ, которыя указывали-бы на участіе въ этомъ дѣлѣ правительства.

Правленіе Зиновіи.—Во всякомъ случаѣ это преступленіе ничего не измѣнило въ положеніи дѣлъ. Вдова убитаго, царица Батъ Заббаи или, по-гречески, Зиновія была красивая и умная женщина, обладавшая несвойственной ея полу энергіей [3]); въ силу того, что царская власть въ Пальмирѣ была наслѣдственная, Зиновія заявила, что рожденный ею отъ Одената еще не достигшій совершеннолѣтія сынъ Вабаллатъ или Аѳенодоръ [4]) (старшій сынъ—Иродъ погибъ вмѣстѣ съ отцомъ) будетъ занимать такое-же положеніе, какое занималъ его отецъ, и добилась того, что это положеніе было признано за нимъ и въ Римѣ и на востокѣ: годы царствованія сына счи-

———

ліаномъ, и ясно доказывалъ-бы натянутость взаимныхъ отношеній; но тотъ, кто это разсказываетъ, заслуживаетъ такъ мало довѣрія, что на него нельзя полагаться.

[1]) Это видно изъ характеристичнаго разсказа Petrus fr. 10, который слѣдуетъ поставить передъ fr. II.

[2]) Едва-ли можно считать достовѣрнымъ разсказъ Діонова продолжателя fr. 7, что престарѣлый Оденатъ былъ заподозрѣнъ въ государственной измѣнѣ и умерщвленъ какимъ-то [нигдѣ болѣе не упоминаемымъ] Руфиномъ, а когда младшій Оденатъ обратился къ императору Галліену съ жалобой на Руфина, то получилъ отказъ вслѣдствіе заявленія Руфина, что обвинитель достоинъ такой-же участи. Но предположеніе Ваддингтона замѣнить Галліена Галломъ и въ обвинителѣ признать супруга Зиновіи, не можетъ быть допущено, такъ какъ отцемъ этого Одената былъ Гairанъ, который не подалъ никакого повода для подобной экзекуціи и все, что говорится въ Excerpt, безъ сомнѣнія, относится къ Галліену. Напротивъ того, престарѣлый Оденатъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ супругъ Зиновіи, а писатель по ошибкѣ далъ отцовское имя Вабаллату, отъ имени котораго была принесена жалоба.

[3]) Всѣ встрѣчающіяся въ нашемъ разсказѣ подробности о Зиновіи заимствованы изъ біографій императоровъ, а повторять ихъ будетъ только тотъ, кто незнакомъ съ этимъ источникомъ.

[4]) Кромѣ монетъ и надписей, приводятъ имя Вабаллата Polemius Silvius, стр. 243 моего изданія и біографъ Авреліана, гл. 38; этотъ послѣдній называетъ неосновательнымъ предположеніе, будто послѣ Одената остались два сына Тимолай и Геренніанъ. Въ сущности эти два сына, появляющіеся только въ біографіяхъ императоровъ, и все, что къ нимъ относится, выдуманы писателями, на которыхъ и должна лежать отвѣтственность за извращеніе историческихъ фактовъ въ біографіяхъ. И Зосиму 1, 59 было извѣстно существованіе только одного сына,—того, который попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ матерью.

тались со времени смерти отца. Вмѣсто неспособнаго къ управленію сына, на самомъ дѣлѣ стала царствовать мать [1]), и она неудовольствовалась сохраненіемъ прежнихъ владѣній, а имѣла достаточно мужества или заносчивости, чтобъ стремиться къ владычеству надъ всѣми странами, гдѣ говорили по-гречески. Та высшая военная власть надъ востокомъ, которая была возложена на Одената и отъ него перешла по наслѣдству къ его сыну, быть можетъ, заключала въ себѣ верховную власть надъ Малой Азіей и Египтомъ; но на самомъ дѣлѣ Оденатъ владѣлъ только Сиріей и Аравіей и въ нѣкоторой мѣрѣ также Арменіей, Киликіей и Каппадокіей. Теперь, одинъ вліятельный Египтянинъ, по имени Тимагенъ, пригласилъ царицу занять Египетъ; въ отвѣтъ на это она отправила къ берегамъ Нила своего полководца Забду съ арміей, состоявшей приблизительно изъ 70,000 человѣкъ. На мѣстѣ было встрѣчено энергическое сопротивленіе, но Пальмирцы разбили египетское ополченіе и завладѣли Египтомъ. Римскій адмиралъ Пробъ попытался выгнать ихъ оттуда и осилилъ ихъ, такъ что они направились къ Сиріи; но когда онъ попытался пресѣчь имъ дорогу подлѣ египетскаго Вавилона, неподалеку отъ Мемфиса, онъ былъ разбитъ лучше знавшимъ мѣстность пальмирскимъ главнокомандующимъ Тимагеномъ и самъ лишилъ себя жизни [2]). Когда Авреліанъ занялъ около половины 270 г. мѣсто умершаго императора Клавдія, въ Александріи владычествовали Пальмирцы. И въ Малой Азіи они старались упрочить свое

---

[1]) Нельзя съ увѣренностью рѣшить, присвоила-ли себѣ Зиновія формальнымъ образомъ права соправительницы. Въ Пальмирѣ, даже послѣ разрыва съ Римомъ, она сама себя называла только βασίλισση [Waddington 2611. 2628]. Въ остальныхъ владѣніяхъ она, быть можетъ, присвоила себѣ титулъ Augusta, Σεβαστή; хотя и нѣтъ монетъ Зиновіи, принадлежащихъ къ тому времени, когда еще не произошло разрыва съ Римомъ, но съ одной стороны александрійская надпись съ словами βασιλίσσης καὶ βασιλέως προσταξάντων [Eph. epigr. IV, p. 25 n. 33] не можетъ имѣть никакихъ притязаній на офиціальную редакцію, а съ другой стороны надпись въ Библосѣ [Byblos C. I. Gr. 4503 b=Waddington zu n. 2611] въ дѣйствительности даетъ Зиновіи титулъ Σεβαστή на ряду съ Клавдіемъ или съ Авреліаномъ, между тѣмъ какъ не даетъ его Вабаллату. Это можетъ объясняться тѣмъ, что Augusta былъ почетный титулъ, а Augustus было обозначеніе званія; поэтому женщинѣ могло быть дозволено то, чего нельзя было дозволить мущинѣ.

[2]) Таковъ разсказъ Зосима 1, 44, съ которымъ въ сущности сходятся разсказы Зонары 12, 27 и Синкелла стр. 721. Разсказъ въ жизнеописаніи Клавдія, гл. 11, скорѣе поставленъ не на своемъ мѣстѣ, нежели противорѣчивъ; его первая половина замѣчательна лишь названіемъ Saba; разсказъ начинается успѣшной попыткой Тимагена отразить нападеніе Проба [названнаго здѣсь Probatus]. То, что я нашелъ касательно этого предмета у Sallet [Palmyra, стр. 44], не выдерживаетъ критики.

владычество; ихъ гарнизоны были разставлены вплоть до Анкиры въ Галатіи, и даже въ Халкедонѣ, насупротивъ Византія, они попытались утвердить верховную власть своей царицы. При этомъ Пальмирцы не отказывались отъ повиновенія римскому правительству, а, по всему вѣроятію, выдавали свои предпріятія за примѣненіе къ дѣлу той верховной власти надъ востокомъ, которая была возложена римскимъ правительствомъ на пальмирскаго царя; что же касается тѣхъ римскихъ офицеровъ, которые противились расширенію пальмирскаго владычества, то ихъ обвиняли въ уклоненіи отъ исполненія императорскихъ распоряженій: выбитыя въ Александріи монеты носятъ на себѣ имена Авреліана и Вабаллата, поставленныя одно подлѣ другаго, и только къ первому изъ нихъ присовокупляютъ титулъ Августа. Въ дѣйствительности, востокъ отдѣлился отъ имперіи, которая распалась на двѣ части вслѣдствіе приведенія въ исполненіе того распоряженія, на которое несчастный Галліенъ былъ вынужденъ необходимостью.

Нападеніе Авреліана на Пальмирцевъ. — Энергичный и осмотрительный императоръ, которому тогда досталась верховная власть, немедленно объявилъ, что не признаетъ пальмирскаго соправительства, а натуральнымъ послѣдствіемъ этого было то, что приверженцы Вабаллата провозгласили его императоромъ. Египетъ былъ уже въ концѣ 270 г., послѣ упорныхъ сраженій, снова присоединенъ къ имперіи храбрымъ военачальникомъ Пробомъ, — тѣмъ самымъ, который впослѣдствіи занялъ мѣсто Авреліана[1]). Второй городъ имперіи, Александрія, поплатился за эту побѣду почти своимъ существованіемъ, какъ это будетъ разсказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Труднѣе было завоеваніе отдаленнаго сирійскаго оазиса. Всѣ другія восточныя войны временъ имперіи велись преимущественно арміями, набранными среди мѣстнаго населенія, а теперь, когда западу пришлось снова покорять отложившійся востокъ, снова сражались, какъ то было

---

[1]) Опредѣленіе времени основано на томъ, что узурпаторскія монеты Вабаллата прекращаются уже на пятомъ году его владычества надъ Египтомъ, а именно 29 авг. 270/271 года; тотъ фактъ, что онѣ очень рѣдки, говоритъ въ пользу начала года. Съ этимъ въ сущности согласно и то, что взятіе приступомъ Прухейона [который не былъ частію города, а поселеніемъ, близко примыкавшимъ къ городу со стороны большаго оазиса: Hieronymus, Vit. Hilarionis гл. 33, 34, вол. 2, стр. 32, Vall.] отнесено Евсевіемъ въ *Хроникѣ* къ 1-му году царствованія Клавдія, а Амміаномъ 22, 16, 15 къ царствованію Авреліана; въ болѣе точномъ разсказѣ Евсевія [Hist. Eccl. 7, 32] нѣтъ указаній времени. Обратное завоеваніе Египта Пробомъ упоминается только въ его біографіи гл. 9; оно, быть можетъ, совершилось именно такъ, какъ оно разсказано; но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что въ этомъ насквозь пропитанномъ фальшью источникѣ исторія Тимагена mutatis mutandis отнесена къ императору.

при свободной республикѣ, западные народы съ восточными [1])—солдаты, пришедшіе съ береговъ Рейна и Дуная, съ солдатами сирійскихъ степей. Эта важная кампанія началась, какъ кажется, въ концѣ 271 года. Римская армія достигла границы Каппадокіи, не встрѣчая никакихъ препятствій, но тамъ ей оказалъ упорное сопротивленіе городъ Тіана, загораживавшій проходъ черезъ киликійскія ущелья. Послѣ того, какъ Тіана была взята и Авреліанъ расчистилъ себѣ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, милостиво обойдясь съ ея жителями, онъ перешолъ черезъ Тавръ и проникъ черезъ Киликію въ Сирію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Зиновія расчитывала на дѣятельную помощь со стороны персидскаго царя, но обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Достигшій глубокой старости царь Шапуръ не принялъ участія въ этой войнѣ, и повелительницѣ римскаго востока пришлось полагаться на ея собственныя силы, часть которыхъ, быть можетъ, перешла на сторону законнаго императора. Подлѣ Антіохіи императору загородили дорогу главныя военныя силы Пальмирцевъ, предводимыя Забдой; там находилась и сама Зиновія. Удачное сраженіе съ болѣе многочисленной, чѣмъ римская, пальмирской конницей близь Оронта отдало въ руки Авреліана городъ, которому было даровано такое-же, какъ и Тіанѣ, полное помилованіе—императоръ основательно призналъ, что подданныхъ римской имперіи едва-ли можно винить въ томъ, что они исполняли приказанія пальмирскаго царя, возведеннаго самимъ римскимъ правительствомъ въ званіе главнаго начальника страны. Пальмирцы удалились, выдержавъ передъ своимъ отступленіемъ сраженіе подлѣ предмѣстія Антіохіи Дафны, и направились по большой дорогѣ, которая вела изъ столицы Сиріи въ Эмезу, а оттуда черезъ степи въ Пальмиру. Авреліанъ потребовалъ отъ царицы, чтобъ она покорилась и указывалъ на сильныя потери, понесенныя въ битвахъ на Оронтѣ. Эти потери чувствительны только для Римлянъ, отвѣчала царица, а восточная армія еще не признаетъ себя побѣжденной. Подлѣ Эмезы [2]) она приготовилась къ рѣшительной битвѣ.

[1]) Именно это старался выставить на видъ разсказъ Зосима, 1, 52 о битвѣ при Эмезѣ, когда въ немъ перечисляясь Далматы, Мезійцы, Паннонцы, уроженцы Норика, Ретійцы, Мавританцы и тѣлохранители, входившіе въ составъ Авреліановой арміи. Когда Зосимъ присовокупляетъ къ этимъ войскамъ войска Тіаны и нѣкоторые отряды изъ Месопотаміи, Сиріи, Финикіи, Палестины, то подъ этимъ, безъ сомнѣнія, подразумѣваются каппадокійскіе гарнизоны, присоединившіеся къ Авреліановой арміи послѣ взятія Тіаны, и нѣкоторые преданные Риму отряды восточной арміи, перешедшіе къ Авреліану при его вступленіи въ Сирію.

[2]) Евтропій 9, 13 по ошибкѣ говоритъ, что рѣшительная битва происходила haud longe ab Antiochia: эта ошибка усилена Руфіемъ гл. 24 [отъ котораго заимствовался Іеронимъ, Chron. a. Abr. 2289] и Синкелломъ

Эта битва была продолжительна и кровопролитна; римская конница не устояла и, обратившись въ бѣгство, разсѣялась, но легіоны рѣшили дѣло и побѣда осталась за Римлянами. Труднѣе борьбы было передвиженіе арміи. Эмеза отстоитъ отъ Пальмиры въ прямомъ направленіи на 16 нѣмецкихъ миль, и хотя въ ту эпоху самаго высокаго развитія сирійской цивилизаціи страна не была тамъ пустынна, какъ въ настоящее время, все-таки переходъ, совершонный Авреліаномъ, былъ важнымъ подвигомъ тѣмъ болѣе потому, что легкая непріятельская кавалерія со всѣхъ сторонъ окружала римскую армію. Не смотря ни на что, Авреліанъ достигъ своей цѣли и приступилъ къ осадѣ хорошо укрѣпленнаго и снабженнаго припасами города; труднѣе самой осады было снабженіе осаждающихъ съѣстными припасами. Въ концѣ концевъ мужество царицы ослабѣло и она втайнѣ бѣжала изъ города, чтобъ просить помощи у Персовъ. Но счастіе не измѣняло императору. Посланные за ней въ догоню римскіе всадники захватили ее вмѣстѣ съ сыномъ въ плѣнъ въ то время, какъ она только-что достигла Евфрата и готовилась пересѣсть въ спасительную лодку, а горожане, узнавши о ея бѣгствѣ, упали духомъ и сдались на капитуляцію (272 г.). Авреліанъ и на этотъ разъ, какъ въ теченіе всей кампаніи, даровалъ полное помилованіе покорившимся гражданамъ. Но царица, ея должностныя лица и офицеры были присуждены къ строгому наказанію. Зиновія, въ теченіе многихъ лѣтъ властвовавшая съ мужеской энергіей, унизилась на этотъ разъ до того, что стала взывать къ привилегіямъ женщины и возлагать отвѣтственность на своихъ совѣтниковъ, многіе изъ которыхъ, и въ томъ числѣ славный ученый Кассій Лонгинъ, кончили жизнь подъ топоромъ палача. Она сама должна была фигурировать въ тріумфальномъ шествіи императора и не пошла по стезѣ Клеопатры, а шла въ золотыхъ цѣпяхъ, на глазахъ у народной толпы, передъ колесницей побѣдителя въ римскій Капитолій. Но прежде чѣмъ Авреліанъ могъ отпраздновать свою побѣду, ему пришлось повторить ее. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сдачи города, Пальмирцы снова возстали, истребили небольшой, стоявшій тамъ гарнизономъ римскій отрядъ и провозгласили повелителемъ нѣкоего Антіоха [1]), попытавшись вмѣстѣ съ тѣмъ скло-

---

стр. 721 вслѣдствіе прибавки apud Immas, ἐν Ἴμμαις; эта мѣстность, находящаяся въ 33 рим. миляхъ отъ Антіохіи на дорогѣ въ Халкиду, очень далека отъ Эмезы. Два главныхъ разсказа—Зосима и Авреліанова біографа сходятся между собою въ главныхъ подробностяхъ.

[1]) Это имя называютъ Зосимъ 1, 60 и Полемій Сильвій стр. 243; біографъ Авреліана гл. 31 называетъ Ахиллея, вѣроятно смѣшивая этого узурпатора съ узурпаторомъ Діоклетіановскихъ временъ. — Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ разсказѣ, что въ то же время и въ Египтѣ возсталъ противъ римскаго прави-

нить къ возстанію и намѣстника Месопотаміи Марцеллина. Извѣстіе объ этомъ дошло до императора въ то время, какъ онъ только-что переправился черезъ Геллеспонтъ. Онъ немедленно возвратился назадъ и появился подъ стѣнами возмутившагося города ранѣе, чѣмъ могли того ожидать и друзья и недруги. Бунтовщики не были къ этому подготовлены; на этотъ разъ не было оказано никакого сопротивленія, но не было оказано и помилованія.

Разрушеніе Пальмиры.—Пальмира была разрушена, общинное устройство исчезло, городскія стѣны были срыты, а самыя лучшія части великолѣпнаго храма, воздвигнутаго въ Пальмирѣ въ честь солнца, были перенесены въ тотъ храмъ, который былъ воздвигнутъ императоромъ въ Римѣ въ воспоминаніе этой побѣды восточному богу солнца. Остались только пустыя галлереи и стѣны, почти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся и до сихъ поръ. Это случилось въ 273 г. [1]). Процвѣтаніе Пальмиры было искуственное: оно было послѣдствіемъ даннаго торговлѣ направленія и возведенія по этому случаю общественныхъ зданій. Теперь правительство отвернулось отъ злосчастнаго города. Торговля стала искать и нашла иные пути; такъ какъ Месопотамія считалась въ то время римской провинціей и дѣйствительно вскорѣ снова была присоединена къ имперіи, а страна Набатеевъ находилась въ рукахъ Римлянъ вплоть до гавани Эланы (Aelana), то можно было обойтись безъ прежней промежуточной станціи и направить торговлю въ Бостру или въ Берею (Алеппо). Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ Пальмира и ея цари блеснули минутнымъ блескомъ метеора, тамъ настали запустѣніе и безмолвіе, которыя съ тѣхъ поръ и по сіе время царятъ тамъ надъ бѣдной степной деревушкой и надъ ея развалившимися колоннадами.

тельства одинъ изъ приверженцевъ Зиновіи по имени Фирмъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ разбойничьимъ атаманомъ; но источникомъ для этого факта служать лишь біографіи императоровъ, а разныя добавочныя подробности кажутся очень сомнительными.

[1]) Хронологія этихъ событій не совсѣмъ твердо установлена. Рѣдкость сирійскихъ монетъ Вабаллата съ титуломъ Августа доказываетъ, что вскорѣ вслѣдъ за разрывомъ съ Авреліаномъ [въ концѣ 270] совершилось и покореніе Пальмиры. Судя по надписямъ Одената и Зиновіи отъ августа 271 г. [W a d d i n g t o n 2611], владычество царицы еще было въ ту пору прочно. Такъ какъ, въ виду климатическихъ условій, экспедиція такого рода могла быть предпринята не иначе, какъ весной, то слѣдуетъ полагать, что Пальмира въ первый разъ была взята весной 272 г. Самая новая [только пальмирская] надпись, какая намъ извѣстна изъ той эпохи [V o g ü é n. 116], относится къ августу 272 г. Быть можетъ, въ это время произошло возстаніе, а вторичное взятіе города и его разрушеніе слѣдуетъ отнести къ веснѣ 273 г. [сравн. стр. 146 прим.]

Война Кара съ Персами. — Эфемерное пальмирское царство было какъ при своемъ возникновеніи, такъ и при своемъ паденіи тѣсно связано съ отношеніями Римлянъ къ неримскому востоку, но тѣмъ не менѣе его исторія была самостоятельнымъ отрывкомъ изъ всеобщей исторіи имперіи, — такъ какъ восточное царство Зиновіи, подобно западному государству Постума, было одной изъ тѣхъ частей, на которыя въ ту пору, по видимому, должно было разложиться громадное цѣлое. Если во время существованія этого царства, его правители усердно старались положить предѣлъ захватамъ Персовъ, и даже усиленіе ихъ могущества было послѣдствіемъ именно этихъ стараній, то при его разрушеніи не только они искали спасенія у тѣхъ-же Персовъ, но Римляне лишились Арменіи и Месопотаміи, по всему вѣроятію, вслѣдствіе отпаденія Зиновіи, и даже послѣ покоренія Пальмиры Евфратъ снова остался на нѣкоторое время границей римскихъ владѣній. Достигши этой рѣки, царица надѣялась найти убѣжище у Персовъ, и черезъ эту рѣку не захотѣлъ переводить своихъ легіоновъ Авреліанъ, потому что и Галлія съ Британіей и Испанія еще не признавали въ ту пору римскаго правительства. Ни онъ ни его преемникъ Пробъ не брались за продолженіе этой борьбы. Но когда послѣ преждевременной смерти этого послѣдняго, войска провозгласили въ 282 г. императоромъ высшаго послѣ него по рангу военачальника Марка Аврелія Кара, первымъ словомъ новаго властителя была угроза, что Персы не позабудутъ этого избранія, — и онъ сдержалъ свое слово. Онъ тотчасъ вступилъ во главѣ арміи въ Арменію и возстановилъ тамъ прежніе порядки. На границѣ его встрѣтили персидскіе послы, изъявившіе готовность согласиться на всякое справедливое требованіе [1]); но на ихъ слова не было обращено никакого вниманія и армія безостановочно подвигалась далѣе. Месопотамія снова подпала подъ власть Римлянъ; пареянскія резиденціи Селевкія и Ктезифонъ были еще разъ заняты Римлянами, которые не встрѣтили при этомъ никакого серьознаго сопротивленія, — чему содѣйствовала

[1]) Намъ не сообщаютъ ничего новаго о положеніи Армянъ вообще сомнительные разсказы [Vita Valer. 6; Vita Aurel. 27. 28], что Армяне послѣ катастрофы Валеріана, держали сторону Персовъ, а во время послѣдняго кризиса Пальмирцевъ появляются рядомъ съ Персами въ качествѣ союзниковъ Зиновіи; и то и другое было натуральнымъ послѣдствіемъ общаго положенія дѣлъ. Что Авреліанъ не покорилъ ни Арменію ни Месопотамію, объ этомъ свидѣтельствуютъ частію молчаніе историковъ, частію сообщеніе Синезія [De regno стр. 17], что императоръ Каринъ [вѣрнѣе Каръ], находясь въ Арменіи подлѣ самой границы персидскихъ владѣній, сухо обошолся съ персидскими послами и что напуганный ихъ донесеніями юный персидскій царь изъявилъ готовность на всякія уступки. Я не понимаю, какъ могъ Gutschmid [Ztschr. d. D. M. G. 3, 50] относить этотъ фактъ къ Пробу; напротивъ того, онъ очень удобно примѣнимъ къ персидской экспедиціи Кара.

свирѣпствовавшая въ ту пору въ Персіи междоусобная война между братьями [1]). Императоръ только-что перешолъ черезъ Тигръ въ намѣреніи проникнуть внутрь непріятельской страны, когда лишился жизни путемъ насилія, вѣроятно, отъ руки убійцы; вмѣстѣ съ его жизнію окончилась и кампанія. Но его преемнику были уступлены при заключеніи мира Арменія и Месопотамія [2]); хотя Каръ носилъ императорскую мантію немного долѣе одного года, онъ возстановилъ тѣ границы, какія имперія получила при Северѣ.

Война съ Персами при Діоклетіанѣ.—Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (293 г.) на ктезифонскій престолъ вступилъ новый властитель—сынъ царя Шапура Нарсесъ и объявилъ въ 296 г. войну Римлянамъ изъ-за обладанія Месопотаміей и Арменіей [3]). Діоклетіанъ, управлявшій въ то время какъ всей имперіей, такъ и востокомъ, поручилъ веденіе этой войны своему соправителю, необразованному, но храброму полководцу Галерію Максиміану. Начало войны было неблагопріятно для Римлянъ. Персы проникли въ Месопотамію и достигли Карръ; цезарь перевелъ сирійскіе легіоны черезъ Евфратъ

---

[1]) О завоеваніи вновь Месопотаміи говоритъ только біографъ гл. 8; но она принадлежала Римлянамъ въ то время, какъ вспыхнула война съ Персіей при Діоклетіанѣ. Тамъ-же упоминается о внутреннихъ смутахъ въ Персіи; въ одной публичной рѣчи [P a n e g. 3 гл. 17], произнесенной въ 289 г., также упоминается о войнѣ, которую велъ противъ царя Персіи [это былъ Барамъ II] его родной братъ Ормисъ или вѣрнѣе Гормиздъ a d s c i t i s S a c i s e t R u f i i s [?] e t G e l l i s [сравн. N ö l d e k e, T a b a r i. стр. 479]. Вообще до насъ дошли лишь отрывочныя свѣдѣнія объ этой важной кампаніи.

[2]) Это ясно говоритъ Мамертинъ [P a n e g. 2. 7, сравн. 2. 10. 3, 6] въ рѣчи, произнесенной въ 289 году; S y r i a m v e l u t a m p l e x u s u o t e n e b a t E u p h r a t e s a n t e q u a m D i o c l e t i a n o s p o n t e [то-есть, такъ что Діоклетіанъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ оружію, какъ это объясняется далѣе] s e d e d e r e n t r e g n a P e r s a r u m; другой панегиристъ говорилъ въ 296 году [P a n e g. 5, 3]: P a r t h o u l t r a T i g r i m r e d u c t o. Противъ этого не могутъ служить опроверженіемъ ни то, что, по словамъ Виктора [C a e s. 39, 33], Галерій двинулся въ Месопотамію r e l i c t i s f i n i b u s, ни то, что, по словамъ Руфія Феста гл. 25, Нарсесъ уступилъ Месопотамію среди мира; не можетъ служить опроверженіемъ и то, что восточные писатели относятъ занятіе Низиба римскимъ гарнизономъ къ 609 Сел.= 297 8 послѣ Р. Х. [N ö l d e k e T a b a r i, стр. 50]. Если бы это была правда, то подробный разсказъ о мирныхъ переговорахъ 297 года у Петра Патриція (fr. 14) не могъ-бы умолчать объ уступкѣ Месопотаміи и говоритъ только о регулированіи пограничныхъ сношеній.

[3]) Что Нарсесъ вторгнулся въ тогдашнюю римскую Арменію, говоритъ Аммiанъ 23, 5. 11: касательно Месопотаміи тоже слѣдуетъ заключить изъ словъ Евтропія 9, 24. Еще 1 марта 296 миръ не былъ нарушенъ или на западѣ еще не знали объ объявленіи войны [P a n e g. 5, 10].

подлѣ Никефорія и двинулся имъ на встрѣчу; между этими двумя позиціями сошлись двѣ арміи и самая слабая изъ нихъ, римская, была разбита. Это былъ тяжелый ударъ, и юному полководцу пришлось выслушивать тяжелые упреки; но онъ не упалъ духомъ. Для слѣдующей кампаніи были доставлены подкрѣпленія изъ всей имперіи и два правителя лично выступили въ походъ; Діоклетіанъ занялъ съ главными военными силами позицію въ Месопотаміи, между тѣмъ какъ Галерій, получившій тѣмъ временемъ въ подкрѣпленіе отборныя иллирійскія войска, двинулся съ 25-ти-тысячной арміей на встрѣчу непріятелю въ Арменію и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Побѣдителю достались не только лагерь и казна великаго царя, но даже его гаремъ, и самъ Нарсесъ съ трудомъ избѣжалъ плѣна. Только изъ желанія обратно получить своихъ женъ и дѣтей, царь изъявилъ готовность заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ; его посланецъ Артабанъ умолялъ Римлянъ поберечь Персовъ, такъ какъ двѣ имперіи римская и персидская то-же, что два ока этого міра, и ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другой. Римляне могли-бы въ ту пору присоединить къ своимъ восточнымъ провинціямъ еще одну, но осторожный императоръ удовольствовался тѣмъ, что регулировалъ положеніе своихъ владѣній на сѣверо-востокѣ. Месопотамія, само собою разумѣется, осталась во власти Римлянъ; важныя торговыя сношенія съ сосѣдними неподвластными Риму странами были подчинены строгому государственному надзору и въ сущности сосредоточены въ Низибѣ, который служилъ опорнымъ пунктомъ для охраны римской границы въ восточной Месопотаміи. Границей непосредственнаго римскаго владычества былъ признанъ Тигръ, однако съ тѣмъ дополнительнымъ условіемъ, что вся южная Арменія до озера Ѳоспитисъ (Ванскаго) и до Евфрата, то-есть вся долина верхняго Тигра должна принадлежать къ римской имперіи. Эта прикасавшаяся къ Месопотаміи страна не была обращена въ настоящую провинцію, а управлялась по прежнему такъ-же, какъ римская сатрапія Софена. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, тамъ была построена сильная крѣпость Амида (Діарберкиръ), бывшая съ тѣхъ поръ главнымъ римскимъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ области верхняго Тигра. Въ то-же время была заново проведена граница между Арменіей и Мидіей и вассальная зависимость какъ Арменіи такъ и Иберіи отъ Рима была снова утверждена. Мирныя условія не возложили на побѣжденныхъ значительныхъ территоріальныхъ уступокъ, но они установили выгодную для Римлянъ пограничную линію, которая потомъ долго раздѣляла владѣнія двухъ государствъ въ этихъ странахъ, бывшихъ цѣлію столь продолжительной борьбы [1]). Такимъ образомъ

[1]) Въ разсказахъ Петра Патриція [f r. 14] и Аммiана [25, 7, 9], котор

политическія цѣли Траяна вполнѣ осуществились, но именно тогда центръ тяжести римскаго владычества передвинулся съ запада на востокъ.

ГЛАВА X.

Сирія и страна Набатеевъ.

Завоеваніе Сиріи.—Римляне долго не рѣшались приступить къ покоренію восточной половины береговъ Средиземнаго моря послѣ того, какъ покорили ихъ западную половину; не въ сопротивленіи, которое было тамъ сравнительно незначительно, а въ основательномъ опасеніи, что послѣдствіемъ этихъ завоеваній будетъ уничтоженіе римской національности, заключалась причина того, что они старались такъ долго, какъ это было возможно, только поддерживать въ тѣхъ странахъ свое преобладающее политическое вліяніе и что настоящее присоединеніе къ имперіи по меньшей мѣрѣ Сиріи и Египта состоялось лишь тогда, когда государство уже почти сдѣлалось монархіей. Конечно, римское государство достигло этимъ путемъ географической цѣльности: Средиземное море — эта настоящая основа Рима съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался ве-

---

исключительнымъ образомъ хороши, мы находимъ разногласія лишь во внѣшней формѣ. Хотя Прискъ и говоритъ, что Тигръ долженъ былъ считаться настоящей границей имперіи, но этимъ не исключается возможность того, что эта граница въ иныхъ мѣстахъ заходила за Тигръ тѣмъ болѣе потому, что верхнее теченіе той рѣки чрезвычайно своеобразно; напротивъ того пять округовъ, поименованныхъ Петромъ Патриціемъ, по видимому, считаются лежащими по ту сторону Тигра и составляющими исключеніе изъ далѣе приводимаго общаго правила. Округи, которые и у Приска и положительнымъ образомъ у Аммiана упоминаются, какъ лежащіе по ту сторону Тигра, были—по словамъ ихъ обоихъ Арзанена, Кардуэна и Забдикена, по словамъ Приска Софена и Интилена [„должно быть Ингилина, по-армянски Ангель, теперешній Эгиль“,—говоритъ Кипертъ], по словамъ Амміана Моксоэна и Регимена (?); всѣ они не могли считаться Римлянами за персидскія владѣнія до заключенія мира, когда Арменія уже была Romano iuri obnoxia [Амміанъ, 23, 5, 11]; самые западные изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже тогда составляли часть римской Арменіи, а здѣсь упоминаются только потому, что вслѣдствіе заключенія мира были присоединены къ имперіи подъ названіемъ сатрапіи Софены. Что здѣсь шла рѣчь не о границѣ уступленной территоріи, а о границѣ непосредственныхъ римскихъ владѣній, видно изъ сдѣланнаго отсюда вывода, указывающаго границу между Арменіей и Мидіей.

ликой державой,—было во всѣ стороны римскимъ внутреннимъ озеромъ, а мореплаваніе и торговля на этомъ озерѣ были подчинены однимъ и тѣмъ-же правиламъ ко благу всѣхъ обитателей его береговъ. Но рядомъ съ географической цѣльностью возникло національное раздвоеніе. Греція и Македонія не могли внести въ римское государство національнаго раздвоенія, точно такъ какъ греческіе города Неаполь и Массалія не могли эллинизировать Кампанію и Провансъ. Но если въ Европѣ и въ Африкѣ греческія владѣнія были незначительны въ сравненіи съ замкнутой массой латинскихъ владѣній, за то Грекамъ исключительно принадлежало все, что было включено въ эту сферу культуры въ третьей части свѣта и въ неотъемлемо къ ней принадлежащей долинѣ Нила,—имъ принадлежали Антіохія и Александрія, которыя были настоящими представительницами достигшей въ лицѣ Александра своего апогея греческой культуры, были центрами эллинской жизни и эллинской образованности и такими-же великими городами, какъ Римъ. Послѣ того, какъ мы описали въ предъидущей главѣ не прекращавшуюся при имперіи борьбу востока съ западомъ въ Арменіи и въ Месопотаміи изъ-за обладанія этими странами, мы перейдемъ къ описанію положенія, въ которомъ находились тѣмъ временемъ сирійскія страны. Подъ этими словами мы разумѣемъ ту область, которая отдѣляется отъ Малой Азіи горною цѣпью Писидіи, Исавріи и западной Киликіи, отъ Арменіи и Месопотаміи восточнымъ продолженіемъ тѣхъ-же горъ и Евфратомъ, отъ пареянскаго царства и отъ Египта аравійскою степью; мы только нашли болѣе удобнымъ описать въ особой главѣ своеобразную судьбу Іудеи. Соотвѣтственно различію политическаго развитія подъ императорскимъ управленіемъ, сначала будетъ итти рѣчь о собственной Сиріи, о сѣверной ея части и о финикійскомъ берегѣ, который тянется у подножія Ливана, а потомъ о лежащей за Палестиной странѣ Набатеевъ. То, что мы имѣли сказать о Пальмирѣ, уже нашло себѣ мѣсто въ предъидущей главѣ.

Провинціальное управленіе.—Со времени раздѣленія провинцій между императоромъ и сенатомъ, Сирія находилась подъ императорскимъ верховенствомъ и была на востокѣ, такъ-же какъ Галлія на западѣ, центромъ тяжести императорскаго гражданскаго и военнаго управленія. Это намѣстничество было съ самаго начала самымъ важнымъ изъ всѣхъ, а съ теченіемъ времени его значеніе только увеличивалось. Стоявшій во главѣ его сановникъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ, подобно намѣстникамъ двухъ Германій, четыре легіона, а между тѣмъ какъ у начальниковъ рейнской арміи было отнято управленіе внутренними галльскими странами и уже то, что они были равноправны, въ нѣкоторой мѣрѣ ограничивало ихъ власть, напротивъ того намѣстникъ Сиріи удержалъ въ своихъ рукахъ и

гражданское управленіе всей обширной провинціи безъ всякихъ ограниченій и долго былъ единственнымъ во всей Азіи главнокомандующимъ перваго ранга. Хотя въ лицѣ намѣстниковъ Палестины и Каппадокіи ему и были даны при Веспасіанѣ два сотоварища, также имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ легіоны, но за то сфера его управленія была расширена присоединеніемъ къ имперіи царства Коммагенскаго и вскорѣ послѣ того ливанскихъ княжествъ и включеніемъ этихъ странъ въ сферу его управленія. Только во второмъ столѣтіи права сирійскаго намѣстника нѣсколько уменьшились вслѣдствіе того, что Адріанъ отдалъ одинъ изъ его четырехъ легіоновъ въ распоряженіе намѣстника Палестины. Перваго мѣста въ римской военной іерархіи сирійскій намѣстникъ лишился только при Северѣ. Такъ какъ эта провинція попыталась возвести въ званіе императора Нигера, подобно тому какъ она когда-то возвела въ званіе императора своего намѣстника Веспасіана, то Северъ, подчинивши ее своей власти, несмотря на сопротивленіе ея главнаго города Антіохіи, раздѣлилъ ее на двѣ части—на сѣверную и южную, и далъ намѣстнику первой изъ нихъ, такъ-называемой Келесиріи (Syria Coele), два легіона, а намѣстнику второй, такъ-называемой Сирофиникіи, одинъ легіонъ.

Сирійскія войска.—Сирію можно сравнить съ Галліей и въ томъ отношеніи, что этотъ императорскій административный округъ рѣзче многихъ другихъ раздѣлялся на мѣстности, пользовавшіяся постояннымъ внутреннимъ спокойствіемъ, и на нуждавшіеся въ охранѣ пограничные округа. Если длинные берега Сиріи и ея западная часть не были подвержены непріятельскимъ нашествіямъ, а охрана границы со стороны степей отъ бродячихъ бедуиновъ лежала не столько на обязанности сирійскихъ легіоновъ, сколько на обязанности арабскихъ и іудейскихъ князей и впослѣдствіи войскъ, стоявшихъ въ провинціи Аравіи и также Пальмирцевъ, за то евфратская граница требовала такой-же охраны отъ Пареянъ, какой требовала рейнская граница отъ Германцевъ,—въ особенности до того времени, когда Месопотамія подпала подъ власть Римлянъ. Но когда сирійскимъ легіонамъ приходилось защищать границу, безъ нихъ нельзя было обойтись и въ западной Сиріи [1]). Конечно, стоявшія на

---

[1]) Мы не въ состояніи съ точностью указать, гдѣ находились постоянныя стоянки сирійскихъ легіоновъ; но то, что здѣсь нами сказано, въ сущности безспорно. При Неронѣ 10 легіонъ стоялъ въ Рафанеяхъ на юго-западѣ отъ Гамата [Josephus, Bell. 7, 1, 3], и тамъ-же или неподалеку оттуда стоялъ при Тиверіѣ 6 легіонъ [Тацитъ, *Лѣт.* 2, 79]; по всему вѣроятію, или въ Антіохіи или вблизи отъ нея стоялъ при Неронѣ 12 легіонъ [Joseph. Bel. 2, 18, 9]. По меньшей мѣрѣ одинъ легіонъ стоялъ на Евфратѣ; относительно того времени,

Рейнѣ войска имѣли въ виду и Галлію; однако Римляне могли съ основательной гордостью утверждать, что для обширной столицы Галліи и для трехъ галльскихъ провинцій было достаточно постоянной арміи изъ 1200 человѣкъ. Но для того, чтобъ держать въ покорности сирійское населеніе и въ особенности столицу римской Азіи, было недостаточно поставить легіоны на Евфратѣ. Не только на степной окраинѣ, но и въ горныхъ ущельяхъ, вблизи отъ покрытыхъ роскошною жатвою полей и отъ большихъ городовъ хозяйничали—не въ такой мѣрѣ какъ теперь, но и въ ту пору безпрерывно—шайки отважныхъ разбойниковъ, нерѣдко переодѣвавшихся купцами или солдатами для того, чтобъ грабить загородные дома и селенія. И въ самыхъ городахъ и главнымъ образомъ въ Антіохіи, точно такъ-же какъ въ Александріи, требовалось присутствіе постояннаго гарнизона. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, и заключалась причина того, что въ Сиріи даже никогда не пробовали вводить то раздѣленіе на гражданскіе и военные округа, которое было введено въ Галліи еще при Августѣ, и что на римскомъ востокѣ вовсе не было тѣхъ самостоятельныхъ лагерныхъ поселеній, между которыми особенно выдѣлялись на Рейнѣ Майнцъ, въ Испаніи Леонъ, въ Англіи Честеръ. Безъ сомнѣнія, этимъ-же объясняется и тотъ фактъ, что сирійская армія и по дисциплинѣ и по духу была гораздо ниже армій, стоявшихъ въ западныхъ провинціяхъ, и что въ городскихъ стоянкахъ восточныхъ армій никогда не могла быть введена такая же суровая дисциплина, какая господствовала въ постоянныхъ лагеряхъ на западѣ. Когда стоящія неподвижно на одномъ мѣстѣ войска должны исполнять, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, еще обязанности полицейскія, это производитъ на ихъ нравственность вредное вліяніе, и нерѣдко случается, что удерживая въ покорности безпокойное городское населеніе, они вмѣстѣ съ тѣмъ сами отвыкаютъ отъ дисциплины. Печальнымъ доказательствомъ этого могутъ

которое предшествовало присоединенію Коммагены къ имперіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іосифъ, Bell. 7, 1, 3, а впослѣдствіи одинъ изъ сирійскихъ легіоновъ имѣлъ свою главную квартиру въ Самосатѣ [Птолемей 5, 15, 11; надпись временъ Севера C. I. L. VI, 1409; Itin. Antonini стр. 186]. Штабы сирійскихъ легіоновъ, по всему вѣроятію, большею частію находились въ западныхъ округахъ, а эти порядки были главной причиной безпрестанно возобновлявшихся жалобъ, что отводя для сирійской арміи постоянныя стоянки въ городахъ, ее совершено портили. Сомнительно, имѣли-ли собственно такъ-называемыя главныя квартиры легіоновъ свое мѣстопребываніе въ лучшую пору имперіи на степной окраинѣ; въ занятіи тамъ пограничныхъ постовъ участвовали и отряды легіоновъ, а именно въ особенно безпокойномъ округѣ между Дамаскомъ и Бострой стояло не мало легіонныхъ солдатъ, которые присылались туда частію изъ сирійскаго военнаго округа, частію изъ арабскаго—съ тѣхъ поръ, какъ этотъ послѣдній былъ организованъ Траяномъ.

служить ранѣе описанныя сирійскія войны; ни для одной изъ нихъ не нашлось на мѣстѣ годной арміи и всякій разъ приходилось вызывать войска съ запада, чтобъ дать войнѣ благопріятный оборотъ.

Эллинизированіе Сиріи.—Сирія въ тѣсномъ смыслѣ слова и прилегавшія къ ней страны — плоская Киликія и Финикія не имѣли подъ владычествомъ римскихъ императоровъ исторіи въ настоящемъ значеніи этого слова. Жители этихъ странъ принадлежатъ къ тому же племени, къ которому принадлежатъ жители Іудеи и Аравіи, а праотцы Сирійцевъ и Финикійцевъ жили въ болѣе отдаленныя времена на одномъ мѣстѣ съ праотцами Іудеевъ и Арабовъ и говорили на одномъ съ ними языкѣ. Но между тѣмъ какъ эти послѣдніе сохранили свою самостоятельность и свой языкъ, Сирійцы и Финикіяне эллинизировались уже прежде того, какъ подпали подъ римское владычество. Это эллинизированіе совершилось путемъ образованія эллинскихъ политій. Основой для этого, правда, послужило туземное развитіе, а именно лежавшіе на берегахъ Финикіи старинные и большіе торговые города. Но та система государственнаго устройства, которой придерживались Александръ и Александриды, равно какъ римская республика, имѣла фундаментомъ не племя, а городскую общину; не древне-македонское наслѣдственное царство, а греческую политію принесъ Александръ на востокъ, и не изъ племенъ, а изъ городовъ и онъ и Римляне намѣревались организовать свою имперію. Понятіе объ автономной гражданской общинѣ растяжимо и автономія Аѳинъ и Ѳивъ была иная, чѣмъ автономія македонскихъ и сирійскихъ городовъ, точно такъ-же какъ въ сферѣ римскаго владычества автономія свободной Капуи имѣла иное значеніе, чѣмъ автономія латинскихъ колоній при республикѣ или даже городскихъ общинъ во времена имперіи; но и тутъ и тамъ въ основѣ лежало понятіе о самоуправляющейся и самодержавной внутри своихъ городскихъ стѣнъ гражданской общинѣ. Послѣ разрушенія персидской имперіи, какъ Сирія, такъ и сосѣдняя съ нею Месопотамія сдѣлались какъ-бы соединительнымъ военнымъ мостомъ между западомъ и востокомъ и были усѣяны македонскими поселеніями, какъ никакая другая страна; македонскія названія мѣстностей, распространившіяся тамъ въ такомъ числѣ, въ какомъ они нигдѣ не встрѣчаются на всемъ пространствѣ владѣній Александра, служатъ доказательствомъ того, что тамъ былъ заложенъ фундаментъ эллинскимъ завоевателемъ востока и что Сирія должна была сдѣлаться для новаго царства Ново-Македоніей; оттого-то, пока существовало царство Александра, тамъ находилось и мѣстопребываніе центральнаго правительства. Послѣ того главные города Сиріи достигли еще большей независимости благодаря смутамъ, возникшимъ въ послѣднюю эпоху владычества Селевкидовъ. Въ такомъ положеніи застали ихъ Рим-

ляне. Послѣ предпринятаго Помпеемъ переустройства Сиріи, тамъ, по всему вѣроятію, уже вовсе не было такихъ городскихъ округовъ, которые находились-бы подъ непосредственнымъ римскимъ управленіемъ, а если зависимыя княжества и обнимали, въ первую эпоху римскаго владычества, значительную часть внутреннихъ странъ провинціи, то это были большею частію гористые и мало населенные округа, не имѣвшіе большаго значенія. Вообще говоря, чтобъ усилить развитіе городовъ, Римлянамъ оставалось немного дѣла въ Сиріи и менѣе, чѣмъ въ Малой Азіи. Поэтому почти вовсе неприходится упоминать объ основаніи во времена имперіи новыхъ городовъ въ Сиріи. Немногія основанныя тамъ колоніи, какъ напримѣръ при Августѣ Беритъ и, по всему вѣроятію, также Геліуполь, не имѣли иной цѣли, чѣмъ тѣ, которыя были заведены въ Македоніи,— а именно призрѣніе ветерановъ.

Мѣстный языкъ и мѣстные нравы сохраняются подъ владычествомъ эллинизма.—Въ какомъ взаимномъ отношеніи находились между собою Греки и болѣе древніе обитатели Сиріи, можно ясно видѣть уже изъ мѣстныхъ названій. Округи и города носятъ тамъ въ большинствѣ греческія названія, заимствованныя, какъ уже было замѣчено изъ македонской отчизны, какъ напримѣръ Піерія, Анѳемузія, Ареѳуза, Берея, Халкида, Эдесса, Эвропъ, Кирросъ, Лариса, Пелла; другіе носятъ имя Александра или членовъ царствующаго дома Селевкидовъ, какъ напримѣръ Александрія, Антіохія, Селевкида и Селевкія, Апамея, Лаодикея, Эпифанія. Правда, рядомъ съ этими названіями сохраняются и старинныя туземныя, какъ напримѣръ Берея также называлась по-арамейски Халепомъ и Халибономъ. Эдесса или Гіераполь также называлась Мабогомъ и Бамбикой, Эпифанія также называлась Гаматомъ и Амаѳой. Но старинныя названія бо́льшею частію уступаютъ мѣсто иноземнымъ и только немногія области и самые большіе города, какъ Коммагена, Самосата, Эмеза, Дамаскъ обходятся безъ вновь придуманныхъ греческихъ названій. Въ восточной Киликіи было основано немного македонскихъ городовъ, но ея главный городъ Тарсъ эллинизировался и рано и вполнѣ; еще задолго до римскаго владычества онъ сдѣлался однимъ изъ центровъ эллинской образованности. Въ Финикіи было нѣсколько иначе: издревле знаменитые торговые города Арадъ, Библосъ, Беритъ, Сидонъ, Тиръ въ сущности не отказались отъ своихъ туземныхъ названій; но до какой степени и тамъ греческій языкъ взялъ верхъ, видно изъ того, что именно эти названія были передѣланы на греческій манеръ и еще яснѣе изъ того, что Новый Арадъ извѣстенъ намъ только подъ греческимъ названіемъ Антарада, равно какъ основанный сообща жителями Тира, Сидона и Арада на этомъ берегу новый городъ извѣстенъ намъ только подъ

названіемъ Триполя, а оба эти города носятъ въ настоящее время названія Тарта и Тарабула, образовавшіяся изъ греческихъ названій. Уже во времена Селевкидовъ, монеты въ собственной Сиріи носятъ исключительно греческія надписи, а въ финикійскихъ городахъ бо́льшею частію греческія; такимъ образомъ уже съ самаго начала имперіи единовластіе греческаго языка тамъ было прочно установлено [1]).—Исключеніе изъ этого общаго правила,—какъ было ранѣе замѣчено (стр. 413).—представляетъ отдѣленный отъ Сиріи не только обширными степными пространствами, но и нѣкоторой политической самостоятельностью, оазисъ Пальмира. Но въ ежедневномъ употребленіи остались туземные діалекты. Въ горахъ Ливана и Антиливана, въ Эмезѣ (Homs), Халкидѣ, Абилѣ (эти два послѣднихъ находились между Беритомъ и Дамаскомъ), гдѣ мелкіе княжескіе роды туземнаго происхожденія властвовали до конца перваго столѣтія послѣ Р. Х., туземный языкъ, вѣроятно, былъ одинъ господствующимъ во времена имперіи, такъ какъ въ мало доступныхъ горахъ Друзовъ языкъ Арама только въ новѣйшее время уступилъ мѣсто арабскому языку. Но въ теченіе двухъ тысячелѣтій онъ былъ во всей Сиріи языкомъ народа [2]). Что относительно носившихъ двойное имя городовъ, сирійское названіе имѣло въ обыденной жизни такое-же преобладающее употребленіе, какое имѣло въ литературѣ греческое названіе, видно изъ того, что въ настоящее время Берея называется Халибонъ Халебъ (Алеппо), Эпифанія—Амаѳа Гаматъ, Гіераполь—Бамбикъ-Мабогъ Мембидъ, а Тиръ называется своимъ арамейскимъ именемъ Суръ; это видно также изъ того, что извѣстный намъ изъ древнихъ рукописей и изъ произведеній различныхъ писателей только подъ именемъ Геліуполя сирійскій городъ до сихъ поръ носитъ свое древнее туземное названіе Баальбека, и что вообще теперешнія названія мѣстъ произошли не отъ греческаго, а отъ арамейскаго языка. Точно такъ и религіозный культъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Сирія не утратила своей національности. Сирійцы, живущіе въ Береѣ, обращаются съ своими приношеніями, носящими греческія надписи, къ Зевсу Малбаху, живущіе въ Апамеѣ—къ Зевсу Белу, живущіе въ Беритѣ, въ качествѣ римскихъ гражданъ — къ Юпитеру Балмаркоду, но все это такіе боги, съ которыми въ сущности имѣютъ мало общаго и

---

1) Въ Библосѣ была найдена монета временъ Августа съ надписью на греческомъ и на финикійскомъ языкахъ [Imhoof-Blumer, monnaies grecques 1883, стр. 443].

2) Антіохійскій уроженецъ Іоаннъ Златоустъ [† 407] неоднократно указываетъ [De sanctis martyr. opp. ed. Paris 1718 vol. 2, p. 651: Homil. 19 гамъ-же стр. 188] на ἑτεροφωνία, на βαρβάρος φωνή αὐτῶν въ противоположность съ языкомъ образованныхъ людей.

Зевсъ и Юпитеръ. Зевсъ Белъ былъ тотъ самый, котораго чтили въ Пальмирѣ на сирійскомъ языкѣ подъ именемъ Малахъ Бела (стр. 416 прим. 1). Какъ было живуче туземное богопочитаніе въ Сиріи и какимъ живучимъ оно осталось, ясно видно изъ того, что эмезская дама, доставившая въ началѣ 3-го столѣтія сыну своей сестры императорское званіе благодаря своему вступленію въ родство съ домомъ Севера, не удовольствовалась тѣмъ, что ребенокъ назывался верховнымъ жрецомъ римскаго народа, а заставила его носить передъ всѣми Римлянами титулъ верховнаго жреца туземнаго бога солнца Эліогабала. Римляне могли побѣдить Сирійцевъ, но римскіе боги даже въ своей собственной отчизнѣ очистили поле сраженія передъ сирійскими. Сверхъ того, множество извѣстныхъ намъ сирійскихъ собственныхъ именъ преимущественно греческія, а двойныя имена нерѣдко греческія; Мессія называется также Христомъ, апостолъ Ѳома—Дидимомъ (Didymos), женщина «Серна», которую Петръ воскресилъ въ Іоппіи, называется также Тавиѳой или Доркой (Dorkas). Но для литературы и вѣроятно также для дѣловыхъ сношеній и для сношеній между образованными людьми, сирійскій діалектъ также мало годился, какъ на западѣ кельтскій; въ этихъ сферахъ исключительно господствовалъ греческій языкъ, и кромѣ того отъ людей военнаго званія требовалось и на востокѣ знаніе латинскаго языка. Одинъ писатель, принадлежавшій ко второй половинѣ втораго столѣтія,—котораго ранѣе упомянутый (стр. 397) армянскій царь Сохемъ привлекъ къ своему двору,—описалъ въ своемъ романѣ, разыгрывающемся въ Вавилонѣ, нѣкоторыя подробности изъ своей собственной жизни, которыя уясняютъ намъ вышеописанныя отношенія. Онъ разсказываетъ, что онъ Сиріецъ, но не изъ переселившихся въ Сирію Грековъ, а мѣстный уроженецъ и по отцу и по матери, что онъ Сиріецъ по языку и по привычкамъ, и что онъ свѣдущъ и въ вавилонскомъ языкѣ и въ персидской магіи. Но этотъ самый человѣкъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ устраняющій отъ себя то, что отзывается эллинизмомъ, присовокупляетъ, что онъ усвоилъ греческую образованность, что онъ одинъ изъ уважаемыхъ въ Сиріи наставниковъ юношества и что онъ сдѣлался однимъ изъ извѣстныхъ романистовъ позднѣйшей греческой литературы [1]). Если сирійскій діалектъ впослѣдствіи снова

[1]) Въ извлеченіи изъ романа Ямблиха, гл. II, Фотій ошибочно называетъ автора Вавилоняниномъ; схоліасты внесли въ это извлеченіе существенныя поправки и дополненія. Кабинетный секретарь великаго царя, появляющійся въ Сиріи въ числѣ захваченныхъ Траяномъ плѣнниковъ, дѣлающійся тамъ воспитателемъ Ямблиха и научающій его „варварской мудрости“, натурально былъ вымышленнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ, который разыгрался въ Вавилонѣ и подробности котораго Ямблихъ, будто-бы, узналъ отъ этого наставника; но характеристична для того времени личность армянскаго придворнаго литератора и воспитателя принцевъ [вѣдь Сохемъ пригласилъ его переѣхать въ Валаршапатъ.

сдѣлался книжнымъ языкомъ и создалъ свою собственную литературу, то это слѣдуетъ приписать не требованіямъ національнаго духа, а необходимости вести христіанскую пропаганду: эта сирійская литература, возникшая изъ переводовъ на сирійскій языкъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ излагались догматы христіанской вѣры, не выходила изъ сферы спеціальнаго образованія христіанскаго духовенства и потому усвоила изъ сферы общей греческой образованности лишь ту небольшую ея часть, которую богословы того времени считали полезной или по меньшей мѣрѣ не вредной для ихъ интересовъ [1]); эта литературная дѣятельность не достигла и конечно не искала болѣе высокой цѣли, чѣмъ перенесеніе греческой монастырской библіотеки въ монастыри Маронитовъ. Она едва-ли много древнѣе втораго столѣтія послѣ Р. Х. и имѣла свое средоточіе не въ Сиріи, а въ Месопотаміи и именно въ Эдессѣ [2]), гдѣ мѣстный языкъ, не такъ, какъ въ болѣе старыхъ римскихъ владѣніяхъ, еще не обратился вполнѣ въ мѣстное нарѣчіе.

Сирійско-эллинская смѣшанная культура.—Между разнообразными смѣшанными формами, которыя принималъ эллинизмъ, ведя свою пропаганду, призывавшую въ одно и то-же время и къ цивилизаціи и къ вырожденію, сирійско-эллинская, конечно, была та, въ которой оба элемента достигли наибольшаго равновѣсія, но, быть можетъ, также была именно та, которая имѣла самое рѣшительное вліяніе на все развитіе государства. Хотя Сирійцы ввели у себя греческое городское устройство и усвоили какъ эллинскій языкъ, такъ и эллинскіе нравы, однако они никогда не переставали сознавать себя восточными людьми или даже носителями двойной цивилизаціи. Это, можетъ быть, ни въ чемъ не выразилось такъ наглядно, какъ въ колоссальномъ надгробномъ храмѣ, который былъ

потому что онъ считался „хорошимъ риторомъ"], который, благодаря своему знанію магіи, не только умѣетъ заговаривать мухъ и заклинать духовъ, но также предсказываетъ Веру побѣду надъ Вологазомъ и въ то-же время разсказываетъ Грекамъ на греческомъ языкѣ такія сказки, которыя были-бы на своемъ мѣстѣ въ тысяча одной ночи.

[1]) Сирійская литература состоитъ почти исключительно изъ переводовъ греческихъ произведеній. Между произведеніями свѣтскихъ писателей стоятъ въ первомъ ряду трактаты Аристотеля и Плутарха, затѣмъ практическія сочиненія юридическаго или агрономическаго содержанія и популярныя книги, которыя читаются для развлеченія, какъ напримѣръ романъ Александра, басни Езопа, сентенціи Менандра.

[2]) Сирійскій переводъ Новаго Завѣта есть самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ образчиковъ сирійскаго языка; онъ появился, по всему вѣроятію, въ Эдессѣ; упоминаемые въ Дѣяніяхъ апостоловъ στρατιῶται называются тамъ „Римлянами".

воздвигнутъ въ началѣ имперіи для самого себя царемъ Коммагены Антіохомъ на уединенной горной вершинѣ, неподалеку отъ Евфрата. Въ надгробной надписи Антіохъ ясно доказываетъ, что считаетъ себя Персомъ; жрецъ этого святилища долженъ совершать въ воспоминаніе о немъ жертвоприношенія въ персидскомъ одѣяніи, какъ этого требуетъ происхожденіе его рода; но какъ Персовъ, такъ и Эллиновъ онъ называетъ благословенными корнями его рода и призываетъ на своихъ предковъ благословеніе всѣхъ боговъ какъ Персіи, такъ и Макетиды, то-есть какъ персидской страны, такъ и македонской. Такъ какъ онъ былъ сынъ туземнаго царя изъ рода Ахеменидовъ и греческой царской дочери изъ дома Селевка, то его гробницу украшаютъ два длинныхъ ряда изображеній его предковъ,— съ одной стороны его предковъ съ отцовской стороны до перваго Дарія, съ другой стороны его предковъ съ материнской стороны до Александрова маршала. Но онъ чтитъ въ одно и то-же время и персидскихъ и греческихъ боговъ—Зевса Оромазда, Аполлона Миѳру Гелія Гермеса, Артагнеса, Геракла, Ареса, а этотъ послѣдній изображенъ и съ палицей греческаго героя въ рукѣ и съ персидской тіарой на головѣ. Этотъ персидскій князь, называвшій себя въ одно и то-же время и другомъ Эллиновъ и, въ качествѣ императорскаго вѣрноподданнаго, другомъ Римлянъ, точно такъ-же какъ и призванный Маркомъ и Луціемъ на армянскій престолъ Ахеменидъ Сохемъ, были настоящими представителями той жившей подъ императорскимъ управленіемъ въ Сиріи мѣстной аристократіи, у которой были равномѣрно на умѣ и персидское прошлое и римско-эллинское настоящее. Изъ этихъ-то сферъ и проникъ на западъ персидскій культъ Миѳры. Но населеніе, находившееся подъ властію въ одно и то-же время этого персидскаго или называвшаго себя персидскимъ высшаго дворянства и македонскихъ, а впослѣдствіи италійскихъ правителей, было въ Сиріи, точно такъ-же, какъ въ Месопотаміи и въ Вавилоніи, арамейскаго происхожденія; оно во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ положеніе теперешнихъ Румынъ насупротивъ западныхъ Саксонцевъ и Мадьяровъ. Эта высшая знать, безъ сомнѣнія, была самымъ испорченнымъ и самымъ вреднымъ элементомъ въ римско-эллинскомъ смѣшеніи національностей. О Каракаллѣ, родившемся въ Ліонѣ отъ африканскаго отца и отъ сирійской матери, говорили, что онъ соединялъ въ себѣ пороки трехъ народовъ — легкомысліе Галловъ, необузданность Африканцевъ и плутовство Сирійцевъ.

Христіанство и Неоплатонизмъ.—Это сочетаніе восточнаго быта съ эллинизмомъ, совершившееся въ Сиріи такъ всецѣло, какъ нигдѣ, представляется нашимъ взорамъ преимущественно въ такой формѣ, что все хорошее и благородное исчезаетъ въ этомъ смѣшеніи. Однако такъ было не повсюду: позднѣйшее развитіе какъ религіи, такъ и

умозрительной философіи — христіанства и неоплатонизма было последствіемъ такого-же сочетанія; если вмѣстѣ съ христіанствомъ востокъ стремился къ владычеству надъ западомъ, то неоплатонизмъ былъ преобразованіемъ западной философіи въ восточномъ смыслѣ и въ восточномъ духѣ, — былъ созданіемъ первоначально Египтянина Плотина (отъ 204 до 270), и самого замѣчательнаго изъ его учениковъ Сирійца Малха или Порфирія (отъ 233 до 300 г. и позднѣе), а затѣмъ развивался преимущественно въ сирійскихъ городахъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать эти два всемірно-историческихъ явленія; но о нихъ не слѣдуетъ позабывать при описаніи положенія дѣлъ Сиріи.

Антіохія.—Своеобразность Сирійцевъ находитъ для себя самое вѣрное выраженіе въ мѣстной столицѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была, до основанія Константинополя, столицей римскаго востока и уступала по числу населенія только Риму и Александріи и, быть можетъ, вавилонской Селевкіи,—въ Антіохіи, на которой необходимо остановить на минуту наше вниманіе. Этотъ городъ, принадлежащій къ числу самыхъ новыхъ сирійскихъ городовъ, а въ настоящее время не имѣющій большаго значенія, разросся до размѣровъ большаго города не вслѣдствіе натурально возникшихъ торговыхъ сношеній, а былъ созданіемъ монархической политики. Онъ былъ призванъ къ новой жизни македонскими завоевателями изъ военныхъ соображеній, въ качествѣ удобнаго центральнаго пункта для владычества, которое обнимало въ одно и то-же время и Малую Азію и область Евфрата и Египетъ и которое вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣло отдаляться отъ Средиземнаго моря [1]). Тотъ фактъ, что Селевкиды и Лагиды стремились къ той-же цѣли, но иными путями, находитъ вѣрное выраженіе въ томъ сходствѣ и въ тѣхъ противоположностяхъ, которыя существовали между Антіохіей и Александріей; какъ эта послѣдняя служила средоточіемъ для морского могущества и для морской политики египетскаго властителя, такъ Антіохія служила средоточіемъ для континентальной восточной монархіи азіятскаго властителя. Позднѣйшіе Селевкиды неоднократно возводили тамъ большія новыя сооруженія, такъ что, когда городъ перешолъ во власть Римлянъ, въ немъ было четыре самостоятельныхъ квартала, обнесенныхъ стѣнами, а всѣ эти кварталы вмѣстѣ взятые были

[1]) Это говоритъ Діодоръ 20, 47 о предшественницѣ Антіохіи,—объ основанномъ вверхъ по теченію рѣки только на разстояніи одной мили отъ нея городѣ Антигоніи. Антіохія была для древней Сиріи почти тѣмъ-же, чѣмъ для теперешней Сиріи служитъ Алеппо—центральнымъ пунктомъ внутреннихъ торговыхъ сношеній; разница только въ томъ, что при основаніи Антіохіи, какъ это доказываетъ одновременное основаніе портоваго города Селевкіи, имѣлась въ виду непосредственная близость къ Средиземному морю а потому и городъ былъ основанъ далѣе на западѣ.

снова обнесены общей стѣной. Не было недостатка и въ переселявшихся туда издалека иноземцахъ. Когда собственная Грецiя подпала подъ владычество Римлянъ, а Антiохъ Великiй тщетно попытался вытѣснить ихъ оттуда, онъ открылъ въ своей резиденцiи убѣжище по меньшей мѣрѣ выселявшимся изъ Грецiи Эвбейцамъ и Этолянамъ. Какъ въ столицѣ Египта, такъ и въ столицѣ Сирiи Iудеямъ было предоставлено въ нѣкоторой мѣрѣ самостоятельное общинное устройство и привилегированное положенiе, и развитiю обоихъ городовъ не мало способствовало то, что они были центрами iудейской дiаспоры. Разъ сдѣлавшись резиденцiей и центромъ высшаго управленiя обширнаго государства, Антiохiя осталась и во времена римскаго владычества главнымъ городомъ подвластныхъ Риму азiятскихъ провинцiй. Тамъ жили императоры во время своего пребыванiя на востокѣ и тамъ постоянно жилъ намѣстникъ Сирiи; тамъ чеканилась государственная монета для востока и преимущественно тамъ, равно какъ въ Дамаскѣ и въ Эдессѣ, находились казенные оружейные заводы. Конечно, городъ уже не имѣлъ для римской имперiи своего прежняго военнаго значенiя, а при измѣнившемся положенiи сильно чувствовалось неудобство морскихъ сообщенiй не столько по причинѣ отдаленности, сколько потому, что основанный одновременно съ Антiохiей портовой городъ Селевкiя былъ неудобенъ для обширныхъ торговыхъ сношенiй. Римскiе императоры со временъ Флавiевъ до временъ Константина тратили громадныя суммы денегъ на то, чтобъ прорубить въ окружающихъ эту мѣстность утесахъ доки съ побочными каналами и соорудить необходимыя молы; но искуство инженеровъ, успѣшно достигшее близъ устьевъ Нила самыхъ блестящихъ результатовъ, тщетно боролось въ Сирiи съ непреодолимыми трудностями почвы. Само собой разумѣется, что самый большой изъ городовъ Сирiи принималъ дѣятельное участiе въ мѣстной промышленности и торговлѣ,—о чемъ будетъ говорено болѣе подробно далѣе; но это было главное средоточiе не столько производителей, сколько потребителей. Во всемъ древнемъ мiрѣ не было другаго города, въ которомъ наслажденiе жизнiю считалось-бы до такой степени главнымъ дѣломъ, а исполненiе обязанностей до такой степени дѣломъ второстепенной важности, какъ въ «Антiохiи при Дафнѣ»,—таково было характеристичное названiе города, похожее на то, какъ если-бы мы сказали «Вѣна при Пратерѣ». Но вѣдь Дафна [1]) была садомъ для гулянья, отстоявшимъ отъ города

[1]) Пространство между Антiохiей и Дафной было покрыто загородными домами и виноградниками [Libanios pro rhetor. 2, стр. 213, Reiske]. и тамъ было еще предмѣстiе Гераклея или также Дафна [O. Müller antiq. Antioch. стр. 44; сравн. vita Veri 7]; но когда Тацитъ [Лѣт. 2, 83] называетъ это предмѣстiе Эпидафномъ, то онъ совершаетъ одну изъ своихъ самыхъ странныхъ оплошностей. Плинiй, Hist. Nat. 5, 21, 79 правильно говоритъ: Antiochia Epidaphnes cognominata.

на разстояніи одной нѣмецкой мили и имѣвшимъ въ окружности двѣ мили; она славилась своими лавровыми деревьями, отъ которыхъ и получила свое названіе, своими старыми кипарисовыми деревьями, беречь которыя было приказано даже христіанскими императорами, своими ручьями и фонтанами, своимъ великолѣпнымъ храмомъ въ честь Аполлона и своимъ пышнымъ празднествомъ, которое справлялось 10 августа и привлекало толпы посѣтителей. Вся окрестная мѣстность, лежащая промежъ двухъ покрытыхъ лѣсами горныхъ цѣпей въ долинѣ полноводнаго Оронта, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль въ верхъ отъ его устьевъ, и до сихъ поръ похожа на роскошный садъ; не смотря на то, что она находится въ совершенномъ запущеніи, это—одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ уголковъ земнаго шара. Самый городъ не уступалъ ни одному городу имперіи по великолѣпію и роскоши тѣхъ удобствъ, которыя онъ доставлялъ своимъ жителямъ. Главная улица пересѣкала городъ въ прямомъ направленіи вдоль рѣки на протяженіи 36-ти стадій, то-есть почти одной нѣмецкой мили; по обѣимъ ся сторонамъ тянулись крытые портики, а по срединѣ шла широкая проѣзжая дорога; многіе изъ древнихъ городовъ пытались подражать этой улицѣ, но подобной ей не было даже въ императорскомъ Римѣ. Въ Антіохіи въ каждомъ порядочномъ домѣ была проведена вода [1]); подъ упомянутыми

---

[1]) Восхваляя свое отечество въ похвальной рѣчи, произнесенной въ царствованіе Констанція, Антіохіецъ Либаній описываетъ источники Дафны и проложенные оттуда въ городъ водопроводы, и говоритъ: „Въ чемъ мы превосходимъ „всѣхъ—это въ снабженіи нашего города водой; если въ чемъ-нибудь другомъ „иные и могутъ съ нами помѣряться, то тотчасъ отступаютъ назадъ, когда рѣчь „заходитъ о водѣ, о ея изобиліи и о ея достоинствахъ. Въ публичныхъ баняхъ „каждая струя имѣетъ ширину потока, во многихъ изъ частныхъ домовъ вода „также изобильна, а въ остальныхъ обильна лишь нѣсколько меньше. Кто имѣетъ „средства построить новую баню, приступаетъ къ постройкѣ безъ опасенія, что „когда она будетъ готова, она не останется безъ воды. Поэтому каждый изъ го„родскихъ кварталовъ [а ихъ восемнадцать] снабженъ купальней, которая отли„чается особеннымъ изяществомъ; эти купальни лучше обыкновенныхъ, потому „что онѣ не такъ велики, и потому что тѣ, которые ими пользуются, стараются, чтобъ ихъ купальня была лучше чѣмъ въ другихъ кварталахъ. О количе„ствѣ воды можно судить по множеству [хорошихъ] жилищъ, такъ какъ сколько „жилищъ, столько-же и водопроводовъ; въ иныхъ домахъ нерѣдко бываетъ даже „нѣсколько водопроводовъ и въ этихъ случаяхъ проведенная вода течетъ не въ „меньшемъ изобиліи. Поэтому-то мы и не споримся подлѣ открытыхъ для общаго „пользованія источниковъ изъ-за того, кто пришолъ ранѣе, между тѣмъ какъ въ „стольких значительныхъ городахъ бываетъ подлѣ источника большая давка и „много шума изъ-за разбитыхъ кружекъ. У насъ публичные источники текутъ „для украшенія, такъ какъ у всякаго есть достаточно воды дома. А эта вода „такъ чиста, что ведро кажется пустымъ, и такъ пріятна на вкусъ, что все „хочется еще напиться.“

портиками можно было пройти съ одного конца города до другаго, не подвергаясь ни въ какое время года неудобствамъ дождливой погоды или солнечнаго зноя, а по вечерамъ улицы были освѣщены; такихъ удобствъ, сколько намъ извѣстно, не представлялъ ни одинъ изъ древнихъ городовъ [1]).

Умственные интересы. — Но среди этихъ наслажденій Музы не находили для себя приличнаго мѣста; серьозныя научныя занятія и серьозное занятіе искуствами никогда не были предметами надлежащей заботливости въ Сиріи и въ особенности въ Антіохіи. Насколько было полно сходство Египта и Сиріи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, настолько была рѣзка между ними противоположность въ литературномъ отношеніи: одни Лагиды вступили въ обладаніе этой долей наслѣдства, оставленнаго великимъ Александромъ. Они пеклись объ эллинской литературѣ и поощряли научныя изслѣдованія въ направленіи и въ духѣ Аристотеля, а лучшіе изъ Селевкидовъ держались такой политики, которая открыла Грекамъ доступъ на востокъ. Отправка Селевкомъ I Мегасѳена въ Индію къ царю Чандрагуптѣ и изученіе Каспійскаго моря его современникомъ адмираломъ Патрокломъ пріобрѣли въ этомъ отношеніи громкую извѣстность; но въ томъ, что касается непосредственнаго покровительства литературнымъ интересамъ со стороны Селевкидовъ, исторія греческой литературы можетъ указать только тотъ фактъ, что Антіохъ, прозванный Великимъ, назначилъ своимъ библіотекаремъ поэта Эвфоріона. Исторія латинской литературы, какъ кажется, могла-бы похвалиться тѣми серьезными научными занятіями, центромъ которыхъ былъ Беритъ—этотъ латинскій островокъ на океанѣ восточнаго эллинизма. Быть можетъ, то было не простой случайностью, что реакція противъ обновительныхъ литературныхъ тенденцій Юліевско-Клавдіевской эпохи и возвращеніе къ языку и къ произведеніямъ временъ республики какъ въ литературѣ, такъ и въ школахъ, исходили отъ принадлежавшаго къ среднимъ классамъ общества, беритскаго уроженца Марка Валерія Проба, который воспитался на старинныхъ классикахъ въ уцѣлѣвшихъ школахъ своей отдаленной отчизны и затѣмъ, благодаря своей энергической, болѣе критико-литературной, нежели собственно преподавательской дѣятельности,

---

1) Тотъ-же ораторъ говоритъ, стр. 363: „Солнечный свѣтъ замѣняютъ другія „свѣтила, которыя далеко превосходятъ праздничную египетскую иллюминацію; „у насъ ночь различается отъ дня только различіемъ освѣщенія: прилежныя „руки не находятъ между ними никакой разницы и не прекращаютъ работы, а „кому это нравится, тотъ поётъ и танцуетъ, такъ что Гефестъ и Афродита раздѣляютъ между собою ночь.“ Въ то время, какъ принцъ Галлъ предавался тамъ уличнымъ забавамъ, его очень стѣсняли антіохійскіе фонари. [Амміанъ 14, 1, 9].

заложилъ фундаментъ для классицизма позднѣйшихъ временъ имперіи. Тотъ-же Беритъ впослѣдствіи сдѣлался для всего востока центромъ изученія юриспруденціи, которое было необходимо для людей, вступавшихъ на поприще государственной службы, и исполнялъ это назначеніе во всѣ времена имперіи. Въ сферѣ эллинской литературы, конечно, и эпиграмматическая поэзія и фельетонное остроуміе были въ Сиріи какъ у себя дома; многіе изъ самыхъ извѣстныхъ авторовъ мелкихъ греческихъ стихотвореній, какъ напримѣръ уроженцы Гадары Мелеагръ и Филодемъ и уроженецъ Сидона Антипатръ, были Сирійцы, не имѣвшіе соперниковъ ни по завлекательности своихъ произведеній, ни по изысканности своей стихотворной формы, а отцомъ фельетонной литературы былъ уроженецъ Гадары Менипиъ. Но эти произведенія появились въ свѣтъ бо̀льшею частію до временъ имперіи и частію задолго до этихъ временъ. Въ греческой литературѣ описываемой здѣсь эпохи никакая другая страна не имѣла такъ мало представителей, какъ Сирія, и это едва-ли можно приписывать простой случайности, хотя при повсемѣстномъ господствѣ эллинизма во времена имперіи и не слѣдуетъ придавать большаго значенія происхожденію писателей. Напротивъ того, по всему вѣроятію, именно Сирія была въ эту эпоху главнымъ центромъ тѣхъ очень распространенныхъ безъидейныхъ и безформенныхъ литературныхъ произведеній низшаго разряда, сюжетомъ для которыхъ служили любовныя приключенія, разбойники, пираты, сводники, прорицатели, разные вымыслы и баснословныя путешествія. Между соотечественниками ранѣе упомянутаго Ямблиха, написавшаго вавилонскую исторію, должно быть, не мало было такихъ, которые посвящали себя такой-же литературной дѣятельности; связь этой греческой литературы съ однородной восточной, безъ сомнѣнія, была дѣломъ Сирійцевъ. Греки, конечно, не имѣли надобности учиться лжи у восточныхъ народовъ; но для развившагося у нихъ въ болѣе позднюю эпоху уже не пластическаго, а фантастическаго баснословія служилъ источникомъ рогъ изобилія Шехеразады, а не игривость Харитъ. Сатира того времени считаетъ Гомера творцемъ вымышленныхъ странствованій и, быть можетъ, не случайно называетъ его Вавилоняниномъ и даетъ ему имя Тиграна. Помимо этихъ сочиненій, которыя имѣли цѣлію забавлять и которыхъ въ нѣкоторой мѣрѣ стыдились люди, тратившіе на нихъ свое время въ качествѣ авторовъ или въ качествѣ читателей, едва-ли можно назвать другаго выдающагося уроженца тѣхъ странъ, кромѣ Ямблихова современника Коммагенца Лукіана. И онъ не писалъ ничего кромѣ подражаній Мениппповымъ очеркамъ и фельетонамъ, въ чисто сирійскомъ вкусѣ остроумныхъ и забавныхъ по своимъ намекамъ на ту или другую личность; но тамъ, гдѣ кончалось это подражаніе, онъ не былъ способенъ смѣючись высказать серьозную правду или только не нарушать пластичности

комизма. Этому народу былъ дорогъ только настоящій день. Ни въ одной странѣ нѣтъ такъ мало памятниковъ, какъ въ Сиріи; не говоря уже о странѣ гіероглифовъ и обелисковъ, великая Антіохія, бывшая третьимъ городомъ имперіи, оставила послѣ себя менѣе надписей, нежели иная африканская или арабская деревня. За исключеніемъ жившаго во времена Юліана ритора Либанія, который былъ знаменитъ болѣе, чѣмъ того стоилъ, этотъ городъ не далъ литературѣ ни одного писателя. Родившійся въ Тіанѣ языческій мессія или говорившій отъ его имени апостолъ не безъ основанія называлъ Антіохійцевъ необразованнымъ и полуварварскимъ народомъ и полагалъ, что Аполлонъ хорошо-бы сдѣлалъ, еслибы заново пересоздалъ и ихъ самихъ и ихъ Дафну, такъ какъ въ Антіохіи кипарисовыя деревья умѣютъ издавать шелесть, но люди не умѣютъ говорить. Въ сферѣ искуствъ Антіохія занимала руководящее положеніе только относительно театра и въ особенности общественныхъ игръ. Зрѣлища, приковывавшія къ себѣ вниманіе антіохійской публики, состояли, по обыкновенію того времени, не столько изъ настоящихъ драматическихъ представленій, сколько изъ шумныхъ музыкальныхъ пьесъ, балетовъ, звѣриной травли и фехтовальныхъ состязаній. Рукоплесканіями или шиканьемъ этой публики установлялась репутація танцовщика на всю имперію. Жокеевъ и другихъ героевъ цирка и театра доставляла главнымъ образомъ Сирія [1]). Тѣ балетные танцовщики и музыканты, равно какъ фигляры и фокусники, которые были привезены въ Римъ Луціемъ Веромъ послѣ его восточной кампаніи, которую онъ и покончилъ въ Антіохіи, заняли важное мѣсто въ исторіи италъянскихъ сценическихъ представленій. Съ какой страстью антіохійская публика предавалась этимъ удовольствіямъ, видно изъ преданія, которое гласитъ, что самая тяжелая изъ всѣхъ катастрофъ, постигшихъ въ этотъ періодъ времени Антіохію—взятіе города Персами въ 260 г. (стр. 421)—застигла ея жителей въ расплохъ, въ то время, какъ они сидѣли въ театрѣ, и что съ вершины горы, рядомъ съ которой стоитъ городъ, стрѣлы летѣли прямо въ зрителей. Въ самомъ южномъ изъ сирійскихъ го-

---

1) Въ замѣчательномъ описаніи имперіи, составленномъ во времена Констанція [Müller, Geogr. Min. 2, стр. 513 и сл.], единственномъ произведеніи этого рода, обращающемъ нѣкоторое вниманіе на положеніе промышленности, говорится касательно этого предмета о Сиріи: „Антіохія имѣетъ въ избыткѣ „все, чего можно желать, но главнымъ образомъ скачки. Въ Лаодикеѣ, Бе„ритѣ, Тирѣ, Кесаріи [въ Палестинѣ] также есть скачки. За-границу Лаоди„кея посылаетъ жокеевъ, Тиръ и Беритъ — актеровъ, Кесарія — танцовщиковъ „[pantomimi], Геліуполь у Ливана—флейтистовъ [choraulae], Газа—му„зыкантовъ [auditores; этимъ словомъ невѣрно переведено слово ἀκρο„άματα], Аскалонъ — силачей [athletae], Кастабала [въ сущности уже „принадлежавшая къ Киликіи]—кулачныхъ бойцевъ“.

родовъ, Газѣ, гдѣ язычество имѣло для себя твердую опору въ знаменитомъ храмѣ Марны, участвовали въ концѣ 4 столѣтія въ конскихъ скачкахъ лошади одного ревностнаго язычника и одного ревностнаго христіанина, а такъ какъ «Христосъ побѣдилъ Марну», то, какъ разсказываетъ святой Іеронимъ, многіе изъ язычниковъ приняли крещеніе.

Испорченность нравовъ.—Хотя всѣ большіе города римской имперіи соперничали между собою въ томъ, что касается распущенности нравовъ, но пальма первенства, по всему вѣроятію, принадлежала Антіохіи. Почтенный Римлянинъ, который, по словамъ строгаго моралиста Траяновскихъ временъ, отвернулся отъ своей отчизны, потому что она сдѣлалась греческимъ городомъ, присовокупляетъ, что Ахейцы были виновниками зла лишь въ самой незначительной мѣрѣ; сирійскій Оронтъ уже давно изливалъ свои воды въ Тибръ и затоплялъ Римъ своими музыкантами, арфистками, бьющими въ трезубцы мастерицами и толпами дѣвушекъ вольнаго поведенія. О сирійскихъ флейтисткахъ (ambubaiae [1]) Римляне временъ Августа говорили то-же, что въ наше время говорятъ о парижскихъ кокоткахъ. Посейдоній, который былъ вліятельнымъ писателемъ и самъ былъ уроженцемъ сирійской Апамеи, писалъ еще въ послѣднія времена республики, что въ сирійскихъ городахъ жители отвыкли отъ труда; тамъ занимаются только пирушками и кутежами и только съ этой цѣлію устроиваются всѣ общественныя собранія и вечеринки; за роскошнымъ столомъ на каждаго изъ гостей надѣваютъ вѣнокъ и потомъ опрыскиваютъ его вавилонскими духами; по улицамъ раздаются звуки флейтъ и арфъ; гимнастическія заведенія превращены въ помѣщенія для теплыхъ ваннъ; подъ этими послѣдними словами разумѣлись такъ-называемыя thermae (бани), которыя, по всему вѣроятію, были впервые введены въ Сиріи, а потомъ вошли въ общее употребленіе; въ сущности это были такія заведенія, въ которыхъ гимнастическія упражненія соединялись съ пользованіемъ теплыми ваннами. И по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ въ Антіохіи все шло по-прежнему. Раздоры между Юліаномъ и этими горожанами возникли не столько по поводу бороды, которую носилъ императоръ, сколько потому, что въ этомъ городѣ шинковъ, у котораго, по его выраженію, не было ничего на умѣ кромѣ танцевъ и пьянства, онъ установилъ цѣны для хозяевъ этихъ заведеній. Этими влеченіями къ распутству и къ чувственнымъ наслажденіямъ были главнымъ образомъ пропитаны религіозныя учрежденія Сирійцевъ. Культъ сирійскихъ боговъ нерѣдко былъ дополнительнымъ учрежденіемъ при сирійскихъ домахъ терпимости [2]).

---

[1]) Отъ сирійскаго слова abbubo—флейта.

[2]) Приписываемое Лукіану сочиненіе о сирійской богинѣ, которую чтилъ въ

Насмѣшливость Антіохійцевъ.—Было бы несправедливо возлагать на римскихъ правителей отвѣтственность за такое положеніе дѣлъ въ Сиріи; оно было такимъ-же подъ владычествомъ Діадоховъ и перешло къ Римлянамъ по наслѣдству. Но въ исторіи того времени сирійско-эллинскій элементъ былъ важнымъ факторомъ, и хотя онъ вліялъ преимущественно косвеннымъ образомъ, однако не разъ оказывалъ и непосредственное вліяніе на государственную политику. О настоящемъ раздѣленіи на политическія партіи и въ ту пору и во всякое другое время могла итти рѣчь у Антіохійцевъ еще менѣе, нежели у гражданъ всѣхъ другихъ большихъ городовъ имперіи; но въ томъ, что касается насмѣшливости и пересудовъ, они, по всей видимости, превосходили всѣхъ и даже Александрійцевъ, которые и въ этомъ отношеніи старались оспаривать у нихъ пальму первенства. Революцій они никогда не дѣлали, но съ готовностью и горячо поддерживали всякаго претендента, выставленнаго сирійской арміей; Веспасіана они поддерживали противъ Вителлія, Кассія противъ Марка, Нигера противъ Севера, и всегда были готовы отказать существующему правительству въ покорности, если только надѣялись извлечь изъ этого какую-нибудь выгоду. Единственный талантъ, которымъ они были неоспоримо одарены, искуство осмѣивать, они употребляли въ дѣло не только противъ выступавшихъ на ихъ театрѣ актеровъ, но и противъ верховныхъ властителей. временно проживавшихъ въ своей восточной резиденціи, и осмѣивали они совершенно одинаково какъ актера, такъ и императора; въ этомъ послѣднемъ предметомъ насмѣшекъ служили для нихъ и внѣшній видъ и индивидуальныя особенности, точно будто ихъ повелитель пріѣзжалъ къ нимъ только для того, чтобъ забавлять ихъ исполненіемъ своей роли. Поэтому, между антіохійской публикой и въ особенности тѣми властителями, которымъ случалось подолгу живать въ Антіохіи, Адріаномъ, Веромъ, Маркомъ, Северомъ, Юліаномъ, велась, такъ-сказать, непрерывная борьба посредствомъ насмѣшекъ; до насъ дошолъ одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы—отвѣтъ Юліана осмѣивавшимъ «ношеніе бороды» Антіохійцамъ. Если этотъ царственный литераторъ и отвѣчалъ на сатирическія рѣчи сатирическими сочиненіями, за то въ другихъ случаяхъ Антіохійцамъ приходилось расплачиваться болѣе дорогою цѣною за ихъ злоязычіе и за ихъ другія прегрѣшенія. Такъ напримѣръ Адріанъ лишилъ ихъ права чеканить серебряную монету, а Маркъ запретилъ

Гіераполѣ весь востокъ, даетъ понятіе о тѣхъ дикихъ и сладострастныхъ вымыслахъ, которые были свойственны сирійскому культу. Въ этомъ разсказѣ, изъ котораго Виландъ заимствовалъ своего Комбала, членовредительство то превозносится какъ доказательство высокой нравственности и благочестія, то подвергается осмѣянію.

имъ публичныя сходки и на нѣкоторое время закрылъ ихъ театръ. Северъ даже отнялъ у города первенство въ Сиріи и передалъ его Лаодикеѣ, находившейся въ постоянной враждѣ съ столицей; хотя оба эти распоряженія были скоро отмѣнены, но раздѣленіе провинціи, которымъ уже грозилъ Адріанъ, было приведено въ исполненіе, какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 437), Северомъ между прочимъ и по той непослѣдней причинѣ, что правительство желало смирить непокорную столицу. Даже окончательную гибель этотъ городъ навлекъ на себя своей насмѣшливостью. Когда персидскій царь Хосрой Нуширванъ появился въ 540 г. подъ стѣнами Антіохіи, онъ былъ встрѣченъ не только летѣвшими изъ-за этихъ стѣнъ стрѣлами, но и оскорбительными насмѣшливыми возгласами; раздраженный царь не только взялъ городъ приступомъ, но перевелъ его жителей во вновь основанную имъ въ провинціи Сузѣ новую Антіохію.

Земледѣліе.—Блестящей стороной сирійскихъ порядковъ была экономическая; въ томъ, что касается фабричной промышленности и торговли, Сирія занимаетъ вмѣстѣ съ Египтомъ первое мѣсто между провинціями римской имперіи и въ нѣкоторомъ отношеніи даже имѣетъ преимущество передъ Египтомъ. Благодаря продолжительному миру и предусмотрительной заботливости правительства, направленной въ особенности на орошеніе полей, успѣхи земледѣлія достигли тамъ такихъ размѣровъ, которые служатъ стыдомъ для теперешней цивилизаціи. Конечно, нѣкоторыя части Сиріи и до сихъ поръ представляютъ самое роскошное изобиліе земныхъ плодовъ; ни бедуины ни паши до сихъ поръ еще не могли обратить въ пустыню ни долину нижняго Оронта, ни окружающій Триполь богатый садъ съ его группами пальмовыхъ деревьевъ, рощами апельсинныхъ деревьевъ, кустами гранатовыми и ясминными, ни плодородную равнину, которая тянется подлѣ морскаго берега къ сѣверу и къ югу отъ Газы. Но ихъ работа дала немаловажные результаты. Апамея въ средней долинѣ Оронта, представляющая въ настоящее время невоздѣланную и безлѣсную пустыню, въ которой на скудныхъ пастбищахъ разгуливаютъ тощія стада, опустошаемыя живущими въ горахъ разбойниками, усѣяна во всѣ стороны развалинами, а древнія рукописи доказываютъ, что подъ управленіемъ намѣстника Сиріи Квиринія,—того самаго, о которомъ упоминаютъ Евангелія,—этотъ городъ, со включеніемъ своей территоріи, имѣлъ 117,000 свободныхъ жителей. Не подлежитъ сомнѣнію, что вся долина многоводнаго Оронта (уже подлѣ Эмезы онъ имѣетъ отъ 30 до 40 м. ширины и отъ $1^1/_2$ до 3 м. глубины) была покрыта богатой растительностью. Но и между тѣми мѣстностями, которыя представляются въ настоящее время совершенными пустырями и въ которыхъ путешественнику нашего времени кажется невозможнымъ, чтобъ тамъ могли жить и благоденствовать люди, есть не мало

такихъ, которыя когда-то воздѣлывались трудолюбивыми руками. Къ востоку отъ Эмезы, тамъ гдѣ теперь нѣтъ ни одного зеленаго листика и ни одной капли воды, отысканы массами тяжелыя базальтовыя плиты, служившія прессами при выдѣлкѣ оливковаго масла. Между тѣмъ какъ въ настоящее время оливковыя деревья растутъ въ небольшомъ числѣ только въ обильныхъ родниками долинахъ Ливана, когда-то цѣлые лѣса этихъ деревьевъ, какъ слѣдуетъ полагать, заходили далеко за долину Оронта. Кто въ настоящее время направляется изъ Эмезы въ Пальмиру, тотъ беретъ съ собою запасы воды, которые навьючиваетъ на спину верблюда, а все это пространство покрыто остатками старинныхъ виллъ и селеній [1]). Теперь никакая армія не могла бы перейти черезъ это пространство по той дорогѣ, по которой прошолъ Авреліанъ (стр. 430). Значительная часть того, что теперь называется пустыней, обязана своимъ теперешнимъ положеніемъ благочестивымъ усиліямъ лучшихъ временъ. «Вся Сирія», — говорится въ одномъ землеописаніи, составленномъ въ половинѣ IV столѣтія,—«изобилуетъ зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и оливковымъ масломъ». Однако Сирія и въ древности не вела такой обширной вывозной торговли земными продуктами, какую вели Египетъ и Африка, хотя ея тонкія вина и отправлялись изъ Дамаска въ Персію, изъ Лаодикеи, Аскалона, Газы въ Египетъ, а оттуда даже въ Эѳіопію и въ Индію, и сами Римляне высоко цѣнили вина изъ Библоса, изъ Тира и изъ Газы.

Фабрики.—Гораздо болѣе важное значеніе для общаго благосостоянія провинціи имѣли сирійскія фабрики. Тамъ издавна занимались выдѣлкою такихъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя были предметомъ именно вывозной торговли,—въ особенности выдѣлкой издѣлій полотняныхъ, пурпуровыхъ, шолковыхъ и стеклянныхъ. Тканье льняныхъ матерій, которымъ издавна занимались въ Вавилоніи,

---

1) Австрійскій инженеръ Joseph Tschernik [Ergänzungsheft 44 zu Petermanns geographischen Mittheilungen, 1875, S. 3, 9] нашолъ базальтовыя плиты, служившія прессами для выдѣлки оливковаго масла, не только на пустынной плоской возвышенности подлѣ Калаатъ-аль-Госна, между Эмезой и берегомъ моря, но даже въ числѣ слишкомъ двадцати къ востоку отъ Эмезы, подлѣ el-Ferklus'a, гдѣ самаго базальта нельзя найти: тамъ-же онъ нашолъ многочисленныя, обложенныя камнемъ террасы и холмы развалинъ; террасы встрѣчаются на всемъ пространствѣ 16-ти миль между Эмезой и Пальмирой. Sachau [Reise in Syrien und Mesopotamien 1883 S. 23, 55] нашолъ остатки водопроводовъ въ различныхъ мѣстахъ между Дамаскомъ и Пальмирой. Высѣченныя въ утесѣ подлѣ Арада водохранилища, о которыхъ упоминалъ еще Страбонъ [16, 2, 13, стр. 753], и въ настоящее время исполняютъ свое назначеніе [Renan Phénicie, стр. 40].

было рано перенесено оттуда и въ Сирію; «тамошній холстъ»— говорится въ вышеупомянутомъ землеописаніи,—«разсылается изъ Скитополя (въ Палестинѣ), Лаодикеи, Библоса, Тира, Берита по всему свѣту», а Діоклетіановъ законъ объ обложеніи пошлинами считалъ самыми тонкими полотняными издѣліями тѣ, которыя изготовлялись въ трехъ первыхъ изъ названныхъ городовъ, въ сосѣднемъ съ ними Тарсѣ и въ Египтѣ, но сирійскія ставилъ выше всѣхъ другихъ. Хорошо извѣстно, что тирскій пурпуръ, какъ ни много появилось у него конкурентовъ, всегда удерживалъ за собою первое мѣсто; а на ряду съ тирскими пурпуровыми красильнями въ Сиріи было не мало другихъ, также пользовавшихся большою извѣстностью,— на берегу моря, выше и ниже Тира, въ Сарептѣ, Дорѣ, Кесаріи, даже въ отдаленныхъ отъ морскаго берега мѣстностяхъ—въ палестинскомъ Неаполѣ и въ Лиддѣ. Въ ту пору въ Сирію также привозился сырецъ изъ Китая, а главнымъ образомъ изъ-за Каспійскаго моря; онъ обработывался преимущественно на беритскихъ и тирскихъ фабрикахъ, а на этихъ послѣднихъ выдѣлывались тѣ пурпуровыя шелковыя матеріи, которыя были въ такомъ большомъ употребленіи и оплачивались такой дорогой цѣной. Сидонскіе стеклянные заводы сохраняли свою старинную репутацію во времена имперіи, и на многихъ изъ хранящихся въ нашихъ музеяхъ стеклянныхъ сосудовъ стоитъ штемпель какого-нибудь сидонскаго фабриканта.

Торговля.—Къ сбыту этихъ товаровъ, принадлежавшихъ по своему свойству къ предметамъ всемірной торговли, присоединялась вся огромная масса произведеній, отправлявшихся съ востока въ западныя страны черезъ Евфратъ. Правда, ввозъ арабскихъ и индійскихъ продуктовъ отклонялся въ то время отъ этого пути и производился главнымъ образомъ черезъ Египетъ; однако не только торговыя сношенія съ Месопотаміей велись неизбѣжно черезъ Сирію, но и находившіеся близъ устьевъ Евфрата торговые рынки имѣли постоянныя караванныя сношенія съ Пальмирой (стр. 418) и стало быть не могли миновать сирійскихъ портовъ. Ничто не свидѣтельствуетъ такъ ясно о важности этихъ торговыхъ сношеній съ восточными сосѣдями, какъ однообразная чеканка серебряной монеты и на римскомъ востокѣ и въ парѳянской Вавилоніи; въ провинціяхъ сирійской и каппадокійской римское правительство уклонялось при чеканкѣ серебряной монеты отъ общепринятаго для всей имперіи образца и придерживалось тѣхъ сортовъ этой монеты и той пробы, какія были въ употребленіи въ сосѣднемъ государствѣ. Даже сирійское фабричное производство, какъ напримѣръ производство полотняныхъ и шелковыхъ издѣлій, нашло для себя поощреніе именно во ввозѣ такихъ-же товаровъ изъ Вавилоніи, и подобно этимъ по-

слѣднимъ шли во времена имперіи въ значительномъ количествѣ черезъ Сирію въ Италію и вообще на западъ и другія восточные товары, какъ то: кожаныя и мѣховыя издѣлія, благовонія, пряныя коренья, рабы. Но эти древніе центры торговыхъ сношеній постоянно отличались тѣмъ, что жители Сидона и ихъ соотечественники, уклоняясь въ этомъ случаѣ отъ примѣра Египтянъ, не только продавали иноземцамъ свои товары, но сами имъ ихъ отвозили; командиры судовъ составляли въ Сиріи выдающееся и уважаемое сословіе [1]), а сирійскіе купцы и сирійскія факторіи встрѣчались во времена имперіи почти такъ-же повсемѣстно, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ разсказываетъ Гомеръ. Жители Тира содержали въ то время факторіи въ обоихъ портахъ Италіи, черезъ которые производилась ввозная торговля — въ Остіи и въ Путеоли, и какъ эти факторіи, въ своихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, называютъ свои заведенія самыми обширными и великолѣпными изъ заведеній этого рода, такъ и въ упомянутомъ ранѣе землеописаніи Тиръ называется главнымъ на востокѣ центромъ торговли и международныхъ сношеній [2]); и Страбонъ упоминаетъ, какъ о выдающейся особенности, о тѣхъ необыкновенно высокихъ многоэтажныхъ домахъ, которые строились въ Тирѣ и въ Арадѣ. Такія-же факторіи были заведены въ италійскихъ портахъ Беритомъ, Дамаскомъ и, безъ сомнѣнія, также многими другими сирійскими и финикійскими торговыми городами [3]). Вслѣдствіе того, мы нахо-

---

[1]) Въ Арадѣ, который былъ во времена Страбона [16, 2, 13, стр. 753] очень многолюднымъ городомъ, появляется въ царствованіе Августа πρόβουλος τῶν ναυαρχησάντων [C. I. Gr. 4736 b, еще лучше у Renan, Mission de Phénicie, стр. 31].

[2]) Totius orbis descriptio гл. 24: nulla forte civitas Orientis est eius spissior in negotio. Древніе письменные документы такъ называемой statio [C. I. 9 ч. 5853; C. I.L.X, 1601] представляютъ живую картину этихъ факторій. Онѣ также служатъ для религіозныхъ цѣлей, то-есть для культа тирскихъ боговъ на чужой сторонѣ; съ этой цѣлію, въ самой большой остійской стоянкѣ собиралась съ тирскихъ матросовъ и торговцевъ подать, изъ которой выдавались менѣе значительнымъ стоянкамъ ежегодныя субсидіи въ 1000 сестерцій, употреблявшіяся на наемъ помѣщеній; остальные расходы, безъ сомнѣнія, покрывались жившими въ Путеоли тирскими купцами путемъ добровольныхъ пожертвованій.

[3]) Относительно Берита это видно изъ надписи, найденной въ Путеоли [C. I. L. X, 1634]; относительно Дамаска это почти можно заключить изъ надписи, поставленной тамъ [X, 1576] въ честь Jupiter optimus maximus Damascenus.—Отсюда видно, какъ основательно было дано Путеоли названіе Малаго Делоса. Въ послѣднюю эпоху процвѣтанія Делоса, то-есть въ томъ столѣтіи, которое предшествовало войнѣ съ Митридатомъ, тамъ существовали сирійскія факторіи и сирійскій культъ совершенно въ такомъ-же видѣ и еще въ

дили въ позднѣйшія времена имперіи сирійскихъ и въ особенности апамейскихъ торговцевъ, поселившихся на постоянное жительство не только въ Италіи, но и во всѣхъ большихъ торговыхъ центрахъ запада,—въ Далматіи въ Салонахъ, въ Дакіи въ Апулѣ, въ Испаніи въ Малакѣ; но всего чаще они селились въ Галліи и въ Германіи, какъ напримѣръ въ Бордо, въ Ліонѣ, Парижѣ, Орлеанѣ, Трирѣ, такъ что какъ Іудеи, такъ и эти сирійскіе христіане жили по своимъ обычаямъ и употребляли на своихъ собраніяхъ свой греческій языкъ [1]). Только при помощи этихъ фактовъ становится по-

---

болѣе широкихъ размѣрахъ; мы находимъ тамъ гильдію Геракленстовъ изъ Тира [τὸ κοινὸν τῶν Τυρίων Ἡρακλεϊστῶν ἐμπόρων καὶ ναυκλήρων C. I. Gr. 2271], Посейдоніастовъ изъ Берита [τὸ κοινὸν Βηρυτίων Ποσειδωνιαστῶν ἐμπόρων καὶ ναυκλήρων καὶ ἐγδοχέων Bull. de Corr. Hell. 7 стр. 468], поклонниковъ Адада и Атаргатиды изъ Гіераполя [тамъ-же 6, 495 и сл.], не говоря уже о многочисленныхъ надгробныхъ камняхъ сирійскихъ купцовъ. Сравн. Homolle тамъ-же 8. стр. 110 и сл.

1) Сальвіанъ,(около 450 г.), упрекая галльскихъ христіанъ за то,что они нисколько не лучше язычниковъ, указываетъ [de gub. dei 4, 14, 69] на недостойныя negotiatorum et Syricorum omnium turbae, quae maiorem ferme civitatum universarum partem occupaverunt. Григорій Турскій разсказываетъ, что когда короля Гунтхрама встрѣчали въ Орлеанѣ всѣ граждане, его привѣтствовали и на латинскомъ языкѣ и на еврейскомъ и на сирійскомъ [8, 1: hinc lingua Syrorum, hinc Latinorum, hinc... Judaeorum in diversis laudibus varie concrepabat], и что когда оказалось вакантнымъ мѣсто парижскаго епископа, его умѣлъ добыть одинъ сирійскій торговецъ, который затѣмъ роздалъ своимъ соотечественникамъ мѣста, зависѣвшія отъ этого епископа [10, 26: omnem scholam decessoris sui abiciens Syros de genere suo ecclesiasticae domui ministros esse statuit]. Сидоній (около 450 г.) описываетъ нравственно-испорченное равеннское общество [Ep. 1, 8] слѣдующими словами: fenerantur clerici, Syri psallunt; negotiatores militant, monachi negotiantur. Usque hodie,—говоритъ Іеронимъ [Ezech. 27, ч. 5, стр. 513, Vall.]—permanet in Syris ingenitus negotiationis ardor, qui per totum mundum lucri cupiditate discurrunt et tantam mercandi habent vesaniam, ut occupato nunc orbe Romano [писано въ концѣ 4-го столѣтія] inter gladios et miserorum neces quaerant divitias et paupertatem periculis fugiant. Другія доказательства можно найти у Friedländer'a, Sittengeschichte 2⁵, стр. 67. Можно-бы было, безъ колебаній, присовокупить сюда многочисленныя найденныя на западѣ надписи, которыя были поставлены Сирійцами, хотя-бы эти послѣдніе и не назывались именно купцами. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ тотъ фактъ, что всѣ иноземцы, погребенные въ 5 столѣтіи на кладбищѣ маленькаго сѣверо-италійскаго поселенія Конкордіи, были Сирійцы и бо̀льшею частію Апамейцы (C. I. L. III, стр. 1060], точно также Сирійцамъ принадлежатъ всѣ греческія надписи, найденныя въ Трирѣ [C. I. Gr. 9891. 9892. 9893]. Эти надписи не только имѣютъ

нятнымъ ранѣе описанное положеніе Антіохійцевъ и сирійскихъ городовъ. Знать состояла тамъ изъ богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, а масса населенія изъ рабочихъ и матросовъ [1]), и какъ въ болѣе позднюю пору пріобрѣтенныя на востокѣ богатства текли въ Генуу и въ Венецію, такъ въ ту пору текли обратно въ Тиръ и въ Апамею тѣ деньги, которыя пріобрѣтались торговлей на западѣ. Благодаря обширности торговаго рынка, который былъ открытъ передъ этими оптовыми торговцами, и благодаря умѣренности пограничныхъ и внутреннихъ пошлинъ, огромные апиталы наживались уже одною сирійскою вывозною торговлей, предметомъ которой были самые прибыльные и всѣхъ легче перевозимые продукты; а эта торговля не ограничивалась вывозомъ однихъ мѣстныхъ продуктовъ [2]). Какое тамъ когда-то господствовало довольство, видно не по жалкимъ остаткамъ разрушившихся большихъ городовъ, а по той скорѣе покинутой нежели опустошенной мѣстности, которая тянется по правому берегу Оронта отъ Апамеи до того пункта, отъ котораго рѣка поворачиваетъ къ морю. На этомъ пространствѣ, имѣющемъ въ длину отъ 20 до 25 нѣмецкихъ миль, еще до сихъ поръ стоятъ развалины почти сотни поселеній; тамъ еще видны направленія улицъ; зданія, за исключеніемъ крышъ, построены изъ громадныхъ камней, жилища окружены портиками и украшены галлереями и балконами надъ окнами, а надъ входными дверями видны

помѣтку времени по сирійскому обыкновенію, но указываютъ также на особенности тамошняго греческаго діалекта [Hermes 19, 423]. Разсказъ Григорія ясно доказываетъ, что эта сирійско-христіанская діаспора, не имѣющая ничего общаго ни съ восточнымъ ни съ западнымъ духовенствомъ, не должна быть смѣшиваема съ іудейской; она, очевидно, стояла много выше этой последней и вообще состояла изъ лучшихъ классовъ общества.

1) Такъ частію осталось и по сіе время. Число работниковъ, занимающихся выдѣлкой шелка въ Гёмсѣ, доходитъ, какъ полагаютъ, до 3000 [Tschernik въ выше ук. м.].

2) Одна изъ самыхъ древнихъ, касающихся этого предмета надгробныхъ надписей, то-есть такихъ, которыя были поставлены послѣ Севера и прежде Діоклетіана—та латинско-греческая, которая была найдена неподалеку отъ Ліона [Wilmanus 2498; сравн. Lebas-Waddington n. 2329]; она была поставлена въ честь нѣкоего Θαῖμος ὁ καὶ Ἰουλιανὸς Σαάδου [по латыни Thaemus Julianus Sati fil.], который былъ родомъ изъ Аѳеилы [de vico Athelani], находившейся неподалеку отъ Канаѳы въ Сиріи [еще до сихъ поръ существующій Atil неподалеку отъ Канавата въ Гауранѣ]; онъ былъ декуріономъ въ Канаѳѣ и поселился въ Ліонѣ [πάτρην λείπων ἦκε τῷδ' ἐπὶ χώρῳ], гдѣ оптомъ торговалъ аквитанскими товарами [[ἐς πρ]ᾶσιν ἔχων ἐμπόρ[ιο]ν ἀγορασμῶν [με]στὸν ἐκ' Ἀκουιτανίης ὧδ' ἐπὶ Λουγουδούνοιο—negotiatori Luguduni et prov. Aquitanica.] Отсюда слѣдуетъ заключить, что эти сирійскіе купцы не только торговали сирійскими товарами, но вообще занимались оптовой торговлей благодаря своимъ капиталамъ и своему умѣнью вести торговыя дѣла.

богатыя и нерѣдко сдѣланныя съ большимъ вкусомъ изъ камня арабески; къ этому слѣдуетъ присовокупить сады и ванны, приспособленные для домашняго хозяйства нижніе этажи, конюшни, выточенные изъ утесовъ прессы для приготовленія вина и оливковаго масла [1]), также выточенные въ утесахъ могильные склепы съ саркофагами и съ входами, украшенными статуями. Слѣды общественной жизни не встрѣчаются нигдѣ; то были загородныя жилища апамейскихъ и антіохійскихъ купцовъ и промышленниковъ, чье обезпеченное благосостояніе и полная наслажденій жизнь сказываются въ этихъ развалинахъ. Эти поселенія имѣютъ повсюду однообразный характеръ и большею частію возникли въ позднія времена имперіи,— самыя древнія въ началѣ четвертаго столѣтія, а болѣе новыя въ половинѣ шестаго столѣтія, то-есть непосредственно передъ вторженіемъ ислама, который положилъ конецъ даже такому процвѣтанію и полезной дѣятельности. Христіанскіе символы и библейскія изреченія встрѣчаются повсюду; также встрѣчаются повсюду великолѣпныя церкви и принадлежащіе къ церквамъ сады. Однако это развитіе культуры не началось при Константинѣ, а въ тѣ вѣка лишь усилилось и упрочилось. Вышеупомянутымъ каменнымъ зданіямъ, безъ сомнѣнія, предшествовали подобные имъ, но менѣе долговѣчные виллы и сады. Совершившееся послѣ безцѣльныхъ смутъ третьяго столѣтія преобразованіе императорскаго режима выразилось въ томъ, что въ ту пору снова стала процвѣтать сирійская торговля; но эта копія прошлаго должна быть до нѣкоторой степени отнесена къ заслугамъ болѣе ранняго императорскаго управленія.

Положеніе Іудеевъ.—Положеніе, которое занимали Іудеи во времена римской имперіи, было настолько своеобразно и, можно сказать, такъ мало зависимо отъ самой провинціи, называвшейся въ раннія времена имперіи ихъ собственнымъ именемъ, а въ болѣе позднюю пору снова вызваннымъ къ жизни именемъ Филистимлянъ или Палестинцевъ, что мы нашли болѣе удобнымъ говорить о немъ въ отдѣльной главѣ. То немногое, что можно было замѣтить о Палестинѣ и въ особенности о немаловажномъ участіи прибрежныхъ и частію также внутреннихъ ея городовъ въ сирійской промышленности и въ сирійской торговлѣ, уже было сказано, когда рѣчь шла объ этихъ послѣднихъ. Іудейская діаспора такъ расширилась еще до разрушенія храма, что и тогда, когда Іерусалимъ еще существовалъ въ прежнемъ видѣ, онъ былъ скорѣе символомъ, нежели отчизной,— былъ почти тѣмъ-же, чѣмъ былъ городъ Римъ для такъ-называе-

[1]) Характеристична латинская эпиграмма на одной давильнѣ [C. I. L. III, 86], находившейся въ этой отчизнѣ „апамейскаго винограда“ [Vita Elagabali гл. 21].

мыхъ римскихъ гражданъ позднѣйшихъ временъ. Само собою разумѣется, что какъ жившіе въ Антіохіи и въ Александріи Іудеи, такъ и другія многочисленныя іудейскія общины, пользовавшіяся менѣе широкими правами и меньшимъ значеніемъ, принимали участіе въ торговлѣ, которая велась въ мѣстахъ ихъ жительства. При этомъ ихъ іудейская національность обнаруживалась только въ томъ, что и въ сферѣ торговли сказывалось вліяніе той взаимной ненависти и того обоюднаго презрѣнія, которыя возникли или вѣрнѣе усилились со времени разрушенія храма и многократно возобновлявшихся національно-религіозныхъ войнъ между Іудеями и не-Іудеями. Такъ какъ жившіе въ чужихъ краяхъ сирійскіе купцы сходились между собою главнымъ образомъ для поклоненія своимъ домашнимъ богамъ, то жившій въ Путеоли сирійскій Іудей, конечно, не могъ принадлежать къ тамошней гильдіи сирійскихъ купцовъ; а когда поклоненіе сирійскимъ богамъ стало находить въ чужихъ краяхъ все болѣе и болѣе послѣдователей, то между державшимися Моисеева закона Сирійцами и Италійцами возникла новая преграда,—конечно въ выгодѣ прочихъ Сирійцевъ. Такъ какъ тѣ Іудеи, которые находили для себя новое отечество внѣ Палестины, примыкали не къ своимъ новымъ соотечественникамъ, а къ своимъ единовѣрцамъ, какъ иначе и быть не могло, то они тѣмъ самымъ лишали себя того значенія и той терпимости, которыми пользовались на чужой сторонѣ и Александрійцы и Антіохійцы и многіе другіе; они повсюду принимались за то, за что сами себя выдавали—за Іудеевъ. Но жившіе на западѣ палестинскіе Іудеи были не эмигрировавшими торговцами, а военноплѣнными или потомками военноплѣнныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ такими, у которыхъ не было никакого отечества; положеніе паріевъ, которое дѣти Авраама заняли прежде всего въ римской столицѣ, было близко къ положенію рабовъ; это были бѣдняки, у которыхъ вся домашняя утварь состояла изъ пучка сѣна и нищенской котомки, и для которыхъ никакой заработокъ не былъ слишкомъ ничтоженъ или недостоинъ вниманія. Отсюда понятно, почему Іудеи играли на западѣ во времена имперіи второстепенную роль подлѣ Сирійцевъ. Кромѣ общаго пренебреженія къ Іудеямъ, которое вызывалось ихъ положеніемъ, на нихъ еще лежало тяжелымъ гнетомъ религіозное сотоварищество переселенцевъ-купцовъ съ переселенцами-пролетаріями. Но и той и другой діаспорѣ было мало дѣла до Палестины.

Провинція Аравія.—Намъ остается познакомиться еще съ одной пограничной страной, о которой не часто приходится вести рѣчь, но которая тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія—съ римской провинціей Аравіей. Она не въ правѣ носить это названіе; организовавшій ее императоръ Траянъ совершалъ великія дѣла, но любилъ

еще болѣе великія слова. Аравійскій полуостровъ, отдѣляющій область Евфрата отъ долины Нила, рѣдко орошается дождями, не имѣетъ рѣкъ, со всѣхъ сторонъ оканчивается утесистыми и лишенными портовъ берегами и мало годенъ какъ для земледѣлія, такъ и для торговли; поэтому въ древнія времена онъ и оставался въ самой большой своей части неоспоримымъ наслѣдіемъ кочевыхъ степныхъ жителей. Римляне, умѣвшіе въ Азіи такъ-же какъ и въ Египтѣ лучше всѣхъ другихъ смѣнявшихся тамъ властителей ставить предѣлы своему владычеству, даже никогда не пытались покорить аравійскій полуостровъ. О томъ, что они изрѣдка кое-что предпринимали противъ юговосточной части полуострова, которая богаче другихъ своими естественными произведеніями и самая важная изъ всѣхъ для торговли по своимъ сношеніямъ съ Индіей, будетъ итти рѣчь при описаніи торговыхъ сношеній Египтянъ. Римская Аравія обнимаетъ въ качествѣ подвластнаго Римлянамъ вассальнаго государства и главнымъ образомъ въ качествѣ римской провинціи, лишь небольшую часть сѣверныхъ странъ на полуостровѣ, но сверхъ того въ составъ ея входитъ полоса земли, которая тянется къ югу и къ востоку отъ Палестины, между этой послѣдней и большой степью, и заходитъ за Бостру. Вмѣстѣ съ этой частію Аравіи мы опишемъ и принадлежащую къ Сиріи область между Бострой и Дамаскомъ, которая въ настоящее время называется по имени Гауранскихъ горъ, а въ старину называлась Трахонитидой и Батанеей.

Культура въ восточной Сиріи.—Эта обширная область доступна для цивилизаціи лишь при особыхъ условіяхъ. Настоящая степь (Гамадъ), которая тянется на востокъ отъ описываемой здѣсь мѣстности до самаго Евфрата, никогда не была занята Римлянами и негодна ни для какой культуры; только кочевыя степныя племена, какъ напримѣръ въ настоящее время Ганезы, проходятъ черезъ нее для того, чтобъ пасти своихъ коней и верблюдовъ зимой на берегахъ Евфрата, а лѣтомъ въ горахъ, лежащихъ къ югу отъ Бостры, и для того, чтобъ переходить по нѣскольку разъ въ годъ съ однихъ пастбищъ на другія. Уже на болѣе высокой ступени образованія находятся живущія къ западу отъ степи осѣдлыя пастушескія племена, занимающіяся овцеводствомъ въ большихъ размѣрахъ. Но тамъ попадаются мѣста, годныя и для земледѣлія. Красная земля Гаурана, состоящая изъ разложившейся лавы, производитъ въ своемъ первобытномъ видѣ дикорастущіе рожь, ячмень и овесъ и превосходную пшеницу. Нѣкоторыя изъ глубокихъ долинъ, лежащихъ между каменистыми степями, какъ напримѣръ такъ-называемая «нива» (Ruhbe) въ Трахонитидѣ, самыя плодородныя мѣстности во всей Сиріи; тамъ нѣтъ надобности пахать землю, не говоря уже о томъ, что нѣтъ надобности ее удобрять для того, чтобъ пшеница давала урожай среднимъ

числомъ самъ-восемьдесятъ, а ячмень самъ-сто, и нерѣдко случается, что изъ одного пшеничнаго зерна выходятъ 26 стебельковъ. Тѣмъ не менѣе тамъ никто не селится на постоянное жительство, потому что въ лѣтніе мѣсяцы сильная жара, недостатокъ воды и пастбищъ принуждаютъ жителей перебираться къ горнымъ пастбищамъ Гаурана. Но и въ мотивахъ для прочной осѣдлости нѣтъ недостатка. Сады вокругъ города Дамаска, которые пересѣкаются многочисленными рукавами рѣки Барады, и замыкающія эту мѣстность съ востока, сѣвера и юга плодородныя и по сіе время густо заселенныя земли, были и въ старое и въ новое время перломъ Сиріи. Окружающая Бостру равнина, въ особенности западная ея часть, такъ-называемая Нукра, служитъ въ настоящее время житницей для Сиріи, не смотря на то, что среднимъ числомъ одна изъ четырехъ жатвъ пропадаетъ отъ недостатка дождей, и что нерѣдко прилетающая туда изъ сосѣдней степи саранча причиняетъ и до сихъ поръ такія бѣды, которыхъ нѣтъ возможности предотвратить. Повсюду, гдѣ горные ручьи сбѣгаютъ на равнину, подъ ними всё начинаетъ жить новою жизнью. «Плодородіе этой мѣстности»,—говоритъ одинъ хорошо знакомый съ нею писатель,—«неистощимо, и даже тамъ, «гдѣ кочующіе народы не оставили послѣ себя ни деревца ни ку«стика, эта мѣстность въ настоящее время кажется садомъ на всемъ «пространствѣ, какое можно окинуть взоромъ». И на той плоской возвышенности среди горъ, которая покрыта лавой, эта послѣдняя оставила не мало мѣстъ (называемыхъ въ Гауранѣ Kâ') для земледѣлія.—Эти природныя условія были причиной того, что вся эта мѣстность всегда предоставлялась пастухамъ и разбойникамъ. Необходимость мѣнять мѣста жительства, въ которую поставлено большинство населенія, ведетъ къ нескончаемымъ распрямъ изъ-за пастбищъ и къ безпрерывнымъ вторженіямъ въ тѣ мѣстности, которыя годны для прочныхъ поселеній; тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нужна такая правительственная власть, которая была-бы въ состояніи охранять спокойствіе и миръ на болѣе широкомъ пространствѣ, а такая власть не нашла-бы для себя необходимой опоры въ населеніи. Едва-ли найдется во всемъ мірѣ другая такая-же мѣстность, въ которой цивилизація не можетъ развиться сама собою, а лишь можетъ быть вызвана къ жизни извнѣ—могучей волей завоевателя. Если военные посты будутъ сдерживать кочевыя степныя племена и заставятъ ихъ жить мирною пастушескою жизнію, и если въ годныхъ для воздѣлыванія мѣстностяхъ будутъ поселены колонисты, а горные потоки будутъ направлены усиліями человѣческихъ рукъ на равнины,—тогда и только тогда тамъ можетъ разцвѣсти жизнь, полная радостей и довольства.

Греческое вліяніе въ восточной Сиріи.—До-римскія времена не до-

ставили тѣмъ странамъ такого благополучія. Мѣстное населеніе вплоть до Дамаска принадлежитъ къ арабской отрасли великаго семитическаго племени; по крайней мѣрѣ личныя собственныя имена всѣ безъ исключенія арабскія. Тамъ, какъ и въ сѣверной Сиріи, встрѣчаются слѣды и восточной и западной цивилизаціи, но ни та ни другая не сдѣлала большихъ успѣховъ до временъ имперіи. Языкъ и письменность у Набатеевъ такіе-же, какъ въ Сиріи и въ области Евфрата, откуда они только и могли быть заимствованы туземцами. Съ другой стороны и въ эту мѣстность хотя частію проникло упрочившееся въ Сиріи греческое вліяніе. Большой торговый городъ Дамаскъ сдѣлался вмѣстѣ съ остальной Сиріей греческимъ. И въ заіорданскія страны, въ особенности въ сѣверную Декаполію, Селевкиды внесли греческое городское устройство; по меньшей мѣрѣ далѣе на югѣ тамъ былъ превращенъ Лагидами въ городъ Филадельфію древній Раббатъ-Аммонъ. Но далѣе въ томъ же направленіи и въ граничащихъ съ степью восточныхъ странахъ, набатейскіе цари подражали сирійскимъ или египетскимъ Александридамъ не много болѣе, чѣмъ въ однихъ названіяхъ такъ, что тамъ нигдѣ не встрѣчаются такія монеты, надписи и сооруженія, которыя могли-бы быть приписаны до-римскому эллинизму.

Распоряженія Помпея.—Когда Сирія сдѣлалась римскимъ владѣніемъ, Помпей постарался упрочить то греческое городское устройство, которое онъ тамъ засталъ, и города Декаполіи стали впредь вести свое лѣтосчисленіе съ 690/1 года [1]), въ которомъ Палестина была присоединена къ имперіи. Но какъ управленіе, такъ и цивилизированіе этой страны были главнымъ образомъ предоставлены обоимъ вассальнымъ государствамъ іудейскому и арабскому.

---

[1]) Что Декаполія и преобразованія Помпея простирались по меньшей мѣрѣ до Канаты [Керака] на сѣверо-западѣ отъ Бостры, ясно доказывается свидѣтельствомъ писателей и тѣми монетами, на которыхъ лѣтосчисленіе ведется съ Помпеевской эры [Waddington zu 2412 d.]. По всему вѣроятію, тому-же городу принадлежатъ монеты съ именами Γαβ[ε]ιν[ια] Κάναθα и съ указаніями времени по тому-же лѣтосчисленію [Reichardt num. Zeitschrift. 1880 S. 53]; отсюда слѣдуетъ заключить, что эта мѣстность принадлежала къ тѣмъ многочисленнымъ мѣстностямъ, которыя были переустроены Габиніемъ [Josephus 14, 5, 3]. Правда, Ваддингтонъ [zu n. 2329] приписываетъ эти монеты, въ той мѣрѣ, въ какой онѣ были ему знакомы, второму мѣсту этого имени, теперешнему Канавату, настоящей столицѣ Гаурана, лежащей къ сѣверу отъ Бостры: но мало правдоподобно, чтобъ устройство, введенное Помпеемъ и Габиніемъ, простиралось такъ далеко на востокъ. Этотъ второй городъ, вѣроятно, возникъ позднѣе и названъ по имени перваго, который былъ самымъ восточнымъ городомъ Декаполіи.

Владѣнія Ирода по ту сторону Іордана.—О царѣ іудейскомъ Иродѣ и о его родѣ еще будетъ итти рѣчь въ другомъ мѣстѣ; здѣсь намъ предстоитъ указать на его дѣятельность по распространенію цивилизаціи на востокѣ. Его владѣнія простирались по обоимъ берегамъ Іордана вдоль всего теченія этой рѣки къ сѣверу по меньшей мѣрѣ до Хельбона, на сѣверо-западѣ отъ Дамаска, къ югу до Мертваго моря, между тѣмъ какъ мѣстность, лежащая далѣе къ востоку между его владѣніями и степью, была предоставлена арабскому царю. И онъ и его потомки, властвовавшіе тамъ до временъ Траяна и послѣ того, какъ было отнято у Іерусалима владычество, а впослѣдствіи перенесшіе свою резиденцію въ южный Ливанъ въ такъ называемую Caesarea Paneas, энергически старались смягчить нравы туземцевъ. Самыми древними свидѣтельствами того, что въ этихъ странахъ существовала нѣкоторая культура, служатъ пещерные города, о которыхъ упоминается въ «Книгѣ Судей“; это были обширныя подземныя убѣжища съ продушинами для воздуха, съ улицами и съ колодцами, приспособленныя такъ, что тамъ могли укрываться и люди и стада; ихъ трудно было отыскать, а отыскавши было трудно ими завладѣть. Одно ихъ существованіе уже доказываетъ, что мирные жители не были въ состояніи бороться съ неусидчивыми сынами степей. Описывая положеніе дѣлъ въ Гауранѣ при Августѣ, Іосифъ говоритъ: «Та страна была «населена племенами, у которыхъ не было ни городовъ ни постоянныхъ пахатныхъ полей; они жили съ своими стадами подъ землей «въ пещерахъ, въ которыхъ были узкія входныя отверстія и длинныя перепутанныя улицы, но въ которыхъ находились обильные «запасы воды и съѣстныхъ припасовъ, такъ что ими трудно было «завладѣть». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пещерныхъ городовъ могли помѣститься до 400 человѣкъ. Замѣчательный эдиктъ перваго или втораго Агриппы (отрывки этого эдикта найдены въ Канаѳѣ или Канаватѣ) приглашаетъ жителей отказаться отъ привычки жить какъ животныя, и промѣнять свои пещеры на жизнь цивилизованныхъ народовъ. Кочевые Арабы жили главнымъ образомъ тѣмъ, что грабили частію сосѣднихъ поселянъ, частію проходившіе мимо караваны; безопасность сдѣлалась еще болѣе ненадежной вслѣдствіе того, что Августъ поручилъ надзоръ за Трахономъ мелкому владѣтельному князю Зенодору, царствовавшему въ Абилѣ къ сѣверу отъ Дамаска въ Антиливанѣ, а этотъ князь предпочелъ дѣйствовать за одно съ разбойниками и сталъ втайнѣ участвовать въ ихъ прибыляхъ. Именно вслѣдствіе этого императоръ отдалъ эту мѣстность Ироду, который, благодаря своей безпощадной энергіи, успѣлъ до нѣкоторой степени обуздать эти разбои. Царь, какъ кажется, устроилъ на восточной границѣ рядъ укрѣпленныхъ военныхъ постовъ, надъ которыми поставилъ особыхъ комендантовъ (ἔπαρχοι). Онъ достигъ-бы еще болѣе удовлетвори

тельныхъ результатовъ, если-бы набатейская область не служила для разбойниковъ убѣжищемъ; это было одною изъ причинъ ссоры, происшедшей между нимъ и его арабскимъ коллегой [1]). Стремленіе къ эллинизированію проявилось въ этой мѣстности съ такою-же силою, какъ и въ его собственныхъ владѣніяхъ, но было болѣе успѣшно. Какъ всѣ монеты Ирода и Иродіанцевъ были греческія, такъ и на самомъ древнемъ, извѣстномъ намъ, памятникѣ съ надписью въ заіорданской странѣ,—на храмѣ Ваальсамина, подлѣ Канаѳы, хотя и стоитъ арамейское посвященіе, но указанные тамъ мотивы почета, изъ которыхъ одинъ въ пользу Ирода Великаго [2]), изложены на двухъ языкахъ или только по-гречески; при его преемникахъ господствовалъ одинъ греческій языкъ.

Царство Набата.—Наряду съ іудейскимъ царемъ стоялъ уже упомянутый въ 3-ей части этого сочиненія «царь Набата», какъ онъ самъ себя называлъ. Резиденціей для этихъ арабскихъ князей служилъ городъ Петра, извѣстный намъ лишь подъ этимъ греческимъ именемъ; это былъ замокъ, построенный на утесѣ на полу-пути между Мертвымъ моремъ и сѣверо-восточною оконечностью Аравійскаго залива и изстари служившій складочнымъ мѣстомъ для торговыхъ сношеній Индіи и Аравіи съ тѣми странами, которыя омываются Средиземнымъ моремъ. На аравійскомъ полуостровѣ въ рукахъ этихъ властителей находилась лишь его сѣверная половина; ихъ власть простиралась вдоль Аравійскаго залива до Левке Коме, лежащаго насупротивъ египетскаго города Береники, а внутри страны по меньшей мѣрѣ до окрестностей древней Ѳемы [3]). На сѣверѣ полуострова

---

1) „Бѣглые люди изъ тетрархіи Филиппа“, которые служили въ арміи тетрарха Галилеи Ирода Антипы и во время сраженія съ Арабомъ Аретой перешли къ непріятелю [Іосифъ 18, 5, 1], безъ сомнѣнія, были также выгнанные изъ Трахонитиды Арабы.

2) Waddington 2366= Vogué inscr. du Haouran n. 3 Также на двухъ языкахъ сдѣлана самая древняя надгробная надпись въ Суведѣ, Waddington 2320= Vogué n. 1; это единственная надпись изъ Гаурана, въ которой написана непроизносимая іота. На обоихъ памятникахъ надписи поставлены такъ, что нельзя рѣшить, который языкъ имѣетъ первенство.

3) Подлѣ Medain Sâlih или Hidjr'a, къ югу отъ Теймы, древней Ѳемы, недавно открыли путешественники Doughty и Huber цѣлый рядъ набатейскихъ надписей, на которыхъ большею частію есть помѣтка времени и которыя относятся къ промежутку времени отъ Августа до смерти Веспасіана. Латинскихъ надписей тамъ вовсе нѣтъ, а немногія греческія относятся къ болѣе позднему времени; по всей видимости слѣдуетъ полагать, что при превращеніи набатейскаго царства въ римскую провинцію, Римляне отказались отъ тѣхъ внутреннихъ аравійскихъ странъ, которыя входили въ его составъ.

ихъ владѣнія доходили до ввѣреннаго ихъ охранѣ Дамаска [1]) и даже

---

[1]) Городъ Дамаскъ добровольно покорился при послѣднихъ Селевкидахъ, около временъ диктатуры Суллы, тогдашнему царю Набатеевъ,—вѣроятно Аретѣ, съ которымъ сражался Скавръ [Іосифъ 13, 15]. И монеты съ надписью βασιλέως Ἀρέτου φιλέλληνος [Eckhel 3, 330; Luynes, Rev. de numism. 1858, стр. 311], быть можетъ, были вычеканены въ Дамаскѣ, такъ какъ этотъ городъ зависѣлъ отъ Набатеевъ; хотя на одной изъ нихъ годъ и не обозначенъ съ точностью, но она по всему вѣроятію принадлежитъ къ послѣднимъ временамъ римской республики. Эта зависимость города отъ набатейскихъ царей, вѣроятно, долго продолжалась,—такъ долго, какъ существовали эти цари. Изъ того, что городъ чеканилъ монеты съ изображеніемъ головы римскаго императора, можно заключить, что онъ находился въ зависимости отъ Рима и пользовался самоуправленіемъ, но нельзя заключить, что онъ былъ независимъ отъ римскаго вассала. отношенія покровителей къ тѣмъ, кому они покровительствовали, были до того разнообразны, что выше приведенные порядки могли уживаться одни съ другими. За продолжительность владычества Набатеевъ говоритъ частію то, что этнархъ царя Ареты въ Дамаскѣ хотѣлъ арестовать апостола Павла, какъ этотъ послѣдній разсказываетъ во 2-мъ посланіи къ Коринѳянамъ 11, 32, и частію недавно удостовѣренный фактъ [см. слѣдующее подстрочное примѣчаніе], что владычество Набатеевъ къ сѣверо-востоку отъ Дамаска существовало еще въ царствованіе Траяна.—Дѣлая выводы изъ обратнаго предположенія, что если Арета владычествовалъ въ Дамаскѣ, то этотъ городъ не могъ находиться подъ властью Римлянъ,—многіе пытались различными путями доискаться, когда именно случилось въ жизни Павла вышеупомянутое приключеніе. При этомъ указывали на несогласія, возникшія между Аретой и римскимъ правительствомъ въ послѣдніе годы Тиверія; но судя по исходу этихъ несогласій, едва-ли можно допустить, что они на долго измѣнили высокое положеніе Ареты. Melchior de Vogüé [Mélanges d'arch. orientale app. p. 33] указываетъ на то, что въ промежуткѣ времени между царствованіями Тиверія и Нерона,—или, выражаясь точнѣе, между 33 и 62 годами [Saulcy Num. de la Terre Sainte, стр. 36]—не было императорскихъ монетъ изъ Дамаска и что въ этотъ промежутокъ времени тамъ было утверждено управленіе Набатеевъ; между тѣмъ онъ признавалъ, что императоръ Гай оказывалъ свое благоволеніе многимъ вассальнымъ владѣтелямъ и въ томъ числѣ арабскому, которому далъ въ вассальное владѣніе Дамаскъ. Но такіе перерывы въ чеканкѣ монетъ случались часто и не требуютъ никакихъ глубокомысленныхъ объясненій. Приходится отказаться отъ попытокъ отыскать въ самоуправствѣ царя Набатеевъ въ Дамаскѣ хронологическія указанія на то, что касается апостола Павла, и вообще приходится отказаться отъ точнаго опредѣленія времени, когда апостолъ находился въ этомъ городѣ. Если можно положиться на описаніе того приключенія въ Дѣяніяхъ апостоловъ [9], которое во всякомъ случаѣ не отнесено къ тому времени, когда случилось,—Павелъ отправился въ Дамаскъ до своего обращенія съ цѣлію продолжать то преслѣдованіе христіанъ, въ которомъ погибъ Стефанъ, а когда послѣ своего обращенія онъ принялъ въ Дамаскѣ сторону христіанъ, тамошніе Іудеи рѣшили убить его; но при этомъ слѣдуетъ предполагать, что управлявшее отъ имени Ареты должностное лице, подобно Пилату, не мѣшало Іудеямъ преслѣдовать раскольниковъ. Далѣе, изъ достойныхъ довѣрія указаній въ посланіи къ

заходили за Дамаскъ [1]) и какъ бы опоясывали всю палестинскую Сирію. Послѣ завладѣнія Іудеей, Римляне вошли въ непріязненныя съ ними столкновенія и Маркъ Скавръ предпринималъ экспедицію противъ Петры. Въ ту пору дѣло не дошло до ихъ покоренія, но они, какъ кажется, были подчинены Римлянамъ вскорѣ послѣ того [2]). При Августѣ ихъ царь Обода былъ такимъ-же подвластнымъ правителемъ [3]), какъ іудейскій царь Иродъ и, подобно этому послѣднему, доставилъ подкрѣпленія при отправкѣ римской экспедиціи въ южную Аравію. Съ того времени защита государственной границы какъ на востокѣ, такъ и на югѣ Сиріи вплоть до Дамаска была, какъ кажется, возложена главнымъ образомъ на этого арабскаго царя. Съ своимъ іудейскимъ сосѣдомъ онъ находился въ непрерывной враждѣ. Но вмѣсто того, чтобъ искать расправы съ Иродомъ у своего верховнаго властителя, онъ сталъ искать удовлетворенія

Галатамъ слѣдуетъ, что обращеніе произошло подлѣ Дамаска [это видно изъ слова ὑπέστρεψα] и Павелъ отправился оттуда въ Аравію; далѣе слѣдуетъ, что черезъ три года послѣ своего обращенія онъ въ первый разъ прибылъ въ Іерусалимъ, а черезъ семнадцать лѣтъ прибылъ туда вторично, на счетъ чего можно найти указанія въ апокрифическихъ разсказахъ апостольской исторіи о его поѣздкахъ въ Іерусалимъ [Zeller Apostelgesch. стр. 216]. Но нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить время смерти Стефана; еще гораздо менѣе возможно опредѣлить промежутокъ времени между этою смертью и бѣгствомъ обращеннаго Павла изъ Дамаска, промежутокъ времени между второй поѣздкой Павла въ Іерусалимъ и сочиненіемъ посланія къ Галатамъ и самый годъ, когда было написано это посланіе.

1) Набатейская надпись [Sachau Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellschaft Bd. 38 стр. 535], недавно найденная подлѣ Дмера къ сѣверо-востоку отъ Дамаска на дорогѣ въ Пальмиру и помѣченная мѣсяцемъ Ijjar 410 года по римскому [т. е. селевкидскому] лѣтосчисленію и 24 годомъ царя Дебела, послѣдняго изъ набатейскихъ царей, стало быть относящаяся къ маю 99 года послѣ Р. Х., доказала, что до присоединенія этого царства къ римской имперіи тотъ округъ оставался подъ владычествомъ Набатеевъ. Впрочемъ тамошнія владѣнія, какъ кажется, часто переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, такъ что трудно указать ихъ географическія границы; такъ напримѣръ владѣніе Гамалой на Генисаретскомъ озерѣ оспаривали другъ у друга тетрархъ галилейскій и царь набатейскій [Іосифъ, 18, 5, 1].

2) Быть можетъ, Габиніемъ [Appian Syr. 51].

3) Страбонъ 16, 4, 21, стр. 779. Однако на монетахъ этихъ царей нѣтъ головы императора. Но что въ набатейскомъ царствѣ годы считались со времени вступленія на престолъ того или другаго императора, видно изъ набатейской надписи, найденной въ Гебранѣ [Vogué Syrie centrale inscr. n. 1] и помѣченной 7 годомъ Клавдія, стало-быть относящейся къ 47 году. Лежащій немного къ сѣверу отъ Бостры, Гебранъ, какъ кажется, и впослѣдствіи считался принадлежащимъ къ Аравіи [Lebas-Waddington 2287], и набатейскія надписи офиціальнаго содержанія не встрѣчаются внѣ набатейскаго государства; немногія надписи, найденныя въ Трахонитидѣ имѣютъ частный характеръ.

съ оружіемъ въ рукахъ, а его сынъ Гареѳаѳъ или по-гречески Арета взялъ, послѣ смерти отца, въ свои руки правительственную власть, не дожидаясь согласія верховнаго властителя; разгнѣванный этимъ Августъ намѣревался низвергнуть Арету и присоединить его владѣнія къ Іудеѣ; но его удержало отъ этого то, что Иродъ сталъ впослѣдствіи дозволять себѣ разныя злоупотребленія, и потому Арета былъ утвержденъ на своемъ посту (около 747 г. отъ осн. Р.) Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, тотъ-же Арета самовольно предпринялъ войну противъ своего зятя, галилейскаго царя Ирода Антипы за то, что этотъ послѣдній отказался отъ его дочери для того, чтобъ жениться на прекрасной Иродіадѣ. Онъ одержалъ верхъ, но разгнѣванный верховный властитель Тиверій приказалъ намѣстнику Сиріи совершить надъ нимъ экзекуцію. Войска уже выступили въ походъ, когда Тиверій умеръ (37 г.), а его преемникъ Гай, недоброжелательствовавшій Антипѣ, помиловалъ Араба. Преемникъ Ареты царь Малику или Малхъ сражался при Неронѣ и при Веспасіанѣ во время іудейской войны въ качествѣ римскаго вассала и передалъ свою власть по наслѣдству своему сыну Дабелу, который былъ современникомъ Траяна и послѣднимъ изъ этихъ правителей. Послѣ того, какъ іерусалимское государство было присоединено къ римской имперіи, значительныя владѣнія Ирода были сокращены въ невоинственное царство Кесарійско-Панеадское; тогда арабское государство сдѣлалось самымъ значительнымъ изъ всѣхъ сирійскихъ вассальныхъ царствъ и доставило осаждавшей Іерусалимъ римской арміи самое сильное изъ всѣхъ царскихъ вспомогательныхъ войскъ. Отъ употребленія греческаго языка это государство воздерживалось и подъ римскимъ верховенствомъ; монеты, которыя чеканились при его царяхъ,—не говоря о тѣхъ, которыя чеканились въ Дамаскѣ,—носили на себѣ только арамейскія надписи. Но тамъ обнаруживаются зачатки внутренняго порядка и цивилизованнаго управленія. Даже чеканка монеты, вѣроятно, началась тамъ лишь послѣ того, какъ государство поступило въ вассальную зависимость отъ Рима. Арабско-индійскія торговыя сношенія съ берегами Средиземнаго моря велись большею частію тѣмъ находившимся подъ римскою охраной караваннымъ путемъ, который шолъ изъ Левке Коме черезъ Петру въ Газу [1]). Правители набатейскаго царства, подобно пальмирской

---

[1]) „Левке Коме въ странѣ Набатеевъ“—писалъ Страбонъ въ царствованіе Тиверія [16, 4, 23, стр. 780], — „большой торговый центръ, куда и откуда от-„правляются безопасно и удобно караванные торговцы [καμηλέμποροι] изъ Петры „и въ Петру съ такимъ множествомъ людей и верблюдовъ, что ихъ караваны „ничѣмъ не отличаются отъ арміи“. И писавшій въ царствованіе Веспасіана египетскій купецъ упоминаетъ въ своемъ описаніи береговъ Чермнаго моря, гл. 19: „о гавани и крѣпости [φρούριον] Левке Коме, откуда идетъ дорога въ Петру

общинѣ, давали своимъ должностнымъ лицамъ греческія названія, какъ напримѣръ названія эпарховъ и стратеговъ. Когда при Тиверіѣ восхваляли хорошій порядокъ, введенный Римлянами въ Сиріи и безопасное собираніе жатвы подъ охраной римскихъ войскъ, то это относилось главнымъ образомъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ вассальныхъ государствахъ — въ томъ, столицей котораго былъ сначала Іерусалимъ, а потомъ Кесарія Панеада, и въ томъ, столицей котораго была Петра.

Учрежденіе провинціи Аравіи. — Вмѣсто этихъ двухъ вассальныхъ государствъ было утверждено при Траянѣ непосредственное римское владычество. Въ началѣ его царствованія умеръ царь Агриппа II и владѣнія этого царя были присоединены къ провинціи Сиріи. Вскорѣ послѣ того, въ 106 году, намѣстникъ Авлъ Корнелій Пальма уничтожилъ владычество прежнихъ царей Набата и бельшую часть ихъ владѣній превратилъ въ римскую провинцію Аравію, между тѣмъ какъ Дамаскъ былъ присоединенъ къ Сиріи, а отъ тѣхъ земель, которыми набатейскіе цари владѣли внутри Аравіи, Римляне совершенно отказались. Учрежденіе провинціи Аравіи походило на завоеваніе,—и монеты, которыя были вычеканены въ память завладѣнія Аравіей, свидѣтельствуютъ о томъ, что Набатеи оказали сопротивленіе, и какъ исключительное положеніе ихъ территоріи, такъ и ихъ прежній образъ дѣйствій заставляютъ думать, что ихъ царь пользовался нѣкоторой независимостью. Но не въ исходѣ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ искать историческое значеніе этихъ событій; оба новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтенія, безъ сомнѣнія находившіяся въ связи одно съ другимъ, были, быть можетъ, ничѣмъ инымъ, какъ актами насилія, совершонными при помощи военной силы, а стремленіе ввести въ этихъ странахъ цивилизацію и въ особенности эллинизмъ лишь усилилось оттого, что римское правительство само взялось за эту работу. Восточный эллинизмъ въ томъ видѣ, какъ его понималъ Александръ, былъ борющеюся церковью,—былъ поли-

„къ царю Набатеевъ Малихѣ. Это мѣсто служитъ торговымъ рынкомъ для про„дуктовъ, которые отправляются туда изъ Аравіи на небольшихъ судахъ. По„этому туда посылается сборщикъ [ἀποστέλλεται] пошлинъ съ ввозимыхъ товаровъ „въ размѣрѣ одной четверти ихъ цѣны, а ради безопасности туда отправляется „также центуріонъ [ἑκατοντάρχης] съ командой“. Такъ какъ римскій подданный говоритъ объ отправкѣ чиновниковъ и солдатъ, то эти послѣдніе могутъ быть только римскими чиновниками и солдатами; кромѣ того названіе центуріонъ не могло относиться къ арміи набатейскаго царя, а та форма взысканія пошлинъ чисто римская. Что вассальное государство включено въ сферу взиманія государственныхъ пошлинъ,—это такой фактъ, который встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ при-альпійскихъ странахъ. О дорогѣ изъ Петры въ Газу упоминаетъ Плиній [Hist. Nat. 6, 28, 144].

тическою, религіозною, политико-экономическою, литературною силой, которая стремилась впередъ путемъ завоеваній. Онъ до той поры немногаго достигъ на окраинѣ степей, потому что находилъ противодѣйствіе въ анти-эллинскомъ іудействѣ и проводился подъ вялымъ и нетвердымъ управленіемъ Селевкидовъ. Но когда за это дѣло взялись Римляне, онъ обнаружилъ двигательную силу, которая была по сравненію съ прежней такова, каково было могущество римской имперіи по сравненію съ могуществомъ іудейскихъ и арабскихъ вассальныхъ царей. Въ этой странѣ, гдѣ все зависѣло и до сихъ поръ зависитъ отъ постояннаго присутствія значительныхъ военныхъ силъ, которыя охраняли-бы внутреннее спокойствіе, было чрезвычайно важнымъ событіемъ устройство легіоннаго лагеря въ Бострѣ подъ главнымъ начальствомъ лица сенаторскаго ранга. Изъ этого центральнаго пункта были устроены, гдѣ это считалось цѣлесообразнымъ, стоянки съ достаточными гарнизонами. Ради примѣра можно упомянуть о зàмкѣ Намарѣ (Nemâra), который находился по ту сторону границы обитаемой гористой страны на разстояніи однодневнаго отъ нея перехода, былъ окруженъ каменистыми степями, но господствовалъ надъ единственнымъ въ этихъ степяхъ колодцемъ и надъ другими примыкавшими къ нимъ степями подлѣ ранѣе упомянутаго оазиса Рубе и далѣе подлѣ Джебель Сеса (Djebel Sês); эти гарнизоны, вмѣстѣ взятые, господствовали надъ всей передней частію Гаурана. Другой рядъ зàмковъ, подчиненныхъ сирійскому главнокомандующему, но находившихся въ ближайшей зависимости отъ легіона, поставленнаго подлѣ Данавы (стр. 415) и расположенныхъ на равномъ одинъ отъ другаго разстояніи трехъ-часоваго перехода, дѣлалъ безопасной дорогу изъ Дамаска въ Пальмиру; тотъ изъ нихъ, о которомъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, былъ по порядку вторымъ и находился въ Джерѣ (стр. 467 прим. 1); это былъ продолговатый четыреугольникъ шаговъ въ 300 и въ 350; онъ имѣлъ съ каждой стороны по шести башенъ и по одному выходу, имѣвшему въ ширину 15 шаговъ, и былъ обнесенъ стѣной въ 16 футовъ толщины; эта стѣна когда-то была обложена снаружи красивыми плитами.

Цивилизація восточной Сиріи подъ римскимъ владычествомъ. — Эта страна никогда еще не пользовалась такой благодѣтельной охраной. Она въ сущности не утратила своихъ національныхъ особенностей. Арабскія названія оставались тамъ въ употребленіи до самыхъ позднихъ временъ, хотя къ мѣстнымъ названіямъ нерѣдко прибавлялось, такъ-же какъ и въ Сиріи (стр. 443), римско-эллинское: такъ напримѣръ одинъ шейхъ называется «Адріаномъ или Соаидомъ, сыномъ Малеха» [1]). И мѣстный культъ остался не тронутымъ: хотя

[1]) Waddington 2196: 'Αδριανοῦ τοῦ καὶ Σοαίδου Μαλέχου ἐθνάρχου στρατηγοῦ νομάδων τὸ μνημεῖον.

главный богъ Набатеевъ Дусарисъ и ставится наравнѣ съ Діонисомъ, но его не перестаютъ чтить подъ его мѣстнымъ названіемъ, а жители Бостры до самыхъ позднихъ временъ праздновали въ честь его Дусаріи [1]). Точно такъ и въ провинціи Аравіи не переставали посвящать храмы и приносить жертвы Аyму (Aumu), или Гелію, Вазеату (Vasaeathu), Θеандриту (Theandritos), Эθаю (Ethaos). Не перестали существовать и племена съ своими прежними внутренними порядками: въ надписяхъ стоятъ цѣлые ряды именъ, принадлежащихъ туземнымъ «филамъ», а чаще филархамъ или этнархамъ. Но на ряду съ этимъ дѣлаютъ шаги впередъ и цивилизація и эллинизированіе. Если нельзя указать въ сферѣ набатейскихъ владѣній ни одного греческаго памятника изъ до-Траяновскихъ временъ, то наоборотъ тамъ не было найдено ни одного послѣ-Траяновскаго памятника съ надписью на арабскомъ языкѣ [2]); по всей видимости, римское правительство уничтожило письменное употребленіе арабскаго языка немедленно вслѣдъ за присоединеніемъ той страны къ имперіи, хотя этотъ языкъ, безъ сомнѣнія, остался настоящимъ мѣстнымъ языкомъ, какъ это доказывается и собственными именами и существованіемъ «переводчика при сборщикѣ податей».

Земледѣліе и торговля. — На улучшеніе земледѣлія писатели не оставили намъ указаній; но на всѣхъ восточныхъ и южныхъ склонахъ Гаурана, отъ самой вершины горъ вплоть до степнаго пространства, камни, когда-то усѣивавшіе эту вулканическую равнину, были сложены въ кучи или разложены длинными рядами и такимъ способомъ была очищена для обработки самая плодородная почва,

---

[1]) Эпифаній [Haeres. 51, стр. 483 Dind.] говоритъ, что 25 декабря, день Рождества Христова торжественно справлялся въ Римѣ праздникомъ Сатурналій, въ Александріи праздникомъ Кикелліи [о которомъ упоминаетъ и Канопскій декретъ] и въ другихъ языческихъ культахъ какими-нибудь другими подобными празднествами. „Это происходитъ въ Александріи въ такъ-называемомъ святилищѣ дѣвственницъ [Κόριον].... а когда спросишь, что значитъ эта мистерія, на это отвѣчаютъ: сегодня, въ такомъ-то часу дѣва родила Всевѣчнаго [τὸν αἰῶνα]. Это происходитъ такимъ-же образомъ и въ главномъ городѣ Аравіи Петрѣ, въ тамошнемъ храмѣ: тамъ воспѣваютъ на арабскомъ языкѣ дѣву, которая называется по-арабски Хааму, то-есть дѣвушкой, и рожденнаго ею Дусара, то-есть единороднаго сына Божія“. Названіе Chaamu, быть можетъ, одного происхожденія съ тѣмъ Aumu или Aumos, которое встрѣчается въ той странѣ въ греческихъ надписяхъ и приравнивается къ Ζεὺς ἀνίκητος Ἥλιος [Waddington 2392—2395. 2441. 2455. 2456].

[2]) Исключеніе составляетъ замѣчательная, найденная въ Гарранѣ неподалеку отъ Зоравы арабско-греческая надпись 568 года послѣ Р. Х. [обрат. вним. на ея конецъ], поставленная филархомъ Азареломъ, сыномъ Талема [Waddington 2464]. Этотъ Христосъ—предтеча Магомета.

а эту работу можно приписывать только тому правительству, которое одно умѣло управлять этою страной такъ, какъ было можно и какъ слѣдовало ею управлять. Въ Леджѣ, на той покрытой лавою плоской возвышенности, которая имѣетъ 13 часовъ ходьбы въ длину и 8—9 въ ширину, и на которой въ настоящее время почти вовсе нѣтъ жителей, когда-то росли промежъ потоковъ лавы виноградники и фиговыя деревья; черезъ нее проходила римская дорога, соединявшая Бостру съ Дамаскомъ; въ Леджѣ и въ ея окрестностяхъ видны развалины 12-ти большихъ поселеній и 39-ти меньшихъ размѣровъ. Положительно доказано, что по приказанію того-же намѣстника, который организовалъ провинцію Аравію, былъ устроенъ огромный водопроводъ, по которому вода стекала съ Гауранскихъ горъ въ Канаѳу (Керакъ), стоявшую на равнинѣ; такой-же вовопроводъ былъ устроенъ неподалеку оттуда въ Аррѣ (Râha), а сооруженія Траяна могутъ стоять наравнѣ съ Остійскимъ портомъ и съ римскимъ Форумомъ. О развитіи торговыхъ сношеній свидѣтельствуетъ самый выборъ столицы для новой провинціи. Бостра находилась подъ набатейскимъ управленіемъ, и тамъ была найдена надпись царя Малиху; но свое военное и торговое значеніе она пріобрѣла лишь съ того времени, какъ поступила подъ непосредственное римское управленіе. «Изъ всѣхъ городовъ восточной Сиріи», — говоритъ Ветцштейнъ, — «Бостра занимаетъ самое выгодное географическое «положеніе; даже Дамаскъ, который обязанъ своимъ процвѣтаніемъ «обилію водъ и тому, что онъ защищенъ съ восточной стороны Тра«хономъ, можетъ затмѣвать своимъ блескомъ Бостру только подъ «слабымъ управленіемъ, между тѣмъ какъ подъ сильною и разумною «правительственною властію Бостра можетъ въ нѣсколько лѣтъ до«стигнуть баснословнаго процвѣтанія. Это—большой торговый ры«нокъ для сирійской степи, для аравійскихъ гористыхъ странъ и «для Переи; длинные ряды ея каменныхъ лавокъ до сихъ поръ «стоятъ пустыми, свидѣтельствуя о дѣйствительности прошлаго ве«личія и о возможности будущаго». Остатки римской дороги, которая вела оттуда черезъ Салхатъ и Эзракъ къ Персидскому заливу, служатъ доказательствомъ того, что Бостра была наряду съ Петрой и Пальмирой посредницей торговли, направлявшейся съ востока къ Средиземному морю. Этотъ городъ получилъ эллинское устройство, вѣроятно, еще при Траянѣ; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ онъ называется «новой Траяновской Бострой» и греческія монеты появляются въ немъ со временъ Пія, между тѣмъ какъ въ болѣе позднюю пору надписи на нихъ дѣлаются на латинскомъ языкѣ вслѣдствіе дарованія колоніальнаго права Александромъ. И Петра имѣла еще при Адріанѣ греческое городское устройство; нѣкоторыя другія поселенія впослѣдствіи также получили городскія права; но племя и занятое племенемъ селеніе преобладали въ этой аравійской странѣ до самыхъ позднихъ временъ.

Каменныя сооруженія въ восточной Сиріи. — Изъ этого смѣшенія національныхъ элементовъ съ греческими развилась тамъ въ теченіе тѣхъ пятидесяти лѣтъ, которыя отдѣляютъ Траяна отъ Магомета, своеобразная цивилизація. Отъ нея дошли до насъ болѣе полные отпечатки, чѣмъ отъ какой-либо другой античной формы древняго быта, такъ какъ большею частію выточенныя изъ утесовъ сооруженія Петры и по недостатку строеваго лѣса построенныя изъ одного камня зданія въ Гауранскихъ горахъ сравнительно мало пострадали отъ введеннаго тамъ вмѣстѣ съ исламомъ стариннаго безобразнаго владычества бедуиновъ; они уцѣлѣли въ значительныхъ размѣрахъ до настоящаго времени и бросаютъ яркій свѣтъ на искуство и на образъ жизни тѣхъ вѣковъ. Ранѣе упомянутый храмъ Ваалсамина въ Канаѳѣ, построенный, безъ сомнѣнія, при Иродѣ, обнаруживаетъ въ своихъ первоначальныхъ составныхъ частяхъ полное различіе отъ греческой архитектуры, а въ томъ, что касается теоріи зодчества, замѣчательное сходство съ построеннымъ тѣмъ-же царемъ іерусалимскимъ храмомъ; между тѣмъ въ немъ нѣтъ недостатка въ тѣхъ аллегорическихъ изображеніяхъ, которыхъ избѣгали при сооруженіи іерусалимскаго храма. То-же было замѣчено на памятникахъ, найденныхъ въ Петрѣ. Впослѣдствіи были сдѣланы дальнѣйшіе шаги въ томъ-же направленіи. Между тѣмъ какъ при іудейскихъ и набатейскихъ властителяхъ культура лишь медленно отрѣшалась отъ восточныхъ вліяній, съ переведеніемъ легіона въ Бостру тамъ какъ будто настали новыя времена. «Возведеніе построекъ», — говоритъ превосходный французскій изслѣдователь Melchior de Vogüé, — «получило въ то время такое сильное развитіе, которое уже не оста«навливалось. Повсюду стали появляться дома, дворцы, бани, храмы, «театры, водопроводы, тріумфальныя арки; въ теченіе немногихъ лѣтъ «появились точно будто изъ-подъ земли города съ правильно раз«веденными публичными садами и симметрически разставленными «рядами колоннъ, которые были отличительными особенностями го«родовъ безъ историческаго прошлаго, и для этой части Сиріи были «во времена имперіи чѣмъ-то въ родѣ неизбѣжнаго мундира». На восточномъ и южномъ склонахъ Гауранскихъ горъ видны остатки почти трехъ сотъ такихъ опустѣлыхъ городовъ и селеній, между тѣмъ какъ новыхъ поселеній тамъ оказывается теперь только пять; въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ городовъ, какъ напримѣръ въ Бузанѣ, было до 800 домовъ въ одинъ и въ два этажа; они были построены изъ одного базальта; ихъ стѣны, сложенныя изъ четыреугольныхъ плитъ безъ помощи цемента, большею частію носили на себѣ различные орнаменты, а на дверяхъ нерѣдко дѣлались надписи; плоскія крыши были сдѣланы изъ камней, лежавшихъ на каменныхъ аркахъ и обложенныхъ снаружи цементомъ для предохраненія отъ дождя. Городская стѣна обыкновенно состояла только изъ соприка-

савшихся заднихъ сторонъ домовъ и охранялась многочисленными башнями. Слабыя попытки, которыя дѣлаются въ наше время съ цѣлію снова заселить эту мѣстность, находятъ готовые дома, годные для жилья; недостаетъ только трудолюбивыхъ человѣческихъ рукъ или вѣрнѣй недостаетъ сильной руки, которая-бы ихъ охраняла. Передъ воротами находятся родники, нерѣдко вырытые подъ землею или прикрытые искуственною каменною крышей; тамъ, гдѣ эта городская пустыня обратилась въ пастбища, бедуины по сіе время содержатъ въ порядкѣ многіе изъ этихъ родниковъ для того, чтобъ въ лѣтнюю пору поить изъ нихъ свой скотъ. Въ манерѣ строить и въ украшеніяхъ сохранились нѣкоторые остатки старинныхъ восточныхъ привычекъ; такъ напримѣръ, нерѣдко можно видѣть форму гробницы съ пирамидальною крышей и также башни для голубей, нерѣдко ставившіяся на гробницахъ и до сихъ поръ часто встрѣчающіяся во всей Сиріи; но взятыя въ цѣлости, эти постройки были обыкновенныя греческія временъ имперіи. Только вслѣдствіе недостатка въ строевомъ лѣсѣ здѣсь вошло въ обыкновеніе ставить каменныя арки и дѣлать крыши въ формѣ купола, что и въ техническомъ и въ художественномъ отношеніи придаетъ этимъ зданіямъ оригинальный характеръ. Въ противоположность съ вошедшимъ въ другихъ мѣстахъ обыкновеніемъ держаться прежде принятыхъ формъ, здѣсь преобладаетъ такая архитектура, которая удовлетворяетъ мѣстнымъ требованіямъ и условіямъ, умѣренна въ томъ, что касается орнаментовъ, вообще разумна и раціональна и даже не лишена изящества. Подлѣ гробницъ, которыя выточены въ возвышающихся къ востоку и къ западу отъ Петры отвѣсныхъ скалахъ или въ ихъ боковыхъ долинахъ, возвышаются дорическія или коринѳскія колонны, нерѣдко поставленныя въ нѣсколько рядовъ однѣ надъ другими, также пирамиды и пропилеи, напоминающія о египетскихъ Ѳивахъ; все это не привлекательно въ художественномъ отношеніи, но производитъ внушительное впечатлѣніе своей массивностью и богатствомъ. Только при дѣятельной жизни и при высокомъ благосостояніи была возможна такая заботливость объ усопшихъ. Въ виду такихъ архитектурныхъ произведеній, мы не можемъ удивляться тому, что въ надписяхъ одного театра въ «селеніи» (χώμη) Саккеѣ упоминается объ «имѣющемъ форму театра Одеонѣ» въ Канаѳѣ, и что одинъ мѣстный поэтъ изъ Намары, что въ Батанеѣ, самъ себя превозноситъ за «мастера въ высокомъ искуствѣ великолѣпныхъ авзонійскихъ пѣснопѣній»[1]). Такимъ образомъ на этой восточной границѣ эллинской цивилизаціи была пріобрѣтена такая пограничная область, которую можно сопоставить съ романизированными при-рейнскими странами; восточно-

---

[1]) Αὐσονίων μούσης ἐφύνου πρύτανις. Kaibel. epigr. 440.

сирійскія сооруженія съ арками и съ куполами, конечно, выдерживаютъ сравеніе съ замками и съ гробницами бельгійской знати и бельгійскаго купечества.

Южно-аравійскіе переселенцы до Магомета. — Но всему этому насталъ конецъ. Историческія преданія Римлянъ умалчиваютъ о переселявшихся туда съ юга арабскихъ племенахъ, а то, что сообщаютъ позднѣйшіе арабскіе источники о Гассанидахъ и ихъ предшественникахъ, неудовлетворительно по меньшей мѣрѣ потому, что лишено точныхъ хронологическихъ указаній [1]). Но Сабеи, по имени которыхъ было названо Borechath (Берка къ сѣверу отъ Канавата), какъ кажется, дѣйствительно были переселенцами изъ южной Аравіи; а они жили тамъ еще въ 3 столѣтіи. Они и ихъ сотоварищи могли придти туда съ мирными цѣлями и завести тамъ осѣдлость подъ римской охраной; они, быть можетъ, даже перенесли въ Сирію высоко-развитую и роскошную культуру юго-западной Аравіи. Пока имперія сохраняла свою цѣльность, а каждое изъ этихъ племенъ управлялось своимъ особымъ шейхомъ, всѣ эти племена повиновались верховному римскому властителю. Но для того, чтобъ было удобнѣе вести борьбу съ соединившимися подъ властію одного царя Арабами или, какъ ихъ теперь называютъ, Сарацинами, подвластными персидскому государству, Юстиніанъ, — во время персидской войны 531 года, — подчинилъ всѣхъ филарховъ, управлявшихъ подвластными Риму Сарацинами, сыну Габала Арепѣ (Арабы называютъ его сыномъ Гаритъ-Абу-Хамина) и далъ ему царскій титулъ, присовокупивъ, что этого никогда прежде не случалось. Этотъ царь

---

[1]) По арабскимъ разсказамъ, племя Бену-Сали переселилось изъ окрестностей Мекки [около 190 г. послѣ Р. Х. по мнѣнію Caussin de Perceval, Hist. des Arabes 1, 212] въ Сирію и поселилось рядомъ съ племенемъ Бену-Самаида, въ которомъ Ваддингтонъ узнаетъ тѣхъ φυλὴ Σομαιθηνῶν, о которыхъ говоритъ надпись въ Суведѣ [n. 2308]. Гассаниды, [по словамъ Caussin около 205 г.] также переселившіеся изъ Батн-Марра въ Сирію въ ту-же мѣстность, были принуждены Салигитами, по наущенію Римлянъ, уплачивать дань и въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствительно уплачивали ее, но потомъ [по словамъ того-же автора около 292 г.] осилили Салигитовъ и ихъ вождь Талаба сынъ Ама, былъ возведенъ Римлянами въ званіе филарха. Въ этомъ разсказѣ, быть можетъ, и есть нѣкоторая доля правды; но главнымъ руководствомъ все-таки остается повторенный въ подлинникѣ разсказъ Прокопія de bello Pers. 1, 17. Филархи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ провинцій Аравіи [т. е. провинціи Бостры: nov. 102 c.1] и Палестины [т. е. провинціи Петры: Прокопій de bello Pers. 1, 19] древнѣе, но не много. Еслибы оберъ-шейхъ этого рода былъ признанъ Римлянами въ до-Юстиніановскія времена, то отъ этого, конечно, остались-бы какіе-нибудь слѣды въ произведеніяхъ римскихъ писателей и въ надписяхъ, но изъ до-Юстиніановскихъ временъ такихъ слѣдовъ вовсе невидно.

сандръ, который въ теченіе всего своего царствованія боролся столько же съ сирійскими властителями, сколько съ подвластными ему Фарисеями. Хотя оно въ сущности было только инымъ и на самомъ дѣлѣ болѣе натуральнымъ и болѣе мощнымъ выраженіемъ національнаго самосознанія, но по свободѣ мысли и образа дѣйствій оно соприкасалось съ эллинизмомъ и въ особенности въ глазахъ своихъ благочестивыхъ противниковъ было чужестраннымъ и иновѣрческимъ.

Іудейская діаспора. — Но жители Палестины составляли только часть и не самую значительную часть іудейскаго народа. Іудейскія общины вавилонскія, сирійскія, мало-азіятскія, египетскія были гораздо значительнѣе палестинскихъ даже послѣ ихъ возрожденія при Маккавеяхъ. Эти послѣднія не играли такой важной роли, какую играла во времена имперіи іудейская діаспора, которая была чрезвычайно своеобразнымъ явленіемъ.

Поселенія Іудеевъ внѣ Палестины развились лишь въ незначительной мѣрѣ изъ тѣхъ же влеченій, изъ какихъ развились поселенія Финикіянъ и Эллиновъ. Іудеи изстари были земледѣльческимъ и жившимъ вдалекѣ отъ морскихъ береговъ народомъ, а потому заводили свои поселенія въ чужихъ странахъ не по доброй волѣ и сравнительно поздно; эти поселенія были основаны Александромъ или его маршалами [1]). Въ томъ обширномъ возникновеніи греческихъ городовъ, которое продолжалось при многихъ поколѣніяхъ и получило такіе громадные размѣры, какихъ никогда не имѣло ни прежде того ни послѣ, Іудеи принимали выдающееся участіе, хотя и кажется страннымъ, что именно они были призваны помогать эллинизированію востока. Это въ особенности замѣтно на Египтѣ. Самый значительный изъ всѣхъ основанныхъ Александромъ городовъ, Александрія на Нилѣ, былъ со временъ первыхъ Птолемеевъ. переселившихъ туда, послѣ завладѣнія Палестиной, множество ея жителей, столько-же іудейскимъ городомъ, сколько греческимъ, и тамошнее іудейство по меньшей мѣрѣ могло равняться съ іеруса-

---

[1]) Іосифъ [Contra Ap. 2, 4] приписываетъ Александру тѣ постановленія, которыми опредѣлялось положеніе Іудеевъ въ Александріи; но это едва-ли вѣрно. потому что, сколько намъ извѣстно, не Александръ переселилъ туда массами Іудеевъ, а первый Птолемей [Josephus, Ant. 12, 1; Appian, Syr. 50]. Замѣчательное однообразіе, съ которымъ организовались іудейскія общины въ различныхъ владѣніяхъ Діадоховъ, должно быть приписано если не распоряженіямъ Александра, то соперничеству и взаимному подражанію при основаніи городовъ. На устройство этихъ поселеній имѣлъ, безъ сомнѣнія. большое вліяніе и тотъ фактъ, что Палестина находилась то подъ владычествомъ Египтянъ. то подъ владычествомъ Сирійцевъ.

линскимъ по многочисленности, по богатству, по интеллигенціи и по внутреннему устройству. Въ первыя времена имперіи, на 8 милліоновъ Египтянъ приходился одинъ милліонъ Іудеевъ, а вліяніе этихъ послѣднихъ, по всему вѣроятію, выходило за предѣлы этой численной пропорціи. Соперничавшее съ ними іудейство сирійской столицы ввело у себя одинаковое съ ними устройство и достигло одинакаго съ ними развитія,—какъ это уже было ранѣе замѣчено (стр. 446). О многочисленности и о значеніи мало-азіятскихъ Іудеевъ свидѣтельствуетъ между прочимъ сдѣланная при Августѣ іонійскими греческими городами попытка (какъ кажется, по взаимному между ними уговору) принудить іудейскихъ членовъ ихъ общинъ или къ отреченію отъ вѣры или къ принятію на себя всѣхъ гражданскихъ повинностей. Самостоятельно организованныя іудейскія общины, безъ сомнѣнія, находились во всѣхъ какъ вновь основанныхъ [1]) эллинами, такъ и во многихъ издревле эллинскихъ городахъ и даже въ собственной Елладѣ, какъ напримѣръ въ Коринѳѣ. Организація этихъ общинъ происходила при тѣхъ условіяхъ, что Іудеямъ дозволялось сохранять ихъ національность со всѣми широкими послѣдствіями, которыя они сами отсюда извлекали, но отъ нихъ требовалось употребленіе греческаго языка. Вслѣдствіе этой манеры навязывать греческій языкъ ласкою или угрозой и жившіе въ греческихъ городахъ Іудеи обратились въ такихъ восточныхъ уроженцевъ, которые говорили по-гречески.

Греческій языкъ.—Что въ іудейскихъ общинахъ македонскихъ городовъ греческій языкъ достигъ господства не только естественнымъ путемъ взаимныхъ сношеній, но и путемъ обязательныхъ требованій, какъ кажется, можно съ увѣренностью заключить изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ. Точно такъ-же Траянъ впослѣдствіи романизировалъ Дакію при помощи мало-азіятскихъ колонистовъ. Безъ такого внѣшняго гнета нельзя бы было достигнуть внѣшняго однообразія при основаніи городовъ и нельзя бы было употреблять въ дѣло этотъ матеріалъ съ цѣлію эллинизированія. Въ этомъ отношеніи правительства зашли далеко и достигли многаго. Уже при второмъ Птолемеѣ и по его иниціативѣ были переведены въ

---

[1]) Объ іудейской общинѣ, существовавшей въ Смирнѣ, упоминаетъ недавно найденная тамъ надпись [Reinach, Revue des études juives 1883, p. 161]: Ῥουφεῖνα Ἰουδαί[α] ἀρχισυναγωγὸς κατεσκεύασεν τὸ ἐνσόριον τοῖς ἀπελευθέροις καὶ θρέμ[μ]ασιν μηδενὸς ἄλ[λ]ου ἐξουσίαν ἔχοντος θάψαι τινὰ εἰ δέ τις τολμήσει, δώσει τῷ ἱερωτάτῳ ταμείῳ [δηναρίους] αφ, καὶ τῷ ἔθνει τῶν Ἰουδαίων [δηναρίους] α. Ταύτης τῆς ἐπιγραφῆς τὸ ἀντίγραφον ἀποκεῖται εἰς τὸ ἀρχεῖον. При назначеніи такихъ уголовныхъ наказаній простыя коллегіи едва-ли могутъ быть поставлены на ряду съ государствомъ или съ общиной.

Египтѣ на греческій языкъ священныя книги Іудеевъ и по меньшей мѣрѣ въ первыя времена имперіи знаніе еврейскаго языка встрѣчалось между александрійскими Іудеями почти такъ-же рѣдко, какъ въ наше время рѣдко встрѣчается въ христіанскомъ мірѣ знаніе тѣхъ коренныхъ языковъ, на которыхъ написано Священное Писаніе; ошибки, сдѣланныя въ переводѣ такъ-называемыхъ семидесяти толковниковъ, послужили поводомъ для такихъ-же споровъ, какіе были вызваны среди нашихъ ханжей ошибками въ переводахъ Лютера. Національный языкъ Іудеевъ исчезъ въ эту эпоху повсюду изъ ежедневнаго употребленія и сохранился только въ церковномъ богослуженіи, подобно тому, какъ въ сферѣ католицизма сохранился языкъ латинскій. Въ самой Іудеѣ онъ былъ замѣненъ арамейскимъ народнымъ нарѣчіемъ Сирійцевъ, которое, безъ сомнѣнія, находится въ родствѣ съ еврейскимъ; находившіяся внѣ Іудеи, іудейскія общины, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, совершенно отложили въ сторону семитическое нарѣчіе и лишь очень нескоро послѣ того наступила та реакція, которая возстановила среди Іудеевъ и школьное изученіе этого нарѣчія и его употребленіе. Столь многочисленныя въ эту эпоху литературныя произведенія Іудеевъ всѣ были написаны, въ лучшія времена имперіи, на греческомъ языкѣ. Если-бы національность обусловливалась однимъ языкомъ, то, говоря объ этой эпохѣ, пришлось-бы рѣдко упоминать объ Іудеяхъ.

Сохраненіе національности.—Но съ этимъ навязываніемъ греческаго языка, которое въ началѣ, быть можетъ, казалось тяжелымъ угнетеніемъ, соединяется признаніе особой національности со всѣми его послѣдствіями. Въ городахъ Александровой монархіи городское населеніе повсюду составилось изъ Македонянъ, то-есть изъ настоящихъ македонскихъ Эллиновъ или изъ такихъ, которые считались съ ними равными. Рядомъ съ ними жили, кромѣ иноземцевъ, туземцы—въ Александріи Египтяне, въ Киренѣ—Ливійцы и главнымъ образомъ переселенцы съ востока, которые хотя и не имѣли никакого другаго отечества, кромѣ новаго города, но не признавались за Эллиновъ. Къ этой второй категоріи принадлежали Іудеи; но имъ и только имъ однимъ дозволялось организовать такъ-сказать общину въ общинѣ и до нѣкоторой степени управляться самими собою, между тѣмъ какъ остальные неграждане управлялись должностными лицами, назначавшимися гражданскою общиной [1]). «Іудеи»,—го-

---

[1]) Когда александрійскіе Іудеи впослѣдствіи утверждали, будто они пользовались одинакими правами съ александрійскими Македонянами [Josephus contra Ap. 2, 4, Bell. 2, 18, 7], они представляли настоящее положеніе дѣла въ искаженномъ видѣ. Они состояли подъ охраной македонской филы, ко-

ворить Страбонъ, —«имѣютъ въ Александріи собственнаго народнаго «начальника (ἐθνάρχης), который стоитъ во главѣ народа (ἔθνος), «рѣшаетъ тяжебныя дѣла, заключаетъ договоры и издаетъ поста«новленія,—точно будто онъ управляетъ самостоятельною общиной». Эти порядки возникли вслѣдствіе того, что Іудеи считали такую спеціальную юрисдикцію необходимой принадлежностью ихъ національности или,—что сводилось къ тому-же,—ихъ религіи. Кромѣ того общія государственныя постановленія принимали въ соображеніе въ очень широкихъ размѣрахъ національно-религіозныя оговорки Іудеевъ и по возможности улаживали дѣло путемъ исключеній изъ общихъ правилъ. Къ этому нерѣдко присоединялась и привычка жить особнякомъ; такъ напримѣръ въ Александріи изъ пяти городскихъ кварталовъ два были населены преимущественно Іудеями. Это, по видимому, не было послѣдствіемъ той системы, которая практикуется въ Гетто, а скорѣе было обыкновеніемъ, которое было введено при первоначальномъ поселеніи и потомъ соблюдалось обѣими сторонами, потому что въ нѣкоторой мѣрѣ предотвращало столкновенія между сосѣдями.

Расширеніе діаспоры.—Такимъ путемъ Іудеи дошли до того, что стали играть выдающуюся роль при македонскомъ эллинизированіи востока; съ одной стороны ихъ ловкость и всестороннія способности, съ другой ихъ несговорчивая стойкость побудили тѣхъ практическихъ государственныхъ людей, которые прокладывали эту дорогу, рѣшиться на введеніе вышеописанныхъ порядковъ. Тѣмъ не менѣе, необычайное по сравненію съ узкой и ничтожной отчизной расширеніе и значеніе іудейской діаспоры были съ одной стороны неоспоримымъ фактомъ, а съ другой стороны загадкой. При этомъ не слѣдуетъ опускать изъ виду того обстоятельства, что палестинскіе Іудеи были не болѣе какъ зерномъ, изъ котораго вышли Іудеи,

---

торая, вѣроятно, была самой важной изъ всѣхъ и потому была названа именемъ Діониса [Theophilus ad Autolycum 2, 7], а такъ какъ іудейскій кварталъ составлялъ часть этой филы, то Іосифъ обращаетъ и Іудеевъ въ Македонянъ. Правовое положеніе этой категоріи населенія греческихъ городовъ всего яснѣе видно изъ того, что по словамъ Страбона [Josephus, Ant. 14, 7, 2] въ Киренѣ было четыре разряда жителей: городскіе граждане, туземцы [γεωργοί], иноземцы и Іудеи. Если оставить въ сторонѣ Метёковъ, чья законная отчизна находилась внѣ города, населеніе, имѣвшее право считать Кирену своей отчизной, состояло во-первыхъ изъ полноправныхъ гражданъ, то-есть изъ Эллиновъ и изъ тѣхъ, кто былъ поставленъ съ ними наравнѣ, и во-вторыхъ изъ двухъ категорій, лишенныхъ пользованія гражданскими правами—изъ Іудеевъ, которые составляли свою собственную общину, и изъ подданныхъ—изъ Ливійцевъ, лишенныхъ автономіи. Все это не трудно было такъ перепутать, что обѣ привилегированныя категоріи выдавались за равноправныя.

жившіе въ чужихъ странахъ. Іудейство древнихъ временъ вовсе не отличалось замкнутостью; напротивъ того, оно было проникнуто миссіонерскимъ рвеніемъ не менѣе, чѣмъ были имъ впослѣдствіи проникнуты христіанство и исламъ. Въ евангеліи упоминается о тѣхъ раввинахъ, которые странствовали и по-морю и по-суху, чтобъ пріобрѣсть хоть одного новаго послѣдователя; допущеніе полу-прозелитовъ, отъ которыхъ не требовалось обрѣзанія, но которые тѣмъ не менѣе принимались въ религіозную общину, служитъ доказательствомъ того, какъ сильно было желаніе пріобрѣтать новообращенныхъ и какое было самое дѣйствительное для того средство. Успѣху этой пропаганды содѣйствовали очень разнообразныя причины. Гражданскія привилегіи, которыя были дарованы Іудеямъ Лагидами и Селевкидами, безъ сомнѣнія, побуждали многихъ восточныхъ уроженцевъ неіудейскаго происхожденія и полу-Эллиновъ примыкать во вновь основанныхъ городахъ къ привилегированной категоріи неграждапъ. Въ болѣе позднюю пору, іудейской пропагандѣ послужилъ на пользу упадокъ традиціонныхъ мѣстныхъ вѣрованій. Многіе изъ тѣхъ, въ особенности принадлежавшихъ къ образованному классу, людей, чьи религіозныя и нравственныя чувства были оскорблены тѣмъ, что называлось религіей у Грековъ и еще болѣе тѣмъ, что называлось этимъ словомъ у Египтянъ, отворачивались отъ тѣхъ и отъ другихъ съ негодованіемъ или съ презрительной насмѣшкой и искали убѣжища въ болѣе безъискуственномъ и болѣе чистомъ іудейскомъ ученіи, которое отвергало многобожіе и иконопочитаніе и въ значительной мѣрѣ согласовалось съ тѣми религіозными воззрѣніями, которыя были заимствованы образованными и полуобразованными сферами изъ пришедшей въ упадокъ философіи. До насъ дошло замѣчательное греческое нравоучительное стихотвореніе, по всему вѣроятію, изъ послѣднихъ временъ римской республики; оно заимствовало свое содержаніе изъ книгъ Моисеевыхъ въ такомъ видѣ, что усвоило ученіе о единобожіи и общій нравственный законъ, но избѣгало какъ всего, что могло непонравиться не-Іудеямъ, такъ и всякихъ прямыхъ противорѣчій съ господствующей религіей; оно, очевидно, было написано съ цѣлію расширить сферу вліянія этого утратившаго свою національность іудейства. Въ особенности женщины охотно переходили въ іудейскую вѣру. Когда правительственныя власти Дамаска рѣшили въ 66 г. умертвить плѣнныхъ Іудеевъ, онѣ условились держать это рѣшеніе втайнѣ для того, чтобъ преданное Іудеямъ женское населеніе не воспрепятствовало его исполненію. Даже на западѣ, гдѣ образованныя сферы вообще не питали расположенія къ іудейскимъ обычаямъ, знатныя дамы издавна составляли исключеніе изъ этого общаго правила; происходившая отъ знатнаго рода, Неронова супруга Поппея Сабина была извѣстна въ Римѣ какъ другими менѣе похвальными дѣлами, такъ и тѣмъ, что

питала благочестивую преданность къ іудейской религіи и ревностно покровительствовала Іудеямъ. Не рѣдко происходили и формальныя обращенія въ іудейскую вѣру; такъ напримѣръ весь Адіабенскій царствующій домъ — и самъ царь Изатъ, и его мать Елена, и его братъ и преемникъ были во времена Тиверія и Клавдія во всей формѣ Іудеи. Конечно, о всѣхъ тѣхъ іудейскихъ общинахъ можно замѣтить то-же, что было ранѣе сказано объ антіохійской общинѣ, — что онѣ состояли большею частію изъ новообращенныхъ.

Стремленіе діаспоры къ распространенію эллинизма. — Это перенесеніе іудейства на эллинскую почву при томъ условіи, чтобъ былъ усвоенъ иностранный языкъ, хотя и произошло съ сохраненіемъ національной индивидуальности, однако внесло въ самое іудейство противорѣчившую его сущности тенденцію и до нѣкоторой степени сгладило то, что въ немъ было національнаго. Литература послѣдняго столѣтія до Р. Х. и перваго столѣтія послѣ Р. Х. носитъ на себѣ слѣды того, какъ было сильно вліяніе греческаго умственнаго развитія на жившія среди Грековъ іудейскія общины. Она была пропитана іудейскими элементами; въ ту пору и самые свѣтлые умы и самые даровитые мыслители старались проникнуть или въ качествѣ Эллиновъ въ іудейскую сферу, или въ качествѣ Іудеевъ въ греческую. Николай Дамаскинъ, который самъ былъ язычникомъ и знаменитымъ представителемъ Аристотелевской философіи, не только отстаивалъ какъ передъ Агриппой, такъ и передъ Августомъ интересы своего іудейскаго покровителя и Іудеевъ, въ качествѣ литератора и дипломата, состоявшаго при царѣ Иродѣ, но и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ дѣлалъ серьозную и для той эпохи многознаменательную попытку вовлечь востокъ въ сферу западныхъ научныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ сохранившееся до сихъ поръ описаніе молодости бывшаго въ близкихъ съ нимъ личныхъ сношеніяхъ императора Августа служитъ достопамятнымъ свидѣтельствомъ той любви и того уваженія, съ которыми греческій міръ относился къ римскому властителю. Разсужденіе «О возвышенномъ», написанное въ первыя времена имперіи неизвѣстнымъ авторомъ, и принадлежащее къ числу самыхъ изящныхъ эстетическихъ произведеній, дошедшихъ до насъ изъ древности, безъ сомнѣнія, принадлежитъ перу если не Іудея, то такого писателя, который равномѣрно чтилъ и Гомера и Моисея [1]). Другое, также анонимное сочиненіе о

---

[1]) Лже-Лонгинъ περὶ ὕψους 9: „Гораздо лучше, чѣмъ войну боговъ, Гомеръ „описалъ боговъ въ ихъ совершенствѣ и настоящемъ величіи и чистотѣ, какъ „напримѣръ Посейдона [Иліада 13, 18 и сл.] Точно такъ и законодатель Іудеевъ, „который былъ не ничтожный человѣкъ [οὐχ ὁ τυχὼν ἀνήρ], описавши достой-

вселенной,—въ своемъ родѣ также достойная уваженія попытка слить Аристотелевское ученіе съ ученіемъ Стоиковъ,—быть можетъ, было написано также Іудеемъ и безъ сомнѣнія было посвящено самому знатному и самому высокопоставленному Іудею временъ Нерона, начальнику главнаго штаба при Корбулонѣ и при Титѣ, Тиверію Александру (стр. 556 прим. 1). Сочетаніе обѣихъ умственныхъ сферъ обнаруживается всего яснѣе въ іудейско-александрійской философіи, которая была самымъ рѣзкимъ и самымъ нагляднымъ выраженіемъ того религіознаго движенія, которое не только увлекало вслѣдъ за собою іудейство, но и относилось къ нему враждебно. Эллинское умственное развитіе находилось въ борьбѣ со всѣми національными религіями, или совершенно отвергая ихъ или наполняя другимъ содержаніемъ, и между тѣмъ какъ оно изгоняло прежнихъ боговъ изъ человѣческаго сердца, оно или оставляло свободное мѣсто пустымъ, или наполняло его небесными свѣтилами и отвлеченными идеями. Такимъ-же нападкамъ подверглась и религія Іудеевъ. Тогда образовалось новое іудейство эллинской формаціи, которое обходилось съ Іеговой если не такъ-же дурно, какъ образованные Греки и Римляне обходились съ Зевсомъ и съ Юпитеромъ, то не много лучше. Универсальное средство такъ-называемыхъ аллегорическихъ объясненій, съ помощью котораго въ особенности философія Стоиковъ повсюду вѣжливо выпроваживала языческія туземныя религіи, было такъ-же удобно и такъ-же неудобно въ примѣненіи къ Книгѣ Бытія, какъ и въ примѣненіи къ богамъ Иліады; если подъ именами Моисея и Авраама разумѣли разсудокъ, подъ именемъ Сары—добродѣтель, подъ именемъ Ноя—справедливость, а четыре райскихъ рѣки означали четыре главныя добродѣтели, то и образованный Эллинъ могъ увѣровать въ іудейскія заповѣди. Однако это лже-іудейство все-таки было силой, а умственное превосходство египетскаго іудейства обнаружилось главнымъ образомъ въ томъ, что это направленіе находило послѣдователей преимущественно въ Александріи.

Единодушіе всѣхъ Іудеевъ вообще.—Не смотря на то, что между палестинскими Іудеями произошло внутреннее разобщеніе, слишкомъ часто доходившее до междоусобицы, не смотря на то, что большая часть Іудеевъ разсѣялась по чужимъ странамъ и въ ихъ сферу проникли массы чужеземцевъ и даже разрушительные эллинскіе элементы, всѣ Іудеи вмѣстѣ взятые оставались въ самой глубинѣ своего сознанія въ такомъ единеніи, съ которымъ въ настоящее время пред-

„нымъ образомъ божескую власть и дойдя до ея проявленій, говоритъ въ самомъ „началѣ своихъ законовъ [*Книга Бытія* 1, 3]: И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ „и сталъ свѣтъ, да будетъ твердь и стала твердь“.

ставляютъ нѣкоторую аналогію лишь Ватиканъ и Кааба. Священный Салемъ оставался знаменемъ всего іудейства, а Сіонскій храмъ его оплотомъ, все равно находилось-ли оно подъ властью Римлянъ или Парѳянъ, говорило-ли по арамейски или по гречески, и даже вѣрило-ли въ стараго Іегову или въ новаго, который уже вовсе не былъ похожъ на прежняго. Что верховный покровитель предоставлялъ духовному главѣ Іудеевъ нѣкоторую свѣтскую власть, имѣло для іудейства такое-же важное значеніе, какое имѣло въ свое время для католиковъ существованіе такъ-называемой церковной области, а незначительный объемъ этой власти имѣлъ для него такъ-же мало значенія, какъ и незначительные размѣры той области для католиковъ. Каждый членъ іудейской общины долженъ былъ ежегодно доставлять въ Іерусалимъ одну двойную драхму въ качествѣ храмоваго сбора, который вносился съ такою-же акуратностью, какъ государственныя подати; каждый былъ обязанъ, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ своей жизни, лично принести Іеговѣ жертву въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта жертва только и могла быть ему пріятной. Богословская наука оставалась общимъ достояніемъ; вавилонскіе и александрійскіе раввины принимали въ ней такое-же участіе, какъ и раввины іерусалимскіе. Не смотря на то, что Іудеи разсѣялись повсюду и не смотря на ихъ внутреннія распри, они сохранили то не имѣющее себѣ подобнаго непоколебимое сознаніе національнаго единства, которымъ была проникнута возвратившаяся домой община изгнанниковъ, и которое потомъ перешло къ Іудеямъ, жившимъ особнякомъ среди греческаго міра. Особеннаго вниманія достоинъ тотъ фактъ, что существованіе іудейства не прекращалось даже въ тѣхъ кружкахъ, которые отложились отъ него въ глубинѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Самый знаменитый изъ представителей этого направленія въ литературѣ и единственный, съ которымъ мы можемъ близко ознакомиться,—Филонъ, который былъ однимъ изъ самыхъ знатныхъ и самыхъ богатыхъ Іудеевъ временъ Тиверія, относится къ своей туземной религіи въ сущности почти такъ-же, какъ Цицеронъ относился къ римской религіи; но онъ вовсе не думаетъ упразднять ее, а старается исполнять ея предписанія. И для него, точно такъ-же, какъ и для всякаго другаго Іудея, Моисей былъ источникомъ всякой истины; письменные законы Моисеевы были для него обязательнымъ закономъ, а его сердце было преисполнено благоговѣнія и вѣры. Это былъ сублиматъ іудейства, однако не вполнѣ тождественный съ такъ-называемой вѣрой въ боговъ у Стоиковъ. У Филона исчезаетъ тѣлесность но не личность Бога, и ему совершенно не удается то, что составляетъ сущность эллинской философіи—перенесеніе божественности въ человѣческую душу; онъ не перестаетъ придерживаться того воззрѣнія, что грѣховное человѣчество зависитъ отъ такого существа, которое нахо-

дится внѣ его и выше его. Точно такъ-же и національнымъ церковнымъ уставамъ новое іудейство подчиняется гораздо болѣе безусловно, нежели новое язычество. Борьба между старыми и новыми вѣрованіями потому велась въ іудейской сферѣ иначе, чѣмъ въ сферѣ языческой, что ставка была болѣе велика; преобразованное язычество боролось лишь съ старинною вѣрой, а преобразованное іудейство могло-бы уничтожить въ концѣ концевъ національность, которая могла бы исчезнуть вмѣстѣ съ тѣмъ какъ при наплывѣ эллинизма улетучивалась туземная религія, а потому оно и не хотѣло доходить до такихъ окончательныхъ выводовъ. Оттого-то если не сущность, то внѣшняя форма старой религіи поддерживалась и охранялась на греческой почвѣ и на греческомъ языкѣ съ безпримѣрнымъ упорствомъ,—охранялась даже тѣми, которые въ сущности складывали свое оружіе передъ эллинизмомъ. Самъ Филонъ,—какъ будетъ далѣе разсказано,— боролся и пострадалъ за Іудеевъ. Но оттого эллинское направленіе никогда и не имѣло въ средѣ іудейства преобладающаго вліянія, никогда не было въ состояніи осилить національное іудейство и лишь съ трудомъ успѣвало смягчать его фанатизмъ и ставить преграды его превратнымъ ученіямъ и дерзкимъ захватамъ. Во всѣхъ случаяхъ существенной важности, въ особенности въ борьбѣ съ внѣшнимъ гнетомъ и съ преслѣдованіями, разномысліе Іудеевъ исчезало, и какъ ни была ничтожна свѣтская власть раввиновъ, та религіозная община, во главѣ которой они стояли, была немаловажной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже страшной силой.

Римское правительство и іудейство на западѣ и на востокѣ.— Въ такомъ положеніи застали дѣла Римляне, когда вступили въ обладаніе востокомъ. Завоеваніе связываетъ по рукамъ завоевателя не менѣе, чѣмъ завоеванныхъ. Ни Арсакиды ни Цезари не могли упразднить того, что было дѣломъ цѣлыхъ столѣтій—не могли уничтожить македонскихъ городскихъ учрежденій; слѣдовавшія послѣ того правительства не могли выдавать себя за благодѣтелей ни Селевкіи на Евфратѣ, ни Антіохіи, ни Александріи. Въ своихъ отношеніяхъ къ тамошней іудейской діаспорѣ основатель императорскаго режима, вѣроятно, придерживался, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, политики первыхъ Лагидовъ и скорѣе содѣйствовалъ, чѣмъ препятствовалъ обособленности іудейства на востокѣ, а этотъ образъ дѣйствій потомъ постоянно служилъ руководствомъ для его преемниковъ. Уже было ранѣе разсказано, что находившіяся въ передней Азіи общины попытались при Августѣ привлечь своихъ іудейскихъ согражданъ къ отбыванію рекрутской повинности наравнѣ со всѣми, и воспретить имъ соблюденіе субботняго дня; но Агриппа рѣшилъ это дѣло не въ ихъ пользу и оставилъ status quo въ пользу

Іудеевъ или даже, какъ кажется, впервые тогда придалъ легальную санкцію освобожденію Іудеевъ отъ военной службы и празднованію субботняго дня, которыя до того времени допускались лишь нѣкоторыми намѣстниками или общинами греческихъ провинцій смотря по обстоятельствамъ. Кромѣ того Августъ предписалъ азіятскимъ намѣстникамъ не требовать отъ Іудеевъ исполненія строгихъ римскихъ законовъ объ устройствѣ обществъ и о сходкахъ. Но римское правительство хорошо понимало, что предоставленное на востокѣ Іудеямъ исключительное положеніе не согласовалось съ безусловною обязанностью подвластныхъ имперіи народовъ нести государственныя повинности, что гарантированная обособленность іудейства возбуждала въ отдѣльныхъ городахъ ту ненависть, которая происходитъ отъ различія расъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вела къ междоусобицѣ, что духовное владычество іерусалимскаго правительства надъ всѣми жившими въ имперіи Іудеями имѣло подозрительное значеніе, и что все это причиняло на практикѣ вредъ государству, и по своему принципу было для него опасно. Внутреннее раздвоеніе имперіи ни въ чемъ не выразилось такъ ясно, какъ въ различномъ обхожденіи съ Іудеями въ области латинскаго языка и въ области греческаго. На западѣ никогда не допускалось существованіе автономныхъ іудейскихъ общинъ. Правда, тамъ не воспрещали іудейскихъ религіозныхъ обычаевъ, точно такъ-же какъ не воспрещали обычаевъ сирійскихъ и египетскихъ, или налагали на эти послѣднія нѣкоторыя ограниченія; Августъ оказывалъ благоволеніе іудейской колоніи, поселившейся въ римскомъ предмѣстіи по ту сторону Тибра, и при раздачѣ милостыни приказывалъ выдавать ее и тѣмъ, кто не являлся за ея полученіемъ по случаю шабаша. Но лично онъ избѣгалъ всякаго соприкосновенія какъ съ египетскимъ культомъ, такъ и съ іудейскимъ, и какъ самъ уклонился въ Египтѣ отъ встрѣчи съ священнымъ быкомъ, такъ и сына своего Гайя одобрилъ за то, что онъ, прибывши на востокъ, миновалъ Іерусалимъ. При Тиверіѣ, въ 19 году, іудейскій культъ былъ воспрещенъ въ Римѣ и во всей Италіи наравнѣ съ египетскимъ, а тѣ, которые не соглашались публично отречься отъ него и побросать въ огонь священную утварь, высылались изъ Италіи, если не оказывались годными для военной службы въ исправительныхъ ротахъ, вслѣдствіе чего многіе были преданы военному суду за свои внушенныя религіей колебанія. Если,—какъ мы увидимъ далѣе,—даже этотъ императоръ почти трусливо уклонялся отъ всякихъ столкновеній на востокѣ съ раввинами, то отсюда ясно видно, что этотъ самый дѣльный изъ всѣхъ правителей, какихъ когда-либо имѣла имперія, такъ-же ясно сознавалъ опасность іудейскаго переселенія внутрь имперіи, какъ ясно сознавалъ, что было-бы и несправедливо и невозможно не допускать такихъ переселеній туда, гдѣ уже

утвердилось іудейство [1]). При слѣдующихъ правителяхъ,—какъ мы увидимъ далѣе,—въ сущности не произошло перемѣны въ несочувственномъ обхожденіи съ жившими на западѣ Іудеями, хотя эти правители вообще слѣдовали болѣе примѣру Августа, нежели примѣру Тиверія. Іудеямъ не мѣшали собирать храмовыя пошлины подъ видомъ добровольныхъ пожертвованій и отсылать ихъ въ Іерусалимъ. Имъ не запрещали обращаться для разбирательства ихъ тяжебныхъ дѣлъ не къ римскому суду, а къ іудейскому третейскому судьѣ. О насильственныхъ мѣрахъ для набора между ними рекрутъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были установлены Тиверіемъ, впослѣдствіи не было и рѣчи даже на западѣ. Однако офиціальнаго признанія своего исключительнаго положенія и своихъ особыхъ судовъ Іудеи никогда не могли достигнуть въ языческомъ Римѣ и вообще на всемъ латинскомъ западѣ. Но особенно важно было то, что въ раннюю пору имперіи іудейскія общины не имѣли на западѣ большаго объема или значенія нигдѣ, кромѣ столицы, которая естественно была представительницей не только запада, нô и востока и уже во времена Цицерона вмѣщала въ себѣ многочисленное іудейское населеніе [2]). Только на востокѣ правительство съ самаго начала согласилось или, вѣрнѣе, попыталось ничего не измѣнять въ положеніи дѣлъ и старалось предотвращать опасности, которыя могли изъ этого возникнуть; оттого-то съ священными книгами Іудеевъ латинскій міръ и познакомился впервые на латинскомъ языкѣ чрезъ посредство христіанъ, а происходившіе въ средѣ Іудеевъ во времена имперіи перевороты совершались исключительно на греческомъ востокѣ. Тамъ не дѣлалось никакой попытки мало-по-малу уничтожить легальную обособленность Іудеевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причину общей къ нимъ ненависти; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не старалось поддерживать ни эту ненависть ни общее отвращеніе отъ сближенія съ Іудеями; только нѣкоторые отдѣльные правители дѣйствовали иначе изъ прихоти или изъ какихъ-нибудь дурныхъ побужденій. Катастрофа, постигшая іудейство, въ сущности была вызвана не тѣмъ, какъ

---

[1]) Іудей Филонъ приписываетъ обхожденіе съ Іудеями въ Италіи Сеяну [leg. 24; in Flacc. 1], а обхожденіе съ Іудеями на востокѣ императору. Но Іосифъ, напротивъ того, приписываетъ то, что дѣлалось въ Италіи, скандалу, учиненному въ столицѣ тремя іудейскими благочестивыми сумасбродами и одной, перешедшей въ іудейскую вѣру знатной дамой, а самъ Филонъ къ этому присовокупляетъ, что послѣ паденія Сеяна Тиверій предписалъ намѣстникамъ лишь отмѣнить нѣкоторыя смягченія въ обхожденіи съ Іудеями. Въ сущности политика императора по отношенію къ Іудеямъ была тождественна съ политикой его министра.

[2]) Агриппа II, перечисляя заграничныя поселенія Іудеевъ [у Филона leg. ad Gaium 36], не называетъ ни одной мѣстности на западъ отъ Греціи, а въ числѣ жившихъ въ Іерусалимѣ западныхъ иноземцевъ, исторія апостоловъ [2, 5 и сл.] называетъ однихъ Римлянъ.

правительство обходилось на востокѣ съ іудейской діаспорой. Іерусалимская община была уничтожена и положеніе Іудеевъ въ имперіи поколебалось и измѣнилось просто вслѣдствіе всесторонняго развитія отношеній между государственнымъ режимомъ и тѣмъ государствомъ, которое управлялось іудейскими раввинами. Теперь мы перейдемъ къ описанію событій, совершавшихся въ Палестинѣ при римскомъ владычествѣ.

Іудея при республикѣ.—Республиканскіе полководцы — Помпей и его ближайшіе преемники ввели въ южной Сиріи такіе порядки, при которыхъ начинавшія тамъ возникать крупныя владѣнія были стѣснены въ своемъ развитіи и вся страна была раздѣлена на территоріи отдѣльныхъ городовъ и на территоріи мелкихъ владѣльцевъ. Всѣхъ болѣе пострадали отъ этого Іудеи; не только они были принуждены отдать назадъ всѣ пріобрѣтенныя ими владѣнія, а именно всю прибрежную страну, но Габиній даже раздѣлилъ ихъ прежнюю территорію на пять самостоятельно управлявшихся округовъ и отнялъ свѣтскую власть у ихъ первосвященника Гиркана. Такимъ образомъ были возстановлены съ одной стороны охранительное римское верховенство, а съ другой чистая теократія.

Идумеянинъ Антипатръ. — Но все это скоро измѣнилось. Гирканъ или, вѣрнѣе, управлявшій вмѣсто него министръ, Идумеянинъ Антипатръ [1]), умѣвшій сдѣлаться необходимымъ для Габинія во время

[1]) Антипатръ началъ свою карьеру тѣмъ, что былъ намѣстникомъ [στρατηγός] Идумеи [Joseph. 14, 1, 3] и потомъ назывался правителемъ іудейскаго государства [ὁ τῶν Ἰουδαίων ἐπιμελητής Jos. 14, 8, 1], то-есть чѣмъ-то въ родѣ перваго министра. Изъ Іосифова разсказа [Ant. 14, 8, 5, Bell. 1, 10, 3], прикрашеннаго стараніемъ польстить и Римлянамъ и Ироду, можно вывести только то, что Цезарь предоставилъ Антипатру опредѣлить его правительственное положеніе [δυναστεία] по его собственному выбору, а такъ какъ Антипатръ положился во всемъ на рѣшеніе Цезаря, то Цезарь назначилъ его правителемъ [ἐπίτροπος] Іудеи. Это не была, какъ полагаетъ Marquardt [St. V, I, 408], римская прокуратура временъ имперіи [въ ту пору еще не существовавшая], а была должность, формально зависѣвшая отъ іудейскаго этнарха ἐπιτροπή, и въ этомъ значеніи упоминаемая Іосифомъ [Bell. 2, 18, 6]. Въ документахъ изъ временъ Цезаря, представителемъ Іудеевъ былъ только первосвященникъ и этнархъ Гирканъ; Цезарь далъ Антипатру все, что можно было дать подданному зависимаго отъ Рима государства—права римскаго гражданства и личное освобожденіе отъ повинностей [Jos. Ant. 14, 8, 3; Bell. 1, 9, 5], но не сдѣлалъ его римскимъ должностнымъ лицемъ. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что изгнанный изъ Іудеи Иродъ получилъ отъ Римлянъ римское офицерское мѣсто гдѣ-то въ Самаріи; но названія στρατηγὸς τῆς Κοίλης Συρία; [Jos. 14, 9, 5 гл. 11, 4] или στρατηγὸς Κοίλης Συρίας καὶ Σαμαρείας [Bell. 1, 10, 8] по меньшей мѣрѣ вводятъ въ заблужденіе; а оттого, что Иродъ τοῖς ἐπιτροπεύουσι τῆς Συρίας долженъ былъ

его пареянскихъ и египетскихъ экспедицій, успѣлъ при помощи самого Габинія снова занять руководящее положеніе въ южной Сиріи. Преимущественно имъ было подавлено возстаніе Іудеевъ, вспыхнувшее по поводу разграбленія іерусалимскаго храма Крассомъ. То было для него счастливой случайностью, что іудейское правительство не было поставлено въ необходимость принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ Цезаря съ Помпеемъ, сторону котораго оно открыто приняло вмѣстѣ со всѣмъ востокомъ. Правда, послѣ того какъ братъ и соперникъ Гиркана Аристобулъ и его сынъ Александръ были лишены жизни приверженцами Помпея за то, что приняли сторону Цезаря, этотъ послѣдній, послѣ своей окончательной побѣды, назначилъ правителемъ Іудеи втораго Антигонова сына; но когда Цезарь, отправившійся послѣ своей побѣды въ Египетъ, очутился въ Александріи въ опасномъ положеніи, Антипатръ былъ главнымъ образомъ тотъ, кто вывелъ его изъ затрудненія, а это принесло хорошіе плоды: Антигонъ долженъ былъ уступить свое мѣсто новому, но болѣе полезному приверженцу.

Порядки, введенные Цезаремъ.—Личная признательность Цезаря не менѣе чего-либо другаго содѣйствовала формальной реставраціи іудейскаго государства. Оно получило лучшее положеніе, какое только могло быть дано вассальному государству — было вполнѣ освобождено отъ уплаты Римлянамъ [1]) податей, отъ оккупаціонной

служить совѣтникомъ [A n t. 15, 10, 3], тотъ-же писатель такъ-же неправильно называетъ его даже Συρίας ὅλης ἐπίτροπον [B e l l. 1, 20, 4; внесенное сюда Марквардтомъ измѣненіе S t. V. I, 408 Κοίλης искажаетъ смыслъ].

[1]) Приведенный у Іосифа [14, 10, 5. 6] декретъ Цезаря можетъ быть понятъ только въ томъ видѣ, въ какомъ его приводитъ Эпифаній; поэтому изъ него слѣдуетъ заключить, что страна была освобождена отъ наложенныхъ Помпеемъ [Іосифъ 14, 4, 4] податей со втораго года текущаго аренднаго содержанія; далѣе было постановлено, что городъ Яффа, перешедшій въ ту пору изъ римскаго владѣнія въ іудейское, хотя и впредь будетъ доставлять Римлянамъ въ Сидонѣ четвертую часть полевыхъ плодовъ, но за то долженъ и Гиркану ежегодно доставлять въ Сидонъ 20.675 четвериковъ зерноваго хлѣба, а жители Яффы сверхъ того будутъ уплачивать Гиркану десятинный сборъ. И всѣ другія подробности разсказа доказываютъ, что іудейское государство было съ тѣхъ поръ свободно отъ уплаты податей; тотъ фактъ, что Иродъ уплачивалъ φόροι [A n t. 15, 4, 2. 4. гл. 5, 3] съ отведенныхъ Клеопатрѣ округовъ, которые онъ взялъ у ней на арендное содержаніе, лишь служитъ подтвержденіемъ общаго правила. Когда Аппіанъ [B e l. c i v. 5, 75] называетъ, говоря объ Идумеѣ и Самаріи, Ирода въ числѣ царей, которыхъ Антоній обложилъ данью, то онъ не безъ основанія умалчиваетъ объ Іудеѣ; Иродъ, быть можетъ, былъ освобожденъ Августомъ отъ уплаты дани и за тѣ сосѣднія съ Іудеей страны. Подробный и достойный довѣрія отчетъ о народной переписи, совершившейся по распоряженію Квиринія, вполнѣ ясно доказываетъ, что до того времени страна была свободна отъ уплаты Римлянамъ податей.

арміи и отъ рекрутскихъ наборовъ [1]); впрочемъ въ замѣнъ всего, на туземное правительство были возложены обязанности и расходы пограничной охраны. Іудеямъ былъ возвращенъ городъ Яффа, а вмѣстѣ съ тѣмъ была возвращена возможность имѣть сообщеніе съ моремъ; независимость ихъ внутренняго управленія, равно какъ свободное исповѣдываніе ихъ религіи были гарантированы и имъ было дозволено (707 г.) возстановить срытыя Помпеемъ іерусалимскія укрѣпленія,—что до тѣхъ поръ положительно воспрещалось. Такимъ образомъ іудейскимъ государствомъ сталъ управлять подъ охраной и по волѣ Рима, отъ имени Асмонейскаго царя, полу-иноземецъ,—такъ какъ Идумеяне занимали такое-же, какъ Самаритяне, положеніе по отношенію къ собственно такъ-называемымъ Іудеямъ, то-есть къ тѣмъ, которые переселились обратно изъ Вавилона. Дорожившіе своей національностью, Іудеи не питали никакого расположенія къ новому режиму. Древніе роды, руководившіе дѣлами управленія въ іерусалимскомъ городскомъ совѣтѣ, были въ глубинѣ души преданы Аристобулу, а послѣ его смерти его сыну Антигону. Въ горахъ Галилеи фанатики вели борьбу столько-же съ Римлянами, сколько съ своимъ собственнымъ правительствомъ; когда сынъ Антипатра Иродъ взялъ въ плѣнъ начальника этой дикой шайки Эзекію и приказалъ казнить его, засѣдавшій въ Іерусалимѣ совѣтъ священниковъ сослался на нарушеніе требованій религіи, и подъ этимъ предлогомъ принудилъ слабаго Гиркана отправить Ирода въ изгнаніе. Тогда Иродъ вступилъ на службу въ римскую армію и оказалъ Цезаревскому намѣстнику Сиріи серьозныя услуги при подавленіи возстанія послѣднихъ Помпеевскихъ приверженцевъ. Но когда послѣ умерщвленія Цезаря республиканцы одержали верхъ на востокѣ, Антипатръ не только снова прежде всѣхъ постарался угодить тѣмъ, на чьей сторонѣ была сила, но оказалъ

---

[1]) Въ томъ-же декретѣ сказано: καὶ ὅπως μηδεὶς μήτε ἄρχων μήτε στρατηγὸς ἢ πρεσβευτὴς ἐν τοῖς ὅροις τῶν Ἰουδαίων ἀνιστᾷ [„быть можетъ, συνιστᾷ“, Wilamowitz] συμμαχίαν καὶ στρατιώτας ἐξῇ [Wilamowitz ставитъ это слово вмѣсто ἐξεῖναι] ἢ τὰ χρήματα τούτων εἰσπράττεσθαι ἢ εἰς παραχειμασίαν ἢ ἄλλῳ τινὶ ὀνόματι, ἀλλ' εἶναι πανταχόθεν ἀνεπηρεάστους [сравн. 14, 10, 2: παραχειμασίαν δὲ καὶ χρήματα πράττεσθαι οὐ δοκιμάζω]. Это въ сущности соотвѣтствуетъ формулѣ немного болѣе древней льготной грамоты, данной Термессу [C. I. L. I. n 204]: nei quis magistratu prove magistratu legatus ne[i]ve quis alius meilites in oppidum Thermesum... agrumve... hiemandi caussa introducito... nisei senatus nominatim ute Thermesum... in hibernacula meilites deducantur decreverit. Стало быть войскамъ было дозволено проходить черезъ эту территорію. Въ привилегіи для Іудеи, какъ кажется, былъ сверхъ того воспрещенъ наборъ рекрутъ.

новымъ властителямъ важную услугу, быстро собравъ наложенную ими контрибуцію.

Иродъ. —Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что вождь республиканцевъ, удаляясь изъ Сиріи, оставилъ Антипатра на прежнемъ мѣстѣ, а его сыну Ироду даже ввѣрилъ военное командованіе въ Сиріи. Послѣ смерти Антипатра, который, какъ утверждаютъ, былъ отравленъ однимъ изъ своихъ офицеровъ, — укрывшійся у своего зятя, князя Птолемея Халкидскаго, Антигонъ вообразилъ, что настала удобная минута, чтобъ устранить слабаго дядю. Но сыновья Антипатра Фасаилъ и Иродъ разбили на-голову собранную имъ шайку и Гирканъ согласился предоставить имъ отцовское положеніе и даже до нѣкоторой степени принялъ Ирода въ число членовъ царствующаго дома, отдавши ему въ супружество свою внучку Маріамму. Тѣмъ временемъ вожди республиканской партіи были разбиты при Филиппахъ. Іерусалимская оппозиціонная партія надѣялась, что ей удастся исходатайствовать отъ побѣдителей низверженіе ненавистныхъ Антипатридовъ; но Антоній, которому пришлось быть судьей въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно отказался удовлетворить просьбу ея депутатовъ, пріѣзжавшихъ къ нему сначала въ Эфесъ, потомъ въ Антіохію и наконецъ въ Тиръ; послѣднихъ посланцевъ онъ даже приказалъ казнить и формально утвердилъ Фасаила и Ирода въ званіи «четверовластниковъ»[1]) надъ Іудеями (713 г.).

Парояне въ Іудеѣ. — Событія, совершавшіяся на болѣе широкой политической аренѣ, еще разъ вовлекли іудейское государство въ свой водоворотъ. Владычеству Антипатридовъ положило въ слѣдующемъ (714) году конецъ нашествіе Пароянъ. Претендентъ Антигонъ присоединился къ нимъ и овладѣлъ Іерусалимомъ и почти всей его территоріей. Гирканъ былъ отправленъ въ качествѣ плѣнника къ Пароянамъ, а старшій сынъ Антипатра, Фасаилъ, также попавшійся въ плѣнъ, лишилъ себя жизни въ тюрьмѣ. Иродъ съ большимъ трудомъ успѣлъ укрыть свое семейство въ одномъ построенномъ на утесѣ замкѣ, на границѣ Іудеи; самъ онъ отправился, какъ бѣглецъ, искать помощи сначала въ Египтѣ, а когда уже не засталъ тамъ Антонія,

---

[1]) Этотъ титулъ первоначально обозначалъ коллегіальное „четверовластіе", которое издревле существовало у Галатовъ; потомъ онъ чаще употреблялся для обозначенія совокупнаго владычества и даже для обозначенія единовластія, но всегда считался ниже царскаго. Такъ онъ употреблялся и внѣ Галатіи, въ Сиріи, быть можетъ, со временъ Помпея, но безъ сомнѣнія со временъ Августа. Одновременное назначеніе одного этнарха и двухъ тетрарховъ, въ томъ видѣ, какъ оно было установлено въ 713 г. для Іудеи, по словамъ Іосифа [Ant. 14, 13, 1; Bell. 1, 12, 5], не встрѣчается болѣе нигдѣ; съ этимъ имѣетъ нѣкоторое сходство положеніе тетрарха Переи, Фероры подъ властію его брата Ирода [Bell. 1, 24, 5].

аправился въ Римъ, чтобъ искать ее у двухъ властителей, только
го вошедшихъ въ то время въ новое соглашеніе (714 г.).

Иродъ назначенъ царемъ іудейскимъ. — Ироду съ готовностью дали озволеніе пріобрѣсть въ его пользу іудейское царство, такъ какъ го было согласно съ интересами Римлянъ; онъ возвратился въ Сиію въ качествѣ властителя, признаннаго въ этомъ званіи Римлянами въ той мѣрѣ, въ какой это было въ ихъ власти, и даже былъ набженъ царскимъ титуломъ. Но такъ какъ онъ былъ не болѣе какъ ретендентъ, то ему пришлось отвоевывать свое царство не столько ъ Пароянъ, сколько отъ іудейскихъ патріотовъ. Онъ давалъ сраенія, имѣя подъ своимъ начальствомъ преимущественно Самариінъ, Идумеевъ и наемниковъ и въ концѣ концовъ успѣлъ при поощи римскихъ легіоновъ овладѣть также и долго оборонявшейся толицей. Римскіе палачи избавили его отъ его многолѣтняго соперіка Антигона, а его собственные произвели чистку въ средѣ знатныхъ одовъ, господствовавшихъ въ іерусалимскомъ городскомъ совѣтѣ.

Иродъ подъ верховенствомъ Антонія и Клеопатры. — Но тяжелыя ремена не миновали съ его вступленіемъ въ управленіе. Неудачная спедиція Антонія противъ Пароянъ осталась для Ирода безъ всяхъ послѣдствій, такъ какъ побѣдители не осмѣлились проникнуть Сирію; но ему пришлось сильно пострадать отъ постоянно возставшихъ притязаній египетской царицы, которая владычествола въ ту пору на востокѣ болѣе самого Антонія; ея женственная литика, направленная къ расширенію ея домашняго могущества главнымъ образомъ къ увеличенію ея доходовъ, хотя и достигла и Антоніѣ далеко не всего, къ чему стремилась, но отняла у іейскаго царя самую цѣнную часть его владѣній на берегахъ Си- и въ промежуточной египетско-сирійской территоріи, даже нахошіяся подлѣ Іерихона бальзамовыя плантаціи и рощи пальмовыхъ евьевъ, и наложила на него тяжелое бремя денежныхъ взносовъ. объ сохранить остатки своихъ владѣній, онъ былъ вынужденъ и самъ брать въ арендное содержаніе новыя сирійскія владѣнія рицы или ручаться за другихъ менѣе состоятельныхъ арендатоъ. Въ то время какъ онъ несъ это бремя и не могъ ничего ожиъ въ будущемъ, кромѣ еще болѣе притѣснительныхъ и не менѣе ежняго неотразимыхъ требованій, между Антоніемъ и Цезаремъ ыхнула борьба, которая внушила ему новыя надежды, а то обятельство, что Клеопатра изъ ошибочнаго пониманія своихъ собенныхъ интересовъ уволила его отъ дѣятельнаго участія въ войнѣ, тому что его войска были ему нужны для собиранія ея сирійскихъ ходовъ, было для него новымъ счастіемъ, такъ какъ облегчало ему ъявленіе покорности передъ побѣдителемъ. Счастіе улыбнулось ему

и при выборѣ властителя: онъ нашелъ возможность захватить тол преданныхъ Антонію гладіаторовъ, направлявшихся изъ Малой Азі черезъ Сирію въ Египетъ, чтобъ оказать содѣйствіе своему повелител

Иродъ въ царствованіе Августа.—Прежде чѣмъ отправиться къ Ц зарю въ Родосъ, чтобъ ходатайствовать о своемъ помилованіи, он переступилъ предѣлы необходимой предусмотрительности, приказавш на всякій случай казнить послѣдняго представителя рода Маккавеев восьмидесяти-лѣтняго Гиркана, которому домъ Антипатра былъ об занъ своимъ положеніемъ. Цезарь поступилъ такъ, какъ требова политика, тѣмъ болѣе потому, что для задуманной имъ египетск экспедиціи содѣйствіе Ирода было не лишнимъ; онъ утвердилъ власти того, кто добровольно изъявлялъ ему покорность, и расш рилъ его владѣнія, частію возвративъ ему отнятую Клеопатрой те риторію, частію сдѣлавъ къ ней новыя прибавки: съ тѣхъ пор подъ властію Ирода находились всѣ прибрежныя страны отъ Газ до такъ-называемой Стратоновой башни (которая впослѣдствіи н зывалась Кесаріей), самаританская область, вдвигавшаяся промеж Іудеи и Галилеи, и нѣсколько городовъ, лежавшихъ къ востоку о Іордана. Вмѣстѣ съ упроченіемъ римской монархіи и іудейское ца ство избавилось отъ дальнѣйшихъ переворотовъ.

Управленіе Ирода. — Съ римской точки зрѣнія поведеніе нов династіи было правильно, но для сторонняго наблюдателя оно долж было казаться страннымъ. Эта династія вступилась сначала Помпея, потомъ за Цезаря-отца, потомъ за Кассія и Брута, п томъ за тріумвировъ, потомъ за Антонія, наконецъ за Цезар сына; — ея преданность мѣнялась такъ-же легко, какъ мѣняло данное ею слово. Впрочемъ этому поведенію нельзя отказать послѣдовательности и въ твердости. Раздоры, происходившіе средѣ господствовавшаго гражданства, все равно жило-ли оно по республиканскимъ управленіемъ или подъ монархическимъ, по владычествомъ Цезаря или Антонія, въ сущности не касали зависѣвшихъ отъ Рима странъ, и въ особенности не касались г ческаго востока. Въ этомъ случаѣ выступили самымъ яркимъ обр зомъ наружу и неразлучная со всякой революціонной правительстве ной перемѣной испорченность нравовъ и позорное изъявленіе преда ности не передъ тѣми, къ кому влекла искренняя преданность: тѣ обязанности, которыя римское государство налагало на свои подданныхъ, царь Иродъ исполнялъ въ такомъ объемѣ, въ како ихъ не могъ-бы исполнять человѣкъ съ болѣе благородной и бо возвышенной душой. Въ своихъ отношеніяхъ къ Пароянамъ онъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ твердо держался за разъ в браннаго покровителя. Съ точки зрѣнія внутренней іудейской по

тики, управленіе Ирода было устраненіемъ теократіи и укрѣпленіемъ, даже усиленіемъ системы управленія Маккавеевъ, такъ какъ отдѣленіе власти свѣтской отъ власти церковной выразилось при немъ самымъ яркимъ образомъ въ противоположности между всемогущимъ, но иноземнымъ по своему происхожденію царемъ и безсильнымъ, нерѣдко изъ прихоти смѣняемымъ первосвященникомъ. Конечно, іудейскому первосвященнику прощалось царское положеніе скорѣе, нежели иноземцу, лишонному священническаго посвященія, и между тѣмъ какъ Асмонеи были представителями независимости іудейства, Идумеянинъ получилъ свою царскую власть надъ Іудеями отъ верховнаго покровителя въ качествѣ вассальнаго владѣтеля. Вліяніе этого неизбѣжнаго противорѣчія отразилось на всей жизни глубоко страстнаго человѣка, который приготовилъ для другихъ много горя, но, быть можетъ, и самъ не мало его перенесъ. Тѣмъ не менѣе энергія іудейскаго царя, твердость его характера, умѣнье приспособляться къ тому, что было неизбѣжно, военная и политическая ловкость въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нею открывалось поле для дѣятельности,—все это даетъ ему право занимать нѣкоторое мѣсто въ общей картинѣ той замѣчательной эпохи.

Въ задачу римскаго историка не входитъ такое подробное описаніе сорокалѣтняго Иродова царствованія (онъ умеръ въ 750 г.), какое было-бы возможно при обстоятельности дошедшихъ до насъ свѣдѣній. Конечно, не найдется другаго царствующаго дома, въ средѣ котораго свирѣпствовала такая-же какъ въ домѣ Ирода кровавая вражда между родителями и дѣтьми, между мужьями и женами, между братьями и сестрами; императоръ Августъ и его сирійскій намѣстникъ съ отвращеніемъ отклоняли отъ себя участіе въ смертоубійствахъ, о которомъ ихъ просили; не менѣе гнусной чертой въ этой ужасной картинѣ былъ тотъ фактъ, что экзекуціи совершались большею частію совершенно безцѣльно на основаніи ничѣмъ не оправдывавшихся подозрѣній, а за тѣмъ виновникъ преступленія всякій разъ доходилъ въ своемъ раскаяніи до отчаянія. Не смотря на то, что царь энергично и разумно отстаивалъ интересы своей страны насколько могъ и насколько смѣлъ, не смотря на то, что не въ одной Палестинѣ, но и во всей имперіи онъ употреблялъ въ дѣло для защиты Іудеевъ и свои сокровища и свое немаловажное вліяніе (въ сущности ему были они обязаны благопріятнымъ для нихъ рѣшеніемъ Агриппы въ спорѣ съ малоазіятскими общинами, стр. 486), онъ нашолъ любовь и преданность въ Идумеѣ и въ Самаріи, а не въ средѣ израильскаго народа; здѣсь онъ былъ и всегда оставался не столько человѣкомъ, многократно обрызганнымъ кровью невинныхъ жертвъ, сколько иноземцемъ. Главной причиной домашнихъ раздоровъ было то, что въ своей супругѣ изъ рода Асмонеевъ, прекрасной Маріаммѣ и въ ея дѣтяхъ онъ видѣлъ не столько своихъ

близкихъ друзей, сколько Іудеевъ и боялся ихъ; онъ даже самъ сознавался, что чувствовалъ такое-же сильное влеченіе къ Грекамъ, какъ было сильно его отвращеніе къ Іудеямъ. Его хорошо характеризуетъ тотъ фактъ, что своихъ сыновей, которымъ онъ предполагалъ оставить въ наслѣдство свои владѣнія, онъ воспитывалъ въ Римѣ. Между тѣмъ, какъ онъ осыпалъ заграничные греческіе города доброхотными приношеніями изъ своихъ неистощимыхъ сокровищъ и украшалъ ихъ храмами, онъ возводилъ постройки и для Іудеевъ, но не въ іудейскомъ вкусѣ. Циркъ и театръ, которые онъ построилъ въ самомъ Іерусалимѣ, равно какъ храмы для императорскаго культа, которые онъ строилъ въ іудейскихъ городахъ, были въ глазахъ благочестивыхъ Израильтянъ вызовомъ къ богохульству. Если онъ и превратилъ іерусалимскій храмъ въ великолѣпное зданіе, то это было сдѣлано почти наперекоръ набожнымъ людямъ; они восхищались возведенными имъ постройками, но поставленный имъ наверху храма золотой орелъ причинилъ ему болѣе вреда, нежели всѣ постановленные имъ смертные приговоры и вызвалъ народное возстаніе, жертвою котораго сдѣлались какъ этотъ орелъ, такъ вслѣдъ за тѣмъ и тѣ набожные люди, которые сбросили его съ мѣста. Иродъ довольно хорошо зналъ свой народъ и умѣлъ не доводить его до крайности; еслибы можно было эллинизировать его, у Ирода не было-бы на это недостатка въ доброй волѣ. По своей энергіи Идумеянинъ не отставалъ отъ лучшихъ Асмонеевъ. Устройство порта подлѣ такъ-называемой Стратоновой башни (получившей отъ Ирода, послѣ окончательной отстройки города, названіе Кесаріи), дало бѣдной гаванями прибрежной странѣ именно то, въ чемъ она нуждалась, и этотъ городъ оставался во всѣ времена имперіи главнымъ торговымъ рынкомъ южной Сиріи. Кромѣ того, все что могло быть сдѣлано правительствомъ— развитіе природныхъ источниковъ богатства, обезпеченіе отъ голода и отъ другихъ общественныхъ бѣдствій и главнымъ образомъ внутренняя и внѣшняя безопасность—всё было сдѣлано Иродомъ. Разбои прекратились и чрезвычайно трудная въ той мѣстности охрана границы отъ жившихъ въ степи кочевыхъ племенъ была организована съ строгостью и съ послѣдовательностью. Это побудило римское правительство подчинить управленію Ирода и нѣкоторыя другія страны, какъ-то Итурею, Трахонитиду, Авранитиду, Батанею. Съ тѣхъ поръ его владычество,—какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 463),—простиралось черезъ за-Іорданскую страну вплоть до Дамаска и до Гермонскихъ горъ; послѣ вышеупомянутаго расширенія его владѣній, на всемъ этомъ пространствѣ уже не было,—сколько намъ извѣстно,—ни одного вольнаго города и никакой правительственной власти, которая была-бы независима отъ Ирода. Самая охрана границъ лежала на обязанности не столько царя іудейскаго, сколько царя арабскаго; но въ той мѣрѣ, въ какой эта охрана

лежала на Иродѣ, она привела, при помощи цѣлаго ряда хорошо устроенныхъ пограничныхъ зáмковъ, къ такому внутреннему спокойствію, какого тамъ никогда еще не знали. Понятно, что Агриппа, осмотрѣвши портовыя и военныя сооруженія Ирода, призналъ въ немъ своего способнаго помощника въ великомъ дѣлѣ государственнаго переустройства и обходился съ нимъ сообразно съ этимъ убѣжденіемъ.

Смерть Ирода и раздѣленіе его владѣній на части.—Его царство не имѣло прочнаго существованія. Самъ Иродъ раздѣлилъ свои владѣнія, по завѣщанію, между своими тремя сыновьями, а Августъ утвердилъ это распоряженіе въ его главной сущности, только важный портовой городъ Газу и за-іорданскіе греческіе города поставилъ въ непосредственную зависимость отъ сирійскаго намѣстника. Сѣверная часть царства была отдѣлена отъ центральныхъ областей; послѣднее изъ вновь пріобрѣтенныхъ Иродомъ владѣній,—лежащую къ югу отъ Дамаска Батанею, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ къ ней округомъ, получилъ Филиппъ, а Галилею и Перею, то-есть за-іорданскую область, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она не была греческой, получилъ Иродъ Антипа—оба въ качествѣ тетрарховъ; эти два маленькихъ царства сначала были отдѣлены одно отъ другаго, потомъ были соединены въ одно цѣлое подъ властію правнука Ирода «Великаго», Агриппы II и существовали съ непродолжительными перерывами до Траяна. Объ ихъ управленіи мы уже упоминали при описаніи восточной Сиріи и Аравіи (стр. 464). Къ сказанному ранѣе мы можемъ присовокупить, что эти Иродіанцы управляли если не съ такой-же энергіей, какъ основатель династіи, то въ его направленіи и въ его духѣ. Городъ Кесарія, древняя Панеада, находившаяся въ сѣверной части страны, и Тиверіада, находившаяся въ Галилеѣ, получили отъ нихъ греческое устройство совершенно во вкусѣ Ирода; характеристично проклятіе, которое наложили на Тиверіаду іудейскіе раввины вслѣдствіе того, что при заложеніи города была найдена какая-то могила.

Іудея подъ владычествомъ Архелая.—Главная часть страны—Іудея вмѣстѣ съ лежавшей къ сѣверу отъ нея Самаріей и лежавшей къ югу отъ нея Идумеей, досталась, по волѣ Ирода, его сыну Архелаю. Но эта передача власти по наслѣдству не соотвѣтствовала желаніямъ націи. Православные, то-есть Фарисеи, почти исключительно властвовали надъ народной массой и хотя до того времени страхъ передъ Господомъ до нѣкоторой степени уступалъ мѣсто страху передъ безпощадной энергіей царя, значительное большинство Іудеевъ еще не отказалось отъ своего намѣренія возстановить подъ охранительнымъ верховенствомъ Рима чисто богоугодное священническое уп-

равленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно когда-то было введено персидскими правителями. Лишь только умеръ престарѣлый царь, іерусалимскіе жители собрались толпами и стали требовать устраненія назначеннаго Иродомъ первосвященника и удаленія невѣрующихъ изъ священнаго города передъ самымъ праздникомъ Пасхи; Архелаю пришлось начать свое управленіе тѣмъ, что онъ приказалъ силою разогнать это сборище; не мало людей лишилось при этомъ жизни и празднованіе Пасхи не состоялось. Римскій намѣстникъ Сиріи (тотъ самый Варъ, за безразсудство котораго Римляне поплатились вскорѣ послѣ того Германіей), на прямой обязанности котораго лежало поддержаніе порядка въ странѣ во время междуцарствія, дозволилъ бушевавшей въ Іерусалимѣ толпѣ отправить въ Римъ,—гдѣ именно въ ту пору шли переговоры о занятіи іудейскаго престола,—депутацію изъ пятидесяти человѣкъ, чтобъ ходатайствовать объ упраздненіи царской власти, а послѣ того, какъ Августъ принялъ эту депутацію, ее сопровождали до храма Аполлона восемь тысячъ жившихъ въ столицѣ Іудеевъ. Между тѣмъ разгорячившіеся до фанатизма іерусалимскіе Іудеи не переставали распоряжаться по своему; на поставленный въ храмѣ римскій гарнизонъ было сдѣлано вооруженное нападеніе и шайки набожныхъ разбойниковъ стали бродить по всей странѣ; Варъ былъ вынужденъ двинуть легіоны и мечомъ возстановить спокойствіе. Это послужило предостереженіемъ для верховнаго властителя и добавочнымъ оправданіемъ для той насильственной, но достигавшей своей цѣли системы управленія, которой держался Иродъ. Но вслѣдствіе той слабохарактерности, которую Августъ такъ часто обнаруживалъ именно въ болѣе поздніе годы своего управленія, онъ хотя и не исполнилъ желанія представителей фанатической народной массы, но, въ сущности исполняя послѣднюю волю Ирода, передалъ верховную власть надъ Іерусалимомъ Архелаю, ослабивъ ее тѣмъ, что не далъ еще неиспытанному на дѣлѣ юношѣ царскаго титула, отрѣзалъ отъ его владѣній сѣверную часть и понизилъ его военное положеніе, сложивъ съ него обязанность охранять границу. Хотя по инипіативѣ Августа и были уменьшены налоги, доведенные при Иродѣ до чрезвычайно высокихъ размѣровъ, но отъ этого не могло много улучшиться положеніе четверовластника. Если бы ко всему этому и не присоединялись личная неспособность Архелая и его низкія душевныя свойства, все-таки онъ не могъ-бы удержаться на своемъ мѣстѣ; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (6 г. послѣ Р. Х.) и самъ Августъ нашолся вынужденнымъ отставить его.

Обращеніе Іудеи въ римскую провинцію.—Вслѣдъ за тѣмъ Августъ исполнилъ желаніе мятежниковъ: царская власть была упразднена страна была непосредственно подчинена римскому правительству.

внутреннее управленіе,—въ той мѣрѣ, въ какой оно было допущено наряду съ верховною правительственною властію,—было ввѣрено іерусалимскому сенату. Все, что было сдѣлано Августомъ, могло быть вызвано частію обѣщаніями, которыя ранѣе были имъ даны Ироду касательно престолонаслѣдія, частію все болѣе и болѣе усиливавшимся и вполнѣ основательнымъ нежеланіемъ римскаго правительства поддерживать существованіе крупныхъ и до нѣкоторой степени самостоятельныхъ вассальныхъ государствъ. То, что случилось незадолго передъ тѣмъ или вскорѣ послѣ того въ Галатіи, въ Каппадокіи и въ Мавританіи, объясняетъ намъ, почему и въ Палестинѣ царство Ирода едва пережило его самого. Но въ томъ видѣ, какъ было организовано въ Палестинѣ непосредственное римское управленіе, оно и въ административномъ отношеніи было большимъ шагомъ назадъ по сравненію съ Иродовскимъ; впрочемъ мѣстныя условія были до такой степени своеобразны и тяжелы, что даже непосредственное соприкосновеніе римскихъ правителей съ подчиненными имъ Іудеями, къ которому такъ упорно стремилась священническая партія и котораго она наконецъ достигла, не послужило на пользу ни тѣмъ ни другимъ.

Провинціальное устройство.—И такъ Іудея сдѣлалась въ 6 году послѣ Р. Х. римской провинціей втораго ранга [1]) и за исключеніемъ

---

[1]) Предположеніе Іосифа, что Іудея была присоединена къ провинціи Сиріи и подчинена ея намѣстнику [Ant. 17 fin.: τοῦ δὲ Ἀρχελάου χώρας ὑποτελοῦς προσνεμηθείσης τῇ Σύρων; 18, 1, 1: εἰς τὴν Ἰουδαίων προσθήκην τῆς Συρίας γενομένην; гл. 4, 6], по видимому, неосновательно; напротивъ того, Іудея, по всему вѣроятію, была съ тѣхъ поръ особой прокураторской провинціей. У Іосифа мы не находимъ точнаго различія между легальнымъ и фактическимъ вмѣшательствомъ сирійскаго намѣстника. Тѣмъ, что этотъ намѣстникъ организовалъ новую провинцію и руководилъ первою народною переписью, еще не разрѣшается вопросъ, какое устройство было дано этой провинціи. Когда Іудеи приносили на своего прокуратора жалобы сирійскому намѣстнику, а этотъ послѣдній употреблялъ въ дѣло свою власть надъ прокураторомъ, это происходило оттого, что прокураторъ находился вообще въ зависимости отъ легата; но когда это дѣлалъ Л. Вителлій [Іосифъ, 18, 4, 2], то его власть распространялась исключительнымъ образомъ на всю провинцію [Tacitus, Ann. 6, 32; Staatsrecht 2, 822], а въ другомъ случаѣ, слова Тацита [12, 54: quia Claudius ius statuendi etiam de procuratoribus dederat] доказываютъ, что намѣстникъ Сиріи не могъ-бы постановлять такихъ приговоровъ на основаніи своей обыкновенной компетенціи. Какъ принадлежавшее этимъ прокураторамъ ius gladii [Josephus, Bell. 2, 8, 1: μέχρι τοῦ κτείνειν λαβὼν παρὰ τοῦ Καίσαρος ἐξουσίαν; Ant. 18, 1, 1: ἡγησόμενος Ἰουδαίων τῇ ἐπὶ πᾶσιν ἐξουσίᾳ], такъ и все ихъ поведеніе доказываютъ, что они были не изъ числа тѣхъ, которые, состоя подъ властію императорскаго легата, завѣдывали лишь финансовымъ управленіемъ; напротивъ того, они, подобно прокураторамъ Норика и Ретіи,

эфемерной реставраціи іерусалимскаго царства при Клавдіѣ въ 41—44 г., оставалась съ тѣхъ поръ римской провинціей. Прежняго пожизненнаго и—подъ условіемъ согласія на то римскаго правительства—наслѣдственнаго вассальнаго царя замѣнило должностное лице изъ всадническаго сословія, назначавшееся и увольнявшееся императоромъ. Вѣроятно, немедленно вслѣдъ за тѣмъ былъ избранъ центромъ римскаго управленія портовой городъ Кесарія, перестроенный Иродомъ по греческому образцу. Само собою разумѣется, что было отмѣнено прежнее правило, освобождавшее страну отъ присутствія римской оккупаціонной арміи; но какъ и во всѣхъ другихъ второклассныхъ провинціяхъ, поставленныя тамъ римскія войска состояли лишь изъ небольшаго числа конныхъ и пѣшихъ отрядовъ низшаго разряда; впослѣдствіи тамъ стояли одна ала и пять когортъ, состоявшія приблизительно изъ 3000 человѣкъ. Эти войска, быть можетъ, перешли въ распоряженіе Римлянъ отъ прежняго правительства; по крайней мѣрѣ положительно извѣстно, что они были набраны большею частію внутри страны, но состояли преимущественно изъ Самаритянъ и сирійскихъ Грековъ [1]). Въ составъ оккупаціонной арміи въ этой провинціи не входили легіоны и въ сосѣднихъ съ Іудеей областяхъ стоялъ по бóльшей мѣрѣ одинъ изъ четырехъ сирійскихъ легіоновъ. Въ Іерусалимѣ былъ назначенъ постоянный римскій комендантъ, который поселился въ царскомъ замкѣ и имѣлъ при себѣ небольшой постоянный гарнизонъ; только во время празднованія Пасхи, когда въ іерусалимскій храмъ стекались всѣ мѣстные жители и безчисленные иноземцы, болѣе сильный отрядъ римскихъ солдатъ ставился въ одной изъ принадлежавшихъ къ храму галерей. Что съ учрежденіемъ провинціи возникла обязанность уплачивать Риму подати, видно уже изъ того факта, что расходы по охранѣ страны перешли на императорское правительство. Хотя при назна-

---

были высшей инстанціей въ судебныхъ дѣлахъ и высшими начальниками арміи. Такимъ образомъ, сирійскіе легаты занимали тамъ такое-же положеніе, какое занимали легаты Паннонія въ Норикѣ и верхне-германскій легатъ въ Ретіи. Это соотвѣтствуетъ и общему ходу дѣлъ: всѣ крупныя царства, во время присоединенія ихъ къ имперіи, не причислялись къ составу сосѣднихъ большихъ намѣстничествъ, такъ какъ въ ту эпоху римское правительство не желало увеличивать могущество этихъ послѣднихъ, а превращались въ самостоятельныя намѣстничества, которыя первоначально управлялись бóльшею частію лицами всадническаго званія.

[1]) По словамъ Іосифа [Ant. 20, 8, 7; здѣсь указаніе болѣе точно, нежели въ Bell. 2, 13, 7], римскія войска въ Палестинѣ состояли бóльшею частію изъ Кесарійцевъ и Себастинцевъ. Ala Sebastenorum сражалась во время іудейской войны подъ начальствомъ Веспасіана [Josephus, Bell. 2, 12, 5]. Сравн. Eph. Epigr. 5, стр. 194. Alae и cohortes judaeorum вовсе не существовали.

ченія Архелая правителемъ, римское правительство и заставило его уменьшить налоги, но мало вѣроятія въ томъ, чтобъ оно приступило къ увеличенію этихъ налоговъ немедленно вслѣдъ за присоединеніемъ страны къ имперіи; впрочемъ, какъ и во всѣхъ вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ, конечно, тамъ было приступлено къ пересмотру прежняго кадастра [1]).

Туземныя власти.—При устройствѣ мѣстнаго управленія были приняты въ основу, какъ и повсюду, городскія общины въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ только было это возможно. Самарія или,—какъ сталъ съ тѣхъ поръ называться этотъ городъ,—Себастъ, вновь основанная Кесарія и другія городскія общины, входившія въ составъ бывшихъ владѣній Архелая, стали управляться сами собою подъ надзоромъ римскихъ должностныхъ лицъ. Управленіе столицей и принадлежавшей къ ней обширной территоріей было организовано такимъ-же образомъ.

Іерусалимскій санхедринъ.—Еще въ до-римскія времена, подъ владычествомъ Селевкидовъ, образовался въ Іерусалимѣ,—какъ было ранѣе замѣчено (стр. 477),—совѣтъ старшинъ или Синедріонъ, называвшійся по-іудейски Санхедриномъ. Въ этомъ совѣтѣ предсѣдательствовалъ первосвященникъ, котораго назначалъ на опредѣленное время властитель страны, если только самъ не былъ первосвященникомъ. Въ составъ коллегіи входили лица, бывшія первосвященниками, и пользовавшіеся особымъ уваженіемъ законовѣдцы. Это собраніе, въ которомъ преобладалъ аристократическій элементъ, дѣйствовало въ качествѣ высшаго духовнаго представительства всѣхъ Іудеевъ и также въ качествѣ свѣтскаго представительства іерусалимской общины въ той мѣрѣ, въ какой это послѣднее не могло быть отдѣлено

---

[1]) Доходы Ирода доходили, по словамъ Іосифа [17, 11, 4], приблизительно до 1200 талантовъ, изъ которыхъ около 100 получались съ Батанеи и съ сосѣднихъ съ нею странъ, 200—съ Галилеи и съ Переи, а остальныя съ владѣній Архелая; при этомъ подразумѣвается болѣе древній еврейскій талантъ [равнявшійся почти 7830 маркамъ], а не талантъ изъ динаріевъ [равнявшійся приблизительно 5220 маркамъ], какъ полагаетъ Hultsch [Metrol.[2] стр. 605], такъ какъ доходы съ той-же области при Клавдіѣ опредѣлены тѣмъ-же Іосифомъ [19, 8, 2] въ 12 мил. динаріевъ [приблизительно въ 10 милл. мар.] Въ этихъ доходахъ игралъ главную роль поземельный доходъ, размѣръ котораго намъ неизвѣстенъ; во времена сирійскаго верховенства онъ, по меньшей мѣрѣ временно, состоялъ изъ третьей части собраннаго зерноваго хлѣба и изъ половины добытаго вина и оливковаго масла [1 Маккав. 10, 30]; во времена Цезаря онъ былъ опредѣленъ для Яффы въ размѣрѣ одной четверти земныхъ плодовъ [стр. 491, прим. 1], кромѣ собиравшейся въ пользу храма десятины. Къ этому слѣдуетъ прибавить другіе налоги и пошлины, собиравшіяся при аукціонныхъ продажахъ съ соли, на дорогахъ и на мостахъ и т. д.; это тѣ самые налоги, которые взыскивались упоминаемыми въ евангеліяхъ сборщиками.

отъ перваго. Въ духовное учрежденіе, будто-бы возникшее по уставу Моисееву, іерусалимскій санхедринъ былъ впервые превращенъ благочестивою фикціей позднѣйшихъ раввиновъ. Въ сущности онъ соотвѣтствовалъ городскому совѣту, составлявшему принадлежность греческаго городскаго устройства, но какъ по своему составу, такъ и по сферѣ своей дѣятельности отличался такимъ духовнымъ характеромъ, какого не имѣли другія представительныя собранія греческихъ общинъ. Этому санхедрину и его первосвященнику, назначавшемуся представителемъ императорской верховной власти—прокураторомъ, римское правительство оставило или предоставило такую-же власть, какая предоставлялась городскимъ должностнымъ лицамъ и общиннымъ совѣтамъ въ тѣхъ греческихъ общинахъ, которыя находились въ римскомъ подданствѣ. Оно съ равнодушной непредусмотрительностью дало полный просторъ трансцендентальному Мессіанизму Фарисеевъ, а до пришествія Мессіи состоявшей въ должности вовсе не трансцендентальной мѣстной консисторіи предоставило право распоряжаться во всемъ, что̀ касалось вѣры, нравовъ и судопроизводства и прямо не затрогивало римскихъ интересовъ. Это было особенно важно въ томъ, что касалось судопроизводства. Хотя въ дѣлахъ, касавшихся римскихъ гражданъ, и гражданская и уголовная юстиція была предоставлена вѣдѣнію римскихъ судовъ даже еще до присоединенія страны къ имперіи, но въ дѣлахъ, касавшихся однихъ Іудеевъ, гражданское судопроизводство оставалось преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ властей и послѣ присоединенія къ имперіи. Эти-же власти, по всему вѣроятію, завѣдывали и уголовной юстиціей надъ Іудеями, сообща съ римскимъ прокураторомъ; только смертныхъ приговоровъ онѣ не могли приводить въ исполненіе безъ согласія императорскихъ должностныхъ лицъ.

Римское провинціальное управленіе.—Эти порядки въ сущности были неоспоримымъ послѣдствіемъ упраздненія царской власти, и когда Іудеи ходатайствовали объ упраздненіи этой власти, они на самомъ дѣлѣ стремились къ введенію такихъ порядковъ. Къ тому-же и правительство старалось при введеніи новаго устройства избѣгать по мѣрѣ возможности всякой жесткости и шероховатости. Публій Сульпицій Квириній, на котораго, какъ на намѣстника Сиріи, было возложено учрежденіе новой провинціи, былъ всѣми уважаемый и хорошо знакомый съ восточными дѣлами сановникъ, а всѣ отрывочные разсказы подтверждаютъ своимъ содержаніемъ или своимъ умалчиваніемъ, что правительству были извѣстны всѣ трудности мѣстныхъ условій, и что оно имѣло ихъ въ виду. Мѣстная чеканка мелкой монеты, въ томъ видѣ какъ она до того времени производилась царями, стала теперь производиться отъ имени римскаго властителя; но на монетахъ никогда не изображалась голова императора вслѣд-

ствіе отвращенія Іудеевъ ко всякимъ изображеніямъ. Вступать во внутренность храма было по прежнему запрещено всѣмъ не-Іудеямъ подъ страхомъ смертной казни[1]). Хотя Августъ лично и уклонялся отъ соприкосновеній съ восточными культами (стр. 487), онъ не находилъ излишнимъ, какъ въ Египтѣ, такъ и въ Іудеѣ привязывать ихъ къ императорскому режиму на самомъ мѣстѣ ихъ исповѣдыванія; великолѣпные подарки Августа, Ливіи и другихъ членовъ императорскаго дома украшали іудейское святилище и по заказу императора ежедневно приносились тамъ передъ «Всевышнимъ Богомъ» въ жертву одинъ быкъ и два ягненка. Римскимъ солдатамъ, отправлявшимся на службу въ Іерусалимъ, было приказано оставлять въ Кесаріи знамена съ изображеніями императора, а когда какой-то намѣстникъ уклонился въ царствованіе Тиверія отъ этого правила, правительство удовлетворило мольбы набожныхъ людей и приказало держаться прежнихъ порядковъ. Даже былъ такой случай, что римскія войска, которымъ предстояло проходить черезъ Іерусалимъ во время экспедиціи противъ Арабовъ, получили другой маршрутъ вслѣдствіе того, что видъ знаменъ съ изображеніями былъ-бы непріятенъ мѣстному духовенству. Когда тотъ-же самый намѣстникъ посвятилъ императору въ царскомъ іерусалимскомъ зàмкѣ щиты безъ всякихъ изображеній, а благочестивые люди и въ этомъ усмотрѣли соблазнъ, Тиверій приказалъ снять эти щиты и повѣсить ихъ въ храмѣ Августа, въ Кесаріи. Праздничное одѣяніе первосвященника лежало въ зàмкѣ подъ римской охраной и потому, прежде чѣмъ его надѣвать, приходилось очищать его въ теченіе цѣлой недѣли отъ такого оскверненія; по просьбѣ вѣрующихъ, оно было имъ отдано, а коменданту зàмка было приказано впредь о немъ болѣе

---

[1]) Поэтому, на мраморной загородкѣ [δρύφακτος], окружавшей внутренность храма, находились предохранительныя скрижали на языкахъ латинскомъ и греческомъ [Josephus, Bell. 5, 5, 2. 6, 2, 6; Ant. 15, 11, 5]. Одна изъ этихъ послѣднихъ найдена недавно [Revue archéologique Bd. 23 1872. стр. 220]; она хранится въ константинопольскомъ публичномъ музеѣ и гласитъ такъ: μηθ' ἕνα ἀλλογενῆ εἰσπορεύεσθαι ἐντὸς τοῦ περὶ τὸ ἱερὸν τρυφάκτου καὶ περιβόλου. ὃς δ' ἂν ληφθῇ, ἑαυτῷ αἴτιος ἔσται διὰ τ[ὸ] ἐξακολουθεῖν θάνατον. Іота въ дательномъ падежѣ находится на лицо, а шрифтъ хорошъ и подходящъ къ раннимъ временамъ имперіи. Эти скрижали едва-ли были поставлены іудейскими царями, которые, вѣроятно, не присовокупили-бы латинскаго текста и не имѣли никакого основанія угрожать смертною казнію такимъ страннымъ безъимяннымъ способомъ. Если же онѣ были выставлены римскимъ правительствомъ, то не трудно объяснить и то и другое; въ одномъ обращеніи къ Іудеямъ [Josephus Bell. 6, 2, 4] Титъ говоритъ: οὐχ ἡμεῖς τοὺς ὑπερβάντας ὑμῖν ἀναιρεῖν ἐπετρέψαμεν, κἂν Ῥωμαῖός τις ᾖ; если-же на скрижаляхъ дѣйствительно видны слѣды ударовъ топора, то эти удары были нанесены солдатами Тита.

не заботиться. Тѣмъ не менѣе, отъ народной толпы нельзя было требовать, чтобъ она выносила послѣдствія присоединенія къ имперіи болѣе терпѣливо оттого, что она сама вызвала его. Также нельзя утверждать, чтобъ присоединеніе къ имперіи обошлось безъ притѣсненій для населенія и чтобъ это населеніе не имѣло никакихъ поводовъ жаловаться; при введеніи этихъ учрежденій дѣло нигдѣ не обошлось безъ затрудненій и безъ нарушеній общественнаго спокойствія. И число несправедливостей и насилій, совершавшихся намѣстниками, конечно, не было въ Іудеѣ менѣе велико, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Уже въ началѣ Тиверіева царствованія, какъ Сирійцы, такъ и Іудеи жаловались на обременительные налоги; въ особенности многолѣтнему управленію Понтія Пилата приписываются однимъ безпристрастнымъ критикомъ всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ. Но, по словамъ того-же іудейскаго писателя, Тиверій въ теченіе своего двадцати-трехъ-лѣтняго управленія поддерживалъ древніе священные обычаи и ни въ какой части своихъ владѣній не уничтожалъ ихъ или не оскорблялъ. Это было особенно цѣнно потому, что тотъ-же императоръ поступилъ на западѣ съ Іудеями такъ строго, какъ никто (стр. 487) и стало быть долготерпѣніе и сдержанность, которыя онъ обнаруживалъ въ самой Іудеѣ, не могутъ быть приписаны его личному расположенію къ Іудеямъ.

Іудейская оппозиція.—Не смотря ни на что, уже въ тѣ мирныя времена организовалась оппозиція противъ римскаго правительства. а вѣрующіе стали прибѣгать къ самопомощи путемъ насилій. Уплата податей вызывала протесты не потому только, что она была обременительна, а также потому, что она считалась нечестіемъ. «Позволительно-ли»,—спрашиваетъ раввинъ въ евангеліи,—«уплачивать Цезарю подати?» Полученный имъ ироническій отвѣтъ не всѣхъ удовлетворилъ; были и такіе святые люди,—хотя и не въ большомъ числѣ,—которые полагали, что оскверняютъ себя, дотрогиваясь до монеты съ императорскимъ изображеніемъ. Это было нѣчто совершенно новое,—это былъ новый шагъ впередъ, сдѣланный оппозиціонною теологіей; вѣдь надъ царями Селевкомъ и Антіохомъ такъ-же не былъ совершонъ обрядъ обрѣзанія и они также получали дань серебряными монетами съ своими изображеніями. Такъ гласила теорія, но на практикѣ примѣнилъ ее не іерусалимскій городской совѣтъ, въ которомъ большинство голосовъ, благодаря вліянію римскаго правительства, принадлежало самымъ сговорчивымъ представителямъ мѣстной аристократіи, а Іуда Галилеянинъ, уроженецъ Гамалы, что на Генисаретскомъ озерѣ, который «возсталъ въ дни народной переписи, а вслѣдъ за нимъ возсталъ и народъ съ цѣлію отложиться отъ имперіи»,—какъ объ этомъ впослѣдствіи напомнилъ тому совѣту Гамаліилъ. Онъ высказалъ то, что было у всѣхъ на умѣ,—

что такъ-называемая народная перепись то-же, что отдача въ рабство и что для Іудеевъ было-бы позоромъ признавать надъ собою инаго властителя, чѣмъ Богъ Саваоѳъ; но этотъ послѣдній помогаетъ только тому, кто самъ себѣ помогаетъ. Хотя немногіе отозвались на его призывъ къ оружію и онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ свою жизнь на лобномъ мѣстѣ, однако этотъ святой человѣкъ былъ опасенъ для нечестивыхъ побѣдителей не столько при своей жизни, сколько послѣ своей смерти. Онъ и его послѣдователи считались у позднѣйшихъ Іудеевъ наряду съ Саддукеями, Фарисеями и Ессеями четвертой «школой»; въ ту пору они назывались ревнителями, а впослѣдствіи называли себя сикаріями, кинжальщиками. Ихъ ученіе несложно: властелинъ—одинъ Богъ, къ смерти слѣдуетъ быть равнодушнымъ, свобода одна и въ ней все. Это ученіе не умерло: дѣти и внуки Іуды были вождями при возникавшихъ впослѣдствіи возстаніяхъ.

Императоръ Гай и Іудеи.—Если римское правительство умѣло при двухъ первыхъ императорахъ искусно и терпѣливо сдерживать эти взрывчатые элементы, за то при вторичной перемѣнѣ властителя дѣло быстро дошло до катастрофы. Восшествіе на престолъ новаго императора было радостнымъ извѣстіемъ какъ для всей имперіи, такъ и для жившихъ въ Іерусалимѣ и въ Александріи Іудеевъ, и замѣна нелюдимаго и нелюбимаго старика новымъ юнымъ властителемъ Гаемъ повсюду вызвала безпредѣльное ликованіе. Но изъ самыхъ ничтожныхъ мотивовъ быстро развилась страшная вражда. Внукъ перваго Ирода и прекрасной Маріаммы, названный по имени покровителя и друга своего дѣда Иродомъ Агриппой, былъ между многочисленными, жившими въ Римѣ сыновьями восточныхъ царей, едва-ли не самымъ ничтожнымъ и самымъ безпутнымъ; но не смотря на это или именно поэтому онъ былъ любимцемъ новаго императора и товарищемъ его дѣтства; если до той поры онъ и былъ чѣмъ-либо извѣстенъ, то единственно своимъ распутствомъ и своими долгами, но онъ первый принесъ своему покровителю извѣстіе о смерти Тиверія и получилъ отъ Гайя въ подарокъ одно изъ вакантныхъ мелкихъ іудейскихъ владѣній съ титуломъ царя.

Травля Іудеевъ въ Александріи.—По дорогѣ въ свое новое царство, Иродъ Агриппа прибылъ въ 38 г. въ городъ Александрію, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ оказался несостоятельнымъ должникомъ и пытался занять денегъ у іудейскихъ банкировъ. Когда онъ появился тамъ публично въ царскомъ одѣяніи съ роскошно разодѣтыми тѣлохранителями, неблаговолившее къ Іудеямъ населеніе, всегда отличавшееся своей насмѣшливостью и склонностью къ скандаламъ, устроило на него пародію; но на этомъ оно не

остановилось. Дѣло дошло до бѣшеной травли Іудеевъ. Жители стали опустошать и жечь разсыпанныя по городу дома Іудеевъ, ограбили стоявшія въ гавани іудейскіе корабли и стали совершать насилія и убійства надъ тѣми Іудеями, которыхъ встрѣчали внѣ іудейскихъ кварталовъ. Но въ тѣхъ кварталахъ, которые были населены одними Іудеями, всѣ усилія нападающихъ оказались тщетными. Тогда вожакамъ пришла мысль посвятить всѣ синагоги, на которыя они главнымъ образомъ и мѣтили, въ храмы новаго властителя и поставить во всѣхъ нихъ его статуи, а въ главной синагогѣ поставить статую на запряженной четверкою колесницѣ. Что императоръ Гай считалъ себя настоящимъ воплощеніемъ божества такъ серьозно, какъ это было возможно при его умственномъ разстройствѣ, было извѣстно всѣмъ, а также Іудеямъ и намѣстнику. Этотъ намѣстникъ, называвшійся Авилліемъ Флаккомъ, былъ человѣкъ способный, а при Тиверіѣ былъ хорошимъ администраторомъ, но въ ту пору упалъ духомъ вслѣдствіе немилости, въ которую впалъ у новаго императора; онъ ежеминутно ожидалъ увольненія и преданія суду и потому воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ снова пріобрѣсть милостивое расположеніе императора [1]). Онъ не только издалъ эдиктъ, которымъ предписывалъ ничѣмъ не препятствовать поставкѣ статуй въ синагогахъ, но прямо дошолъ до настоящей травли іудеевъ. Онъ приказалъ отмѣнить празднованіе субботняго дня. Далѣе онъ объявилъ въ своемъ декретѣ, что эти лишь терпимые въ Александріи иноземцы завладѣли недозволеннымъ образомъ лучшею частію города; поэтому Іудеямъ было дозволено жить только въ одномъ изъ пяти кварталовъ, а всѣ остальные іудейскіе дома были отданы черни на разграбленіе,

---

1) Чрезвычайная ненависть Гайя къ Іудеямъ [Philo leg. 20] была не причиной, а послѣдствіемъ происходившей въ Александріи травли Іудеевъ. Такъ какъ, по мнѣнію Іудеевъ, между вожаками движенія и намѣстникомъ [Philo, n Flacc. 4] не могло быть соглашенія, потому что намѣстникъ не могъ расчитывать на пріобрѣтеніе милостиваго расположенія новаго императора путемъ насилій надъ Іудеями,—то возникаетъ вопросъ, почему вожаки движенія выбрали именно эту минуту для травли Іудеевъ и главнымъ образомъ, почему намѣстникъ, котораго такъ рѣшительно хвалитъ Филонъ, допустилъ эту травлю и по меньшей мѣрѣ впослѣдствіи самъ принялъ въ ней участіе. Все произошло, по всему вѣроятію, такъ, какъ выше описано: ненависть и зависть къ Іудеямъ давно таились въ Александріи [Josephus, Bell. 2, 18, 9; Philo, Leg. 18]; прекращеніе прежней строгой системы управленія и явная немилость, въ которую впалъ префектъ, дали просторъ насиліямъ; прибытіе Агриппы послужило мотивомъ; ловкое превращеніе синагогъ въ храмы Гайя наложило на Іудеевъ клеймо враговъ императора, а послѣ того, какъ это случилось, Флаккъ сталъ поддерживать гоненія, чтобъ снова снискать милостивое расположеніе императора.

между тѣмъ какъ выгнанные изъ нихъ жители массами собрались у берега за неимѣніемъ пристанища. Никакихъ возраженій даже не выслушивали; тридцать восемь членовъ совѣта старшинъ, стоявшаго въ ту пору во главѣ іудейства въ замѣнъ этнарха [1]), были высѣчены розгами въ публичномъ циркѣ въ присутствіи всего народа. Четыреста домовъ лежали въ развалинахъ; торговля и обычныя сношенія прекратились; работы на фабрикахъ пріостановились. Защиту можно было найти только у императора. Къ нему явились двѣ александрійскія депутаціи—одна была прислана Іудеями подъ предводительствомъ ранѣе (стр. 485) упомянутаго Филона, который былъ ученымъ ново-іудейскаго направленія и отличался не столько мужествомъ, сколько кротостью, но при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ съ самоотверженіемъ вступился за своихъ единовѣрцевъ; другая была отправлена недругами Іудеевъ подъ предводительствомъ Апіона, который также принадлежалъ къ числу александрійскихъ ученыхъ и писателей, былъ «всемірнымъ колокольчикомъ»,—какъ его называлъ императоръ Тиверій,—отличался грубыми выраженіями и еще болѣе грубымъ лганьемъ, смѣло выдавалъ себя за человѣка всевѣдущаго [2]) и безусловно вѣровалъ въ самого себя; онъ хорошо зналъ если не людей, то ихъ подлость, считался мастеромъ въ краснорѣчіи и въ искуствѣ увлекать толпу, былъ всегда готовъ къ бою, и при всемъ этомъ былъ остроуменъ, безстыденъ и бе-

---

[1]) Когда Страбонъ находился въ Египтѣ въ началѣ Августова управленія, жившіе въ Александріи Іудеи управлялись этнархомъ [*Geog.*, 17, 1, 13, стр. 798 и у Іосифа Ant. 14, 7, 2]. Когда этнархъ или генархъ—все равно какъ бы онъ ни назывался—умеръ еще въ царствованіе Августа, его замѣнилъ совѣтъ старшинъ [Philo, Leg. 10]; но, по словамъ Клавдія [Joseph. 19, 5, 2], Августъ „не запретилъ Іудеямъ назначать этнарха"; эти слова можно понимать только въ томъ смыслѣ, что выборъ единоличнаго представителя былъ отмѣненъ только на этотъ разъ, а не навсегда. При Гаѣ офиціально значились только старшины іудейства, которые встрѣчаются и при Веспасіанѣ [Josephus, Bell. 7, 10, 1]. Объ іудейскомъ архонтѣ въ Антіохіи упоминаетъ Іосифъ, Bell. 7, 3, 3.

[2]) Апіонъ произносилъ рѣчи и писалъ обо всемъ—о металлахъ и о римскихъ буквахъ, о магіи и о гетерахъ, о древнѣйшей исторіи Египта и о поваренныхъ рецептахъ Апиція; но всего болѣе ему посчастливились публичныя лекціи о Гомерѣ, доставившія ему во многихъ греческихъ городахъ права почетнаго гражданства. Онъ открылъ, что Гомеръ началъ свою Иліаду не совсѣмъ приличнымъ словомъ μῆνις, потому что двѣ первыя его буквы представляютъ цифры, означающія число книгъ въ тѣхъ двухъ поэмахъ, которыя онъ предполагалъ написать; онъ назвалъ имя хозяина въ Итакѣ, отъ котораго тотъ узналъ объ игрѣ, въ которую играли женихи; онъ даже вызывалъ изъ преисподней самого Гомера для распросовъ о его родинѣ; тотъ будто-бы явился на этотъ вызовъ и назвалъ ему свою родину, но обязалъ его никому ее не называть.

зусловно преданъ императору. Можно было заранѣе предвидѣть, каковъ будетъ результатъ личныхъ объясненій съ императоромъ; Гай принялъ обѣ депутаціи въ то время, какъ осматривалъ свои сады, но вмѣсто того, чтобъ выслушать просителей, обратился къ нимъ съ насмѣшливыми возгласами, которые вызвали со стороны недоброжелателей Іудеевъ, въ нарушеніе всѣхъ приличій этикета, громкій смѣхъ, а такъ какъ онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, то онъ ограничился выраженіемъ своихъ сожалѣній о томъ, что у этихъ въ другихъ отношеніяхъ вовсе недурныхъ людей такая несчастная организація, которая дѣлаетъ ихъ неспособными понимать его врожденную божественную натуру,—что̀, конечно, ему очень непріятно. Такимъ образомъ Апіонъ оказался правъ и повсюду, гдѣ это было угодно врагамъ Іудеевъ, синагоги стали превращаться въ храмы Гайя.

Императорская статуя въ іерусалимскомъ храмѣ.—Дѣло не ограничилось этими посвященіями, придуманными александрійскою уличною молодежью. Сирійскій намѣстникъ Публій Петроній получилъ въ 39 г. отъ императора приказаніе вступить съ своими легіонами въ Іерусалимъ и поставить въ тамошнемъ храмѣ императорскія статуи. Намѣстникъ, который былъ почтеннымъ администраторомъ, вышедшимъ изъ школы Тиверія, пришолъ въ ужасъ; іудеи,—мущины и женщины, старики и дѣти, стали стекаться къ нему отовсюду толпами, сначала въ Птолемаиду, въ Сиріи, потомъ въ Тиверіаду, въ Галилеѣ, чтобъ молить его о предотвращеніи грозившаго бѣдствія; поля остались повсюду незасѣянными и доведенный до отчаянія народъ заявилъ, что предпочитаетъ умереть подъ мечомъ или отъ голода, нежели смотрѣть на эти ужасы. Намѣстникъ осмѣлился замедлить исполненіемъ приказанія и представилъ возраженія, хотя хорошо зналъ, что рискуетъ поплатиться за это своею жизнію. Въ то-же время и царь Агриппа лично отправился въ Римъ, чтобъ добиться отъ своего друга отмѣны приказанія. Императоръ дѣйствительно отказался отъ своего требованія, какъ разсказываютъ, вслѣдствіе того, что іудейскій царь ловко воспользовался его веселымъ расположеніемъ духа во время попойки. Но онъ ограничилъ свою уступку только іерусалимскимъ храмомъ и не смотря ни на что послалъ намѣстнику, въ наказаніе за его ослушаніе. смертный приговоръ, который случайнымъ образомъ запоздалъ и не былъ приведенъ въ исполненіе, Гай рѣшился сломить сопротивленіе Іудеевъ, а данное имъ приказаніе двинуть легіоны доказываетъ, что на этотъ разъ онъ заранѣе взвѣсилъ послѣдствія своихъ распоряженій. Послѣ описанныхъ выше событій, готовые вѣрить въ его божественность Египтяне пользовались его безусловнымъ милостивымъ расположеніемъ, а упрямые и безразсудные Іудеи

внушали ему ненависть; так как он был скрытнаго характера и привык миловать для того, чтоб потом брать назад данное слово, то слѣдовало полагать, что он только на время отложил мщеніе. Он намѣревался отправиться в Александрію для того, чтоб там лично присутствовать при воскуреніи ѳиміама на воздвигнутых ему алтарях, а статуя, которую он намѣревался поставить себѣ в Іерусалимѣ, как разсказывают, втайнѣ изготовлялась, когда кинжал Хереи избавил в январѣ 41 г. между прочим и храм Іеговы от этого чудовища.

Настроеніе умов среди Іудеев.—Непродолжительная эпоха страданій не оставила послѣ себя внѣшних послѣдствій, так как вмѣстѣ с богом исчезли и его алтари. Но она оставила послѣ себя слѣды в обѣ стороны. Исторія, которая здѣсь разсказывается, есть исторія усиливавшейся вражды между Іудеями и не-Іудеями, а трехлѣтнее преслѣдованіе Іудеев при Гаіѣ составляет одну ея главу и было шагом вперед. Ненависть к Іудеям и травля Іудеев так-же древни, как сама діаспора; существованіе этих привилегированных и автономных восточных общин посреди общин эллинских неизбѣжно должно было распространять в воздухѣ такую-же заразу, какую распространяют болота. Но такой травли Іудеев, какая происходила в 38 году в Александріи, и которая, будучи вызвана неудовлетворительным эллинским устройством, была произведена в одно и то-же время и высшими властями и низкою чернью, нельзя найти в болѣе древней исторіи ни Греціи ни Рима. В этом случаѣ был пройден длинный путь, отдѣляющій злую волю одного человѣка от злаго дѣянія, совершоннаго цѣлым обществом, и вмѣстѣ с тѣм было доказано, что̀ может притти на ум злонамѣренным людям и что̀ они в состояніи совершить при извѣстных условіях. Что это ясно поняли Іудеи, не подлежит сомнѣнію, хотя мы и не имѣем положительных на это доказательств [1]). Но еще гораздо глубже, чѣм происходившая в Александріи травля, врѣзалась в памяти Іудеев статуя бога

---

[1]) Произведенія Филона, описывающія нам всю эту катастрофу с неподражаемой живостью, не написаны в таком тонѣ; но помимо того, что этот богатый и престарѣлый человѣк умѣл болѣе любить, чѣм ненавидѣть, само собою разумѣется, что Іудеи не указывали публично на эти послѣдствія совершившихся событій. О том, что Іудеи думали и чувствовали, слѣдует судить не по тому, что они считали цѣлесообразным высказывать в своих написанных на греческом языкѣ сочиненіях. Если книга Премудрости и третья книга Маккавеев, дѣйствительно, написаны в осужденіе происходившаго в Александріи преслѣдованія Іудеев [Hausrath neutestam. Zeitgesch. 2, 259 и сл.], что, впрочем, вовсе недостовѣрно,—то онѣ отличаются еще большим, ежели это возможно, смиреніем, чѣм сочиненія Филона.

Гайя, которую хотѣли поставить во «Святой Святыхъ». Уже разъ случилось то-же самое: вслѣдствіе такого же дерзкаго покушенія со стороны сирійскаго царя Антіоха Епифана произошло возстаніе Маккавеевъ и было побѣдоносно возстановлено свободное національное государство. Тотъ анти-мессія Епифанъ, который долженъ былъ вызвать,—какъ его между прочимъ описалъ пророкъ Даніилъ,—пришествіе настоящаго Мессіи, былъ съ тѣхъ поръ для каждаго Іудея первообразомъ всякой гнусности; нельзя-же было равнодушно относиться къ тому, что такое-же понятіе съ такой-же основательностью соединялось съ личностью римскаго императора или по крайней мѣрѣ вообще съ изображеніями римскихъ властителей. Съ тѣхъ поръ, какъ состоялось то роковое распоряженіе, уже не успокоивалась тревожная мысль о томъ, что другой императоръ могъ сдѣлать точно такое же распоряженіе и эта забота была основательна, такъ какъ при тогдашней системѣ римскаго государственнаго устройства изданіе такого распоряженія зависѣло только отъ минутной прихоти римскаго властителя. Эта ненависть Іудеевъ къ культу императоровъ и къ самой имперіи ярко просвѣчиваетъ въ Апокалипсисѣ св. Іоанна, для котораго Римъ былъ главнымъ образомъ по этой причинѣ вавилонской блудницей и общимъ врагомъ всего человѣчества [1])

---

[1]) Въ этомъ, какъ слѣдуетъ полагать, вѣрно высказывались іудейскія воззрѣнія, въ которыхъ положительные факты обыкновенно сливались въ одно общее представленіе. Въ разсказахъ объ анти-мессіи и объ антихристѣ нѣтъ такихъ положительныхъ указаній, которыя могли-бы относиться къ императору Гайю; названіе Армилла, которое Тальмудъ даетъ анти-мессіи, едва-ли можно относить къ Гайю только на томъ основаніи, что этотъ императоръ иногда носилъ женскіе браслеты [armillae. Sueton Gai. 52]. Въ Апокалипсисѣ св. Іоанна,—въ этомъ классическомъ проявленіи іудейскаго самосознанія и іудейской ненависти къ Римлянамъ, описаніе анти-мессіи относится, напротивъ того, къ Нерону, который не ставилъ своего изображенія во „Святой Святыхъ“. Это произведеніе, какъ извѣстно, принадлежитъ къ тому времени и къ тому направленію, для которыхъ христіанство еще было въ сущности іудейскою сектой; избранные и запечатлѣнные ангеломъ были одни Іудеи по 12,000 отъ каждаго изъ двѣнадцати колѣнъ сынов Израилевыхъ; они пользуются первенствомъ передъ великимъ множествомъ другихъ праведныхъ людей, то-есть іудейскихъ единовѣрцевъ [гл. 7; 12, 1]. Это произведеніе написано,—какъ то положительно доказано,—послѣ паденія Нерона, въ то время, какъ ожидали его возвращенія съ востока. Правда, немедленно послѣ смерти настоящаго Нерона появился лже-Неронъ, который былъ казненъ въ началѣ слѣдующаго года [Tacitus, Hist. 2, 8. 9]; но не его имѣетъ въ виду Іоаннъ, такъ какъ въ точномъ о немъ разсказѣ упоминается не такъ какъ у Іоанна, о Пареянахъ, и для Іоанна существовалъ значительный промежутокъ времени между паденіемъ Нерона и его возвращеніемъ, а это послѣднее еще предстояло въ будущемъ. Его Неронъ—тотъ, который, въ царствованіе Веспасіана нашолъ приверженцевъ въ области Евфрата, призналъ, въ царствованіе Тита, царя Артабана и готовился выступить съ арміей на Римъ, но наконецъ былъ въ

Еще менѣе можно было равнодушно относиться къ явному сходству тогдашняго положенія съ прежнимъ. Модинскій уроженецъ Маттаѳія стоялъ не выше Іуды Галилеянина, а возстаніе патріотовъ противъ сирій-

---

88 году выданъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Пароянами Домиціану [выше стр. 387]. Съ этими событіями можетъ быть въ точности согласовано содержаніе Апокалипсиса. Съ другой стороны, изъ сочиненія такого рода нельзя дѣлать заключенія о тогдашней осадѣ города, выводя это заключеніе изъ того, что [гл. II, 1. 2] во власти язычниковъ находился только внѣшній дворъ іерусалимскаго храма, а не его Святая Святыхъ; въ томъ, что касается отдѣльныхъ подробностей, здѣсь все принадлежитъ фантасмагоріи и конечно или было кстати придумано или, пожалуй, имѣло связь съ приказаніемъ, которое было дано стоявшимъ Іерусалимѣ послѣ разрушенія города римскимъ солдатамъ не вступать въ прежнюю Святую Святыхъ. Основаніемъ для Апокалипсиса, бесспорно, служитъ разрушеніе земнаго Іерусалима и оттого впервые возникшая надежда на его идеальное возстановленіе; нѣтъ возможности замѣнить срытіе города ожиданіемъ, что онъ будетъ взятъ. Поэтому, когда говорится о семи головахъ дракона: βασιλεῖς ἑπτά εἰσιν οἱ πέντε ἔπεσαν, ὁ εἷς ἔστιν, ὁ ἄλλος οὔπω ἦλθεν, καὶ ὅταν ἔλθῃ ὀλίγον αὐτὸν δεῖ μεῖναι [гл. 17, 10], то здѣсь, вѣроятно, подразумѣваются Августъ, Тиверій, Гай, Клавдій, Неронъ; шестымъ былъ Веспасіанъ, седьмымъ неизвѣстно кто; подъ словами: „и звѣрь, который былъ, и котораго нѣтъ, есть восьмый и изъ числа седми“, натурально, подразумѣвается Неронъ. Неизвѣстность на счетъ седьмаго была однимъ изъ тѣхъ неловкихъ пріемовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ этой грандіозной, но полной противорѣчій и нерѣдко запутанной фантасмагоріи; этотъ седьмой былъ вставленъ не потому, что требовалась цифра семь, которую, впрочемъ, было бы вовсе не трудно получить, присовокупивъ Цезаря, но потому, что авторъ колебался помѣстить непосредственно передъ царствовавшимъ императоромъ непродолжительное управленіе послѣдняго властителя и его низверженіе возвращавшимся Нерономъ. Но нѣтъ возможности объяснять это такъ, какъ дѣлаетъ по примѣру другихъ Ренанъ,—со включеніемъ Цезаря, считать шестымъ императоромъ, „который есть“, Нерона, между тѣмъ какъ тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ говорится, что этотъ шестой императоръ былъ, но его уже болѣе нѣтъ, а седьмаго, который „еще не пришолъ и когда пріидетъ, не долго ему быть“, считать за царствовавшаго въ то время очень престарѣлаго Гальбу. Что въ это число Гальба не входитъ точно такъ-же, какъ въ него не входятъ Оттонъ и Вителлій, совершенно ясно.—Но болѣе важны возраженія, которыя можно сдѣлать противъ общепринятаго мнѣнія, будто полемика направлена противъ Нероновскаго преслѣдованія христіанъ и противъ осады или разрушенія Іерусалима, между тѣмъ какъ она направляетъ свое остріе противъ римскаго провинціальнаго управленія вообще и въ особенности противъ культа императоровъ. Если изъ семи императоровъ названъ одинъ Неронъ [посредствомъ численнаго выраженія], то это сдѣлано не потому, что онъ былъ самый дурной изъ семи, а потому, что было-бы опасно называть, въ предназначенномъ для публики сочиненіи, царствующаго императора вмѣстѣ съ предсказаніемъ, что его управленію скоро настанетъ конецъ; нѣкоторая сдержанность по отношенію къ тому, кто „есть“ была умѣстна и со стороны пророка. Имя Нерона было обречено на гибель и сверхъ того въ

скаго царя было почти такъ-же безнадежно, какъ возстаніе противъ жившаго за моремъ чудовища. Историческія сопоставленія служатъ въ своемъ практическомъ примѣненіи опасными элементами для оппозиціи,—и воздвигнутое многолѣтнею правительственною мудростью зданіе расшаталось съ чрезвычайной быстротой.

———

устахъ у каждаго была легенда о его исцѣленіи и возвращеніи, поэтому онъ и сдѣлался для Апокалипсиса представителемъ императорскаго владычества и антихристомъ. Морской звѣрь и его подобіе и орудіе—земной звѣрь провинились не въ насиліи, которое было совершено надъ городомъ Іерусалимомъ [гл. 11, 2] и которое, по видимому, было не ими совершоннымъ преступленіемъ, а напротивъ того какъ-бы нѣкоторымъ образцомъ страшнаго суда [при чемъ, быть можетъ, дѣлался намекъ и на царствующаго императора], а въ божескомъ поклоненіи, которое воздаютъ морскому звѣрю язычники [гл. 13, 8: προσκυνήσουσιν αὐτὸν πάντες οἱ κατοικοῦντες ἐπὶ τῆς γῆς] и въ томъ, что земной звѣрь, который поэтому и называется лжепророкомъ, требуетъ для морскаго звѣря поклоненія и принуждаетъ къ тому другихъ [гл. 13, 12: ποιεῖ τὴν γῆν καὶ τοὺς κατοικοῦντας ἐν αὐτῇ ἵνα προσκυνήσουσιν τὸ θηρίον τὸ πρῶτον, οὗ ἐθεραπεύθη ἡ πληγὴ τοῦ θανάτου αὐτοῦ]; но ему главнымъ образомъ ставится въ вину то, что онъ желалъ „сдѣлать образъ“ того морскаго звѣря [гл. 13, 14: λέγων τοῖς κατοικοῦσιν ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι εἰκόναν τῷ θηρίῳ ὃς ἔχει τὴν πληγὴν τῆς μαχαίρης καὶ ἔζησεν, 14, 9. 16, 2. 19, 20]. Ясно, что авторъ подразумѣвалъ здѣсь частію императорскій режимъ по ту сторону моря, частію управленіе намѣстниковъ на азіятскомъ континентѣ, и не управленіе той или другой провинціи, того или другаго лица, а императорское управленіе вообще въ томъ видѣ, какъ оно было знакомо провинціальнымъ жителямъ Азіи и Сиріи. Если и торговля и всѣ житейскія дѣла, по видимому, связаны съ употребленіемъ χάραγμα морскаго звѣря [гл. 13, 16, 17], то здѣсь явно лежитъ въ основѣ отвращеніе къ изображеніямъ и надписямъ на императорскихъ монетахъ; но всему этому придана фантастическая форма, точно такъ-же, какъ и сатанѣ, который заставляетъ императорское изображеніе говорить. Потомъ намѣстники появляются [гл. 17] въ видѣ десяти роговъ, которые присовокупляются звѣрю на его изображеніи и вполнѣ основательно называются „десятью царями, которые еще не получили царства, но примутъ власть какъ цари“; ихъ число, заимствованное изъ видѣнія Даніила, конечно, не должно быть принимаемо въ точности. Когда Іоаннъ говоритъ объ уголовныхъ наказаніяхъ, къ которымъ были присуждены праведные люди, онъ разумѣетъ приговоры судовъ вызванные отказомъ поклонятъся изображенію императора, какъ они описаны въ посланіяхъ Плинія [гл. 13, 15: ποιήσῃ ἵνα ὅσοι ἐὰν μὴ προσκυνήσωσιν τὴν εἰκόνα τοῦ θηρίου ἀποκτανθῶσιν; сравн. 6, 9. 20, 4]. Когда указывается на то, что эти уголовные приговоры приводятсяв исполненіе очень часто въ Римѣ [гл. 17, 6. 18, 24], то здѣсь разумѣется исполненіе приговоровъ путемъ борьбы на смерть съ людьми или съ звѣрями, а для такой борьбы нерѣдко не было нужныхъ условій тамъ, гдѣ находился судъ и она, какъ извѣстно, всего чаще происходила въ Римѣ [Modestinus Dig. 48, 19, 31]; Нероновскія казни за мнимый поджогъ вовсе не принадлежатъ къ числу религіозныхъ уголовныхъ дѣлъ и только предвзятое мнѣніе могло относить исключительно или преимущественно

Клавдій и Іудеи.—Правительство Клавдія склонялось въ обѣ стороны на тотъ путь, по которому шолъ Тиверій. Въ Италіи возобновилось если не совершенное изгнаніе Іудеевъ,—такъ какъ уже всѣ убѣдились, что такая мѣра была неисполнима,—то воспрещеніе сообща исполнять требованія ихъ культа[1]), что конечно сводилось почти къ тому-же и было такъ-же неисполнимо. Наряду съ этимъ эдиктомъ, внушоннымъ религіозною нетерпимостью, было сдѣлано по всей имперіи распоряженіе въ противоположномъ духѣ: Іудеи были освобождены отъ исполненія тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя были несовмѣстимы съ ихъ религіозными убѣжденіями; этимъ сдѣлана была уступка, главнымъ образомъ касательно военной службы, только въ томъ, чего до тѣхъ поръ никакъ нельзя было достигнуть силой. Въ концѣ этого распоряженія правительство обращалось къ Іудеямъ съ увѣщаніемъ, чтобъ и они впредь были болѣе умѣренны въ своемъ поведеніи и воздерживались отъ оскорбленія иновѣрцевъ, а это служитъ доказательствомъ того, что и со стороны Іудеевъ не было недостатка въ насиліяхъ. Въ Египтѣ, точно такъ-же, какъ и въ Палестинѣ, были возстановлены,—по меньшей мѣрѣ въ общихъ чертахъ,—тѣ-же религіозные порядки, какіе существовали до Гайя,

---

къ этимъ событіямъ ту пролитую въ Римѣ кровь мучениковъ, о которой говоритъ Іоаннъ. Ходячія представленія о такъ-называемыхъ преслѣдованіяхъ христіанъ невѣрны вслѣдствіе незнакомства съ существовавшими въ римской имперіи судебными правилами и судебной практикой; на самомъ дѣлѣ преслѣдованіе христіанъ не прекращалось точно такъ-же, какъ не прекращалось преслѣдованіе разбойниковъ, только распоряженія этого рода исполнялись иногда болѣе мягко или небрежно, а иногда болѣе строго, а однажды даже были особенно строго исполняемы вслѣдствіе приказаній свыше. Слова „война противъ святыхъ людей“ были вставлены позднѣйшими святыми, которыхъ не удовлетворяли выраженія Іоанна [гл. 13, 7]. Апокалипсисъ служитъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ національной и религіозной ненависти Іудеевъ къ западному режиму; но тѣ, которые, подобно Ренану, стараются придать наводящему ужасъ Нероновскому роману вышеуказанную окраску, или извращаютъ факты или умаляютъ ихъ значеніе. Народная іудейская ненависть, чтобъ возникнуть, не дожидалась завоеванія Іерусалима и, какъ слѣдовало ожидать, не дѣлала никакого различія между хорошими и дурными Цезарями; хотя въ апокалипсисѣ анти-мессія и называется Нерономъ, но онъ могъ-бы также называться Веспасіаномъ или Маркомъ.

[1]) Светоній [Claud. 25] говоритъ, что зачинщикомъ постоянныхъ смутъ въ Римѣ, которыми главнымъ образомъ и была вызвана эта мѣра [по его словамъ—изгнаніе изъ Рима, въ противоположность тому, что говоритъ Діонъ 60, 6] былъ нѣкій Chrestus; это считалось,—безъ достаточнаго основанія,—за неправильное пониманіе того движенія, которое было вызвано Христомъ въ средѣ Іудеевъ и ихъ единовѣрцевъ. Исторія апостольскихъ дѣяній [18, 2] говоритъ только объ изгнаніи Іудеевъ. Вообще, не подлежитъ сомнѣнію, что при томъ положеніи, въ которомъ находились въ ту пору христіане по отношенію къ Іудеямъ, и на нихъ распространялось дѣйствіе эдикта.

хотя въ Александріи Іудеи едва-ли получили обратно то, чѣмъ прежде владѣли [1]); возстанія, вспыхнувшія или готовившіяся вспыхнуть, тогда утихли и тутъ и тамъ сами собою. Въ Палестинѣ Клавдій даже зашолъ далѣе того, что входило въ систему Тиверія и снова передалъ всѣ прежнія владѣнія Ирода туземному царю, — ранѣе упомянутому Агриппѣ, который былъ также въ дружбѣ съ Клавдіемъ и былъ для него полезенъ во время кризиса, предшествовавшаго его вступленію на престолъ. Клавдій, безъ сомнѣнія, намѣревался снова принять за руководство ту систему, которой римское правительство держалось во времена Ирода, и устранить отъ себя опасность непосредственныхъ соприкосновеній между Римлянами и Іудеями. Но Агриппа былъ человѣкъ легкомысленный и никогда не выходившій изъ денежныхъ затрудненій,—впрочемъ добродушный и заботившійся не столько о томъ, какъ угодить жившему вдалекѣ покровителю, сколько о томъ, какъ угодить своимъ подданнымъ; поэтому онъ неоднократно навлекалъ на себя неудовольствіе римскаго правительства, какъ напримѣръ тѣмъ, что укрѣпилъ іерусалимскія стѣны, между тѣмъ какъ ему было запрещено ихъ расширять, а стоявшіе за Римлянъ города Кесарія и Себастъ, равно какъ организованныя по-римски войска питали къ нему нерасположеніе. Когда онъ внезапно умеръ въ 44 году, правительство не рѣшалось ввѣрить его единственному семнадцатилѣтнему сыну столь важный и въ политическомъ и въ военномъ отношеніи постъ, а вліятельные въ правительственныхъ сферахъ люди не желали выпускать изъ своихъ рукъ доходныя прокураторскія мѣста. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, правительство Клавдія нашло настоящій путь, но не имѣло достаточно энергіи, чтобъ держаться его не смотря ни на какія побочныя соображенія. Іудейскій царь могъ-бы при помощи іудейскихъ солдатъ управлять Іудеей вмѣсто Римлянъ; римскія должностныя лица и римскіе солдаты оскорбляли іудейскія вѣрованія, вѣроятно, чаще по незнанію, чѣмъ намѣренно; все, чтобы они ни предпринимали, было обидой для вѣрующихъ и самая ничтожная неосмотрительность считалась посягательствомъ на іудейскую религію. Каждая изъ двухъ сторонъ требовала отъ другой пониманія ея собственныхъ интересовъ и старанія съ ними уживаться, — что было вполнѣ основательно и совершенно неисполнимо. Но важнѣе всего было то, что имперія была равнодушна ко всякому столкно-

[1]) По меньшей мѣрѣ есть основаніе думать, что Іудеи впослѣдствіи владѣли тамъ только четвертымъ изъ пяти городскихъ кварталовъ [Josephus Bell. 2, 18, 8]. А если бы всѣ срытые до основанія 400 домовъ были имъ возвращены такимъ бросающимся въ глаза способомъ, то объ этомъ не умолчали-бы іудейскіе писатели Филонъ и Іосифъ, которые такъ настойчиво указывали на всякую милость, оказанную Іудеямъ императорами.

венію между мѣстнымъ іудейскимъ владѣтелемъ и его подданными, а всякое столкновеніе между Римлянами и Іудеями въ Іерусалимѣ расширяло ту пропасть, которая разверзалась между западными народами и жившими рядомъ съ ними Евреями; опасность заключалась не въ томъ, что происходило въ Палестинѣ, а въ томъ, что судьба включила въ составъ имперіи людей различныхъ національностей, которыя не могли уживаться одна съ другою.

Приготовленія къ возстанію. — Такимъ образомъ корабль неудержимо стремился къ пучинѣ. Въ этомъ направленіи его толкали впередъ всѣ участвовавшіе въ плаваніи — и римское правительство и его представители и іудейскія мѣстныя власти и іудейскій народъ. Правда, римское правительство постоянно обнаруживало готовность исполнять всѣ справедливыя и несправедливыя желанія Іудеевъ насколько было возможно. Когда римскій прокураторъ снова прибылъ въ 44 г. въ Іерусалимъ, у него были отняты и право назначать первосвященника и право завѣдывать храмовыми сокровищами; эти права прежде составляли принадлежность царской власти и обыкновенно переходили къ прокуратору, но теперь были переданы брату умершаго царя Агриппы, царю Ироду Халкидскому, а послѣ его смерти въ 48 г. перешли къ его преемнику, ранѣе упомянутому юному Агриппѣ. Одинъ римскій солдатъ, разорвавшій списокъ заповѣдей во время предписаннаго разграбленія одной іудейской деревни, былъ приговоренъ высшимъ римскимъ должностнымъ лицемъ, по жалобѣ Іудеевъ, къ смертной казни. Даже на высшихъ должностныхъ лицъ иногда обрушивалось всею своею тяжестью императорское правосудіе; когда два прокуратора сосѣднихъ провинцій вмѣшались въ раздоры, возникшіе между Самаритянами и Галилеями, и одинъ изъ нихъ принялъ сторону первыхъ, а другой сторону ихъ противниковъ, такъ что римскимъ солдатамъ пришлось сражаться другъ противъ друга, то императорскій намѣстникъ Сиріи Уммидій Квадратъ былъ отправленъ съ чрезвычайными полномочіями для совершенія суда и расправы, и дѣйствительно одинъ изъ виновныхъ былъ отправленъ въ ссылку, а римскій военный трибунъ по имени Целеръ былъ публично обезглавленъ въ самомъ Іерусалимѣ. Но наряду съ такими примѣрами строгости бывали примѣры и такой слабости, которая походила на соучастіе въ преступленіи; въ этомъ самомъ процессѣ, второй по меньшей мѣрѣ столько-же виновный прокураторъ Антоній Феликсъ избѣгнулъ наказанія, благодаря тому, что былъ братъ очень вліятельнаго дворцоваго служителя Палласа и тому, что былъ женатъ на сестрѣ царя Агриппы. Римскому правительству слѣдуетъ поставить въ вину еще не столько злоупотребленія нѣкоторыхъ администраторовъ, сколько то, что оно не увеличило въ такой ненадежной провинціи ни состава должностныхъ

лицъ ни стоявшихъ тамъ войскъ, и по прежнему набирало въ оккупаціонную армію рекрутъ среди мѣстнаго населенія. Правительство обнаружило въ этомъ случаѣ и крайнее неблагоразуміе и совершенно неумѣстную бережливость тѣмъ болѣе потому, что провинція была очень невелика объемомъ; еслибы оно своевременно употребило въ дѣло военную силу, способную сломить всякое сопротивленіе, еслибы оно дѣйствовало съ незнающей снисхожденія строгостью, назначило бы туда намѣстника высшаго ранга и поставило-бы тамъ легіонный лагерь, ни этой провинціи ни самой имперіи не пришлось-бы приносить столько жертвъ деньгами, людьми и честью.

Но вина самихъ Іудеевъ была по меньшей мѣрѣ такъ-же велика. Управленіе первосвященниковъ, которымъ римское правительство слишкомъ охотно давало полный просторъ во всемъ, что касалось внутреннихъ дѣлъ, никогда еще не было,—по сознанію іудейскихъ писателей,—такимъ насильственнымъ и гнуснымъ, какъ въ періодъ времени между смертію Агриппы и взрывомъ войны. Самымъ извѣстнымъ и самымъ вліятельнымъ между этими правителями духовнаго званія былъ сынъ Небедея Ананія, — «выбѣленная стѣна», какъ его назвалъ Павелъ, когда въ качествѣ духовнаго судьи приказалъ своимъ полицейскимъ служителямъ бить его по лицу за то, что онъ осмѣлился защищаться передъ судомъ. Его винили въ томъ, что онъ подкупилъ намѣстника и что онъ лишилъ низшее духовенство десятаго снопа, превратно истолковавъ въ выгодномъ для себя смыслѣ священное писаніе [1]). Онъ предсталъ передъ римскимъ судьей въ качествѣ главнаго виновника войны между Самаритянами и Галилеями. Эти подстрекатели народныхъ возстаній и судебныхъ приговоровъ надъ еретиками не могли мирно уладить несогласіе между иноземнымъ властителемъ и націей не потому, что въ высшихъ сферахъ преобладали безпощадные фанатики, а потому, что сами они утратили тотъ нравственный и религіозный авторитетъ, благодаря которому умѣренные люди въ прошлыя лучшія времена могли руководить народной толпой, и потому что они ложно понимали и употребляли во зло снисходительность римскихъ властей въ дѣлахъ внутренняго управленія. Подъ ихъ-то безобразнымъ режимомъ римскимъ должностнымъ лицамъ и предъявлялись самыя дикія и безразсудныя требованія и дѣло дошло до народныхъ волненій столько-же опасныхъ, сколько смѣшныхъ. Сюда слѣдуетъ отнести и ту штурмовую петицію, которая требовала смертной казни римскаго солдата, разорвавшаго списокъ заповѣдей, и достигла того, чего желала. Въ другой разъ народное волненіе, стоившее очень мно-

1) Дѣло, какъ кажется, шло о томъ, должна-ли уступка десятаго снопа священнику Аарону [Num. 18, 28] считаться уступкой въ пользу всѣхъ священниковъ вообще или же въ пользу первосвященника [Ewald jüd. Gesch. 6³, 635].

гимъ жизни, возникло оттого, что одинъ римскій солдатъ непристойнымъ образомъ оголилъ передъ храмомъ нѣкоторую часть своего тѣла. И лучшіе изъ іудейскихъ царей не были-бы въ состояніи совершенно прекратить такія сумасбродства; но даже самый ничтожный изъ этихъ царей не сталъ бы давать сборищамъ фанатиковъ такую волю, какую имъ давали эти первосвященники. — Все это неизбѣжно вело къ безпрестанному появленію новыхъ Маккавеевъ. Всѣ привыкли къ мысли, что война должна вспыхнуть въ 66 году; но съ такимъ же и даже съ большимъ основаніемъ можно было замѣнить этотъ годъ 44-мъ. Со смерти Агриппы оружіе не вкладывалось въ ножны въ Іудеѣ и рядомъ съ внутренними раздорами, разрѣшавшимися борьбой Іудеевъ съ Іудеями, шла непрерывная борьба римскихъ войскъ съ тѣми удалившимися въ горы людьми, которыхъ Іудеи называли ревнителями, а Римляне разбойниками. Оба эти названія были вѣрны; и въ этомъ случаѣ играли наряду съ фанатиками свою обычную роль тѣ элементы общества, которые состоятъ изъ людей или окончательно погибшихъ или стоящихъ на краю гибели — вѣдь однимъ изъ первыхъ дѣлъ, совершонныхъ тѣми ревнителями послѣ побѣды, было сожженіе хранившихся въ храмѣ долговыхъ обязательствъ. Всѣ самые дѣльные прокураторы, начиная съ перваго изъ нихъ Куспія Фада, старались очистить страну отъ этого люда, но эта гидра постоянно снова появлялась тамъ болѣе сильною, чѣмъ прежде. Преемникъ Фада, Тиверій Юлій Александръ, который самъ происходилъ отъ іудейской семьи и былъ племянникомъ ранѣе упомянутаго александрійскаго ученаго Филона, приказалъ распять на крестѣ двухъ сыновей Іуды Галилеянина, Якова и Симона; это было сѣменемъ, изъ котораго выросъ новый Маттаѳія. На городскихъ улицахъ патріоты громко проповѣдывали войну и многіе уходили вслѣдъ за ними въ пустыню; у людей миролюбивыхъ и благоразумныхъ, которые отказывали въ своемъ содѣйствіи, эти шайки жгли дома. Если эти бандиты иногда и попадались въ руки солдатъ, за то и они съ своей стороны уводили знатныхъ людей заложниками въ горы и нерѣдко случалось, что мѣстныя власти соглашались отпустить на волю бандитовъ для того, чтобъ спасти заложниковъ. Въ то-же время въ столицѣ взялись за свое страшное ремесло такъ-называемые «кинжальщики;» они убивали частію изъ-за денегъ, такъ какъ ихъ первой жертвой называютъ священника Іонаѳана, а тѣмъ, кто ихъ на это подкупилъ, римскаго прокуратора Феликса; но по мѣрѣ возможности они также убивали римскихъ солдатъ или расположенныхъ къ Римлянамъ жителей, такъ какъ выдавали себя за патріотовъ. При такомъ настроеніи умовъ развѣ могъ быть недостатокъ въ чудесахъ и въ предзнаменованіяхъ, и развѣ могъ быть недостатокъ въ такихъ людяхъ, которые, обманывая или самихъ себя или другихъ, старались этимъ

пособомъ фанатизировать толпу? При Куспіѣ Фадѣ, чудотворецъ Ѳевдъ привелъ своихъ приверженцевъ къ Іордану, увѣривши ихъ, что воды разступятся передъ ними и поглотятъ гнавшихся за ними римскихъ всадниковъ, какъ во времена царя Фараона; другой чудотворецъ, прозванный по имени своей отчизны Египтяниномъ, обѣщалъ, что стѣны Іерусалима разрушатся точно такъ же, какъ разрушились стѣны Іерихона при звукѣ трубъ Іисуса Навина; тогда 4000 кинжальщиковъ послѣдовали за нимъ до самой Масличной горы. Опасность заключалась именно въ такомъ безразсудствѣ. Бо̀льшая часть іудейскаго населенія состояла изъ простыхъ крестьянъ, которые въ потѣ лица воздѣлывали свои поля и выжимали изъ оливокъ масло, были болѣе поселяне чѣмъ горожане, не имѣли почти никакого образованія, но имѣли сильную вѣру, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ укрывавшимися въ горахъ шайками вольныхъ людей и такъ же глубоко̀ чтили Іегову и его іерусалимскихъ священниковъ, какъ глубоко ненавидѣли нечестивыхъ иноземцевъ. Это не была война между двумя державами изъ-за владычества, это даже не была война угнетенныхъ съ угнетателями изъ-за возстановленія утраченной свободы; не отважные государственные люди [1]), а фанатическіе крестьяне и начали ее и вели ее и поплатились за нее своею

[1]) Ничѣмъ инымъ, какъ сумасбродствомъ, слѣдуетъ считать высказанное государственнымъ мужемъ Іосифомъ [въ его предисловіи къ исторіи этой войны] мнѣніе, будто палестинскіе Іудеи расчитывали съ одной стороны на возстаніе въ при-евфратскихъ странахъ, съ другой на волненія въ Галліи, на угрожающее положеніе Германцевъ и на тѣ внутренніе кризисы, которыми ознаменовался тотъ годъ, когда въ имперіи было четыре императора. Іудейская война уже давно была въ полномъ ходу, когда Виндексъ возсталъ противъ Нерона, а друиды дѣйствительно сдѣлали то, что Іосифъ приписываетъ раввинамъ; какимъ-бы вліяніемъ ни пользовалась іудейская діаспора въ при-евфратскихъ странахъ, предпринять оттуда іудейскую экспедицію противъ находившихся на востокѣ Римлянъ было почти такъ-же немыслимо, какъ предпринять такую экспедицію изъ Египта и изъ Малой Азіи. Правда, оттуда пришло къ Іудеямъ нѣсколько добровольцевъ, такъ напримѣръ къ нимъ пришли на помощь царскіе сыновья изъ ревностно преданнаго іудейству царскаго дома Адіабены [Josephus, Bell. 2, 19, 2. 6, 6, 4], а инсургенты отправляли туда пословъ съ просьбами о помощи [тамъ-же 6, 6, 2]; но даже деньги едва-ли присылались оттуда Іудеямъ въ значительномъ количествѣ. То, что говоритъ Іосифъ, характеризуетъ не столько войну, сколько самого автора. Намъ не трудно понять, почему вождь іудейскихъ инсургентовъ, впослѣдствіи превратившійся въ царедворца Флавіевъ, охотно сталъ на одной ногѣ съ интернированными въ Римѣ Пареянами; но мы не можемъ извинить новѣйшихъ историковъ, которые идутъ тою-же дорогой и, стараясь выдавать эти событія за составную часть римской придворной или городской исторіи или даже за составную часть римско-пареянской борьбы, скрываютъ отъ нашихъ глазъ роковую неизбѣжность трагической развязки тѣмъ, что безъ всякаго основанія вставляютъ въ нее такъ-называемую „высшую политику“.

кровью. Это былъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи національной ненависти; обѣ стороны, по видимому, сознавали, что долѣе уживаться невозможно и у каждой изъ нихъ было на умѣ совершенное истребленіе противниковъ.

Взрывъ возстанія въ Кесаріи.—Отъ стычекъ дѣло дошло до настоящей войны вслѣдствіе волненій, вспыхнувшихъ въ Кесаріи. Въ этой коренной греческой городской общинѣ, которая была впослѣдствіи переустроена Иродомъ по образцу Александровыхъ колоній и сдѣлалась первымъ портовымъ городомъ Палестины, жили Греки и Іудеи безъ различія національности и религіи, пользуясь одинакими гражданскими правами; но послѣдніе превосходили первыхъ и числомъ и размѣрами собственности. Но тамошніе Эллины — по примѣру жителей Александріи и, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ совершившихся тамъ въ 38 г. событій, — оспаривали у іудейскихъ членовъ общины гражданскія права путемъ жалобъ высшимъ властямъ. Министръ Нерона [1]), Бурръ († 62) призналъ ихъ жалобы основательными. Могло бы показаться страннымъ, что гражданскія права дѣлались привилегіей Эллиновъ въ такомъ городѣ, который стоялъ на іудейской землѣ и былъ созданъ іудейскимъ правительствомъ; но не слѣдуетъ позабывать того, какъ Іудеи относились именно въ ту пору къ Римлянамъ и какъ этимъ послѣднимъ было желательно превратить въ чисто-эллинскую городскую общину городъ, который служилъ столицей и главной квартирой для римской провинціи. Упомянутое рѣшеніе, понятно, вызвало большіе уличные безпорядки, причемъ надменность Эллиновъ и заносчивость Іудеевъ, по видимому, почти уравновѣшивались въ борьбѣ изъ-за доступа въ синагогу; но въ дѣло вмѣшались римскія власти и, само собою разумѣется, не въ пользу Іудеевъ. Эти послѣдніе покинули городъ; но намѣстникъ принудилъ ихъ возвратиться и они были всѣ перебиты въ уличной свалкѣ (6 авг. 66 г.). Правительство, конечно, этого не приказывало и, безъ сомнѣнія, этого не желало; но оно уже не было въ состояніи сдерживать разнузданныя страсти.

Взрывъ возстанія въ Іерусалимѣ.—Между тѣмъ какъ въ Кесаріи нападающими были враги Іудеевъ, въ Іерусалимѣ нападающими были сами Іудеи. Впрочемъ заступники Іудеевъ утверждаютъ, при описаніи этихъ событій, что тогдашній прокураторъ Палестины Гессій Флоръ, желая избѣжать доносовъ на совершонныя имъ злоупотреб-

---

[1]) Іосифъ [Ant. 20, 8, 9] говоритъ, что онъ былъ секретаремъ при Неронѣ для греческой корреспонденціи, хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ придерживается римскихъ источниковъ, онъ правильно называетъ Бурра префектомъ [20, 8, 2]; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ разумѣетъ Бурра, который называется у него Παιδαγωγός точно такъ-же, какъ у Тацита [Ann. 13, 2] онъ называется rector imperatoriae iuventae.

ленія, постарался вызвать возстаніе путемъ такихъ притѣсненій, которыхъ не было возможности выносить; и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тогдашніе намѣстники далеко заходили за обычные предѣлы низостей и притѣсненій. Но если Флоръ дѣйствительно стремился къ такой цѣли, то онъ ея не достигъ, такъ какъ (по словамъ тѣхъ-же вышеупомянутыхъ писателей) самые благоразумные и самые зажиточные изъ Іудеевъ, а вмѣстѣ съ ними и находившійся въ то время въ Іерусалимѣ царь Агриппа II, которому было ввѣрено завѣдываніе храмомъ (онъ уже успѣлъ промѣнять владѣніе Халкидой на владѣніе Батанеей), умѣли успокоить умы народа, такъ что и уличныя сборища и принятыя противъ нихъ мѣры не вышли изъ тѣхъ предѣловъ, которыхъ они не переступали въ теченіе многихъ лѣтъ. Но успѣхи іудейской теологіи были опаснѣе и уличныхъ волненій и жившихъ въ горахъ разбойниковъ-патріотовъ. Въ болѣе раннюю пору своего существованія іудейство великодушно растворяло врата своей религіи передъ иноземцами; хотя во внутренность храма допускались только настоящіе вѣрующіе, но всякій, кто держался заповѣдей Моисеевыхъ, могъ входить безъ всякихъ затрудненій во внѣшнія галлереи и даже не-Іудеямъ дозволялось молиться тамъ Іеговѣ и совершать жертвоприношенія. Такимъ образомъ тамъ ежедневно приносились жертвы за римскаго императора вслѣдствіе назначенія на этотъ предметъ особыхъ суммъ Августомъ,—какъ уже было ранѣе о томъ упомянуто (стр. 503). Эти жертвоприношенія отъ не-Іудеевъ воспретилъ завѣдывавшій въ ту пору храмомъ сынъ вышеупомянутаго первосвященника Ананіи, Элеазаръ,—знатный и легко увлекавшійся страстями юноша, безупречно честный и храбрый и въ этомъ отношеніи представлявшій совершенную противоположность съ своимъ отцомъ, но болѣе опасный своими добродѣтелями, чѣмъ тотъ своими пороками. Тщетно доказывали ему, что эта мѣра была столько-же оскорбительна для Римлянъ, сколько опасна для страны, и что она противорѣчитъ установившимся обычаямъ; и это усовершенствованіе благочестія и это недопущеніе владѣтеля страны къ богослуженію остались въ силѣ. Вѣрующіе Іудеи уже давно раздѣлились на тѣхъ, которые возлагали все свое упованіе на одного Бога Саваоѳа и были готовы выносить римское владычество, пока онъ не соблаговолитъ осуществить на землѣ царство небесное, и на людей болѣе практичныхъ, которые намѣревались собственноручно основать это царство небесное и были увѣрены, что въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ имъ будетъ помогать повелитель небесныхъ бранныхъ силъ, —короче говоря, раздѣлились на Фарисеевъ и Зелотовъ. Число и вліяніе этихъ послѣднихъ постоянно возрастали. Было найдено древнее изреченіе, что именно около этого времени появится въ Іудеѣ человѣкъ, который пріобрѣтетъ владычество надъ всѣмъ міромъ; этому вѣрили тѣмъ охотнѣе, что это было до крайности нелѣпо, и это предсказаніе не мало содѣйствовало тому, что фанатизмъ въ средѣ народныхъ массъ усилился.

Люди умѣренной партіи поняли, какъ велика опасность и рѣшились дѣйствовать противъ фанатиковъ силой; они обратились къ находившимся въ Кесаріи Римлянамъ и къ царю Агриппѣ съ просьбами о присылкѣ войскъ. Изъ Кесаріи не было подано никакой помощи, а Агриппа прислалъ нѣсколькихъ всадниковъ. Напротивъ того патріоты и кинжальщики массами устремились въ городъ, а самымъ свирѣпымъ между ними былъ одинъ изъ сыновей не разъ упомянутаго Іуды Галилеянина, Манагимъ. Сила была на ихъ сторонѣ, и скоро весь городъ оказался въ ихъ рукахъ. Кучка римскихъ солдатъ, стоявшихъ гарнизономъ въ замкѣ, который примыкалъ къ храму, не долго сопротивлялась и была перебита. Такъ-же непродолжительна была оборона сосѣдняго царскаго дворца и принадлежавшихъ къ нему чрезвычайно сильно укрѣпленныхъ башенъ, гдѣ засѣли приверженцы умѣренной партіи, немногочисленные Римляне, находившіеся подъ начальствомъ трибуна Метилія, и солдаты Агриппы. Вслѣдствіе выраженной этими послѣдними готовности сдаться на капитуляцію, имъ было дозволено удалиться, но Римлянамъ было въ этомъ отказано; когда наконецъ и Римляне согласились сдаться, положившись на обѣщаніе, что ихъ не лишатъ жизни, они были сначала обезоружены, а потомъ всѣ перебиты за исключеніемъ только одного офицера, который далъ обѣщаніе, что позволитъ совершить надъ собою обрядъ обрѣзанія, и былъ помилованъ въ качествѣ Іудея. И вожаки умѣренныхъ, въ томъ числѣ отецъ и братъ Элеазара, пали жертвами народной ярости, которая разражалась надъ приверженцами Римлянъ еще съ бо́льшею злобой, чѣмъ надъ самими Римлянами. Элеазаръ самъ былъ испуганъ своимъ успѣхомъ; между двумя вождями фанатиковъ, Элеазаромъ и Манагимомъ дѣло дошло послѣ одержанной побѣды до кровопролитной схватки, быть можетъ, по поводу нарушенія капитуляціи; Манагимъ былъ схваченъ и казненъ. Но святой городъ былъ свободенъ и стоявшій въ Іерусалимѣ римскій отрядъ былъ истребленъ; новые Маккавеи, подобно старымъ, вышли изъ борьбы побѣдителями.

Война съ Іудеями принимаетъ болѣе широкіе размѣры. — Такимъ образомъ, какъ увѣряютъ, въ одинъ и тотъ-же день 6 августа 66 года, кесарійскіе не-Іудеи перебили Іудеевъ, а іерусалимскіе Іудеи перебили не-Іудеевъ, и этимъ былъ съ обѣихъ сторонъ поданъ сигналъ къ продолженію такого патріотическаго и богоугоднаго дѣла. Въ сосѣднихъ съ Кесаріей греческихъ городахъ Эллины отдѣлались отъ іудейскихъ общинъ такимъ-же способомъ, какъ и Кесарійцы. Такъ напримѣръ въ Дамаскѣ всѣ Іудеи сначала были заперты внутри гимнастическаго училища, а потомъ, по полученіи извѣстія о какой-то неудачѣ, постигшей римское оружіе, всѣ они были изъ предосторожности перебиты. То-же или нѣчто подобное случилось въ

Аскалонѣ, въ Скитополѣ, въ Гиппосѣ, въ Гадарѣ и повсюду, гдѣ превосходство силы было на сторонѣ Эллиновъ. Во владѣніяхъ Агриппы, населенныхъ преимущественно Сирійцами, энергическое заступничество самого царя спасло жизнь Іудеямъ, жившимъ въ Кесаріи Панеадѣ, и многимъ другимъ. Въ Сиріи послѣдовали примѣру Кесаріи Птолемаида, Тиръ и болѣе или менѣе остальныя греческія общины; только оба большихъ и цивилизованныхъ города—Антіохія и Апамея, равно какъ Сидонъ, составили исключеніе. Благодаря этому, движеніе не перешло въ переднюю Азію. Въ Египтѣ дѣло дошло не только до народнаго мятежа, потребовавшаго многочисленныхъ жертвъ, но даже до того, что александрійскіе легіоны были вынуждены напасть на Іудеевъ.—Натуральнымъ послѣдствіемъ этого избіенія Іудеевъ было то, что побѣдоносное іерусалимское возстаніе тотчасъ распространилось по всей Іудеѣ и что было быстро и съ энергіей приступлено къ организаціи возстаній повсюду, гдѣ меньшинству приходилось выносить такія-же насилія.

Безуспѣшная экспедиція Цестія Галла. — Было необходимо какъ можно скорѣе принять рѣшительныя мѣры и воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію возстанія; при первомъ извѣстіи о случившемся, римскій намѣстникъ Сиріи Гай Цестій Галлъ выступилъ во главѣ своихъ войскъ противъ инсургентовъ. Онъ велъ съ собою 20.000 римскихъ солдатъ и 13.000, доставленныхъ вассальными владѣтелями, не считая многочисленныхъ сирійскихъ ополченій; онъ завладѣлъ Яффой, всѣ граждане которой были перебиты, и уже въ сентябрѣ стоялъ не только передъ Іерусалимомъ, но и въ самомъ городѣ. Но онъ не былъ въ состояніи разрушить крѣпкія стѣны царскаго дворца и храма и не воспользовался неоднократно представлявшимся случаемъ завладѣть всѣмъ городомъ при помощи партіи умѣренныхъ. Оттого-ли, что цѣль была недостижима или оттого, что она была ему не по силамъ, онъ скоро снялъ осаду и даже поплатился за торопливое отступленіе потерей своего багажа и гибелью своего арьергарда. Послѣ того вся Іудея, со включеніемъ Идумеи и Галилеи, или осталась въ рукахъ ожесточенныхъ Іудеевъ, или перешла въ ихъ руки; къ ней былъ принужденъ примкнуть и тотъ округъ, въ которомъ жили Самаритяне. Населенные преимущественно Эллинами, приморскіе города Анѳедонъ и Газа были разрушены; Кесарія и другіе греческіе города съ трудомъ устояли. Если возстаніе не распространилось за предѣлы Палестины, виною этого было не правительство, а національное отвращеніе Сиро-Эллиновъ къ Іудеямъ.

Война Веспасіана съ Іудеями.—Римское правительство принялось за это дѣло такъ серьезно, какъ того требовали обстоятельства. Въ замѣнъ прокуратора въ Палестину былъ посланъ императорскій легатъ Титъ Флавій Веспасіанъ—осмотрительный человѣкъ и опытный

военачальникъ. Для веденія войны ему были даны два западныхъ легіона, случайно еще находившихся въ Азіи вслѣдствіе участія въ войнѣ съ Пареянами, и тотъ сирійскій легіонъ, который всѣхъ менѣе пострадалъ во время неудачной экспедиціи Цестія, между тѣмъ какъ сирійская армія подъ начальствомъ новаго намѣстника Гайя Лицинія Муціана (Галлъ своевременно умеръ) сохранила свой прежній составъ благодаря присоединенію къ ней другаго легіона [1]). Къ

[1]) Для насъ не вполнѣ ясно, какъ была разставлена въ Сиріи оккупаціонная армія, послѣ того какъ въ 63 году окончилась война съ Пареянами. По окончаніи этой войны на востокѣ стояли семь легіоновъ, четыре и прежде того стоявшіе въ Сиріи 3. Gallica, 6. Ferrata, 10. Fretensis, 12. Fulminata, и три приведенные съ запада 4. Scythica изъ Мезіи [стр. 187], 5. Macedonica вѣроятно оттуда-же [стр. 193; въ замѣнъ его былъ отправленъ въ Мезію одинъ изъ верхне-германскихъ легіоновъ: стр. 113], 15. Apollinaris изъ Паннонія [стр. 193]. Такъ какъ въ ту пору легіоны не стояли ни въ одной изъ азіятскихъ провинцій, за исключеніемъ Сиріи, а намѣстникъ Сиріи, конечно, никогда не имѣлъ въ мирное время въ своемъ распоряженіи болѣе четырехъ легіоновъ, то слѣдуетъ полагать или, что сирійская армія была тогда вновь низведена до своихъ прежнихъ размѣровъ или, что ей предстояло быть низведенной до этихъ размѣровъ. Четыре легіона, которые должны были оставаться послѣ того въ Сиріи, были четыре прежнихъ сирійскихъ легіона, какъ это видно изъ слѣдующихъ фактовъ: 3-й выступилъ въ 70 году именно изъ Сиріи въ Мезію [Sueton. Vesp. 6; Tacitus, Hist. 2, 74], а то, что легіоны 6-ой, 10-ый и 12-ый входили въ составъ арміи Цестія, видно изъ словъ Іосифа, Bell. 2, 18, 9. гл. 19, 7. 7, 1, 3. Когда вслѣдъ за тѣмъ вспыхнула война съ Іудеями, въ Азію были назначены снова семь легіоновъ, а именно четыре въ Сирію [Tacitus, Hist. 1, 10], три въ Палестину; тремя прибавленными легіонами были именно тѣ, которые участвовали въ войнѣ съ Пареянами— 4-ый, 5-ый и 15-ый, которые, быть можетъ, находились въ ту пору на возвратномъ пути къ своимъ прежнимъ стоянкамъ. Изъ нихъ 4-ый, по всему вѣроятію, былъ въ ту пору окончательно переведенъ въ Сирію, гдѣ впредь и оставался; въ замѣнъ его, сирійская армія отдала Веспасіану 10-ый легіонъ, вѣроятно, потому, что онъ пострадалъ менѣе другихъ во время кампаніи Цестія. Сверхъ того Веспасіанъ получилъ легіоны 5-ый и 15-ый. Легіоны 5-ый и 10-ый прибыли изъ Александріи [Josephus, Bell. 3, 1, 3. гл. 4, 2]; но нѣтъ возможности допустить, что они были приведены изъ Египта, не только потому, что 10-ый принадлежалъ къ числу сирійскихъ, но главнымъ образомъ потому, что Іосифъ не могъ такъ описывать сухопутный переходъ изъ Александріи на Нилѣ въ Птолемаиду сквозь возставшую страну въ самомъ началѣ войны съ Іудеями. Напротивъ того, Титъ отправился моремъ изъ Ахаіи въ Александрію, что у Исскаго залива [теперешнюю Александретту] и оттуда перевезъ оба легіона въ Птолемаиду. Легіонъ 15-ый, быть можетъ, получилъ предписаніе о выступленіи въ походъ гдѣ-нибудь въ Малой Азіи, такъ какъ Веспасіанъ высадился именно въ Сиріи для того, чтобъ принять его подъ свое начальство [Josephus, Bell. 3, 1. 3]. Къ этимъ тремъ легіонамъ, съ которыми Веспасіанъ началъ войну, присоединился еще одинъ изъ сирійскихъ легіоновъ 12-ый, находившійся подъ начальствомъ Тита. Изъ

этой римской арміи и къ состоявшимъ при ней вспомогательнымъ отрядамъ присоединились прежняя аккупаціонная армія Палестины и войска четырехъ вассальныхъ царей—коммагенскаго, эмезскаго, іудейскаго и набатейскаго, такъ что она доходила числомъ до 50,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 15,000 царскихъ солдатъ [1]. Эта армія собралась весной 67 года подлѣ Птолемаиды и затѣмъ вступила въ Палестину. Послѣ того какъ инсургенты были отражены стоявшимъ въ городѣ Аскалонѣ слабымъ римскимъ гарнизономъ, они болѣе не нападали на города, стоявшіе на сторонѣ Римлянъ; во внезапномъ прекращеніи наступательныхъ военныхъ дѣйствій выразилось овладѣвшее ими сознаніе, что для нихъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ. Когда Римляне стали дѣйствовать наступательно, инсургенты ни разу не оказали имъ сопротивленія въ открытомъ полѣ, даже ни разу не попытались притти на помощь къ которому-нибудь изъ городовъ, подвергшихся нападенію Римлянъ. Осмотрительный римскій главнокомандующій не раздѣлялъ своей арміи на отдѣльные отряды и по меньшей мѣрѣ свои три легіона постоянно держалъ при себѣ. Тѣмъ не менѣе онъ встрѣчалъ почти повсюду упорное сопротивленіе, вслѣдствіе того, что немногочисленные фанатики наводили страхъ на мѣстное населеніе и

четырехъ легіоновъ, взявшихъ Іерусалимъ, на востокѣ остались тѣ два, которые прежде того стояли въ Сиріи—10-ый остался въ Іудеѣ, 12-ый въ Каппадокіи, между тѣмъ какъ 5-ый возвратился въ Мезію, а 15-ый въ Паннонію [Josephus, Bell. 7, 1, 3. гл. 5, 3].

1) Къ тѣмъ тремъ легіонамъ принадлежали 5 алъ и 18 когортъ и палестинская армія, состоявшая изъ одной алы и 5 когортъ. Стало быть въ этихъ вспомогательныхъ войскахъ насчитывалось 3000 человѣкъ въ алахъ и [такъ какъ изъ 23 когортъ десять состояли изъ 1000 человѣкъ каждая, тринадцать изъ 720 человѣкъ каждая или вѣрнѣе только изъ 480—потому, что вмѣсто страннаго выраженія ἑξακοσίους слѣдовало-бы ожидать τριακοσίους ἑξάκοντα] 16.240 [или, если считать въ когортахъ по 720 челов., 19,360] въ когортахъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить около 1000 всадниковъ отъ четырехъ царей, 5000 арабскихъ всадниковъ, и около 2000 стрѣлковъ изъ лука, приведенныхъ остальными тремя царями. Все это составляетъ,—если полагать на каждый легіонъ по 6000 челов.,—52.240 чел., стало быть около 60,000 чел., какъ говоритъ Іосифъ [Bell. 3, 4, 2]. Такъ какъ здѣсь численный составъ всѣхъ отрядовъ опредѣленъ въ самомъ высшемъ нормальномъ размѣрѣ, то слѣдуетъ полагать, что вся армія въ совокупности едва-ли достигала 50,000. Эти вычисленія Іосифа въ сущности столько-же достойны довѣрія, какъ его вычисленія состава Цестіевой арміи, Bell. 2, 18, 9; напротивъ того, тѣ цифры, которыя онъ приводитъ на основаніи народной переписи, такъ преувеличены, что въ маленькой галилейской деревушкѣ оказывается 15.000 жителей [Bell. 3, 3, 2], и потому такъ-же негодны для исторіи, какъ цифры Фальстафа. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напримѣръ при описаніи осады Іотапаты, можно догадаться, что цифры заимствованы изъ оффиціальныхъ донесеній.

тѣмъ держали его въ своихъ рукахъ; поэтому военныя дѣйствія были и неблестящи и мѣшкотны. Веспасіанъ ограничился въ свою первую кампанію (67 г.) тѣмъ, что завладѣлъ крѣпостями небольшой галилейской страны и морскимъ берегомъ вплоть до Аскалона; передъ однимъ городкомъ Іотапатой три легіона простояли сорокъ пять дней. Въ теченіе зимы 67/8 года одинъ легіонъ стоялъ въ Скитополѣ на южной границѣ Галилеи, а два остальныхъ стояли въ Кесаріи. Между тѣмъ въ самомъ Іерусалимѣ политическія партіи пришли въ столкновеніе между собою и вступили въ горячую борьбу; хорошіе патріоты, заботившіеся между прочимъ и объ общественномъ порядкѣ, и еще лучшіе патріоты, пользовавшіеся режимомъ террора частію для того, чтобъ разжигать фанатизмъ, частію для того, чтобъ вводить владычество черни, сражались одни съ другими на городскихъ улицахъ и сходились только въ томъ, что всякая попытка примириться съ Римлянами считалась преступленіемъ, достойнымъ смертной казни. Римскаго главнокомандующаго неоднократно приглашали воспользоваться этими внутренними раздорами, но онъ остался при своемъ намѣреніи подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ. Во второмъ году войны онъ прежде всего занялъ за-іорданскую область, а именно важные города Гадару и Геразу, и за тѣмъ сталъ подлѣ Эммауса и Іерихона, откуда отправилъ войска для занятія на югѣ Идумеи, на сѣверѣ Самаріи, такъ что лѣтомъ 68 года Іерусалимъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Пріостановка военныхъ дѣйствій.—Въ ту минуту, какъ должна была начаться осада, пришло извѣстіе о смерти Нерона. По закону, со смертью императора прекращались данныя имъ легату полномочія, и Веспасіанъ, который былъ въ политическихъ дѣлахъ такъ же осмотрителенъ, какъ и въ военныхъ, пріостановилъ военныя дѣйствія до полученія новыхъ приказаній. Прежде, нежели эти приказанія получились отъ Гальбы, протекло хорошее время года. Когда наступила весна 69 года, Гальба уже былъ низложенъ и еще оставалась нерѣшительной борьба между императоромъ римскихъ тѣлохранителей и императоромъ рейнской арміи. Только послѣ побѣды Вителлія, въ іюнѣ 69 года, Веспасіанъ приступилъ къ дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ и занялъ Гебронъ; но вскорѣ послѣ того всѣ восточныя арміи отказались отъ повиновенія Вителлію и провозгласили императоромъ легата Іудеи. Хотя позиціи, занятыя подлѣ Эммауса и Іерихона, и были удержаны, но подобно тому, какъ германскіе легіоны оставили Рейнъ безъ всякой охраны для того, чтобъ возвести на престолъ своего главнокомандующаго, и лучшая часть палестинской арміи частію двинулась въ Италію подъ начальствомъ легата Сиріи Муціана, частію направилась вмѣстѣ съ новымъ императоромъ и его сыномъ Титомъ въ Сирію и далѣе въ

Египетъ, и только въ концѣ 69 года, когда окончилась война изъ-за верховной власти и Веспасіанъ былъ признанъ во всей имперіи властителемъ, онъ поручилъ своему сыну довести до конца іудейскую войну.

Походъ Тита на Іерусалимъ.—Такимъ образомъ инсургенты были полными хозяевами въ Іерусалимѣ съ лѣта 66 года до весны 70 года. Все, что̀ обрушилось въ эти четыре ужасныхъ года на іудейскую націю вслѣдствіе соединенія религіознаго фанатизма съ національнымъ, вслѣдствіе благороднаго желанія не пережить гибель своего отечества, вслѣдствіе сознанія совершонныхъ преступленій и неизбѣжности наказанія, вслѣдствіе страннаго сочетанія всѣхъ самыхъ благородныхъ и всѣхъ самыхъ низкихъ страстей,—все это представляется намъ ужаснымъ главнымъ образомъ потому, что иноземцы были при этомъ только зрителями, а все зло исходило непосредственно отъ однихъ Іудеевъ и пострадали они одни. Ревнители призвали къ себѣ на помощь дикихъ и фанатическихъ обитателей идумейскихъ селеній и скоро (въ концѣ 68 г.) осилили умѣренную партію, а ея вождей перебили. Съ тѣхъ поръ они сдѣлались полными хозяевами, и всѣ узы гражданскія, религіозныя и нравственныя были расторгнуты. Рабамъ была дана свобода, первосвященникъ назначался по жребію, церковные уставы попирались ногами и предавались осмѣянію тѣми самыми фанатиками, для которыхъ храмъ служилъ крѣпостью, плѣнники умерщвлялись внутри тюремъ, и подъ угрозой смертной казни было запрещено погребать убитыхъ. Стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ вожди инсургентовъ сражались другъ съ другомъ; то были: Іоаннъ изъ Гискалы, съ своимъ отрядомъ, приведеннымъ изъ Галилеи; Симонъ, сынъ Гіоры, изъ Геразы, стоявшій во главѣ сформировавшагося на югѣ отряда патріотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ незахотѣвшихъ повиноваться Іоанну Идумеевъ; Элеазаръ, сынъ Симона, бывшій однимъ изъ передовыхъ бойцовъ во время борьбы съ Цестіемъ Галломъ. Первый изъ нихъ засѣлъ въ храмовой галлереѣ, второй въ городѣ, третій внутри храма въ Святой Святыхъ, и борьба Іудеевъ съ Іудеями ежедневно возобновлялась на городскихъ улицахъ. Только появленіе общаго врага возстановило между ними согласіе; когда началось нападеніе, маленькій отрядъ Элеазара сталъ подъ начальство Іоанна, и хотя Іоаннъ не переставалъ разыгрывать роль хозяина въ храмѣ, а Симонъ—роль хозяина въ городѣ, они плечомъ къ плечу сражались противъ Римлянъ, взаимно другъ друга ненавидя. Задача была нелегка и для нападающихъ. Впрочемъ для полнаго оцѣпленія города было достаточно наличныхъ боевыхъ силъ, къ которымъ присоединились значительныя подкрѣпленія, пришедшія изъ Египта и изъ Сиріи въ замѣнъ отправленныхъ въ Италію от-

рядовъ; а несмотря на то, что Іудеи имѣли достаточно свободнаго времени, чтобъ приготовиться къ осадѣ, у нихъ оказался недостатокъ въ запасахъ тѣмъ болѣе потому, что часть этихъ запасовъ была уничтожена во время уличныхъ свалокъ и потому, что осада началась незадолго до празднованія Пасхи и собравшіеся по этому случаю въ Іерусалимѣ многочисленные иноземцы попали въ число осажденныхъ. Когда населеніе стало терпѣть нужду, защитники города брали что имъ было нужно повсюду, гдѣ могли найти, и сами, имѣя во всемъ достатокъ, вели борьбу безъ всякаго вниманія къ тѣмъ, кто терпѣлъ голодъ и скоро сталъ умирать отъ голода. Юный главнокомандующій не могъ ограничиться одной блокадой: осада, доведенная этимъ способомъ до конца, когда въ его распоряженіи были четыре легіона, недоставила бы ему личной славы, да и новое правительство нуждалось въ какомъ - нибудь блестящемъ военномъ подвигѣ. Городъ былъ защищенъ съ трехъ сторонъ неприступными отвѣсными скалами, такъ что напасть на него можно было только съ сѣверной стороны; но и здѣсь не легко было вырвать изъ рукъ сильнаго, одушевленнаго фанатизмомъ и доведеннаго до отчаянія гарнизона тройную стѣну съ валомъ, приведенную въ надлежащій порядокъ на богатыя храмовыя сокровища безъ всякаго вниманія къ громадности расходовъ, за тѣмъ находившійся внутри города за́мокъ, самый храмъ и три очень сильно укрѣпленныя Иродовы башни. Іоаннъ и Симонъ не только энергически отражали приступы, но нерѣдко сами съ успѣхомъ нападали на возводившаго окопы непріятеля и разрушали или сожигали осадныя машины.

Разрушеніе Іерусалима. — Но численное превосходство и военное искуство порѣшили дѣло въ пользу Римлянъ. Они взяли приступомъ городскія стѣны и вслѣдъ за тѣмъ за́мокъ Антонію; потомъ послѣ продолжительной борьбы они сожгли сначала храмовыя галлереи, а 10-го аба (августа) и самый храмъ со всѣми накопившимися тамъ въ теченіе шести столѣтій сокровищами. Наконецъ послѣ длившейся цѣлый мѣсяцъ уличной борьбы и въ самомъ городѣ было сломлено 8-го элула (сентября) послѣднее сопротивленіе и священный Салемъ былъ срытъ до основанія. Пять мѣсяцевъ продолжалась эта убійственная работа. Мечъ и стрѣла, а еще болѣе голодъ потребовали многочисленныхъ жертвъ; Іудеи убивали всякаго даже только заподозрѣннаго въ намѣреніи дезертировать и принуждали женщинъ и дѣтей умирать отъ голода, не выходя изъ города; такъ же безжалостно поступали Римляне съ плѣнниками, заставляя ихъ перепрыгивать черезъ мечи или распиная ихъ на крестахъ. Оставшіеся въ живыхъ бойцы и въ томъ числѣ двое ихъ вождей были вытащены поодиночкѣ изъ клоакъ, въ которыхъ пробовали укрыться.

У Чермнаго моря, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то нашли для себя, въ минуту крайней опасности, убѣжище и царь Давидъ и Маккавеи, остатки инсургентовъ продержались еще нѣсколько лѣтъ въ построенныхъ на утесахъ зàмкахъ Махерѣ и Массадѣ, пока послѣдніе свободные Іудеи—внукъ Іуды Галилеянина Элеазаръ и его приверженцы наконецъ не лишили жизни сначала своихъ женъ и дѣтей, а затѣмъ и самихъ себя. Дѣло было доведено до конца. Но о воинственномъ духѣ того времени не даетъ намъ высокаго понятія тотъ фактъ, что императоръ Веспасіанъ, который былъ даровитымъ военачальникомъ, не пренебрегъ вступить побѣдителемъ въ Капитолій по случаю такого неизбѣжно-успѣшнаго окончанія войны съ маленькой, издавна подвластной Риму націей, и что до сихъ поръ можно видѣть [1]) привезенный изъ храмоваго святилища семисвѣчникъ на тріумфальной аркѣ, воздвигнутой римскимъ сенатомъ въ честь Тита на римской городской площади. Глубокое отвращеніе западныхъ народовъ къ Іудеямъ, конечно, въ нѣкоторой мѣрѣ возмѣщало то, чего не доставало воинской славѣ, и хотя имя Іудеевъ было такъ непріятно императорамъ, что они не дѣлали изъ него такого же почетнаго прозвища, какое дѣлали изъ именъ Германцевъ и Парѳянъ, они думали, что не унижаютъ своего достоинства, приготовляя для столичной черни радостное зрѣлище такого тріумфа.

Упраздненіе іудейскаго центральнаго управленія.—Когда мечъ окончилъ свое дѣло, началось политическое переустройство. Уже не было возможности долѣе держаться той заимствованной Римлянами отъ болѣе древнихъ полу-эллинскихъ государствъ политики, которая, признавая іудейство за особое національное и религіозное общество, на самомъ дѣлѣ заходила далеко за предѣлы простой терпимости по отношенію къ чужеземнымъ обычаямъ и къ чужеземной религіи. Въ іудейскомъ возстаніи слишкомъ ясно обнаружились опасности, таившіяся въ существованіи національно-религіознаго общенія, ко-

---

[1]) Эта тріумфальная арка была поставлена въ честь Тита, послѣ его смерти, римскимъ сенатомъ. Другая тріумфальная арка была поставлена въ честь его тѣмъ-же сенатомъ въ циркѣ, во время его непродолжительнаго царствованія [C. I. L. VI, 944]; на ней была сдѣлана надпись, въ которой ясно выражены слѣдующіе мотивы для сооруженія этого памятника, „потому что онъ побѣдилъ іудейскій народъ по предписанію и указанію своего отца и подъ его руководствомъ, и разрушилъ городъ Іерусалимъ, который прежде него всѣ другіе полководцы, цари и народы или безуспѣшно осаждали или обходили“. Незнаніе исторіи, которое обнаруживается въ этой странной надписи, игнорирующей не только Навуходоносора и Антіоха Епифана, но даже Римлянина Помпея, стоитъ на одной высотѣ съ преувеличенными похвалами очень обыкновеннаго военнаго успѣха.

торое съ одной стороны было сильно сосредоточено, а съ другой стороны распространялось по всему востоку и развѣтвилось даже на западѣ. Поэтому центральный культъ былъ окончательно устраненъ. Что правительство остановилось на этомъ рѣшеніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но это не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ, на который нельзя отвѣчать съ полной увѣренностью, — былъ ли храмъ разрушенъ намѣренно или случайно; если съ одной стороны для уничтоженія культа нужно было только запереть храмъ и можно было пощадить это великолѣпное зданіе, то съ другой стороны,—если храмъ былъ разрушенъ случайно,—богослуженіе могло-бы совершаться во вновь построенномъ храмѣ. Вообще, кажется болѣе вѣроятнымъ, что ссылка на случайность войны не имѣетъ основанія и что пылавшій храмъ служилъ программой для измѣнившейся политики римскаго правительства по отношенію къ іудейству [1]). Еще яснѣе, чѣмъ въ іерусалимскихъ событіяхъ обнаружилась эта программа въ одновременномъ приказаніи Веспасіана закрыть служившій центральнымъ святилищемъ для египетскаго іудейства храмъ Оніи, который находился неподалеку отъ Мемфиса въ геліупольскомъ округѣ и занималъ въ теченіе многихъ столѣтій на ряду съ іерусалимскимъ храмомъ почти такое-же мѣсто, какое занимаетъ переводъ семидесяти толковниковъ наряду съ Ветхимъ Завѣтомъ; онъ также былъ лишенъ своихъ доходовъ и въ немъ также было запрещено богослуженіе.

При дальнѣйшемъ развитіи новыхъ порядковъ исчезли и званіе первосвященника и іерусалимскій санхедринъ, а вмѣстѣ съ этимъ іудейство лишилось и своего внѣшняго верховнаго представителя и той высшей власти, которая до тѣхъ поръ разрѣшала всѣ религіозные вопросы. Ежегодная дань, которую долженъ былъ вносить въ храмъ каждый Іудей безъ различія мѣста жительства, и которая до той поры если не разрѣшалась правительствомъ, то по меньшей мѣрѣ допускалась, не была отмѣнена, а была съ язвительной насмѣшливостью перенесена на капитолійскаго Юпитера и на его земнаго представителя—римскаго императора. Вслѣдствіе своеобразнаго ха-

[1]) Разсказъ Іосифа о томъ, что Титомъ было на военномъ совѣтѣ рѣшено не разрушать храма, возбуждаетъ недовѣріе тѣмъ, что онъ явно написанъ съ заднею мыслію; съ другой стороны вполнѣ доказано, что Сульпицій Северъ пользовался для своей хроники [изданной Bernay] произведеніями Тацита; поэтому, когда онъ разсказывалъ совершенно противное—что военный совѣтъ рѣшилъ разрушить храмъ [Chron. 2, 30, 6], возникаетъ вопросъ, не заимствовалъ-ли онъ этотъ фактъ отъ Тацита, и его разсказу слѣдуетъ отдать предпочтеніе, хотя онъ и носитъ на себѣ слѣды передѣлокъ въ интересѣ христіанъ. Въ пользу такого предпочтенія говоритъ и тотъ фактъ, что поэтъ Валерій Флаккъ, посвящая Веспасіану свою Argonautica, превозноситъ побѣдителя Солимы, который мечетъ зажженные факелы.

рактера іудейскихъ учрежденій, уничтоженіе центральнаго культа было вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіемъ іерусалимской общины. Городъ не только былъ разрушенъ и сожженъ, но лежалъ въ развалинахъ, какъ въ былое время Кароагенъ и Коринѳъ; его территорія, а также общественная и частная земельная собственность поступили въ составъ императорскихъ имуществъ [1]). Тѣ изъ жителей многолюднаго города, которые не погибли отъ голода или отъ меча, были проданы съ молотка въ рабство. Среди развалинъ разрушеннаго города раскинулъ свой лагерь тотъ легіонъ, который долженъ былъ впредь стоять гарнизономъ въ іудейской странѣ вмѣстѣ съ своими испанскими и ѳракійскими вспомогательными отрядами. Провинціальныя войска, которыя до тѣхъ поръ состояли изъ рекрутъ, набранныхъ въ самой Палестинѣ, были переведены въ другія мѣста. Въ Эммаусѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Іерусалима, были поселены римскіе ветераны, но и этому мѣсту не было дано городскихъ правъ. Напротивъ того, древній Сихемъ, который былъ религіознымъ центромъ самаритянской общины и, быть можетъ, еще со временъ Александра Великаго сдѣлался греческимъ городомъ, былъ переустроенъ подъ формою эллинской политіи и подъ именемъ Flavia Neapolis. Мѣстная столица Кесарія, бывшая до того времени греческой городской общиной, получила, въ качествѣ «первой флавіевской колоніи», римское устройство и употребленіе дѣловаго латинскаго языка. Таковы были предварительныя мѣры для введенія въ іудейской странѣ западнаго муниципальнаго устройства. Тѣмъ не менѣе обезлюдѣвшая и разоренная собственная Іудея оставалась по прежнему іудейской страной; какъ смотрѣло на нее правительство видно изъ того факта, что въ ней чрезвычайно долго стояла оккупаціонная армія, конечно, только для того, чтобъ держать въ покорности мѣстное населеніе, такъ какъ Іудея не лежала на границѣ римскихъ владѣній.

Послѣдніе потомки Ирода.—И Иродіанцы недолго пережили паденіе Іерусалима. Владѣвшій Кесаріей Панеадой и Тиверіадой, царь Агриппа II доставилъ Римлянамъ надежный вспомогательный отрядъ для

---

1) Что императоръ взялъ эту землю себѣ [ἰδίαν αὐτῷ τὴν χώραν φυλάττων], говоритъ Іосифъ, Bell. 7, 6, 6; съ этимъ не согласуется его приказаніе πᾶσαν γῆν ἀποδόσθαι τῶν Ἰουδαίων [тамъ-же]; но въ этихъ словахъ, безъ сомнѣнія, вкралась или ошибка или описка. Съ отобраніемъ всей земельной собственности согласуется и тотъ фактъ, что нѣкоторымъ іудейскимъ землевладѣльцамъ были, въ видѣ милости, отведены земли въ другихъ мѣстахъ [Josephus, Vit. 16]. Впрочемъ іерусалимскими землями надѣляли стоявшій тамъ легіонъ [Eph. epigr. II n. 696; Tacitus, Ann. 13, 54].

войны съ его соотечественниками, и самъ вынесъ изъ этой войны рубцы на лицѣ, дѣлавшіе ему честь, по меньшей мѣрѣ, какъ воину; сверхъ того, его сестра Береника, — эта Клеопатра въ миніатюрѣ, плѣнила сердце завоевателя Іерусалима остатками своихъ много прославленныхъ прелестей. Поэтому онъ не лишился своихъ прежнихъ владѣній; но послѣ его смерти, то-есть почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ описанныхъ событій, и это послѣднее воспоминаніе объ іудейскомъ государствѣ слилось съ римской провинціей Сиріей.

Дальнѣйшій образъ дѣйствій по отношенію къ Іудеямъ. — Іудеямъ не препятствовали исполнять ихъ религіозные обряды ни въ Палестинѣ ни въ другихъ мѣстахъ. Даже ихъ религіозное обученіе и связанныя съ нимъ собранія іудейскихъ законоучителей и законовѣдцевъ были дозволены по меньшей мѣрѣ въ Палестинѣ, и эти собранія раввиновъ даже не встрѣчали препятствій, когда пытались въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнить прежній іерусалимскій санхедринъ и основать свое ученіе и свои законы на Талмудѣ. Хотя нѣкоторые изъ бѣжавшихъ въ Египетъ и въ Кирену участниковъ іудейскаго возстанія и пытались возбудить тамъ волненіе, находившіяся внѣ Палестины іудейскія общины были, сколько намъ извѣстно, оставлены въ своемъ прежнемъ положеніи. Около того времени, когда былъ разрушенъ Іерусалимъ, въ Антіохіи началась травля на Іудеевъ вслѣдствіе того, что одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, перешедшій въ другую вѣру, публично обвинилъ ихъ въ намѣреніи поджечь городъ; но замѣститель сирійскаго намѣстника энергически вмѣшался въ это дѣло и не дозволилъ принуждать Іудеевъ къ принесенію жертвъ мѣстнымъ богамъ и къ несоблюденію субботняго дня. Самъ Титъ, по пріѣздѣ въ Антіохію, рѣшительно отказалъ вожакамъ тамошняго движенія въ просьбѣ выгнать Іудеевъ или по меньшей мѣрѣ уничтожить ихъ привилегіи. Правительство не желало объявлять войну іудейской религіи и доводить до крайности далеко развѣтвившуюся діаспору; оно довольствовалось тѣмъ, что съ корнемъ вырвало изъ государственнаго организма политическое представительство Іудеевъ.

Послѣдствія катастрофы. — Перемѣна, происшедшая въ политикѣ, которой держались въ отношеніяхъ къ іудейству со временъ Александра, въ сущности сводилась къ тому, что старались отнять у этого религіознаго общества его сосредоточенное управленіе и внѣшнюю замкнутость, а у его руководителей старались вырвать изъ рукъ власть, которая распространялась не только на отчизну Іудеевъ, но и на всѣ іудейскія общины, находившіяся какъ внутри, такъ и внѣ римскихъ владѣній, и по меньшей мѣрѣ на востокѣ

препятствовала объединенію римскаго управленія. И Лагиды и Селевкиды и римскіе императоры изъ Юліевско-Клавдіевской династіи уживались съ такимъ порядкомъ вещей; но вслѣдствіе непосредственнаго владычества западниковъ надъ Іудеей до того обострилась противоположность между императорскимъ управленіемъ и управленіемъ духовенства, что катастрофа сдѣлалась неизбѣжной со всѣми своими послѣдствіями. Съ политической точки зрѣнія, пожалуй, можно-бы было осуждать безпощадный способъ веденія войны, которая, впрочемъ, велась такъ-же безпощадно, какъ и почти всѣ другія римскія войны, но едва-ли можно осуждать послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ религіозно-политическое уничтоженіе самой націи. Если были подрѣзаны у самаго корня тѣ учрежденія, которыя привели и до нѣкоторой степени неизбѣжно должны были привести къ возникновенію такой партіи, какой была партія Зелотовъ, то это было и справедливо и необходимо, какъ бы ни было тяжело и въ индивидуальномъ отношеніи незаслуженно то зло, которое отъ этого потерпѣли отдѣльныя лица. Давшій такое направленіе дѣлу, Веспасіанъ былъ правитель разумный и всему знавшій мѣру. Дѣло шло не о религіозномъ вопросѣ. а о владычествѣ; стоявшее во главѣ діаспоры, іудейское церковное государство не могло уживаться съ безусловнымъ верховенствомъ свѣтскаго государства. Правительство и въ этомъ случаѣ не отступилось отъ обычной нормы религіозной терпимости; оно вело войну не противъ іудейства, а противъ первосвященника и противъ санхедрина.

И нельзя сказать, чтобъ разрушеніе храма вовсе не достигло своей цѣли. Не мало было такихъ Іудеевъ и въ особенности принадлежавшихъ къ діаспорѣ іудейскихъ единовѣрцевъ, которые держались не столько за строго національную религіозную форму, сколько за іудейскій нравственный законъ и за іудейскій монотеизмъ; вся влiятельная секта христіанъ отдѣлялась въ глубинѣ души отъ іудейства и частію стояла въ явной оппозиціи къ іудейскимъ обрядамъ. Для нея паденіе Іерусалима вовсе не было общей гибелью, и внутри этой обширной и вліятельной сферы правительство до нѣкоторой степени достигло того, къ чему стремилось, когда уничтожало центральный пунктъ іудейскаго богопочитанія. Прекращеніе центральнаго культа способствовало отдѣленію христіанской вѣры отъ національно-іудейской и побѣдѣ послѣдователей Павла надъ послѣдователями Петра.

Но въ средѣ Іудеевъ Палестины,—хотя тамъ и говорили не по-еврейски, а по-арамейски, — и въ средѣ тѣхъ членовъ діаспоры, которые крѣпко держались за Іерусалимъ, разрушеніе храма расширило ту пропасть, которая отдѣляла іудейство отъ остальнаго міра. Національно-религіозная замкнутость, которую правительство желало устранить, лишь окрѣпла въ этомъ съузившемся кружкѣ вслѣд-

ствіе насильственной попытки ее уничтожить, и привела къ дальнѣйшей отчаянной борьбѣ.

Возстаніе Іудеевъ при Траянѣ.—Не прошло и пятидесяти лѣтъ послѣ разрушенія Іерусалима, какъ іудейство возстало въ 116 году [1]) противъ императорскаго правительства на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Хотя возстаніе и было предпринято діаспорой, оно было чисто-національнаго характера, имѣло своими центрами Кирену, Кипръ и Египетъ, стремилось къ изгнанію какъ Римлянъ, такъ и Эллиновъ и, какъ кажется, имѣло въ виду основаніе особаго іудейскаго государства. Оно распространило свои вѣтви даже на азіятскую область и охватило Месопотамію и Палестину. Тамъ, гдѣ мятежники одерживали верхъ, они вели войну съ такимъ-же ожесточеніемъ, какъ и іерусалимскіе наемные убійцы, и убивали тѣхъ, кто попадался въ ихъ руки; историкъ Аппіанъ, который былъ родомъ Александріецъ, разсказываетъ, какъ онъ съ трудомъ спасся отъ нихъ, укрывшись въ Пелузіѣ; они нерѣдко убивали плѣнниковъ, предварительно подвергши ихъ самымъ мучительнымъ страданіямъ, или-же заставляли ихъ,—подобно тому, какъ это дѣлалъ Титъ съ захваченными въ Іерусалимѣ Іудеями,—погибать въ борьбѣ съ гладіаторами для забавы зрителей. Въ Киренѣ они, какъ разсказываютъ, такимъ образомъ перебили 220,000 человѣкъ, а въ Кипрѣ даже 240,000. Съ своей стороны и осажденные Эллины перебили всѣхъ Іудеевъ, находившихся въ ту пору въ Александріи, которою Іудеи, какъ кажется, не могли завладѣть [2]). Ближайшая причина возстанія не извѣстна въ точности. Кровь Зелотовъ, спасшихся бѣгствомъ въ Александрію и въ Кирену и тамъ запечатлѣвшихъ свою преданность религіи смертію подъ топоромъ римскаго палача, быть можетъ, была пролита не напрасно; парѳянская война, во время которой началось возстаніе, способствовала ему тѣмъ, что стоявшія въ Египтѣ войска, вѣроятно, были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій. По всей видимости, это былъ взрывъ религіознаго ожесточенія Іудеевъ, которое, подобно вулкану, таилось подъ пепломъ со времени разрушенія храма и внезапно вспыхнуло яркимъ пламенемъ; оно походило въ этомъ отношеніи на тѣ возстанія, которыя во всѣ эпохи вспыхивали на востокѣ и до сихъ поръ вспыхиваютъ; если инсургенты дѣйствительно провозгласили одного Іудея царемъ, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ признанъ въ этомъ званіи какъ въ своей от-

---

[1]) Евсевій [Hist. Ec. 4, 2] относитъ взрывъ возстанія къ 118 году, а по его расчету [въ хроникѣ] это былъ предпослѣдній годъ Траянова царствованія; съ этимъ согласуется и разсказъ Діона 68, 32.

[2]) Самъ Евсевій [у Синкелла] говоритъ только слѣдующее: Ἀδριανὸς Ἰουδαίους κατὰ Ἀλεξανδρέων στασιάζοντας ἔκλασεν. Въ армянскомъ и латинскомъ переводахъ изъ этого, по ошибкѣ, сдѣлано возстановленіе разрушенной Іудеями Александріи, о чемъ ничего не говорятъ ни Евсевій въ *Церковной Исторіи* [4, 2], ни Діонъ [68, 32].

чизнѣ, такъ и среди многочисленнаго мелкаго люда. Это возстаніе Іудеевъ получило нѣкоторое политическое значеніе вслѣдствіе того, что оно отчасти совпало съ ранѣе описанной (стр. 390) попыткой незадолго передъ тѣмъ покоренныхъ императоромъ Траяномъ народовъ свергнуть съ себя римское владычество въ то время, какъ Траянъ находился на дальнемъ востокѣ близъ устьевъ Евфрата; если то, что этотъ властитель пріобрѣлъ своими побѣдами, выпало изъ его рукъ въ концѣ его поприща, то въ этомъ имѣло свою долю вліянія іудейское возстаніе, и въ особенности то, которое вспыхнуло въ Палестинѣ и въ Месопотаміи. Чтобъ подавить его, отовсюду были посланы войска; противъ «царя» киренскихъ Іудеевъ Андрея или Луки и противъ египетскихъ инсургентовъ Траянъ послалъ Квинта Марція Турбона съ арміей и съ флотомъ, а противъ месопотамскихъ мятежниковъ, какъ уже было ранѣе упомянуто, Лузія Квіета,—это были два самые опытные изъ его военачальниковъ. Мятежники нигдѣ не были въ состояніи оказать сопротивленіе сомкнутымъ рядамъ римскихъ войскъ; тѣмъ не менѣе борьба не прекращалась какъ въ Африкѣ, такъ и въ Палестинѣ до первыхъ годовъ Адріанова царствованія и на эту діаспору посыпались такія же уголовныя наказанія, какимъ ранѣе того подвергались палестинскіе Іудеи. Хотя Аппіанъ и говоритъ, что Адріанъ истребилъ въ Александріи Іудеевъ, но это было неточное и, быть можетъ, даже очень преувеличенное описаніе того, что тамъ случилось; относительно Кипра положительно доказано, что съ тѣхъ поръ ни одинъ Іудей не смѣлъ поставить ногу на этотъ островъ и что даже пострадавшихъ отъ кораблекрушенія Израильтянъ ожидала тамъ смерть. Если бы имѣлись такія же подробныя свѣдѣнія объ этой катастрофѣ, какія до насъ дошли о катастрофѣ іерусалимской, то она, конечно, оказалась-бы продолженіемъ этой послѣдней, ея довершеніемъ и въ нѣкоторой мѣрѣ также ея объясненіемъ; это возстаніе раскрываетъ отношенія діаспоры къ отчизнѣ и то государство въ государствѣ, до котораго развилось іудейство.

Возстаніе Іудеевъ при Адріанѣ.— И это вторичное пораженіе не прекратило сопротивленія, которое оказывали Іудеи римскому правительству. Нельзя сказать, чтобъ правительство само вызвало новое возстаніе своимъ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій; тѣ обычныя правительственныя распоряженія, которымъ вся имперія подчинялась безпрекословно, приводились въ исполненіе надъ Евреями тамъ, гдѣ была сосредоточена вся сила сопротивленія ихъ національной религіи, и тѣмъ вызвали,—вѣроятно къ удивленію самого правительства,—мятежъ, который на самомъ дѣлѣ оказался войной. Когда объѣзжавшій всю имперію императоръ Адріанъ прибылъ въ Палестину и рѣшился въ 130 году возстановить разрушенный священный городъ

Іудеевъ въ качествѣ римской колоніи, онъ конечно не сдѣлалъ Іудеямъ чести ихъ бояться и не помышлялъ о религіозно-политической пропагандѣ; онъ рѣшился на это изъ желанія сдѣлать для тамошняго легіоннаго лагеря то-же, что незадолго передъ тѣмъ или вскорѣ послѣ того было сдѣлано на Рейнѣ, на Дунаѣ и въ Африкѣ, а именно соединить этотъ лагерь съ населявшейся ветеранами городской общиной, получившей названіе **Aelia Capitolina** частію по имени своего основателя, частію по имени того бога, котораго чтили въ ту пору Іудеи въ замѣнъ Іеговы. То-же случилось и съ воспрещеніемъ обрѣзанія: оно состоялось,—какъ будетъ далѣе объяснено,—вѣроятно, нисколько не изъ намѣренія вести этимъ способомъ борьбу съ Іудеями. Понятно, что Іудеи не справлялись о мотивахъ основанія новаго города и этого запрещенія, а приняли и то и другое за оскорбленіе своей религіи и своей національности и отвѣчали на нихъ возстаніемъ, къ которому Римляне сначала отнеслись съ пренебреженіемъ, но которое по своей силѣ и продолжительности не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи римской имперіи. Всѣ Іудеи—и тѣ, которые жили внутри страны, и тѣ, которые жили въ чужихъ краяхъ, пришли въ движеніе и болѣе или менѣе явно поддерживали іорданскихъ инсургентовъ [1]); даже Іерусалимъ попалъ въ ихъ руки [2]), а на театрѣ борьбы появился не только намѣстникъ Сиріи, но и самъ императоръ Адріанъ. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что войну съ Римлянами вели священникъ Элеазаръ [3]) и атаманъ разбойниковъ Симонъ, прозванный Бар-Ко-

---

[1]) Это доказываютъ слова Діона 69, 18: οἱ ἁπανταχοῦ γῆς Ἰουδαῖοι καὶ πάσης ὡς εἰπεῖν κινουμένης ἐπὶ τούτῳ τῆς οἰκουμένης.

[2]) Если,—какъ говоритъ современникъ Аппіанъ [Syr. 50], — Адріанъ снова разрушилъ городъ [κατέσκαψε], то это доказываетъ во-первыхъ то, что ранѣе того времени уже въ нѣкоторой мѣрѣ совершилось основаніе колоніи, и во-вторыхъ то, что эта колонія была взята инсургентами. Только этимъ и объясняются большія потери, понесенныя Римлянами [Fronto, de bello Parth. стр. 218 Nab.: Hadriano imperium obtinente quantum militum a Judaeis.... caesum; Діонъ 69, 14]; съ этимъ по меньшей мѣрѣ не трудно согласовать и то, что намѣстникъ Сиріи Публицій Марцеллъ покинулъ свою провинцію, для того чтобъ помочь въ Палестинѣ [C. I. Gr. 4033. 4034] своему коллегѣ Тинеію Руфу [Евсевій, Hist. Ec. 4, 6; Borghesi opp. 3, 64].

[3]) Что монеты съ этимъ именемъ принадлежатъ ко времени вспыхнувшаго при Адріанѣ возстанія, теперь положительно доказано [v. Sallet Ztsch. für Numism. 5, 110]; это также тотъ самый раввинъ Элеазаръ изъ Модеина, о которомъ говорятъ іудейскіе разсказы [Ewald Gesch. Isr. 7[2], 418; Schürer Lehrbuch стр. 357]. Что Симонъ, имя котораго встрѣчается на тѣхъ-же монетахъ частію вмѣстѣ съ именемъ Элеазара, частію отдѣльно, былъ тотъ самый Бар-Кохеба, о которомъ говорятъ Юстинъ Мученикъ и Евсевій, по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятно.

хебой, то-есть доставившимъ небесную помощь, и быть можетъ считавшійся за Мессію. О финансовыхъ средствахъ инсургентовъ и объ ихъ организаціи свидѣтельствуютъ серебряныя и мѣдныя монеты, которыя чеканились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ именами этихъ обоихъ вождей. Послѣ того, какъ были сосредоточены военныя силы, опытный военачальникъ Секстъ Юлій Северъ сталъ одерживать верхъ, но подвигался впередъ лишь мало-по-малу и медленно; точно такъ-же, какъ и въ той войнѣ, которую велъ Веспасіанъ, дѣло ни разу не доходило до сраженія въ открытомъ полѣ, но взятіе одного укрѣпленнаго пункта вслѣдъ за другимъ требовало и много времени и много крови; наконецъ, послѣ трехъ-лѣтнихъ военныхъ дѣйствій [1]), Римляне взяли приступомъ послѣднюю крѣпость инсургентовъ—Бетеръ, неподалеку отъ Іерусалима. Нельзя назвать неправдоподобными указанныя въ хорошихъ описаніяхъ цифры 50 взятыхъ крѣпостей, 985 занятыхъ селеній и 580,000 убитыхъ, такъ какъ война велась съ немилосердной жестокостью и населеніе мужескаго пола повсюду избивалось.

Іудея послѣ Адріана.—Вслѣдствіе этого возстанія, самое имя побѣжденнаго народа было устранено: съ тѣхъ поръ эта провинція уже не называлась по прежнему Іудеей, а получила старое Геродотовское названіе Сиріи Филистимлянъ или Сиріи Палестины. Страна осталась въ запустѣніи; новый Адріановъ городъ сохранилъ свое существованіе, но не процвѣталъ. Іудеямъ было запрещено подъ страхомъ смертной казни даже только входить въ Іерусалимъ, и гарнизонъ былъ удвоенъ; съ тѣхъ поръ постоянно стояли два легіона на той необширной территоріи между Египтомъ и Сиріей, къ которой принадлежала лишь небольшая часть за-іорданской страны близъ береговъ Мертваго моря, и которая нигдѣ не соприкасалась съ границами имперіи. Не смотря на всѣ эти насильственныя мѣры, страна не пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ главнымъ образомъ потому, что занятіе разбоями издавна было связано съ защитой національной независимости; Пій посылалъ противъ Іудеевъ войска, и при Северѣ заходила рѣчь о войнѣ съ Іудеями и съ Самаритянами. Но послѣ той войны, которая велась при Адріанѣ, среди Іудеевъ уже не возникало большихъ возстаній.

---

1) Діонъ [69, 12] говоритъ, что война была продолжительна [οὐτ' ὀλιγοχρόνιος]; Евсевій относитъ въ Хроникѣ начало войны къ 16-му, а конецъ къ 18-му или 19-му году Адріанова царствованія; монеты инсургентовъ помѣчены первымъ или вторымъ годомъ „освобожденія Израиля". Мы не имѣемъ достовѣрныхъ указаній времени; въ этомъ отношеніи ни къ чему негодны традиціи раввиновъ [Schürer Handb. стр. 361].

Положеніе Іудеевъ во 2 и 3 столѣтіяхъ.—Римскому правительству нельзя не отдать справедливости въ томъ, что его политика въ общихъ чертахъ не измѣнилась вслѣдствіе этихъ неоднократныхъ взрывовъ ненависти, кипѣвшей въ сердцахъ Іудеевъ ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ обществу. Какъ Веспасіанъ, такъ и царствовавшіе вслѣдъ за нимъ императоры въ сущности не отступали отъ общаго принципа политической и религіозной терпимости; даже изданныя для Іудеевъ исключительныя постановленія были по прежнему направлены къ тому, чтобъ освободить ихъ отъ исполненія гражданскихъ обязанностей, несовмѣстимыхъ съ ихъ обычаями и религіей, и потому считались настоящими привилегіями [1]).

Состоявшееся при Клавдіѣ воспрещеніе іудейскаго культа въ Италіи (стр. 513) было послѣднимъ мѣропріятіемъ этого рода, дошедшимъ до нашего свѣдѣнія, и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, было закономъ предоставлено Іудеямъ право жить и свободно исповѣдывать ихъ религію во всей имперіи. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если-бы вышеупомянутыя возстанія въ Африкѣ и въ Сиріи привели къ изгнанію жившихъ тамъ Іудеевъ; но мѣры этого рода,—какъ мы ранѣе видѣли,—были только мѣстными и, напримѣръ, были приняты въ Кипрѣ. Главнымъ мѣстопребываніемъ Іудеевъ по прежнему оставались греческія провинціи; и въ столицѣ, которая была въ нѣкоторой мѣрѣ двуязычнымъ городомъ, и въ которой многочисленные Іудеи имѣли цѣлый рядъ синагогъ, они входили въ составъ греческаго населенія Рима. Ихъ надгробные памятники въ Римѣ носили исключительно греческія надписи; въ развившейся изъ этого іудейства римской христіанской общинѣ принятіе крещенія произносилось до самаго поздняго времени на греческомъ языкѣ и всѣ сочиненія писались въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій исключительно по-гречески. Но и въ латинскихъ провинціяхъ, какъ кажется, не принималось никакихъ стѣснительныхъ мѣръ противъ Іудеевъ; на западъ іудейство проникло черезъ посредство эллинизма и вмѣстѣ съ нимъ: тамъ также существовали іудейскія общины, но и по своему числу и по своему вліянію онѣ не могли равняться съ восточными даже послѣ того, какъ эти послѣднія сильно пострадали отъ нанесенныхъ діаспорѣ ударовъ.

Корпоративные союзы.—Изъ терпимости іудейскаго культа не возникло политическихъ привилегій. Іудеямъ не мѣшали устраивать ихъ

---

[1]) Біографія Александра, гл. 22: Judaeis privilegia reservavit, Christianos esse passus est. Здѣсь ясно обнаруживается преимущественное положеніе Іудеевъ по сравненію съ положеніемъ христіанъ; причиной этого было то, что первые были націей, а вторые не были.

синагоги и особыя мѣста для молитвы (**proseucha**) и назначать въ эти заведенія настоятелей (ἀρχισυναγωγός); имъ также не мѣшали учреждать коллегіи старшинъ (ἄρχοντες) съ верховнымъ старшиною (γερουσιάρχης) во главѣ. Съ этими должностями не соединялась правительственная власть, но вслѣдствіе нераздѣльности іудейскаго церковнаго устройства съ іудейскимъ отправленіемъ правосудія, эти настоятели, подобно средне-вѣковымъ епископамъ. повсюду пользовались на дѣлѣ судебною властью. И не всѣ іудейскія общины отдѣльныхъ городовъ признавались за корпораціи; такъ напримѣръ положительно извѣстно, что не признавалась корпораціей та іудейская община, которая находилась въ Римѣ; тѣмъ не менѣе, благодаря особымъ привилегіямъ, во многихъ мѣстахъ существовали такого рода корпоративные союзы съ этнархами или, — какъ они стали въ ту пору большею частію называться, — патріархами во главѣ. Даже въ Палестинѣ мы снова находимъ въ началѣ третьяго столѣтія настоятеля всего іудейства, который, въ силу своего наслѣдственнаго священническаго права, управляетъ своими единовѣрцами почти какъ неограниченный властелинъ и имѣетъ надъ ними право жизни и смерти, и существованіе котораго по меньшей мѣрѣ допускается римскимъ правительствомъ [1]). Этотъ патріархъ былъ для Іудеевъ, безспорно, тѣмъ-же, чѣмъ былъ прежній первосвященникъ, и такимъ образомъ упорный народъ божій, — на глазахъ и подъ гнетомъ иноземнаго властителя, — возстановилъ свою прежнюю внутреннюю организацію и въ нѣкоторой мѣрѣ уничтожилъ работу Веспасіана.

Общественныя повинности.—Чтò касается привлеченія Іудеевъ къ отбыванію общественнымъ повинностей, то они уже давно были освобождены отъ военной службы, которая считалась несовмѣстимой съ ихъ религіозными принципами, и это осталось безъ измѣненій. Особая поголовная подать, которою они были обложены и которая въ

---

1) Желая доказать, что и въ рабской зависимости Іудеи могли пользоваться въ нѣкоторой мѣрѣ самоуправленіемъ, Оригенъ писалъ [около 226 г.] Африкану, гл. 14: „Даже теперь, когда Римляне господствуютъ, а Іудеи уплачиваютъ имъ „подати [τὸ δίδραχμον], старшина іудейскаго народа [ὁ ἐθνάρχης] еще „пользуется большою властью съ дозволенія императора [συγχωροῦντος „Καίσαρος]. Тамъ втайнѣ отправляется правосудіе по ихъ закону и даже „постановляются смертные приговоры. Это я самъ испыталъ и видѣлъ, такъ какъ „долго жилъ среди этого народа“. Патріархъ Іудеи упоминается уже въ поддѣльномъ письмѣ на имя Адріана, помѣщенномъ въ біографіи тирана Сатурнина [гл. 8], а въ узаконеніяхъ впервые въ 392 г. [C. Th. 16, 8, 8]. Патріархи въ качествѣ старшинъ отдѣльныхъ іудейскихъ общинъ [названіе болѣе умѣстно въ этомъ значеніи] встрѣчаются уже въ постановленіяхъ Константина Перваго [C. Th. 16, 8, 1. 2].

старину собиралась въ пользу храма, могла считаться вознагражденіемъ за освобожденіе отъ военной службы, если не была наложена именно въ этомъ смыслѣ. Для исполненія другихъ общественныхъ обязанностей, какъ напримѣръ обязанностей опекуновъ и общинныхъ должностныхъ лицъ, они считались по меньшей мѣрѣ со времени Севера вообще способными и не могли отъ нихъ отказываться; но они освобождались [1]) отъ исполненія тѣхъ обязанностей, которыя противорѣчили ихъ стариннымъ вѣрованіямъ; при этомъ кстати замѣтить, что освобожденіе отъ общинныхъ должностей сначала вызывалось пренебреженіемъ къ нимъ, а потомъ стало мало-по-малу превращаться въ привилегію. То-же самое, какъ кажется, повторилось въ болѣе позднія времена и по отношенію къ государственнымъ должностямъ.

Воспрещеніе обрѣзанія.—Единственное важное посягательство правительственной власти на іудейскіе обычаи касается обряда обрѣзанія, хотя и въ этомъ случаѣ правительство, по всему вѣроятію, не руководствовалось никакими религіозно-политическими цѣлями, такъ какъ воспрещеніе обрѣзанія находилось въ связи съ воспрещеніемъ оскопленія и должно быть состоялось частію вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на іудейскій обычай. Все болѣе и болѣе распространявшееся безразсудное обыкновеніе изувѣчивать свое собственное тѣло было впервые отнесено Домиціаномъ къ числу подлежащихъ наказанію преступленій; когда Адріанъ, усиливая Домиціаново постановленіе, приравнялъ наказаніе за оскопленіе къ наказанію за убійство, а обрѣзаніе, какъ кажется, было признано за оскопленіе [2]), то Іудеи приняли это и не могли не принять (стр. 535) за покушеніе на ихъ существованіе, хотя правительство, быть можетъ, вовсе не имѣло этого въ виду. Вскорѣ послѣ того, вѣроятно вслѣдствіе вызваннаго этимъ постановленіемъ возстанія, Пій дозволилъ обрѣзаніе дѣтей іудейскаго происхожденія; но обрѣзаніе даже несвободныхъ не Іудеевъ и новообращенныхъ по прежнему влекло за собою для всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ такое-же наказаніе, какое назначалось за оскопленіе. Это имѣло и политическую важ-

---

[1]) На это правило указываютъ юристы третьяго столѣтія со ссылкой на постановленіе Севера [D i g. 27, 1, 15, 6. 50, 2, 3, 3]. По смыслу постановленія 321 года [C. T h. 16, 8, 3], это было даже правомъ, а не обязанностью Іудеевъ, такъ что отъ нихъ зависѣло принять должность или уклониться отъ нея.

[2]) Такое-же воззрѣніе проглядываетъ въ томъ, что говоритъ объ оскопленіи Адріановскій эдиктъ [D i g. 48, 8, 4, 2] и въ томъ, что говорятъ объ обрѣзаніи Павелъ [S e n t. 5, 22, 3, 4] и Модестинъ [D i g. 48, 8, 11 p r.] И когда Северъ Judaeos fieri sub gravi poena vetuit [Vita 17], это было, конечно, ничто иное, какъ усиленіе помянутаго запрещенія.

ность, такъ какъ формальный переходъ въ іудейскую вѣру становился подлежащимъ наказанію преступленіемъ; запрещеніе, по всему вѣроятію, не было издано именно въ такомъ смыслѣ, но оно оставалось въ силѣ [1]). Оно, конечно, усилило замкнутость Іудеевъ насупротивъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ вѣрѣ.

Перемѣны въ положеніи Іудеевъ во времена имперіи. — Если мы прослѣдимъ судьбы іудейства отъ временъ Августа до временъ Діоклетіана, то мы найдемъ поразительную перемѣну какъ въ его сущности, такъ и въ его положеніи. При Августѣ оно является тѣсно сплоченною вокругъ своей небольшой отчизны національною и религіозною державой, которая и внутри и внѣ Іудеи противостоитъ даже императорскому правительству съ оружіемъ въ рукахъ, а въ средѣ религіозной оказывается такой силой, которая способна вести энергическую пропаганду. Не трудно понять, что римское правительство было расположено допускать поклоненіе Іеговѣ и религію Моисея не иначе, какъ при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ оно допускало поклоненіе Миѳрѣ и религію Зороастра. Реакціей противъ этого замкнутаго и стоявшаго особнякомъ іудейства были тѣ громовые удары, которые были нанесены Веспасіаномъ и Адріаномъ іудейской странѣ, а Траяномъ Іудеямъ діаспоры, и послѣдствія которыхъ далеко не ограничивались уничтоженіемъ общины и уменьшеніемъ вліянія и могущества іудейства. Въ сущности, и позднѣйшее христіанство и позднѣйшее іудейство были послѣдствіями этой реакціи запада противъ востока. Обширная пропаганда, которая перенесла съ востока на западъ болѣе глубокое религіозное воззрѣніе, этимъ способомъ высвободилась, — какъ уже было замѣчено ранѣе (стр. 532), — изъ узкихъ рамокъ іудейской національности; хотя она нисколько не отказалась отъ той опоры, которую находила въ ученіи Моисея и въ пророкахъ, она по необходимости отстранилась отъ разсыпавшагося въ дребезги режима Фарисеевъ. Христіанскіе идеалы будущности сдѣлались всемірными съ тѣхъ поръ, какъ не стало на землѣ Іерусалима. Но изъ этой катастрофы не только возникла болѣе широкая и болѣе глубокая новая религія, перемѣнившая вмѣстѣ съ своею сущностью и свое названіе, изъ нея также возникло съузившееся и упорное староверіе, имѣвшее своимъ средоточіемъ уже не Іерусалимъ, а ненависть къ тѣмъ, кто его разрушилъ и въ особенности ненависть къ тому болѣе свободному и болѣе возвышенному умственному движенію, которое изъ іудейства развивало хри-

---

1) Замѣчательное сообщеніе у Оригена [противъ Цельса 2, 13; написано около 250] доказываетъ, что обрѣзаніе не Іудеевъ по закону влекло за собою смертную казнь, хотя и остается неяснымъ, въ какой мѣрѣ это примѣнялось къ Самаритянамъ или къ сикаріямъ.

стіанство. Внѣшнее могущество іудейства было сломлено и такія возстанія, какія возникали въ средніе вѣка имперіи, уже впослѣдствіи не повторялись; римскіе императоры окончательно уничтожили государство въ государствѣ, а когда настоящей опасностью стала грозить христіанская пропаганда, приверженцы древней религіи, не примкнувшіе къ новому христіанскому союзу, остались въ сторонѣ отъ дальнѣйшей всеобщей развязки. Но если легіоны были въ состояніи разрушить Іерусалимъ, они не были въ состояніи стереть съ лица земли самого іудейства и то, что съ одной стороны было цѣлебнымъ средствомъ, произвело съ другой стороны дѣйствіе яда. Іудейство не только не исчезло, но переродилось. То іудейство стараго времени, которое занималось пропагандой своей религіи, у котораго преддверіе храма было наполнено язычниками, и у котораго священники ежедневно совершали жертвоприношенія за императора Августа, отдѣляется глубокой пропастью отъ окоченѣлаго раввинизма, который ничего не знаетъ и знать ничего не хочетъ, кромѣ лона Авраамова и закона Моисеева. Чужеземцами Іудеи всегда были и хотѣли быть; но чувство отчужденія усилилось теперь и въ нихъ самихъ и противъ нихъ до крайности, и изъ него обѣ стороны стали упорно извлекать его гнусныя и вредныя послѣдствія. Отъ легкихъ насмѣшекъ Горація надъ навязчивыми Іудеями изъ Римскаго Гетто былъ великъ шагъ до безусловной ненависти Тацита къ этимъ извергамъ рода человѣческаго, для которыхъ все чистое нечисто, а все нечистое чисто; въ промежуткѣ времени между этими двумя писателями произошли описанныя выше возстанія презрѣннаго народа и возникла необходимость побѣдить его, а на то, чтобъ его держать въ покорности, приходилось постоянно тратить деньги и людей. Постоянно возобновляющееся въ императорскихъ постановленіяхъ запрещеніе дурно обращаться съ Іудеями доказываетъ, что тѣ слова образованнаго человѣка, какъ и слѣдовало ожидать, были переведены необразованными людьми на дѣла. Іудеи съ своей стороны не старались улучшить свое положеніе. Они отказались отъ эллинской литературы, которую стали считать оскверненной, и даже возстали противъ употребленія греческаго перевода Библіи; постоянно усиливавшееся очищеніе религіи направило свое оружіе не только противъ Грековъ и Римлянъ, но также противъ «полу-Іудеевъ» Самаріи и противъ христіанскихъ еретиковъ; вѣра въ букву священнаго писанія дошла до страшной нелѣпости, и утвердились, насколько это было возможно, еще болѣе священные обычаи, задушившіе въ своихъ оковахъ всякую жизнь и всякое мышленіе. Противоположность между іудействомъ перваго столѣтія и іудействомъ третьяго столѣтія обнаружилась въ той пропасти, которая отдѣляетъ сочиненіе о *возвышенномъ* (осмѣливающееся ставить потрясающаго землю и море Гомерова Посейдона рядомъ съ создающимъ блестящее солнце Іего-

вой), отъ зачатковъ Талмуда, принадлежащихъ къ этой эпохѣ. Жизнь Іудеевъ рядомъ съ не-Іудеями оказывалась все болѣе и болѣе неизбѣжной и при данныхъ условіяхъ все болѣе и болѣе невыносимой; противоположность въ вѣрованіяхъ, въ законахъ и въ нравахъ обострялась и какъ обоюдное высокомѣріе, такъ и обоюдная ненависть оказывали въ обѣ стороны губительное вліяніе на нравственность. Въ теченіе тѣхъ столѣтій не только не было ничего сдѣлано для примиренія, но его достиженіе становилось все болѣе и болѣе отдаленнымъ по мѣрѣ того, какъ его необходимость становилась болѣе очевидной. Это ожесточеніе, это высокомѣріе и эта ненависть, въ томъ видѣ, въ какомъ они возникли въ ту пору, конечно, были лишь неизбѣжнымъ всходомъ быть можетъ не менѣе неизбѣжнаго посѣва; но оставленное тѣми временами наслѣдіе до сихъ поръ лежитъ тяжелымъ бременемъ на человѣчествѣ.

ГЛАВА XII.

Египетъ.

Присоединеніе Египта къ имперіи. — Государства египетское и сирійское, такъ долго и во всѣхъ отношеніяхъ боровшіяся и соперничавшія одно съ другимъ, подпали почти одновременно и безъ всякаго сопротивленія подъ владычество Римлянъ. Если Римляне и не воспользовались мнимымъ или подлиннымъ завѣщаніемъ Александра II († 673 г.) и въ ту пору не присоединили Египта къ своимъ владѣніямъ, все-таки послѣдніе египетскіе владѣтели изъ дома Лагидовъ, несомнѣнно, находились въ вассальной зависимости отъ Рима; вопросы о престолонаслѣдіи рѣшалъ римскій сенатъ, а съ тѣхъ поръ, какъ римскій намѣстникъ Сиріи Авлъ Габиній привелъ вмѣстѣ съ своей арміей обратно въ Египетъ (699 г.) царя Птолемея—Флейщика, римскіе легіоны уже не покидали этой страны. Подобно другимъ вассальнымъ царямъ, и владѣтели Египта принимали участіе въ междоусобныхъ войнахъ Римлянъ по приглашенію признаннаго или скорѣе внушавшаго имъ страхъ верховнаго правительства, и хотя остается нерѣшеннымъ, какую роль предназначалъ Антоній отчизнѣ слишкомъ сильно имъ любимой женщины въ томъ фантастическомъ восточномъ царствѣ, о которомъ онъ мечталъ (стр. 351), все-таки какъ владычество Антонія въ Александріи, такъ и послѣдняя междоусобная борьба передъ воротами этого города такъ-же мало принадлежатъ къ спеціальной исторіи Египта, какъ мало принадлежитъ битва при Акціумѣ къ спеціальной исторіи Эпира. Но эта

катастрофа и связанная съ нею смерть послѣдней царицы изъ династіи Лагидовъ доставили Августу удобный случай для того, чтобъ оставить вакантный престолъ незанятымъ и взять египетское царство подъ свое собственное управленіе. Это подчиненіе непосредственному римскому управленію послѣдняго клочка земли на берегахъ Средиземнаго моря и совпадающее съ нимъ по времени утвержденіе монархіи обозначаютъ—послѣднее въ томъ, что касается государственнаго устройства громадной имперіи, а первое въ томъ, что касается ея управленія, — тотъ поворотный пунктъ, на которомъ кончалась старая эпоха и начиналась новая.

Египетъ въ исключительномъ владѣніи императора. — Включеніе Египта въ составъ римскаго государства совершилось косвеннымъ путемъ, такъ какъ только къ Египту (не говоря о нѣкоторыхъ незначительныхъ округахъ) не былъ примѣненъ [1]) господствовавшій въ государственномъ устройствѣ принципъ двоевластія, то-есть принципъ совмѣстной правительственной дѣятельности двухъ высшихъ государственныхъ властей—князя и сената; и сенатъ въ своей совокупности и каждый изъ его членовъ въ отдѣльности были устранены отъ всякаго участія въ управленіи этой страной, даже было запрещено ставить ногу въ эту провинцію какъ сенаторамъ, такъ и лицамъ сенаторскаго ранга [2]). Отсюда нельзя дѣлать вывода, что Египетъ былъ связанъ съ государствомъ только личною связью; по смыслу и по духу Августовскаго управленія князь былъ такимъ-же, какъ и сенатъ необходимымъ и постоянно дѣйствующимъ элементомъ въ римскомъ государственномъ устройствѣ, а его владычество надъ Египтомъ было такою-же частію государственнаго верховенства, ка-

---

[1]) Это устраненіе какъ сената, такъ и сенаторовъ отъ соуправленія Тацитъ выражаетъ [Hist. 1, 11] словами, что Августъ желалъ управлять Египтомъ исключительно черезъ своихъ личныхъ служителей [domi retinere; сравн. Statsrecht 2, стр. 963]. Въ своемъ принципѣ это уклоненіе отъ общей системы управленія имѣло мѣсто во всѣхъ неуправлявшихся сенаторами провинціяхъ, начальники которыхъ и съ самаго начала большею частію назывались praefecti [C. I. L. V, стр. 809. 902]. Но при первомъ раздѣленіи провинцій между императоромъ и сенатомъ, вѣроятно, такъ управлялся одинъ Египетъ; и впослѣдствіи рѣзко обнаружилась особенность египетскаго управленія въ томъ, что во всѣхъ другихъ провинціяхъ этой категоріи не стояли легіоны. Устраненіе сенаторскаго управленія выразилось всего ярче въ томъ, что въ Египтѣ всегда назначались начальниками легіоновъ вмѣсто сенаторовъ лиц всадническаго званія.

[2]) Это запрещеніе относилось только къ Египту, а не ко всѣмъ областямъ, управлявшимся не-сенаторами. Какую оно имѣло важность для правительства, видно изъ того конституціоннаго и религіознаго аппарата, которымъ охранялось его исполненіе [Trig. Tyr. гл. 22].

кою было владычество африканскаго проконсула [1]). Съ точки зрѣнія государственнаго права, эти порядки можно уяснить путемъ слѣдующаго сравненія: британская имперія управлялась-бы точно по такой-же системѣ, еслибы министерство и парламентъ завѣдывали дѣлами только своего отечества, а колоніи были-бы подчинены абсолютному управленію царицы Индіи. Вопросъ о томъ, какія соображенія побудили новаго монарха принять въ самомъ началѣ его единодержавія эту рѣзко выдающуюся и ни въ какую эпоху не вызывавшую возраженій мѣру и какое имѣла она вліяніе на общій ходъ политическихъ дѣлъ, принадлежитъ къ всеобщей исторіи имперіи; здѣсь намъ предстоитъ изложить, какъ шли дѣла внутри Египта подъ императорскимъ владычествомъ.

И къ Египту примѣнимо во всемъ своемъ объемѣ общее замѣчаніе, что когда Римляне присоединяли къ государству эллинскія или устроенныя по эллинскому образцу области, они оставляли тамъ прежнія учрежденія, вводя въ нихъ, когда это оказывалось необходимымъ, лишь нѣкоторыя измѣненія.

Подобно Сиріи и Египетъ былъ страною двоякой національности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался римскимъ владѣніемъ, и тамъ Грекъ стоялъ выше туземца,—этотъ былъ слугой, а тотъ господиномъ. Но отношенія между двумя націями были въ Египтѣ совершенно иныя, чѣмъ въ Сиріи, и по закону и фактически.

Греческіе и египетскіе города. — Уже въ до-римскія времена и въ особенности въ эпоху римскаго владычества Сирія въ сущности находилась лишь въ посредственной зависимости отъ верховнаго властителя: она раздѣлялась частію на царства, частію на автономные округи и ея ближайшими правителями были или мѣстные владѣтели или общинныя должностныя лица. Напротивъ того въ Египтѣ [2]) не было ни мѣстныхъ царей ни устроенныхъ по греческому образцу имперскихъ городовъ. Двѣ административныя сферы, на которыя дѣлился Египетъ—«земля» (ἡ χώρα) Египтянъ съ ея первоначаль-

[1]) Ходячее мнѣніе, что словомъ provincia ошибочно называютъ тѣ страны, которыя не управлялись сенаторами, лишено основанія. Личной собственностью императора Египетъ былъ столько-же или такъ-же мало, какъ Галлія и Сирія; вѣдь самъ Августъ говоритъ [Mon. Anc. 5, 24]: Aegyptum imperio populi Romani adieci, а намѣстнику, который, будучи всадникомъ, не могъ быть pro praetore, онъ присвоилъ особымъ закономъ такую-же судебную компетенцію, какая принадлежала преторамъ [Tacitus, Ann. 12, 60].

[2]) Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о египетской странѣ, а не о тѣхъ странахъ, которыя находились во владѣніи Лагидовъ. Такіе-же порядки существовали въ Киренѣ [стр. 481 прим]. Но египетская система управленія никогда не примѣнялась ни къ южной Сиріи ни къ тѣмъ территоріямъ, которыя находились болѣе или менѣе долго подъ властію Египтянъ.

ными тридцатью шестью округами (νομοί) и два греческихъ города, Александрія въ Нижнемъ Египтѣ и Птолемаида въ Верхнемъ [1]), — были строго отдѣлены одна отъ другой и были рѣзко одна другой противоположны, но въ сущности едва-ли чѣмъ-либо отличались одна отъ другой. Округи и сельскіе и городскіе не только имѣютъ тамъ опредѣленныя территоріальныя границы, но каждый изъ нихъ имѣетъ значеніе особой отчизны; принадлежность къ которому-либо изъ нихъ независима отъ мѣста жительства и наслѣдственна. Египтянинъ изъ Хемисскаго нома (округа), имѣющій постоянное жительство въ Александріи, принадлежитъ къ этому ному вмѣстѣ съ своими близкими точно такъ-же, какъ живущій въ Хеммисѣ Александріецъ принадлежитъ къ александрійскому гражданству. Сельскій округъ всегда имѣетъ средоточіемъ городское поселеніе; такъ напримѣръ Хеммисскій имѣетъ средоточіемъ городъ Панополь, построенный вокругъ храма Хеммиса или Пана; по греческимъ понятіямъ это выражается такъ: каждый номъ имѣетъ свою метрополію, и стало быть каждый сельскій округъ можетъ считаться и за городской. Подобно городамъ, и номы служили въ христіанскую эпоху основой для египетскихъ епархій. Организація сельскихъ округовъ находится въ зависимости отъ культа, который въ Египтѣ господствуетъ надъ всѣмъ; средоточіемъ для каждаго изъ нихъ служитъ святилище какого-нибудь божества и они получаютъ свои названія обыкновенно или отъ святилища или отъ того звѣря, которому въ немъ поклоняются; такъ напримѣръ Хеммисскій округъ названъ по имени бога Хеммиса или, по греческому сравненію, Пана; другіе округи получили свои названія отъ собаки, льва или крокодила. Наоборотъ, и городскіе округи всегда имѣютъ какой-нибудь религіозный центръ; богъ-покровитель Александріи — Александръ, богъ-покровитель Птолемаиды — первый Птолемей, а жрецы, назначаемые и тутъ и тамъ для поклоненія этимъ богамъ и ихъ преемникамъ, считаются эпонимами для обоихъ городовъ. Сельскіе округи вовсе лишены автономіи: администрація, обложеніе податями, отправленіе правосудія находятся въ рукахъ царскихъ должностныхъ лицъ [2]) и здѣсь на всѣхъ ступеняхъ

---

[1]) Сюда можно присоединить Навкратисъ — древнѣйшій изъ греческихъ городовъ Египта, основанный еще до Птолемеевъ, и Паретоній, который, впрочемъ, лежитъ почти внѣ египетской границы.

[2]) Натурально, и здѣсь не было полнаго недостатка въ нѣкоторой совокупной дѣятельности, похожей на ту, которую проявляли regiones и vici въ тѣхъ городскихъ общинахъ, которыя управлялись сами собою: сюда принадлежатъ встрѣчающіеся въ номахъ агораномы и гимназіархи, также сооруженіе почетныхъ памятниковъ и нѣкоторые другіе факты; впрочемъ все это имѣло небольшіе размѣры и большею частію появилось лишь въ болѣе позднюю пору. По смыслу эдикта Александра [C. I. Gr. 4957] стр. 34, стратеги, какъ кажется,

управленія совершенно устранена та коллегіальность, которая служитъ оплотомъ какъ для греческаго, такъ и для римскаго общиннаго устройства. Но и въ обоихъ греческихъ городахъ существуютъ почти такіе-же порядки. Тамъ, правда, есть гражданство, раздѣленное на филы и демы, но тамъ нѣтъ никакого общиннаго совѣта[1]); правда, тамъ не такія должностныя лица, какъ въ номахъ, и носятъ они иныя названія, но они назначаются царскою властью и также не имѣютъ коллегіальнаго учрежденія. Адріанъ первый далъ городскія права по греческому образцу египетскому поселенію Антиновполю, основанному имъ въ память о его любимцѣ, утонувшемъ въ Нилѣ; а впослѣдствіи Северъ далъ хотя и не городскихъ должностныхъ лицъ, а городской совѣтъ столицѣ Египта, городу Птолемаидѣ и многимъ другимъ египетскимъ общинамъ — быть можетъ, столько-же на-зло Антіохійцамъ, сколько на пользу Египтянамъ. Хотя до той поры египетскій городъ назывался на оффиціальномъ языкѣ n o m o s, а греческій городъ—p o l i s, но *полисъ* безъ архонтовъ и безъ сенаторовъ былъ названіемъ безъ всякаго содержанія. То-же было и съ чеканкой монеты. Египетскіе номы не имѣли права чеканить монету, и Александрія никогда ее не чеканила. Между всѣми провинціями греческой половины имперіи одинъ Египетъ не

не назначались намѣстникомъ, а только утверждались имъ послѣ выдержаннаго испытанія; кто имѣлъ право представлять ихъ къ назначенію, намъ неизвѣстно.

1) Положеніе провинціи ясно обрисовывается въ надписи [C. I. Gr. 4679], которая была посвящена въ началѣ управленія Пія египетскими Греками извѣстному оратору Аристиду; тѣми, кто посвятилъ эту надпись, названы ἡ πόλις τῶν Ἀλεξανδρέων καὶ Ἑρμούπολις ἡ μεγάλη καὶ ἡ βουλὴ ἡ Ἀντινοέων νέων Ἑλλήνων καὶ οἱ ἐν τῷ Δέλτα τῆς Αἰγύπτου καὶ οἱ τὸν Θηβαϊκὸν νομὸν οἰκοῦντες Ἕλληνες. Стало быть, только Антиновполь — городъ „новыхъ Эллиновъ“ имѣлъ сенатъ; Александрія, какъ видно, его не имѣла, какъ и всѣ другіе греческіе города. Сверхъ того, въ этомъ посвященіи надписи приняли участіе Греки, жившіе въ Дельтѣ и въ Өивахъ, а изъ египетскихъ городовъ одинъ Великій-Гермуполь, при чемъ, по всему вѣроятію, оказало вліяніе близкое сосѣдство Антиновполя. Птолемаидѣ Страбонъ [17. 1, 42, стр. 813] приписываетъ σύστημα πολιτικὸν ἐν τῷ Ἑλληνικῷ τρόπῳ; но подъ этими словами едва-ли можно разумѣть что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, на что давала городу право хорошо намъ извѣстная его организація, а именно раздѣленіе гражданства на филы. Что существовавшій до Птолемеевъ греческій городъ Навкратисъ сохранилъ во времена Птолемеевъ сенатъ, который безъ всякаго сомнѣнія у него былъ, — возможно; но изъ этого факта нельзя дѣлать никакихъ заключеній о существовавшихъ при Птолемеяхъ порядкахъ. Указаніе Діона [51, 17], что Августъ оставилъ всѣмъ другимъ египетскимъ городамъ прежнее устройство, а у Александрійцевъ отнялъ общинный совѣтъ по причинѣ ихъ ненадежности, конечно, было результатомъ недоразумѣнія тѣмъ болѣе потому, что въ такомъ случаѣ Александрія стояла-бы позади остальныхъ египетскихъ общинъ, чего никакъ нельзя допустить.

зналъ никакихъ другихъ монетъ, кромѣ царскихъ. То-же самое было и подъ римскимъ владычествомъ. Императоры уничтожили злоупотребленія, распространившіяся при послѣднихъ Лагидахъ: Августъ прекратилъ происходившую при нихъ поддѣльную чеканку мѣдной монеты, а когда Тиверій снова приказалъ чеканить серебряную монету, онъ придалъ египетской серебряной монетѣ такую-же дѣйствительную стоимость, какую имѣла всякая другая ходячая въ имперіи монета [1]). Но характеръ самой чеканки въ сущности остался прежній [2]). Между номомъ и полисомъ такое-же различіе, какъ между богомъ Хемисомъ и богомъ Александромъ, а въ административномъ отношеніи между ними нѣтъ различія. Египетъ состоялъ изъ большинства египетскихъ поселеній и меньшинства греческихъ, а всѣ эти поселенія вмѣстѣ взятыя были лишены автономіи и находились подъ непосредственнымъ и абсолютнымъ управленіемъ царя и назначенныхъ имъ должностныхъ лицъ.

Отсутствіе сейма. — Послѣдствіемъ всего вышеизложеннаго было то, что Египетъ былъ единственной римской провинціей, не имѣвшей общаго представительнаго собранія. Сеймъ есть собраніе представителей отъ пользующихся самоуправленіемъ общинъ данной провинціи. Но въ Египтѣ не было такого собранія; номы былипросто императорскими или лучше сказать царскими административными окру-

---

[1]) Египетская чеканка золотой монеты, натурально, прекратилась съ присоединеніемъ страны къ римской имперіи, такъ какъ въ этой послѣдней было только имперское золото. Августъ поступилъ такъ-же и относительно серебра и въ качествѣ властителя Египта дозволилъ чеканить только мѣдную монету и то въ небольшомъ количествѣ. Прежде всѣхъ Тиверій сталъ чеканить съ 27/8 года послѣ Р. X. серебряную монету для обращенія въ Египтѣ, но она, по всей видимости, имѣла лишь номинальную цѣнность, такъ какъ она соотвѣтствовала по вѣсу почти 4-мъ римскимъ динаріямъ, а по количеству серебра 1-му [Feuardent, Numismatique, Egypte ancienne 2, стр. XI]. Но такъ какъ въ легальномъ обращеніи, александрійская драхма цѣнилась, какъ оболъ [стало быть какъ шестая часть, а не какъ четвертая; сравн. Röm. Münzwesen стр. 43. 723] римскаго динарія [Hermes 5, стр. 136], а провинціальное серебро всегда стоило ниже имперскаго, то можно полагать, что алексанрійская тетрадрахма съ стоимостью серебра въ одинъ динарій имѣла курсовую цѣну $^2/_3$ динарія. Поэтому до царствованія Коммода, послѣ котораго александрійская тетрадрахма въ сущности была мѣдной монетой, она была такою-же соотвѣтствующею своей дѣйствительной стоимости монетой, какою были сирійская тетрадрахма и каппадокійская драхма; ей только оставили старое названіе и прежній вѣсъ.

[2]) Это общее правило нисколько не измѣняется оттого, что императоръ Адріанъ,—въ числѣ своихъ египетскихъ прихотей,—далъ на одинъ разъ право чеканить монету номамъ и вновь основанному имъ городу Антиновполю, что впослѣдствіи случалось еще нѣсколько разъ.

гами, а Александрія не только стояла почти особнякомъ, но даже не имѣла настоящей муниципальной организаціи. Хотя стоявшій во главѣ мѣстной столицы жрецъ и назывался «верховнымъ жрецомъ Александріи и всего Египта» (стр. 557) и имѣлъ нѣкоторое сходство съ мало-азіятскими Азіархами и Виѳиніархами, но глубокая разница въ ихъ значеніи лишь прикрывалась этимъ названіемъ.

Управленіе Лагидовъ.—Сообразно съ этимъ и римское владычество имѣетъ въ Египтѣ совершенно другой характеръ, чѣмъ во всей остальной, поставленной подъ императорское управленіе, сферѣ греческой и римской цивилизаціи. Въ этой сферѣ повсемѣстно правитъ община; властелинъ государства въ сущности не болѣе, какъ общій глава многочисленныхъ, болѣе или менѣе автономныхъ гражданствъ, а рядомъ съ пользой самоуправленія повсюду выступаютъ наружу его вредъ и опасности. Въ Египтѣ властитель—царь, мѣстные жители—его подданные, управленіе такое-же, какъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Это управленіе было абсолютно и по своему принципу и по тому, какъ оно велось всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими представителями власти; оно стремилось къ благосостоянію всѣхъ подданныхъ безъ различія ихъ ранговъ и состоянія, было отличительной особенностью тѣхъ порядковъ, которые существовали при Лагидахъ, и развилось, вѣроятно, болѣе изъ эллинизированія старой фараоновской системы, чѣмъ изъ организованнаго по-городски всемірнаго владычества, въ томъ видѣ какъ его замышлялъ великій Македонянинъ и какъ оно всего полнѣе осуществилось на дѣлѣ въ сирійской Ново-Македоніи (стр. 439). Для этой системы нуженъ былъ такой царь, который не только лично предводительствовалъ-бы арміями, но и ежедневно занимался-бы дѣлами управленія; она требовала обширной и строго дисциплинованной іерархіи должностныхъ лицъ и безпощадной справедливости по отношенію и къ высшимъ и къ низшимъ; а такъ какъ эти властители, не безъ нѣкотораго основанія, присвоивали себѣ названіе благодѣтелей (εὐεργέτης), то эту монархію Лагидовъ слѣдуетъ отнести къ одному разряду съ Фридриховской, отъ которой она не многимъ отличается въ своихъ основныхъ чертахъ. Однако и Египту пришлось познакомиться на опытѣ съ ея оборотной стороной—съ неизбѣжнымъ крушеніемъ системы въ неспособныхъ рукахъ. Но норма осталась и Августовскій принципатъ рядомъ съ сенатскимъ верховенствомъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ сочетаніемъ системы управленія Лагидовъ съ старымъ развитіемъ городовъ и союзовъ.

Египетъ и государственное управленіе.—Другимъ результатомъ этой формы управленія было несомнѣнное превосходство египетской адми-

нистраціи надъ администраціей остальныхъ провинцій въ финансовомъ отношеніи. До-римскую эпоху можно назвать эпохой состязанія между финансовымъ преобладаніемъ Египта и обширностью остальныхъ восточныхъ владѣній въ Азіи; во времена римскаго владычества это обнаруживается въ томъ, что императорскіе финансы находились въ лучшемъ положеніи, нежели сенатскіе, въ особенности благодаря исключительному обладанію Египтомъ. Если цѣль государства заключается въ извлеченіи возможно бо́льшихъ доходовъ изъ страны, то Лагиды были въ древнемъ мірѣ мастерами въ дѣлѣ государственнаго управленія. Въ особенности для Цезарей они были въ этой сферѣ наставниками и образцами. Мы не въ состояніи съ точностью опредѣлить, какъ велики были доходы, которые получались Римлянами изъ Египта. Во времена персидскаго владычества, Египетъ уплачивалъ ежегодную дань въ 700 вавилонскихъ талантовъ серебра, то-есть около 4 милліоновъ марокъ; ежегодный доходъ Птолемеевъ съ Египта или, быть можетъ, со всѣхъ ихъ владѣній вообще доходилъ въ самую блестящую пору ихъ управленія до 14.800 египетскихъ серебряныхъ талантовъ или до 57 милл. марокъ и сверхъ того онъ состоялъ изъ $1^1/_2$ милл. артабъ = 591.000 гектолитровъ пшеницы; въ концѣ ихъ владычества этотъ доходъ едва доходилъ до 6000 талантовъ или до 23 милл. марокъ. Римляне ежегодно получали изъ Египта третью часть того количества зерноваго хлѣба, которое требовалось для римскаго населенія, а именно 20 милл. римскихъ шефелей [1]) = 1.740.000 гектолитровъ; часть этихъ запасовъ, безъ сомнѣнія, получалась изъ собственныхъ императорскихъ имѣній, другая часть, быть можетъ, пріобрѣталась за денежное вознагражденіе, а съ другой стороны египетскіе налоги, по крайней мѣрѣ бо́льшею частію, взыскивались деньгами, —поэтому мы и не въ состояніи хотя-бы приблизительно опредѣлить размѣръ доходовъ, которые поступали изъ Египта въ римскую государственную казну. Но эти доходы имѣли важное значеніе для римскаго государственнаго хозяйства не только по своимъ большимъ размѣрамъ, а также потому, что ихъ взиманіе служило образцомъ и для управленія недвижимою собственностью, принадлежавшею императорамъ въ другихъ провинціяхъ, и для всей системы государственнаго

---

[1]) Эта цифра указана въ Epitome Виктора гл. I за время Августова управленія. Послѣ того, какъ право полученія этого налога перешло къ Константинополю, туда доставлялись при Юстиніанѣ [ed. 13, гл. 8] ежегодно по 8 милл. артабъ [такъ какъ ихъ слѣдуетъ разумѣть, судя по тому, что говорится въ гл. 6] или по $26^2/_3$ милл. римскихъ шефелей [Hultsch. Metrol. стр. 628]; къ этому присоединилась впослѣдствіи введенная Діоклетіаномъ такого-же рода подать въ пользу города Александріи. За перевозку этого хлѣба въ Константинополь ежегодно уплачивались морякамъ изъ государственной казны 8000 золотыхъ монетъ [solidi]=100.000 мар.

управленія въ ея совокупности,—какъ это будетъ болѣе видно изъ ихъ подробнаго описанія.

Привилегированное положеніе Эллиновъ.—Но хотя въ Египтѣ вовсе не было общиннаго самоуправленія и въ этомъ отношеніи не было существенной разницы между двумя націями, изъ которыхъ составилось это государство точно такъ-же, какъ и сирійское, однако между этими націями была поставлена въ другомъ отношеніи такая преграда, которая не имѣла ничего себѣ подобнаго въ Сиріи. Въ силу введенныхъ македонскимъ завоевателемъ порядковъ, принадлежность къ египетскому поселенію лишала права занимать какую-либо общественную должность и нести военную службу высшаго разряда. Когда государство оказывало своимъ гражданамъ какія-нибудь милости, эти милости распространялись только на гражданъ греческихъ общинъ [1]); напротивъ того, поголовную подать уплачивали одни Египтяне, а отъ общинныхъ налоговъ, лежавшихъ въ отдѣльныхъ египетскихъ округахъ на тѣхъ, кто имѣлъ тамъ постоянную осѣдлость, были освобождены поселившіеся тамъ Александрійцы [2]). Хотя за неудовлетвореніе законныхъ требованій расплачивалась какъ спина Египтянъ, такъ и спина Александрійцевъ, но эти послѣдніе могли похвастаться и дѣйствительно хвастались тѣмъ, что ихъ били палкой, а Египтянъ плетью [3]). Даже пріобрѣтеніе лучшихъ гражданскихъ правъ было воспрещено Египтянамъ [4]). Въ списки граж-

---

1) По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что однажды Клеопатра, при раздачѣ зерноваго хлѣба въ Александріи, устранила Іудеевъ [Josephus, contra Ap. 2, 5] и тѣмъ болѣе также Египтянъ.

2) Эдиктъ Александра [C. I. Gr. 4957] стр. 33 и сл. освобождаетъ по причинѣ ихъ занятій, ἐν τῇ χώρᾳ [а не ἐν τῇ πόλει], жившихъ ἐγγενεῖς Ἀλεξανδρεῖς, отъ λειτουργίαι χωρικαί.

3) Александрійскій Іудей Филонъ [in Flacc. 10] говоритъ: „Относительно „тѣлесныхъ наказаній [τῶν μαστίγων] въ нашемъ городѣ существуютъ различія соотвѣтственно съ общественнымъ положеніемъ тѣхъ, кого наказываютъ: „Египтянъ наказываютъ и особою плетью и особые люди, а Александрійцевъ „наказываютъ палками [σπάθαις; σπάθη—прутья отъ пальмовыхъ листьевъ] и особые александрійскіе палочники“ [σπαθηφόροι, нѣчто въ родѣ bacillarius'а]. Вслѣдъ за тѣмъ онъ горько жалуется на то, что когда приходится наказывать старшинъ его общины, ихъ не наказываютъ приличными для гражданъ палками [ταῖς ἐλευθεριωτέραις καὶ πολιτικωτέραις μάστιξιν].

4) Josephus contra Ap. 2, 4: μόνοις Αἰγυπτίοις αἱ κύριοι νῦν Ῥωμαῖοι τῆς οἰκουμένης μεταλαμβάνειν ἡστινοσοῦν πολιτείας ἀπειρήκασιν. 6: Aegyptiis neque regum quisquam videtur ius civitatis fuisse largitus neque nunc quilibet imperatorum [сравн. Eph. epigr. 5, стр. 13]. Онъ упрекаетъ своего антагониста [2, 3, 4] за то, что тотъ, будучи египетскимъ уроженцемъ, отрекся отъ своей отчизны и выдалъ себя за Александрійца. Впрочемъ, не смотря на это, бывали и исключенія.

данъ тѣхъ двухъ большихъ греческихъ городовъ, которые были устроены въ Нижнемъ и въ Верхнемъ Египтѣ двумя основателями имперіи и названы ихъ именами, было внесено все господствующее населеніе, а обладаніе правами гражданства въ одномъ изъ этихъ городовъ имѣло въ Египтѣ Птолемеевъ одинакое значеніе съ обладаніемъ правами римскаго гражданства въ римскомъ государствѣ. Птолемеи примѣнили на практикѣ и во всемъ его объемѣ совѣтъ Аристотеля Александру быть для Эллиновъ властелиномъ (ἡγεμών), а для варваровъ господиномъ, о тѣхъ заботиться какъ о друзьяхъ и товарищахъ, а этими пользоваться такъ, какъ пользуются животными и растеніями. Царь былъ великодушнѣе и свободнѣе своего наставника; онъ питалъ въ душѣ болѣе возвышенное намѣреніе превратить варваровъ въ Эллиновъ или по меньшей мѣрѣ замѣнить варварскія поселенія эллинскими, и эту мысль его преемники осуществляли почти повсюду и въ особенности въ Сиріи въ широкихъ размѣрахъ [1]). Въ Египтѣ не было ничего подобнаго. Его владѣтели старались сойтись съ туземцами въ особенности на религіозной почвѣ и хотѣли властвовать не какъ Греки надъ Египтянами, а скорѣе какъ земные боги надъ подданными; но съ этимъ уживалось неравномѣрное распредѣленіе правъ между подданными точно такъ, какъ и въ режимѣ Фридриха его существенную часть составляли какъ правовое и фактическое привилегированное положеніе дворянства, такъ и одинакая справедливость по отношенію и къ знати и къ простому люду.

Личныя привилегіи во времена римскаго владычества. — Такъ какъ Римляне вообще продолжали на востокѣ то, что было начато Греками, то и устраненіе египетскихъ туземцевъ отъ пріобрѣтенія правъ греческаго гражданства не только осталось въ силѣ, но было распространено и на права римскаго гражданства. Напротивъ того, жившій въ Египтѣ Грекъ могъ пріобрѣтать эти послѣднія правъ точно такъ-же, какъ и всякій другой негражданинъ. Доступъ въ сенатъ, правда, не былъ для него открытъ, точно такъ-же, какъ и для римскихъ гражданъ, которые были родомъ изъ Галліи (стр. 83), и это запрещеніе оставалось въ силѣ для Египта еще долѣе, чѣмъ для Галліи [2]); исключенія дѣлались въ отдѣль-

[1]) И александрійская наука протестовала противъ этого наставленія въ томъ же духѣ, какъ и царь [Plutarch. de fort. Alex. 1, 6]; Эратосѳенъ говоритъ, что цивилизація свойственна не однимъ Эллинамъ и что въ ней нельзя отказывать варварамъ, какъ напримѣръ Индійцамъ, Аріанамъ, Римлянамъ, Карѳагенянамъ; онъ полагаетъ, что было-бы правильнѣе раздѣлять людей на „хорошихъ“ и „дурныхъ“ [Страбонъ, 1, оконч., стр. 66]. Но и при Лагидахъ эта теорія не примѣнялась на практикѣ къ египетской расѣ.

[2]) И доступъ къ всадническимъ мѣстамъ былъ по меньшей мѣрѣ затрудненъ:

ныхъ случаяхъ не ранѣе начала третьяго столѣтія, а въ качествѣ общаго правила это ограниченіе еще не было отмѣнено въ пятомъ столѣтіи. Въ Египтѣ даже мѣста высшихъ должностныхъ лицъ, то-есть тѣхъ, чье вѣдомство простиралось на всю провинцію, равно какъ мѣста офицерскія были оставлены за римскими гражданами на томъ основаніи, что для ихъ занятія нужно было имѣть всадническаго коня; это было послѣдствіемъ общаго государственнаго устройства и даже въ Египтѣ при первыхъ царяхъ изъ рода Лагидовъ такими-же привилегіями пользовались Македоняне насупротивъ остальныхъ Грековъ. Доступъ къ должностямъ втораго разряда оставался подъ римскимъ владычествомъ по прежнему закрытымъ для жившихъ въ Египтѣ Египтянъ; онѣ замѣщались Греками и въ особенности гражданами Александріи и Птолемаиды. Хотя для военной службы перваго разряда требовалось обладаніе правами римскаго гражданства, но жившимъ въ Египтѣ Грекамъ нерѣдко позволяли вступать на службу въ стоявшіе въ самомъ Египтѣ легіоны и по этому случаю давали имъ права римскаго гражданства. Допущеніе Грековъ къ службѣ въ вспомогательныхъ войскахъ не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; но Египтяне и въ эту службу или рѣдко допускались или вовсе не допускались; напротивъ того они впослѣдствіи поступали въ значительномъ числѣ въ самый низшій разрядъ военно-служащихъ—въ тѣ отряды моряковъ, которые еще въ первыя времена имперіи формировались изъ рабовъ. Съ теченіемъ времени, устраненіе египетскихъ туземцевъ стало утрачивать свою строгость и они стали чаще достигать правъ греческаго гражданства, а посредствомъ ихъ и правъ римскаго гражданства; но взятое въ своей цѣльности римское управленіе было ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ и греческаго владычества и греческой замкнутости. Македонское правительство удовольствовалось основаніемъ Александріи и Птолемаиды, а римское правительство не основало ни одной колоніи только въ этой провинціи [1]).

---

non est ex albo index patre Aegyptio [C. I. L. IV, 1943; сравн. Staatsrecht 2, 919, прим. 2; Eph. epigr. V p. 13, n. 2]. Впрочемъ въ раннюю пору нѣкоторые Александрійцы занимали всаднеческія должности, какъ напримѣръ Тиверій Юлій Александръ [стр. 555 прим. 2].

[1]) Если Плиній [5, 31, 128] правъ, говоря, что лежащій передъ входомъ въ александрійскую гавань островъ Фаросъ былъ colonia Caesaris dictatoris, то отсюда слѣдуетъ заключить, что и въ этомъ случаѣ диктаторъ, подобно Александру, не держался точки зрѣнія Аристотеля. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣ присоединенія Египта къ имперіи, тамъ никогда не было ни одной римской колоніи.

Мѣстный языкъ. — И постановленія, касавшіяся употребленія языка, остались въ Египтѣ при Римлянахъ въ сущности тѣ-же, какія были введены Птолемеями. За исключеніемъ лицъ военнаго званія, въ средѣ которыхъ господствовалъ одинъ латинскій языкъ, въ сношеніяхъ между высшими должностными лицами дѣловымъ языкомъ былъ греческій. Между туземнымъ языкомъ и языками семитическими и арійскими существуетъ коренное различіе; онъ всего ближе подходитъ къ языку, которымъ говорятъ въ сѣверной Африкѣ Берберы; а туземнаго письменнаго языка никогда не употребляли ни римскіе властители ни ихъ намѣстники, и если еще при Птолемеяхъ прибавлялся греческій переводъ къ написаннымъ по-египетски документамъ, то и тотъ языкъ, который замѣнилъ греческій, получилъ по меньшей мѣрѣ такое-же значеніе. Впрочемъ Египтянамъ не воспрещалось употреблять ихъ мѣстный языкъ и ихъ издревле священные письменные знаки, если это требовалось ихъ религіозными уставами или считалось цѣлесообразнымъ по какимъ-нибудь другимъ причинамъ; и въ этой древней отчизнѣ письменности приходилось дозволять, не только въ договорахъ между частными лицами, но даже въ податныхъ квитанціяхъ и въ другихъ подобныхъ документахъ, употребленіе какъ мѣстнаго языка, на которомъ только и умѣло свободно выражаться большинство населенія, такъ и мѣстной письменности. Но это была уступка и владычествовавшій тамъ эллинизмъ старался расширять свои владѣнія. Стараніе создать для господствовавшихъ въ странѣ понятій и преданій приличныя выраженія и на греческомъ языкѣ, было причиной того, что въ Египтѣ двойныя имена встрѣчаются такъ часто, какъ нигдѣ. Всѣ египетскіе боги, имена которыхъ даже Грекамъ было трудно произносить, какъ напримѣръ имя Изиды, были поставлены на ряду съ соотвѣтствовавшими имъ или даже вовсе не соотвѣтствовавшими греческими именами; едва-ли не половина поселеній и множество частныхъ лицъ носятъ и туземное и греческое имя. Этимъ путемъ мало-по-малу проникалъ туда эллинизмъ. Древняя священная письменность встрѣчается на сохранившихся памятникахъ въ послѣдній разъ при императорѣ Деціѣ, около половины 3 столѣтія, а ея общеупотребительное искаженіе—въ послѣдній разъ около половины 5 столѣтія; но изъ общаго употребленія и та и другая письменность вышли гораздо ранѣе. Въ этомъ сказываются какъ пренебреженіе къ туземнымъ элементамъ цивилизаціи, такъ и ихъ исчезновеніе. Самый языкъ туземцевъ держался еще долго послѣ того въ отдаленныхъ поселеніяхъ и въ низшихъ народныхъ слояхъ; онъ совершенно исчезъ только въ 17 столѣтіи послѣ того, какъ онъ, подобно сирійскому, подвергся въ позднія времена имперіи, подъ названіемъ языка Коптовъ, въ нѣкоторой мѣрѣ перерожденію вслѣдствіе введенія христіанства и вслѣдствіе усилій создать національно-христіанскую литературу.

Отсутствіе резиденціи.—Въ системѣ египетскаго управленія имѣлъ важное значеніе тотъ фактъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пріобрѣтенія страны Автустомъ было отсутствіе двора и упадокъ прежней царской резиденціи. Осталось по прежнему только то, что не было надобности измѣнять. Въ надписяхъ, написанныхъ на мѣстномъ нарѣчіи и стало быть только для Египтянъ, императоры называются, подобно Птолемеямъ, царями Верхняго и Нижняго Египта и избранниками египетскихъ національныхъ боговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ титулъ верховныхъ царей, котораго не носили Птолемеи [1]). Время считалось въ Египтѣ по бывшему до того времени въ общемъ употребленіи календарю и по перешедшему на римскаго властителя царскому году; но золотой кубокъ, который царь бросалъ въ іюнѣ каждаго года въ подымающіяся воды Нила, теперь туда бросалъ римскій вице-король. Впрочемъ этимъ путемъ не достигали важныхъ результатовъ. Римскій властелинъ не могъ исполнять роли египетскаго царя, которая была несовмѣстима съ его положеніемъ въ государствѣ. А попытка замѣнить себя преданнымъ человѣкомъ привела къ непріятнымъ послѣдствіямъ при первомъ назначеніи египетскаго намѣстника; тотъ способный военачальникъ и даровитый поэтъ, который не могъ отказать себѣ въ удовольствіи надписать свое имя на пирамидахъ, былъ за это отставленъ и окончательно погубилъ себя. Тамъ было необходимо установить предѣлы для правителей. Римскій намѣстникъ могъ, подобно туземному царю, исполнять тѣ дѣловыя обязанности, которыя лежали на монархѣ [2]) и по системѣ Александра и по организаціи римскаго принципата; но

---

[1]) Египетскіе жрецы давали Августу слѣдующій титулъ: „Прекрасный мальчикъ, милый своей любезностью, князь князей, избранникъ Птаха и отца боговъ „Нуна, царь Верхняго Египта и царь Нижняго Египта, властитель обѣихъ „странъ, автократоръ, сынъ солнца, владѣтель діадемы, императоръ, вѣчно живущій, любимый Птахомъ и Изидой“; здѣсь названія автократоръ и императоръ сохранились отъ Грековъ. Титулъ Августа появляется въ египетскомъ переводѣ [n t i χ u] впервые при Тиверіѣ, а вмѣстѣ съ греческимъ Σεβατός впервые при Домиціанѣ. Титулъ прекраснаго милаго мальчика, обыкновенно дававшійся въ лучшія времена только мальчикамъ, объявленнымъ соправителями, впослѣдствіи сдѣлался неизмѣннымъ и относился какъ къ Цезаріону и къ Августу, такъ и къ Тиверію, Клавдію, Титу, Домиціану. Болѣе важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что титулъ, напримѣръ въ томъ видѣ, какъ онъ помѣщенъ на греческомъ языкѣ въ надписи въ Розеттѣ [C. I. Gr. 4697], былъ измѣненъ прибавкой къ нему со времени Августа словъ „князь князей“; этими словами, безъ сомнѣнія, желали обозначить то положеніе верховнаго царя, котораго не имѣли прежніе цари.

[2]) Царь Селевкъ говаривалъ [Plutarch, An Seni II], что если-бы всѣ знали, какъ тяжело писать и прочитывать такъ много писемъ, никто не захотѣлъ-бы поднять лежащую у ногъ корону.

требовалось, чтобъ онъ и не былъ и не казался царемъ [1]). Второй городъ міра, конечно, сознавалъ это глубоко и со скорбью. Перемѣна династіи не имѣла-бы такихъ тяжелыхъ послѣдствій. Но съ перенесеніемъ столицы властителя съ береговъ Нила на берега Тибра для Александрійцевъ навсегда безвозвратно исчезло все, что составляло принадлежность двора Птолемеевъ, организованнаго по церемоніалу Фараоновъ—царь и царица въ ихъ божественномъ величіи, пышность праздничныхъ шествій, пріемъ жрецовъ и посланниковъ, придворные банкеты, великолѣпные обряды, совершавшіеся при коронованіи, при принесеніи присяги, при бракосочетаніи, при погребеніи, придворныя должности тѣлохранителей и верховнаго тѣлохранителя (ἀρχισωματοφύλαξ), камергера, который вводилъ во дворецъ (εἰσαγγελεύς), оберъ-шенка (ἀρχεδέατρος), оберъ-егермейстера (ἀρχικυνηγός), родственники и друзья царя и наконецъ тѣ, которые были украшены декораціями. Тамъ остались отъ прежняго царскаго величія только двѣ знаменитыя александрійскія библіотеки со всѣми своими принадлежностями и со своимъ персоналомъ. За то, что Египетъ выгналъ своихъ прежнихъ правителей, онъ поплатился, безспорно, гораздо дороже, нежели Сирія; населеніе этихъ обѣихъ странъ было поставлено въ то безпомощное положеніе, при которомъ должно было довольствоваться тѣмъ, что́ ему давали, а мысль о возвращеніи утраченнаго міроваго значенія даже никому не приходила на умъ ни въ Египтѣ ни въ Сиріи.

Должностныя лица.—Управленіе,—какъ уже было ранѣе замѣчено,—находилось въ рукахъ „замѣстителя", то-есть вице-короля; хотя новый властелинъ, въ виду того положенія, которое онъ занималъ въ государствѣ, не присвоивалъ въ Египтѣ царскихъ названій ни себѣ ни своимъ болѣе высоко поставленнымъ представителямъ, онъ на самомъ дѣлѣ властвовалъ въ качествѣ преемника Птолемеевъ, и высшая власть какъ гражданская, такъ и военная находилась въ его рукахъ и въ рукахъ его замѣстителя. Что этого мѣста не могли занимать ни неграждане ни сенаторы, было выше замѣчено; оно иногда предоставлялось Александрійцамъ, если имъ удавалось получить права гражданства и, не въ примѣръ другимъ, всадническаго коня [2]).

---

1) Изъ Vita Hadr. 4 едва-ли можно заключить, что онъ носилъ особыя отъ другихъ офицеровъ внѣшнія отличія [Hirschfeld, Verw. Gesch. стр. 271].

2) Такъ, напримѣръ, александрійскій Іудей Тиверій Юлій Александръ занималъ этотъ намѣстническій постъ [стр. 517] въ послѣдніе годы Неронова царствованія; впрочемъ онъ принадлежалъ къ очень богатому и знатному семейству, даже находившемуся въ родствѣ съ императорскимъ домомъ, и отличился въ пареянской войнѣ въ качествѣ начальника главнаго штаба при Корбулонѣ; эту

φος)[1]), верховный судья (ἀρχιδικαστής) и начальникъ ночныхъ сторожей (νυκτερινὸς στρατηγός). Само собой разумѣется, что они были болѣе важны, чѣмъ стратеги номъ; это ясно видно изъ того, что высшее изъ александрійскихъ должностныхъ лицъ носило пурпуровое одѣяніе. Впрочемъ они также вели свое начало изъ временъ Птолемеевъ и, подобно начальникамъ номовъ назначались римскимъ правительствомъ на опредѣленный срокъ изъ мѣстныхъ жителей. Между этими городскими властями не было такихъ римскихъ должностныхъ лицъ, которыя назначались-бы императоромъ. Но жрецъ Музея, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ въ званіи президента александрійской академіи наукъ и завѣдывавшій значительными денежными суммами этого заведенія, назначался императоромъ; точно также и для надзора за могилой Александра и за принадлежавшими къ ней зданіями, и на нѣкоторыя другія важныя должности въ столицѣ Египта назначались должностныя лица всадническаго ранга римскимъ правительствомъ [2]).

Александріи и всего Египта", о которомъ упоминаетъ городская римская надпись временъ Адріана [C. I. Gr. 5900: ἀρχιερεῖ Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης Λευκίῳ Ἰουλίῳ Οὐηστίνῳ καὶ ἐπιστάτῃ τοῦ Μουσείου καὶ ἐπὶ τῶν ἐν Ῥώμῃ βιβλιοθηκῶν Ῥωμαικῶν τε καὶ Ἑλληνικῶν καὶ ἐπὶ τῆς παιδείας Ἁδριανοῦ, ἐπιστολεῖ τοῦ αὐτοῦ αὐτοκράτορος]; внѣ Египта избѣгали употребленія настоящаго титула ἐξηγητής, такъ какъ этимъ словомъ обыкновенно обозначали пономаря. Изъ приведенной надписи можно заключить, что должность верховнаго жреца давалась въ ту пору на продолжительное время; если дѣйствительно такъ было, то здѣсь повторился переходъ отъ годоваго занятія должности къ пожизненному—иногда по меньшей мѣрѣ по титулу, а нерѣдко и на самомъ дѣлѣ, въ особенности въ провинціяхъ; хотя этотъ александрійскій верховный жрецъ и не принадлежалъ къ числу провинціальныхъ, но былъ ихъ представителемъ въ Египтѣ [стр. 548]. Что должность жреца и начальство надъ Музеемъ были двѣ различныя должности, видно изъ самой надписи. То-же видно изъ надписи одного царскаго главнаго доктора, принадлежащей къ лучшимъ временамъ Лагидовъ; онъ былъ и экзегетомъ и начальникомъ Музея [Χρύσερμον Ἡρακλείτου Ἀλεξανδρέα τόν συγγενῆ βασιλέως Πτολεμαίου καὶ ἐξηγητὴν καὶ ἐπὶ τῶν ἰατρῶν καὶ ἐπιστάτην τοῦ Μουσείου]. Но изъ обоихъ памятниковъ можно заключить, что званіе высшаго должностнаго лица Александріи и начальство надъ Музеемъ часто предоставлялись одному и тому-же лицу, хотя на первую изъ этихъ должностей назначалъ, во времена римскаго владычества, префектъ, а на вторую—императоръ.

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ однородною должностью, о которой упоминаетъ Филонъ [in Flacc. 16] и которую занималъ Лукіанъ [Apolog. 12]: это была не городская должность, а второстепенная при египетской префектурѣ, называвшаяся по-латыни a commentariis или ab actis.

[2]) Это былъ procurator Neaspoleos et mausolei Alexandriae [C. I. L. VIII, 8934; Henzen 6929]. Должностными лицами такого-же рода и такого же ранга, но неизвѣстно въ точности съ какой компетенціей, были

Возстанія.—Само собой разумѣется, что Александрійцы и Египтяне вовлекались въ смуты, возникавшія на востокѣ вслѣдствіе появленія различныхъ претендентовъ и постоянно принимали въ нихъ дѣятельное участіе; поэтому тамъ были провозглашены властителями и Веспасіанъ и Кассій и Нигеръ и Макріанъ (стр. 423) и сынъ Зиновіи Вабаллатъ и Пробъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ инииіатива не исходила ни отъ александрійскихъ гражданъ ни отъ незначительныхъ египетскихъ войскъ, а большая часть этихъ революціонныхъ движеній, даже тѣхъ изъ нихъ, которыя были неудачны, не имѣла для Египта никакихъ особенно чувствительныхъ послѣдствій. Но то движеніе, съ которымъ связано имя Зиновіи (стр. 427), имѣло для Александріи и для всего Египта почти такія-же гибельныя послѣдствія, какъ и для Пальмиры. И въ самомъ городѣ и во всей странѣ, сторонники Пальмиры и сторонники Рима боролись между собою и мечомъ и огнемъ. Съ юга вторгнулись въ нее варварскіе Блеміи, какъ кажется, вслѣдствіе соглашенія съ той частію египетскаго населенія, которая приняла сторону Пальмиры, и завладѣли значительной частію Верхняго Египта [1]). Въ Александріи были прекращены сообщенія между двумя враждебными кварталами, и даже пересылка писемъ изъ одного въ другой сдѣлалась затруднительной и опасной [2]) Улицы были покрыты кровью и непогребенными трупами, такъ что по нимъ прекратилось движеніе. Вслѣдствіе этого появилась моровая язва, свирѣпствовавшая еще съ большею жестокостью,

---

procurator ad Mercurium Alexandreae [C. I. L. X, 3847] и procurator Alexandreae Pelusii [C. VI, 1624]. И маякъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ императорскаго вольноотпущенника [C. VI, 8582].

[1]) О союзѣ между сторонниками Пальмиры и Блеміями свидѣтельствуютъ: указаніе въ Vita Firmi, гл. 3 и то, что, по словамъ Зосима [1, 71], Птолемаида перешла на сторону Блеміевъ [сравн. Евсевія, Hist. Eccl. 7, 32]. Авреліанъ только велъ переговоры съ Блеміями [Vita 34. 41]; Пробъ былъ тотъ, кто ихъ выгналъ изъ Египта [Зосимъ въ выше ук. м.; Vita. 17].

[2]) До насъ дошло одно изъ такихъ писемъ; оно написано тогдашнимъ городскимъ епископомъ Діонисіемъ [† 265] къ членамъ его общины, запертымъ въ непріятельской половинѣ города [Евсевій, Hist. Eccl. 7, 21, 22, сравн. 32]. Тамъ говорится: „легче переѣхать съ востока на западъ, чѣмъ изъ Александріи въ Александрію“ и ἡ μεσαιτάτη τῆς πόλεως ὁδός; тамъ также сравнивается съ степью, отдѣляющею Египетъ отъ обѣтованной земли, та улица съ колоннадами, которая шла отъ оконечности Лохія поперегъ всего города [сравн. Lumbroso, l'Egitto al tempo dei Greci e Romani 1882, стр. 137]; изъ всего этого, пожалуй, можно бы было заключить, что Северъ Антонинъ привелъ въ исполненіе свою угрозу построить сквозь городъ стѣну и поставить на ней гарнизонъ [Діонъ 77, 23]. Въ такомъ случаѣ къ этому сооруженію относилось-бы то срытіе стѣнъ, которое произошло послѣ подавленія возстанія [Амміанъ, 22, 16, 15].

чѣмъ мечъ; а для того, чтобъ не было недостатка ни въ одномъ изъ четырехъ апокалипсическихъ коней, и Нилъ не исполнилъ своего назначенія, такъ что ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединился и голодъ. Населеніе уменьшилось въ такомъ размѣрѣ, что по словамъ одного современника, въ Александріи насчитывалось до того времени болѣе стариковъ, чѣмъ послѣ того граждан. Когда присланный Клавдіемъ полководецъ Пробъ наконецъ одержалъ верхъ, сторонники Пальмиры и въ томъ числѣ большинство членовъ городскаго совѣта, бросились въ укрѣпленный замокъ Прухейонъ, находившійся въ небольшомъ разстояніи отъ города; вслѣдствіе даннаго Пробомъ обѣщанія пощадить жизнь тѣхъ изъ нихъ, которые прекратятъ сопротивленіе, они большею частію покорились; тѣмъ не менѣе значительная часть мѣстнаго гражданства продолжала эту отчаянную борьбу до послѣдней крайности. Наконецъ крѣпость была взята голодомъ (270 г.); она была срыта до основанія и то мѣсто, на которомъ она находилась, оставалось послѣ того въ запустѣніи, а городъ лишился своихъ стѣнъ. Блеміи держались въ странѣ еще въ теченіе многихъ лѣтъ, пока императоръ Пробъ не отнялъ у нихъ Птолемаиды и Копта и не выгналъ ихъ изъ Египта. Нужда, которая была натуральнымъ послѣдствіемъ непрекращавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ смутъ, быть можетъ, и была причиной единственнаго вспыхнувшаго въ Египтѣ революціоннаго движенія, о которомъ дошли до насъ свѣдѣнія [1]).

Возстаніе при Діоклетіанѣ.—Въ царствованіе Діоклетіана, и египетскіе туземцы и александрійскіе граждане возстали противъ правительства,—намъ неизвѣстно, по какой причинѣ и съ какою цѣлію. Мятежники провозгласили императорами Луція Домиція Домиціана и Ахиллея,—если только этими двумя именами не обозначалось одно и то же лице; возстаніе длилось отъ трехъ до четырехъ лѣтъ; города Бузирисъ въ Дельтѣ и Коптъ вблизи отъ Ѳивъ были разрушены римскими войсками и наконецъ весной 297 года столица была взята послѣ восьми-мѣсячной осады Римлянами, предводимыми самимъ Діоклетіаномъ. О томъ, въ какой упадокъ пришла страна, которая хотя и была богата отъ природы, но могла благоденствовать только при внутреннемъ и внѣшнемъ спокойствіи, ничто не свидѣтельствуетъ такъ ясно, какъ сдѣланное въ 302 г. тѣмъ-же Діоклетіаномъ распоряженіе, чтобъ часть высылавшагося въ Римъ египетскаго хлѣба впредь шла въ пользу александрійскихъ граж-

---

1) Нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что въ Египтѣ дѣйствительно властвовали тираны Эмиліанъ, Фирмъ, Сатурнинъ. Такъ-называемое жизнеописаніе втораго изъ нихъ есть ничто иное, какъ сильно искаженное описаніе взятія Прухейона.

данъ [1]). Это распоряженіе, конечно, принадлежало къ числу тѣхъ мѣропріятій, которыя имѣли цѣлью отнять у Рима значеніе столицы; но Діоклетіанъ не имѣлъ никакого основанія оказывать Александрійцамъ свое покровительство и имъ не была бы оказана эта помощь, если бы она не была крайне для нихъ необходима.

Земледѣліе.—Въ экономическомъ отношеніи Египетъ, какъ извѣстно, по преимуществу земледѣльческая страна. Однако, такъ-называемая «черная земля», носящая на туземномъ нарѣчіи названіе Хеми, состоитъ лишь изъ двухъ узкихъ полосъ по обѣимъ сторонамъ Нила, который, начиная отъ лежащей на южной границѣ собственнаго Египта Сіены, быстро течетъ широкимъ потокомъ на разстояніи 120 миль черезъ разстилающуюся вправо и влѣво желтую степь вплоть до Средиземнаго моря; только передъ впаденіемъ въ море «даръ рѣки» шире разливается въ обѣ стороны въ Дельтѣ, благодаря развѣтвленію на многочисленные рукава. Прибыль, получаемая съ этихъ полосъ земли, ежегодно зависитъ отъ поднятія водъ Нила на шестнадцать локтей,—вслѣдствіе чего греческое искуство изображало рѣчнаго бога въ видѣ отца, окруженнаго рѣзвящимися шестнадцатью дѣтьми; Арабы основательно называютъ низкій уровень водъ «ангеломъ смерти», потому что если воды не подымаются до надлежащей высоты, весь Египетъ терпитъ голодъ и крайнюю нужду. Такъ какъ расходы на воздѣлываніе земли крайне незначительны, пшеница родится самъ-сто и сверхъ того не малый доходъ доставляютъ огородничество, винодѣліе, разведеніе деревъ, въ особенности финиковыхъ пальмъ и скотоводство, то Египетъ былъ въ состояніи не только прокармливать густое населеніе, но и отправлять въ большомъ количествѣ хлѣбъ за границу. Это привело къ тому, что когда тамъ утвердилось чужеземное владычество, въ самой странѣ немного оставалось отъ ея богатой жатвы. Почти точно такъ-же, какъ во времена персидскаго владычества и какъ въ настоящее время, и въ ту пору поднимались воды Нила, а Египтяне работали главнымъ образомъ для иноземцевъ, благодаря чему Египетъ и игралъ важную роль въ исторіи императорскаго Рима. Когда земледѣліе пришло въ упадокъ въ самой Италіи, а Римъ сдѣлался самымъ обширнымъ во всемъ мірѣ городомъ, возникла потребность въ постоянномъ подвозѣ недорогаго заморскаго хлѣба, а монархія упрочилась главнымъ образомъ бла-

---

[1]) Chr. Pasch. стр. 514. Procop. Hist. Arc. 26. Gothofred zu C. Th. 14, 26, 2. Постоянная раздача зерноваго хлѣба существовала въ Александріи и ранѣе, но, какъ кажется, для престарѣлыхъ людей и, по всему вѣроятію, на счетъ города, а не на счетъ государства [Евсевій, Hist. Ecc 7, 21].

годаря тому, что разрѣшила нелегкую экономическую задачу—сдѣлать подвозъ хлѣба въ столицу возможнымъ въ финансовомъ отношеніи и вполнѣ обезпеченнымъ. Разрѣшеніе этой задачи зависѣло отъ обладанія Египтомъ, а въ той мѣрѣ, въ какой императоръ тамъ исключительно властвовалъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всю Италію вмѣстѣ съ зависѣвшими отъ нея странами. Когда Веспасіанъ былъ провозглашенъ императоромъ, онъ послалъ свои войска въ Италію, а самъ отправился въ Египетъ и завладѣлъ Римомъ при помощи перевозившаго хлѣбъ флота. Всякій разъ, какъ у римскихъ властителей возникало намѣреніе перенести центръ управленія на востокъ,—а такое намѣреніе, какъ разсказываютъ, возникало у Цезаря, у Антонія, у Нерона и у Гальбы,—они обращали свои взоры не на Антіохію, хотя она была въ ту пору настоящей столицей востока, а на родину и на оплотъ монархій, на Александрію.—Поэтому римское правительство и заботилось въ Египтѣ о развитіи земледѣлія такъ ревностно, какъ нигдѣ. Такъ какъ успѣхи земледѣлія зависѣли отъ разлитія водъ Нила, то годное для воздѣлыванія пространство земли могло быть значительно увеличено при помощи гидравлическихъ сооруженій—искуственныхъ каналовъ, дамбъ и водоемовъ. Въ этомъ отношеніи было многое сдѣлано для Египта въ его счастливыя времена и онъ былъ настоящей родиной межеванія и строительнаго искуства; но тѣ благотворныя сооруженія совершенно пришли въ упадокъ при его послѣднихъ жалкихъ правителяхъ, постоянно терпѣвшихъ денежную нужду. Поэтому, вступленіе Римлянъ въ обладаніе Египтомъ началось достойнымъ образомъ съ того, что Августъ приказалъ стоявшимъ въ Египтѣ войскамъ приступить къ очищенію и исправленію нильскихъ каналовъ. Въ то время, какъ Египетъ сдѣлался римскимъ владѣніемъ, для полнаго урожая требовалось возвышеніе Нила на четырнадцать локтей, а при возвышеніи на восемь локтей былъ неурожай; но послѣ того, какъ каналы были приведены въ надлежащее положеніе, для полнаго урожая было достаточно вышины въ двѣнадцать локтей, а при восьми локтяхъ урожай все еще былъ удовлетворителенъ. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ того, императоръ Пробъ не только освободилъ Египетъ отъ Еѳіоповъ, но также привелъ въ надлежащій видъ гидравлическія сооруженія на берегахъ Нила. Вообще можно признать за достовѣрное, что лучшіе преемники Августа управляли Египтомъ въ томъ же духѣ и что, благодаря почти вовсе непрерывавшимся въ теченіе столѣтій внутреннему спокойствію и безопасности, египетское земледѣліе находилось подъ императорскимъ управленіемъ въ постоянномъ процвѣтаніи. Мы не въ состояніи съ точностью прослѣдить, какое вліяніе имѣли эти благопріятныя условія на самихъ Египтянъ. Доходы съ Египта большею частію извлекались изъ личной недвижимой собственности власти-

теля, въ которую и въ римскія времена и въ болѣе раннюю пору входила значительная часть всей воздѣланной земли [1]); мелкіе арендаторы, черезъ посредство которыхъ извлекались эти доходы, получали — вслѣдствіе незначительности расходовъ на обработку полей — небольшую долю прибыли или-же должны были уплачивать высокій денежный оброкъ. Но и многочисленные, большею частію мелкіе землевладѣльцы уплачивали высокіе поземельные налоги или натурой или деньгами. Такъ какъ земледѣльческое населеніе жило въ достаткѣ, то оно было многочисленно во всѣ времена имперіи; но налоги какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и потому, что тратились внѣ страны, безъ сомнѣнія, были болѣе тягостны для Египта подъ римскимъ иноземнымъ владычествомъ, нежели подъ вовсе не мягкимъ управленіемъ Птолемеевъ.

---

1) Въ городѣ Александріи, какъ кажется, вовсе не было настоящей земельной собственности, а существовало лишь нѣчто въ родѣ наслѣдственнаго найма [Амміанъ 22, 11, 6; Staatsrecht 2, 963. прим. 1]; впрочемъ и въ Египтѣ частное владѣніе землей существовало лишь въ томъ видѣ, въ какомъ оно вообще допускалось провинціальными постановленіями. О земельной собственности властителей часто идетъ рѣчь; такъ напримѣръ Страбонъ [17, 1, 51, стр. 828] говоритъ, что лучшіе египетскіе финики растутъ на томъ островѣ, на которомъ частные люди не могутъ пріобрѣтать никакой земельной собственности, и что тамъ вся земля сначала принадлежала царямъ, теперь принадлежитъ императорамъ и приноситъ большой доходъ. Веспасіанъ продалъ часть египетскихъ доменовъ и тѣмъ раздражилъ Александрійцевъ [Діонъ, 66, 8] — безъ сомнѣнія крупныхъ арендаторовъ, которые тогда стали раздавать землю въ аренду своимъ собственнымъ крестьянамъ. Трудно рѣшить, были-ли въ римскія времена также обширны, какъ и въ болѣе раннюю пору тѣ земли, которыя не переходили изъ рукъ въ руки и въ особенности тѣ, которыя принадлежали жреческимъ коллегіямъ; также трудно рѣшить, какое землевладѣніе преобладало—крупное или мелкое; не подлежитъ сомнѣнію, что мелкія хозяйства были повсемѣстны. Мы не имѣемъ цифровыхъ данныхъ ни для размѣра налоговъ, лежавшихъ на доменахъ, ни для размѣра тѣхъ, которые лежали на земельной собственности; Lumbroso [Recherches, стр. 94] основательно замѣтилъ, что упоминаемый Оровіемъ [1, 8, 9] пятый снопъ со включеніемъ usque ad nunc списанъ изъ Книги Бытія. Рента съ доменовъ не могла быть ниже половины дохода, и земельный налогъ едва-ли могъ ограничиваться одной десятой [Lumbroso въ выше ук. м. стр. 289. 293]. Для вывоза изъ Египта хлѣба частными людьми требовалось разрѣшеніе намѣстника [Hirschfeld, Annona, стр. 23], безъ сомнѣнія, потому, что въ густо населенной странѣ легко могъ оказаться недостатокъ въ продовольствіи. Но это дѣлалось конечно не столько съ цѣлію воспрещать вывозъ, сколько съ цѣлію контролировать его; въ морскомъ путешествіи Египтянина [гл. 7, 17. 24. 28, сравн. 56] много разъ упоминается о зерновомъ хлѣбѣ, какъ о предметѣ вывозной торговли. Обработка полей, какъ кажется, также контролировалась; Плиній [Hist. Nat. 19, 5, 79] говоритъ: „Египтяне охотнѣе сажаютъ рѣпу, чѣмъ сѣютъ хлѣбъ, насколько это имъ дозволяется, и приготовляютъ рѣпное масло“.

Ремесла.—Земледѣліе было лишь одною частію египетскаго хозяйства; подобно тому, какъ Египетъ опередилъ въ этомъ отношеніи Сирію, онъ превосходилъ годную преимущественно для земледѣлія Африку цвѣтущимъ состояніемъ своихъ фабрикъ и своей торговли. Полотняное производство Египта могло по меньшей мѣрѣ равняться съ сирійскимъ по своей древности, объему и извѣстности, и оно оставалось такимъ во всѣ времена имперіи, хотя болѣе тонкія издѣлія и выработывались въ ту пору преимущественно въ Сиріи и въ Финикіи [1]); когда доставку продуктовъ изъ Египта въ столицу Авреліанъ распространилъ кромѣ зерноваго хлѣба и на другіе предметы, въ числѣ этихъ послѣднихъ находились и полотняныя издѣлія и издѣлія изъ хлопка. Александрійцы удержали за собою первое мѣсто въ производствѣ стеклянныхъ издѣлій, какъ по искусной окраскѣ, такъ и по красотѣ внѣшней формы; они даже считали это производство какъ-бы своей монополіей, потому что нѣкоторые высшіе сорты можно было выдѣлывать только изъ египетскаго матеріала. Такой матеріалъ они, безспорно, имѣли въ папирусѣ. Это растеніе въ древности разводилось въ огромномъ количествѣ на рѣкахъ и озерахъ Нижняго Египта, но оно не урождалось ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; оно доставляло туземцамъ какъ пищу, такъ и матеріалъ для выдѣлки веревокъ, корзинъ и челноковъ, а приготовлявшійся изъ него письменный матеріалъ былъ въ то время въ рукахъ у всякаго, кто умѣлъ писать. О томъ, какъ былъ великъ извлекавшійся изъ него доходъ, можно судить по тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты римскимъ сенатомъ, когда на римскомъ рынкѣ папирусъ оказался въ очень небольшомъ количествѣ и возникло опасеніе, что его вовсе нельзя будетъ достать; а такъ какъ онъ требовалъ очень копотливой обдѣлки, которая могла производиться только на самомъ мѣстѣ его добыванія, то отсюда слѣдуетъ заключить, что онъ доставлялъ въ Египтѣ средства существованія большому числу людей. Постановленія Авреліана касательно доставки александрійскихъ товаровъ въ столицу имперіи распространялись какъ на полотняныя издѣлія, такъ и на стекло и папирусъ [2]). Торговыя сношенія съ востокомъ имѣли многостороннее вліяніе на развитіе египетскаго фабричнаго производства. Въ Египтѣ выдѣлывались ткани для вывоза на востокъ и выдѣлывались такъ, какъ

---

[1]) Въ эдиктѣ Діоклетіана, въ числѣ пяти сортовъ тонкихъ полотняныхъ издѣлій значатся первыми четырьмя сирійскіе или киликійскіе [тарсскіе], а египетскія полотняныя издѣлія не только стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ, но даже называются тарсскими александрійскими, то-есть выдѣланными по тарсскому образцу въ Александріи.

[2]) Объ одномъ богатомъ Египтянинѣ говорили послѣ его смерти, что онъ обложилъ свой дворецъ стекломъ вмѣсто мрамора и что у него было достаточно паппруса и клея, чтобъ прокормить ими цѣлую армію [Vita Firmi 3].

этого требовали мѣстные обычаи: платья, въ которыя обыкновенно одѣвались жители Габеша (Абиссиніи), были произведеніями египетскихъ фабрикъ; въ Аравію и въ Индію шли роскошныя матеріи, въ особенности очень искусно выдѣлывавшіяся въ Александріи узорчатыя и золотыя ткани. Въ торговлѣ съ африканскими берегами, приготовлявшіяся въ Египтѣ стеклянныя бусы играли такую-же роль, какъ и въ настоящее время. Индія получала оттуда частію готовую стеклянную посуду, частію необдѣланное стекло для собственной фабрикаціи; даже при китайскомъ дворѣ возбудили сильное удивленіе тѣ стеклянные сосуды, изъ которыхъ пріѣзжіе Римляне пили за здоровье императора. Египетскіе торговцы привезли царю Аксомитовъ (въ Абиссиніи), въ качествѣ общеупотребительныхъ подарковъ, сдѣланные сообразно съ мѣстными вкусами золотые и серебряные сосуды, а цивилизованнымъ владѣтелямъ южно-аравійскихъ и индійскихъ береговъ привезли подарки, состоявшіе между прочимъ изъ статуй, конечно сдѣланныхъ изъ бронзы, и изъ музыкальныхъ инструментовъ. Напротивъ того, получавшіеся съ востока матеріалы для предметовъ роскоши, въ особенности слоновая кость и черепаха, обдѣлывались не столько въ Египтѣ, сколько въ Римѣ. Наконецъ въ ту эпоху, когда общественныя зданія возводились съ такой роскошью, которая никогда не имѣла ничего себѣ подобнаго во всемъ мірѣ, изъ Египта вывозился въ громадномъ количествѣ дорогой строительный матеріалъ, который извлекался изъ египетскихъ каменоломенъ: красивый красный гранитъ изъ Сіены, брекчія изъ окрестностей Козера, базальтъ, алебастръ, со временъ Клавдія сѣрый гранитъ и въ особенности порфиръ, добывавшійся въ горахъ за Міосъ-Нормосомъ. Впрочемъ, все это добывалось большею частію на счетъ императора посредствомъ колонистовъ, поселенныхъ въ Египтѣ въ видѣ наказанія; но по меньшей мѣрѣ перевозка должна была доставлять выгоды всей странѣ и въ особенности городу Александріи. Какъ велики были размѣры египетскихъ торговыхъ сношеній и египетской фабричной промышленности, видно изъ случайно дошедшихъ до насъ свѣдѣній о грузѣ того громаднаго ластоваго судна (ἄκατος), на которомъ былъ перевезенъ при Августѣ въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ фундаментомъ обелискъ, который въ настоящее время стоитъ подлѣ Porta del Popolo; оно везло, кромѣ обелиска, 200 матросовъ, 1200 пассажировъ, 400,000 римскихъ шефелей (34,000 гектолитровъ) пшеницы и грузъ полотна, стекла, бумаги и перца. Одинъ изъ римскихъ писателей 3-го столѣтія [1]) говоритъ: «Але-

---

1) Что мнимое письмо Адріана [Vita Saturnini 8] было позднѣйшей поддѣлкой, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта: въ этомъ чрезвычайно дружелюбномъ письмѣ къ своему зятю Сервіану императоръ жалуется на оскорбленія, которыми Александрійцы осыпали—при его первомъ отъѣздѣ—его сына

«ксандрія есть городъ довольства, богатства и роскоши, въ кото-«ромъ никто не проводитъ время безъ дѣла: одинъ занимается сте-«клянными издѣліями, другой—бумажными, третій—ткацкимъ реме-«сломъ; тамъ только одинъ Богъ—золото». Эти слова примѣнимы до извѣстной степени и ко всей странѣ.

Плаваніе Египтянъ по Средиземному морю. — О торговыхъ сношеніяхъ Египта съ странами, лежащими вблизи отъ его южной границы, равно какъ съ Аравіей и съ Индіей, будетъ говорено впослѣдствіи. О его торговыхъ сношеніяхъ съ тѣми странами, берега которыхъ омываются Средиземнымъ моремъ, до насъ дошли менѣе полныя свѣдѣнія, конечно, отчасти потому, что эти сношенія были въ обычномъ порядкѣ вещей и не часто подавали поводъ о себѣ упоминать. Египетскій хлѣбъ перевозился въ Италію александрійскими моряками и вслѣдствіе того возникло въ пристани подлѣ Остіи святилище, которое было устроено по образцу находившагося въ Александріи храма Сераписа и при которомъ состояла община корабельщиковъ [1]); но эти ластовыя суда едва-ли принимали большое участіе въ перевозкѣ товаровъ, шедшихъ изъ Египта на западъ; она, по всему вѣроятію, находилась не менѣе или еще болѣе въ рукахъ италійскихъ судохозяевъ и капитановъ, чѣмъ въ рукахъ Египтянъ; по крайней мѣрѣ еще при Лагидахъ въ Александріи существовала значительная италійская колонія [2]), а египетскіе торговцы не встрѣчались на западѣ такъ же часто, какъ сирійскіе [3]). Мѣры

Вера; но положительно извѣстно, что этотъ Сервіанъ былъ казненъ въ 136 году, будучи девяностолѣтнимъ старцемъ, за то, что порицалъ состоявшееся незадолго передъ тѣмъ усыновленіе Вера.

1) Тѣ ναύκληροι τοῦ πορευτικοῦ Ἀλεξανδρεινοῦ στόλου, которые поставили несомнѣнно въ портѣ Остіи камень C. I. Gr. 5889, были капитаны этихъ перевозившихъ хлѣбъ судовъ. Изъ остійскаго храма Сераписа до насъ дошолъ цѣлый рядъ надписей [C. I. L. XIV, 47], изъ которыхъ видно, что этотъ храмъ былъ во всѣхъ подробностяхъ копіей съ александрійскаго; его настоятель также былъ ἐπιμελητὴς παντὸς τοῦ Ἀλεξανδρείνου στόλου [C. I. Gr. 5973]. Эти парусныя суда, по всему вѣроятію, перевозили зерновой хлѣбъ и пріѣзжали одно вслѣдъ за другимъ, на что указываютъ и мѣры, принятыя по приказанію императора Гайя въ Мессинскомъ проливѣ [Josephus Ant. 19, 2, 5]. Съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что весной первое появленіе александрійскаго флота было для Путеоли праздникомъ [Seneca, Ep. 77, 1].

2) Это доказываютъ замѣчательныя делійскія надписи Eph. epigr. V, стр. 600. 602.

3) Уже въ делійскихъ надписяхъ послѣдняго столѣтія республики Сирійцы имѣютъ перевѣсъ. Египетскія божества, правда, имѣли тамъ пользовавшееся большимъ почетомъ святилище, но между многочисленными жрецами и лицами, ставившими надписи, встрѣчается только одинъ Александріецъ [Hauvette-

принятыя Августомъ съ цѣлію преобразовать торговыя сношенія, которыя велись на берегахъ морей, омывающихъ Аравію и Индію, не имѣли никакого примѣненія къ плаванію по Средиземному морю, отсюда видно, что римское правительство не имѣло никакого интереса предоставлять египетскимъ торговцамъ какія-либо исключительныя права. Тамъ торговыя сношенія остались, по всему вѣроятію, въ томъ-же видѣ, въ какомъ находились ранѣе.

Населеніе. — Египетъ не только имѣлъ густое земледѣльческое населеніе въ тѣхъ частяхъ страны, которыя были годны для обработки, но также былъ страною фабричнаго производства, какъ это видно по многочисленности частію очень большихъ поселеній и городовъ; поэтому онъ былъ самой многолюдной изъ всѣхъ провинцій римской имперіи. Древній Египетъ, должно быть, имѣлъ семи-милліонное населеніе; при Веспасіанѣ значилось по офиціальнымъ спискамъ $7^1/_2$ милліоновъ жителей, подлежавшихъ уплатѣ поголовной подати; къ этой цифрѣ слѣдуетъ прибавить неплатившихъ поголовной подати Александрійцевъ и другихъ Грековъ, такъ что все населеніе, за исключеніемъ рабовъ, можно опредѣлить по меньшей мѣрѣ въ 8 милліоновъ. Такъ какъ можно полагать, что годная для воздѣлыванія земля занимаетъ въ настоящее время 500 нѣмецкихъ квадратныхъ миль, а во времена римскаго владычества занимала по большей мѣрѣ 700, то отсюда можно заключить, что въ ту пору въ Египтѣ на каждую квадратную милю приходилось круглымъ числомъ около 11,000 жителей.

Если мы обратимъ наши взоры на самихъ жителей Египта, то мы найдемъ, что двѣ жившія тамъ націи — огромное большинство Египтянъ и незначительное меньшинство Александрійцевъ составляли двѣ различныя сферы [1]), хотя притягательная сила порока и свойственное всякому пороку національное безразличіе установили между этими двумя сферами пагубную общность зла.

Египетскіе нравы. — Египетскіе туземцы не многимъ отличались отъ своихъ теперешнихъ потомковъ и по своему положенію и по

Besnault Bull. de corr. hell. 6, 316 и сл.] Намъ извѣстно, что гильдіи александрійскихъ купцовъ существовали въ Томидѣ [стр. 276, прим.] и въ Перинѣ [C. I. Gr. 2024].

¹) Описавши неоздержныя попойки египетскихъ туземцевъ въ честь мѣстныхъ богов различныхъ номъ, Ювеналъ присовокупляетъ, что въ этихъ случаяхъ туземцы ни въ какомъ отношеніи не уступали Канопу, то-есть тому справлявшемуся у Александрійцевъ празднику Сераписа, который славился своимъ разнузданнымъ весельемъ [Страбонъ 17, 1, 17, стр. 801]: horrida sane Aegyptus, sed luxuria, quantum ipse notavi, barbara famoso non cedit turba Canopo [Sat. 15, 44].

своимъ нравамъ. Они довольствовались малымъ, были воздержны, трудолюбивы, дѣятельны; они были искусными ремесленниками и ловкими торговцами, и твердо держались старинныхъ обычаевъ и старинныхъ вѣрованій. Хотя Римляне и увѣряли, что Египтяне гордились большимъ числомъ ударовъ плети, полученныхъ ими за то, что пытались обманнымъ образомъ отдѣлаться отъ уплаты пошлинъ[1]), но для такихъ отзывовъ служила основой точка зрѣнія таможенныхъ чиновниковъ. Въ національной культурѣ не было недостатка въ хорошихъ зародышахъ; не смотря на всѣ превосходства Грековъ, даже въ умственной борьбѣ двухъ совершенно различныхъ расъ Египтяне съ своей стороны опередили Эллиновъ во многихъ и притомъ существенно важныхъ отношеніяхъ и сами это сознавали. То было плодомъ ихъ собственнаго умственнаго развитія, что египетскіе жрецы осмѣивали какъ тѣ греческія литературныя произведенія, которыя въ сущности писались для развлеченія читателей, но которыя считались Эллинами за историческія изслѣдованія, такъ и привычку Эллиновъ принимать поэтическіе вымыслы за сохранившіяся отъ глубокой древности настоящія народныя преданія; въ Египтѣ не писали никакихъ стиховъ, но вся его древняя исторія была написана на храмахъ и на памятникахъ; правда, только не многіе изъ нихъ служатъ въ настоящее время источниками свѣдѣній, такъ какъ много памятниковъ было разрушено, а преданія уничтожаются вслѣдствіе невѣжества и равнодушія позднѣйшихъ временъ. Въ этой основательной жалобѣ замѣтно отсутствіе всякихъ надеждъ на будущее; почтенное древо египетской цивилизаціи уже давно было обречено на уничтоженіе. Эллинизмъ проникъ, все разлагая, даже въ жречество. Египетскій храмовой писецъ Херемонъ, приглашонный ко двору Клавдія для преподаванія наслѣдному принцу греческой философіи, велъ въ своей «исторіи Египта» элементы стоической физики отъ древнихъ мѣстныхъ боговъ и въ этомъ смыслѣ объяснялъ древнія рукописи, написанныя на мѣстномъ языкѣ. Въ практической жизни временъ имперіи, вліяніе древняго египетскаго быта сказывалось почти исключительно только въ религіозной сферѣ. У этого народа все сосредоточивалось въ религіи. Чужеземное владычество выносилось безъ сопротивленія и даже, можно сказать, почти не чувствовалось, пока оно не касалось мѣстныхъ священныхъ обычаевъ и того, что находилось съ ними въ связи. Правда, въ сферѣ внутренней жизни, съ этими обычаями было связано все—письменность и языкъ, привилегіи жрецовъ и ихъ высокомѣріе, придворные обычаи и образъ жизни народа; заботливость правительства о священномъ быкѣ, пока онъ живъ, за тѣмъ, участіе въ его погребеніи, когда онъ умретъ,

[1]) Амміанъ 22, 16, 23: erubescit apud [Aegyptios], si qui non infitiando tributa plurimas in corpore vibices ostendat

и въ прінсканіи ему приличнаго преемника были въ глазахъ этихъ жрецовъ и этого народа мѣриломъ какъ пригодности властителя, такъ и подобающихъ ему уваженія и преданности. Первый персидскій царь утвердилъ свою власть надъ Египтомъ благодаря тому, что возвратилъ находившееся въ Саисѣ святилище Неиеи кому слѣдовало, то-есть жрецамъ; первый Птолемей, еще въ бытность македонскимъ намѣстникомъ, возвратилъ на ихъ прежнія мѣста увезенныя въ Азію изображенія египетскихъ боговъ и обратно отдалъ богамъ Пе и Тепу отнятыя у нихъ пожертвованныя земли; за тѣ два священныхъ храмовыхъ изображенія, которыя были обратно привезены Эвергетомъ при его блистательномъ возвращеніи изъ Персіи, мѣстные жрецы выразили царю свою признательность въ знаменитомъ каноискомъ декретѣ 238 года до Р. Х.; мѣстный обычай причислять царей и царицъ еще при ихъ жизни къ числу мѣстныхъ боговъ допускался этими иноземцами точно такъ-же, какъ и египетскими Фараонами. Римскіе властители слѣдовали этому примѣру лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Хотя въ титулѣ, который они носили, какъ было ранѣе замѣчено (стр. 554 прим.), они и подчинялись до нѣкоторой степени требованіямъ мѣстнаго культа, но они устраняли отъ себя даже въ глазахъ Египтянъ тѣ обычныя мѣстныя наименованія, которыя слишкомъ рѣзко противорѣчили западнымъ воззрѣніямъ. Такъ какъ эти любимцы Птаха и Изиды стѣсняли въ Италіи египетское богопочитаніе точно такъ-же, какъ и іудейское, то они, понятнымъ образомъ, допускали выраженіе этой любви только въ гіероглифахъ, и даже въ самомъ Египтѣ не принимали никакого участія въ поклоненіи мѣстнымъ богамъ. Какъ ни была упорна привязанность чистыхъ Египтянъ къ мѣстной религіи и подъ чужеземнымъ владычествомъ, но положеніе паріевъ, въ которомъ находились сами Египтяне рядомъ съ владычествовавшими Греками и Римлянами, необходимо отражалось на культѣ и на жрецахъ, и мы находимъ во времена римскаго владычества лишь незначительные остатки преобладанія, вліянія и образованія, которыми въ древности отличалось египетское жречество. А такъ какъ мѣстная религія была съ самаго начала лишена всякаго изящества внѣшнихъ формъ и духовнаго содержанія, то она сдѣлалась и въ самомъ Египтѣ и внѣ его исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ всякаго благочестиваго волшебства и всякихъ священныхъ сумасбродствъ; достаточно напомнить о египетскомъ трижды величайшемъ Гермесѣ, о связанной съ его именемъ литературѣ маленькихъ трактатовъ и наполненныхъ чудесами разсказовъ и о соотвѣтствующихъ этой литературѣ широко распространенныхъ мѣстныхъ обычаяхъ. Но среди туземцевъ въ ту эпоху примыкали къ этому культу самыя вредныя злоупотребленія—не только продолжавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ дней попойки въ честь мѣстныхъ боговъ и считавшіяся ихъ при-

надлежностью распутства, но также продолжительныя религіозныя распри между отдѣльными округами изъ-за первенства ибиса передъ кошкой, крокодила передъ павіаномъ. По одному изъ такихъ поводовъ, на жившихъ въ южномъ Египтѣ Омбитовъ напала въ 127 году послѣ Р. Х. сосѣдняя община [1]) въ то время, какъ тѣ собрались на какое-то пиршество, и побѣдители, какъ разсказываютъ, съѣли одного изъ убитыхъ. Вскорѣ послѣ того община, чтившая собакъ, на зло общинѣ, чтившей щукъ, съѣла щуку, а эта послѣдняя община на-зло первой съѣла собаку и по этой причинѣ вспыхнула между тѣми двумя номами война, прекратившаяся лишь тогда, когда Римляне вмѣшались въ дѣло и наказали приверженцевъ той и другой партіи. Такія происшествія были въ Египтѣ ежедневнымъ явленіемъ. И по другимъ причинамъ въ странѣ нерѣдко возникали смуты. Первый, назначенный Августомъ египетскій вице-король былъ принужденъ послать въ Верхній Египетъ войска по случаю увеличенія налоговъ и, быть можетъ, также вслѣдствіе тяжести налоговъ отправилъ войска въ Герооpolь, лежавшій у верхней оконечности аравійскаго залива.

Возстаніе Буколовъ.—При императорѣ Маркѣ, возстаніе египетскихъ туземцевъ даже приняло угрожающій характеръ. Лежащая къ востоку отъ Александріи, нелегко доступная болотистая мѣстность, носившая названіе «пастбища рогатаго скота» (b u c o l i a), служила пристанищемъ для преступниковъ и для разбойниковъ, которые завели тамъ нѣчто въ родѣ колоніи; когда отрядъ римскихъ войскъ проникъ въ эту мѣстность и захватилъ тамъ нѣсколькихъ людей, все разбойническое населеніе вступилось за арестованныхъ, а мѣстные жители приняли его сторону. Противъ бунтовщиковъ былъ высланъ изъ Александріи легіонъ, но онъ былъ разбитъ и сама Александрія едва не попала въ руки разбойниковъ. Намѣстникъ востока Авидій Кассій выступилъ съ своими войсками, но не рѣшился вступить въ борьбу съ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, а предпочелъ возбудить раздоры между мятежниками; когда одна шайка стала сражаться съ другой, правительству уже не трудно было одолѣть и ту и другую. И это такъ-называемое возстаніе пастуховъ, по всему вѣроятію, имѣло религіозный характеръ, какъ и почти всѣ другія возстанія поселянъ; вождь инсургентовъ Исидоръ, который считался самымъ храбрымъ человѣкомъ въ Египтѣ, былъ по своему званію жрецъ, а тотъ фактъ, что при освященіи союза, послѣ принесенія присяги, былъ принесенъ въ жертву взя-

[1]) По словамъ Ювенала это была Тентира; но это, какъ кажется, была ошибка, если подъ этимъ названіемъ онъ разумѣлъ извѣстную Тентиру; но и въ спискѣ Равеннца 3, 2, названы обѣ мѣстности вмѣстѣ.

тый въ плѣнъ римскій офицеръ, который былъ вслѣдъ за тѣмъ съѣденъ заговорщиками, явно носитъ на себѣ религіозный характеръ и напоминаетъ о людоѣдствѣ Омбитовъ. Отголосокъ этихъ происшествій сохранился въ разсказѣ о египетскихъ разбойникахъ въ поздней греческой второстепенной литературѣ. Впрочемъ, какъ бы ни было велико безпокойство, которое причиняли римскому правительству такія восстанія, они не имѣли никакой политической цѣли и нарушали общее спокойствіе страны лишь мѣстами и временно.

Александрія.—Рядомъ съ Египтянами жили Александрійцы, почти такъ-же какъ Англичане живутъ въ Остъ-Индіи рядомъ съ мѣстными уроженцами. Въ до-Константиновскія времена Александрія вообще считалась вторымъ городомъ римской имперіи и первымъ торговымъ городомъ въ мірѣ. Тамъ насчитывали въ концѣ владычества Лагидовъ болѣе 300,000 свободныхъ жителей, а во времена имперіи, безъ сомнѣнія, еще болѣе. Если мы сравнимъ двѣ большія столицы, выросшія на берегахъ Оронта и на берегахъ Нила, и всегда соперничавшія одна съ другой, то мы найдемъ столько-же между ними сходства, сколько различій. Обѣ они были относительно новыми городами, обѣ были созданы изъ ничего монаршей волей, были построены по правильному плану и имѣли правильныя городскія учрежденія; вода была проведена въ каждый домъ, какъ въ Антіохіи, такъ и въ Александріи. Городъ, построенный въ долинѣ Оронта, столько-же превосходилъ свою соперницу красотой мѣстоположенія и великолѣпіемъ зданій, сколько она превосходила его благопріятнымъ для веденія обширной торговли географическимъ положеніемъ и многолюдностью. Большія публичныя зданія египетской столицы—царскій дворецъ, посвященный академіи Музей и главнымъ образомъ храмъ Сераписа были удивительными произведеніями болѣе ранней эпохи, отличавшейся высокимъ развитіемъ архитектурнаго искуства; но египетскую столицу посѣщали немногіе изъ Цезарей и она не имѣла ничего подобнаго тѣмъ многочисленнымъ императорскимъ сооруженіямъ, которыми была украшена сирійская резиденція.

Александрійская Фронда.—Въ томъ, что касается неповиновенія правительству и старанія оказывать ему во всемъ противодѣйствіе, Антіохійцы нисколько не отличались отъ Александрійцевъ; при этомъ можно замѣтить, что оба города, и въ особенности Александрія, разцвѣли именно подъ римскимъ управленіемъ и благодаря этому управленію, а потому имѣли болѣе основанія питать признательность, чѣмъ фрондировать. Какъ относились Александрійцы къ своимъ эллинскимъ правителямъ, видно изъ цѣлаго ряда частію до сихъ поръ еще невышедшихъ изъ употребленія насмѣшливыхъ прозвищъ, которыми были обязаны столичной публикѣ всѣ безъ исключенія

цари изъ рода Птолемеевъ. И императоръ Веспасіанъ получилъ отъ Александрійцевъ, за введеніе пошлины на соленую рыбу, титулъ мѣшка съ сардинками (Κυβιοσάκτης), а Сиріецъ Северъ Александръ—титулъ оберъ-раввина; но императоры рѣдко пріѣзжали въ Египетъ и потому эти жившіе вдалекѣ и иноземные властители не могли служить мишенью для этой насмѣшливости. Въ ихъ отсутствіи публика удостоивала такимъ-же упорнымъ и усерднымъ вниманіемъ ихъ замѣстителей; даже перспектива неизбѣжнаго наказанія не могла наложить печать молчанія на языкъ этихъ горожанъ, нерѣдко остроумный и всегда дерзкій [1]). Веспасіанъ ограничился тѣмъ, что въ возмездіе за упомянутое выше, оказанное ему вниманіе, увеличилъ поголовную подать на шесть пфенниговъ; за это онъ получилъ новое прозвище «человѣка шести пфенниговъ»; но имъ дорого обошлась ихъ болтовня о Северѣ Антонинѣ, котораго они называли маленькой обезьяной великаго Александра и возлюбленнымъ матери Іокасты. Коварный властитель отнесся къ нимъ очень дружелюбно и охотно принялъ устроенное въ честь его народное празднество, но вслѣдъ за тѣмъ приказалъ своимъ солдатамъ напасть на пирующихъ, такъ что площади и улицы обширнаго города въ теченіе нѣсколькихъ дней обагрялись кровью; онъ даже приказалъ закрыть академію и поставить легіонъ въ самомъ городѣ; впрочемъ, ни то ни другое приказаніе не было приведено въ исполненіе.

Смуты въ Александріи.—Но между тѣмъ, какъ въ Антіохіи обыкновенно все ограничивалось однѣми насмѣшками, александрійская чернь бралась по малѣйшему поводу за камни и за палки. Въ томъ, что касается уличныхъ волненій,—говоритъ одинъ очевидецъ, который самъ былъ Александріецъ,—Египтяне опередили всѣ другіе народы; достаточно малѣйшей искры, чтобъ возбудить между ними волненіе. Легіонамъ приходилось обнажать мечъ противъ александрійскихъ гражданъ и по поводу запоздалаго визита, и по поводу конфискаціи испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ, и по поводу недопущенія въ купальню, и по поводу спора, возникшаго между рабомъ одного знатнаго Александрійца и однимъ римскимъ пѣхотинцемъ о годности или негодности туфлей того и другаго. При этомъ обнаружился тотъ фактъ, что низшій классъ александрійскаго населенія состоялъ большею частію изъ туземцевъ; въ этихъ уличныхъ схваткахъ Греки, правда, играли роль зачинщиковъ, такъ какъ въ описаніяхъ этихъ смутъ упоминаются риторы—то-есть ораторы—подстрекатели [2]), но

---

[1] Seneca ad Helv 19, 6; loquax et in contumelias praefectorum ingeniosa provincia.... etiam periculosi sa placent.

[2]) Діонъ Хризостомъ говоритъ, обращаясь къ Александрійцамъ [Or. 32, стр. 663,

послѣ того борьба велась злобными и свирѣпыми египетскими туземцами. Сирійцы трусливы; Египтяне такъ-же трусливы, когда служатъ солдатами; но въ уличныхъ свалкахъ они способны выказать такое мужество, которое было-бы достойно лучшей цѣли [1]). Конскія скачки были любимой забавой какъ Антіохійцевъ, такъ и Александрійцевъ; но въ Александріи ни одинъ бѣгъ колесницъ не кончался безъ бросанія каменьевъ и ударовъ ножемъ. Травля Іудеевъ происходила при императорѣ Гаіѣ въ обоихъ городахъ; но въ Антіохіи было достаточно одного внушительнаго слова со стороны мѣстныхъ властей, чтобъ положить ей конецъ, между тѣмъ, какъ въ Александріи такая-же травля, возбужденная при видѣ какихъ-то чучелъ въ кукольной комедіи, стоила жизни нѣсколькимъ тысячамъ людей. Когда возникало волненіе, Александрійцы, какъ намъ разсказываютъ, не успокоивались, пока не увидѣли кровь. Тамъ жизнь была не легка для римскихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ. «Въ Александрію», — говоритъ одинъ писатель 4-го столѣтія,—«намѣстники въѣзжаютъ «съ трепетомъ и страхомъ, потому что боятся народной расправы; «какъ только намѣстникъ совершитъ какую-нибудь несправедли«вость, тотчасъ возникаютъ попытки поджечь дворецъ и побить «Римлянъ каменьями». Наивная увѣренность въ справедливости этой процедуры объясняетъ намъ точку зрѣнія, которой держался принадлежавшій къ этому «народу» выше упомянутый писатель. Продолженіемъ этого суда Линча, одинаково не дѣлавшаго чести ни правительству ни націи, была такъ-называемая исторія церкви, умерщвленіе при Юліанѣ одинаково ненавистнаго и язычникамъ и православнымъ епископа Георгія и его приверженцевъ и умерщвленіе въ царствованіе Ѳеодосія II прекрасной вольнодумки Гипатіи благочестивыми прихожанами епископа Кирилла. Александрійскіе мятежи отличались отъ антіохійскихъ и своимъ ожесточеніемъ и своей неожиданностью и своими насиліями, но и тѣ и другіе не были опасны ни для цѣлости имперіи ни для мѣстнаго правительства. Легкомысленные и злонравные негодяи, конечно, неудобны какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ общественной сферѣ, но только неудобны.

Reiske]: „Такъ какъ [люди благоразумные] теперь отстраняются и молчать „то среди васъ возникаютъ непрерывные раздоры и споры, и шумъ изъ пустя„ковъ, и дурныя разнузданныя рѣчи, и обвиненія, и подозрѣнія, и процессы, и „простонародные ораторы". Въ александрійской травлѣ Іудеевъ, такъ живо описанной Филономъ, видно, какъ дѣйствовали эти ораторы изъ народа.

[1]) Діонъ Кассій 39, 58: „Александрійцы держатъ себя во всѣхъ отношеніяхъ „чрезвычайно дерзко и высказываютъ все, что имъ приходитъ на умъ. Въ виду „всѣхъ ужасовъ войны они ведутъ себя какъ трусы; но во время внутреннихъ „смутъ, которыя вспыхиваютъ у нихъ часто и бываютъ очень серьезны, они „бьются на смерть и ради минутнаго успѣха не цѣнятъ жизнь ни во-что; они „идутъ на гибель, какъ будто жертвуя собою для какой-то великой цѣли".

Александрійскій культъ.—И въ религіозной сферѣ оба города занимали сходное положеніе. Мѣстный культъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его держалось туземное населеніе какъ въ Сиріи, так и въ Египтѣ, уклонился какъ среди Антіохійцевъ, такъ и среди Александрійцевъ отъ своей первоначальной формы. Но и Селевкиды и Лагиды не осмѣливались расшатывать основы старинной мѣстной религіи; они ограничились тѣмъ, что связали старинныя національныя воззрѣнія и старинныя національныя святилища съ податливыми богами греческаго Олимпа и этимъ способомъ до нѣкоторой степени эллинизировали ихъ; такъ напримѣръ они ввели въ мѣстный культъ греческаго бога подземнаго міра, Плутона подъ рѣдко до тѣхъ поръ упоминавшимся именемъ египетскаго бога Сераписа и мало-по-малу перенесли на него старинный культъ Озириса [1]. Поэтому, подлинно—египетская Изида и мнимо-египетскій Сераписъ играли въ Александріи такую-же роль, какую играли въ Сиріи Белъ и Элiогабалъ, и подобно этимъ послѣднимъ мало-по-малу проникли во времена имперіи въ западный культъ, хотя не такъ-же глубоко и съ болѣе трудными препятствіями. Въ томъ, что касается безнравственности, распространявшейся вслѣдъ за этими религіозными обычаями и празднествами, равно какъ распутства, находившаго одобреніе и поощреніе въ жреческомъ благословеніи, два названныхъ города не могутъ ни въ чемъ упрекнуть одинъ другаго.—До самой поздней поры, благочестивая египетская страна служила самымъ надежнымъ оплотомъ для древняго культа [2]. Александрія была настоящимъ

---

[1] „Благочестивые Египтяне" этому противились, какъ замѣчаетъ Макробій [Sat. 1, 7, 14], но tyrannide Plotemaeorum pressi hos quoque deos [Сераписа и Сатурна] in cultum recipere Alexandrinorum more, apud quos potissimum colebantur, coacti sunt. Такъ какъ при этомъ приходилось приносить кровавыя жертвы, что было противно ихъ религіознымъ уставамъ, то они не допускали этихъ боговъ по меньшей мѣрѣ въ города: nullum Aegypti oppidum intra muros suos aut Saturni aut Sarapis fanum recepit.

[2] Не разъ уже упомянутый анонимный авторъ временъ Констанція, составившій описаніе имперіи и самъ принадлежавшій къ числу искренно вѣровавшихъ язычниковъ, хвалитъ Египетъ въ особенности за его примѣрное благочестіе: „Нигдѣ мистеріи боговъ не праздновались изстари и не празднуются до „настоящаго времени такъ, какъ тамъ". Правда,—присовокупляетъ онъ,—иные думали, что боговъ лучше чтили Халдеи [здѣсь онъ подразумѣваетъ сирійскій культъ]; но онъ держится за то, что видѣлъ собственными глазами. „Здѣсь есть „святилища всякаго рода и роскошно украшенные храмы; здѣсь множество и „низшихъ храмовыхъ служителей, и жрецовъ, и пророковъ, и вѣрующихъ, и „превосходныхъ богослововъ, и все совершается по установленному порядку; „здѣсь видишь постоянно пылающіе алтари и жрецовъ съ ихъ перевязями и кадильницами, въ которыхъ горятъ чрезвычайно душистыя травы". Почти къ томуже времени [а не ко времени Адріана] принадлежитъ другой, болѣе пропитан-

средоточіемъ той реставраціи древней религіи, которая выразилась какъ научнымъ образомъ въ опиравшейся на эту религію философіи, такъ и на практикѣ путемъ отраженія направленныхъ христіанами на политеизмъ нападеній и путемъ оживленія языческаго храмоваго богослуженія и языческой мантики. Когда новая вѣра одолѣла и эту преграду, мѣстные нравы все-таки не измѣнились; колыбелью христіанства была Сирія, а колыбелью монашества Египетъ. О томъ, что въ обоихъ городахъ Іудеи имѣли одинаковое значеніе и занимали одинаковое положеніе, уже было говорено въ связи съ другими событіями (стр. 479). Переселившись туда, подобно Эллинамъ, по вызову правительства, они стояли ниже этихъ послѣднихъ и были, подобно Египтянамъ, обложены поголовною податью, но и сами

ный злобой разсказъ [Vita Saturnini 8], очевидно написанный также близко знакомымъ съ этой сферой человѣкомъ: „Кто въ Египтѣ поклоняется Серапису, „тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанинъ, а тѣ, которые называютъ себя христіанскими „епископами, также поклоняются Серапису; тамъ каждый старшій іудейскій раввинъ, каждый Самаритянинъ, каждый христіанскій священникъ вмѣстѣ съ тѣмъ „волшебникъ, пророкъ и шарлатанъ [aliptes]. Даже когда патріархъ пріѣзжаетъ „въ Египетъ, одни требуютъ, чтобъ онъ молился Серапису, а другіе требуютъ, „чтобъ онъ молился Христу". Эта діатриба, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ заявленіемъ христіанъ, что египетскій богъ—библейскій Іосифъ, сынъ Сары *), и потому основательно имѣетъ при себѣ хлѣбную мѣру. Въ болѣе серьозномъ духѣ описалъ положеніе египетскихъ старовѣровъ принадлежащій, вѣроятно, къ 3-му столѣтію авторъ разговора между богами, который сохранился въ латинскомъ переводѣ въ числѣ сочиненій, приписываемыхъ Апулею; въ этомъ разговорѣ трижды величайшій Гермесъ возвѣщаетъ Асклепію будущее: „Вѣдь тебѣ „извѣстно, Асклепій, что Египетъ—копія небесъ, или, выражаясь точнѣе, пере„селеніе и сошествіе на землю всего, что властвуетъ и что дѣйствуетъ на небе„сахъ; даже,—чтобъ выразиться еще точнѣе,—наше отечество есть храмъ всей „вселенной. Однако, настанетъ время, когда будетъ казаться, что Египетъ тщет„но съ благочестіемъ и съ усердіемъ чтилъ все божественное, что все священ„ное поклоненіе богамъ безуспѣшно и не достигаетъ своей цѣли. Это произойдетъ „оттого, что божество возвратится на небеса, Египетъ будетъ покинутъ и стра„на, бывшая центромъ служенія богамъ, будетъ лишена присутствія божествен„ной силы и должна будетъ полагаться сама на себя. Тогда эта священная „страна, бывшая центромъ святилищъ и храмовъ, густо покроется могилами и „трупами. О, Египетъ, Египетъ! О твоемъ служеніи богамъ сохранится только „молва и эта молва будетъ казаться твоимъ будущимъ поколѣніямъ неправдопо„добной; только на камняхъ сохранятся слова, которыя будутъ разсказывать о „твоихъ благочестивыхъ дѣлахъ, а жить въ Египтѣ будутъ или Скиѳы, или Ин„дійцы или какіе-нибудь другіе сосѣдніе варвары. Будутъ введены новыя права „и новые законы; не будетъ слышно и даже ни у кого не будетъ на умѣ ничего „священнаго и богобоязненнаго, ничего достойнаго небесъ и всего небеснаго. На„ступитъ горестное удаленіе боговъ отъ людей; тамъ останутся только злые анге„лы, которые смѣшиваются съ людьми". [Съ перевода Bernays, стат. 1, 330].

*) Такъ сказано въ нѣмецкомъ подлинникѣ. *Прим. перев.*

считали себя выше Египтянъ и дѣйствительно стояли выше ихъ. Ихъ число доходило при Веспасіанѣ до одного милліона, то-есть почти до одной восьмой части всего египетскаго населенія и они, подобно Эллинамъ, жили преимущественно въ столицѣ, въ которой занимали два квартала изъ общаго числа пяти. По предоставленной ему самостоятельности, по значенію, образованію и богатству, александрійское іудейство было первымъ во всемъ мірѣ еще до паденія Іерусалима, а вслѣдствіе того и многіе изъ послѣднихъ актовъ ранѣе описанной іудейской трагедіи разыгрались на египетской почвѣ.

Александрійскій ученый міръ. — Александрія, точно такъ-же какъ и Антіохія, была по преимуществу центромъ зажиточныхъ торговцевъ и промышленниковъ; но въ Антіохіи не было приморской гавани и того, что составляетъ ея принадлежность, и какъ ни было оживленно движеніе на антіохійскихъ улицахъ, оно не могло равняться съ оживленіемъ и дѣятельностью александрійскихъ фабричныхъ и матросовъ. Напротивъ того въ томъ, что касается наслажденій жизнью — театральныхъ зрѣлищъ, обѣдовъ и любовныхъ интригъ, Антіохія опережала тотъ городъ, въ которомъ «никто не оставался безъ дѣла». И литературная дѣятельность, преимущественно та, которая связана съ выставкой риторическаго искуства и которую мы обрисовали при описаніи Малой Азіи, была отодвинута въ Египтѣ на задній планъ [1]), конечно, скорѣе по причинѣ настоятельности ежедневныхъ дѣловыхъ заботъ, нежели подъ вліяніемъ жившихъ въ Александріи многочисленныхъ и хорошо оплоченныхъ ученыхъ, которые были большею частію мѣстными уроженцами. Если-же члены Музея (о нихъ еще рѣчь впереди) и усердно исполняли свои обязанности, они не имѣли большаго вліянія на общій характеръ города. Но александрійскіе доктора считались лучшими во всей имперіи; тѣмъ не менѣе Египетъ былъ настоящей отчизной шарлатанства, секретныхъ средствъ и той удивительной цивилизованной формы пастушеской медицины, при которой благочестивое простодушіе и разсчитывающій на барыши обманъ прикрываются мантіей научныхъ познаній. О трижды величайшемъ Гермесѣ мы уже упоминали (стр. 569); и александрійскій Сераписъ совершалъ въ древ-

---

1) Когда Римляне обратились къ знаменитому ритору Проэрезію [въ концѣ 3-го и началѣ 4-го стол.] съ просьбою прислать одного изъ его учениковъ для занятія одной свободной каѳедры, онъ прислалъ имъ изъ Александріи Евсевія; „относительно риторики", — говорилось объ этомъ Евсевіѣ [Eunapios Proaer. стр. 92, Boiss.] „достаточно сказать, что онъ Египтянинъ; „а хотя этотъ народъ и занимается со страстью стихотворствомъ, но серьозное „ораторское искуство [ὁ σπουδαῖος Ἑρμῆς] у него не привилось". То замѣчательное возрожденіе греческой поэзіи въ Египтѣ, къ которому, напримѣръ, принадлежитъ эпосъ Нонна, находится внѣ рамокъ настоящаго изложенія.

ности болѣе чудесныхъ исцѣленій, чѣмъ который-либо изъ его коллегъ; онъ даже заразилъ практичнаго императора Веспасіана увѣренностью, что и тотъ исцѣлялъ слѣпыхъ и увѣчныхъ,—но только въ Александріи.

Дѣловая жизнь въ Александріи.—То мѣсто, которое Александрія занимала или, по видимому, должна была занимать въ умственномъ и литературномъ развитіи позднѣйшей Греціи и западной культуры, можетъ быть съ точностью указано не при описаніи мѣстныхъ египетскихъ порядковъ, а при подробномъ описаніи того развитія; тѣмъ не менѣе александрійскій ученый міръ и его дальнѣйшее существованіе подъ римскимъ управленіемъ представляютъ такое замѣчательное явленіе, что мы считаемъ не лишнимъ обрисовать ихъ общія черты въ связи съ настоящимъ изложеніемъ. О томъ, что сліяніе восточнаго духовнаго міра съ эллинскимъ совершилось сначала въ Сиріи, а потомъ преимущественно въ Египтѣ, уже было упомянуто ранѣе (стр. 445), а если завоевавшая западъ новая вѣра распространилась изъ Сиріи, за то преимущественно изъ Египта распространилась однородная съ этой вѣрой наука, то есть философія, признающая и проповѣдующая господствующаго надъ міромъ Бога, и доступнаго и недоступнаго для человѣческаго ума, равно какъ божественное откровеніе; сюда слѣдуетъ отнести, по всему вѣроятію, новый Пиѳагореизмъ, безъ всякаго сомнѣнія, философію новаго іудейства, о которой уже было упомянуто ранѣе (стр. 486), и Нео-Платонизмъ, объ основателѣ котораго Египтянинѣ Плотинѣ также было упомянуто ранѣе (стр. 445). Вслѣдствіе того, что это сліяніе эллинскихъ элементовъ съ восточными совершалось преимущественно въ Александріи, и тамошній эллинизмъ носилъ въ раннюю пору имперіи преимущественно египетскую форму,—какъ это будетъ подробнѣе объяснено при описаніи хода дѣлъ въ Италіи. Такъ какъ именно изъ Александріи проникла въ Италію та мудрость, которая примыкала къ ученіямъ Пиѳагора, Моисея, Платона и была заново обдѣлана изъ стараго матеріала; то и Изида со всѣми принадлежностями своего культа играла главную роль въ томъ нестѣснительномъ модномъ благочестіи, которое сказывалось у римскихъ поэтовъ Августовскаго времени и въ помпейскихъ храмахъ временъ Клавдія. Египетское искуство преобладаетъ въ кампанскихъ фрескахъ той эпохи точно такъ-же, какъ въ Тибуртской виллѣ Адріана. Этому соотвѣтствуетъ и то положеніе, которое заняла александрійская ученость въ духовной жизни временъ имперіи. Извнѣ оно опирается на заботливость государства объ умственныхъ интересахъ и его болѣе основательно связать съ именемъ Александра, нежели съ именемъ Александріи; это была реализація той мысли, что на извѣстной стадіи цивилизаціи искуство и наука должны находить опору

во вліяніи и въ могуществѣ государства,—что и было послѣдствіемъ того геніальнаго момента во всемірной исторіи, который поставилъ рядомъ одного съ другимъ Александра и Аристотеля. Здѣсь не мѣсто задаваться вопросомъ, какъ при этомъ мощномъ сочетаніи смѣшивались истина съ заблужденіемъ, вредъ для духовной жизни съ пользой для нея; здѣсь также не мѣсто сопоставлять скудные отголоски божественнаго пѣснопѣнія и высокаго мышленія свободныхъ Эллиновъ съ обильными и въ то-же время величественными результатами позднѣйшихъ трудовъ по собиранію, провѣркѣ и приведенію въ порядокъ человѣческихъ знаній. Если возникшія изъ этого мышленія учрежденія не возвратили греческой націи безвозвратно утраченнаго или, что еще хуже, возвратили только по внѣшнему виду, за то оно доставило ей единственно возможное и притомъ превосходное вознагражденіе на той почвѣ умственнаго міра, которая еще была свободна для возведенія новыхъ зданій. Наше вниманіе останавливаютъ на себѣ главнымъ образомъ мѣстные порядки. Искуственные сады въ нѣкоторой мѣрѣ независимы отъ почвы; то-же можно сказать объ ученыхъ учрежденіяхъ лишь съ той оговоркой, что они, по своему характеру, составляютъ принадлежность придворной обстановки. Матеріальную помощь они могутъ получать и съ другихъ сторонъ, но для нихъ важнѣе этой помощи благосклонность высшихъ сферъ, облегчающая ихъ развитіе, и тѣ завязывающіяся въ большихъ центрахъ связи, съ помощью которыхъ научныя сферы наполняются и расширяются. Въ лучшія времена Александровыхъ монархій такихъ центровъ было столько-же, сколько было государствъ, а тотъ, который существовалъ при дворѣ Лагидовъ, былъ самымъ значительнымъ изъ всѣхъ. Остальными римская республика завладѣла однимъ вслѣдъ за другимъ и, упраздняя царскіе дворы, упраздняла и состоявшія при нихъ ученыя заведенія и кружки. Что будущій Августъ, упраздняя послѣдній изъ этихъ царскихъ дворовъ, оставилъ состоявшія при немъ ученыя заведенія, было вѣрнымъ и вовсе не худшимъ знаменіемъ измѣнившихся порядковъ. Энергическій и болѣе возвышенный филэллинизмъ цезаревскаго режима отличался къ своей выгодѣ отъ республиканскаго тѣмъ, что не только доставлялъ греческимъ литераторамъ возможность зарабатывать въ Римѣ средства существованія, но считалъ покровительство греческой науки за составную часть Александрова владычества и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ убѣжденіемъ. Конечно, точно такъ-же, какъ и при этомъ всеобщемъ обновленіи государства, планъ постройки былъ болѣе величественъ, нежели самая постройка. Тѣ призванныя Лагидами въ Александрію музы, которыя получали отъ царей свои патенты и пенсіи, не считали за униженіе получать такія-же отличія отъ Римлянъ, а императорская щедрость не отставала отъ прежней царской. Августъ не уменьшилъ ни

александрійскаго библіотечнаго фонда, ни фонда въ пользу философовъ, поэтовъ, докторовъ и ученыхъ разнаго рода [1]), ни предоставленныхъ этимъ послѣднимъ привилегій, а императоръ Клавдій даже увеличилъ ихъ, впрочемъ съ той оговоркой, что новые Клавдіевскіе академики должны были ежегодно публично прочитывать на своихъ засѣданіяхъ греческія историческія произведенія причудливаго учредителя новыхъ порядковъ. Вмѣстѣ съ первой во всемъ мірѣ библіотекой, Александрія сохраняла во всѣ времена имперіи нѣкоторое первенство въ томъ, что касалось научныхъ трудовъ,—пока исламъ не сжегъ библіотеку и не задушилъ древнюю цивилизацію. Городъ сохранялъ это первенствующее положеніе не только благодаря удобствамъ, доставляемымъ существованіемъ библютеки, но также благодаря старымъ традиціямъ и умственному направленію тамошнихъ Эллиновъ; вслѣдствіе того александрійскіе уроженцы и выдѣлялись между учеными своей многочисленностью и своимъ вѣсомъ. И въ эту эпоху появлялись многочисленные и достойные уваженія ученые труды, а именно по части филологіи и физики, принадлежавшіе кружку тѣхъ ученыхъ, которые, подобно парижскимъ членамъ «Института», называли себя учеными «Музея»; но то литературное значеніе, которое имѣли александрійскія и пергамскія придворная ученость и придворное искуство въ лучшую эпоху эллинизма для всего эллинскаго и полу-эллинскаго міра, никогда не имѣло даже отдаленной связи съ римско-александрійской сферой. Причина этого не заключалась въ недостаткѣ талантовъ или въ другихъ случайныхъ условіяхъ; еще менѣе можно искать ее въ томъ, что мѣста въ Музеѣ раздавались императоромъ иногда за дарованія и всегда по личному расположенію, и правительство распоряжалось ими такъ-же произвольно, какъ пожалованіями всадническаго коня

---

[1]) Одинъ „гомерическій поэтъ“ ἐκ Μουσείου сумѣлъ воспѣть Мемнона въ четырехъ гомерическихъ стихахъ, не прибавивъ отъ себя ни одного слова. [C. I. Gr. 4748]. Адріанъ назначаетъ одного александрійскаго поэта членомъ въ награду за эпиграмму, въ которой выражалась преданность къ императору [Athenaeos 15, стр. 677 е]. О риторахъ Адріановскихъ временъ есть свѣдѣнія у Филострата, Vita soph 1, 22, 3. гл. 25, 3. Объ одномъ φιλόσοφος ἀπὸ Μουσείου въ Галикарнассѣ говорится въ Bull. de corr. hell. 4, 405. Въ болѣе позднюю пору, когда всѣ интересы сосредоточивались въ циркѣ, мы находимъ одного знаменитаго борца,—если можно такъ выразиться,—почетнымъ членомъ философскаго званія [надпись изъ Рима C. I. Gr. 5914; νεωκόρος τοῦ μεγά[λου Σαράπιδ]ος καὶ τῶν ἐν τῷ Μουσείῳ [σειτου]μένων ἀτελῶν φιλοσόφων; сравн. тамъ-же 4724 и Firmicus Maternus de errore prof. rel. 13, 3]. Οἱ ἐν Ἐφέσῳ ἀπὸ τοῦ Μουσείου ἰατροί [Wood Ephesus inscr. from tombs n. 7]—общество эфесскихъ врачей: они, конечно, имѣли связь съ александрійскимъ Музеемъ, но едва-ли были его членами, а только получили въ немъ образованіе.

и придворныхъ должностей; и при болѣе древнихъ царскихъ дворахъ дѣлалось то-же самое. Придворные философы и придворные поэты остались въ Александріи, хотя тамъ уже не жилъ дворъ; изъ этого было ясно видно, что они имѣли въ виду не пенсіи и награды, а животворную для обѣихъ сторонъ широкую политическую и научную работу. Эта работа, конечно, велась въ пользу новой монархіи и всѣхъ ея послѣдствій; но ея центромъ была не Александрія: этотъ разцвѣтъ политическихъ знаній былъ, по справедливости, принадлежностью Латиновъ и латинской столицы. Поэзія и наука Августовскихъ временъ развились и достигли значительныхъ успѣховъ при тѣхъ-же условіяхъ, при какихъ полуэллинская поэзія и полуэллинская наука развивались при дворахъ пергамскихъ царей и первыхъ Птолемеевъ. Даже въ греческой сферѣ, — насколько римское правительство вліяло на нее въ одномъ направленіи съ Лагидами,— все это примыкало болѣе къ Риму, нежели къ Александріи. Конечно, находившіяся въ столицѣ греческія библіотеки не могли равняться съ александрійской, и въ Римѣ не было такого учрежденія, которое могло-бы равняться съ александрійскимъ Музеемъ. Но служебное положеніе при римскихъ библіотекахъ открывало доступъ ко двору. И та учрежденная Веспасіаномъ столичная профессорская каѳедра греческой риторики, которую замѣщало и оплачивало правительство, давала занимавшему ее лицу такое-же служебное положеніе, какое занималъ императорскій библіотекарь, хотя должность профессора и не была такой-же придворной должностью, какъ должность того библіотекаря; безъ сомнѣнія оттого и считалась та каѳедра самой важной въ государствѣ [1]). Но главнымъ образомъ должность императорскаго кабинетъ-секретаря по греческимъ дѣламъ была самой важной и самой вліятельной изъ всѣхъ тѣхъ, какихъ могъ достигнуть греческій ученый. Поэтому перемѣщеніе изъ александрійской академіи на такую-же столичную должность считалось повышеніемъ [2]). И помимо всего, что греческіе ученые находили только въ одномъ Римѣ, положенія при дворѣ и придворныхъ должностей было достаточно для того, чтобъ доставлять самымъ уважаемымъ изъ нихъ даже такой-же доступъ, какой они имѣли къ египетскому «даровому

---

1) Ὁ ἄνω θρόνος, у Филострата, Vit. soph. 2, 10, 5.

2) Примѣрами могутъ служить: наставникъ Нерона Херемонъ, прежде состоявшій при должности въ Александріи [Свида, Διονύσιος Ἀλεξανδρεύς; сравн. Zeller, Hermes 11, 430 и выше стр. 568]; сынъ Главка Діонисій, который первоначально былъ преемникомъ Херемона въ Александріи, а потомъ со временъ Нерона до временъ Траяна библіотекаремъ въ Римѣ и императорскимъ кабинетъ-секретаремъ [Свида, въ выше указ. м.]; Л. Юлій Вестинъ, жившій при Адріанѣ; даже послѣ того, какъ онъ былъ начальникомъ Музея, онъ занималъ въ Римѣ тѣ-же должности, которыя занималъ Діонисій [стр. 557, прим. 2]; онъ также былъ извѣстенъ какъ авторъ сочиненій по филологіи.

столу.» Ученая Александрія была въ ту пору чѣмъ-то въ родѣ центра овдовѣвшей греческой учености,—центра достойнаго уваженія и полезнаго, но который не имѣлъ никакого сколько-нибудь значительнаго вліянія ни на хорошую ни на дурную сторону широко распространившагося во времена имперіи образованія; мѣста въ Музеѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нерѣдко раздавались иноземнымъ знаменитымъ ученымъ, а самъ институтъ обращалъ свое вниманіе болѣе на хранившіяся въ библіотекѣ книги, нежели на граждан великаго торговаго и промышленнаго города.

Египетская армія.—Въ военномъ отношеніи, въ Египтѣ точно такъ же, какъ и въ Сиріи, войскамъ предстояла двойная задача—охрана южной границы и восточнаго берега, имѣвшая немалое сходство съ охраной евфратской пограничной линіи, и поддержаніе внутренняго порядка во всей странѣ и въ столицѣ. Помимо стоявшихъ подлѣ Александріи и на Нилѣ судовъ, задача которыхъ, какъ кажется, заключалась главнымъ образомъ въ надзорѣ за собираніемъ таможенныхъ пошлинъ, римская оккупаціонная армія состояла при Августѣ изъ трехъ легіоновъ и изъ состоявшихъ при этихъ легіонахъ немногочисленныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, такъ что она доходила числомъ почти до 20,000 человѣкъ. Это былъ почти половинный размѣръ тѣхъ военныхъ силъ, которыя обыкновенно назначались для всѣхъ азіятскихъ провинцій въ совокупности,—что соотвѣтствовало важности, которую имѣла эта провинція для новой монархіи. Но, по всему вѣроятію, еще при Августѣ оккупаціонная армія была уменьшена на одну треть, а потомъ, при Домиціанѣ, еще на одну треть. Сначала были поставлены два легіона внѣ столицы; но главный лагерь, кромѣ котораго вскорѣ и не было другаго, находился подлѣ воротъ этой столицы тамъ, гдѣ Цезарь-сынъ выдержалъ послѣднюю борьбу съ Антоніемъ, въ предмѣстіи, носившемъ впослѣдствіи названіе Никополя. Онъ имѣлъ свой собственный амфитеатръ и свой собственный народный праздникъ въ честь императора и былъ устроенъ вполнѣ самостоятельно, такъ что его публичныя увеселенія въ теченіе нѣкотораго времени затмѣвали александрійскія. Непосредственная охрана границъ была возложена на вспомогательныя войска. Тѣ-же самыя причины, которыя привели къ упадку дисциплины въ Сиріи, какъ-то исполненіе полицейскихъ обязанностей и непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ обширнаго города, оказали свое вліяніе и на войска, стоявшія въ Египтѣ; къ этому присоединялось и то обстоятельство, что Римляне, по меньшей мѣрѣ, до нѣкоторой степени, усвоили издавна существовавшее въ македонскихъ полкахъ

Птолемеевъ вредное обыкновеніе дозволять солдатамъ брачную жизнь или то, что ее замѣняетъ, и пополнять армію этими лагерными дѣтьми. Такъ какъ западные жители вступали на службу въ египетскій корпусъ еще рѣже, нежели въ другія восточныя арміи, и онъ пополнялся большею частію александрійскими гражданами и находившимися подлѣ Александріи лагеремъ, то онъ, какъ кажется, былъ самымъ плохимъ изъ всѣхъ армейскихъ корпусовъ, а офицеры этихъ легіоновъ, какъ уже было ранѣе замѣчено, были по своему рангу ниже всѣхъ другихъ.

Главная военная задача стоявшей въ Египтѣ арміи находилась въ тѣсной связи съ мѣрами, которыя были приняты для расширенія египетской торговли. Поэтому мы изложимъ то и другое во взаимной связи и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотримъ отношенія Рима какъ къ континентальнымъ южнымъ сосѣдямъ, такъ и къ Аравіи и къ Индіи.

Эѳіопія.—Египетъ простирается на югъ, — какъ уже было замѣчено,—до тѣхъ препятствій, которыя противопоставляетъ судоходству послѣдній водопадъ, находящійся неподалеку отъ Сіены (Ассуана). По ту сторону Сіены начинаются владѣнія племени Кешъ, какъ его называютъ Египтяне, или—въ переводѣ Грековъ—чернокожихъ, то-есть Эѳіоповъ; оно, по всему вѣроятію, находилось въ племенномъ родствѣ съ Аксомитами, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, и хотя оно, быть можетъ, происходило отъ одного корня съ Египтянами, но въ своемъ историческомъ развитіи относилось къ нимъ, какъ чужеземный народъ, враждебно. Далѣе къ югу жили N a h s i u, какъ ихъ называли Египтяне, то-есть черные люди; Греки называли ихъ Нубійцами, а въ настоящее время они называются Неграми. Египетскіе цари, въ свою лучшую эпоху, распространили свое владычество далеко внутрь страны, или по меньшей мѣрѣ тамъ утвердили свое собственное владычество переселившіеся туда Египтяне; письменные памятники Фараоновъ заходятъ за третій водопадъ до Донголы; Набата (близъ Нури), какъ кажется, была тамъ средоточіемъ ихъ колоній; группы не носящихъ письменныхъ надписей храмовъ и пирамидъ встрѣчаются также много далѣе, вверхъ противъ теченія рѣки, почти въ шести дняхъ переѣзда къ сѣверу отъ Хартума, подлѣ Шенди въ Сеннаарѣ, вблизи отъ рано исчезнувшаго безъ вѣсти эѳіопскаго города Мероэ. Когда Египетъ подпалъ подъ власть Римлянъ, развитіе владычества въ выше упомянутыхъ странахъ уже давно прекратилось и по ту сторону Сіены владычествовало эѳіопское племя подъ властію царицъ, постоянно носившихъ имя или титулъ Кандаки [1]) и имѣвшихъ свою резиденцію въ когда-то принадлежавшей Египту Набатѣ, въ Донголѣ; этотъ народъ находился на низкой степени

[1]) Евнухъ Кандаки; какъ намъ извѣстно, читалъ произведенія Исаіи [Дѣян. Апост. 8, 27]; и во времена Нерона тамъ царствовала Кандака [Плиній, Hist. Nat. 6, 29, 182].

цивилизаціи, состоялъ преимущественно изъ пастуховъ и былъ въ состояніи выставить армію изъ 30,000 человѣкъ, которые носили щиты изъ воловьихъ кожъ и были вооружены большею частію не мечами, а топорами или копьями и обдѣланными въ желѣзо дубинами; то были хищническіе сосѣди, неспособные бороться съ Римлянами.

Война съ царицей Кандакой.—Эти сосѣди вторгнулись въ 730 или въ 731 году въ римскія владѣнія по той, какъ они увѣряли, причинѣ, что начальники сосѣднихъ номъ нанесли имъ обиды, а по мнѣнію Римлянъ потому, что египетскія войска были въ ту пору большею частію заняты въ Аравіи и въ отсутствіи ихъ можно было грабить безнаказанно. Они осилили прикрывавшія границу три когорты, увели въ рабство жителей ближайшихъ египетскихъ округовъ Филъ, Элефантины и Сіены, а въ память своей побѣды унесли оттуда всѣ императорскія статуи, какія тамъ нашли. Но именно въ то время вступившій въ управленіе страной, намѣстникъ Гай Петроній немедленно отмстилъ за это нападеніе; во главѣ 10,000 пѣхотинцевъ и 800 всадниковъ, онъ не только выгналъ ихъ изъ страны, но проникъ вслѣдъ за ними вдоль теченія Нила въ ихъ собственныя владѣнія, нанесъ имъ сильное пораженіе подлѣ Пселхиса (Dakke) и взялъ приступомъ какъ ихъ укрѣпленный замокъ Премисъ (Ибримъ), такъ и самую столицу, которую вслѣдъ затѣмъ разрушилъ. Отличавшаяся своимъ мужествомъ царица возбновила въ слѣдующемъ году нападеніе и попыталась взять приступомъ Премисъ, въ которомъ былъ оставленъ римскій гарнизонъ; но Петроній своевременно пришолъ на помощь къ осажденнымъ и тогда Эѳіопка рѣшилась отправить къ нему пословъ и просить мира. Императоръ не только согласился на мирныя предложенія, но даже приказалъ очистить завоеванную территорію и отвергъ предложеніе намѣстника обложить побѣжденныхъ податью. Это само по себѣ неважное событіе достойно вниманія потому, что именно тогда обнаружилось рѣшительное намѣреніе римскаго правительства удержать въ своей безусловной власти долину Нила докуда рѣка судоходна, но разъ навсегда отказаться отъ завладѣнія отдаленными странами, лежащими на Верхнемъ Нилѣ. Только та полоса земли, гдѣ находилась Сіена и гдѣ стояли при Августѣ пограничныя войска вплоть до Гіеры Сикамина (Магарраки), то-есть такъ-называемая двѣнадцати-мильная страна (Δωδεκάσχοινος), считалась принадлежащей къ римской имперіи, хотя никогда не была организована какъ номъ и никогда не была частію Египта; даже военные посты были подвинуты впередъ до Гіеры Сикамина не позднѣе Домиціанова царствованія [1]). Въ сущности

[1]) Что граница государства доходила до Гіеры Сикамина видно въ томъ, что касается 2-го столѣтія, изъ словъ Птолемея 5, 5, 74; въ томъ, что касается временъ Діоклетіана—изъ дорожниковъ, въ которыхъ значатся идущія дотуда ка-

все и осталось въ этомъ положеніи. Хотя въ планъ задуманной Нерономъ восточной экспедиціи (стр. 384) входила и Эѳіопія, но дѣло ограничилось тѣмъ, что римскіе офицеры предварительно изучили мѣстность, причемъ проникли даже за Мероэ. Сношенія съ жившими у южной границы Египта сосѣдями были вообще мирны вплоть до половины третьяго столѣтія, хотя и случались небольшія столкновенія съ вышеупомянутой Кандакой и ея преемницами, какъ кажется, довольно долго сохранявшими въ своихъ рукахъ власть, а впослѣдствіи, быть можетъ, и съ другими племенами, достигавшими верховенства по ту сторону государственной границы. Только во времена Валеріана и Галліена, когда могущество имперіи стало расшатываться, ея сосѣди стали проникать внутрь ея границъ.

Блеміи.—Уже было ранѣе (стр. 560) упомянуто о томъ, что жившіе среди горъ близъ юго-восточной границы Египта и прежде подчинявшіеся Эѳіопамъ Блеміи были варварскимъ и чрезвычайно свирѣпымъ народомъ, который и въ теченіе многихъ слѣдующихъ столѣтій не отвыкалъ отъ приношенія человѣческихъ жертвъ, а въ описываемую эпоху самостоятельно боролся съ Египтянами, завладѣлъ по соглашенію съ Пальмирцами значительной частью Верхняго Египта и удерживалъ ее въ своей власти въ теченіе многихъ лѣтъ. Даровитый императоръ Пробъ выгналъ ихъ оттуда; но разъ начав-

зенныя дороги. Въ болѣе новой на одно столѣтіе Notitia dignitatum военные посты уже опять не стоятъ далѣе Сіены, Филъ и Элефантины. На пространствѣ отъ Филъ до Гіеры Сикамина [Геродотовскомъ Dodekaschoenos 2, 29], какъ кажется, еще въ раннюю пору собирались пошлины для храма Изиды въ Филахъ, такъ какъ эту богиню всегда одинаково чтили и Египтяне и Эѳіопы; но греческихъ надписей изъ временъ Лагидовъ тамъ вовсе ненайдено; напротивъ того, тамъ найдено много надписей изъ временъ римскаго владычества; самыя древнія изъ нихъ принадлежатъ ко временамъ Августа [въ Пселхисѣ, 2 г. послѣ Р. Х.: C. I. Gr. n. 5086] и ко временамъ Тиверія [тамъ-же, 26 г.: n. 5104; 33 г.: n. 5101], а самыя позднія ко временамъ Филиппа [въ Кардасси, 248 г.: n. 5010]. Онѣ не могутъ считаться безусловнымъ доказательствомъ того, что мѣста, гдѣ онѣ найдены, принадлежали къ имперіи; но эта принадлежность явствуетъ изъ надписи одного участвовавшаго въ межеваніи страны солдата отъ 33 г. [n. 5101] и въ надписи одного praesidium'а отъ 84 г. [Talmis, n. 5042 и сл.], равно какъ изъ многихъ другихъ. По ту сторону указанной границы никогда не было найдено подобнаго камня, такъ какъ замѣчательная надпись въ честь regina [C. I. L. 111, 83], найденная подлѣ Мессората къ югу отъ Шенди [16° 25 широты, 5 льё къ сѣверу отъ развалинъ Наги] и самая южная изъ всѣхъ извѣстныхъ латинскихъ надписей, хранящаяся въ настоящее время въ берлинскомъ музеѣ, была поставлена не римскимъ подданнымъ, а, по всему вѣроятію, какимъ-нибудь возвращавшимся изъ Рима посломъ африканской королевы, который выразился по-латыни, быть можетъ только для того, чтобъ доказать, что онъ побывалъ въ Римѣ.

шіяся вторженія уже не прекращались [1]) и императоръ Діоклетіанъ рѣшился возстановить прежнюю границу. Небольшая «двѣнадцатимильная» страна требовала сильной оккупаціонной арміи, а государству не доставляла большихъ выгодъ. Нубійцы, жившіе въ Ливійской степи и часто вторгавшіеся въ особенности въ большой оазисъ, согласились покинуть мѣста своего прежняго жительства и поселиться въ этой странѣ, которая была формально имъ уступлена; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ имъ, такъ и ихъ восточнымъ сосѣдамъ Блеміямъ, была назначена ежегодная субсидія подъ видомъ вознагражденія за охрану границы, а на самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, съ цѣлію откупиться отъ ихъ хищническихъ набѣговъ, которые тѣмъ не менѣе не прекратились. Это былъ попятный шагъ—первый съ тѣхъ поръ, какъ Египетъ подпалъ подъ власть Римлянъ.

Торговыя сношенія Эѳіоповъ.—О торговыхъ сношеніяхъ, которыя велись на этой границѣ, древность оставила намъ мало свѣдѣній. Такъ какъ водопады Верхняго Нила преграждали прямой водный путь, то и торговля между внутренней Африкой и Египтянами, въ особенности та, которая велась слоновою костью, шла въ римскія времена болѣе черезъ абиссинскіе порты, чѣмъ по Нилу; но нельзя сказать, чтобъ она вовсе не производилась и въ этомъ направленіи [2]). Эѳіопы, жившіе въ большомъ числѣ на островѣ Филахъ, рядомъ съ Египтянами, очевидно, были большею частію торговцы, а господствовавшее на этой границѣ спокойствіе, конечно, способствовало процвѣтанію верхне-египетскихъ пограничныхъ городовъ и вообще египетской торговли.

Восточные берега Египта и всемірныя торговыя сношенія. — Для развитія всемірной торговли восточный берегъ Египта представляетъ трудно разрѣшимую задачу. Пустынная и утесистая песчаная

---

[1]) Слова tropaea Niliaca, sub quibus Aethiops et Indus intremuit, встрѣчающіяся въ рѣчи, которая была произнесена, вѣроятно въ 296 году [Paneg. 5, 5], относятся къ одной изъ такихъ стычекъ, а не къ египетскому возстанію; о нападеніяхъ со стороны Блеміевъ упоминаетъ другая рѣчь 289 года [Paneg. 3, 17].—Объ уступкѣ двѣнадцати-мильной области Нубійцамъ, говоритъ Прокопій, Bell. Pers. 1, 19. О ней говорятъ Олимпіодоръ [Fr. 37 Müller] и надпись въ Silko C. I. Gr. 5075, но такъ, что эта область, какъ будто, находилась подъ властію не Нубійцевъ, а Блеміевъ. Недавно найденный отрывокъ эпической поэмы, написанной по случаю побѣды, одержанной надъ Блеміями однимъ изъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, относится, по мнѣнію Bücheler'a [Rhein. Mus. 39, 279 и сл.] къ побѣдѣ, одержанной въ 451 г. Маркіаномъ [сравн. Pricus fr. 21].

[2]) Ювеналъ упоминаетъ [11, 124] о слоновыхъ зубахъ quos mittit porta Syenes.

мѣстность негодится для культуры и какъ въ старину была степью, такъ осталась степью и по настоящее время [1]). Въ замѣнъ того, два самыхъ важныхъ для развитія древней культуры моря — Средиземное и Черное или Индійское сближаются всего болѣе у двухъ самыхъ сѣверныхъ оконечностей этого послѣдняго—заливовъ Персидскаго и Аравійскаго; первый изъ этихъ заливовъ принимаетъ въ себя Евфратъ, который, въ своемъ среднемъ теченіи, близко подходитъ къ берегамъ Средиземнаго моря, а второй отдѣляется лишь нѣсколькими днями пути отъ впадающаго въ Средиземное море Нила. Поэтому и древняя торговля между востокомъ и западомъ или велась черезъ Евфратъ къ берегамъ Сиріи и Аравіи, или же направлялась отъ восточныхъ береговъ Египта къ Нилу. Пути сообщенія, ведущіе отъ Евфрата, древнѣе тѣхъ, которые ведутъ черезъ Нилъ; но эти послѣдніе имѣютъ преимущество болѣе удобнаго судоходства и болѣе короткаго сухопутнаго переѣзда; устраненіе этого переѣзда посредствомъ проведенія искуственнаго воднаго пути невозможно на дорогѣ, идущей черезъ Евфратъ, но на той, которая идетъ черезъ Египетъ, оно хотя и считалось въ старину, какъ и въ настоящее время, труднымъ, но его не находили невозможнымъ. Поэтому, Египту было по самой природѣ суждено соединять восточные берега съ теченіемъ Нила и съ сѣверными берегами посредствомъ сухопутныхъ и водныхъ сообщеній, и начала такихъ сооруженій принадлежатъ ко временамъ тѣхъ туземныхъ властителей, которые впервые открыли Египетъ для иноземцевъ и для обширныхъ торговыхъ сношеній.

Морской путь въ Индію.— Какъ кажется, по слѣдамъ того, что было сдѣлано великими египетскими правителями Сеѳи I и Рамзесонъ II, сынъ Псамметиха, царь Нехо (610—594 до Р. Х.) приступилъ къ сооруженію канала, который отдѣлялся отъ Нила вблизи отъ Каира и долженъ былъ установить водное сообщеніе съ горькими озерами подлѣ Измаилии, а черезъ нихъ и съ Чернымъ моремъ; но онъ не былъ въ состояніи довести это предпріятіе до конца. При этомъ онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду не только господство надъ Аравійскимъ заливомъ и торговыя сношенія съ Арабами, но также моря Персидское и Индійское и отдаленный востокъ; это тѣмъ болѣе правдоподобно, что тотъ-же царь былъ единственный изъ древнихъ властителей, по волѣ котораго былъ совершонъ морской объѣздъ вокругъ Африки. Таковы-же, безъ сомнѣнія, были намѣренія царя Дарія I, властвовавшаго какъ надъ

[1]) Судя по тому, какъ отзывается объ этихъ берегахъ Птолемей [4. 5, 14. 15], слѣдуетъ полагать, что они, подобно двѣнадцати-мильной странѣ, не входили въ раздѣленіе на номы.

Персіей, такъ и надъ Египтомъ; онъ окончилъ сооруженіе канала, но, какъ видно изъ памятниковъ, найденныхъ на мѣстѣ сооруженія, самъ приказалъ засыпать каналъ, вѣроятно потому, что его инженеры опасались, чтобъ впущенная въ каналъ морская вода не затопила египетскихъ полей.

Борьба между Лагидами и Селевкидами, господствовавшая надъ политическими событіями послѣ-Александровскихъ временъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбою между Евфратомъ и Ниломъ. Евфратъ владычествовалъ, а Нилъ игралъ роль претендента, и даже въ лучшія времена Лагидовъ миролюбивая наступательная война велась съ большой энергіей. Не только начатый царями Нехо и Даріемъ каналъ, потомъ получившій названіе «рѣки Птолемея», былъ впервые открытъ для судоходства вторымъ Птолемеемъ Филадельфомъ († 247 г. до Р. Х.), но также были возведены въ самыхъ удобныхъ пунктахъ трудно доступныхъ съ моря восточныхъ береговъ громадныя сооруженія для безопасности судовъ и для сообщеній съ Ниломъ.

Египетскія восточныя гавани.—Эти сооруженія были возведены преимущественно близь устьевъ ведущаго къ Нилу канала, въ Арсиноэ, Клеопатрисѣ, Клизмѣ, находящихся неподалеку отъ теперешняго Суэза. Далѣе къ югу возникли, кромѣ многихъ менѣе значительныхъ поселеній, два важныхъ складочныхъ мѣста—Міосъ-Гормосъ, немного выше теперешняго Козера, и Береника въ странѣ Трогодитовъ, почти на одинакой широтѣ какъ съ Сіеной на Нилѣ, такъ и съ аравійской гаванью Левке-Коме; отъ города Копта, подлѣ котораго Нилъ дѣлаетъ самый большой поворотъ въ направленіи къ востоку, первый изъ этихъ городовъ отстоялъ на 6—7 дней пути, а второй на 11-ть, и оба они соединялись съ этимъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ на Нилѣ посредствомъ дорогъ, проложенныхъ черезъ степь и снабженныхъ обширными водохранилищами. Во времена Птолемеевъ товары перевозились, по всему вѣроятію, нестолько по каналу, сколько по этой сухопутной дорогѣ, ведущей въ Коптъ.

Абиссинія.—Далѣе той, находившейся въ странѣ Трогодитовъ Береники, собственно такъ-называемый Египетъ не простирался при Лагидахъ. Лежавшія далѣе къ югу поселенія — Птолемаида «для охоты», ниже Суакина, самое южное изъ поселеній, принадлежавшихъ къ царству Лагидовъ, впослѣдствіи называвшееся Адулисомъ, а въ ту пору, быть можетъ, носившее названіе «Береника золотая» или «подлѣ Сабы» и Зула, которая находилась неподалеку отъ теперешней Массауи и была самой лучшей гаванью на всемъ этомъ берегу,—были не болѣе, какъ прибрежные форты и не входили въ составъ

Египта. И не подлежитъ сомнѣнію, что при позднѣйшихъ Лагидахъ эти отдаленныя поселенія или были утрачены или были добровольно уступлены, а въ ту эпоху, когда началось римское владычество, трогодитская Береника была государственной границей на берегу, точно такъ какъ внутри страны границей была Сіена.

Царство Аксомитовъ. — Въ этой области, которая или никогда не была занята Египтянами или рано была ими очищена, возникло или въ концѣ владычества Лагидовъ или въ первыя времена имперіи независимое обширное и значительное по своему могуществу государство Аксомитовъ [1]), соотвѣтствующее теперешнему Габешу. Оно получило свое названіе отъ города Аксомиса, тепершняго Аксума, который находится въ самой серединѣ этой гористой страны, въ восьми-дневномъ переѣздѣ отъ моря, въ теперешней Тигрійской области; гаванью служило для него ранѣе упомянутое, лучшее складочное мѣсто на этомъ берегу—Адулисъ въ бухтѣ Массуи. Первоначальные жители Аксомитскаго царства, отъ которыхъ до сихъ поръ сохранилось совершенно чистое потомство въ нѣкоторыхъ внутреннихъ мѣстностяхъ, принадлежали по своему языку (Агау) къ одной ха-

---

1) Самыя достовѣрныя свѣдѣнія, какія до насъ дошли о царствѣ Аксомитовъ, доставилъ намъ камень [C. I. Gr. 5127 b], поставленный въ Адулисѣ однимъ изъ ихъ царей, безъ сомнѣнія, въ лучшія времена имперіи; на этомъ камнѣ сдѣлана надпись, въ которой разсказаны подвиги этого мнимаго основателя царства такимъ-же слогомъ, какъ надпись въ честь Дарія въ Персеполѣ или надпись въ честь Августа въ Анкирѣ; камень поставленъ передъ царскимъ трономъ, передъ которымъ вплоть до 6 столѣтія казнили преступниковъ. Знатокъ этого дѣла Dillmann [Abh. der Berliner Akademie 1877, стр. 195 и сл.] уяснилъ въ этой надписи все, что было доступно для уясненія. Съ римской точки зрѣнія достойно вниманія то, что царь хотя и не называетъ Римлянъ, но ясно намекаетъ на границы ихъ владѣній въ то время, какъ покоряетъ Тангаитовъ μέχρι τῶν τῆς Αἰγύπτου ὁρίων и проводитъ дорогу ἀπὸ τῶν τῆς ἐμῆς βασιλείας τόπων μέχρι Αἰγύπτου, а за тѣмъ называетъ сѣверной границей своей аравійской экспедиціи Левке-Коме,—послѣднюю римскую стоянку на западномъ берегу Аравіи. Далѣе отсюда слѣдуетъ, что эта надпись новѣе, чѣмъ описанное въ царствованіе Веспасіана плаваніе по Чермному морю, такъ какъ по словамъ этого описанія [гл. 5] царь Аксомитовъ властвуетъ ἀπὸ τῶν Μοσχοφάγων μέχρι τῆς ἄλλης Βαρβαρίας, а это слѣдуетъ понимать въ исключительномъ смыслѣ, такъ какъ онъ называетъ въ гл. 2 τύραννοι Мосхофаговъ и также замѣчаетъ въ гл. 14, что по ту сторону Бабъ-эль-Мандебскаго пролива нѣтъ никакихъ „царей“, а есть только „тираны“. Стало быть въ ту пору царство Аксомитовъ еще не доходило до римской границы, а доходило приблизительно до Птолемаиды „для охоты“, и въ противоположномъ направленіи не доходило до мыса Гвардафуя, а доходило лишь до Бабъ-эль-Мандебскаго пролива. Описаніе плаванія также не упоминаетъ о владѣніяхъ царя Аксомитовъ на аравійскомъ берегу, хотя неоднократно упоминаетъ о тамошнихъ династахъ.

митической сферѣ съ теперешними Бего, Сали, Данкали, Сомали, Галла; съ народами, говорившими на этихъ нарѣчіяхъ, египетское населеніе, какъ кажется, находилось въ такомъ-же родствѣ по происхожденію, въ какомъ находились Греки съ Кельтами и съ Славянами, такъ что для изслѣдованій здѣсь представляется сходство, а въ томъ, что касается историческаго существованія, напротивъ того, встрѣчаются почти однѣ противоположности. Но слѣдуетъ полагать, что еще до начала той эпохи, о которой только начинаются наши свѣдѣнія, болѣе могущественные семитическіе переселенцы, принадлежавшіе къ химіаритскимъ племенамъ южной Аравіи, переправились черезъ узкій заливъ и ввели тамъ какъ свой языкъ, такъ и свою письменность. Древній письменный языкъ Габеша, исчезнувшій съ 17-го столѣтія въ народномъ употребленіи—Ге'эцъ или, какъ онъ большею частію ошибочно называется эѳіопскій [1]), есть чисто семитическій [2]), а сохранившіеся до сихъ поръ діалекты Амгара и Тигрина также въ сущности семитическіе, лишь извратившіеся подъ вліяніемъ болѣе древняго діалекта Агау. О зачаткахъ этого государственнаго устройства не сохранилось никакихъ преданій. Въ концѣ Нероновскаго времени и, быть можетъ, еще много ранѣе, царь Аксомитовъ владычествовалъ на африканскихъ берегахъ приблизительно отъ Суакина до Бабъ-эль-Мандебскаго пролива. Черезъ нѣсколько времени послѣ того—нѣтъ возможности точнѣе опредѣлить это время—онъ былъ сосѣдомъ Римлянъ на южной границѣ Египта и велъ войны на другомъ берегу Аравійскаго залива на промежуточномъ пространствѣ между римскими владѣніями и владѣніями Сабеевъ; стало быть съ сѣверной стороны онъ находился въ Аравіи въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ римскими владѣніями и сверхъ того владѣлъ африканскимъ берегомъ, внѣ залива, быть можетъ до мыса Гвардафуя. Не выяснено, какъ далеко простирались его владѣнія отъ Аксомиса внутрь страны; Эѳіопія, то-есть Сеннааръ и Донгола едва-ли принадлежали къ нимъ по меньшей мѣрѣ въ раннія времена имперіи; быть можетъ, въ ту пору государство Набата существовало рядомъ съ царствомъ Аксомитовъ. Повсюду, гдѣ намъ встрѣчаются Аксомиты, они представляются намъ стоящими на относительно высокой степени образованія. При Августѣ Египетъ завелъ болѣе широкія торговыя сношенія какъ съ Индіей, такъ и съ этими афри-

---

[1]) Названіе Эѳіопіи давалось въ лучшія времена странѣ, лежащей на верхнемъ Нилѣ, въ особенности государствамъ Мероэ и Набата [стр. 582], стало быть той странѣ, которую мы называемъ теперь Нубіей. Въ болѣе позднія времена, какъ напримѣръ у Прокопія, это названіе относится къ государству Аксомитовъ и потому въ новѣйшія времена часто употребляется для обозначенія Абиссиніи.

[2]) Отсюда произошла легенда, что Аксомиты были поселенные Александромъ въ Африкѣ Сирійцы и что они еще говорили по-сирійски [Philostorgius, Hist. Eccl. 3, 6].

для объѣзда изъ Персидскаго залива и для занятія южныхъ береговъ Аравіи, которые уже были предварительно осмотрѣны. Но за то предпріятіе, котораго не могъ довести до конца великій царь, послѣ него никогда не брался ни одинъ Грекъ. За то, съ самыхъ отдаленныхъ временъ велись оживленныя торговыя сношенія между двумя берегами Аравійскаго залива черезъ раздѣлявшее ихъ сравнительно не очень широкое водное пространство. Въ египетскихъ разсказахъ изъ временъ Птолемеевъ играютъ значительную роль морскія поѣздки въ страну Пунта и привозившіеся оттуда запасы ладона, эбеноваго дерева, изумруда и леопардовыхъ кожъ. О томъ, что сѣверная часть западныхъ береговъ Аравіи впослѣдствіи принадлежала къ владѣніямъ Набатеевъ и вмѣстѣ съ этими владѣніями перешла во власть Римлянъ, уже было упомянуто ранѣе (стр. 467). Это было пустынное приморье [1]); только складочный пунктъ Левке-Коме — крайній городъ владѣній Набатеевъ и стало быть римскихъ владѣній, — не только велъ моремъ торговыя сношенія съ противолежащей Береникой, но также былъ исходнымъ пунктомъ караванной дороги, ко-

---

[1]) Внутри страны лежитъ древняя Тейма [названная по имени одного изъ сыновей библейскаго Измаила]; ассирійскій царь Теглатфаллассаръ называлъ ее, въ осьмомъ столѣтіи до Р. Х. въ числѣ завоеванныхъ имъ странъ; пророкъ Іеремія называетъ ее вмѣстѣ съ Сидономъ; это—замѣчательный соединительный пунктъ торговыхъ сношеній ассирійскихъ, египетскихъ и арабскихъ; съ тѣхъ поръ, какъ туда стали проникать смѣлые путешественники, мы должны ожидать болѣе точныхъ о ней свѣдѣній отъ восточныхъ изслѣдователей. Въ самой Теймѣ Euting недавно нашолъ арамейскія надписи, принадлежащія къ болѣе древней эпохѣ [Nöldeke Sitzungsberichte der Berliner Akademie 1884, стр. 813 f.]. Изъ лежащаго неподалеку оттуда мѣстечка Medâin—Sâlih [Ḥidjr] происходятъ тѣ, безъ сомнѣнія вычеканенныя по образцу аттическихъ, монеты, которыя частію замѣняютъ сову Паллады изображеніемъ того божества, которое Египтяне называютъ Безой, повелителемъ Пунта, то-есть Аравіи [Erman Zeitschrift für Numismatik 9, 296 f.] О найденныхъ тамъ-же набатейскихъ надписяхъ уже было упомянуто ранѣе [стр. 465 прим. 3]. Неподалеку оттуда, подлѣ 'Ola [el-Ally] нашлись надписи, которыя по письму и по названіямъ боговъ и царей соотвѣтствуютъ надписямъ южно-аравійскихъ Минеевъ; онѣ доказываютъ, что эти Минеи имѣли значительную стоянку именно тамъ, на разстояніи шестидесяти дней переѣзда отъ ихъ отчизны, на упоминаемой Эратосѳеномъ дорогѣ, которая вела изъ Минеи въ Элану и по которой направлялась торговля ладономъ; вблизи оттуда находилась другая стоянка одного южно-аравійскаго племени, которое было въ родствѣ съ Минеями, но не было съ ними тождественно [D. H. Müller въ отчетахъ Вѣнской Академіи отъ 17 дек. 1884]. Надписи Минеевъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ къ до-римскимъ временамъ. Такъ какъ во время совершившагося при Траянѣ присоединенія Набатейскаго царства къ имперіи, эта мѣстность осталась нетронутой [стр. 469], то тамъ могло послѣ того господствовать какое-нибудь другое южно-арабское племя.

торая шла въ Петру и оттуда въ порты южной Сиріи, и вслѣдствіе того служила связью для торговли востока съ западомъ (стр. 469). Страны, лежащія далѣе къ югу, то-есть къ сѣверу и къ югу отъ теперешней Мекки, походили по своимъ природнымъ особенностямъ на противолежащую страну Трогодитовъ и, подобно ей, не имѣли въ древнія времена ни политическаго ни торговаго значенія, по видимому даже не были соединены подъ одною верховною властью, а служили мѣстомъ жительства для кочевыхъ племенъ.

Государство Гомеритовъ.—Но на южной оконечности залива жило единственное изъ арабскихъ племенъ, достигшее болѣе важнаго значенія еще до введенія ислама. Греки и Римляне называли въ древнія времена этихъ Арабовъ по имени самаго выдѣлявшагося племени, Сабеями; въ болѣе позднюю пору ихъ называли по имени другаго выдѣлявшагося племени, Гиміаритами. Цивилизація этого замѣчательнаго народа достигла значительной высоты еще за долго до утвержденія римскаго владычества надъ Египтомъ [1]). Его отчизна, называвшаяся у древнихъ «Счастливой Аравіей», находилась въ области Мохи и Адена; ее окружаетъ со всѣхъ сторонъ узкая, знойная и пустынная песчаная равнина, но здоровая и пользующаяся умѣреннымъ климатомъ внутренность Іемена и Гадрамаута покрыта на склонахъ горъ и въ долинахъ роскошною растительностью, а благодаря многочисленнымъ горнымъ потокамъ тамъ при тщательномъ уходѣ возможна такая обработка почвы, которая придаетъ странѣ наружный видъ сада. О богатой и своеобразной цивилизаціи этой страны до сихъ поръ свидѣтельствуютъ остатки городскихъ стѣнъ и башенъ, общественныхъ зданій и въ особенности водопроводовъ, и покрытыхъ надписями храмовъ, вполнѣ подтверждающіе то, что разсказывали древніе писатели о тамошнемъ великолѣпіи и роскоши; арабскіе географы писали цѣлыя книги объ укрѣпленныхъ мѣстахъ и зáмкахъ, принадлежавшихъ мелкимъ іеменскимъ владѣте-

[1]) Въ связи съ тѣмъ, что̀ касается торговли ладономъ, встрѣчаются у Өеофраста [† 287 до Р. X.; Hist. Plant. 9, 4] и еще подробнѣе у Эратосөена [† 194 до Р. X; у Страбона 16, 4, 2, стр. 768] свѣдѣнія о четырехъ главныхъ племенахъ—о Минеяхъ [Mamali Өеофр.?] съ главнымъ городомъ Карной, о Сабеяхъ [Saba Өеофр.] съ главнымъ городомъ Маріабой, о Каттабанахъ [Kitibaena Өеофр.] съ главнымъ городомъ Тамной, о Хатрамотитахъ [Hadramyta Өеофр.] съ главнымъ городомъ Сабатой; эти свѣдѣнія обрисовываютъ ту сферу, изъ которой развилось царство Гомеритовъ, и указываютъ его зачатки. Теперь можно съ точностью указать, гдѣ жили Минеи, которыхъ такъ долго отыскивали—они жили въ Ma'in'ѣ, внутри страны, выше Мариба и Гадрамаута, гдѣ нашлись сотни надписей и отысканы имена не менѣе 26-ти царей. Маріаба до сихъ поръ носитъ названіе Мариба. Мѣстность, называющаяся Хатрамотитидой или Хатрамитидой, та самая, которая называлась Гадрамаутомъ.

лямъ. Особенно славилась громадная плотина, когда-то задерживавшая въ долинѣ подлѣ Маріабы рѣку Дану и способствовавшая орошенію лежавшихъ вверхъ по рѣкѣ полей [1]); съ того времени, какъ эта плотина прорвалась,—а это событіе, какъ полагаютъ, сдѣлалось причиной выселенія жителей Іемена на сѣверъ,—Арабы долго вели свое лѣтосчисленіе. Но важнѣе всего то, что этотъ округъ изстари велъ оптовую торговлю и сухопутную и морскую не потому только, что за-границу требовались его продукты—ладонъ, драгоцѣнные каменья, камедь, кассія, алоэ, египетская кассія, мирра и множество другихъ снадобьевъ, но также потому, что это семитическое племя было, подобно Финикіянамъ, по своей природѣ создано для занятія торговлей; и Страбонъ говоритъ то-же, что говорятъ новѣйшіе путешественники,—что всѣ Арабы промышленники и торговцы. Чеканка серебряной монеты производилась тамъ въ древности и была своеобразна; монеты чеканились сначала по образцу аѳинскихъ, а потомъ по образцу Августовскихъ римскихъ, но имѣли свою особую пробу, вѣроятно одинакую съ вавилонской [2]). Дороги, по которымъ изстари возили ладонъ, шли изъ страны этихъ Арабовъ прямо че-

---

[1]) Замѣчательные остатки этого сооруженія, возведеннаго съ самымъ большимъ тщаніемъ и искуствомъ, описалъ Arnaud [Journal Asiatique 7 série. tome 3 a. 1874 p. 8 и сл. съ планами; сравн. Ritter Эrdkunde 12, 861]. По обѣимъ сторонамъ теперь уже почти совершенно исчезнувшей запруды возвышаются два построенныя изъ плитъ зданія конической, или почти цилиндрической формы; между ними находится небольшое отверстіе для вытекающей изъ бассейна воды; по меньшей мѣрѣ съ одной стороны къ этому проходу ведетъ каналъ, обложенный голышовымъ кремнемъ. Проходъ когда-то закрывался наложенными одна на другую толстыми досками, которыя можно было вынимать по одиночкѣ для того, чтобъ спускать воду по мѣрѣ надобности. На одномъ изъ этихъ каменныхъ цилиндровъ стоитъ слѣдующая надпись [по переводу D. H. Müller'а, быть можетъ не во всѣхъ подробностяхъ точному: Wiener Sitzungsberichte Bd. 97, 1880 г., стр. 965]: 'Jata' amar der Herrliche Sohn der Samah'alî des Erhabenen, Fürst von Saba liess den Balap[berg] durchstechen [und errichtete] des Schleusenbau genannt Rahab zur leichteren Bewässerung. Мы не имѣемъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно-бы было съ точностью опредѣлить время царствованія какъ этого царя, такъ и многихъ другихъ, называемыхъ на сабейскихъ надписяхъ. Ассирійскій царь Саргонъ описываетъ побѣду, одержанную надъ царемъ Газы Ганнономъ въ 716 году до Р. Х. и за тѣмъ говоритъ въ Хорсабадской надписи: „я получилъ дань Фараона, царя египетскаго, Шамсиджи царицы Аравійской и Иѳамары Сабея: золото, восточныя травы, рабовъ, лошадей и верблюдовъ“ [Müller въ выше ук. м., стр 988; Duncker Gesch. des Alt. 2[5] стр. 327].

[2]) Sallet въ Berliner Zeitschrift für Numismatik 8, 243. J. H. Mordtmann въ Wiener numismatischen Zeitschrift 12, 289.

резъ степь къ складочнымъ мѣстамъ—къ находившейся у аравійскаго залива Эланѣ, къ ранѣе упомянутому Левке-Коме и къ торговымъ городамъ Сиріи Петрѣ и Газѣ [1]); эти дороги, по которымъ производилась сухопутная торговля и которыя наряду съ плаваніемъ по Евфрату и по Нилу были съ древнѣйшихъ временъ посредницами торговыхъ сношеній востока съ западомъ, вѣроятно и были главной причиной цвѣтущаго состоянія Іемена. Но къ этому скоро присоединилась и морская торговля, для которой служила главнымъ складочнымъ мѣстомъ Адана, теперешній Аденъ. Оттуда товары отправлялись водой, безъ сомнѣнія, преимущественно на арабскихъ судахъ, и направлялись къ выше названнымъ складочнымъ мѣстамъ у Аравійскаго залива и также къ сирійскимъ гаванямъ или къ Береникѣ и Міосъ-Гормосу, а оттуда въ Коптъ и въ Александрію. Уже было ранѣе упомянуто о томъ, что эти-же Арабы также очень рано завладѣли противолежащими берегами и перенесли въ Габешъ и свой языкъ и свою письменность и свою цивилизацію. Въ Коптѣ, который былъ на берегахъ Нила складочнымъ мѣстомъ для восточной торговли, арабское населеніе было такъ-же многочисленно, какъ и египетское, и даже изумрудныя копи, находившіяся къ сѣверу отъ Береники (подлѣ Джебель-Зебары), разработывались Арабами; изъ этихъ фактовъ видно, что даже въ государствѣ Лагидовъ Арабы до нѣкоторой степени захватили торговлю въ свои руки; а то, что они относились пассивно къ сообщеніямъ по Аравійскому морю, на которомъ только одинъ разъ былъ предпринятъ походъ противъ пиратовъ [2]), становится понятнымъ при владычествѣ на тѣхъ моряхъ государства, располагавшаго большими морскими силами и хорошо устроеннаго. Мы встрѣчаемся съ іеменскими Арабами и внѣ ихъ собственнаго моря. Адана оставалась до временъ римской имперіи складочнымъ мѣстомъ для торговли съ одной стороны съ Индіей, съ другой стороны съ Египтомъ, и, не смотря на свое невыгодное положеніе на песчаной мѣстности, достигла такого процвѣтанія, что названіе «Счастливой Аравіи»

---

[1]) Плиній [Hist. Nat. 12, 14, 65] вычисляетъ, что расходы при перевозкѣ на одномъ верблюдѣ ладона отъ аравійскаго берега до Газы достигали 688 денаріевъ=600 марокъ. „На этомъ разстояніи", говоритъ онъ—„приходится тратиться на кормъ, воду и содержаніе животнаго и на различныя таможенныя „пошлины; за тѣмъ жрецы и царскіе писцы требуютъ нѣкотораго участія въ „барышахъ; кромѣ того вымогаютъ деньги и сторожа и конвойные и тѣлохранители и слуги; ко всему этому присоединяются наши государственныя пошлины". Эти траты ненужны при перевозкѣ товаровъ водой.

[2]) О наказаніи пиратовъ говорятъ Агаѳаркидъ у Діодора 3, 43 и Страбонъ 16, 4, 18, стр. 777. Но Эціонъ Геберъ, въ Палестинѣ у Эланитскаго залива, ἣ νῦν Βερενίκη καλεῖται [Josephus Ant. 8, 6, 4] такъ названъ, конечно, не по имени Египтянки [Droysen Hellenismus 3, 2, 349], а по имени Титовой Іудейки.

относится преимущественно къ этому городу. Владычество, которымъ въ наше время пользовался Маскатскій имамъ въ юго-восточной части полуострова надъ островами Сокоторой и Занзибаромъ и надъ восточными берегами Африки къ югу отъ мыса Гвардафуя, «изстари» принадлежало во времена Веспасіана арабскимъ князьямъ: вышеупомянутая Сокотора, принадлежащая къ числу Діоскоридскихъ острововъ, находилась въ ту пору подъ властію царя Гадрамаутскаго, а Азанія, то-есть берега Сомала и страна, лежащая далѣе къ югу, находилась подъ властію одного изъ вассальныхъ царей, подчинявшагося своему западному сосѣду царю Гомеритовъ. Купцы, жившіе въ Музѣ (это, какъ кажется, теперешняя Мока), брали у этого шейха въ аренду находившуюся въ странѣ Занзибара Рапту,— стоянку на восточномъ берегу Африки, самую южную изъ всѣхъ, какія были извѣстны египетскимъ купцамъ; «они отправляли туда «свои торговыя суда, на которыхъ бо́льшею частію Арабы были и «капитанами и матросами, такъ какъ они привыкли къ сношеніямъ «съ туземцами, нерѣдко бывали связаны съ этими послѣдними узами «родства и были знакомы какъ съ мѣстностью, такъ и съ туземнымъ «нарѣчіемъ». Успѣхамъ торговли способствовали земледѣліе и промышленность; въ домахъ индійской знати пили арабскія вина наряду съ италійскимъ Фалернскимъ и съ сирійскимъ Лаодикейскимъ, а копья и сапожныя шила, которыя покупались туземцами береговъ Занзибара у иноземныхъ торговцевъ, выдѣлывались въ Музѣ. Оттого-то эта страна, такъ много продававшая и такъ мало покупавшая, сдѣлалась одной изъ самыхъ богатыхъ во всемъ мірѣ.—Въ какой мѣрѣ ея политическое развитіе подвигалось впередъ вслѣдъ за развитіемъ экономическимъ, трудно рѣшить въ томъ, что́ касается до-римскихъ временъ и первыхъ временъ имперіи; изъ того, что̀ мы знаемъ отъ западныхъ писателей и изъ мѣстныхъ надписей, какъ кажется, можно заключить, что эта юго-западная оконечность Аравіи была раздѣлена на небольшія области, находившіяся подъ властію нѣсколькихъ самостоятельныхъ правителей. Рядомъ съ самыми выдающимися изъ этихъ племенъ — Сабеями и Гомеритами жили въ Гадрамаутѣ выше упомянутые Хатрамотиты и далѣе къ сѣверу, внутри страны, Минеи и всѣ они управлялись своими собственными князьями.

Политика, которой держались Римляне по отношенію къ іеменскимъ Арабамъ, была совершенно противоположна той, которой они держались по отношенію къ Аксомитамъ. Августъ,—для котораго нерасширеніе границъ служило основнымъ принципомъ государственнаго управленія и который отказался почти отъ всѣхъ завоевательныхъ замысловъ своего отца и наставника,—сдѣлалъ исключеніе для юго-западныхъ береговъ Аравіи и сталъ дѣйствовать тамъ по собственному почину наступательно. Причиной этого было поло-

женіе, занятое въ ту пору этой группой племенъ въ индійско-египетской торговлѣ. Ту часть своихъ владѣній, которая была для него самой важной и въ политическомъ отношеніи и въ финансовомъ, Августъ пожелалъ поставить въ экономическомъ отношеніи на такую высоту, на которую ее не успѣли поднять прежніе правители, или съ которой она при нихъ упала; для этого ему было прежде всего нужно завладѣть торговыми сношеніями между Аравіей и Индіей съ одной стороны, и между Аравіей и Европой съ другой. Торговый путь по Нилу давно и успѣшно конкурировалъ съ торговымъ путемъ черезъ Аравію и съ тѣми путями, которые шли къ Евфрату; но при этомъ Египетъ игралъ,—какъ уже было замѣчено,—второстепенную роль по меньшей мѣрѣ при позднѣйшихъ Лагидахъ. Его конкурентами по торговлѣ были не Аксомиты, а Арабы; если египетскую торговлю слѣдовало превратить изъ пассивной въ активную и если предполагалось дать ей такое направленіе, при которомъ она обходилась-бы безъ посредниковъ, то возникала необходимость устранить Арабовъ; именно этого желалъ Августъ и этого до нѣкоторой степени достигло римское правительство.

Экспедиція Галла.—На шестомъ году своего управленія Египтомъ (въ концѣ 729 г.), Августъ отправилъ противъ государствъ Іемена возстановленный собственно для этой экспедиціи флотъ изъ 80 военныхъ и 130 транспортныхъ судовъ и половину египетской арміи, состоявшую изъ 10-ти-тысячнаго корпуса, кромѣ вспомогательныхъ отрядовъ, доставленныхъ двумя самыми близкими къ мѣсту военныхъ дѣйствій вассальными царями—набатейскимъ Ободой и іудейскимъ Иродомъ; экспедиція имѣла цѣлію или покорить тѣ іеменскія государства или по меньшей мѣрѣ совершенно ихъ разорить [1]), при чемъ, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду и накопленныя тамъ сокровища. Но предпріятіе не имѣло никакого успѣха вслѣдствіе неспособности начальника экспедиціи, тогдашняго египетскаго намѣстника Гайя Элія Галла [2]). Такъ какъ не было ни-

1) Это [προσοικειοῦσθαι τούτους—τοὺς Ἄραβας—ἢ καταστρέφεσθαι: Страбонъ 16, 4, 22, стр. 780; εἰ μὴ ὁ Συλλαῖος αὐτόν—τὸν Γάλλον—προὐδίδου, κἂν κατεστρέψατο τὴν Εὐδαίμονα πᾶσαν: Страб. 17, 1, 53, стр. 819] была главная цѣль экспедиціи, хотя ясно высказывалась надежда на добычу, которая была очень желательна при тогдашнемъ положеніи государственной казны.

2) Разсказъ Страбона [16, 4, 22 и сл. стр. 780] объ аравійской экспедиціи его „друга“ Галла [φίλος ἡμῖν καὶ ἑταῖρος Страбонъ 2, 5, 12, стр. 118], въ свитѣ котораго онъ объѣхалъ Египетъ, хотя достоинъ довѣрія и добросовѣстенъ, какъ всё, что онъ писалъ, но, очевидно, написанъ со словъ этого друга безъ всякой критики. Разсказъ о сраженіи, въ которомъ пали 10,000 враговъ и 2 Римлянина, равно какъ указаніе общей цифры понесенныхъ въ эту кампа-

какой надобности занимать и удерживать въ своей власти пустынные берега, которые тянутся отъ Левке-Коме до границы непріятельскихъ владѣній, то слѣдовало направить экспедицію прямо на эти владѣнія и немедленно вести армію изъ самой южной египетской гавани въ Счастливую Аравію [1]). Вмѣсто того, флотъ былъ приго-

нію потерь людьми, служатъ сами для себя критикой; но не лучше и свойственная разбитымъ генераламъ попытка свалить всю вину на „измѣну" набатейскаго визиря Силлая. Впрочемъ Силлай дѣйствительно годился для роли козла отпущенія, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ былъ преданъ Августомъ суду по требованію Ирода, былъ осужденъ и казненъ [Josephus, Ant. 16, 10]; впрочемъ хотя до насъ и дошолъ докладъ того агента, который велъ это дѣло въ Римѣ по порученію Ирода, но тамъ нѣтъ ни одного слова объ измѣнѣ. Страбонъ „полагаетъ", что Силлай желалъ сначала погубить Арабовъ при помощи Римлянъ, а потомъ погубить и самихъ Римлянъ, но это было-бы совершенно немыслимо при томъ положеніи, въ которомъ находились зависѣвшія отъ Рима вассальныя государства. Скорѣе можно предположить, что Силлай не желалъ успѣха экспедиціи, потому что этотъ успѣхъ нанесъ-бы вредъ торговымъ сношеніямъ, которыя велись черезъ страну Набатеевъ. Страбонъ обвиняетъ арабскаго министра въ измѣнѣ на томъ основаніи, что римскія транспортныя суда оказались негодными для плаванія вдоль береговъ Аравіи или на томъ основаніи, что римская армія была вынуждена везти вслѣдъ за собою воду на верблюдахъ, ѣсть дурру и финики вмѣсто хлѣба и мяса, а коровье масло вмѣсто оливковаго; въ оправданіе того, что при наступленіи было употреблено 180 дней для перехода черезъ то пространство, которое было пройдено при отступленіи въ 60 дней, онъ ссылается на обманчивое указаніе пути; наконецъ на вполнѣ основательное замѣчаніе Силлая, что сухопутный переходъ изъ Арсинои въ Левке-Коме невозможенъ, онъ возражаетъ, что оттуда идетъ въ Петру караванная дорога; отсюда видно, какія мнѣнія знатный Римлянинъ успѣлъ навязать греческому писателю.

[1]) Самую строгую критику похода представляетъ описанное египетскимъ купцомъ положеніе аравійскаго берега на пространствѣ отъ Левке-Коме [Эль-Гаура, къ сѣверу отъ Янбо, портоваго города Медины] до острова Катакекаумена [Джебель Таика подлѣ Логайи]. „Тамъ живутъ различные народы, говорящіе „частію не совсѣмъ одинакими языками, частію совершенно различными. Прибрежное населеніе живетъ въ норахъ, подобно живущимъ на противолежащемъ „берегу рыбоѣдамъ [во 2 главѣ онъ описываетъ эти норы и говоритъ, что онѣ „отдѣляются одна отъ другой и устроиваются въ разсѣлинахъ утесовъ]; населе„ніе внутренней страны живетъ въ деревняхъ и образуетъ общины, пользую„щіяся одними и тѣми-же пастбищами; это—злые, фальшивые люди, которые гра„бятъ сбившихся съ пути мореплавателей и уводятъ въ рабство тѣхъ, которые „потерпѣли кораблекрушеніе. Поэтому и подначальные и верховные арабскіе „князья постоянно охотятся на нихъ; они называются Канраитами [или Касса„нитами]. Плаваніе вдоль всѣхъ этихъ береговъ вообще опасно; на песчаномъ „побережьѣ нѣтъ гаваней; оно недоступно; море около него волнисто; къ тому „же оно утесисто и вообще очень непривлекательно. Поэтому, когда намъ при„ходилось тамъ проѣзжать, мы держались середины моря и спѣшили пробраться

товленъ къ выступленію въ самой сѣверной изъ египетскихъ гаваней, въ Арсиноѣ (Суэзѣ), а армія была высажена на сушу въ Левке-Коме, точно будто имѣлось въ виду сколько можно болѣе удлиннить переѣздъ флота и походъ арміи. Сверхъ того, военные корабли оказались излишними, потому что у Арабовъ вовсе не было военнаго флота; римскіе матросы не были знакомы съ условіями плаванія вдоль береговъ Аравіи, а транспортныя суда хотя и были построены именно для этой экспедиціи, но оказались несоотвѣтствующими своему назначенію. Лоцманы терялись среди мелей и подводныхъ камней и только при переѣздѣ черезъ то водное пространство, на которомъ владычествовали Римляне,—отъ Арсинои до Левке-Коме—погибло не мало кораблей и не мало людей. Въ Левке-Коме Римляне провели зиму, а весной 730 года армія вступила въ непріятельскую страну. Ей было оказано сопротивленіе не Арабами, а самой Аравіей. Всякій разъ, какъ двулезвейнымъ топорамъ, пращамъ и лукамъ приходилось помѣряться съ дротиками и мечами, туземцы разсыпались въ разныя стороны, какъ мякина разлетается отъ вѣтра; но часто свирѣпствующія въ той мѣстности болѣзни—цынга, проказа, параличъ, опустошали ряды арміи болѣе немилосердно, чѣмъ самое кровопролитное сраженіе и тѣмъ болѣе потому, что главнокомандующій не умѣлъ быстро двинуться впередъ со всею массою своихъ военныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе римская армія достигла стѣнъ Маріабы—главнаго города Сабеевъ, которые прежде всѣхъ другихъ подверглись нападенію. Но такъ какъ жители заперли ворота своихъ чрезвычайно крѣпкихъ и до сихъ поръ уцѣлѣвшихъ стѣнъ [1]) и оказали энергическое сопротивленіе, то римскій главнокомандующій утратилъ надежду на успѣшное исполненіе возложенной на него задачи и, простоявъ шесть дней передъ городомъ, началъ отступленіе, которому Арабы, какъ кажется, не оказали серьознаго сопротивленія и которое совершилось, подъ гнетомъ необходимости, сравнительно быстро, но, конечно, не безъ значительныхъ потерь людьми.

„во владѣнія Арабовъ къ острову Катакекаумену; тамошніе жители гостепріимны „и тамъ встрѣчаются многочисленныя стада овецъ и верблюдовъ.“ Ту же страну между римскими и гомеритскими границами и такіе же порядки имѣлъ въ виду царь Аксомитовъ, когда писалъ: πέραν δὲ τῆς ἐρυθρᾶς θαλάσσης οἰκοῦντας Ἀρραβίτας καὶ Κιναιδοκολπίτας [сравн. Птолемея 6, 7, 20], στράτευμα ναυτικὸν καὶ πεζικὸν διαπεμψάμενος καὶ ὑποτάξας αὐτῶν τοὺς βασιλέας, φόρους τῆς γῆς τελεῖν ἐκέλευσα καὶ ὁδεύεσθαι μετ' εἰρήνης καὶ πλέεσθαι, ἀπό τε Λευκῆς κώμης ἕως τῶν Σαβαίων χώρας ἐπολέμησα.

[1]) Эти стѣны, построенныя изъ плитъ, образуютъ кругъ съ діаметромъ въ четверть часа ходьбы. Ихъ описалъ Arnaud [въ ранѣе указ. м. Сравн. стр. 594 прим. 1].

Дальнѣйшія предпріятія противъ Арабовъ.—Это была очень прискорбная неудача, но Августъ все-таки не отказался отъ завоеванія Аравіи. Уже было ранѣе разсказано (стр. 364), что восточная экспедиція, предпринятая въ 753 году наслѣднымъ принцемъ Гаіемъ, должна была окончиться въ Аравіи; теперь было предположено покорить Арменію въ соглашеніи съ пароянскимъ правительствомъ или, въ случаѣ необходимости, уничтожить арміи и армянскую и пароянскую, за тѣмъ достигнуть устьевъ Евфрата и оттуда направиться въ Счастливую Аравію тѣмъ морскимъ путемъ, который когда-то былъ изслѣдованъ адмираломъ Неархомъ для Александра[1]). Эти надежды были уничтожены инымъ, но не менѣе прискорбнымъ образомъ,—той пароянской стрѣлой, которая поразила наслѣднаго принца подъ стѣнами Артагеиры. Вмѣстѣ съ нимъ былъ навсегда похороненъ и планъ завоеванія Аравіи. За исключеніемъ сѣвернаго и сѣверо-западнаго побережья, весь полуостровъ пользовался во всѣ времена имперіи той независимостью, изъ которой возникъ исламъ, бывшій въ свое время бичемъ эллинизма.

Тѣмъ не менѣе торговля Аравіи пришла въ упадокъ частію вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя были приняты римскимъ правительствомъ въ пользу египетскаго мореплаванія и о которыхъ будетъ итти рѣчь далѣе, частію вслѣдствіе удара, нанесеннаго Римлянами главному складочному мѣсту индійско-аравійской торговли. Неизвѣстно, подъ управленіемъ ли самого Августа,—быть можетъ во время приготовленій къ вторженію Гайя въ Аравію,—или же при одномъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, римскій флотъ появился передъ Аданой и разрушилъ этотъ городъ; во времена Веспасіана Адана была деревней и ея процвѣтанію былъ положенъ конецъ. Намъ извѣстенъ только голый фактъ [2]), но онъ говоритъ самъ за себя. Это раз-

---

1) Что Аравія была главною цѣлію восточной экспедиціи Гайя, положительно утверждаетъ Плиній [Hist. Nat. 12, 14, 55. 56; сравн. 2, 67, 168. 6, 27, 141. гл. 28, 160. 32, 1, 10]. Что исходнымъ пунктомъ для этой экспедиціи должны были служить устья Евфрата видно изъ того, что ей предшествовали экспедиція въ Арменію и переговоры съ пароянскимъ правительствомъ. Поэтому и для составленнаго Юбой сборника свѣдѣній касательно предстоявшей экспедиціи служили основой донесенія Александровыхъ полководцевъ о томъ, что они развѣдали на счетъ Аравіи.

2) Единственныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной экспедиціи доставилъ намъ тотъ египетскій капитанъ, который описалъ около 75 года плаваніе вдоль береговъ Чермнаго моря. Онъ говоритъ гл. 26], что Адана, теперешній Аденъ, была прибрежной деревней [κώμη παραθαλάσσιος], принадлежавшей къ владѣніямъ царя Гомеритовъ Харибеля, но прежде была цвѣтущимъ городомъ, отчего и получила свое названіе [εὐδαίμων δ'ἐπεκλήθη πρότερον οὖσα πόλις], такъ какъ это мѣсто было складочнымъ пунктомъ до введенія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между Индіей и Египтомъ: νῦν δὲ οὐ πρὸ πολλοῦ τῶν ἡμετέρων χρόνων

рушеніе было повтореніемъ того, что было сдѣлано республикой въ Коринѳѣ и въ Карѳагенѣ и также достигло своей цѣли, упрочивъ за римско-египетской торговлей первенствующее положеніе и въ Аравійскомъ заливѣ и въ Индійскомъ морѣ.

Позднѣйшія судьбы Гомеритовъ.—Однако процвѣтаніе благословенной іеменской страны было утверждено такъ прочно, что не могло быть уничтожено этимъ ударомъ; въ политическомъ отношеніи она

Καῖσαρ αὐτὴν κατεστρέψατο. Это послѣднее слово значитъ здѣсь „разрушать", а не „покорять" [какъ его часто переводятъ], такъ какъ здѣсь нужно было мотивировать превращеніе города въ деревню. Schwanbeck [Rhein. Mus. N. F. 7, 353] предлагаетъ замѣнить слово Καῖσαρ словомъ Χαριβαήλ, а C. Müller [имѣя въ виду Страбона, 16, 4, 21, стр. 782]—словомъ Ἰλασάρ; но и та и другая замѣна невозможны, послѣдняя потому, что этотъ арабскій властитель владычествовалъ въ очень отдаленной мѣстности и нельзя было предполагать, чтобъ его существованіе было извѣстно, а первая потому, что Харибель былъ современникъ автора и что здѣсь разсказывается такое событіе, которое случилось до него. Самымъ изложеніемъ нельзя быть недовольнымъ, если принять въ соображеніе, какъ выгодно было для Римлянъ уничтожить арабское складочное мѣсто въ торговлѣ между Индіей и Египтомъ и установить прямыя торговыя сообщенія. Что римскіе писатели умалчиваютъ объ этомъ происшествіи, объясняется самымъ характеромъ происшествія; предпріятіе, которое было приведено въ исполненіе, безъ сомнѣнія, египетскимъ флотомъ и заключалось только въ разрушеніи вѣроятно беззащитнаго прибрежнаго города, не имѣло никакой важности съ военной точки зрѣнія; о томъ, что касалось обширныхъ торговыхъ сношеній, лѣтописцы никогда не заботились и вообще все, что дѣлалось въ Египтѣ, доходило до свѣдѣнія сената и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописцевъ еще рѣже чѣмъ то, что дѣлалось въ другихъ императорскихъ провинціяхъ. Что слово Καῖσαρ употреблено безъ всякихъ дополнительныхъ указаній [при чемъ, судя по ходу дѣла, нельзя подразумѣвать тогдашняго правителя] объясняется тѣмъ, что авторъ разсказа, вышеупомянутый капитанъ, зналъ о разрушеніи города Римлянами, но не зналъ ни когда ни кѣмъ онъ былъ разрушенъ.— По всему вѣроятію, сюда относится и замѣчаніе Плинія [Hist. Nat. 2, 67, 168]: maiorem [oceani] partem et orientis victoriae magni Alexandri lustravere isque in Arabicum sinum, in quo res gerente C. Caesare Aug. f. signa navium ex Hispaniensibus naufragiis feruntur agnita. Гай не дошолъ до Аравіи [Plinius, Hist. Nat. 6, 28, 160]; но весьма вѣроятно, что во время его похода въ Арменію римскій флотъ, подъ начальствомъ одного изъ подчиненныхъ ему полководцевъ, вышелъ изъ Египта къ берегамъ Аравіи, чтобъ все подготовить для главной экспедиціи. Что объ этомъ всѣ молчали, вовсе не удивительно. Объ экспедиціи Гайя въ Аравію было возвѣщено съ такой торжественностью и была она отложена въ сторону такимъ прискорбнымъ образомъ, что преданные Августу историки имѣли полное основаніе вычеркнуть изъ своихъ разсказовъ такой фактъ, о которомъ нельзя было упомянуть, не упомянувши вмѣстѣ съ тѣмъ и о неудачѣ, постигшей болѣе широкіе замыслы.

крѣпче сплотилась въ одно цѣлое, какъ кажется, именно съ того времени. Маріаба, подъ стѣнами которой потерпѣлъ неудачу Галлъ, какъ кажется, была только столицей Сабеевъ; но уже въ ту пору самымъ могущественнымъ изъ жившихъ въ Счастливой Аравіи племенъ были Гомериты, столица которыхъ Сапфаръ находилась немного къ югу отъ Маріабы и также внутри страны. Черезъ сто лѣтъ послѣ того, мы находимъ эти оба племени соединенными подъ властію царствовавшаго въ Сапфарѣ царя Гомеритовъ и Сабеевъ, владычество котораго простиралось до Мохи и Адена, и, какъ уже было ранѣе замѣчено, обнимало островъ Сокотору и берега Сомала и Занзибала; по меньшей мѣрѣ съ того времени уже могла итти рѣчь о царствѣ Гомеритовъ. Сюда въ ту пору не входила пустыня, которая тянется на сѣверъ отъ Маріабы вплоть до римской границы и которая вообще не находилась ни подъ какимъ правильно организованнымъ управленіемъ [1]); владѣнія Минеевъ и Хатрамотитовъ по прежнему оставались подъ управленіемъ мѣстныхъ владѣтелей. Восточная часть Аравіи постоянно входила въ составъ персидскаго царства (стр. 340) и никогда не находилась подъ властію тѣхъ, кто владычествовалъ надъ Счастливой Аравіей. Стало быть и въ ту пору границы Счастливой Аравіи были не широки и такими они оставались впослѣдствіи, а о томъ, въ какомъ она находилась положеніи въ болѣе позднюю пору, мы имѣемъ лишь весьма поверхностныя свѣдѣнія [2]). Въ половинѣ 4-го столѣтія царство Гомеритовъ было соединено съ царствомъ Аксомитовъ и управлялось изъ Аксомиса [3]), но эта зависимость потомъ снова прекрати-

---

[1]) Египетскій купецъ рѣзко отличаетъ ἔνθεσμος βασιλεύς Гомеритовъ [гл. 23] отъ тѣхъ τύραννοι, то-есть начальниковъ племенъ, которые то находились подъ его властію, то были независимы отъ него [гл. 14]; такъ-же рѣзко отличаетъ онъ это правильно организованное устройство отъ безправія, въ которомъ жило прибрежное населеніе [гл. 2]. Если-бы Страбонъ и Тацитъ обратили на эти факты такое-же вниманіе, какое обращалъ на нихъ этотъ практическій купецъ, то наши свѣдѣнія о древности были бы болѣе обширны.

[2]) Война Макрина съ Arabes eudaemones [Vita 12] и отправка этими Арабами къ Авреліану посланцевъ, которые названы на ряду съ посланцами Аксомитовъ, могли бы служить доказательствомъ ихъ тогдашней независимости, если бы она могла быть подвергнута сомнѣнію.

[3]) Царь называлъ себя около 356 года [стр. 592 прим. 2] въ одномъ письменномъ документѣ [C. I. Gr. 5128] Βασιλεύς Ἀξωμιτῶν καὶ Ὁμηριτῶν καὶ τοῦ Ῥαειδᾶν [замокъ въ Сапфарѣ, главномъ городѣ Гомеритовъ: Dillmann Abh. der Berl. Akad. 1878 стр. 207]....καὶ Σαβαειτῶν καὶ τοῦ Σιλεῆ [замокъ въ Маріабѣ, главномъ городѣ Сабеевъ: Dillmann въ выше ук. м.] Съ этимъ согласуется и одновременная отправка пословъ ad gentem Axumitarum et Homerita[rum] [C. Th. 12, 12, 2]. Относительно позднѣйшихъ событій сравн. въ особенности Nonnosus, Fr. Hist. Gr. 4, стр. 179, Müller, и Procopius Hist. Pers. 1, 20.

лась. Въ позднѣйшія времена имперіи, какъ царство Гомеритовъ, такъ и соединенное царство Аксомитовъ и Гомеритовъ находились въ сношеніяхъ съ Римомъ и заключали съ нимъ договоры въ качествѣ независимыхъ государствъ.

Торговыя сношенія Гомеритовъ.—Жившіе въ юго-западной части полуострова Арабы занимали и въ болѣе позднюю пору въ томъ, что касалось торговли и мореплаванія, если не первенствующее положеніе, то по меньшей мѣрѣ весьма выдающееся,—и это продолжалось во всѣ времена имперіи. Послѣ разрушенія Аданы, торговой митрополіей сдѣлалась для этой мѣстности Муза. Все, что было до сихъ поръ разсказано, въ сущности примѣнимо и къ временамъ Веспасіана. Муза, судя по тогдашнимъ ея описаніямъ, была исключительно арабскимъ городомъ; она была населена корабельщиками и моряками и была театромъ оживленной торговой дѣятельности; жители Музы объѣзжали на своихъ собственныхъ судахъ всѣ восточные берега Африки и западные берега Индіи и не только занимались перевозкой произведеній своей собственной страны, но также доставляли восточнымъ жителямъ пурпуровыя ткани и золотошвейныя издѣлія, приготовленныя на западныхъ фабрикахъ въ восточномъ вкусѣ, равно какъ тонкія вина Сиріи и Италіи, а въ замѣнъ того отвозили въ западныя страны лучшія произведенія востока. Относительно торговли ладономъ и другими ароматами, и Муза и находившееся къ востоку отъ Адена складочное мѣсто сосѣдняго Гадрамаутскаго государства, Кане, какъ кажется, постоянно пользовались чѣмъ-то въ родѣ фактической монополіи. Эти продукты, употреблявшіеся въ древности гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время, произрастали какъ на южныхъ берегахъ Аравіи, такъ и на берегахъ Африки отъ Адулиса вплоть до «мыса ароматовъ» или Гвардафуя, но оттуда ихъ вывозили торговцы Музы и эти торговцы сдѣлали ихъ предметомъ всемірной торговли. На ранѣе упомянутомъ Діоскоридскомъ островѣ находилась общая торговая колонія трехъ большихъ націй, занимавшихся мореплаваніемъ на тѣхъ водахъ,—Эллиновъ, то-есть Египтянъ, Арабовъ и Индійцевъ. Но въ іеменской странѣ не встрѣчается никакихъ слѣдовъ такой же связи съ эллинизмомъ, какую мы находимъ на противоположномъ берегу у Аксомитовъ (стр. 590); если чеканка монеты и производилась по западному образцу (стр. 594), то такая монета была въ обращеніи на всемъ востокѣ. А письменность, языкъ и искуства,—насколько мы въ состояніи судить,—развивались тамъ такъ-же самостоятельно, какъ торговля и мореплаваніе, и этому, безъ сомнѣнія, содѣйствовало то обстоятельство, что Аксомиты, утвердивъ свое политическое верховенство надъ Гомеритами, перешли изъ эллинской колеи въ арабскую (стр. 590).

Большія дороги и портовыя сооруженія въ Египтѣ.—И Августъ безъ сомнѣнія, всѣ другіе разумные римскіе правители заботили как о сношеніяхъ съ южной Африкой и съ аравійскими госуда ствами, такъ и о тѣхъ путяхъ, по которымъ велась египетск торговля. Организованная первыми Птолемеями по слѣдамъ Фара новъ, система сухопутныхъ и морскихъ сообщеній пришла вмѣс со всей системой управленія въ большой упадокъ отъ тѣхъ внут ренних смутъ, которыя предшествовали пресѣченію династіи Л гидовъ. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что Августъ сно привелъ въ надлежащій порядокъ сухопутныя и водяныя сообщен Египта и его порты, но это тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣні Коптъ былъ во всѣ времени имперіи центромъ, въ которомъ сход лись торговые пути [1]). Изъ одного недавно найденнаго офиціал наго документа оказывается, что въ первыя времена имперіи об дороги, ведущія оттуда къ гаванямъ Міосъ Гормоса и Берениы были исправлены римскими солдатами и снабжены, въ самыхъ удоб ныхъ для того мѣстахъ, водохранилищами [2]). Каналомъ, соединяв щимъ Чермное море съ Ниломъ и стало быть съ Средиземнымъ мо ремъ, пользовались и подъ римскимъ владычествомъ только какъ второстепеннымъ способомъ сообщенія, быть можетъ преимущественно для перевозки въ необдѣланномъ видѣ мрамора и порфира съ во сточныхъ береговъ Египта къ Средиземному морю; но онъ оставался судоходнымъ во всѣ времена имперіи. Императоръ Траянъ исправилъ его и даже расширилъ; быть можетъ, онъ былъ именно тотъ, кто соединилъ этотъ каналъ съ Ниломъ, еще не раздѣляющимся на ру кава подлѣ Вавилона (неподалеку отъ Каира), и тѣмъ увеличилъ его глубину, вмѣстѣ съ тѣмъ давши ему названіе Траяновской или императорской рѣки (Augustus amnis), отчего и эта часть Египта получила впослѣдствіи свое названіе (Augustamnica)

Морскіе разбои.—Августъ дѣятельно заботился и о прекращеніи морскихъ разбоевъ на моряхъ Чермномъ и Индійскомъ; даже много времени спустя послѣ его смерти, Египтяне еще сознавали, какъ много они были ему обязаны тѣмъ, что на моряхъ встрѣчались не суда

---

[1]) Аристидъ [Or. 48, стр. 485 Dind.] называетъ Коптъ индійскимъ и аравійскимъ складочнымъ мѣстомъ. Въ романѣ Эфесянина Ксенофонта [4, 1] сирійскіе разбойники отправляются въ Коптъ „потому что тамъ проѣзжаетъ множество купцовъ, отправляющихся въ Эѳіопію и въ Индію."

[2]) Впослѣдствіи Адріанъ провелъ новую „Адріановскую дорогу", которая шла отъ основаннаго имъ Антинополя мимо Гермуполя, вѣроятно черезъ степь, въ Міосъ Гормосъ, а оттуда вдоль морскаго берега въ Беренику; онъ устроилъ на ней водохранилища, квартиры [σταθμοί] и замки [надпись въ Revue archéol. N. S. 21, 1870 г., стр. 314]. Однако впослѣдствіи вовсе не упоминалось объ этой дорогѣ и становится сомнительнымъ, дѣйствительно-ли она существовала.

пратовъ, а суда, занимавшіяся торговлей. Конечно, въ этомъ отношеніи еще не было сдѣлано все, что было нужно. Хотя правительство отъ времени до времени и отправляло въ тѣ моря флоты, но тамъ не имѣли постоянныхъ стоянокъ военные корабли, а римскіе кораблехозяева постоянно сажали на свои суда въ Индійскомъ морѣ стражу въ предохраненіе отъ нападеній пиратовъ; этотъ фактъ могъ-бы показаться страннымъ, если бы равнодушіе къ безопасности морскихъ путей повсюду,—какъ на востокѣ, такъ и у береговъ Бельгіи и Чернаго моря,—не было, такъ-сказать, наслѣдственнымъ недостаткомъ императорской системы управленія или вообще не было отличительной особенностью римской системы управленія. Конечно, въ виду географическаго положенія Аксомиса и Сапфара, владѣтелямъ этихъ странъ было удобнѣе принимать мѣры къ прекращенію морскихъ разбоевъ, нежели Римлянамъ, стоявшимъ въ Береникѣ и въ Левке-Коме, а этому обстоятельству и можно приписать тотъ фактъ, что Римляне вообще жили въ согласіи съ этими сосѣдями, которые хотя и были слабѣе ихъ, но оказывали имъ необходимыя услуги.

Развитіе египетской вывозной торговли съ востокомъ.— Уже было ранѣе замѣчено, что въ ту эпоху, которая непосредственно предшествовала утвержденію римскаго владычества, морская торговля Египта, если не съ Адулисомъ (стр. 591), то съ Аравіей и съ Индіей велась преимущественно не Египтянами. Свои обширныя торговыя сношенія съ востокомъ морскимъ путемъ Египетъ впервые завелъ подъ римскимъ владычествомъ. «При Птолемеяхъ»,—говоритъ одинъ современникъ Августа,—«не насчитывалось въ теченіе года и двадцати египетскихъ судовъ, которыя осмѣливались выходить изъ Аравійскаго залива, а теперь 120 купеческихъ кораблей ежегодно отправляются въ Индію только изъ одной гавани Міосъ Гормоса». Доставляемые торговлей барыши, которыми римскій купецъ прежде долженъ былъ дѣлиться съ персидскими торговыми посредниками, стали поступать вполнѣ въ его пользу съ тѣхъ поръ, какъ установились прямыя сообщенія съ болѣе отдаленными восточными странами. Этотъ результатъ былъ, по всему вѣроятію, достигнутъ главнымъ образомъ тѣмъ, что хотя входъ въ египетскія гавани и не запирался передъ арабскими и индійскими судами, но на самомъ дѣлѣ былъ для нихъ закрытъ вслѣдствіе обложенія дифференціальными пошлинами [1]); только такія навигаціонныя поста-

[1]) Это нигдѣ не сказано положительно, но ясно видно изъ описанія морскаго путешествія Египтянина. Онъ во многихъ мѣстахъ говоритъ о торговыхъ сношеніяхъ неримской Африки съ Аравіей [гл. 7, 8] и наоборотъ о торговыхъ сношеніяхъ Арабовъ съ неримской Африкой [гл. 17. 21. 31; объ этомъ-же говоритъ Птолемей 1, 17, 6], съ Персіей [гл. 27. 33] и съ Индіей [гл. 21. 27. 49], также о сношеніяхъ Персовъ съ Индіей [гл. 36] и индійскихъ торговцевъ съ

новленія, имѣвшія въ виду лишь выгоды собственнаго мореходства, и могли произвести этотъ внезапный переворотъ въ торговыхъ сношеніяхъ. Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, торговля не только превратилась изъ пассивной въ активную, но также значительно расширилась частію вслѣдствіе усилившагося на западѣ спроса на восточные товары, частію вслѣдствіе того, что захватила въ свои руки сношенія, которыя прежде велись по дорогамъ, шедшимъ черезъ Аравію и черезъ Сирію. Для торговли Аравіи и Индіи съ западомъ, путь черезъ Египетъ оказывался все болѣе и болѣе короткимъ и дешовымъ. Ладонъ перевозился въ древнія времена большею частію сухимъ путемъ черезъ внутреннюю Аравію въ Газу (стр. 595 прим. 1), а впослѣдствіи перевозился большею частію водой черезъ Египетъ. Сношенія съ Индіей получили болѣе широкое развитіе во времена Нерона благодаря искуству и отвагѣ египетскаго капитана Гиппала, который, по выходѣ изъ Аравійскаго залива, направился по открытому морю прямо къ Индіи вмѣсто того, чтобъ плыть вдоль длинной береговой линіи; онъ зналъ о существованіи муссона, который ѣздившіе по тому-же пути моряки назвали по его имени Гиппаломъ. Съ тѣхъ поръ не только переѣздъ укоротился, но и уменьшилась опасность, которою угрожали сухопутные и морскіе разбои. Въ какомъ размѣрѣ безопасное мирное положеніе и увеличивавшаяся роскошь усилили на западѣ потребленіе восточныхъ продуктовъ, видно изъ раздававшихся во времена Веспасіана жалобъ на громадность денежныхъ суммъ, которыя вывозились изъ имперіи на оплату этихъ товаровъ. Всю сумму денегъ, которыя ежегодно уплачивались Арабамъ и Индійцамъ, Плиній опредѣляетъ въ 100 милліоновъ сестерцій (=22 милл. мар.), а для одной Аравіи въ 55 мил. сестерцій (=12 мил. мар.), изъ которыхъ, конечно, нѣкоторая часть оплачивалась вывозными товарами. Хотя Арабы и Индійцы покупали на западѣ металлы, желѣзо, мѣдь, свинецъ, олово, арсеникъ, ранѣе упомянутые (стр. 564) египетскіе продукты, вино, пурпуръ, золотыя и серебряныя издѣлія, драгоцѣнныя каменья, кораллы, шафранный бальзамъ, но для удовлетворенія иноземной роскоши они постоянно давали гораздо болѣе того, что брали для удовлетворенія своей собственной. Поэтому римскія золотыя и серебряныя деньги

неримской Африкой [гл. 14. 31. 32], съ Персіей [гл. 36] и съ Аравіей [гл. 32]. Но онъ ни однимъ словомъ не указываетъ на то, чтобъ эти иноземные торговцы пріѣзжали также въ Беренику, въ Міосъ Гормосъ или въ Левке-Коме; а когда онъ говоритъ о самомъ важномъ во всей этой сферѣ торговомъ городѣ Музѣ, что тамошніе торговцы отправляются на своихъ собственныхъ судахъ къ берегамъ Африки, лежащимъ внѣ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива [это для него τὸ πέραν] и достигаютъ Индіи, онъ не могъ-бы умолчать о Египтѣ вслѣдствіе простой случайности.

уходили въ большомъ количествѣ въ главные торговые рынки Аравіи и Индіи. Эти деньги, еще при Веспасіанѣ, до того вошли въ употребленіе въ Индіи, что ходили тамъ съ надбавкой въ цѣнѣ. Самая значительная часть этой восточной торговли приходилась на долю Египта, и между тѣмъ какъ расширеніе торговыхъ сношеній, увеличивая доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ, доставляло выгоды государственной казнѣ, необходимость строить свои собственные корабли и заниматься торговымъ мореплаваніемъ увеличивала благосостояніе частныхъ людей.

Такимъ образомъ, римское правительство ограничило свое владычество надъ Египтомъ тѣмъ узкимъ пространствомъ, на которомъ Нилъ годенъ для судоходства, и по малодушію или по предусмотрительности съ неослабѣвавшей энергіей всегда воздерживалось отъ попытки завоевать Нубію и Аравію; въ то-же время и съ такой-же энергіей оно старалось завладѣть оптовой торговлей съ Аравіей и съ Индіей и по меньшей мѣрѣ достигло того, что значительно уменьшило число конкурентовъ. Ничѣмъ не стѣснявшееся стараніе оградить интересы торговли было отличительной чертой какъ той политики, которой держалась республика, такъ и той, которой держался принципатъ,—въ особенности въ Египтѣ.

Торговыя сношенія Римлянъ съ Индіей.—Мы не въ состояніи даже съ приблизительной точностью указать, какъ далеко заходили на востокѣ прямыя торговыя сношенія Римлянъ. Они первоначально были направлены въ Баригаву (Бароншъ въ Камбейскомъ заливѣ, выше Бомбея); этотъ большой торговый городъ оставался во всѣ времена имперіи центромъ торговыхъ сношеній Египта съ Индіей; многія мѣстности на полуостровѣ Гуджератѣ носили у Грековъ греческія названія, какъ напримѣръ Наустаемъ и Ѳеофила. При Флавіяхъ, когда плаваніе по направленію муссона вошло въ обыкновеніе, весь западный берегъ передней Индіи былъ открытъ для римскихъ торговцевъ вплоть до береговъ Малабара; тамъ произрасталъ высоко цѣнившійся и дорого оплачивавшійся перецъ, ради котораго тѣ торговцы посѣщали портовые города Музирисъ (вѣроятно Мангалуру) и Нелкинду (называвшуюся по индійски Нилаканеой по одному изъ прозвищъ бога Шивы; это, по всему вѣроятію, теперешняя Нилесвара); немного далѣе къ югу, подлѣ Кананора, были найдены въ большомъ числѣ римскія золотыя монеты Юліевско-Клавдіевской эпохи, когда-то вымѣненныя на употреблявшіяся въ римской кухнѣ пряныя коренья. На островѣ Саликѣ, носившемъ у болѣе древнихъ греческихъ мореплавателей названіе Тапробаны, а теперь извѣстномъ подъ именемъ Цейлона, одинъ римскій чиновникъ, занесенный туда отъ береговъ Аравіи бурей во времена Клавдія, нашолъ дружественный пріемъ у мѣстнаго владѣтеля, а этотъ владѣтель, какъ

гласитъ разсказъ, будучи пораженъ удивленіемъ при видѣ римскихъ монетъ, имѣвшихъ одинаковый вѣсъ, не смотря на разнообразіе изображенныхъ на нихъ императорскихъ головъ, отправилъ къ своему римскому коллегѣ, вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ крушеніе чиновникомъ, пословъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ сношеній было лишь расширеніе географическихъ свѣдѣній; какъ кажется, лишь много времени спустя послѣ того, мореплаватели стали посѣщать тотъ обширный и богатый естественными продуктами островъ, на которомъ также не разъ находились римскія монеты. Но по ту сторону мыса Коморина и Цейлона монеты находятся очень рѣдко [1]) и западные народы, какъ кажется, не имѣли постоянныхъ торговыхъ сношеній даже съ берегами Короманделя и съ странами, лежащими близъ устьевъ Ганга, не говоря уже о болѣе отдаленной части индійскаго полуострова и о Китаѣ. Впрочемъ китайскій шёлкъ еще въ раннюю пору постоянно шолъ на западъ, но, какъ кажется, исключительно сухимъ путемъ и частію чрезъ посредство жившихъ въ Баригазѣ Индійцевъ, частію и преимущественно черезъ посредство Пареянъ: западные жители получали шёлкъ отъ Серовъ (отъ китайскаго названія шёлка—Ср ъ), жившихъ на сѣверо-западѣ отъ Тибета въ Таримъ-Бекенсѣ, куда Китайцы привозили свой шёлкъ, а до прямыхъ сношеній съ той мѣстностью не допускали Пареяне, служившіе посредниками для этой торговли. Впрочемъ, нѣкоторыя суда или случайно или ради развѣдокъ достигали лежавшихъ позади Индіи восточныхъ береговъ и, быть можетъ, заходили еще далѣе; портовой городъ Каттигара, съ которымъ Римляне были знакомы въ началѣ втораго столѣтія послѣ Р. Х., былъ одинъ изъ китайскихъ прибрежныхъ городовъ, быть можетъ Янгъ-чау-фу у устьевъ Янгъ-це-кіанга. Разсказъ китайскихъ лѣтописей, что въ 166 году послѣ Р. Х. прибыло моремъ посольство императора Ан-туна изъ Та- (то-есть великаго) Тзина (Рима) въ Жи-Нанъ (Тонгкингъ) и оттуда отправилось сухимъ путемъ въ столицу Ло-янгъ (или Гонан-фу на среднемъ Гоангъ-го) къ императору Гванъ-ти, можетъ быть основательно отнесено къ Риму и къ императору Марку Антонину. Однако и это происшествіе и то, что сообщаютъ намъ китайскіе источники о тому подобныхъ появленіяхъ Римлянъ въ ихъ странѣ въ теченіе 3-го столѣтія, едва ли можно понимать въ томъ

---

[1]) Въ Бамангати [въ округѣ Сингбума], къ западу отъ Калькутты, былъ найденъ большой запасъ золотыхъ монетъ римскихъ императоровъ [называютъ Гордіана и Константина; Beglar bei Cunningham Archaeological survey of India Bd. 13, стр. 72]; но такой одиночный запасъ не можетъ служить доказательствомъ постоянныхъ торговыхъ сношеній съ столь отдаленными странами. Въ самой отдаленной части Индіи и въ Китаѣ, сколько намъ извѣстно, никогда не было найдено римскихъ монетъ.

смыслѣ, что это были офиціальныя отправки пословъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ на это нашлись-бы указанія у самихъ Римлянъ; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что какіе-нибудь капитаны кораблей считались при китайскомъ дворѣ за пословъ отъ римскаго правительства. Замѣтными послѣдствіями этихъ сношеній было то, что прежніе баснословные разсказы о добываніи шёлка мало-по-малу уступили мѣсто болѣе основательнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА XIII.

Африканскія провинціи.

Сѣверная Африка и племя Берберовъ.—Сѣверная Африка и въ физическомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ стоитъ сама по себѣ, точно особый островъ. Натура изолировала ее со всѣхъ сторонъ—частію морями Атлантическимъ и Средиземнымъ, частію обширными, негодными для земледѣлія песчаными берегами Большаго Сирта за теперешнимъ Феццаномъ и въ заключеніе также негодной для земледѣлія пустыней, которою замыкаются съ юга степныя пространства и оазисы Сахары. Въ этнографическомъ отношеніи, населеніе этихъ обширныхъ странъ составляетъ большую семью народовъ, самымъ рѣзкимъ образомъ отличающихся отъ черныхъ обитателей юга, но такъ-же рѣзко отдѣляющихся отъ Египтянъ, хотя они, быть можетъ, и находились первоначально въ племенномъ родствѣ съ этими послѣдними. Сами они называютъ себя въ Рифѣ подлѣ Танжера Амазигами, а въ Сахарѣ Имошагами, а похожее на это названіе неоднократно встрѣчается, по отношенію къ отдѣльнымъ племенамъ, и у Грековъ и у Римлянъ, — такъ напримѣръ Максіи во время основанія Кароагена и Мазики, которые жили, во времена римскаго владычества, въ разныхъ мѣстахъ сѣверныхъ береговъ Мавританіи; однообразное названіе, сохранившееся у разсѣянныхъ остатковъ этого народа, доказываетъ, что его единство когда-то было утрачено, но что оно глубоко запечатлѣлось въ его сознаніи. У вступавшихъ съ нимъ въ соприкосновеніе племенъ сознаніе этого единства было болѣе слабо; поэтому различія между его составными частями выступаютъ наружу въ яркомъ свѣтѣ въ настоящее время, послѣ того какъ на него повліяло происходившее въ теченіе прошлыхъ тысячелѣтій смѣшеніе съ сосѣдними народами, а именно съ неграми на югѣ и съ Арабами на сѣверѣ, и эти различія были подъ тѣмъ иноземнымъ вліяніемъ такъ-же велики, какъ была велика обширность разстоя-

ній. Во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ нѣтъ такого общаго названія, подъ которымъ можно-бы было разумѣть всю націю въ ея совокупности; даже тамъ, гдѣ народное названіе не ограничивается обозначеніемъ одного племени [1]), оно не обнимаетъ всей націи. Названіе Ливійцевъ, употреблявшееся Египтянами и по ихъ примѣру Греками, первоначально принадлежало самымъ восточнымъ племенамъ, приходившимъ въ соприкосновеніе съ Египтомъ, и всегда оставалось преимущественною принадлежностью жителей восточной части Африки. Названіе Номадовъ, которое было греческаго происхожденія, выражаетъ главнымъ образомъ отсутствіе осѣдлости, а впослѣдствіи, когда страна получила отъ Римлянъ новое государственное устройство, оно было присвоено въ измѣненномъ видѣ (Нумидійцевъ) жителямъ тѣхъ странъ, которыя царь Массинисса соединилъ подъ своимъ владычествомъ. Названіе Мавровъ, которое было туземнаго происхожденія и было употребительно какъ у позднѣйшихъ Грековъ, такъ и у Римлянъ, ограничивалось западными странами и осталось за возникшими тамъ царствами и за образовавшимися изъ этихъ царствъ римскими провинціями. Южныя племена обозначаются общимъ названіемъ Гетуловъ, но болѣе точное употребленіе языка ограничиваетъ это названіе тѣми странами, которыя лежатъ у береговъ Атлантическаго океана, къ югу отъ Мавританіи. Мы привыкли давать этой націи названіе Берберовъ, подъ которымъ Арабы разумѣютъ сѣверныя племена. По своимъ особенностямъ она подходитъ къ индо-германской расѣ гораздо ближе, чѣмъ къ семитической и даже въ настоящее время, — послѣ того, какъ вторженіе ислама привязало сѣверную Африку къ семитической расѣ,—она представляетъ самую рѣзкую противоположность съ Арабами. Не безъ основанія многіе изъ древнихъ географовъ не считали Африку третьей частью свѣта, а относили Египетъ къ Азіи, страну Берберовъ къ Европѣ. Какъ растенія и животныя сѣверной Африки схожи въ главныхъ чертахъ съ растеніями и животными противолежащихъ южныхъ береговъ Европы, такъ и порода людей,—повсюду, гдѣ она сохранилась въ чистотѣ, — напоминаетъ сѣверъ: тамошніе жители большею частію бѣлокуры и голубоглазы, высоки ростомъ, стройны,

---

[1]) Слово Afer не принадлежитъ къ этому ряду названій. Если мы прослѣдимъ его древнее употребленіе, мы найдемъ, что имъ никогда не назывались Берберы въ противоположность другимъ африканскимъ племенамъ и что имъ обозначали всѣхъ тѣхъ, кто жилъ на континентахъ, лежащихъ насупротивъ Сициліи, и въ особенности Финикіянъ; если бы имъ когда-нибудь назывался какой-нибудь одинъ народъ, то это могъ-бы быть тотъ народъ, съ которымъ прежде всѣхъ другихъ и болѣе всѣхъ другихъ имѣли дѣло Римляне [сравн. Светон. Vita Terent.] Попытка произвести это слово отъ названія Евреевъ не можетъ быть согласована ни съ правилами языка ни съ историческими фактами: его удовлетворительная этимологія до сихъ поръ еще не найдена.

и крѣпкаго тѣлосложенія; они придерживаются одноженства и уважаютъ женщинъ, отличаются живостью характера и склонностью къ осѣдлой жизни, и организовали у себя общины, для которыхъ служитъ основой полная равноправность взрослыхъ мущинъ и которыя, вступая между собою въ союзы, воздвигаютъ фундаментъ для дальнѣйшаго государственнаго развитія [1]). Такъ какъ эта нація была стѣснена со всѣхъ сторонъ Неграми, Египтянами, Финикіянами, Римлянами и Арабами, то она никогда не могла пріобрѣсть ни настоящаго политическаго значенія ни всесторонней цивилизаціи; она лишь приблизилась къ этимъ цѣлямъ подъ управленіемъ Массиниссы. Какъ самостоятельно выработанная изъ финикійской азбука, которая была у Берберовъ въ употребленіи подъ римскимъ владычествомъ и которую до сихъ поръ употребляютъ Берберы, живущіе въ Сахарѣ, такъ и когда-то усвоенное ими сознаніе національнаго единства, вѣроятно, должны быть приписаны великому нумидійскому царю и его потомкамъ, которыхъ позднѣйшія поколѣнія чтили какъ боговъ [2]). Не смотря на всѣ нашествія иноземцевъ, они удержали въ своей власти значительную часть своихъ первоначальныхъ владѣній: въ настоящее время въ Марокко почти двѣ трети населенія, а въ Алжирѣ почти половина. берберійскаго происхожденія.

---

[1]) Хорошій наблюдатель Charles Tissot [Geogr. de la province romaine de l'Afrique 1, стр. 103] утверждаетъ, что болѣе чѣмъ у одной трети марокскаго населенія волосы бѣлокурые или темно-каштановые, а въ колоніи жителей Рифа въ Танжерѣ у двухъ третей. Женщинъ онъ нашолъ похожими на тѣхъ, которыя живутъ въ Берри и въ Оверни. Sur les hauts sommets de la chaine atlantique, d'après les renseignement qui m'ont été fournis, la population tout entière serait remarquablement blonde. Elle aurait les yeux bleus, gris ou „verts, comme ceux des chats", pour reproduire lexpression même dont s'est servi le cheikh qui me renseignait. То же явленіе повторяется среди горъ Большой Кабиліи и Ауреса, равно какъ на тунисскомъ островѣ Джербѣ и на Канарскихъ островахъ. И на египетскихъ изображеніяхъ Ливіецъ представляется не краснокожимъ, какъ Египтяне, а бѣлымъ и съ бѣлокурыми или съ темно-каштановыми волосами.

[2]) Кипріанъ quod idola dii non sint гл. 2: Mauri manifeste reges suos colunt nec ullo velamento hoc nomen obtexunt. Аполог. Тертулліана 24: Mauretaniae [dei sunt] reguli sui. C. I. L. VIII, 8834; Iemsali L. Percenius L. f. Stel. Rogatus v. [s. l. a.]; найденъ въ Өубусупту [Thubusuptu] въ странѣ Ситифиса [Sitifis]; эта мѣстность, вѣроятно, принадлежала къ нумидійскому царству Гіемпсала. Поэтому слѣдуетъ полагать, что и надпись въ Өубурсикѣ C. I. L. VIII n. 7* [сравн. Eph. epigr. V. стр. 651, n. 1478] скорѣе была невѣрно списана, чѣмъ подделана. Еще въ 70 году шла рѣчь о томъ, что въ Мавританіи одинъ претендентъ присвоилъ себѣ имя Юбы [Tacitus. Hist. 2, 58].

сущности никогда не оспаривали самыя крупныя сѣверо-американскія государства; если во многихъ мѣстахъ жители не уживались съ этимъ владычествомъ, то они также не были покорны и передъ своими мѣстными владѣтелями. Серебряныя монеты царя нумидійскаго Юбы I и царя мавританскаго Богуда чеканились съ римской пробой и на нихъ всегда находилась латинская надпись, которая была вовсе неподходящей для жителей сѣверной Африки какъ по бывшему у нихъ въ употребленіи языку, такъ и по ихъ международнымъ сношеніямъ; въ этомъ открыто сказывалось признаніе римскаго верховенства, которое, вѣроятно, было послѣдствіемъ новыхъ порядковъ, введенныхъ въ 674 г. отъ осн. Р. Помпеемъ въ сѣверной Африкѣ. Незначительное сопротивленіе, оказанное Римлянамъ Африканцами (за исключеніемъ Кароагенянъ), исходило отъ потомковъ Массиниссы; послѣ того, какъ царь Югурта, а впослѣдствіи и царь Юба были побѣждены, владѣтели западныхъ странъ безъ дальнѣйшаго сопротивленія подчинились той зависимости, которой отъ нихъ потребовали. Распоряженія, которыя дѣлались императорами, приводились въ исполненіе совершенно одинакимъ образомъ какъ на непосредственно подвластной имъ территоріи, такъ и на территоріяхъ вассальныхъ владѣтелей; римское правительство регулировало границы во всей сѣверной Африкѣ и въ царствѣ мавританскомъ точно такъ-же, какъ оно учреждало въ провинціи Нумидіи по своему усмотрѣнію римскія гражданскія общины. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Римлянами было совершено настоящее покореніе сѣверной Африки. Они не завоевали ее такъ-же, какъ Финикіяне или Французы, а владычествовали надъ Нумидіей такъ-же, какъ и надъ Мавританіей сначала въ качествѣ верховныхъ покровителей, а потомъ въ качествѣ преемниковъ туземныхъ правителей. Тѣмъ болѣе становится сомнительнымъ, можно-ли примѣнять къ Африкѣ понятіе о границахъ въ его обыкновенномъ значеніи. Владѣнія Массиниссы, Бокха, Богуда, равно какъ владѣнія Кароагенянъ образовались въ сѣверной части страны, и преимущественно отъ населенія этихъ береговъ зависѣла цивилизація сѣверной Африки; но сколько намъ извѣстно, всѣ эти владѣтели считали жившія или бродившія на югѣ племена своими подданными, а когда тѣ не повиновались имъ, считали ихъ мятежниками,—насколько соприкосновеніе съ этими племенами и владычество надъ ними были возможны при дальности разстояній и непроходимости степей. Въ южной части сѣверной Африки они рѣдко вступали съ сосѣдними государствами въ постоянныя и основанныя на договорахъ сношенія, а если и вступали,—какъ напримѣръ съ царствомъ Гарамантовъ,—то положеніе этихъ государствъ немногимъ отличалось отъ положенія тѣхъ племенъ, которыя жили внутри цивилизованной страны. То-же можно сказать о римской Африкѣ; на югѣ можно указать границы преж-

нихъ владѣтелей и границы римской цивилизаціи, но едва-ли можно указать границы той территоріи, которая находилась подъ римскимъ верховенствомъ. Относительно Африки никогда не было рѣчи о формальномъ расширеніи или возстановленіи границъ; возстанія въ римскихъ владѣніяхъ и вторженія сосѣднихъ народовъ походятъ одни на другіе тѣмъ болѣе потому, что въ неоспоримо подвластныхъ Римлянамъ мѣстностяхъ, еще болѣе чѣмъ въ Сиріи и въ Испаніи, римское обложеніе налогами и римскіе рекрутскіе наборы вовсе были неизвѣстны во многихъ отдаленныхъ и непроходимыхъ округахъ. Поэтому намъ кажется умѣстнымъ присоединить къ описанію отдѣльныхъ провинцій дошедшія до насъ въ историческихъ преданіяхъ или въ сохранившихся памятникахъ необширныя свѣдѣнія о дружественныхъ или непріязненныхъ отношеніяхъ Римлянъ къ ихъ южнымъ сосѣдямъ.

Провинція Африка и Нумидія.—Прежняя кареагенская территорія и присоединенная къ ней диктаторомъ Цезаремъ бо́льшая часть прежняго царства нумидійскаго или, какъ ихъ также называли, старая и новая Африка составляли до конца Тиверіева управленія провинцію этого имени, которая простиралась отъ киренейской границы до рѣки Ампсаги и заключала въ себѣ теперешнее Тунисское государство, равно какъ Тунезію и теперешнюю французскую провинцію Константину. Но въ этой важной провинціи, требовавшей обширной пограничной охраны, правительство ввело при императорѣ Гаіѣ въ сущности такое-же раздвоенное управленіе, какое существовало во времена республики: въ той части провинціи, которая не нуждалась въ особой заботливости объ охранѣ границъ, оно ввело гражданское управленіе, а остальную территорію, въ которой были разставлены гарнизоны, подчинило независимому отъ гражданскаго правителя военному начальнику. Причиной этого было то, что при раздѣленіи провинцій между императоромъ и сенатомъ Африка досталась этому послѣднему, а такъ какъ тамъ нельзя было обойтись безъ высшаго военнаго начальника, то одновременное присутствіе присланнаго сенатомъ намѣстника и назначеннаго императоромъ военнаго начальника (который, по правиламъ іерархіи, былъ подчиненъ намѣстнику) неизбѣжно должно было вызывать и дѣйствительно вызывало столкновенія между этими двумя сановниками и даже между императоромъ и сенатомъ. Этимъ порядкамъ былъ положенъ въ 37 году конецъ тѣмъ, что прибрежная страна отъ Гиппона (Боны) до киренейской границы удержала названіе Африки и осталась подъ управленіемъ проконсула, а западная часть провинціи съ главнымъ городомъ Циртой (Константиной), внутренняя часть съ большими военными лагерями, находившимися къ сѣверу отъ Ауреса и вообще всѣ тѣ мѣстности, гдѣ стояли войска, были подчинены начальнику аф-

риканскаго легіона. Этотъ начальникъ былъ сенаторскаго ранга, но принадлежалъ къ разряду не консуляровъ, а преторовъ.

Два мавританскихъ государства. — Западная половина сѣверной Африки распалась во время Цезаревской диктатуры на два государства—Тинжи (Танжеръ), находившееся въ то время подъ властію царя Богуда, и Іолійское, впослѣдствіи называвшееся Кесарійскимъ (Scherschel) и находившееся въ то время подъ властію царя Бокха. Такъ какъ оба эти царя такъ-же рѣшительно приняли сторону Цезаря въ его борьбѣ съ республиканцами, какъ царь нумидійскій Юба принялъ сторону противной партіи, и такъ какъ они оказали Цезарю важныя услуги во время его войнъ въ Африкѣ и въ Испаніи, то не только оба они сохранили свои прежнія владѣнія, но побѣдитель расширилъ владѣнія Бокха и, по всему вѣроятію, также владѣнія Богуда [1]). Когда вслѣдъ затѣмъ возникло соперничество между Антоніемъ и Цезаремъ-сыномъ, царь Богудъ одинъ на всемъ западѣ принялъ сторону Антонія и по подстрекательству брата и супруги Антонія вторгнулся въ Испанію во время перузійской войны (714 г.); но его сосѣдъ Бокхъ и его собственная столица Тинжи возстали противъ него и приняли сторону Цезаря. При заключеніи мира Богудъ былъ свергнутъ съ престола съ согласія Антонія, его владѣнія были отданы Цезаремъ царю Бокху, а городъ Тингисъ получилъ римское городское право. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, произошолъ разрывъ между двумя властителями, низ-

[1]) Это утверждаетъ касательно ихъ обоихъ, по отношенію къ 705 году, Діонъ 41, 42 [сравн. Светон. Цез. 54]. Въ 707 году Богудъ оказалъ содѣйствіе Цезаревскому намѣстнику Испаніи [Bell. Alex. 59. 60] и отразилъ нападеніе Гнея Помпея [Bell. Afric. 23]. Бокхъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ П. Ситтіемъ, во время африканской войны, успѣшную диверсію противъ Юбы и даже завладѣлъ важнымъ городомъ Циртой [Bell. Afr. 23; Аппіанъ 2, 96; Діонъ 43, 3]. Въ награду за это оба они получили отъ Цезаря владѣнія царя Массиниссы [Аппіанъ, 4, 54]. Во время второй испанской войны Богудъ появляется въ арміи Цезаря [Діонъ, 43, 36. 38]; предположеніе, что сынъ Бокха служилъ въ арміи Помпеевскихъ приверженцевъ [Діонъ въ выше указ. м.] должно быть произошло отъ того, что его смѣшали съ кѣмъ-нибудь другимъ, вѣроятно съ сыномъ Массиниссы Арабіономъ, который дѣйствительно перешолъ на сторону сыновей Помпея [Аппіанъ въ выше ук. м.]. Послѣ смерти Цезаря, Арабіонъ снова вступилъ въ обладаніе своими прежними владѣніями [Аппіанъ въ выше ук. м.], но послѣ его смерти въ 714 г. [Діонъ, 48. 22] Цезаревскія распоряженія снова были приведены въ исполненіе въ своемъ полномъ объемѣ. Пожалованіе, сдѣланное въ пользу Бокха и Ситтія, конечно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что колонія Цирта, которую Ситтій долженъ былъ основать въ предоставленной Бокху западной части бывшаго нумидійскаго царства, должна была считаться независимымъ римскимъ городомъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи былъ независимъ въ мавританскомъ царствѣ городъ Тинжи.

ложенный царь принялъ энергическое участіе въ борьбѣ въ надеждѣ снова вступить въ обладаніе своимъ царствомъ; но при взятіи Агриппой мессенскаго города Меѳоны, онъ попался въ плѣнъ и былъ казненъ. Уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ царь Бокхъ умеръ, а его владѣнія, въ которыя входила вся западная Африка, были вскорѣ послѣ того (729 г.) отданы сыну послѣдняго нумидійскаго царя Юбы II, женатому на Клеопатрѣ—той дочери, которую имѣлъ Антоній отъ Египтянки [1]). Оба они, въ качествѣ плѣнныхъ царскихъ дѣтей, были выставлены въ своей ранней молодости на показъ передъ римской публикой—Юба во время тріумфальнаго шествія Цезаря-отца, а Клеопатра во время тріумфальнаго шествія Цезаря-сына; то была странная игра судьбы, что они были отпущены изъ Рима въ званіи царя и царицы самаго значительнаго изъ вассальныхъ римскихъ владѣній, но это соотвѣтствовало условіямъ ихъ положенія. Оба они росли въ средѣ императорскаго семейства; къ Клеопатрѣ законная жена ея отца относилась по-матерински, какъ къ родной дочери; Юба служилъ въ арміи Цезаря. Юношество вассальныхъ царственныхъ семействъ имѣло многочисленныхъ представителей при императорскомъ дворѣ и играло значительную роль при императорскихъ принцахъ; изъ его среды обыкновенно выбирались въ раннюю пору имперіи владѣтели вассальныхъ царствъ, подобно тому, какъ между сенаторами высшаго ранга выбирались намѣстники Сиріи и Германіи. Въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ (729—775 отъ основ. Р., до Р. Х. 25—послѣ Р. Х. 23) онъ и послѣ него его сынъ Птолемей владычествовали надъ западной Африкой; впрочемъ, подобно тому, какъ у его предмѣстника былъ отнятъ городъ Тингисъ, и у него были отняты,

---

[1]) Діонъ [49, 43] говоритъ, что въ 721 г., послѣ смерти Бокха, Цезарь не назначилъ ему никакого преемника, а обратилъ Мавританію въ провинцію; затѣмъ [51, 14] говорится, подъ 724 годомъ, по случаю смерти египетской царицы, о бракосочетаніи ея дочери съ Юбой и о пожалованіи ему отцовскаго царства; наконецъ [53, 26] подъ 729 годомъ говорится о пожалованіи Юбѣ одной части Гетуліи въ замѣнъ всѣхъ его владѣній, равно какъ о пожалованіи ему владѣній Бокха и Богуда. Но только это послѣднее указаніе вѣрно и подтверждается Страбономъ [17, 3, 7, 828]; первое изъ нихъ неточно по меньшей мѣрѣ по своей формѣ, такъ какъ Мавританія, безспорно, еще не была обращена въ 721 г. въ провинцію, но только ея пожалованіе было временно пріостановлено; второе-же изъ этихъ указаній частію преждевременно, такъ какъ родившаяся около 719 г. Клеопатра [Eph. epigr. 1, стр. 276] не могла вступить въ бракъ въ 724 г., частію невѣрно, потому что Юба, конечно, никогда не получалъ всѣхъ отцовскихъ владѣній. Еслибы онъ былъ царемъ Нумидіи до 729 года и еслибы въ ту пору измѣнился лишь объемъ его владѣній, то онъ считалъ-бы свои годы со времени своего перваго вступленія въ управленіе, а не съ 729 года.

путемъ дарованія римскаго городскаго права, многія изъ важныхъ поселеній, въ особенности тѣ, которыя находились вблизи отъ морскаго берега, такъ что эти мавританскіе цари владычествовали, кромѣ столицы, почти только надъ племенами Берберовъ.

Учрежденіе провинцій Кесаріи и Тинжи.—Эти порядки держались до 40 года, когда императоръ Гай счелъ умѣстнымъ вызвать въ Римъ своего родственника, главнымъ образомъ ради его переполненной казны, и за тѣмъ отдать его въ руки палача, а его владѣнія взять подъ римское управленіе. Оба властителя были люди невоинственные: отецъ былъ греческій литераторъ во вкусѣ того времени; онъ составлялъ изъ безчисленнаго множества книгъ компиляціи всѣхъ такъ-называемыхъ достопримѣчательностей по исторіи, по географіи и по исторіи искуства, славился своею,—если можно такъ выразиться,—международною литературною дѣятельностью, былъ очень свѣдущъ въ литературѣ финикійской и сирійской, но главнымъ образомъ старался распространять между Эллинами знакомство съ римскимъ бытомъ и съ такъ-называемой римской исторіей и сверхъ того былъ горячій любитель искуствъ и ревностный посѣтитель театра; сынъ былъ заурядный принцъ, проводившій свое время въ придворной жизни и въ княжеской роскоши. Въ мнѣніи своихъ подданныхъ они стояли не высоко какъ по своимъ личнымъ свойствамъ, такъ и потому, что были римскими вассалами; противъ жившихъ на югѣ Гетуловъ царю Юбѣ неоднократно приходилось обращаться за помощью къ римскому намѣстнику, а когда въ римской Африкѣ нумидійскій князь Такфарина возсталъ противъ Римлянъ, Мавры стали толпами стекаться подъ его знамена. Тѣмъ не менѣе паденіе династіи и введеніе римскаго провинціальнаго управленія произвели тамъ глубокое впечатлѣніе. Мавры были преданы своему царскому дому; царямъ изъ рода Массиниссы ставились въ Африкѣ алтари даже подъ римскимъ владычествомъ (стр. 611), Птолемей,—каковъ-бы онъ ни былъ самъ по себѣ,—былъ прямымъ потомкомъ Массиниссы въ шестомъ колѣнѣ и былъ послѣднимъ представителемъ стариннаго царскаго рода. Послѣ катастрофы, вѣрный слуга этого рода Эдемонъ призвалъ къ оружію жившія среди Атласскихъ горъ племена и только послѣ упорной борьбы возстаніе было подавлено (42 г.) намѣстникомъ Светоніемъ Павлиномъ,—тѣмъ самымъ, который послѣ того сражался съ Бриттами (стр. 157). При устройствѣ новыхъ владѣній было снова введено или оставлено безъ перемѣны прежнее раздѣленіе на восточную и западную половины, или какъ онѣ впослѣдствіи назывались по имени столицъ, на провинціи Кесарію и Тинжи; это раздѣленіе,—какъ будетъ далѣе доказано,—было необходимымъ послѣдствіемъ физическихъ и политическихъ условій, въ которыхъ находилась страна и должно

было оставаться неизмѣннымъ даже подъ одною верховною властію. Въ каждой изъ этихъ провинцій были поставлены римскія войска втораго разряда и каждая изъ нихъ была подчинена императорскому намѣстнику, не входившему въ личный составъ сената.

Историческая судьба и внутреннее положеніе этой вновь открывшейся для латинской цивилизаціи обширной и своеобразной страны обусловливаются физическими особенностями сѣверной Африки. Черезъ нее проходятъ двѣ большія горныя цѣпи, изъ которыхъ сѣверная круто спускается къ Средиземному морю, а южная— Атласъ достигаетъ настоящей степи, проходя своими покатыми отлогостями черезъ усѣянную оазисами Сахару. Другая, подобная Сахарѣ не менѣе обширная степь, усѣянная соляными озерами, отдѣляетъ въ срединной части страны, въ теперешней Алжиріи, окраину сѣверныхъ прибрежныхъ горъ отъ окраины южныхъ. Въ сѣверной Африкѣ нѣтъ обширныхъ равнинъ, годныхъ для земледѣлія; на берегахъ Средиземнаго моря рѣдки плоскія пространства; годная для обработки земля, по теперешнему выраженію *Телль*, состоитъ главнымъ образомъ изъ многочисленныхъ долинъ и отлогостей внутри тѣхъ двухъ широкихъ горныхъ цѣпей и имѣетъ самые большіе размѣры тамъ, гдѣ,—какъ въ теперешнихъ Марокко и Тунезіи,—нѣтъ между окраинами сѣверною и южною никакихъ степныхъ пространствъ.

Триполисъ.—Триполисъ, составлявшій въ политическомъ отношеніи часть провинціи Африки, находился по своему природному положенію внѣ указанной сферы и былъ связанъ съ нею въ видѣ полуострова. Пограничныя горы, спускаясь къ Средиземному морю, отдѣляются отъ береговъ залива Такапы (Габеса) степными пространствами и солянымии озерами. На югѣ отъ Такапъ вплоть до Большаго Сирта тянется близь береговъ небольшая, годная для обработки, полоса земли, принадлежавшая Триполису; она отдѣлена отъ лежащихъ внутри страны степей невысокой цѣпью горъ. По ту сторону этой цѣпи начинается степь съ многочисленными оазисами. Охрана береговъ отъ степныхъ жителей представляетъ тамъ большія трудности вслѣдствіе недостатка въ высокой горной окраинѣ; это замѣтно и изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о военныхъ экспедиціяхъ, которыя тамъ предпринимались, и о расположеніи стоявшихъ тамъ войскъ. Эта страна и была театромъ войны съ Гарамантами.

Войны съ Гарамантами.—Луцій Корнелій Бальбъ, который въ своей молодости сражался подъ начальствомъ Цезаря съ отчаянной отвагой и управлялъ отъ его имени съ самой свирѣпой жестокостью, былъ избранъ Августомъ для усмиренія этихъ безпокойныхъ сосѣ-

дей и въ свою бытность проконсуломъ (735 г.) покорилъ внутреннюю часть страны до Кидама (Гадамеса), отстоящаго на двѣнадцать дней переѣзда отъ Триполиса, и до Гарамы (Джермы) въ Феццанѣ[1]); во время его тріумфа—онъ былъ послѣдній изъ гражданскихъ сановниковъ, праздновавшихъ свой тріумфъ, — былъ выставленъ на показъ длинный списокъ взятыхъ городовъ и побѣжденныхъ племенъ, никому неизвѣстныхъ даже по имени. Результаты этихъ экспедицій назывались завоеваніями; поэтому слѣдуетъ полагать, что тогда передняя часть страны перешла до нѣкоторой степени во власть Римлянъ. И впослѣдствіи тамъ не разъ дѣло доходило до войны. Вскорѣ послѣ этой экспедиціи, еще при Августѣ, Публій Сульпицій Квиринъ предпринялъ походъ противъ племенъ Мармарики, то-есть лежащей за Киреной ливійской степи, и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Гарамантовъ. Что война, которая велась при Тиверіѣ противъ Такфарины, распространилась и на эту страну, будетъ разсказано далѣе. Послѣ ея окончанія, царь Гарамантовъ отправилъ въ Римъ повѣренныхъ, чтобъ просить прощенія за свое участіе въ этой войнѣ. Въ 70 году тѣ-же Гараманты вторгнулись въ умиротворенную страну вслѣдствіе того, что триполійскій городъ Эа (Триполи) дошолъ въ своей ссорѣ съ сосѣднимъ городомъ Большимъ Лептомъ (Лебдой) до войны и призвалъ къ себѣ на помощь варваровъ, которые потомъ были прогнаны намѣстникомъ Африки и которыхъ этотъ намѣстникъ преслѣдовалъ внутрь ихъ собственныхъ поселеній. При Домиціанѣ, на берегу Большаго Сирта, издревле находившагося во владѣніи Назамановъ, намѣстнику Нумидіи пришлось подавлять возстаніе туземцевъ, вызванное непомѣрно тяжелыми налогами; и безъ того уже мало-населенная страна совершенно обезлюдѣла вслѣдствіе того, что эта война велась безъ всякой пощады. Императоръ Северъ, который былъ уроженецъ Большаго Лепта, очень заботился о своей отчизнѣ и далъ ей болѣе сильную военную охрану отъ сосѣднихъ варваровъ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что со временъ Севера до временъ Александра, въ ближайшихъ оазисахъ Кидамѣ (Гадамесѣ), Гарія-эль-Гарбіи и Бонджемѣ были поставлены отряды африканскаго ле-

---

1) Что Бальбъ совершилъ этотъ походъ, бывши проконсуломъ Африки, доказываютъ тріумфальные фасты; но консулъ 722 года Л. Корнелій, должно быть, былъ другой личностью, такъ какъ Бальбъ, по словамъ Веллея [2, 51] былъ ex privato consularis, то-есть получилъ то консулярское намѣстничество, не занимавши предварительно никакой курульной должности. Поэтому слѣдуетъ полагать, что его назначеніе не состоялось обычнымъ порядкомъ—бросаніемъ жребія. По всей видимости, онъ впалъ у Августа въ немилость за дурное исполненіе обязанностей квестора въ Испаніи [Drumann 2, 609] и по прошествіи слишкомъ двадцати лѣтъ былъ, ради своей неоспоримой даровитости, отправленъ исключительнымъ образомъ въ Африку для исполненія указанной выше особенно трудной задачи.

гіона, которые—въ виду отдаленности отъ главной квартиры—конечно служили не болѣе какъ ядромъ для тѣхъ, какъ кажется, значительныхъ контингентовъ, которые предоставлялись тамъ въ распоряженіе Римлянъ подвластными племенами. На самомъ дѣлѣ, обладаніе тѣми оазисами было важно не только для охраны береговъ, но и для торговыхъ сношеній, которыя во всѣ времена велись изъ внутренней Африки черезъ эти оазисы вплоть до триполійскихъ гаваней. Только въ эпоху упадка имперіи, эти передовые посты были сняты; изъ африканскихъ войнъ, происходившихъ при Валентіанѣ и при Юстиніанѣ, мы видимъ, что прибрежные города ничѣмъ не были защищены отъ нападеній туземцевъ.

Африканско-нумидійская область и ея армія. — Основой и центромъ римской Африки была называвшаяся этимъ именемъ провинція со включеніемъ составлявшей какъ-бы ея вѣтвь нумидійской. Римская цивилизація вступила въ обладаніе наслѣдствомъ, оставшимся частію отъ города Кареагена, частію отъ царей нумидійскихъ, и если она тамъ достигла многаго, то не слѣдуетъ позабывать, что она въ сущности лишь перевела то, что тамъ нашла, на свое имя и на свой языкъ. И Кареагенъ и нумидійскіе цари не только основывали тамъ, какъ это положительно доказано, города, о которыхъ рѣчь впереди, но склонили къ прочной осѣдлой жизни тѣ племена Берберовъ, которыя питали склонность къ земледѣлію. Жившіе на западѣ отъ Габесскаго залива Ливійцы уже не были кочевниками во времена Геродота, а мирно воздѣлывали свои поля; нумидійское владычество перенесло цивилизацію и земледѣліе еще далѣе внутрь страны. И природа была тамъ болѣе благопріятна для земледѣлія, нежели въ западной части сѣверной Африки; хотя и тамъ есть мѣстами низменности между горными окраинами сѣверной и южной, но соляныя озера и настоящія степныя пространства тамъ менѣе обширны, чѣмъ въ обѣихъ Мавританіяхъ. Военныя мѣропріятія заключались главнымъ образомъ въ томъ, что войска располагались у подножія громаднаго авразійскаго горнаго хребта—этого Сенъ-Готарда южныхъ пограничныхъ горъ, для того, чтобъ не дозволять непокорнымъ племенамъ переходить черезъ эти горы въ умиротворенную Африку и Нумидію. Поэтому Августъ и помѣстилъ постоянную квартиру легіона въ Тевестѣ (Тебессѣ) на плоской возвышенности между Аурессомъ и старой провинціей; даже къ сѣверу оттуда, между Аммедорой и Алеибуромъ, встрѣчались въ первыя времена имперіи римскіе замки. О войнахъ, которыя тамъ велись, мы имѣемъ мало подробныхъ свѣдѣній; онѣ, должно быть, были продолжительны и заключались въ безпрестанныхъ возстаніяхъ пограничныхъ племенъ и въ неменѣе безпрестанныхъ хищническихъ вторженіяхъ въ ихъ собственную территорію.

Война съ Такфариной. — До насъ дошли довольно точныя свѣдѣнія только объ одномъ происшествіи этого рода—о войнѣ, которая носитъ названіе главнаго вождя Берберовъ Такфарины. Эта война приняла необычайные размѣры: она продолжалась восемь лѣтъ (17—24) и состоявшая изъ одного легіона оккупаціонная армія провинціи была по этой причинѣ усилена въ 20—22 г. другимъ легіономъ, присланнымъ изъ Панноніи. Войну начало жившее на южномъ склонѣ Ауреса большое племя Мусуламіевъ, противъ котораго еще при Августѣ предпринималъ экспедицію Лентулъ и которое при преемникѣ Августа выбрало своимъ вождемъ Такфарину. Это былъ африканскій Арминій, родившійся въ Нумидіи, служившій въ римской арміи, а потомъ дезертировавшій и пріобрѣвшій извѣстность во главѣ разбойнической шайки. Возстаніе распространилось на востокъ до жившихъ близь Малаго Сирта Кинифіевъ и до жившихъ въ Фоццанѣ Гарамантовъ; на западѣ оно охватило большую часть Мавританіи и было опасно потому, что Такфарина организовалъ свою пѣхоту и кавалерію по римскому образцу и обучилъ ихъ по-римски; онѣ служили опорой для легкихъ отрядовъ инсургентовъ и давали возможность выдерживать правильныя сраженія и вести осады. Римлянамъ пришлось долго напрягать всѣ свои усилія, а сенатъ не разъ находилъ нужнымъ не придерживаться установленнаго закономъ метанія жребія при назначеніи на этотъ важный военный постъ и выбирать вмѣсто заурядныхъ полководцевъ Цицероновскаго пошиба способныхъ людей; наконецъ Квинту Юнію Блезу удалось подавить возстаніе благодаря задуманной имъ сложной военной операціи: лѣвое крыло своей арміи онъ отправилъ противъ Гарамантовъ, правымъ крыломъ прикрылъ выходы изъ Ауреса насупротивъ Цитры, а самъ вступилъ съ главными силами на территорію Мусуламіевъ и прочнымъ образомъ занялъ ее (22 г.). Но вскорѣ послѣ того отважный партизанскій вождь возобновилъ борьбу и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ проконсулу Публію Корнелію Долабеллѣ удалось сначала подавить въ зародышѣ угрожавшее возстаніе только-что усмиренныхъ Мусуламіевъ посредствомъ преданія всѣхъ ихъ вождей смертной казни, а за тѣмъ при содѣйствіи войскъ царя мавританскаго выиграть на его территоріи подлѣ Авзіи (Омаля) сраженіе, въ которомъ Такфарина лишился жизни. Со смертью вождя, какъ это обыкновенно бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ, прекратилась и война [1]).

---

[1]) Можно съ нѣкоторой точностью указать тѣ племена, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ въ своемъ описаніи войны, по обыкновенію совершенно неясномъ въ географическомъ отношеніи; а положеніе между колонной Лепта и колонной Цирты [*Лѣт.* 3, 74], наводитъ на мысль, что средняя колонна находилась въ Тевестѣ. Города Өалы [*Лѣт.* 3, 20] невозможно искать выше Аммедары: это,

Позднѣйшія войны.—До насъ не дошло обстоятельныхъ свѣдѣній этого рода изъ болѣе поздняго времени; мы можемъ только до нѣкоторой степени прослѣдить тѣ усилія, которыя были сдѣланы Римлянами съ цѣлію умиротворенія. Племена, жившія на югѣ Ауреса, если не были совершенно истреблены, то были принуждены покинуть свои прежнія мѣста жительства и переселиться въ сѣверныя страны; такая-же участь постигла даже Мусуламіевъ [1]), противъ которыхъ была еще разъ предпринята экспедиція при Клавдіѣ. На заявленное Такфариной требованіе отвести ему и его приверженцамъ земли внутри цивилизованныхъ странъ, Тиверій, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчалъ лишь удвоенными усиліями уничтожить дерзкаго противника, но это требованіе было въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворено вышеупомянутыми переселеніями, которыя, по всему вѣроятію, много содѣйствовали упроченію римскаго владычества. Проходы черезъ Авразійскую горную цѣпь все плотнѣе и плотнѣе замыкались военными лагерями. Гарнизоны были передвинуты далѣе внутрь страны; даже главная квартира была перенесена при Траянѣ изъ Тевеста далѣе на западъ; три значительныхъ римскихъ поселенія на сѣверномъ склонѣ Ауреса—Маскула (Хеншела), находившаяся при выходѣ изъ долины Араба, служившая ключемъ ко входу въ горы Ауреса и получившая права колоніи по меньшей мѣрѣ со временъ Марка и Вера; основанный Траяномъ Ѳамугади, и служившій со временъ Адріана главной квартирой для африканской арміи Ламбезъ—составляли въ своей совокупности нѣчто похожее на рейнскіе и дунайскіе большіе лагери; они были заведены на коммуникаціонныхъ линіяхъ между Ауресомъ и большими сѣверными и приморскими городами Циртой (Константиной), Каламой (Гельмой), Гиппономъ Царскимъ (Боной) и обезпечивали спокойствіе этихъ городовъ. Промежуточное степное пространство въ тѣхъ частяхъ,

---

вѣроятно, была та Ѳала, о которой упоминается въ югуртинской войнѣ и которая находилась вблизи отъ Капсы. Послѣднее дѣйствіе войны разыгрывается въ западной Мавританіи подлѣ Авзіи [4, 25] и поэтому его слѣдуетъ искать въ Ѳубускѣ [4, 24], то-есть въ Ѳубусупту или въ Ѳубусукту. Опредѣлить, гдѣ находится рѣка Пагида [*Лѣт.* 2, 20] положительно невозможно.

[1]) Птолемей [4, 3, 23] говоритъ, что Мусуламіи жили на югѣ отъ Ауреса и это согласно лишь съ тѣмъ, что у Тацита 2, 52 они называются жителями степей и сосѣдями Мавровъ; впослѣдствіи они жили къ сѣверу и къ западу отъ Тевеста [C. I. L. VIII, 270. 10667]. Наттабуты жили, по словамъ Птолемея [въ выше ук. м.], къ югу отъ Мусуламіевъ; впослѣдствіи мы ихъ находимъ на югѣ отъ Каламы [C. I. L. VIII, 484]. Точно такъ и Chellenses Numidae, жившіе между Ларесомъ и Алецбуромъ [Eph. epigr. V, n. 639] и conventus [cinium Romanorum et] Numidarum qui Mascululae habitant [тамъ-же n. 597] вѣроятно были племена Берберовъ, переселившіяся изъ Нумидіи въ проконсульскую провинцію.

которыя не были доступны для земледѣлія, было по меньшей мѣрѣ перерѣзано безопасными путями сообщенія. На западной сторонѣ Ауреса сообщенія съ Мавританіей пресѣкались цѣпью сильно укрѣпленныхъ постовъ, тянувшихся вдоль горнаго кряжа отъ Ламбезиса черезъ оазисы Калкей. Геркулисъ (эль-Кантару) и Бевкеру (Бескру). Даже внутренность гористой мѣстности впослѣдствіи перешла во власть Римлянъ: война, которая велась въ Африкѣ при императорѣ Піѣ и о которой до насъ не дошло никакихъ подробныхъ свѣдѣній, какъ кажется, отдала въ руки Римлянъ Авразійскія горы. Сквозь эти горы была въ то время проведена военная дорога тѣмъ легіономъ, который прежде стоялъ гарнизономъ въ Сиріи и былъ отправленъ въ Африку, безъ сомнѣнія, по случаю этой войны; и въ болѣе позднюю пору, даже вплоть до христіанскихъ временъ, тамъ встрѣчались слѣды римскихъ гарнизоновъ и даже римскихъ городовъ; изъ этого видно, что въ ту пору Римляне утвердились въ Авразійскихъ горахъ и утвердились прочно. Лежащій у южнаго склона этихъ горъ оазисъ Негринъ былъ занятъ римскими войсками уже при Траянѣ или даже до него, а немного далѣе къ югу на самой отдаленной степной окраинѣ, подлѣ Биръ Могаммеда Бенъ Іюниса находятся развалины римскаго замка; сверхъ того вдоль южнаго подножія этихъ горъ шла римская дорога. Тотъ оазисъ образуетъ послѣдній уступъ высокой отлогости, которая идетъ отъ возвышенной плоскости Тевеста—этого водоската между Средиземнымъ моремъ и степью, и достигаетъ этой послѣдней уступами въ 2—300 метровъ вышины; у подножія этой террасы начинается,—въ рѣзкой противоположности съ извилистыми очертаніями возвышающихся позади горъ,—песчаная степь Суфъ съ ея желтыми, съ виду похожими на волны, рядами наносныхъ бугровъ и съ ея вздымающейся отъ вѣтра песчаной почвой; это—громадная пустыня, на которой нѣтъ ни возвышенностей ни деревьевъ, и границы которой сливаются съ горизонтомъ. Негринъ конечно былъ изстари, точно такъ-же какъ и въ настоящее время, постояннымъ сборнымъ пунктомъ и послѣднимъ убѣжищемъ какъ разбойничьихъ атамановъ, такъ и не преклонявшихся передъ иноземнымъ владычествомъ туземцевъ; эта позиція господствовала какъ надъ окрестностными странами далеко за предѣлы пустыни, такъ и надъ проходившими черезъ нихъ торговыми путями. Вплоть до этой крайней границы доходили въ Нумидіи римскіе гарнизоны и даже римскія поселенія.

Римская цивилизація въ Мавританіи.—Въ Мавританіи Римляне не унаслѣдовали того, что̀ унаслѣдовали въ Африкѣ и въ Нумидіи. Намъ ничего не извѣстно о положеніи Мавританіи въ болѣе древнюю пору; значительныхъ городовъ тамъ не было въ болѣе раннюю

пору даже у морскихъ береговъ, а успѣхамъ цивилизаціи тамъ не содѣйствовали ни вліяніе Финикіянъ ни такіе мѣстные владѣтели, которыхъ можно-бы было поставить наравнѣ съ Массиниссой. Когда послѣдніе потомки этого царя перемѣнили нумидійскую корону на мавританскую, ихъ столица, переименованная ими изъ Іоля въ Кесарію, сдѣлалась резиденціей образованнаго и пышнаго двора, равно какъ центромъ мореплаванія и торговли. Но въ глазахъ римскаго правительства обладаніе этой страной было менѣе цѣнно, нежели обладаніе сосѣдней провинціей, что ясно видно изъ различія провинціальной организаціи; обѣ мавританскія арміи, взятыя вмѣстѣ, не уступали числомъ африканско-нумидійской [1]), но тамъ назначались намѣстники лишь всадническаго званія, а солдаты были изъ неграждан. Кесарія оставалась значительнымъ торговымъ городомъ; но въ провинціи прочныя поселенія ограничивались сѣверными горами и только въ ея восточной части находились болѣе значительные, отдаленные отъ морскаго берега, города. Даже въ плодородной долинѣ самой значительной въ этой провинціи рѣки Шелифа развитіе городовъ было незначительно; далѣе на западъ, въ долинахъ Тафны и Малуи, оно почти вовсе незамѣтно и въ замѣнъ мѣстныхъ названій тамъ частію употреблялись названія стоявшихъ тамъ кавалерійскихъ отрядовъ. Провинція Тинжи (Танжеръ) обнимала только этотъ городъ съ его ближайшей территоріей и прибрежную полосу земли у Атлантическаго океана до Салы, теперешняго Ребата, между тѣмъ какъ внутри страны римскія поселенія не доходили даже до Феза. Эта провинція не соединялась съ Кесаріей никакой большой дорогой; пространство въ 50 миль отъ Тинжи до Русаддира (Мелиллы) проѣзжали водой вдоль пустынныхъ и негостепріимныхъ береговъ Рифа. Поэтому изъ этихъ странъ шолъ въ Бетику болѣе короткій путь, нежели въ Мавританію, а когда при состоявшемся впослѣдствіи раздѣленіи имперіи на болѣе обширные административные округи, провинція Тинжи отошла къ Испаніи, этимъ лишь была дана внѣшняя форма тому, что уже давно существовало на дѣлѣ. Она была для Бетики тѣмъ-же, чѣмъ была Германія для Галліи, а такъ какъ она была мало доходна, то римское правительство учредило ее и удерживало въ своей власти, быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что отказаться отъ нея уже въ ту пору значило-бы вызвать такое-же

[1]) Въ 70 году, стоявшія въ обѣихъ Мавританіяхъ войска, кромѣ собиравшихся правительствомъ многочисленныхъ ополченій, состояли изъ 5 алъ и 19 когортъ [Tacitus, Hist. 2, 58]; поэтому, если считать каждый четвертый отрядъ за двойной, слѣдуетъ полагать, что они состояли приблизительно изъ 15.000 человѣкъ. Регулярная армія, стоявшая въ Нумидіи, скорѣе была менѣе, а не болѣе сильна.

вторженіе въ Испанію, какое совершилъ исламъ послѣ низпроверженія римскаго владычества.

Войны съ Гетулами.—Внѣ этой границы прочныхъ поселеній, внѣ линіи пограничныхъ таможенъ и пограничныхъ военныхъ постовъ и во многихъ опоясанныхъ ею нецивилизованныхъ округахъ, страна оставалась въ обѣихъ Мавританіяхъ, въ римскія времена, во власти туземцевъ, но эти туземцы были подчинены римскому верховенству; отъ нихъ требовали, по мѣрѣ возможности, и податей и военной службы, но къ нимъ непримѣнялись общія законныя формы податнаго обложенія и набора рекрутъ. Такъ напримѣръ, племени Зимизовъ, жившему на утесистыхъ берегахъ къ западу отъ Игилгили (Джиджели) въ восточной Мавританіи, стало быть въ самой серединѣ римскихъ владѣній, было поручено содержать гарнизонъ въ крѣпости, построенной для защиты города Игилгили, но при этомъ гарнизону было запрещено переходить за районъ замка далѣе 500 шаговъ [1]). Отсюда видно, что эти покорные Берберы употреблялись на защиту римскихъ интересовъ, но имъ не давали римской организаціи и съ ними не обходились, какъ съ солдатами государственной арміи. И внѣ провинціи иррегулярныя войска изъ Мавританіи впослѣдствіи употреблялись въ дѣло въ значительномъ числѣ, въ особенности тѣ, которыя составляли конницу [2]); но нельзя того-же сказать о Нумидійцахъ.—Мы не въ состояніи указать, какъ далеко заходило римское владычество за римскіе города и гарнизонныя стоянки и за тѣ пункты, гдѣ оканчивались государственныя большія

---

[1]) Надпись C. I. L. VIII, 8369 отъ 129 года: termini positi inter Igilgilitanos, in quorum finibus kastellum Victoriae positum est, et Zimiz[es], ut sciant Zimizes non plus in usum se habere ex auctoritate M. Vetti Latronis pro [curatoris] Aug [usti] qua [m] in circuitu a muro kast [elli] p [edes] D. Певтингерская таблица указываетъ мѣсто жительства Цимизовъ въ сосѣдствѣ съ Игилгилами, къ западу отъ нихъ.

[2]) Префектъ одной стоявшей въ Нумидіи гарнизономъ когорты командовалъ шестью гетулійскими племенами [nationes; C. I. L. V,5267]; это доказываетъ. что мавританскіе уроженцы употреблялись въ сосѣдней провинціи въ качествѣ иррегулярныхъ войскъ. Объ иррегулярной мавританской конницѣ упоминается особенно часто въ болѣе позднія времена имперіи. При Траянѣ, мавританскій уроженецъ и начальникъ одного отряда Мавровъ Лузій Квіетъ [Діонъ 68. 32] не былъ Λίβυς ἐκ τῆς ὑπηκόου Λιβύης, ἀλλ' ἐξ ἀδόξου καὶ ἀπῳκισμένης ἐσχατιᾶς [*Өемистій*, *Рѣчь* 16, стр. 250 Dind.]; это, безъ сомнѣнія, былъ гетулійскій шейхъ, служившій вмѣстѣ съ своими соотечественниками въ римской арміи. Изъ вышеприведенныхъ словъ Өемистія не видно, чтобъ его отечество было формально независимо отъ Рима; „подвластная область“ та, которая устроена по-римски, а ἐσχατιά есть заселенная зависимыми племенами окраина.

дороги. Римская цивилизація въ сущности нисколько не коснулась ни широкой степной страны, которая лежитъ вокругъ соляныхъ озеръ на западъ отъ Ламбезиса, ни гористой страны Тлемсена вплоть до Феса со включеніемъ береговъ Рифа, ни прекрасной плодородной страны у Атлантическаго океана на югъ отъ Салы до возвышенностей Атласа, которая, въ цвѣтущія времена Арабовъ, соперничала своей цивилизаціей съ Андалузіей, ни Атласскихъ горъ на югѣ Алжиріи и Марокко и ихъ южныхъ склоновъ, которые благодаря разнообразію горныхъ и степныхъ пастбищъ, доставляютъ пастушескимъ народамъ обильныя средства существованія, а въ своихъ многочисленныхъ оазисахъ отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ; но отсюда еще нельзя заключить, что эти страны были независимы во времена римскаго владычества и еще менѣе можно заключить, что онѣ по меньшей мѣрѣ не причислялись къ римскимъ владѣніямъ. Дошедшія до насъ на этотъ счетъ свѣдѣнія очень неполны. Уже ранѣе было замѣчено (стр. 618), что африканскіе проконсулы помогли царю Юбѣ покорить Гетуловъ, то-есть тѣ племена, которыя жили въ южной Алжиріи; Юба завелъ пурпуровыя красильни даже на островѣ Мадерѣ (стр. 642 прим. 1). Послѣ паденія мавританской династіи и введенія непосредственнаго римскаго управленія, Светоній Павлинъ былъ первый полководецъ, перешедшій черезъ Атласъ (стр. 614) и достигшій съ своей арміей въ юго-восточной части Марокко до степной рѣки Гера, которая и до сихъ поръ носитъ это названіе. Его преемникъ Гней Гозидій Гета продолжалъ начатое предпріятіе и нанесъ сильное пораженіе вождю Мавровъ Салабу. И впослѣдствіи многіе изъ предпріимчивыхъ намѣстниковъ мавританскихъ провинцій проникали въ эти отдаленныя страны; то-же можно сказать и о намѣстникахъ Нумидіи, подъ властію которыхъ (а не подъ властію мавританскихъ) находилась пограничная гористая страна, которая тянется на югѣ отъ провинціи Кесаріи [1]); однако изъ болѣе позднихъ временъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о настоящихъ военныхъ экспедиціяхъ на югъ Мавританіи и Нумидіи. Римляне едва-ли получили отъ мавританскихъ царей ихъ владѣнія въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ эти владѣнія простирались на югъ; но экспедиціи, которыя предпринимались послѣ присоединенія этой страны къ имперіи, конечно, не остались безъ прочныхъ результатовъ. По меньшей мѣрѣ часть Гетуловъ даже была подчинена во времена имперіи правильнымъ рекрутскимъ наборамъ, какъ это доказываютъ набиравшіяся тамъ вспомогательныя войска, а еслибы жившіе на югѣ римскихъ про-

---

[1]) Къ надписямъ, которыя свидѣтельствуютъ объ этомъ, теперь можно присовокупить замѣчательное, найденное подлѣ Жервилля посвященіе вождя одной экспедиціонной колонны; оно относится къ 174 г. [Eph. ep. V n. 1043].

винцій племена причиняли Римлянамъ серьезныя заботы, то объ этомъ до насъ дошли-бы какія-нибудь свѣдѣнія [1]). По всему вѣроятію, весь югъ вплоть до самой степи считался римскимъ владѣніемъ [2]) и фактическая зависимость туземцевъ заходила далеко за предѣлы римской цивилизаціи; но этимъ, конечно, не устранялась возможность набѣговъ, предпринимавшихся то тутъ то тамъ для собиранія контрибуцій и для грабежа.

Вторженія Мавровъ въ Испанію. — Настоящимъ нападеніямъ подвергалась умиротворенная область главнымъ образомъ со стороны прибрежнаго населенія, жившаго въ окрестностяхъ Рифа и у самаго Рифа, со стороны Мазиковъ и Бакватовъ, а эти нападенія совершались постоянно моремъ и были направлены главнымъ образомъ на берега Испаніи (стр. 55).

Пятиплеменники (quinquegentiani). — Во всѣ времена имперіи повторяются извѣстія о вторженіяхъ Мавровъ въ Бетику [3]); они ясно

---

1) Tumultus Gaetulicus [C. I. L. VIII, 6958] скорѣе былъ возстаніемъ, чѣмъ нашествіемъ.

2) Впрочемъ Птолемей считаетъ границей Кесарійской провинціи линію, проведенную выше озеръ, и не причисляетъ сюда Гетулію; напротивъ того провинцію Тинжи онъ расширяетъ до высотъ Атласа. Плиній [5, 4, 30] причисляетъ къ подвластнымъ африканскимъ племенамъ „всю Гетулію до самаго Нигера и до границъ Эѳіопіи", то-есть почти до Тимбукту. Это послѣднее предположеніе должно быть соотвѣтствовало офиціальному воззрѣнію.

3) Еще во времена Нерона Кальпурній [Egl. 4, 40] называлъ берега Бетики tricibus obnoxia Mauris. — Въ царствованіе Пія Мавры были отражены и оттиснуты до Атласа и за Атласъ [Vita Pii 5; Pausan. 8, 43]; происшедшая въ то время отправка войскъ изъ Испаніи въ Тингитану [C. I. L. III, 5212—5215] придаетъ правдоподобіе извѣстіямъ, что это нападеніе Мавровъ было направлено на Бетику, и что выступившія противъ нихъ войска Тарраконской провинціи преслѣдовали ихъ по ту сторону пролива. Вѣроятно въ ту-же пору происшедшія передвиженія сирійскаго легіона у Ауреса [стр. 614] заставляютъ думать, что эта война распространилась и на Нумидію.—Происходившая при Маркѣ война съ Маврами [Vita Marci 21. 22; Vita Severi 2] имѣла театромъ главнымъ образомъ Бетику и Лузитанію.—Намѣстнику ближней Испаніи пришлось при Северѣ бороться съ „мятежниками" и на морѣ и на сушѣ [C. I. L. II, 4114]. — При Александрѣ [Vita 58] велась война въ провинціи Тинжи. но при этомъ не упоминалось объ Испаніи.—Во времена Авреліана [Vita Saturnini 9] шла рѣчь о борьбѣ Мавровъ съ Испанцами.—Нельзя съ точностью опредѣлить время одной отправки войскъ изъ Нумидіи въ Испанію и противъ Мазиковъ [C. I. L. VIII, 2786], при чемъ, вѣроятно, шла рѣчь не о Мазикахъ Кесарійской провинціи, а о тѣхъ, которые жили въ Тингитанѣ. подлѣ Рифа [Птолемей 4, 1, 10]; быть можетъ, съ этимъ находится въ связи тотъ фактъ, что Гай Валлій Максиміанъ, бывши намѣстникомъ Тингитаны въ провинціи Бе-

доказываютъ, что Римляне не дѣйствовали тамъ съ достаточной энергіей наступательно и потому должны были постоянно держаться въ оборонительномъ положеніи, которое хотя и не представляло серьезной опасности для существованія имперіи, но тревожило богатыя и мирныя страны и нерѣдко навлекало на нихъ большія бѣдствія. Цивилизованнымъ африканскимъ странамъ нападенія Мавровъ, какъ кажется, причиняли менѣе вреда, вѣроятно, потому, что находившаяся на самой мавританской границѣ нумидійская главная квартира и стоявшіе на западной сторонѣ Ауреса сильные гарнизоны исполняли свой долгъ. Но съ происшедшимъ въ третьемъ столѣтіи упадкомъ государственной власти и тамъ начались нашествія: такъ-называемая пятиплеменная война, которая вспыхнула во времена Галліена и ради которой черезъ двадцать лѣтъ послѣ того императоръ Максиміанъ лично отправился въ Африку, была вызвана племенами, жившими по ту сторону озеръ, на нумидійско-мавританской границѣ и причинила вредъ главнымъ образомъ городамъ восточной Мавританіи и западной Нумидіи, какъ напримѣръ Авзіи и Милеву [1]).

Устойчивость языка Берберовъ.—Мы переходимъ теперь къ внутреннему устройству страны. Къ народному языку Римляне относились такъ-же, какъ въ Галліи къ кельтскому, а въ Испаніи къ иберійскому; въ Африкѣ они такъ поступали тѣмъ болѣе потому, что ранняя пора иноземнаго владычества тамъ уже миновала, а между Римля-

тикѣ [Hirschfeld Wiener Stud. 6, 123, при Маркѣ и Коммодѣ], одержалъ побѣду надъ Маврами и освободилъ осажденные ими города [C. I. L. II, 1120, 2105]. Эти факты доказываютъ по меньшей мѣрѣ то, что борьба съ жившими близъ Рифа Маврами и съ приходившими къ нимъ изъ болѣе отдаленной части страны союзниками, не прекращалась. Когда жившіе на томъ-же берегу Бакваты осадили въ Кесарійской провинціи значительно отдаленную отъ нихъ Картенну [Tenes], то они, быть можетъ, также пришли туда моремъ [C. I. L. VIII, 9663]. Неизвѣстно, гдѣ происходили тѣ войны съ Маврами, которыя велись при Адріанѣ [Vita 5, 12] и при Коммодѣ [Vita 13].

[1]) Камни съ надписями даютъ намъ объ этомъ болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, которыя можно извлечь изъ произведеній Виктора и Евтропія [C. I. L. VIII, 2615, 8836, 9045, 9047]. По этимъ надписямъ можно прослѣдить такъ-называемыхъ Quinquegentiani отъ временъ Галліена до временъ Діоклетіана. Войну начали Бакваты, которыхъ называли Transtagnenses и которые, должно быть, жили по ту сторону озеръ. Четыре „царя“ предпринимаютъ походъ общими силами. Самымъ страшнымъ соперникомъ былъ Фараксенъ съ своими gentiles Fraxinenses. Нападеніе было сдѣлано между прочимъ на города Милевъ въ Нумидіи неподалеку отъ Цирты и Авзію въ Кесарійской провинціи, а жителямъ пришлось обороняться отъ врага большею частію однимъ. По окончаніи войны Максиміанъ завелъ большіе магазины въ Ѳубусукту неподалеку отъ Салдъ. Эти отрывочныя свѣдѣнія даютъ намъ нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ положеніи дѣлъ.

нами конечно ни одинъ не понималъ народнаго діалекта. Берберійскія племена имѣли не только національный языкъ, но и національную письменность (стр. 611); но, сколько намъ извѣстно, эта письменность никогда не была въ офиціальномъ употребленіи, по меньшей мѣрѣ она никогда не употреблялась на монетахъ. Даже туземныя династіи не составляли въ этомъ отношеніи исключенія потому-ли, что и въ ихъ владѣніяхъ самые значительные города были скорѣе финикійскіе, нежели ливійскіе, потому-ли, что финикійская цивилизація успѣла туда проникнуть. На мѣстномъ языкѣ писали, конечно, и подъ римскимъ владычествомъ; даже большая часть берберійскихъ посвященій и надгробныхъ надписей безспорно принадлежитъ къ временамъ имперіи; но ихъ рѣдкость доказываетъ, что въ сферѣ римскаго владычества языкъ Берберовъ достигъ лишь незначительнаго письменнаго употребленія. Какъ народный языкъ, онъ, натурально, удержался преимущественно въ тѣхъ странахъ, куда Римляне или вовсе не проникали или проникали рѣдко, какъ напримѣръ въ Сахарѣ, въ горахъ марокскаго Рифа и въ обѣихъ Кабиліяхъ; но даже на плодородномъ, рано познакомившемся съ культурой островѣ Триполиса Гирбѣ (Джербѣ), который былъ у Карѳагенянъ центромъ фабрикаціи пурпура, до сихъ поръ говорятъ по-ливійски. Вообще говоря, древній народный языкъ отстаивалъ себя въ Африкѣ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ среди Кельтовъ и Иберійцевъ.

Устойчивость финикійскаго языка. — Языкъ, который господствовалъ въ сѣверной Африкѣ подъ римскимъ владычествомъ, былъ языкъ тѣхъ иноземцевъ, которые господствовали тамъ до Римлянъ. Лептъ, — вѣроятно не тотъ, который находился въ Триполійской области, а тотъ, который находился подлѣ Гадрумета, — былъ единственный изъ африканскихъ городовъ, ставившій на своихъ монетахъ греческія надписи и такимъ образомъ удѣлившій греческому языку въ офиціальномъ употребленіи по меньшей мѣрѣ второстепенное положеніе. Финикійскій языкъ господствовалъ въ то время соразмѣрно съ существовавшей въ сѣверной Африкѣ цивилизаціей — отъ Большаго Лепта до Тинжи, въ особенности въ Карѳагенѣ и въ окрестной странѣ, равно какъ въ Нумидіи и даже въ Мавританіи [1]). Въ пользу этого языка

---

[1]) Кромѣ монетъ, это доказываютъ и надписи. Изъ сличенія надписей, которымъ я обязанъ г-ну Euting'у, оказывается, что изъ древне-пуническихъ надписей, то-есть изъ тѣхъ, которыя, по всему вѣроятію, сдѣланы до разрушенія Карѳагена, громадное число принадлежитъ самому Карѳагену [около 2500]; остальныя принадлежатъ Гадрумету [9], Ѳуггѣ [знаменитому финикійско-берберійскому городу], Циртѣ [5], Іоль-Кесаріи [1]. Новопуническія встрѣчаются всего чаще въ Карѳагенѣ и въ его окрестностяхъ [30] и вообще нерѣдко въ проконсульской провинціи, также въ Большомъ Лептѣ [5] и на островахъ Гирбѣ [1] и

высокоразвитой, хотя и иноземной культуры, были сдѣланы нѣкоторыя уступки при перемѣнѣ системы управленія. Быть можетъ еще при Цезарѣ, но безъ сомнѣнія при Августѣ и при Тиверіѣ, финикійскій языкъ былъ въ официальномъ употребленіи какъ въ городахъ римской провинціи, напримѣръ въ Большомъ Лептѣ и въ Эѣ, такъ и въ городахъ мавританскаго царства, напримѣръ въ Тинжи и Ликсѣ, равно какъ въ тѣхъ городахъ, которые, подобно Тинжи, сдѣлались римскими гражданскими общинами. Тѣмъ не менѣе римское правительство не заходило въ Африкѣ такъ-же далеко, какъ въ греческой половинѣ имперіи. Въ греческихъ провинціяхъ господствовалъ греческій языкъ какъ вообще въ дѣловыхъ сношеніяхъ, такъ и въ сношеніяхъ съ центральнымъ правительствомъ и съ его должностными лицами; на монетахъ организованныхъ по-гречески городовъ даже имя императора пишется по-гречески. А въ африканскихъ провинціяхъ, даже если надпись на монетѣ сдѣлана на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, имя императора или должностнаго лица всегда пишется по-латыни. Даже на монетахъ царей мавританскихъ, хотя имя греческой царицы и написано по-гречески, но имя царя и государственнаго должностнаго лица всегда пишется по-латыни даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имя царицы поставлено рядомъ съ ними. Отсюда видно, что правительство не допускало въ Африкѣ употребленія финикійскаго языка въ своихъ сношеніяхъ съ общинами и съ частными людьми, но дозволяло употреблять его въ сношеніяхъ между этими послѣдними; это былъ не третій государственный культурный языкъ, а культурный языкъ, признанный таковымъ съ сферѣ своего преобладанія.

Но это ограниченное допущеніе финикійскаго языка продолжалось недолго. Мы не имѣемъ никакихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно-бы было удостовѣрить официальное употребленіе финикійскаго языка въ послѣ-Тиверіевскскія времена и едвали можно допустить, что этотъ языкъ пережилъ времена первой династіи [1]). Когда и какъ совершилась эта перемѣна, намъ неизвѣстно; по всему

Коссурѣ [1], въ Нумидіи въ Каламѣ и вблизи отъ нея [23] и въ Циртѣ [15]; въ Мавританіи онѣ до сихъ поръ были найдены только въ Portus Magnus [2].

[1]) Чеканка монеты въ Африкѣ въ сущности прекращается при Тиверіѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещается, такъ какъ африканскія надписи изъ I столѣтія послѣ Р. Х. встрѣчаются лишь въ очень незначительномъ числѣ, а документы на африканскомъ языкѣ встрѣчаются и много времени спустя послѣ того. Монеты Баббы [въ Тингитанѣ], которыя встрѣчаются со временъ Клавдія до временъ Гальбы, носятъ исключительно латинскія надписи; однако этотъ городъ былъ колоніей. Латинско-пуническія надписи Большаго Лепта [C. I. L. VIII, 7] и Нараггары [C. I. L. VIII, 4636], быть можетъ, и принадлежатъ къ временамъ Тиверія, но въ качествѣ двуязычныхъ свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ. что въ то время, когда онѣ были сдѣланы, финикійскій языкъ уже утратилъ свое прежнее первенствующее значеніе.

вѣроятію, правительство Тиверія или Клавдія постановило по этому предмету свое окончательное рѣшеніе и совершило такое полное присоединеніе африканскихъ Финикіянъ къ имперіи и въ отношеніи языка и въ отношеніи національности, какое въ состояніи совершить правительственная власть. Въ частныхъ сношеніяхъ финикійскій языкъ еще долго держался въ Африкѣ, какъ кажется, даже дольше, чѣмъ въ своей отчизнѣ; въ началѣ 3-го столѣтія знатныя дамы Большаго Лепта такъ плохо владѣли языками латинскимъ и греческимъ, что имъ было очень неловко въ римскомъ обществѣ; еще въ концѣ 4-го столѣтія, въ окрестностяхъ Гиппона Царскаго (Боны) неохотно назначали такихъ лицъ духовнаго званія, которыя не могли объясняться съ мѣстными жителями на пуническомъ языкѣ; эти жители въ ту пору называли сами себя Ханааитянами и между ними еще были въ большомъ ходу пуническія имена и пуническіе обороты рѣчи. Но этотъ языкъ былъ изгнанъ изъ школъ [1]) и даже изъ письменнаго употребленія и превратился въ народный діалектъ и то, вѣроятно, лишь въ сферѣ древней финикійской цивилизаціи, то-есть въ старинныхъ финикійскихъ прибрежныхъ поселеніяхъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія [2]). Когда Арабы пришли въ Африку, они нашли въ народномъ употребленіи языкъ Берберовъ, но уже не нашли языка Пуновъ [3]); со введеніемъ карѳагено-римской цивилизаціи оба чужестранныхъ языка исчезли, между тѣмъ какъ старинный туземный языкъ живетъ и по сіе время. Цивилизованные иноземные властители мѣнялись, а Берберы оставались такими, какими были прежде, подобно пальмѣ оазиса и песку степей.

---

[1]) Изъ словъ Виктора, что императоръ Северъ былъ Latinis litteris sufficienter instructus, Graecis sermonibus eruditus Punica eloquentia promptior, quippe genitus apud Leptim нельзя заключать, что въ то время въ Триполисѣ преподавали курсъ пунической риторики; позднѣйшій и малозначительный авторъ конечно превратилъ хорошо извѣстный фактъ въ примѣнимый къ школьному преподаванію.

[2]) Писавшій около 460 года младшій Арнобій [Ad psalm. 104, стр. 481 Migne] говоритъ: Cham vero secundus filius Noe a Rhinocoruris usque Gadira habens linguas sermone Punico a parte Garamantum, Latino a parte boreae, barbarico a parte meridiani, Aethiopum et Aegyptiorum ac barbaris interioribus vario sermone numero viginti duabus linguis in patriis trecentis nonaginta et quattuor; но эти слова, и еще менѣе ихъ бредни Прокопія [de bello Vand. 2, 10] могутъ служить указанемъ на финикійскія надписи и на языкъ, который употреблялся въ Тигизисѣ. Свидѣтели этого рода едва-ли были въ состояніи различать языки берберійскій и пуническій.

[3]) Только въ одной мѣстности подлѣ Малаго Сирта, на финикійскомъ языкѣ, какъ кажется, говорили еще въ 11-мъ столѣтіи [Movers Phön. 2. 2, 478].

Латинскій языкъ.—Оставленное финикійскимъ языкомъ наслѣдство досталось не греческому языку, а латинскому. Это не было послѣдствіемъ естественнаго хода дѣлъ. Во времена Цезаря, латинскій языкъ былъ въ сѣверной Африкѣ такимъ-же чужестраннымъ языкомъ, какъ и греческій, но этотъ послѣдній былъ распространенъ гораздо болѣе перваго, какъ это видно уже по монетамъ Лепта; по-латыни говорили въ ту пору только должностныя лица, солдаты и италійскіе купцы. Въ ту пору, вѣроятно, было-бы легче эллинизировать Африку, чѣмъ латинизировать. Но случилось противное. Тамъ проявила себя та самая воля, которая сберегла зачатки эллинизма въ Галліи, а греческую Сицилію включила въ сферу латинскаго языка,—та же самая воля, которая, проводя границу между латинскимъ западомъ и греческимъ востокомъ, причислила Африку къ первому изъ нихъ.

Финикійское городское устройство.—Въ такомъ-же духѣ было урегулировано внутреннее устройство страны. Оно было основано на финикійской городской общинѣ, подобно тому, какъ въ Италіи оно было основано на латинской городской общинѣ, а на востокѣ—на греческой. Когда началось въ Африкѣ римское владычество, тогдашняя карѳагенская область состояла преимущественно изъ мелкихъ, управлявшихся своими суфетами городскихъ общинъ, доходившихъ числомъ до трехъ сотъ, и республика не сдѣлала въ этомъ никакихъ перемѣнъ [1]). И въ туземныхъ царствахъ прежніе финикійскіе города сохранили подъ управленіемъ мѣстныхъ властителей свое устройство; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что городъ Калама, находившійся внутри Нумидіи и едва-ли основанный Финикіянами, имѣлъ такое-же финикійское городское устройство; цивилизація, которую вводилъ Массинисса въ своемъ царствѣ, въ сущности за-

---

[1]) Найденныя въ Африкѣ латинскія надписи начинаются слишкомъ поздно и потому не могутъ служить объясненіемъ тѣхъ порядковъ, которые существовали до 2 столѣтія послѣ Р. Х.; краснорѣчивѣе ихъ приведенные на 634 стр. въ 1 прим. четыре договора о защитѣ, которые были заключены двумя небольшими мѣстечками проконсульской провинціи A p i s a M a j u s и S i a g u и двумя другими, нигдѣ болѣе не упоминаемыми, но, по всему вѣроятію, сосѣдними T h e m e t r a и T h i m i l i g i; поэтому вовсе не представляется неправдоподобнымъ указаніе Страбона [17, 3, 15, стр. 833], что въ началѣ послѣдней войны въ карѳагенской области считалось 300 городовъ. Въ каждомъ изъ тѣхъ четырехъ небольшихъ мѣстечекъ были суфеты. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на старо и ново-пуническихъ надписяхъ встрѣчаются имена магистратовъ, подъ ними обыкновенно разумѣютъ двухъ суфетовъ. Изъ того факта, что эти суфеты встрѣчаются въ проконсульской провинціи сравнительно нерѣдко, но кромѣ того встрѣчаются только въ Каламѣ, можно заключить, что въ той провинціи финикійское городское устройство получило болѣе сильное развитіе.

ключалась въ томъ, что онъ превращалъ селенія занимавшихся земледѣліемъ Берберовъ въ города, устроенные по финикійскому образцу. То-же можно сказать о немногихъ болѣе древнихъ городскихъ общинахъ, существовавшихъ въ Мавританіи еще до Августа. Сколько намъ извѣстно, два ежегодно смѣнявшихся суфета африканскихъ общинъ въ сущности соотвѣтствовали схожимъ съ ними начальникамъ общинъ въ италійскомъ городскомъ устройствѣ и остается по меньшей мѣрѣ недоказаннымъ, дѣйствительно-ли напримѣръ въ общинныхъ совѣтахъ, уклонявшихся у Кареагенянъ отъ организованныхъ по-италійски общинныхъ совѣтовъ, финикійское городское устройство римской Африки сохранило свои національныя особенности [1]); но уже тотъ фактъ, что сохранилась хотя бы формальная противоположность между финикійскими и италійскими городами, былъ, вмѣстѣ съ допущеніемъ мѣстнаго языка, признаніемъ финикійской національности и нѣкотораго рода ручательствомъ за ея дальнѣйшее существованіе и подъ римскимъ владычествомъ. Что вмѣстѣ съ тѣмъ финикійская форма управленія была признана легальной въ африканскихъ владѣніяхъ, видно изъ того, что Цезарь, возстановляя Кареагенъ, возстановлялъ его какъ финикійскій городъ, далъ ему старинныхъ суфетовъ [2]) и до нѣкоторой степени населилъ его прежними жителями, такъ какъ значительная и, быть можетъ, самая значительная часть новыхъ гражданъ была взята изъ окре-

---

[1]) Договоры о защитѣ, относящіеся ко временамъ Цезаря [C. I. L. VIII, 10525], Августа [тамъ-же 68, сравн. 69] и Тиверія [C, I. L. V, 4919—4922], заключали senatus populusque не имѣвшихъ правъ гражданства африканскихъ общинъ [civitates] съ знатными Римлянами; они, какъ кажется, заключались совершенно по римскому образцу общиннымъ совѣтомъ, который былъ представителемъ общины и могъ заключать отъ ея имени обязательства.

[2]) На монетѣ, вычеканенной безъ всякаго сомнѣнія при Цезарѣ [Müller Num. de l'Afr. 2,149], въ словахъ Kar[thago] Veneris и Aristo Mutumbal Ricoce suf[etes], два первыхъ имени, вѣроятно, слѣдуетъ считать за греко-финикійское двойное названіе; такія названія нерѣдко встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ [сравн. C. I. L. V, 4922: agente Ceſere Imilchonis Gulalsae filio sufete]. Такъ какъ съ одной стороны суфеты не могли назначаться въ римской колоніи, а съ другой стороны поселеніе такой колоніи въ самомъ Кареагенѣ вполнѣ доказано, то слѣдуетъ полагать или что самъ Цезарь впослѣдствіи измѣнилъ внѣшнюю форму основанія города или что основаніе колоніи подъ владычествомъ тріумвировъ было приведено въ исполненіе послѣ смерти диктатора [какъ на это намекаетъ и Аппіанъ, Pun. 136]. Съ этимъ можно сопоставить тотъ фактъ, что Курубисъ находился, въ раннюю пору Цезарева управленія, подъ властію суфетовъ [VIII, 10525]; а въ 709 г. отъ осн. Р. находился, въ качествѣ Цезаревской колоніи, подъ управленіемъ дуумвировъ [тамъ-же 977]; но различіе заключается здѣсь въ томъ что этотъ городъ не былъ, подобно Кареагену, обязанъ Цезарю своимъ существованіемъ.

стныхъ поселеній и снова поставлена подъ охрану великой богини пуническаго Кареагена, царицы небесной Астарты, снова занявшей въ ту пору свое прежнее мѣсто вмѣстѣ съ своими поклонниками. Правда, въ самомъ Кареагенѣ эти порядки скоро уступили мѣсто италійскому колоніальному устройству, а его покровительница Астарта превратилась въ Целестиду, которая была латинской богиней по меньшей мѣрѣ по имени. Но въ остальной Африкѣ и въ Нумидіи, финикійское городское устройство было, по всему вѣроятію, господствующимъ въ теченіе всего перваго столѣтія, такъ какъ оно сдѣлалось достояніемъ всѣхъ тѣхъ общинъ, за которыми были признаны городскія права, но въ которыхъ не было введено римскаго или латинскаго устройства. Въ сущности оно не было отмѣнено, такъ какъ суфеты встрѣчаются даже при Піѣ; но эти суфеты мало-помалу повсюду уступаютъ мѣсто дуумвирамъ и измѣнившійся правительственный принципъ и въ этой сферѣ доходитъ до своихъ крайнихъ выводовъ.

Преобразованіе финикійскихъ городовъ въ италійскіе.—Превращеніе финикійскаго городскаго права въ италійское начинается при Цезарѣ. Древній финикійскій городъ Утика, бывшій предшественникомъ и наслѣдникомъ Кареагена, получилъ—какъ бы въ вознагражденіе за то, что возстановленіе древней столицы нанесло большой вредъ его интересамъ—прежде всѣхъ африканскихъ городовъ италійское устройство; онъ получилъ латинское право, быть можетъ, отъ диктатора Цезаря, а положеніе римской муниципіи, безъ сомнѣнія, отъ его преемника Августа. То-же право получилъ городъ Тинжи (стр. 616) въ знакъ признательности за то, что оставался вѣренъ во время перузійской войны. Скоро дошла очередь и до многихъ другихъ городовъ; однако число общинъ съ римскими правами оставалось въ Африкѣ незначительнымъ до временъ Траяна и Адріана [1]). Съ тѣхъ поръ муниципальное или также колоніальное

1) Для Африки и Нумидіи Плиній [Hist. Nat. 5, 4, 29 и сл.] насчитываетъ 516 общинъ, изъ которыхъ 6 были колоніями, 15 были общинами римскихъ гражданъ, 2 были латинскіе города [такъ какъ oppidum stipendiarium, судя по тому, какое ему отведено мѣсто, должно быть, также имѣлъ италійское право]; остальныя—или финикійскіе города [oppida], между которыми 30 вольныхъ городовъ, или ливійскія племена [non civitates tantum, sed pleraeque etiam nationes iure dici possunt]. Трудно рѣшить, должны-ли эти цифры быть отнесены ко временамъ Веспасіана или же къ болѣе раннимъ временамъ; во всякомъ случаѣ онѣ не вполнѣ вѣрны, такъ какъ кромѣ названныхъ шести колоній было еще шесть [Assuras, Carpi, Clupea, Curubi, Hippo Diarrhytos, Neapolis], которыя частію безспорно, частію вѣроятно были основаны Цезаремъ или Августомъ.

право раздавалось въ широкомъ объемѣ, однако-же, сколько намъ извѣстно, лишь отдѣльнымъ общинамъ, которыя до тѣхъ поръ были финикійскими,—такъ какъ даже это послѣднее право давалось впослѣдствіи лишь номинально, безъ выселенія колонистовъ. Если до тѣхъ поръ рѣдко встрѣчавшіеся въ Африкѣ посвященія и памятники разнаго рода появляются съ начала 2 столѣтія въ огромномъ числѣ, то это было главнымъ образомъ послѣдствіемъ принятія многочисленныхъ поселеній въ союзъ городовъ, надѣленныхъ высшими правами.

Переселеніе италійскихъ колонистовъ въ Африку.—Помимо превращенія финикійскихъ городовъ въ италійскія муниципіи или колоніи, въ Африкѣ было также не мало городовъ съ италійскими правами, возникшихъ вслѣдствіе поселенія италійскихъ колонистовъ. И въ этомъ отношеніи иниціатива исходила отъ диктатора Цезаря, такъ какъ едва-ли можно назвать какую-либо другую провинцію, для которой онъ сдѣлалъ такъ-же много, какъ для Африки, а его примѣру слѣдовали и императоры изъ первой династіи. Объ основаніи Кареагена уже было упомянуто ранѣе; этотъ городъ получилъ не тотчасъ, но очень скоро, италійскихъ поселенцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ италійскую организацію и полныя права римскаго гражданства. Не подлежитъ сомнѣнію, что будучи предназначенъ сдѣлаться главнымъ городомъ провинціи и будучи основанъ въ широкихъ размѣрахъ, онъ быстро оправдалъ на самомъ дѣлѣ свое назначеніе. Кареагенъ и Лугудунъ были единственные на западѣ города, въ которыхъ, точно такъ-же, какъ и въ столицѣ государства, постоянно стояли гарнизономъ государственныя войска. Кромѣ того, частію, безъ сомнѣнія, еще при диктаторѣ, частію при первомъ императорѣ, въ ближайшихъ къ Сициліи округахъ были основаны колоніи въ цѣломъ рядѣ маленькихъ городковъ—въ Hippo Diarrhytus, Clupea, Curubi, Neapolis, Carpi, Muxula, Uthina, Большомъ Thuburbo и Assuras, вѣроятно не только для призрѣнія ветерановъ, но и для содѣйствія латинизированію страны. Двѣ колоніи, возникшія въ то время въ бывшемъ нумидійскомъ царствѣ—Цирта съ зависимою отъ нея территоріей и Новая Цирта или Сикка,—были основаны вслѣдствіе особыхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Цезаремъ передъ вождемъ вольныхъ дружинъ, уроженцемъ Нукеріи Публіемъ Ситтіемъ и передъ его италійско-африканскими отрядами. Такъ какъ первая изъ этихъ колоній была основана на территоріи, принадлежавшей въ то время одному изъ вассальныхъ государствъ (стр. 616, прим. 1), то она получила своеобразную и очень самостоятельную организацію, которую отчасти сохранила и въ болѣе позднюю пору, не смотря на то, что скоро превратилась въ имперскій городъ. Оба города быстро развились и сдѣлались значительными центрами римской цивилизаціи въ Новой Африкѣ.

Италійскіе колонисты въ Мавританіи. — Другой характеръ имѣла та колонизація, которую Августъ предпринялъ въ царствѣ Юбы и которую продолжалъ Клавдій. Мавританія еще находилась въ ту пору въ самомъ первобытномъ состояніи; въ ней не только не было городовъ, но даже не было элементовъ для ихъ основанія; поселеніе отставныхъ солдатъ римской арміи внесло цивилизацію въ эту варварскую страну. Въ позднѣйшей кесарійской провинціи, Августовскіе ветераны были поселены на берегу моря въ Igtlgili, Saldae, Rusazu, Rusguniae, Gunugi, Cartenna (Tenes) и далѣе отъ моря въ Thubusuptu и Zuccabar, а клавдіевскіе ветераны въ Oppidum Novum; точно также и въ провинціи Тинжи, при Августѣ ветераны переселялись въ Zilis, Babba, Banasa, а при Клавдіѣ въ Lix. Эти общины, надѣленныя правами римскаго гражданства, не подчинялись, — какъ уже было ранѣе замѣчено, — мавританскимъ царямъ, пока существовали эти цари, а были присоединены въ административномъ отношеніи къ ближайшей римской провинціи; заведеніе этихъ поселеній также послужило началомъ для присоединенія Мавританій къ имперіи [1]). — Предположенное Августомъ и Клавдіемъ распространеніе цивилизаціи впослѣдствіи или было пріостановлено или совершилось въ ограниченномъ объемѣ, не смотря на то, что для нея открылось широкое поле и въ западной половинѣ кесарійской провинціи и въ провинціи Тинжи; ранѣе (стр. 635) уже было замѣчено, что въ болѣе позднюю пору колоніи основывались тамъ постоянно путемъ дарованія названія колоній безъ переселенія колонистовъ.

Крупная земельная собственность. — Вмѣстѣ съ этой городской организаціей заслуживаетъ упоминанія и крупная земельная собственность. По римскимъ порядкамъ, она постоянно совмѣщалась съ общиннымъ устройствомъ, и расширеніе большихъ помѣстьевъ нарушало эту связь менѣе, чѣмъ можно-бы было ожидать, хотя они вообще не замыкались въ одной мѣстности, а нерѣдко распространялись на территоріи нѣсколькихъ городовъ. Но въ Африкѣ, крупныя земельныя владѣнія не только были болѣе многочисленны и болѣе обширны, чѣмъ гдѣ-либо, но и не заходили за предѣлы городскихъ территорій; вокругъ жилищъ землевладѣльцевъ возникали

---

1) Плиній [5, 1, 2] говоритъ только о Зулилѣ или, быть можетъ, о Зили regum dicioni exempta et iura in Baeticam petere iussa, а это могло находиться въ связи съ перенесеніемъ этой общины въ Бетику подъ именемъ Julia Traducta [Страбонъ 3, 1, 8, стр. 140]. Но Плиній говоритъ это только относительно Зили вѣроятно потому, что это была первая названная имъ колонія, основанная внѣ границъ имперіи. Для гражданина римской колоніи не могъ быть высшей судебной инстанціей царь Мавританіи.

и латинскихъ общинъ, а при начальникѣ племени состояло огр
ниченное число старѣйшинъ вмѣсто многочисленныхъ декуріонов
входившихъ въ составъ городскихъ сенатовъ. Въ римской Афри
общины туземцевъ, какъ кажется, лишь въ видѣ исключенія впо
слѣдствіи достигали италійской организаціи; африканскіе города с
италійскимъ правомъ, возникшіе не путемъ поселенія колонистов
большею частію уже ранѣе пользовались финикійскимъ городским
правомъ. Исключеніе составляютъ главнымъ образомъ тѣ племена, которыя были переселены на другія мѣста, такъ напримѣръ вслѣдствіе такого невольнаго переселенія Нумидійцевъ возникъ значительный городъ Ѳубурсикъ. Общины Берберовъ жили преимущественно въ горахъ и въ степяхъ; онѣ подчинялись чужеземцамъ, но ни повелители ни подчиненные не чувствовали желанія стать на равную ногу, а когда въ страну вторгнулись другіе чужеземцы, положеніе Берберовъ по отношенію къ Вандаламъ, къ Византійцамъ, къ Арабамъ, къ Французамъ осталось почти безъ измѣненій.

Воздѣлываніе почвы.—По обработкѣ почвы, восточная часть Африки соперничала съ Египтомъ. Однако почва тамъ иная, утесы и степи, занимающіе большую часть западной Африки, отнимаютъ и у ея восточной части значительныя пространства, и въ этой послѣдней не мало недоступныхъ гористыхъ мѣстностей, въ которыя или медленно проникала цивилизація или вовсе не проникала; такъ напримѣръ среди прибрежныхъ утесистыхъ скалъ римское владычество или оставило послѣ себя мало слѣдовъ или не оставило никакихъ. И находившаяся въ юго-восточной части проконсульской провинціи Бизакена считалась особенно доходной мѣстностью только вслѣдствіе ошибочнаго примѣненія къ ней того, что относилось къ нѣкоторымъ прибрежнымъ полосамъ земли и оазисамъ; къ западу отъ Суфетулы (Сбитлы) страна безводна и утесиста; въ пятомъ столѣтіи послѣ Р. Х., въ Бизакенѣ считали годной для обработки земли въ процентномъ отношеніи вдвое менѣе, нежели въ остальныхъ африканскихъ провинціяхъ. Но сѣверная и сѣверо-западная часть проконсульской провинціи, и главнымъ образомъ долина большой сѣвероафриканской рѣки Баграды (Меджерды), равно какъ значительная часть Нумидіи доставляли почти такую-же богатую жатву, какъ долина Нила. Въ самыхъ лучшихъ округахъ довольно многочисленные города,—какъ это видно по ихъ развалинамъ,—стояли близко одинъ отъ другаго, изъ чего слѣдуетъ заключить, что тамошнее населеніе, вѣроятно, было такъ-же густо, какъ и въ долинѣ Нила и, судя по всѣмъ признакамъ, занималось преимущественно земледѣліемъ. Многочисленныя арміи, во главѣ которыхъ республиканцы вступили въ Африкѣ въ борьбу съ Цезаремъ послѣ пораженія при Фарсалѣ, были набраны между тамошними поселянами, такъ что въ годъ войны

поля оставались не воздѣланными. Съ тѣхъ поръ какъ Италія стала потреблять болѣе хлѣба, чѣмъ сколько сама производила, она расчитывала какъ на италійскіе острова, такъ и на почти столько-же близкую Африку, а когда Африка перешла во власть Римлянъ, ея хлѣбъ шолъ туда уже не въ видѣ предмета торговли, а преимущественно въ видѣ подати. Уже во времена Цицерона столица государства кормилась бо́льшею частію африканскимъ хлѣбомъ; вслѣдствіе происшедшаго при диктаторѣ Цезарѣ присоединенія Нумидіи, получавшееся изъ Африки въ видѣ подати количество хлѣба увеличилось ежегодно, какъ полагаютъ, на 1,200.000 римскихъ шеффелей (525.000 гектолитровъ). Послѣ того, какъ была организована при Августѣ доставка хлѣба изъ Египта, римское правительство расчитывало, что одна треть необходимыхъ для Рима хлѣбныхъ запасовъ будетъ доставляться изъ Африки, другая треть изъ Египта, а остальная треть наберется частію въ опустошенной Сициліи, въ Сардиніи и въ Бетикѣ, частію въ самой Италіи. Въ какой мѣрѣ Италія временъ имперіи зависѣла въ своихъ средствахъ существованія отъ Африки, видно изъ тѣхъ мѣръ, которыя принимались во время войнъ Вителлія съ Веспасіаномъ и Севера съ Песценніемъ: Веспасіанъ надѣялся покорить Италію занятіемъ Египта и Африки; Северъ послалъ сильную армію въ Африку для того, чтобъ ею не завладѣлъ Песценній. — Оливковое масло и вино занимали выдающееся мѣсто еще въ древнемъ карѳагенскомъ земледѣліи; такъ напримѣръ, Цезарь могъ возложить на Малый Лептъ (подлѣ Сузы) обязанность ежегодно доставлять для римскихъ бань 3 милл. фунт. оливковаго масла (около 10.000 гектолитровъ); а изъ Сузы этотъ продуктъ и до сихъ поръ вывозится для продажи въ количествѣ 40.000 гектолитровъ. Однако, по словамъ историка югуртинской войны, Африка была богата хлѣбомъ, но бѣдна оливковымъ масломъ и виномъ и еще во времена Веспасіана изъ нея вывозились эти продукты въ небольшомъ количествѣ. Только съ тѣхъ поръ какъ имперія доставила этой провинціи то прочное внутреннее спокойствіе, въ которомъ плодовыя деревья нуждаются еще болѣе, чѣмъ полевые плоды, разведеніе оливковыхъ деревьевъ приняло болѣе широкіе размѣры; въ 4-мъ столѣтіи никакая другая провинція не доставляла оливковое масло въ такомъ количествѣ, какъ Африка, и въ римскихъ баняхъ употреблялось преимущественно африканское масло. Впрочемъ по достоинству оно уступало маслу, приготовлявшемуся въ Италіи и въ Испаніи не потому, что естественныя условія были въ Африкѣ менѣе благопріятны, а потому, что тамъ приготовленіе этого продукта было менѣе искусно и менѣе тщательно. Виноделіе не имѣло въ Африкѣ большаго значенія въ вывозной торговлѣ. За то тамъ процвѣтали коноводство и скотоводство,—въ особенности въ Нумидіи и въ Мавританіи.

Фабричное производство и торговля.—Фабричное производство и торговля никогда не имѣли въ африканскихъ провинціяхъ такого-же значенія, какое они имѣли на востокѣ и въ Египтѣ. Приготовленіе пурпура Финикіяне перенесли изъ своего отечества на эти берега, близь которыхъ островъ Гирба (Джерба) сдѣлался африканскимъ Тиромъ и уступалъ только этому послѣднему въ качествѣ своихъ продуктовъ. Эта фабричная промышленность процвѣтала во всѣ времена имперіи. Къ числу немногихъ полезныхъ дѣяній, которыми могъ похвастаться царь Юба II, принадлежитъ введеніе пурпуровой фабрикаціи на берегахъ Атлантическаго моря и на близь-лежащихъ островахъ [1]). Шерстяныя матеріи низшаго достоинства и кожаныя издѣлія приготовлялись въ Мавританіи, какъ кажется, туземцами и для вывоза [2]). Очень значительна была торговля невольниками. Продукты, которые изготовлялись внутри страны, натурально, вывозились и черезъ сѣверную Африку, но не въ такомъ количествѣ, какъ черезъ Египетъ. Хотя слонъ и изображенъ на гербѣ Мавританіи и хотя тамъ, гдѣ теперь онъ уже давно исчезъ, за нимъ охотились еще во времена имперіи, но онъ, какъ кажется, шолъ оттуда въ продажу лишь въ небольшомъ числѣ.

Благосостояніе.—Благосостояніе, которымъ пользовались главнымъ образомъ воздѣланныя африканскія страны, ясно видно изъ развалинъ многочисленныхъ городовъ, которые, не смотря на свои узкія территоріи, имѣли бани, театры, тріумфальныя арки, великолѣпныя гробницы и вообще роскошныя сооруженія всякаго рода, хотя и не отличавшіяся искуствомъ, но нерѣдко поражающія своими размѣрами.

---

[1]) О томъ, что производство гетулійскаго пурпура было введено Юбой, говоритъ Плиній, Hist. Nat. 6, 31, 201: paucas [Mauretaniae insulas] constat esse ex adverso Autololum a Juba repertas, in quibus Gaetulicam purpuram tinguere instituerat; подъ словами insulae purpurariae [тамъ-же 203] могла подразумѣваться лишь Мадера. Самое древнее упоминаніе объ этомъ пурпурѣ находится у Горація, Ep. 2, 2, 181. Болѣе позднее существованіе этой фабрикаціи недоказано, а такъ какъ римское владычество не распространялось на эти острова, то она, по всему вѣроятію, прекратилась, хотя изъ словъ sagum purpurium, встрѣчающихся въ тарифѣ Зараи [C. I. L. VIII, 4508], и слѣдовало-бы заключить, что въ Мавританіи существовала фабрикація пурпура.

[2]) О товарахъ, которые вывозились изъ Мавританіи, даетъ ясное понятіе тарифъ Зараи [C. I. L. VIII, 4508], который былъ выставленъ на таможенной границѣ Нумидіи и относился къ 202 году. Тамъ идетъ рѣчь о винѣ, о винныхъ ягодахъ, о финикахъ, о губкѣ, но главную роль играютъ рабы, скотъ разнаго рода, шерстяныя матеріи [vestis Afra] и кожаныя издѣлія. И въ землеописаніи временъ Констанція говорится въ гл. 60, что Мавританія vestem et mancipia negotiatur.

Не въ виллахъ знатныхъ дворянъ, какъ то было въ галльской странѣ, а въ среднемъ классѣ земледѣльцевъ заключалась экономическая сила этихъ странъ [1])

Пути сообщенія.—Насколько намъ извѣстно состояніе тамошнихъ путей сообщенія, можно полагать, что внутри цивилизованныхъ странъ удобство этихъ путей сообщенія соотвѣтствовало густотѣ населенія. Въ первомъ столѣтіи возникли государственныя дороги, соединявшія тогдашнюю главную квартиру Тевестъ частію съ берегами Малаго Сирта (что находится въ явной связи съ ранѣе описаннымъ умиротвореніемъ округа, лежащаго между Аурессомъ и моремъ), частію съ большими городами сѣверныхъ береговъ—Гиппономъ Царскимъ (Боной) и Карѳагеномъ. Начиная со втораго столѣтія, мы замѣчаемъ, что всѣ большіе города и многіе изъ мелкихъ дѣятельно заботятся объ устройствѣ необходимыхъ путей сообщенія внутри ихъ территорій; хотя то-же можно-бы было сказать о большинствѣ подвластныхъ имперіи странъ, но это всего ярче бросается въ глаза въ Африкѣ потому, что тамъ усерднѣе чѣмъ гдѣ-либо пользовались этими случаями, чтобъ выражать свою преданность царствующему императору. О путяхъ сообщенія въ тѣхъ округахъ, которые хотя и находились подъ властію Римлянъ, но не были романизированы, и о тѣхъ дорогахъ, по которымъ шла торговля черезъ степи, не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Верблюды.—Однако, кажется вѣроятнымъ, что въ ту пору на степныхъ дорогахъ произошла перемѣна къ лучшему благодаря тому, что тамъ стали употреблять верблюдовъ. Въ болѣе древнюю пору это животное, какъ извѣстно, встрѣчалось только въ Азіи и не далѣе Аравіи, между тѣмъ какъ въ Египтѣ и во всей Африкѣ въ употребленіи были только лошади. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій нашего лѣтосчисленія, между названными странами произошло нѣчто въ родѣ обмѣна, и, если можно такъ выразиться, на поприще исторіи выступили арабскій конь и ливійскій верблюдъ. Этотъ послѣдній въ первый разъ упоминается въ описаніи войны, которую

---

[1]) На одной надгробной надписи, найденной въ Мактарисѣ, въ Бизакенѣ [Eph. Epigr. V. n. 279], говорится, что одинъ свободнорожденный человѣкъ,— сначала исполнявшій въ теченіе двѣнадцати лѣтъ работу простаго жнеца, а потомъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ разъѣзжавшій по Африкѣ для торговли хлѣбомъ,— купилъ на собранныя сбереженія дома въ городѣ и за-городомъ и сдѣлался въ своемъ родномъ городѣ членомъ городскаго совѣта и бургомистромъ. Его поэтическая надгробная надпись обнаруживаетъ если не его образованность, то его притязаніе на образованность. Такая карьера не была во времена римской имперіи большой рѣдкостью, но въ Африкѣ она была болѣе чѣмъ гдѣ-либо частымъ явленіемъ.

диктаторъ Цезарь велъ въ Африкѣ: такъ какъ къ числу добычи тамъ относятся на ряду съ взятыми въ плѣнъ офицерами 22 верблюда царя Юбы, то слѣдуетъ полагать, что обладаніе этими животными было въ ту пору въ Африкѣ рѣдкимъ явленіемъ. Въ 4-мъ столѣтіи, римскіе генералы, прежде чѣмъ предпринимать переходъ черезъ степи, уже требовали отъ триполисскихъ городовъ верблюдовъ тысячами, для перевозки воды и съѣстныхъ припасовъ. Это служитъ указаніемъ на происшедшую тѣмъ временемъ перемѣну въ сношеніяхъ между сѣверомъ и югомъ Африки; мы не знаемъ исходила-ли она изъ Египта или изъ Кирены и изъ Триполиса, но она принесла пользу всей сѣверной части этой страны свѣта.

Народный характеръ и образованность.—Для финансовъ имперіи сѣверная Африка, очевидно, была цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Но не такъ легко рѣшить вопросъ, было-ли для римской націи вообще полезно или вредно сліяніе сѣверной Африки съ имперіей. Отвращеніе, которое Италійцы изстари питали къ Африканцамъ, не измѣнилось послѣ того, какъ Кареагенъ сдѣлался большимъ римскимъ городомъ и вся Африка стала говорить по-латыни; когда Севера Антонина обвиняли въ томъ, что онъ соединялъ въ себѣ пороки трехъ націй, то его свирѣпую жестокость приписывали его происхожденію отъ африканскаго отца, а когда корабельный капитанъ утверждалъ въ четвертомъ столѣтіи, что Африка прекрасная страна, но что Африканцы ея недостойны, такъ какъ они коварны, не держатъ даннаго слова и хотя между ними иногда и встрѣчаются хорошіе люди, но очень рѣдко,—онъ, конечно, не имѣлъ въ виду негоднаго Аннибала, а выражалъ то, что было въ ту пору общимъ мнѣніемъ. Если въ римской литературѣ временъ имперіи и обнаруживается вліяніе африканскихъ элементовъ, то оно вообще встрѣчается въ плохихъ книгахъ на особенно плохихъ страницахъ. Новая жизнь, которая разцвѣла для Римлянъ изъ остатковъ истребленныхъ ими націй, нигдѣ не отличалась ни богатствомъ, ни свѣжестью, ни красотой; даже два Цезаревскія созданія, страна Кельтовъ и сѣверная Африка (вѣдь латинская Африка была его созданіемъ немного менѣе, чѣмъ латинская Галлія) остались зданіями, сооруженными изъ обломковъ. Но новымъ Римлянамъ, жившимъ на берегахъ Роны и Гароны, тога была болѣе къ лицу, чѣмъ «полу-Нумидійцамъ и полу-Гетуламъ». Правда, Кареагенъ не многимъ уступалъ Александріи по числу населенія и богатству и безспорно былъ вторымъ городомъ латинской половины имперіи; онъ былъ самымъ оживленнымъ городомъ послѣ Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, самымъ безнравственнымъ городомъ на востокѣ и самымъ значительнымъ центромъ латинской образованности и литературы. Августинъ описываетъ яркими красками, какъ иной чест-

ный провинціальный юноша погибалъ тамъ, предаваясь пустымъ удовольствіямъ цирка, и какъ семнадцатилѣтній, пріѣхавшій изъ Мадавры въ Кароагенъ студентъ всецѣло предавался театру, завлекавшему его своими любовными драмами и трагедіями. Въ прилежаніи и способностяхъ у Африканцевъ не было недостатка; напротивъ того, въ Африкѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо цѣнили латинскую и греческую ученость и ихъ конечную цѣль—общее образованіе; оттого-то школьное дѣло и достигло тамъ высокаго развитія. Жившій при Піѣ, философъ Апулей и знаменитый христіанскій писатель Августинъ,—оба происходившіе изъ хорошихъ гражданскихъ семей и родившіеся—первый въ Мадаврѣ а второй въ сосѣднемъ съ Мадаврой небольшомъ городкѣ Ѳагастѣ—получили первоначальное образованіе въ мѣстной школѣ; потомъ Апулей учился въ Кароагенѣ и докончилъ свое образованіе въ Аѳинахъ и въ Римѣ; Августинъ отправился изъ Ѳагасты сначала въ Мадавру, а потомъ также въ Кароагенъ; такимъ образомъ юноши закончили свое образованіе въ самыхъ лучшихъ заведеніяхъ. Ювеналъ совѣтовалъ профессору риторики, желавшему заработать деньги, отправляться въ Галлію или еще лучше въ Африку—эту «кормилицу адвокатовъ». Въ одномъ аристократическомъ помѣстьѣ, въ окрестностяхъ Цирты, недавно найдена устроенная съ царскою роскошью баня, принадлежавшая къ позднимъ временамъ имперіи; на ея полу, сдѣланномъ изъ мозаики, представлены подробности той жизни, которая велась въ замкѣ; конечно самое большое мѣсто занимаютъ дворцы, обширный охотничій паркъ съ собаками и оленями, конюшни съ лучшими скаковыми лошадьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлены «уголокъ ученыхъ» (filosofi locus) и сидящая тамъ подъ пальмовыми деревьями знатная владѣтельница помѣстья. Но именно школьная скромность была темнымъ пятномъ на литературной дѣятельности Африканцевъ. Эта дѣятельность начинается поздно; до временъ Адріана и Пія въ латинской литературѣ не было ни одного писателя съ громкимъ африканскимъ именемъ и даже впослѣдствіи знаменитые Африканцы вообще были сначала школьными преподавателями и уже потомъ переходили въ разрядъ писателей. При выше названныхъ императорахъ самыми извѣстными въ столицѣ преподавателями и учеными были африканскіе уроженцы—воспитавшій принцевъ при дворѣ Пія, риторъ Маркъ Корнелій Фронтонъ изъ Цирты и филологъ Гай Сульпицій Аполлинарій изъ Кароагена. Оттого-то въ этихъ сферахъ и господствуютъ то безразсудный пуризмъ, который насильственно вталкиваетъ латинскую образованность въ старо-африканскую колею Эннія и Катона и которому Фронтонъ и Аполлинарій были обязаны своей славой, то совершенное позабываніе прирожденной латинизму серьозной строгости и легкомысліе, которое увлекаясь плохими греческими образцами и еще болѣе плохо подражая имъ, достигло

своего апогея въ очень славившемся въ свое время романѣ *Оселъ*, написанномъ родившимся въ Мадаврѣ философомъ. Въ языкѣ безпрестанно встрѣчались частію школьныя воспоминанія, частію неклассическіе или заново созданные слова и обороты рѣчи. Какъ въ императорѣ, который происходилъ изъ хорошаго африканскаго семейства и самъ былъ ученымъ и писателемъ, можно было узнать по тону рѣчи Африканца, такъ и въ слогѣ африканскихъ писателей, даже самыхъ даровитыхъ и воспитанныхъ съ молодости на латинизмѣ, какъ напримѣръ въ слогѣ Карѳагенянина Тертулліана, постоянно слышатся какія-то странности—то ведется чрезмѣрно долго рѣчь о какихъ-нибудь мелочахъ, то предложенія безсвязны, то разыгрывается не въ мѣру фантазія, то авторъ перескакиваетъ отъ одной мысли къ другой. Тутъ нѣтъ ни привлекательности Грековъ, ни достоинства Римлянъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что во всей африканско-латинской литературѣ нѣтъ ни одного поэта, котораго стоило-бы назвать. Только во времена христіанства было иначе. Въ развитіи христіанства Африка играла первую роль; оно возникло въ Сиріи, но сдѣлалось всемірной религіей въ Африкѣ и посредствомъ Африки. Какъ переводъ священныхъ книгъ съ еврейскаго языка на греческій и именно на народный языкъ самой значительной изъ находившихся внѣ Іудеи іудейскихъ общинъ доставилъ іудейству его всемірное значеніе, точно такъ и для перенесенія христіанства съ подчиненнаго востока на господствовавшій западъ имѣлъ чрезвычайную важность переводъ его священныхъ книгъ на тотъ языкъ, которымъ говорили на западѣ; это было тѣмъ болѣе важно потому, что эти священныя книги были переведены не на языкъ образованныхъ западныхъ сферъ, рано исчезнувшій изъ вседневнаго употребленія и во времена имперіи повсюду преподававшійся по-школьному, а на бывшій тогда въ общемъ употребленіи латинскій языкъ, который въ ту пору уже высвободился изъ школьныхъ рамокъ и готовился къ романскому складу рѣчи. Когда, вслѣдствіе паденія іудейскаго церковнаго государства, христіанство отдѣлилось отъ своей іудейской основы (стр. 540), оно сдѣлалось всемірной религіей благодаря тому, что стало повсюду выражаться на общеупотребительномъ языкѣ, а тѣ безъименные люди, которые латинизировали со втораго столѣтія христіанскія произведенія, сдѣлали для этой эпохи то-же, что въ настоящее время дѣлаютъ по слѣдамъ Лютера библейскія миссіи для удовлетворенія требованій болѣе широкаго умственнаго горизонта. Но эти люди были лишь частію Италійцы, а преимущественно Африканцы [1]). Въ Африкѣ,

---

[1]) Трудно съ увѣренностью рѣшить, въ какой мѣрѣ наши латинскіе тексты Библіи происходятъ отъ многихъ первоначально несходныхъ между собою переводовъ, или,—какъ полагаетъ Лахманъ,—трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ раз-

по всей видимости, гораздо рѣже, чѣмъ въ Римѣ, встрѣчалось такое знаніе греческаго языка, при которомъ можно обходиться безъ переводовъ, а съ другой стороны и преобладавшій при зарожденіи христіанства восточный элементъ усвоивался тамъ болѣе

———

личныя рецензіи одного и того-же основнаго перевода подвергались разнообразной передѣлкѣ при помощи оригинала. Но что въ этихъ переводахъ и исправленіяхъ участвовали какъ Италійцы, такъ и Африканцы, видно изъ знаменитыхъ словъ Августина [De doctr. Chrsit. 2, 15, 22]: in ipsis autem interpretationibus Itala ceteris praeferatur, nam est verborum tenacior cum perspicuitate sententiae; хотя люди съ большимъ авторитетомъ и пытались опровергнуть значеніе этихъ словъ, но они, конечно, были неправы. Недавно снова встрѣчено съ одобреніемъ предложеніе Бентлея [von Corssen Jahrb. für protestant. Theol. 7, S. 507 f.] перемѣнить Itala на illa, a nam на quae; но оно не можетъ быть допущено ни по правиламъ филологіи ни по смыслу. Эта двойная перемѣна не имѣетъ въ свою пользу никакого внѣшняго вѣроятія; сверхъ того за слово nam вступается списавшій его Исидоръ [Etym 6, 4, 2]. Далѣе говорили, что употребленіе языка требуетъ слова Italica, но это невѣрно [слово Italus употребляется, напримѣръ, у Сидонія и у Іорнанда, равно какъ въ позднѣйшихъ надписяхъ C. I. L. X, стр. 1146, а иногда замѣняется словомъ Italicus]; а совѣтъ сравнить по возможности какъ можно болѣе переводовъ предполагаетъ признаніе одного изъ этихъ переводовъ за самый надежный во всѣхъ отношеніяхъ; сверхъ того, отъ измѣненія внѣшней формы словъ, разумное замѣчаніе превратилось-бы въ безсодержательное общее мѣсто. Совершенно вѣрно, что существовавшія въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій въ Римѣ христіанскія общины вообще употребляли греческій языкъ и что не тамъ слѣдуетъ искать тѣхъ Itali, которые участвовали въ составленіи латинской библіи. Но что внѣ Рима въ Италіи и въ особенности въ Верхней Италіи знаніе греческаго языка было распространено немного болѣе, чѣмъ въ Африкѣ, доказываютъ самымъ яснымъ образомъ имена вольноотпущенниковъ; а замѣчаніе Августина относится именно къ не-римской Италіи; при этомъ, быть можетъ, не лишнимъ будетъ напомнить, что Августинъ былъ обращенъ въ христіанство Амвросіемъ Миланскимъ. Въ томъ, что до насъ дошло отъ до-Іеронимовскихъ переводовъ библіи, едва-ли когда-либо удастся указать слѣды того, что въ нихъ по словамъ Августина было дѣломъ Италійцевъ; но еще труднѣе было-бы доказать, что надъ до-Іеронимовскими латинскими текстами библіи работали одни Африканцы. Что они въ значительной мѣрѣ и, быть можетъ, въ бóльшей мѣрѣ впервые появились въ Африкѣ, очень правдоподобно. Противоположность съ одной Itala могли составлять лишь многія Afrae, а простонародный латинскій языкъ, на которомъ написаны всѣ эти тексты, вполнѣ сходенъ съ тѣмъ общенароднымъ латинскимъ языкомъ, на которомъ,—какъ это можетъ быть положительно доказано,—говорили въ Африкѣ. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ опускать изъ виду того, что простонародный латинскій языкъ извѣстенъ намъ преимущественно изъ африканскихъ источниковъ и что ссылка на употребленіе нѣкоторыхъ формъ языка лишь въ одной Африкѣ столько-же неизбѣжна, сколько бóльшею частію ничѣмъ не подкрѣплена. Въ общемъ употребленіи были какъ вульгаризмы, такъ и афри-

охотно, нежели въ другихъ, говорившихъ по-латыни восточныхъ странахъ. И въ вызванной новою вѣрою литературѣ, отличавшейся преимущественно полемическимъ содержаніемъ; Африканцы, писавшіе по-латыни, занимали руководящее положеніе вслѣдствіе того, что римская церковь принадлежала въ ту пору къ греческой сферѣ (стр. 537). До исхода этого періода, вся христіанская литература была африканской въ той мѣрѣ, въ какой она была латинской; Тертулліанъ и Кипріанъ были родомъ изъ Карѳагена, Арнобій изъ Сикки, а Лактанцій и, по всему вѣроятію Минуцій Феликсъ, не смотря на свой классическій латинскій языкъ, были Африканцы, равно какъ ранѣе упомянутый и жившій немного позднѣе ихъ Августинъ. Въ Африкѣ созидавшаяся церковь нашла самыхъ ревнострыхъ приверженцевъ и самыхъ даровитыхъ представителей. Для литературной борьбы за религію Африка выставила самыхъ многочисленныхъ и самыхъ способныхъ подвижниковъ, своеобразность которыхъ находила для ниспроверженія старыхъ боговъ вѣрное и могущественное орудіе то въ краснорѣчивомъ изложеніи, то въ остроумныхъ насмѣшкахъ, облеченныхъ въ форму басенъ, то въ гнѣвномъ бичеваніи. Во всей древности нельзя найти ничего подобнаго тому душевному настроенію, которое отъ бурныхъ житейскихъ страстей переходитъ къ пылкому религіозному воодушевленію и которое выразилось въ Исповѣди Августина.

канскіе провинціализмы [сравн. Eph. epigr. 4, стр. 250 о прозвищахъ, оканчивающихся на—osus]; но что такія формы, какъ glorificare, sanctificare, iustificare принадлежатъ ко второй категоріи, еще вовсе не слѣдуетъ изъ того, что мы находимъ ихъ прежде всего въ Африкѣ, такъ какъ относительно Капуи и Милана мы не имѣемъ такихъ-же документовъ, какіе имѣемъ относительно Карѳагена, какъ напримѣръ въ произведеніяхъ Тертулліана.